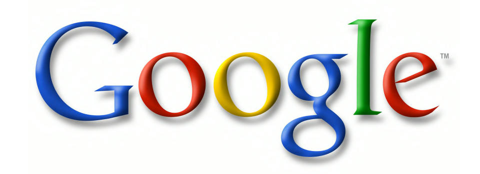

VE
RI
TAS

**КНЯГИНЯ ВАРВАРА ИВАНОВНА ИТАЛІЙСКАЯ,
ГРАФИНЯ СУВОРОВА-РЫМНИКСКАЯ.**

Дозв. ценз. 13 марта 1897 г. Спб.

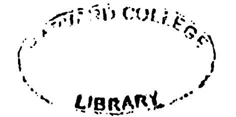

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ LXVIII

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXVIII

1897

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1897

UNIVERSITY
LIBRARY

СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛѢ [1].

VI.

Общество оказалось чрезвычайно пестрое. Съ одной стороны тутъ были сливки деревенской аристократіи: урядникъ, въ присвоенномъ его званію мундирѣ, человѣкъ уже очень почтеннаго возроста съ необыкновенно задумчивымъ лицомъ; писарь очень маленькаго роста, черный, какъ тараканъ, вертлявый, нервный, постоянно оскаливавшій зубы; старшина, почтенный старецъ, упорно молчавшій въ продолженіе всего времени, что пріѣзжіе провели здѣсь, выпивавшій молча и закусывавшій основательно; дама въ бѣломъ чепцѣ, оказавшаяся экономкой жившаго прежде въ этихъ мѣстахъ и владѣвшаго окрестностью помѣщика Залихватскаго, который уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ окончилъ свое поприще, распродавъ всю землю по мелочамъ и въ настоящее время занимался по необходимости государственной службой, и наконецъ пономарь мѣстнаго прихода, длинный и тоненькій человѣкъ въ длиннѣйшемъ кафтанѣ, съ коротенькой и жиденькой косичкой, которая тутъ же на затылкѣ и брала свое начало, такъ какъ вся остальная голова была у него лысая. Возрость этого человѣка не было никакой возможности опредѣлить. Лицо у него было маленькое, щечки пухлыя, бородка, на которой

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 777.

можно было пересчитать всѣ волосы, была лишена какого бы то ни было опредѣленнаго цвѣта. По характеру онъ подходилъ къ старшинѣ и тоже занимался больше тѣмъ, что выпивалъ, закусывалъ, а въ общемъ разговорѣ участія не принималъ.

Другая часть гостей Голопузова составлялась пріѣзжими. Это очевидно были приглашенные изъ другихъ мѣстъ. Нѣсколько торговцевъ изъ города, среди нихъ мясникъ и лабазникъ, еврей, по фамиліи Шпицель, котораго важно называли Іосифомъ Веніаминовичемъ, державшій кабаки и бакалеи такъ же точно, какъ и Голопузовъ, но область его начиналась верстахъ въ двадцати отсюда, и потому онъ Голопузову конкуренціи не представлялъ и жилъ съ нимъ дружно.

— Это, братецъ ты мой,—тихонько объяснялъ отецъ Гурій Маккавееву,—все народъ выжига. Тутъ что ни человѣкъ, то мошенникъ первой степени. Вонъ этотъ самый мясникъ Тимошкинъ: онъ у своего хозяина, у котораго прежде на посылкахъ служилъ, всю выручку ограбилъ, да на эти деньги лавку открылъ. А этотъ Іосифъ Веніаминовичъ—такъ я тебѣ скажу, я самъ помню, какъ его всѣ еще Іоськой звали. Паршукъ такой былъ, что прямо, бывало какъ увидишь его, то такъ и хочешь ногой раздавить... А теперь посмотри—Іосифомъ Веніаминовичемъ сталъ. И какъ самъ преобразился. Ничего въ немъ прежняго Іоськинаго и не осталось: и пейсы снялъ, и бородку брѣетъ, и усы закручиваетъ. Совсѣмъ сталъ на человѣка похожъ. Всѣ они, братецъ ты мой, на моихъ глазахъ изъ ничтожества выросли и всѣ до одного изъ того пошли, что ловко хапали. Вѣдь и Голопузова прежде всѣ Архипкой называли, а теперь такъ его вонъ даже урядникъ и тотъ Архипомъ Авдеичемъ величаетъ. Ну, братецъ ты мой, и компанія же, я тебѣ скажу.

— Отецъ Гурій,—такъ же тихонько промолвилъ Маккавеевъ, пользуясь тѣмъ, что среди гостей завязалась какая-то жаркая бесѣда,—такъ зачѣмъ же мы въ эту компанію попали?

— Ну, милый, когда надобно въ четыре дня жениться, такъ еще и не въ такую компанію попадешь. А погоди-ка, пожалуйста, я совсѣмъ и забылъ, вѣдь надо же дьякону въ городъ письмо послать. Архипъ Авдеичъ,—громко обратился онъ къ Голопузову,—у васъ, я думаю, каждый день кто нибудь въ городъ ѣздитъ?

— А какъ же, иной разъ и два раза посылаемъ. Вотъ нынче къ примѣру водки-то не хватаетъ, такъ надо заборъ дѣлать... Много мы ее не держимъ, потому отъ нея еще несчастье можетъ случиться, загорится, либо что. Знаете, въ деревнѣ это опасно...

— Такъ значитъ сегодня посылаете?

— Обязательно. А вамъ что, нужда какая, отецъ дьяконъ?

— Да я бы записочку послалъ своему товарищу. А то, видите, маленько запоздалъ, такъ чтобы онъ за меня седьмицу началъ.

— Такъ сдѣлайте милость. Пожалуйте вонъ туда въ контору...

Тамъ у меня и бумага и чернила есть, а человѣкъ мой какъ разъ теперь лошадь запрягаетъ, скоро и въ городъ снимается...

Отецъ Гурій поднялся и направился по его указанію въ сосѣднюю маленькую комнатку, гдѣ на подоконникѣ лежали большія конторскія книги. Очевидно, Голопузовъ не чуждъ былъ бухгалтеріи и велъ отчетъ своей торговлѣ. Тутъ же стояла высокая конторка съ вставленной въ нее чернильницей. Отецъ Гурій принялся писать письмо.

Маккавеевъ, который и съ самаго начала никакъ не могъ освоиться съ этимъ обществомъ, въ ту минуту, когда отецъ Гурій ушелъ въ контору, почувствовалъ себя еще болѣе чужимъ. Да на него и смотрѣли какъ-то странно. Отецъ Гурій на этотъ разъ почему-то воздержался отъ сообщенія его полнаго титула и никому не сказалъ, что онъ богословъ, только что кончилъ курсъ, получилъ мѣсто и прочее, какъ онъ обыкновенно объявлялъ во всѣхъ поповскихъ домахъ, гдѣ были взрослыя дочери... Маккавеевъ не зналъ, сдѣлалъ ли онъ это умышленно по какому нибудь чрезвычайно тонкому плану, или просто позабылъ. Но фактъ тотъ, что послѣ ухода отца Гурія Маккавеевъ окончательно затосковалъ.

У компаніи были порядочно красныя лица; всѣ достаточно уже выпили, разговоръ былъ у нихъ свой, тянулся непрерывно, съ большимъ жаромъ, и на Маккавеева, какъ на какого-то родственника городского дьякона, никто не обращалъ вниманія. Его очевидно терпѣли здѣсь не ради него самого, а только ради почтеннаго отца Гурія.

И онъ сидѣлъ въ сторонкѣ. Ему даже забыли предложить пирога, или какую нибудь закуску. Только бывшая экономка помѣщика Залихватскаго, очевидно женщина сердобольная, обратила на него вниманіе и пододвинула къ нему свой стулъ.

— А вы тоже изъ духовныхъ будете?—спросила она,—потому какъ вы родственникъ духовнаго лица, такъ, должно быть, и сами духовный...

Маккавеевъ сперва осмотрѣлъ ее, какъ бы стараясь по наружности рѣшить вопросъ, стоитъ ли вообще посвящать ее въ тайну своего бытія. А затѣмъ, найдя, что у нея лицо довольно добродушное, что еще усиливалось краснымъ цвѣтомъ ея пухлыхъ щекъ и влажными отъ выпитой водки глазами, онъ рѣшилъ дать ей удовлетворительный отвѣтъ.

— Да, изъ духовнаго,—отвѣтилъ онъ.—Только вотъ, какъ видите, самъ-то я еще свѣтскій.

— Такъ это-жъ все равно, всѣ духовные прежде свѣтскими бываютъ... Я очень люблю духовныхъ, страсть какъ люблю...

— Почему же вы ихъ любите?

— Какъ же можно не любить духовныхъ? Духовныхъ надо любить... Это обязательно.

— Да за что же?

— Да какъ за что? Какъ же это такъ, чтобы духовныхъ и не любить... Они за насъ молятся. А отчего вы не закусите?—прибавила бывшая экономка.—Какъ же такъ? на именинахъ и не закусывать!

— Да я не ѣхалъ на именины,—откровенно отвѣтилъ ей Егоръ.—Мы такъ, случайно попали.

— Ну, это все равно. Попали, такъ надо закусывать. А пить—вы не пьете?

— Нѣтъ, не пью,—сказалъ Маккавеевъ.

— Научитесь. Непремѣнно научитесь, потому ежели духовное лицо, такъ ему не пить никакъ невозможно. Никакъ невозможно,—съ большимъ выраженіемъ повторила она.

— Почему же невозможно?

— Невозможно. Что же это за духовное лицо, которое не пьетъ? Нѣтъ, это невозможно...

Маккавеевъ убѣдился, что у бывшей экономки помѣщика Залихватскаго есть очень твердыя и непоколебимыя убѣжденія, но что мотивировать ихъ она не въ состояніи. Поэтому онъ уже больше не задавалъ ей вопроса—почему, а вѣрилъ ей на слово. Она указала ему взглядомъ на молоденькую бабенку, рослую, но какъ-то непропорціонально сложенную: при большомъ ростѣ у нея была очень узкая грудь, на слишкомъ длинной шеѣ маленькая голова, и вообще она, не смотря на довольно миловидное лицо, производила впечатлѣніе чего-то несуразнаго.

— Вотъ и она тоже духовная,—пояснила экономка.

— Какъ духовная?—спросилъ Маккавеевъ, въ первую минуту не сообразивъ, какимъ образомъ дама можетъ оказаться духовной особой.

— А какъ же, это дочка Архипа Авдеича, старшая... Она замужемъ за сыномъ отца Мемнона, дьякона.

— Такъ отчего же она духовная?

— А такъ и выходитъ, потому онъ сынъ дьякона, ну, значитъ духовнаго званія.

Маккавеевъ приглядѣлся къ духовной дочери Голопузова и замѣтилъ, что она довольно часто подноситъ ко рту рюмку съ водкой и вообще изрядно выпиваетъ, не уступая въ этомъ мужчинамъ.

Повидимому, онъ не оправдалъ надеждъ бывшей экономки, оказавшись ненаходчивымъ собесѣдникомъ, и она оставила его въ покоѣ. Послѣ этого, до возвращенія отца Гурія изъ конторы, на него уже никто не обращалъ вниманія.

Сквозь полупьяный говоръ гостей до слуха его долетали странные звуки. Онъ прислушивался, и въ этихъ звукахъ, отдаленныхъ и неясныхъ, слышалось ему что-то стройное. Его опытное ухо, привыкшее къ хоровымъ пѣснопѣніямъ, очень явственно различало

мотивъ, только словъ нельзя было разобрать. Но по мотиву онъ совершенно опредѣленно заключалъ, что пѣснопѣніе было не церковное. Онъ подумалъ: «это, должно быть, этотъ самый отецъ Мемнонъ съ своими чадами какую нибудь пѣсню разучиваетъ. Вотъ тоже удивительное занятіе. Какіе только люди бываютъ на свѣтѣ! Вотъ живешь, живешь въ семинарскомъ корпусѣ десять лѣтъ, разнымъ наукамъ обучаешься, а какъ вступишь въ жизнь, такъ на каждомъ шагу все новое да новое. Сколько я за эти дни новаго перевидалъ, точно во снѣ! И отецъ Серапіонъ съ его печальной исторіей, и его дочка съ ея откровеннымъ совѣтомъ, и отецъ Пафнутій съ шестью дочерьми... Вотъ и они тоже хоромъ поютъ, да только не такъ... Кажись, они своимъ пѣніемъ денегъ не зарабатываютъ. А тутъ-то сколько чудесъ: и этотъ урядникъ съ задумчивымъ лицомъ, и молчаливый старшина, и эта добрая, но, кажется, глупая женщина, и эта молоденькая бабенка, которая водку пьетъ, какъ отставной фельдфебель... и этотъ Іосифъ Веніаминовичъ, бывшій Іоська, и самъ Голопузовъ... Куда ни глянь, все новое для меня. И отъ всего глаза разбѣгаются. И чему только, Господи, учился я цѣлыхъ десять лѣтъ; самому-то главному и не научился. Вотъ теперь и не знаю, какъ на нихъ смотрѣть и о чемъ съ ними разговаривать и какъ вообще обходиться съ ними».

И онъ рѣшилъ вообще никакъ не обходиться, а довольствоваться своей молчаливой ролью наблюдателя изъ довольно дальняго угла. И рѣшивъ отвести себѣ столь безучастную роль, Маккавеевъ уже окончательно занялся своими мыслями, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что передъ нимъ происходило. Поэтому онъ и не замѣтилъ, какъ въ комнатѣ появилось новое лицо, и только тогда очнулся, когда раздался возгласъ Голопузова:

— А вотъ это, отецъ дьяконъ, моя младшая дочка.

Маккавеевъ поднялъ голову и увидѣлъ разомъ два новыхъ явленія. Съ одной стороны отецъ Гурій, очевидно, окончивъ посланіе соборному дьякону, вышелъ изъ контоны и остановился на порогѣ, а съ другой стороны явилась дѣвица, которая была вся въ Голопузова. Огромная, плечистая, тяжеловѣсная, съ мужественнымъ лицомъ, съ толстѣйшей косой, спускавшейся ниже пояса. Егоръ посмотрѣлъ на нее и почему-то вообразилъ, что его и въ самомъ дѣлѣ женятъ на ней. «Но вѣдь она непремѣнно бить меня будетъ».

Но его и съ дѣвицей не познакомили; вообще для него становилось все болѣе и болѣе ясно, что его въ этомъ обществѣ только терпѣли. Самолюбіе его отъ этого нисколько не страдало; онъ только никакъ не могъ понять, въ чемъ тутъ заключается политика отца Гурія.

А между тѣмъ отецъ Гурій подсѣлъ къ нему и, говоря ему на ухо, раскрылъ передъ нимъ свои карты.

— Я, братецъ ты мой, ужь и не говорю, что ты богословъ. Это

чтобы ты могъ сперва приглядѣться, чтобы не возбуждать напрасныхъ надеждъ, а то ты мнѣ столько скандаловъ уже устроилъ, что ну тебя къ Богу. Коли тебѣ не нравится, такъ и уѣдемъ, не сказавшись, тогда я что нибудь совру, скажу, что ты въ пономари поступаешь, за пономаремъ-то они не погонятся.

Въ это время къ нему подошелъ Голопузовъ и началъ усиленно звать его къ столу.

— Да что же это вы, отецъ дьяконъ, никакой чести намъ не хотите сдѣлать, хоть бы пирога отвѣдали. Вонъ какъ онъ на васъ смотритъ. Пирогъ-то какой! Это дочка моя младшая дѣлала. Она у меня по кухонной части прямо чудеса производитъ. Вотъ,— продолжалъ очень громко Голопузовъ, повидимому, уже здорово нахлеставшись,— могу сказать, что ежели кто возьметъ ее за себя замужъ, такъ пищей доволенъ будетъ! То-есть такъ она готовитъ, что и повару за ней не угнаться,— говорилъ Голопузовъ съ торжественнымъ видомъ, очевидно, полагая, что дѣлаетъ своей дочери величайшую рекламу. При этомъ онъ широко размахивалъ руками, такъ какъ языкъ у него не особенно былъ находчивъ на слова... Онъ продолжалъ: — И это что? Я прямо говорю, что даю за своей дочкой двадцать тысячъ чистоганомъ. Мнѣ не жаль для своего дѣтища, ничего не жаль. Я не скрываю, за старшей пятнадцать отпустилъ, а за младшей всѣ двадцать дамъ. Отчего не дать, коли есть... Мнѣ что-жъ, мнѣ не брать ихъ съ собою на тотъ свѣтъ.

Въ это время что-то отвлекло Голопузова въ сторону, и отецъ Гурій успѣлъ шепнуть Маккавеву на ухо:

— А ты, Егоръ Трофимовичъ, на всякій случай ознакомься съ нею, можетъ, она и золото, почемъ знать. Ты не смотри, что пьяная компанія. Бываетъ, братецъ ты мой, и въ навозной кучѣ жемчужное зерно. Знаешь, какъ въ баснѣ Крылова написано...

Маккавеевъ не ждалъ никакихъ утѣшительныхъ результатовъ отъ предстоящаго ознакомленія съ навозной кучей и въ томъ числѣ съ дочкой Голопузова, но, тѣмъ не менѣе, онъ хотѣлъ добросовѣстно отнестись къ своимъ обязанностямъ. Онъ спросилъ:

— Какъ же я ознакомлюсь съ нею?

— Да очень просто. Сходи внизъ, какъ будто что нибудь въ повозкѣ забылъ, а мы ее потомъ какъ нибудь тоже спровадимъ; вотъ ты тамъ разговоръ и затѣй. Тутъ долго думать да придумывать не приходится. Запопалъ на дорогѣ и знакомься. Про двадцать-то тысячъ слыхалъ? Онъ не вретъ, деньги хорошія, ежели имъ толкъ дать.

Но Маккавеевъ не успѣлъ на это отвѣтить. Едва только онъ началъ собираться съ мыслями, имѣя въ виду, разумѣется, прежде всего всячески отбояриться отъ этого путешествія, какъ дверь изъ комнаты налѣво растворилась, и появился подъ предводительствомъ отца Мемнона весь его хоръ.

Отецъ Мемнонъ шелъ впереди, но, пройдя нѣсколько шаговъ по направленію къ гостямъ, вдругъ остановился, и тогда по обѣ стороны его начали группироваться хористы и хористки. Самъ отецъ Мемнонъ былъ небольшого роста, тоненькій и худенькій. Онъ въ центрѣ всей этой родственной плеяды всѣмъ своимъ видомъ какъ бы говорилъ о томъ, что онъ ежедневно и всечасно только и дѣлаетъ, что кормитъ и грѣетъ ихъ. Видимо, человѣкъ весь ушелъ на эту кормежку.

Черты лица у него были мелкія и чрезвычайно подвижныя. Маленькіе глазки безпокойно бѣгали, волосы курчавые, землистаго цвѣта, подымались высоко надъ головой въ видѣ взбитой копны сѣна.

Онъ поднялъ правую руку и отворотилъ повыше широкій рукавъ своей сѣрой рясы. Въ маленькой ручкѣ его оказался довольно увѣсистый камертонъ. Онъ извлекъ изъ него звукъ двумя пальцами другой руки, затѣмъ поднесъ камертонъ къ уху и, обращаясь взорами на оба крыла, вполголоса задалъ тонъ. Потомъ онъ поднялъ руку съ камертономъ, и въ тотъ моментъ, когда онъ руку опустилъ, началось пѣніе хора.

Это было очень стройное и доброгласное пѣніе. Исполняли чрезвычайно трудную и запутанную пѣсню: «Ой закувала та сыза Зозуля». Басы выдѣлывали необыкновенно капризныя и неожиданныя штуки, въ особенности отличался стоявшій на самомъ краю лѣваго крыла (по лѣвую сторону отца Мемнона стояли мужчины, а справа дѣвицы), отличался по басовой части, мужчина средняго роста, плечистый, съ какъ-то умышленно выпяченной грудью впередъ, съ залихватски закрученными кверху усами, съ странной для этого общества прической а ла-капуль. Онъ обладалъ рѣзкимъ и крикливымъ голосомъ, который покрывалъ собою весь хоръ. Кромѣ этого, у него очевидно было много самоувѣренности, не достававшей другимъ персонажамъ. Маккавеевъ какъ-то невольно обратилъ на него вниманіе и, воспользовавшись удобной минутой, спросилъ тихонько отца Гурія.

— Кто этотъ съ закрученными усами?

— А это же и есть зять Голопузова, отца Мемнона сынокъ.

— Экое у него лицо, Господи прости!—сказалъ Маккавеевъ.— Словно его нарочно такимъ сдѣлали...

— Да ужъ Господь Богъ отмѣтилъ,—не удержался и высказался таки отецъ Гурій. Но сейчасъ же тихонько толкнулъ Маккавеева въ бокъ въ знакъ того, что нельзя разговаривать, и они оба замолчали и начали слушать.

Весь хоръ состоялъ изъ десяти душъ, и десятымъ былъ самъ отецъ Мемнонъ. Дѣвицъ было пять, изъ нихъ двѣ дочери отца Мемнона, а три дальнія и ближнія родственницы. Лѣвое крыло составляли два сына отца Мемнона и два племянника.

Маккавеевъ находилъ, что поютъ хорошо, и что вообще, если имъ платятъ за это пѣніе деньги, то не даромъ платятъ.

— «Да,—думалъ онъ, глядя на всю эту компанію,—если отцу Мемнону всю эту ораву надо кормить да еще одѣвать, такъ удивительнаго ничего нѣтъ въ томъ, что онъ хоровымъ дѣломъ промышляетъ. Тутъ не то что хоръ,—и плясать начнешь, коли всѣ они ѣсть да пить запросятъ».

Хоръ кончилъ пѣніе; гости начали одобрительно кричать и всячески шумѣть. Требовали еще. Но отецъ Мемнонъ какимъ-то альтовымъ голосомъ отказывался.

— Невозможно,—говорилъ онъ,—только это и успѣли повторить. Нотъ съ собою не взяли, вотъ она бѣда въ чемъ. Ну, а впрочемъ, впослѣдствіи, можетъ, и другое споемъ, а теперь знаете, какъ сказано, кому на умъ пойдетъ на желудокъ пѣть голодный...

— А и въ самомъ дѣлѣ,—подхватилъ Голопузовъ,—какъ же это мы, не накормивши соловьевъ, пѣть ихъ заставляемъ? Пожалуйте, отецъ Мемнонъ, пожалуйте всѣ, милости просимъ.

Хоръ не заставилъ долго упрашивать себя, и дѣвицы и молодые люди какъ-то необыкновенно стремительно подбѣжали къ столу и начали звенѣть ножами и тарелками.

Дѣвицы съ удивительною для ихъ нѣжнаго пола жадностью набрасывались на съѣстное. Маккавеевъ, глядя на это, вспомнилъ бурсу, давнюю бурсу, которая еще въ годы его младенчества прекратилась, и ему представилось, какъ голодные бурсаки набрасываются на миску съ борщемъ или на блюдо съ вареннымъ мясомъ. Но то были голодные бурсаки, а это дѣвицы въ корсетахъ и въ платьяхъ съ претензіями на моду, и онѣ же не гдѣ нибудь въ чужомъ домѣ, а въ родственномъ. Очевидно, это просто была у нихъ такая манера.

И вспомнилъ Маккавеевъ также то время, когда онъ нѣсколько мѣсяцевъ по недоразумѣнію пѣлъ въ архіерейскомъ хорѣ. Говорили, что у него былъ голосъ; можетъ, и былъ, но только по дальнѣйшемъ изслѣдованіи слуха никакого не оказалось, и онъ былъ скоро извергнутъ. Такъ какъ въ это время случились праздники, то ему пришлось вмѣстѣ съ другими пѣвчими ходить по купцамъ съ поздравленіемъ. И вотъ именно съ такою точно жадностью набрасывались пѣвчіе на съѣстное, когда въ какомъ нибудь домѣ ихъ приглашали къ столу.

— «Можетъ, это пѣніе такъ дѣйствуетъ на человѣка, что онъ становится жаднымъ»,—подумалъ Маккавеевъ.

Старшій сынъ отца Мемнона держалъ себя нѣсколько иначе, чѣмъ другіе хористы. Онъ и въ хорѣ-то участвовалъ только, какъ любитель, по особой просьбѣ отца. Въ прежнее время, конечно, онъ былъ настоящимъ хористомъ, когда состоялъ на иждивеніи отца Мемнона, но теперь онъ и жилъ отдѣльно, да и не нуждался въ этомъ кустарномъ занятіи. Онъ держалъ себя здѣсь, какъ дома, и

не только не имѣлъ вида гостя, а даже къ другимъ обращался по-хозяйски, упрашивая выпивать и закусывать.

— А я вижу,—говорилъ онъ своимъ разбитымъ басомъ,—вы далеко уѣхали... Надо пуститься во весь карьеръ, чтобы догнать васъ. Ну, и догонимъ, что за важность...

Онъ налилъ себѣ четыре рюмки, которыя поставилъ рядомъ, и затѣмъ, не моргнувъ глазомъ, выпилъ ихъ всѣ по очереди.

— «Вотъ такъ искусникъ»,—подумалъ Маккавеевъ, который вообще былъ неопытенъ въ дѣлѣ выпиванія и не видалъ еще близко настоящихъ пьяницъ. Правда, видѣлъ онъ отца Серапіона, но въ такомъ печальномъ положеніи, что предпочиталъ объ этомъ даже не вспоминать.

Отецъ Мемнонъ не принималъ участія въ этой атакѣ именинная стола. Онъ медленно подошелъ къ отцу Гурію и чинно поздоровался съ нимъ.

— Въ городъ или изъ города ѣдете, отецъ Гурій?—спросилъ отецъ Мемнонъ.

— Изъ города. Тутъ въ окрестности дѣльце имѣю... Такъ неважное дѣльце, больше чтобъ проѣздиться, знаете. Надоѣстъ и въ городѣ сидѣть да пыль глотать...

— Это—конечно. Куда-жъ, развѣ можно сравнивать... У насъ въ деревнѣ благодать...

И отецъ Мемнонъ началъ очевидно лицемѣрно расхваливать преимущества деревенской жизни. Въ душѣ онъ всѣми силами завидовалъ отцу Гурію, который пользовался всѣми преимуществами соборнаго дьякона. Но неизвѣстно, зачѣмъ не хотѣлъ въ этомъ прямо сознаться.

— Э! что ваша казацкая лошадь, видалъ я ее, ничего она не стоитъ,—говорилъ зять Голопузова, обращаясь къ уряднику, рядомъ съ которымъ сидѣлъ теперь:—вотъ я недавно купилъ лошадку, такъ это, я вамъ скажу, дѣйствительно... Вотъ вы любитель, ну, и оцѣните... Да, хотите, я вамъ покажу, она здѣсь... Я вамъ говорю, увидите, пальчики оближете, и не дорого продаю. У меня правило—больше двадцати процентовъ на капиталъ не наживать. Желаете, сейчасъ могу показать? Вотъ и папаша можетъ засвидѣтельствовать... Папаша, вы видали моего новаго коня?..

Маккавеевъ невольно прислушивался къ этимъ рѣчамъ и былъ чрезвычайно пораженъ, когда на обращеніе это откликнулся не отецъ Мемнонъ, а Голопузовъ. Оказалось, что папашей-то онъ называлъ именно Голопузова, а отецъ Мемнонъ даже не поднялъ голову; для него очевидно было другое названіе.

Дальнѣйшій ходъ этого разговора ускользнулъ отъ Маккавеева, такъ какъ вниманіе его занялось другимъ обстоятельствомъ. Отецъ Мемнонъ все какъ-то искоса поглядывалъ на него, а отецъ Гурій, какъ на зло, не знакомилъ ихъ. Это удивляло Маккавеева. Обыкно-

венно, при первой же встрѣчѣ отецъ Гурій не безъ нѣкоторой даже гордости спѣшилъ выставить его, Егора Маккавеева, впередъ и первымъ дѣломъ заявлялъ: а вотъ это, позвольте представить вамъ, мой родственникъ, богословъ и по фамиліи тоже Маккавеевъ, кончилъ курсъ, получилъ приходъ и прочее... А теперь отецъ Гурій упорно хранилъ въ тайнѣ на счетъ его богословства, а съ отцомъ Мемнономъ даже вовсе отказался знакомить его.

Зналъ Маккавеевъ, что отецъ Гурій склоненъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгать къ политикѣ, но этой политики, которую онъ преслѣдовалъ въ данномъ случаѣ, онъ никакъ раскусить не могъ. Между тѣмъ, отецъ Мемнонъ началъ что-то подозрѣвать, потому что все какъ-то ходилъ вокругъ да около Егора: нѣтъ, нѣтъ, да и взглянетъ на него, да еще такимъ выразительнымъ взглядомъ, который какъ будто словами спрашивалъ: «а ты, молъ, что за птица? ужъ не женихъ ли»?

И долго крѣпился отецъ Мемнонъ, выдерживая характеръ, но наконецъ подсѣлъ таки вторично къ отцу Гурію и издалека повелъ разговоръ.

— Такъ по дѣлу, говорите, отецъ Гурій?—спросилъ онъ какъ будто и небрежно, словно такъ, безъ всякой цѣли.

— Да, неважное дѣльце,—отвѣтилъ отецъ Гурій точно такимъ же тономъ.

— А молодого человѣка, должно быть, для компаніи везете?

— Ну, какая онъ мнѣ компанія. Знаете, онъ плохая компанія.

— А что такое? Развѣ того... умомъ не вышелъ или какъ?..

— Да какъ бы вамъ сказать. Не то, чтобы глупъ былъ, этого не могу сказать, а такъ, неудачный онъ какой-то...

— Онъ сродственникъ вамъ?..

— Дальній. Сирота круглый, вотъ мнѣ его жалко стало, я и захватилъ съ собой.

— Въ чемъ же неудача-то, отецъ Гурій? Вѣдь курсъ-то онъ кончилъ, полагаю?

— Изъ чего же это вы полагаете, отецъ Мемнонъ? Напрасно вы полагаете...

— Значитъ нѣтъ?—пытливо допрашивалъ отецъ Мемнонъ.

— То-то и оно, что нѣтъ, изъ второго класса выпущенъ за малоуспѣшность,—промолвилъ отецъ Гурій, нѣсколько понижая голосъ, очевидно ради того, чтобы Маккавеевъ не слышалъ, да и вообще весь этотъ разговоръ велся съ такимъ именно расчетомъ.

— Что же такъ?—спросилъ отецъ Мемнонъ, и въ тонѣ его слышалось даже сочувствіе, которому отецъ Гурій, впрочемъ, не повѣрилъ.

— Да такъ, знаете, за малоуспѣшность...

— Гм... Скажите, пожалуйста. А оно, знаете, не видно...

— То есть какъ же это? Изъ чего же это можно видѣть? Оно,

конечно, на лбу у него не написано, что онъ за малоуспѣшность выключенъ.

— Да, нѣтъ, не то, а лицо у него, знаете, бойкое, въ глазахъ умъ виденъ...

— Ну, знаете, въ глазахъ, можетъ, и умъ, а въ головѣ дурь. Это бываетъ, отецъ Мемнонъ...

Это было странное заблужденіе со стороны отца Гурія—думать, что Маккавеевъ не слышитъ ихъ разговора. Отецъ Гурій понадѣялся на необычайный шумъ въ комнатѣ, такъ какъ порядочно уже пьяная компанія городила всякую дичь, обращаясь прямо къ стѣнамъ и не различая лицъ. Но у Маккавеева былъ очень тонкій слухъ, хотя это и не было признано регентомъ архіерейскаго хора, который въ свое время забраковалъ его. Онъ слышалъ все отъ слова до слова, и въ душѣ у него было великое недоумѣніе. На этотъ разъ отецъ Гурій лгалъ до такой степени невѣроятно, что Маккавеевъ даже усомнился въ его добрыхъ чувствахъ. Съ какой это стати онъ его дуракомъ и осломъ изображаетъ? И развѣ можно это долго скрывать отъ отца Мемнона, что онъ вовсе не выключенъ изъ второго класса, а кончилъ курсъ и богословъ, какъ слѣдуетъ быть. Вѣдь не сегодня, такъ завтра, все равно это узнается.

— «Ужъ это, должно быть, у отца Гурія языкъ такой, что онъ и самъ не знаетъ, что говоритъ»,—подумалъ Егоръ Трофимовичъ. И ему вдругъ захотѣлось пододвинуться къ нимъ да прямо и ляпнуть: и что вы такое, молъ, разсказываете про меня, никто никогда меня не выключалъ изъ второго класса, а есть я богословъ, студентъ богословія, вотъ и все.

Но онъ, разумѣется, воздержался, какъ воздерживался отъ всѣхъ блестящихъ мыслей, когда либо приходившихъ ему въ голову. Все-таки вѣра въ отца Гурія, его тонкій умъ и необыкновенную предусмотрительность, взяла верхъ, и онъ еще разъ допустилъ, что, можетъ быть, у отца Гурія и есть какія нибудь неизвѣстныя ему основанія.

— А мнѣ онъ симпатиченъ,—продолжалъ отецъ Мемнонъ, поглядывая въ сторону Маккавеева.—Что это вы, отецъ Гурій, не познакомите его съ нами, вотъ и со мной, и съ племянниками, и съ дѣвицами,—все-таки имъ веселѣй будетъ.

— Да оно можно, — какъ-то странно встрепенувшись, отвѣтилъ отецъ Гурій.—Только... только... гм... погодите маленько, отецъ Мемнонъ, тутъ дѣльце есть. Слушай, Егоръ Трофимовичъ, я совсѣмъ забылъ, сходи-ка внизъ, да погляди тамъ на счетъ корма лошадямъ, а то вѣдь кучеръ дуракъ, онъ ляжетъ въ повозку да и заснетъ, а лошади воронъ считать будутъ.

Маккавеевъ посмотрѣлъ на него возражающимъ взглядомъ. «Какого чорта я туда пойду?—спрашивалъ этотъ взглядъ и даже больше:—

«надоѣли мнѣ ваши фантазіи, отецъ Гурій», — казалось, говорилъ онъ.

И отецъ Мемнонъ, какъ тонкій наблюдатель, тотчасъ же замѣтилъ это и подчеркнулъ:—Ну, что вы, отецъ Гурій, молодого человѣка неволите: что ему тамъ съ лошадьми дѣлать? Видите, какъ ему не хочется.

— Нѣтъ, поди, поди, голубчикъ, а то я безпокоюсь на счетъ лошадей...

— Да не ваши лошади, отецъ Гурій,—настойчиво продолжалъ отецъ Мемнонъ:—вѣдь наемныя.

— А что-жъ что наемныя? везти-то обратно въ городъ онѣ будутъ, а не другой кто. Надо ихъ покормить толкомъ. Ну, пойди, Егоръ Трофимовичъ. Экій ты лѣнтяй, ей-Богу.

Маккавеевъ поднялся. На него уже опять нашла обычная апатія, и уже онъ опять былъ покорнымъ орудіемъ въ рукахъ отца Гурія. «Не все ли мнѣ равно—пойти или тутъ остаться? Хочетъ онъ, чтобъ я пошелъ, я и пойду».

И онъ направился къ двери и вышелъ.

Отецъ Гурій послѣ ухода Маккавеева постарался какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ отца Мемнона. Впрочемъ, это было и нетрудно. Отецъ Мемнонъ хорошо зналъ человѣческую душу, а въ особенности, если этотъ человѣкъ былъ духовнаго званія. По какимъ-то неуловимымъ признакамъ онъ догадался, и почти навѣрное рѣшилъ, что молодой человѣкъ, путешествующій съ отцомъ Гуріемъ, есть не болѣе не менѣе, какъ кончившій богословъ и женихъ, и что отецъ Гурій ищетъ для него невѣсту. Догадался онъ объ этомъ, конечно, не по наружности Маккавеева и тѣмъ менѣе по рѣчамъ его, такъ какъ рѣчей Маккавеева онъ не слышалъ. Что же касается наружности Егора Трофимовича, то она ровно ничего не говорила. Такая могла быть и у богослова, и у академика изъ бѣдныхъ, и у выгнаннаго изъ второго класса.

А главнымъ основаніемъ догадки отца Мемнона было знаніе слабости, которая была свойственна отцу Гурію. Ужъ раза три въ годъ отецъ Гурій непремѣнно появится въ уѣздѣ въ сопровожденіи какого нибудь изможденнаго бурсацкими хлѣбами молодого человѣка въ нескладной одеждѣ. И этотъ молодой человѣкъ обыкновенно жадными глазами осматриваетъ всѣхъ попутныхъ дѣвицъ, выбирая между ними себѣ жену. У Маккавеева не было жадныхъ глазъ. Ну, такъ что-жъ изъ этого, не всѣ жъ на одинъ образецъ, этотъ, можетъ быть, и иной. А все-таки отецъ Гурій возитъ его, какъ жениха. Можетъ, онъ и не богословъ, можетъ, даже и то правда, что онъ со второго класса выгнанъ, да это ничему не мѣшаетъ. Выключенный изъ второго класса можетъ получить дьяконское мѣсто. Самъ отецъ Мемнонъ даже и до второго класса не дошелъ, а кончилъ только духовное училище и едва понюхалъ семинарію. Былъ онъ принятъ

на усмотрѣніе въ низшее отдѣленіе, называвшееся тогда реторикой, но усмотрѣніе оказалось не въ его пользу, и черезъ три мѣсяца его попросили удалиться. И вотъ онъ получилъ дьяконское мѣсто, преблагополучно на немъ хвалитъ Имя Господне и кормитъ многочисленное семейство.

Но такъ какъ отецъ Мемнонъ убѣдился, что обычнымъ путемъ отъ отца Гурія ничего не добьешься, то и оставилъ его въ покоѣ, рѣшившись положиться всецѣло лишь на собственный умъ.

Отцу Гурію этого только и надо было. Когда отецъ Мемнонъ присоединился къ выпивавшей компаніи и довольно горячо вступилъ въ разговоръ съ урядникомъ, поддерживая сына въ его похвалѣ новой лошади, отецъ Гурій присосѣдился къ дочкѣ Голопузова, которую звали Аграфеной Архиповной.

— А знаете, что я васъ попрошу, Аграфена Архиповна, коли у васъ доброе сердце, а оно навѣрно доброе... Такъ сдѣлайте вы Божескую милость...

— А что такое, отецъ дьяконъ?—бойко спросила Аграфена, которая вообще всему и всѣмъ прямо смотрѣла въ глаза и не страдала застѣнчивостью.

— Да кучеръ у меня тамъ есть, человѣкъ онъ хотя и наемный, а все же человѣкъ, и покормить его надо. Такъ вотъ вы бы его и покормили...

— Ахъ, хорошо, я сейчасъ пошлю ему...

— Нѣтъ, ужъ сдѣлайте милость, вы не посылайте. Ужъ если ваша доброта... такъ вы сами вынесите, а то, знаете, прислуга—народъ невѣрный: со мной еще недавно такой случай былъ вотъ у отца Пафнутія... Попросилъ я вотъ такъ, какъ васъ теперь, его дочку, Марью Пафнутьевну: отошлите, говорю, моему кучеру что нибудь выпить и закусить. А она тоже вотъ такъ, какъ вы, и говоритъ мнѣ: хорошо, говоритъ, отецъ Гурій, я сейчасъ пошлю. Вышла это въ кухню и говоритъ служанкѣ: вотъ тебѣ, говоритъ, кусокъ пирога и стаканъ водки, снеси, говоритъ, кучеру отца Гурія. Та взяла да выйти-то вышла, а ни пирога ни водки не донесла. Сама водку выпила на дорогѣ и пирогомъ закусила, такъ мой кучеръ и проголодалъ весь день.

Тутъ отецъ Гурій остановился и провѣрилъ самъ себя. Эта исторія насчетъ стакана водки и куска пирога вылилась изъ его головы совершенно неожиданно для него самого. За минуту передъ тѣмъ онъ не зналъ, что такъ именно совретъ, и онъ теперь соображалъ, не хватилъ ли черезъ край, не сказалъ ли чего нибудь неправдоподобнаго. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Такъ вотъ, Аграфена Архиповна, ужъ будьте вы такая милостивая, снесите сами.

— Ну, ладно,—сказала Аграфена,—я, пожалуй, снесу... Это я для васъ, отецъ дьяконъ.

— Ну, вотъ и отлично, а я лишній разъ на проскомидіи имя ваше помяну... Такъ мы и поквитаемся...

Аграфена поднялась и пошла къ двери. Весь этотъ разговоръ между ними происходилъ въ полголоса. Отецъ Гурій по крайней мѣрѣ старался говорить какъ можно тише и полагалъ, что такъ какъ отецъ Мемнонъ, повидимому, весь поглощенъ защитой своего сына противъ урядника, который теперь, подъ вліяніемъ выпитой водки, уже какъ будто утратилъ мирныя качества своего нрава и довольно сильно отстаивалъ свои убѣжденія, то онъ никоимъ образомъ не можетъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ въ дальнемъ углу и притомъ у него за спиной.

Но у отца Мемнона, кажется, были глаза и на спинѣ. Какъ только Аграфена поднялась и повернулась къ двери, отецъ Мемнонъ какъ бы нечаянно оглянулся и такъ странно повелъ носомъ, точно онъ былъ не дьяконъ, а заяцъ, почуявшій охотника. Однако, онъ сдѣлалъ видъ, что это до него не касается, и продолжалъ разговоръ. Отцу Гурію даже показалось, что въ сущности онъ ничего и не замѣтилъ, а только такъ случайно оглянулся. Это была ошибка: отецъ Мемнонъ все замѣтилъ и принялъ къ свѣдѣнію.

Аграфена зашла сперва въ кухню, отрѣзала кусокъ пирога и налила стаканчикъ водки. Потомъ она спустилась внизъ по лѣстницѣ и, выйдя изъ дома, начала пристально осматривать окрестность, стараясь разглядѣть, гдѣ именно находится экипажъ отца Гурія. Фасоны всѣхъ другихъ экипажей ей были хорошо извѣстны. Поэтому она легко отличила кибитку соборнаго дьякона.

Ей помогъ еще одинъ случайный признакъ. Экипажъ отца Гурія стоялъ въ ряду другихъ самымъ крайнимъ. Лошади были распряжены и, обращенныя головами къ повозкѣ, мирно жевали подсыпанный имъ голопузовскій овесъ. Кучеръ сидѣлъ на передкѣ, свѣсивъ ноги въ пространство. Тутъ же рядомъ стоялъ пріѣзжій молодой человѣкъ. Вотъ туда она и направила свои стопы.

Когда она была отъ нихъ шагахъ въ двадцати, Маккавеевъ взглянулъ въ ту сторону и узналъ ее. «Вѣдь вотъ,—подумалъ онъ,— отецъ Гурій таки выслалъ ее. И какую хитрость выдумалъ, водку съ пирогомъ пустилъ въ ходъ. Что же я съ нею буду дѣлать!».

Аграфена въ это время приблизилась уже къ нимъ.

— Это соборнаго отца дьякона кучеръ?—спросила она звучнымъ, грубоватымъ голосомъ, въ которомъ, однако-жъ, не было ничего непріятнаго.

— Точно отца дьякона,—отвѣтилъ кучеръ и, завидѣвъ, съ какимъ приложеніемъ идетъ хозяйская дочь, почтительно пріосанился и спустилъ ноги на землю. Теперь онъ уже стоялъ рядомъ съ Маккавеевымъ.

— Такъ вотъ, выкушай. Это отецъ дьяконъ просилъ тебѣ вынести, — сказала Аграфена.

— Покорно благодаримъ,—отвѣтилъ кучеръ и, снявъ шапку, принялъ отъ Аграфены и водку и пирогъ.

— А вы что-жъ туда не идите?—промолвила Аграфена, обратившись къ Маккавееву.—Можетъ, вамъ непріятно, что пьяные? Такъ это что-жъ? Это всегда, когда люди соберутся, непремѣнно пьяные бываютъ...

— Отчего-жъ непремѣнно?—спросилъ Маккавеевъ. — Можно и безъ пьянства.

— Гдѣ-жъ таки безъ пьяныхъ... Всѣ пьютъ, оттого и пьяные бываютъ... При томъ папашины именины, какъ тутъ не выпить.

— Нѣтъ, я не оттого,— отвѣтилъ Маккавеевъ,— а такъ... Душно тамъ.

— Это правда, что душно... А вы бы въ садикѣ прохладились...

— А гдѣ же вашъ садикъ?

— А я вамъ покажу... Онъ у насъ тутъ, по ту сторону дома. Пойдемте, коли хотите.

Маккавеевъ послѣдовалъ за нею и въ это время думалъ: «ну, что-жъ, надо ее какъ нибудь задержать съ собой, да поговорить... А то вѣдь отецъ Гурій потомъ опять нападетъ на меня. Скажетъ, что и поговорить толкомъ не умѣю. Только, что я съ ней буду разговаривать? О чемъ бы такомъ ее спросить?»

Въ это время они проходили какъ разъ мимо настежь раскрытыхъ дверей кабака, и на Маккавеева оттуда, какъ изъ бочки, пахнуло водочнымъ ароматомъ.

— Какъ вы можете этакъ-то жить?—промолвилъ онъ своей спутницѣ:—у васъ тутъ постоянно водкой пахнетъ.

— А какъ же иначе?— довольно просто возразила Аграфена.— Ежели тутъ кабакъ, такъ и водкой пахнетъ. Отъ кабака не можетъ быть запаха деревяннаго масла.

— А развѣ вамъ не противно?

— Привыкла... Первое время, когда еще маленькой была, такъ у меня отъ этого запаха бывало голова кружилась... А теперь совсѣмъ привыкла.

— Ну, ужъ не знаю, какъ къ этому можно привыкнуть...

Онъ увидѣлъ невдалекѣ маленькій садикъ, какъ-то странно огороженный посреди пустой площадки и ни къ чему не пріуроченный. «Ну, вотъ,—подумалъ онъ,—доведетъ она меня до садика и сама назадъ пойдетъ, а я еще толкомъ не поговорилъ съ нею. О чемъ бы ее еще спросить?»

— А вы тутъ постоянно живете? — спросилъ онъ, хотя вопросъ этотъ былъ довольно страненъ, такъ какъ гдѣ же дочери Голопузова жить, какъ не въ домѣ отца ея...

— А то какъ же... А гдѣ же еще?

— Нѣтъ, я думалъ, что, можетъ, вы въ городѣ живали...

— А для какой надобности въ городѣ? Чего я тамъ не видала?

— Многіе въ городѣ живутъ изъ-за ученія...

— Какого такого ученія?

— Да вотъ въ гимназіи или въ пансіонѣ какомъ нибудь...

Аграфена довольно звонко разсмѣялась.—Вотъ еще! Да для чего она мнѣ, гимназія-то? Папаша меня научилъ читать, да писать, да на счетахъ... Съ меня и того довольно... Вотъ моя старшая сестра Мареуша... вотъ которая за сыномъ отца Мемнона замужемъ... такъ та и писать не можетъ, а еле-еле только по складамъ читаетъ... Да для чего мнѣ?

— Ну, какъ же для чего? Мало ли для чего это можетъ пригодиться? Наконецъ, просто такъ, пріятно...

— Ну, ужъ не знаю, въ чемъ эта пріятность... А вы сами развѣ очень учены?

— Не очень, а все-таки учился... А вы въ саду не хотите пройтись?—спросилъ Маккавеевъ. Когда они дошли до узенькой калитки садика, ему показалось, что Аграфена хочетъ тутъ остановиться.

— Нѣтъ, отчего-жъ, я съ удовольствіемъ. Только, можетъ, мамаша меня искать будетъ... А мнѣ таки порядкомъ надоѣла эта пьяная компанія. У насъ вездѣ пьяные—и тамъ внизу въ кабакѣ пьяные, и тамъ наверху урядникъ и Мареушинъ мужъ уже нализались до того, что, кажется, скоро другъ другу синяки будутъ ставить.

— А отчего вы замужъ не выходите? — вдругъ спросилъ Маккавеевъ, желая какъ можно поскорѣе подойти къ настоящему предмету.

— А за кого мнѣ выходить? Настоящій человѣкъ не сватается, да и нѣтъ ихъ тутъ въ нашей округѣ, настоящихъ-то людей, все шваль какая-то... Вотъ недавно изъ Малеевки писаревъ сынъ пріѣзжалъ. И тоже самъ въ писаря поступаетъ... Такъ какая жъ это мнѣ партія!.. Папаша за мной денегъ двадцать тысячъ даетъ, такъ съ какой стати я за писарскаго сына пойду!..

— А вотъ же ваша сестра вышла за Гордіева.

— Такъ то Гордіевъ; онъ все-жъ таки дьяконскій сынъ. И притомъ изъ военныхъ, у него и видъ есть и все... За него не стыдно замужъ пойти... Еслибъ только не пьяница...

— А онъ пьетъ?

— Здорово лупитъ... То-есть такъ жретъ водку, что ни одному изъ деревенскихъ пьяницъ за нимъ не угнаться, а въ пьяномъ видѣ драться начинаетъ и Мареушку нашу бьетъ...

Въ это время изъ кабака послышались возбужденные голоса. Маккавееву показалось, что тамъ произошла драка; потомъ оттуда выскочило нѣсколько мужиковъ, и ссора продолжалась уже на свѣжемъ воздухѣ. Слышались бранныя слова. Народу все прибавлялось, и двигались они по направленію къ садику... Дама его стала невнимательно относиться къ его рѣчамъ и видимо прислушивалась къ тому, что происходитъ у кабака.

— Ну, и народъ же паскудный,—съ большой экспрессіей промолвила Аграфена и вдругъ довольно быстро направилась къ калиткѣ.

— Эй вы! потише тамъ!—зычнымъ голосомъ крикнула она пьянымъ. — Нечего около кабака драку заводить.

— А гдѣ же ее заводить-то, если не около кабака?—послышался громкій, но весьма нетвердый голосъ, потомъ еще какіе-то голоса, и затѣмъ вдругъ Маккавеевъ явственно разслышалъ глубоко бранное слово, направленное по адресу Аграфены.

Онъ покраснѣлъ; но не замѣтилъ, чтобы на даму его это произвело особенно глубокое впечатлѣніе.

— А ты потише, сякой-такой (при этомъ Аграфена произнесла нѣсколько болѣе или менѣе сильныхъ словъ), а не то я сейчасъ урядника позову. Урядникъ-то здѣсь, у папаши.

— А мы и твоего папашу и урядника вмѣстѣ хвостами свяжемъ, да и въ рѣчку плавать пустимъ,—отозвался кто-то изъ пьяной компаніи.

— Оставьте ихъ, — промолвилъ Маккавеевъ, подойдя къ Аграфенѣ,—охота вамъ съ ними заводить разговоръ, вѣдь отъ пьяныхъ ничего разумнаго не добьешься.

— Ну, нѣтъ, я имъ этого такъ не спущу, — кричала Аграфена, сжимая кулаки, и при этомъ лицо ея сдѣлалось краснымъ, а въ глазахъ появилась свирѣпость:—я имъ покажу... Я урядника... Какъ же можно позволить такія слова...

— Оставьте, полно,—попробовалъ унять ее еще разъ Маккавеевъ.

Но въ это время у самой изгороди садика только съ другой стороны отъ калитки появилась маленькая фигурка въ длинной рясѣ. Маккавеевъ взглянулъ и узналъ въ ней отца Мемнона. Очевидно, онъ прошелъ не мимо дверей кабака, а другимъ путемъ, обойдя домъ справа, и такимъ образомъ не былъ замѣченъ мужиками. Этимъ и объяснилось, что изъ пьяной компаніи не раздалось ни одного слова по его адресу.

— А, и вы тутъ?—нѣжнымъ голосомъ промолвилъ отецъ Мемнонъ. — А мнѣ душно стало, такъ я того, выйду, думаю, прохладиться... А васъ, Аграфена Архиповна, тамъ мамаша спрашиваетъ, уже давно ищетъ. Гдѣ, говоритъ, она запропастилась... Идите, идите, а то мамаша сердится.

— Мамаша постоянно сердится,—сердито откликнулась Аграфена.

Пьяная группа въ это время, повидимому, значительно уже отодвинулась отъ кабака и, должно быть, забыла объ Аграфенѣ и ея угрозахъ урядникомъ. Голоса раздавались издали глухо, и уже нельзя было ничего разобрать.

— Ей-Богу, даже по саду съ человѣкомъ прогуляться нельзя, безъ Аграфены не могутъ шагу ступить, — попрежнему сердито говорила Аграфена. — Аграфена у нихъ словно лошадь водовозная...

— Да вы не сердитесь, Груня,—мягко, породственному, сказалъ ей отецъ Мемнонъ,—а идите къ мамашѣ... Ну, а потомъ... потомъ опять придете...

Маккавеевъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣлъ на то, какъ отецъ Мемнонъ во что бы то ни стало хотѣлъ удалить отсюда Аграфену, и лицо у отца Мемнона при этомъ было хитрое, прехитрое. «И какой они все хитрый народъ, —думалъ Маккавеевъ,—и только я одинъ дуракъ дуракомъ. И какъ бы это мнѣ хитрымъ стать?..»

Аграфена наконецъ ушла. Маккавеевъ остался вдвоемъ съ отцомъ Мемнономъ. Они направились по дорожкѣ въ глубь садика.

— Охъ, и пьяно же тамъ, страшное дѣло. Особенно мой любезный сынокъ нахлестался...

— А вы бы его останавливали, отецъ дьяконъ. А то, знаете, молодой человѣкъ и вдругъ этакъ-то напивается... Это даже вредно...

— Я самъ говорилъ ему. Когда нибудь, говорю, тебя кондрашка хватитъ. Но ничего не помогаетъ, такой ужъ онъ у меня неудачный, съ малыхъ лѣтъ такой былъ...

— То-есть какъ, съ малыхъ лѣтъ водку пилъ?—спросилъ Маккавеевъ.

— Нѣтъ, не то, а такой, знаете, разбойникъ. Бывало такъ и норовитъ какую нибудь пакость сдѣлать. Примѣрно, ежели вы строите, скажемъ, огородъ и грядки накопали, такъ онъ улучитъ минуту, когда никого нѣтъ, прибѣжитъ и грядку испортитъ, камней въ нее натаскаетъ, или что нибудь такое, лишь бы зло сдѣлать. Такой характеръ...

Съ минуту отецъ Мемнонъ помолчалъ, а Маккавеевъ не зналъ, о чемъ еще съ нимъ заговорить. Отецъ Мемнонъ вынулъ изъ кармана большой цвѣтной платокъ и началъ вытирать вспотѣвшее лицо, потомъ вдругъ разсмѣялся тоненькимъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Хе, хе, ну, и чудакъ же вашъ отецъ Гурій, вотъ чудакъ-то... Насмѣшилъ онъ меня.

— Чѣмъ это?

— Да какъ же, про васъ такія чудеса разсказываетъ. Будто вы по малоуспѣшности изъ второго класса выгнаны... Кто же этому повѣритъ?.. Шутникъ отецъ Гурій...

И при этомъ Маккавеевъ очень хорошо слышалъ, что смѣхъ отца Мемнона былъ искусственный, и что онъ внимательно слѣдилъ за выраженіемъ лица Егора, искоса поглядывая на него однимъ глазомъ.

— А почему же бы мнѣ не быть выгнаннымъ изъ второго класса?—спросилъ Маккавеевъ.—Развѣ мало бываетъ такихъ?

— Э, да знаете, оно, конечно, бываетъ. Я самъ, напримѣръ, за малоуспѣшность былъ исключенъ, такъ вѣдь человѣка же сейчасъ видно...

— Изъ чего же видно?

— Да изъ всего... Съ лица видно...

— Ну, знаете, по лицу судить трудно. Что же, напримѣръ, изъ моего лица видно?

— А то и видно, что вы вовсе не выгнаны изъ второго класса, а, какъ я полагаю, кончили полный курсъ... И такъ я вамъ скажу, что отецъ Гурій захотѣлъ подшутить надо мной и здорово подшутилъ. Кончили вы курсъ... И пришли къ отцу Гурію и говорите: вотъ, отецъ Гурій, надобно мнѣ невѣсту сыскать и женить меня. А отецъ Гурій по этой части у насъ ходокъ, ужъ сколькихъ онъ переженилъ, такъ это и не сочтешь. Я думаю, что если у него въ жизни будетъ куча добрыхъ дѣлъ, такъ за всѣ эти самыя женитьбы все-таки онъ въ адъ попадетъ.

— Отчего же за это въ адъ?—спросилъ Маккавеевъ, заинтересовавшись оригинальной точкой зрѣнія дьякона.

— А непремѣнно въ адъ. Какъ же иначе? Женить человѣка вѣдь это значитъ взять, да, какъ говорится въ писаніи, и повѣсить ему камень жерновный на выю. Вотъ оно что значитъ... Примѣрно, я,—былъ выгнанъ, дѣйствительно, этого не отрицаю. Но когда я былъ одинъ себѣ, мнѣ это было рѣшительно наплевать... Три рубля въ мѣсяцъ заработалъ и сытъ. А какъ женился, сейчасъ это, кромѣ своихъ собственныхъ дѣтей, изъ всѣхъ угловъ родня полѣзла, по женской линіи значитъ. Тамъ двоюродная сестра, тутъ племянница, а тамъ какіе-то дальніе, Богъ ихъ знаетъ, и названія не подберешь, и всѣхъ ихъ обязанъ я кормить. Потому, какъ же не кормить, когда у нихъ рты есть и рты голодные. Вотъ что значитъ женить человѣка.

— А вѣдь не жениться нельзя, — возразилъ Маккавеевъ,—духовное лицо обязательно должно быть женато.

— Я и не говорю. Жениться надо, конечно. Хе, хе, — вдругъ опять ударился въ веселый тонъ отецъ Мемнонъ и при этомъ поднялъ свою маленькую ручку и потрепалъ по спинѣ Маккавеева:— ну, признайтесь же, признайтесь, вы богословъ, и отецъ Гурій вамъ невѣсту ищетъ, а? и были вы уже и у отца Серафима, и у отца Серапіона, и у отца Пафнутія, а? Вѣдь я эту канитель знаю. Маршрутъ отца Гурія мнѣ очень даже хорошо извѣстенъ.

Маккавеевъ не сразу отвѣтилъ. Въ сущности ему слѣдовало бы держаться сообщеній отца Гурія, но съ одной стороны онъ не понималъ, зачѣмъ это отецъ Гурій выдумалъ про него такія нелѣпости, и полагалъ, что рано или поздно его настоящее званіе все-жъ таки откроется, и тогда стыдно будетъ людямъ въ глаза смотрѣть, а съ другой стороны онъ просто не умѣлъ лгать, и у него языкъ не повернулся сказать отцу Мемнону, такъ явственно изложившему передъ нимъ истинное положеніе дѣлъ, что это неправда.

И у Маккавеева явилось сильное желаніе бросить всю эту канитель и отвѣтить отцу Мемнону по совѣсти. Собственно отецъ Мемнонъ своей персоной нисколько не располагалъ его ни къ от-

кровенности, ни къ желанію сдѣлать ему пріятное, но ему надоѣло это приставаніе. Отецъ Мемнонъ подлинно присталъ къ нему, какъ банный листъ, и видно было, что этотъ человѣкъ не отстанетъ, пока не извлечетъ изъ него то, что ему было нужно. Но когда ему нужно было уже говорить, онъ вспомнилъ обо всѣхъ услугахъ, оказанныхъ ему отцомъ Гуріемъ, и языкъ у него не повернулся. Вѣдь отецъ Гурій потомъ будетъ обиженъ, а за что? Вѣдь ничего, кромѣ добраго, онъ ему не сдѣлалъ. И онъ опять сдѣлалъ попытку отдѣлаться отъ отца Мемнона фразой.

— Я не знаю, откуда все это вы взяли, отецъ дьяконъ,— сказалъ онъ.—Развѣ, можетъ, отецъ Гурій надъ вами подшутилъ?

— Хе, хе, хе, подшутилъ. Да, онъ шутникъ, отецъ Гурій, это что и говорить. Только подшутилъ онъ надо мной съ другой стороны. Онъ, знаете, любитъ этакъ сочинить исторійку. Ха, ха, ха,— вдругъ чрезвычайно весело разсмѣялся отецъ Мемнонъ, хотя Маккавееву въ этомъ смѣхѣ слышалось что-то не совсѣмъ какъ бы настоящее.—Ха, ха, ха! Вотъ какую штуку отецъ Гурій одинъ разъ сыгралъ, да съ кѣмъ? съ цѣлымъ уѣздомъ...

— Какую штуку?—спросилъ Маккавеевъ, обрадовавшись, что отецъ Мемнонъ перевелъ разговоръ, повидимому, на другой предметъ.

— Штуку-то? Гм... а штука-то вотъ какая...—и отецъ Мемнонъ почему-то медлилъ и мямлилъ, какъ будто не былъ достаточно готовъ къ предстоящему разсказу. Можетъ быть, онъ какъ разъ въ это время и думалъ о штукѣ, которой еще не было у него въ головѣ. И, казалось, онъ ее придумалъ, потому что вдругъ опять заговорилъ довольно быстро и безъ запинки.

— А вотъ какая штука, я вамъ скажу... Одинъ разъ вотъ этакъ-то, какъ съ вами, появился онъ въ уѣздѣ съ молодымъ человѣкомъ, длинный такой былъ и усастый... Ѣздитъ, какъ водится, по поповскимъ домамъ, невѣсту ищетъ и говоритъ, что дескать молодой человѣкъ не болѣе не менѣе, какъ архіерейскій племянникъ... Ну, конечно, какъ онъ архіерейскій племянникъ, такъ сейчасъ на него взоры обратились. Потому, знаете, нашему брату очень даже выгодно къ архипастырю въ родню попасть, и ѣздитъ это, знаете, и запрашиваетъ, страсть какъ запрашиваетъ, меньше трехъ тысячъ даже разговаривать не желаетъ. И, я вамъ скажу, понатужились наши попики и чуть не всѣ согласны были дочекъ своихъ за архіерейскаго племянника выдать, а онъ не особенно-то сговорчивъ... Этакъ, знаете, посмотритъ, посмотритъ, плечами пожметъ, да и дальше, ну, и надыбалъ таки дѣйствительно красивую, тутъ у одного попика, недалеко отсюда, и четыре тысячи деньгами взялъ, а потомъ, по разсмотрѣніи дѣла оказалось, что нисколько онъ даже не родственникъ архіерею, а такъ простой смертный... Вотъ какія штуки бываютъ съ отцомъ Гуріемъ. Отецъ Гурій человѣкъ умный, онъ ежели

за дѣло берется, такъ съ толкомъ. Вотъ я и полагаю, что и тутъ онъ присочинилъ... Ну-ка, признайтесь.

— Такъ позвольте же,—возразилъ Маккавеевъ,—тамъ хоть выгода была какая нибудь... А здѣсь я совсѣмъ не понимаю, зачѣмъ ему было бы лгать...

— Какъ зачѣмъ?.. А очень даже просто. Онъ человѣкъ основательный, сперва хочетъ высмотрѣть, гдѣ что получше... а потомъ и выборъ сдѣлаетъ... Да, ну, разсказывайте. Развѣ я не видѣлъ, какъ вы присматривались къ дѣвицамъ, словно богатый мужикъ на конской ярмаркѣ къ лошадямъ присматривается... Ей-ей!.. А вы по какому разряду кончили по первому или по второму?

Маккавеевъ послѣ этого вопроса сталъ втупикъ. Выходило такъ, какъ будто для отца Мемнона уже не было сомнѣнія и оставалось рѣшить только этотъ второстепенный вопросъ, по какому разряду онъ кончилъ. И какъ спрашиваетъ человѣкъ, прямо такъ въ глаза и говоритъ. Удивительно!

Но поэтому-то именно, что отецъ Мемнонъ слишкомъ ужъ нахально залѣзалъ къ нему въ душу, у Маккавеева явилось нѣкотораго рода упорство, совсѣмъ не свойственное его натурѣ, и онъ ни за что не хотѣлъ удовлетворить любопытство отца Мемнона. Онъ какъ-то весь умственно напрягся и старался выжать изъ своего ума всю дипломатическую хитрость, какая только въ немъ могла бы найтись. И выжалъ таки, и такъ хорошо выжалъ, что даже самъ удивился.

— То-есть вы хотите знать,—сказалъ онъ,—по какому разряду я исключенъ, по первому или по второму?

Отецъ Мемнонъ вдругъ схватился за бока и покатился со смѣху, а Маккавеевъ смотрѣлъ на этотъ эффектъ и самъ дивился тому, какъ это пришло ему въ голову.

— Ха, ха, ха!—весело заливался отецъ Мемнонъ,—ну, я вижу, что вы такой же шутникъ, какъ и отецъ Гурій... вотъ такъ сказали. По какому, говоритъ, разряду исключенъ... а это правда, что бываетъ, когда и по первому разряду исключаютъ. Это—ежели волчій билетъ даютъ. Ужъ это вѣрно, что тогда будетъ первый разрядъ. Нѣтъ, ей-Богу, вы мнѣ ужасно нравитесь; а позвольте узнать, какъ же ваша фамилія? Отецъ Гурій такъ и не сказалъ...

— Моя фамилія? Да фамилія моя—Маккавеевъ.

— Какъ? Тоже Маккавеевъ? Такъ вы значитъ дѣйствительно родственникъ?

— А то какъ же? Разумѣется, родственникъ.

— Гм... а это правда?

— То-есть что собственно, что я родственникъ?

— Что вы Маккавеевъ? Что-то мнѣ не вѣрится... Да, не вѣрится, знаете...

У отца Мемнона явилось особое соображеніе: ему казалось, что

если молодой человѣкъ дѣйствительно Маккавеевъ и родственникъ отца Гурія, то тогда и въ самомъ дѣлѣ можно предположить, что онъ не богословъ, а исключенный за малоуспѣшность. Маккавеевъ— ужъ была фамилія больше дьячковская да дьяконская, чѣмъ іерейская. Огромное большинство Маккавеевыхъ, которыхъ было достаточно въ губерніи, принадлежало къ низшему духовному сану.

— Такъ вы не того, не сочиняете?— продолжалъ спрашивать отецъ Мемнонъ.—А, можетъ, чѣмъ нибудь доказать можно?

— Конечно, можно. Вотъ, право, какой вы странный отецъ дьяконъ, чего это я буду на счетъ своей фамиліи врать.

— А у васъ бумага есть?—неотступно приставалъ отецъ Мемнонъ.

— А какъ же, разумѣется, есть бумага...

— И посмотрѣть можно, а?—вкрадчиво и мягко говорилъ отецъ Мемнонъ.

— Да, сдѣлайте милость, посмотрите... Вотъ странно, отчего-жъ нельзя посмотрѣть бумагу, она не запрещенная.

И Маккавеевъ полѣзъ рукой въ карманъ, но вдругъ въ это время вспомнилъ, что въ этой бумагѣ полностью прописано: «дѣйствительный студентъ семинаріи», то-есть въ просторѣчіи богословъ, и сказано тамъ, что назначенъ ему приходъ, и рука его вдругъ какъ-то сама собой отпала отъ кармана.

Онъ замялся:—Ахъ, знаете, я бумагу-то у отца Гурія оставилъ... Я совсѣмъ забылъ.

— Э, нѣтъ, ужъ этому я не повѣрю. Ужъ бумагу-то вы мнѣ покажите,— совершенно увѣреннымъ тономъ возразилъ отецъ Мемнонъ.

— Да нѣтъ же у меня, право, нѣтъ,— говорилъ крайне неувѣренно Маккавеевъ.

— Разсказывайте, разсказывайте, навѣрно бумага въ карманѣ... Э, что тутъ, право, мы же люди свои: и я духовный, и вы духовный... Э, молодой человѣкъ, и что вамъ, право, церемониться... Вѣдь, ей-Богу, пустое дѣло показать бумагу, ну, что такое? Да, ну же, покажите...

При этомъ отецъ Мемнонъ обнялъ его лѣвой рукой и какъ-то необыкновенно игриво трепалъ его правой рукой по плечу.

— А что,—говорилъ онъ, шутливо, попріятельски заглядывая ему въ глаза:—что ежели я возьму, да и достану. Что вы мнѣ тогда сдѣлаете?

— Какъ же это вы достанете?—не безъ удивленія спросилъ Маккавеевъ.

— А такъ вотъ, хе-хе, возьму да и разстегну пуговицы вашего сюртука, вотъ этакъ, хе-хе...

И онъ въ самомъ дѣлѣ началъ разстегивать ему пуговицы.

— Нѣтъ, какъ же это... Такъ нельзя, отецъ дьяконъ,— безпомощно возражалъ Маккавеевъ, которому никогда еще въ жизни не приходилось испытать такой приступъ.

— А отчего же нельзя? Я что жъ, я подружески... Вѣдь это не то, что, напримѣръ, разбойникъ на большой дорогѣ. Я кошелекъ у васъ не вытащу... Да у васъ и въ кошелькѣ-то навѣрно ничего нѣтъ... Да и кошелекъ есть ли еще... Ага, хе-хе-хе... А вы того... боитесь щекотки?

И въ то время, какъ Маккавеевъ началъ было удивляться этому неожиданному вопросу, отецъ Мемнонъ какъ-то чрезвычайно ловко приближался пальцами правой руки къ его подмышкѣ.

— А вотъ я васъ пощекочу, ей-ей... Ага, боитесь, боитесь...

Маккавеевъ весь какъ-то сжался, холодная дрожь пробѣжала у него по спинѣ, потому что его потрясало даже одно слово «щекотка»: до такой степени онъ этого боялся.

— Нѣтъ, ужъ, отецъ дьяконъ, пожалуйста... Ради Бога, я страшно боюсь, пожалуйста,— умоляющимъ голосомъ говорилъ онъ.

А отцу Мемнону кажется только этого и надо было.

— Ага, ага, а вотъ я васъ пощекочу... Ха, ха, ха...

И онъ какъ-то необыкновенно ловко, быстрымъ движеніемъ подсунулъ руку подъ мышку Маккавееву. Маккавеевъ взвизгнулъ и присѣлъ накорточки.

— Отецъ дьяконъ... оте-е-цъ дья-яконъ... вопилъ онъ, сильно прижавъ обѣ руки къ бокамъ и зажавъ такимъ образомъ подъ ними ладони отца Мемнона.

— А покажите бумагу, покажите бумагу... Сейчасъ и отпущу, ей-ей...

Маккавеевъ сидѣлъ накорточкахъ и боялся сдѣлать малѣйшее движеніе. Это была въ высшей степени живописная группа. Отецъ Мемнонъ нагнулся надъ нимъ и тихонько пощекотывалъ его легкимъ движеніемъ пальцевъ, желая все время держать его въ своей власти. Лицо Маккавеева выражало истинный ужасъ. Лицо отца Мемнона смѣялось, и по глазамъ его было видно, что онъ уже предвкушалъ полную побѣду.

— А покажите бумагу,— повторялъ отецъ Мемнонъ,— ну, вотъ, ей-Богу же, сейчасъ отпущу и больше не буду...

— Покажу... ей-ей, сейчасъ покажу... Только отпустите...

— А вы не врете?

— Ну, вотъ, ей-Богу же, покажу.

— Ага, смотрите, вы побожились.

— Покажу, отецъ дьяконъ... Да пустите же скорѣй...

— Ну, хорошо, я болѣе не буду щекотать васъ. Только смотрите, вы побожились...

И онъ въ самомъ дѣлѣ вынулъ руки изъ-подъ мышекъ Маккавеева. Маккавеевъ поднялся.

— Что же это вы дѣлаете, отецъ дьяконъ? Что это за шутки такія, право?

— А бумагу-то, бумагу?

— Такъ вы хоть отойдите, а то я такъ не могу... Мнѣ все кажется, что вы сейчасъ опять начнете...

— Гм... Отойдите... А какъ вы удерете?..

— Да, нѣтъ, не удеру, ей-ей, не удеру... Я покажу... Я же побожился... Только отойдите, а то я такъ совсѣмъ не могу...

— Ну, ладно...

И отецъ Мемнонъ отступилъ отъ него на два шага. Маккавеевъ полѣзъ рукой въ карманъ и при этомъ съ протестомъ говорилъ:— Только это Богъ знаетъ, что такое... Какъ же это такъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начать щекотать человѣка... Щекоткой отъ человѣка можно Богъ знаетъ чего добиться...

— Ха, ха, ха! А что-жъ, коли вы такъ не хотите показать... Ха, ха, ха!..

— Ну, вотъ вамъ.

Маккавеевъ передалъ отцу Мемнону бумагу, а отецъ Мемнонъ, какъ голодный тарантулъ, жадно вцѣпился въ нее обѣими руками и впился глазами въ строчки. И вдругъ лицо его просвѣтлѣло.

— Вотъ то-то и оно!—промолвилъ онъ:—я же говорилъ, что вы богословъ. Скажите, пожалуйста, какъ отецъ Гурій надо мной посмѣялся? Вотъ этого даже не ожидалъ отъ него. И приходъ-то какой, Окуневка! Га... Вотъ такъ штука... А знаете ли вы, что такое Окуневка? Это, прямо можно сказать, золотое дно. Да, вотъ что такое Окуневка. Такъ это отецъ Гурій на Аграфенѣ васъ женить вздумалъ? А? Хорошъ родственникъ, нечего сказать, вотъ такъ родственничекъ... Ой-ой-ой!..

— А что такое?

— Да помилуйте, какъ же это можно? Первое дѣло, какъ же возможно, чтобы богослова да женить на дочери какого-то тамъ кабатчика... Какое же вамъ уваженіе отъ прихожанъ будетъ? Еще, пожалуй, доходы съ кабака въ приданое возьмете... Вотъ такъ штуку хотѣлъ вамъ удружить отецъ Гурій; это, знаете, я даже не понимаю, какъ это такой умный человѣкъ, какъ отецъ Гурій, и въ такой просакъ.

— А вы же сами вашего сына женили на дочери Голопузова,— возразилъ Маккавеевъ.

— Ну, это, знаете, разница. Это большая разница. Какъ же можно сравнить, что такое мой сынъ, и что такое вы. Мой сынъ шалопай. Онъ пробовалъ и то и это, ужъ я съ нимъ такъ возился, что за одно это меня слѣдуетъ въ рай пустить,—душу мою истерзалъ. Сами видите, что онъ такое: пьяный человѣкъ, и болѣе ничего. Такъ ему туда и дорога. Самая подходящая партія и есть на дочери кабатчика жениться. По крайности своя водка. Вы, можетъ быть, думаете, такъ какъ же молъ ты, дьяконъ, породнился съ кабатчикомъ? Такъ это позвольте-съ, это какъ посмотрѣть. А я не считаю, что я породнился съ Голопузовымъ. Я вотъ, ежели пригла-

ситъ онъ меня въ гости, пріѣду къ нему, ну, и хоръ ему устрою, ну, и прочее. Это отчего-жъ, а вы думаете даромъ? Какъ бы не такъ. Я даромъ ему двухъ словъ не пропою. Онъ мнѣ за каждое пѣніе красненькую платитъ... Съ какой стати? Ну, а второе дѣло, я вамъ скажу, что ежели бы вы на Аграфенѣ женились, такъ такого бобра убили бы, что потомъ всю жизнь каялись бы.

— А что же? Развѣ она...

— Гм... Вы не знаете, конечно, гдѣ вамъ знать. Аграфена всему уѣзду извѣстна. Она водку пьетъ, вотъ что я вамъ скажу...

— Что-то я этого не замѣтилъ.

— Ну, еще бы вы замѣтили. Она чуетъ, что жениха, да еще такого почтеннаго, привезли, вотъ она и удерживается. А ежели такъ на свободѣ, такъ я вамъ скажу, она такъ дуетъ сивуху, что съ любымъ мужикомъ поспоритъ...

— Этого не можетъ быть, отецъ дьяконъ,—совершенно увѣренно сказалъ Маккавеевъ.—Это, ужъ вы извините меня, вы сочинили.

— Сочинилъ? Ну, вотъ еще, съ какой стати я стану сочинять!—недостаточно твердо возразилъ отецъ Мемнонъ.—Да я вамъ еще вотъ что прибавлю: эта самая Аграфена, вы думаете, она дѣвица? Это только одно названіе, что она дѣвица, а она...

— Ну, отецъ дьяконъ, этому уже я ни за что не повѣрю...

— Почему жъ вы не повѣрите?

— Да потому, что этого никто не можетъ знать...

— Ну, вотъ какія наивности... А я вамъ говорю, что это такъ и есть, вотъ посмотрите мнѣ въ глаза: развѣ по глазамъ видно, что я говорю неправду? Вѣдь это сейчасъ видно.

Маккавеевъ посмотрѣлъ ему въ глаза и совершенно убѣдился въ томъ, что отецъ Мемнонъ вретъ...

«Какой же онъ, однако,—подумалъ Егоръ Трофимовичъ.—Какъ же можно такъ врать про дѣвицу? И для чего это, я не понимаю... Какой странный дьяконъ»...

Отецъ Мемнонъ, между тѣмъ, вполнѣ увѣренный, что глаза его обманули простодушнаго богослова, продолжалъ съ прежней твердостью:

— Нѣтъ, вы это оставьте, молодой человѣкъ... Егоръ Трофимовичъ, кажется? Я въ бумагѣ-то прочиталъ, да и забылъ. Да вотъ и ваша бумага, возьмите ее, спрячьте, я отцу Гурію не скажу, что читалъ ее. Вы не бойтесь. Такъ вы, говорю, вотъ что, Егоръ Трофимовичъ, вы эту затѣю жениться на Аграфенѣ оставьте. Поѣдемте лучше ко мнѣ, я вамъ такую невѣсту сыщу, какая отцу Гурію и не снилась. Всю жизнь будете благодарить отца Мемнона.

Въ это время они дошли до калитки, и Маккавеевъ, не смотря на то, что отецъ Мемнонъ выразилъ явное намѣреніе вернуться опять въ садъ и продолжать бесѣду, вышелъ изъ сада на площадку.

— Куда же это вы, Егоръ Трофимовичъ?

— Я хочу отца Гурія повидать, можетъ, намъ пора уже ѣхать...

— Какъ ѣхать? Куда ѣхать?..

— Да онъ же говорилъ, что по дѣлу куда-то.

— Эхъ, вы опять за старое и какой же вы крѣпкій... Васъ не собьешь... Ну, пойдемъ. Только я отцу Гурію не скажу, вы не безпокойтесь... Я думаю, тамъ, на верху, они всѣ уже теперь перепились, скоро драку начнутъ... Вотъ помяните мое слово, что драка будетъ. Уже мой сынъ заговорилъ съ урядникомъ о лошадяхъ, такъ ужъ это непремѣнно къ дракѣ, потому урядникъ самъ воображаетъ, что понимаетъ въ лошадяхъ, а сынъ мой ему спуску не даетъ... И это непремѣнно къ дракѣ...

Они прошли черезъ дворъ, обогнули домъ слѣва и затѣмъ повернули направо къ крыльцу. Маккавеевъ вглядѣлся и увидѣлъ у самаго крыльца огромную фигуру въ длинной черной одеждѣ, въ которой безпрепятственно тотчасъ же узналъ отца Гурія.

— Ну, вотъ гдѣ онъ... А я просто голову потерялъ, думаю: гдѣ ты? — кричалъ издали отецъ Гурій и при этомъ весьма подозрительно смотрѣлъ на отца Мемнона.

— Да я по саду прогулялся, отецъ Гурій, — съ великимъ смущеніемъ отвѣтилъ Егоръ Трофимовичъ. Онъ чувствовалъ себя глубоко виноватымъ передъ своимъ родственникомъ.

Они приблизились къ крыльцу. Отецъ Гурій смотрѣлъ сверху внизъ на маленькаго отца Мемнона.

— А вы, отецъ Мемнонъ, совсѣмъ про вашъ хоръ забыли. Тамъ всѣ гости требуютъ пѣсенъ...

— Э, что они понимаютъ... Я вотъ съ молодымъ человѣкомъ прогулялся, пріятную бесѣду вели. Знаете, такъ больше по части разной философіи...

— Философіи? — недовѣрчиво спросилъ отецъ Гурій.

— Да такъ, знаете, про разное... Про житейское... Знаете, какъ поется... «Житейское море! воздвигаемое иногда». Такъ вотъ мы по этому самому житейскому морю и плавали, хе, хе, хе... А пойти спѣть имъ въ самомъ дѣлѣ, отчего не спѣть!

При этомъ отецъ Мемнонъ подмигнулъ Маккавееву совершенно такъ, какъ будто Егоръ Трофимовичъ изъявилъ согласіе быть съ нимъ въ заговорѣ... Затѣмъ онъ мелкой рысцой побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ и скрылся.

Маккавеевъ стоялъ передъ отцомъ Гуріемъ и молчалъ. А отецъ Гурій смотрѣлъ на него съ выраженіемъ укора.

— Я тебѣ дѣвицу послалъ, а ты застрялъ съ этимъ... Господи, прости мои прегрѣшенія... съ этимъ мелкимъ бѣсомъ... Ну, семейка... Этотъ сынъ его просто душу изъ меня вытянулъ. Въ свидѣтели призываетъ. Изволь свидѣтельствовать ему, что караковая—самая лучшая масть... И все потому, что у него караковый жеребецъ

имѣется. Пренахальный народъ. Ну, что-жъ поговорилъ съ дѣвицей?..

— Да я поговорилъ, только немного...

— Да тутъ не важно, чтобы много; важно, чтобы дѣло было...

— Какое-жъ дѣло, отецъ Гурій... Я было началъ говорить, а тутъ пьяные мужики помѣшали, она съ ними браниться стала... А потомъ этотъ вотъ дьяконъ пришелъ и отослалъ ее. Сказалъ, будто мамаша ее спрашиваетъ...

— Навралъ... Никакая мамаша ее не спрашивала... Это онъ тебя обработывалъ?

— Да не то, чтобы... А только, дѣйствительно, приставалъ... Страшно приставалъ...

— И ты все ему выложилъ... Простыня ты этакая...

— Да нѣтъ, отецъ Гурій, я же не сказалъ...

— Небойсь, кто нибудь другой за тебя сказалъ, голосъ свыше... Такъ, что ли?

— Нѣтъ, не то... А онъ, этотъ дьяконъ... Знаете, даже сказать неловко... Вздумалъ щекотать меня... А я щекотки боюсь больше всего на свѣтѣ... Щекочетъ это и говоритъ, ежели бумагу не покажете, такъ все буду щекотать... Ну, а я, когда меня щекочутъ, готовъ не только что бумагу, а готовъ все, что угодно, показать...

— И показалъ? — спросилъ его отецъ Гурій, заливаясь звонкимъ смѣхомъ, такъ какъ, не смотря на все свое негодованіе, онъ вообразилъ, какъ маленькій отецъ Мемнонъ побѣдилъ довольно большого Егора Маккавеева щекоткой.

— Ну, разумѣется, показалъ... Какъ же не показать, когда человѣкъ щекочетъ.

— Фу, ты... Ну, знаешь, я, кажется, сейчасъ поѣду въ городъ, и женись ты тутъ, на комъ хочешь, хоть вотъ на этой свиньѣ, которая идетъ по двору. Вѣдь я съ Голопузовымъ почти что сговорился...

— Какъ сговорились? — съ испугомъ спросилъ Маккавеевъ.

— Да вотъ такъ и сговорился. Конечно, онъ теперь пьянъ, въ трезвомъ видѣ, можетъ, онъ и другое заговоритъ. А только я сказалъ ему, что меньше двадцати пяти тысячъ взять нельзя.

— И чтобъ я женился на этой... дѣвкѣ?..

— Да на комъ же ты хочешь жениться, ну, объясни ты мнѣ это, ради Бога. Ну, хоть дай понять. Чего ты такого ждешь? Возилъ тебя къ попамъ, показывалъ тебѣ поповенъ. Я думаю дюжину пересмотрѣлъ, не понравились. Теперь привезъ къ богатому купцу... Дѣвка рослая, здоровая, щеки румяныя, денегъ даютъ пропасть. Опять не нравится... Чѣмъ же я тебѣ угодить могу?

— Я не знаю, отецъ Гурій, я просто самъ не знаю, — подавленнымъ голосомъ отвѣтилъ Маккавеевъ.

— А коли не знаешь, такъ дѣлай такъ, какъ тебѣ говорятъ,

женись на Аграфенѣ, и больше ничего. Будетъ она тебѣ превосходной женой, баба рабочая, не прихотливая, во всемъ толкъ знаетъ. Что-жъ такое, что кабакъ! Ты вовсе даже не обязанъ ѣздить сюда. Эка важность!.. У иного и нѣтъ кабака, а въ дому у него хуже, чѣмъ въ кабакѣ.

— Отецъ Гурій, я уже теперь на все согласенъ. Жените, на комъ хотите... А только вотъ этотъ дьяконъ говоритъ про Аграфену...

— Что такое онъ говоритъ про Аграфену? Вретъ что нибудь.

— Говоритъ, будто она водку пьетъ, и будто она не дѣвица...

— Самъ онъ водку пьетъ и самъ онъ...

Отецъ Гурій въ порывѣ негодованія хотѣлъ сказать про отца Мемнона, что самъ онъ не дѣвица, но спохватился. И вмѣсто этого промолвилъ: мошенникъ онъ и плутъ, этотъ твой отецъ Мемнонъ, вотъ что я тебѣ скажу. И я ему это отпою. Непремѣнно отпою. Никогда я не слыхалъ про голопузовскую дочку чего нибудь дурного, это онъ выдумалъ и тутъ же сейчасъ выдумалъ, когда съ тобой разговаривалъ. Это онъ хочетъ женить тебя на своей дочкѣ, либо на племянницѣ. Ну, и женись, и будетъ она тебѣ пѣсню пѣть про Зозулю. И приданаго получишь полтора гроша, да еще вся эта семейка пріѣдетъ да на шею тебѣ сядетъ, и будешь ихъ кормить. Это онъ хочетъ тебѣ передать ихъ... Хитеръ тоже. Губа не дура... Ну, такъ вотъ или женись на Аграфенѣ, или я сейчасъ же въ городъ ѣду.

— Какъ хотите, отецъ Гурій. Я больше уже ни слова не скажу.

— Ну, такъ пойдемъ на верхъ. Сейчасъ все и кончимъ...

— Пойдемъ на верхъ...

— Да вотъ только ты не вздумай въ послѣднюю минуту на попятный, а то, видишь, вонъ уже солнце зашло, уже сумерки наступаютъ, ночью-то куда намъ дѣваться... Ну, пойдемъ...

И онъ для вѣрности взялъ даже Маккавеева за рукавъ и повлекъ его на верхъ.

Уже въ то время, когда они подымались по лѣстницѣ, сверху слышались неистово крикливые голоса. Дверь оказалась растворенной настежь, доносились странные звуки, точно передвигали мебель, хватали диваны и кресла и швыряли ихъ на полъ, слышался лязгъ падающей посуды.

— Ужъ не драка ли тамъ? — спрашивалъ отецъ Гурій, — ну, и попали же мы. И надо же было непремѣнно случиться именинамъ. Въ обычное время этотъ Голопузовъ человѣкъ ничего себѣ, да и урядникъ, я его знаю, человѣкъ, какъ слѣдуетъ быть. Вотъ только этотъ зять голопузовскій и въ трезвомъ видѣ все равно, какъ пьяный, такой ужѐ никуда негодный человѣкъ.

Они вошли, и имъ представилась чрезвычайно оригинальная картина. Молодой Гордіевъ, голопузовскій зять, стоялъ въ воин-

ственной позѣ передъ урядникомъ и съ какимъ-то неистовствомъ, что было мочи, выкрикивалъ:

— Караковая... Я тебѣ говорю... Тебѣ говорю... тебѣ, тебѣ... Я тебѣ говорю — караковая...

— Да какъ же ты смѣешь, какъ смѣешь ты со мной такъ разговаривать?—спрашивалъ урядникъ и затѣмъ обращался ко всѣмъ:— какъ онъ смѣетъ?

— Смѣю... Почему не смѣть? Смѣю... Я все смѣю... Потому я въ домѣ своего тестя, своего папаши... Какъ же я не смѣю?

— Да ты кто такой? Кто такой ты есть? Ты выгнанный семинаристъ? А? Въ солдатахъ былъ, да и оттуда прогнали... Ха, ха, ха... Вотъ ты кто такой... Ха, ха...

— Я, я? Кто я такой? Я духовнаго званія. Вотъ кто я такой... А ты скажи мнѣ, кто ты? Урядникъ? Плевать мнѣ на то, что ты урядникъ. Эка важность урядникъ, и что такое урядникъ?

— Какъ что? Урядникъ что такое? Власть. Да, власть... А что ты думаешь?

— Хо, хо! Онъ власть. Православные христіане, видѣли вы такую власть? Да знаешь ли ты, какая ты власть? Ты такая власть которую я могу подошвой растереть, вотъ такъ.

При этомъ голопузовскій зять плюнулъ на полъ и растеръ подошвой и затѣмъ продолжалъ:

— Ты... ты... Отставной козы барабанщикъ, вотъ какая ты власть... Отставной козы барабанщикъ, ха, ха, ха... И твою гнѣдую кобылу, которой ты гордишься, словно она тебѣ родная тетка, ты у цыгана за пятнадцать карбованцевъ купилъ, а цыганъ ее укралъ. Хо, хо, хо! Власть! Да мнѣ на эту власть, знаешь ты, что мнѣ на эту власть сдѣлать? А? Знаешь? Сказать? А? Сказать?

И онъ, не дожидаясь разрѣшенія со стороны урядника, сказалъ такое слово, что пѣвчія дѣвицы, и Аграфена, и бывшая экономка помѣщика Залихватскаго, и голопузовская жена, и всѣ прочія дамы, бывшія здѣсь, взвизгнули и шарахнулись въ сторону.

Послѣ такого оскорбленія урядникъ тоже вскочилъ съ мѣста и довольно не двусмысленно ухватился за стулъ. Казалось, еще одно мгновеніе, и онъ подыметъ этотъ стулъ выше головы, пустить его въ голову противника, и разлетятся вдребезги и голова и стулъ.

Но противникъ, не смотря на боевой пылъ, понялъ опасность и на всякій случай отступилъ именно на такое разстояніе, чтобы стулъ до него не дохватилъ.

А урядникъ кричалъ и при этомъ обнаружилъ страшныхъ размѣровъ голосъ.

— Такъ ты вотъ какъ! такъ я же тебѣ покажу, какой ты есть мошенникъ и плутъ... Я тебѣ докажу. Я тебѣ сейчасъ вотъ этимъ самымъ стуломъ докажу. На головѣ твоей докажу... Хочешь, хочешь?

Всѣ почувствовали близкую опасность и почли необходимымъ вмѣшаться.

— Иванъ Спиридоновичъ, господинъ урядникъ, да ну его, бросьте его... — заговорили со всѣхъ сторонъ разные голоса: — и что вамъ за охота, ну, человѣкъ пьяный, видимо пьяный, городитъ, что взбредетъ въ голову. Бросьте... Къ лицу ли вамъ?.. Все-жъ таки вы урядникъ.

Даже самъ Голопузовъ, до сихъ поръ безучастно пьяными глазами смотрѣвшій на всю эту стычку, почелъ необходимымъ вмѣшаться въ дѣло.

— Эхъ, ей-Богу. И охота. Вотъ такъ именины вышли, нечего сказать. Вотъ такъ честь хозяину оказали...

— Панъ урядникъ, панъ урядникъ, — вмѣшался въ свою очередь пономарь, который до сихъ поръ безмолвствовалъ, и при этомъ тихонько толкнулъ его въ бокъ.

— И какъ это можно, какъ оно можно такое?.. Въ хозяйскомъ домѣ именины, невозможно... Неприличествуетъ...

— Именины? — демоническимъ голосомъ, оскаливъ зубы, какъ волкъ, вопрошалъ урядникъ. — А чьи, чьи именины? Кто такой хозяинъ? Кто такой именинникъ? Голопузовъ? Ха, ха, ха. Вотъ такъ хвамилія, ха, ха, ха... Голопузовъ... хвамилія, ха, ха, ха, ну, хвамилія...

Голопузовъ хотѣлъ было подняться и протестовать противъ опороченія его почтенной фамиліи, но попробовалъ и не смогъ. Тогда онъ, какъ бы сознавъ свое безсиліе, вдругъ трахнулся головой объ столъ и началъ громко рыдать.

Въ это время вдоль стѣны стала робко пробираться къ двери фигура съ испуганнымъ лицомъ и съ такимъ видомъ, какъ будто онъ тихонько стащилъ въ карманъ столовую ложку и хотѣлъ удрать незамѣченнымъ. Это былъ Іосифъ Веніаминовичъ, въ просторѣчіи Іоська. Направленіе, какое принялъ споръ, очевидно внушало ему опасеніе за собственную цѣлость, и онъ дѣлалъ попытку улепетнуть.

Въ комнатѣ уже горѣли свѣчи, и когда Іосифъ Веніаминовичъ увидѣлъ, что Маккавеевъ съ любопытствомъ слѣдитъ за нимъ глазами, онъ, какъ будто старый знакомый, сдѣлалъ ему жестъ осторожности и молчанія и тихо, безшумно проскользнулъ въ дверь. А затѣмъ резиновымъ мячикомъ, прыжками, сталъ спускаться по лѣстницѣ.

— Отецъ Гурій, — тихо сказалъ Егоръ Трофимовичъ. — Что же намъ тутъ дѣлать?

— А ужъ, братецъ ты мой, я и самъ не знаю, что намъ тутъ дѣлать.

— Поѣдемъ.

— Куда?

— Да куда нибудь.

— Гм... куда нибудь. Да ты скажи—куда. Вотъ пріѣхали куда ни попало, и что же вышло? Ничего хорошаго не вышло.

— А тутъ въ деревнѣ развѣ нѣтъ священника?

— Есть-то оно, есть, да къ нему я не пойду, за тысячу рублей не пойду.

— Отчего же это?

— Такъ, причина есть. Въ прошломъ году къ нему жениха привезъ, у него тогда дочка была, а зимой она вышла замужъ... Такъ привезъ это я жениха, знаешь, вотъ этакъ совсѣмъ, какъ ты, пришелъ ко мнѣ съ улицы. Положимъ, онъ не родственникъ былъ—и говоритъ, жените, молъ, говоритъ... Я и не зналъ, каковъ онъ характеромъ... Такъ, вижу, человѣкъ благообразный, ничего... Ну, и повезъ... Отчего своему человѣку любезность не сдѣлать... Я для духовнаго званія всегда готовъ... Да, такъ пріѣхали, ну, и все какъ слѣдуетъ, поговорили, о томъ, о семъ, и насчетъ свадьбы... И вотъ онъ съ дочкой-то объяснился и все какъ слѣдуетъ быть, и насчетъ приданаго сговорились и прочее... И думалъ я—вотъ, счастье человѣку устроилъ... А ночью, какъ бы ты думалъ, что вышло ночью... Даже сказать стыдно... Самъ батюшка его въ телятномъ хлѣвѣ съ кухаркой накрылъ... Вотъ, братецъ ты мой, штука! Послѣ этого и возись съ вашимъ братомъ... Хорошо еще, что съ кухаркой, а то бываетъ и такъ, что съ матушкой... И такіе случаи бывали... Ну, такъ послѣ этого я уже къ нему не ѣздокъ.

Пока они такимъ образомъ не могли ни на что рѣшиться, въ комнатѣ стоялъ прежній шумъ, и казалось, что споръ никогда не кончится. Уже давно потерялась всякая нить этого спора. Караковая лошадь, которая послужила яблокомъ раздора между урядникомъ и голопузовскимъ зятемъ, давно исчезла со сцены. Изрѣдка молодой Гордіевъ произносилъ еще съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ: «караковая...». Но это уже ни къ чему не относилось, а такъ выходило у него какъ-то непроизвольно.

Въ дальнемъ углу комнаты сгруппировался весь хоръ отца Мемнона. Они о чемъ-то шептались, и самъ отецъ Мемнонъ сообщалъ имъ тихонько что-то, повидимому, очень важное. Можно было подумать, что они рѣшились сыграть благотворную роль и усмирить бунтующихъ своимъ сладкогласнымъ пѣніемъ.

Но этого не случилось. Поговоривши такимъ образомъ, они всѣ по одиночкѣ стали безшумно и боязно оглядываясь улизывать черезъ другую комнату. И такимъ образомъ мало-по-малу весь хоръ исчезъ, какъ будто растаялъ.

— Да пойдемъ и мы, братецъ ты мой, — сказалъ послѣ этого отецъ Гурій,—ужъ куда нибудь да попадемъ. Нельзя же такъ торчать, оно и неприлично, еще и насъ задѣнетъ кто нибудь какимъ нибудь пьянымъ словомъ. Не лѣзть же намъ съ тобой въ драку.

— Да я давно говорю, отецъ Гурій, что надо уйти.

Они выбрали удобный моментъ, когда на нихъ никто не обращалъ вниманія, и вышли.

Отецъ Мемнонъ, устроившій судьбу своего хора, самъ побѣжалъ впередъ. Отецъ Гурій не замѣтилъ даже, когда онъ вышелъ. Онъ былъ такой маленькій, что могъ продѣлывать это на виду у всѣхъ, не вызвавъ ничьего вниманія.

Но вмѣсто того, чтобы пойти къ своему кучеру и распорядиться насчетъ лошадей и дилижана, онъ выбѣжалъ во дворъ рысцей и направился къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ экипажъ отца Гурія. Онъ отыскалъ кучера, который уже собрался спать, въ полной увѣренности, что придется заночевать въ этомъ мѣстѣ, и заговорилъ съ нимъ какой-то таинственной скороговоркой, почти шопотомъ, при чемъ, очевидно, сообщалъ ему что-то очень важное, потому что кучеръ, несмотря на охватившую его сонливость, очень скоро воспрянулъ и видимо принималъ къ свѣдѣнію его слова.

— Такъ ты понялъ?—спрашивалъ его отецъ Мемнонъ.

— Понялъ, отецъ дьяконъ, какъ же мнѣ не понять... Я для васъ готовъ.

— Ну, вотъ же тебѣ рублевка... Это задатокъ, понимаешь... А послѣ получишь больше... Понялъ?

— Понялъ...—отвѣтилъ кучеръ, сжимая въ рукахъ рублевку.

— Ну, гляди же, не обмани. Мнѣ сейчасъ некогда, надобно ѣхать впередъ... Гляди же...

Хоръ въ это время уже прошелъ черезъ дворъ и усаживался въ чрезвычайно помѣстительномъ дилижанѣ. Дилижанъ этотъ былъ сдѣланъ спеціально для хора и возилъ его по всѣмъ весямъ уѣзда.

Вышли и отецъ Гурій съ Маккавеевымъ. Уже спустилась ночь. Небо было звѣздное, ясное и красивое. Мѣсяца не было, но отецъ Гурій былъ зорокъ и тотчасъ же замѣтилъ, что около его экипажа какъ-то таинственно юркнула маленькая фигура отца Мемнона, и показалось ему это подозрительнымъ.

— Что вы тамъ дѣлаете, отецъ Мемнонъ? — крикнулъ онъ ему издали:—вѣдь это же не ваши лошади, а мои.

Отецъ Гурій не довѣрялъ ни одному движенію отца Мемнона. Онъ только никакъ не могъ сообразить, зачѣмъ бы отцу Мемнону быть около его лошадей. Не украсть же онъ ихъ хотѣлъ. Въ этомъ даже онъ не рѣшался заподозрѣть отца Мемнона, не смотря на то, что былъ весьма не высокаго мнѣнія о его нравственныхъ качествахъ.

— Это я ошибся, отецъ Гурій,—откликнулся отецъ Мемнонъ и послѣ этого сейчасъ же побѣжалъ къ своимъ и занялъ мѣсто въ дилижанѣ, гдѣ-то сбоку, на облучкѣ. Казалось, онъ не сидѣлъ, а висѣлъ въ воздухѣ.

И колымага со всей этой оравой торжественно двинулась въ путь.

— Прощайте, отецъ Гурій. До свиданья, до свиданья! кричали

отецъ Мемнонъ и его хоръ и затѣмъ скрылись въ темнотѣ ночи, и скоро замолкъ гулъ, производимый ихъ колымагой.

Отецъ Гурій и Маккавеевъ прошли къ своимъ лошадямъ. Кучеръ уже не спалъ, а стоялъ около экипажа и смотрѣлъ на нихъ какими-то странными, невѣрными глазами.

— А, ну-ка, ты, шевелись, — взывалъ къ нему отецъ Гурій,— живо, живо запрягай... удирать надобно подобру да поздорову.

— Сичасъ,—отвѣчалъ кучеръ какимъ-то глухимъ, какъ бы не своимъ голосомъ, и при этомъ нисколько не торопился. Онъ двигался чрезвычайно медленно.

Лошади были распряжены, и даже хомуты съ нихъ сняты.

— Ну, и завезъ же ты насъ, анаоема ты этакая,—укорялъ его отецъ Гурій, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ вся вина лежала на кучерѣ.

— Ну, вотъ я же и виноватъ... Я думалъ, какъ лучше, а оно вышло вонъ что...

Въ это время съ лѣвой стороны, именно съ того мѣста, гдѣ находился кабакъ, стали доноситься зычные пьяные голоса. Въ кабакѣ было еще свѣтло, сквозь маленькое оконце проглядывалъ тусклый свѣтъ, тамъ горѣли свѣчи.

Тамъ, очевидно, происходилъ споръ. Голоса становились все громче и громче. И, повидимому, въ спорѣ принимало участіе съ десятокъ душъ.

И, какъ бы въ соотвѣтствіе съ этими голосами, въ это же время начали доноситься звуки и со стороны квартиры Голопузова. Это конечно, было простое совпаденіе, что и тѣ и другіе звуки усиливались одновременно. Къ тому же это было и совершенно естественно, потому что разъ среди пьяныхъ людей началась ссора, то она непремѣнно должна была дойти до драки.

Изъ кабака выбѣжало нѣсколько человѣкъ. Споръ принялъ такой характеръ, что, казалось, будто кого-то били, кто-то кричалъ «караулъ, ратуйте», и кто-то при этомъ, очевидно, ратовалъ. А въ это же самое время и съ той стороны, гдѣ былъ подъѣздъ голопузовской квартиры, послышался страшный грохотъ, какъ будто что-то валилось съ лѣстницы. Вслѣдъ затѣмъ раздирательный крикъ, потомъ все вдругъ смолкло, и наступила зловѣщая тишина, а затѣмъ сразу послышались крики изъ десятка глотокъ, и ужъ тутъ ничего нельзя было разобрать.

Наконецъ, какъ финалъ картины, раздался топотъ ногъ и при томъ—это было странно—съ обѣихъ сторонъ разомъ: и отъ кабака и отъ квартиры, и обѣ партіи бѣжали на средину двора, каждая по своему дѣлу, совершенно не подозрѣвая о существованіи другой.

И тутъ все смѣшалось и перепуталось. Иногда изъ толпы выдѣлялся голосъ молодого Гордіева, который кричалъ:

— Какъ ты смѣешь? Ты меня съ лѣстницы спустилъ? Ахъ, ты, отставной козы барабанщикъ... Бар-р-рабанщикъ отставной козы...

Иногда вдругъ преобладаніе получалъ хриплый, гнусявый и въ то же время необыкновенно громкій голосъ урядника:

— Хвамилія... Голопузовъ... Хвамилія... Я тебѣ показалъ... Видѣлъ... Вся морда въ крови... А ты не зналъ, что такое есть власть... Вотъ я тебѣ показалъ... морда-то въ крови...

Но въ то же время иногда брали перевѣсъ и другіе голоса, совсѣмъ новые и совсѣмъ другого тембра, и выкрикивали они какія-то новыя имена, объявляя о появленіи въ этой громкой исторіи новыхъ героевъ. Тутъ фигурировали Терешко, Грыцько, Хведоська, очевидно дама, и сообщались обстоятельства, до того момента никому неизвѣстныя.

— А чоботы-то, чоботы пропилъ, думаешь, не знаю, укралъ да и пропилъ... Ты думаешь, мнѣ неизвѣстно, что ты съ Грыцемъ пропилъ ихъ... Ахъ, ты, анаѳема ты, каторжная, сибирная... шкура...

— Да поворачивайся ты живѣе, — энергично поощрялъ отецъ Гурій кучера, который почему-то не обнаруживалъ никакого рвенія къ своему дѣлу, поминутно останавливался и, какъ казалось, наблюдалъ за тѣмъ, что происходило посрединѣ двора.

— Это мы прямо въ адъ попали, ей-Богу, въ адъ.

Наконецъ лошади уже были запряжены, и кучеръ сказалъ:

— Садитесь, отецъ Гурій.

Маккавеевъ помогъ отцу Гурію влѣзть въ экипажъ, что̀ стоило ему не малыхъ усилій, и самъ занялъ свое мѣсто.

— А куда ѣхать-то?—спросилъ кучеръ.

— Да выѣзжай ты отсюда, выѣзжай на дорогу, лишь бы подальше... А тамъ уже увидимъ...

Лошади тронулись, и ужъ, кажется, въ это время интересы обѣихъ группъ совершенно перепутались: урядникъ дрался съ Терешкой, а молодой Гордіевъ съ бабой Хведоськой.

Когда экипажъ завернулъ за уголъ дома, отецъ Гурій перекрестился.

— Слава тебѣ, Господи! — сказалъ онъ: — выбрались таки изъ ада...

— Куда же ѣхать-то, отецъ дьяконъ?—меланхолически спросилъ кучеръ, котораго, казалось, этотъ вопросъ мало интересовалъ.

— Куда? А куда же въ самомъ дѣлѣ? А, ей-Богу, не знаю — куда, ужъ я совсѣмъ сбился съ толку. Что тутъ по сосѣдству? Есть тутъ какое нибудь село?

— Да тутъ Коломеевка, отецъ дьяконъ...

— Коломеевка? А кто такой въ Коломеевкѣ?

— А ужъ не знаю, какъ зовутъ,—отвѣтилъ кучеръ.—Въ позапрошломъ годѣ возилъ васъ туда. Тамъ старый батюшка, кажись, дочка у него была...

— А, это отецъ Софроній... Помню, помню... Да, такъ, дочка у него дѣйствительно была, только онъ ее выдалъ за акцизнаго чи-

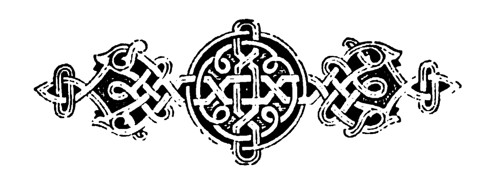
новника. Ну, все равно, вези хоть къ нему... Не важно, что у него дочки нѣтъ... Можно же, я думаю, и такъ заѣхать къ человѣку, не непремѣнно же надо жениться. Вотъ мы все заѣзжали ради женитьбы, а нигдѣ не женились, а къ отцу Софронію такъ заѣдемъ, и вдругъ у него что нибудь и отыщется. Это прямо, какъ видно, надобно на судьбу положиться. Ей-ей! Нужно же гдѣ нибудь переночевать... Ну, вези въ Коломеевку, къ отцу Софронію.

— Ну ладно,—откликнулся кучеръ,—я повезу, мнѣ что-жъ, мнѣ все равно...

И онъ свистнулъ на лошадей и поднялъ кнутъ...

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАДАЧИ ПОПУЛЯРИЗАЦІИ ЗНАНІЙ.

(Неизданная статья К. Н. Бестужева-Рюмина).

Ъ НЕКРОЛОГѢ К. Н. Бестужева-Рюмина, напечатанномъ въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», П. Н. Полевой высказалъ желаніе, чтобы были собраны и изданы не только сочиненія покойнаго, но и всѣ оставшіяся послѣ него рукописи. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ такому желанію, потому что К. Н. принадлежитъ, безспорно, къ числу выдающихся русскихъ ученыхъ и, по справедливому замѣчанію г. Полеваго, «каждая его статья есть жемчужина, а всѣ онѣ—части богатаго и прекраснаго ожерелья».

Въ моемъ собраніи автографовъ сохранилась «программа» сборника «Древняя и Новая Россія», собственноручно написанная, по моей просьбѣ, К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ 1874 году и въ которой онъ излагаетъ свой взглядъ на популяризацію историческихъ знаній. Мнѣніе такого авторитетнаго представителя русской исторической науки, какъ К. Н., имѣетъ значеніе и въ настоящее время, когда популяризація знаній принимаетъ особенно широкое развитіе, выражающееся во множествѣ безпрерывно издающихся популярныхъ книгъ и появленіи даже журналовъ, посвященныхъ исключительно цѣлямъ самообразованія. Печатая эту «программу», считаю необходимымъ объяснить въ немногихъ словахъ обстоятельства, вызвавшія ея составленіе.

27-го ноября, 1872 года, умеръ одинъ изъ неутомимыхъ и въ высшей степени полезныхъ литературныхъ тружениковъ—Михаилъ Дмитріевичъ Хмыровъ. Имя его теперь уже забыто, да и тогда оно оставалось мало извѣстнымъ обществу. Это былъ человѣкъ своеобразный во всемъ: въ одеждѣ, привычкахъ, взглядахъ на вещи и даже въ сношеніяхъ съ людьми. Страстно любя русскую исторію, но не обладая дарованіями, Хмыровъ посвятилъ себя такъ называемой «черновой» работѣ, невидной, но во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнной, преимущественно для лицъ, занимающихся наукой. Весь свой скудный заработокъ онъ тратилъ на составленіе библіотеки по особенному, имъ придуманному, плану. Имѣя въ виду, что въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ разбросана громадная масса полезныхъ и важныхъ свѣдѣній о Россіи, которыя пропадаютъ безслѣдно за не-

достаткомъ указателей къ нимъ и, вообще, отъ трудности пользованія ими, Хмыровъ скупалъ, большею частью, на толкучемъ рынкѣ, кромѣ книгъ, всѣ попадавшіеся ему старые и новые журналы, и даже газеты, разрѣзывалъ ихъ (кромѣ беллетристики) по статьямъ и распредѣлялъ послѣднія, сообразно содержанію, въ отдѣльныя папки, въ систематическомъ порядкѣ. Въ теченіе десяти лѣтъ через его руки прошло до 12,000 книжекъ разныхъ журналовъ, разбитыхъ по статьямъ и отдѣламъ, обнимавшимъ почти всѣ отросли знаній; они составили богатое и, можно сказать, единственное въ своемъ родѣ книгохранилище, къ которому прибѣгали за справками и свѣдѣніями ученые и любители чуть не со всѣхъ концовъ нашего отечества. Мало того, библіографъ по призванію, Хмыровъ читалъ каждую книгу не иначе, какъ съ выписками, разнося на отдѣльные листки, съ краткимъ объясненіемъ содержанія, всѣ встрѣчавшіяся въ ней собственныя имена и событія, благодаря чему у него имѣлось всегда необычайное обиліе всевозможныхъ справокъ и свѣдѣній о томъ, или другомъ, историческомъ лицѣ или событіи. Владѣя такой библіотекой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣдкимъ трудолюбіемъ, Хмыровъ могъ быть чрезвычайно полезнымъ сотрудникомъ для историческихъ изданій. Но такъ какъ библіографическія работы, вообще, оплачиваются весьма скудно, то онъ всю жизнь бѣдствовалъ. Самолюбивый и скрытный, онъ безропотно переносилъ лишенія, ни къ кому не обращался за пособіями и никого не посвящалъ въ свои домашнія дѣла. Только за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, онъ проговорился мнѣ о безвыходности своего положенія въ слѣдующемъ письмѣ:

«Именуя меня «чудакомъ», вы, однако, говорите сущую правду,—и вотъ доказательство: знаете ли вы, что не дальше, какъ въ маѣ мѣсяцѣ, я лишусь окончательно всей моей библіотеки? Я не говорю объ этомъ никому, даже своимъ, и можете себѣ представить, что происходитъ въ моей душѣ. Со всѣмъ тѣмъ, замѣтно ли это по моей физіономіи и проч.? А я не акторъ. Стало быть, дѣйствительно, чудакъ. Но вы объ этомъ ни меня ни спрашивайте, ни говорите никому, потому что для спасенія достоянія моего нужна слишкомъ тысяча рублей, которыхъ на землѣ не найдешь, да и съ неба они не падаютъ».

Какъ впослѣдствіи оказалось, Хмыровъ задолжалъ за квартиру болѣе, чѣмъ за годъ, и домовладѣлецъ, назначивъ ему окончательный срокъ для уплаты, угрожалъ, въ противномъ случаѣ, описать и продать съ аукціона его библіотеку. Хотя А. А. Краевскій и уплатилъ за него этотъ долгъ, но тѣмъ не менѣе Хмыровъ продолжалъ крайне нуждаться. Семья его, не имѣя чѣмъ существовать въ Петербургѣ, уѣхала къ роднымъ въ деревню; онъ оставался въ квартирѣ одинъ, безъ прислуги, и питался студнемъ, покупаемымъ на нѣсколько копеекъ въ мелочной лавочкѣ. Плохое питаніе развило въ немъ болѣзнь, отъ которой онъ не лѣчился, потому что нечѣмъ было платить доктору, и которая, быстро усиливаясь, свела его въ могилу.

Смерть Хмырова произвела тяжелое впечатлѣніе въ небольшомъ кружкѣ его пріятелей. Они возмущались особенно тѣмъ, что близкій и давній знакомый покойнаго, М. И. Семевскій, издатель «Русской Старины», уже пользовавшейся тогда успѣхомъ, не находилъ въ своемъ журналѣ подходящей для Хмырова работы. Въ этомъ кружкѣ возникла мысль о необходимости основать такое историческое изданіе, гдѣ помѣщались бы не одни лишь даровые и сырые матеріалы, но преимущественно обработанныя и оплачиваемыя статьи, благодаря чему литературные труженики, подобные Хмырову, имѣли бы возможность получать болѣе или менѣе опредѣленное вознагражденіе за свой трудъ. Была намѣчена программа новаго журнала, долженствовавшаго имѣть характеръ сборника, придумано назва-

ніе его «Древняя и Новая Россія», я предназначенъ въ его редакторы; но доставало одного—денегъ для осуществленія задуманнаго предпріятія. Послѣ продолжительныхъ хлопотъ, лишь въ 1874 году, удалось, наконецъ, найти желаннаго издателя. Приступая къ организаціи литературной части новаго изданія, я обратился съ предложеніемъ сотрудничества ко всѣмъ лицамъ, занимавшимся русской исторіей. Изъ нихъ я встрѣтилъ самое горячее сочувствіе въ К. Н. Бестужевѣ-Рюминѣ. Онъ отнесся къ дѣлу съ свойственной ему задушевностью и искренностью и, видя мою неопытность, давалъ совѣты, придумывалъ темы для будущихъ статей, вызвался написать для первой книжки біографію перваго русскаго историка, В. Н. Татищева, обсуждалъ во всѣхъ подробностяхъ направленіе, котораго долженъ былъ держаться возникающій журналъ, и т. п. Это обстоятельство побудило меня просить К. Н. написать «программу», объясняющую публикѣ задачи, положенныя въ основаніи «Древней и Новой Россіи», что онъ и исполнилъ охотно. По своей обширности программа, имъ составленная, заняла бы слишкомъ большое мѣсто въ объявленіяхъ о новомъ журналѣ, что потребовало бы значительныхъ расходовъ, и потому она появилась лишь въ сжатомъ извлеченіи. Помѣщаю ее ниже въ томъ видѣ, какъ она была написана К. Н.

С. Шубинскій.

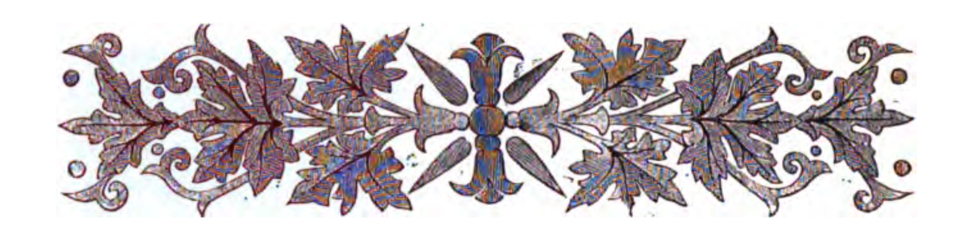
«Познай самого себя» — старая надпись Дельфійскаго храма такъ же хорошо прилагается къ цѣлымъ народамъ, какъ и къ отдѣльнымъ людямъ. Только ясно сознающій свои силы и средства, физическія и нравственныя, человѣкъ можетъ быть полезнымъ дѣятелемъ для общества; только ясно сознающій свои силы и средства народъ можетъ быть великимъ народомъ, внести свой вкладъ въ общую сокровищницу человѣчества. Въ наше время истина эта сознана всѣми, и у всѣхъ народовъ мы видимъ стремленіе къ полному и всестороннему изученію своего настоящаго и прошедшаго: то, что когда-то считалось признакомъ учености или тайною канцеляріи, дѣлается теперь общимъ достояніемъ. Факты историческіе, статистическіе, этнографическіе, постоянно приводятся въ разговорахъ: ими подкрѣпляются и опровергаются всякія сужденія; для того, чтобы сужденія, на нихъ опирающіяся, были основательны, необходимо, чтобы факты были изучаемы вполнѣ и добросовѣстно, но полное изученіе возможно не для многихъ, оно требуетъ много времени и часто издержекъ: надо искать документовъ въ архивахъ, старыхъ книгъ въ библіотекахъ, офиціальныхъ свѣдѣній по множеству изданій; посредникомъ является ученая литература, издаются сборники документовъ, составляются указатели, сочиняются ученыя монографіи, но и изученіе ученой литературы требуетъ спеціальнаго посвященія себя извѣстнымъ вопросамъ, а между тѣмъ значительная доля свѣдѣній, не даваемыхъ общимъ образованіемъ, бываетъ нужна въ жизни. Недостатокъ этотъ пополняется литературою популярною, назначеніе которой состоитъ въ томъ, чтобы передавать въ общедоступной формѣ, что выработано наукою. Видимая простота и легкость этой задачи влечетъ къ себѣ многихъ,

и популярныя книжки и статьи плодятся годъ отъ году, но не рѣдко составители такихъ книгъ забываютъ одно необходимое для нихъ условіе, книги и статьи эти не всегда пишутся людьми знакомыми даже съ литературою того, о чемъ они пишутъ, не только съ первыми источниками. Слѣдствія понятны: въ публикѣ распространяется масса неточныхъ свѣдѣній, нерѣдко украшенныхъ фантазіей самихъ сочинителей, забывающихъ предварить читателей о томъ, гдѣ оканчиваются факты, и гдѣ начинаются ихъ собственныя соображенія и домыслы. Впрочемъ, не одна усиленная дѣятельность фантазіи, занимающей у многихъ не принадлежащее ей мѣсто положительнаго знанія, мѣшаетъ благотворному вліянію популярныхъ книгъ, бываетъ еще и другая причина ихъ неуспѣха: научные факты излагаются для проведенія той или другой мысли, и притомъ такъ, что мысль выражается нерѣдко только въ подборѣ фактовъ, въ болѣе яркомъ освѣщеніи той стороны, которую особенно желательно освѣтить. Чѣмъ болѣе таланта выказывается въ такомъ произведеніи, тѣмъ болѣе оно имѣетъ вліянія, тѣмъ болѣе, стало быть, ложное понятіе укореняется въ обществѣ въ противность его существеннымъ интересамъ, обезпечиваемымъ только полнымъ знаніемъ. Какъ передъ лицемъ присяжныхъ свидѣтель долженъ говорить правду, полную правду и только правду, такъ и предъ публикою писатель обязанъ говорить правду, полную правду и только правду: только тогда книга или статья будутъ имѣть благотворное дѣйствіе. Писатель, какъ человѣкъ, можетъ заблуждаться, но заблужденіе его должно быть добросовѣстно: въ своихъ мнѣніяхъ, по глубокому слову Чанинга, писатель отвѣчаетъ за ихъ добросовѣстность, а не за ихъ правильность; добросовѣстное же мнѣніе основывается на добросовѣстномъ изученіи фактовъ, то-есть писатель долженъ говорить то, что онъ знаетъ и какъ онъ знаетъ. Предпринимая изданіе, главная цѣль котораго сообщеніе въ общедоступной формѣ свѣдѣній о прошедшемъ и настоящемъ нашего отечества, мы прежде всего обязуемся, насколько дозволяютъ наши силы и средства, держаться этихъ основныхъ началъ, въ вѣрности которыхъ мы убѣждены искренно и глубоко. Само собою разумѣется, что, заботясь о содержаніи статей, избѣгая больше всего сообщенія неточныхъ свѣдѣній и невѣрныхъ воззрѣній, мы обратимъ свое вниманіе и на то, чтобы форма нашихъ статей была общедоступна, чтобы въ нихъ все было ясно, понятно и по возможности образно. Ясности нашего изложенія много должно помогать то, что статьи наши будутъ сопровождаться картинами: говоря о лицѣ, мы представимъ его изображеніе, конечно, наиболѣе вѣрное, всегда объяснивъ, откуда мы его взяли; говоря о городѣ, мы сообщимъ его видъ и т. п. Наглядность въ изданіи, подобномъ нашему, одно изъ первостепенныхъ условій: кто не знаетъ, какъ много картина помогаетъ ясному пониманію; всѣ великіе историки согласны въ томъ, что въ

портретѣ извѣстнаго лица часто яснѣе сказывается его характеръ, чѣмъ въ цѣлыхъ страницахъ психологическихъ разсужденій, разумѣется, если портретъ дѣйствительно снятъ съ лица, а не выдуманъ; важность изображенія мѣстностей не подлежитъ никакому сомнѣнію: кто не знаетъ, какъ трудно по одному описанію составить себѣ точное понятіе о мѣстахъ, и какъ необходимо бываетъ такое наглядное представленіе при изученіи самыхъ событій, происходившихъ на этихъ мѣстахъ. Желая знакомить съ событіями и обстановкою жизни, какъ русскаго народа въ разные періоды его многовѣковой исторіи, такъ и съ бытомъ инородцевъ, населяющихъ разныя мѣстности нашего отечества, мы будемъ сопровождать и эти статьи картинами, выбирая для воспроизведенія наиболѣе вѣрное и характеристическое; здѣсь въ матеріалѣ не будетъ недостатка: изображенія старинныхъ одеждъ, сценъ бытовыхъ изъ сказаній иностранцевъ и изъ русскихъ памятниковъ (фрески въ церквахъ и миніатюры рукописей) должны наглядно представить бытъ нашихъ предковъ; а многочисленные рисунки старыхъ и новыхъ путешественниковъ могутъ дать матеріалъ для нагляднаго изученія быта инородцевъ. Передавая картины русскихъ художниковъ, мы будемъ знакомить съ развитіемъ искусства въ Россіи и его современнымъ состояніемъ, что важно какъ для исторіи гражданственности русской, такъ и для развитія эстетическаго чувства, нерѣдко, къ сожалѣнію, пренебрегаемаго въ настоящее время. Вообще, стараясь всесторонне знакомить нашихъ читателей съ настоящимъ и прошедшимъ Россіи и притомъ не вводя въ свое дѣло никакихъ чуждыхъ ему тенденцій, мы надѣемся, что, если хватитъ намъ силъ и средствъ, о чемъ судить предоставляемъ другимъ, представить изданіе, которое принесетъ свою долю пользы въ особенности молодымъ людямъ: наглядно дополняя краткія свѣдѣнія, выносимыя изъ школъ, оно ближе познакомитъ ихъ съ той страной, въ которой они призваны жить и дѣйствовать; точныя свѣдѣнія уберегутъ ихъ отъ увлеченій въ разныя стороны, которыя обыкновенно являются результатомъ незнанія. Вотъ почему мы убѣждены, что именно такого изданія не достаетъ въ нашей литературѣ; въ послѣднее время особенно усиленно печатаются всякаго рода свѣдѣнія: историческія, статистическія, этнографическія, естественно-научныя; но свѣдѣнія эти въ сыромъ видѣ могутъ быть полезны только спеціалистамъ, которые знаютъ, какъ ихъ пріурочить къ другимъ ужъ имѣющимся у нихъ свѣдѣніямъ, и которые могутъ критически отнестись къ каждому вновь появляющемуся документу. Положеніе неспеціалистовъ совершенно иное: незнакомые съ тѣмъ, что уже сдѣлано для разъясненія даннаго вопроса, неспеціалисты принуждены довольствоваться только здравымъ разумомъ, и имъ приходится или принять совершенно ложное, но искусно сочиненное извѣстіе, или отвергнуть то, что дѣйствительно было, и что кажется невѣроятнымъ, а между тѣмъ извѣстно, что многія дѣйствительныя

событія превосходятъ своею невѣроятностью самый фантастическій вымыселъ. Все это впрочемъ еще не такъ важно; есть еще болѣе важное неудобство: фактъ или документъ, вырванный изъ своей дѣйствительной обстановки, при всей своей вѣрности можетъ нерѣдко вести къ совершенно ложнымъ заключеніямъ: намъ сообщаютъ черту, не дѣлающую чести человѣку, котораго мы привыкли уважать, и, не входя въ дальнѣйшее разбирательство, мы осуждаемъ этого человѣка, а не знаемъ, что рядомъ существуетъ фактъ, который можетъ, если не оправдать, то объяснить смутившее насъ событіе. Бываетъ и наоборотъ: намъ сообщаютъ черту, достойную похвалы, но не представляютъ ни прошедшаго человѣка, ни его обстановки—мы готовы хвалить, а можетъ оказаться, что хвалить не за что. То же относится и къ быту разныхъ народовъ: мы можемъ порицать народъ за варварство, или хвалить за благодушіе, не обращая вниманія ни на весь бытъ народа, ни на бытъ народовъ его времени. Такія объясненія дастъ только цѣльное, связное изложеніе, и мы постараемся, чтобы отрывочные, неосмысленные (на основаніи положительныхъ данныхъ, а не фантазій) факты не занимали мѣста въ нашемъ изданіи. Мы повторяемъ опять: «правда, одна правда и только правда»—нашъ девизъ.

ПОПУТЧИКЪ.

I.

ЛАГОДАРЯ особой любезности оберъ-кондуктора,— любезности, конечно, не спроста,—я выѣхалъ изъ Москвы въ отдѣльномъ купэ. Закусивъ въ Клину и устроивъ себѣ постель, я улегся спать съ твердымъ намѣреніемъ не просыпаться до Петербурга. Поѣздъ быстро летѣлъ впередъ, ритмично погромыхивая на стыкахъ и, какъ мнѣ казалось, совершенно правильно отбивая темпъ куплета изъ «Елены Прекрасной»:

«Чтобы ей
Угодить,
Веселѣй
Надо быть...».

А на встрѣчу ему неслась промозглая осенняя ночь, съ порывами дождя и рѣзкимъ взвизгиваніемъ разгулявшагося вѣтра.

Задернувъ фонарикъ и завернувшись въ теплый пледъ, я сладко задремалъ и началъ было уже видѣть какой-то сонъ, какъ замѣтилъ, вѣрнѣе даже почувствовалъ, чѣмъ замѣтилъ, что дверь въ мое купэ осторожно пріотворяется. Полуоткрывъ одинъ глазъ, я сталъ присматриваться. Оберъ-кондукторъ сажалъ ко мнѣ новаго пассажира.

Признаться сказать, это меня нѣсколько раздражило, и я мысленно уже сбавилъ размѣръ «благодарности», которую имѣлъ въ виду оказать услужливому начальнику нашего поѣзда.

Новый пассажиръ, на сколько я могъ разсмотрѣть при свѣтѣ задернутаго голубой тафтой фонаря, казался человѣкомъ уже пожилымъ. Не смотря на еще осеннее время, онъ былъ одѣтъ въ большую енотовую шубу, теплыя калоши и теплую шапку.

— Ну, а въ Твери, братецъ,—обратился онъ къ оберъ-кондуктору начальническимъ тономъ, хотя и въ полголоса, — а въ Твери ты подашь мнѣ изъ буфета бутылку хереса. Хереса Леве... Впрочемъ, скажи буфетчику, онъ самъ знаетъ, какого... Скажи, что для меня...

— Слушаю, ваше-ство,—почтительно отвѣтилъ кондукторъ, держа руку подъ козырекъ.

И затѣмъ старикъ, войдя уже въ купэ, сбросилъ съ себя шубу, которую оберъ-кондукторъ, проворно подхвативъ, повѣсилъ на крюкъ, снялъ калоши и усѣлся на свободный диванъ.

— Можешь идти,—сказалъ онъ оберъ-кондуктору, все еще почтительно стоявшему въ дверяхъ.

Тотъ удалился.

«Навѣрное какой нибудь желѣзнодорожный тузъ»,—подумалъ я, все еще однимъ глазомъ разсматривая моего попутчика, оказавшагося безъ шубы очень худощавымъ и небольшаго роста.

— Я васъ, кажется, потревожилъ?—спросилъ онъ тихимъ и слегка гнусавымъ голосомъ.

— Нѣтъ, ничего, я усну опять, —отвѣчалъ я и, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, натянулъ пледъ себѣ на голову.

— А сигара васъ не побезпокоитъ?—опять тихо прогнусилъ мой спутникъ.

— Нѣтъ, не побезпокоитъ. Курите, пожалуйста.

«Чтобы ей
Угодить,
Веселѣй
Надо быть...».

началъ я опять ловить темпъ постукивавшихъ колесъ, зная, что ничто такъ хорошо не усыпляетъ въ вагонѣ, какъ этотъ однообразный звукъ.

Запахъ хорошей, дорогой сигары пробрался ко мнѣ подъ пледъ и раздражительно защекоталъ мнѣ ноздри. Мнѣ захотѣлось курить.

«Закурю—сонъ разгуляю, — размышлялъ я,— а не покурю, можетъ быть, и совсѣмъ не усну».

Поколебавшись съ минуту, я опять повернулся на другой бокъ и, взявъ со столика портсигаръ, вынулъ папиросу.

— Ну, конечно, я разбудилъ васъ,—настойчиво и какъ бы извиняясь проговорилъ мой спутникъ. — Но вы, пожалуйста, извините. Ни одного свободнаго купэ. А въ общихъ вагонахъ я не люблю, признаться, ѣздить.

И для того, вѣроятно, чтобы загладить свою вину, онъ очень предупредительно предложилъ мнѣ сигару. Сначала я было отказался, вспомнивъ, какъ опасно брать сигары отъ случайныхъ спутниковъ по отдѣльному купэ, да еще ночью, но сейчасъ же сообразивъ, что подозрѣнія мои едва ли основательны въ виду особой почтительности, которую оказывалъ этому старичку оберъ-кондукторъ, и несомнѣнной его популярности по этой линіи—буфетчикъ въ Твери долженъ былъ даже знать, какой хересъ онъ пьетъ — а также и потому, что запахъ его сигары былъ необычайно тонокъ и ароматенъ, я принялъ его угощеніе, какъ компенсацію того безпокойства, которое онъ нанесъ мнѣ своимъ вторженіемъ въ мое купэ.

Сигара не папироса, ее въ полминуты не выкуришь, и вотъ, пока я потягивалъ ароматный дымъ, мой спутникъ началъ заговаривать со мной, я ему отвѣчалъ, и кончилось тѣмъ, что совсѣмъ разгулялъ мой сонъ. Замѣтивъ это, старикъ опять извинился, но прибавилъ, что въ Твери мы выпьемъ съ нимъ по стаканчику хорошаго хереса и уже оба завалимся спать до Петербурга. А пока что — мы отдернули занавѣску у фонаря. Въ купэ стало свѣтло, и я могъ какъ слѣдуетъ уже разсмотрѣть очень странное и характерное лицо моего попутчика.

На видъ ему было лѣтъ шестьдесятъ, хотя могло быть и больше и меньше. Выраженіе его лица было почти неуловимо. Небольшіе прищуренные глазки смотрѣли то сонно и вяло, то вдругъ неожиданно оживлялись и лукаво подмигивали. Тонкія, гладко выбритыя губы его то далеко вытягивались впередъ, то растягивались въ длинную, холодную улыбку, а то брезгливо кривились на сторону. Маленькіе, сѣденькіе бачки придавали ему видъ чиновника давно прошедшихъ временъ. Что-то хитрое, что-то лисье было въ его лицѣ и во всей его тщедушной фигуркѣ. Говорилъ онъ, какъ я уже сказалъ, нѣсколько гнусаво, но спокойно, съ какими-то странными недомолвками и умѣренными жестами. И странная вещь: послѣ первыхъ же двухъ-трехъ его фразъ я сразу понялъ, что человѣкъ этотъ, прежде всего, несомнѣнно талантливъ. Не будь сѣдыхъ бачекъ и не знай я всѣхъ русскихъ первоклассныхъ артистовъ въ лицо, я ни на минуту не усомнился бы, что передо мной сидитъ какой нибудь извѣстный даровитый актеръ. Своей манерой говорить онъ даже и напомнилъ мнѣ талантливаго артиста, покойнаго И. Ф. Горбунова, но только — какъ бы это выразиться? — и голосъ его, и манера строить фразу была какъ-то тоньше, чѣмъ у неподражаемаго создателя разсказовъ изъ народнаго быта. И жестъ былъ тоже тоньше и какъ-то мельче, хотя опять таки напоминалъ жесты Горбунова. Въ разсказахъ моего спутника проявлялась необычайная наблюдательность, тонкій юморъ, мастерская передача всякаго движенія и... упрощенное до послѣдней крайности міросозерцаніе, доходящее до цинизма.

Но я забѣжалъ впередъ. О его цинизмѣ пусть читатель составитъ самъ понятіе изъ его же собственныхъ разсказовъ, которые я постараюсь передать, на сколько помню, съ болѣе или менѣе дословной точностью. При этомъ долженъ прибавить, что разсказы его, въ передачѣ другимъ лицомъ, конечно, утратятъ ту необычайную живость и, такъ сказать, характерность, которую онъ умѣлъ придавать имъ интонаціей и жестомъ и игрою лица. Кто перечитывалъ разсказы, напримѣръ, хотя того же Горбунова въ печати и кто слышалъ ихъ изъ устъ самого разсказчика, конечно, пойметъ разницу.

Еще не доѣзжая до Твери, я уже узналъ, кто былъ моимъ спутникомъ. И это открытіе, на первыхъ порахъ, признаться сказать, меня немножко передернуло. Близкое сосѣдство съ лицомъ, которому позволяется, да и не только позволяется, но и вмѣняется даже въ обязанность проникать въ самые сокровенные уголки жизни частныхъ людей, вѣдать всякія тайны, выслѣживать и ловить нарушившихъ «Уложеніе о наказаніяхъ», знать почти всѣхъ и лично стараться быть какъ можно менѣе извѣстнымъ, производитъ всегда нѣсколько жуткое впечатлѣніе. Съ другой же стороны бесѣда съ такимъ человѣкомъ обѣщаетъ несомнѣнно быть интересной, если тотъ, конечно, хоть нѣколько разговорится и, такъ сказать, распахнется. Вотъ это-то послѣднее, а также и то, что я даже въ тайникахъ души своей не чувствовалъ за собой ничего подлежащаго вѣдѣнію моего попутчика, побудило меня втянуть его въ разсказы и слушать ихъ молча, не перебивая, а тѣмъ болѣе не критикуя его дѣяній, дабы не спугнуть этимъ видимо напавшее на него откровенное настроеніе, не смутить его и не заставить замолчать. Да и смѣшно бы было читать мораль человѣку, перевалившему за шестьдесятъ лѣтъ и всю жизнь посвятившему своей многотрудной и хитроумной дѣятельности.

Для пишущаго человѣка занимательный разсказчикъ, да еще такой живой архивъ всякаго бытоваго и психологическаго матеріала,— цѣнный кладъ.

Мой собесѣдникъ, оказалось, зналъ меня не только по фамиліи, но и въ лицо. Зналъ, что я занимаюсь литературнымъ дѣломъ и, конечно, воспользуюсь кое-чѣмъ изъ его разсказовъ. Онъ такъ и сказалъ прямо:

— Что можно, запишите и печатайте, а что не подлежитъ оглашенію, вы и сами, конечно, оставите при себѣ.

Къ сожалѣнію, большая часть его разсказовъ относится именно къ этой второй категоріи и, не смотря на всю ихъ особую интересность, я не имѣю возможности подѣлиться ими съ читателемъ, но, можетъ быть, и то, что «оглашенію подлежитъ», прочтется не безъ нѣкотораго интереса.

II.

Разсказывать онъ началъ уже за Тверью, послѣ того, какъ намъ изъ буфета подали хорошаго, стараго хереса, да и не одну, а цѣлыхъ двѣ бутылки. Мой попутчикъ, видимо, любилъ выпить и понималъ толкъ въ винѣ. Оно же развязывало ему и языкъ и, не туманя головы, придавало разсказамъ его особую артистическую отдѣлку, которую, повторяю, передать на бумагѣ нельзя, такъ какъ, главнымъ образомъ, она состояла въ мимикѣ, жестѣ и интонаціи. Кромѣ того, въ передачѣ, къ сожалѣнію, должна получиться досадная отрывочность и несвязность, вслѣдствіе съ одной стороны выпусковъ неподлежащаго оглашенію, а съ другой и самой манеры разсказчика, умѣвшаго иногда коротенькой паузой дорисовать картину, досказать неудобовыговариваемую мысль.

— Служба моя началась при императорѣ Николаѣ Павловичѣ,— говорилъ мой попутчикъ, прихлебывая маленькими глотками хересъ.— Времена были строгія, и каждый шагъ приходилось дѣлать съ оглядкой. Начальникъ мой, Ш., былъ изъ простыхъ людей, любилъ канареекъ слушать, игралъ на гитарѣ и тянулъ «Ерофеичъ», но человѣкъ былъ дѣльный и смѣтливый. Команда вышколена у него была на диво: говорили мало—по глазамъ понимали другъ друга... Сижу я однажды у него, чай пью, да слушаю, какъ онъ на гитарѣ потренькиваетъ... Вдругъ на порогѣ—Мотовиловъ, одинъ изъ команды. Ш., какъ взглянулъ на него, сразу понялъ, что серьезное... «Государь императоръ лично убѣдиться изволилъ, что строжайшій запретъ нижнимъ чинамъ посѣщать питейные дома нарушается»... Дѣло такъ произошло: ѣхалъ императоръ въ саняхъ по Гороховой и издали еще замѣтилъ, что какой-то солдатъ въ кабакъ шмыгнулъ. Велѣлъ императоръ остановить лошадь, вышелъ изъ саней и самъ туда же. На грѣхъ сидѣлецъ не узналъ императора—освѣщеніе-то въ то время было сальными свѣчками.

— Къ тебѣ сейчасъ солдатъ зашелъ?—спросилъ императоръ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, никакого солдата не было.

Ну, тутъ государь изволилъ сдѣлать движеніе... И не только сидѣлецъ понялъ, передъ кѣмъ онъ стоитъ, но понялъ это и солдатъ, сидѣвшій подъ стойкой, и моментально вытянулся во весь ростъ.

Вотъ объ этомъ-то событіи Мотовиловъ и донесъ. Поблѣднѣлъ мой Ш.: зналъ онъ, что дѣло это просто не кончится, и, отправляясь къ генералъ-губернатору за приказаніями, даже вздрагивалъ весь... И дѣйствительно, было отчего: всѣмъ попало! Да еще какъ попало-то! И откупщику, и генералъ-губернатору, и полиціи, и сидѣльцамъ. Не одному этому сидѣльцу, а всѣмъ вообще...

Строго было въ то время, гулять-то приходилось съ оглядкой... И тогда-то вотъ я мои первые шаги и сдѣлалъ... Вышло недоразу-

мѣніе: по дорогѣ въ Гатчину былъ найденъ человѣкъ безъ чувствъ и безъ языка. Безъ языка въ буквальномъ смыслѣ слова... Раскрыли ротъ, а тамъ только короткій обрѣзочекъ остался, распухшій и отвратительный... Человѣка взяли, привели въ сознаніе и допросъ начали чинить... Но такъ какъ говорить онъ не могъ, а письменныя показанія чрезвычайно напоминали тѣ резолюціи, которыя накладывалъ Емелька Пугачевъ, по полному безграмотству своему выводившій на бумагѣ разные крючки да палочки-то, и пришли въ заключенію, что человѣкъ этотъ сектантъ и толка какого-то необычайно опаснаго, а непонятные крючки и палочки на бумагѣ ставитъ онъ для того, чтобы привести всѣхъ въ заблужденіе... Начался розыскъ и велся очень энергично... Гатчина была объявлена гнѣздомъ безъязычнаго лжеученія. Обывателямъ тамъ въ ротъ заглядывали, и хотя тѣ и клялись и божились, что ни къ какимъ сектамъ не принадлежатъ,— не вѣрили и языки показывать заставляли... Искали все такихъ, у которыхъ языка нѣтъ. А онъ, какъ на зло, у всѣхъ оказывался... Секта-то и не выгорала... Генерала Н., перваго натолкнувшагося на мысль о сектѣ безъязычныхъ, это крайне раздражало. Да что будешь дѣлать?.. «Безсловесныхъ» сколько угодно, а языки у всѣхъ... Я-то въ первый же день узналъ, въ чемъ дѣло, да какъ доложить? Требуется сектантъ, а на рукахъ у меня просто мелкій приказчикъ, промотавшій хозяйскія деньги, да послѣ двухнедѣльнаго запоя въ припадкѣ бѣлой горячки вырѣзавшій себѣ языкъ... Ужъ я его даже думалъ самъ въ какую нибудь секту посвятить, да куда тебѣ!.. Говоришь, говоришь ему, а онъ только глазами хлопаетъ... Перо дашь, да бумагу подложишь, примется Емелькины каракульки выводить... Пришлось огорчить генерала Н. и Гатчину отъ всякихъ сектъ объявить благополучной... Ну, за приказчика-то, конечно, никакого поощренія мнѣ не вышло. Другое дѣло, если бы секточку открыть, но, вѣдь, и то надо принять въ расчетъ,— нельзя же было людямъ въ угоду генерала Н. языки рѣзать. Это, вѣдь, все-таки не собачьи хвосты, которые мнѣ пришлось кромсать ради одной высокопоставленной дамы...

— Какъ такъ?

— Да очень просто.

III.

— Занималъ я въ то время уже постъ начальническій... Докладываютъ мнѣ, что графиня NN. желаетъ меня видѣть... Вышелъ я въ пріемную—ну, расшаркался, какъ слѣдуетъ, и прошу изложить обстоятельства дѣла... А она такъ важно мнѣ:

— Мнѣ нужно, говоритъ, видѣть самого начальника. У меня къ нему карточка отъ генералъ-губернатора.

— Я самъ начальникъ и есть, ваше сіятельство,— заявляю я.

— Вы?

Ну, сейчасъ лорнетку къ глазамъ и смѣрила меня съ головы до ногъ, словно желая сказать, что по моей наружности она бы этого не подумала.

— Ну, что дѣлать? Вы—такъ вы, все равно. У меня къ вамъ дѣло,—заговорила графиня.

— Радъ служить-съ.

— Видите ли, была у меня собачка, прекрасный, породистый мопсъ... И вдругъ третьяго дня онъ куда-то исчезъ... Ужъ мы искали, искали; всю дворню на ноги подняла — ничего! А вы понимаете, я жить безъ него не могу! Ну, я и обратилась къ самому генералъ-губернатору... А онъ направилъ меня къ вамъ... Такъ вотъ, пожалуйста...

— Что же вы желаете, ваше сіятельство?

— Какъ что? Конечно, отыскать моего Нарциса, моего мопса!

Я было сначала замялся, но передо мной лежала карточка генералъ-губернатора, да и сама-то графиня была особа вліятельная...

— Позвольте,—говорю,—примѣты вашей собачки.

— Примѣты,—говоритъ,—мопсъ... Кличка Нарцисъ, а самъ маленькій! Такой хорошенькій! Толстенькій, темно-сѣренькій...

— Всѣ мопсы,—говорю,—ваше сіятельство, таковы...

Обидѣлась даже.

— Ну, нѣтъ,—говоритъ,—такихъ красавчиковъ, какъ мой Нарцисъ, рѣдко встрѣтите.

А сама продолжаетъ:

— Мордочка черненькая, ушки небольшія, а какъ покушаетъ, такъ хрипитъ.

— Особыхъ примѣтъ,—говорю,—не имѣется ли?

— Особыя примѣты,—говоритъ,—любитъ сахаръ со сливками, а иногда ѣстъ и персики. Но это дѣло чисто каприза... Иногда ѣстъ, а иногда и нѣтъ... Персикъ съѣстъ, а косточку выплюнетъ... Такой умница!

— Ошейничка на немъ не было ли?

— Конечно, былъ! И ошейникъ преизящный, заказанъ въ Лондонѣ... Но вы представьте себѣ, ошейникъ-то дома остался! Такъ мы его и нашли лежащимъ на подушечкѣ... Ошейникъ тутъ, а Нарциса нѣтъ... Такъ вотъ найдите-ка вы мнѣ его, пожалуйста, да непремѣнно найдите.

Ну, подумайте! Легко ли найти по такимъ примѣтамъ собаку? Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, всѣхъ мопсовъ на пробу персиками кормить.

— Ахъ, да! Вотъ еще! У моего Нарциса хвостъ отрубленъ,— добавила графиня уже въ передней, до которой я ее самъ почтительнѣйше проводилъ.

«Ну, слава Богу! Это все-таки хоть примѣта, потому что мопсамъ хвосты рѣдко отрубаютъ»,—подумалъ я.

Ну, и принялись мои агенты безхвостыхъ мопсовъ ловить. Двухъ-трехъ нашли, сносили къ графинѣ — нѣтъ! забраковала... Не тѣ, оказываются... Что ты будешь дѣлать? Стали хвостатыхъ ловить, да хвосты имъ рѣзать... И этихъ бракуетъ: тотъ на кличку «Нарцисъ» не откликается, этотъ персиковъ не ѣстъ... Наконецъ, одинъ мой агентъ догадался: отыскалъ хорошенькаго мопсика, обрубилъ ему хвостъ, да съ недѣлю у себя подержалъ; пріучилъ къ кличкѣ «Нарциса» и къ персикамъ. Къ персикамъ пріучалъ такъ, что выметъ косточку, да кусочекъ мяса вмѣсто нея и положитъ. Ну, тотъ, конечно, и рветъ персикъ, покамѣстъ до начинки не доберется... Снесли его къ графинѣ... Въ восторгъ пришла! «Этотъ самый, говоритъ, онъ и есть мой Нарцисъ ненаглядный!.. И сливки съ сахаромъ любитъ и все прочее». Велѣла меня благодарить... Только черезъ недѣлю я узналъ, что опять огорчена графиня: околѣлъ ея Нарцисъ. Дала, видите ли, она ему персикъ, а онъ, вмѣсто того, чтобы фруктъ-то съѣсть да косточку выплюнуть, фруктъ-то выплюнулъ, а косточку проглотилъ. Привыкъ у агента къ мясной начинкѣ... Ну, да что дѣлать? Тутъ ужъ я не виноватъ былъ; въ смерти никто не воленъ... Потомъ, когда встрѣчалась со мной, всегда очень привѣтливо улыбалась и генералъ-губернатору отзывалась обо мнѣ похвально..

— Неужели васъ и такими пустяками занимали?—спросилъ я.

— Занимали и не такими! Между серьезными дѣлами нѣтъ-нѣтъ да и прорвется какой нибудь мопсъ безъ хвоста или сектантъ безъ языка. Однако, сектанты-то мнѣ и сослужили большую службу. Но не тѣ, которыхъ генералъ Н. въ Гатчинѣ отыскивалъ, а другіе, настоящіе... Есть, видите ли, въ россійской губерніи посадъ Г... Слыхали, можетъ быть? Такъ вотъ этотъ самый посадъ Г. въ очень еще сравнительно недавнее время былъ, можно сказать, настоящимъ русскимъ Манчестеромъ...

— Виноватъ,—перебилъ его я,—но, сколь мнѣ помнится, посадъ Г. никогда не былъ фабричнымъ центромъ, а славился хмелеводствомъ.

— Хмелеводство—хмелеводствомъ, а фабрички были... и много ихъ было... Что ни домъ, то фабрика... И товаръ выдѣлывался самый нѣжный, изящный и самый дорогой...

— Что же именно?

Мой собесѣдникъ весело улыбнулся и совсѣмъ просто проговорилъ:

— Государственные кредитные билеты дѣлали. Попросту сказать, фальшивыя бумажки... И этимъ большой подрывъ «экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ» оказывали, потому что много дешевле свой товаръ спускали. Экспедиція-то, видите, дорожится, а Г-скіе мануфактуристы большую скидку дѣлали... Процентовъ семьдесятъ пять, а то и больше сбрасывали... Ну, конечно, всѣмъ и лестно дешевый товаръ пріобрѣтать. И не мало крупныхъ состояній на этомъ дѣлѣ наживалось.

Мой попутчикъ совсѣмъ откровенно назвалъ нѣсколько извѣстныхъ купеческихъ фамилій.

— Всѣ съ Г-скихъ бумажекъ жить пошли,—добавилъ онъ.— Но какъ ни какъ, пришло время, обратили вниманіе и на это производство. И вотъ былъ командированъ туда я... Народъ въ Г. все умный, опытный и между собою дружный... Сплошь все раскольники... Съ неумытыми руками къ нимъ не подходи: пронюхаютъ, что за птица, и перья выщиплютъ. Стало быть, надо было за дѣло приниматься съ осторожностью... И вотъ въ одинъ прекрасный день въ Г. появляется новый дьяконъ, разумѣется, раскольничій... О прибытіи дьякона этого г-не были уже заранѣе предувѣдомлены, ждали его... Были письма о немъ и изъ Австріи, съ Черемшани, съ Керженца... Появился дьяконъ, хоть и не видный изъ себя, да смиренный и находчивый... Встрѣтили его честь честью и стали въ свой обиходъ вводить. Дьяконъ молчитъ да прислушивается. Попъ Андрей очень даже этого дьякона полюбилъ. Сидитъ, бывало, съ нимъ на заваленкѣ и съ обывателями знакомитъ. Вотъ, говоритъ, Иванъ, видишь купецъ, на сѣрой лошади проѣхалъ? Тоже, говоритъ, фабрикантъ. «Рублевый», говоритъ. Спокойный, говоритъ, у него товаръ, отчетливый... Предшественникъ, говоритъ, твой, дьяконъ Пафнутій, пробовалъ было рублями позаняться, да бѣлесовато выходило...

— Всѣмъ бы былъ хорошъ дьяконъ Иванъ—одна слабость за ними водилась: до дѣвушекъ падокъ былъ. Какъ вечеръ, такъ онъ сейчасъ и въ лѣсокъ гулять.

— Иване, Иване, камо грядеши?—спрашиваетъ его бывало раскольничій попъ.

— Освѣжиться, отче. Лѣсной прохладою подышать,—смиренно отвѣчалъ дьяконъ Иванъ.

— Смотри-ка, какъ бы тебѣ за эту прохладу наши парни ногъ не переломали!—стращаетъ попъ дьякона.—Знаю, вѣдь, я, зачѣмъ ты въ лѣсъ-то ходишь! Съ дѣвчонками спохался. Отъ нихъ и «прохладу» пріемлешь. Видѣлъ я, какъ ты съ Афроськой перегоривался!

А Иванъ только склонитъ голову на сторону, смиренно улыбнется, да и въ лѣсъ.

А въ лѣсу его ужъ поджидаютъ, но не Афросинья Никитишна—дочь посадскаго человѣка, а какіе-то невѣдомые люди. И съ невѣдомыми людьми дьяконъ Иванъ невѣдомый разговоръ ведетъ. Поговоритъ, поговоритъ, да и обратно въ посадъ. А на утро его Афроська ругаетъ: «Что-жъ ты, говоритъ, обманщикъ не пришелъ вчера? Ждала, ждала я тебя!» «Какъ, говоритъ, не пришелъ? Я былъ. Спроси хошь попа Андрея!»

— Вотъ-то разъ! Стану я спрашивать!

— Ну, вѣрно, съ разныхъ концовъ къ лѣсу подошли,—успокоитъ онъ дѣвицу.

И ждетъ до слѣдующаго вечера. А въ слѣдующій вечеръ опять та же исторія.

— Все шло прекрасно. Только пришлось дьякону Ивану въ «моленной» служить. И случись, на грѣхъ, сбился онъ, да и сбился-то какъ-то ужъ очень несообразно. Всполошились старцы, закудахтали старицы—начетчицы... Видитъ Иванъ, дѣло плохо... Можетъ и не добромъ кончиться. И свершилось тутъ чудо! Былъ дьяконъ Иванъ и вдругъ—нѣтъ дьякона Ивана. Ну, что называется, на глазахъ истлѣлъ. А вмѣсто него появились вдругъ невѣдомые люди, съ кокардами на фуражкахъ, и поднялся переполохъ велій. Взвыли г-не... Особенно обидно имъ показалось, когда между людей съ кокардами они и дьякона Ивана узнали... И, о соблазнъ велій! этого еще вчерашняго служителя роскольничей церкви на головѣ тоже фуражка съ кокардой оказалось... Было смятеніе великое, когда забрали всѣхъ господъ бумажныхъ фабрикантовъ и погнали въ тюрьму... Такъ вотъ и было разорено г-ское гнѣздо «для изготовленія государственныхъ кредитныхъ билетовъ, хотя и по высочайше утвержденному образцу, но безъ особаго на то разрѣшенія». Фабриканты-то, конечно, были переловлены, но «фабрикаты»-то ихъ перехватить было уже трудно. Много лѣтъ разносились они по всему государству, вывозились и за границу и настоящими ихъ производителями давно уже были обмѣнены и на бумажки настоящія... Кое-кого приструнили, кое-кого оставили въ подозрѣніи, а кое-кто и невѣдомъ остался.

— Ну, а куда же дѣвался дьяконъ Иванъ?—спросилъ я.

— Какъ куда? Да онъ же передъ вами сидитъ, — разсмѣялся мой собесѣдникъ.—Да, интересное это было дѣло, и смѣло могу сказать, чистенько было оно и сдѣлано.

IV.

— Вотъ, вѣдь, какая странная вещь,—продолжалъ онъ,—ужъ, кажется, что серьезнѣе нашей дѣятельности? Все приходится вести сношенія съ убійцами, да съ ворами, а, вѣдь, въ рѣдкомъ дѣлѣ нѣтъ комическаго элемента! Да и сами-то дѣятели подчасъ большіе комики. Самъ рѣжетъ, а самъ остритъ. Забавный народъ попадается. А попадаются къ намъ иногда и такіе, что, право, не знаешь, что сдѣлать: расхохотаться или по шеѣ накласть? Сплю я однажды у себя въ спальнѣ. Говорю объ этомъ, потому что далеко не каждую ночь мнѣ приходилось у себя въ спальнѣ спать... И вдругъ, часу въ третьемъ ночи надъ самой головой моей задребезжалъ электрическій звонокъ. Особый такой у меня звонокъ проведенъ, и дежурный даетъ мнѣ имъ знать о случаяхъ только исклю-

чительныхъ и серьезныхъ... Ну-съ, продребезжалъ этотъ звонокъ— что дѣлать? Вставать надо! Значитъ, рыба попалась большая... Докладываютъ мнѣ, что убійца пришелъ... Одѣлся я, вышелъ въ пріемную и сѣлъ за столъ... Столъ у меня этотъ круглый и размѣровъ солидныхъ... Разные сомнительные разговоры я люблю всегда черезъ него вести, потому что попадается иногда народъ неосторожный, неровенъ часъ, и задѣнетъ чѣмъ нибудь... А говорить иногда приходится и съ глазу на глазъ... И круглый-то столъ служитъ для меня этакъ въ нѣкоторомъ родѣ фортеціей. Случалось иногда вокругъ него и въ карусель поиграть... Ну-съ, сѣлъ я за круглый столъ и говорю:

— Введите!

Вводятъ парня лѣтъ двадцати трехъ-четырехъ.

— Съ чѣмъ пришелъ, говорю, братецъ?

— Такъ и такъ, ваше-ство, человѣка убилъ.

— Убилъ, такъ доказывай по порядку.

— Агашу, говоритъ, убилъ, свою душеньку. Потому какъ, говоритъ, она подлая, за меня замужъ не хотѣла. Второй годъ мы съ ней въ любви состоимъ, и вдругъ началъ я замѣчать, что она носъ воротитъ. А тутъ люди говорили, что она съ генеральскимъ кучеромъ слюбилась... Очень мнѣ стало обидно, и захотѣлъ я на ней, теперича, жениться... Такъ и такъ, говорю, Агаша, желаешь, говорю, въ законный бракъ?

— Не желаю, говоритъ. Какъ, говорю, не желаешь? Можетъ ли это статься?.. А такъ и не желаю, вотъ тебѣ и сказъ. Что тебѣ, спрашиваю, генеральскій-то кучеръ любѣе меня сталъ? Ну, ты, говоритъ, про это не разсуждай—кучеръ-то, можетъ быть, сорокъ рублей жалованья получаетъ, а ты и двадцати не выработаешь! Выходи, говорю, за меня и больше выработаю! Какъ же, подставляй карманъ шире, такъ и вышла! Ступай-ка ты, лучше, откуда пришелъ, да поищи невѣсту въ другомъ мѣстѣ, а я тебѣ не пара. Скажите, пожалуйста, ну, чѣмъ не пара? Что она у штатской полковницы въ горничныхъ живетъ? Такъ, вѣдь, и я же при своемъ мѣстѣ. Нѣтъ, заладила свое—не пара, да не пара... День къ ней хожу, уговариваю, два хожу... Подарки приносить началъ... Подарки беретъ— это, говоритъ, за прежнее, а сама уперлась, какъ колода: не пара, да и только... На дворѣ ужъ надо мной смѣяться стали: шелъ бы ты, говорятъ, Василій, въ кучера—можетъ, она и впрямь гужеѣдовъ обожаетъ... Ну, вотъ вчерась вечеромъ пришелъ я къ ней въ послѣдній разъ. А самъ такъ думаю: не моя, такъ ужъ никому не доставайся. Такъ не пара, спрашиваю? Даже и не отвѣтила, а только головой мотнула. Ну, говорю, Богъ съ тобой, Агашенька! Стало быть—не житье мнѣ здѣсь, проститься пришелъ, говорю, съ тобой. Къ себѣ въ деревню ухожу. Ну, что жъ, прощай! Скатертью дорога, говоритъ. Да нѣтъ, говорю, ты не такъ, ты какъ слѣдуетъ простись! А какъ тебѣ еще слѣ-

дуетъ?.. Ну, въ трактиръ пойдемъ, выпьемъ парочку пива, покалякаемъ... Сначала было заартачилась, одначе уговорилъ. Согласилась. Накинула платочекъ и пошла въ трактиръ. Началъ было это я тамъ опять разговоръ заводить: слышишь ты, говорю, вѣдь это законный бракъ! Это не то, что къ кучеру на конюшню бѣгать. Что ты станешь дѣлать? Пиво пьетъ, а сама только головой отмахивается... Ну, вышли мы изъ трактира, идемъ это по берегу Фонтанки, къ ихнему дому ужъ подходимъ. Ну, что жъ, говорю, Агаша, простимся, что ли? Поцѣлуй, говорю, меня въ послѣдній-то разъ. Вотъ тебѣ на! Стану, говоритъ, я тебя на улицѣ цѣловать, когда тутъ народъ ходитъ! Оно хошь, говоритъ, ночью, а все видно. Дѣйствительно, видно. Сойдемъ, говорю, вотъ на портомойню! Ну, не пойди она—можетъ, ничего бы и не было, а какъ на грѣхъ, раньше все упрямилась, а тутъ, накося, сама впередъ побѣжала. Вошли это мы въ портомойню, обнялъ я ее да и говорю: послѣдній разъ спрашиваю—пойдешь ты за меня или нѣтъ? А она это: ахъ, говоритъ, какъ ты мнѣ съ этими глупостями надоѣлъ! Ну, тутъ ужъ я, свѣта не взвидѣлъ! Сгребъ ее въ охабку да и бултыхъ въ воду! Вскликнуть не успѣла! Пошла было ко дну, но одначе сейчасъ же и вынырнула. Вынырнула и руками за полъ ухватилась. А я ее каблукомъ въ лобъ. Она подняла глаза ко мнѣ, да такъ жалобно: «вижу, говоритъ, теперь, Вася, какой ты подлецъ выходишь!» Ну, я ее вдругорядь въ лобъ каблукомъ... Тутъ она это подъ воду такъ и ушла, одни пузыри только поскакали... Постоялъ я, постоялъ, потомъ вижу, больше не выплываетъ, пошелъ по городу бродить. Почитай, всю ночь пробродилъ... Потомъ къ господину городовому объявился, сталъ спрашивать, куда мнѣ явиться надо? Они меня сюда и предоставили. Вотъ и все.

Кончилъ, это, парень свой разсказъ, а я подумалъ немного, да и спрашиваю его:

— Ну-ка, повтори! Какія послѣднія слова Агаша сказала?

— Вижу, говоритъ, Вася, какой ты теперь подлецъ выходишь!— повторилъ парень.

— Ага!

Ну, велѣлъ я его припрятать до утра, а самъ спать пошелъ. А утромъ, только что проснулся, какъ мнѣ ужъ докладываютъ, что утопленница пришла.

— Какая утопленница?

— Да вотъ та самая, что вчерашній парень утопилъ.

Вызвалъ я ее къ себѣ: такая смазливенькая дѣвченка, что вотъ у акушерокъ часто въ горничныхъ попадаются.

— Жива?—спрашиваю.

— Жива, говоритъ, ваше-ство. И тонуть не думала. Все это, говоритъ, онъ на себя выдумалъ! Правда, говоритъ, въ трактирѣ пиво пили съ нимъ, и замужъ онъ за себя уговаривалъ, а что до «утопитія» или хоша бы генеральскаго кучера, то все это одна фан-

тазія... Что мнѣ, говоритъ, генеральскій кучеръ? сахаръ какой! Отъ него кожей пахнетъ.

— А чего жъ, спрашиваю, ты за Васю-то не шла?

— По глупости, говоритъ, ваше-ство. Хозяйка отговаривала. Выйдешь, говоритъ, замужъ—держать не стану!

Ну, приказалъ я преступника привести. Какъ увидалъ онъ свою Агашу, задрожалъ весь и въ ноги бухнулъ.

— Виноватъ, говоритъ, ваше-ство! Только пусть же, говоритъ, она, подлая, знаетъ, сколь я ее люблю, что изъ-за нея, змѣи, можно сказать, на каторгу идти желаю.

Ну, приказалъ я и тому и другому по шеѣ накласть и выпроводить съ миромъ... Потомъ приходили въ посаженные отцы звать, да я не пошелъ!..

V.

— А однажды утромъ ко мнѣ чиновникъ изъ Гавани прибѣжалъ... Голова въ пуху, а самъ въ халатѣ да въ однихъ туфляхъ... Видно было, что прямо съ постели такъ и примчался... Удивляться надо, какъ по дорогѣ городовые не задержали... Что вамъ, спрашиваю?—Разрѣшите, говоритъ, меня, ваше-ство!—Въ чемъ разрѣшить?—А вотъ скажите мнѣ: женатъ я или нѣтъ?—Вамъ, говорю, лучше знать.—Вотъ то-то и есть, говоритъ, что доподлинно-то мнѣ это неизвѣстно. Можетъ быть, женатъ, а, можетъ быть, еще и холостъ.—Да почему же, спрашиваю, вы въ такое сомнѣніе пришли?—Какъ не прійти въ сомнѣніе, помилуйте! Живу я въ гавани, въ отставкѣ и на пенсіонѣ... Нанимаю квартиру у отставной матроски Пузыревой... Старушка такая, лѣтъ девяносто пяти, при чемъ глуха и подслѣповата, согласно своему возрасту. Живу я въ гавани и имѣю разныя слабости... Вы, какъ проворливецъ, ваше-ство, объ оныхъ по внѣшнему облику моему догадаться можете...

Взглянулъ это я на его обликъ—носъ, какъ грецкая губка, а цвѣтомъ спѣлый баклажанъ напоминаетъ.

— Именно такъ, ваше-ство, — подтверждаетъ чиновникъ, — на носу-то у меня весь формуляръ и прописанъ... Неблагопристойность сего органа даже дальнѣйшему движенію по службѣ мнѣ помѣшала. Ежели бы не носъ, мнѣ бы и пенсіонъ другой вышелъ... Подгадилъ мнѣ этотъ инструментъ... Но женщина, ваше-ство, созданіе лукавое... Имъ и носъ нипочемъ!..

— Да вы безъ философіи, говорю, нельзя ли поближе къ дѣлу.

— А дѣло такъ произошло,—продолжалъ чиновникъ,—проснулся я сегодня утромъ и вижу, что по моей комнатѣ женщина ходитъ и въ нарядѣ весьма легкомысленномъ... Сталъ я присматриваться—вижу, что это Сашка, дочь матроса Ерохина. «Ты,—говорю,—тутъ что дѣлаешь?»—«Какъ что дѣлаю? Развѣ не видишь, что въ на-

пильотки завиваюсь?..» И дѣйствительно вся голова у нея, какъ думская каланча въ праздники, расцвѣчена. «Что-жъ ты, говорю, не могла для подобнаго глупаго занятія другого мѣста выбрать?» «А гдѣ-жъ мнѣ другое мѣсто, какъ не при законномъ супругѣ?» — отвѣчаетъ это Сашка, продолжая свои рыжія лохмы закручивать. «А ты ври, да знай же мѣру! Какой же это я такой тебѣ законный супругъ?» Сашка вдругъ какъ завоетъ! «Скажи, говоритъ, пожалуйста! Вчера,—говоритъ,—на колѣняхъ стоялъ, руки цѣловалъ! А сегодня меня, законную супругу, вонъ гонитъ!» И только это она успѣла взвыть, какъ входитъ въ комнату матросъ Ерохинъ, т.-е. Сашкинъ отецъ, съ какимъ-то своимъ пріятелемъ.—«Ну-ка, говоритъ, зятекъ любезный! подавай тестю угощеніе!»—«Да что, говорю, сбѣсились вы тутъ всѣ, что ли?»—«Нѣтъ, говоритъ, не мы сбѣсились, а ты, должно быть, коли отъ живой жены отрекаешься!» Какъ былъ я, ваше-ство, въ халатѣ—а по чиновному своему званію я всегда въ халатѣ сплю—такъ и метнулся изъ кровати и прямо въ церковь... Вижу, у ограды дьячекъ стоитъ. «Позвольте, говорю, въ церковныхъ книгахъ справку навести о томъ, что женатъ я или нѣтъ?»—«А полтинникъ, говоритъ, есть?»—«Нѣтъ, говорю, полтинника не имѣю».—«Ну, такъ и проваливай къ чорту!» Ну, вотъ я, ваше-ство, къ вамъ и отправился...

— Что-жъ, пришлось справку навести... Оказалось, что по всей формѣ обвѣнчанъ... Только послѣ свадьбы такъ запьянствовалъ, что и забылъ все... Да-съ, въ нашей дѣятельности не мало разнообразія, и не мало намъ приходится и добра творить. Вы думаете, мало народа вѣчную благодарность ко мнѣ питаютъ? Что говорить,—тяжела служба, почти сплошь въ грязи копаться приходится, а добро, по мѣрѣ силъ, дѣлаемъ.

— Вотъ хоть бы, напримѣръ, такое обстоятельство. Является ко мнѣ барышня лѣтъ двадцати двухъ-трехъ, ну, по обыкновенію, подъ густымъ вуалемъ—къ намъ всѣ подъ вуалями приходятъ, а какъ ко мнѣ въ кабинетъ попадутъ, не только съ лицъ, но, можно сказать, и съ души эти самые вуали сдергиваютъ. Ну-съ, вотъ сняла эта барышня свой вуаль и, вижу, прехорошенькая... И личико у нея пресимпатичное. Сразу къ себѣ расположила...

— Чѣмъ, говорю, могу служить, сударыня, и съ кѣмъ имѣю честь разговаривать?

— Я, говоритъ, дочь покойнаго генералъ-лейтенанта такого-то. Послѣ отца получаю пенсію и пенсію довольно солидную. А, между тѣмъ, мнѣ уже и жить нечѣмъ.

— Какъ такъ-съ?

— Да такъ, говоритъ, нашелся такой злой человѣкъ, который всю эту пенсію отъ меня отбираетъ.

— Такъ-съ... А почему онъ такія права на вашу пенсію пріобрѣлъ? спрашиваю.

Вспыхнула моя барышня, какъ маковъ цвѣтъ, и потупилась.

— А вы не стѣсняйтесь, — ободряю ее, — что между нами сказано, между нами и останется. А безъ полной съ вашей стороны откровенности я вамъ и помочь не могу.

— Узналъ этотъ человѣкъ одинъ мой секретъ,—чуть слышно лепечетъ барышня.—И секретомъ этимъ меня въ рукахъ держитъ и обираетъ меня до послѣдней копейки.

— А въ чемъ же секретъ-то состоитъ-съ?

Еще пуще зардѣлась барышня и созналась, что была у нея любовная интрига съ однимъ женатымъ человѣкомъ, и что злодѣй ея, пронюхавъ про эту интригу, заручился вѣскими доказательствами и теперь стращаетъ разоблаченіемъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы ей меньше всего этого хотѣлось.

— Младенчика у васъ не было ли?—спрашиваю. Оказывается, что еще до этого не дошло. Ну, въ такомъ случаѣ, будьте спокойны,—говорю. Всю вашу пенсію вы будете получать теперь полностью, и господинъ этотъ васъ болѣе не потревожитъ. Только сообщите: кто онъ такой?

Оказалось, что мелкій чиновникъ, служитъ въ одномъ изъ департаментовъ... Поѣхалъ я справочку наводить по мѣсту его служенія... «Есть,—говорю,—у васъ такой чиновникъ?» «Есть»,—говорятъ. «Ну, каковъ онъ по службѣ и все прочее?» «Да ничего! Особой рачительностью не отличается, но и дѣломъ не манкируетъ. Не лучше, не хуже многихъ другихъ».—«А жалованья сколько получаетъ?»—«А жалованья,—говорятъ,—получаетъ пятьдесятъ два рубля, сорокъ три копейки съ третью». Заручившись такими справками, отправился я къ нему на квартиру. Жилъ онъ на Надеждинской, парадный подъѣздъ на улицу. Спрашиваю швейцара: «Сколько этотъ жилецъ у васъ за квартиру платитъ». «Шестьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ, говоритъ, на своихъ дровахъ. Хорошій, говоритъ, баринъ, аккуратный! И на чай, говоритъ, всегда даетъ». Ну, позвонилъ я къ нему. Отпираетъ горничная—уже пожилая и собой такая благообразная. «Дома, говорю, баринъ?» Она было это замялась, да я предупредилъ ее: далъ свою визитную карточку и вошелъ въ гостиную. Обстановка прекрасная. Видно, что человѣкъ широко живетъ и со вкусомъ... А черезъ минуточку вышелъ ко мнѣ и самъ хозяинъ квартиры... Представительный такой господинъ, лѣтъ тридцати пяти... Въ рукахъ мою карточку держитъ, самъ блѣденъ, а нижняя-то губка, вижу, попрыгиваетъ... «Здравствуйте, говорю, батюшка. Я, вотъ, говорю, къ вамъ въ гости заѣхалъ, все ли въ добромъ здоровьѣ?» «Благодарю васъ,—отвѣчаетъ,—садитесь, пожалуйста! Чѣмъ могу служить?» А я это обстановку осматриваю, да и говорю: «Мило, очень мило! Съ большимъ вкусомъ убрались! И часики на каминѣ, и статуетки!.. Ну, какъ дѣла идутъ?»—спрашиваю.

— Это вы на счетъ службы?—освѣдомился онъ.

— Да-съ, на счетъ службы. Трудно, вѣдь, поди на пятьдесятъ два рубля сорокъ три копейки съ третью-то жить?

Молодецъ вздохнулъ только.

— Будьте-ка, говорю, любезны сообщить: чѣмъ свой бюджетъ пополняете?

А самъ такъ на него взглянулъ: не ври, дескать, все знаю.

— Тайнами владѣю,—довольно откровенно отвѣтилъ онъ.

— А чьи тайны, смѣю спросить?

— Первая, говоритъ, купчихи Охобедровой, вторая инженера Мурашкевича, а третья—генеральской дочки.

— Выгодныя статьи,—говорю я.—Жить можно. Уступочку, говорю, у васъ попрошу.

— Что такое? — спрашиваетъ.

— Да генеральскую-то дочку въ покоѣ оставьте. Предайте ея тайну забвенію.

Опять вздохнулъ мой собесѣдникъ.

— Конечно, говоритъ, волю вашу исполню. Только откровенно долженъ признаться, что трудно мнѣ безъ этого пайка будетъ жить.

— А вы, говорю, ея контрибуцію на Охобедрову съ Мурашкевичемъ разложите. Вотъ вашъ бюджетъ-то и не нарушится.

— Развѣ, что такъ!—повеселѣлъ мой чиновникъ и очень вѣжливо проводилъ меня до передней, еще разъ подтвердивъ, что генеральскую дочку въ покоѣ оставитъ.

— Такъ, видите ли, когда я той объ этомъ сообщилъ, она и плакала, и смѣялась отъ радости, и словъ, какъ благодарить меня, не находила. Особенно когда я на выраженное ею сомнѣніе, что тотъ ее въ покоѣ оставитъ, сказалъ, что въ случаѣ его ослушанія, я уже распоряжусь покруче, и что ослушникъ не только можетъ изъ Петербурга вылетѣть, но долетѣть и до мѣстъ весьма отдаленныхъ.

Прощаясь со мною, барышня обѣщала даже молебенъ отслужить и за мое здоровье просфору вынуть... Вотъ, видите ли, какъ мы иногда мило поступаемъ съ тѣми, кто съ нами хорошъ... Ну, а ужъ если противъ насъ кто пойдетъ,—мы, конечно, въ долгу не останемся... Въ памяти моей сохранился одинъ случай наказаннаго супротивника... Пожалуй, ужъ я вамъ и его разскажу.

VI.

— Было это въ самые первые годы учрежденія мировыхъ судовъ или, какъ гг. газетчики любятъ выражаться, мироваго института... Время, какъ, можетъ быть, сами изволите знать, было либеральное, и либерализмъ этотъ на мой вкусъ выражался подчасъ удивительно странно... Ну, да что объ этомъ разсказывать... Кто самъ не помнитъ, такъ навѣрное слышалъ про тѣ веселыя вре-

мена..: Ну, вотъ-съ, завелся у насъ въ тѣ поры на Петербургской сторонѣ одинъ мировой судья. Либералъ ужаснѣйшій... Всѣ дѣла свои рѣшалъ съ нескрываемой тенденціей. Скажетъ, бывало, какой нибудь квартальный надзиратель не совсѣмъ вѣжливое слово обывателю—онъ его «по высшей мѣрѣ» и объ одномъ только скорбитъ, что въ Сибирь законопатить не можетъ. Обойдется городовой не совсѣмъ осторожно съ какимъ нибудь пьяненькимъ, нашъ судья перуны мечетъ... А искалѣчатъ городоваго — два рубля штрафу... Однимъ словомъ, полиціи отъ него житья не было... Вотъ нашъ генералъ и обратилъ на него свое вниманіе... Призываетъ меня однажды къ себѣ, да и говоритъ:

— Слыхали вы, говоритъ, про Ирода, что избиваетъ полицейскихъ младенцевъ на Петербургской сторонѣ?

— Наслышанъ, говорю, ваше-ство.

— Ну, такъ вотъ, говоритъ, проучить его надо. Только, говоритъ, смотрите, дѣйствуйте въ современномъ гуманно-либеральномъ духѣ, отнюдь не раздражая гусей.

— Слушаю, говорю, ваше-ство.

— Отправился я къ себѣ и велѣлъ позвать двухъ трехъ «видимыхъ и невидимыхъ»... Знаете, этихъ «видимыхъ и невидимыхъ» при моей особѣ всегда достаточное количество имѣется... На этотъ разъ я велѣлъ пригласить самыхъ что ни на есть аристократовъ изъ Полторацкаго дома, что нынѣ домъ князя Вяземскаго, на Сѣнной... Пропойцы и оборванцы невыразимые... Но народъ смѣтливый и даже остроумный... «Вотъ, говорю, господа мои, какое вамъ порученіе»... Только намекнулъ — тѣ живо, съ полслова поняли... И вотъ-съ, на другой же день, утромъ, когда господинъ мировой судья, выйдя изъ своей квартиры, направился въ камеру — а жилъ онъ отъ камеры довольно далеко, даже на другой улицѣ — выросъ передъ нимъ, какъ изъ-подъ земли, молодецъ вершковъ двѣнадцати росту, въ костюмѣ, донельзя упрощенномъ, то-есть, попросту сказать, въ одномъ мѣшкѣ изъ-подъ муки... Раскрылъ свои объятія, привлекъ въ оныя господина судью и ну его цѣловать, а самъ при этомъ приговариваетъ: «Саша, другъ любезный! товарищъ дѣтскихъ игръ! Узнаешь ли ты своего Ореста и Пилада?» А самъ его цѣлуетъ, а самъ цѣлуетъ: «Оставьте, что вамъ нужно?»—отбояривается мировой судья.—«Я васъ совсѣмъ не знаю, и никакого, говоритъ, у меня такого друга дѣтства и не было!» Но дѣтина не унимается: «Не либерально, говоритъ, это, Саша, ахъ, не либерально! Когда, говоритъ, тебя судьба превознесла, а меня унизила — и вдругъ не узнаешь стараго товарища... Не по-лассалевски, говоритъ, поступаешь!» — «Вотъ, люди добрые,— обращается онъ къ уже окружившей ихъ толпѣ,— какія нынче времена! Когда въ бѣдности былъ, когда мой папенька ему, можно сказать, штанишки покупалъ,— другомъ моимъ считался, а какъ выбился въ люди, такъ

и знать ужь меня не хочетъ! Да, Саша, думалъ, говоритъ, я, что ты либеральный человѣкъ, а выходишь ты на-а-ррядочный прохвостъ!» Ну, публика, конечно, это кругомъ вся хохочетъ!... Нашъ мировой это туда, сюда: «городовой, городовой!» а городоваго-то, какъ на грѣхъ, и нѣту! Да и не только городоваго, но и извозчиковъ-то по близости не случилось... Махнулъ нашъ судья рукою и, скрѣпя сердце, зашагалъ дальше къ камерѣ... Но только за уголъ завернулъ, какъ передъ нимъ другой такой же молодецъ, да еще пооборваннѣе и повнушительнѣе... «Обольститель! Гдѣ жена моя?— заревѣлъ онъ, подлетая къ мировому. — Дай отвѣтъ, гдѣ жена моя?» Ну, конечно, опять толпа вокругъ.—«Вотъ, господа честные!»— обращается къ толпѣ второй оборванецъ.— Вотъ какъ обездоленъ я! Соблазнилъ онъ любезную супругу мою, обобралъ все наше состояніе и на эти деньги себѣ мировой цензъ пріобрѣлъ. И вотъ теперь на него судейскую цѣпь повѣсили, а мнѣ, можно сказать, не на что даже и кандаловъ купить!» Опять публика хохочетъ, а господинъ судья, подобравъ фалды, чуть не бѣгомъ въ камеру лупитъ... А у самой камеры его уже третій субъектъ дожидается, вида такого смиреннаго и кроткаго; шапочку передъ мировымъ снялъ и нѣжно такъ лепечетъ: «Ваше высокоблагородіе, Александръ Ивановичъ! Нельзя ли должокъ получить?»—«Какой еще должокъ?»— взвылъ судья.—«Оно, конечно, безъ документа я вамъ давалъ, болѣе на вашу совѣсть надѣючись, одначе три тысячи рублей при моей настоящей бѣдности»... «Вонъ!»—крикнулъ на него судья, понявъ, что это тоже издѣвательство... Опустилъ нашъ смиренникъ голову, горько заплакалъ и пошелъ по улицѣ, а народъ за нимъ: «въ чемъ дѣло?» Ну, тотъ, знаете, воздыхаетъ, да приговариваетъ: «вѣрилъ, говоритъ, я совѣсти людской и за это, говоритъ, теперь по міру долженъ ходить!»... Весь этотъ день господинъ судья мелкой дрожью продрожалъ, но къ полиціи обратиться не счелъ все-таки удобнымъ—не либерально оно, знаете. На другое утро опять въ камеру отправился, и опять повторилась вчерашняя исторія и еще при большемъ стеченіи почтеннѣйшей публики и при такомъ же полнѣйшемъ отсутствіи господъ городовыхъ... Взвылъ мировой и поскакалъ къ генералу. «Такъ и такъ, говоритъ,ваше-ство»... Генералъ это меня сейчасъ вызвалъ. «Что это, говоритъ, у насъ на Петербургской сторонѣ за безпорядки завелись? Вотъ господину мировому судьѣ мѣшаютъ отправлять правосудіе! Извольте же, говоритъ, сейчасъ принять мѣры къ огражденію ихъ, какъ юридической, такъ и частной особы!» Я только низко поклонился: «слушаю, дескать, и понимаю».

— Вышелъ на слѣдующій день господинъ судья изъ своей квартиры, а у подъѣзда его уже два городовыхъ ждутъ. Пошелъ онъ по тротуару, и они съ нимъ; одинъ шагахъ въ двухъ впереди, а другой шагахъ въ двухъ позади, и у каждаго книжка подъ мыш-

кой... А народъ, уже привыкшій къ спектаклямъ —тутъ какъ тутъ, слѣдомъ цѣлой толпой повалилъ. Мальчишки, откуда ни возьмись, набѣжали. Прыгаютъ это по обыкновенію на одной ножкѣ, да и кричатъ: «смотрите-ка, смотрите-ка! Нашего мирошу подъ надзоръ полиціи взяли!»—«Такъ ему и надо,— говорятъ бабы,— коли деньги чужія берешь, такъ и отдавать умѣй!»—«Да и мужнихъ женъ съ пути истиннаго не сбивай»,—добавляютъ мужчины... Вздумалъ было мировой городовыхъ отъ себя отогнать: «никакъ нѣтъ, невозможно, потому отъ начальства приказано!..». Такъ они его до самой камеры и доконвоировали. Идутъ да на публику поцыкиваютъ, какъ бы отгоняютъ, а сами и того пуще смѣшатъ... Кончилъ господинъ судья свое засѣданіе, вышелъ изъ камеры, а городовые-то ужъ дожидаются.

— На другое утро приказалъ себѣ извозчика позвать, а съ тѣмъ пріѣхало и еще два. И тронулся кортежъ: впереди городовой на извозчикѣ, за нимъ господинъ судья на извозчикѣ, а за судьей опять извозчикъ съ городовымъ... Публика ужъ прямо шпалерами по тротуарамъ стоитъ...

Смякъ господинъ мировой и поскакалъ опять къ генералу. Но на этотъ разъ не съ жалобой, а съ повинной. А генералъ ему такъ прямо: «каковы вы къ намъ, таковы и мы къ вамъ»... «Не буду, говоритъ, больше, ваше-ство, всѣхъ, говоритъ, теперь уровняю — и нигилистовъ, и городовыхъ! Только отъ надзора освободите!» Посмѣялся генералъ и мнѣ подмигнулъ... И сталъ съ тѣхъ поръ мировой спокойно отправлять правосудіе и безпрепятственно между своей квартирой и камерой моціонъ продѣлывать...

— Теперь вотъ, сами видите, что не всегда-то удобно съ нами не въ ладахъ жить... Хоть мы люди и тихіе и смирные, но на ногу себѣ наступать не позволимъ...

И мой попутчикъ, весело разсмѣявшись, долилъ стаканы хересомъ.

Какъ разъ въ это время раздался громкій свистокъ паровоза.

— Батюшки, да мы никакъ къ Бологому подходимъ! Такъ и есть,—подтвердилъ онъ, взглянувъ на часы.— Половина пятаго! Ну, теперь, я думаю, и соснуть можно...

Черезъ четверть часа я уже спалъ крѣпкимъ сномъ, а когда на другое утро я проснулся подъ самымъ Петербургомъ, моего попутчика въ купэ уже не было.

— Въ Любани изволили высадиться,— сообщилъ мнѣ оберъ-кондукторъ, получившій отъ меня вполнѣ заслуженную имъ «благодарность».

Влад. Тихоновъ.

ЖЕНА СУВОРОВА.

Въ НАШЕМЪ распоряженіи находится копія съ подлиннаго дѣла святѣйшаго синода, 1779 года, за № 349, о разводѣ Суворова съ его женой. Нѣкоторыя обстоятельства этого дѣла могутъ показаться щекотливыми и навлечь на насъ упрекъ въ нескромности. Но все касающееся нашего великаго полководца представляетъ интересъ, и даже самые мелочные факты его жизни помогаютъ намъ уяснить его характеръ; затѣмъ, событіямъ, которыя мы изложимъ, минуло болѣе столѣтія, и теперь уже не существуетъ даже самой фамиліи князей Италійскихъ, графовъ Суворовыхъ-Рымникскихъ, и наша статья не можетъ никого оскорбить. Наконецъ, сообщаемые нами документы рисуютъ въ невыгодномъ свѣтѣ скорѣе самого Суворова, нежели его жену, которую онъ преслѣдовалъ, не щадя собственнаго достоинства и вынося на общее позорище свои семейныя отношенія, чѣмъ невольно возбуждалъ симпатіи къ женщинѣ, не давшей ему счастія, можетъ быть, по его же винѣ.

О женѣ Суворова сохранилось очень мало свѣдѣній по той причинѣ, что она не играла никакой роли въ судьбѣ своего мужа. Нѣкоторыя подробности о ней сгруппированы въ сочиненіи А. Ѳ. Петрушевскаго: «Генералиссимусъ князь Суворовъ», основанномъ, между прочимъ, на немногихъ уцѣлѣвшихъ бумагахъ суворовскаго архива. Это сочиненіе служитъ главнымъ источникомъ, гдѣ можно почерпнуть кое-какія данныя для объясненія разлада Суворова съ женой.

Суворовъ всегда довольно скептически относился къ женщинамъ. Преданный всей душой военному ремеслу, задавшись въ немъ опредѣленными цѣлями и посвящая этимъ цѣлямъ всѣ свои помыслы и энергію, онъ естественно долженъ былъ видѣть въ женщинѣ и связи съ ней помѣху своему призванію. Его привычки, подвижная дѣятельность, весь складъ его жизни, не подходили къ условіямъ, налагаемымъ на человѣка брачными узами. Вѣроятно, онъ навсегда остался бы холостякомъ, если бы особыя обстоятельства не побудили его, вопреки усвоеннымъ имъ взглядамъ, внезапно жениться, имѣя уже 43 года, на дѣвушкѣ, которой онъ почти совсѣмъ не зналъ. «Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, — говоритъ г. Петрушевскій,— что дѣло было подготовлено его отцомъ, который, по выходѣ въ отставку, жилъ въ Москвѣ и въ своихъ имѣніяхъ. Василій Ивановичъ Суворовъ самъ женился рано, не имѣя 25 лѣтъ отъ роду; въ 1773 году, ему было около семидесяти лѣтъ, а сынъ все еще оставался холостымъ, не смотря на то, что ему шелъ уже пятый десятокъ. Такіе собиратели и скопидомы, какимъ былъ Василій Ивановичъ, склонны къ семейной жизни, желаютъ имѣть потомство и видѣть дѣтей своихъ такимъ же образомъ устроенными. Обѣ дочери Василія Ивановича были уже замужемъ, — отрѣзанные ломти, — съ которыми онъ считалъ себя совершенно квитъ, тѣмъ болѣе, что снабдилъ ихъ приличнымъ приданымъ. Продолжалъ жить одинокимъ лишь сынъ, единственный сынъ, съ которымъ прекратился бы родъ; сынъ этотъ былъ не мотъ, не кутила, не любилъ роскоши и въ ариѳметической сторонѣ жизни держался направленія своего родителя. Какъ же было Василію Ивановичу, дожившему до преклонныхъ лѣтъ и понимавшему, что смерть близка, не потребовать для себя, старика, послѣдняго отъ сына утѣшенія — женитьбы? Александръ Васильевичъ былъ сынъ почтительный и любилъ отца искренно; онъ долженъ былъ признать отцовскіе доводы уважительными, не сталъ противиться просьбамъ и настояніямъ отца, и это важное въ жизни каждаго человѣка дѣло совершилъ съ обычною своею рѣшимостью и быстротой»[1].

Хотя Суворовъ и принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, но родъ этотъ постоянно оставался въ тѣни, не имѣлъ ни родства, ни связей въ высшемъ обществѣ. Василій Ивановичъ самъ собою вышелъ въ люди, дослужился до чина генералъ-поручика и успѣлъ, благодаря своей скупости и умѣнью вести хозяйство, сколотить хорошее состояніе, заключавшееся въ капиталѣ, домѣ въ Москвѣ и въ 1.894 душахъ крестьянъ. Сынъ его въ это время уже пріобрѣлъ своими военными подвигами громкую извѣстность, пользовался расположеніемъ императрицы, имѣлъ генеральскій чинъ, александровскую ленту и орденъ св. Георгія 2 класса. При такихъ условіяхъ

[1]) Генералиссимусъ Суворовъ. Часть I. Стр. 277.

было весьма естественно желаніе породниться съ знатной фамиліей, искать невѣсту среди титулованныхъ семей, проживавшихъ въ Москвѣ, отодвигая на второй планъ вопросъ о приданомъ. Вскорѣ подходящая дѣвушка была найдена въ семействѣ отставного генералъ-аншефа, князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, женатаго на дочери знаменитаго Петровскаго фельдмаршала, князя Михаила Михайловича Голицына-старшаго, княжнѣ Маріи Михайловнѣ, родной братъ которой, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, занималъ должность вице-канцлера. У князя Ивана Андреевича было два сына и двѣ дочери, изъ которыхъ старшей, княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ, минуло уже 23 года [1]). Она была красавицей русскаго типа, полная, статная, румяная; но съ умомъ ограниченнымъ и стариннымъ воспитаніемъ, исключавшимъ для дѣвицъ всякія знанія, кромѣ умѣнья читать и писать [2]). Князь Иванъ Андреевичъ жилъ, по тогдашнему обычаю, широко и открыто и, подобно многимъ вельможамъ, запуталъ свои дѣла и вошелъ въ большіе долги. Ко времени сватовства Суворова онъ до такой степени стѣснялся въ средствахъ, что могъ дать за дочерью лишь самое ничтожное приданое, не превышавшее 5.000 рублей. Этимъ объясняется, почему княжна Варвара Ивановна, не смотря на свою красоту, такъ долго засидѣлась въ дѣвицахъ, и отецъ ея, обрадовавшись богатому жениху, безъ колебанія согласился на бракъ дочери съ пожилымъ и невзрачнымъ Суворовымъ. Небольшого роста, сухопарый, съ морщинистымъ лицомъ, опущенными вѣками, съ рѣзкими манерами и солдатскими привычками, онъ, разумѣется, не могъ нравиться княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ, и она шла замужъ, повинуясь волѣ родителей, по расчету, не питая никакого чувства къ своему неожиданному жениху. Но, кромѣ наружности, Суворовъ не могъ привлечь къ себѣ будущую жену и свойствами своего характера. Нетерпѣливый, горячій до вспышекъ бѣшенства, неуступчивый и деспотичный, онъ хотя много и постоянно работалъ надъ обузданіемъ своей чрезмѣрной пылкости, но былъ въ состояніи только умѣрить себя, а не передѣлать, и въ домашней жизни неуживчивыя свойства его нрава должны были чувствоваться особенно сильно и тяжело, тѣмъ болѣе, что и княжна Варвара Ивановна не отличалась мягкостью и уступчивостью. Кромѣ того, супруги расходились и во всѣхъ своихъ привычкахъ. Онъ былъ бережливъ до скупости, ненавистникъ роскоши, чудакъ, развившійся на грубой солдатской основѣ, пренебрегавшій всякимъ комфортомъ, а она торовата, съ наклонностями къ мотовству и привычкой жить открыто, легкомысленная и избалованная съ дѣтства. Все это, взятое вмѣстѣ, должно было создать въ семей-

---

[1]) Родилась 28-го августа 1750 года. См. Родословную книгу, изд. княземъ П. Долгоруковымъ, ч. I, стр. 122.

[2]) Русскій Архивъ. 1866 г., стр. 932.

ной жизни Суворовыхъ полную неурядицу и разладъ и неизбѣжно привести къ печальному исходу.

Помолвка ихъ состоялась 18 декабря 1773 года, обрученіе 22-го числа, а свадьба 16 января 1774 года. Извѣщая родныхъ объ этомъ событіи, Суворовъ, между прочимъ, обратился 30 января къ вице-канцлеру князю А. М. Голицыну съ слѣдующимъ письмомъ:

«Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь! Изволеніемъ Божіимъ бракъ мой совершился благополучно. Имѣю честь при семъ случаѣ паки себя препоручить въ высокую милость вашего сіятельства.

«Остаюсь съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ, сіятельнѣйшій князь, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Суворовъ».

Къ этому письму мужа, Варвара Ивановна сдѣлала приписку, которую приводимъ съ точнымъ соблюденіемъ ея орѳографіи, указывающей на степень полученнаго ею образованія:

«и Я, миластиваи Гасударь дядюшка, принашу маие нижайшее патъчтеніе и притомъ имею честь рекамандовать въ вашу миласть алекъсандра василиевича и себя такъ-жа, и такъ астаюсь, миластиваи гасударь дядюшка, пакоръная и верънная куслугамъ племянница варъвара Суворава» [1]).

Проживъ съ женою около мѣсяца, Суворовъ оставилъ ее въ Москвѣ, а самъ уѣхалъ сперва въ Молдавію къ арміи, а оттуда въ Царицынъ, получивъ приказаніе окончательно подавить Пугачевскій бунтъ.

По свойству службы Суворова, супруги должны были часто разлучаться; но при первой же возможности они соединялись. Варвара Ивановна находилась съ мужемъ въ Таганрогѣ, въ крѣпости св. Димитрія, въ Астрахани, въ Полтавѣ, въ Крыму — вездѣ, гдѣ только онъ могъ, при своихъ безпрерывныхъ кочеваніяхъ, доставить ей нѣкоторую осѣдлость и необходимыя удобства. Въ августѣ 1775 года, у нихъ родилась дочь Наталья, а затѣмъ Варвара Ивановна два раза выкинула, что̀, можетъ быть, было послѣдствіемъ частыхъ передвиженій съ мѣста на мѣсто, въ распутицы, по ужаснымъ дорогамъ, въ тогдашнихъ трясскихъ экипажахъ. Первые годы Суворовы жили, повидимому, въ согласіи; по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ данныхъ, указывающихъ на какія либо крупныя между ними недоразумѣнія или ссоры. Но вдругъ, въ сентябрѣ 1779 года, Суворовъ подалъ въ славянскую духовную консисторію такую челобитную:

«Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая.

«Бьетъ челомъ генералъ-поручикъ Александръ Васильевъ сынъ Суворовъ, а о чемъ моя челобитная, тому слѣдуютъ пункты:

---

[1]) Письмо это напечатано въ «Русской Старинѣ», 1876 г., т. XV, стр. 451.

1.

«Соединясь бракомъ 1774 года генваря 16 дня, въ городѣ Москвѣ, на дочери г-на генералъ-аншефа и кавалера, князя Ивана Андреева, сына Прозоровскаго, Варварѣ Ивановой, жилъ я безъ нарушенія должности своей, честно, почитая своей женой по 1779-й годъ, чрезъ все то время была плодомъ обременена три раза, и отъ перваго бремени только дочь осталась въ живыхъ нынѣ, а отъ прочихъ ради безвременнаго рожденія младенцы измерли.

2.

«Но когда, въ 1777 году, по болѣзни находился въ мѣстечкѣ Опошнѣ, сперва оная Варвара, отлучаясь своевольно отъ меня, употребляла тогда развратныя и соблазнительныя обхожденія, неприличныя чести ея, почему со всякою пристойностью отводилъ я отъ такихъ поступковъ напоминаніемъ страха Божія, закона и долга супружества; но, не уважая сего, наконецъ, презрѣвъ законъ христіанскій и страхъ Божій, предалась неистовымъ беззаконіямъ явно съ двоюроднымъ племянникомъ моимъ С.-Петербургскаго полка премьеръ-маіоромъ Николаемъ Сергѣевымъ сыномъ Суворовымъ, таскаясь днемъ и ночью, подъ видомъ якобы прогуливанія, безъ служителей, а съ однимъ означеннымъ племянникомъ одна, по броворамъ, пустымъ садамъ и по другимъ глухимъ мѣстамъ, какъ въ означенномъ мѣстечкѣ, равно и въ Крыму въ 1778 году, въ небытность мою на квартирѣ, тайно отъ нея былъ пускаемъ въ спальню; а потомъ и сего года, по пріѣздѣ ея въ Полтаву, оный же племянникъ жилъ при ней до 24 дней непозволительно, о каковыхъ ея поступкахъ доказать и уличить свидѣтелями могу, а нынѣ оная Варвара, за отъѣздомъ изъ города Полтавы, пребываетъ въ Москвѣ.

3.

«И какъ таковымъ откровеннымъ безчиніемъ осквернила законное супружество, обезчестивъ бракъ позорно, напротивъ того я соблюдалъ и храню честно ложе, будучи при желаемомъ здоровьѣ и силахъ своихъ, то по такимъ беззаконіямъ съ нею болѣе жить не желаю. И для того

«Дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ славянской духовной консисторіи принять и по изъясненнымъ причинамъ о разводѣ моемъ съ вышепрописанною женою и о дозволеніи въ другой бракъ поступить, на основаніи правилъ св. отцовъ и вашего величества указовъ учинить разсмотрѣніе.

«Всемилостивѣйшая государыня, прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Сентября дня 1779 года. Къ поданію надлежитъ въ славянскую духовную консисторію. Челобитную писалъ, за неимѣніемъ гербовой, на простой бумагѣ генеральный писарь Алексѣй Ефимовъ сынъ Щербаковъ. Къ сей челобитной генералъ-поручикъ Александръ Васильевъ сынъ Суворовъ руку приложилъ».

Славянская консисторія, разсмотрѣвъ и обсудивъ челобитную Суворова, постановила такое опредѣленіе:

«По указу ея императорскаго величества славянская духовная консисторія, слушавъ сей челобитной, и какъ проситель г. генералъ-поручикъ и кавалеръ въ оной свидѣтелей и иныхъ крѣпкихъ доводовъ, въ силу генеральнаго регламента 19-й статьи, не изъяснилъ, того ради опредѣлили: сію челобитную ему г. генералъ-поручику возвратить съ надписью, и когда онъ, г. генералъ-поручикъ, подастъ челобитную въ сходство вышеписаннаго узаконенія, то при пріемѣ оной взять указную пошлину и тогда о явкѣ жены его, г. генералъ-поручика, Варвары Ивановны, въ сію консисторію для отвѣта учинить особое опредѣленіе, но по оному опредѣленію, не чиня исполненія, по прибытіи преосвященнаго Никифора, архіепископа славянскаго и херсонскаго, представить его преосвященству на благоусмотрѣніе и резолюцію, которое опредѣленіе его преосвященствомъ сего октября 18 дня и подтверждено. Для того сія челобитная ему, г. генералъ-поручику и кавалеру, возвращается съ сею надписью. 18 дня 1779 года.

«Намѣстникъ іерей Іоаннъ Станиславскій. Секретарь Василій Вербицкій».

Опредѣленіе славянской консисторіи привело Суворова въ сильное раздраженіе. Онъ не привыкъ получать отказы ни отъ кого и тѣмъ болѣе не ожидалъ его отъ такого присутственнаго мѣста, какъ консисторія. Онъ, конечно, не могъ подчиниться ея рѣшенію и подыскалъ, можетъ быть, въ средѣ самой же консисторіи, законника, который сочинилъ для него жалобу на консисторію въ святѣйшій синодъ. Въ этой жалобѣ, повторивъ снова обстоятельства дѣла и критически отнесясь къ консисторскому рѣшенію, проситель нѣсколько запутаннымъ слогомъ приводилъ свои доводы. «А какъ въ означенной челобитной,—писалъ онъ,—подносимой при семъ на высокое благоусмотрѣніе, обстоятельства о прелюбодѣйствіи помянутой жены ясно изображены по пунктамъ, по которымъ, на основаніи формы суда, обязанная за отвѣтомъ отвѣтчица доказывать; въ генеральномъ же регламентѣ установлено, при доносѣ о важности доносителя, президенту съ прочими членами спрашивать только о свидѣтеляхъ и иныхъ доводахъ крѣпкихъ и буде имѣетъ нарѣщи день дѣлу его, а чтобы по существу просьбы моей именовать свидѣтелей и совмѣщать въ оную доводы, не узаконено, для того всеподдан-

нѣйше прошу, дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ святѣйшій синодъ принять и по приложенной челобитной, въ коей обстоятельства о прелюбодѣяніи жены изъяснены; въ чемъ прописано, что я уличить и доказать свидѣтелями могу, повелѣть славянской духовной консисторіи, какъ я здѣсь при войскахъ вашего императорскаго величества состою, и свидѣтели около здѣшнихъ мѣстъ обрѣтаются, безъ продолженія времени, по правиламъ св. отецъ и по самой точности законовъ и указовъ вашего величества, произвесть судъ и правосудное учинить рѣшеніе».

Суворовъ такъ торопился, что 23 октября, черезъ три дня по полученіи имъ отказа консисторіи, одинъ изъ его подчиненныхъ и близкихъ къ нему людей, подпоручикъ Тюкинъ, уже уѣхалъ въ Петербургъ съ приведенной выше жалобой въ синодъ и съ полной довѣренностью хлопотать о благопріятномъ ея исходѣ. Хлопоты Тюкина увѣнчались успѣхомъ. Девятаго декабря, состоялся синодскій указъ, которымъ предписывалось преосвященному славянскому и херсонскому принять прошеніе Суворова и «по оному произвесть дѣло въ славянской духовной консисторіи и разсмотрѣніе, и рѣшеніе учинить ему, преосвященному, на основаніи слова Божія, св. отецъ правилъ и указовъ».

Исполняя указъ синода, архіепископъ Никифоръ сдѣлалъ распоряженіе о производствѣ дѣла Суворова въ консисторіи и послалъ женѣ его, черезъ московскаго главнокомандующаго, генералъ-аншефа, князя М. Н. Волконскаго, вызовъ о явкѣ къ допросу.

Само собою разумѣется, что скандальный процессъ, затѣянный Суворовымъ, произвелъ сильнѣйшій переполохъ въ семьѣ Прозоровскихъ. Какія мѣры были приняты родными Варвары Ивановны для погашенія этого непріятнаго дѣла, мы не знаемъ; но что мѣры были приняты, и что онѣ достигли цѣли, видно изъ рапорта архіепископа Никифора святѣйшему синоду, отъ 3 февраля 1780 года: объяснивъ, что, согласно указу синода, полученному имъ 10 января, онъ намѣревался приступить къ разсмотрѣнію жалобы Суворова, но «того же 31 января,—пишетъ преосвященный,—помянутый г. генералъ-поручикъ и кавалеръ просилъ меня остановить временно его разводное дѣло, ибо де, взирая онъ на духовныя правила, надлежитъ ему пещись о благоприведеніи къ концу спасительнаго покаянія и очищенія обличеннаго страшнаго грѣха и для того въ оставленіи безъ дѣйствія посланнаго отъ меня къ г. генералъ-аншефу и кавалеру князю Волконскому сообщенія о явкѣ помянутаго г. генералъ-поручика и кавалера Суворова женѣ Варварѣ въ консисторію паки къ его сіятельству отъ меня сообщено».

Изъ донесенія преосвященнаго Никифора можно вывести заключеніе, что Варвара Ивановна, подъ вліяніемъ родительскихъ совѣтовъ или по собственному побужденію, поспѣшила сама пріѣхать

къ мужу и упросила его примириться. Какъ бы то ни было, примиреніе состоялось, и супруги снова начали жить вмѣстѣ; но размолвки и неудовольствія возникали безпрестанно. Въ «Русскомъ Архивѣ» [1]) приведенъ изъ неизданной рукописи нѣкоего Ключарева разсказъ, относящійся ко времени пребыванія Суворова въ Астрахани въ 1783 году и указывающій, что однажды Суворовъ, какъ человѣкъ религіозный, прибѣгнулъ для разрѣшенія ссоры съ женой къ посредничеству церкви. «Во время преосвященнаго Антонія Румовскаго,—сообщаетъ Ключаревъ,—былъ въ Астрахани графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ около трехъ лѣтъ. Лѣтнее время проводилъ онъ на Черепахѣ, въ селѣ Началовѣ и около онаго въ Татарскихъ садахъ, апрѣль, май, іюнь; а іюль и до половины августа въ городѣ, въ Спасскомъ монастырѣ; съ половины августа до половины декабря въ Николаевской Чуркинской пустыни, какъ онъ, такъ и супруга его, Варвара Ивановна, и при нихъ былъ протоіерей, членъ синода. Между графомъ и графинею какія были распри, это они только знаютъ. 1783 года, декабря 12 дня, въ два часа по полуночи, каѳедральнаго собора протоіерею Василію Панфилову, игуменьѣ Маргаритѣ, статскаго совѣтника женѣ Аннѣ Панкратьевнѣ Барановой, велѣно въ 9 часовъ явиться въ село Началово, по пріѣздѣ коихъ Суворовъ пошелъ въ простомъ солдатскомъ мундирѣ и супруга его въ самомъ простомъ также платьѣ, каѳедральный же протоіерей Василій Панфиловъ, облачась во все облаченіе, взошелъ въ алтарь, отворилъ царскія двери. Графъ и графиня позади діаконскаго амвона и всѣ приближенные, какъ мужескій, такъ и женскій полъ, стояли на колѣняхъ, обливаясь слезами; игуменья и Баранова стояли около графа и графини, всѣ обливаясь слезами. Графъ встаетъ и идетъ въ алтарь къ престолу, полагаетъ три земныхъ поклона, ставъ на колѣняхъ, воздѣваетъ руки, вставъ, прикладывается къ престолу, упадаетъ къ протоірею въ ноги и говоритъ: «прости меня съ моею женою, разрѣши отъ томительства моей совѣсти!» Протоіерей выводитъ его изъ царскихъ вратъ, ставитъ на прежнемъ мѣстѣ на колѣна, жену графъ подымаетъ съ колѣнъ и ведетъ для прикладыванія къ мѣстнымъ образамъ, подводитъ къ графу, которая кланяется ему въ ноги, также и графъ; протопопъ читаетъ разрѣшительную молитву, и тотчасъ начинается литургія, во время которой оба причастились св. тайнъ».

Вѣренъ, или не вѣренъ этотъ разсказъ, но во всякомъ случаѣ онъ не противорѣчитъ характеру Суворова, который не стѣснялся посвящать постороннихъ людей въ свои семейныя дрязги и могъ придать такому домашнему дѣлу, какъ примиреніе съ женой, публичную и торжественно-оригинальную обстановку. Подобныя выходки, безъ сомнѣнія, тягостно отражались на Варварѣ Ивановнѣ

[1]) 1878 года, кн. I, стр. 148.

и едва ли способствовали пробужденію въ ней расположенія и дружескихъ чувствъ къ мужу. Тѣмъ не менѣе, сносныя отношенія между супругами продолжались до 1784 года, когда произошелъ новый разрывъ, уже навсегда ихъ разъединившій. Въ маѣ мѣсяцѣ этого года Суворовъ подаетъ на высочайшее имя, уже прямо въ синодъ, слѣдующее прошеніе.

«Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня, императрица Екатерина Алексѣевна, самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая:

«доноситъ генералъ-поручикъ и кавалеръ Александръ Васильевъ сынъ Суворовъ на жену мою Варвару Иванову дочь, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1.

«Въ 1779 году подана была отъ меня въ Полтавскую духовную консисторію челобитная о разводѣ первымъ бракомъ съ женою моею, Варварою Ивановой дочерью, въ разсужденіи чинимаго ею прелюбодѣянія, которая челобитная препровождена въ святѣйшій синодъ, но по принесеніи ею Ивановой въ томъ мнѣ признанія, а при томъ по учиненіи раскаянія и въ препровожденіи впредь безпорочной противъ меня жизни клятвеннаго обѣщанія, будучи прощена, она мною принята была попрежнему въ сожитіе, а, наконецъ, наруша свою клятву, сдѣлала прелюбодѣяніе, Казанскаго пѣхотнаго полку съ секундъ-маіоромъ Иваномъ Ефремовымъ сыномъ Сырохновымъ, для чего всеподданнѣйше прошу:

«Дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое донесеніе въ святѣйшій синодъ принять и въ показуемомъ на нее прелюбодѣяніи ее допрося, поступить съ нею по правиламъ св. отецъ и по законамъ вашего императорскаго величества. Если же она не будетъ признаваться, въ то время могу изобличить ее свидѣтельствомъ.

«Жительство же она, Варвара, имѣетъ въ Москвѣ.

«Всемилостивѣйшая государыня! прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Мая дня 1784 года. Къ поданію подлежитъ въ святѣйшій синодъ. Челобитную писалъ штаба г. генералъ-поручика и кавалера Суворова канцеляристъ Степанъ Матвѣевъ Кузнецовъ.

«Къ сему доношенію генералъ-поручикъ Александръ Суворовъ руку приложилъ».

Подачу этого прошенія въ синодъ и ходатайство по вновь возбужденному бракоразводному дѣлу Суворовъ поручилъ какому-то ростовскому купцу Ивану Никитину Курицыну, которому и выдалъ полную довѣренность, съ правомъ передовѣрія. Минуя консисторію и подавая прошеніе прямо въ синодъ, Суворовъ, конечно, разсчи-

тывалъ на полный успѣхъ, въ виду поддержки, оказанной его домогательствамъ синодомъ въ 1779 году. Но онъ ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. На этотъ разъ синодъ отнесся совсѣмъ иначе къ его ходатайству и постановилъ, 17-го іюня того же 1784 года, такое неблагопріятное для него рѣшеніе:

«По доношенію г. генералъ-поручика и кавалера Александра Васильева сына Суворова, поданнаго, по довѣренности его, отъ ростовскаго купца Ивана Никитина, сына Курицына, на жену его г. Суворова, Варвару Иванову дочь, о поступленіи съ оною Варварою за чинимое ею Казанскаго пѣхотнаго полка съ секундъ-маіоромъ Иваномъ Ефремовымъ сыномъ Сырохновымъ прелюбодѣяніе, по правиламъ св. отецъ и по законамъ, показывая при томъ, что та жена его, Варвара, жительство имѣетъ въ Москвѣ, и по учиненной въ канцеляріи святѣйшаго синода справкѣ, приказали: оную челобитную, оставивъ съ нея въ канцеляріи святѣйшаго синода копію, подлинную показанному повѣренному, ростовскому купцу Ивану Курицыну, отдать обратно съ надписью, для того, что онъ, генералъ-поручикъ и кавалеръ Суворовъ, на жену свою, Варвару Иванову дочь, почитается въ родѣ челобитчика, то и слѣдуетъ ему, въ силу именного 1723 года ноября 5-го дня о формѣ суда указа, подать челобитную, а не доношеніе, ибо въ томъ же указѣ, между прочимъ, сказано, ежели кто будетъ инымъ образомъ челобитчика принимать, тотъ яко нарушитель государственныхъ правъ наказанъ будетъ, а за пренебреженіе и слабый поступокъ положенъ прописанный въ томъ указѣ штрафъ. 2) Въ томъ же доношеніи, въ силу генеральнаго регламента, 19-й главы и состоявшихся въ 1753, ноября 29-го, и 1764 годахъ, сентября 13-го дня, указовъ, къ доказательству на объявленное имъ, г. генералъ-поручикомъ, женою его прелюбодѣйство свидѣтелей и иныхъ доводовъ крѣпкихъ не показано. 3) Хоть онъ, г. генералъ-поручикъ, въ нынѣ поданномъ своемъ доношеніи и пишетъ, что онъ о разводѣ его съ тою женою за ея прелюбодѣяніе, въ 1779 году, подавалъ въ Полтавскую консисторію челобитную, которая яко бы препровождена въ святѣйшій синодъ, но по справкѣ въ канцеляріи святѣйшаго синода оказалось, что оной его, г. генералъ-поручика, челобитной ни изъ какой консисторіи въ присылкѣ не было, а въ томъ же 1779 году, декабря 2-го дня, онъ, г. генералъ-поручикъ Суворовъ, самъ, чрезъ повѣреннаго подпоручика Тюкина, святѣйшему синоду челобитную подалъ, съ приложеніемъ подаванной въ славянскую консисторію о разводѣ его съ женою, яко бы за ея прелюбодѣяніе, челобитной, съ жалобой на оную консисторію въ непринятіи той челобитной, почему святѣйшимъ синодомъ опредѣлено и посланнымъ, того же года декабря отъ 11-го числа, преосвященному славянскому указомъ предписано, принявъ отъ него, г. генералъ-поручика и кавалера, о показуе-

момъ на жену его прелюбодѣйствѣ, на основаніи законовъ, прошеніе, произвесть дѣло въ славянской консисторіи и разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить на основаніи же слова Божія, св. отецъ правилъ и указовъ, точію на тотъ указъ, февраля отъ 3-го дня 1780 года, святѣйшему синоду онъ, преосвященный, рапортовалъ, что хотя помянутый г. генералъ-поручикъ въ славянскую консисторію челобитную на жену свою, генваря 10-го дня 1780 года, и подалъ, но 31-го числа паки письменно просилъ то дѣло остановить, почему оное и оставлено безъ дѣйствія. 4) Сверхъ же того, самъ онъ, г. генералъ-поручикъ Суворовъ, въ томъ своемъ доношеніи именно написалъ, что нынѣ оная жена его, Варвара Иванова дочь, жительство имѣетъ въ Москвѣ, а духовнаго регламента во 2-й части о мірскихъ особахъ въ 10-мъ пунктѣ напечатано, вѣдомо же всѣмъ буди, что всякъ коего либо чина человѣкъ подлежитъ въ духовныхъ дѣлахъ суду того епископа, въ котораго эпархіи пребываетъ, почему ему, г. генералъ-поручику, на ту свою жену и слѣдуетъ челобитную, на основаніи законовъ, подать по жительству той его жены въ Москвѣ епархіальному архіерею преосвященному московскому и посему для надлежащаго исполненія съ сего журнала въ повытье дать копію».

Этимъ рѣшеніемъ и заканчивается дѣло святѣйшаго синода о разводѣ Суворова. Дальнѣйшихъ домогательствъ съ его стороны къ продолженію процесса не было, и послѣдній прекратился самъ собою, очевидно, подъ давленіемъ какихъ нибудь особенныхъ вліяній. Едва ли мы ошибемся въ предположеніи, что сама императрица нашла нужнымъ вмѣшаться въ это скандальное сутяжничество и принять Варвару Ивановну подъ свою защиту. Поводовъ для этого было не мало. При своей необузданности, въ порывахъ мстительнаго гнѣва противъ жены, Суворовъ не разбиралъ средствъ и давалъ широкую огласку такимъ семейнымъ обстоятельствамъ, которыя другіе люди, изъ чувства собственнаго достоинства, старались бы тщательно скрывать. Сочиняя оскорбительныя для жены и вмѣстѣ съ тѣмъ унизительныя для него самого прошенія, онъ отдавалъ ихъ переписывать въ свой штабъ писарямъ, поручалъ ходатайствовать по нимъ мелкимъ личностямъ, въ родѣ подпоручика Тюкина и ростовскаго купца Курицына, благодаря чему его чисто домашнее дѣло становилось предметомъ пересудъ и злословія въ разныхъ слояхъ общества. Онъ обращался къ Потемкину съ письмами, прося его предстательства у престола «къ освобожденію въ вѣчность отъ узъ бывшаго союза». Въ кратковременное посѣщеніе свое Петербурга, въ 1784 году, онъ всѣмъ и каждому говорилъ о своихъ семейныхъ непріятностяхъ, не маскируясь искусственнымъ спокойствіемъ, а, напротивъ, нисколько не сдерживая себя и доходя иногда чуть не до бѣшенства. Наконецъ, выступая съ своими голословными, ничѣмъ не подтвержденными обвиненіями,

Суворовъ набрасывалъ злобное подозрѣніе на того ребенка, которымъ въ это время была беременна его жена. Въ борьбѣ съ такимъ выдающимся и извѣстнымъ человѣкомъ, какъ Суворовъ, родные Варвары Ивановны, имѣвшіе связи при дворѣ, должны были искать опоры у императрицы и добиваться, чтобы она не оставалась равнодушной къ поднятому имъ скандалу. Какъ бы то ни было, Суворовъ внезапно отказался отъ возобновленія бракоразводнаго дѣла, о чемъ и извѣстилъ московскаго митрополита Платона, но за то затѣялъ дѣятельную переписку съ своимъ управляющимъ въ Москвѣ, поручикомъ Степаномъ Матвѣевичемъ Кузнецовымъ, и другими довѣренными лицами, возлагая на нихъ переговоры объ окончательномъ разлученіи съ Варварой Ивановной. Получивъ извѣстіе, что тесть будто бы имѣетъ намѣреніе «о поворотѣ жены къ мужу», Суворовъ тревожится этимъ слухомъ, такъ какъ, очевидно, рѣшилъ безповоротно порвать всякія отношенія къ женѣ. Онъ даетъ «Матвѣичу», то-есть Кузнецову, порученіе объясниться по этому поводу съ митрополитомъ Платономъ, и наставляетъ, что долженъ тотъ говорить, если владыка будетъ настаивать на примиреніи. «Скажи, что третичнаго брака уже быть не можетъ, и что я велѣлъ тебѣ объявить ему это на духу. Онъ сказалъ бы: «того впредь не будетъ», ты: «ожегшись на молокѣ, станешь на воду дуть»; онъ: «могутъ жить въ одномъ домѣ розно»; ты: «злой ея нравъ всѣмъ извѣстенъ, а онъ не придворный человѣкъ». Не безъ колебаній Суворовъ назначаетъ женѣ 1,200 рублей въ годъ и намѣревается возвратить приданое или его стоимость, переписывается объ этомъ не съ женой, а съ тестемъ, очень сухими письмами, снова прибѣгая къ посредничеству разныхъ лицъ. Тесть отказывается отъ приданаго, Суворовъ настаиваетъ и приказываетъ «Матвѣичу» объявить ему: «неистовою силою изъ меня сдѣлать не можно, приданое я не столько подлъ, чтобы во что нибудь зачесть, и съ собою въ гробъ не возьму». Кое-какъ дѣло сладилось, и супруги оставили другъ друга въ покоѣ. Разставшись съ женой, Суворовъ отдалъ свою дочь, Наталью, которой исполнилось девять лѣтъ, въ Смольный монастырь, строжайшимъ образомъ воспретивъ ей всякія сношенія съ матерью. Что касается сына, Аркадія, родившагося 1-го августа 1784 года, черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ Суворовъ вторично возбудилъ дѣло о разводѣ, то онъ остался на воспитаніи у матери.

Такимъ образомъ, совершилось распаденіе семьи Суворовыхъ, и съ обѣихъ сторонъ уже не дѣлалось никакихъ попытокъ къ сближенію. Съ теченіемъ времени ненависть Суворова къ женѣ постепенно утихала и затѣмъ смѣнилась полнымъ равнодушіемъ и забвеніемъ. Если въ своихъ письмахъ онъ изрѣдка и упоминалъ о ней, то лишь въ томъ случаѣ, когда шла рѣчь о денежныхъ дѣлахъ, при чемъ онъ никогда не называлъ ея собственнымъ именемъ. Не

имѣя никакихъ собственныхъ средствъ и получая отъ мужа ограниченную даже для того времени пенсію, въ 1200 рублей, Варвара Ивановна находилась въ крайне стѣсненномъ положеніи и должна была жить у отца, а когда онъ умеръ въ 1786 году (мать ея умерла еще въ 1780 г.), переѣхала къ своему брату, князю Ивану Ивановичу, служившему въ арміи генералъ-маіоромъ. При этомъ случаѣ, неизвѣстно по чьему ходатайству, Суворовъ увеличилъ ей пенсію до 3000 рублей въ годъ. Покинутая, опозоренная, вынужденная искать пристанища у родныхъ, жена Суворова переживала тяжелыя минуты, хотя бы уже потому, что въ это время фамилія, ею носимая, все болѣе и болѣе облекалась ореоломъ славы и съ гордостью повторялась изъ края въ край Россіи. Сдѣлавшись графиней Суворовой-Рымникской, Варвара Ивановна продолжала оставаться вдали отъ двора и развлеченій свѣта, никѣмъ не замѣчаемая и всѣми забытая. Въ 1796 году, императрица Екатерина II, во вниманіе къ услугамъ Суворова, назначила его одиннадцатилѣтняго сына, Аркадія, камеръ-юнкеромъ къ великому князю Константину Павловичу. Такое назначеніе приблизило мальчика къ царской семьѣ, и потому Суворовъ распорядился взять его отъ матери и привезти въ Петербургъ къ дочери, вышедшей, въ апрѣлѣ 1795 года, замужъ за графа Н. А. Зубова. Съ этого времени Суворовъ начинаетъ выказывать заботливое участіе ко всему, что касается воспитанія и образованія его сына. Восшествіе на престолъ императора Павла ознаменовалось для Суворова неожиданной катастрофой: онъ навлекъ на себя неудовольствіе государя и въ 1797 году былъ отставленъ отъ службы и сосланъ въ свое новгородское имѣніе Кончанское, гдѣ къ нему былъ приставленъ особый чиновникъ, которому было приказано доносить о всѣхъ дѣйствіяхъ и словахъ Суворова прямо генералъ-прокурору, князю Куракину. По обыкновенію, едва разразилась гроза, свергнувшая знаменитаго полководца съ высоты его положенія въ состояніе опальнаго, начали возникать разныя жалобы, иски, кляузы. Все это охотно принималось государемъ и безъ всякихъ разбирательствъ рѣшалось въ ущербъ и униженіе Суворова. Этими обстоятельствами надумала воспользоваться и Варвара Ивановна. Въ октябрѣ, она послала въ Кончанское съ нарочнымъ слѣдующее письмо къ мужу:

«Милостивый государь мой графъ

«Александръ Васильевичъ!

«Крайность моя принудила безпокоить васъ моею просьбою. Тринадцать лѣтъ я васъ ничѣмъ не безпокоила, воспитывала нашего сына въ страхѣ Божіемъ, внушала ему почтеніе, повиновеніе, послушаніе, привязанность и всѣ сердечныя чувства, которыми онъ обязанъ родителямъ, надѣясь, что Богъ столь милосердъ, преклонитъ ваше къ добру расположенное сердце къ вашему рожденію; вы,

видя дѣтей, да и дѣтей вашихъ, вспомните и несчастную ихъ мать, въ какомъ она недостаткѣ, получая въ разные годы и разную малую пенсію, воспитывала сына, вошла въ долгъ до 22.000 рублей, объ которыхъ прошу сдѣлать милость заплатить. Не имѣя дома, экипажа, услуги и къ тому принадлежащее къ домашней всей генеральной надобности, живу у брата и у благодѣтеля и отца моего, который подкрѣпляетъ мою жизнь своими благодѣяніями и добродѣтелями. Но уже, милостивый государь мой, пора мнѣ оставить его отъ оной тягости съ покоемъ, ибо онъ человѣкъ должной, хотя я и виду отъ него не имѣю никакого противнаго, однако, чувствую сама, каково долгъ имѣть на себѣ. А государю императору угодно, чтобы всѣ долги платили, то братъ мой и продаетъ свой домъ, и такъ разсуди милостиво при дряхлости и старости, каково мнѣ прискорбно, не имѣвъ себѣ пристанища вѣрнаго, и скитаться по чужимъ угламъ; войдите, милостивый государь мой, въ мое состояніе, не оставьте мою просьбу, снабдите всѣмъ вышеписаннымъ моимъ прошеніемъ. Еще скажу вамъ, милостивый государь, развяжите мою душу, прикажите дочери нашей меня несчастную мать знать, какъ Богомъ узаконено, въ чемъ надѣюсь, что великодушно поступите во всемъ моемъ прошеніи, о чемъ я всеискренно прошу васъ, милостивый государь мой, остаюсь въ надеждѣ неоставленія твоей ко мнѣ милости.

«Милостивый государь мой, всепокорная жена ваша
«графиня Варвара Суворова-Рымникская».

Суворовъ не принялъ посланнаго и отправилъ его обратно съ словеснымъ отвѣтомъ, что «онъ самъ долженъ, а посему и не можетъ ей помочь, а впредь будетъ стараться». Приставленный къ Суворову для надзора, коллежскій асессоръ Николевъ, узнавъ отъ посланнаго графини о содержаніи ея письма къ мужу и его отвѣтъ, донесъ объ этомъ князю Куракину, который, въ свою очередь, доложилъ импературу Павлу и получилъ повелѣніе «сообщить графинѣ Суворовой, что она можетъ требовать съ мужа по законамъ». Варвара Ивановна отвѣтила Куракину, что не знаетъ, куда подать прошеніе, что нужды ея состоятъ не въ одномъ долгѣ въ 22.000 рублей, но и въ томъ, что она не имѣетъ собственнаго дома и ничего потребнаго для содержанія себя, и что, наконецъ, она была бы совершенно счастлива и благоденственно проводила бы остатки дней своихъ, если бы могла жить въ домѣ своего мужа съ 8.000 рублей годоваго дохода. Государь потребовалъ справку объ имѣніяхъ Суворова. Оказалось, что у него каменный домъ въ Москвѣ, 9.080 душъ крестьянъ, съ которыхъ онъ получаетъ 50.000 въ годъ оброку, и на 100.000 рублей пожалованныхъ алмазныхъ вещей. 26 ноября, высочайше повелѣно объявить Суворову, чтобы онъ исполнилъ желаніе жены. Повелѣніе это было сообщено ему Николевымъ 6 ян-

варя 1798 года, и онъ тотчасъ вручилъ ему для отсылки своему зятю, графу Н. А. Зубову, записку слѣдующаго содержанія:

«Г. коллежскій асессоръ Ю. А. Николевъ, чрезъ князя Куракина, мнѣ высочайшую волю объявилъ, по силѣ сего графинѣ В. И. прикажите отдать для пребыванія домъ и ежегодно отпускать ей 8.000 рублей, на что примите ваши мѣры. Я вѣдаю, что графиня В. И. много должна; мнѣ сіе постороннее»[1]).

Варвара Ивановна благодарила Куракина письмомъ, но выражала опасеніе, что московскій домъ не скоро будетъ очищенъ, такъ какъ мужемъ отданъ въ наймы пріятелю его Скрипицыну. Куракинъ успокоивалъ ее, ссылаясь на то, что Суворову дано высочайшее повелѣніе. Она отвѣтила, что на мужа положиться не можетъ, ибо «вслѣдствіе вліянія на него близкихъ лицъ, мнѣ лицедѣйствующихъ, можно ждать ежевременно перемѣны», и напоминала о своей просьбѣ насчетъ уплаты 22.000 рублей долга. Куракинъ подтвердилъ графу Зубову о передачѣ Суворовой московскаго дома, а ей сообщилъ, что объ уплатѣ долга надлежитъ просить установленнымъ законнымъ путемъ. Варвара Ивановна получила и домъ, и 8.000 р. пенсіи, но отъ уплаты ея долговъ Суворовъ рѣшительно отказался [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ поспѣшилъ составить духовное завѣщаніе, которымъ отдавалъ всѣ родовыя отцовскія и за службу пожалованныя деревни, а также московскій домъ и высочайше пожалованные вещи и бриліанты сыну, а купленныя имъ деревни и собственные бриліанты дочери.

Достигнувъ наконецъ матеріальной обезпеченности, тихо и одиноко приближалась жена Суворова къ старости; но лучи славы, которыми все ярче и ярче озарялось имя ея мужа, отражались и въ ея московскомъ уединеніи.

Посланный въ 1798 году прямо изъ ссылки «спасать царей», Суворовъ прогремѣлъ на всю Европу своими знаменитыми побѣдами въ Италіи и Швейцаріи, и въ 1799 году Варвара Ивановна сдѣлалась «княгиней Италійской». Отчужденіе ея отъ мужа продолжалось до самой его кончины, послѣдовавшей 6 мая 1800 года; даже на смертномъ одрѣ онъ ни разу не вспомнилъ о ней.

При восшествіи на престолъ императора Александра I, Варвара Ивановна рѣшилась напомнить о себѣ и написала государю поздравительное письмо:

«Всемилостивѣйшій государь!

«Во всеобщей вѣрноподданныхъ радости, каковое вожделѣнное нашего императорскаго величества на прародительскій наслѣдственный престолъ восшествіе наполняетъ ихъ сердца, и я, вдова, съ

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1866 г., стр. 962. См. также статью Н. Мартьянова «Суворовъ въ ссылкѣ» въ «Историч. Вѣстникѣ» 1884 г., октябрь, стр. 158.

[2]) «Генералиссимусъ Суворовъ», часть 2, стр. 379.

дѣтьми моими, дерзаю припасть къ освященнымъ стопамъ всеавгустѣйшаго монарха и повергнуть себя съ ними въ высочайшее вашего императорскаго величества благоволеніе, со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ, пребываю, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества всеподданнѣйшая, покойнаго генерелиссимуса жена, княгиня Варвара Италійская, графиня князя Иванова дочь, Суворова-Рымникская».

Александръ тотчасъ же отвѣтилъ ей весьма любезнымъ письмомъ:

«Княгиня Варвара Ивановна!

«Примите истинную признательность мою за поздравленіе, отъ васъ мнѣ принесенное. Служба и подвиги супруга вашего, на пользу отечеству подъятые, даютъ вамъ полное право на особенное вниманіе; симъ считаю себя обязаннымъ памяти его никогда не забвенной и собственнымъ вашимъ чувствамъ, пребываю вамъ всегда доброжелательный Александръ» [1]).

Государь не одними только словами выразилъ свое почитаніе памяти Суворова и благоволеніе къ его вдовѣ. Въ день коронаціи, 15 сентября 1801 года, княгиня Варвара Ивановна была пожалована статсъ-дамой и одновременно получила орденъ св. Екатерины 1-й степени [2]).

Но почетъ и благоволеніе молодого монарха пришли слишкомъ поздно. Перенесенныя ею тяжелыя испытанія надломили ея здоровье, которое ничто уже не могло возстановить. Медленно угасая, она скончалась 8 мая 1806 года и погребена въ Воскресенскомъ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ.

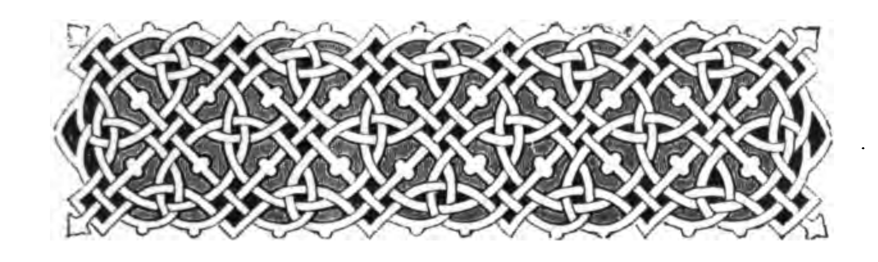
С. Шубинскій.

---

[1]) Письма эти напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ», 1866 г., стр. 966.

[2]) Гофмейстерины, статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора. Карабанова. Спб. 1872 г., стр. 40.

ЗАОКЕАНСКАЯ РУСЬ[1].

(Соціологическо-описательный очеркъ).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Русь съ западной стороны сѣверо-американскаго материка.

I.

СЯКІЙ знаетъ, что въ сосѣдствѣ съ Сибирью, а слѣдовательно на западной сторонѣ сѣверо-американскаго материка, Россія имѣла когда-то свои владѣнія, проданныя впослѣдствіи Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Зная это, всякій естественно предполагаетъ, что въ сторонѣ этой, совершенно противоположной той, въ которую приходитъ и въ которой селится Русь изъ Австро-Венгріи, должна существовать, въ томъ или иномъ количествѣ, Русь россійская, оставшаяся отъ продажи русскихъ владѣній и съ того времени долженствовавшая, путемъ хотя бы естественнаго нарожденія, значительно увеличиться. Отвѣтомъ на эти совершенно естественные и неизбѣжные вопросы служитъ настоящая глава труда нашего.

Судьба русскихъ колоній въ Америкѣ можетъ быть понята и разъяснена должнымъ образомъ лишь въ связи съ судьбой всѣхъ вообще европейскихъ колоній въ Новомъ Свѣтѣ. Открытіе Америки

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 853.

создало несомнѣнно новую эру во всемірной исторіи. Всѣ значительнѣйшія европейскія государства устремились на новый материкъ, чтобы захватить огромныя богатства, въ немъ заключавшіяся. Испаніи достались въ удѣлъ самыя прекрасныя страны этого новаго материка. Кастильское знамя развѣвалось отъ Мехики до рѣки Амазонки и по всему протяженію береговъ Тихаго океана. Однако, всѣ огромныя богатства этой громадной территоріи, которой владѣла Испанія около трехъ вѣковъ, не принесли ей никакой пользы. Утративъ свои американскія владѣнія, испанскій народъ оказался болѣе бѣднымъ и испанское правительство болѣе слабымъ, нежели были они въ тотъ день, когда Христофоръ Колумбъ открылъ Новый Свѣтъ. Португалія поступила благоразумнѣе. Понявъ своевременно невозможность удержать за собой Бразилію, она добровольно предоставила независимость этой послѣдней, и между обоими государствами установились поэтому вполнѣ дружественныя отношенія. Такимъ образомъ, Бразилія достигла независимости безъ революціи и кровопролитія и въ значительной степени избѣжала анархіи, свирѣпствующей во всѣхъ американскихъ республикахъ латинской расы. Франція также не была счастливой въ отношеніи своихъ американскихъ колоній, ибо онѣ вовлекли ее въ продолжительныя войны. Англія отняла у нея Нижнюю Канаду. Затѣмъ, оказалась она вынужденной продать Луизіану Соединеннымъ Штатамъ, ибо сосѣдство этихъ послѣднихъ угрожало ей постоянной опасностью. Это была огромная жертва со стороны Франціи, ибо вмѣстѣ съ Луизіаной лишалась она долины Миссисипи, этой самой плодоносной части сѣверо-американской республики, и оставляла этой послѣдней около 60 тысячъ французовъ, населявшихъ эту территорію. Впослѣдствіи и вся почти остальная часть французской Канады продана была Англіи. Англія въ отношеніи судьбы ея американскихъ колоній представляетъ едва ли не единственное счастливое исключеніе. Американскія колоніи послужили для нея средствомъ къ расширенію рынковъ сбыта ея громаднаго мануфактурнаго производства и къ огромному развитію ея мореходства, а это производство и мореходство составляютъ, какъ извѣстно, главные элементы ея богатства и могущества. Однако, колоніи всѣхъ государствъ всегда стремились къ пріобрѣтенію независимости. Тринадцать британскихъ провинцій, изъ которыхъ образовалась впослѣдствіи республика Соединенныхъ Штатовъ, первыя низвергли власть своей метрополіи. Англія истощала неслыханныя усилія, чтобы привести ихъ къ покорности, но безуспѣшно. Война за независимость, стоившая Англіи столькихъ матеріальныхъ жертвъ и ею проигранная, привела къ тому лишь, что раздражила завистливое соперничество, ранѣе уже существовавшее между колоніями и метрополіей, и раздула между націями англійской и американской враждебныя чувства, которыхъ цѣлое столѣтіе не успѣло еще

изгладить. Послѣднею изъ европейскихъ державъ, набросившихся на новый материкъ, была Россія. Повидимому, еще Петръ Великій, геній котораго проникалъ въ будущее, предвидѣлъ, что отдаленнѣйшимъ берегамъ Сѣверной Азіи суждено войти со временемъ въ составъ его обширной имперіи, и имѣлъ въ виду изслѣдованіе этихъ береговъ посредствомъ особой экспедиціи. Такъ, по крайней мѣрѣ, было заявляемо русскими судами подъ командою Беринга. Въ царствованіе Анны Іоанновны снаряжена была экпедиція для развѣдокъ въ Тихомъ океанѣ. Открытіе Сѣверо-Американскаго материка съ западной стороны его было, повидимому, дѣломъ совершеннаго случая. Одно изъ судовъ экспедиціи Беринга, состоявшее подъ командою капитана Чирикова, отдѣлившись отъ прочихъ, направилось къ востоку и открыло какіе-то, повидимому, американскіе острова. Позже, отважные запорожскіе казаки, послѣ разгрома ихъ Сѣчи Екатериной Великой, въ значительномъ количествѣ переселившіеся къ устью Амура, на своихъ «чайкахъ» неоднократно пускались въ дальнія плаванія по Великому океану и безпрестанно приставали къ тѣмъ или инымъ островамъ и окраинамъ материка. Такимъ образомъ, открытіе и изслѣдованіе сѣверо-западной окраины сѣверо-американскаго материка было несомнѣнно дѣломъ русской казачьей вольницы. По ея уже слѣдамъ направились русскіе промышленники, ибо открытіе капитаномъ Чириковымъ какихъ-то островов, повидимому, Алеутскихъ, не имѣло никакихъ результатовъ и остается донынѣ совершенно невыясненнымъ. Вѣдь и ранѣе Колумба нѣкоторые норвежскіе и датскіе мореплаватели достигали восточныхъ береговъ Сѣверной Америки и еще за 500 лѣтъ до того дня, въ который отплылъ онъ изъ порта Палоса въ Испаніи, высаживались уже на дѣвственной землѣ Новаго Свѣта. Тѣмъ не менѣе, однако, эти ихъ случайныя и безрезультатныя высадки, равно какъ и высадка капитана Чирикова, не имѣли никакого значенія, и какъ открытіе Америки принадлежитъ несомнѣнно Христофору Колумбу, такъ проложеніе пути отъ восточныхъ береговъ Азіи къ западнымъ берегамъ Сѣверной Америки принадлежитъ несомнѣнно русской казачьей вольницѣ. Вслѣдъ за ней устремилось на Алеутскіе острова множество русскихъ промышленниковъ для вымѣна мѣховъ. Однако, никакого постояннаго учрежденія для поддержанія и охраненія русской здѣсь торговли, ни на островахъ, ни на материкѣ, долгое время основываемо не было. Лишь въ 1799 году, въ царствованіе императора Павла Петровича, составилась россійско-американская компанія, которой дарованы были чрезвычайныя привиллегіи. Ей ввѣрены были управленіе и надзоръ надъ всѣми русско-американскими владѣніями во всей ихъ полнотѣ. Само собою разумѣется, что, предоставивъ россійско-американской компаніи столь широкія права въ отношеніи этихъ владѣній, русское правительство вовсе не имѣло въ виду обращать

ихъ въ вѣчную доходную статью нѣсколькихъ сотенъ акціонеровъ, а руководствовалось расчетомъ, что ради собственныхъ выгодъ компанія постарается улучшить общее положеніе и состояніе края, такъ что со временемъ онъ можетъ быть обращенъ въ провинцію, хотя и отдаленную, но полезную для государства. Однако, расчеты эти не оправдались. Компанія россійско-американская пустилась въ предпріятія, не имѣвшія ничего общаго съ русской колоніальной политикой, а именно: чайную торговлю съ Китаемъ, ловлю китовъ въ Охотскомъ морѣ и т. п. Между тѣмъ, торговая монополія, предоставленная компаніи по самому ея учрежденію, вредила русскому національному мореходству. Въ трактатѣ, заключенномъ 5—17 апрѣля 1824 года между Россіей и Соединенными Штатами Сѣверной Америки, имѣется между прочимъ пунктъ, гласящій, что «граждане Америки не будутъ приставать ни къ какому мѣсту, гдѣ есть какое либо русское заведеніе, безъ позволенія губернатора или коменданта, и что взаимно и русскіе подданные не могутъ приставать безъ позволенія ни къ какому заведенію Соединенныхъ Штатовъ на сѣверо-западномъ берегу Америки». Въ то время, какъ подписывался этотъ трактатъ, Соединенные Штаты не имѣли никакихъ владѣній на берегахъ Тихаго океана. Но послѣ этого они завоевали Калифорнію и основали тамъ нѣсколько портовъ. Принимая русскія суда въ Санъ-Франциско, равно какъ въ Нью-Іоркѣ, американцы требовали естественно такихъ же правъ и для своихъ судовъ въ русскихъ водахъ сѣверо-западнаго побережья; дозволяя русскимъ промышленникамъ и торговцамъ заводить на ихъ территоріи конторы, склады и всевозможныя торговыя заведенія, они требовали такихъ же правъ и для своей торговли на русской территоріи. Между тѣмъ торговая монополія, предоставленная россійско-американской компаніи, исключала возможность удовлетворенія этихъ, вполнѣ справедливыхъ и закономѣрныхъ требованій, и русскій посланникъ въ Вашингтонѣ поставленъ былъ въ необходимость безпрестанно отвѣчать на нихъ, что по истеченіи срока привиллегій компаніи русское императорское правительство постарается ихъ удовлетворить. Въ сущности трактатъ 5—17 апрѣля 1824 года предоставлялъ обѣимъ сторонамъ равныя права, и американцы, отказываясь отъ пользованія его стѣснительными и непрактичными условіями и вопреки имъ предоставляя у себя русской торговлѣ полную свободу, требовали для себя лишь полной взаимности, составляющей основу всякихъ торговыхъ сношеній между государствами. Не добившись такой взаимности, они стали наконецъ угрожать закрыть свои порты и свои торговыя учрежденія для всѣхъ русскихъ судовъ и русскихъ подданныхъ вообще, на что имѣли полное право, ибо вышеупомянутый трактатъ гласитъ не о судахъ и агентахъ россійско-американской компаніи, а о русскихъ судахъ и агентахъ вообще. Та-

кимъ образомъ, исключительныя привиллегіи, дарованныя этой компаніи, вызывали постоянныя затрудненія для правительства и наконецъ стали угрожать подрывомъ національному мореходству. Но была еще другая причина, вызывавшая еще бо́льшія затрудненія. Американскіе флибустьеры, сильно смахивающіе на былую русскую вольницу великорусскихъ республикъ Новгорода и Пскова, захвативъ постепенно Техасъ, Новую Мексику, Калифорнію и другія части материка, добрались и до русскихъ владѣній, производя въ нихъ грабежи и насилія. На всѣ представленія русскаго правительства по этому предмету федеральное правительство всегда неизмѣнно отвѣчало, что оно не можетъ возбранять своимъ гражданамъ выходить за предѣлы федеральной территоріи, и что если они производятъ безпорядки на русской территоріи, то защищать эту послѣднюю относится къ обязанностямъ русскаго правительства. Чтобы положить конецъ вторженіямъ флибустьеровъ, которыми кишитъ Тихій океанъ, осталось одно лишь средство — завести и содержать въ тѣхъ водахъ многочисленную и болѣе или менѣе сильную эскадру. Между тѣмъ въ 1861 году назначена была правительствомъ ревизія русско-американскихъ колоній, возложенная на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Костливцева и капитанъ-лейтенанта Головина. Ревизія обнаружила, что состояніе русскихъ колоній въ Америкѣ совершенно неудовлетворительно. Для изслѣдованія ихъ и извлеченія тѣхъ выгодъ, какія онѣ могли представлять, россійско-американской компаніей не сдѣлано ровно ничего. Племена инородческія на материкѣ продолжали оставаться такими же дикими и враждебными русскимъ, какими были за сто лѣтъ до того, а положеніе индѣйцевъ на островахъ не было нисколько улучшено, ни въ нравственномъ, ни даже въ физическомъ отношеніи. Поэтому, когда сталъ, вскорѣ послѣ этой ревизіи, приближаться срокъ компанейскимъ привиллегіямъ, правительству предстояло разрѣшить существенно важный вопросъ: вновь ли предоставить русско-американскія колоніи той же компаніи, или же взять ихъ въ свое вѣдѣніе? Первое означало бы продолжить положеніе вещей совершенно ненормальное и для государства небезвредное; второе вызывало необходимость посылки въ край, столь отдаленный, губернатора и цѣлаго сонма чиновниковъ, заманиванія туда переселенцевъ, заведенія тамъ хлѣбопашества и скотоводства, необходимость, говоря короче, неисчислимыхъ денежныхъ жертвъ, которыя могли принесть какіе либо плоды лишь въ отдаленномъ будущемъ. Между тѣмъ, трудно было ожидать какой либо будущности отъ территоріи, которая цѣлое почти столѣтіе ничего не приносила Россіи, кромѣ затрудненій и денежныхъ затратъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ради удержанія этихъ негостепріимныхъ береговъ, предстояло портить добрыя отношенія и вступать въ столкновенія съ націей, предъ которой преклонялись всѣ европейскія державы

и въ томъ числѣ двѣ великія морскія, каковы Англія и Франція, въ то время какъ они ровно ничего не прибавляли къ политическому значенію Русскаго государства и составляли лишь его слабую сторону. Вполнѣ естественно поэтому, что въ особомъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ самого государя, рѣшено было эту отдаленную и безнадежную окраину Россіи продать Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Продажа эта состоялась, какъ извѣстно, въ 1867 году за 7 милліоновъ долларовъ.

Что же осталось на этой сѣверо-западной окраинѣ сѣверо-американскаго материка отъ столѣтняго почти русскаго владѣнія, осталось, конечно, въ культурномъ и народномъ отношеніи, ибо за означенной продажей въ государственномъ отношеніи не оставалось уже ровно ничего? Бѣлаго населенія осталось лишь около 500 человѣкъ, и все это были исключительно лица (русскіе или обрусѣвшіе), служившія у россійско-американской компаніи. Все, что осталось сверхъ этого, это были инородцы, обращенные въ православіе: креолы, алеуты, калоши и т. д. Такимъ образомъ, лицъ русской народности не оказалось даже и полной полутысячи. По закрытіи управленій и конторъ компаніи, они отчасти возвратились въ Россію, отчасти разбрелись по западной окраинѣ Сѣверной Америки. Что касается различныхъ православныхъ инородцевъ, самимъ уже фактомъ принятія исповѣданія огромнаго большинства русскаго народа, а съ нимъ вмѣстѣ и славянскаго обряда, пріобщившихся одной стороной своего общественнаго быта къ русской народности, то о ихъ обращеніи приходится сказать здѣсь хоть нѣсколько словъ.

На сѣверо-западные берега Сѣверной Америки христіанство было принесено впервые русскими промышленниками, болѣе или менѣе продолжительное время здѣсь пребывавшими или же здѣсь поселявшимися. Первый случай крещенія имѣлъ мѣсто въ 1759 году. Мѣщанинъ Иванъ Глотовъ, открывшій острова, извѣстные подъ именемъ Лисьевскихъ, впервые окрестилъ малолѣтняго сына одного изъ мѣстныхъ алеутовъ и увезъ его съ собой въ Камчатку. Здѣсь этотъ первый крещеный алеутъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, выучился русскому языку и русской грамотѣ и возвратился на родину съ властью главнаго тоена (начальника), данной ему управляющимъ Камчаткой. Онъ много содѣйствовалъ распространенію православнаго христіанства между алеутами. Какъ извѣстно, россійско-американская компанія основана была рыльскимъ именитымъ гражданиномъ Григоріемъ Ивановичемъ Шелиховымъ. Будучи колонизаторомъ, самымъ предпріимчивымъ и рьянымъ распространителемъ русскаго владычества у сѣверо-западныхъ береговъ Америки, Шелиховъ не дождался, однако, окончательнаго составленія компаніи и полученія ею исключительныхъ привиллегій отъ правительства, ибо умеръ въ 1795 году. Онъ-то, по возвращеніи своемъ съ острова Кадьяка въ 1787 году, представилъ русскому

правительству о необходимости распространенія христіанства между туземцами и просилъ назначить туда духовную миссію, которую онъ, совмѣстно съ компаньономъ своимъ Голиковымъ, обязывался какъ доставить на мѣсто, такъ и содержать на свой счетъ. Вслѣдствіе этого ходатайства, составлена была въ Петербургѣ миссія изъ восьми духовныхъ лицъ, чина монашескаго, и, снабженная Шелиховымъ, Голиковымъ и различными доброхотными дателями всѣмъ необходимымъ въ полномъ изобиліи, въ 1793 году отправилась изъ Петербурга къ мѣсту назначенія. Дѣятельность миссіи была первоначально весьма успѣшна. Въ 1823 году, назначенъ былъ на островъ Уналашку, одинъ изъ острововъ Алеутскаго архипелага, священникомъ-миссіонеромъ священникъ иркутской благовѣщенской церкви о. Іоаннъ Веніаминовъ. Послѣ пятнадцатилѣтней неутомимой миссіонерской дѣятельности и изданія цѣлаго ряда научныхъ трудовъ о языкѣ, миѳологіи, нравахъ, обычаяхъ и общественномъ устройствѣ алеутовъ, колошей и кенайцевъ, о. Веніаминовъ, бывшій уже протоіереемъ, отправился въ Петербургъ лично хлопотать объ улучшеніи миссіонерскаго дѣла въ русско-американскихъ владѣніяхъ. Личность и дѣятельность его произвели здѣсь на всѣхъ такое впечатлѣніе, что, по личному желанію государя Николая Павловича, былъ онъ возведенъ въ санъ епископскій и назначенъ епископомъ «камчатскимъ, курильскимъ и алеутскимъ», что̀ произошло въ исходѣ 1840 года. По возвращеніи въ мѣста, прославленныя его миссіонерской дѣятельностью, уже въ качествѣ епископа, о. Веніаминовъ, ставшій епископомъ Иннокентіемъ, продолжалъ ревностно трудиться на поприщѣ обращенія язычниковъ въ православіе, вплоть до 1867 года, когда онъ былъ назначенъ митрополитомъ московскимъ. Замѣчательно, что въ томъ же именно году русско-американскія владѣнія проданы были Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, и съ прекращеніемъ русскаго владычества на сѣверо-западномъ побережьѣ Сѣверной Америки условія православной миссіонерской тамъ дѣятельности, столь прославленной епископомъ Иннокентіемъ и навсегда связанной съ его именемъ, значительно измѣнились къ худшему. Дѣятельность эта, столь успѣшная въ первыя десятилѣтія, по отряженіи миссіи изъ С.-Петербурга въ 1793 году, около половины текущаго столѣтія стала упадать и какъ бы замерла. 25-го сентября 1894 года, американская православная епархія, нынѣ именуемая аляскинской и алеутской, праздновала столѣтіе своего существованія. Въ составѣ ея имѣется нынѣ 24 прихода-миссіи, заключающихъ въ себѣ около 20 тысячъ вѣрныхъ. Въ этомъ числѣ едва лишь двадцатую часть, то-есть около 1 тысячи, составляютъ собственно русскіе, остальные же девятнадцать двадцатыхъ слагаются изъ такъ называемыхъ русскихъ креоловъ, алеутовъ, колошей, кенайцевъ, грековъ и сирійскихъ арабовъ. Такъ какъ предметомъ настоящаго труда на-

него является Русь, какъ національность, то обозрѣніе и описаніе американской православной эпархіи, состоящей главнѣйшимъ образомъ изъ различныхъ инородцевъ и заключающей въ себѣ ничтожную лишь часть лицъ русской народности, не можетъ входить въ наши задачи. Замѣтимъ лишь, что эмиграціонная горячка, въ последнее десятилѣтіе охватившая царство Польское, коснулась и Западнаго края. Изъ него переселилось въ Соединенные Штаты съ восточной стороны до полутысячи лицъ русской народности, вошедшихъ въ составъ единственной мѣстной православной епархіи, обширнѣйшей въ мірѣ по пространству и совершенно незначительной по числу вѣрныхъ. Хотя такимъ образомъ нынѣ Русь россійская и растянулась уже на огромномъ пространствѣ, отъ Санъ-Франциско до Нью-Іорка, вмѣщая въ себѣ великоруссовъ малоруссовъ, и бѣлоруссовъ, но она совершенно ничтожна по численности, разбросана отдѣльными десятками и даже единицами и не имѣетъ никакой народной организаціи. Братства, основанныя при православныхъ церквахъ, по образцу, правду говоря, галицко-русскихъ и угрорусскихъ уніатскихъ, являясь учрежденіями вѣроисповѣдно-вспомогательными и состоящими изъ лицъ совершенно различныхъ народностей, не заключають въ себѣ ничего не только народнаго, но даже и церковно-народнаго, не говоря уже о томъ, что они не объединены въ какую либо болѣе крупную организацію, хотя бы и церковнаго характера. Не смотря, однако, на совершенное численное ничтожество Руси россійской въ Соединенныхъ Штатахъ и совершенную численную незначительность русской православной въ нихъ епархіи, въ послѣдніе годы возгорѣлась здѣсь весьма серьезная и упорная борьба между двумя русскими вѣроисповѣданіями: православнымъ и греко-католическимъ, или уніатскимъ. Хотя какъ элементы, такъ и основоначала, этой борьбы перенесены сюда, на свободную землю вольной Америки, изъ Стараго Свѣта, однако здѣсь, въ совершенно новыхъ условіяхъ государственности и общественности, они осложняются и запутываются до послѣдней степени, такъ что для должнаго уразумѣнія, какъ самаго возникновенія, такъ и дальнѣйшаго развитія борьбы этой, требуется весьма обстоятельное разслѣдованіе. Обстоятельность такая вызывается также и первостепенной важностью предмета въ народномъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что нынѣ борьба эта находится въ самомъ разгарѣ и достигла, повидимому, своего кульминаціоннаго пункта. Какъ обязанности изслѣдователя, такъ и долгъ русскаго человѣка, которому дороги и близки нужды и интересы русскаго народа, удержать насъ во всемъ изложеніи предмета столь огромнаго народнаго значенія на высотѣ полной объективности и совершеннаго безпристрастія.

Для должнаго и всесторонняго уразумѣнія предмета, необходимо выяснить прежде всего соотношенія, установившіяся между отдѣльными христіанскими вѣроисповѣданіями въ Соединенныхъ Шта-

тахъ. Какъ извѣстно, со времени своего открытія Сѣверная Америка пережила нѣсколько стадій въ составѣ своего населенія. Сначала двинулась въ эту новую страну обѣтованную волна народовъ англо-саксонской расы. Народы эти, прочно осѣвшись на новой землѣ, придали ей ту своеобразную культурно-бытовую и религіозную окраску, которую сохраняетъ она до сего времени. Протестантизмъ въ его безконечныхъ развѣтвленіяхъ составляетъ и понынѣ преобладающее вѣроисповѣданіе Сѣверной Америки и ту почву, на которой возникли первоначально общественно-политическія учрежденія Соединенныхъ Штатовъ. Этимъ критическимъ индивидуализмомъ англо-саксонской расы отмѣчена и понынѣ вся религіозно-просвѣтительная дѣятельность всѣхъ многочисленныхъ протестантскихъ церквей на почвѣ сѣверной части Новаго Свѣта, не говоря уже о просвѣщеніи свѣтскомъ и всей здѣсь научной и интеллектуальной жизни вообще. За народами англо-саксонскими двинулись въ Сѣверную Америку народы кельтическіе и романскіе. Между первыми ирландцы, бѣгущіе со своего прекраснаго зеленаго острова отъ гнета англійскихъ лордовъ, получили первенствующее значеніе. Народы эти принесли съ собой въ Новый Свѣтъ римскій католицизмъ. Сто лѣтъ тому назадъ на всей огромной территоріи Соединенныхъ Штатовъ имѣлось не болѣе 25 тысячъ римско-католиковъ. Страна эта была исключительно страной протестантовъ, которые, найдя себѣ въ ней полную свободу отъ какихъ бы то ни было религіозныхъ притѣсненій и стѣсненій, считали ее своимъ исключительнымъ достояніемъ. Водвореніе здѣсь римскаго католицизма, или такъ называемаго папизма, вовсе не допускалось, и узаконеніями квакеровъ предписывалось формально римско-католикамъ обрѣзывать уши. Страхъ подобной операціи заставлялъ римско-католиковъ тщательно скрывать свое вѣроисповѣданіе.

Разсѣянные по столь огромной территоріи, лишенные всякой организаціи, вынужденные даже скрывать свое вѣроисповѣданіе, они не имѣли никакого легальнаго положенія. Даже въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Нью-Іоркъ, римско-католическое богослуженіе совершалось тогда какимъ либо бродячимъ патеромъ гдѣ либо на чердакѣ. Нынѣ, сто лѣтъ спустя, римскій католицизмъ представляетъ въ Соединенныхъ Штатахъ огромную и сплоченную организацію въ 10 милліоновъ человѣкъ. Онъ покрылъ страну великолѣпными храмами и вѣроисповѣдными учрежденіями. Въ Нью-Іоркѣ, гдѣ сто лѣтъ тому назадъ римско-католическое богослуженіе тайно совершалось на чердакѣ, нынѣ римско-католическій соборъ гордо высится въ лучшей части города, великолѣпіемъ своимъ затмевая всѣ прочіе храмы, а римско-католическая община является едва ли не самой вліятельной. Народы славянскіе позже двинулись въ Сѣверную Америку и позже стали осѣдать въ сѣверной части Новаго Свѣта. Одни изъ нихъ, какъ-то: поляки, чехи, хорваты и

т. д., примкнули къ римскому католицизму, другіе, какъ значительная часть словаковъ, нѣкоторая часть чеховъ и поляковъ и т. д., примкнули къ протестантизму и наконецъ третьи, какъ австрійскіе сербы, примкнули къ православію. Католическое и протестантское славянство, подчинившись сразу англоамериканской римско-католической и протестантской іерархіи, создало себѣ однако постепенно собственныя свои церкви и вѣроисповѣдныя учрежденія, въ большей или меньшей степени носящія національный характеръ. Крайне малочисленный славянскій элементъ православнаго вѣроисповѣданія пріобщился всецѣло къ русской православной церкви и въ ней, такъ сказать, растворился, не сдѣлавъ нигдѣ даже и попытки создать для себя свою національную православную церковь. Но среди трехъ этихъ главнѣйшихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій оказалось еще четвертое, сразу попавшее въ совершенно исключительное и невозможное положеніе. Мы говоримъ о такъ называемомъ греческомъ католицизмѣ, или уніатскомъ вѣроисповѣданіи. Американскіе католическіе епископы, попреимуществу ирландцы по происхожденію, сравнительно довольно таки невѣжественные даже въ чисто богословскомъ отношеніи, не имѣя понятія ни объ историческомъ происхожденіи уніатства, ни о его сущности, ни о его обрядности, сразу отнеслись къ греко-католическимъ или уніатскимъ священникамъ, какъ къ обманщикамъ и шарлатанамъ, и затѣмъ подобное отношеніе свое перенесли и на самое вѣроисповѣданіе. Вышеописанная исторія съ первымъ русскимъ уніатскимъ священникомъ о. Волянскимъ достаточно характеризуетъ то положеніе, въ какое поставлены были на почвѣ Новаго Свѣта уніатскіе священники вообще. Невзирая на всѣ переписки епископовъ пряшевскаго и мункачевскаго (на Угорской Руси), галицкаго митрополита Сембратовича и даже наконецъ самого папы Льва XIII съ американскими епископами, ихъ отношеніе къ греческому католицизму, ими лишь кое-какъ терпимому, не измѣнялось. На этой же почвѣ невѣжественнаго недоброжелательства и замаскированнаго фанатизма американскихъ римско-католическихъ епископовъ и возникло въ Америкѣ движеніе изъ уніи въ православіе. Отмѣчаемъ и подчеркиваемъ здѣсь тотъ непреложный историческій фактъ огромной общественной важности, что существующая въ Сѣверной Америкѣ русская православная миссія не сдѣлала по собственной инидіативѣ ни малѣйшей попытки къ возсоединенію галицкорусскихъ и угрорусскихъ уніатовъ съ православіемъ и въ этомъ направленіи, выражаясь фигурально, не кивнула даже пальцемъ. Вплоть до 1891 года, всего лишь тремя годами отдаленнаго отъ столѣтняго юбилея русской православной миссіи и епархіи въ Америкѣ, миссія эта какъ будто даже и не подозрѣвала о существованіи русскихъ уніатовъ по другую сторону тѣхъ же Соединенныхъ Штатовъ. Явленіе это объясняется вполнѣ естественно тѣми порядками, какіе царствовали въ рус-

ской православной епархіи и въ особенности въ русскомъ православномъ приходѣ въ Санъ-Франциско съ 1867 г., когда знаменитый Иннокентій назначенъ былъ митрополитомъ московскимъ, вплоть до 1891 года, когда прибылъ въ Новый Свѣтъ вновь назначенный русскій православный епископъ Николай, нынѣ занимающій архіерейскую каѳедру православной церкви, единственную на всемъ огромномъ материкѣ Америки. Двадцати-четырехлѣтній періодъ, начавшійся съ того именно года, въ который американская русская православная епархія, за продажей русско-американскихъ владѣній, очутилась въ чужомъ государствѣ, и заканчивающійся первымъ годомъ послѣдняго десятилѣтія истекающаго столѣтія, представляется одной изъ самыхъ мрачныхъ страницъ во всей исторіи нашей народной церкви. Въ Санъ-Франциско, на самомъ дальнемъ западѣ Сѣверной Америки, куда перенесена резиденція епископовъ американской православной епархіи, получившей наименованіе аляскинской и алеутской, разыгрываются безконечная борьба между епископскими любимцами и фаворитами, злоупотребленіе епископскими слабостями и церковными суммами, натравливаніе епископовъ на русскихъ людей прогрессивнаго закала, заканчивавшееся иногда проклятіями, отмѣненными святѣйшимъ синодомъ, физическія насилія и даже покушенія на убійства. Лишь обязанности изслѣдователя и совершенная по ходу изложенія нашего необходимость вынуждаютъ насъ упомянуть объ этомъ прискорбномъ двадцати-четырехлѣтнемъ періодѣ православія въ Новомъ Свѣтѣ. Само собою разумѣется, что русская православная миссія, поглощенная всецѣло своими внутренними дѣлами подобнаго сорта, даже и не замѣтила постепеннаго приближенія къ ея территоріальнымъ предѣламъ среди сѣверо-американскаго континента ея вѣковаго врага и соперника—русской уніатской церкви. Между тѣмъ среди этой послѣдней возникло само собой нѣкоторое движеніе въ пользу возсоединенія съ православіемъ. Толчокъ движенію этому данъ былъ самимъ же американскимъ римско-католическимъ епископатомъ.

Штатъ Миннесотта представляется однимъ изъ срединныхъ штатовъ Союза. Тамъ въ городѣ Миннеаполисѣ еще съ начала восьмидесятыхъ годовъ сложилась постепенно русская колонія, къ началу девятидесятыхъ годовъ достигшая численности около 400 человѣкъ. Учредивъ у себя приходъ, эта русская община просила себѣ священника изъ Угорщины, который и явился въ лицѣ угрорусскаго уніатскаго священника о. Алексія Товта. Русская община города Миннеаполиса, состоя почти исключительно изъ пильщиковъ и плотниковъ, даже съ внѣшней стороны значительно отличается отъ другихъ русскихъ общинъ, состоящихъ либо почти исключительно, либо главнѣйшимъ образомъ изъ углекоповъ (майнеровъ). Углекопы живутъ обыкновенно по нѣскольку у кого либо изъ женатыхъ товарищей, и какъ сами они, такъ и ихъ обиталища, имѣютъ сплошь

и рядомъ довольно грязный и неопрятный видъ. Пильщики и плотники Миннеаполиса, наоборотъ, имѣютъ обыкновенно каждый свой отдѣльный опрятный домикъ бо̀льшихъ или меньшихъ размѣровъ, окруженный садикомъ и снабженный огородомъ. Домики эти, обыкновенно оштукатуренные глиной и побѣленные известью, напоминаютъ гораздо болѣе хуторки Украины и Галичины, нежели жилища американскихъ обывателей. Этотъ, такъ сказать, посадъ изъ малорусскихъ хуторовъ въ сердцѣ Сѣверной Америки, учредивъ у себя приходъ и получивъ священника изъ Угорской Руси, построилъ до поры до времени небольшую деревянную церковь, а между тѣмъ энергически собиралъ средства на постройку церкви каменной. Новоприбывшій русскій греко-католическій священникъ о. Алексій Товтъ оказался вдовцомъ. Для мѣстнаго римско-католическаго епископа, невѣжды и глупца, это было достаточнымъ, чтобы подвергнуть его систематическому преслѣдованію. Въ данномъ случаѣ повторилась та же исторія, какая разыгралась и съ первымъ русскимъ уніатскимъ священникомъ въ Америкѣ, о. Волянскимъ, и была уже нами описана. Есть, однако, между этими двумя исторіями существенное различіе. Въ то время, какъ филадельфійскій архіепископъ Райнъ не желалъ признать о. Волянскаго и подвергнулъ его различнымъ стѣсненіямъ по мотивамъ чисто принципіальнымъ и вслѣдствіе совершеннаго незнакомства своего съ сущностью греческаго католицизма, сантъ-пауельскій архіепископъ Айрландъ сталъ преслѣдовать о. Товта болѣе всего изъ личнаго самодурства, характеризующаго всѣхъ невѣждъ и глупцовъ вообще. О. Товтъ оказался, однако, священникомъ хорошо образованнымъ и энергичнымъ и не давалъ спуску архіепископу-самодуру. Втеченіе сравнительно непродолжительнаго времени отношенія между американскимъ римско-католическимъ епископомъ и русскимъ греко-католическимъ священникомъ обострились до такой степени, что первый исхлопоталъ отозваніе послѣдняго у мункачевскаго епископа на Угорской Руси. Строптивый греко-католическій священникъ былъ отозванъ своимъ епархіальнымъ епископомъ обратно на родину подъ угрозой суспензы (низложенія, лишенія сана) въ случаѣ неисполненія его предписанія. Въ эту-то столь рѣшительную минуту борьбы своей съ епископомъ-самодуромъ о. Товтъ рѣшилъ перейти въ православіе. Прежде, однако, нежели сдѣлать столь рѣшительный шагъ, въ Америкѣ еще безпримѣрный, онъ призналъ за нужное позондировать почву. Пользуясь производствомъ усиленныхъ сборовъ на постройку церкви въ своемъ приходѣ, онъ наказалъ сборщику Ивану Молинару отправиться въ Санъ-Франциско и тамъ просить оказанія на этотъ предметъ денежной помощи у православнаго русскаго епископа и богатыхъ русскихъ, тамъ имѣющихся. Сборщикъ былъ весьма милостиво принятъ епископомъ, имъ обласканъ, получилъ денежное пособіе, и при этомъ ему дано было понять, что, если бы

ихъ миннеаполисскій уніатскій приходъ пожелалъ возсоединиться съ прадѣдовской православной церковью, то въ сборахъ не предстояло бы никакой надобности, ибо въ такомъ случаѣ церковь была бы построена на средства изъ Россіи. Какъ милостивый пріемъ у епископа, такъ и благолѣпіе епископскаго служенія произвели на простаго русскаго человѣка, какимъ былъ сборщикъ Иванъ Молинаръ, огромное впечатлѣніе. Возвратясь въ свой родной Миннеаполисъ, онъ восторженно повѣдалъ о пережитыхъ имъ ощущеніяхъ и вынесенныхъ впечатлѣніяхъ своему «душпастырю», какъ называютъ галицкіе и угорскіе русины своихъ священниковъ, и совмѣстно съ этимъ послѣднимъ сталъ рѣшительно высказываться въ пользу возсоединенія съ православной церковью. Подъ ихъ обоюднымъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ о. Товта миннеаполисскій уніатскій приходъ склонился поголовно къ переходу въ православіе, и о такомъ его желаніи послано было соотвѣтственное заявленіе преосвященному Николаю, епископу аляскинскому и алеутскому, въ г. Санъ-Франциско. Произошло это въ самомъ началѣ 1891 года. Однако дѣло возсоединенія миннеаполисскаго уніатскаго прихода съ православной церковью въ Америкѣ значительно затянулось. Святѣйшій синодъ поручилъ епископу обстоятельно разслѣдовать численность и составъ прихода, его средства и матеріальное положеніе вообще, степень возможности участія его въ постройкѣ церкви и содержаніи причта и т. д. Епископъ Николай въ точности исполнилъ лично порученіе синода и не преминулъ при этомъ обнадежить прихожанъ въ благополучномъ исходѣ ихъ ходатайства. Лишь въ началѣ августа 1892 года, т. е. около двадцати мѣсяцевъ спустя по заявленіи ходатайства, полученъ былъ въ Миннеаполисѣ, черезъ епископа аляскинскаго и алеутскаго, указъ святѣйшаго синода о принятіи православной русской паствы въ г. Миннеаполисѣ, перешедшей изъ уніи въ аляскинскую православною пархію. Священникомъ о. Товтомъ было произнесено по этому поводу 16-го августа въ своей церкви соотвѣтственное слово. Фактъ возсоединенія миннеаполисцевъ съ православіемъ произвелъ огромную сансацію какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ, а въ особенности въ Галиціи. Такъ какъ дѣло это велось втихомолку, безъ огласки и похвальбы, весьма дипломатично, то исходъ его и не могъ быть предупрежденъ ни іезуитами, которые дѣйствуютъ въ Америкѣ совершенно свободно и располагаютъ огромными силами и средствами, ни римско-католическимъ духовенствомъ вообще. Въ фактѣ этомъ многіе увидѣли и видятъ до сихъ поръ актъ прорванія русской народной стихіей той искусственной плотины, которая воздвигнута ухищреніями іезуитовъ и латинскаго духовенства на пути ея естественнаго теченія. Мы не можемъ съ своей стороны раздѣлить столь оптимистическаго взгляда, ибо, какъ очевидно каждому, движеніе это въ пользу возсоединенія съ православіемъ не изошло снизу, изъ самой

массы народной, а сверху, отъ представителя обыкновенной греко-католической іерархіи, введеннаго въ рядъ столкновеній съ представителемъ высшей іерархіи римско-католической. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что хотя иниціатива этого частичнаго возсоединенія на вольной землѣ американской и не исходила изъ самого народа русскаго, тѣмъ не менѣе, однако, она нашла въ немъ почву вполнѣ благопріятную. Если бы даже и признать справедливымъ въ извѣстной степени взглядъ, по которому въ фактѣ возсоединенія миннеаполисскихъ уніатовъ съ русской православной церковью въ Америкѣ выражается не что иное, какъ то, что русская народная стихія прорвала плотину, ухищреніями іезуитовъ воздвигнутую на пути ея свободнаго и естественнаго теченія, то слѣдуетъ признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что самый этотъ необыкновенный напоръ задерживаемой стихіи на устарѣвшую уже плотину былъ слѣдствіемъ необычайнаго на нее атмосферическаго давленія, вызваннаго тупоуміемъ римско-католическаго епископата. Какъ бы то ни было, фактъ возсоединенія этого, хотя и вызванный и подготовленный сверху, совершился по единодушному желанію миннеаполисскихъ уніатовъ и долженъ быть признанъ дѣйствительной и честной побѣдой православія надъ римскимъ католицизмомъ.

Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же о послѣдующемъ возсоединеніи, устроенномъ тѣмъ же о. Товтомъ въ г. Вильксъ-Бэррѣ въ Пенсильваніи въ томъ же 1892 году. Толчокъ дѣлу данъ былъ совершенной случайностью. Мѣстный греко-католическій или уніатскій священникъ о. С., угроруссъ по происхожденію, былъ большой любитель женскаго пола и отличался на этотъ счетъ совершеннѣйшей и крайней неразборчивостью и безцеремонностью по отношенію ко всѣмъ своимъ прихожанкамъ, къ нему являвшимся по надобностямъ церковнымъ. Безцеремонность «душпастыря» раздражила его пасомыхъ до такой степени, что въ одну прекрасную осеннюю ночь 1892 года они напали на церковный домъ, въ которомъ онъ обиталъ, дабы всенародно расправиться съ грѣховодникомъ. Но послѣдній, въ одномъ бѣльѣ, спасся бѣгствомъ къ одному изъ друзей своихъ, тамъ спрятался и въ ту же ночь выѣхалъ изъ Вильксъ-Бэрра, покинувъ такимъ образомъ приходъ свой еще скорѣе, нежели праотецъ нашъ Адамъ покинулъ рай по своемъ грѣхопаденіи. Узнавъ о случившемся, о. Алексѣй Товтъ оставляетъ внезапно свой православный приходъ въ Миннеаполисѣ и мчится въ глубь Пенсильваніи, въ Вильксъ-Бэрръ. Явясь сюда, онъ предлагаетъ мѣстному уніатскому приходу стать его приходскимъ священникомъ, не объясняя, однако, при этомъ, что онъ есть уже нынѣ не греко-католическій или уніатскій священникъ, какимъ былъ прежде, а священникъ православный. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что среди русскаго уніатскаго населенія Соединенныхъ Штатовъ установилось перемѣщеніе священниковъ съ прихода на приходъ безъ вѣдома «старокраевыхъ»

ихъ уніатскихъ епископовъ, и даже имѣли мѣсто случаи занятія новыхъ приходовъ безъ такого вѣдома. Въ этомъ отношеніи русская греко-католическая или уніатская церковь въ Америкѣ поставлена въ совершенно исключительное положеніе, отличающее ее отъ всѣхъ прочихъ церквей на свободной землѣ Новаго Свѣта. Власти мѣстныхъ римско-католическихъ епископовъ русскіе уніатскіе священники надъ собою не признаютъ и изо всѣхъ силъ борются съ ихъ притязаніями, высшей уніатской іерархіи въ Америкѣ не имѣется, а власть митрополита галицкаго въ Австріи и епископовъ мункачевскаго и пряшовскаго въ Венгріи въ отношеніи означенныхъ священниковъ представляется чисто фиктивной. Такимъ образомъ образовалась въ Соединенныхъ Штатахъ нѣкая русская уніатская церковно-народная республика, коей остается лишь собраться и избрать себѣ изъ тридцати четырехъ мѣстныхъ уніатскихъ священниковъ главу съ саномъ епископа, дабы совершенно отдѣлиться отъ Рима и уничтожить всѣ послѣдствія уніи съ римскимъ престоломъ. Представляется поэтому совершенно естественнымъ, что предложеніе о. Товта, избавлявшее вилькс-бэррцевъ отъ необходимости ѣздить и приглашать на ихъ приходъ кого либо другого изъ русскихъ уніатскихъ священниковъ, было ими охотно принято, и такимъ образомъ русскій православный священникъ сталъ настоятелемъ русскаго уніатскаго прихода, чего, однако, прихожане его и не подозрѣвали—фактъ исключительный и въ исторіи русскихъ церквей и ихъ взаимныхъ отношеній едва ли не единственный. Однако, православность о. Товта, имъ отъ новыхъ прихожанъ своихъ сокрытая, стала постепенно для нихъ выясняться и лѣтомъ 1893 года, когда онъ, въ качествѣ православнаго протоіерея, произвелъ освященіе судовъ прибывшей въ въ ньюіоркскій портъ къ чикагской выставкѣ русской эскадры, обнаружилась окончательно, ибо и самъ онъ съ этого времени пересталъ уже скрывать, что онъ не прежній греко-католическій священникъ, а православный протоіерей. Значительная часть вилькс-бэррскаго прихода, не безъ воздѣйствія, конечно, уніатскихъ священниковъ угрорусскаго исхода, бывшихъ сотоварищей и личныхъ друзей о. Товта, отъ него отшатнулась, а такъ какъ церковь и церковный домъ со всѣмъ церковнымъ имуществомъ оставались въ рукахъ православнаго протоіерея и меньшинства прихожанъ, продолжавшихъ держаться этого послѣдняго и такимъ образомъ ipso facto перешедшихъ повидимости въ православіе, то возникъ весьма сложный процессъ объ отобраніи вилькс-бэррской русской уніатской церкви отъ русскаго православнаго протоіерея и возвращеніи ея русскому уніатскому приходу, нынѣ представляемому большинствомъ прихожанъ прежняго вилькс-бэррскаго уніатскаго прихода. Слѣдуетъ замѣтить, что церковь является въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америкѣ такой же частной собственностью, какъ и всякое иное зданіе и строеніе вообще, и посему при построеніи она должна быть

непремѣнно записана крѣпостнымъ актомъ на чье либо имя. Обыкновенно такой крѣпостной актъ на нововозведенное зданіе русской уніатской церкви со всѣмъ находящимся въ немъ имуществомъ составлялся либо на имя священника и двухъ изъ вліятельныхъ прихожанъ, или же на имя нѣсколькихъ изъ этихъ послѣднихъ, или же наконецъ на имя имѣющагося съ приходѣ греко-католическаго братства. Вильксъ-бэррская русская уніатская церковь записана на имя четырехъ попечителей изъ числа членовъ мѣстнаго братства св. Іоанна Крестителя. Братство это впослѣдствіи распалось, и означенные попечители перешли въ православіе, и такимъ образомъ надлежащій законный собственникъ вильксъ-бэррской русской церкви нынѣ уже не существуетъ. При крайнемъ формализмѣ англо-американскаго гражданскаго законодательства создалось положеніе крайне сложное и запутанное, которое и отражается весьма неблагопріятно на ходѣ вышепомянутаго процесса. О процессѣ этомъ между двумя вильксъ-бэррскими русскими приходами православнымъ и уніатскимъ придется еще намъ говорить въ послѣдующемъ изложеніи.

II.

Кромѣ вышеописанныхъ двухъ возсоединеній въ Миннеаполисѣ (штатъ Миннесотта) и Вильксъ-Бэррѣ (штатъ Пенсильванія), имѣли еще мѣсто возсоединенія уніатовъ русской народности съ православной церковью въ городахъ Стриторѣ (штатъ Иллинойсъ), Питсбургѣ (штатъ Пенсильванія), Осцеолѣ (штатъ Огайо), Бруклинѣ (штатъ Нью-Іоркъ) и Бриджпортѣ (штатъ Нью-Іоркъ). Всѣ города эти принадлежатъ къ болѣе или менѣе значительнымъ городамъ Соединенныхъ Штатовъ. Миннеаполисъ имѣетъ около 200 тысячъ жителей, Вильксъ-Бэрръ — около 52, Питсбургъ — около 275, Бруклинъ — 1.200,000 и Бриджпортъ — около 60 тысячъ. Начавшись съ возсоединенія въ Миннеаполисѣ, въ одномъ изъ срединныхъ штатовъ Союза, въ 1892 году, они тянутся на протяженіи 1892 — 1895 годовъ и подвигаются постепенно къ востоку сѣверо-американскаго материка, дойдя наконецъ до окраиннаго его пункта, порта Нью-Іорка, ибо Бруклинъ, лишь узкой водяной полосой отъ него отдѣленный, является собственно лишь его особой частью, а Бриджпортъ лежитъ подъ самымъ Нью-Іоркомъ съ суши. Такимъ образомъ соприкосновеніе русскаго народа, пришедшаго съ восточной стороны сѣверо-американскаго материка, съ представителями русской православной церкви, пришедшими съ западной его стороны,— соприкосновеніе, вызванное и созданное столкновеніемъ одного русскаго уніатскаго священника съ американскимъ римско-католическимъ епископомъ, втеченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ повлекло за собой семь возсоединеній этихъ галицкорусскихъ и угрорусскихъ греко-католиковъ или уніатовъ съ русской православной церковью

въ Америкѣ и включеніе семи новообразовавшихся православныхъ русскихъ приходовъ въ составъ Аляскинской епархіи. Хотя возсоединенія эти не представляются особо численными, но если принять во вниманіе историческій ходъ взаимоотношеній между православіемъ и уніей въ Старомъ Свѣтѣ, совершенную малочисленность американской русской православной епархіи и въ особенности совершенную въ составѣ ея численную незначительность русскаго элемента при подавляющемъ количественномъ преобладаніи всякаго рода инородцевъ, то возсоединенія эти, происшедшія исключительно изъ среды русской народности, должны быть признаны цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для православной церкви въ Новомъ Свѣтѣ какъ въ качественномъ, такъ даже и въ количественномъ отношеніи. Къ сожалѣнію, пять послѣднихъ изъ вышеисчисленныхъ возсоединеній, равно какъ и возсоединеніе въ городѣ Вилькстъ-Бэррѣ въ Пенсильваніи, достигнуты были средствами и путями не вполнѣ церковными и не совсѣмъ добросовѣстными, совершенно отличаясь въ этомъ отношеніи отъ перваго возсоединенія — въ Миннеаполисѣ, въ чемъ заключается причина ихъ непрочности и нѣкоторой неопредѣленности. Къ предмету этому неизбѣжно придется намъ еще возвратиться въ послѣдующемъ изложеніи.

Говоря о Руси съ западной стороны сѣверо-американскаго материка, невозможно обойти молчаніемъ потомковъ запорожскихъ казаковъ, составляющихъ довольно значительную русскую общину на полуостровѣ Аляскѣ. Какъ извѣстно, Запорожская Сѣчь, это знаменитое и неодолимое гнѣздо русской вольницы, путемъ стратегическихъ хитростей было окружено войсками императрицы Екатерины Великой и уничтожено. Часть послѣднихъ запорожцевъ, не могшихъ простить великой императрицѣ, что она почти уже на рубежѣ нашего вѣка

«Степъ широкій, край веселый
Тай занапастыла»,

переселилась къ устьямъ Амура. Недовольные, однако, мѣстнымъ управленіемъ и сибирскими порядками вообще, эти орлы русскаго народа, изъ роднаго гнѣзда переброшенные черезъ огромныя пространства къ берегамъ Тихаго океана, потянулись далѣе и на своихъ легкихъ «чайкахъ», перерѣзывавшихъ когда-то голубыя воды роднаго Днѣпра подъ ревъ пороговъ и пускавшихся въ Черное море вплоть до самаго Константинополя, двинулись къ западному побережью Сѣверной Америки. Осѣвши на полуостровѣ Аляскѣ, они составили здѣсь довольно значительную русскую общину, долгое еще время сохраняя нравы, обычаи, преданія и обычное право своего разореннаго гнѣзда, которое въ вѣка былые повергало въ ужасъ населеніе Константинополя и заставляло блѣднѣть польскихъ пановъ въ Варшавѣ. Аляска не составляетъ до сихъ поръ одного изъ государствъ союза (Union) и не признана таковымъ, а при-

знается лишь «территоріей», къ нему относящейся. Федеральное правительство Штатовъ, равно какъ и мѣстное управленіе полуострова, представляемое губернаторомъ, назначаемымъ президентомъ, а не избираемымъ, какъ въ государствахъ, долгое время принимало этихъ потомковъ запорожскихъ казаковъ за индійцевъ и соотвѣтственнымъ образомъ въ отношеніи ихъ себя держало. Лишь въ семидесятыхъ годахъ бѣглый и разстриженный русскій православный священникъ Агапій Гончаренко, найдя себѣ пристанище и поле для дѣятельности среди этихъ казаковъ, принялся хлопотать о разъясненіи передъ правительствомъ ихъ истиннаго происхожденія и національности. Онъ явился къ губернатору Аляски, подалъ ему по этому предмету обстоятельную докладную записку, дополнилъ ее личными объясненіями и добился назначенія изслѣдованія. Результатомъ изслѣдованія этого было признаніе мнимыхъ индійцевъ «русскими казаками». Признаніе такое, далеко не лишенное практическихъ общественныхъ послѣдствій, составляетъ всецѣло заслугу о. Агапія Гончаренко, на личности котораго приходится нѣсколько остановиться, разъ предметомъ настоящаго труда нашего является Русь въ Новомъ Свѣтѣ. Малоруссъ по происхожденію, уроженецъ гор. Кіева, Агапій Гончаренко, по окончаніи курса кіевской духовной семинаріи, служилъ первоначально въ канцеляріи кіевскаго митрополита (Филарета), а въ 1857 году опредѣленъ іеродіакономъ въ русскую посольскую церковь въ Аѳинахъ. Познакомившись здѣсь чрезъ Давыдова съ Герценомъ и Огаревымъ, іеродіаконъ русской посольской церкви сталъ снабжать основанный 1-го іюня 1857 года въ Лондонѣ «Колоколъ» свѣдѣніями о русскомъ духовенствѣ. Будучи уличенъ и арестованъ, Агапій Гончаренко въ февралѣ 1860 года бѣжитъ въ Лондонъ и, отпраздновавъ здѣсь съ друзьями освобожденіе крестьянъ, возвращается на Балканскій полуостровъ. Въ январѣ 1862 года, на Аѳонѣ былъ онъ рукоположенъ во священники, а въ іюнѣ 1863 года граждане города Аѳинъ, при содѣйствіи друзей его изъ прогрессивныхъ эллиновъ, даютъ ему званіе гражданина этого города. На этомъ основаніи о. Агапій Гончаренко заявлялъ неоднократно, что святѣйшій синодъ не имѣлъ права разстричь его, какъ арестованнаго и бѣжавшаго русскаго іеродіакона. Задумавъ вмѣстѣ съ Бакунинымъ основать русское изданіе въ Америкѣ, греческій священникъ Agapios Goncharenko, Athenaios, въ октябрѣ 1864 года отправляется туда, прибываетъ въ Бостонъ 1-го января 1865 года и получаетъ элладскій паспортъ отъ элладскаго консула въ Нью-Іоркѣ. Здѣсь участвуетъ онъ въ богословскихъ диспутахъ, послушать которые въ Америкѣ вообще и даже въ такомъ огромномъ городѣ, какъ Нью-Іоркъ, и до сихъ поръ имѣется немало охотниковъ. Получивъ отъ митрополита аѳинскаго всѣ принадлежности для священнослуженія, онъ продолжаетъ исполнять въ Америкѣ обязанности православнаго

священника, когда къ тому представится случай, а между тѣмъ работаетъ издѣльно въ Нью-Іоркскомъ библейскомъ обществѣ, зарабатывая весьма порядочно. Скопивъ за время около трехъ лѣтъ до 2.000 долларовъ, о. Агапій Гончаренко въ октябрѣ 1867 года уѣзжаетъ въ Санъ-Франциско. Поводомъ переѣзда этого съ одного конца сѣверо-американскаго материка на другой были продажа русскихъ владѣній въ Америкѣ Соединеннымъ Штатамъ и сдѣланное о. Агапію Гончаренкѣ федеральнымъ правительствомъ предложеніе издавать, при его субсидіи, на русскомъ языкѣ, собраніе узаконеній и распоряженій республики для американскихъ гражданъ русской народности на Аляскѣ. Прибывъ въ Санъ-Франциско, Гончаренко въ ноябрѣ того же 1867 года основываетъ здѣсь русскую типографію, первую на материкѣ Новаго Свѣта. Первымъ произведеніемъ печати, увидѣвшимъ свѣтъ въ этой послѣдней, была книжка русско-англійскихъ разговоровъ подъ заглавіемъ: «Russo-english phrase book», предназначенная для американскаго гарнизона, отправлявшагося въ Аляску. Съ 1-го марта 1868 года начато въ этой же типографіи, при обѣщанной субсидіи отъ федеральнаго правительства, изданіе двухнедѣльной газеты, параллельно на языкахъ русскомъ и англійскомъ, подъ наименованіемъ «Alaska Herald». Газета печаталась въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ нумеровъ и раздавалась безплатно обывателямъ Аляски, но часть нумеровъ ея, благодаря стараніямъ самого редактора-издателя, попадала въ Сибирь. Не смотря на то, что впослѣдствіи о. Гончаренко разошелся съ американскимъ военнымъ управленіемъ Аляски, отказался отъ субсидіи и продолжалъ издавать свой «Alaska Herald» на собственныя средства, тѣмъ не менѣе онъ попрежнему нумера изданія своего раздавалъ безплатно. Послѣ шести лѣтъ безпрерывнаго труда по этому изданію, о. Гончаренко почувствовалъ переутомленіе и, продавъ англійскую его часть одному американцу, въ іюнѣ 1873 года покупаетъ участокъ земли у земляка своего Іосифа Крушевскаго, севастопольскаго героя, за 800 долларовъ. Не желая, однако, прекратить вовсе выходъ русскаго изданія въ Санъ-Франциско, о. Гончаренко передаетъ свою русскую типографію въ управленіе другому лицу, начавъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ 1-го іюня 1873 года изданіе на одномъ уже русскомъ языкѣ подъ наименованіемъ «Свобода», которая и является собственно первой русской газетой на материкѣ Америки, ибо выходившая ранѣе русская часть «Alaska Herald», основаннаго со спеціальной цѣлью опубликованія американскихъ узаконеній и правительственныхъ распоряженій, не можетъ быть признана русскимъ изданіемъ въ собственномъ смыслѣ слова. Если мы остановились нѣсколько на личности о. Агапія Гончаренко, то для того, чтобы охарактеризовать хотя бы въ чертахъ самыхъ общихъ человѣка, дѣйствовавшаго впослѣдствіи между остатками запорожскаго казачества, въ исходѣ прошлаго вѣка осѣвшими на сѣверо-западной окраинѣ американ-

скаго материка. «Свобода» выходила недолго отдѣльными листками, изъ которыхъ иные отпечатаны были впослѣдствіи вторымъ изданіемъ. Поселившись на своей фермѣ въ Калифорніи, купленной у Крушевскаго, на которой жили русскіе люди свыше ста лѣтъ, священникъ Агапій Гончаренко вошелъ въ ближайшія сношенія и отношенія съ вышеупомянутыми потомками запорожскихъ казаковъ, подолгу жилъ между ними въ качествѣ православнаго іерея и интеллигентнаго руководителя и добился у правительства какъ мѣстнаго, такъ и федеральнаго выясненія и признанія ихъ истинной національности, не имѣющей ничего общаго съ апахами, сіуксами, делаварами и иными разновидностями аборигеновъ американскаго материка. Такъ какъ настоящее изложеніе представляетъ лишь общую часть труда нашего о заокеанской Руси, описаніе же отдѣльныхъ мѣстностей, русскихъ колоній и русскихъ поселеній должно составить особенную его часть, если только этой послѣдней суждено когда либо увидѣть свѣтъ, то этими строками и ограничиваемся мы въ отношеніи поселеній потомковъ запорожскихъ казаковъ на материкѣ Новаго Ѳвѣта. Скажемъ лишь, что даже приблизительная численность этихъ послѣднихъ до сихъ поръ никѣмъ не выяснена и никому не извѣстна. Польско-американскія изданія заявили какъ-то, что общее число этихъ остатковъ запорожскаго казачества достигаетъ 20 тысячъ, но никакихъ положительно данныхъ, на основаніи которыхъ цифра эта выведена, въ нихъ указано не было, и эта послѣдняя представляется поэтому весьма проблематичной. Во всякомъ случаѣ, если бы даже она преувеличена была и въ нѣсколько разъ, то эти русскія поселенія потомковъ запорожскаго казачества представляются самымъ значительнымъ средоточіемъ русскаго народа на всемъ материкѣ Америки вообще, ибо значительнѣйшія галицкорусскія и угрорусскія общины въ Пенсильваніи, средоточіи и центрѣ американскаго славянства, не превышаютъ 2 тысячъ душъ. Такимъ образомъ, эта типичнѣйшая разновидность народа малорусскаго является пока значительнѣйшимъ и первенствующимъ представителемъ русской народности въ Новомъ Свѣтѣ. Нельзя сказать, чтобы представительство такое было сколько нибудь невыгоднымъ. Несмотря на наши высокія и крайне преувеличенныя представленія объ уровнѣ американской культуры и цивилизаціи, американецъ является еще пока въ дѣйствительности порядочнымъ таки дикаремъ, и лихость, мужество, удальство, ловкость и сила представляются въ его глазахъ наивысшими, наицѣннѣйшими и наиблагороднѣйшими качествами, а эти послѣднія наисерьезнѣйшимъ образомъ олицетворяются въ его представленіяхъ въ русскомъ казакѣ. Съ этой стороны личность и дѣятельность Агапія Гончаренко какъ литературная, такъ и чисто общественная, представляетъ особый интересъ. Русскія заграничныя изданія неоднократно выставляли его, какъ разстриженнаго священника православной церкви,

нигилиста эпохи конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, ветерана русской политической эмиграціи. Польско-американскія газеты, упоминая объ этомъ для нихъ диковинномъ «схизматическомъ попѣ», выставляли его, какъ отчаяннаго революціонера: въ рваномъ подрясникѣ, опоясанный кускомъ простой веревки, фабрикуетъ, молъ, онъ на своемъ земельномъ участкѣ въ Калифорніи бомбы и динамитные снаряды и высылаетъ ихъ, молъ, въ Сибирь, гдѣ старается пробудить революціонное движеніе противъ русскаго правительства какъ среди политическихъ ссыльныхъ, такъ и среди ссыльно-поселенцевъ и каторжниковъ. Всѣ свѣдѣнія эти далеки отъ дѣйствительности. Замѣтимъ прежде всего, что во священство Агапій Гончаренко постриженъ былъ на Аѳонѣ и митрополитомъ аѳонскимъ никогда разстриженъ не былъ, почему правильно и законно носитъ званіе іерейское и до сего дня, имѣя уже отъ роду 64 года. Затѣмъ довольно лишь взглянуть на нѣсколько нумеровъ «Свободы» и знать лишь нѣкоторые факты изъ жизни іерея Агапія Гончаренко, чтобы убѣдиться, что онъ далекъ въ дѣйствительности и отъ нигилиста, и отъ революціонера. Въ 1860 году, бѣжавъ изъ Аѳинъ въ Лондонъ, этотъ русскій іеродіаконъ хлопочетъ здѣсь объ устройствѣ «мощной русской дружины» и «первенствующей либеральной церкви»; въ 1861 году, онъ покидаетъ Лондонъ потому, что, какъ самъ буквально выражается «дошелъ до отвращенія отъ соціальной пропаганды, претендуемой русскими либералами», и уѣзжаетъ обратно въ Грецію; отсюда отправляется онъ съ другомъ малоруссомъ, Богуномъ, на Аѳонъ устроивать тамъ «Украинску Сѣчь»; съ Аѳона уѣзжаетъ онъ на горы Ливанскія устроивать тамъ «Общество зилотовъ»; затѣмъ отправляется онъ въ Египетъ, на Мараѳонъ, снова въ Аѳины и наконецъ въ Америку. Всюду и всегда іерей Агапій Гончаренко прославляетъ и превозноситъ русское казачество, воспѣваетъ его героическіе подвиги съ временъ древнѣйшихъ и до самыхъ позднѣйшихъ, съ особой любовью останавливается на завоевателѣ Сибири Ермакѣ Тимоѳеевичѣ и попыткѣ малорусскаго казака Беняка — организовать бѣгство изъ Якутска цѣлаго сообщества казачьяго для устройства собственнаго государства на островахъ Тихаго океана, произведенной въ 1770 году и закончившейся гибелью какъ самого Беняка, такъ и главнѣйшихъ руководителей дружины, состоявшей изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, въ сраженіяхъ противъ французовъ на Магадаскарѣ за свободу маладосовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ іерей Агапій Гончаренко всюду хлопочетъ объ устройствѣ русскихъ общежитій, имъ называемыхъ погречески «киновіями». Если при этомъ принять во вниманіе, что онъ всегда рѣзко нападалъ на безпорядочное и безобразное управленіе сѣверо-американской федеративной республики, высказывая открыто предпочтеніе управленію и порядкамъ Британской имперіи, и предсказывалъ Соединеннымъ Штатамъ скорое распаденіе и стремленіе къ возсоединенію съ Брита-

ніей, но нельзя не видѣть, что іерей этотъ далекъ отъ нигилизма или революціонизма. Дружинно-общежительныя стремленія по образу русскихъ аѳонскихъ обителей, вѣчныя сѣтованія на то, что русскіе не объединяются за границей, эти вѣчныя скитанія по свѣту то для устройства Украинской Сѣчи, то для созданія общества зилотовъ, это вѣчное неудовлетвореніе существующимъ и неугомонное и неустанное исканіе чего-то новаго и лучшаго—все это достаточно ясно указываетъ, къ какому именно типу людей принадлежалъ іерей Агапій Гончаренко, нынѣ мирно доживающій свой вѣкъ на фермѣ въ Калифорніи и на фотографіяхъ своихъ представляющійся низенькимъ, сухощавымъ старичкомъ-священникомъ, стоящимъ среди пустынныхъ горъ въ подрясникѣ, скуфьѣ и эпитрахили, съ большимъ крестомъ въ рукѣ. Онъ является носителемъ идеаловъ, олицетвореніемъ стремленій и воплощеніемъ тенденцій малорусскаго казачества, имѣвшаго, какъ извѣстно, въ рядахъ своихъ не мало малорусскихъ поповичей и дьяковичей. Поскольку русское казачество съ его вольнолюбивыми стремленіями, безпрерывными скитаніями и нападеніями на сосѣдей, съ его военно-республиканскимъ строемъ, было вообще враждебно централизаціи, имперскому правительству и какому либо авторитету, кромѣ выборной своей старшины, постольку былъ всегда враждебенъ русскимъ властямъ и іерей Агапій Гончаренко, бывшій главнымъ дѣятелемъ по устройству на Аѳонѣ украинской обители св. пророка Иліи, что совершенно несовмѣстимо ни съ нигилизмомъ, ни съ революціонизмомъ, ни даже съ радикализмомъ, и соотвѣтствуетъ, какъ нельзя болѣе, тенденціямъ малорусскаго казачества. Совершенно случайныя соприкосновенія, знакомства и связи съ крайними русскими элементами за границей, съ которыми онъ никогда не уживался, сдѣлали изъ іерея Агапія Гончаренка нигилиста и революціонера, какимъ онъ въ сущности никогда не былъ. Эта неугомонная и неукротимая натура идейнаго украинскаго казака «поповскаго рода» является однимъ изъ послѣднихъ могиканъ отжившаго уже свой вѣкъ русскаго казачества и однимъ изъ послѣднихъ воплощеній того отжившаго типа общественныхъ стремленій русскаго народа, который еще до сихъ поръ не нашелъ себѣ должнаго опредѣленія и оцѣнки ни въ исторіи, ни въ наукахъ соціальныхъ. Въ виду сего считаемъ долгомъ своимъ при первой возможности дать русскому обществу подробное описаніе поселеній запорожскихъ казаковъ въ сѣверо-западномъ углу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Пенсильванія.
Августъ 1896 года.

Графъ Лелива (Е. Н. Матросовъ).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТЮРЕМНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ [1].

VI.

Пермская пересыльная тюрьма.—Пріемъ.—Строжайшій обыскъ.—Встрѣча со старыми знакомыми.—Ночь.—Смотритель.—Необыкновенная милость.—Дворянское отдѣленіе.—Особое помѣщеніе для «добровольныхъ».—«Холостыя арестантки».—Лавочка.—Кухня.—Посѣщеніе меня знакомыми.

УТЬ ОТЪ ПРИСТАНИ до пересыльной тюрьмы, стоявшей на другомъ концѣ города, продолжался около часа. Мы прошли весь городъ по пыльнымъ, немощенымъ улицамъ и остановились передъ каменной высокой оградой тюрьмы. Послѣдняя образовала большой четыреугольникъ. Передній фасадъ занимала контора, караульный домъ, цейхгаузъ, кухня и баня; затѣмъ на дворѣ, въ видѣ покоя, расположены каменные корпуса. Въ центрѣ средняго изъ нихъ была большая камера для привилегированныхъ обоего пола; направо отъ нея шли номера для семейныхъ, а налѣво—для холостыхъ арестантовъ. Номера были высокіе, окна большіе. Тюрьма, повидимому, была устроена довольно раціонально; но бѣда въ томъ, что она разсчитана была на 400 человѣкъ, между тѣмъ нерѣдко въ ней накоплялось больше 1.500 арестантовъ. При такой тѣснотѣ, о чистотѣ нельзя было и думать, хотя тюремное начальство строго слѣдило за порядкомъ и опрятностью. Нары были устроены въ два яруса, но при такой многолюдности

---

[1] Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 875.

арестантовъ, не всѣмъ хватало мѣста; многіе изъ нихъ вынуждены были лежать на полу.

Совѣтникъ губернскаго правленія и смотритель принимали партію, въ присутствіи партіоннаго офицера, по статейнымъ спискамъ, и распредѣляли арестантовъ по соотвѣтствующимъ коридорамъ. Такъ какъ я былъ изъ числа «добавочныхъ», то при пріемѣ оказался однимъ изъ послѣднихъ. Когда очередь дошла до меня, смотритель меня остановилъ и почему-то грозно осмотрѣлъ съ ногъ до головы. Справившись съ моимъ статейнымъ спискомъ, онъ снова окинулъ меня злымъ взглядомъ и крикнулъ:

— Проходи!—прибавивъ:—въ общую!

Послѣдній возгласъ былъ подхваченъ надзирателями и повторялся за мною нѣсколько разъ. Я встрѣтился съ добрымъ и сочувственнымъ взглядомъ партіоннаго офицера, который, будто, прощался со мною, и я отдался въ распоряженіе надзирателей.

Я направился въ средній коридоръ, гдѣ производился обыскъ. Арестанты говорили, что на всемъ пути отъ Москвы до Тюмени настоящій обыскъ бываетъ только въ Перми. И дѣйствительно, надзиратели, на моихъ глазахъ, старались изъ всѣхъ силъ найти что нибудь запрещенное. Но я и на этотъ разъ прибѣгнулъ къ испытанному средству: сунулъ надзирателю незамѣтно 20 копеекъ въ руку, и онъ мигомъ преобразился. Онъ сейчасъ же сложилъ мои вещи и лично провелъ меня въ первую общую камеру, властной рукой сдвинулъ въ сторону на нарахъ лежащія на нихъ пожитки раньше меня прибывшихъ арестантовъ и очистилъ для меня свободное мѣсто. Арестанты начали было протестовать, потому что, по принятому обычаю, ни одинъ арестантъ не смѣетъ расположиться на занятомъ уже другими мѣстѣ, но надзиратель такъ грозно прикрикнулъ на протестантовъ, что они мигомъ присмирѣли. Хорошо, что я, повидимому, напалъ на людей смирныхъ, а то, по удаленіи надзирателя, на меня могли бы обрушиться не малыя непріятности. Я хотѣлъ уже снять свои вещи съ наръ и устроиться гдѣ нибудь на полу, но ближайшіе сосѣди, поговоривъ со мною, сами стали предлагать мнѣ свои услуги и радушно оставили за мною неправильно занятое мѣсто. Я ихъ угостилъ чаемъ, и мы сдѣлались друзьями.

Остальные арестанты, между тѣмъ, размѣстились, какъ попало: на нарахъ, подъ нарами, на голомъ полу, такъ что буквально прохода не было. Многіе вынуждены были улечься у самыхъ «парашъ», которыя, разумѣется, были совершенно открыты и распространяли нестерпимое зловоніе.

Въ Перми я засталъ еще моихъ знакомыхъ «дворянъ», отправленныхъ вмѣстѣ со мною изъ Москвы. Ихъ еще не успѣли препроводить дальше. Они обѣщали мнѣ похлопотать на слѣдующій день о перемѣщеніи меня въ «дворянскую», но я имѣлъ мало надежды.

Насъ заперли рано, а «дворяне» оставались незапертыми всю ночь и свободно гуляли по обширному двору, что, въ особенности, возбуждало во мнѣ зависть.

Проведя мучительную ночь, въ теченіе которой я не смыкалъ глазъ, я на слѣдующій день сталъ хлопотать о переводѣ. Я сунулся было къ надзирателямъ, но тѣ не поддавались никакимъ соблазнамъ, боясь отвѣтственности. Дворяне присоединились къ моей просьбѣ,— результатъ былъ тотъ же. Тогда я рѣшился попросить **самого** смотрителя. Признаться, я приступилъ къ этой «особѣ» съ немалымъ сердечнымъ трепетомъ. На своемъ вѣку мнѣ приходилось иногда говорить съ весьма высокопоставленными особами, въ числѣ которыхъ были и министры, и генералъ-губернаторы, и генералъ-адъютанты; но ни передъ кѣмъ я не робѣлъ въ такой степени, какъ передъ «грознымъ» смотрителемъ пермской пересыльной тюрьмы... Мнѣ говорили, что послѣдній, безъ всякой причины, бьетъ по зубамъ, а то и отправляетъ въ карцеръ всякаго, кто обращается къ нему съ какой бы то ни было просьбой или жалобой.

Но перспектива оставаться «въ общей» дней семь меня еще больше страшила, а потому, набравшись храбрости, я подошелъ къ смотрителю, когда онъ показался на дворѣ. Всѣ арестанты стояли безъ шапокъ въ почтительномъ отдаленіи и ждали, что будетъ. Сначала смотритель будто былъ пораженъ моей дерзостью, что я осмѣлился подойти къ нему безъ требованія; мнѣ показалось, что его коротко остриженные волосы точно взъерошились, и что руки у него невольно сложились въ кулакъ... Но, должно быть, мой робкій тонъ нѣсколько смягчилъ его. Онъ опустилъ глаза и молча выслушалъ мою просьбу, совершенно неосновательно мотивированную.

Я своимъ ушамъ не повѣрилъ, когда вдругъ услышалъ ласковый голосъ и встрѣтилъ ласковый взглядъ «грозы».

— Вы думаете, въ дворянской вамъ будетъ удобнѣе?—спросилъ онъ меня мягко.

— Еще бы?—вырвалось у меня, не зная еще, издѣвается ли онъ надо мною, или говоритъ серьезно.

— Такъ переходите туда!—проговорилъ онъ просто.

Я отвѣсилъ ему глубокій поклонъ, не зная, какъ и благодарить, но смотритель уже отвернулся отъ меня и пошелъ своей дорогой.

Я поспѣшилъ перетащить свои вещи въ дворянскую, все еще опасаясь, что смотритель вдругъ отмѣнитъ свое разрѣшеніе.

Всѣ арестанты, въ томъ числѣ и дворяне, бывшіе свидѣтелями моего объясненія съ «грозой», говорили, что, должно быть, особенный стихъ нашелъ на смотрителя, что никогда не видѣли его ни ласковымъ, ни вѣжливымъ, что у меня счастливая звѣзда...

Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ мы судимъ о всякомъ человѣкѣ по отношенію его къ намъ, или къ близкимъ намъ, то я, глубоко благодарный смотрителю за дозволеніе перейти «изъ мрака

къ свѣту», не вѣрилъ всѣмъ ужасамъ, которые про него разсказывали арестанты, и которыхъ я, по крайней мѣрѣ, не замѣчалъ. Только одинъ разъ я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ приказалъ высѣчь арестанта розгами; но тотъ отчасти заслужилъ это, нарочно не отозвавшись на перекличкѣ наканунѣ отправки, при чемъ неизвѣстно еще, было ли приведено приказаніе въ исполненіе, или было отмѣнено. Въ другой разъ «гроза» засадилъ одного дворянина на цѣлыя сутки въ темный карцеръ, при томъ, также наканунѣ дальнѣйшей отправки, что̀ было особенно жестоко, такъ какъ оштрафованный не имѣлъ, вслѣдствіе этого, возможности сдѣлать необходимыя приготовленія къ дорогѣ, но опять-таки означенный дворянинъ самъ вызвалъ эту кару тѣмъ, что крѣпко обругалъ какого-то надзирателя и бросился на него съ кулаками.

Въ одной только Перми, на всемъ этапномъ пути до Тобольска, жены и дѣти арестантовъ, добровольно слѣдующія за ними, не содержались въ пересыльной тюрьмѣ, а помѣщались гдѣ-то въ городѣ, въ особомъ отдѣленіи, гдѣ не подвергались строгости тюремнаго режима. Это, впрочемъ, имѣло для семейныхъ арестантовъ ту невыгодную сторону, что они должны были жить въ разлукѣ съ женами и дѣтьми, допускавшимися къ нимъ только впродолженіе указаннаго времени. Послѣднія охотно подчинялись бы тюремной дисциплинѣ, лишь бы быть постоянно при главахъ семейства, но въ тюрьмѣ и безъ «добровольцевъ» была страшная тѣснота, а потому, въ видахъ гигіены, они содержались внѣ стѣнъ тюрьмы.

Въ тѣхъ же видахъ и «холостыя женщины», т.-е. преступницы, содержались совершенно отдѣльно отъ мужчинъ, причемъ къ нимъ примѣнялись особо строгія мѣры. Такъ, онѣ цѣлый день, не смотря на духоту и жару, были на запорѣ, не выпускались даже за покупками въ находящуюся на тюремномъ дворѣ лавочку, и только вечеромъ, когда всѣ арестанты, въ свою очередь, были заперты въ своихъ камерахъ, ихъ выпускали на нѣсколько минутъ подышать воздухомъ, и тогда же онѣ дѣлали необходимыя покупки въ сказанной лавочкѣ.

Вообще, я замѣтилъ, что съ женщинами-преступницами тюремное начальство обходилось гораздо строже, чѣмъ съ мужчинами. Правда, что всѣ эти «холостыя женщины» были самый отпѣтый народъ, всѣ онѣ шли за тяжкія преступленія въ каторжныя работы или на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія; онѣ были очень невоздержны и нахальны. Тѣмъ не менѣе, исключительныя строгости и лишенія для этихъ погибшихъ созданій показались мнѣ и несправедливыми, и безполезными.

Выше я упомянулъ о тюремной лавочкѣ. О ней слѣдуетъ сказать подробнѣе.

Въ пермской пересыльной тюрьмѣ каждому арестанту выдавалось на руки по 10 коп. въ день. На эти деньги онъ долженъ былъ пи-

таться, какъ знаетъ, а для «удобства» на тюремномъ дворѣ устроена была лавочка, въ которой продавалось все необходимое: разныхъ сортовъ хлѣбъ, чай, сахаръ, яйца, молоко, творогъ, квасъ и другіе продукты. Эти «удобства», однако, оказывались подчасъ далеко неудобными. Уже по одному тому, что арестанты должны были обязательно все пріобрѣтать въ этой лавочкѣ, а изъ города ничего не пропускалось, послѣдняя злоупотребляла своей монополіею. Правда, возлѣ лавочки была вывѣшена такса на всѣ продукты, подписанная какимъ-то торговымъ депутатомъ, но качество продуктовъ никѣмъ не контролировалось: хлѣбъ въ лавочкѣ почти всегда оказывался недопеченнымъ и черствымъ, молоко — съ примѣсью воды, чай — съ примѣсью разныхъ травъ, сахаръ — самаго низшаго сорта, яйца — далеко не первой свѣжести и т. д., — словомъ, все разсчитано было на обязательнаго покупателя. Само собою разумѣется, что точность вѣсовъ и мѣръ также подлежала большому сомнѣнію.

Но страннѣе всего было то, что и кухня въ пересыльной тюрьмѣ была отдана въ аренду хозяину той же лавочки, причемъ все изъ кухни отпускалось арестантамъ очень дорого: щи по 3 копейки за миску, мясо по 15 копеекъ за фунтъ, кипятокъ по 2 копейки въ день. Очевидно, что бѣдные арестанты, получавшіе по 10 копеекъ въ день на всѣ свои потребности, не могли употреблять мясо, а должны были удовлетворяться разной требушиной, отъ которой иная разборчивая собака отказалась бы.

Почему тюремное начальство считало возможнымъ прекрасно кормить арестантовъ на баржѣ и нашло необходимымъ отдать ихъ въ кабалу лавочнику, въ благоустроенной пересыльной тюрьмѣ, — такъ и осталось для меня необъяснимымъ. Лавочникъ, правда, платилъ тюремному комитету по 700 рублей въ годъ за свою монополію, но это, именно, обстоятельство, а равно простое соображеніе, что лавочникъ не въ убытокъ же себѣ хлопочетъ, кажется, должны были убѣдить тюремное начальство, что арестанты во время этапа не должны служить кому бы то ни было доходной статьею.

Въ Перми я вспомнилъ, что здѣсь живутъ одни мои знакомые, съ которыми иногда встрѣчался въ Петербургѣ и которымъ оказывалъ нѣкоторыя услуги. Мнѣ ужасно хотѣлось повидать ихъ. Какъ ни строго было въ пересыльной тюрьмѣ наблюденіе за каждымъ движеніемъ арестанта, какъ ни трудно было достать тамъ письменныя принадлежности, мнѣ все-таки удалось отправить къ нимъ записку, прося посѣтить меня. На слѣдующій день меня вытребовали въ контору, гдѣ, къ величайшему моему удовольствію, ожидали меня два бывшихъ моихъ пріятеля, съ которыми я не видѣлся болѣе четырехъ лѣтъ. Они едва меня узнали въ настоящей моей обстановкѣ, — такъ я перемѣнился. Но затѣмъ мы крѣпко обнялись со слезами на глазахъ. Пошли разспросы, воспоминанія, и такъ пролетѣли незамѣтно два часа.

Грозный смотритель все это время сидѣлъ въ сторонѣ, занимаясь своимъ дѣломъ, и не мѣшалъ нашему восторженному разговору. Если бы свободные люди знали, какое великое благодѣяніе они оказываютъ содержащимся подъ стражей, посѣщая ихъ и высказывая имъ нѣсколько задушевныхъ словъ, то они это дѣлали бы почаще. Какъ ни больно было мнѣ вспоминать о томъ времени, когда мы, свободные молодые люди, восторгались Петербургомъ и строили воздушные замки, но сердечная, дружеская встрѣча заставила меня забыть на время, что я узникъ.

Время шло; смотритель, наконецъ, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, и я понялъ, что пора кончить свиданіе. Мы сердечно попрощались, зная, что больше не увидимся.

По уходѣ моихъ знакомыхъ, смотритель строго спросилъ меня, откуда эти господа узнали, что я нахожусь въ пересыльной тюрьмѣ, и не писалъ ли я имъ записки. Мнѣ, конечно, пришлось солгать, и я объяснилъ, что мои знакомые, вѣроятно, узнали меня на пристани, при выходѣ изъ арестантской баржи. Онъ, казалось, отлично понялъ, что я говорю неправду, но удовлетворился моимъ объясненіемъ и ничего противъ меня не предпринялъ.

VII.

Порядокъ дальнѣйшей отправки.—Новая партія.—Метаморфоза.—Отправка вещей черезъ транспортныя конторы.—Въ наручныя!—Напрасная надежда.—Нанстрожайшій обыскъ.—Отправились.

Изъ Перми арестанты отправлялись дальше ежедневно на тройкахъ, числомъ отъ 20 до 25, по шести человѣкъ на каждой. Наканунѣ всѣ подлежавшіе отправкѣ вызывались утромъ на дворъ, гдѣ имъ объ этомъ объявляли, чтобы они могли дѣлать необходимыя приготовленія въ путь. Затѣмъ, послѣ обѣда, ихъ требовали въ контору, гдѣ находились совѣтникъ, докторъ, смотритель и иногда начальникъ этапа. Здѣсь каждаго арестанта провѣряли по статейнымъ спискамъ, осматривались кандалы у кандальщиковъ, и дѣлались распоряженія о наручныхъ. Послѣ этого всю партію запирали до слѣдующаго дня въ отдѣльной камерѣ. Рано утромъ партію выпускали на дворъ, гдѣ ихъ сортировали по категоріямъ, обыскивали, надѣвали, на кого слѣдуетъ, наручные и затѣмъ выводили за ворота, гдѣ ожидали уже запряженныя тройки, на которыя садили по шести человѣкъ. При каждой тройкѣ находился конвойный. Когда все было готово, начальникъ партіи командовалъ: «трогай!», и всѣ тройки, при гикѣ ямщиковъ, тронулись разомъ, поднимая густое облако пыли.

До меня очередь дошла лишь на шестой день послѣ прибытія въ Пермь. Многіе, прибывшіе со мною, давно отправлены были въ даль-

нѣйшій путь, въ томъ числѣ и дворяне, такъ что въ дворянскомъ отдѣленіи я остался одинъ.

Въ это время прибыла изъ Нижняго новая партія, человѣкъ около 700, которые кое-какъ размѣстились въ тѣсной тюрьмѣ. Между вновь прибывшими я, къ удивленію моему, замѣтилъ въ преобразованномъ видѣ одного арестанта, котораго зналъ еще въ московскомъ тюремномъ замкѣ. Это былъ рецидивистъ, одинъ изъ коноводовъ-жигановъ, нѣсколько разъ бѣжавшій изъ Сибири, приговоренный къ каторжнымъ работамъ на 4 года и къ наказанію плетьми. Онъ вышелъ изъ Москвы, разумѣется, въ кандалахъ и съ бритой на половину головой. Каково же было мое удивленіе, когда я его увидѣлъ вдругъ безъ кандаловъ и небритымъ! На мой вопросъ, какъ это произошла съ нимъ такая метаморфоза, онъ сверкнулъ злыми глазами и заскрежеталъ зубами, но, увидя мой испугъ и убѣдившись, что я задалъ ему вопросъ совершенно наивно, онъ отвелъ меня въ сторону и объяснилъ, что обмѣнился въ дорогѣ съ другимъ арестантомъ, высланнымъ въ Сибирь на водвореніе, за непринятіемъ обществомъ, за что заплатилъ всего 4 рубля.

Оказалось, что человѣкъ въ полномъ умѣ (но врядъ ли въ здравомъ разсудкѣ) рѣшился идти въ каторгу и принять плети за 4 рубля! Вѣрилось съ трудомъ, но это былъ фактъ. Послѣ я узналъ, что иные арестанты продаютъ свою свободу еще за меньшую сумму. Это дѣлается, большей частью, въ пьяномъ видѣ, въ азартѣ игры, когда несчастный забулдыга готовъ продать и свою душу за рубль серебромъ, надѣясь на этомъ рублѣ отыграться. Вся партія знаетъ о такой мѣнѣ, и не только никто не отговариваетъ безумца, но, напротивъ, прилагаютъ все стараніе, чтобы обмѣнъ состоялся. Это служитъ для многихъ невиннымъ развлеченіемъ. Послѣ того, какъ совершается сдѣлка, на новокрещеннаго, превращеннаго изъ Иванова въ Петрова, надѣваютъ кандалы, брѣютъ ему голову, угощаютъ водкой и затѣмъ надъ нимъ же начинаютъ издѣваться. Несчастный, послѣ вытрезвленія, не смѣетъ отказываться отъ сдѣлки, не смѣетъ и жаловаться. Онъ знаетъ, что при малѣйшей попыткѣ протестовать его убьютъ, совершенно безнаказанно, такъ какъ для отпѣтыхъ арестантовъ—семь бѣдъ одинъ отвѣтъ: лишнихъ пять—шесть лѣтъ каторги, изъ которой всегда надѣятся бѣжать.

Мой рецидивистъ не счелъ даже нужнымъ просить меня, чтобы я молчалъ; онъ былъ увѣренъ, что я никому не заикнусь о его превращеніи.

Въ каждой камерѣ пересыльной тюрьмы вывѣшены были объявленія о томъ, что начальство не отвѣчаетъ за вещи, отправляемыя арестантами чрезъ транспортныя конторы, и что только послѣднія отвѣчаютъ за нихъ въ порядкѣ гражданскаго иска. Дѣло въ томъ, что по закону арестантъ можетъ возить съ собою, во время этапа, только 30 фунтовъ вещей; если же ихъ оказывается больше, то онъ

ихъ долженъ отправить къ мѣсту назначенія на свой счетъ. Но это правило нигдѣ въ точности не соблюдалось. Нигдѣ арестантскихъ вещей не вѣсили, и всѣ безпрепятственно возили съ собою даже по 3—4 пуда. Только въ Перми кто-то внушилъ арестантамъ, что при отправкѣ ихъ на тройкахъ строго опредѣляется вѣсъ вещей, и все, что оказывается сверхъ 30 фунтовъ, задерживается въ тюрьмѣ. Поэтому арестанты, дорожа своими пожитками, отдаютъ ихъ въ транспортныя конторы, которыя взимаютъ за перевозку вещей впередъ. Но такъ какъ никто изъ арестантовъ не знаетъ въ точности, гдѣ онъ будетъ водворенъ, то вещи адресуются въ какой нибудь центральный пунктъ. Все это крайне обременительно и убыточно для арестантовъ. Въ результатѣ часто выходило, что арестанты лишались и своихъ вещей, и послѣднихъ своихъ грошей.

При неаккуратности агентствъ транспортныхъ конторъ въ Сибири, часто случалось, что арестанты прибывали въ центральный пунктъ раньше своихъ вещей; этапное начальство, разумѣется, не принимало этого въ соображеніе и отправляло арестантовъ дальше, и, такимъ образомъ, послѣдніе годами не могли отыскать своего имущества. Выдаваемыя агентами квитанціи нисколько не помогали.

Напримѣръ, арестантъ сдалъ свои вещи въ Перми, адресуя ихъ въ Тюмень и надѣясь, что онъ ихъ здѣсь найдетъ и возьметъ съ собою на арестантской баржѣ, отправляемой въ Томскъ. Но вотъ онъ прибылъ въ Тюмень, а вещей нѣтъ; начальство не ждетъ и отправляетъ его дальше въ Томскъ. Что ему оставалось дѣлать? Оставить квитанцію у мѣстнаго тюремнаго начальства? Но послѣднее не желало возиться съ частными дѣлами арестантовъ. Взять квитанцію съ собою? Вещи гніютъ въ Тюмени и, въ концѣ концовъ, пропадаютъ, такъ какъ арестантъ съ мѣста водворенія, положимъ, изъ какого нибудь селенія въ Енисейской или Иркутской губерніи, не имѣетъ ни возможности входить въ переписку съ агентами, ни средствъ на дальнѣйшую отправку вещей.

Я былъ свидѣтелемъ, какъ многіе арестанты, отправляясь въ Томскъ, не дождавшись своихъ пожитковъ, просто были въ отчаяніи, но этапное начальство не обращало на это никакого вниманія.

Не зная этихъ подробностей и имѣя порядочное количество вещей, я, по примѣру многихъ, сдалъ ихъ до Тюмени какому-то агенту.

Послѣ шестидневнаго томительнаго ожиданія, мнѣ было объявлено, что на слѣдующій день буду отправленъ дальше.

Представъ, въ числѣ прочихъ, передъ вышеупомянутымъ синклитомъ, засѣдавшимъ въ конторѣ, я надѣялся найти тамъ начальника этапа, которому отрекомендовалъ меня партіонный офицеръ Ш.; но, къ сожалѣнію, его тамъ не было. Слыша при разборѣ статейныхъ списковъ возгласъ совѣтника: «въ наручные!», я хотѣлъ было попросить его, когда очередь дойдетъ до меня, избавить меня

отъ этой пытки. Но подумалъ, что могу еще повредить этимъ себѣ, какъ это и было въ Москвѣ; поэтому, когда я услышалъ тотъ же возгласъ, вслѣдъ за вызовомъ меня, я молчалъ, надѣясь, что при отправкѣ на слѣдующій день будетъ присутствовать начальникъ этапа, который, согласно обѣщанію, избавитъ меня отъ наручныхъ.

Я, какъ находящійся временно въ дворянской камерѣ, оставленъ былъ здѣсь на «свободѣ», другіе же арестанты, подлежавшіе завтрашней отправкѣ, были заперты немедленно въ отдѣльномъ нумерѣ, откуда не выпускались уже до самой отправки. Почему это признавалось необходимымъ, для чего нужно было держать массу арестантовъ цѣлыя почти сутки на запорѣ, въ тѣснотѣ и духотѣ, именно наканунѣ отправки, когда всякому нужно было собраться съ силами,—такъ и осталось для меня загадкой. Наслаждаясь весь этотъ день тюремной «свободой», я понялъ, какъ жестоко должно быть безцѣльное ея лишеніе въ это время.

На слѣдующій день, около четырехъ часовъ утра, наша партія была уже выстроена на дворѣ. Конвой принималъ партію. Начальника этапа при пріемѣ не было. Глупая надежда на избавленіе отъ «наручныхъ» меня, однако, не покинула. Я спрашивалъ старшаго конвойнаго унтеръ-офицера, не сдѣлано ли начальникомъ какого либо распоряженія относительно меня, и получилъ въ отвѣтъ, что никакого распоряженія не сдѣлано.

Съ замираніемъ сердца я прибѣгнулъ къ послѣднему средству—къ подкупу. Оказалось, что оно было дѣйствительнѣе всякихъ обѣщаній и протекцій. Впрочемъ, старшій конвойный увѣрилъ меня, что въ стѣнахъ тюрьмы никакъ нельзя избавить меня отъ наручныхъ, но обѣщалъ снять ихъ съ меня, какъ только выѣдемъ за городъ; онъ обѣщалъ также посадить меня на первую подводу, чтобы избавить отъ удушливой пыли, поднимаемой тройками, которую приходится глотать цѣлый день арестантамъ, помѣщеннымъ на заднихъ подводахъ.

Начался обыскъ вещей. Здѣсь онъ дѣйствительно былъ очень строгъ. Конвойные безъ милосердія конфисковали и выбрасывали много запрещенныхъ вещей. Но конвойный, который обязанъ былъ обыскать всѣхъ 6 арестантовъ, назначенныхъ для его тройки, въ числѣ которыхъ былъ и я, видя, что я велъ какіе-то переговоры съ старшимъ унтеръ-офицеромъ, не дотронулся даже до моихъ вещей.

Послѣ обыска и послѣ сортировки, приступили къ надѣванію наручныхъ, при чемъ на одной цѣпи заковывали по три человѣка, отъ чего, разумѣется, свободное ихъ движеніе становилось еще болѣе затруднительнымъ. Тутъ же впервые я увидѣлъ, что наручные надѣвали и на тѣхъ арестантовъ, которые были въ ножныхъ кандалахъ. Сколько мнѣ извѣстно, заключеніе одновременно въ ножные и ручные оковы не предписано никакими инструкціями; но этапное начальство почему-то нашло нужнымъ прибѣгнуть къ этой жесто-

кой мѣрѣ. Трудно себѣ представить мучительное состояніе этихъ несчастныхъ арестантовъ, закованныхъ по рукамъ и ногамъ, сидѣвшихъ въ тѣснотѣ по 6 человѣкъ на подводѣ и жарившихся на іюльскомъ солнцѣ съ ранняго утра до поздняго вечера!

Около пяти часовъ утра, насъ вывели за тюремную ограду, посадили на ожидавшія насъ тройки; старшій конвойный далъ свистокъ,—и печальный кортежъ сразу тронулся въ путь.

VIII.

Дорога.—Безъ наручныхъ.—Добродушіе товарищей.—Промежуточныя станціи.—Произволъ.—Слѣпой въ кандалахъ.—Кунгуръ.—Повѣрка казенныхъ вещей.—Встрѣча со старыми знакомыми.—Дальнѣйшій путь.—Четвертый ночлегъ.—Мучительная ночь.—На обѣ руки!—Екатеринбургъ.—Проба наручныхъ.—Послѣдній ночлегъ.—Кража.

Потянулась однообразная дорога: «небо, ельникъ и песокъ»—только и встрѣчались глазу. Ямщики посвистывали, лошади фыркали, подводы гремѣли, пыль густыми облаками сопровождала нашъ печальный и оригинальный кортежъ, фонъ котораго изображали сѣрые халаты, сѣрыя шапки, сѣрыя лица арестантовъ.

Отъѣхавъ отъ города верстъ около 15, старшій конвойный сдѣлалъ привалъ,—и только здѣсь онъ снялъ съ меня наручные, такъ какъ во время ѣзды не могъ этого сдѣлать, а остановить весь поѣздъ ради меня—было неудобно. Бывшіе со мной на одной цѣпи товарищи не только не протестовали противъ оказаннаго мнѣ ослабленія, но, повидимому, даже сочувствовали мнѣ.

Эта великодушная черта въ озлобленныхъ и, казалось, черствыхъ преступникахъ глубоко меня тронула. Роясь въ своей душѣ, я сознался самому себѣ, что я не такъ относился бы къ подобному факту, если бы былъ на ихъ мѣстѣ... Я чувствовалъ, что непремѣнно протестовалъ бы противъ такого снисхожденія къ кому либо другому и настаивалъ бы, чтобы или всѣхъ освободили отъ наручныхъ, или же никого. Но видно, что простыя натуры великодушнѣе нашего брата полуинтеллигента, тронутаго европейской цивилизаціей...

Въ селеніяхъ, гдѣ мѣняли лошадей, устроены этапные дома. Здѣсь партія отдыхала съ полчаса и закусывала. Мѣстныя крестьянки предлагали арестантамъ за баснословно дешевыя цѣны хлѣбъ и всякаго рода закуски: молоко, жареное мясо, яйца, лепешки и ватрушки. Къ удивленію моему, я замѣтилъ между блюдами и жаренаго цыпленка. Онъ, повидимому, былъ приготовленъ для какого нибудь арестанта-дворянина; но въ нашей партіи не было ни одного привилегированнаго, почему цыпленокъ, къ прискорбію продавщицы, остался не проданнымъ.

На промежуточныхъ станціяхъ болѣе всего обнаружилась вся пытка, причиняемая наручными. Утомленные трехчасовой тряской, покрытые густымъ слоемъ пыли до неузнаваемости, измученные страшной жарой, арестанты не расковывались на станціяхъ, и въ такомъ мучительномъ положеніи, по три человѣка на одной цѣпи, они должны были закусывать, отдыхать гдѣ нибудь на травѣ и совершать всѣ естественныя надобности. Глядя на это мученіе товарищей, я внутренно терзался, что, благодаря подкупу, пользовался недоступными имъ удобствами.

Между тѣмъ разрѣшеніе расковать арестантовъ во время отдыха всецѣло зависѣло отъ этапныхъ начальниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно снимали наручные въ обѣденное время, другіе же этого не допускали. Одни вовсе не заковывали кандальщиковъ въ наручные, а другіе безъ всякой надобности прибѣгали къ нимъ,— словомъ, у всякаго начальника была своя фантазія.

Насколько произвольны фантазіи нѣкоторыхъ начальниковъ этапа, можно судить по тому факту, что въ нашей партіи былъ слѣпой старикъ лѣтъ 60, который былъ въ ножныхъ кандалахъ и съ бритой головой. Казалось бы, что такой арестантъ не имѣетъ никакой физической возможности бѣжать съ дороги, а слѣдовательно, могъ бы быть избавленнымъ отъ кандаловъ; но въ инструкціяхъ не предвиденъ такой случай,—а извѣстно, что у насъ все, что не дозволено, то запрещено, ясно поэтому, что слѣпой старикъ также долженъ былъ слѣдовать по этапу въ ножныхъ кандалахъ.

Къ вечеру, послѣ 12-ти-часовой тряски, мы прибыли въ уѣздный городъ Кунгуръ, гдѣ полагался ночлегъ. Измученные арестанты рады были бы лечь отдохнуть, но потребовалась долгая и совершенно излишняя процедура провѣрки казенныхъ вещей. Не смотря на то, что арестанты только утромъ того же дня отправлены были изъ Перми, при соблюденіи всѣхъ строжайшихъ формальностей, что всю дорогу они были подъ строжайшимъ надзоромъ конвойныхъ, тѣмъ не менѣе, потребовалась повѣрка казеннаго добра, при чемъ каждому пришлось развязывать свои узлы, предъявлять казенные коты, порты, подкандальники, онучи и проч. и доказывать, что все въ цѣлости.

Въ Кунгурѣ у меня были двѣ встрѣчи: одна весьма непріятная, другая—весьма пріятная. Одно время, лѣтъ пять до моей ссылки, я проживалъ въ этомъ уѣздномъ городѣ цѣлый годъ, въ качествѣ домашняго учителя и гувернера. Я тогда былъ близко знакомъ со всѣмъ мѣстнымъ интеллигентнымъ и чиновнымъ (что̀, впрочемъ, въ провинціи всегда одно и то же) обществомъ, а, какъ сотрудникъ нѣкоторыхъ журналовъ и газетъ, имѣлъ тамъ нѣкоторое значеніе. Между прочимъ, я давалъ уроки нѣмецкаго и французскаго языковъ молодой дѣвушкѣ, дочери городского врача.

И вдругъ въ кунгурскомъ этапномъ домѣ встрѣчаюсь лицомъ къ лицу съ этимъ врачемъ, который, по обязанности, явился осви-

дѣтельствовать прибывшую партію арестантовъ! Онъ, понятно, меня не узналъ; я думалъ было не сказываться ему, но съ одной стороны, глупое, хотя и естественное, чувство гордости передъ товарищами, что, молъ, коротко знакомъ съ начальствомъ, а съ другой—желаніе видѣть, какъ это самое начальство будетъ относиться ко мнѣ въ настоящемъ моемъ положеніи, подтолкнули меня напомнить врачу о себѣ.

Онъ сейчасъ же вспомнилъ обо мнѣ; но по его лицу я замѣтилъ, что встрѣча эта далеко не пріятна ему. Послѣ этого я держался съ нимъ въ почтительной офиціальности, спросилъ его кстати на счетъ образовавшагося у меня въ дорогѣ мучительнаго нарыва на пальцѣ; онъ кое-что прописалъ мнѣ, и мы разстались довольно холодно, при чемъ, однако, мой врачъ не преминулъ сообщить мнѣ, что моя бывшая ученица уже вышла замужъ, думая, вѣроятно, что это извѣстіе чрезвычайно интересно для меня...

Живя въ Кунгурѣ, я познакомился съ однимъ студентомъ медико-хирургической академіи, съ которымъ, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, сошелся очень дружески. Зная, что, по окончаніи курса, мой молодой другъ поступилъ на службу въ Кунгурѣ земскимъ врачемъ, я послалъ къ нему записочку изъ этапнаго дома. Не прошло и получаса, какъ молодой врачъ явился и со слезами на глазахъ бросился мнѣ на шею. Эта радостная встрѣча съ объятіями и поцѣлуями въ высшей степени ободрила меня и подняла угнетенное состояніе моего духа. Мы провели въ этапномъ домѣ съ часъ, вспоминали о недалекомъ прошломъ, сожалѣли о настоящемъ, говорили о будущемъ. Задушевныя слова моего молодого друга, товарищеское его отношеніе ко мнѣ, требованіе его о сообщеніи извѣстій о дальнѣйшей моей участи—все это оживило меня и внушило надежду, что не все еще потеряно для меня въ будущемъ.

Прибывъ въ Кунгуръ безъ поручныхъ, я былъ отправленъ и въ дальнѣйшій путь безъ нихъ, и такимъ образомъ пользовался этой льготой три дня. Когда, передъ отправкой, конвойные спрашивали меня, дворянинъ ли я, что значитъ привилегированный, я беззастѣнчиво отвѣчалъ: да, и эта ложь избавляла меня отъ оковъ. Но на четвертомъ отъ Перми ночлегѣ я боялся прибѣгнуть къ этому обману.

По слухамъ, распространеннымъ рецидивистами, начальникъ четвертой этапной станціи былъ настоящимъ звѣремъ, строгъ и взыскателенъ до невозможности, почему я опасался, что если какъ нибудь мой обманъ обнаружится, то могу жестоко пострадать. Къ моему несчастію, въ нашей партіи на тройкахъ не было ни одного привилегированнаго арестанта. Дѣло въ томъ, что, по заведенному порядку, по прибытіи партіи въ этапный домъ, старшій конвойный обязанъ былъ рапортовать начальнику, сколько въ партіи дворянъ, сколько кандальщиковъ и сколько семейныхъ, при чемъ статейные списки дворянъ держались отдѣльно отъ другихъ. Будь въ нашей

партіи привилегированные арестанты, я, быть можетъ, пристроился бы къ нимъ и на четвертомъ ночлегѣ; но представлять собою единственнаго «дворянина» я не рѣшился: начальникъ могъ бы потребовать статейный списокъ (чего, впрочемъ, никто и не дѣлалъ), мое самозванство открылось бы, и мнѣ пришлось бы плохо. Поэтому я предупредилъ старшаго конвойнаго, чтобы на этотъ разъ онъ не рапортовалъ меня «дворяниномъ».

Но потерпѣлъ же я и за правду... За всю мою via dolorosa я нигдѣ не испытывалъ болѣе мучительной ночи, чѣмъ на четвертомъ ночлегѣ. И въ предшествовавшія три ночи не было возможности хорошенько выспаться; миріады клоповъ нигдѣ не давали покоя; но на четвертомъ ночлегѣ я буквально всю ночь напролетъ не смыкалъ глазъ. Всю дорогу отъ Перми до Тюмени стояла невыносимая жара; солнце жгло, пыль проникала во всѣ поры и покрывала каждаго съ ногъ до головы густымъ слоемъ; освѣжиться негдѣ было. По прибытіи въ такомъ состояніи на четвертый ночлегъ, насъ немедленно заперли въ какой-то хлѣвъ съ закоптѣлыми стѣнами, низкимъ потолкомъ, грязнѣйшими нарами и маленькими наглухо закрытыми окошечками. Раздѣваясь, арестанты подняли такую пыль, что буквально нельзя было видѣть, что дѣлалось въ двухъ шагахъ. Дышать было нечѣмъ. Черезъ полчаса насъ выпустили въ темный коридоръ; на дворъ же никого не выпускали. Тутъ же въ каридорѣ находились торговки, которыя предлагали свои припасы. Какъ только арестанты кое-какъ закусили, началась мучительная процедура провѣрки казенныхъ вещей, и вслѣдъ затѣмъ насъ снова заперли въ хлѣвъ, куда предварительно внесли громадную, отвратительную «парашу». Наступилъ вечеръ. Воздухъ съ каждой минутой становился невыносимѣе; «параша», ничѣмъ не прикрытая, издавала нестерпимую вонь. Я пробовалъ было прилечь, но въ одну минуту сплошная масса клоповъ и другихъ отвратительныхъ насѣкомыхъ облѣпила меня съ ногъ до головы; я соскочилъ съ на́ръ, какъ ужаленный; присѣсть негдѣ было. Такъ какъ ни въ одномъ окошечкѣ не было форточки, я рѣшился было на отчаянный шагъ —выбить, будто нечаянно, стекло. Но инстинктъ самосохраненія удержалъ меня отъ этого: я боялся, что если свирѣпый начальникъ узнаетъ о такомъ своеволіи, то живьемъ съѣстъ меня. Между тѣмъ мнѣ становилось все труднѣе и труднѣе дышать; мнѣ стало дурно, и меня вырвало самымъ мучительнымъ образомъ. Нигдѣ не было капли воды, чтобы выполоскать горло. Я въ изнеможеніи опустился на грязный полъ—и не знаю уже, сколько времени я тамъ пролежалъ...

Но человѣкъ—самое выносливое животное. Выноситъ онъ и каторгу, и плети. Вынесъ же покойный Достоевскій жестокое тѣлесное наказаніе. Прошла, наконецъ, и эта мучительная ночь.

Какъ только стало разсвѣтать, насъ выпустили на дворъ, чтобы разсадить на тройки. Не смотря на раннее утро, самъ грозный на-

чальникъ провѣрилъ и провожалъ партію. Когда стали надѣвать на арестантовъ наручные, и очередь дошла до меня, я не могъ удержаться, чтобы не сказать подошедшему ко мнѣ солдату, что я иду безъ наручныхъ.

— Дворянинъ, что ли?—спросилъ онъ сердито.

Слѣдовало бы отвѣтить: да,—но, какъ сказано, я не рискнулъ на самозванство и сказалъ только, что иду безъ наручныхъ изъ самой Перми, что было совершенно вѣрно.

Солдатъ отошелъ къ начальнику, повидимому, для доклада объ этомъ обстоятельствѣ. Боясь, что солдатъ можетъ передать начальнику мое заявленіе не точно, я набрался храбрости и послѣдовалъ за нимъ къ «грозѣ».

— Тебѣ чего нужно?—свирѣпо спросилъ меня начальникъ.

— По распоряженію пермскаго начальства,—проговорилъ я дрожащимъ голосомъ и блѣднѣя,—я иду безъ наручныхъ, будьте добры, освободите меня отъ нихъ и сегодня.

— Что?—грозно крикнулъ онъ, осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы злыми кровью налитыми глазами.—Какое тамъ начальство? Я самъ начальникъ! Надѣть на обѣ руки!—прибавилъ онъ, отвернувшись отъ меня.

Солдатъ потащилъ меня къ своей тройкѣ и немедленно исполнилъ приказаніе начальника. Я одинъ оказался прикованнымъ обѣими руками къ общей цѣпи. Злоба клокотала во мнѣ, но о протестѣ нечего было и думать. Тѣмъ не менѣе, когда начальникъ прошелъ мимо моей подводы, я рискнулъ попросить его смилостивиться.

— Я ничего предосудительнаго не сдѣлалъ,—прибавилъ я,—за что же я долженъ быть закованнымъ на обѣ руки?

Начальникъ снова свирѣпо посмотрѣлъ на меня, но все-таки приказалъ снять наручные съ одной руки. Въ тотъ моментъ я былъ ему благодаренъ и за эту «милость».

Наконецъ мы выѣхали изъ проклятаго двора, и всѣ арестанты вздохнули свободно, точно изъ ада вырвались.

На слѣдующій день мы прибыли въ Екатеринбургъ. Насъ выстроили передъ тюремнымъ замкомъ и подвергли снова строжайшему обыску, который продолжался около часа. Въ тюрьмѣ мы нашли довольно сносный отдыхъ; въ нумерахъ было довольно свободно и опрятно, окна отворены всѣ настежь,—и только здѣсь, съ самой Перми, мы имѣли возможность смыть съ себя пыль и грязь, сносно закусить, выпить чаю и выспаться, какъ слѣдуетъ. Мы прибыли въ Екатеринбургъ засвѣтло, до вечера осталось еще часа три,—и каждый могъ располагать, на обширномъ этапномъ дворѣ, своимъ временемъ по усмотрѣнію. Нѣкоторые арестанты выпускались за ворота, гдѣ продавались разные припасы, и гдѣ арестанты, подъ присмотромъ надзирателей, могли издали любоваться прекраснымъ видомъ города, бѣлые каменные дома котораго эффектно были

освѣщены вечернимъ солнцемъ и представляли очень живописную картину.

На другой день, послѣ хорошаго отдыха, мы рано утромъ выстроились на дворѣ. За отсутствіемъ этапнаго начальника, уѣхавшаго осмотрѣть находящіяся въ его районѣ этапныя станціи, партію отправлялъ фельдфебель, злой и ужасный формалистъ. Болѣе часа продолжалась процедура сортировки арестантовъ, провѣрка ихъ и наложенія наручныхъ. Послѣднее производилось въ Екатеринбургѣ особымъ способомъ, а именно: къ одной длинной цѣпи придѣланы были шесть меньшихъ цѣпей съ кольцами, которыя надѣвались на руки арестантовъ, предназначенныхъ въ одну подводу, и такимъ образомъ всѣ 6 человѣкъ были скованы между собою такъ, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ возможности дѣлать малѣйшее движеніе, не задѣвая всѣхъ остальныхъ. Кромѣ того, въ Екатеринбургѣ впервые потребовалось, чтобы арестанты непремѣнно надѣвали халаты въ оба рукава, такъ чтобы никто въ пути, будучи прикованнымъ къ общей цѣпи, не могъ снять халатъ, когда становилось очень жарко. Какъ нарочно, день выдался необыкновенно знойный, и вынужденные сидѣть въ толстыхъ халатахъ, подъ жгучими лучами солнца, въ тѣснотѣ и въ густомъ облакѣ пыли, мы измучились до потери силъ.

На одномъ изъ промежуточныхъ станковъ мы застали начальника этапа, который возвращался изъ своей поѣздки. Это былъ сухощавый человѣкъ съ очень злымъ выраженіемъ лица. Онъ сдѣлалъ смотръ партіи и вездѣ находилъ безпорядки. Его злые глаза такъ и впивались въ каждаго арестанта, ища предлогъ для придирки: то кольца ножныхъ кандаловъ были слишкомъ широки, то наручные лежали слишкомъ свободно, то у кого нибудь халатъ былъ надѣтъ не въ оба рукава. Пробуя, крѣпко ли сидятъ наручные, онъ ихъ такъ сильно дергалъ, что несчастные арестанты вскрикивали отъ боли. Замѣтивъ, что у одного арестанта халатъ былъ надѣтъ только на одинъ рукавъ, онъ набросился на него съ кулаками. Арестантъ началъ было оправдываться тѣмъ, что невыносимо жарко, но начальникъ такъ грозно зарычалъ на него, что тотъ замолчалъ въ испугѣ на полусловѣ.

Изъ сказаннаго полустанка начальникъ отправилъ партію лично. Когда всѣ тройки отъѣхали уже саженъ на 30, начальникъ вдругъ крикнулъ: стой!

Весь кортежъ мигомъ остановился.

Оказалось, что начальникъ издали замѣтилъ, что одинъ арестантъ сбросилъ халатъ съ свободной руки. Начальникъ до крови избилъ виновника, а конвойному солдату, сидѣвшему на подводѣ, гдѣ совершилось это неслыханное преступленіе, онъ приказалъ отправиться, по возвращеніи, на три дня въ карцеръ.

Понятно, что послѣ этого эпизода конвойные не допускали больше никакихъ послабленій.

Пріѣхавъ передъ вечеромъ на ночлегъ, мы здѣсь отдохнули душою. Хотя этапный домъ былъ тѣсный и довольно грязный, но вездѣ господствовало какое-то благодушіе. Начальникъ былъ добродушный старичекъ; на дворѣ дешево продавалась вкусная пища; арестанты расположились на дворѣ пить чай; всѣ чувствовали себя какъ-то легко; изъ разныхъ угловъ раздавались шутки, смѣхъ, пѣсни. Конвойные солдатики также оказались привѣтливыми и услужливыми. Еще въ тотъ день, то-есть наканунѣ отправки, я сговорился съ старшимъ конвойнымъ на счетъ освобожденія отъ наручныхъ,—и, отправившись безъ нихъ, я уже до самаго мѣста назначенія былъ избавленъ отъ этой пытки.

На послѣднемъ передъ Тюменью ночлегѣ со мною случилось очень непріятное происшествіе. Нѣкоторые арестанты изъ нашей партіи, замѣчая, что у меня имѣются маленькія средства, слѣдили за мною всю дорогу и сговорились обокрасть меня. Какъ я ни былъ остороженъ, но на послѣднемъ ночлегѣ имъ таки удалось вытащить у меня изъ-подъ головы, во время сна, кошелечекъ, въ которомъ хранилось около 30 рублей денегъ и квитанціи на отправленныя черезъ транспортныя конторы вещи. Проснувшись рано утромъ и замѣтивъ пропажу, я поднялъ тревогу, а такъ какъ мы всѣ были заперты, то я потребовалъ поголовнаго обыска. Громаднѣйшее большинство арестантовъ было возмущено этимъ нетоварищескимъ поступкомъ и поддерживало меня; нѣкоторые прямо указали на вора, котораго видѣли ночью подъ нарами съ деньгами въ рукахъ. Но тотъ, разумѣется, и не думалъ сознаваться: не поймань, не воръ! и все тутъ. Позвали старшаго унтеръ-офицера. Онъ никого не выпускалъ и приступилъ къ обыску, начиная съ заподозрѣннаго, но понятно, что ничего не нашли.

Я между тѣмъ умолялъ невѣдомыхъ воровъ, чтобы мнѣ возвратили, по крайней мѣрѣ, квитанціи, которыя никому, кромѣ меня, не нужны, и безъ которыхъ я очутился бы въ самомъ безвыходномъ положеніи. Хотя я зналъ, что никто не рискнетъ получать мои вещи по украденнымъ квитанціямъ, и что въ концѣ концовъ онѣ будутъ выданы мнѣ, тѣмъ болѣе, что даже помнилъ нумера квитанцій; но полученіе вещей было бы сопряжено съ безконечной возней: надо было бы подавать заявленіе, печатать публикаціи, вести безконечную переписку и ждать, затѣмъ, цѣлый годъ. Между тѣмъ у меня не было самаго необходимаго платья, безъ котораго нельзя было явиться, по освобожденіи, ни въ одинъ порядочный домъ, въ особенности же на чужой сторонѣ и въ положеніи освобожденнаго ссыльнаго.

Вдругъ, во время обыска, одинъ изъ арестантовъ указалъ на очутившійся возлѣ меня, точно какимъ-то колдовствомъ, кошелекъ мой. Быстро открывъ его, я нашелъ въ немъ въ цѣлости квитанціи и 26 копеекъ денегъ. Повидимому, воры, боясь обыска, подбросили

квитанціи, чтобы я успокоился. И я дѣйствительно нѣсколько успокоился. Между тѣмъ начало разсвѣтать. Черезъ нѣсколько минутъ предстояло отправиться въ путь; всѣхъ арестантовъ обыскать не было времени, да ни къ чему бы это не привело,—я поэтому махнулъ рукой.

Въ тотъ же день явно обнаружилось, кто у меня укралъ деньги; на промежуточныхъ станціяхъ воры дѣлились ими почти открыто. Но я ничего не могъ предпринимать. Мнѣ совѣтовали, чтобы я заявилъ о кражѣ въ Тюмени; но это было бы напрасно: во-первыхъ, начальство винило бы только меня, такъ какъ по закону арестантъ не имѣетъ права держать при себѣ денегъ, а обязанъ сдавать ихъ этапному начальнику; во-вторыхъ, оно нисколько не обязано было войти въ мое положеніе, въ виду того, что кража совершилась внѣ тюменскаго района; въ-третьихъ, я навлекъ бы на себя мщеніе воровской шайки, подѣлившейся моими деньгами, которая могла бы и убить меня,—и, въ-четвертыхъ, наконецъ, деньги все равно не отыскались бы.

IX.

Тюмень.—Настоящій обыскъ.—Стремленіе въ Томскъ.—Образцовый порядокъ.—Помощникъ смотрителя.—Въ балаганѣ.—Пропажа надзирателя.—Въ дворянскомъ отдѣленіи.—Я узнаю, что назначенъ въ г. Тобольскъ.—Перспектива свободы.—Вещи получились.

Передъ вечеромъ памятнаго мнѣ утра, я увидѣлъ конецъ мучительной ѣзды на тройкахъ; издали открылась панорама Тюмени, раскинутой на громадномъ пространствѣ; на горизонтѣ пестрѣли каменные дома и главы нѣсколькихъ церквей. Не смотря на то, что кругомъ зеленѣлъ лѣсъ, на окрестностяхъ Тюмени, впрочемъ, какъ и во всей Сибири, лежалъ какой-то угрюмый, дикій отпечатокъ. Ни горы, ни обиліе рѣкъ, ни гигантскіе лѣса, ни цвѣты даже не смягчаютъ угрюмаго, унылаго вида сибирской природы. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, что въ Сибири сама природа не такая, какъ вездѣ: трава не сочная, цвѣты не пахучіе, деревья печальныя, рѣки плачущія, небо грустное, воздухъ пропитанъ какимъ-то особымъ, можетъ быть, и здоровымъ, но непріятнымъ ароматомъ. Впрочемъ, я высказываю только субъективныя впечатлѣнія; для кореннаго сибиряка нѣтъ ничего краше его страны.

Тюменская пересыльная тюрьма считается центральною, и ею завѣдуетъ приказъ о ссыльныхъ, распоряжающійся судьбами арестантовъ, подлежащихъ водворенію въ Тобольской губерніи. Партію принималъ членъ приказа, смотритель и его помощникъ. Пріемъ, вслѣдствіе безконечныхъ формальностей, продолжался болѣе часа. Каждаго арестанта почему-то подробно разспрашивали о его лѣтахъ,

мѣстѣ, гдѣ судился, степени и родѣ наказанія, хотя все это видно изъ статейныхъ списковъ. Затѣмъ насъ подвергли дѣйствительно строгому обыску, котораго не избѣгъ на этотъ разъ и я, причемъ у меня отобрали нѣкоторыя вещи, которыя я берегъ съ самой Москвы, и которыхъ, сказать кстати, мнѣ не возвратили и впослѣдствіи, при отправкѣ въ Тобольскъ.

Слѣдуя отчасти добровольно въ Сибирь, я собственно стремился въ Томскъ, гдѣ, какъ я слышалъ, есть кое-какая общественная жизнь, мѣстная интеллигенція, порядочная торговля и промышленность, и гдѣ, къ тому, жилъ одинъ мой хорошій знакомый. Не имѣя средствъ къ существованію, выбитый изъ прежней колеи, я надѣялся найти въ Томскѣ какія либо подходящія занятія, и во всякомъ случаѣ я много разсчитывалъ на моего знакомаго, очень богатаго человѣка, который могъ бы помочь мнѣ устроиться на первое время.

Дорогою мнѣ говорили, что стоитъ только, при пріемѣ въ Тюмени, заявить члену приказа о желаніи быть назначеннымъ въ тотъ или другой городъ, и что отказа не бываетъ. Поэтому, когда очередь дошла до меня, я тутъ же просилъ члена приказа о назначеніи меня въ Томскъ. Но тотъ, пересмотрѣвъ мой статейный списокъ, объявилъ, что я долженъ остаться въ Тобольской губерніи.

Это объясненіе меня крайне огорчило и встревожило; всѣ мои планы разомъ рухнули. Я зналъ, что ссыльныхъ моей категоріи приказъ распредѣляетъ по уѣзднымъ городамъ необъятной Тобольской губерніи; меня могли назначить въ такое захолустье, куда приходится путешествовать по этапу, пѣшкомъ, болѣе мѣсяца,— а, придя на мѣсто, что̀ я бы могъ предпринять въ глухомъ городишкѣ безъ средствъ и безъ протекціи? Перспектива была весьма грустная.

Съ понившей головой удалился я отъ трибунала; мысли, одна мрачнѣе другой, путались; я былъ въ полномъ отчаяніи.

Но прежде всего надо было думать о настоящемъ. Послѣ обыска произошла сортировка арестантовъ: женщинъ и дѣтей отправили на отдѣльный дворъ, кандальщиковъ помѣстили особо; для дворянъ имѣлось также особое отдѣленіе; для остальныхъ же былъ назначенъ громадный баракъ, безъ оконъ и безъ половъ, съ грязными нарами. Я, въ числѣ прочихъ, былъ также загнанъ въ баракъ. Въ пересыльной тюрьмѣ самовластно распоряжался помощникъ смотрителя, которому, какъ мнѣ казалось, я почему-то не понравился съ первыхъ же шаговъ. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, съ претензіями на франтовство, съ громаднымъ самомнѣніемъ, который, повидимому, упивался своей властью, и котораго арестанты ужасно боялись. О помѣщеніи меня въ дворянскомъ отдѣленіи я не смѣлъ и заикнуться. Мрачный балаганъ произвелъ на меня удручающее впечатлѣніе. Хорошо еще, что наша партія пришла въ Тюмень въ суб-

ботній день, когда, обыкновенно, бываетъ дальнѣйшая отправка арестантовъ въ Томскъ. Въ ту субботу ушло около 700 человѣкъ, а потому въ баракѣ оказалось достаточно мѣстъ на нарахъ, а то пришлось бы помѣститься на голой землѣ подъ нарами.

Послѣ долгихъ, нестерпимыхъ жаровъ, въ тотъ день выпалъ сильный дождь; въ воздухѣ сдѣлалось очень свѣжо, и, когда я очутился въ открытомъ настежь баракѣ, меня пробирала дрожь. Здѣсь я встрѣтилъ одного арестанта, которому я оказалъ маленькую услугу въ Перми. Нужно было видѣть, съ какимъ радушіемъ онъ меня встрѣтилъ, какъ старался устроить меня получше, какъ ухаживалъ за мною, какъ искренно жалѣлъ, что меня обокрали на послѣднемъ ночлегѣ! Онъ приготовилъ для меня чай, уложилъ и укуталъ, точно родного брата. Я былъ тронутъ до слезъ такимъ теплымъ участіемъ совершенно чужого мнѣ человѣка, который теперь не могъ ожидать отъ меня никакой матеріальной поддержки.

Выспавшись хорошо и спокойно, благодаря моему неожиданному благодѣтелю, я на слѣдующій день, тѣмъ не менѣе, сталъ изыскивать способы, какъ попасть въ дворянское отдѣленіе. Кромѣ того, я рѣшился подать прошеніе въ приказъ о ссыльныхъ объ отправкѣ меня въ Томскъ. Надо было также справиться, получены ли мои вещи изъ Перми. Все это было очень нелегко исполнить, при господствовавшей въ тюрьмѣ строгости. За всѣмъ этимъ надо было обратиться къ помощнику смотрителя, который корчилъ изъ себя большого барина. Имѣя квартиру при тюрьмѣ, онъ, однако, являлся въ контору очень поздно, а безъ его разрѣшенія нельзя было достать въ конторѣ никакихъ письменныхъ принадлежностей.

Наконецъ, помощникъ смотрителя явился. Я прежде всего просилъ позволенія написать прошеніе.

— Куда прошеніе? Зачѣмъ прошеніе? Какое прошеніе?—спросилъ онъ насмѣшливо, считая нужнымъ почему-то меня передразнивать.

Нахальство это меня ужасно взорвало, но, понятно, я ничего ему не возразилъ. Я объяснилъ, какое намѣренъ написать прошеніе, при чемъ не могъ удержаться, чтобы не сказать ему нѣсколько словъ о моей прежней дѣятельности.

— Ну, такъ что?—спросилъ онъ задорно, однако, уже совсѣмъ другимъ тономъ,—для меня всѣ равны. Я и для Овсянникова не дѣлалъ никакого исключенія.

Нужно замѣтить, что не задолго передъ тѣмъ прослѣдовалъ на мѣсто ссылки извѣстный въ свое время петербургскій коммерсантъ Овсянниковъ, обвиненный въ поджогѣ мельницы. Помощникъ смотрителя, повидимому, полагалъ, что Овсянниковъ представлялъ предѣлъ земного величія.

Кончилось, однако, тѣмъ, что маленькій «владыка» началъ говорить мнѣ «вы», разрѣшилъ писать прошеніе и даже лично принесъ мнѣ листъ бумаги и вышелъ.

Написавъ прошеніе, въ которомъ я подробно изложилъ мотивы, побуждающіе меня проситься въ Томскъ, и зная, что безъ цензуры помощника смотрителя оно не будетъ передано по назначенію, я приложилъ къ прошенію маленькую записочку на имя помощника, въ которой просилъ о его содѣйствіи, а также, между прочимъ, въ робкихъ выраженіяхъ, о дозволеніи перейти въ дворянское отдѣленіе.

Но въ тотъ день я больше его уже не встрѣтилъ; въ контору онъ больше не явился, и я нигдѣ не могъ его поймать, такъ что, къ крайнему сожалѣнію, мнѣ не удалось передать ему прошенія и записки.

Между тѣмъ, къ вечеру того же дня подулъ холодный сѣверный вѣтеръ, полилъ сильный дождь, который проникъ въ баракъ, гдѣ пришлось провести и вторую ночь. Нѣсколько разъ приходилось мѣнять мѣсто, такъ какъ сверху текло, и вода проникала подъ одѣяло. Въ баракѣ была непроницаемая тьма, вѣтеръ пронизывалъ до костей; насѣкомыя не давали покоя. Зная, гдѣ лежалъ мой покровитель, я ощупью добрался до него по мокрой землѣ, разбудилъ его и просилъ удѣлить мнѣ мѣсто возлѣ себя. Онъ съ большой готовностью уступилъ мнѣ свое нагрѣтое мѣсто, укуталъ меня съ ногъ до головы и легъ тутъ же возлѣ меня. Я согрѣлся и кое-какъ уснулъ.

Утромъ, мнѣ, наконецъ, удалось поймать помощника смотрителя и передать ему прошеніе и записочку. Онъ прочелъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и, къ немалому моему удивленію, не только любезно согласился на мой переходъ въ дворянское отдѣленіе, но и обѣщалъ лично передать мое прошеніе по принадлежности и похлопотать за меня. Я, разумѣется, искренно поблагодарилъ его и поспѣшилъ воспользоваться неожиданной его милостью.

Въ Тюмени мнѣ пришлось пробыть ровно недѣлю. За это время я успѣлъ познакомиться съ устройствомъ центральной пересыльной тюрьмы и со всѣми ея порядками и долженъ сознаться, что, не считая обычной во всѣхъ нашихъ тюрьмахъ тѣсноты, нигдѣ не встрѣчалъ такихъ хорошихъ порядковъ, какъ здѣсь. Прежде всего, арестантамъ отпускалась обильная и питательная пища; чистота, по возможности, соблюдалась самими арестантами; режимъ былъ очень строгій, но безъ придирокъ и безцѣльныхъ стѣсненій; семейные безпрепятственно могли видаться съ женами и дѣтьми, хотя помѣщались отдѣльно; ни пьянства, ни дракъ не замѣтно было, не смотря на то, что въ тюрьмѣ, къ концу недѣли, то-есть ко дню отправки баржи, накоплялось до 2.000 ссыльныхъ всѣхъ категорій. Здѣсь же на тюремномъ дворѣ была образцовая больница, гдѣ дѣйствительно больные арестанты пользовались прекраснымъ уходомъ. Недалеко отъ больницы стояла красивая каменная церковь.

Въ дворянскомъ отдѣленіи было 6 чистыхъ и свѣтлыхъ комнатъ съ койками. Сначала, за отсутствіемъ дворянъ, я занималъ

одинъ отдѣльную комнату, но затѣмъ, по мѣрѣ прибытія ежедневно троекъ, комнаты наполнялись прибывшими привилегированными. Ко мнѣ присосѣдился одинъ съ виду очень несчастный субъектъ, нищій и убогій, выдававшій себя за семинариста. Я дѣлился съ нимъ, чѣмъ могъ, за что впослѣдствіи онъ меня отблагодарилъ по-своему...

Долго мнѣ пришлось хлопотать о полученіи вещей. По прибытіи нашей партіи, какой-то старшій надзиратель отобралъ у насъ квитанціи, причемъ взималъ съ каждаго по 50 копеекъ за провозъ вещей отъ агентовъ. Но прошелъ день, другой, третій,—и никакого слуха о вещахъ. Да и самъ надзиратель больше не явился въ тюрьму, неизвѣстно куда исчезнувъ. Мы сильно встревожились. Оставалось заявить объ этомъ помощнику смотрителя. Но тотъ насъ же обругалъ за то, что отдали квитанціи помимо его, и ничего не хотѣлъ сдѣлать. Мы обратились къ смотрителю. Послѣдній послалъ за пропавшимъ надзирателемъ, но его нашли гдѣ-то мертвецки пьянымъ и, разумѣется, безъ гроша денегъ. Но хорошо было, по крайней мѣрѣ, что квитанціи оказались въ цѣлости. Собрали съ насъ опять по 50 копеекъ и отправили къ агентамъ другого надзирателя, но вещи еще не прибыли. Многіе арестанты были въ отчаяніи. Черезъ два дня имъ предстояла отправка въ Енисейскую и Иркутскую губерніи, а вещи были отправлены изъ Перми только до Тюмени. Я также проклиналъ совѣтчиковъ, приставшихъ ко мнѣ въ Перми объ отправкѣ вещей черезъ агентовъ.

Между тѣмъ, помощникъ смотрителя возвратилъ мнѣ поданное мною прошеніе, на которомъ сдѣлана была резолюція, что моя просьба не можетъ быть удовлетворена, въ виду того, что, по закону, я долженъ остаться въ Тобольской губерніи.

Нечего было дѣлать. Я съ замираніемъ сердца сталъ ожидать, куда прикажутъ меня назначить. Почему-то считали нужнымъ скрывать отъ арестантовъ мѣсто ихъ назначенія и только наканунѣ отправки имъ объявляли объ этомъ. Но я случайно узналъ, что назначенъ въ самый городъ Тобольскъ.

Это извѣстіе меня крайне обрадовало. Итакъ, я черезъ три дня буду на волѣ! Послѣ слишкомъ двухлѣтняго заточенія мнѣ это показалось до того невѣроятнымъ, что я буквально своимъ глазамъ не вѣрилъ, хотя неоднократно прочиталъ официальную бумагу о моемъ назначеніи въ Тобольскъ.

Близость свободы заставила меня забыть и долгое страданіе въ стѣнахъ московскаго тюремнаго замка, и мучительный этапъ, и безчисленныя оскорбленія, и послѣднюю кражу, и даже отсутствіе вещей. Я помирился также съ тѣмъ, что меня не отправили дальше въ Томскъ. Вѣдь скоро свобода! О, сколько сладости въ этомъ словѣ! Что касается отсутствія вещей, то Тюмень слишкомъ близка отъ Тобольска, всего пути полторы сутокъ; какъ нибудь добуду ихъ, лишь бы узрѣть давно желанную волю. Я буквально ожилъ,

хотя все еще не вѣрилъ. Но когда, въ четвергъ, изъ тюрьмы отправили партію, человѣкъ въ 300, по разнымъ уѣздамъ Тобольской губерніи, сухимъ путемъ, и я остался, то пересталъ сомнѣваться.

Наконецъ, въ пятницу, наканунѣ отправки арестантовъ на баржѣ, мнѣ офиціально объявлено было, что я назначенъ въ Тобольскъ. Въ тотъ же день получились также вещи. Я обрадовался имъ, какъ находкѣ какой нибудь. Въ Тобольскѣ у меня не было ни одной живой души знакомой, и я безъ ужаса не могъ себѣ представить, какъ меня выпустятъ на всѣ четыре стороны, и я не буду знать, куда преклонить голову въ чужомъ городѣ, безъ платья и безъ денегъ. Получивъ же вещи, изъ которыхъ нѣкоторыя можно было заложить или продать, я надѣялся, что со временемъ найду какое нибудь подходящее занятіе.

X.

Порядокъ дальнѣйшей отправки.—Старыя газеты, какъ запрещенный плодъ.—Арестантамъ чтеніе не дозволено.—Баржа.—Общія отдѣленія.—Монопольная лавочка.—Неудавшійся заговоръ противъ меня.—Близкая свобода.—Состояніе моего духа.—Грустный сюрпризъ.—Геніальная смѣтка.—Я свободенъ.

Наступилъ день субботній. Рано утромъ всѣ арестанты, подлежавшіе отправкѣ, вызывались поименно помощникомъ смотрителя. Около девяти часовъ явился чиновникъ приказа о ссыльныхъ, этапный начальникъ, партіонный офицеръ и писаря. Всѣ усѣлись у воротъ, а смотритель тюрьмы помѣстился у калитки и по спискамъ выкликивалъ арестантовъ: сперва каторжныхъ, затѣмъ поселенцевъ и бродягъ, а потомъ ссылаемыхъ по приговорамъ обществъ. При пропускѣ арестантовъ, каждаго опять подробно разспрашивали объ имени, фамиліи, званіи, родѣ преступленія и т. д., послѣ чего обыскивали и пропускали на площадь передъ тюрьмой, въ цѣпь конвойныхъ. Вся эта процедура продолжалась до четырехъ часовъ по полудни. Я, назначенный въ ближайшій отъ Тюмени пунктъ, былъ выпущенъ предпослѣднимъ.

Пересматривая мои вещи, солдатъ замѣтилъ между ними связку старыхъ газетъ, на которую никто во всю дорогу не обращалъ никакого вниманія. Это были мои фельетоны, помѣщенные въ «Голосѣ», а также нѣсколько номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ печатался мой процессъ. Не зная, запрещенный ли это предметъ, или нѣтъ, солдатъ отнесъ старыя газеты партіонному офицеру и вскорѣ явился безъ нихъ.

— Не велѣно имѣть при себѣ!—коротко объяснилъ солдатъ.

Мнѣ ужасно жалко было разстаться съ этимъ добромъ, не имѣвшимъ ни для кого, кромѣ меня, никакой цѣнности. Я подошелъ къ начальнику и началъ было объяснять ему, что это старыя никому

ненужныя газеты, что никто ихъ у меня не трогалъ, что онѣ имѣютъ значеніе только для меня одного, но онъ не далъ мнѣ говорить.

— Арестантамъ чтеніе неполагается,—проговорилъ онъ строго.— Убирайся на мѣсто!—прибавилъ онъ.

Я хотѣлъ было просить его, чтобы онъ взялъ съ собою этотъ никому ненужный хламъ и передалъ его мнѣ въ Тобольскѣ; но ревностные конвойные не дали мнѣ говорить и оттащили въ кругъ. Такъ и пропали для меня мои литературныя работы, которыя были мнѣ очень дороги, и которыхъ, будучи въ Сибири, я нигдѣ не могъ достать.

Вскорѣ партія выстроилась и по командѣ партіоннаго офицера тронулась въ путь. Дорога шла не черезъ городъ, а по окрестностямъ его, почему встрѣчалось мало любопытныхъ. Впрочемъ, картина эта слишкомъ обычная для Тюмени. Подойдя къ рѣкѣ Турѣ, мы увидѣли у пристани среднихъ размѣровъ пароходъ съ арестантской баржей такого же устройства и такой же величины, какъ въ Нижнемъ. Партіонный офицеръ скомандовалъ: «стой!» Затѣмъ стали пускать арестантовъ по категоріямъ, но дворянъ впередъ.

Полагая, что и на этой баржѣ имѣется отдѣльная каюта для дворянъ, и разсчитывая, что партіонный начальникъ не станетъ теперь снова повѣрять статейные списки, я также вышелъ впередъ и присоединился къ кучкѣ привилегированныхъ. Офицеръ приказалъ отвести насъ въ первый нумеръ. Этотъ послѣдній оказался обыкновенной арестантской каютой, подъ палубой, съ маленькими окошечками. Онъ отличался отъ другихъ номеровъ только тѣмъ, что былъ меньшихъ размѣровъ и разсчитанъ на 100 человѣкъ. Вскорѣ въ нашъ номеръ стали пускать и другихъ арестантовъ,—и онъ быстро наполнился. Вся привилегія дворянъ заключалась, такимъ образомъ, въ томъ, что ихъ пустили въ этотъ номеръ раньше, такъ что они могли выбрать мѣста посвободнѣе.

Всѣ порядки на этой баржѣ были такіе же, какъ на баржѣ, отплывшей изъ Нижняго, поэтому я ихъ описывать не стану. Была, впрочемъ, на этой баржѣ одна особенность. На ней находилась лавочка, содержимая конвойнымъ унтеръ-офицеромъ, въ которой арестанты обязательно должны были покупать все то, что имъ необходимо было въ дорогѣ, сверхъ положеннаго отъ казны, при чемъ на пристаняхъ торговокъ съ припасами на баржу не пускали. Эта монополія, вѣроятно, была весьма выгодна унтеръ-офицеру, но врядъ ли это было удобно для арестантовъ, которые въ продолженіе девяти сутокъ обязаны были покупать только то, что продавалось въ лавочкѣ.

По совѣту моего сосѣда изъ привилегированныхъ, я всю ночь передъ высадкой въ Тобольскѣ не спалъ. Дѣло въ томъ, что многіе арестанты, сѣвшіе въ Тюмени, видя, что у меня имѣется изящный

сакъ-вояжъ, и полагая, что въ немъ хранятся большіе капиталы, рѣшили завладѣть имъ, какъ только я засну. Они сговорились сломать сакъ-вояжъ, вынуть предполагаемыя деньги и драгоцѣнныя вещи и выбросить обломки въ воду. Случайно объ этомъ узналъ мой сосѣдъ и передалъ мнѣ о заговорѣ. Хотя въ сакъ-вояжѣ никакихъ денегъ у меня не было, но мнѣ его жаль было, а равно и вещей, которыя въ немъ находились, и которыя заговорщики расхитили бы. Я поэтому дежурилъ всю ночь и, не надѣясь на себя, просилъ товарища, чтобы онъ сидѣлъ со мною, на что онъ охотно согласился. Заговорщики, повидимому, были очень озлоблены, что задуманный планъ не удался; они все рыскали возлѣ меня, бросали на меня злобные взгляды,—и если бы не товарищъ, да находящіеся въ номерѣ конвойные, то моей жизни грозила бы не малая опасность.

Но вотъ начало разсвѣтать. Въ номерѣ поднялась обычная суета,—и я тогда только успокоился, будучи глубоко благодаренъ моему товарищу, который, во всякомъ случаѣ, избавилъ меня отъ большихъ непріятностей.

Около двухъ часовъ дня я увидѣлъ издали Тобольскъ, конецъ моей via dolorosa. Громадная рѣка, высокія горы, сверкающія на солнцѣ бѣлыя церкви, гигантскіе лѣса въ окрестностяхъ,—все это производитъ съ перваго взгляда весьма пріятное впечатлѣніе. Но какое разочарованіе потомъ!

Странно, что, по мѣрѣ приближенія къ городу, я вовсе не чувствовалъ той радости, которую представлялъ себѣ заранѣе, думая о моментѣ, когда наступитъ свобода! Сердце не забилось сильнѣе, когда пароходъ остановился у пристани; оно было спокойно, когда меня высадили на берегъ и отправили въ мѣстный тюремный замокъ; безъ всякаго нетерпѣнія я выждалъ тамъ соблюденія всѣхъ формальностей, я почти равнодушно шелъ подъ конвоемъ изъ замка въ полицію, откуда должны были отпустить меня на всѣ четыре стороны...

Въ полицейскомъ управленіи не оказалось никакого начальства, которое могло бы освободить насъ (оставленныхъ въ Тобольскѣ было трое); какой-то дежурный принялъ насъ и велѣлъ ждать. Въ этомъ томительномъ ожиданіи прошло часа два. Но меня мучила не жажда близкой свободы, а какая-то тяжелая неопредѣленность. Наконецъ, когда явился полицейскій чиновникъ и, по разсмотрѣніи нашихъ документовъ, сказалъ, что мы можемъ идти; когда я вышелъ на улицу безъ стражи; когда, послѣ столькихъ мытарствъ, я очутился на волѣ, я былъ далеко не такъ счастливъ, какъ надѣялся быть...

Мною овладѣло тяжелое, гнетущее чувство. Мнѣ самому трудно было объяснить состояніе моего духа въ первыя минуты наступившей свободы. Ближайшими причинами этого состоянія были, во-первыхъ, страшная физическая и нравственная пытка пережитаго этапа; во-вторыхъ, сознаніе, что я очутился буквально на улицѣ, въ незна-

комомъ городѣ, безъ средствъ къ жизни, безъ цѣли и надежды впереди, безъ родного, близкаго человѣка, отъ котораго можно было бы услышать ласковое, ободряющее слово. Въ эти первыя минуты моей свободы, въ моемъ мозгу пролетѣло все мое прошлое, все хорошее и скверное, мною пережитое, предстало безпомощное, неопредѣленное настоящее, и грознымъ призракомъ представилось ближайшее будущее... Радоваться, слѣдовательно, было нечему.

Меня ожидалъ еще одинъ непріятный сюрпризъ. Съ помощью городового, къ которому я обратился за совѣтомъ на счетъ квартиры, я, противъ всякаго ожиданія, нашелъ весьма приличную комнату за баснословно дешевую цѣну въ одномъ маленькомъ семействѣ, которое оказалось крайне добродушнымъ и гостепріимнымъ и принимало во мнѣ горячее участіе. Перетащивъ туда изъ полицейскаго управленія мои пожитки, я, прежде всего, отправился въ баню, пришелъ домой освѣженный и бодрый, съ большимъ аппетитомъ поужиналъ, улегся на мягкую и свѣжую постель и вскорѣ заснулъ, какъ убитый. Проснувшись утромъ въ довольно хорошемъ расположеніи духа, я сталъ разбирать свои вещи, въ одной изъ которыхъ были зашиты послѣдніе мои рессурсы—нѣсколько десятковъ рублей.

Каковъ же былъ мой ужасъ, когда я убѣдился, что деньги исчезли! Сначала я своимъ глазамъ не вѣрилъ; я былъ глубоко убѣжденъ, что никому не могла прійти въ голову мысль о мѣстѣ нахожденія денегъ; я не допускалъ никакой возможности ихъ похищенія. Однако, оказалось, что воръ былъ хитрѣе всѣхъ моихъ ухищреній. Имъ не могъ быть не кто иной, какъ тотъ «привилегированный семинаристъ», съ которымъ я прожилъ пять дней въ тюменской пересыльной тюрьмѣ. Повидимому, это былъ геніальный воръ. Представьте себѣ порядочный мѣшокъ съ разными вещами; среди нихъ лежала наволочка, въ которой хранилось разное бѣлье; въ одной штукѣ бѣлья было зашито самымъ незамѣтнымъ образомъ нѣсколько кредитныхъ бумажекъ; наволочка была завязана особымъ узломъ; мѣшокъ постоянно лежалъ у меня подъ подушкой. И вдругъ я нахожу все въ томъ же порядкѣ; наволочка завязана тѣмъ же узломъ; все бѣлье въ цѣлости, только та штука, въ которой были деньги, безслѣдно исчезла. Должно быть, моему сосѣду достаточно было одного момента, именно, того, когда я, въ его присутствіи, въ то время, когда онъ, казалось, спалъ, съ величайшими предосторожностями, хотѣлъ убѣдиться въ цѣлости денегъ, чтобы намотать себѣ это на усъ и вытащить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ.

При всемъ моемъ огорченіи, я не могъ не удивиться геніальной смѣткѣ моего сосѣда и почти простилъ ему въ душѣ этотъ поступокъ. Онъ, вѣроятно, былъ несчастнѣе меня...

Я же былъ молодъ, здоровъ и... свободенъ!

Это горькое пробужденіе въ первыя минуты моей свободы послужило мнѣ началомъ новой жизни, въ которой, правда, было

много борьбы и лишеній, но и немало радости. Не смотря на то, что я былъ выбитъ изъ колеи, я впослѣдствіи пережилъ много умственныхъ и душевныхъ наслажденій, испыталъ и любовь, и счастіе, что̀ такъ рѣдко выпадаетъ на долю лицъ, выброшенныхъ въ Сибирь и прошедшихъ «скорбный путь».

Много любопытнаго я могъ бы разсказать изъ сибирскихъ нравовъ, но это не входитъ уже въ программу описанія via dolorosa.

А. К.

КНЯГИНЯ ЗИНАИДА АЛЕКСАНДРОВНА ВОЛКОНСКАЯ[1])

(род. 1792 г., † 1862 г.).

IX.

Смерть Дм. Веневитинова.—Отзывъ Шаликова о статьѣ кн. З. Волконской.—Отрывокъ изъ ея путевыхъ записокъ объ Италіи.—Проектъ общества «Патріотическая Бесѣда».—Письмо кн. Вяземскаго къ Козлову.—Слухи объ обращеніи кн. З. Волконской въ котоличество.

МЕЖДУ тѣмъ, въ Петербургѣ, 15 марта 1827 года, послѣ непродолжительной болѣзни, неожиданно скончался Дм. Веневитиновъ на рукахъ Ѳ. С. Хомякова, А. Кошелева и другихъ близкихъ людей. Смерть 22-хъ-лѣтняго, богато одареннаго поэта вызвала всеобщее сожалѣніе въ современной печати и поразила ужасомъ и горемъ его родныхъ и знакомыхъ, какъ видно изъ писемъ, написанныхъ по этому поводу. Отъ матери Веневитинова долго скрывали его кончину: «душа разрывается,—писалъ кн. Одоевскій,—я плачу, какъ ребенокъ!»... А. С. Пушкинъ, который искренно любилъ молодаго поэта и считалъ лучшимъ критикомъ «Евгенія Онѣгина», не могъ помириться съ его смертью: «Comment donc vous l'avez laissé mourir?» (Какъ вы допустили его умереть?) говорилъ онъ друзьямъ покойнаго, которые присутствовали при его послѣднихъ минутахъ.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 939.

Тѣло Дм. Веневитинова было перевезено въ Москву и погребено въ Симоновомъ монастырѣ; на его могильной плитѣ была вырѣзана надпись: «какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ[1]!»). Послѣ того прошло много лѣтъ, а 15-го марта его московскіе друзья все еще собирались ежегодно на печальный пиръ, и всякій разъ ставился пустой приборъ для умершаго.

Въ числѣ лицъ, глубоко огорченныхъ преждевременной смертью юнаго поэта, была несомнѣнно и З. А. Волконская, которая, по свидѣтельству А. Муравьева, «находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ Дм. Веневитинова и оказывала ему нѣжную пріязнь»[2]). Но, и помимо личной симпатіи, З. А., по своему живому и впечатлительному характеру, не могла остаться равнодушной къ событію, которое такъ близко коснулось окружавшихъ ее поэтовъ и литераторовъ, составлявшихъ ея интимный кружокъ.

Въ Москвѣ кн. Волконская вообще мало занималась литературой, такъ что имя ея рѣдко встрѣчается въ журналахъ 1826—1828 гг., хотя издатели не только охотно печатали ея произведенія, но даже считали это особенною честью. Кромѣ стиховъ, сочиненныхъ «На кончину императрицы Елизаветы Алексѣевны»[3]), З. А. помѣстила въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1827 года (ч. V, стр. 372—373) переводъ небольшаго разсужденія «Добродушіе», которое было сперва написано ею на французскомъ языкѣ.

Хотя это одно изъ самыхъ слабыхъ и безцвѣтныхъ произведеній З. А., но кн. Шаликовъ съ своею обычною восторженностью расхваливаетъ его въ самыхъ неумѣренныхъ выраженіяхъ: «сочинительница этой статьи,—пишетъ онъ,—давно извѣстна всему просвѣщенному свѣту, умомъ, познаніями и талантами, но, чтобы такъ изобразить добродушіе, надобно знать его по собственному чувству и многократному употребленію въ различныхъ случаяхъ жизни, обыкновенно богатой происшествіями при славномъ имени... И когда высокомѣрный свѣтъ смѣется надъ добродушіемъ, женщина, одаренная всѣми преимуществами для блистательной роли въ этомъ самомъ свѣтѣ, представляетъ его намъ подъ плѣнительнѣйшими чертами»[4]).

Затѣмъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» того же года (1827, ч. VI, стр. 392—397) напечатанъ былъ отрывокъ «Изъ путевыхъ записокъ

---

1) См. «Біографическій очеркъ» А. П. Пятковскаго прил. къ «Полн. Собранію Сочиненій Д. В. Веневитинова». Спб. 1862, стр. 28. Ibid., «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія». Спб. 1888, ч. II, стр. 327—328.

2) З. А. Волконская и послѣ своего окончательнаго переселенія въ Италію не измѣнила памяти юнаго поэта. М. П. Погодинъ, посѣтившій ее въ Римѣ въ 1839 году, видѣлъ бюстъ Дм. Веневитинова въ саду ея виллы.

3) Стихи эти почти одновременно напечатаны въ «Дамскомъ Журналѣ» 1826 г., № 12, стр. 232, и въ «Московск. Телеграфѣ», 1826 г., ч. IX, стр. 8.

4) «Дамскій Журналъ», 1827 г., № 22, стр. 137—138.

объ Италіи» кн. З. Волконской, гдѣ она описываетъ домъ, въ которомъ жила Екатерина Сіенская, и сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія о знаменитой святой, извѣстной всему католическому міру.

З. А. вела тогда дѣятельную переписку съ европейскими учеными по поводу новаго задуманнаго ею общества, подъ названіемъ «Патріотическая Бесѣда», задача котораго состояла въ распространеніи научныхъ свѣдѣній о Россіи въ Западной Европѣ. Но, такъ какъ содѣйствіе русскихъ ученыхъ являлось безусловно необходимымъ для осуществленія подобной идеи, то кн. Волконская предполагала учредить «Патріотическую Бесѣду» при московскомъ «Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ». На этомъ основаніи она обратилась съ письмомъ на имя предсѣдателя Писарева, гдѣ, ссылаясь на мнѣніе «многихъ знаменитыхъ людей, извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ», доказывала необходимость учрежденія «Патріотической Бесѣды», которая служила «какъ бы дополненіемъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ». Главная цѣль новаго общества должна была заключаться въ томъ, «чтобы знакомить Западную Европу съ достопримѣчательностями нашего отечества, собирать свѣдѣнія о русскихъ древностяхъ всякаго рода и доставлять пособія къ сочиненію и напечатанію достойныхъ уваженія твореній касательно русской исторіи, археологіи, древней географіи, филологіи славянскихъ и другихъ племенъ, подвластныхъ Россіи». Что касается ученыхъ трудовъ «Патріотической Бесѣды», то, по мнѣнію кн. Волконской, ихъ слѣдовало «сосредоточить въ журналѣ, издаваемомъ ежемѣсячно на языкѣ, употребительномъ во всемъ ученомъ мірѣ, а именно на французскомъ»[1]).

Письмо кн. З. А. Волконской было читано въ засѣданіи «Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» 28 апрѣля 1827 года, и опредѣлено: «имѣть о семъ разсужденіе въ слѣдующее засѣданіе, а для соображенія письмо сіе сообщить гг. членамъ»[2]). Но видно изъ протоколовъ, что никакихъ разсужденій о «Патріотической Бесѣдѣ» не было въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ, и дѣло ничѣмъ не кончилось.

Неизвѣстно, какъ отнеслась З. А. къ постигшей ее неудачѣ, но едва ли она была особенно смущена этимъ, судя по ея впечатлительности и способности быстро переходить отъ увлеченія къ увлеченію. Вскорѣ она испытала новое и болѣе глубокое огорченіе, когда узнала, что поэтъ И. И. Козловъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ и преданныхъ ей людей, потерявъ зрѣніе, находится въ безпомощномъ состояніи. Она отнеслась съ искреннимъ участіемъ къ его горю и послала ему въ Петербургъ сочиненные ею стихи подъ

[1]) Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. IV, 1828 г. (Лѣтопись Общества, кн. II, стр. 41—46).
[2]) Ibid., стр. 37.

заглавіемъ «Другу страдальцу», гдѣ, называя его «арфой страданія и терпѣнія», утѣшала надеждой на будущую жизнь.

Козловъ въ отвѣтъ на посланіе кн. З. Волконской написалъ стихотвореніе, исполненное глубокой печали:

Я арфа тревоги, ты—арфа любви
И радости мирной небесной;
Звучу я напѣвомъ мятежной тоски,
Милъ сердцу твой голосъ чудесный.
Я здѣсь омрачаюсь земною судьбой,
Мечтами страсти сокрушенный,
А ты горишь въ небѣ прекрасной звѣздой,
Какъ ангелъ прекрасный, нетлѣнный[1]).

Князь Вяземскій воспользовался появленіемъ сонетовъ Мицкевича въ переводѣ Козлова, чтобы съ своей стороны выразить участіе къ несчастному поэту... «Чтобы доказать вамъ»,—писалъ онъ И. И. Козлову въ письмѣ отъ 2 января 1828 года,—«что ваши сонеты у меня на сердцѣ, скажу, что читалъ ихъ недавно на академическомъ обѣдѣ у княгини Зенеиды, которая слушала ихъ съ большимъ удовольствіемъ и сама вамъ это повторитъ скоро, потому что собирается ѣхать въ Петербургъ»[2]).

Между тѣмъ въ Москвѣ стали носиться упорные слухи, что кн. З. Волконская поддалась вліянію іезуитовъ и тайно приняла католичество. Слухи эти казались тѣмъ вѣроятнѣе, что въ высшемъ русскомъ обществѣ это былъ не первый случай совращенія въ католичество іезуитами. Императрица Екатерина II и Павелъ I, покровительствуя іезуитамъ, думали воспользоваться ими для своихъ политическихъ цѣлей; но іезуиты не только не усилили симпатіи поляковъ и русскихъ католиковъ къ Россіи, но привели къ обратнымъ результатамъ. Іезуиты старались захватить въ свои руки воспитаніе высшаго дворянства, такъ что, благодаря имъ, все увеличивалось число русскихъ, которые съ переходомъ въ католичество теряли нравственную связь съ своими соотечественниками. Изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи при Александрѣ I усилило дѣятельность тайныхъ агентовъ ордена, которые, проживая въ обѣихъ столицахъ, преслѣдовали свои цѣли. При этомъ было не мало примѣровъ, что дѣти русскихъ дворянскихъ фамилій получали воспитаніе за границей у іезуитовъ.

З. А. Волконская, по своему неустойчивому характеру и склонности къ піэтизму, могла легче, чѣмъ кто нибудь, увлечься католицизмомъ, который былъ хорошо знакомъ ей и дорогъ по воспоминаніямъ дѣтства. Насколько былъ близокъ ей этотъ міръ, показы-

---

[1]) Эти оба стихотворенія были впослѣдствіи напечатаны въ альманахѣ «Утренняя Заря» на 1839 годъ, изд. В. Владиславлевымъ, стр. 193—194.

[2]) Письмо кн. П. А. Вяземскаго, найденное въ бумагахъ поэта И. И. Козлова, напечатано въ «Русскомъ Архивѣ», 1886 г., № 2, стр. 183.

ваетъ «Отрывокъ изъ ея путевыхъ записокъ», напечатанный въ «Галатеѣ» 1829 года (VI, стр. 88—90), гдѣ поэтическое описаніе «Ночи наканунѣ Рождества» на островѣ Комо представляетъ собою едва ли не лучшее, что было написано ею на русскомъ языкѣ. Къ тому-же княгиня Волконская, воспитанная на французскихъ классикахъ и энциклопедистахъ, едва знакомая съ русскимъ языкомъ до 30-ти лѣтняго возраста, не могла имѣть особенной привязанности къ русской церкви и религіи. При этихъ условіяхъ, ловкіе и образованные служители римскаго престола, употреблявшіе всѣ усилія, чтобы привлечь въ лоно своей церкви нашихъ богатыхъ и знатныхъ соотечественниковъ, встрѣтили здѣсь готовую почву и могли безъ особеннаго труда совратить въ католичество З. А. Волконскую.

X.

Причины отъѣзда кн. З. Волконской изъ Россіи.—Выборъ мѣста жительства.—Прощальные стихи Баратынскаго, Н. Павлова, А. Писарева, Шевырева.—Отъѣздъ Шевырева въ Италію.—Свиданіе съ Гёте.—Н. Рожалинъ. Статьи кн. Волконской въ «Галатеѣ» и въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ».

Въ настоящее время, при отсутствіи точныхъ данныхъ, трудно опредѣлить, когда именно совершился переходъ въ католичество кн. З. Волконской. Ходившіе тогда слухи, вѣроятно, имѣли фактическое основаніе, хотя, съ другой стороны, едва ли З. А. могла рѣшиться безъ колебанія на такой важный шагъ, какъ перемѣна религіи, и на это, конечно, потребовался болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Единственное извѣстіе, имѣющее отношеніе къ данному вопросу, сообщено В. Шенрокомъ, на основаніи устнаго разсказа племянницы З. А. по мужу—В. Н. Репниной. По ея словамъ, «когда извѣстіе о совращеніи кн. З. Волконской въ католичество дошло до императора Николая Павловича, его величество хотѣлъ ее вразумить и посылалъ ей съ этой цѣлью священника. Но съ ней сдѣлался нервическій припадокъ, конвульсіи. Государь позволилъ ей уѣхать изъ Россіи, и она избрала мѣстомъ жительства Римъ, гдѣ ее вскорѣ прозвали Beata»...[1]).

Хотя В. Н. Репнина передаетъ подробности, которыя она могла знать только по слухамъ, но разсказъ ея, во всякомъ случаѣ, не лишенъ основанія. Едва ли можно предположить, чтобы З. А. пожелала добровольно и безъ настоятельной необходимости оставить навсегда Россію и разстаться съ Москвой, гдѣ жизнь ея сложилась при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, и гдѣ она была окружена лучшими представителями русскаго общества. Равнымъ образомъ,

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1894 г., августъ, ст. В. Шенрока: «Н. В. Гоголь, пять лѣтъ жизни за границей», стр. 630.

выборъ Рима для постояннаго мѣстопребыванія являлся вполнѣ естественнымъ со стороны З. А. Волконской, которая родилась въ Италіи, провела тамъ дѣтство и часть молодости.

«Италія,— пишетъ И. Кирѣевскій,— сдѣлалась вторымъ отечествомъ кн. З. Волконской, и, впрочемъ, кто знаетъ, можетъ быть, необходимость Италіи есть общая неизбѣжная судьба всѣхъ имѣвшихъ участь ей подобную? Кто изъ первыхъ впечатлѣній узналъ лучшій міръ на землѣ, міръ прекраснаго, можетъ быть, для того уже нѣтъ жизни безъ Италіи. И синее итальянское небо, и воздухъ итальянскій, исполненный солнца и музыки, и итальянскій языкъ, проникнутый всею прелестью нѣги и граціи, и земля итальянская, усѣянная великими воспоминаніями, покрытая созданіями геніальнаго творчества,—можетъ быть, все это становится уже не прихотью ума, но сердечною необходимостью... для души, избалованной роскошью искусствъ и просвѣщенія...» [1]).

Тотъ же мотивъ отъѣзда З. А. Волконской въ Италію приведенъ въ извѣстныхъ посвященныхъ ей стихахъ Е. А. Баратынскаго:

«Изъ царства виста и зимы,
Гдѣ подъ управой ихъ двоякой
И атмосферу и умы
Сжимаетъ холодъ одинакой,
Гдѣ жизнь какой-то тяжкій сонъ,
Она спѣшитъ на югъ прекрасный,
Подъ Авзонійскій небосклонъ,
Гдѣ въ древнихъ камняхъ боги живы,
Гдѣ въ новой чистой красотѣ
Рафаэль дышитъ на холстѣ,
Тамъ лучше ей» . . . . . [2])
. . . .

Другой, теперь забытый, поэтъ Н. Павловъ написалъ стихи «На отъѣздъ въ Италію кн. З. А. Волконской», которые начинаются строфами:

«Какъ соловей печально въ день осенній
Подъ небо лучшее летитъ,
Такъ и она въ отчизнѣ вдохновеній
Воскреснуть силами спѣшитъ.

И далеко отъ родины туманной
Ее веселье обойметъ,
Какъ прежній гость, какъ гость желанный,
Она на югѣ запоетъ.

---

[1]) «О русскихъ писательницахъ» ст. И. Кирѣевскаго въ Полн. собр. соч., М., 1833 г., т. I, стр. 118—119.

[2]) Стихи эти напечатаны въ альманахѣ «Подснѣжникъ», 1829 г., Спб., стр. 151—155. Собр. соч. Е. А. Баратынскаго, М., 1896 г., т. I, стр. 103—104.

Тамъ ей и быть, гдѣ солнца лучъ теплѣе,
Гдѣ такъ роскошны небеса,
Гдѣ человѣкъ съ искусствами дружнѣе,
И гдѣ такъ звучны голоса!» [1])
. . . .

Стихи Баратынскаго, Павлова и другихъ поклонниковъ З. А. Волконской были «данью, которую принесли ей въ прощальный часъ почитатели ея таланта, нѣтъ, болѣе чѣмъ таланта»,—пишетъ изъ Москвы въ концѣ февраля 1830 года одинъ изъ участниковъ подношенія прощальныхъ стиховъ [2]). Въ это время, какъ и въ болѣе раннюю пору, не только поэты по призванію и профессіи, но большинство прозаиковъ и даже люди, не принадлежавшіе къ литературѣ, писали стихи на извѣстные случаи. Вслѣдствіе этого, нѣкоторыя стихотворенія являлись не совсѣмъ удачными, какъ, напримѣръ, слѣдующее четырехстишіе А. Писарева, тогда же поднесенное имъ кн. З. А. Волконской:

«Подъ небомъ Греціи ль чудесной
Или въ Авзоніи прелестной
На свѣтъ ты рождена,
Россія мать и дочерьми славна» [3]).

С. Шевыревъ также написалъ стихи на выѣздъ З. А. изъ Москвы, въ видѣ торжественнаго воззванія первопрестольной столицы къ «вѣчному» городу:

«Къ Риму древнему взываетъ
Златоглавая Москва...
Я въ покровъ твой благосклонный
Довѣряю, царь градовъ,
Лучшій перлъ моей короны,
Лучшій цвѣтъ моихъ садовъ» и пр. [4]).

Съ отъѣздомъ кн. З. Волконской въ Италію былъ связанъ вопросъ о воспитаніи ея единственнаго сына, Александра, которому исполнилось 17 лѣтъ. Не рѣшаясь на разлуку съ нимъ безъ крайней необходимости, она предложила С. П. Шевыреву ѣхать въ Италію въ качествѣ воспитателя молодого кн. Волконскаго, чтобы приготовить его къ вступительному экзамену въ Московскомъ университетѣ. Шевыревъ, по разнымъ соображеніямъ, не рѣшался оставить

---

[1]) «Московскій Телеграфъ», 1899 г., № 2, стр. 177.

[2]) Изъ неизданной переписки Н. А. Мельгунова съ С. Шевыревымъ, которая хранится въ отдѣлѣ рукописей Спб. Публичной библіотеки въ числѣ другихъ бумагъ С. Шевырева. См. также ст. Ѳ. И. Буслаева «Римская вилла княгини З. А. Волконской». «Вѣстникъ Европы», январь, 1896 годъ, стр. 8—9.

[3]) Альманахъ «Радуга» на 1830 г., изд. Араповъ и Новиковъ, стр. 242.

[4]) «Православное Обозрѣніе», М., 1866 г., іюль, ст. «Кн. З. А. Волконская (одна изъ русскихъ католичекъ)», стр. 312.

Москву и медлилъ съ отвѣтомъ. Но друзья, считая заграничную поѣздку безусловно полезной для Шевырева, уговорили его принять предложеніе кн. Волконской; особенно настаивалъ на этомъ М. Погодинъ, хотя терялъ въ немъ незамѣнимаго сотрудника по изданію «Московскаго Вѣстника». «Мы всѣ обрадовались,—пишетъ Погодинъ,—этому счастливому случаю и убѣдили Шевырева оставить архивную службу и принять предложеніе княгини. Жизнь въ Италіи, въ такомъ домѣ, который былъ средоточіемъ всего лучшаго и блистательнаго по части наукъ и искусствъ, казалась намъ счастьемъ для Шевырева, который тамъ могъ кончить свое собственное образованіе» [1]).

Шевыревъ, уступая убѣжденіямъ своихъ друвей, отправился съ Волконскими за границу, весною 1829 года. Въ Лейпцигѣ они встрѣтили одного изъ своихъ московскихъ знакомыхъ Н. М. Рожалина, друга умершаго поэта Дм. Веневитинова, который за годъ передъ этимъ отправился за границу съ г-жей Кайсаровой, для воспитанія ея дѣтей. Княгиня Волконская уговорила Рожалина и Шевырева ѣхать вмѣстѣ съ ней въ Веймаръ, чтобы видѣть Гёте. По прибытіи въ городъ, они отправились втроемъ по указанному адресу; при этомъ Рожалинъ, переводчикъ «Вертера», настолько струсилъ, что, дойдя до квартиры знаменитаго старца, просилъ оставить его въ передней. З. А. была неумолима и «насильно потащила его» за собою. Гёте принялъ гостей въ кабинетѣ, гдѣ никого не было, кромѣ жены его сына, и, несмотря на свою свѣтскость, былъ видимо смущенъ такимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ. Но «если Гёте насъ робѣлъ,—пишетъ объ этомъ свиданіи Шевыревъ въ письмѣ къ А. П. Елагиной отъ 29 мая 1829 года,—какъ же мы-то должны были его бояться! Мы все молчали и смотрѣли; княгиня своею любезностью загладила нашу скромность; съ большимъ участіемъ слушалъ онъ, какъ княгиня говорила ему о томъ, какъ цѣнятъ его въ Россіи» [2]).

Въ томъ же письмѣ Шевыревъ писалъ о Рожалинѣ: «Въ Россію ему не хочется... Если Кайсарова остается въ чужихъ краяхъ, онъ остается у нихъ; если же мужъ призоветъ жену въ Россію, тогда, если не будетъ другого средства, я бросаюсь въ ноги къ нашей дорогой княгинѣ З. А., Рожалина тащу сюда, и мы составимъ маленькій университетъ à deux professeurs для молодого князя, ибо княгинѣ надобно же нанимать учителей по нѣкоторымъ предметамъ. Еще терпятъ два мѣсяца, т.-е. время нашего пребыванія въ Пизѣ; но потомъ надо будетъ прочнымъ и постояннымъ образомъ устроить

[1]) «Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ», ст. М. Погодина, Журн. М. Н. Пр., 1869 г., февраль, стр. 408—409.

[2]) «Русскій Архивъ», 1870 г., кн. I, стр. 188—189. «Письмо С. П. Шевырева къ А. П. Елагиной изъ Флоренціи отъ 29 мая 1829 года».

занятія князя. Какъ бы къ тому подоспѣлъ милый Рожалинъ и славно бы»... [1]).

Кромѣ Флоренціи и Пизы, Шевыревъ вмѣстѣ съ Волконскими побывалъ въ разныхъ городахъ Италіи: въ Неаполѣ, Болоньи, Венеціи, Миланѣ, Генуѣ, Пармо, а также въ Туринѣ, какъ видно изъ письма З. А. Волконской къ Гульянову 1829 года [2]): «Читала я письмо твое, любезный Гульяновъ, и гдѣ же? Въ домѣ отца моего, подъ кровлею родной, въ семъ давнемъ прибѣжищѣ всего изящнаго, гдѣ я росла подъ сѣнію искусства греческаго, египетскаго, итальянскаго, гдѣ юные взоры мои пріучились къ формамъ идеальнымъ. Картины, древнія бронзы, мраморы—все мнѣ такъ мило; всѣ они мнѣ какъ братья, какъ друзья, все составляло со мной семью моего родителя». Затѣмъ въ письмѣ слѣдуетъ описаніе сна, гдѣ представлено аллегорическое изображеніе божественной мудрости, достижимой помыслами о смерти и высокомъ назначеніи человѣка.

Письмо это, напечатанное въ «Галатеѣ» 1829 года (ч. V, стр. 21—31), подъ заглавіемъ «Сновидѣніе», наглядно рисуетъ тогдашнее мистическое настроеніе З. А. Волконской. Въ той же V-ой части «Галатеи» напечатанъ довольно безцвѣтный «Отрывокъ» изъ путевыхъ записокъ кн. Волконской: «Римскія виллы» (стр. 3—21), затѣмъ въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1830 годъ, Спб., 1829 г., появился другой болѣе удачный «Отрывокъ» изъ путевыхъ запи-

---

[1]) Рожалинъ черезъ годъ пріѣхалъ въ Римъ и поселился у кн. З. А. Волконской, гдѣ занялся изученіемъ классическихъ языковъ и исторіи искусства; но, страдая чахоткой, онъ постоянно хворалъ и работалъ урывками. Въ 1882 году онъ возвратился въ Россію въ надеждѣ получить мѣсто профессора въ Московскомъ университетѣ, но умеръ на другой день по пріѣздѣ. Бумаги его, присланныя въ Москву, сгорѣли въ конторѣ дилижансовъ.

[2]) И. А. Гульяновъ (1789—1841 гг.), членъ Россійской академіи, занимался изученіемъ всевозможныхъ наукъ, преимущественно египетскихъ древностей. Въ 1830 году онъ написалъ стихи и послалъ ихъ анонимомъ Пушкину, который отвѣтилъ ему извѣстными стихами:

«О кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье
«Привѣтствуетъ мое къ блаженству возрожденье,
«Чья скрытая рука мнѣ крѣпко руку жметъ» и пр.

Лѣтомъ 1882 года, Гульяновъ отправился за границу, гдѣ получалъ денежное пособіе отъ нашего правительства для продолженія ученыхъ занятій. Т. Н. Грановскій, посѣтивъ его въ Дрезденѣ весной 1888 года, писалъ о немъ Н. Станкевичу: «Странности его, немного мелкое самолюбіе и уваженіе къ чинамъ замѣтны тотчасъ; но за этимъ столько свѣдѣній, что можно бы извинить гораздо большіе недостатки»... Гульяновъ, между прочимъ, жаловался Грановскому на Уварова, который торопилъ его съ окончаніемъ работы, и заявилъ по этому поводу, что у него «объясненіе іероглифовъ на одной тростниковой корзинкѣ занимаетъ болѣе 800 печатныхъ страницъ, а предисловіе должно было занять пять большихъ томовъ...» (Письмо Т. Н. Грановскаго помѣщено въ «Русскомъ Архивѣ» 1878 года, № 4, стр. 479).

И. А. Гульяновъ умеръ въ Ниццѣ; судьба его рукописей неизвѣстна; но, во всякомъ случаѣ, огромный предпринятый имъ трудъ остался неоконченнымъ.

сокъ подъ заглавіемъ: «Веймаръ, Баварія, Тироль» (стр. 216—227). Здѣсь, помимо красивыхъ описаній природы, кн. Волконская знакомитъ читателей съ исторіей Регенсбурга и преданіями о «черномъ рыцарѣ», побѣдителѣ на турнирѣ, который въ свою очередь былъ побѣжденъ знаменіемъ креста.

XI.

Римская вилла кн. Волконской.—Жизнь Шевырева въ Италіи.—Отзывы Шевырева о кн. Волконской.—Письмо Мельгунова.—«Отрывки изъ путевыхъ записокъ» и «Логогрифъ» кн. Волконской.— Проектъ Эстетическаго Музея.— Письма кн. Н. Гр. Волконскаго и Погодина.

Въ Римѣ кн. З. Волконская поселилась въ роскошной купленной ею виллѣ Palazzo Poli, близъ площади Іоанна Латеранскаго, которая была построена на развалинахъ древняго римскаго дворца и окружена виноградниками и цвѣтниками. Издали вилла «представлялась разноцвѣтнымъ букетомъ» отъ покрывавшихъ ее ползущихъ растеній. «Такія же растенія обвивали лавровыя и кипарисныя деревья, которыми были обсажены дорожки, такъ что надъ головами гуляющихъ свѣшивались вѣтви цвѣтущихъ розъ и геліотроповъ» [1]). Отсюда открывался великолѣпный видъ на римскую Кампанію; здѣсь начинались арки безконечныхъ водопроводовъ, тянулись вдали поля и горы; виднѣлась населенная часть Рима, Латеранъ и Колизей. Княгиня Волконская вскорѣ возобновила свои музыкальные вечера, въ которыхъ принимали участіе всѣ извѣстные артисты, пріѣзжавшіе въ Римъ; въ числѣ наиболѣе частыхъ посѣтителей этихъ вечеровъ были: Торвальдсенъ, Камуччини, Горасъ Верне и русскіе художники—Бруни, Брюлловъ и др.

Такимъ образомъ, С. П. Шевыревъ очутился въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для своего умственнаго и эстетическаго образованія, которому не мало способствовали ежедневныя бесѣды съ самой княгиней. Ея богатая «русская библіотека давала ему возможность продолжать свои ученыя занятія; здѣсь познакомился онъ съ языкомъ русскихъ лѣтописей, русскими пѣснями въ сборникѣ Кирши Данилова и перечиталъ нѣсколько разъ исторію Карамзина въ занятіяхъ съ сыномъ княгини» [2]). На ряду съ этимъ онъ изучалъ итальянскій языкъ, читалъ Шекспира подъ руководствомъ англичанина Гамона и выучился испанскому языку у каноника Франческо Марина.

---

[1]) См. ст. Ѳ. И. Буслаева: «Римская вилла кн. З. А. Волконской». «Вѣстникъ Европы», январь, 1896 годъ, стр. 23.

[2]) «Біографическій словарь проф. и преподавателей Имп. Московск. университета», М., 1855, ч. II, стр. 609.

Близкія и постоянныя сношенія съ кн. З. А. Волконской не замедлили отразиться на Шевыревѣ, который всецѣло поддался обаянію прекрасной, богато одаренной женщины: «Княгиню,—писалъ онъ своему пріятелю А. Веневитинову,—чѣмъ ближе видишь, тѣмъ больше любишь и уважаешь. Ея стихія—Римъ. Въ ней врожденная любовь къ искусству. О, если бы она въ молодости писала по русски! У насъ бы поняли, въ чемъ состоитъ деликатность и эстетизмъ стиля. Она создала бы у насъ Шатобріанову прозу. Да у насъ и не понимаютъ тонкости ея выраженій... Я самъ не понималъ ее прежде, ибо жилъ въ другой сферѣ. Княгиню поймешь только у нея въ гостиной и тогда станешь къ ней ходить чаще. Да, я къ ней приглядѣлся, что это—какъ сравнить ее съ другими! Какъ она выше ихъ»!.. [1]).

Но въ то же время Шевыревъ, природный москвичъ, выросшій въ иной средѣ и при иныхъ условіяхъ, тяготился обществомъ великосвѣтскихъ знакомыхъ кн. Волконской съ ихъ французскимъ говоромъ и желаніемъ копировать французовъ. «Какъ же несносны офранцуженные русскіе!—писалъ онъ А. Веневитинову въ 1830 году. Эти существа сами же себя уничтожаютъ. Мой князь Александръ Никитичъ спасенъ отъ этой порчи, къ сожалѣнію, заражающей все сословіе, къ коему онъ принадлежитъ съ немногими исключеніями. Онъ будетъ русскимъ»... Въ слѣдующемъ письмѣ Шевыревъ, вспоминая о своихъ московскихъ друзьяхъ, пишетъ: «Обними Одоевскаго, Титова, Кошелева и всѣхъ, кто меня помнитъ. Соболевскій здѣсь. Онъ такъ меня тронулъ вчера. У княгини Волконской пѣли русскія пѣсни итальянцы: ты вѣдь знаешь, что у ней и нѣмые глаголютъ. Онъ слушалъ—вдругъ, смотрю, Соболевскій утираетъ глаза, подхожу: въ три ручья слезы и бранитъ итальянцевъ, что пѣть не умѣютъ. Говори послѣ этого, что у насъ нѣтъ mal du pays. Это меня такъ за сердце схватило, что я не могъ ихъ слушать безъ грусти» [2]).

Повидимому, и З. А. Волконская, несмотря на свое мистическое настроеніе и увлеченіе католицизмомъ, не порвала своей духовной связи съ Россіей и московскими друзьями, съ которыми вела дѣятельную переписку, какъ, напримѣръ, Вяземскимъ, Погодинымъ, И. Кирѣевскимъ, Н. А. Мельгуновымъ [3]) и др. «Ожидаю отъ васъ,—

---

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина» Н. П. Барсукова. 1889 г. ч., II, стр. 36.

[2]) Ibid., ч. III, 1889 г., стр. 74, 76.

[3]) Николай Алексѣевичъ Мельгуновъ († 1876 г.), членъ «Московскаго Общества Любителей Росс. Словесности», помѣщалъ статьи свои въ «Московскомъ Наблюдателѣ», «Москвитянинѣ», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Отечественныхъ Запискахъ» и другихъ повременныхъ изданіяхъ, и, между прочимъ, писалъ подъ псевдонимомъ Н. Ливенскій. Молодость свою Мельгуновъ провелъ въ Москвѣ и принадлежалъ къ кружку Чаадаева; вѣчно занятый отвлеченными вопросами и литературными планами, онъ остался идеалистомъ до конца жизни. Онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ со своимъ школьнымъ товарищемъ М. И. Глинкой, а также Титовымъ и особенно съ Шевыревымъ, къ которому относился съ восторженнымъ

писала она Погодину,—много отвѣтовъ и чисто о Москвѣ; о ея жителяхъ вспоминаю сердечно»...[1]) Кн. Вяземскій, съ своей стороны, въ отвѣтъ на ея частыя и длинныя посланія писалъ самыя подробныя письма въ нѣсколько листовъ, похожія на тетради.

Насколько память о кн. З. А. Волконской была дорога москвичамъ, видно изъ слѣдующаго письма Н. А. Мельгунова къ Шевыреву отъ конца февраля 1830 года, гдѣ онъ извѣщаетъ о посылкѣ списка «Горе отъ ума» для передачи княгинѣ Волконской: «Соболевскій,—пишетъ онъ,—потерялъ мой экземпляръ, списанный съ оригинала, и я долженъ былъ сличать три списка, изъ нихъ одинъ кажется мнѣ вѣрнымъ, если не обманываетъ память, и таковой посылаю... Двѣ пѣсни: «Не говори ни да ни нѣтъ» и «На отъѣздъ», назначаю для княгини... Романсы были написаны въ одно время, если не ошибаюсь, для ея голоса, вскорѣ по отъѣздѣ вашемъ изъ Москвы. Они дополняютъ дань, которую принесли ей въ прощальный часъ почитатели ея таланта, нѣтъ, болѣе чѣмъ таланта. Пусть она увѣрится, что память о ней сохраняется въ каждомъ, кто только зналъ ее.!. Архивъ теперь пустота безлюдная: вы были ея оазисы, пріѣзжайте обновить Москву... Кирѣевскіе уѣхали, Веневитиновъ, Павловъ... у насъ глухая осень» [2]).

Въ томъ же 1830 году Погодинъ напечаталъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (№ 2, стр. 140—151) «Отрывки изъ путевыхъ записокъ кн. Волконской», гдѣ она описываетъ итальянскій Тироль, Сѣверную Италію и Тоскану, и при этомъ сообщаетъ разныя свѣдѣнія, которыя свидѣтельствуютъ объ ея широкомъ образованіи и основательномъ знакомствѣ съ западно-европейской исторіей и литературой. Затѣмъ, по поводу статуи Ніобеи и миѳа, связаннаго съ несчастной дочерью Тантала, она разсказываетъ о матери и трехъ дѣтяхъ, погибшихъ во время кораблекрушенія на Черномъ морѣ. Почти одновременно съ этимъ въ Петербургѣ, въ «Литературной Газетѣ» 1830 года, изд. барономъ Дельвигомъ (т. I, № 71), появился «Логогрифъ», съ подписью кн. Волконской, написанный стихами, который представляетъ родъ сложной шарады по буквамъ, нерѣдко встрѣчаемый въ журналахъ 20—30 годовъ нынѣшняго столѣтія. Кромѣ того, въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на слѣдующій 1831 годъ также помѣщены «Отрывки изъ путевыхъ записокъ кн. Волкон-

---

поклоненіемъ, какъ видно изъ его переписки съ нимъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, т. е. до поступленія Шевырева въ число профессоровъ Московскаго университета. (См. о Н. А. Мельгуновѣ фельетонъ 21 марта въ «Голосѣ» 1887 г., № 20).

[1]) «Жизнь и трудъ М. П. Погодина» и пр., 1889 г., ч. II, стр. 308.

[2]) Письма Н. А. Мельгунова пріобрѣтены Спб. Публичной библіотекой вмѣстѣ съ другими бумагами Шевырева. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ настолько характерны для тогдашней литературы, что мы приведемъ ихъ цѣликомъ или съ небольшими сокращеніями.

ской: «Двѣ пѣвицы», «Аніо» (стр. 120—124); но это не болѣе какъ наброски, небрежно написанные и крайне плохимъ русскимъ языкомъ.

Въ это время княгиня З. Волконская была занята составленіемъ проекта Эстетическаго Музея при Московскомъ университетѣ по примѣру музея, выстроеннаго въ Неаполѣ, гдѣ были сосредоточены всѣ сокровища искусства и древности. Согласно проекту кн. Волконской, Эстетическій Музей долженъ былъ представлять собою «собраніе гипсовыхъ слѣпковъ и мраморныхъ копій съ замѣчательныхъ произведеній скульптуры, копій съ лучшихъ картинъ классической живописи, снимковъ древнихъ и средневѣковыхъ памятниковъ архитектуры, моделей утвари древней жизни» и пр.

Посторонніе посѣтители могли посѣщать музей два раза въ недѣлю, а художники ежедневно.

Составительница проекта брала на себя «надзоръ за приготовленіемъ слѣпковъ и моделей при общемъ руководствѣ извѣстныхъ европейскихъ художниковъ, каковы: Торвальдсенъ, Каммучини и пр., и русскихъ артистовъ, съ которыми была знакома. Эти знакомства давали возможность имѣть все за такую цѣну, какая берется только съ художниковъ, а не съ частныхъ лицъ»[1]).

С. П. Шевыревъ, увлеченный не менѣе кн. Волконской идеей основанія Эстетическаго Музея въ Москвѣ, немедленно отправилъ копіи ея «Проекта» въ Петербургъ къ кн. Н. Гр. Волконскому и въ Москву къ Мельгунову и М. Погодину съ просьбой оказать возможное содѣйствіе къ скорѣйшему устройству музея.

Кн. Никита Григорьевичъ Волконскій отнесся довольно скептически къ проекту своей супруги, хотя отвѣтилъ самымъ любезнымъ образомъ, какъ видно изъ письма къ Шевыреву отъ 2-го апрѣля 1830 года:

«Читалъ и перечитывалъ,—пишетъ онъ,—намѣреніе основать Эстетическій Музей въ Москвѣ. Мысль благородная, прелестная, великая, но вы не означили способовъ къ достиженію сей цѣли: имѣйте въ виду, что тамъ едва ли постигаютъ надобность знать происхожденіе Аполлона и Минервы. На первоначальный пріемъ потребуется сумма больше пяти тысячъ; но, во всякомъ случаѣ, долженъ быть музей при университетѣ, и, такъ какъ Шевыревъ тамъ воспитывался, то общими силами нужно возбудить склонность соотечественниковъ къ изящному»... Затѣмъ кн. Волконскій выражаетъ надежду на содѣйствіе гр. Лаваль, но при этомъ заявляетъ, что «предметы, до ваянія касающіеся, которые находятся въ академіи художествъ, ослабляютъ его надежду». Въ заключеніе, онъ пишетъ, что «воспользуется отсутствіемъ двора въ Варшаву, чтобы побывать въ Москвѣ,

---

[1]) «Проектъ Эстетическаго Музея при Императорскомъ Московскомъ университетѣ кн. З. Волконской» напечатанъ въ «Телескопѣ», М., 1831 г., ч. III, стр. 385—399.

и что тогда удобнѣе будетъ судить о мѣрѣ возможности желаемаго [1]).

Та же неувѣренность въ успѣхѣ предпріятія кн. Волконской проглядываетъ въ письмѣ Н. А. Мельгунова къ Шевыреву отъ 20 іюля 1831 года: «Читалъ я вашъ проектъ учрежденія музея въ Москвѣ. Мнѣ обѣщали уже и добровольно рублей 50, и сверхъ того такіе люди, которые бы должны дорожить деньгами поболѣе нашихъ ясновельможныхъ пановъ. Эти-то господа болѣе всѣхъ другихъ возбуждаютъ во мнѣ опасеніе, что вашему благому предпріятію не скоро исполниться...».

Совсѣмъ иначе отнесся къ посланному проекту М. Погодинъ, который не только пришелъ въ восторгъ отъ идеи кн. З. Волконской и высказалъ свои соображенія по поводу скорѣйшаго устройства музея, но даже предложилъ свои услуги для сношеній съ художниками, выбора и заказовъ вещей и пр.

«Третьяго дня,—пишетъ онъ Шевыреву отъ 10 апрѣля 1830 года,—получилъ отъ тебя проектъ Эстетическаго Музея и въ восторгѣ. Да здравствуетъ княгиня! Она алмазными буквами вписываетъ свое имя въ лѣтопись Москвы или лучше всей Россіи. Ея подарокъ дороже, значительнѣе цѣлой области съ народонаселеніемъ. Планъ дѣйствій долженъ быть вотъ какой: княгиня да пришлетъ проектъ прямо въ совѣтъ Императорскаго Московскаго университета. Ты потрудишься переписать въ другой разъ только въ томъ видѣ, какъ у меня...». Затѣмъ, слѣдуютъ поправки Погодина; кромѣ того, онъ считаетъ необходимымъ «препроводить копіи съ проекта при письмахъ кн. Волконской въ Петербургъ къ Блудову, кн. Ливену и другимъ значительнымъ лицамъ». «Это родъ циркуляровъ,—продолжаетъ Погодинъ въ своемъ письмѣ,—и слѣдовательно княгиня, дѣйствуя во благо отечества, можетъ разослать ихъ, не взирая на лица, хотя бы ей незнакомыя и низшія, скорѣе какъ можно... Я мечтаю уже объ исполненіи. Университетъ согласится тотчасъ, а въ Петербургѣ приготовленные люди подтвердятъ, и да здравствуетъ кн. З. Волконская и ея помощникъ! Но какъ она въ короткое время принимаетъ на себя такую трудную обязанность: выбирать, заказывать, разсчитываться во всѣхъ городахъ Италіи. Гдѣ она возьметъ времени? Если бы ей угодно было выписать меня (свѣтлая мысль) къ себѣ на полгода, отъ сентября до февраля, для сношеній съ художниками подъ ея руководствомъ, освѣдомленій, уложенія, отправленія, дабы въ Москвѣ помочь уставить, если не самому сдѣлать?... И все это возможно. Если княгиня одобритъ мою мысль, то напишите послѣ

---

[1]) Въ рукописномъ отдѣленіи С.-Петербургской Публичной библіотеки въ числѣ писемъ разныхъ лицъ къ С. П. Шевыреву находятся двадцать пять писемъ кн. Н. Гр. Волконскаго, изъ которыхъ мы приведемъ выдержки, слѣдуя по возможности принятому нами хронологическому порядку.

словъ: Я принимаю на себя обязанность etc., слѣдующее: а для сношеній съ художниками и проч. и проч. я прошу выслать мнѣ чиновника изъ университета и указываю на адъюнкта Погодина, наиболѣе мнѣ извѣстнаго и для того способнаго. На проѣздъ сего чиновника и шестимѣсячное пребываніе нужно три тысячи рублей. Прочее я добавлю отъ себя. Съ завтрашняго дня принимаюсь опять за итальянскій языкъ...» [1]).

Но Погодину не суждено было отправиться тогда въ Италію, такъ какъ проектъ Эстетическаго Музея не былъ принятъ Московскимъ университетомъ и остался безъ выполненія.

XII.

Погодинъ зоветъ Шевырева въ Москву для занятія каѳедры Мерзлякова.—Письма Н. А. Мельгунова объ упадкѣ таланта А. Пушкина.—Письмо кн. Н. Гр. Волконскаго къ Шевыреву.—Извѣстіе о пріѣздѣ кн. Волконской въ Москву.—Разговоръ Мельгунова съ Жуковскимъ.

Въ это время политическія событія во Франціи помѣшали Шевыреву отправиться въ Парижъ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ, кн. Волконскимъ, намѣревался слушать лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ. Погодинъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и настойчиво уговаривалъ Шевырева вернуться въ Россію, такъ какъ желалъ видѣть его преемникомъ Мерзлякова въ Московскомъ университетѣ: «Пріѣзжайте скорѣе домой,—писалъ онъ Шевыреву въ 1830 году:—что вамъ дѣлать теперь въ чужихъ краяхъ! Видите, какой бурный духъ носится повсюду. Климатъ!—но почему же княгиня не хочетъ поселиться въ Крыму!..» [2]).

Другой пріятель Шевырева, считавшій его чуть ли не геніемъ, Н. А. Мельгуновъ, также переписывался съ нимъ по этому поводу, убѣждая немедленно пріѣхать въ Москву для занятія каѳедры въ университетѣ. Между прочимъ, Мельгуновъ въ своемъ длинномъ посланіи отъ 18 февраля 1831 года, вмѣстѣ съ просьбой отдать прилагаемое письмо кн. Волконской, пишетъ Шевыреву: «Въ твоихъ письмахъ одно мѣсто особенно интересно, а именно, гдѣ отвѣчаешь ты на предложеніе занять каѳедру въ Московскомъ университетѣ. И такъ еще не рѣшено: поэтъ ли ты или ученый. Рѣшай скорѣе. Пріѣзжай-ка поскорѣе да вступи снова въ ратники на поприще нашей бѣдной литературы,—тебѣ назначено соединить духъ творчества и духъ познанія... А дѣйствовать пора. Прочитавъ твое посланіе Пушкину, я обрадовался, что полемическій духъ еще не угасъ

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1882 г., № 6, стр. 141.

[2]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, Спб., 1890 г., стр. 304.

въ тебѣ. Но, чтобъ присоединить живой примѣръ, выводи изъ дремоты и нѣги могущій языкъ нашъ, да поменьше надѣйся на Пушкина и Языкова. Пушкина пора прошла, а чередъ Языкова и никогда не придетъ. Не такіе поэты намъ теперь нужны, чтобы нравиться; надо имѣть поболѣе кой-чего плоше, гладенькіе и звучные стишонки и немного народности. Пушкинъ уронилъ себя (еще разъ до нападокъ Полевого, который и въ этомъ случаѣ былъ, что ни говори, органъ большинства публики), и врядъ ли ему подняться. Уже въ провинціяхъ перестаютъ восхищаться имъ, а послѣдними его произведеніями, начиная съ Полтавы, и подавно, не понимая, что эти произведенія несравненно лучше и зрѣлѣе предыдущихъ. Но въ практическомъ отношеніи до этого нѣтъ дѣла. Дѣло въ томъ, что его вліяніе на умы прекращается. Не обвиняй меня въ вандализмѣ за смѣлость, съ какою я говорю о Пушкинѣ, и не забудь, что здѣсь идетъ не о безусловномъ его достоинствѣ, но объ относительномъ. Вчера еще спросили при мнѣ у Ширяева: что каково расходится «Борисъ Годуновъ» Пушкина?—Ну, что о Пушкинѣ!.. пробормоталъ онъ сквозь носъ и отворотился съ медвѣжьей неповоротливостью. Худо, коли книгопродавцы начинаютъ отворачиваться при имени Пушкина. Кстати о Борисѣ Годуновѣ: надняхъ я читалъ твое стихотвореніе «Педантамъ-изыскателямъ». Ты черезчуръ пристрастенъ къ поэтамъ. Мнѣ кажется, въ наше время они начинаютъ мало-помалу терять духъ предреканія и прозорливости. Спрашиваю, что новаго открылъ Пушкинъ послѣ Карамзина въ своемъ Борисѣ? Это Карамзинъ въ звучныхъ превосходнѣйшихъ стихахъ, но съ тѣмъ же, если также не съ большимъ недостаткомъ въ цѣломъ и, вдобавокъ, съ забавными анахронизмами... Погодинъ одинъ изъ твоихъ педантовъ-изыскателей, правда, лучше Пушкина-поэта понимаетъ этотъ періодъ нашей исторіи...».

Затѣмъ Мельгуновъ въ томъ же письмѣ сообщаетъ Шевыреву о своихъ планахъ относительно учрежденія въ Москвѣ публичной библіотеки на частныя средства и изданія «Альманаха» къ январю слѣдующаго года: «Нельзя ли,—добавляетъ онъ,—выпросить что нибудь у княгини. Не нужно говорить, что ея имя украсило бы «Альманахъ», назначенный въ пользу библіотеки»...

Неизвѣстно, что отвѣтилъ Шевыревъ на это посланіе, но, вѣроятно, высказалъ нѣкоторыя сомнѣнія относительно возлагаемыхъ на него надеждъ и заступился за Пушкина, какъ видно изъ слѣдующаго письма Мельгунова отъ 20 іюля 1831 года: «Я желалъ бы, чтобы ты получилъ каѳедру Мерзлякова, а главное, чтобы настроилъ себя на этотъ предметъ. Ты, душа моя, рожденъ быть критикомъ: трудолюбіе, начитанность, знаніе дѣла и, что всего важнѣе, чувство изящнаго, котораго нѣтъ ни на волосъ у здѣшнихъ Надеждиныхъ. Критикъ долженъ быть поэтомъ, таковъ былъ Мерзляковъ, таковъ Шлегель.

«Поговоримъ лучше о твоемъ обвиненіи меня въ непочтеніи къ Пушкину. Нѣтъ, братъ, врядъ ли я уступлю тебѣ въ уваженіи къ его таланту, и ты худо меня понялъ, или я худо выразился. Не требую я отъ поэзіи трактатовъ, Боже мой!... Я отнюдь не думалъ отнимать у Годунова достоинства поэтическаго. Правда, я указалъ на нѣкоторыя, какъ мнѣ кажется, ошибки, но такія именно, гдѣ авторъ равно грѣшитъ и противъ исторіи, и противъ поэзіи. Но объ этомъ когда нибудь при свиданіи; не обвиняй меня въ неблагодарности къ заслугамъ Пушкина, хотя, правду сказать, я уже не такъ безотчетно и неограниченно удивляюсь ему... Напомни обо мнѣ княгинѣ и твоему сотоварищу» (князю Волконскому).

Шевыревъ, не смотря на убѣжденія своихъ друзей, оставался за границей, такъ какъ находилъ это необходимымъ для собственнаго образованія и, кромѣ того, не хотѣлъ отказаться отъ принятаго имъ обязательства приготовить князя Волконскаго къ университетскому экзамену. Но, считая свои знанія недостаточными, тѣмъ болѣе, что его воспитанникъ долженъ былъ поступить на юридическій факультетъ, онъ предложилъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Германію и Швейцарію для слушанія лекцій. Хотя князь Н. Гр. Волконскій вполнѣ предоставилъ женѣ и Шевыреву воспитаніе своего единственнаго сына, но они, повидимому, спрашивали его мнѣніе, при всякомъ сколько нибудь важномъ рѣшеніи, какъ это было и въ настоящемъ случаѣ, судя по письму князя Н. Гр. Волконскаго отъ 15 іюня 1831 года. Въ этомъ письмѣ онъ писалъ Шевыреву, что вполнѣ согласенъ на поѣздку сына въ Германію и Швейцарію и проситъ описать его наклонности добрыя и худыя. «Въ 20 лѣтъ,— добавляетъ онъ,—на нравственность слѣдуетъ обращать болѣе вниманіе, нежели науку: первое обращаетъ душу къ добру, послѣднее образуетъ разумъ; прелестно видѣть ихъ вмѣстѣ, но не всегда то бываетъ. Умствованіе порабощаетъ часто простоту души; многіе примѣры сіе доказываютъ. Бога ради, оберегайте моего юношу, чтобы не сдѣлался онъ esprit fort; въ Женевѣ особенно еще витаетъ духъ Вольтера и Буало».

Боязнь князя Волконскаго, чтобы сынъ его не совратился съ истиннаго пути въ Женевѣ, оказалась пока напрасною, такъ какъ предполагаемое путешествіе молодаго князя Волконскаго съ Шевыревымъ было отложено до осени.

Между тѣмъ, Мельгуновъ продолжалъ усиленно звать Шевырева въ Россію. Предполагая, что, быть можетъ, его другъ остается въ Италіи ради княгини Волконской, онъ обращается одновременно къ ней и Шевыреву въ слѣдующихъ письмахъ и уговариваетъ обоихъ вернуться на родину. Въ письмѣ отъ 29 сентября, того же года, извѣщая Шевырева, что всѣ пріятели ихъ уцѣлѣли отъ холеры, онъ пишетъ: «Но уже не тѣ субботы стали, которыя бывали у С. Аксакова. Ихъ трудно узнать по многимъ причинамъ. Пріѣзжайте, и

снова онѣ процвѣтутъ. Имъ надо дать новую жизнь, потревожить многія старыя предубѣжденія и придать эстетической жизни. Торопитесь, иначе многаго не узнаете»...

Двѣ недѣли спустя, а именно 15 октября, Мельгуновъ пишетъ, что въ городѣ «пронесся слухъ, что княгиня намѣрена возвратиться въ Москву будущей весною; это извѣстіе, говорятъ, привезъ ея племянникъ Репнинъ. Дай-то Богъ, чтобъ этотъ слухъ подтвердился. Намъ, друзьямъ твоимъ, право, становится безъ тебя скучно. Съ такимъ же нетерпѣніемъ Москва ждетъ княгиню; она понимаетъ прелесть ея европейской общежительности, хотя и не умѣетъ подражать этому»... Но, въ слѣдующемъ письмѣ того же 1831 года, безъ означенія числа Мельгуновъ только мимоходомъ зоветъ княгиню З. Волконскую и Шевырева «въ святую Русь, въ объятія непригожей матери», такъ какъ спѣшитъ сообщить пріятелю московскія новости:

«Порученій твоихъ къ Погодину я еще не выполнилъ, потому что онъ все еще въ Петербургѣ, пропалъ съ своей трагедіей (Петромъ). Онъ взялъ отпускъ на двадцать дней, просрочилъ, взялъ новый, просрочилъ и этотъ; и теперь ему внесется это въ послужной списокъ; онъ лишится года службы и пряжки за безпорочіе. Языковъ забавно повторяетъ стихъ, кажется, изъ какой-то трагедіи: «стоитъ хлопотать изъ эвтакого вздору!». Языковъ напоминаетъ мнѣ вечеръ, проведенный мною у Елагиной дня съ три тому назадъ. Тамъ были: Жуковскій, Ал. Тургеневъ, Вяземскій, Хомяковъ и пр. Разскажу тебѣ о нихъ по очереди. Жуковскаго я видѣлъ въ первый разъ (я не считаю свиданія съ нимъ въ чужихъ краяхъ—я былъ ребенкомъ); онъ говорилъ весьма мало. Толкуя со мной о Саксонской Швейцаріи, въ которой мы были въ одно время, онъ сказалъ, что «послѣ этой прогулки ему стало понятно, почему въ горахъ такъ много сказокъ о духахъ и волшебствѣ. Нигдѣ туманы такъ не живописны, какъ въ горахъ; нигдѣ въ нихъ нѣтъ столько фантазіи, какъ тамъ; они творятъ сказки; жители только переводятъ ихъ на языкъ». Еще забавно совѣтовалъ онъ Кирѣевскому не читать разбираемыхъ имъ книгъ,—стоитъ только говорить діаметрально противное «Телеграфу», и выйдетъ правда. Онъ сказалъ это по случаю двухъ рецензій въ послѣднемъ № «Телеграфа», гдѣ все говорилось навыворотъ... А. Тургеневъ—русскій медвѣдь, зимою дремлетъ и ворчитъ себѣ подъ носъ; желалъ бы видѣть его вмѣстѣ съ Баратынскимъ»...

XIII.

Пребываніе Шевырева въ Женевѣ.—Новые нападки Мельгунова на Пушкина.—Переписка князя Н. Гр. Волконскаго съ Шевыревымъ.—Отзывъ И. Кирѣевскаго о княгинѣ З. Волконской.—Отъѣздъ князя А. Волконскаго въ Варшаву.—Указъ о русскихъ подданныхъ, проживающихъ за границей.

Въ концѣ 1831 года, Шевыревъ вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ отправился въ Швейцарію для слушанія лекцій въ женевской академіи и поспѣшилъ сообщить объ этомъ Мельгунову, который торжествовалъ, узнавъ, что его пріятель рѣшился наконецъ выѣхать изъ Италіи. «Ты въ Женевѣ, насилу двинулся съ мѣста, чуть не заросъ!—восклицаетъ онъ въ письмѣ къ Шевыреву отъ 21 декабря, которое опять переполнено нападками на Пушкина [1]). Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 9 февраля 1832 года, Мельгуновъ, жалуясь на Пушкина и на общій упадокъ русской литературы, связываетъ самыя радужныя надежды съ пріѣздомъ Шевырева въ Москву. «Въ послѣдніе три года,—пишетъ онъ Шевыреву,—многое у насъ перемѣнилось, не тѣ требованія, не тѣ мнѣнія въ нашей литературѣ, настаетъ и кризисъ; это видно уже по упадку Пушкина. На него не только проходитъ мода, но онъ явно упадаетъ талантомъ; пора школы Вяземскаго проходитъ, и ни одной порядочной въ виду нѣтъ. Пріѣзжай, будь корифеемъ новой школы, начни съ теоріи и переводовъ, положи основаніе литературѣ ученой въ противоположность прежней беллетристикѣ, и наши соловьи—Хомяковъ и Языковъ, къ тебѣ пристанутъ. Въ нихъ наша надежда; прочіе же отживаютъ или же отжили свой вѣкъ; самъ Пушкинъ идетъ подъ гору, о другихъ ни слова»...

Княгиня З. Волконская, проводивъ сына въ Женеву, осталась въ Римѣ, гдѣ занималась дѣлами благотворительности, поддаваясь все болѣе и болѣе охватившему ее мистическому настроенію. Предстоящій отъѣздъ въ Россію единственнаго любимаго сына приводилъ ее въ отчаяніе, тѣмъ болѣе, что ей пришлось въ это время вести довольно непріятную переписку съ мужемъ, который по поводу разнорѣчивыхъ совѣтовъ своихъ друзей и особенно, подъ вліяніемъ матери, 80-лѣтней кн. Волконской, не всегда кстати выска-

[1]) «Мнѣ досадно,—пишетъ онъ Шевыреву въ этомъ письмѣ,—что ты хвалишь Пушкина за послѣднія его вирши. Я не говорю о Пушкинѣ, творцѣ Годунова, то былъ другой Пушкинъ. То былъ поэтъ, подававшій большія надежды и стремившійся оправдать ихъ. Теперешній Пушкинъ есть человѣкъ, остановившійся на половинѣ своего поприща и который вмѣсто того, чтобы смотрѣть прямо въ лицо Аполлону, оглядывается по сторонамъ и ищетъ другихъ божествъ для принесенія имъ въ жертву своего духа. Упалъ, упалъ Пушкинъ; и признаюсь, мнѣ весьма жаль этого. Онъ избавляетъ меня отъ труда списывать тебѣ его новыя произведенія, ибо ихъ нѣтъ»...

зывалъ женѣ свои соображенія относительно будущности ихъ сына. Такъ, одно время кн. Никита Григорьевичъ мечталъ о томъ, чтобы помѣстить сына въ Берлинскій университетъ, и писалъ объ этомъ женѣ. Затѣмъ З. А. сообщили изъ Царскаго Села, гдѣ жила ея свекровь, что престарѣлая кн. Волконская, желая имѣть при себѣ внука, настойчиво требуетъ, чтобы онъ держалъ экзаменъ при С.-Петербургскомъ университетѣ.

З. А., раздраженная такимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ, не дожидаясь письма мужа, сама написала ему о дошедшихъ до нея слухахъ и заявила, что сынъ ея, вмѣстѣ съ Шевыревымъ, явится въ Москву въ первыхъ числахъ сентября и будетъ держать экзаменъ при Московскомъ университетѣ. Кн. Волконскій безропотно покорился рѣшенію своей жены, но былъ сильно смущенъ ея гнѣвомъ, какъ видно изъ письма его отъ 17 сентября 1832 года, которое онъ написалъ Шевыреву въ Москву, вслѣдъ за извѣстіемъ объ удачномъ исходѣ первыхъ экзаменовъ А. Н. Волконскаго. «Помоги ему Богъ,— пишетъ Н. Гр.,—кончить такимъ образомъ все испытаніе. Не понимаю, по какому случаю произошла тревога въ Римѣ нащетъ его ученія. Кто-то извѣстилъ, что Александръ будетъ экзаменованъ здѣсь, а не въ Москвѣ; и жена моя безпокоилась крайне, жалуясь на матушекъ, какъ не въ свои дѣла мѣшающихся. Но сіе недѣльно, ибо было говорено семейно, такъ не объ чемъ и сѣтовать. Для вящщаго успокоенія переслалъ къ ней ваши послѣднія два письма, и полагая, что вы также переписываетесь, я надѣюсь, что она не только спокойна, но и блаженствуетъ»... Затѣмъ, въ томъ же письмѣ, Н. Гр. жалуется на «неслыханное и смѣшное безденежье, какое еще никогда съ нимъ не бывало». Но, чтобы доставить сыну возможность съѣздить въ Петербургъ и «не охладить восторга бабушки обнять внука послѣ экзамена», онъ проситъ Шевырева занять у кого нибудь 1000 рублей, съ обѣщаніемъ «отдать въ будущемъ мѣсяцѣ съ благодарностью и процентами, какіе заблагоразсудятъ»...

Неизвѣстно, исполнилъ ли Шевыревъ это порученіе, но едва ли Н. Гр. Волконскій могъ такъ скоро заплатить долгъ, потому что постоянно путался въ деньгахъ, какъ видно изъ его дальнѣйшихъ писемъ къ Шевыреву. Онъ пропускалъ сроки платежа процентовъ въ опекунскій совѣтъ и во время двухлѣтняго пребыванія А. Волконскаго въ Московскомъ университетѣ ни разу не собрался въ Москву, не смотря на восторженную любовь къ сыну, которому приписывалъ всевозможныя достоинства и постоянно расхваливалъ жену и Шевырева за его воспитаніе.

Равнымъ образомъ, кн. Волконская при всей своей привязанности къ сыну не навѣстила его въ Москвѣ, но по другимъ, несомнѣнно болѣе важнымъ, причинамъ. Весьма возможно, что тогда въѣздъ въ Россію еще не былъ разрѣшенъ ей, потому что, при ея богатствѣ и привычкѣ къ путешествіямъ, ни деньги, ни далекое разстояніе не

могли удержать ее въ Римѣ и помѣшать свиданію съ сыномъ. Съ другой стороны естественно, что въ четыре года, со времени отъѣзда кн. Волконской изъ Москвы, должно было сгладиться впечатлѣніе ея красоты, ума и душевныхъ качествъ; и окружавшее ее общество, даже друзья и поклонники, за немногими исключеніями, стали забывать ее. Литературныя произведенія З. А. появлялись тогда слишкомъ рѣдко и были настолько незначительны сами по себѣ, что не могли упрочить ея имени въ русской беллетристикѣ. Даже люди, наиболѣе привязанные къ ней, едва ли могли восхищаться такимъ слабымъ произведеніемъ, какъ, напримѣръ, стихи «Моей звѣздѣ», которые были напечатаны въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1832 годъ (Спб., 1831, стр. 167—168):

«Звѣзда моя! свѣтъ предреченныхъ дней!
«Твой путь и мой судьба сочетаваетъ;
«Твой лучъ свѣтя звучитъ въ душѣ моей,
«Въ тобѣ она завѣтное читаетъ,
«И жаръ ея, твой отблескъ вѣрный здѣсь:
«Гори, гори, не выгоритъ онъ весь» и т. д.

Къ тому же, сочиненія кн. Волконской, носившія характеръ переводовъ съ французскаго языка, уже не подходили къ требованіямъ современной русской литературы, которая, выступивъ на новый путь, принимала все болѣе и болѣе національную окраску, какъ по формѣ, такъ и содержанію. Основательное изученіе русскаго языка стало считаться обязательнымъ для русскаго писателя; незнаніе родной рѣчи казалось анахронизмомъ, отошло въ область прошлаго. Такъ И. Кирѣевскій въ своей статьѣ «о русскихъ писательницахъ» отъ 10 декабря 1833 года совсѣмъ умалчиваетъ о русскихъ сочиненіяхъ кн. З. Волконской и пишетъ о ней, какъ будто она давно сошла съ литературнаго поприща и болѣе не существуетъ для своего отечества. «У насъ,—пишетъ И. Кирѣевскій,—не говоритъ пофранцузски еще нельзя; такъ еще образовано наше общество, такъ еще необразованъ нашъ языкъ. Но, по крайней мѣрѣ, кто теперь начинаетъ писать, тотъ, конечно, начинаетъ писать порусски; и, вѣроятно, уже невозможенъ болѣе примѣръ русскаго таланта, отнятаго у Россіи французскою литературою, который возбуждаетъ въ насъ тѣмъ больше сожалѣнія, чѣмъ больше мы могли бы ожидать отъ него для нашей словесности. Не нужно договаривать, что я разумѣю здѣсь ту писательницу, которая передаетъ французской литературѣ поэтическую сторону жизни нашихъ древнихъ славянъ. И въ самомъ дѣлѣ скажите: кому дала судьба больше средствъ дѣйствовать на успѣхи изящныхъ искусствъ въ Россіи»?... [1])

Въ 1834 году молодой кн. А. Н. Волконскій, выйдя изъ Московскаго университета, отправился въ Варшаву, гдѣ, благодаря связямъ

[1]) Полное собраніе сочиненій И. Кирѣевскаго, М., 1861 г., т. I. стр. 118—119.

своихъ родителей, получилъ мѣсто въ канцеляріи фельдмаршала Паскевича. Проѣздомъ черезъ Петербургъ, онъ видѣлся съ отцомъ, который въ это время былъ сильно встревоженъ вновь вышедшимъ указомъ относительно русскихъ подданныхъ, проживающихъ за границей.

Н. Г. Волконскій по этому поводу не замедлилъ обратиться къ помощи Шевырева, какъ видно изъ слѣдующаго письма отъ 8 мая того же года: «Почтенный другъ,—писалъ Н. Г. бывшему воспитателю своего сына,—такъ какъ по высочайшему указу отъ 17 апрѣля послѣдовало положеніе для проживающихъ за границей, я считаю весьма полезнымъ къ сохраненію спокойствія моей жены принять нѣкоторыя мѣры, для ея жительства въ Италіи необходимыя. Почему я прошу васъ не замедлить доставить мнѣ описаніе всего ея имѣнія, дабы, само собою разумѣется, съ ея согласія, сдѣлать милому Александру передаточный актъ. Получа отъ васъ сіи свѣдѣнія (изложивъ актъ по формѣ), я перешлю его женѣ для подписанія и скрѣпленія въ россійскомъ посольствѣ въ Римѣ. Мнѣ кажется, что это будетъ лучшій способъ оградить ее отъ хлопотъ и устранить имѣніе отъ опеки, которая въ силу указа непремѣнно будетъ назначена. Не нужно входить ни въ какія подробности, означить просто, сколько душъ и губерніи, гдѣ онѣ находятся»...

Въ другомъ письмѣ къ Шевыреву, отъ 24 апрѣля 1835 года, кн. Волконскій выказываетъ ту же заботливость относительно служебной карьеры сына и восхищается успѣхомъ его первыхъ литературныхъ опытовъ: «Что мнѣ фельдмаршалъ про него говорилъ,—пишетъ Н. Гр.,—того разсказать не въ силахъ, но спросилъ бы его свѣтлость, почему-же онъ въ 9-мъ классѣ. Я знаю, что сынъ мой желаетъ возвыситься, и сіе стремленіе похвально въ его лѣта. Ѳ. И. Гильфердингъ, начальникъ дипломатическаго отдѣленія въ Варшавѣ, говоритъ,—что онъ скоро будетъ произведенъ... Затѣмъ нашъ общій другъ написалъ статью о рукописяхъ Т. Толля, которую Одоевскій хочетъ помѣстить въ «Современникѣ», равно и его «Разсужденіе о религіяхъ» съ письмомъ В. А. Жуковскаго; сей послѣдній изъявилъ не только похвалу, но и удивленіе, что молодой человѣкъ, воспитанный въ чужихъ краяхъ, такъ свободно владѣетъ русскимъ языкомъ»...

XIV.

Поѣздка кн. Волконской въ Петербургъ и Москву.—«Отрывокъ изъ сказанія объ Ольгѣ».—Предисловіе издателя «Московскаго Наблюдателя».—Пребываніе Гоголя въ Римѣ.—Неудачное чтеніе «Ревизора».—Живописецъ А. А. Ивановъ.—Погодинъ у кн. Волконской.—Письмо Гоголя къ кн. Вяземскому.

Въ 1836 году, З. А. Волконская посѣтила Петербургъ и Москву, чему служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ ея мистическое стихотвореніе «Четыре Ангела» (напеч. въ «Моск. Набл.», 1836 г., ч. VIII, № 1, стр. 116—117), подъ которымъ отмѣчено «Петербургъ, 1836 г.»,

Затѣмъ въ томъ же номерѣ «Московскаго Наблюдателя» помѣщено другое произведеніе кн. Волконской «Отрывокъ изъ сказанія объ Ольгѣ» (стр. 286—309) съ предисловіемъ издателя журнала, которое начинается словами: «Этимъ отрывкомъ мы обязаны сочинительницѣ, которая посѣтила снова Москву и напомнила намъ пріятное время музыкальныхъ наслажденій, коими угощала она жителей древней столицы. Отрывокъ принадлежитъ къ большому эпическому сочиненію «Сказаніе объ Ольгѣ»... Затѣмъ въ предисловіи подробно изложенъ планъ всего сочиненія (вѣроятно, со словъ кн. Волконской), а за этимъ слѣдуетъ восторженный панегирикъ его достоинствъ, особенно «со стороны глубокаго, отчетливаго изученія всевозможныхъ историческихъ источниковъ». Даже въ слогѣ авторъ предисловія находитъ «блескъ самаго избраннаго утонченнаго вкуса художницы, воспитанной въ Италіи».

Между тѣмъ, ничего подобнаго нынѣшній читатель не находитъ въ помѣщенномъ отрывкѣ «Сказанія объ Ольгѣ», написанномъ въ духѣ ложноклассическаго французскаго эпоса. Не только весь разсказъ, но и разговоры дѣйствующихъ лицъ отличаются искусственностью. Такъ, во время пріема пословъ изъ Цареграда, Олегъ хвастается своими великими подвигами; но когда дружина, возбужденная его рѣчами, требуетъ вновь войны съ греками, Олегъ ссылается на заключенный договоръ.—«А что намъ до него?—возражаетъ дружина:—киноварь начертила, а кровь смоетъ!»—хотя такой отвѣтъ едва ли возможенъ въ устахъ дружины XII вѣка. Такое же странное впечатлѣніе производитъ обращеніе Олега съ княгиней Ольгой, женой Игоря: онъ называетъ ее «Оленькой, свѣтлой радостью» и за льстивыя рѣчи гладитъ по плечу умную племянницу и пр. Представителемъ славянскаго элемента является гуслярь въ видѣ народнаго пѣвца; сѣнныя дѣвушки поютъ пѣсни и водятъ хороводы; Ольга зоветъ ихъ въ теремъ прясть ленъ. Но изображеніе огорода напоминаетъ соотвѣтствующее описаніе въ «Панѣ Тадеушѣ» Мицкевича. Въ заключеніе, кудесникъ предсказываетъ смерть Олега отъ любимаго коня, и его бросаютъ въ Волховъ.

Второй отрывокъ изъ «Сказанія объ Ольгѣ» напечатанъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» того же 1836 года (IX, стр. 308—338) и носитъ тотъ же характеръ. Здѣсь всего рельефнѣе описаніе похоронъ Олега, такъ какъ сочинительница точно придерживается арабскихъ сказаній и Геродота, хотя, въ виду смѣшенія славянскаго и скифскаго похороннаго обряда, не можетъ быть и рѣчи о соблюденіи этнографической или исторической вѣрности. При этомъ совсѣмъ неожиданно старѣйшина съ чернымъ жезломъ въ рукахъ обходитъ дворы кіевлянъ и созываетъ ихъ на печальную процессію; народъ возноситъ молитвы богу Нію и Бѣлъ-богу. Равнымъ образомъ, слогъ обоихъ отрывковъ изъ «Сказанія объ Ольгѣ» далеко не такъ изященъ, какъ находитъ авторъ вышеприведеннаго предисловія, по-

тому что едва ли можно считать особенно красивыми или поэтическими такія выраженія: «духъ Олега засорился», «они пихаютъ» «купцы таскаются по порогамъ глухоморья», «синета небесная» и т. п.

Что касается «Пѣсни о войнѣ Олега съ греками» въ первомъ и «Надгробной пѣсни славянскаго гусляра» [1]) во второмъ отрывкѣ, то ихъ можно назвать вполнѣ удачными. Но, такъ какъ по силѣ выраженія и соблюденію народнаго склада рѣчи обѣ пѣсни неизмѣримо выше всѣхъ извѣстныхъ намъ стихотвореній кн. З. Волконской, то невольно является предположеніе, что онѣ едва ли были написаны ею и, вѣроятно, принадлежатъ кому либо изъ современныхъ поэтовъ.

По возвращеніи изъ Россіи, кн. Волконская опять поселилась въ Италіи, куда вскорѣ прибылъ Н. В. Гоголь, который прожилъ въ Римѣ весну 1837 года и почти безпрерывно 1838—1839 гг. Несмотря на свое отрицательное отношеніе къ русскому великосвѣтскому обществу, Гоголь часто бывалъ у З. А. Волконской и проводилъ цѣлые часы съ нею и ея сестрой, М. А. Власовой, женщиной весьма ограниченнаго ума, хотя доброй и сердечной. «Въ эту пору,—пишетъ П. В. Анненковъ,—Гоголь былъ занятъ внутренней работой, которая началась въ немъ со втораго тома «Мертвыхъ душъ», тогда же имъ предпринятаго... Это была для него эпоха поворота мысли и направленія, связанная съ колебаніемъ воли и сужденія, чему свидѣтельствуютъ длинные часы нѣмого созерцанія, какому онъ предавался въ Римѣ. На виллѣ кн. Волконской, упиравшейся въ старый римскій водопроводъ, который служилъ ей террасой, онъ ложился спиной на аркаду «богатыхъ», какъ называлъ онъ древнихъ римлянъ, и по полусуткамъ смотрѣлъ въ голубое небо, на мертвую и великолѣпную римскую Кампанію» [2])...

Княгиня Волконская не стѣсняла свободы его дѣйствій и думъ, и когда у него являлось желаніе подѣлиться съ нею своими планами работы, онъ всегда находилъ въ ней внимательную слушательницу, способную понять малѣйшіе оттѣнки его мыслей и чувствъ. Въ ея салонѣ встрѣчалъ онъ новое для него общество артистовъ и художниковъ, и познакомился со многими русскими художниками, среди которыхъ у него явились горячіе поклонники, какъ, напримѣръ, А. А. Ивановъ, который, по свидѣтельству извѣстнаго гравера Ѳ. И. Іордана, «относился къ Гоголю съ бо́льшимъ почтеніемъ, чѣмъ всѣ,—близкимъ къ подобострастію».

Пріѣздъ наслѣдника цесаревича въ Римъ лѣтомъ 1839 года привлекъ множество гостей, особенно русскихъ. Гоголь, желая помочь

---

[1]) «Надгробная пѣсня славянскаго гусляра» была предварительно напечатана въ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» на 1832 г., Спб., 1831, стр. 86—87.

[2]) «Воспоминанія и критическіе очерки» П. В. Анненкова, Спб., 1877, стр. 195.

своему земляку, художнику Шановаленко, который находился въ самомъ бѣдственномъ положеніи, объявилъ, что будетъ читать «Ревизора» въ его пользу. Билеты были тотчасъ же разобраны, несмотря на значительную плату (по 5 скудъ). «Кн. З. Волконская,—пишетъ Іорданъ,—дала залу въ своемъ Palazzo Poli; собрались всѣ русскіе, находившіеся въ Римѣ; мы, художники, были всѣ на лицо. Ивановъ говорилъ заранѣе: «Вотъ вы увидите-съ, какъ Николай Васильевичъ прочтетъ. Это просто чудесно-съ! Никто такъ не можетъ-съ!» Съѣздъ былъ огромный. Поставили Гоголю столъ на эстрадѣ и на немъ двѣ свѣчки и стаканъ сахарной воды. Но, несмотря на яркое освѣщеніе залы и на щедрое угощеніе на княжескій ладъ чаемъ и мороженымъ, чтеніе не вызвало ни малѣйшаго аплодисмента. Гоголь читалъ вяло, съ большими разстановками; уже почти съ самаго начала и тотчасъ послѣ перваго акта, гости стали уходить одинъ за другимъ. Подконецъ, остались въ залѣ одни художники и, окруживъ Гоголя, выражали свою признательность за великодушное намѣреніе устроить вечеръ въ пользу ихъ неимущаго товарища. Гоголь былъ жестоко оскорбленъ и обиженъ и долго не могъ забыть понесенной неудачи» [1]). Одинъ Ивановъ былъ въ восторгѣ, что ему удалось видѣть «лучшаго отечественнаго писателя», читающаго свое собственное произведеніе, находилъ чтеніе превосходнымъ и этимъ объяснялъ значительный размѣръ сбора (въ 500 рублей), благодаря которому Шаповаленко могъ кончить начатую имъ копію съ картины Перуджино въ Ватиканѣ [2]).

При этомъ Ивановъ, всегда доходившій до крайности въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, почему-то относился враждебно къ кн. З. Волконской и осуждалъ ее даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она едва ли была въ чемъ либо виновата. Такъ, напримѣръ, онъ ставилъ ей въ упрекъ, что она отпустила отъ себя какого-то Владимира, сироту, воспитаннаго ею, но не оправдавшаго ея надеждъ, который вслѣдствіе этого поступилъ писцомъ къ римскому банкиру Валентини [3]).

Но изъ лицъ, близкихъ къ кн. Волконской, Ивановъ представлялъ собою едва ли не единственный примѣръ такого недружелюбнаго отношенія къ ней, потому что, по отзывамъ современниковъ, З. А. обладала особеннымъ даромъ привлекать къ себѣ всѣхъ знавшихъ ее. Она имѣла всю жизнь преданныхъ ей друзей; съ нѣкоторыми изъ нихъ вела многолѣтнюю переписку, дружба была для нея своего рода культомъ, доходившимъ почти до фетишизма. Погодинъ, посѣтившій кн. Волконскую въ Римѣ въ 1839 году, описывая ея виллу, съ умиленіемъ говоритъ о садѣ, имѣющемъ видъ

---

[1]) «Записки, Ө. И. Іордана», «Русская Старина», 1891 г., августъ, стр. 247—248. «Воспоминанія О. И. Іордана», 1880, Спб., стр. 898.

[2]) «Ал. Андр. Ивановъ». Его жизнь и переписка. 1880, Спб., стр. 137.

[3]) Ibid., стр. 42. См. письмо А. А. Иванова къ Гр. И. Лапченко весною 1834 г.

кладбища и посвященномъ памяти друзей: «Тамъ,—пишетъ онъ,—подъ сѣнью кипариса стоитъ урна въ память о Дм. Веневитиновѣ; близъ нея камень съ именемъ Н. Рожалина; въ особой кущѣ бѣлѣется мраморный бюстъ Александра I. Есть древній обломокъ, посвященный Карамзину, другой Пушкину»...[1]).

Погодинъ вмѣстѣ съ кн. Волконской ѣздилъ въ монастырь св. Георгія и съ верхней лѣстницы любовался видомъ на Римъ, затѣмъ посѣтилъ могилу дочери князя П. Вяземскаго (1817—1835), которой З. А. посвятила особое стихотвореніе [2]). О той же могилѣ писалъ Гоголь въ письмѣ къ Вяземскому отъ 25 іюня того же года: «Еще не такъ давно былъ я вмѣстѣ съ кн. З. Волконской на знакомой и близкой вашему сердцу могилѣ. Кусты розъ и кипарисы растутъ здѣсь; между ними прокрались какіе-то незнакомые два три цвѣтка. Я уважаю тѣ цвѣты, которые выростаютъ сами собою на могилѣ... Потомъ я былъ еще разъ съ однимъ москвичемъ и вновь увѣрился, что эта могила не сирота; въ Италіи нельзя быть сиротою ни живущему, ни усопшему» [3]).

XV.

Гр. Іос. Вьельгорскій.—Разсказъ В. Н. Репниной объ его послѣднихъ минутахъ.—Семейныя отношенія кн. Волконской.—Склонность кн. Н. Гр. къ римонапству.—Поѣздка кн. Волконской въ Россію и неожиданное возвращеніе въ Римъ.—Переписка съ Шевыревымъ.—Смерть кн. Н. Гр. Волконскаго.

Погодинъ встрѣтилъ много незнакомыхъ ему лицъ въ домѣ кн. Волконской и въ томъ числѣ гр. Іос. Вьельгорскаго, который «поразилъ его простотой и естественностью» манеръ и видимо пользовался общимъ расположеніемъ. Но дни его были сочтены: онъ быстро угасалъ на глазахъ своихъ друзей; картина его страданій и послѣднихъ дней удручающимъ образомъ дѣйствовала на Гоголя, который ежедневно навѣщалъ его. В. И. Шенрокъ по этому поводу передаетъ слѣдующій разсказъ со словъ В. Н. Репниной: «Когда умиралъ Іосифъ Вьельгорскій, то въ его комнатѣ былъ приглашенный кн. Волконской аббатъ Жерве; Зинаида Александрова нагнулась надъ умирающимъ и шепнула аббату: «Вотъ теперь настала удобная минута обратить его въ католичество!». Но аббатъ возразилъ ей, что въ «комнатѣ

---

1) «Жизнь и труды М. П. Погодина» Н. Барсукова, 1892 г., V, стр. 239—241. См. перечень памятниковъ съ надписями, ст. Н. О. Буслаева «Римская вилла кн. Волконской», «Вѣстникъ Европы», январь, 1896 г., стр. 29—82.

2) Стихотвореніе это, подъ заглавіемъ: «Князю П. А. Вяземскому, на смерть его дочери», напечатано въ «Московскомъ Наблюдателѣ» 1835 г., ч. II, стр. 113. «Русскій Архивъ», 1867, стр. 318.

3) «Русск. Архивъ», 1865 года, ч. VII, стр. 787—789.

умирающаго должна быть безусловная тишина и спокойствіе». Тѣмъ не менѣе З. А. что-то пошептала надъ умирающимъ и потомъ проговорила: «Я видѣла, что душа вышла изъ него католическая»,— Вьельгорскій же былъ передъ смертью такъ слабъ, что Черткова (урожденная Чернышева) вмѣстѣ съ Гоголемъ ухаживали за нимъ. Черткова собралась уѣхать, и Вьельгорскій, въ знакъ признательности къ ней за хлопоты и попеченія о немъ, умирая снялъ съ руки кольцо, чтобы передать его Чертковой. Увидя это, Волконская съ несдерживаемымъ негодованіемъ произнесла: «C'est immoral!». Она находила, что когда Вьельгорскій умиралъ, то у него не должно было остаться никакого земнаго чувства»[1]).

Сущность этого разсказа является вполнѣ правдоподобной и наглядно рисуетъ настроеніе кн. З. Волконской, уже въ это время до фанатизма увлеченной католичествомъ. Но, такъ какъ, повидимому, Репнина не присутствовала при описываемой сценѣ и передаетъ ее съ чужихъ словъ и, кромѣ того, черезъ длинный промежутокъ времени, то подробности едва ли могутъ отличаться точностью. Особенно сомнительными являются фразы, сказанныя аббатомъ и кн. Волконской, потому что даже въ томъ случаѣ, если бы Репнина передала ихъ въ качествѣ свидѣтельницы, она не могла помнить ихъ. Отдѣльныя слова и фразы остаются въ нашей памяти десятки лѣтъ только вслѣдствіе какихъ либо исключительныхъ обстоятельствъ, не говоря о передачѣ цѣлыхъ разговоровъ, которые только тогда могутъ считаться болѣе или менѣе достовѣрными, когда записаны тотчасъ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ.

Тѣмъ не менѣе, кн. Волконская, не смотря на свой фанатизмъ и мрачное мистическое настроеніе, оставалась вѣрна своимъ друзьямъ и сохранила ту же неизмѣнную привязанность къ сыну. Равнымъ образомъ, ничто не нарушало ея добрыхъ отношеній къ мужу, который былъ въ числѣ наиболѣе преданныхъ ей людей, какъ видно изъ писемъ Н. Гр. Волконскаго къ Шевыреву, гдѣ онъ постоянно сообщаетъ свѣдѣнія о З. А. и высказываетъ самую трогательную заботливость о ней. Лѣтомъ, 1835 года, Н. Гр. отправился въ Римъ и привезъ оттуда портретъ своей жены, написанный Брюлловымъ (въ 1830 г.); велѣлъ его литографировать и послалъ нѣсколько экземпляровъ въ Москву, Римъ и Варшаву. Въ 1839 году онъ опять поѣхалъ въ Римъ, и здѣсь, подъ благодатнымъ небомъ Италіи, видимо довольный судьбой, онъ окончательно предался своей страсти къ риѳмоплетству, осаждалъ Шевырева посылкой стиховъ и просьбами объ ихъ напечатаніи въ какомъ нибудь московскомъ журналѣ. Не смотря на отсутствіе таланта, кн. Н. Гр. былъ довольно высокаго мнѣнія о своихъ поэтическихъ дарованіяхъ, судя по тому, что,

[1]) «Н. В. Гоголь, пять лѣтъ жизни за границей», ст. В. И. Шенрока. «Вѣстникъ Европы», 1894 г., августъ, стр. 680—681.

прочитавъ въ «Сѣверной Пчелѣ» стихи Жуковскаго «Бородинская годовщина», онъ остался недоволенъ ими, и это «побудило его воспѣть сей день». Въ другомъ письмѣ изъ Рима онъ опять неодобрительно отзывается о Жуковскомъ и находитъ, что «его прежнія произведенія производятъ другія чувства».

Въ январѣ 1840 года, кн. Волконская отправилась въ Петербургъ черезъ Варшаву, въ надеждѣ встрѣтить тамъ своего сына, и была сильно огорчена извѣстіемъ, что онъ еще не вернулся изъ Константинополя. Она увидѣла его только черезъ пять мѣсяцевъ на обратномъ пути въ Римъ, куда она явилась совсѣмъ неожиданно, какъ видно изъ слѣдующаго письма Н. Гр. Волконскаго къ Шевыреву отъ 13-го іюня того же года: «Тороплюсь,—писалъ онъ,—передать мою неожиданную радость. Вообразите, въ день рожденія моей невѣстки Власовой, 10-го сего мѣсяца, собираясь его здѣсь мирно праздновать, я вдругъ увидѣлъ передъ собою мою жену. Не въ силахъ я вамъ описать моего восторга. Слезы покатились изъ глазъ; и я принесъ Всевышнему сердечную мою благодарность, ибо здоровье ея, благодаря Богу, весьма поправилось. Удивленіе мое было чрезвычайно; она мнѣ наскоро разсказала пребываніе свое въ Питерѣ, милости царя и царицы и ласки родственниковъ. Зная ваше сердце и участіе, которое вы берете въ моемъ семействѣ, я вамъ передаю сіи подробности, но вмѣстѣ извѣщаю и о грусти, тоже меня внезапно постигшей. Я получилъ надняхъ отъ императорскаго двора высочайшее повелѣніе возвратиться въ Россію и потому тороплюсь повиноваться. Жена хочетъ, чтобы я проѣхалъ чрезъ Урусово съ Емельяновымъ, прибылъ въ Москву и у васъ просилъ бы хоть мнѣ пріютъ, т.-е. уголокъ, боюсь вамъ причинить симъ хлопоты...».

Вслѣдъ за этимъ письмомъ кн. Волконскій отправился на родину, но черезъ годъ опять вернулся въ Италію и, пользуясь полученнымъ разрѣшеніемъ, окончательно поселился въ Римѣ. Хотя по совѣту жены онъ побывалъ въ своемъ веневскомъ имѣніи, селѣ Урусовѣ, видѣлся и бесѣдовалъ съ управляющимъ Емельяновымъ, но дѣла отъ этого не улучшились; доходы съ имѣній высылались неаккуратно, и онъ часто не могъ добиться какихъ либо объясненій по этому поводу. Въ письмѣ отъ 17—29 іюля 1841 года, онъ жаловался Шевыреву: «Если Емельяновъ неохотно берется за перо, то грѣхъ еще не великъ, но все-таки онъ обязанъ мнѣ доставлять такъ называемыя мои карманныя деньги съ величайшею рачительностью, ибо, какъ я много разъ ужъ изъявлялъ, сей доходъ сдѣлался намъ питательнымъ, а вотъ весь іюнь прошелъ, и текущій мѣсяцъ ушелъ за половину, а я еще ни полушки не получилъ, что дружески ему замѣчаю, если онъ съ вами, а нѣтъ, то прошу передать...».

Но выговоръ управляющему даже въ этой мягкой формѣ показался З. А. слишкомъ рѣзкимъ, какъ видно изъ ея приписки къ письму мужа: «Милый другъ,—писала она Шевыреву,—я посылаю это письмо къ вамъ, но съ просьбою не обижать нашего друга Емельянова этими словами князя: онъ такъ аккуратенъ, что нельзя быть болѣе. Но князь все боится, что доходъ опоздаетъ; изъ его дохода онъ платитъ только въ домѣ моемъ карету и то для того, что хочетъ самъ, а ничего болѣе; но любитъ дарить и бѣднымъ даетъ по пьястрѣ цѣлой—Александру моему приготовилъ уже 600 р. въ подарокъ... Это всегда въ немъ было; но что меня утѣшаетъ, это что онъ говорилъ про вѣчность, про Бога, ищетъ Бога Спасителя, глядитъ съ раскаяніемъ на распятіе, вообще дѣлается добрѣе и чище, я его, и всѣхъ, и себя кладу въ растворенное ребро Іисуса Христа. Ожидаю сына, благословляю его и молюсь, благословляю васъ... Скоро Александръ подъѣдетъ утѣшить меня». Въ заключеніе З. А. передаетъ поклонъ отъ l'abbé Gervet.

Одновременно съ этимъ письмомъ, кн. Волконскій послалъ въ Москву еще письмо Шевыреву, въ которомъ изъявлялъ свою радость, по поводу ожидаемаго пріѣзда любимаго сына въ Римъ: «Наконецъ,—писалъ онъ,—по шестинедѣльномъ молчаніи сына, что меня поразило, я получилъ отъ него нѣсколько строкъ; онъ выѣхалъ 9-го сего мѣсяца изъ Варшавы и прямо летитъ къ намъ; сіе письмо пришло въ самый день моего рожденія, а часъ передъ тѣмъ въ глубокой грусти я начерталъ слѣдующія мысли:

«Мнѣ минуло шестьдесятъ лѣтъ,
«И я еще на свѣтѣ,—
«Къ чему же жить, какъ уже нѣтъ
«Блаженства здѣсь въ примѣтѣ.
«Вся наша жизнь ничто, какъ плачь», и проч.

«Мысли мои теперь совсѣмъ иныя; я съ восторгомъ ожидаю ежеминутно сына-друга, чтобъ обнять его... Благодаря Богу и здѣшнему климату, здоровье моей жены возвращается. Что за воздухъ! Рай! Неужели вы не помышляете когда нибудь опять къ намъ заѣхать?...».

Но молодой кн. Волконскій не могъ долго оставаться въ Римѣ по своимъ служебнымъ обязанностямъ; срокъ его отпуска подходилъ къ концу, и Н. Гр., въ ожиданіи близкой разлуки съ сыномъ, писалъ Шевыреву 8-го сентября 1841 года: «Александръ съ нами, уменъ и любезенъ до безконечности, скоро возвращается въ Варшаву, крайне грустно! лѣта и слабость не позволяютъ мнѣ уже сказать ему: до свиданія!». Затѣмъ слѣдуютъ стихи, которые хотя и рисуютъ печальное настроеніе Н. Гр., но также неудачны, какъ и остальные его поэтическіе опыты. Стихами начинается и другое его письмо, написанное подъ впечатлѣніемъ разлуки: «Александръ покинулъ насъ въ Варшаву; жена провожаетъ его въ Ливорно; я по

слабости ногъ остаюсь на мѣстѣ... Мой сынъ прелесть! Слезно благодарю Бога за его созданіе, а жену и васъ за его образованіе...».

Равнымъ образомъ, въ своемъ послѣднемъ письмѣ отъ 14 сентября 1841 года, Н. Гр. спѣшитъ подѣлиться съ Шевыревымъ только что написанными стихами, хотя жалуется на нездоровье и, повидимому, находится въ самомъ угнетенномъ состояніи духа: «Зенеида, благодаря Бога, кое-какъ,—пишетъ онъ,—Александръ здоровъ въ Варшавѣ, я же едва передвигаюсь: такъ ослабъ ногами. Надѣюсь, что въ вашей семьѣ ничего подобнаго не существуетъ...».

Этимъ письмомъ кончается переписка кн. Волконскаго съ Шевыревымъ. Здоровье его становилось все хуже, и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что при этомъ безпомощномъ состояніи овладѣвшій имъ піэтизмъ, который приводилъ въ восхищеніе З. А., могъ только усилиться подъ ея вліяніемъ и окружавшихъ ее католическихъ монаховъ. Кн. Н. Гр. Волконскій скончался въ Римѣ въ 1844 году и погребенъ въ особомъ, устроенномъ для него склепѣ. Всѣ оставшіяся послѣ него имѣнія въ Россіи, а равно и З. А., переписанныя на имя ея сына, были до такой степени разорены безпорядочнымъ управленіемъ, что едва не поступили въ продажу съ публичнаго торга. Наконецъ З. А. Волконская, послѣ нѣсколькихъ писемъ, оставленныхъ ею безъ отвѣта, рѣшилась послать въ Россію своего бывшаго воспитанника Павея, служившаго при папскомъ дворѣ, человѣка, ей вполнѣ преданнаго. Павей отправился въ Россію, въ нѣсколько лѣтъ привелъ въ порядокъ всѣ дѣла и доходы по имѣніямъ кн. Волконскихъ и заплатилъ долги [1]).

XVI.

Свиданіе А. Муравьева съ княгиней Волконской въ Римѣ.—Успѣхъ католической пропаганды. — Ахоолапская обитель. — Русскіе іезуиты. — С. Джунковскій. — Отрывки изъ интимной корреспонденціи княгини Волконской. — Послѣдніе годы жизни.

Неизвѣстно, въ какой степени благосостояніе княгини З. А. Волконской находилось въ зависимости отъ доходовъ, получаемыхъ изъ Россіи, но, по свидѣтельству очевидцевъ въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, она славилась въ Римѣ богатствомъ и щедростью, имѣла свой дворъ прелатовъ; секретаремъ ея былъ извѣстный аббатъ Жерве, впослѣдствіи епископъ Перпиньянскій. А. Муравьевъ, посѣтивъ княгиню Волконскую въ Римѣ, въ эту пору ея жизни, засталъ ее, уже «совсѣмъ совращенную въ латинство до крайнихъ предѣловъ фанатизма и постоянно окруженную аббатами». Она ста-

---

[1]) «Воспоминанія о кн. А. Н. Волконскомъ», В. В. Ильина. См. «Русскій Архивъ», 1878 г., № 10, стр. 252.

ралась и его увлечь въ католичество. «Странно было видѣть,—пишетъ Муравьевъ,—молодаго ея воспитанника Павея, бывшаго англичанина, потомъ православнаго и католика,—камергеромъ при папскомъ дворѣ. Но еще не совершенно покинуло ее поэтическое чувство; и римская вилла княгини Волконской на древнемъ водопроводѣ Нерона по своему оригинальному устройству дышала поэзіей ея минувшаго» [1]).

Въ сороковыхъ годахъ католическая пропаганда сдѣлала особенно быстрые успѣхи. Въ числѣ другихъ причинъ не мало способствовало этому блестящее краснорѣчіе духовныхъ ораторовъ Франціи: Лакордера, аббата Дюпанлу и знаменитаго Равиньяна, происходившаго изъ старинной дворянской фамиліи, который былъ сначала адвокатомъ, затѣмъ сдѣлался іеруитомъ и былъ въ такой славѣ, что вся знать считала честью имѣть его своимъ гостемъ. Главою іезуитовъ былъ тогда генералъ Ротганъ, человѣкъ рѣдкаго ума и энергіи; онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ въ Римѣ, гдѣ его называли «чернымъ папой», по цвѣту одежды, отличавшей его отъ настоящаго папы.

Центромъ папизма служилъ іезуитскій новиціатъ Сентъ-Ашель (въ полверстѣ отъ Аміена), или «Ахеоланская обитель», какъ ее называли поступившіе туда русскіе: кн. Ив. С. Гагаринъ, Нарышкинъ, Жеребцовъ, И. М. Мартыновъ и др. Въ это время среди русской знати, на ряду съ лицами, открыто принявшими католицизмъ, было не мало тайныхъ папистовъ. Такъ князь Ѳ. Голицынъ перешелъ въ католичество, занимая должность секретаря нашего посольства въ Римѣ, купилъ тамъ палаццо Негрони и жилъ то въ Римѣ, то въ Парижѣ; въ то же время графъ Григорій Шуваловъ († 1860 г.), находясь при русскомъ дворѣ, сдѣлался тайнымъ католикомъ и монахомъ барнабитскаго ордена. Однимъ изъ его прозелитовъ былъ И. М. Мартыновъ, занимавшій нѣсколько лѣтъ должность учителя въ его домѣ.

Вопросъ о соединеніи церквей, занимавшій тогда многихъ, служилъ для іезуитовъ удобнымъ поводомъ къ совращенію въ латинство лицъ другихъ исповѣданій. Такъ случилось и съ С. Джунковскимъ, который по окончаніи курса въ Петербургскомъ университетѣ отправился за границу, съ намѣреніемъ распространять православіе между западными христіанами и опровергать невѣріе. Но Джунковскій, пріѣхавъ въ Римъ, попалъ въ руки іезуитовъ, провелъ два года въ «Ахеоланской обители», гдѣ подъ вліяніемъ своихъ соотечественниковъ, Мартынова и князя Гагарина, принялъ католичество и, переходя по ступенямъ іезуитской іерархіи, сдѣлался священникомъ [2]).

---

[1]) «Знакомство съ русскими поэтами»—А. Н. Муравьева. Кіевъ, 1871 г., стр. 13—14.

[2]) Въ 1853 году, Джунковскій переселился въ Парижъ, гдѣ его дѣятельность

Въ 1845 году Джунковскій вернулся въ Римъ, гдѣ познакомился съ княгиней Волконской и часто бывалъ въ ея домѣ. Въ это время умъ ея замкнулся въ кругѣ идей, посвященныхъ служенію Богу, идей самаго широкаго самоотреченія, смиренія и любви къ ближнему. Поддаваясь все болѣе и болѣе внушеніямъ окружавшихъ ее монаховъ и доведенная ими до состоянія піэтическаго экстаза, она была послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, расточала свои богатства на дѣйствительныя и фиктивныя нужды католической церкви, на монастыри и благотворительныя учрежденія. Но и въ эту пору, когда ея средствами располагали другіе, и она сама часто нуждалась въ деньгахъ, каждый могъ обратиться къ ней въ бѣдѣ и встрѣчалъ полную готовность помочь ему тѣмъ или другимъ способомъ [1]).

Уцѣлѣвшіе отрывки изъ интимной корреспонденціи З. А., напечатанные въ краткой біографіи, составленной А. Волконскимъ, рисуютъ наглядно ея душевное и нравственное состояніе въ этотъ послѣдній и долгій періодъ ея жизни: «Прежде чѣмъ проповѣдывать другимъ,—замѣчаетъ она,—будемъ проповѣдовать себѣ; нетерпѣніе не должно быть даже въ добрыхъ дѣлахъ... Когда мы говоримъ людямъ, живущимъ въ вихрѣ свѣта, о вещахъ пріятныхъ Богу, избѣгнемъ опасности стараться убѣдить ихъ силой словъ. Будемъ думать только о славѣ Божьей и молчать, если отвергаютъ наши истины. Будемъ просты и смиренны, не задѣвая другихъ».

На ряду съ этими афоризмами считаемъ нелишнимъ привести другой еще болѣе рельефный отрывокъ: «Я всегда была воспріимчива къ красотамъ природы,—пишетъ о себѣ З. А.,—эта склонность

приняла грандіозные размѣры. Онъ дѣлается членомъ многихъ обществъ и братствъ, участвуетъ въ духовныхъ журналахъ и пріобрѣтаетъ такую популярность среди парижскаго населенія, что бѣдные просили милостыню «au nom du père Etienne». Но, не только бѣдные, но и знать преклонялась передъ Джунковскимъ. Въ 1854 г. онъ подалъ папѣ проектъ преобразованія римской церкви и сдѣлался главою миссіи на крайнемъ сѣверѣ у эскимосовъ. Возстановивъ семь католическихъ епархій, существовавшихъ здѣсь до реформаціи, онъ получилъ отъ Рима званіе «префекта апостольскаго престола въ странахъ арктическихъ съ юрисдикціей епископской власти». Не переставая искать истины, Джунковскій рѣшилъ разорвать съ римской церковью и снова вернулся въ православіе. Въ Петербургѣ его ожидалъ самый радушный пріемъ; митрополитъ ласково встрѣтилъ его; гр. Дм. А. Толстой, въ то время оберъ-прокуроръ св. синода, въ отвѣтъ на его представленіе, въ свою очередь, посѣтилъ его (см. ст. «Русскій, одинъ изъ семнадцати іерарховъ Великобританіи» въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1866 года, №№ 144 и 162).

[1]) См. «Русская Старина» 1891 г., іюнь, стр. 587. «Записки арх. Владиміра Терлецкаго», греко-уніатскаго миссіонера, посланнаго въ Римъ, по вопросу о соединеніи церквей, который пишетъ въ 1848 году: «Я пріѣхалъ въ Римъ почти безъ копейки, да еще въ Царьградѣ задолжалъ нѣсколько сотъ піастровъ. Пріютился я при церкви, принадлежавшей прежде уніатскимъ русскимъ монахамъ... но жить было нечѣмъ. Къ счастію, княгиня Волконская, узнавъ о моемъ бѣдственномъ положеніи, предложила мнѣ давать уроки русскаго языка двумъ монахамъ итальянскимъ, преподающимъ въ учрежденномъ ею училищѣ, съ платою по 15 рублей въ мѣсяцъ. Этого было довольно, чтобы не умереть съ голоду».

не покинула меня; она приняла характеръ молитвы. Когда я слышу пѣніе птицы, я думаю о святой Розѣ, которая говорила, что это пѣніе и даже жужжаніе насѣкомыхъ ей казались гимнами Создателя. Она была права: молитва наполняетъ сумму любви къ Богу. Это лѣстница ангеловъ, идущихъ вверхъ и внизъ; Богъ въ небесахъ и нашемъ сердцѣ. А деревья, какъ не любить ихъ, они дали намъ крестъ. Крестъ это жизнь, никогда не изсякающая сила»[1]...

Эти отрывки, сами по себѣ, помимо всего, что намъ извѣстно о жизни княгини З. Волконской въ Римѣ, служатъ достаточнымъ объясненіемъ печальной эпопеи послѣднихъ лѣтъ ея жизни, которую въ общихъ чертахъ передаетъ намъ С. Джунковскій.

Онъ видѣлъ княгиню З. Волконскую въ 1862 году незадолго до ея смерти въ Римѣ. «Не смотря на свое истинно христіанское смиреніе, она жаловалась, какъ и Свѣчина въ минуты смерти, на обманы. Прелаты и монахи окончательно разорили ее. Викаріатъ Рима обобралъ ея образа за чудеса, приписываемыя имъ ея прислугой; ея домъ, все ея имущество, даже склепъ, гдѣ лежало тѣло ея мужа, продано за долги. Но ей позволили перенести гробъ ея мужа въ предназначенный для нея склепъ въ церкви св. Анастазія, гдѣ хранятся сердца папъ со времени Сикса V; и тутъ внушили ей сдѣлать слѣдующую надпись: «Склепъ для праха католиковъ изъ русскихъ княжескихъ родовъ Б.-Б. и В., которые желали, чтобы прахъ ихъ лежалъ у подножія, гдѣ погребены сердца римскихъ папъ, чтобы протестовать и загладить отъ имени всей Россіи ея величайшій грѣхъ, что она не признаетъ римскаго папу, какъ единаго главу всей церкви и намѣстника Бога на землѣ». «Вотъ, — добавляетъ Джунковскій,—если не слова, то вѣрный смыслъ надписи, которую справедливѣе было бы замѣнить тѣмъ, что папизмъ воспользовался ея доброю, благородною, но слишкомъ мечтательною душою, обобравъ всѣ ея русскія деньги и допустивъ ее умереть въ нищетѣ и жить послѣдніе годы почти на чердакѣ»[2].

Посмертное собраніе сочиненій княгини З. А. было издано за границей ея сыномъ въ двухъ томахъ, которые въ настоящее время составляютъ библіографическую рѣдкость. Первый томъ: «Oeuvres choisies de la princesse Volkonsky, née pr. Beloselsky», Paris et Carlsruhe, 1865,—которымъ мы пользовались, находится въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ и заключаетъ французскія сочиненія княгини З. Волконской. Къ этому тому приложена ея краткая біографія, составленная издателемъ, которая была напечатана въ

[1] «Oeuvres choisies de la princ. Z. Volkonsky», Paris et Carlsruhe, 1865, Préface, p. IV.

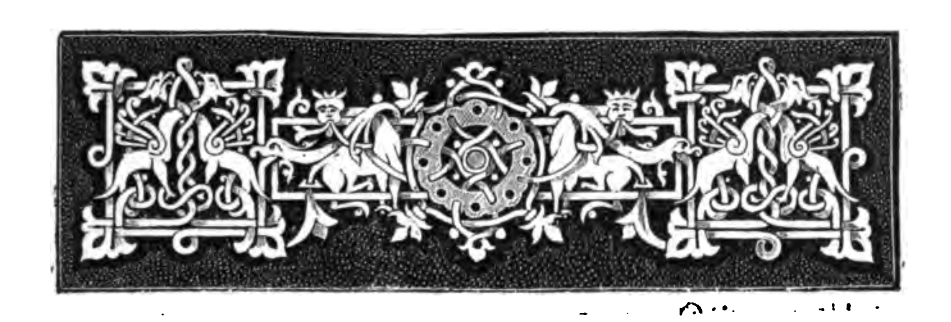
[2] «Русскій Инвалидъ», 1866 г., № 289.

извлеченіи, но съ значительными комментаріями въ «Православномъ Обозрѣніи» 1866 года (іюль, стр. 307—315). Эта же статья была перепечатана цѣликомъ въ «Кіевлянинѣ» 1866 г. (№ 97) подъ заглавіемъ: «Одна изъ русскихъ католичекъ».

Экземпляръ втораго тома подъ названіемъ: «Сочиненія княгини Зинаиды Александровны Волконской, урожденной кн. Бѣлосельской, Парижъ и Карсруэ, 1865 г.», находится въ Москвѣ, въ Чертковской библіотекѣ. Оглавленіе этого тома обязательно сообщено намъ В. И. Шенрокомъ. Здѣсь помѣщены русскія сочиненія кн. З. Волконской, напечатанныя въ русскихъ журналахъ и альманахахъ 1820 — 1830 гг.; къ этому тому приложены стихи, посвященные княгинѣ З. А. Волконской «отъ разныхъ поэтовъ».

Н. Бѣлозерская.

ВОСПОМИНАНІЯ ПАЖА.

ЕДАВНО я прочиталъ заявленіе генерала Рихтера, обращающагося ко всѣмъ, имѣющимъ въ рукахъ какой либо матеріалъ для исторіи Пажескаго корпуса, съ просьбою сообщить этотъ матеріалъ, въ виду приближенія столѣтія корпуса. Такое заявленіе побуждаетъ меня изложить въ немногихъ словахъ впечатлѣнія, которыя я сохранилъ объ этомъ, воспитавшемъ меня, заведеніи.

Время, которое я провелъ въ корпусѣ, оставило во мнѣ навсегда самыя благодарныя воспоминанія. Во главѣ корпуса стоялъ тогда всѣми любимый и уважаемый директоръ, генералъ-маіоръ Д. Х. Бушенъ. Къ сожалѣнію, при мнѣ онъ былъ всего лишь годъ, когда неумолимая смерть лишила насъ нашего любимаго начальника и, такъ сказать, второго отца. Надо пояснить, что всего Бушенъ управлялъ корпусомъ пятнадцать лѣтъ, но я поступилъ прямо въ старшіе классы, почему мнѣ и довелось всего одинъ годъ провести подъ его начальствомъ. Но и этотъ годъ оставилъ въ моей памяти симпатичный портретъ Бушена. Держалъ онъ себя чрезвычайно просто, внѣ строя не требовалъ титулованія и близко входилъ въ нужды каждаго пажа; что бы ни случилось, всякій смѣло шелъ къ нему и всегда находилъ въ немъ справедливую помощь, безпристрастный судъ и отеческое отношеніе къ молодости. Придетъ, бывало, на лекцію въ классъ; сядетъ гдѣ нибудь на задней скамейкѣ и слушаетъ

отвѣты пажей, не вмѣшиваясь и не предлагая вопросовъ; памятью онъ обладалъ по истинѣ удивительною, поэтому не мудрено, что и вечеромъ зайдетъ въ тотъ же классъ, гдѣ побывалъ утромъ, и тутъ же начинались дебаты и споры по поводу прослушаннаго утромъ. Какъ теперь вижу его, окруженнаго пажами, разговаривающимъ съ ними по поводу утреннихъ отвѣтовъ или сообщающаго имъ какую нибудь новость въ области знаній такъ увлекательно, съ такимъ жаромъ, что нельзя было его не слушать. Словомъ сказать, Бушенъ и пажи—было нѣчто неразрывное цѣлое. Понятно, что кончина такого человѣка была истиннымъ горемъ для всѣхъ пажей, и слезы ихъ были искренни. Ближайшимъ его помощникомъ и сотрудникомъ былъ инспекторъ классовъ, полковникъ Яковъ Александровичъ Дружининъ. Не сомнѣваюсь въ томъ, что въ благодарной памяти пажей имена Бушена, Дружинина и ротнаго командира полковника Петра Николаевича Анчутина такъ тѣсно связаны, что трудно говорить объ одномъ, не упоминая о другихъ. Такъ единодушно работали они, не жалѣя силъ, на пользу ввѣреннаго имъ юношества, такъ самоотверженно жертвовали своимъ здоровьемъ, что врядъ ли внѣ стѣнъ корпуса находили пажи столько сочувствія, столько искренняго чувства, сколько встрѣчали они въ этихъ трехъ любимыхъ начальникахъ.

Полковникъ Дружининъ былъ, такъ сказать, посредникъ между пажами и преподавателями. Часто чрезмѣрная строгость или даже кажущаяся несправедливость котораго нибудь изъ учителей, обстоятельство, могущее повлечь за собой неправильно поставленный баллъ, вынуждали Дружинина приходить пять-шесть разъ подъ рядъ на часы занятій одного и того же преподавателя, и только послѣ нѣсколькихъ отвѣтовъ въ его присутствіи онъ принималъ то или другое рѣшеніе, и разъ составленное имъ убѣжденіе поколебать было уже очень трудно. Какъ инспекторъ классовъ, онъ имѣлъ въ учебномъ комитетѣ едва ли не рѣшающее вліяніе. Поэтому понятно, что пажи въ его присутствіи старались не ударить лицомъ въ грязь, тѣмъ болѣе, что Яковъ Александровичъ былъ не изъ такихъ, котораго легко было удовлетворить случайнымъ хорошимъ отвѣтомъ; онъ имѣлъ обыкновеніе вступать въ самое дѣло и, будучи самъ человѣкомъ съ серьезной эрудиціей, прекрасно отличалъ искусство красно говорить отъ знанія дѣла. Кромѣ того, онъ обладалъ талантомъ и умѣньемъ весьма важнымъ: приглашать къ преподаванію лицъ, безусловно способныхъ и знающихъ. Благодаря ему, пажи имѣли возможность слушать лекціи тактики полковника Левицкаго, профессора академіи, впослѣдствіи помощника начальника штаба Дунайской арміи. Корпусъ считалъ въ числѣ своихъ преподавателей извѣстнаго ученаго по части химіи генерала Петрушевскаго; фортификацію читалъ талантливый знатокъ дѣла, военный инженеръ, полковникъ Іохеръ. Вотъ имена, стяжавшія себѣ почетную славу въ военномъ мірѣ.

Но особеннымъ расположеніемъ пажей пользовался преподаватель русской словесности Н. П. Илляшевичъ и пользовался вполнѣ заслуженно. Потому ли что онъ самъ очень любилъ свой предметъ, или потому, что обладалъ въ высшей степени даромъ слова, онъ такъ сумѣлъ заинтересовать своими лекціями, что мы всегда съ нетерпѣніемъ ожидали его появленія на каѳедрѣ. Дѣйствительно, лекціи скорѣе походили на бесѣды или на диспутъ, чѣмъ на сухое изложеніе предмета.

Въ мое время контингентъ пажей состоялъ изъ дѣтей лицъ высокопоставленныхъ и богатыхъ и изъ дѣтей, отцы которыхъ почему либо имѣли право на опредѣленіе сыновей въ пажескій корпусъ. Въ томъ и другомъ случаѣ поступленіе въ корпусъ было обставлено большими трудностями, преодолѣть которыя удавалось лишь при помощи связей. Бывали и случайныя опредѣленія въ пажескій корпусъ по особой высочайшей милости. Такъ, напримѣръ, лично я былъ опредѣленъ въ корпусъ по особому случаю, именно: родной дядя мой, со стороны матери, былъ первымъ, убитымъ въ Севастопольскую кампанію, офицеромъ. Не могу не вспомнить всего этого эпизода. Въ сраженіи подъ Инкерманомъ былъ тяжело раненъ въ ключицу штабсъ-капитанъ л.-гв. Преображенскаго полка изъ колонновожатыхъ, Георгій Ѳедоровичъ Ракѣевъ, и черезъ три дня въ жестокихъ мученіяхъ скончался отъ раны. Въ бозѣ почивающій государь Николай Павловичъ, узнавъ о смерти лично ему извѣстнаго офицера, прислалъ къ моей бабушкѣ генералъ-адъютанта Кокошкина съ выраженіемъ чувствъ соболѣзнованія. Въ разговорѣ генералъ Кокошкинъ отъ имени его величества спросилъ мою бабушку, чѣмъ государь могъ бы хотя немного облегчить ей потерю ея единственнаго сына. Бабушка отвѣчала, что у нея два внука, крестные сыновья павшаго ея сына, и что ничѣмъ инымъ такъ нельзя почтить его память, какъ доставивъ возможность и имъ, его крестникамъ, положить голову за царя и отечество. Генералъ Кокошкинъ разсказывалъ потомъ, что рыцарски-великодушный императоръ, тронутый простыми задушевными словами старушки, сказалъ:

«Я другого отвѣта и не ожидалъ отъ дочери покойнаго барона Егора Ивановича Меллеръ-Закомельскаго. Передай ей, что я цѣлую ея руку и жалую ея внуковъ моими пажами».

Надо сказать, что императоръ Николай Павловичъ съ большимъ разборомъ давалъ званіе пажа; поэтому такая царская милость цѣнилась особенно дорого. Обыкновенно же назначеніе въ пажескій корпусъ совершалось слѣдующимъ образомъ. Лицо, имѣвшее право опредѣлить дѣтей въ этотъ корпусъ, должно было подать на высочайшее имя прошеніе. Собирались тщательнѣйшія справки о происхожденіи и заслугахъ просителя, и по докладѣ государю, при благопріятномъ исходѣ, сынъ просителя зачислялся кандидатомъ паже-

скаго корпуса, что, однако, не освобождало его отъ вступительнаго экзамена. Пожалованіе же прямо въ пажи къ высочайшему двору было очень рѣдко и обезпечивало ребенку воспитаніе на казенный счетъ. Если почему нибудь пажъ высочайшаго двора не поступалъ въ пажескій корпусъ, а избиралъ другое учебное заведеніе, то и въ этомъ послѣднемъ онъ воспитывался на счетъ его величества. Вообще, доступъ въ пажескій корпусъ былъ въ то время очень труденъ. Впослѣдствіи же доступъ значительно облегчился, почему и элементы, составлявшіе контингентъ пажей, стали разнообразнѣе, а кастовая обособленность, о которой упоминаетъ Бошнякъ, сошла почти на нѣтъ. Въ мое время, на ряду съ представителемъ древнерусскаго боярства, напримѣръ, Нарышкинымъ, или громкимъ титуломъ, не диво было встрѣтить юношу съ скромной фамиліей, изъ дѣтей выслужившагося генерала. Очень понятно, что такая рознь порождала и рѣзко отличавшіяся другъ отъ друга партіи. Получившіе тщательное домашнее воспитаніе, родовитые дворяне держались особо отъ прочихъ сотоварищей, не могшихъ равняться съ ними ни воспитаніемъ, ни средствами. Такъ было въ стѣнахъ учебнаго заведенія, такъ перешло и въ жизнь. Собственно того, что принято называть товариществомъ, въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ другихъ корпусахъ военнаго вѣдомства, въ пажескомъ корпусѣ не было. Этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить, что, не смотря на вѣковое существованіе корпуса, еще не организовалось общество взаимопомощи бывшихъ пажей. Мало того: какъ въ стѣнахъ корпуса юноши происхожденія аристократическаго какъ бы сторонились отъ товарищей, не считавшихъ своихъ предковъ десятками поколѣній, и держались своимъ кружкомъ, такъ и въ жизни, и въ служебной карьерѣ, очень рѣдки случаи поддержки, оказанной пажу бывшимъ пажемъ, только въ память учебнаго заведенія; въ другихъ же привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно закрытыхъ, мы видимъ явленіе совершенно обратное.

* *

Бывали, однако, случаи, когда всякая кастовая рознь исчезала, и всѣ пажи сливались душою воедино. Такое явленіе особенно сильно давало себя замѣтить при посѣщеніи корпуса государемъ. Въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ всѣ становились товарищами по духу, всѣхъ одушевляла одна общая радость, всѣ сливались въ одинъ общій восторгъ.

Къ такому, страстно ожидаемому, событію начинали готовиться уже со второй недѣли великаго поста. Приготовленія эти заключались въ томъ, что съ одиннадцати часовъ утра одѣвались въ новыя куртки, и все блестѣло чистотой и порядкомъ. Для встрѣчи государя всегда избирался камеръ-пажъ изъ числа лично извѣстныхъ ему. Послѣднее посѣщеніе корпуса въ бозѣ почивающимъ импера-

торомъ Александромъ II навсегда запечатлѣлось у меня въ памяти. Я былъ тогда уже камеръ-пажемъ, старшаго спеціальнаго класса, т.-е. на выпускѣ въ офицеры. Это было въ 1873 году, въ среду на третьей недѣлѣ великаго поста.

Въ перемѣну между окончаніемъ классныхъ занятій и началомъ упражненій, нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ у окна, увидѣли царскія сани, въѣзжавшія на дворъ, съ Садовой улицы.

Тотчасъ же раздались крики:

«Государь, государь!»—и затѣмъ команда дежурнаго офицера поручика Даниловскаго: «строиться!».

Государь поднялся сперва въ младшій возрастъ, гдѣ еще продолжались классныя занятія. Между тѣмъ, внизу, въ помѣщеніи старшихъ классовъ, всѣ уже были въ сборѣ, два старшихъ класса, выстроенные и выровненные, съ замираніемъ сердца ожидали появленія обожаемаго царя. Но вотъ раздалась команда: «смирно», «глаза направо», и въ дверяхъ нашей залы показалась его величественная фигура; сзади него шелъ полковникъ Дружининъ и дежурный офицеръ. Въ этотъ моментъ въ другія двери вбѣжалъ покойный Бушенъ. Государь поздоровался съ пажами и милостиво подалъ руку Бушену, поцѣловавшему его въ плечо. Подойдя къ правому флангу, государь пошелъ по застывшему фронту пажей; на вопросительный его взглядъ Бушенъ сейчасъ же называлъ пажа по фамиліи. Многихъ государь узнавалъ и самъ, потому что ему случалось видѣть ихъ на высочайшихъ выходахъ и балахъ. Не рѣдко царь былъ такъ милостивъ, что, остановясь передъ кѣмъ нибудь изъ знакомыхъ ему пажей, приказывалъ передать отцу поклонъ. Я помню, что такое лестное порученіе досталось Нарышкину, бывшему фельдфебелемъ и всеобщему любимцу, теперь первому секретарю посольства въ Парижѣ, и барону Дривену, сыну извѣстнаго генералъ-адъютанта, командира гвардейской кавалеріи. Часто государь освѣдомлялся о томъ, въ какой полкъ намѣренъ выйти по окончаніи корпуса камеръ-пажъ, и давалъ совѣтъ, указывая, куда именно, по его мнѣнію, лучше; въ этомъ случаѣ указаніе его считалось за указаніе промысла Божія и всегда свято исполнялось, хотя и не было обязательнымъ.

Но вотъ государь обошелъ фронтъ и выразилъ желаніе посѣтить лазаретъ. Директоръ сопровождаетъ его туда, а пажи, лишь только государь ушелъ, стремглавъ бѣгутъ въ переднюю, и счастливъ тотъ, кому удастся хотя одной рукой держаться за шинель государя. Въ этой шинели, во внутреннемъ карманѣ, всегда находился портсигаръ кожаный съ серебрянымъ ободкомъ, всѣмъ намъ хорошо знакомый. Очень понятно, что содержимое, за исключеніемъ двухъ-трехъ папиросъ, разбиралось на память, и всѣ замирали въ ожиданіи государя. Громкое «ура» встрѣчало его появленіе; онъ подходилъ къ своей шинели, которая набрасывалась на него пажами.

Затѣмъ, съ улыбкой, которую никогда нельзя забыть, обращаясь къ пажамъ, государь спрашивалъ:

— Оставили мнѣ парочку папиросъ?

— Оставили, ваше величество!

— Ну, Богъ съ вами. Спасибо за службу.

— Рады стараться, ваше императорское величество.

— Бушенъ, отпусти ихъ на три дня.

Громкое «ура» было отвѣтомъ на эту милость и сопровождало выходъ государя. Пажи помогали ему сѣсть въ подкатившія къ подъѣзду сани, застегивали полость и, окруживъ царскія сани, бѣгомъ сопровождали царя до воротъ корпуса. Это былъ обожаемый отецъ, окруженный безпредѣльно любящими его дѣтьми.

На улицѣ восторженные крики пажей утопали въ кликахъ собравшагося народа, и долго, долго еще слышны были восторженныя привѣтствія. Нечего и говорить, что не скоро могло успокоиться взволнованное молодое сердце...

Въ этотъ же вечеръ всѣ собирались у кого нибудь изъ пажей и въ товарищескомъ кругу осушали бокалъ за здоровье обожаемаго царя.

Другое посѣщеніе императоромъ Александромъ II пажескаго корпуса оставило также неизгладимое впечатлѣніе. Это было въ 1871 году, во время болѣзни наслѣдника цесаревича. Поздоровавшись съ выстроенными пажами, государь обратился къ намъ съ слѣдующими словами:

— Дѣти, молитесь Богу за наслѣдника. Сынъ мой тяжело боленъ.

Слезы показались на глазахъ монарха.

— Тяжелое испытаніе посылаетъ мнѣ Господь. Надѣюсь только на Его милость. Молитесь, дѣти, за него, — дрожащимъ голосомъ заключилъ онъ.

Пажи плакали...

Какъ только государь оставилъ корпусъ, тотчасъ же былъ отслуженъ молебенъ о здравіи наслѣдника цесаревича, и никто изъ пажей не пожелалъ воспользоваться разрѣшеннымъ имъ отпускомъ. Всѣ были глубоко огорчены; никому не шло на умъ веселье.

Время отъ времени пріѣзжали въ корпусъ и присутствовали при отвѣтахъ пажей члены совѣта военно-учебныхъ заведеній, и изрѣдка главный начальникъ, генералъ-адъютантъ Н. В. Исаковъ. Чаще другихъ изъ числа членовъ совѣта бывалъ въ корпусѣ, давно уже умершій, генералъ В., почтенныхъ уже лѣтъ, небольшого роста; сильно близорукій и глуховатый онъ, однако, очень интересовался учебною частью и часто предлагалъ вопросы, вызывавшіе въ пажахъ веселое настроеніе. Помню я, какъ съ нимъ вышелъ курьезъ на экзаменѣ тактики. Этотъ предметъ, составляющій, такъ сказать, преддверіе стратегіи, читалъ полковникъ Левицкій, увлекавшійся самъ и увлекавшій своимъ краснорѣчіемъ слушателей. Генералу В.,

внимательно вслушивавшемуся въ отвѣтъ одного изъ лучшихъ учениковъ, вздумалось предложить ему вопросъ: во сколько времени сорока-тысячный корпусъ, расположенный въ шести-верстномъ раіонѣ, можетъ быть выстроенъ въ одну шеренгу. Отвѣчавшій пажъ былъ видимо смущенъ столь неожиданно поставленнымъ вопросомъ. Такъ какъ военная исторія, на которую постоянно ссылается тактика, подобнаго примѣра не даетъ, потому что при такомъ построеніи непріятель легко бы перебилъ всю армію, по одному человѣку, начавъ съ любого изъ фланговъ, полковникъ Левицій, видя затрудненіе пажа и желая поддержать его, спросилъ генерала:

— Позвольте, ваше превосходительство, узнать, въ какомъ сраженіи было подобное построеніе?

Въ свою очередь смутился и генералъ.

— Гдѣ именно, не помню,—отвѣчалъ онъ,—но гдѣ-то положительно было.

Другой экзаменаторъ, желая выручить попавшаго въ бѣду генерала, обращаясь къ полковнику Левицкому, сказалъ:

— При Сольферино войска Наполеона были выстроены въ одну линію побаталіонно, безъ резервовъ.

— Ну, вотъ, ну, вотъ,—обрадовался недослышавшій генералъ.— Конечно, я такъ и хотѣлъ сказать: при Монферано.

Такимъ образомъ фамилія знаменитаго зодчаго попала на экзаменъ тактики.

Вообще экзамены, а въ особенности экзамены въ старшихъ классахъ имѣли большое значеніе и обставлялись очень серьезно: почти всегда присутствовала комиссія изъ членовъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній. Но самое серьезное значеніе имѣли экзамены, обусловливавшіе переходъ изъ младшаго спеціальнаго класса въ старшій-выпускной и сопряженное съ успѣшнымъ переходомъ въ этотъ классъ производство въ камеръ-пажи, для чего надо было получить не менѣе девяти балловъ въ среднемъ выводѣ, при двѣнадцати-бальной системѣ. Удостоенный производства въ камеръ-пажи могъ считать себя обезпеченнымъ въ отношеніи выхода въ гвардію, при какомъ бы то ни было исходѣ занятій въ старшемъ спеціальномъ классѣ. Въ мое время камеръ-пажу почти что и некогда было заниматься науками особенно усердно. Камеръ-пажъ, кромѣ своей домашней внутренней службы, то-есть, дежурства по ротѣ и по лазарету, и общей фронтовой службы: разводовъ, парадовъ, несъ еще придворную службу, присутствуя при высочайшихъ балахъ, выходахъ, обѣдахъ и пр.

Если принять въ соображеніе, что нашъ выпускъ состоялъ изъ девятнадцати человѣкъ, то весьма понятно, какъ мало времени останется на ученіе, и снисходительность начальства представится очень естественною.

Въ настоящее время, на сколько мнѣ извѣстно, на учебную часть

обращено болѣе серьезное вниманіе, и выпускъ въ гвардію далеко не гарантированъ попавшему въ камеръ-пажи.

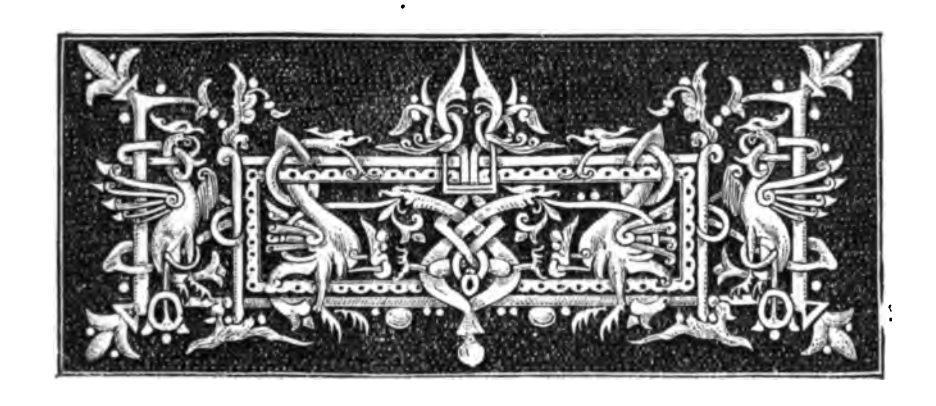
По окончаніи экзаменовъ, весною, старшіе классы уходили на практическія работы по топографіи, иначе сказать, на съемку мѣстности. Для этой цѣли обыкновенно избирался или Петергофъ или Парголово. Откровенно сказать, двѣ недѣли, назначавшіяся на это занятіе, незамѣтно проходили въ самомъ веселомъ препровожденіи времени. Участки для работы назначались небольшіе, такъ что часа въ два съ небольшимъ смѣло можно было кончить; остальная же часть дня и вечеръ были въ полномъ нашемъ распоряженіи; зоркій глазъ офицеровъ, руководившихъ съемкой, отсутствовалъ, пажи сходились въ назначенномъ мѣстѣ, и шелъ пиръ горой; впрочемъ, къ зарѣ, то-есть къ девяти часамъ вечера, всѣ были дома въ баракѣ и до поздней ночи передавали другъ другу впечатлѣнія дня.

Между съемкой и выступленіемъ въ лѣтніе лагерные сборы въ Красное Село проходило съ недѣлю, и въ началѣ іюня пажи участвовали уже въ занятіяхъ красносельскихъ войскъ. Это время было по истинѣ лихорадочнымъ. Всякій рѣшалъ, въ какой полкъ выйти; шли безконечные споры и дебаты, гдѣ лучше, гдѣ производство скорѣе, иначе сказать, не получивъ еще прапорщика, думали о капитанскомъ чинѣ; разсуждали о томъ, какой портной лучше шьетъ форму, какіе клинки для сабель лучше, и еще въ лагеряхъ у каждаго камеръ-пажа была на лицо офицерская фуражка избраннаго имъ полка, въ которой онъ щеголялъ въ свободное отъ занятій время въ шатрѣ, возбуждая зависть пажей младшаго спеціальнаго класса, которымъ еще годъ приходилось ждать этой благодати. Незамѣтно пролетали эти два мѣсяца, и наступали маневры. Какъ теперь помню, въ 1873 году маневры продолжались очень долго и затянулись до 11 августа. Нашъ отрядъ наступалъ отъ Ямбурга и имѣлъ цѣлью овладѣть Краснымъ Селомъ, которое защищалъ южный отрядъ. Недалеко отъ Ропши была назначена дневка, но вмѣсто одного дня пришлось простоять три. Погода была отчаянная; дождь лилъ какъ изъ ведра. Но въ день выступленія прояснилось; выглянуло солнышко. Мы шли усиленнымъ маршемъ, и около десяти часовъ утра произошло генеральное сраженіе, а въ одиннадцать часовъ раздались звуки отбоя. Государь позвалъ къ себѣ выпускныхъ, не заставившихъ себя ждать. Въ теченіе получаса всѣ собрались и выстроились покоемъ. Государь вошелъ въ середину и обратился къ намъ съ милостивымъ словомъ, въ которомъ благодарилъ за службу во время лагерей.

— Поздравляю васъ офицерами. Увѣренъ, что вы будете съ честью носить дарованный вамъ мундиръ и служить отечеству такъ же честно, какъ служили ваши дѣды и отцы.

Громкое «ура» восхищенныхъ пажей было отвѣтомъ на милостивыя слова царя.

Георгій Миллеръ.

ПОѢЗДКА ВЪ СТУДЕНКУ.

Ъ ІЮЛѢ минувшаго года, распоряженіемъ министерства путей сообщенія, на рѣкѣ Березинѣ были предприняты работы по углубленію русла рѣки. Въ планъ производства работъ вошло, между прочимъ, выправленіе мелей на историческомъ участкѣ рѣки, бывшемъ свидѣтелемъ переправы французской арміи въ 1812 году.

Прошло нѣкоторое время послѣ начала работъ, и постепенно стали распространяться слухи о многочисленныхъ находкахъ разныхъ предметовъ, сдѣланныхъ въ рѣкѣ близъ деревни Студенки. Какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, стоустая молва передавала разныя подробности, значительно преувеличивая значеніе и стоимость найденныхъ вещей. Разсказывали, что со дна рѣки былъ поднятъ костякъ французскаго кирасира въ полномъ вооруженіи и снаряженіи, обломокъ штандарта, цѣнная шпага, много золотыхъ монетъ и т. п.

Слухи достигли Вильны и живо заинтересовали военное общество. По предложенію начальства, я отправился на мѣсто работъ для осмотра найденныхъ вещей и выясненія на мѣстѣ тѣхъ мѣръ, которыя могли бы быть приняты для сохраненія въ цѣлости предметовъ, представляющихъ цѣнность въ военномъ и историческомъ отношеніи.

Было утро яснаго, осенняго дня, когда я пріѣхалъ въ Борисовъ. Мѣсто переправы наполеоновской арміи часто посѣщается туристами, русскими и иностранными, и я безъ затрудненія нанялъ парную бричку въ Студенку и обратно. Станція удалена около 3 верстъ отъ города. Песчаная дорога идетъ сначала широкой, немощеной улицей, выросшаго здѣсь въ послѣдніе годы съ постройкой казармъ, поселенія, затѣмъ пролегаетъ сосновымъ лѣсомъ и близъ остатковъ предмостнаго укрѣпленія на правомъ берегу Березины спускается къ мосту.

Съ горжи предмостнаго укрѣпленія открывается видъ на рѣку, городъ и возвышенности лѣваго берега. Рѣка развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ, образующихъ низменные, луговые острова, на которыхъ, какъ и въ 1812 году, пасутся стада одичалыхъ гусей. Немногое измѣнилось съ тѣхъ поръ въ этомъ отношеніи. По словамъ Бранта, одного изъ участниковъ похода, при занятіи Борисова во время движенія французской арміи къ Смоленску, кавалерія Груши и поляки вислянскаго легіона Клапареда устроили грандіозную охоту, и вечеромъ каждый солдатъ имѣлъ на вертелѣ гуся, «не смотря на то, пишетъ Брантъ, не было замѣтно значительнаго уменьшенія гусей, и когда послѣ двухдневной остановки мы выступили дальше, повсюду еще виднѣлись стада этихъ пернатыхъ».

Городокъ имѣетъ жалкій видъ, и большое каменное зданіе городского собора представляетъ рѣзкій контрастъ съ окружающими постройками. Влѣво, возвышаясь надъ городомъ, желтѣютъ поля снятой ржи. На этой, возвышенности въ пасмурный вечеръ 15-го ноября 1812 года, выстроилась дивизія Партуно, составлявшая послѣдній арьергардъ французской арміи, сосредоточившейся уже къ Студенкѣ. Не смотря на сильно порѣдѣвшіе ряды, дивизія сохранила еще порядокъ и дисциплину. Изъ тетъ-де-пона войска Чичагова отчетливо видѣли ея неподвижные темные прямоугольники, которые, казалось, прислушивались къ канонадѣ, постепенно разгоравшейся у мызы Старый Борисовъ, лежавшей на пути ея движенія.

Судьба готовила Партуно самую тяжкую участь, какая только можетъ выпасть на долю военнаго, — капитуляцію въ открытомъ полѣ. Отрѣзанная отъ пути отступленія войсками Витгенштейна, угрожаемая съ тылу казаками Платова, дивизія Партуно тщетно пыталась открыть себѣ оружіемъ дорогу и послѣ нѣсколько-часоваго отчаяннаго боя вынуждена была отступить обратно къ городу. Какія тяжелыя минуты пережилъ въ эту памятную для него ночь несчастный генералъ и его сподвижники! Окруженныя со всѣхъ сторонъ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ, истомленныя походомъ и продолжительнымъ боемъ, лишенныя отдыха и сна и, наконецъ, подавленныя ужаснымъ извѣстіемъ объ уничтоженіи мостовъ у Студенки, войска Партуно изнемогли подъ бременемъ павшихъ на нихъ испытаній и положили оружіе.

Тетъ-де-понъ и подступы къ нему поросли лѣсомъ, который

затрудняетъ ознакомленіе съ очертаніями укрѣпленій и съ прилегающей мѣстностью, служившей мѣстомъ боя 9 ноября 1812 года. Къ этому необходимо еще прибавить, что вмѣсто полусрытыхъ остатковъ тетъ-де-пона, занимавшихся поляками въ день боя, выросло въ 1813 году обширное укрѣпленіе сильной профили, валы котораго сохранились до настоящаго времени.

Я переѣхалъ на лѣвый берегъ по мосту или, вѣрнѣе сказать, по системѣ мостовъ и возвышенныхъ дамбъ, построенныхъ на низменныхъ островахъ рѣки. Общая длина переправы достигаетъ 750 шаговъ. Мосты и дамбы построены саженяхъ въ десяти ниже старой мостовой переправы 1812 года, остатки которой можно замѣтить мѣстами въ видѣ полусгнившихъ свай.

При въѣздѣ въ городъ, на островкѣ, образуемомъ протокомъ рѣки, возвышается зданіе тюрьмы. На этомъ мѣстѣ въ 1812 году существовало укрѣпленіе, построенное еще во время Сѣверной войны. Въ одномъ изъ близъ лежащихъ домовъ, вечеромъ, 13-го ноября, Наполеонъ провелъ нѣсколько часовъ въ размышленіи надъ картой. Великій полководецъ, стоявшій за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ на верху могущества и славы, въ эти минуты видѣлъ передъ собою призракъ почти неизбѣжнаго плѣна.

Изъ города въ Студенку ведутъ двѣ дороги, взаимное удаленіе которыхъ не превосходитъ версты: одна — верхняя, возвышенная, другая — нижняя, луговая. По первой двигалась въ 1812 году вся французская армія, по послѣдней — арьергардный баталіонъ дивизіи Партуно. Послѣдній въ сумеркахъ потерялъ связь съ главными силами дивизіи, уклонился влѣво и, благодаря этой случайной ошибкѣ, избѣгъ плѣна и безпрепятственно достигъ мѣста переправы.

Невольно задаешь себѣ вопросъ, какимъ образомъ арьергардъ, слѣдовавшій въ самомъ небольшомъ разстояніи отъ главныхъ силъ, не только не подвергся постигшей ихъ участи, но даже не подозрѣвалъ о неудачномъ исходѣ начатаго дивизіею боя, все время оставаясь въ убѣжденіи, что она идетъ впереди. Военная литература, относящаяся къ березинской переправѣ, оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ. Изученіе мѣстности и условій событій 15 ноября даетъ возможность съ большою вѣроятностью остановиться только на слѣдующемъ объясненіи.

Баталіонъ, повернувъ по лѣвой, болѣе короткой, дорогѣ, двигался несомнѣнно быстрѣе остальной дивизіи, составъ колонны его былъ значительно слабѣе, движеніе не затруднялось, какъ это было въ главныхъ силахъ, безоружными и отсталыми, которые при первомъ появленіи авангарда Витгенштейна устремились назадъ и буквально врывались въ ряды двигавшихся войскъ, и, наконецъ, къ болѣе быстрому движенію его побуждало весьма понятное чувство арьергарда въ тогдашнихъ условіяхъ, къ скорѣйшему возстановленію связи съ главными силами.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, баталіонъ, бывшій сначала въ хвостѣ дивизіи, долженъ былъ опередить ее. Если же затѣмъ принять во вниманіе неизбѣжную потерю времени со стороны дивизіи Партуно на развертываніе для боя и обратить вниманіе на то, что первоначальная позиція Витгенштейна преграждала лишь верхнюю дорогу и только по мѣрѣ развитія попытокъ Партуно къ прорыву была продолжена до берега рѣки, становится понятнымъ необъяснимое на первый взглядъ обстоятельство, а именно, что арьергардъ не только миновалъ позицію, занятую противникомъ, ранѣе, нежели главныя силы начали ея атаку, но успѣлъ уйти впередъ настолько, чтобы остаться чуждымъ всѣмъ перипетіямъ боя, кипѣвшаго у него въ тылу.

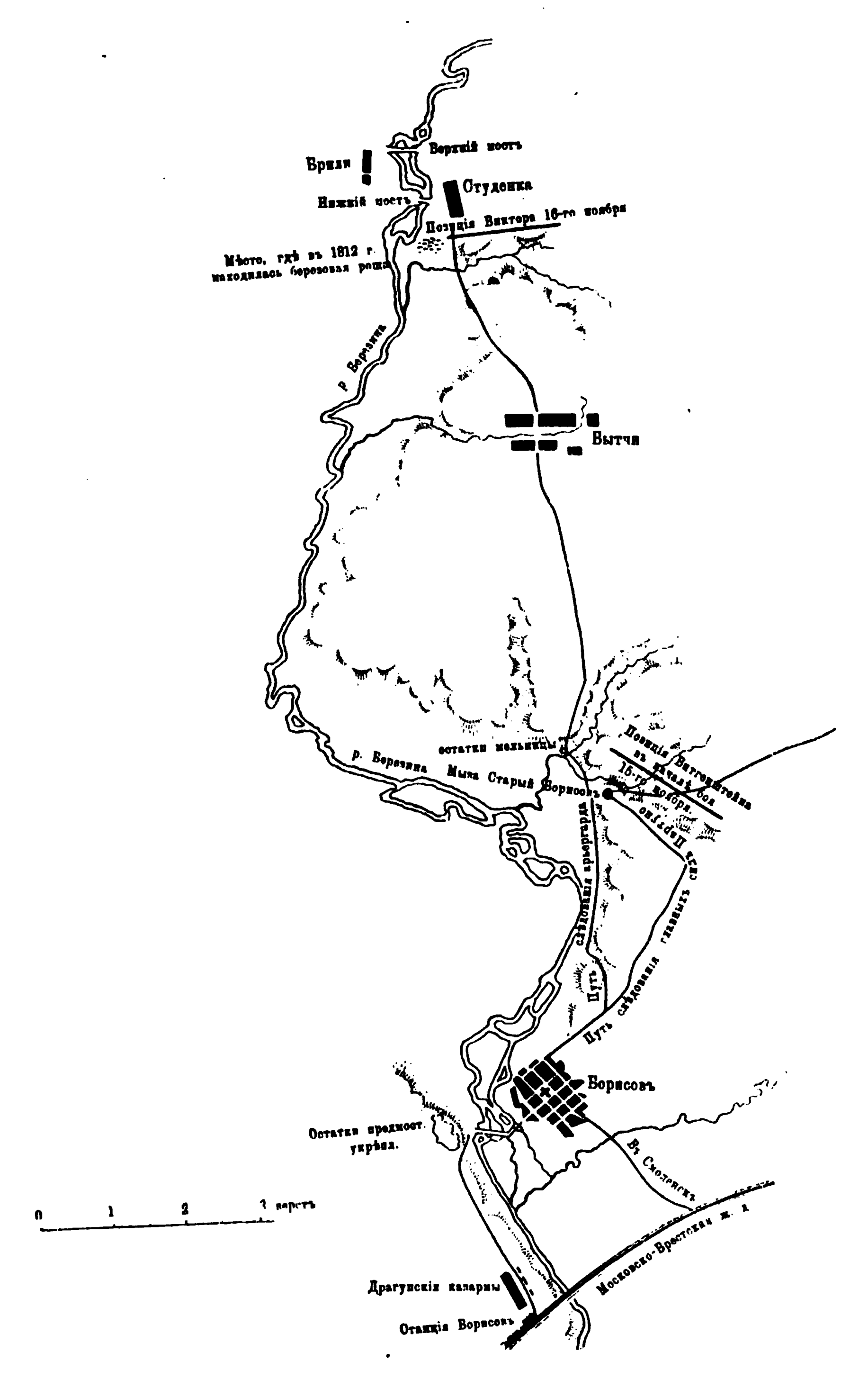
Близъ мызы Старый Борисовъ верхняя и нижняя дороги сходятся. Позиція, о которую разбились усилія Партуно, опредѣляется оврагомъ съ рѣзко очерченными и мѣстами весьма крутыми берегами. Со времени памятныхъ событій оврагъ измѣнилъ свой видъ— крупный, хотя большею частью рѣдкій, лѣсъ покрываетъ его склоны.

Ночь съ 13 на 14 ноября Наполеонъ провелъ въ Старомъ Борисовѣ. По одному изъ преданій, онъ останавливался въ деревянномъ одноэтажномъ домѣ по лѣвой сторонѣ дороги, въ которомъ, если не ошибаюсь, живетъ въ настоящее время лѣсничій. По другому преданію, здѣсь останавливалась свита Наполеона, самъ же императоръ ночевалъ напротивъ, въ домѣ, который въ настоящее время не существуетъ, и на мѣстѣ котораго въ воспоминаніе этого событія поставленъ столбъ.

Роосъ, виртембергскій медикъ, взятый въ плѣнъ на Березинѣ и проживиій болѣе года въ Борисовѣ, въ своихъ любопытныхъ воспоминаніяхъ даетъ слѣдующія указанія по этому вопросу. Наполеонъ останавливался въ домѣ барона Корсака, главноуправляющаго имѣніями князя Радзивила. Домъ былъ небольшой, деревянный; комнаты не были ни обклеены обоями, ни штукатурены. На стѣнахъ, внутри дома, еще нѣсколько мѣсяцевъ послѣ переправы черезъ Березину, сохранялись написанныя крупными буквами углемъ фамиліи приближенныхъ къ императору лицъ.

За мызой Старый Борисовъ, близъ остатковъ небольшой мельницы, короткій, но крутой, подъемъ ведетъ на плато, частью поросшее лѣсомъ, частью открытое и на которомъ почти на половинѣ пути между старымъ Борисовомъ и Студенкой расположено селеніе Бытчи. Отсюда около полуторы версты дорога идетъ лѣсомъ и близъ кирпичнаго завода выходитъ на поле сраженія 16 ноября.

Фронтъ французской позиціи, занимавшейся частями корпуса Виктора, опредѣляется ручейкомъ, притокомъ Березины, протекающимъ въ узкой, слегка болотистой, низинѣ. Гребень передняго уступа французской позиціи поросъ лѣсомъ, который закрываетъ ее въ настоящее время отъ взоровъ наблюдателя.

Верхній мостъ
Брили
Студенка
Нижній мостъ
Позиція Виктора 16-го ноября
Мѣсто, гдѣ въ 1812 г. находилась березовая роща
р. Березина
Вытча
остатки мельницы
р. Березина
Мыза Старый Борисовъ
Позиція Виттгенштейна въ началѣ боя 16-го ноября.
Партіонъ
Путь слѣдованія аріергарда
Путь слѣдованія главныхъ силъ
Борисовъ
Остатки предмост. укрѣпл.
Въ Смоленскъ
Московско-Врестская ж. д.
Драгунскія казармы
Станція Борисовъ
0 1 2 3 верстъ

Лежащія по сю сторону ручья возвышенности составляли позицію, на которой постепенно, по мѣрѣ подхода, развертывались войска Витгенштейна. Не смотря на численный перевѣсъ, намъ не удалось сломить мужественнаго сопротивленія Виктора. Наши войска въ этотъ день, однако, честно исполнили свой долгъ и дрались съ доблестью, всегда отличавшею русскаго солдата. Но, подходя по частямъ, они по частямъ вводились въ бой, безъ общей идеи, безъ общаго руководства свыше.

Весь бой состоялъ изъ ряда отдѣльныхъ, безсвязныхъ атакъ, не достигавшихъ результата, и почти до наступленія темноты упомянутый выше ручей являлся гранью, раздѣлявшею обѣ стороны. Противники нерѣдко нарушали эту границу, потому что французы, увлеченные боемъ, въ свою очередь нѣсколько разъ переходили въ наступленіе. Но участь всѣхъ частныхъ атакъ была одна неизмѣнная — съ переходомъ черезъ ручей атакующіе постепенно ослабѣвали въ своемъ стремленіи, пока встрѣчный ударъ не опрокидывалъ ихъ обратно.

Дорога пересѣкаетъ ручей по мостику и поднимается близъ кладбища на небольшой пригорокъ, съ котораго въ близкомъ разстояніи открывается деревня Студенка. Влѣво, на томъ мѣстѣ, гдѣ виднѣются низкія, но густыя поросли кустарника, въ 1812 году находилась березовая роща. Авангардъ Витгенштейна въ самомъ началѣ боя успѣлъ овладѣть на нѣкоторое время этой рощей и выдвинулъ туда артиллерію для обстрѣливанія подступовъ къ нижнему мосту. Дѣйствіе ядръ, пронизывавшихъ густую массу отсталыхъ и обозовъ, скопившуюся близъ входа на мостъ, вызвало среди обезумѣвшей толпы страшную панику, не поддающуюся никакому описанію.

Нынѣшняя Студенка выстроена на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежняя деревня, совершенно уничтоженная во время переправы. Всѣ дома, за исключеніемъ двухъ, оставленныхъ для Наполеона и Бертье, были разобраны и употреблены, какъ матеріалъ для постройки мостовъ, съ переѣздомъ же императора на правый берегъ рѣки и уцѣлѣвшіе дома были снесены и пошли на дрова.

На противоположномъ берегу, на полугорѣ, стоитъ деревня Брили. На участкѣ рѣки между Студенкой и Брили были наведены историческіе мосты, послужившіе для спасенія жалкихъ обломковъ французской арміи.

Въ дни переправы деревня Студенка и вся прилегающая мѣстность кишѣла, какъ муравейникъ, почти сплошной толпой солдатъ разныхъ націй, принадлежавшихъ ко всѣмъ полкамъ, входившимъ въ составъ великой арміи. Мѣстные жители до настоящаго времени извлекаютъ изъ земли при ежегодной вспашкѣ полей и копаніи огородовъ слѣды присутствія здѣсь французской арміи въ видѣ остатковъ вооруженія и снаряженія. Достаточно появиться пріѣзжему и

выразить желаніе пріобрѣсти что нибудь на память «о войнѣ», какъ крестьяне несутъ свои находки: ядра, пули, пуговицы (помѣстному «гузики»), разныя монеты, обломки оружія и т. п. Въ числѣ монетъ попадается довольно много монетъ XVII столѣтія, являющихся остатками болѣе отдаленнаго времени—великой Сѣверной войны.

Я не засталъ у Студенки землечерпательной машины. Покончивъ работы на мѣстѣ переправы 1812 года, она ушла вверхъ по теченію къ фольварку Веселову. По разспросамъ на мѣстѣ и собраннымъ впослѣдствіи свѣдѣніямъ, существовавшіе слухи о находкахъ, сдѣланныхъ при очисткѣ русла, оказались преувеличенными. Когда землечерпательная машина приступила къ работамъ, и былъ поднятъ верхній слой наноснаго ила, то подъ нимъ оказался значительный пластъ разложившагося пороху (около $^1/_2$ аршина толщиною). При дальнѣйшемъ опусканіи черпаковъ было извлечено: много костей людей и лошадей; принадлежности вооруженія и снаряженія въ видѣ обломковъ ружей, саблей, пикъ, касокъ, шпоръ; довольно много монетъ; двѣ иконы и лжица для причастія. Найденные предметы были опечатаны мѣстною полиціею и затѣмъ, по особому распоряженію, переданы командированному изъ Петербурга завѣдующему артиллерійскимъ музеемъ, генералу Бранденбургу.

Къ сожалѣнію, изъ словъ крестьянъ можно было заключить, что далеко не все найденное уцѣлѣло, и наиболѣе цѣнные предметы подверглись расхищенію. Мнѣ разсказывали, что золотая трубочка (по описанію можно думать, что это была печать) была куплена за 7 рублей евреемъ съ кирпичнаго завода, пара пистолетовъ пріобрѣтена однимъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, какая-то шпага была продана неизвѣстному лицу, и т. п.

Мѣстные крестьяне въ общемъ считаютъ находки, сдѣланныя при настоящихъ работахъ, ничтожными. Они указываютъ на то, что еще на ихъ памяти съ дна рѣки вылавливались предметы большей или меньшей цѣнности, и находки прекратились только лѣтъ двадцать тому назадъ, когда въ одно мелководное лѣто сплавлявшіеся съ верховьевъ рѣки плоты сѣли на мель какъ разъ на мѣстѣ бывшей переправы французской арміи. Плоты засосало пескомъ и иломъ, и такимъ образомъ образовался непроницаемый слой, прекратившій доступъ къ затонувшимъ предметамъ. Землечерпательная машина, конечно, не въ состояніи была пробить этотъ слой и, кромѣ того, по самому устройству своему могла извлекать лишь предметы относительно небольшаго размѣра.

Сколько извѣстно, работы по извлеченію изъ рѣки затонувшихъ въ ней во время переправы предметовъ, были произведены только одинъ разъ, а именно въ 1813 году. Роосъ, посѣтившій весною этого года Студенку, разсказываетъ, что онъ нашелъ на берегу Березины маіора шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній, командированнаго съ офицеромъ и командой нижнихъ чиновъ для очистки русла

рѣки. Во время производства работъ изъ воды было выловлено много сундуковъ, чемодановъ, ранцевъ, ящиковъ и т. п. Значительное число сундуковъ остались непроницаемыми для воды, и находившіяся въ нихъ вещи, даже такія, какъ одежда и бѣлье, сохранились въ полной неприкосновенности. Изъ рѣки также вытаскивали орудія и экипажи.

Маіоръ показывалъ Роосу и его спутникамъ найденное имъ въ сундукахъ и чемоданахъ серебро въ пластинкахъ и слиткахъ значительной величины и вѣса, золото и драгоцѣнные камни. «Хватило также и на его команду,—пишетъ Роосъ. Солдаты не могли удержаться, чтобы не показывать намъ, какъ свою собственность, часы, кольца, золотыя и серебреныя вещи, различныя принадлежности одежды и т. п.». Роосъ и его спутники получили при этомъ въ подарокъ на память нѣкоторые изъ найденныхъ предметовъ.

Запасы собраннаго оружія и сбруи были невѣроятны, и, не смотря на то, что большая часть ихъ должна была быть представлена правительству, евреи въ Борисовѣ дѣлали хорошіе гешефты. Окрестные помѣщики собрали огромныя коллекціи разныхъ предметовъ, купленныхъ у казаковъ и солдатъ, а также найденныхъ ихъ крѣпостными. Роосъ разсказываетъ, что, посѣтивъ барона Корсака въ Старомъ Борисовѣ, онъ нашелъ всѣ риги и сараи, наполненными разнаго рода экипажами. Корсакъ, пригласивъ Рооса въ кабинетъ, показывалъ ему составленную имъ коллекцію отборнаго оружія и, открывъ комодъ, поразилъ его множествомъ хранившихся тамъ звѣздъ и орденовъ, принадлежавшихъ почти всѣмъ участвовавшимъ въ войнѣ націямъ.

Изъ простаго, нѣсколько наивнаго разсказа Рооса видно, какое широкое поле было открыто корыстолюбію. Хищеніе, повидимому, было страшное, и большая часть найденной добычи попала въ руки не правительства, а частныхъ лицъ. Можно также думать, что обиліе вылавливаемыхъ предметовъ значительно уронило на нихъ спросъ, а слѣдовательно и цѣну. Когда же работы сдѣлались менѣе выгодными для лицъ, производившихъ ихъ, послѣднія естественно должны были стремиться закончить дѣло и воспользоваться уже сдѣланными пріобрѣтеніями. Есть поэтому извѣстныя основанія прійти къ заключенію, что далеко не все, затонувшее при переправѣ, извлечено изъ воды, и еще многіе предметы, погибшіе при переходѣ французской арміи черезъ Березину, покоятся на днѣ рѣки.

Нельзя не высказать пожеланія, чтобы были предприняты основательныя работы по изслѣдованію дна Березины близъ деревни Студенки. Особеннаго интереса въ этомъ отношеніи заслуживаетъ, конечно, мѣсто, гдѣ былъ наведенъ нижній мостъ, служившій для переправы артиллеріи и обозовъ; затѣмъ, слѣдуетъ указать мѣсто наводки верхняго моста, хотя и предназначеннаго для переправы конницы и пѣхоты, но по которому послѣ перехода войскъ было

допущено движеніе повозокъ. Наконецъ, нельзя оставить безъ вниманія дна рѣки на участкѣ между мостами, гдѣ во время паники, охватившей толпу, сначала при приближеніи авангарда Витгенштейна, а затѣмъ послѣ уничтоженія мостовъ, не только погибло много людей, но и утонула часть повозокъ. Желательно было бы также изслѣдовать дно рѣки ниже нижняго моста, куда могли быть снесены теченіемъ болѣе легкіе изъ затонувшихъ предметовъ.

В. Харкевичъ.

ИЗЪ РЕВЕЛЬСКОЙ СТАРИНЫ.

СТЛЯНДСКІЙ край, такъ много нѣкогда претерпѣвшій превратностей въ своей судьбѣ и перенесшій на себѣ бурную исторію различныхъ владычествъ, весь полонъ памятниковъ старины. Здѣсь, что ни шагъ,—воспоминаніе сѣдого прошлаго, связаннаго съ тѣмъ или другимъ историческимъ событіемъ! Свойственная населенію этого края консервативность и безотчетная любовь къ своей старинѣ содѣйствовала сохраненію здѣсь множества историческихъ памятниковъ въ почти нетронутомъ временемъ видѣ, такими, какими они были сотни лѣтъ назадъ. Проходя по любой улицѣ Ревеля, можно найти на ней что нибудь археологически примѣчательное,—какой нибудь домъ чисто средневѣковой архитектуры (хотя всѣ зданія Ревеля носятъ на себѣ до сихъ поръ вообще печать старины), удивительной рѣзьбы дверь, стариннѣйшую кирку, видавшую предъ своимъ алтаремъ Густава-Адольфа, древній дворянскій гербъ на почернѣвшей отъ времени стѣнѣ архаическаго строенія XV—XVI стотѣтія... Здѣсь все дышитъ стариной, все стоитъ почти въ томъ же видѣ, въ какомъ было при господствѣ датчанъ и шведовъ, и является интереснѣйшей кунсткамерой, мало извѣстной нашей публикѣ, плохо знакомой вообще съ исторіей нашего балтійскаго побережья.

Кой съ чѣмъ изъ ревельской старины мы и хотимъ познакомить теперь читателей.

I.

Церковь Св. Духа.—Церковь св. Олая.—Вышгородскій замокъ.—Екатеринентальскій дворецъ и паркъ.—Домикъ Петра Великаго въ Екатериненталѣ.—«Черноголовые».—Гильдія св. Канута.—Кирка св. Николая.

Церковь Св. Духа—одна изъ древнѣйшихъ лютеранскихъ церквей Ревеля. Почернѣвшія отъ времени, облупившіяся, сырыя, словно начинающія уходить въ землю, стѣны ея показываютъ наглядно древность этой исторической кирки, стоящей на углу Морской (Длинной, по мѣстнымъ названіямъ) улицы и узкаго прохода, соединяющаго ее съ сосѣднимъ съ нею шведскимъ рынкомъ.

Время постройки кирки въ точности неизвѣстно,—мѣстные археологи считаютъ его второй половиной XIII вѣка. Церковь эта была нѣкогда капеллой ревельскаго магистрата, стариннаго, въ готическомъ вкусѣ, съ высокой башней зданія, которое служитъ украшеніемъ шведскаго рынка въ Ревелѣ. Въ нее являлись прежде члены городового управленія, общники гильдій и братья «черноголовые», о которыхъ мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ, и слушали обѣдню предъ началомъ и окончаніемъ своей судейской дѣятельности, а именно въ первый вторникъ послѣ Крещенія и въ день св. Ѳомы.

Въ названной церкви находится очень интересный рѣзной иконостасъ старинной работы съ латинской надписью: «Anno domini MCCCCLXXIII deus relegavit in die penthecostes apostoles confirmant sanctum (s)piritum». Посрединѣ образъ Богоматери, съ воздѣтыми къ небу руками; ноги Пресвятой Дѣвы покоятся на подушкѣ. По обѣимъ сторонамъ—апостолы въ два ряда. На правомъ створѣ образа: св. Олай (Olaus) съ короной на головѣ, въ красныхъ сапогахъ, въ панцырѣ и подбитой голубымъ золотой мантіи; въ одной рукѣ этотъ святой держитъ аллебарду, въ другой позолоченную чашу. Онъ попираетъ чернаго дракона, съ человѣческой головой въ коронѣ,—символъ язычества. Подъ Олаемъ—св. Олавъ (Olawus), а около него св. Анна съ нагимъ младенцемъ на рукахъ, держащимъ въ одной рукѣ сосудъ и играющимъ другой съ дѣвочкой.

На лѣвомъ створѣ—св. Елисавета, держащая бѣлую кружку и тарелку съ тремя синими рыбками. Около нея—св. Викторъ, въ золотомъ панцырѣ, со щитомъ съ изображеніемъ золотого креста на красномъ полѣ; въ правой рукѣ его знамя, на головѣ трехцвѣтная повязка, а шлемъ лежитъ внизу, у ногъ.

На задней сторонѣ иконостаса четыре изображенія: омовеніе ногъ Христа Маріею Магдалиною, истязаніе Христа воинами Пилата, распятіе Его и очень странный образъ, совершенно непонятный, написанный, по всей вѣроятности, по поводу какого нибудь историческаго событія, теперь забытаго, связаннаго съ построеніемъ храма. Онъ изображаетъ крестъ на ложѣ, подъ парчевымъ цвѣтнымъ покры-

валомъ; по сторонамъ—двѣ женщины, съ бѣлыми головными накидками, а возлѣ самой постели стоитъ рыцарь въ панцырѣ и красномъ беретѣ, украшенномъ перьями; тутъ же, предъ постелью, сосудъ на скамьѣ, и двѣ кружки, а также золотой тазъ на деревянномъ треножникѣ.

Надъ каѳедрой старинные, грубовато сдѣланные, портреты Лютера и Меланхтона.

Въ Святодуховской киркѣ отправляется богослуженіе на эстонскомъ языкѣ для многочисленныхъ эстовъ Ревеля и его окрестностей.

Въ лицевой стѣнѣ кирки, надъ низенькой входной дверью, нѣсколько правѣе, вдѣланы большіе часы, съ чернымъ циферблатомъ, которые, вмѣстѣ съ часами на магистратѣ, считаются вѣрнѣйшими въ городѣ.

Интереснымъ памятникомъ древне-германской готики на остзейскомъ побережьѣ является знаменитая въ цѣлой Эстоніи кирка св. Олая, безконечный шпиль которой виднѣется подъѣзжающимъ къ Ревелю за нѣсколько верстъ до города и превышаетъ собою всѣ мѣстныя церкви.

Первоначальная высота кирки св. Олая [1]) была 84 сажени. Послѣ пожара храма, случившагося отъ удара молніи въ Петровъ день 1625 года, она равнялась 74 саженямъ, а послѣ вторичнаго пожара, также отъ молніи, въ іюнѣ 1820 года, стала лишь въ 62 сажени: при поправкахъ церкви ея верхъ постепенно уменьшали, но и такой, какимъ онъ теперь, шпиль Олая гордо высится надъ Ревелемъ и является какъ бы центромъ городского ландшафта.

Самое зданіе храма, высотою въ 17, шириною въ 16 саженъ, заканчивается строго выдержанными стрѣльчатыми сводами, покоящимися на 8 каменныхъ столбахъ. Окна—узкія, также стрѣльчатыя, готическаго типа. Хоры, висящіе надъ главной входной дверью, поддерживаются рядомъ колоннъ; на нихъ органъ замѣчательно мягкаго, но въ то же время звучнаго, тона. Время основанія церкви въ точности неизвѣстно. По преданіямъ, король Даніи Вальдемаръ II, учреждая въ 1240 году епископство въ Гарріенѣ и Вирляндѣ [2]), повелѣлъ воздвигнуть церковь во имя св. Олая, короля норвежскаго, которая была отстроена при его преемникѣ и сынѣ Эрикѣ V-мъ.

При Эрикѣ VI-мъ Глиппингѣ, церковь св. Олая была отдана со всѣми доходами своими и правами въ полное распоряженіе женскому Цистерціанскому монастырю св. Михаила [3]), на поддержаніе его, по бѣдности, что было подтверждено Эрикомъ VII-мъ въ Выборгѣ, въ концѣ XIII вѣка

[1]) Св. Олай находится на Широкой ул., вблизи морского берега; задняя сторона кирки съ Бременской капеллой выходитъ на Морскую улицу.

[2]) Гарріенъ—ревельскій уѣздъ, Вирляндъ—везенбергскій.

[3]) Женскій монастырь св. Михаила основанъ задолго до появленія Ревеля—въ 1093 г., датскимъ королемъ Эрикомъ IV Эгинодомъ, т. е. жестокимъ.

Лютеранская церковь св. Олая въ Ревелѣ.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ прежнемъ зданіи этого монастыря помѣщается въ настоящее время Николаевская гимназія, одна изъ древнѣйшихъ гимназій въ Россіи, праздновавшая 6 іюня 1881 года 250-й юбилей своего существованія, а нѣкогда монастырская церковь—теперь православный Преображенскій соборъ въ Ревелѣ, о которомъ мы скажемъ подробно впослѣдствіи. Гимназія, подъ видомъ первоначальнаго училища, была основана въ февралѣ 1631 года при шведскомъ королѣ Густавѣ-Адольфѣ, даровавшемъ для нея зданіе прежняго монастыря св. Михаила. Торжественное освященіе училища послѣдовало 6 іюня того же года.

Во время свирѣпствовавшей въ 1710 году, впродолженіе Сѣверной войны, чумы въ Эстоніи, многіе изъ учителей и учениковъ вымерли, многіе же оставили страну и уже не вернулись болѣе. Только одинъ ректоръ училища, Ю. Бремъ, оставался на своемъ посту впродолженіе всей чумы и, по окончаніи ея, собралъ новыхъ учениковъ и занялся снова преподаваніемъ.

Волею императора Александра I, въ 1805 г. училище переименовано было въ губернскую гимназію.

Въ 1843 г. домъ гимназіи былъ капитально передѣланъ, такъ что отъ прежняго монастырскаго корпуса осталась лишь актовая зала, въ былые дни служившая монастырю пріемной.

Вернемся, однако, къ церкви св. Олая.

Лютеранство, проникнувъ въ Эстляндію въ XVI вѣкѣ, не обошлось безъ свойственныхъ всякой новой религіозной идеѣ увлеченій и породило гоненіе на иконы, какъ принадлежность столь ненавистнаго реформаціи католичества съ его экспрессивнымъ культомъ. Фанатиками были разрушены алтари и образа, между прочимъ, и въ Олаевской церкви. Первая лютеранская проповѣдь была произнесена въ ней 14 сентября, день Воздвиженія Креста Господня, 1524 г.

Отъ упомянутаго выше пожара 1625 г. сильно пострадали башня церкви, ея кровля и колокола, внутренность же храма осталась почти нетронутой пламенемъ. Въ 1627 г. церковь была возобновлена, но башня вновь отстроена только къ 1657 году.

Пожаръ 1820 года имѣлъ для кирки св. Олая гораздо худшія послѣдствія. Загорѣвшись отъ удара молніи, она сгорѣла и была разрушена почти вся. Башня низвергнулась на противоположный церкви, по Широкой улицѣ, домъ и разбила его въ куски. Съ тѣхъ поръ на этомъ мѣстѣ не возводятъ новаго зданія, изъ боязни подобнаго же случая, и до настоящей минуты участокъ земли противъ главнаго фасада церкви св. Олая стоитъ незастроеннымъ. Церковная библіотека, къ счастію, уцѣлѣла. Въ настоящее время она хранится въ помѣщеніи Эстляндскаго литературнаго общества въ Ревелѣ.

Олаевская кирка была возстановлена изъ развалинъ волею императора Александра I-го, соизволившаго повелѣть, въ іюлѣ 1825 г., ремонтировать церковь на счетъ казны. Желаніе государя было

приведено въ исполненіе его августѣйшимъ братомъ, императоромъ Николаемъ Павловичемъ, назначившимъ, въ августѣ 1827 года, 500 тысячъ рублей ассигнаціями на починку церкви и, кромѣ того, въ 1835 г., еще 110.220 рублей ассигнаціями для покрытія шпиля башни мѣдными листами, на органы и скамейки.

Перестройка начата была 10 апрѣля 1828 г.; 25 іюня 1829 г., въ день рожденія государя Николая Павловича, на одной изъ башенокъ Бременской капеллы, пристроенной къ церкви св. Олая, справа отъ главнаго хода, по всей вѣроятности, въ XIV вѣкѣ,— былъ водруженъ вызолоченный крестъ и подъ нимъ вложена доска съ надписью о возобновленіи Олаевской церкви, а 26 апрѣля 1836 г. былъ поднятъ крестъ на шпиль церковной башни, въ 7 ф. 10 д. вышиною, на вызолоченномъ шарѣ, вѣсомъ въ 20 пудовъ, въ которомъ была также помѣщена запись о возстановленіи кирки. 16 іюля 1840 г. она была окончательно отдѣлана и освящена. Одинъ изъ колоколовъ Олаевской церкви отлитъ въ Валдаѣ, другой—въ самомъ Ревелѣ.

Мы сейчасъ упомянули о Бременской капеллѣ. Во внѣшней ея стѣнѣ вдѣланъ надгробный памятникъ нѣкоего Ганса Павельсона: подъ горельефнымъ изображеніемъ страстей Господнихъ лежитъ, въ углубленіи, скелетъ. Подъ плитами капеллы погребены ревельскіе губернаторы временъ шведскаго господства — Эрикъ Флеммингъ и Филиппъ Шейдингъ, бывшій президентъ Дерптскаго надворнаго суда и канцлеръ мѣстнаго университета; первый умеръ въ августѣ 1561 г., второй въ іюнѣ 1646 г.[1]).

Первое, что бросается въ глаза пріѣхавшему въ Ревель, лишь только онъ выйдетъ изъ вагона, это большая гора, или, пожалуй, правильнѣе, скалистый холмъ, расположенный прямо противъ ревельской станціи, съ крутыми, почти отвѣсными подъемами, поросшими густой зеленью. На вершинѣ виднѣются дома и высится башня кирки.

Это—такъ называемый Вышгородъ, прежнее гнѣздо средневѣковаго рыцарства, оплотъ меченосцевъ, датскаго и шведскаго владычества и нѣмецкихъ пришельцевъ-бароновъ, поработившихъ мѣстное населеніе эстонскаго побережья.

Укрѣпленная, по преданію, эстами, оборонявшимися отъ Канута VI датскаго, вышгородская скала перешла затѣмъ въ руки меченосцевъ, обратившихъ, при учредителѣ ордена—рижскомъ епископѣ Альбертѣ Апельдернѣ, свое «просвѣтительное» оружіе на эстонцевъ язычниковъ, а далѣе была завоевана приглашеннымъ

---

[1]) Записка о Ревелѣ, не предназначенная къ продажѣ, составленная А. П. Роговичемъ въ 1886 г.

самимъ же орденомъ на помощь противъ эстонской чуди и Новгорода датскимъ конунгомъ Вальдемаромъ II, издавна замышлявшимъ покореніе Эстоніи и воспользовавшимся удобнымъ случаемъ, чтобы осуществить свои замыслы [1]).

Это было въ іюлѣ 1219 года, и тогда же названный король озаботился объ устройствѣ прочной крѣпости на мѣстѣ прежняго становища эстовъ на скалѣ Линданисса, называемой нынѣ Вышгородомъ.

Вовобновленіе собственно вышгородскаго замка относится къ 1227 году, когда Эстонія вновь подпала подъ власть Ордена, отвоевавшаго ее у неуспѣвшаго удержать эту землю въ своихъ рукахъ Вальдемара II-го, который потерпѣлъ къ тому же въ этомъ году при Бернгевѣдѣ, въ Шлезвигѣ, пораженіе отъ Адольфа IV голштинскаго, слѣдствіемъ чего была потеря датчанами ихъ германскихъ владѣній.

Выстроенный по образцу всѣхъ вообще средневѣковыхъ замковъ ревельскій замокъ былъ окруженъ башнями и глубокими рвами.

Когда превратности капризной судьбы отдали, въ 1347 г., Эстонію опять въ руки датчанъ, замокъ служилъ резиденціей датскихъ намѣстниковъ—фохтовъ.

Въ августѣ того же года орденъ, при гросмейстерѣ Дуземерѣ, купилъ [2]) у Вальдемара III-го области Гарріенъ, Вирландъ и Альтентакенъ [3]) и такимъ образомъ Вышгородъ снова перешелъ къ ливонскимъ рыцарямъ.

Слабость ордена, внутренніе раздоры дворянства, постоянныя неудачи рыцарей въ борьбѣ съ внѣшними врагами и упадокъ торговаго значенія Ревеля, бывшаго въ XV столѣтіи однимъ изъ крупныхъ центровъ Ганзейскаго союза,—все это, вмѣстѣ взятое, отдало Эстонію во власть Швеціи: 6 іюня 1561 г., мѣстное дворянство покорилось шведскому королю Эрику XIV-му. Комптуръ (представитель) Ливонскаго ордена, Ольденбогенъ, отказался, однако, сдать замокъ шведамъ, и крѣпость Вышгородъ была взята послѣ осады шведскимъ генераломъ Горномъ.

Съ этихъ поръ по 1710 г. въ замкѣ жили шведскіе генералъ-губернаторы.

Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что въ теченіе этого періода Ревель два раза подвергался нашествію русскихъ войскъ, во время ливонскихъ войнъ царя Іоанна Грознаго со Швеціей, а именно—городъ вытерпѣлъ осаду въ 1570—1571 г., длившуюся семь съ половиною мѣсяцевъ, и въ 1577 г. При этой второй осадѣ сгорѣлъ древній католическій монастырь Бригитокъ [4]), развалины котораго и по

---

[1]) Arbusow, Grundriss der Geschichte Liv—, Esth.—und Kurlands.

[2]) За 19 тысячъ серебрян. марокъ кельнскаго вѣса.

[3]) Альтентакенъ—участокъ Везенбергскаго уѣзда.

[4]) О монастырѣ Бригитокъ см. Album Esthländischer Ansichten von Wilhelm Stavenhagen.

Вышгородскій замокъ.

настоящее время живописно рисуются на морскомъ берегу, близъ Копа. Монастырь этотъ построенъ епископомъ Икскюлемъ въ XV в.; одною изъ послѣднихъ аббатисъ его была представительница этого стариннаго и очень извѣстнаго въ Эстляндіи рода, владѣющаго понынѣ большими землями въ Гапсальскомъ и Вейсенштейнскомъ уѣздахъ.

Изъ камней разрушеннаго аббатства осаждавшіе дѣлали ядра и стрѣляли ими въ крѣпость. Нѣкоторыя изъ нихъ и посейчасъ можно видѣть въ стѣнѣ одной изъ вышгородскихъ башенъ.

Въ сентябрѣ 1710 г. Эстляндія была присоединена къ Россіи Петромъ I-мъ, а съ нею склонилась предъ русскимъ двухглавымъ орломъ и крѣпость Ревель съ ея замкомъ.

Швеція дважды пыталась, но безуспѣшно, вернуть себѣ Эстляндію. 2-го мая 1790 г., шведскій флотъ былъ разбитъ въ виду Ревеля нашимъ знаменитымъ адмираломъ Чичаговымъ; также неудачна была для шведовъ и послѣдняя шведско-русская кампанія 1809 года.

Въ 1854—1855 гг. Ревель и Эстонское поморье выдержали блокаду англо-французскаго флота.

Вышгородскій замокъ, сильно пострадавшій во время военныхъ дѣйствій и пришедшій мало-по-малу въ упадокъ, былъ заново ремонтированъ и возстановленъ императрицею Екатериною II. Его теперешній фасадъ въ чисто современномъ вкусѣ не даетъ, конечно, никакого понятія о его прежней готически-рыцарской физіономіи. Окружавшіе его рвы давно засыпаны и поросли травою, башни полуразвалились и грустно стоятъ, поросшія мхомъ, какъ не успѣвшія еще скрыться тѣни давно минувшей боевой и поэтической старины. Одна лишь старая сторожевая башня, носящая названіе «башни Германа» (der lange Hermann), высится до сихъ поръ, почти не тронутая временемъ, перенося насъ мыслію въ туманную даль прибалтійской исторіи. Въ день тезоименитства, нынѣ въ Бозѣ почивающаго императора Александра Александровича, 30 августа 1885 г., при эстляндскомъ губернаторѣ князѣ С. В. Шаховскомъ, нынѣ покойномъ, надъ башней Германа взвился впервые русскій національный флагъ.

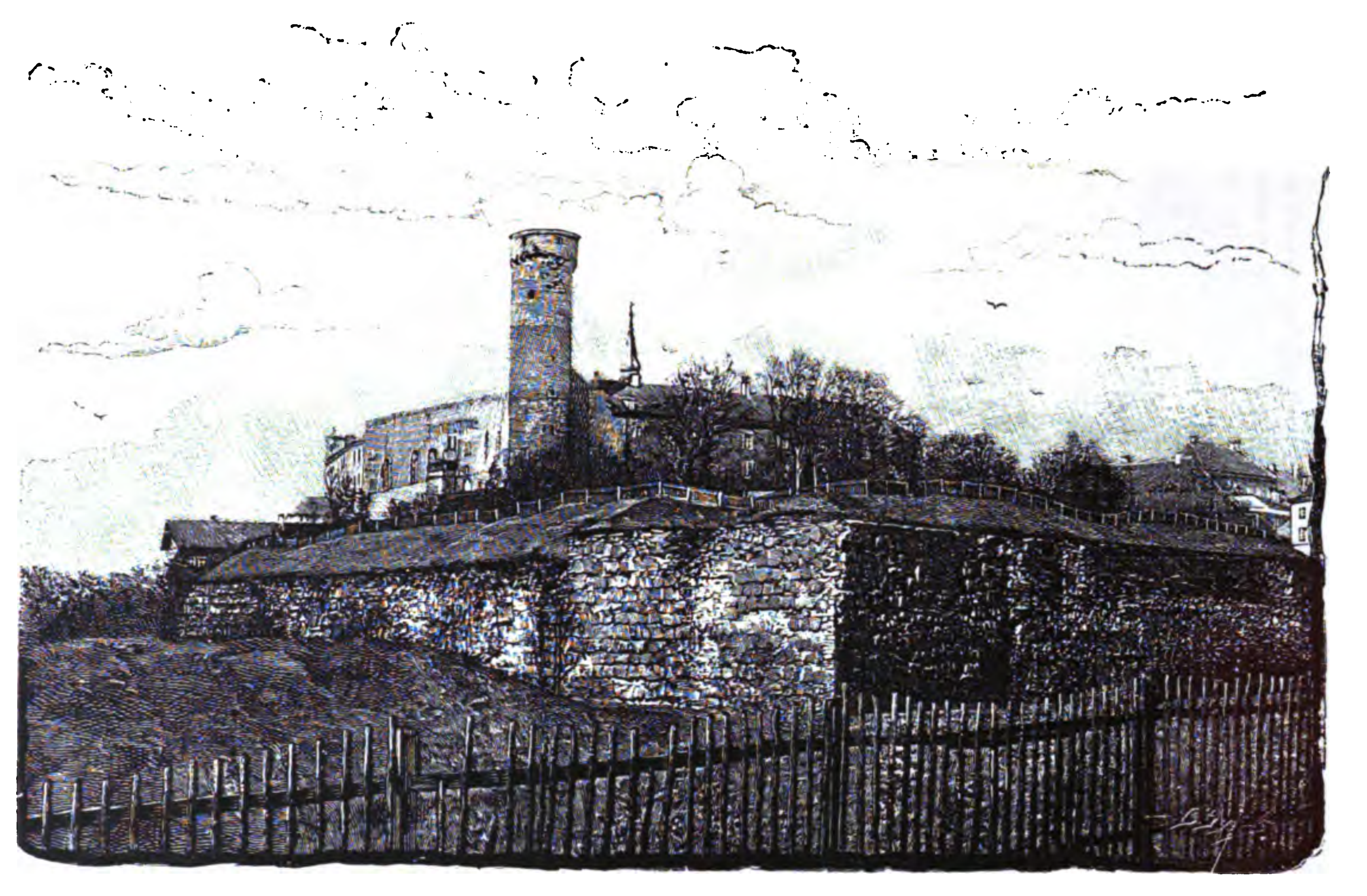
Въ 1792 г. вышгородскій замокъ былъ отданъ эстляндскимъ дворянствомъ въ казну.

Въ 1808 г. былъ пристроенъ правый надворный флигель замка.

Въ 1847 г. на средства эстляндскаго дворянства надстроенъ третій этажъ находящейся въ замкѣ тюрьмы, съ одиночными камерами, а въ 1874 г. перестроенъ восточный тюремный флигель.

Въ замкѣ помѣщается въ настоящее время большая часть присутственныхъ мѣстъ, квартира губернатора и, въ особомъ флигелѣ, вышгородская тюрьма.

На прилагаемомъ рисункѣ замка, предъ нимъ изображенъ скверъ, занимавшій нѣкогда средину вышгородской площади. Теперь этотъ

Башня Германа въ Ревелѣ.

скверъ болѣе уже не существуетъ, и на мѣстѣ его будетъ воздвигнутъ православный соборъ. Къ работамъ по его сооруженію уже приступлено. Освященіе мѣста будущаго храма состоялось 30 августа 1893 года.

Возникновеніе находящагося вблизи Ревеля, въ его предмѣстьѣ Екатериненталѣ, дворца съ окружающимъ его паркомъ относится къ 1718 году и всецѣло связано съ дорогимъ для русскихъ именемъ Великаго Петра.

Вскорѣ по присоединеніи Эстляндіи къ Россіи, въ 1710 г., Петръ, часто бывавшій въ Ревелѣ, гдѣ, по его приказанію, было приступлено къ устройству купеческой и торговой гаваней, озаботился разведеніемъ рощи на пустынномъ, уныломъ морскомъ берегу и повелѣлъ соорудить дворецъ вблизи моря.

Въ 1719 году, Петръ, пріѣхавъ съ флотомъ въ Ревель, осматривалъ строившійся, подъ наблюденіемъ итальянскаго архитектора Микетти, дворецъ и, вбѣжавъ на лѣса, собственной рукою вдѣлалъ въ стѣну три кирпича, которые, въ память о великомъ царѣ, всегда остаются не забѣленными и видны по сіе время.

Дворцовый садъ былъ украшенъ водопадами, бассейнами и каналами, вода въ которые проведена была изъ Ервекюльскаго (Бумажнаго) озера чрезъ выписанныя изъ Англіи чугунныя трубы, отправленныя впослѣдствіи, по распоряженію императрицы Анны Іоанновны, въ Петергофъ, для гидравлическихъ работъ тамошняго дворцоваго парка.

Когда постройка дворца и устройство сада были вполнѣ окончены, Петръ прикупилъ нѣсколько крупныхъ земельныхъ участковъ подъ Ревелемъ, какъ, напр., Пеннингбергъ, Аррокюль, Костиферъ и др., и все это мѣсто, стоимостью въ три съ половиною милліона рублей, назначилъ въ удѣлъ супругѣ своей императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, назвавъ въ честь ея Екатериненталемъ.

Екатерина I, однако, ни разу не посѣтила своего живописнаго помѣстья послѣ смерти царственнаго супруга.

При императрицѣ Аннѣ дворцовый паркъ былъ лишенъ своихъ водяныхъ затѣй, а принадлежавшіе Екатериненталю участки земли частью раздарены придворнымъ любимцамъ, частью же проданы, при императрицѣ Елисаветѣ, такъ что теперь къ Екатеринентальскому дворцу принадлежитъ лишь паркъ и нѣсколько полей.

Во время пребыванія своего въ Екатериненталѣ, въ іюлѣ 1746 г., императрица Елисавета Петровна подписала, 20-го числа этого мѣсяца, оборонительный договоръ съ австрійской императрицей Маріей-Терезіей, послужившій причиной знаменитой Семилѣтней войны.

Въ бытность императрицы Екатерины II въ Ревелѣ, вскорѣ по вступленіи ея на престолъ, для подъема на гору Лаксбергъ (поэстонски Lageda mae, т. е. плоская гора), въ Екатериненталѣ, съ которой

Екатеринентальскій дворецъ въ Ревелѣ.

открывается дивный видъ на городъ, была устроена широкая каменная лѣстница, существующая и понынѣ.

Мы приберегли къ концу этой главы интереснѣйшую достопримѣчательность Екатеринентальскаго парка — уединенно стоящій у подножья Лаксберга, въ концѣ сада, каменный низенькій, простой архитектуры домикъ великаго русскаго преобразователя, царя-труженика, положившаго основаніе и самому Екатериненталю.

Мы говоримъ объ историческомъ домикѣ Петра Великаго, находящемся въ верхнемъ паркѣ, по прямой линіи отъ задней стороны дворца по направленію къ Лаксбергу.

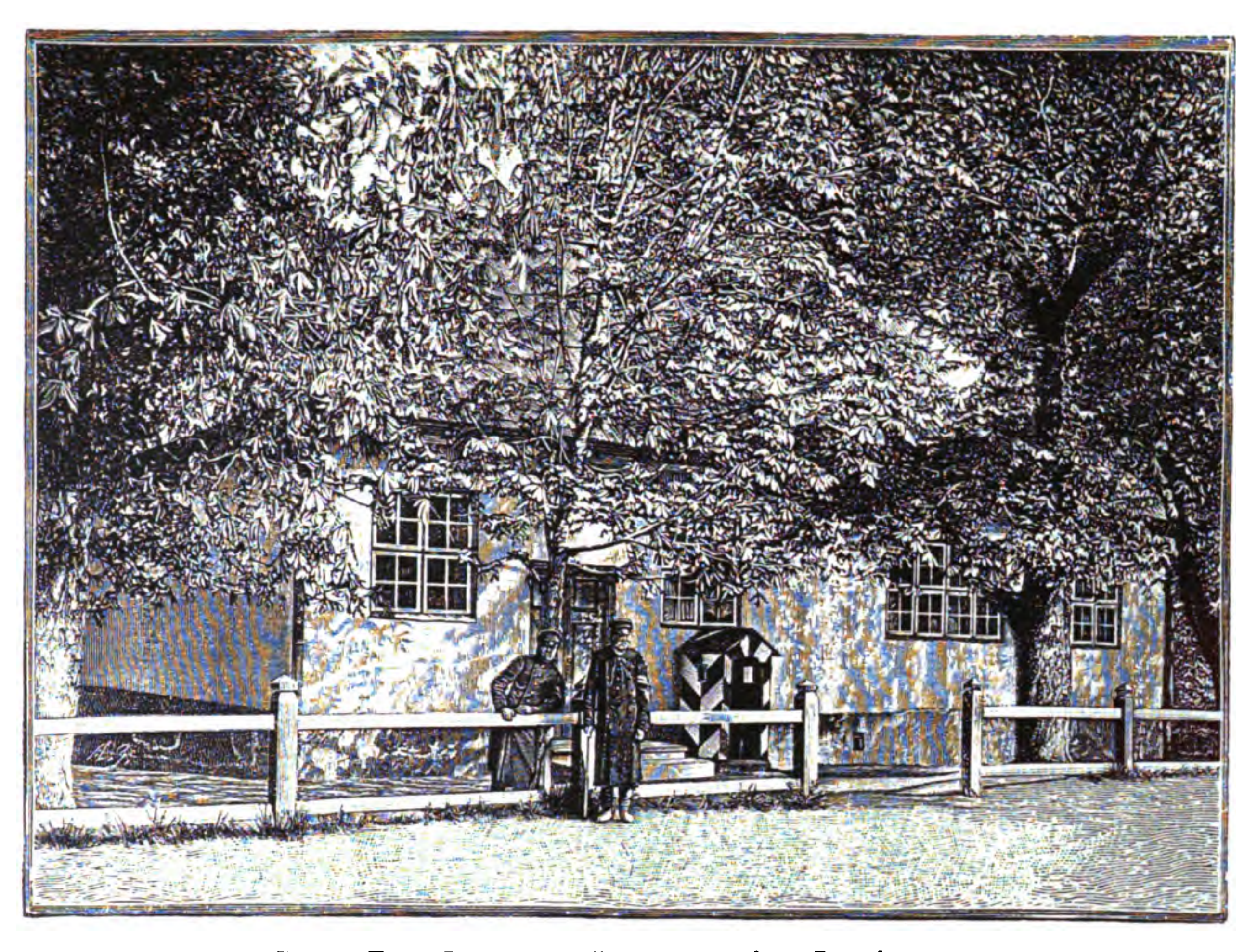
Домикъ, очень скромный снаружи, еще проще внутри. Внизу маленькая кухня съ большой русской печью, большая сравнительно рабочая-пріемная комната, въ которой стоятъ стариннаго фасона, съ выдвижными ящиками, бюро Петра и Екатерины и висятъ потускнѣвшія отъ времени круглыя зеркала въ золоченыхъ рамахъ, и небольшая спальня съ низенькой широкой кроватью. Наверху—узенькая столовая съ длиннымъ дубовымъ столомъ того времени и массивными, обитыми обветшалой уже теперь кожей, стульями. Невдалекѣ отъ домика небольшая деревянная баня.

Въ этомъ домикѣ живалъ царственный работникъ въ первое время по завоеваніи Эстляндіи, наблюдая за устройствомъ ревельскаго порта.

По приказанію императора Александра І-го, Петровскій домикъ былъ ремонтированъ и съ тѣхъ поръ содержится въ порядкѣ и чистотѣ. При немъ неотлучно находится сторожъ, впускающій въ него желающихъ осмотрѣть его внутри.

Намъ остается прибавить, что Екатеринентальскій паркъ можно признать лучшимъ изъ дворцовыхъ парковъ сѣвера Россіи. Вдоль морского берега тянется густой паркъ-роща съ вѣковыми кленами и могучими дубами, маня прихотливо извивающимися дорожками и живописными уголками, откуда открывается видъ на море, то гладкое, словно стекло, то бурливое и грозно шумящее прибоемъ. Ни Павловскій, ни Царскосельскій парки не могутъ сравниться по красотѣ съ Екатеринентальскимъ, а Петергофскій беретъ верхъ искусственными затѣями, тогда какъ насажденный велѣніемъ Петра садъ Екатериненталя привлекаетъ къ себѣ красотой самой природы.

До какой степени наша балтійская окраина мало мѣняется съ теченіемъ времени, упорно сохраняя свою прежнюю физіономію и старинный складъ средневѣковаго строя, можетъ вполнѣ ясно сознавать лишь тотъ, кто пожилъ ея жизнью, присмотрѣлся къ ея нравамъ, надышался самымъ воздухомъ остзейскаго поморья. Здѣсь все неизмѣнно то же, что было столѣтія назадъ, почти безъ всякихъ перемѣнъ, ревниво, благоговѣйно оберегаемое, какъ святыня, почти въ тѣхъ же внѣшнихъ формахъ, какъ то было въ сѣдую старину. Культура коснулась этого характернаго края лишь односторонне.

Домикъ Петра Великаго въ Екатеринталѣ въ Ревелѣ.

Просвѣщеніе наложило на все внѣшній лоскъ, не успѣвъ проникнуть до самыхъ корней и основъ мѣстной жизни, и теперь, наканунѣ XX столѣтія, вы можете встрѣтить здѣсь, среди мѣстныхъ бароновъ, тѣ же взгляды, тѣ же понятія, тѣ же предразсудки, какіе царили въ этой замкнутой кастѣ въ эпоху ордена меченосцевъ. Эта незыблемость внутренней жизни гармонируетъ съ неизмѣняемостью и внѣшняго вида здѣшнихъ поселеній, обычаевъ и порядковъ, сохраняющихся здѣсь со времени шведскаго и датскаго владычества и господства рыцарей, подобно тому, какъ въ консервативной Англіи живутъ понынѣ не только самыя законодательныя установленія и кастовыя привилегіи, но и самые обычаи годовъ Вильгельма Завоевателя и Іоанна Безземельнаго.

Такъ, въ Ревелѣ, главномъ городѣ Эстляндской губерніи, или Эстоніи, сохранившемся по настоящее время во многомъ въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ при датскомъ конунгѣ Вальдемарѣ II, въ началѣ XIII столѣтія, доселѣ существуютъ двѣ старинныя общины, утратившія нынѣ всякое внутреннее значеніе и учрежденныя одна въ XIV-мъ, другая въ XIII-мъ вѣкѣ.

Мы говоримъ о братствѣ черноголовыхъ и о гильдіи св. Канута,—археологическихъ остаткахъ отдаленнѣйшаго прошлаго, неукоснительно оберегаемыхъ понынѣ мѣстной жизнью и являющихся краснорѣчивымъ подтвержденіемъ сейчасъ сказаннаго нами и косности нашихъ нѣмецкихъ окраинъ.

Братство черноголовыхъ пріурочиваетъ свое возникновеніе къ дню св. Георгія—23-го апрѣля 1343 года. Въ этотъ день эсты осадили Ревель, Линданиссе, поэстонски, пытаясь отвоевать его у рыцарей Ливонскаго ордена. Въ числѣ защитниковъ города были купцы, изъ которыхъ магистръ ордена, Бернгардъ Дрейлевенъ, образовалъ особую вооруженную дружину, выработавшую впослѣдствіи свой особый уставъ. Дружинники должны были быть готовыми охранять городъ въ военное время, а въ мирное время обучались воинскимъ пріемамъ и составляли почетную стражу магистра ордена. Братство это, состоя изъ купцовъ и нося въ то же время полувоенный характеръ, очень возбуждало противъ себя мѣстное дворянство, оспаривавшее у дружинниковъ право носить оружіе,—привилегію дворянства. Не разъ между дворянствомъ и черноголовыми происходили кровавыя стычки. Братство отвоевало, однако, себѣ право существованія, и оно было подтверждено за черноголовыми послѣдними магистрами Ливонскаго ордена, Фюрстенбергомъ и Кетлеромъ, въ XVI столѣтіи. Впослѣдствіи, оно было утверждено за братствомъ и императоромъ Петромъ I-мъ, въ маѣ 1721 года.

Черноголовые братья были весьма полезны городу, отличаясь храбростью и твердымъ исполненіемъ устава, требовавшаго отъ нихъ качествъ рыцаря: послушанія, преданности религіи и нравственныхъ качествъ. Братья участвовали въ защитѣ Ревеля, во

время похода на Ливонскую землю войскъ царя Іоанна Васильевича Грознаго, подъ начальствомъ воеводы Яковлева. 11-го сентября 1560 года, черноголовые съ гражданами сдѣлали отчаянную вылазку, желая отбить непріятеля, но жестоко поплатились за свою храбрость: большинство изъ нихъ было перебито, многіе попались въ плѣнъ къ русскому воеводѣ.

Въ память павшихъ былъ воздвигнутъ обелискъ — вытесанный изъ камня, высокій четырехконечный крестъ, сохранившійся и донынѣ за Церновской заставой, въ Ревелѣ. На крестѣ надписи именъ погибшихъ. Въ память того же событія въ домѣ черноголовыхъ, въ Ревелѣ, на Морской улицѣ, хранится картина того времени, изображающая погибшихъ братьевъ колѣнопреклоненными предъ Распятіемъ; вдали ландшафтъ Ревеля той эпохи.

2-го мая 1790 года, въ день сраженія русскаго флота со шведскимъ, пытавшимся завладѣть Ревелемъ, братство въ послѣдній разъ принимало участіе, съ оружіемъ въ рукахъ, въ защитѣ города.

Все это было очень давно... Теперь черноголовые не имѣютъ значенія и представляются анахронизмомъ, весьма характернымъ и любопытнымъ.

Братство, какъ уже сказано, имѣетъ свой собственный домъ на Морской (Длинной) улицѣ, вблизи дома гильдіи св. Канута и биржи. Домъ этотъ былъ купленъ общиной 14-го января 1560 года у ревельскаго горожанина Віанда за три тысячи рижскихъ марокъ.

Надъ главной дверью изсѣчены на камнѣ два изображенія братьевъ черноголовыхъ, въ полномъ рыцарскомъ вооруженіи, съ опущенными забралами и поднятыми копьями. Подъ ними видна надпись на старо-нѣмецкомъ нарѣчіи: God is min Hülp, т. е. «Богъ мнѣ въ помощь!». Внутренность дома была нѣсколько разъ передѣлана въ текущемъ столѣтіи.

Братство имѣетъ въ своемъ гербѣ голову негра — изображеніе св. Маврикія, патрона общины. Отсюда и названіе братьевъ — черноголовыми. Впрочемъ, названіе общины объясняется также и тѣмъ, что члены ея носили въ старину особенный черный головной уборъ.

Изъ числа братьевъ избирается 12 старшинъ обыкновенныхъ и 4 почетныхъ. Изъ этихъ послѣднихъ избирается глава общины, называемый ротмистромъ. Въ силу высочайшей грамоты императрицы Екатерины II, отъ 20-го октября 1786 года, ротмистру черноголовыхъ присвоенъ чинъ ротмистра русской арміи.

Въ главной, верхней, залѣ дома братства черноголовыхъ находится много интересныхъ въ историческомъ отношеніи предметовъ, а именно: два древнихъ знамени братства — кожаное и шелковое, голубое, на которомъ золотомъ вышитъ гербъ общины и латинская надпись «aut vincendum, aut moriendum», то-есть, должно побѣдить или умереть. Знамя это сдѣлано въ 1661 году — время заключенія мира между Россіей и Швеціей въ Кардисѣ.

Далѣе интересна коллекція серебряныхъ сосудовъ, принесенныхъ въ разное время въ даръ братству его членами и коронованными особами. Особенно характеренъ кубокъ, въ видѣ оленьей ноги, подаренный братству Петромъ I-мъ. Имъ же подарены общинѣ четыре массивные серебряные подсвѣчника изящной работы. Тутъ же хранятся пожалованные черноголовымъ серебряные, вызолоченые кубки императорами Александромъ I-мъ и Николаемъ I-мъ.

Обращаютъ также здѣсь на себя вниманіе собраніе старинныхъ панцырей, шлемовъ, копій и рогатинъ и богатая коллекція портретовъ датскихъ и шведскихъ королей и королевъ и русскихъ императоровъ и императрицъ, писанныхъ масляными красками, во весь ростъ и въ поясномъ видѣ. Въ числѣ ихъ особенно бросается въ глаза прекрасно сдѣланный поясной портретъ царя, принимаемый обыкновенно за изображеніе Іоанна Грознаго, въ молодые годы. Однако, отсутствіе всякаго сходства этого изображенія съ извѣстными портретами Грознаго и выставленный на немъ 1639-й годъ даетъ основаніе думать, что это портретъ царя Михаила Өеодоровича Романова.

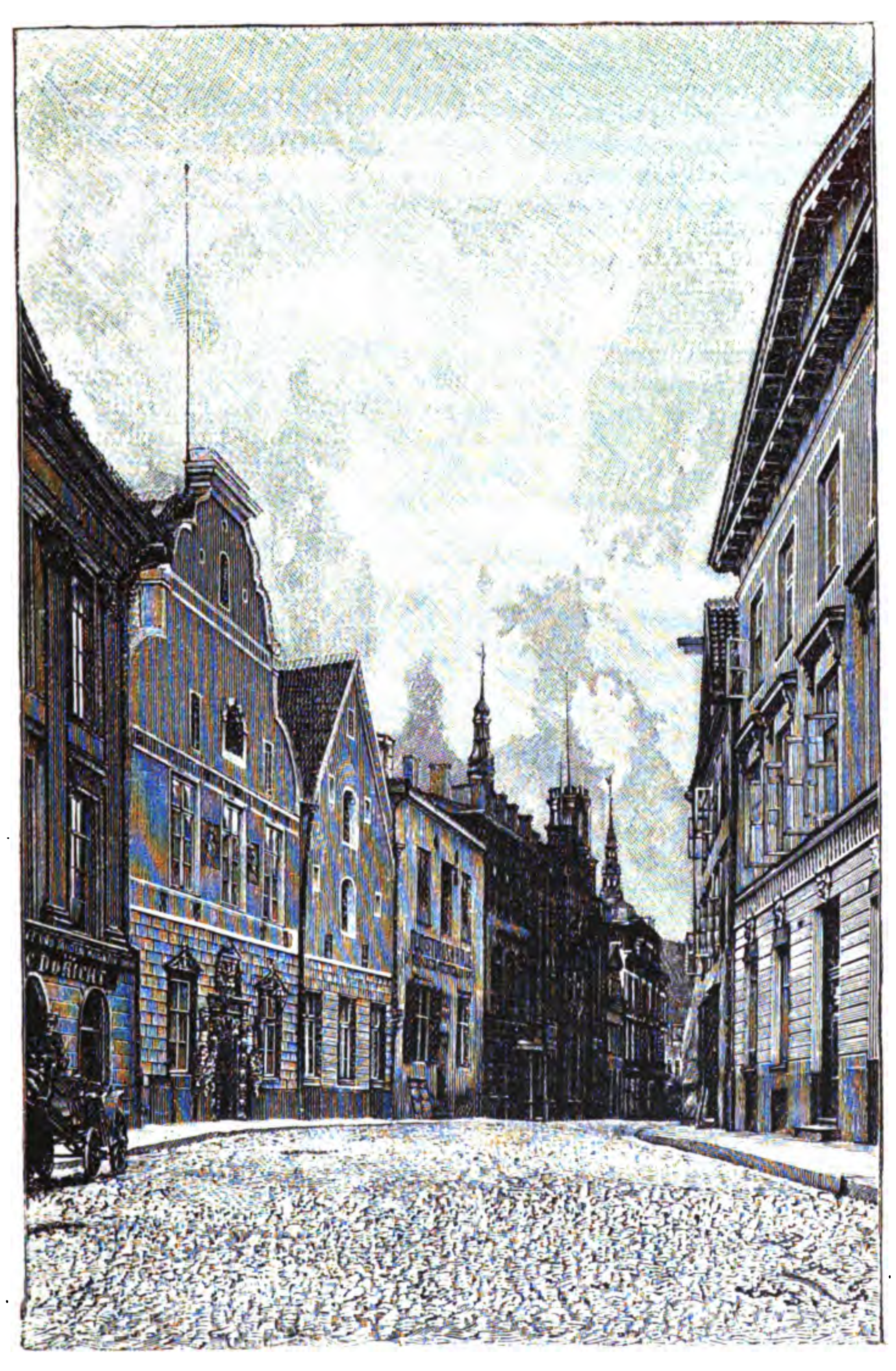
Тутъ же виситъ и древній рѣзной гербъ братства черноголовыхъ, изображающій св. Георгія Побѣдоносца, убивающаго дракона; надъ гербомъ двѣ рѣзныя фигуры братьевъ, въ полукафтанахъ и шляпахъ, поддерживающія голову св. Маврикія.

Интереснѣйшее достояніе братства — это книга, хранящая на своихъ пожелтѣвшихъ отъ времени страницахъ имена Высочайшихъ Особъ, удостоившихъ внести свои имена въ число почетныхъ членовъ братства.

На первомъ листѣ этой примѣчательной книги твердымъ и яснымъ почеркомъ начертано «Петръ», подъ титломъ, а внизу другой рукой добавлено: «въ Ревелѣ 1711 года декабря 26-го дня для братьевъ черноголовыхъ 30 червонныхъ».

Далѣе слѣдуютъ имена и вклады лицъ царской свиты: «князь Илья Трубецкой пять червонныхъ, Голицынъ три червонныхъ, графъ Гаврила Головкинъ десять червонныхъ» и т. д.

Въ этой же книгѣ имѣются собственноручныя подписи императоровъ Александра I-го, 10-го мая 1804 года, Николая I-го, 31-го октября 1827 года, и дважды подпись наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, впослѣдствіи императора Александра II-го, а именно: 20-го іюня 1829 года и 7-го іюня 1849 года. Затѣмъ слѣдуютъ подписи нынѣ почившаго великаго князя Константина Николаевича, 11-го іюня 1836 года, герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, 27-го мая 1840 года, великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, 28-го іюня 1884 года, и великаго князя Владиміра Александровича съ великой княгиней Маріей Павловной, 13-го іюня 1886 года. 14-го іюня 1843 года община была осчастливлена посѣщеніемъ въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра III совмѣстно съ августѣйшими братьями, великими князьями Нико-

Домъ братства Черноголовыхъ (2-й слѣва) и домъ гильдіи св. Канута (6-й слѣва) въ Ревелѣ.

ласмъ Александровичемъ и Владиміромъ Александровичемъ, а въ іюнѣ 1871 года удостоилась видѣть у себя государыню императрицу Марію Ѳеодоровну.

Почти рядомъ съ домомъ черноголовыхъ, на той же Морской улицѣ, лучшей въ Ревелѣ, идущей отъ Вышгородскаго замка, сооруженнаго въ XIII в. гроссмейстеромъ ордена меченосцевъ Фольквиномъ и служившаго въ XIV столѣтіи резиденціей фохтовъ, намѣстниковъ королей Даніи, къ взморью, стоитъ высокій, красивый домъ другого живого архаизма Ревеля—гильдіи св. Канута.

Гильдія эта возникла болѣе 600 лѣтъ тому назадъ и имѣла своей цѣлью огражденіе ревельскихъ ремесленниковъ отъ эксплоатаціи высшихъ классовъ и единеніе своихъ членовъ въ области религіи и нравственности. Гильдія имѣла свое особое управленіе и свою церковь. Покровителемъ гильдіи считается св. Канутъ Великій, изображеніемъ котораго съ надписью Sanctus Canutus ora pro nobis, то-есть, «св. Канутъ, молись за насъ», украшенъ древнѣйшій списокъ устава гильдіи. Онъ относится къ XV столѣтію и заключаетъ въ себѣ 62 параграфа, опредѣляющихъ права и обязанности членовъ.

Управляемая своими выборными старшинами, подчиненными ревельскому магистрату, гильдія св. Канута, во времена владычества Ливонскаго ордена, принимала дѣятельное участіе въ рѣшеніи мѣстныхъ политическихъ вопросовъ.

Въ эпоху владычества Швеціи надъ Эстоніей, гильдія получила право участвовать въ контролѣ финансоваго управленія Ревеля. Въ 1698 г. съ ней окончательно слилась гильдія св. Олая.

Какъ сказано выше, гильдія имѣла свою особую церковь, гдѣ, кромѣ главнаго алтаря, сооруженнаго всей гильдіей, были особые алтари цеховъ, обезпеченные богатыми вкладами. Это кирка св. Николая, возвышающаяся и понынѣ въ Ревелѣ, близъ Вышгорода, на углу Николаевской и Рыцарской улицъ.

Николаевская кирха настолько интересна въ историческомъ и археологическомъ отношеніи, что мы не можемъ не сказать о ней здѣсь нѣсколько подробнѣе.

Кирка эта построена около 1317 года ревельскимъ епископомъ Николаемъ. Въ ней замѣчателенъ иконостасъ, сдѣланный во вкусѣ такъ называемой нѣмецкой школы и изготовленный въ XV в., въ Любекѣ. Лицевая часть его—двухстворчатая, съ изображеніемъ святыхъ. При растворенныхъ половинкахъ складня взорамъ представляются большіе горельефы, частью позолоченные, частью расписанные, 32 святыхъ; между ними 36 малыхъ горельефовъ лицъ Ветхаго и Новаго Завѣта. При полузакрытыхъ дверкахъ видны еще створы съ 16 изображеніями моментовъ изъ житій св. Николая, покровителя храма, и св. Виктора, патрона бывшей Ганзы.

Живопись по золотому полю сохранилась очень хорошо и сдѣлана весьма искусно, при чемъ историческая часть изображеній

сильно хромаетъ, такъ какъ названные святые облачены въ одежду рыцарей XIV и XV столѣтій.

Для членовъ магистрата, проповѣдниковъ, для каждой гильдіи и почти для каждаго цеха, въ церкви устроены особыя мѣста съ подобающими эмблемами и украшеніями на самыхъ сидѣніяхъ или по близости, на стѣнахъ и столбахъ.

На хорахъ, въ сѣверной сторонѣ кирки, изображены событія изъ исторіи Іакова и Іосифа въ картинахъ XVII вѣка. На первой картинѣ, съ надписью «Іаковъ ѣдетъ къ Іосифу», Іаковъ изображенъ въ каретѣ съ четверкой лошадей, которыми управляетъ кучеръ эстонецъ, а на картинѣ смерти Іакова за гробомъ покойнаго патріарха идетъ толпа людей въ черныхъ костюмахъ и бѣлыхъ нагрудникахъ лютеранскаго духовенства.

Весьма оригинальна также надгробная доска на мѣстѣ вѣчнаго успокоенія, подъ плитами церкви, перваго ревельскаго суперъинтендента Генриха Бока, скончавшагося 28 октября 1549 года, съ изображеніемъ покойнаго на смертномъ одрѣ. Его рекомендовали ревельцамъ самъ Мартинъ Лютеръ и Филиппъ Меланхтонъ собственноручнымъ письмомъ, еще сохранившимся въ здѣшнемъ музеѣ, отъ 17 мая 1540 г., къ мѣстному бургомистру и магистрату.

На паперти находится изображеніе пляски мертвецовъ, которое, судя по сходству его съ подобнымъ же изображеніемъ (1463 г.) въ Маріинской церкви въ Любекѣ, принадлежитъ къ XV вѣку. Впереди хора шествуетъ смерть, играя на флейтѣ, за нею слѣдуетъ скелетъ, который, обращаясь къ папѣ, говоритъ: «къ этой пляскѣ я допускаю всѣхъ безъ исключенія; папы, императоры и всѣ творенія— нищіе, богатые, великіе и малые, выступайте впередъ; теперь не поможетъ никакое раскаяніе!». Второй скелетъ увлекаетъ къ пляскѣ императора, третій императрицу, четвертый кардинала, пятый короля.

Къ достопримѣчательностямъ Николаевской кирки относится также и хранящееся въ ней, въ особомъ склепѣ, превратившееся въ мумію тѣло герцога де-Кроа.

Родомъ изъ Бельгіи, герцогъ де-Кроа, послѣ неудачнаго похода противъ турокъ съ войсками Леопольда I-го, поселился въ Россіи, поступилъ на русскую службу и былъ въ Нарвѣ главнокомандующимъ русскихъ войскъ. Въ 1700 г., послѣ побѣды Карла XII при Нарвѣ, герцогъ былъ взятъ въ плѣнъ и сосланъ въ Ревель, гдѣ жилъ подъ надзоромъ коменданта крѣпости и умеръ въ 1702 г.

Такъ какъ денегъ для похоронъ, соотвѣтствующихъ высокому положенію покойнаго, и на покрытіе его долговъ не оказалось, то трупъ герцога поставили въ склепѣ часовни, такъ называемой Розенской, налѣво отъ входа, и не предали землѣ. Благодаря особому свойству почвы тѣла, погребенныя подъ плитами Николаевской кирки, не подвергаются гніенію, закостенѣвая словно муміи. То же случилось и съ трупомъ герцога, который долгое время служилъ предметомъ осмотра пріѣз-

жающихъ въ Ревель иностранцевъ и путешественниковъ. Только сравнительно недавно, въ началѣ 60-хъ годовъ, прахъ герцога, по распоряженію начальства, былъ преданъ землѣ.

Вокругъ кирки—старыя густолиственныя липы образуютъ двѣ тѣнистыхъ аллеи, придающихъ большую красоту церкви и служащихъ мѣстомъ отдохновенія горожанъ въ лѣтнее время.

Домъ гильдіи сильно пострадалъ отъ пожара въ 1680 году и былъ затѣмъ капитально ремонтированъ. Затѣмъ, вслѣдствіе ветхости, онъ былъ, въ 1862 г., разобранъ, и на его мѣстѣ заново возведено было зданіе гильдіи, освященное 6 ноября 1864 г. и стоящее понынѣ. Постройка эта потребовала денегъ болѣе, чѣмъ было ассигновано членами гильдіи, и была окончена, лишь благодаря выданной казною ссудѣ, въ размѣрѣ 20 тысячъ рублей, которая будетъ окончательно погашена въ 1901 г.

Чѣмъ же занимаются теперь «братья» черноголовые и члены славной нѣкогда Канутовой гильдіи?

Гильдія призрѣваетъ 20 престарѣлыхъ вдовъ ремесленнаго званія въ особой богадѣльнѣ; черноголовые занимаются той же филантропической дѣятельностью среди мѣстныхъ купцовъ.

Обѣ общины устраиваютъ въ своихъ залахъ концерты и вечера для своихъ членовъ, которые, сидя мирно за кружкой пива, съ газетой въ рукахъ, вспоминаютъ объ интересномъ прошломъ своихъ «черноголовыхъ» предшественниковъ и общниковъ гильдіи Великаго Канута.

С. Уманецъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

МЕМУАРЫ ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ.

РЕДИ множества появившихся воспоминаній о наполеоновскомъ времени выдѣляются только что вышедшіе «Мемуары графини Потоцкой» [1]). Писанные на французскомъ языкѣ, они обнимаютъ эпоху отъ 1794 до 1820 г. и представляютъ блестящую картину всего, что видѣла и слышала молодая, знатная полька въ Варшавѣ, Вѣнѣ и Парижѣ въ эту бурную, ознаменованную великими событіями, эпоху. Она разсказываетъ много новаго о Наполеонѣ и Александрѣ, а также рисуетъ любопытные портреты этихъ свѣтилъ политическаго міра и окружавшихъ ихъ большихъ или меньшихъ звѣздъ: Маріи-Луизы, Мюрата и его жены, Полины Боргезе и ея мужа, маркизы Суза, маршала Даву, Талейрана, графа Нарбона, герцога Бассано, великаго князя Константина, Новосильцева, князя Іосифа Понятовскаго, князя Адама Чарторижскаго, графини Валевской и т. д. Вообще, по живости, свѣжести, рельефности, историческому значенію и литературной формѣ, воспоминанія гр. Потоцкой достойны занять видное мѣсто среди мемуаровъ. Онѣ изданы Казиміромъ Стріенскимъ, сестра котораго находилась компаніонкой у графини Потоцкой, и который лично видѣлъ ее въ 1863 г. уже старухой, но все еще поражавшей своими прекрасными, блестящими, выразительными, вѣчно юными глазами. Она сама не сообщаетъ въ своихъ запискахъ, когда она родилась, но, по словамъ ихъ издателя, она появилась на свѣтъ въ 1776, или 1777 году, а

[1]) Memoires de la comtesse Potocka (1794—1820), publiés par Casimir Strienski. Paris. 1897.

умерла 16-го августа 1867 году, въ Парижѣ. Дочь графа Людовика Тышкевича и племянницы послѣдняго польскаго короля Станислава-Августа, княжны Констанціи Понятовской, Анна Тышкевичъ вышла замужъ за графа Александра Потоцкаго, и ея мемуары, оканчивающіеся 1820 годомъ, всецѣло принадлежатъ къ той эпохѣ, когда она была графиней Потоцкой; поэтому ихъ автору и оставлено издателемъ это имя, хотя она впослѣдствіи вышла вторично замужъ за графа Вансовича, бывшаго адъютанта Наполеона I, и болѣе извѣстна въ Парижѣ, какъ графиня Вансовичъ, салонъ которой служилъ однимъ изъ блестящихъ свѣтскихъ центровъ декабрской имперіи. У нея было трое дѣтей отъ графа Потоцкаго: Августъ, Маврикій и Наталія, вышедшая замужъ за князя Сангушку.

Въ жизни графини Потоцкой, умной, свѣтской женщины, славившейся своимъ саркастическимъ остроуміемъ и пламеннымъ патріотизмомъ была романическая сторона. Она сама въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ о платонической ея любви къ графу Ф., а Стріенскій въ своемъ предисловіи и примѣчаніяхъ не считаетъ нужнымъ раскрывать призрачной тайны, которою окруженъ романъ, продолжавшійся много лѣтъ. Но не можетъ быть сомнѣнія, что таинственный графъ Ф. былъ графъ Шарль Флаго-де-ла-Белардри, сынъ аристократа, казненнаго во время террора, и извѣстной романистки, вышедшей вторично замужъ за португальскаго посланника въ Парижѣ, маркиза Суза. Онъ славился своей красотой, побѣдами надъ женскими сердцами и близкими отношеніями къ Гортензіи Богарнэ, дочери Жозефины, жены брата Наполеона, Людовика, и матери Наполеона III, отъ которой у него былъ сынъ, знаменитый дѣятель декабрской имперіи, Морни. Адъютантъ прежде Мюрата, а потомъ Наполеона, графъ Флаго во время реставраціи находился въ добровольномъ изгнаніи въ Англіи, гдѣ женился на дочери адмирала Кита; при іюльской монархіи онъ былъ членомъ палаты пэровъ и посломъ въ Берлинѣ, а потомъ въ Лондонѣ. Послѣ декабрскаго переворота онъ сдѣлался сенаторомъ и умеръ въ 1870 г. великимъ канцлеромъ ордена почетнаго легіона. По словамъ Стріенскаго, романическая любовь-дружба Шарля Ф. къ графинѣ Потоцкой, впослѣдствіи графинѣ Вансовичъ, продолжалась всю жизнь, и когда она умерла на восемьдесять первомъ, или второмъ году своей жизни, то ей закрылъ глаза этотъ платоническій поклонникъ, произнося нѣжнымъ шепотомъ: «Прощай, или скорѣе, до свиданія, дорогой другъ».

Большую часть той эпохи, которую описываетъ графиня Потоцкая въ своихъ мемуарахъ, она провела въ Польшѣ: именно, въ Бѣлостокѣ, въ замкѣ ея тетки графини Браницкой, наслѣдники которой продали замокъ императору Александру, и гдѣ теперь находится женскій институтъ; въ Пулавахъ, помѣстьѣ князей Чарторижскихъ, откуда всѣ историческія сокровища послѣ событій 1820 г. перене-

сены были въ Парижъ, а нынѣ находятся въ краковскомъ музеѣ; въ Вилановѣ, имѣніи Потоцкихъ, принадлежащемъ въ настоящее время графинѣ Браницкой, правнучкѣ автора мемуаровъ, и, наконецъ, въ Варшавѣ. Только впродолженіе короткаго времени она была въ Вѣнѣ и Парижѣ, но эти посѣщенія двухъ главныхъ въ то время европейскихъ центровъ дозволили ей расширить арену своихъ наблюденій и придать общеевропейскій характеръ такъ блестяще набросанной ею картинѣ первой четверти XIX вѣка. Хотя ея пламенный польскій патріотизмъ и культъ Наполеона освѣщаютъ эту картину своеобразнымъ колоритомъ, но отъ этого только выигрываетъ яркость красокъ и живость перспективы, тогда какъ правдивость разсказа и точность сообщаемыхъ свѣдѣній нимало не страдаютъ отъ личныхъ симпатій и антипатій автора; что касается мелочныхъ неточностей, встрѣчающихся въ ея воспоминаніи, то онѣ слишкомъ маловажны, чтобъ подрывать ихъ авторитетъ.

Въ виду историческаго и литературнаго значенія мемуаровъ графини Потоцкой, которые читаются съ бо́льшимъ интересомъ, чѣмъ любой романъ, мы познакомимъ съ ними читателей въ пространномъ извлеченіи, пропуская только немногія длинноты и неинтересныя мелочныя подробности, преимущественно относящіяся къ юности графини, а вполнѣ сохраняя не только сущность, но и форму ея любопытнаго разсказа.

I.

Дѣтство и молодость. — Въ Бѣлостокѣ.

1794—1801.

Это было въ 1812 году. Я только что прочла странные мемуары маркграфини Барейтской, сестры Фридриха Великаго, появленіе которыхъ, по словамъ Наполеона, составляло для Бранденбургскаго дома вторую Іену: такъ много эта книга обнаружила низостей и гадостей. Я была тогда молода, и мною овладѣло желаніе писать свои воспоминанія по мѣрѣ того, какъ я буду стариться. Въ тѣ времена еще не фабриковали дюжинами мемуары, а они писались болѣе или менѣе искренно самими ихъ авторами. Мнѣ казалось, что безъ всякаго хвастовства я могла собрать болѣе интересные матеріалы, чѣмъ добрая маркграфиня, и принялась за дѣло.

Конечно, не всякая можетъ быть сестрой великаго человѣка, и я хорошо понимала, что въ массѣ ея грубыхъ анекдотовъ читатели розыскивали слѣды Фридриха II. Я также была королевской крови, выражаясь стилемъ маркграфини, и хотя никогда не получала пощечинъ, не ѣла супу съ волосами, не сидѣла подъ арестомъ и

вмѣсто мелкаго, грязнаго нѣмецкаго княжества жила въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ замковъ на континентѣ, но, современница великаго вѣка, я основывала интересъ своихъ воспоминаній на томъ любопытствѣ, которое возбуждала эта славная эпоха.

Нельзя писать мемуары, не говоря о себѣ, и надо начать съ знакомства читателя съ собою, иначе онъ не будетъ къ тебѣ питать никакого довѣрія.

Моя мать была племянницей послѣдняго нашего короля, Станислава-Августа Понятовскаго. Благородная фигура этого государя, его достойная осанка, добрый, меланхоличный взглядъ, серебристые волоса и красивыя, слегка надушенныя руки,—все это живо сохранилось въ моей памяти. Эпоха, къ которой относятся мои первыя воспоминанія, совпадаетъ съ третьимъ раздѣломъ Польши. Моя мать послѣдовала за королемъ въ Гродно, куда его побудила перебраться русская партія. Тамъ изъ окна маленькой комнаты, гдѣ я жила съ гувернанткой, я видѣла ежедневно, какъ онъ выѣзжалъ подъ эскортомъ русскихъ солдатъ, которые меня такъ пугали своимъ суровымъ видомъ, что я ни за что не хотѣла выйти изъ дома. Мрачная тишина царила въ замкѣ, гдѣ все семейство короля собралось, чтобъ проститься съ нимъ. Увезенный въ Петербургъ, онъ тяжелой агоніей искупилъ ошибки, совершенныя имъ по волѣ императрицы, и которыми она хитро воспользовалась.

При другихъ обстоятельствахъ Понятовскій достойно занималъ бы престолъ. Его царствованіе составило эпоху въ лѣтописяхъ просвѣщенія; онъ воскресилъ въ Польшѣ вкусъ къ искусству и литературѣ, заглушенный подъ игомъ саксонскихъ курфюрстовъ. Онъ проводилъ время въ кругу ученыхъ и художниковъ, самъ же отличался хорошимъ образованіемъ, утонченнымъ вкусомъ и привлекательными манерами. Бѣгло говоря на мертвыхъ языкахъ и на современныхъ нарѣчіяхъ тѣхъ странъ, которыя онъ посѣтилъ, Станиславъ умѣлъ заинтересовать и плѣнить своихъ собесѣдниковъ. Сердце его было доброе, возвышенное; онъ прощалъ врагамъ и не зналъ границы своимъ благодѣяніямъ, но природа, надѣливъ его, какъ частнаго человѣка, столькими дарами, отказала ему, какъ государю, въ томъ, безъ чего нельзя царствовать: въ силѣ характера и твердой волѣ.

По отъѣздѣ короля мы вернулись въ Бѣлостокъ, гдѣ жила моя тетка, краковская кастелянша, вдова графа Браницкаго и сестра короля. Ея мужъ игралъ видную роль въ барской конфедераціи и находился въ числѣ претендентовъ на корону, но когда Понятовскій взялъ верхъ, то онъ удалился въ свои помѣстья и жилъ тамъ по-царски. Я видѣла бѣлостокскій замокъ, еще убранный съ рѣдкимъ великолѣпіемъ. Выписанные за громадныя деньги французскіе обойщики украсили всѣ покои такими зеркалами, мебелью и драпировками, которымъ позавидывалъ бы Версаль. Ничто не могло срав-

ниться съ его обширными залами и сѣнями, украшенными мраморными колоннами. Въ немъ перебывали всѣ знатнѣйшія особы въ Польшѣ и высокопоставленные пріѣзжіе. Императоръ Павелъ еще великимъ княземъ съ женою пробылъ тамъ нѣсколько дней во время своего знаменитаго путешествія по Европѣ. Великолѣпіе садовъ и парковъ, богатство оранжерей и многочисленность померанцевыхъ деревьевъ — дѣлали это жилище чисто царственнымъ. При жизни краковскаго кастеляна три труппы: польская, французская и балетная, давали зимой представленія въ театрѣ, вмѣщавшемъ 200, или 400 человѣкъ зрителей. Этотъ театръ, построенный въ началѣ парка, существовалъ еще при мнѣ.

Вдова графа Браницкаго, простая и скромная въ своихъ вкусахъ, хотя очень щедрая и великодушная, расходовала на добрыя дѣла такія же большія суммы, какъ тѣ, которыя бросалъ ея мужъ на удовольствія и празднества. Набожная безъ ханжества, добрая безъ слабости, гордая и снисходительная, твердая и отзывчивая, она, казалось, имѣла всѣ добродѣтели и подходила, насколько возможно, къ совершенству на землѣ.

Моя мать, Констанція Понятовская, въ замужествѣ графиня Тышкевичъ, рѣдко покидала эту любимую тетку, и мое дѣтство, а также молодость, мирно протекли въ бѣлостокскомъ замкѣ. Сначала мы проводили зиму въ Варшавѣ, но послѣ 1794 года, то-есть послѣ отъѣзда короля въ Петербургъ, мы уже не покидали замка. Я очень хорошо помню революцію, происшедшую впродолженіе послѣдней зимы, проведенной въ Варшавѣ: какъ мы прятались въ подвалахъ во время сильной перестрѣлки на улицахъ, потомъ пѣшкомъ пробрались черезъ краковское предмѣстье, усѣянное трупами, чтобъ достигнуть до замка, въ которомъ находился король. Съ этого дня до взятія русскими Праги мы не покидали замка, но все, что тогда произошло, не сохранилось въ моей памяти, и я смутно припоминаю, что мать возила меня однажды въ лагерь Костюшки, гдѣ красивыя дамы, въ маленькихъ шапочкахъ на-бекрень, возили въ телѣжкахъ землю для постройки укрѣпленій. Утромъ и вечеромъ старая нянька заставляла меня молиться, чтобъ Богъ благословилъ наше оружіе, и я повиновалась, не вполнѣ сознавая, что происходило, и не понимая, почему надо было призывать гнѣвъ Божій на хорошенькихъ русскихъ офицеровъ, которые гарцовали на прекрасныхъ коняхъ. Когда произошла краковская рѣзня, мои глаза открылись, и я ощутила впервые тѣ патріотическія чувства, которыя передала моимъ дѣтямъ.

Наша революція слѣдовала за французской, но она повела къ полному растлѣнію родины, а Франція стала твердыми шагами приближаться къ славѣ. Въ одномъ обѣ революціи имѣли сходство: тутъ и тамъ возникла эмиграція, но во Франціи въ составъ эмиграціи входили: дворяне, роялисты, духовенство, а у насъ—патріоты, жертвы, изгнанники.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія Польшу наводнили французскіе эмигранты, и принятые очень радушно поражали всѣхъ своей надменностію. Такъ краковская кастелянша пріютила въ Бѣлостокѣ цѣлую семью Басомпьеровъ, которая кичилась своимъ родствомъ съ маршаломъ этого имени и его дружбой съ королемъ. Для маркиза, графа и другихъ членовъ этой семьи все было недостаточно хорошо, и добрая кастелянша лѣзла изъ кожи, чтобъ имъ угодить: она платила имъ значительную пенсію, устроила имъ красивую виллу, заново омеблировала ее и т. д., а эти знатные аристократы надменно говорили: «это было бы хорошо для другихъ, но мы привыкли къ нашимъ великолѣпнымъ замкамъ». И затѣмъ слѣдовали безконечные разсказы объ ихъ роскошной жизни во Франціи. Каково же было наше удивленіе, когда Людовикъ XVIII, проѣзжая въ Митаву по приглашенію Павла I, остановился на нѣсколько дней въ Бѣлостокѣ и объявилъ, что онъ не знаетъ этихъ людей, ни графа, ни маркиза, ни ихъ дамъ, а сопровождавшій его графъ Аварэ объяснилъ, что хотя они дѣйствительно были Басомпьеры, но бѣдная, выродившаяся отрасль знаменитаго рода, и что они никогда такъ хорошо не жили, какъ благодаря щедрости кастелянши. Не смотря на это, добрая женщина продолжала благодѣтельствовать страннымъ эмигрантамъ.

Изъ чувства ли благодарности за чисто царственный пріемъ короля въ Бѣлостокѣ, или по какой другой причинѣ, но графъ Аварэ передъ отъѣздомъ предложилъ моей матери женить герцога Берійскаго на мнѣ. Не зная, что отвѣтить, она сказала, что я слишкомъ молода, и что она посовѣтуется съ мужемъ, который не хотѣлъ и слышать о подобномъ планѣ. По его словамъ, во-первыхъ, принцы въ изгнаніи всегда казались болѣе или менѣе авантюристами, во-вторыхъ, по всей вѣроятности, Бурбоны никогда не вернутся во Францію, въ-третьихъ, желая подобнаго брака теперь изъ финансовыхъ соображеній, Бурбоны могли потомъ найти его незаконнымъ, а, въ-четвертыхъ, имѣя единственную дочь, онъ предпочиталъ отдать ее за поляка. Графъ Аварэ былъ очень удивленъ, получивъ такой отвѣтъ, а я узнала объ этомъ предложеніи гораздо позднѣе. Я не разъ размышляла впослѣдствіи, въ виду возникавшихъ на моихъ глазахъ чрезвычайныхъ событій, что я очутилась бы въ очень странномъ положеніи, еслибъ осуществился этотъ бракъ. Уже тогда Бонапартъ наполнялъ Европу славой своихъ побѣдъ. Столько тріумфовъ увѣнчивали его чело, такъ счастлива была его звѣзда, что онъ мнѣ казался новымъ Александромъ, или Цезаремъ. Я воспитывалась среди его недоброжелателей, и какъ меня ни сдерживалъ страхъ возбудить неудовольствіе окружающихъ, но я все-таки все болѣе и болѣе восторгалась имъ. Какъ же было бы мнѣ примирить подобныя чувства съ предназначенной мнѣ судьбой? Какъ могла бы я, жена бурбонскаго принца, радоваться каждой новой побѣдѣ Наполеона?

Упомянувъ о моемъ отцѣ, графѣ Людовикѣ Тышкевичѣ, маршалкѣ и гетманѣ литовскомъ, я должна сказать нѣсколько словъ объ его благородномъ характерѣ, тѣмъ болѣе, что я пишу эти воспоминанія для моихъ дѣтей. Во время послѣдняго дѣлежа Польши, онъ примкнулъ къ небольшему числу лицъ, не подписавшихъ акта Тарговицской конфедераціи. Благодаря этому поступку, его состояніе было секвестровано, и онъ твердо перенесъ этотъ плачевный результатъ его патріотизма. Спустя нѣсколько лѣтъ, Литва послала делегацію къ Екатеринѣ съ просьбой сохранить для нея старинный литовскій статутъ. Въ составъ этой депутаціи вошелъ мой отецъ съ нѣкоторыми другими знатными поляками, и императрица приняла ихъ съ той любезностью, которой она умѣла прельщать сердца. Ея дворъ былъ безспорно однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ Европѣ. Балы и праздники слѣдовали одинъ за другимъ. Сама Екатерина пригласила польскихъ депутатовъ разъ навсегда участвовать во всѣхъ придворныхъ пріемахъ, и они считали долгомъ являться на каждый изъ нихъ. Только мой отецъ ограничился явкой во дворецъ въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовало данное ему порученіе. Императрица обидѣлась и рѣзко высказала ему свое удивленіе, что онъ одинъ не обнаруживалъ любопытства увидѣть всѣ чудеса придворныхъ празднествъ. Нисколько не смутившись и какъ бы принимая слова Екатерины за выраженіе особаго благоволенія, отецъ отвѣчалъ, что въ томъ положеніи, въ какомъ находилась его страна, полякъ не могъ скрывать ощущаемыхъ имъ грустныхъ впечатлѣній, и что, по его мнѣнію, не слѣдовало омрачать блестящихъ празднествъ неизбѣжной печалью. Хитрая императрица, понявъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, воскликнула:

— Я ничто на свѣтѣ такъ не цѣню, какъ независимыя и возвышенныя чувства. Я сочувствую, какъ женщина, тѣмъ несчастьямъ, которыя я, какъ государыня, не могу отвратить изъ политическихъ видовъ.

И снявъ съ себя маленькіе часы, украшенные изумрудами, она подала ихъ моему отцу, въ знакъ своего глубокаго уваженія. На другой день былъ снятъ секвестръ съ его помѣстій.

Въ бѣлостокскомъ замкѣ жила еще одна особа, замѣчательная по своему уму и образованію. Это была дѣвица Дюшенъ, лектриса краковской кастелянши. Истая парижанка, она все читала и все знала, а потому ее называли ходячей энциклопедіей. Она была очень дружна съ моей гувернанткой, я видала ее часто, и ей я обязана бо̀льшей частью того, что я знаю, а г-жа Басомпьеръ, воспитаніе которой было очень запущено, еще бо̀льшимъ ей обязана, чѣмъ я. Постоянно вращаясь среди этихъ француженокъ, я усвоила себѣ ихъ языкъ и предалась всецѣло ихъ литературѣ. До страсти любила я бесѣды съ ними, то веселыя и забавныя, то занимательныя и полезныя, но всегда живыя.

Жизнь въ замкѣ всѣ вели очень свободную и дѣлали, что хотѣли, цѣлый день, а только въ 3 часа собирались къ обѣду и проводили вечера въ гостиной, гдѣ сначала лектриса читала классическихъ французскихъ авторовъ и новыя книги, въ томъ числѣ сочиненія Шатобріана, а потомъ всѣ разговаривали. Часто краковская кастелянша разсказывала анекдоты о Карлѣ XII, которыя она слышала отъ своего отца, князя Понятовскаго, друга и сподвижника шведскаго короля. Но мнѣ всего болѣе нравился ея разсказъ о какомъ-то шведскомъ астрологѣ, который случайно попалъ въ помѣстье Понятовскихъ, Волчинъ, и предсказалъ при самомъ рожденіи сына князя, Станислава-Августа, что онъ будетъ польскимъ королемъ.

Какое тогда было хорошее время! Во все вѣрили: и въ провидѣніе, что упрощаетъ жизнь, и въ рай, что утѣшаетъ въ горѣ, и въ чудеса, и въ любовь, и въ дружбу, и даже въ благодарность. Также вѣрили въ предчувствія и предсказанія, въ амулеты и элексиры, въ колдуновъ и астрологовъ. Эта вѣра порождала сектантовъ и сумасшедшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мечтателей, поэтовъ и героевъ. Теперь же крѣпкія головы и глубокіе умы не хотятъ вѣрить ничему, кромѣ повышенія и пониженія фондовъ на биржѣ. А Богъ знаетъ, зиждется ли эта вѣра на болѣе надежной основѣ, и не такъ же ли она обманчива?

II.

Замужество.—Жизнь въ Виллановѣ и Пулавахъ.

1802—1803.

Я была единственной дочерью и наслѣдницей двухъ большихъ состояній, носила громкое имя, отличалась пріятной наружностью и получила хорошее воспитаніе, однимъ словомъ, была тѣмъ, что называется прекрасной партіей. Четырнадцати лѣтъ я должна была выйти замужъ за князя Станислава Понятовскаго, брата моей матери, но ему пошелъ шестой десятокъ, и онъ былъ длинный, сухой, суровый человѣкъ; я не хотѣла и слышать о немъ и отказалась отъ этого брака, несмотря на всѣ бриллiанты и другія прелести свадебной корзины.

Мой умъ и мое сердце были переполнены дѣтской восторженностью. Начитавшись великихъ поэтовъ, я мечтала о герояхъ Расина, или о рыцарѣ, въ родѣ Танкреда. Я жаждала огневой страсти, неожиданной любви и великихъ подвиговъ... а потому ждала. Но время шло, и не являлся ни Британикъ, ни Гондальго Кордуанскій, ни даже Грандисонъ; дѣлать нечего, мнѣ приходилось спуститься на

землю и, скрѣпя сердце, выйти замужъ, какъ всѣ, изъ приличія и по расчету.

Много партій было предложено моимъ родителямъ. Одни женихи не годились имъ, какъ недостаточно блестящіе, а другіе казались мнѣ невозможными. Наконецъ, сдѣлалъ предложеніе графъ Александръ Потоцкій, и такъ какъ онъ, съ своей стороны, былъ также одной изъ лучшихъ партій въ Польшѣ, то дѣло было быстро улажено чрезъ письма, и Потоцкій, прибывъ въ Бѣлостокъ, зналъ заранѣе, что не получитъ отказа.

Былъ холодный апрѣльскій вечеръ, и такъ какъ я страдала насморкомъ, то мнѣ не позволяли выйти изъ своей комнаты. Неожиданно я услыхала звуки почтоваго рожка и, подбѣжавъ къ окну, увидѣла, какъ молодой человѣкъ быстро выскакивалъ изъ дорожной коляски передъ подъѣздомъ. Я тотчасъ поняла, что это былъ мой ожидаемый женихъ, и почувствовала что-то въ родѣ страха. Я отдала бы все на свѣтѣ, чтобы отложить наше первое свиданіе, но моего согласія не спросили, и черезъ нѣсколько минутъ вошла въ мою комнату мать, подъ-руку съ графомъ Потоцкимъ.

Онъ только что вернулся изъ далекаго путешествія и сталъ разсказывать намъ много интереснаго о Лондонѣ и Парижѣ. Онъ видѣлъ великаго Наполеона, но о немъ онъ немного распространялся и, казалось, вовсе не восторгался его славой.

Подали чай; мы молча разсматривали другъ друга: я видѣла его, еще юношей, у моей матери, и помнила, что онъ, съ презрѣніемъ молодого франта, не обращалъ вниманія на дѣвочекъ. Теперь мы находились въ томъ счастливомъ возростѣ, когда время, покончивъ свое созданіе, какъ бы останавливается, любуясь имъ до той минуты, какъ начнетъ свое разрушающее дѣйствіе. Мы смотрѣли другъ на друга изъ-подлобья съ удивленіемъ и не безъ удовольствія; судьба намъ улыбалась болѣе, чѣмъ мы ожидали. Прошло три недѣли, и намъ казалось, что мы хорошо узнали другъ друга, что мы вполнѣ подходили одинъ другому, хотя ничего въ сущности не было общаго между нашими характерами и вкусами.

Наша свадьба произошла въ Вильнѣ, и въ виду припадка подагры у моего отца обрядъ вѣнчанія совершенъ на дому. При этомъ присутствовалъ отецъ моего мужа, графъ Станиславъ Потоцкій, и онъ такъ скоро соскучился вдали отъ Варшавы, что, спустя нѣсколько дней, уѣхалъ домой и увезъ насъ съ собою.

Мы прибыли въ старую польскую столицу въ самую лучшую пору года и почти немедленно перебрались въ Виланово, прекрасное помѣстье Потоцкихъ, близъ Варшавы, гдѣ нѣкогда жилъ Янъ Собѣсскій. Помѣстившись въ хорошенькой комнаткѣ, которую мнѣ приготовила свекровь, урожденная княжна Любомірская, я думала, что попала въ рай, такъ какъ, привыкнувъ дома къ строгой экономіи, неожиданно очутилась среди богатства и роскоши.

Не чувствуя страсти къ моему мужу, я, однако, начинала ощущать къ нему привязанность; его родители обращались со мной очень любезно; у нихъ гостила подруга моей юности, г-жа Соболевская, и, повидимому, я должна была быть совершенно счастливой. Но, увы, для моей романической головы не было достаточно тихой, спокойной жизни. Меня мучила мысль, что мужъ не питалъ ко мнѣ страстной любви.

Однажды, вечеромъ, я гуляла съ нимъ по берегу Вислы, подъ тѣми самыми вѣковыми деревьями, подъ которыми Янъ Собѣсскій встрѣчался съ красавицей Маріей. Луна свѣтила, и я находилась въ такомъ сантиментальномъ настроеніи, что стала взволнованнымъ голосомъ говорить мужу о необходимости, для счастія двухъ сердецъ, любить другъ друга страстно и вѣчно. Онъ долго слушалъ меня терпѣливо, потомъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что пора домой, такъ какъ комары ужасно кусаются. Такое хладнокровіе меня оскорбило, и, вернувшись домой, я залилась слезами. Мнѣ казалось, что я самая несчастная женщина на свѣтѣ, и что ни одну жену мужъ не любитъ такъ прозаично, такъ вульгарно.

Съ этой минуты я думала только о томъ, какъ бы возбудить въ мужѣ страсть къ себѣ, и, рѣшивъ, что лучшимъ путемъ было возбудить въ немъ ревность, я написала сама себѣ объясненіе въ любви, при чемъ не только ловко измѣнила почеркъ, но и наполнила письмо саркастическими замѣчаніями объ окружающихъ меня лицахъ. Мужа мнѣ удалось провести, но онъ посмотрѣлъ на письмо съ своимъ обычнымъ хладнокровіемъ и, смѣясь, показалъ его матери, которая обидѣлась невинной шуткой и, заподозрѣвъ происхожденіе письма, сравнила мой почеркъ съ анонимнимъ посланіемъ и въ концѣ концовъ открыла мистификацію. Для уясненія дѣла ко мнѣ отправили тестя, но я упорно отнѣкивалась, хотя, признаюсь, очень неловко. Старикъ былъ такъ деликатенъ, что не настаивалъ, а когда за допросъ взялся мой мужъ, то я не вытерпѣла и, бросившись передъ нимъ на колѣни, созналась со слезами въ своемъ поступкѣ. Онъ меня простилъ, потому что понялъ цѣль моей дѣтской выходки, но свекровь навсегда затаила зубокъ противъ меня, приписывая мою выходку страсти къ интригѣ. Вся эта исторія такъ на меня подѣйствовала, что я занемогла, и такъ какъ я находилась въ интересномъ положеніи, то всѣ стали за мной нѣжно ухаживать, хотя я ясно понимала, что свекровь никогда не возвратитъ мнѣ своего прежняго довѣрія. Не смотря на всѣ ея достоинства, она не была въ состояніи понять идеальныхъ стремленій моей души.

Когда я настолько оправилась, что могла переносить тряску экипажа, мы съ мужемъ начали дѣлать отложенные до тѣхъ поръ визиты родственникамъ. Прежде всего мы отправились въ замокъ Ланцутъ, гдѣ жила бабка моего мужа, княгиня Любомірская. Она была двоюродная сестра послѣдняго польскаго короля Станислава-

Августа, и, по польскому обычаю, ее всѣ называли, по званію мужа, княгиней-маршалковой. Трудно было встрѣтить личность, въ которой бы рядомъ съ высокими достоинствами было столько значительныхъ недостатковъ. Она не любила ни своихъ дѣтей, ни свою родину и, постоянно скучая, переѣзжала съ мѣста на мѣсто. Ей было чуждо все, кромѣ старинныхъ традицій французскаго двора, и, лицезрѣвъ ужасы французской революціи, она ненавидѣла всѣ новыя идеи. Для нея Наполеонъ былъ маленькимъ Бонапартомъ, дряннымъ проходимцемъ, котораго счастливыя обстоятельства возвели на высоту, гдѣ онъ не могъ долго удержаться. Она носила трауръ по герцогѣ Ангіенскомъ и осыпала щедротами французскихъ эмигрантовъ, подобранныхъ ею на большихъ дорогахъ. Среди нихъ первое мѣсто занималъ Лаонскій епископъ, монсиньоръ де-Собранъ, который жилъ постоянно въ ея замкѣ. Изящнѣе и богаче этого аристократическаго жилища я никогда не видывала ни въ какой странѣ.

Обладая сказочными богатствами, княгиня Любомірская окружала себя англійскимъ комфортомъ и французскимъ вкусомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она самымъ достойнымъ образомъ расходовала случайно попавшіяся ей въ руки громадныя состоянія. Ея щедроты были тѣмъ замѣчательнѣе, что отличались удивительнымъ благоразуміемъ и имѣли преимущественно предметомъ ея собственныхъ многочисленныхъ вассаловъ. Въ каждой изъ ея деревень были школа, больница, докторъ и акушерка, а одну изъ главныхъ заботъ ея управляющихъ, по ея настоятельнымъ требованіямъ, составлялъ надзоръ за этими учрежденіями. Но, странно сказать, добрая и щедрая къ бѣднымъ княгиня обращалась несправедливо и сурово со своими дѣтьми. Съ первыхъ минутъ нашего знакомства я замѣтила, что она не долюбливала моего мужа, и только, послѣ долгихъ ухаживаній съ моей стороны, старуха простила мнѣ, что я была женой Александра.

Пробывъ въ Ланцутѣ около двухъ недѣль, мы отправились въ Пулавы, великолѣпное помѣстье князя Чарторижскаго, брата княгини Любомірской, котораго, подобно сестрѣ, иначе не называли, какъ княземъ-генераломъ. Его замокъ представлялъ разительный контрастъ съ тѣмъ жилищемъ, которое мы только что покинули. Въ немъ не было ничего элегантнаго, и по всему было видно, что владѣтель желалъ только продолжать древнія традиціи и ничего не измѣнять въ старыхъ обычаяхъ. Все тамъ дышало гостепріимствомъ и сердечнымъ добродушіемъ. Съ первой минуты всякій чувствовалъ себя, какъ дома. Подъ легкомысленной внѣшностью князь скрывалъ основательныя знанія; отличный оріенталистъ, онъ зналъ нѣсколько языковъ и основательно былъ знакомъ съ всеобщей литературой. Онъ примирялъ всякаго съ избыткомъ своей учености блестящимъ умомъ и веселостью. Я никогда не видала такого остроумнаго человѣка, за исключеніемъ принца де-Линя, и притомъ нашъ князь-генералъ отличался благородной душой и возвышенными чувствами. Если бы

онъ въ ранней молодости не подвергся тлетворному вліянію свѣтскаго общества, то мало людей могло бы съ нимъ сравниться, и его политическое вліяніе не прошло бы столь безслѣдно.

Когда я увидѣла его въ первый разъ, то его маститый возрость еще нимало не отуманивалъ блеска и живости его ума. Это былъ маленькій, сухощавый старичекъ, всегда напудренный, всегда опрятный, всегда нарядный. По какому-то случаю, Іосифъ II пожаловалъ его въ австрійскіе фельдмаршалы, хотя онъ никогда не бывалъ на войнѣ. Но подъ этимъ чужестраннымъ мундиромъ, который онъ постоянно носилъ, билось сердце истиннаго патріота. Искренняя доброта выражалась во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и вся страна обожала его. Онъ содержалъ и воспитывалъ на свой счетъ дѣтей многихъ бѣдныхъ дворянъ, слѣдилъ за ихъ умственнымъ развитіемъ и посылалъ ихъ доканчивать свое образованіе за границу. Значительное число замѣчательныхъ людей одолжено было своей высшей культурой такъ называемой Пулавской школѣ, которая имѣла вѣтви во Франціи и Англіи. Подобная щедрость подточила его состояніе, и сыновьямъ пришлось уплачивать немало долговъ. Только въ одномъ отношеніи онъ былъ очень экономенъ, именно относительно стола. Самъ князь, по предписанію докторовъ, обѣдалъ всегда въ своей комнатѣ и придерживался строгой діэты, а насъ, садившихся за столъ ежедневно около пятидесяти человѣкъ, кормили очень скромно. Конечно, никто не жаловался, тѣмъ болѣе, что, какъ всѣмъ было извѣстно, на княжеской кухнѣ еще кормили каждый день до ста бѣдныхъ. Онъ же самъ постоянно ходилъ кругомъ стола и развлекалъ гостей веселыми, остроумными шутками. Если же ему случалось встрѣтить управляющаго, то онъ говорилъ ему при всѣхъ со смѣхомъ:

— Что же вы, старый плутъ, все придерживаетесь своей системы: подавать слишкомъ молодое вино и черезчуръ старое мясо?

Жена князя, Изабелла, урожденная графиня Флемингъ, была женщина не безъ достоинствъ. Въ ту эпоху, о которой я теперь говорю, она занимала бо́льшую часть дня посѣщеніемъ бѣдныхъ и больныхъ, въ сосѣднихъ деревняхъ, а затѣмъ все остальное свое время посвящала наблюденію за работами въ великолѣпномъ пулавскомъ паркѣ. Въ этомъ паркѣ было много очень интересныхъ построекъ. Самая замѣчательная изъ нихъ была посвящена историческимъ и національнымъ воспоминаніямъ. Это было вѣрная копія съ храма Сивиллы въ Тиволи. Искусный архитекторъ, которому была поручена эта работа, ѣздилъ въ Италію и, на мѣстѣ изучивъ оригиналъ, воспроизвелъ его съ самой пунктуальной точностью во всѣхъ мелочахъ. Одного только онъ не могъ создать—итальянскаго неба, а потому долженъ былъ удовольствоваться въ нашей туманной атмосферѣ громаднымъ стеклояннымъ куполомъ.

Въ этомъ зданіи собраны были регаліи нашихъ королей, драгоцѣнныя украшенія нашихъ королевъ, оружіе нашихъ великихъ пол-

ководцевъ и трофеи, взятые у враговъ. Эта благородная патріотическая коллекція состояла изъ приношеній почти каждой изъ нашихъ знаменитыхъ семей. На фронтонѣ красовалась надпись, свидѣтельствовавшая о нашей славѣ, горькой судьбѣ и надеждахъ: «Прошедшее-будущему». Второе зданіе, называвшееся готическимъ домомъ, представляло живописное соединеніе фламандскаго и мавританскаго стилей. Княгиня соединила тутъ историческіе предметы всѣхъ временъ и націй. Рядомъ съ локономъ волосъ Агнесы Сорель въ великолѣпной рамкѣ, изъ горнаго хрусталя, осыпанной драгоцѣнными камнями, и кубкомъ, служившимъ при вѣнчаніи на царство старинныхъ русскихъ государей и взятымъ поляками въ Москвѣ, находились прекрасный портретъ Рафаеля, писанный имъ самимъ, кресло Шекспира и столъ Вольтера, въ ящикѣ котораго сохранялись письмо Тюренна, фортификаціонный планъ Вобана, молитвенникъ Лавальеръ и автографы всѣхъ французскихъ королей отъ Франциска I до Наполеона.

Нельзя выразить, какъ интересны были бесѣды княгини, которая умѣла отнести къ каждому изъ своихъ сокровищъ любопытный разсказъ; кромѣ того, она много путешествовала, много знала знаменитыхъ людей, и ея личныя воспоминанія возбуждали большой интересъ. Главныя роли въ этихъ воспоминаніяхъ играли Фридрихъ II, императоръ Іосифъ II и австрійскій министръ Кауницъ. Первый ей не очень нравился, какъ нелюбезный, суровый, хотя очень умный собесѣдникъ. Онъ терпѣть не могъ своей жены, и каждый изъ нихъ имѣлъ отдѣльный дворъ и очень рѣзко отзывался другъ о другѣ; такъ, Фридрихъ называлъ свою жену старой дурой, а она награждала его названіемъ стараго негодяя, или стараго скряги. Дѣйствительно, по словамъ княгини Чарторижской, кабинетъ короля представлялъ странное зрѣлище въ ту минуту, какъ она его посѣтила: на столѣ, заваленномъ бумагами, стояла тарелка съ вишнями, на которыхъ находилась бумажка съ надписью рукой Фридриха: «я оставилъ восемнадцать штукъ», а рядомъ, на диванѣ, валялся старый мундиръ, дожидавшійся починки. Нечего сказать, курьезный кабинетъ: конечно, Наполеонъ лучше пользовался своимъ правомъ побѣды, чѣмъ Фридрихъ правомъ рожденія.

Княгиня Чарторижская предпочитала прусскому королю Іосифа II, который былъ однимъ изъ остроумнѣйшихъ людей своего времени. Княгиня привезла ему письмо отъ его несчастной сестры Маріи-Антуанеты, и онъ принялъ ее очень любезно. Относительно же французской революціи онъ выражался съ удивительнымъ предвидѣніемъ и однажды сказалъ княгинѣ:

— Дѣла во Франціи пойдутъ все хуже и хуже, пока не явится геніальный человѣкъ, который возьметъ въ свои руки власть и возстановитъ порядокъ. Что же касается до моей сестры, то, по несчастью, ее уже поздно спасти, и она, боюсь, станетъ жертвой своихъ ошибокъ и слабости своего мужа.

Князь Кауницъ славился своей дерзостью, и княгиня разсказывала о немъ курьезный анекдотъ. Отличаясь прекрасными зубами, онъ такъ заботился о нихъ, что послѣ обѣда, не вставая изъ-за стола, и при всѣхъ гостяхъ, онъ чистилъ себѣ зубы щеткой. На мой вопросъ у княгини, какъ могла она стерпѣть такое оскорбительное невѣжество, княгиня отвѣчала:

— Увы, да, въ первый разъ я такъ была поражена, что не нашлась, что сказать, или сдѣлать, но на слѣдующихъ обѣдахъ я всегда вставала передъ дессертомъ, подъ предлогомъ головной боли.

Зимой мы вернулись въ Варшаву и жили въ домѣ родителей мужа. Я уже говорила, что любила все необыкновенное и чудесное, а потому, зная, что мой свекоръ былъ массонъ, я съ любопытствомъ разспрашивала его о тѣхъ таинствахъ, которыя совершались въ ложѣ Великаго Востока; но онъ не хотѣлъ удовлетворить моего любопытства и все отмалчивался. Наконецъ, я стала такъ упорно къ нему приставать, что онъ согласился повезти меня къ одному знаменитому иллюминату, который показывалъ такія чудеса изъ области невѣдомаго, что разсказать ихъ было невозможно. Я съ удовольствіемъ приняла его предложеніе и уплатила сто дукатовъ, которые, по его словамъ, было необходимо пожертвовать въ пользу бѣдныхъ, для полученія права присутствовать при таинствахъ иллюмината. Въ назначенный день мы всей семьей были во французскомъ театрѣ, и послѣ второго акта я, по предварительному соглашенію со свекромъ, заявила, что у меня болитъ голова, и онъ взялся проводить меня домой. Мы сѣли въ карету и быстро поѣхали. Долго катились колеса то по мостовой, то по мягкой дорогѣ, такъ что я была убѣждена, что мы выѣхали изъ города. Наконецъ, мы остановились и, выйдя изъ кареты, поднялись по темной лѣстницѣ, едва освѣщенной фонаремъ, который держалъ въ рукахъ привратникъ. Очутившись въ маленькой передней, мы долго ждали въ темнотѣ, пока наконецъ раздался гробовой голосъ: войдите! Я задрожала, какъ осенній листъ, и прижалась къ свекру. Мы вошли въ большую комнату, слабо освѣщенную лампою съ абажуромъ, которая стояла на столѣ, покрытомъ чернымъ сукномъ.

За этимъ столомъ сидѣлъ старикъ, съ сѣдыми волосами и въ восточной одеждѣ. Глаза у него были скрыты большими очками, и онъ внимательно читалъ, не обращая вниманія на наше присутствіе. Деревянная чернильница, черепъ и груда большихъ книгъ дополняли убранство стола. Комната же была пустая, и въ ней только обращали на себя вниманіе черная занавѣсь, повидимому, что-то скрывавшая, и громадное выпуклое зеркало въ рамѣ изъ чернаго дерева. Въ этомъ зеркалѣ, вѣроятно, подумала я, можно видѣть будущее, а за черной занавѣсью являются видѣнія. Мы подошли къ столу, и свекоръ сказалъ:

— Учитель, вотъ молодая женщина, о которой я вамъ говорилъ,

ея сердце пылаетъ любовью къ ближнему, а умъ жаждетъ свѣта, но такъ какъ она не знаетъ ни по-гречески, ни по-латыни, то говорите съ нею по-французски.

Иллюминатъ поднялъ голову и произнесъ глухимъ голосомъ:

— Чего вы желаете, сестра моя?

Искренно говоря, я желала въ эту минуту находиться въ моей гостиной, но я не хотѣла выказать своего смущенія и бросила на свекра умоляющій взглядъ, прося его высказать за меня мои желанія. Онъ понялъ меня и заявилъ, что я желала бы видѣть одно изъ тѣхъ видѣній, которыя могъ вызывать ученый изслѣдователь невѣдомой области. Тогда иллюминатъ спросилъ меня, что я желаю видѣть: звѣрей апокалипсиса, умершихъ, или отсутствующихъ. При мысли о мертвыхъ и звѣряхъ я почувствовала холодъ во всемъ тѣлѣ и отвѣтила, что желаю видѣть живыхъ, именно: мать, мужа и госпожу Соболевскую. Онъ удалилъ меня въ темную переднюю, такъ какъ я не могла присутствовать при таинственныхъ приготовленіяхъ, и я нѣсколько минутъ находилась одна среди мрака. Страхъ напалъ на меня; я упрекала себя за преступное любопытство, молила моего ангела хранителя спасти меня и дала обѣщаніе никогда болѣе не предпринимать ничего подобнаго. Спустя нѣсколько минутъ, свекоръ пришелъ за мной, и мы снова очутились передъ иллюминатомъ.

— Сестра,—сказалъ онъ,—ваше желаніе будетъ исполнено, но предупреждаю васъ, что если вы сдѣлаете одинъ шагъ, или скажете хоть одно слово, то все исчезнетъ. Смотрите на занавѣсъ и вы сейчасъ увидите любимыхъ вами людей и въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся въ настоящее время.

Старикъ хлопнулъ въ ладоши, черная занавѣсь поднялась, и я увидѣла чрезъ облака легкаго пара ту ложу, изъ которой я незадолго передъ тѣмъ уѣхала, а въ ней мою мать, мужа и подругу. Я вскрикнула, и занавѣсь тотчасъ опустилась.

— Ну, — сказалъ мой свекоръ:—вы доказали свое мужество, и потому можно васъ посвятить во всѣ остальныя таинства. Пойдемте со мною.

Онъ отдернулъ занавѣсь, и передо мною открылась великолѣпно освѣщенная зала съ прекрасно накрытымъ столомъ, за которымъ сидѣла вся наша семья и значительное число друзей. Я была внѣ себя отъ изумленія и не знала, было ли это видѣніе, или дѣйствительность; но меня тотчасъ всѣ окружили и объяснили, что все это была мистификація, устроенная съ цѣлью вылѣчить меня отъ излишней склонности къ чудесному. Я нимало не обидѣлась и смѣялась больше всѣхъ, но не могу не прибавить, что если бы свекоръ отвезъ меня домой такимъ же таинственнымъ образомъ, послѣ того, какъ я видѣла театральную ложу въ облакахъ пара, то я была бы вполнѣ убѣждена, что иллюминаты могутъ вызывать сверхъестественныя видѣнія.

Остальная зима прошла тихо. Семнадцатаго марта я родила своего старшаго сына, Августа, и хотя у меня было потомъ еще двое дѣтей, но я никогда не испытывала такой восторженной радости, какъ услыхавъ первый крикъ моего первенца.

Когда я оправилась, то мы зажили съ мужемъ одни въ Натолинѣ, и какъ ни хорошо намъ было у его родителей, а жизнь въ своемъ домѣ оказалась гораздо пріятнѣе. Я тотчасъ принялась подъ руководствомъ свекра украшать это прекрасное помѣстье и даже охотно продавала брилліанты, чтобы покупать мраморъ и бронзу. Мой мужъ, повидимому, раздѣлялъ мои художественные вкусы и, не смотря на свою холодную натуру, враждебную всякому энтузіазму, съ гордостью любовался моею артистическою дѣятельностью въ Натолинѣ.

III.

Александръ I въ Вилановѣ.—Вступленіе Наполеона въ Варшаву.

1805—1806.

Однажды, вечеромъ, мы спокойно пили чай въ Вилановѣ, какъ неожиданно мой мужъ получилъ письмо, которое его очень удивило, и когда я спросила, въ чемъ дѣло, то онъ предложилъ мнѣ отгадать, какой гость пріѣдетъ къ намъ на другой день. Какъ я ни ломала себѣ головы, но не могла разрѣшить этой загадки. Дѣйствительно, невозможно было напасть на мысль, что къ намъ пріѣдетъ императоръ Александръ со свитой. Чѣмъ болѣе я видѣла потомъ различныхъ государей, тѣмъ основательнѣе убѣждалась, что они не подозрѣваютъ, сколько хлопотъ и затрудненій они причиняютъ своими визитами. Имъ такъ постоянно, съ самой колыбели, твердятъ, о счастьи, которое они доставляютъ своимъ посѣщеніемъ, что они не могутъ и постичь, какъ стѣсняетъ и озабочиваетъ ихъ присутствіе.

Но прислуга просто дѣлала чудеса, и къ двумъ часамъ слѣдующаго дня все было готово къ пріему, конечно, благодаря близости Варшавы. Я пригласила дядю, князя Іосифа Понятовскаго и тетку, графиню Марію Тышкевичъ, чтобы помочь мнѣ достойно встрѣтить царственнаго гостя, тѣмъ болѣе, что я дебютировала прямо съ пріема такого могущественнаго государя.

Императоръ пріѣхалъ въ четыре часа. Онъ былъ молодъ и красавецъ, но хотя прекрасно сложенъ, онъ, показалось мнѣ, скорѣе обладалъ элегантностью, чѣмъ благороднымъ достоинствомъ. Его манеры не отличались той непринужденностью, которая обыкновенно дается человѣку, находящемуся въ исключительномъ положеніи и привыкшему повелѣвать. Онъ, повидимому, чувствовалъ себя всегда неловко, и его чрезмѣрная учтивость отличалась чѣмъ-

то банальнымъ; вообще все, до чрезвычайно узкаго мундира, придавало ему видъ скорѣе пріятнаго офицера, чѣмъ юнаго монарха.

Князь Адамъ Чарторижскій, сынъ князя-генерала, сопровождалъ Александра. Говорили, что императоръ, подъ вліяніемъ этого друга своей юности, не знавшаго другой страсти, какъ любви къ отечеству, рѣшился возстановить Польшу. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что пруссаки, владѣвшіе тогда Варшавой, не дозволили императору проѣхать чрезъ этотъ городъ, изъ боязни, чтобы поляки не сдѣлали восторженной встрѣчи тому, кто, будто бы, имѣлъ намѣреніе провозгласить себя королемъ Польши. Вотъ почему мы имѣли честь принимать его въ Вилановѣ, а прусскій генералъ Калькрейтеръ, комендантъ Варшавы, получилъ приказаніе встрѣтить Александра и проводить его до границы. Этимъ, какъ будто, оказывалась честь державному путешественнику, но, конечно, никто не поддался обману, и всѣ громко смѣялись надъ такой выходкой.

Я не знаю какъ, но мужу удалось узнать желанія его величества относительно лицъ, которыя должны были сидѣть за однимъ съ нимъ столомъ, и до этой чести были допущены только двое чужихъ: князь Чарторижскій и генералъ Калькрейтеръ, а остальная свита обѣдала въ отдѣльной залѣ; съ нашей же стороны сидѣли за царскимъ столомъ, кромѣ меня и мужа, только тетка, такъ какъ князь Понятовскій отказался пріѣхать. Такимъ образомъ насъ всего было шесть человѣкъ. Кувертъ императора былъ поставленъ во главѣ стола, поодаль отъ всѣхъ другихъ, но онъ былъ этимъ недоволенъ и пододвинулъ свое кресло къ моему стулу. Онъ ѣлъ мало, а говорилъ много. Его разговоръ былъ очень простъ и сдержанъ. Нельзя было приписать ему большого ума, но слѣдовало признать, что высказываемыя имъ мысли были благородны, возвышенны, а образъ выраженій чрезвычайно осторожный; почти не возбуждалось вопроса о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя побудили его къ путешествію, а тѣ немногія слова, которыя онъ произнесъ по этому поводу, отличались благоразумной умѣренностью. Прибавлю кстати, что генералы его свиты не выказывали такой же скромности, а, напротивъ, спрашивали, что намъ прислать изъ Парижа, полагая, что легкія побѣды доведутъ ихъ прямо до французской столицы, тогда какъ на дѣлѣ, спустя мѣсяцъ, произошелъ аустерлицкій погромъ, и нашъ высокій гость быстро ретировался въ Петербургъ.

Но вернусь къ обѣду, который продолжался очень долго. У Александра былъ слабый слухъ, и, какъ всѣ глухіе въ молодости, онъ старался говорить очень тихо, а такъ какъ никто не рѣшался переспрашивать его слова, то обыкновенно ему отвѣчали, что попало, и часто не то, что слѣдовало. Наконецъ, мы перешли въ гостиную, и онъ продолжалъ разговаривать еще добрыхъ два часа, но ни разу не присѣлъ. Меня увѣряли, что его мундиръ былъ до того узкій, что ему неловко садиться. Около полуночи онъ удалился въ

приготовленныя ему двѣ комнаты, выбравъ изъ нихъ ту, которая попроще.

На слѣдующее утро намъ пришлось встать очень рано, чтобы присутствовать при завтракѣ его величества и проститься съ нимъ, что для моего слабаго здоровья было тяжело. Садясь въ карету, императоръ очень любезно спросилъ меня, чѣмъ онъ можетъ доказать свою признательность за нашъ пріемъ. Видя, что онъ находится въ прекрасномъ расположеніи духа, я чуть не сказала—«дайте намъ Польшу»; но, увидавъ, что мужъ нахмурилъ брови, вѣроятно, отгадавъ мое намѣреніе, я сдержала свой патріотическій пылъ и остановилась въ границахъ этикета, по которому не слѣдуетъ спрашивать у государей того, въ чемъ они могутъ отказать. Поэтому я попросила Александра написать свое имя въ книгѣ гостей, посѣщающихъ Виланово. Онъ исполнилъ мое желаніе и росписался на первой страницѣ этой книги. Тогда мы не думали, что вскорѣ, рядомъ съ именемъ русскаго императора, роспишется Наполеонъ.

Событія шли съ изумительной быстротой, и хотя никто изъ насъ не сомнѣвался въ счастливой звѣздѣ Наполеона, но трудно было вообразить, чтобы такъ скоро послѣ Аустерлица послѣдовала Іена. Когда же Наполеонъ, вслѣдъ за послѣдней побѣдой, вступилъ въ Берлинъ, то самые благоразумные люди стали вѣрить въ уничтоженіе Пруссіи и возстановленіе Польши. Въ Варшавѣ общественное мнѣніе такъ громко высказывало свои чувства и надежды, что пруссаки, ненавистные владѣтели города, не въ силу права завоеванія, а по третьему раздѣлу, ясно видѣли, въ чью сторону клонились вѣсы; однако, имъ надо отдать справедливость, что они никого не преслѣдовали, а только старались всячески задержать извѣстія о побѣдоносномъ шествіи Наполеона, захватывая газеты и сожигая частныя письма. Это не мѣшало нашей молодежи наполнять рестораны, пить за здоровье братьевъ-освободителей и распѣвать патріотическія пѣсни.

Наконецъ, генералъ Калькрейтеръ получилъ тайное извѣстіе, что Наполеонъ выступилъ изъ Берлина и идетъ на Познань; онъ тотчасъ принялъ мѣры къ выступленію гарнизона, такъ какъ о немъ совершенно забыли, а когда стало извѣстно, что французы уже въ Познани, то онъ быстро удалился со всѣми пруссаками въ русскій лагерь, на противоположной сторонѣ Вислы. Въ то же время князь Іосифъ Понятовскій получилъ письмо отъ прусскаго короля, который назначалъ его губернаторомъ Варшавы и начальникомъ несуществовавшей національной гвардіи. Онъ просилъ князя озаботиться о благѣ жителей города, увѣряя, что никому другому не можетъ довѣрить такого важнаго дѣла. Но пруссаки, удаляясь, не оставили ни одного ружья, и князь долженъ былъ вооружить около сотни людей копьями и дреколіемъ для занятія карауловъ.

Прошло нѣсколько дней, и двадцать перваго ноября показался первый французскій полкъ. Невозможно описать того энтузіазма, который овладѣлъ всей Варшавой. Мы смотрѣли на эту горсть храбрецовъ, какъ на гарантію той независимости, которую намъ долженъ былъ даровать великій герой, подчинившій себѣ весь міръ. Всѣ наперерывъ приглашали къ себѣ офицеровъ и солдатъ; на улицахъ и площадяхъ явились накрытые столы; гостей угощали и напаивали; съ ними цѣловались и братались. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ, но нельзя скрыть, что ночью французскіе солдаты, спьяна, учинили неблаговидные поступки, сразу охладившіе нашъ энтузіазмъ.

На слѣдующее утро Мюратъ, тогда великій герцогъ Бергскій, вступилъ въ Варшаву во главѣ блестящей свиты, сіявшей золочеными мундирами, разноцвѣтными плюмажами и т. д. Ему приготовили великолѣпный домъ Рачинскаго, но онъ нашелъ, что тамъ дымились печки, и перешелъ къ намъ.

Мнѣ очень хотѣлось видѣть поближе французовъ, и передъ ужиномъ я попросила свекра пригласить адъютантовъ Мюрата. Онъ исполнилъ съ удовольствіемъ мое желаніе, но, увы, получился отвѣтъ, что адъютанты никогда не ужинаютъ. Однако не успѣли мы сѣсть за столъ, какъ послышался въ сосѣдней залѣ звонъ шпоръ и сабли. Въ столовую вбѣжалъ молодой гусарскій офицеръ и бросился къ моему мужу, какъ къ хорошему пріятелю.

— А! это Шарль!—воскликнулъ мужъ, знавшій вошедшаго въ Парижѣ, и, обнявъ его, представилъ мнѣ.

Это былъ графъ Ф., и я слыхала, что онъ пользовался славой моднаго обольстителя, внушившаго искреннюю любовь одной изъ моихъ соотечественницъ. Благоразумныя женщины мало обращаютъ вниманія на извѣстныхъ побѣдителей женскихъ сердецъ, или, по крайней мѣрѣ, относятся къ нимъ съ недовѣріемъ, но менѣе осторожныя и слишкомъ надѣющіяся на свои принципы женщины позволяютъ себѣ бравировать опасностью. Я принадлежала къ числу послѣднихъ, и мнѣ было непріятно, что меня застали врасплохъ относительно туалета. Я опустила голову и не хотѣла даже взглянуть на вошедшаго, но онъ заговорилъ такимъ гармоничнымъ голосомъ, что я невольно подняла глаза.

Шарлю было двадцать одинъ или двадцать два года; онъ не поражалъ красотой, но лицо его было очень пріятное. Взглядъ его отуманивался какой-то сердечной печалью; его манеры отличались элегантностью, безъ малѣйшаго фатовства; говорилъ онъ остроумно и высказывалъ благородныя, независимыя идеи. Никогда я не видывала человѣка, который болѣе осуществлялъ обыкновенный идеалъ романтическаго героя и рыцаря. Поэтому его мать—маркиза Суза, вывела его во многихъ изъ своихъ прелестныхъ романовъ.

Онъ провелъ съ нами весь вечеръ и на всѣ наши вопросы объ

удивительной Іенской кампаніи, продолжавшейся лишь нѣсколько дней, отвѣчалъ съ удивительнымъ тактомъ и безъ малѣйшаго хвастовства. Какъ настоящій французъ, онъ умѣлъ вести бесѣду такъ, что интересъ никогда не прерывался. Увлеченная его примѣромъ, я въ концѣ вечера также приняла участіе въ разговорѣ и, признаюсь, мнѣ было очень пріятно, что онъ слушалъ меня съ удовольствіемъ.

Два дня послѣ своего пріѣзда, Мюратъ предупредилъ меня о своемъ визитѣ и явился вечеромъ съ многочисленной свитой. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ красивымъ лицемъ, хотя безъ всякаго выраженія. Онъ очень рисовался и походилъ на актера, игравшаго роль героя. Легко было подмѣтить эту искусственность въ его манерахъ и заключить, что онъ обыкновенно велъ себя иначе; говорилъ онъ недурно, но изысканно, а гасконскій акцентъ и нѣкоторыя солдатскія выраженія противорѣчили его напускному величію. Онъ очень любилъ распространяться о своихъ подвигахъ и около часа разсказывалъ намъ о войнѣ, преимущественно о взятіи Любека. Онъ взялъ этотъ городъ во главѣ своей кавалеріи точно приступомъ; конечно, это былъ прекрасный военный подвигъ, но непріятно было слышать подробности о томъ, что кровь лилась ручьями по улицамъ, и лошади останавливались передъ грудами труповъ. Мюратъ уже усвоилъ себѣ королевскій обычай—не разговаривать, а говорить въ полной увѣренности, что всѣ его слушаютъ съ уваженіемъ, если не съ удовольствіемъ. Наконецъ, онъ всталъ, торжественно поклонился и объявилъ, что вернется въ свой кабинетъ для изученія карты Польши и положенія русской арміи.

Вскорѣ мой дядя далъ великолѣпный балъ въ королевскомъ замкѣ, такъ какъ Мюратъ, желая всѣмъ показаться, сказалъ, что ему очень хотѣлось бы познакомиться съ польками, о красотѣ которыхъ онъ столько слышалъ. Я была нездорова и не могла присутствовать на этомъ балѣ, но мнѣ тотчасъ донесли, что онъ явился въ полной парадной формѣ. Я потомъ видѣла его въ этомъ театральномъ костюмѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшемъ человѣку его крови. Дѣйствительно, замѣчательнымъ во всемъ его костюмѣ былъ только трехцвѣтный плюмажъ на шляпѣ, который всегда во время битвы виднѣлся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Поляки приходили въ такой восторгъ отъ его смѣлой храбрости, что съ удовольствіемъ замѣнили бы этотъ плюмажъ короной. Мы никогда впослѣдствіи не могли провѣрить, дѣйствительно ли Наполеонъ далъ поводъ своему зятю питать такія надежды, но, несомнѣнно, Мюратъ тѣшилъ себя мыслью о польской коронѣ и любилъ сравнивать себя съ нашимъ королемъ-солдатомъ, Яномъ Собѣсскимъ, о жизни котораго онъ постоянно разспрашивалъ самыя мелкія подробности.

Какъ только распространилось извѣстіе о прибытіи Наполеона въ Познань, было рѣшено послать къ нему депутацію, но сдѣлать

это было нелегко. Всѣ выдающіеся люди страны находились въ своихъ помѣстьяхъ, ожидая тамъ событій, и, притомъ, тѣ изъ нихъ, которые находились подъ зависимостью Россіи, боялись скомпрометировать себя, зная, что ихъ богатства могли подвергнуться секвестру при малѣйшей неосторожности съ ихъ стороны. Поэтому, послѣ долгихъ совѣщаній, вышли изъ затруднительнаго положенія посылкой такихъ трехъ лицъ, которыя не имѣли никакого значенія. Наполеонъ тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, и обратился къ депутаціи съ самой пустой, банальной рѣчью, которая нисколько не поддерживала возбужденныя его прибытіемъ надежды. Однако, Мюратъ далъ понять городскимъ властямъ, что императоръ вступитъ въ Варшаву съ нѣкоторой помпой, хотя бы для того, чтобъ имѣть предлогъ послать блестящую статью въ «Мониторъ». Конечно, тотчасъ принялись воздвигать на улицахъ тріумфальныя арки и колонны, готовить иллюминацію и составлять поэтическія надписи для щитовъ. Но всѣ эти приготовленія оказались излишними: Наполеонъ явился верхомъ въ четыре часа утра, самъ разбудилъ караульнаго въ будкѣ у замка и произвелъ неописанный переполохъ въ древнемъ жилищѣ нашихъ королей, тѣмъ болѣе, что всѣ предпринятыя передѣлки не были еще окончены.

По счастью, покои послѣдняго короля, оставшіеся въ прежнемъ своемъ видѣ, какъ бы ожидали новаго повелителя. Эта часть замка, построенная при Станиславѣ-Августѣ, отличалась такимъ художественнымъ совершенствомъ, что на нее не вліяли ни время, ни перемѣна моды.

Императора сопровождалъ только его мамелюкъ Рустанъ, а экипажи застряли въ грязи, такъ какъ въ это время года по проселочнымъ дорогамъ нельзя было проѣхать, а шоссе тогда еще не существовали. Помѣстившись въ замкѣ, Наполеонъ немедленно далъ знать, что вечеромъ онъ приметъ властей и всѣхъ, кто имѣлъ право представиться ему.

Мы ожидали съ живѣйшимъ волненіемъ возвращенія лицъ, отправившихся въ замокъ. Мой свекоръ былъ во главѣ оффиціальной депутаціи, и, вернувшись домой въ десять часовъ, онъ казался далеко не въ восторгѣ, а былъ только приведенъ въ неописанное удивленіе. Наполеонъ говорилъ съ ними очень много и быстро, что означало въ немъ нервное волненіе. Но, не смотря на свою многорѣчивость, онъ не сказалъ ничего утѣшительнаго, и даже, я полагаю, онъ охотно взялъ бы назадъ нѣсколько вырвавшихся у него фразъ. Распространившись о своихъ подвигахъ въ Пруссіи и подробно выяснивъ причины этой войны, онъ указалъ на большія затрудненія, которыя приходилось преодолѣвать столь большой арміи для движенія впередъ и пріобрѣтенія жизненныхъ припасовъ.

— Но въ сущности это все равно,—прибавилъ онъ, засунувъ руки въ карманы,—вотъ гдѣ у меня французы. Вліяя на ихъ воображеніе, я дѣлаю съ ними все, что хочу.

Безмолвное удивленіе выразилось на лицахъ всѣхъ слушавшихъ эти слова.

Онъ немного помолчалъ, а потомъ произнесъ:

— Да, да, это такъ, какъ я говорю.

И понюхавъ табаку, чтобъ перевести дыханіе, онъ сталъ живо говорить, упрекая польскихъ магнатовъ въ недостаткѣ энергіи и патріотизма.

— Необходимы, — воскликнулъ онъ,—самоотверженіе, жертвы, кровь. Безъ этого вы никогда ничего не достигните.

Но среди этого наплыва словъ, онъ не произнесъ ни одного, которое можно было бы принять за обѣщаніе. Поэтому самые благоразумные изъ явившихся къ нему лицъ вернулись съ этой аудіенціи недовольные, но съ твердой рѣшимостью сдѣлать все, что могли подсказать имъ честь и любовь къ родинѣ.

Съ этой минуты всѣ занялись военной организаціей, наборомъ солдатъ и т. д. Каждый жертвовалъ все, что могъ, и неимѣющій денегъ несъ семейныя сокровища. Впрочемъ, французы не церемонились брать даже и то, чего имъ не давали. Такъ, одинъ польскій вельможа, устроивъ пиръ французскому маршалу, съ удивленіемъ узналъ, что его серебро увезли въ фургонахъ героя. Онъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія императора, и тотъ, придя въ негодованіе отъ такихъ дѣйствій въ дружественной странѣ, приказалъ тотчасъ возвратить серебро его хозяину и объяснилъ случившееся недоразумѣніемъ со стороны прислуги маршала, которая не привыкла къ такому пышному пріему.

У насъ въ домѣ по вечерамъ постоянно бывали французы, и мой мужъ помогалъ мнѣ любезно принимать дорогихъ гостей. Иногда играли въ карты, но чаще всего разговаривали. Зять императора, принцъ Боргезе, былъ однимъ изъ завсегдатаевъ моей гостиной, но никто не обращалъ на него вниманія, и какъ только общій разговоръ принималъ нѣсколько серьезный характеръ, онъ уходилъ на средину залы и танцовалъ со стульями, напѣвая въ полголоса. У насъ часто бывали: храбрый генералъ Эксельманъ, остроумный Луи де-Перигоръ, умершій годъ спустя на пути изъ Петербурга въ Берлинъ, интересный разсказчикъ, Альфредъ де-Нуаль, красавецъ Лагранжъ и много другихъ, имена которыхъ я не припомню.

Между тѣмъ мой сынъ занемогъ, и я не могла быть постоянно при немъ, такъ какъ онъ помѣщался въ томъ флигелѣ, гдѣ жили адъютанты Мюрата, и мнѣ надо было проходить туда черезъ дворъ, что было мнѣ запрещено докторами въ виду моего интереснаго положенія и декабрьскихъ холодовъ. Легко понять, какъ я безпокоилась о ребенкѣ и съ какой радостью получила на второй день его болѣзни подробный бюллетень о томъ, сколько онъ спалъ, сколько разъ принималъ лѣкарство, въ какомъ находился положеніи и т. д. Мое материнское сердце подсказало мнѣ, кто написалъ этотъ бюллетень, а

когда я встрѣтила потомъ графа Ф., то въ большомъ смущенiи стала его благодарить, но онъ меня перебилъ:

— Полноте, какъ часто придаютъ значенiе самой пустой случайности. Сегодня ночью я былъ дежурный, а въ комнатѣ вашего сына стоитъ препокойный диванъ; я и помѣстился на этомъ диванѣ, а чтобъ не заснуть, я сталъ записывать все, что дѣлалось вокругъ меня. Успокойтесь, вашъ сынъ поправляется; всякая опасность миновала,—прибавилъ онъ такимъ нѣжнымъ голосомъ, который тронулъ меня до глубины души.

Я не могла произнести ни слова. Онъ взялъ мою руку, пожалъ ее, но не посмѣлъ поцѣловать и быстро скрылся. Вѣрная своему супружескому долгу, я даже не допускала возможности чувства, отъ котораго было необходимо предостеречь себя, и просто отрицала всякую опасность. Мнѣ казалось, что была вполнѣ допустима дружба съ человѣкомъ, который соединялъ въ себѣ всѣ достоинства, которыя я желала бы видѣть напримѣръ, въ братѣ. Я не понимала того волненiя, которое овладѣвало мною, когда я встрѣчала нѣжный, меланхолическiй взглядъ Шарля, когда я слушала его прекрасное пѣнiе. Наконецъ, я забывала, и въ этомъ заключалась моя главная вина, что молодая женщина не должна имѣть никакого друга, кромѣ своего мужа. Но зачѣмъ же мой мужъ никогда не напоминалъ мнѣ объ этомъ?

IV.

Наполеонъ во дворцѣ польскихъ королей.

1807.

Зима 1807 года была очень суровая. Страна, обѣднѣвшая уже отъ прохода русской армiи, не имѣла возможности снабдить продовольствiемъ сто тысячъ французскихъ солдатъ, да еще скученныхъ въ одномъ мѣстѣ. Они много страдали и начинали роптать, нуждаясь во всемъ. Савари, бывшiй тогда адъютантомъ у императора, предложилъ подвергнуть Варшаву голодной смерти, закрывъ всѣ заставы и секвеструя ежедневно привозимые жизненные припасы въ пользу французской армiи. Наполеону надоѣли жалобы солдатъ, которыхъ онъ прозвалъ ворчунами, и, согласившись на планъ Савари, онъ выдалъ соотвѣтственный приказъ.

Такимъ образомъ мы, всѣ жители Варшавы, должны были умереть съ голоду. Графъ Ф. предупредилъ насъ объ этомъ, но такъ какъ подобный поступокъ могъ его погубить, то намъ слѣдовало принять мѣры къ собственному спасенiю, не компрометируя добраго друга. На семейномъ совѣтѣ, по мысли моего мужа, было рѣ-

шено, что мы всѣ отправимся за провизіей, подъ предлогомъ неожиданной поѣздки къ друзьямъ, но, по счастью, эти предосторожности оказались излишними. Бертье и Талейранъ убѣдили императора не рисковать подобной мѣрой, которая могла возбудить мятежъ. Наполеонъ отмѣнилъ свое распоряженіе и приказалъ силой прорвать австрійскій кордонъ, что доставило его арміи и намъ значительные запасы продовольствія.

Между тѣмъ всѣ удивлялись спокойной жизни Наполеона въ замкѣ, а наши дамы приходили въ негодованіе, что онъ такъ долго мѣшкалъ познакомиться съ нами. Вскорѣ оказалось, что онъ не терялъ даромъ времени, а изучалъ наиболѣе успѣшный планъ атаки; не смотря на холода, онъ вдругъ отправился на аванпосты и вступилъ въ борьбу съ русскими, укрѣпившимися на противоположномъ берегу Вислы, въ маленькомъ городкѣ Пултускѣ. Дрались впродолженіе нѣсколькихъ дней, но безъ большого результата. Ненастная погода мѣшала всѣмъ военнымъ дѣйствіямъ; постоянные дожди такъ размыли дороги, что пушки вязли, и много солдатъ погибло, провалившись подъ ледъ. Великій геній, которому до сихъ поръ повиновались стихійныя силы, не видывалъ никогда преградъ, надъ которыми не одержалъ бы побѣды, а теперь ему пришлось ретироваться.

Естественно, мы боялись, что эта неудача приведетъ въ ярость Наполеона, и городскія власти встрѣтили его съ нѣкоторымъ опасеніемъ. Но, къ ихъ удивленію, онъ спокойно произнесъ:

— Ну, ваша грязь спасла русскихъ; надо ждать мороза.

Потомъ онъ перешелъ къ вопросу о внутренней администраціи страны и сталъ подробно указывать, какія мѣры слѣдуетъ принять для доставленія необходимаго продовольствія французской арміи, и въ какихъ мѣстахъ слѣдовало устроить склады. При этомъ онъ вошелъ въ такія мелочныя подробности и такъ удивилъ своимъ знаніемъ мѣстныхъ условій и людей, что всѣ разинули рты. На этотъ разъ, посѣтившіе замокъ поляки вернулись оттуда внѣ себя отъ восторга, возбужденнаго удивительными способностями этого необыкновеннаго человѣка, одинаково умѣвшаго и побѣждать и управлять государствами.

Спустя нѣсколько дней, было объявлено, что произойдетъ въ замкѣ пріемъ дамъ. Всѣ польки стали съ лихорадочной ревностью готовить свои туалеты. Я не отставала отъ другихъ и была очень довольна своимъ костюмомъ, который состоялъ изъ открытаго чернаго, бархатнаго платья, вышитаго золотомъ и жемчугами. Этотъ строгій, благородный нарядъ шелъ ко мнѣ тѣмъ болѣе, что составлялъ разительный контрастъ съ моимъ свѣжимъ, веселымъ лицомъ.

Мы прибыли въ замокъ къ девяти часамъ вечера, и намъ пришлось пройти чрезъ цѣлую армію золотыхъ мундировъ, стоявшихъ шпалерами. Я шла за своей свекровью и старалась отгадать по

улыбкамъ мужчинъ, производилъ ли эффектъ мой костюмъ, и, признаюсь, была очень рада, когда одинъ изъ нихъ громко произнесъ:

— Вотъ оригинальный костюмъ! Точно хорошенькій портретъ въ старинной рамкѣ; ничего подобнаго не увидишь и въ Парижѣ.

Насъ провели въ великолѣпную залу съ историческими картинами, которыя впослѣдствіи были перенесены въ Москву, по приказанію императора Николая I. Она была освѣщена а giorno. Уже много дамъ стояло рядами, и такъ какъ въ приглашеніяхъ не дѣлали большого выбора, то наплывъ прекраснаго пола былъ значительный.

Мы ждали довольно долго и, признаюсь, къ нашему любопытству примѣшивалась и доля страха. Неожиданно двери отворились, и Талейранъ, выступивъ впередъ, произнесъ громко и внятно то магическое слово, отъ котораго дрожалъ тогда весь свѣтъ:

— Императоръ!

Въ ту же минуту показался Наполеонъ. Онъ остановился на минуту, чтобы всѣ могли его разсмотрѣть.

Существуетъ столько портретовъ этого удивительнаго человѣка, и столько разъ описывалась его наружность, что послѣдующія поколѣнія будутъ знать его также хорошо, какъ и мы; но кто его не видалъ, тотъ никогда не пойметъ, какое глубокое впечатлѣніе онъ производилъ съ перваго взгляда. Я почувствовала какое-то странное смущеніе, какое-то безмолвное изумленіе, словно присутствіе необыкновеннаго чуда. Мнѣ казалось, что надъ нимъ сіялъ ореолъ. Одна мысль, что передо мною безсмертный геній, ставила меня втупикъ. Конечно, моя юность и воображеніе играли при этомъ большую роль, но я не могу скрыть того, что почувствовала, увидавъ впервые Наполеона.

Моя свекровь стояла подлѣ двери, изъ которой вышелъ императоръ. Онъ обратился къ ней первой и любезно отозвался объ ея мужѣ. Затѣмъ, наступила моя очередь. Я, право, не знаю, что онъ сказалъ мнѣ, такъ я была смущена. Вѣроятно, это была одна изъ тѣхъ обычныхъ, банальныхъ фразъ, которыя всегда говорятъ молодымъ женщинамъ. Я отвѣчала что-то невпопадъ, и онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, что еще болѣе смутило меня. Онъ улыбнулся той нѣжной и граціозной улыбкой, которая всегда освѣщала его лицо, когда онъ говорилъ съ дамами. Потомъ онъ быстро обошелъ всю залу; нѣкоторыя изъ дамъ попытались высказать ему свои патріотическія надежды, которыя звучали совершенно фальшиво на придворномъ пріемѣ, и Наполеонъ отвѣчалъ имъ невнятными, неопредѣленными словами. Черезъ полчаса онъ вернулся къ той же двери, изъ которой вышелъ, и громко сказалъ Талейрану:

— Сколько хорошенькихъ женщинъ!

Затѣмъ онъ повернулся и съ любезнымъ поклономъ, обращеннымъ ко всѣмъ намъ, удалился въ свои покои.

Въ виду невозможности сражаться съ непріятелемъ, императоръ заявилъ, чтобы всѣ веселились, тѣмъ болѣе, что наступила масляница. Но устройству баловъ и вечеровъ въ нашихъ домахъ мѣшало одно обстоятельство, именно: хозяева уступили лучшія помѣщенія французамъ, а сами жили въ маленькихъ комнатахъ, гдѣ невозможно было ни танцовать, ни собираться въ большомъ числѣ. Одинъ князь Понятовскій могъ бы дать большой праздникъ въ замкѣ, но его стѣсняло присутствіе тамъ императора.

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, было рѣшено, что первый балъ дастъ Талейранъ, оберъ-камергеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ. Наполеонъ и всѣ принцы должны были на немъ присутствовать, и насъ всѣхъ поразило извѣстіе, что будетъ приглашено только пятьдесятъ дамъ, но, конечно, благодаря тысячѣ мелкихъ интригъ, это заколдованное число значительно разрослось.

Признаюсь, меня болѣе всего интересовала на этомъ балу личность самого хозяина, который слылъ за самаго остроумнаго и обворожительнаго человѣка въ свѣтѣ. Если это была правда, то онъ не считалъ нужнымъ для насъ расходовать свой умъ и привлекательность; онъ показался мнѣ человѣкомъ разочарованнымъ, которому все наскучило и который, не имѣя никакихъ принциповъ, служилъ изъ самолюбія и корысти ненавистному повелителю. Тѣмъ болѣе меня изумило, когда во время бала, онъ поднесъ на золотомъ подносѣ стаканъ лимонаду тому самому человѣку, котораго за-глаза презрительно называлъ выскочкой. Въ юности Талейранъ, говорятъ, имѣлъ большой успѣхъ среди женщинъ, и я впослѣдствіи видала его, окруженнаго старымъ сералемъ. Это послѣднее зрѣлище было очень комично: всѣ дамы, передъ которыми онъ нѣкогда игралъ роль любовника и тирана, тщетно старались его развлечь, а онъ, зѣвая, саркастически смѣялся надъ ними.

Но вернемся къ балу Талейрана въ Варшавѣ. Я рѣдко видѣла что нибудь болѣе интересное. Императоръ танцовалъ кадриль съ графиней Валевской, что̀ послужило первымъ поводомъ къ ихъ знаменитой связи.

— Какъ я танцую, по-вашему?—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ улыбкой,—я думаю, что вы смѣялись надо мной.

— Нѣтъ, государь,—отвѣчала я,—для великаго человѣка вы прекрасно танцуете.

Передъ этой кадрилью Наполеонъ случайно сѣлъ между мною и его будущей фавориткой, которой онъ тогда еще не зналъ, и, нагнувшись ко мнѣ, спросилъ ея имя, а когда я назвала ее, то онъ вступилъ съ нею въ разговоръ, какъ будто со старой знакомой.

Мы потомъ узнали, что Талерайнъ простеръ свою услужливость до того, что устроилъ императору первое свиданіе съ графиней Валевской и удалилъ возможныя затрудненія. Какъ только Наполеонъ выразилъ желаніе прибавить къ числу своихъ побѣдъ сердце польки,

ловкій дипломатъ выбралъ ему именно такую женщину, какая для этого требовалась: прелестную и глупую. Многіе увѣряли, что видѣли, какъ императоръ, послѣ кадрили съ графиней Валевской, пожалъ ей руку, что равнялось назначенію свиданія.

Дѣйствительно, это свиданіе состоялось на слѣдующій вечеръ. Разсказывали, что за красавицей былъ посланъ высокопоставленный царедворецъ, что ея брату, совершенно незначительному человѣку, дали неожиданное повышеніе, и что она отказалась отъ присланнаго бриллiантоваго убора. Но мало ли что говорили, даже увѣряли, что мамелюкъ Рустанъ служилъ ей вмѣсто горничной. Во всякомъ случаѣ намъ всѣмъ было очень жаль, что одна изъ женщинъ нашего круга поступила такъ легкомысленно и защищала себя также слабо, какъ крѣпость Ульмъ.

Однако, слѣдуетъ прибавить, что графиня Валевская выказала въ столь легко начатой связи съ императоромъ столько благороднаго постоянства и безкорыстія, что ее слѣдуетъ отнести къ числу интересныхъ личностей ея эпохи. Она была такъ прелестна, что напоминала головки Греза своими глазами, губами и зубами. Ея смѣхъ былъ такъ мелодиченъ, ея взглядъ такъ нѣженъ, и вся ея фигура такъ обворожительна, что невольно забывался недостатокъ правильныхъ чертъ. Выйдя замужъ семнадцати лѣтъ за восьмидесятилѣтняго старика, котораго никто никогда не видѣлъ, она играла въ свѣтѣ роль молодой вдовы, и если Наполеонъ былъ ея послѣднимъ любовникомъ, то, по общему мнѣнію, онъ не былъ первымъ.

Какъ только императоръ выбралъ себѣ подругу, то и принцы его дома позаботились послѣдовать его примѣру.

Однажды, утромъ, мнѣ доложили о приходѣ частнаго секретаря Мюрата, по фамиліи Жанвье. Онъ вошелъ въ комнату, держа въ рукахъ маленькій ключъ, и не зналъ, какъ начать со мной разговоръ. Чтобы понять то, что произошло между нами, необходимо, сказать, что между покоями, отведенными въ нашемъ домѣ Мюрату, и моими комнатами, находилась потаенная лѣстница, двери на которую съ обѣихъ сторонъ имѣли особые ключи. Когда Мюрату были переданы его покои, то ему врученъ былъ и ключъ отъ двери на потаенную лѣстницу. Дѣло было въ томъ, что теперь Мюратъ поручилъ своему секретарю отдать мнѣ этотъ ключъ, съ явной цѣлью, доставить мнѣ возможность посѣщать его тайкомъ. Я сначала не понимала, къ чему мнѣ навязывали этотъ ключъ, и сказала, что онъ вовсе мнѣ не нуженъ. Тогда бѣдный секретарь пробормоталъ, что его высочество думалъ, что мнѣ будетъ пріятно иногда зайти и выпить чашку чаю въ предоставленныхъ ему великолѣпныхъ покояхъ. Тутъ я смекнула позорную выходку Мюрата и такъ разсердилась, что секретарь вскочилъ со стула, промолвилъ что-то безсвязное и положилъ злополучный ключъ на близъ стоявшую этажерку. Я презрительно улыбнулась и промолвила, что передамъ ключъ

моей свекрови, которая, если захочетъ, можетъ пойти пить чай у принца, а мнѣ это вовсе не интересно. Несчастный секретарь смутился и чуть не ползкомъ убрался изъ комнаты.

За баломъ у Талейрана слѣдовали два другіе: у принца Боргезе и Мюрата. На первомъ я не была по случаю болѣзни, а на послѣдній отправилась, по совѣту свекрови, чтобы не показать виду, что сержусь на нашего гостя.

Погода не мѣнялась, и дороги оставались непроходимыми; императоръ не покидалъ города и выходилъ изъ замка только для разводовъ, хотя они происходили ежедневно на Саксонской площади, но толпа массами всегда слѣдовала за нимъ и устроивала ему торжественныя оваціи, которыя, повидимому, очень ему нравились.

При дворѣ былъ еженедѣльно раутъ, начинавшійся съ концерта и кончавшійся партіей виста, такъ какъ въ замкѣ никогда не танцовали. Наполеонъ привезъ съ собою прекрасный оркестръ, подъ управленіемъ дирижера Пэра, который исключительно игралъ итальянскую музыку. Императоръ обожалъ эту музыку, слушалъ ее внимательно, аплодировалъ въ лучшихъ мѣстахъ, и нѣжная гармонія вліяла на него умиротворяющимъ образомъ. Однажды мы видѣли этому примѣръ.

Передъ обычнымъ раутомъ, онъ получилъ извѣстіе, что генералъ Викторъ былъ захваченъ въ плѣнъ пруссаками съ очень важной депешей, и пришелъ въ ярость отъ измѣны, или непростительной неосторожности генерала. Вслѣдъ за этимъ ему представились голландскіе депутаты, присланные, чтобы поздравить его съ Іенской побѣдой. Было уже 10 часовъ; мы давно ждали появленія императора и начинали подозрѣвать, что въ его покояхъ происходило что-то необыкновенное, какъ вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, и изъ нея скорѣе посыпались, чѣмъ вышли, толстые голландцы въ красныхъ мундирахъ. Императоръ толкалъ ихъ, громко восклицая:

— Идите же, идите!

Вѣроятно, въ дверяхъ произошло столкновеніе въ ту минуту, когда къ ней подошелъ Наполеонъ, который всегда ходилъ очень быстро, и бѣдные депутаты, потерявъ голову, навалились другъ на друга.

Во всякое другое время эта нелѣпая сцена возбудила бы общій смѣхъ, но голосъ и выраженіе лица императора поражали непріятно, такъ что мы всѣ предпочли бы не присутствовать при подобномъ скандалѣ. Однако, музыка быстро его успокоила и въ концѣ концерта онъ съ своей обычной улыбкой обошелъ всю залу и сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ дамамъ прежде, чѣмъ сѣсть за вистъ.

Обыкновенно утромъ обозначались тѣ дамы, съ которыми онъ долженъ былъ играть въ карты: одна старая и двѣ молодыя. Меня научили худо или хорошо играть, и съ перваго же раза я позволила себѣ смѣлую выходку, что императору, повидимому, понравилось,

и уже потомъ меня постоянно назначали партнеромъ въ императорскій вистъ.

Пока сдавали карты, Наполеонъ, обернувшись ко мнѣ, спросилъ:

— А почемъ мы играемъ?

— Ставкой, конечно, будетъ, государь, какой нибудь городъ, провинція, или королевство.

Онъ засмѣялся.

— А если вы проиграете?—произнесъ онъ, бросая на меня тонкій, проницательный взглядъ.

— У вашего величества столько этого добра, что вы, можетъ быть, заплатите за меня.

Съ этой минуты я стала пользоваться его особой милостью, и какъ въ Польшѣ, такъ и въ Парижѣ, онъ постоянно оказывалъ мнѣ самое лестное вниманіе.

Всѣ замѣчали, что графиня Валевская никогда не играла въ карты съ Наполеономъ, и не могли не одобрить его приличнаго поведенія въ этомъ случаѣ.

Замѣчательно было, какъ различные нѣмецкіе принцы, слѣдовавшіе за главнымъ штабомъ французской арміи, раболѣпно унижались передъ императоромъ и лебезили вокругъ его картежнаго стола. Между прочимъ, наслѣдникъ баварскаго престола, глухой и косноязычный уродъ, цѣловалъ руку Наполеона, какъ только могъ ее поймать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ дерзость ухаживать за графиней Валевской, что возбуждало въ Наполеонѣ не ревность, а смѣхъ. Напротивъ, всѣмъ бросался въ глаза тотъ странный фактъ, что маршалы и выведенные имъ въ люди выскочки менѣе иностранныхъ принцевъ и разныхъ вельможъ старой монархической Франціи раболѣпствовали передъ императоромъ; за исключеніемъ Савари, всѣ они держали себя почтительно, но съ достоинствомъ.

Кромѣ пословъ и высокихъ сановниковъ, также игравшихъ въ карты, никто, даже зятья императора, не садились въ его присутствіи. Мюрату, повидимому, это даже нравилось, и онъ постоянно рисовался, принимая картинныя позы, но маленькій Боргезе кусалъ губы со злобы, не смѣя нарушить этикета.

По окончаніи виста, садились за ужинъ; Наполеонъ никогда не занималъ мѣста за столомъ и ходилъ по залѣ, разговаривая съ дамами, которыхъ онъ очень смущалъ своими постоянными вопросами, требовавшими точныхъ, опредѣленныхъ отвѣтовъ. Онъ желалъ знать, что каждая изъ насъ дѣлала и читала, о чемъ думала, что болѣе всего любила.

Однажды, облокотившись на мой стулъ, онъ забавлялся подобнымъ экзаменомъ относительно моихъ чтеній и, говоря о романахъ, сказалъ, что его всего болѣе интересовалъ «Графъ де Коминжъ» г-жи Тенсенъ, который онъ прочелъ два раза со слезами на глазахъ.

Я не знала этой книги, и понятно, что, вернувшись домой, моимъ первымъ дѣломъ было отправиться за ней въ библіотеку моего тестя, но этого романа не оказалось; я прочла его только спустя много времени и также плакала.

Моя свекровь, одна изъ всѣхъ варшавянокъ, сохранила свой салонъ, а потому была обязана устроивать танцовальные вечера. Иностранцы, нахлынувшіе въ Варшаву вмѣстѣ съ послами, постоянно бывали у насъ, а равно такъ называемые принцы крови, которые, однако, для поддержанія своего достоинства танцовали только при дворѣ. Мюратъ, нимало не сконфуженный неудачей своей глупой выходки, преслѣдовалъ меня своими любезностями, хотя я очень холодно съ нимъ обращалась. Наконецъ, онъ, повидимому, понялъ, въ чемъ дѣло, и сказалъ мнѣ, принявъ мелодраматичную позу:

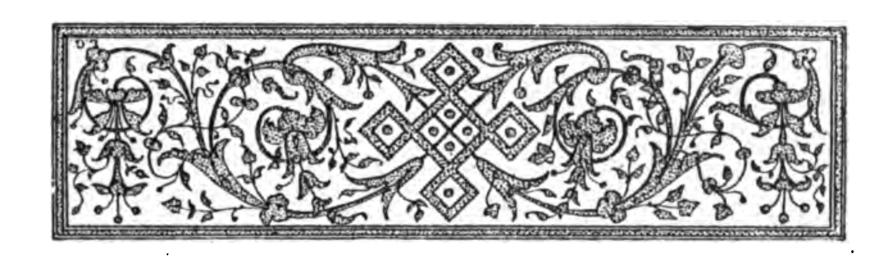
— Графиня Александръ, вы не самолюбивы и не любите принцевъ.

Впослѣдствіи мнѣ передавали другую столь же уморительную фразу Мюрата. Въ тотъ самый день, когда онъ былъ провозглашенъ Неаполитанскимъ королемъ, какая-то красавица, соблазненная его величіемъ, назначила ему свиданіе. Онъ явился слишкомъ рано и, наскучивъ ждать, воскликнулъ, схвативъ себя за голову:

— Бывалъ ли когда на свѣтѣ такой несчастный государь!

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

РАЗДВОИВШАЯСЯ РЕДАКЦІЯ „МОСКВИТЯНИНА".

I.

Ъ СТАТЬѢ «Загробный журналъ Пушкина»[1]) я постарался обрисовать критическое положеніе редактора-издателя одного изъ лучшихъ журналовъ своего времени, съ упорствомъ, достойнымъ лучшей доли, пожелавшаго остаться «внѣ вѣяній времени» и интересовъ своихъ читателей и изнемогшаго подъ тяжестью такой неблагодарной задачи. Фіаско Плетневскаго «Современника» — чрезвычайно характерный эпизодъ изъ исторіи нашей журналистики и служитъ поучительной иллюстраціей къ поговоркѣ, что «одинъ въ полѣ не воинъ». Въ настоящемъ очеркѣ я хочу познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ другимъ представителемъ русской журналистики того же времени — первой половины текущаго столѣтія, одинаково съ Плетневымъ не пользовавшимся въ качествѣ издателя-редактора, тоже выдающагося въ своемъ родѣ журнала, успѣхомъ среди читающей публики, но поступившимъ въ своихъ профессіональныхъ горестяхъ совершенно иначе, нежели его петербургскій собратъ. Я разумѣю извѣстнаго московскаго историка М. П. Погодина и отношеніе его къ руководимому имъ «Москвитянину» за время 1850—1851 годовъ. Это тоже черезвычайно любопытный моментъ въ исторіи нашей журналистики, который по

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», январь, стр. 241.

всей справедливости заслуживаетъ вниманія любителей историческаго изученія судебъ нашей литературы.

Время начала пятидесятыхъ годовъ въ жизни «Москвитянина», собственно говоря, уже обрисовано въ исторіи русской литературы, и ему посвященъ одинъ изъ наиболѣе удачныхъ очерковъ извѣстнаго критика С. А. Венгерова, подъ заглавіемъ «Молодая редакція «Москвитянина» (Вѣстникъ Европы, 1886 г., № 2); но авторъ писалъ свою интересную статью до появленія труда Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», достаточно знакомаго читателямъ «Историческаго Вѣстника» по многочисленнымъ моимъ отзывамъ о немъ въ теченіе многихъ уже лѣтъ.

Въ настоящее время только-что вышла одиннадцатая книга обширной работы почтеннаго Н. П. Барсукова, гдѣ біографъ Погодина, на основаніи дневника своего героя, его обширной корреспонденціи и показанія живыхъ еще понынѣ современниковъ и сотрудниковъ «Москвитянина», сообщаетъ множество любопытныхъ эпизодовъ изъ жизни этого журнала въ интересующій насъ періодъ времени. Эту-то новую книгу Барсукова я и кладу въ основаніе моего очерка для изображенія намѣченнаго момента въ исторіи журналистики, дополняя матеріалъ статьи работами гг. Венгерова, Чернышевскаго, Анненкова, всѣми прочими томами Погодинской біографіи г. Барсукова, какъ равно письмами современниковъ и знакомствомъ съ подлинными журналами того времени.

Мнѣ уже приходилось отмѣчать въ своихъ рецензіяхъ о прекрасномъ трудѣ г. Барсукова, что онъ представляетъ собою богатый вкладъ въ исторію русской литературы, и что изслѣдователи разныхъ эпохъ этой исторіи найдутъ въ «Жизни и трудахъ М. П. Погодина» всегда массу новаго матеріала, дотолѣ у насъ неизвѣстнаго, но который освѣщаетъ событія совершенно новымъ оригинальнымъ свѣтомъ. Читателямъ «Историческаго Вѣстника» небезызвѣстно, что я лично принципіально не схожусь во многихъ взглядахъ съ почтеннымъ біографомъ московскаго профессора на разныя общественныя явленія русской жизни, но, не смотря на эти несогласія, это не мѣшаетъ мнѣ тѣмъ не менѣе всегда высоко ставить его изслѣдованіе и считать его однимъ изъ лучшихъ руководствъ къ уразумѣнію хода событій отечественной жизни первой половины настоящаго столѣтія. Я радъ, что мнѣ удается взять его капитальную работу въ основаніе своего скромнаго текущаго очерка и тѣмъ какъ бы отплатить ему за все то удовольствіе, которое я испытываю ежегодно, когда вижу на своемъ письменномъ столѣ зеленоватую обложку нововышедшей книги о Погодинѣ.

Подобно прочимъ томамъ, и одиннадцатая книга «Жизни и трудовъ М. П. Погодина» чрезвычайно разнообразна и богата невѣдомыми дотолѣ новинками по исторіи отечественнаго просвѣщенія. Передъ читателями выпукло обрисовывается новое поколѣніе людей,

выступившее въ началѣ 1850-хъ годовъ на смѣну поколѣніямъ предшествовавшимъ. «Люди сороковыхъ годовъ» являются здѣсь уже болѣе зрѣлыми, въ расцвѣтѣ своихъ силъ и способностей, а младшая ихъ братія «люди пятидесятыхъ годовъ», впервые только на глазахъ читателей дѣлаютъ робкіе и невѣрные шаги по пути общественной жизни. М. Катковъ, М. Стасюлевичъ, П. Кудрявцевъ, П. Леонтьевъ, А. Островскій, Аксаковы, Т. Филипповъ, Б. Алмазовъ, Ап. Григорьевъ, А. Писемскій, К. Кавелинъ, С. Соловьевъ, Т. Грановскій, Гр. Данилевскій, А. Майковъ, Я. Полонскій, Д. Григоровичъ, И. Тургеневъ—вотъ имена тѣхъ молодыхъ, уже окрѣпшихъ или только дебютирующихъ силъ въ нашей исторіи просвѣщенія, которыя постоянно мелькаютъ на протяженіи одиннадцатой книги г. Барсукова. И рядомъ съ этими свѣжими побѣгами русской жизни мы съ удовольствіемъ и любопытствомъ встрѣчаемся и съ корифеями русской литературы и науки и тѣми почтенными старцами, которые уже успѣли создать себѣ прочныя репутаціи, исчерпать въ полной мѣрѣ свои силы и приблизиться уже къ предѣлу земнаго существованія. Тутъ—самъ герой повѣствованія г. Барсукова—Михаилъ Петровичъ Погодинъ, и вѣрный его другъ и сотрудникъ С. Шевыревъ, и М. Дмитріевъ, и В. Жуковскій, и Н. Гоголь, и М. Максимовичъ, и старикъ С. Аксаковъ, и множество другихъ лицъ, съ коими русскіе читатели уже неоднократно встрѣчались въ предшествовавшихъ томахъ «Жизни М. П. Погодина».

II.

Мысль объ изданіи журнала, руководимаго Погодинымъ и Шевыревымъ, журнала, подобнаго былой памяти «Московскому Вѣстнику», родилась въ 1837 году. Впервые высказалъ ее Максимовичъ въ письмѣ къ Погодину [1]): «наша журналистика опять и еще болѣе сосредоточивается въ рукахъ ярыгъ... Москва неужели ничего не противопоставитъ?» писалъ кіевскій ученый, разумѣя подъ ярыгами знаменитый петербургскій «литературный тріумвиратъ», а также молодыхъ сотрудниковъ «Московскаго Наблюдателя» въ лицѣ Бѣлинскаго, Герцена, Бакунина и другихъ. На обѣдѣ у князя Голицына, гдѣ присутствовали наравнѣ съ должностными высокопоставленными лицами и литераторы, В. Жуковскій, М. Погодинъ, С. Шевыревъ, мысль о необходимости въ Москвѣ изданія журнала, подъ редакціей послѣднихъ двухъ, была высказана громко, и Жуковскій взялся быть крестнымъ отцомъ будущаго журнала, то-есть обѣщалъ выхлопотать ему разрѣшеніе. Дѣйствительно, графъ Строгановъ сдѣлалъ по настоящему предмету надлежащее представленіе министру народнаго просвѣщенія, и графъ Уваровъ докладывалъ государю:

---

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 5.

«Попечитель Московскаго учебнаго округа представилъ, что профессоры тамошняго университета Погодинъ и Шевыревъ подали ему прошеніе о дозволеніи имъ издавать литературный журналъ подъ названіемъ: Москвитянинъ. Содержаніе этого изданія должны представлять: изящная словесность, науки, разборы замѣчательнѣйшихъ произведеній отечественной и иностранной словесности, библіографіи и смѣсь, въ которой постояннымъ отдѣломъ будутъ Московскія Записки. Въ Москвѣ издается теперь одинъ только журналъ[1]), и тотъ, выходя въ свѣтъ очень медленно и неисправно, по всей вѣроятности, какъ открывается изъ полученныхъ изъ Москвы свѣдѣній, долженъ будетъ прекратиться съ будущаго года. Признавая, что изданіе въ Москвѣ литературнаго повременнаго сочиненія полезно по многимъ отношеніямъ, и принимая въ соображеніе, что профессоры Шевыревъ и Погодинъ могутъ содѣйствовать къ распространенію свѣдѣній по части словесности и наукъ, имѣю честь на основаніи заключенія главнаго управленія цензуры, всеподданнѣйше испрашивать соизволенія вашего императорскаго величества на предполагаемое Погодинымъ и Шевыревымъ литературное изданіе «Москвитянинъ».

На докладѣ графа Уварова послѣдовала надпись государя: «Согласенъ, но съ строгимъ должнымъ цензоромъ».

Однако, въ виду продолжительной поѣздки за границу обоихъ редакторовъ разрѣшеннаго журнала, его появленіе на свѣтъ было отсрочено, и лишь въ 1839 году Погодинъ начинаетъ вести о немъ серьезную переписку съ Шевыревымъ. Такъ, еще будучи въ Маріенбадѣ, онъ наставлялъ своего друга[2]): «Не забывай о журналѣ. Набирай сотрудниковъ. Пиши статьи. Непремѣнно надо начинать съ 1840 года... Быть чуду!..» Изъ Шумани онъ опять пишетъ:

«Издавать журналъ я рѣшился непремѣнно съ января мѣсяца 1840 года, слѣдовательно заказывай и привози къ октябрю (1839 г.) двѣнадцать статей, двадцать четыре статейки и сорокъ восемь штукъ въ разныя извѣстія. На досугѣ я думалъ и передумывалъ и заключилъ, что такъ должно. Вербуй сотрудниковъ. Я вербую. Священникъ въ Бернѣ далъ мнѣ статью и обѣщаніе работать безъ памяти; потомъ Сабининъ, Мельгуновъ, Глинка, Дмитріевъ, Гоголь, Грановскій, Бодянскій, Иннокентій и проч. и проч. Надо дать себѣ рельефу для общей пользы и вырвать несчастную русскую литературу нашу изъ грязи, куда погрузили ее мошенники поляки и русскіе. Слышишь ли? Цѣлую тебя, и да здравствуетъ Московскій Вѣстникъ, то-есть Москвитянинъ».

Мошенники, которыхъ собирался разить пылкій и увлекающійся московскій профессоръ, были исключительно петербургскіе литераторы въ лицѣ Булгарина, Сеньковскаго и Греча, а также Никитенки и Полевого, дѣйствовавшихъ въ «Сынѣ Отечества» Смирдина и компаніи сотрудниковъ безвременно угасшаго «Московскаго Наблюдателя», перекочевавшихъ въ Петербургъ и организовавшихся въ тѣсно-сплоченную группу западниковъ съ Бѣлинскимъ во главѣ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго. Ученый журналистъ по призванію, человѣкъ въ высшей степени отзывчивый, горячій, Погодинъ чувствовалъ уже приливъ полемическаго задора, въ виду ясно обозначившихся литературныхъ знаменъ Петербурга, и готовъ

[1]) «Московскій Наблюдатель».

[2]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 5.

былъ всей силой своей неуклюжей артиллеріи ринуться въ бой. Оживленіе петербургскаго журнальнаго рынка не давало ему покоя, и, въ качествѣ блюстителя завѣтовъ московской старины, онъ считалъ нужнымъ какъ можно скорѣе опрокинуться на всѣхъ этихъ ненавистныхъ ему «мошенниковъ» изъ русскихъ и поляковъ. Но Шевыревъ, болѣе спокойный и разсудительный по природѣ, не вдохновлялся призывомъ къ оружію своего стараго друга и брюзгливо писалъ ему: «Я противъ журнала въ будущемъ году. Всѣ твои приведенныя средства нисколько не соблазнительны—и все это ни на чемъ не основано. Михаилъ Дмитріевъ—въ числѣ сотрудниковъ. Тутъ вдругъ Иннокентій. Потомъ Сабининъ! Я боюсь, ты погорячишься, начнешь и дѣло испортишь... Да живучи на Дѣвичьемъ полѣ, журнала издавать въ Москвѣ нѣтъ физической возможности. Я въ этомъ году участвовать не могу, потому что буду въ разъѣздахъ». Въ дальнѣйшей перепискѣ по настоящему предмету Шевыревъ ограничилъ свое отношеніе къ «Москвитянину» слѣдующимъ ультиматумомъ:

«Погодинъ, пока будетъ жить на Дѣвичьемъ полѣ и во всякое время принимать къ себѣ гостей, которые сидятъ до глубокой ночи, журналъ издавать физически не можетъ. Но дѣлай какъ хочешь. Моего имени, разумѣется, ты не выставишь въ изданіи, какъ издателя, а сотрудникомъ твоимъ я, безъ сомнѣнія, не могу не быть. Все, что у меня напишется, понесу къ тебѣ. Условія мои съ тобою такія же, какъ съ Московскими Вѣдомостями и съ журналомъ Министерства... Поработалъ даромъ я уже довольно и для Московскаго Вѣстника и для Наблюдателя... Дай тебѣ Богъ успѣха! Я, разумѣется, тебя не оставлю, а соиздателемъ быть не могу. Видно, придется мнѣ когда нибудь одному ужъ выступить, но это современемъ».

Погодинъ дѣйствительно внялъ голосу своего друга, и появленіе на свѣтъ Божій «Москвитянина» было отложено до слѣдующаго 1841 года.

Приведенные отрывки изъ писемъ Шевырева позволяютъ намъ отчасти судить, какъ смотрѣлъ этотъ давнишній знакомый, сослуживецъ и сотрудникъ Погодина на своего товарища. Онъ отмѣчаетъ въ немъ излишнюю торопливость, необдуманность, подчеркиваетъ неудобство его житья для издателя-редактора за чертою города, его постоянное отвлеченіе отъ ближайшихъ занятій по редактированію журнала и, наконецъ, набрасываетъ нѣкоторую тѣнь на его денежныя отношенія къ сотрудникамъ. Всѣ эти показанія Шевырева для насъ чрезвычайно цѣнны, такъ какъ они, высказанныя доброжелательнымъ Погодину лицомъ, подтверждаютъ ту репутацію и характеристику послѣдняго, которыя къ тому времени уже прочно сложились относительно московскаго историка.

III.

Крѣпостной по происхожденію, человѣкъ безъ солиднаго энциклопедическаго образованія и безъ строго выработаннаго общественнаго міросозерцанія, Погодинъ представлялъ собою смѣсь самыхъ разнообразныхъ, противоположныхъ чертъ — и положительныхъ, и отрицательныхъ, которыя гнѣздились въ немъ неуклюжими, хаотическими обрубками. Это былъ истинный типъ, въ своемъ родѣ оригинально-цѣльный, который только и могъ возрости на московской почвѣ начала нынѣшняго столѣтія, густо-пропитанной преданіями крѣпостной Россіи прошлаго столѣтія и сдобренной жидкими потоками европейскаго просвѣщенія, хлынувшаго къ намъ вмѣстѣ съ Наполеоновскими войнами. Классическое изреченіе — «поскребите русскаго, и вы увидите въ немъ татарина», какъ нельзя болѣе примѣнимо къ Погодину. Порою добрый, снисходительный, уступчивый и доброжелательный, издатель-редакторъ «Москвитянина» вмѣстѣ съ тѣмъ былъ въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ «адски скупъ», по выраженію Ап. Григорьева, скупъ до гадости и омерзѣнія, нечистоплотенъ въ денежныхъ расчетахъ, граница съ безсердечіемъ и жестокостью. Иногда низкопоклонный и льстивый, онъ рядомъ съ этими чертами проявлялъ крайнюю заносчивость, надменность, тщеславіе и себялюбіе, доводившія его до открытыхъ и грубыхъ столкновеній съ тѣми самыми сильными міра сего, передъ которыми онъ еще вчера рабски гнулъ спину. Мечтательный до сентиментальности, непрактичный и не умѣющій по неуживчивости и несуразности обдѣлывать своихъ дѣлишки, онъ, однако, подходилъ къ вопросамъ съ аршиномъ измѣренія личныхъ выгодъ и личнаго благосостоянія, дѣлая это, при томъ, такъ неуклюже и грубо-наивно, что большинство его поползновеній встрѣчало неудачу и отпоръ со стороны окружающихъ и, во всякомъ случаѣ, легко ими разгадывалось. Аппетиты его были несоразмѣрны съ средствами удовлетворенія, и вотъ это-то постоянное стремленіе такъ приспособиться, чтобы насчетъ другихъ насытиться всласть, дѣлало его комичнымъ, отталкивающимъ и непривлекательнымъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ глубинѣ души у него были заложены и великія достоинства, которыя невольно влекли къ нему тѣхъ самыхъ, которые еще наканунѣ уходили отъ него съ гнѣвомъ и омерзѣніемъ. Не даромъ же имя М. П. Погодина тѣсно связано съ именами лучшихъ дѣятелей нашей литературы и исторической науки, которые умѣли находить въ немъ того душевнаго человѣка, того умницу-самородка, съ которымъ можно подѣлиться и мыслями и чувствами. Поэтому, сколько бы по внѣшнимъ дѣяніямъ у него и ни было кое-чего общаго съ другимъ петербургскимъ издателемъ-редакторомъ того же времени, А. А. Краевскимъ, тѣмъ не менѣе впечатлѣніе отъ соприкосновенія съ обоими было совершенно

различное, какъ равно и практическіе результаты ихъ литературно-издательской дѣятельности были обратные. Погодинъ былъ тѣмъ мужичкомъ-великороссомъ, бойкимъ и себѣ-наумѣ, который, только-что выйдя изъ кабалы, спѣшитъ правыми и неправыми путями скорѣе добиться и благосостоянія и положенія.—«Вотъ тебѣ Богъ»,—говоритъ онъ покупателю, безсовѣстно и грубо его обманывая и обмѣривая. Не замѣтитъ покупатель — и слава Богу! замѣтитъ — обругаетъ, и то нипочемъ: «грѣхъ да бѣда въ комъ не живутъ, всѣ люди—всѣ человѣки. Не помни зла, и будемъ по старому друзьями!» Въ немъ не было степенности истинно-русскаго человѣка, взрослаго на лонѣ богатой природы въ довольствѣ патріархальной, покойной, домашней жизни. Онъ — типъ бывшаго двороваго, много видѣвшаго на своемъ вѣку во время хожденія по оброкамъ, взявшаго свое добро лбомъ и горбомъ, понимавшаго Россію чуткимъ сердцемъ, любившаго ее во всѣхъ ея «скверн ахъ» и готоваго поминутно восторгаться и ея дѣйствительными, и мнимыми красотами. Съ чисто-русскою рѣчью на устахъ, съ шуткой и прибауткой, а подчасъ съ циничнымъ и грязнымъ двухаршиннымъ словомъ, онъ былъ доступенъ и понятенъ и офранцузившимся русскимъ вельможамъ екатерининскаго времени, и рогожскому старообрядцу, и всему тому люду московскому, который отъ высшихъ и низшихъ своихъ слоевъ охотно несъ въ его древнехранилище остатки сѣдой старины. Надуетъ обитатель Дѣвичьяго поля, обмѣритъ и обвѣситъ, задарма выклянчитъ и выпроситъ съ божбой, и увѣреніемъ своей яко бы бѣдности—ничего: своему человѣку отдали, цѣло будетъ въ его сокровищницѣ!

Книжники и теоретики мало его понимали: Плетневъ приходилъ въ ужасъ отъ замашекъ Погодина, а Гоголь, ругательски его ругая и въ письмахъ и печатно, все же посылалъ горячіе поцѣлуи этому мужичку себѣ на умѣ и въ душѣ цѣнилъ и любилъ его. Посылая ему экземпляръ своей знаменитой «Переписки», онъ сдѣлалъ на на ней слѣдующую своебразную подпись [1]): «Неопрятному и растрепанному душой Погодину, ничего не помнящему, ничего не примѣчающему, наносящему на всякомъ шагу оскорбленія другимъ и того не видящему, Ѳомѣ невѣрному, близорукимъ и грубымъ аршиномъ мѣряющему людей, даритъ сію книгу въ вѣчное напоминаніе грѣховъ его, человѣкъ также грѣшный, какъ и онъ, и во многомъ еще неопрятнѣйшій его самого». Читателямъ извѣстно, какъ отнесся Гоголь въ своей книгѣ грубо и несправедливо къ Погодину и его научной дѣятельности. Этотъ отзывъ, прочитанный всей грамотной Россіей, конечно, обидѣлъ, до слезъ оскорбилъ Погодина, и Гоголь, узнавъ о произведенномъ имъ впечатлѣніи, писалъ ему: «...Ты огорчился и, можетъ быть, доселѣ огорченъ, но нѣтъ, этого не можетъ быть: ты великодушенъ и умѣешь прощать, а я обрадовался

---

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 7.

и доселѣ радъ, обрадовался потому, что съ этой минуты поселилась у меня къ тебѣ такая любовь, какой никогда доселѣ не было. Увидѣть тебя, говорить съ тобой, глядѣть на тебя, мнѣ стало такъ теперь желательно, какъ никогда доселѣ. И мнѣ кажется, что дружба наша съ этихъ только поръ начнется; а доселѣ былъ одинъ ея обманчивый призракъ, условленный шаткими свѣтскими понятіями о дружбѣ; я чувствую, что отнынѣ только между нами установятся тѣ любовныя родныя рѣчи, которыя должны быть по настоящему между всѣми людьми, тѣ рѣчи, на языкѣ которыхъ и самый упрекъ кажется пріятнымъ».

Такія письма ни зря, ни въ формальное утѣшеніе не пишутся, и надо быть дѣйствительно великодушнымъ, прощающимъ и по существу хорошимъ человѣкомъ, чтобы вызывать по своему адресу такія теплыя и любвеобильныя строки, которыя вырвались у аскетически-жесткаго въ то время автора «Мертвыхъ душъ»! И развѣ Погодинъ затаилъ въ душѣ обиду и мщеніе, и не онъ ли при новой встрѣчѣ съ Гоголемъ былъ вновь и его преданнымъ другомъ, почитателемъ и горячо-любившимъ товарищемъ?

Недаромъ Шевыревъ, такъ много терпѣвшій отъ Погодина, эксплоатирумый и подчасъ обижаемый имъ, все же былъ ему глубоко преданъ и готовъ былъ всегда на помощь и содѣйствіе своему коллегѣ по каѳедрѣ и журналистикѣ. Недаромъ также и Герценъ, въ своемъ печальномъ изгнаніи, вспоминая московскую жизнь и старыхъ знакомыхъ, говоря о Погодинѣ, вноситъ съ свою рѣчь невольную теплоту и задушевность. Равнымъ образомъ и Н. Г. Чернышевскій, котораго никоимъ образомъ нельзя вѣдь заподозрѣть въ пристрастіи къ такъ называемому «православно-русскому направленію», подъ знаменемъ котораго всегда стоялъ Погодинъ, даетъ о немъ аттестацію [1]), въ которой положительныя черты значительно берутъ верхъ надъ отрицательными:

«Слогъ Погодина, говоритъ критикъ-публицистъ, богатъ странностями, которыя подавали даже поводъ къ забавнымъ пародіямъ. Но невозможно не признаться, что точность, мѣткость, оригинальность, непринужденность, сжатость, энергія, совершенная естественность составляютъ неотъемныя его качества. Нельзя также не прибавить, что наблюдательность, проницательность, отсутствіе всякаго педантства, строгая логика въ развитіи мыслей и вообще замѣчательная сила здраваго смысла—неизмѣнныя достоинства всего, что было написано господиномъ Погодинымъ. Мы не принадлежимъ къ числу его поклонниковъ,—но справедливость требуетъ назвать его ученымъ основательнымъ; и самые противники его согласятся, что онъ оказалъ своей спеціальной наукѣ—русской исторіи—значительныя услуги. Та же справедливость требуетъ сказать, что въ его любви къ наукѣ нѣтъ ни жеманства, ни притворства, что онъ защитникъ просвѣщенія, и что какъ бы ни казались намъ странны нѣкоторыя его мнѣнія, но никто не можетъ подумать назвать его обскурантомъ. Этого достаточно, чтобы вынудить у каждаго здравомыслящаго человѣка сочувствіе къ нему во многихъ случаяхъ и во всякомъ случаѣ обезпечить ему право на уваженіе».

---

[1]) «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы».

Это свидѣтельство партійнаго человѣка для насъ чрезвычайно цѣнно: онъ находитъ въ своемъ репертуарѣ добрыя слова по адресу Погодина, отличая его заслуги въ области научныхъ изслѣдованій, и высоко его ставитъ, какъ представителя началъ просвѣщенія. Я не пишу біографіи Погодина, почему и не имѣю возможности отмѣтить заслугъ его передъ русской исторіей; интересующихся этой стороной дѣла отсылаю къ труду г. Барсукова—здѣсь они найдутъ по этому предмету богатый матеріалъ. Обратимъ лишь вниманіе на тѣ слова автора «Очерковъ Гоголевскаго періода», гдѣ онъ рекомендуетъ намъ Погодина, какъ истиннаго защитника просвѣщенія. Они послужатъ намъ хорошей руководящей нитью къ уразумѣнію дѣятельности редактора «Москвитянина», какъ журналиста, и объяснятъ намъ ту внѣшнюю скрѣпу съ Погодинымъ, которая часто казалась возможною—и западнику Т. Н. Грановскому, и чистому славянофилу И. В. Кирѣевскому, и молодымъ «почвенникамъ», носителямъ «новаго слова» молодой редакціи его журнала—А. Григорьеву, А. Островскому, А. Писемскому и другимъ той же «натуральной» школы.

IV.

Желая подвинуть Шевырева къ энергичной организаціи журнала, Погодинъ, какъ мы видимъ, восклицаетъ въ концѣ письма: «да здравствуетъ Московскій Вѣстникъ, т. е. Москвитянинъ!» Такимъ образомъ, Погодинъ заранѣе устанавливалъ полную преемственность и идейную тождественность своихъ журналовъ—прошлаго и будущаго. Ознакомимся же вкратцѣ, какую память въ читателяхъ и сотрудникахъ оставилъ по себѣ руководитель «Московскаго Вѣстника», и съ какимъ стягомъ въ рукахъ привыкла его видѣть грамотная Россія.

«Московскій Вѣстникъ» былъ основанъ съ «благословенія Пушкина», при его непремѣнномъ и ближайшемъ участіи, такъ что даже въ договорѣ [1]) съ сотрудниками было прописано: 2) платить съ проданныхъ 1200 экземпляровъ десять тысячъ А. С. Пушкину, и 3) платить означеннымъ сотрудникамъ (Шевыреву, Титову, Веневитинову и др.) по 100 рублей за листъ сочиненій и по 50—за листъ перевода.

Разрѣшеніе на журналъ было получено въ ноябрѣ 1826 г., и съ января слѣдующаго года онъ уже началъ выходить въ свѣтъ, причемъ участіе въ немъ приняли Пушкинъ, Веневитиновъ, Шевыревъ, Языковъ, Жуковскій и другіе многіе, составлявшіе оппозицію Гречу и Булгарину въ Петербургѣ и Полевому—въ Москвѣ, съ его «Телеграфомъ». Но Пушкино-Погодинскій союзъ длился не-

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 2.

долго и по самой простой причинѣ: одинъ былъ прикованъ къ Москвѣ, другой—являлся жителемъ сѣверной столицы. Петербургскіе писатели скоро откололись отъ «Московскаго Вѣстника», основали, было, свой кратковременный органъ «Литературную Газету», и Погодинъ поневолѣ долженъ былъ явиться центромъ группировки новыхъ журнальныхъ силъ, не числившихся звѣздами первой величины на литературномъ горизонтѣ, каковы М. Дмитріевъ, И. Кирѣевскій, Аксаковъ и другіе. Соредакторомъ его вскорѣ сдѣлался С. Шевыревъ, съ коимъ онъ, однако, не всегда умѣлъ ладить.

Душою журнала былъ Д. В. Веневитиновъ, который и составилъ его програму, а также значительно внесъ въ него направленіе нѣмецкой философіи съ Шеллингомъ во главѣ и романтическое настроеніе Гетевской поэзіи. Цѣль журнала была,—«опираясь на твердыя начала философіи, представить Россіи полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой она видѣла бы свое собственное предназначеніе».

Первые №№ журнала были составлены довольно разнообразно, въ беллетристическомъ отдѣлѣ красовались имена нашихъ лучшихъ писателей, отдѣлъ научный былъ также обиленъ серьезными и цѣнными вкладами. Не смотря, однако, на эти свои достоинства, «Московскій Вѣстникъ» не пошелъ—онъ въ началѣ 1830 г. имѣлъ всего 230 подписчиковъ—и публика находила его слишкомъ серьезнымъ, педантичнымъ. Отталкивала подписчиковъ отъ журнала и крайняя неаккуратность его разсылки, а также неуклюжесть, чтобъ не сказать сильнѣе, самого Погодина въ его сношеніяхъ съ личностями, обращавшимися къ нему по дѣламъ редакціи[1]). Печальное положеніе дѣлъ тѣмъ не менѣе не очень тревожило Погодина, и еще въ началѣ 1830 г. онъ писалъ въ своемъ дневникѣ: «Издавать «Московскій Вѣстникъ» по прежнему плану, при чемъ «Нимфу» съ ста четырьмя картинками и «Бичъ», полемическое прибавленіе. Согласились съ Надеждинымъ и выпили въ честь зачатія. Пригласить Михаила Дмитріева, Аксакова. Убьемъ всѣхъ. Очень пріятно проведено время. Космополитическія, патріотическія и филантропическія мечты!».

Но мечтаніямъ Погодина не суждено было сбыться, чему въ значительной степени онъ былъ самъ виною—журналъ не являлся для него главной заботой жизни, и онъ относился къ нему въ значительной степени халатно, при чемъ менѣе всего его тревожилъ вопросъ о вознагражденіи сотрудниковъ. О выполненіи § 3 своего первоначальнаго договора—о 100 и 50 рубляхъ гонорара, не было и помину, и сотрудники работали на журналъ изъ любви къ искусству и изъ уваженія и сочувствія къ его руководителю. Подписки дѣйствительно не было, но изъ своихъ личныхъ средствъ Погодинъ

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 3.

никоимъ образомъ не былъ склоненъ жертвовать ради «братьевъ-писателей», предпочитая деньгамъ давать иное примѣненіе: онъ собиралъ русскія древности, которыя, при всемъ его умѣніи не быть щедрымъ, не всегда безплатно попадали въ его «древнехранилище». Увлеченный общественной дѣятельностью, онъ въ тревожный холерный 1830 годъ взялся за редакторство «Вѣдомостей о состояніи города Москвы», что окончательно лишало его возможности посвящать свои силы «Московскому Вѣстнику». Послѣдній изнемогъ отъ превратностей судьбы и равнодушія читателей. Его естественная кончина не вызвала чьихъ либо особыхъ соболѣзнованій, и даже расположенный къ Погодину Венелинъ писалъ ему: «Ты хорошо сдѣлалъ, что бросилъ «Вѣстникъ»; вѣдь ты не годишься въ журналисты. Сидоръ мой всплеснулъ руками отъ радости, при извѣстіи о кончинѣ московскихъ журналовъ: «Туда имъ и дорога»,—воскликнулъ онъ,—оттого-то Богъ и наказываетъ Москву, ибо съ тѣхъ поръ, какъ расплодились въ ней журналы, перестало и благочестіе».

А соперникъ «Московскаго Вѣстника»—«Московскій Телеграфъ» проводилъ его слѣдующимъ поминальнымъ словомъ: «Рожденный подъ хоругвію стиховъ Пушкина, усиліемъ юныхъ литераторовъ, «Московскій Вѣстникъ» доказалъ другое, то, что, съ альманачными дарованіями и не отдавши самимъ себѣ отчета въ трудѣ, не должно почитать себя готовыми учить другихъ. Напрасны были крики, клики, критики и стихи».

Такимъ образомъ, четырехлѣтнее управленіе «Московскимъ Вѣстникомъ» не доставило Погодину славы хорошаго издателя-редактора, которому публика можетъ довѣрять, и который дѣйствительно имѣетъ дарованіе толковаго и добросовѣстнаго организатора и администратора большаго и отвѣтственнаго дѣла. Прежде всего онъ зарекомендовалъ себя крайней неаккуратностью выхода и разсылки №№ журнала, неряшливостью ихъ выпуска въ свѣтъ, далѣе—неспособностью сплотить вокругъ себя хорошо-спѣвшуюся дружину постоянныхъ сотрудниковъ, основного кадра журнала и, наконецъ, неспособностью улавливать потребности времени, идти на встрѣчу запросамъ и вкусу читающей публики. «Московскій Вѣстникъ», какъ и «Современникъ» Плетнева впослѣдствіи, не явился на аренѣ жизни типомъ того журнала, который руководитъ читателями, образуетъ ихъ мысль и даетъ имъ толкованіе общественныхъ явленій, а скорѣе сошелъ на роль недурно составленныхъ книжекъ, альманаховъ, немножко скучныхъ и тяжеловѣсныхъ для средняго круга читателей. «Московскій Вѣстникъ,—писалъ Бѣлинскій,—былъ лишенъ современности, и теперь его можно читать, какъ хорошую книгу, никогда не теряющую своей цѣны, но журналомъ онъ никогда не былъ».

Что касается журнальной братіи, то и тутъ онъ не оставилъ по себѣ, какъ редакторъ-издатель, особенно доброй славы: не сумѣлъ привлечь постоянныхъ силъ, былъ не особенно деликатенъ въ обра-

щеніи съ людьми безъ имени и проявилъ излишнюю склонность къ даровому труду, отчего особенно пострадалъ его соредакторъ—Шевыревъ. Общественное политическое направленіе «Московскаго Вѣстника», въ силу его отчужденности отъ современности, не было ярко формулировано, хотя во всякомъ случаѣ его нельзя было упрекнуть въ излишнемъ тяготѣніи къ новшествамъ, какъ равно нельзя было и заподозрѣть въ сродствѣ съ обскурантизмомъ. Въ этомъ отношеніи «Московскій Вѣстникъ» не оставилъ по себѣ рѣзкаго слѣда, и его скорѣе всего въ исторіи литературы надлежитъ отнести къ категоріи изданій вполнѣ чистоплотныхъ и научно-эстетическихъ, въ родѣ «Современника» Пушкина и Плетнева.

Простившись съ «Московскимъ Вѣстникомъ», Погодинъ, хотя и не оставилъ журналистики, т. е. хотя отъ времени до времени появлялся въ разныхъ журналахъ 1830 годовъ съ спеціальными и популярными статьями по русской исторіи, но главнымъ предметомъ его заботъ была университетская наука и тѣ изслѣдованія по отечественной исторіи, которыя даже среди недруговъ заслужили ему имя даровитаго и добросовѣстнаго ученаго.

V.

Намъ уже извѣстно, при какихъ условіяхъ была второй разъ въ жизни выставлена кандидатура Погодина на званіе редактора-издателя журнала, и какъ состоялось разрѣшеніе «Москвитянина». Десять лѣтъ перерыва въ активной издательской дѣятельности точно опредѣлили общественное значеніе московскаго ученаго. Въ 1832 году графъ Уваровъ, вступивъ въ должность товарища министра народнаго просвѣщенія, провозгласилъ «символъ вѣры русской жизни», по свидѣтельству г. Барсукова—православіе, самодержавіе и народность, отношенія къ которымъ и сдѣлались отнынѣ точками отправленія нашихъ общественныхъ движеній, получившихъ въ свою очередь отраженіе въ повременной журналистикѣ и исторической наукѣ.

Г. Вѣтринскій (онъ же Вас. Чешихинъ) въ своемъ любопытномъ трудѣ «Т. Н. Грановскій и его время», характеризуя ту эпоху тридцатыхъ годовъ, очень кстати обращается къ воспоминаніямъ И. С. Тургенева и говоритъ [1]): «формула, свойственная вообще исключительно бюрократическому взгляду на положеніе общества и государства: «все благополучно»—особенно выразительно была высказана въ это время шефомъ жандармовъ, графомъ Бенкендорфомъ, по поводу философскихъ писемъ Чаадаева: «Le passé de la Russie a été admirable, son présent est plus que magnifique; quant à son avenir, il est au-delà de tout ce que l'imagination la plus har-

---

[1]) Стр. 48.

die se peut figurer: voilà, mon cher, le point de vue, sous lequel l'histoire russe doit être conçue et écrite». Такой взглядъ на историческія судьбы Россіи и современное ея состояніе нашелъ себѣ не мало усердныхъ—иногда не по разуму—защитниковъ въ литературѣ. «Одновременно съ распространеніемъ этого убѣжденія,— говоритъ Тургеневъ,— и, быть можетъ, вызванная имъ, явилась цѣлая фаланга людей безспорно даровитыхъ, но на даровитости которыхъ лежалъ общій отпечатокъ риторики, внѣшности, соотвѣтствующій той великой, но чисто внѣшней силѣ, которой они служили отголоскомъ. Люди эти явились и въ поэзіи, и въ живописи, и въ журналахъ, и даже на театральной сценѣ». Теоретическимъ защитникомъ и панегиристомъ системы явился, между прочимъ, журналъ «Москвитянинъ».

Г. Барсуковъ также свидѣтельствуетъ, что Погодинъ былъ горячимъ поборникомъ формулы графа Уварова и на своей вступительной лекціи въ университетѣ по курсу русской исторіи достаточно рельефно изложилъ свое политическое [1]) исповѣданіе вѣры, заключающееся въ томъ, что историческія судьбы Россіи различны отъ Западной Европы, что

«вся исторія наша до малѣйшихъ общихъ подробностей представляетъ совершенно иное зрѣлище: у насъ не было укрѣпленныхъ замковъ, наши города основаны другимъ образомъ, наши сословія произошли не такъ, какъ прочія европейскія. Доступность правъ, яблоко раздора между сословіями въ древнемъ и новомъ мірѣ, существуетъ у насъ искони: простолюдину открыть путь къ высшимъ государственнымъ должностямъ, а университетскій дипломъ замѣняетъ собою всѣ привилегіи и грамоты, чего нѣтъ въ государствахъ, наиболѣе славящихся своимъ просвѣщеніемъ, стоящихъ якобы на высшей ступени образованія. Необыкновенное явленіе, которому подобнаго напрасно будете вы искать во всей древней и новой исторіи, которое не удивляетъ насъ потому только, что мы слишкомъ къ нему привыкли. Кто сожигаетъ у насъ Разрядныя книги и уничтожаетъ мѣстничество, основанное также на заслугахъ? Не разъяренная чернь Бастильская въ минуту звѣрскаго неистовства, ни Гракхъ, ни Мирабо, ни Руссо, а чиновный бояринъ, спокойно, на площади, передъ лицомъ всѣхъ сословій, по повелѣнію самодержавнаго государя Ѳедора Алексѣевича. Кто доставляетъ намъ средства учиться, понимать себя, чувствовать человѣческое свое достоинство? Правительство».

Общность политическихъ воззрѣній графа Уварова и Погодина послужила на первыхъ порахъ послѣднему при изданіи «Москвитянина» доброю поддержкою, и товарищъ министра писалъ московскому профессору: «Поспѣшаю протянуть руку на новое прекрасное дѣло. Вы можете быть увѣрены въ моемъ содѣйствіи болѣе чѣмъ офиціальномъ, въ моемъ душевномъ участіи и въ моей готовности споспѣшествовать изданію журнала, соотвѣтствующаго положенію умовъ и видамъ правительства. Macte animo. Вотъ мой прямой отвѣтъ».

---

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. I.

Осенью 1840 года Погодинъ приступилъ къ изданію и сдѣлалъ о немъ слѣдующее объявленіе въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» [1]):

«Путешествовавъ два раза въ чужихъ краяхъ и устроивъ литературныя и ученыя отношенія съ главными городами Европы, имѣя усердныхъ корреспондентовъ по всѣмъ славянскимъ странамъ въ Богеміи, Моравіи, Кроаціи, Венгріи, Сербіи, Галиціи, Польшѣ, а равно и во всѣхъ главныхъ городахъ русскихъ, по лестному вызову многихъ литераторовъ русскихъ, я буду издавать въ слѣдующемъ 1841 году учено-литературный журналъ подъ заглавіемъ Москвитянинъ, на который я имѣлъ счастіе получить высочайшее соизволеніе. Съ такими средствами и при такомъ стеченіи благопріятныхъ обстоятельствъ, я надѣюсь доставлять публикѣ скорыя и вѣрныя извѣстія о важнѣйшихъ явленіяхъ въ жизни литературной, ученой, художественной и гражданской, во всѣхъ частяхъ Россіи и въ главныхъ государствахъ Европейскихъ, распространять полезныя свѣдѣнія и понятія, и тѣмъ содѣйствовать по мѣрѣ силъ своихъ великому дѣлу отечественнаго просвѣщенія. Первое мѣсто въ Москвитянинѣ посвящается Россіи. Ея словесность, исторія, географія, статистика, юриспруденція будутъ главными предметами, и я употреблю всѣ свои силы, при помощи многочисленныхъ корреспондентовъ, чтобъ знакомить болѣе моихъ соотечественниковъ съ любезнымъ нашимъ отечествомъ, въ коемъ до сихъ поръ остается такъ много неизвѣстнаго. Изъ отечественныхъ явленій обратится особенное вниманіе на произведенія умственныя. Отдѣленіе критики, на которую такъ много жалуются наши писатели, обвиняя ее въ пристрастіи и ограниченности, устроено такимъ образомъ, что всякая книга будетъ разбираема ученымъ, который занимается преимущественно ея предметомъ. Профессора всѣхъ университетовъ примутъ дѣятельное участіе въ этомъ отдѣленіи. Книги по русской исторіи будутъ разбираться мною или подъ моимъ руководствомъ. Критика произведеній изящной словесности, отечественной и иностранной, находится въ завѣдываніи профессора русской словесности С. П. Шевырева».

Это объявленіе, какъ читатель можетъ убѣдиться, еще не обнаруживаетъ, подъ какимъ знаменемъ выступаетъ редакція новаго журнала, но первая вышедшая въ 1841 г. книга [2]) уже рѣшительно не оставляетъ никакого сомнѣнія и съ полной откровенностью обнаруживаетъ святая святыхъ Погодинско-Шевыревскихъ тенденцій, въ духѣ офиціальной народности петербургскихъ бюрократическихъ сферъ. «Православно-русское направленіе» журнала должно было выясниться изъ трехъ помѣщенныхъ въ № 1 «Москвитянина» произведеній—изъ статьи самого Погодина «Петръ Великій», изъ стихотворенія Ѳ. Н. Глинки «Москва» и редакціоннаго profession de foi Шевырева «Взглядъ русскаго на образованіе Европы». Редакторъ-издатель, не будучи публицистомъ въ ближайшемъ смыслѣ этого слова, ограничился помѣщеніемъ статьи научнаго содержанія, гдѣ рѣзко подчеркнулъ свое поклоненіе передъ реформами преобразователя нашего отечества, изъ коихъ цѣликомъ вышла современная Россія.

«Нынѣшняя Россія,—говоритъ онъ,—то-есть Россія европейская, дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литературная,—есть произведеніе Петра Великаго... Мы не можемъ открыть своихъ

---

1) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 5.

2) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 6.

глазъ, не можемъ сдвинуться съ мѣста, не можемъ оборотиться ни въ одну сторону безъ того, чтобъ онъ вездѣ не встрѣтился съ нами, на улицѣ, въ церкви, въ училищѣ, въ судѣ, въ полку, на гуляньѣ, все онъ, все онъ, всякій день, всякую минуту, на каждомъ шагу!

«Мы просыпаемся. Какой нынче день? 1 января 1841 г. Петръ велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, Петръ Великій велѣлъ считать мѣсяцы отъ января.

«Пора одѣваться—наше платье шито по фасону, данному Петромъ Первымъ, мундиръ по его формѣ. Сукно выткано на фабрикѣ, которую завелъ онъ; шерсть настрижена съ овецъ, которыхъ развелъ онъ»...

Заставляя такимъ образомъ въ теченіе цѣлаго дня читателя наталкиваться на плоды рукъ Петровыхъ до «полученія чина по табели о рангахъ» включительно, Погодинъ заканчиваетъ свою въ общей сложности симпатичную, но курьезно изложенную статью утвержденіемъ, что

«Дѣйствія Петровы продолжаются до сихъ поръ и имѣютъ вліяніе не только на Россію, но и на всю Европу, на весь міръ; такіе люди не являются безъ надобности, или должно отвергнуть присутствіе Десницы мíродержавной надъ дѣлами человѣческими. Мысль нелѣпая! Видно, нуженъ былъ онъ, а не кто либо иной! Смиримся и благоговѣемъ»!

Эта статья чрезвычайно характерна, какъ одно изъ произведеній Погодина, которыми онъ и въ дальнѣйшемъ, въ теченіе 15 лѣтъ, продолжалъ украшать страницы «Москвитянина». Тутъ весь Погодинъ съ его «карноухими», какъ ихъ называлъ Герценъ, фразами, со всею его стремительностью, живостью, любовью къ обобщеніямъ, скачками отъ историческаго прошлаго къ настоящему, съ благоговѣніемъ передъ просвѣщеніемъ и насадителемъ его въ нашемъ отечествѣ, съ его патріотическомъ энтузіамомъ.

Въ pendant къ этой нѣсколько шумной и реторической статьѣ идетъ и стихотвореніе Глинки «Москва», получившее впослѣдствіи такую широкую популярность своимъ московско-патріотическимъ настроеніемъ, служившимъ антитезой тогдашнему скептическому настроенію Чаадаева. Послѣдній, какъ извѣстно, однажды пустилъ въ обращеніе ехидную остроту: «Въ Москвѣ каждаго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку и большой колоколъ. Пушку, изъ которой стрѣлять нельзя, и колоколъ, который свалился прежде, чѣмъ звонилъ: удивительный городъ, въ которомъ достопримѣчательности отличаются нелѣпостью». Отвѣчая скептику, московскій поэтъ писалъ:

Городъ чудный, городъ древній
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ;
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!

. . . .

Кто собьетъ златую шапку
У Ивана звонаря?

Кто царь колоколъ подниметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто гордецъ не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?

VI.

Что касается статьи С. Шевырева «Взглядъ русскаго на образованіе Европы», то ей суждено было сыграть рѣшающую роль въ судьбѣ «Москвитянина», разъ навсегда опредѣлить его главенствующее направленіе и положеніе среди остальныхъ органовъ прессы, послужить редакціоннымъ profession de foi, «которому, по свидѣтельству г. Барсукова, «Москвитянинъ» остался вѣренъ до конца своего существованія».

Авторъ открываетъ свою статью тѣмъ положеніемъ, что «драма современной исторіи выражается двумя именами, изъ которыхъ одно звучитъ сладко нашему сердцу! Западъ и Россія, Россія и Западъ—вотъ результатъ, вытекающій изъ всего предыдущаго; вотъ послѣднее слово исторіи; вотъ два данныя для будущаго!» Пространно отмѣтивъ заслуги передъ человѣчествомъ главныхъ западно-европейскихъ народовъ—итальянцевъ, англичанъ, нѣмцевъ, французовъ, онъ замѣчаетъ:

«Франція и Германія были сценами двухъ величайшихъ событій, къ которымъ подводится вся исторія новаго Запада, или, правильнѣе, двухъ переломныхъ болѣзней, соотвѣтствующихъ другъ другу. Эти болѣзни были — реформація въ Германіи, революція во Франціи, болѣзнь одна и та же, только въ двухъ разныхъ видахъ. Мы думаемъ, что эти болѣзни уже прекратились. Нѣтъ, мы ошибаемся. Болѣзнями порождены вредные соки, которые теперь продолжаютъ дѣйствовать и которые въ свою очередь произвели уже поврежденіе органическое и въ той, и въ другой странѣ, признакъ будущаго саморазрушенія. Да, въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ мы не примѣчаемъ, что имѣемъ дѣло какъ будто съ человѣкомъ, несущимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ, окруженнымъ атмосферою опаснаго дыханія. Мы цѣлуемся съ нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу, мысли, пьемъ чашу чувства... и не замѣчаемъ скрытаго яда въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхѣ пира будущаго трупа, которымъ онъ уже пахнетъ! Онъ увлекъ насъ роскошью своей образованности...; угождаетъ прихотямъ нашей чувственности, расточаетъ передъ нами остроуміе мысли, наслажденія искусства. Мы рады, что попали на пиръ готовый къ такому богатому хозяину... Мы упоены... Но мы не замѣчаемъ, что въ этихъ яствахъ таится сокъ, котораго не вынесетъ свѣжая природа наша... Мы не предвидимъ, что пресыщенный хозяинъ, обольстивъ насъ всѣми прелестями великолѣпнаго пира, развратитъ умъ и сердце наше...; что мы выйдемъ отъ него опьяненные не по лѣтамъ, съ тяжкимъ впечатлѣніемъ отъ оргіи, намъ непонятной...».

Въ заключеніе своей статьи Шевыревъ говоритъ:

«Но если мы и выносили нѣкоторые неизбѣжные недостатки отъ сношеній нашихъ съ Западомъ, за то мы сохранили въ себѣ чистыми три коренныя чувства, въ которыхъ сѣмя и залогъ нашему будущему развитію.

«Мы сохранили наше древнее чувство религіозное. Крестъ Христовъ положилъ свое знаменіе на всемъ первоначальномъ нашемъ образованіи, на всей русской жизни. Этимъ крестомъ благословила насъ еще древняя мать наша Русь и съ нимъ отпустила насъ въ опасную дорогу Запада.

«Второе чувство, которымъ крѣпка Россія и обезпечено ея будущее благоденствіе, есть чувство ея государственнаго единства, вынесенное нами также изъ всей нашей исторіи. Конечно, нѣтъ страны въ Европѣ, которая могла бы гордиться такою гармоніею своего политическаго бытія, какъ наше отечество... Вотъ сокровище, вынесенное нами изъ нашей древней жизни, на которое съ особенною завистью смотритъ Западъ.

«Третье коренное чувство наше есть сознаніе нашей народности... Объ это чувство разбиваются всѣ частныя безплодныя усилія нашихъ соотечественниковъ привить къ намъ то, что нейдетъ къ русскому уму и къ русскому сердцу. Это чувство есть мѣра прочнаго успѣха нашихъ писателей къ исторіи литературы, есть пробный камень ихъ оригинальности. Это чувство устремляетъ теперь насъ къ изученію нашей древней Руси. Само правительство дѣятельно призываетъ насъ къ тому».

Статья Шевырева чрезвычайно удачно и сразу опредѣлила литературно-общественное положеніе «Москвитянина» и сдѣлалась, какъ уже сказано выше, откликомъ и выразителемъ офиціальныхъ вѣяній петербургскихъ канцелярій и салоновъ, ратовавшихъ во имя status quo. Уварово-Бенкендорфовская офиціальная народность нашла въ лицѣ «Москвитянина» своего апологета, поэтому и немудрено, что первый № молодого журнала былъ встрѣченъ въ Петербургѣ съ восторгомъ и ликованіями.

Графъ Уваровъ счелъ долгомъ поднести, по просьбѣ самого Погодина, экземпляръ «Москвитянина» государю, причемъ на докладѣ прибавилъ отъ себя: «желательно, чтобы это новое періодическое изданіе, продолжая идти стезею благороднаго направленія, могло нѣкоторымъ образомъ служить и образцомъ для русской журналистики, къ сожалѣнію, столь мало соотвѣтствующей доселѣ собственной цѣли и общей пользѣ». Побывавъ лично въ Петербургѣ, самъ Погодинъ могъ вполнѣ удостовѣриться въ успѣхѣ среди офиціальныхъ и казенныхъ сферъ своего дѣтища, что и засвидѣтельствовано имъ въ письмѣ къ Шевыреву».

«Напишу тебѣ о журналѣ. Такой эффектъ произведенъ въ высшемъ кругу, что чудо: всѣ въ восхищеніи и читаютъ наперерывъ. Графиня Строгонова, Віельгорскій, Протасовъ, Барантъ, Уваровъ... И замѣть, что всѣ эти господа ѣздятъ и заставляютъ подписываться, напримѣръ, графъ Протасовъ и Уваровъ... Одоевскій говоритъ: какъ вамъ не стыдно, господа, вы помѣстили все въ первой книжкѣ, вѣдь вы не выдержите до трехъ; гдѣ взять вамъ столько отличныхъ статей? Первой книжкѣ достало бы на годъ, и проч. Веневитиновъ не слыхалъ ни одного слова порицанія, Одоевскій также, Загряжскій, Смирдинъ, Ратьковъ, молодые чиновники. А ужъ С. С. Уваровъ—и говорить нечего. Велитъ выписывать по гимназіямъ и проч. Отъ моего П а р и ж а всѣ безъ памяти. Твоя Е в р о п а сводитъ просто съ ума. Стихи переписываютъ. Экземпляръ Одоевскаго просто растерзанъ. Недавно пишетъ княгинѣ Одоевской Баратынская (Абамелекъ): «Пришлите скорѣе, Христа ради, я ожидаю une visite illustre», и проч. Однимъ словомъ—два года, и мы господа... Какъ я хохочу надъ нашими умниками, не умницами—вотъ опозорились-то!»

Министерство юстиціи рѣшило подписаться на журналъ, и графъ Строгановъ, попечитель московскій, при встрѣчѣ съ Погодинымъ «разсыпался въ похвалѣ Москвитянину даже посторонниимъ лицамъ». Коротко говоря—успѣхъ Погодинскаго журнала былъ необычайный, эффектъ Шевыревской статьи превзошелъ всѣ редакціонныя ожиданія. Но эти успѣхи и эффекты были лишь казеннаго и свѣтскаго характера. «Москвитянину» еще предстояло выждать судъ болѣе строгій и серьезный: я разумѣю русскую прессу, сословіе писателей, которые въ тѣ дни уже успѣли народиться въ достаточномъ числѣ, кое-гдѣ сплотиться и хоть слабо, но все же представить собою то общественное мнѣніе, которое опредѣляетъ достоинство историческаго порядка вещей. Сліяніе тенденцій молодого журнала съ лучезарными вѣяніями жандармской канцеляріи не прошло ему даромъ, и мигъ упоенія своимъ успѣхомъ и славою хранилъ въ себѣ зародыши гибельнаго яда.

VII.

«Петербургскіе «Маякъ» Бурачка и «Сѣверная Пчела» Булгарина были защитниками тѣхъ же взглядовъ на западъ и народность, подъ которой разумѣлся status quo,—говоритъ г. Вѣтринскій [1]). Относительно двухъ послѣднихъ пунктовъ (о западѣ и народности) собственно и шла борьба литературныхъ мнѣній сороковыхъ годовъ, не касаясь другихъ сторонъ дѣла по причинамъ совершенно понятнымъ. Названные органы печати отличались отъ «Москвитянина» лишь бóльшимъ количествомъ юродивыхъ выходокъ и бóльшимъ невѣжествомъ. Но всѣ три изданія приходились какъ разъ по плечу массѣ невѣжественной публики даже изъ высшихъ слоевъ». Установленіе этого тождества между Бурачкомъ, Булгаринымъ и Погодинымъ съ Шевыревымъ нѣсколько слишкомъ категорично, особенно теперь на разстояніи болѣе полустолѣтія, но, конечно, для того времени всякое сближеніе съ пресловутыми дѣятелями петербургской печати было дѣломъ рискованнымъ, и по свойству полемическихъ пріемовъ борьбы вообще нужно было ожидать, что попадешь въ одну кучу и подвергнешься жестокой потасовкѣ. И она не преминула обрушиться на бѣднаго Погодина, не успѣвшаго еще опомниться отъ первыхъ дней радости.

Конечно, выступать противъ редакціоннаго profession de foi было опасно: «просвѣщенное вниманіе» къ литературѣ графа Бенкендорфа побудило бы его вмѣшаться въ завязавшуюся полемику. Надо было выждать иного случая, который и не замедлилъ представиться. Поэтъ «Москвитянина», Ѳ. Глинка, напечаталъ объ

---

[1]) Стр. 50.

этомъ журналѣ сочувственную статью въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ только повторилъ и разбавилъ реторикою то, что уже сказано было Шевыревымъ о негодности запада. И вотъ полемическій предлогъ найденъ—есть, къ чему придраться, есть перчатка, которую можно смѣло поднять. И Бѣлинскій, являвшійся тогда центромъ «Отечественныхъ Записокъ» Краевскаго, поспѣшилъ поднять эту перчатку и обрушился со всей силой своего мощнаго слова противъ Глинки и косвенно противъ «Москвитянина».

«Какъ можно,—восклицалъ онъ—писать и печатать подобныя вещи въ 1841 г. отъ Р. Х.? Европа—изволите видѣть окружена атмосферою опаснаго дыханія; въ ней развращено воображеніе, развращена мысль, испорчены соки!!! Помилуйте! Да вѣдь это хула на науку и на искусство, на все живое, человѣческое, на самый прогрессъ человѣчества!.. Пора бы, право, перестать извергать такія хулы на Европу и на нашъ великій XIX вѣкъ. Господи Боже мой! Да неужели мы ѣздимъ въ Европу для того только, чтобы заражаться ядовитымъ дыханіемъ этого будущаго трупа? Неужели юноши наши, безпрерывно отправляемые, на счетъ нашего мудраго и просвѣщеннаго правительства, за границу, возвращаются оттуда никуда негодными, и изъ нихъ не выходятъ Брюлловы, Бруни, Басины, или не превращаются они въ отличныхъ университетскихъ преподавателей, которые живымъ знаніемъ своимъ, въ этой же Европѣ пріобрѣтеннымъ, затмеваютъ другихъ, не знающихъ Европы..?».

За этой первой замѣткой нашего знаменитаго критика послѣдовалъ рядъ другихъ по самымъ различнымъ поводамъ, случаямъ и статьямъ, такъ что, наконецъ, «Москвитянинъ» сталъ притчею во языцѣхъ на страницахъ сначала «Отечественныхъ Записокъ», а потомъ и «Современника», послѣ пріобрѣтенія его Некрасовымъ и Панаевымъ. Борьба съ Погодинымъ и Шевыревымъ, т. е. тѣмъ знаменемъ, которое они воздвигнули надъ редакціей «Москвитянина», сдѣлалась въ статьяхъ Бѣлинскаго тѣмъ боевымъ кличемъ, коимъ онъ шевелилъ нервы, слухъ и чувство русскаго общества. Бѣлинскій допекалъ своихъ литературныхъ недруговъ, людей противнаго ему направленія, не только критическими замѣтками, рецензіями, но прибѣгнулъ и къ памфлету—роду литературы, ему мало свойственному, гдѣ жесточайшимъ образомъ вышутилъ Шевырева. Его «Педантъ» произвелъ ошеломляющее дѣйствіе въ Москвѣ, и вотъ что по этому предмету сообщалъ Боткинъ въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ»:

«Ударъ произвелъ дѣйствіе, превзошедшее ожиданія. Шевыревъ не показывается эту недѣлю въ обществѣ. Въ синклитѣ Хомякова, Кирѣевскихъ, Павлова, если заводятъ объ этомъ рѣчь, то съ пѣною у рта и ругательствами. Всѣхъ больше ругался Н. Ф. Павловъ, онъ предложилъ написать письмо къ князю Одоевскому, отъ лица всѣхъ московскихъ литераторовъ, въ которомъ просить князя, чтобы онъ съ вами не знался, письмо это будетъ пересыпано разными любезностями на счетъ вашъ и Бѣлинскаго. Погодинъ уменъ... проглотилъ пилюлю, но ходитъ съ веселымъ лицомъ. Но все хорошо,—а, можетъ быть, худо то, что Шевыревъ, какъ я слышалъ, хочетъ жаловаться, и въ его жалобѣ будто бы приметъ участіе князь Д. В. Голицынъ, московскій генералъ-губернаторъ, который надняхъ ѣдетъ въ Петербургъ. Смотрите, чтобъ не было какой бѣды... Кирѣевскій ругаетъ Бѣлин-

скаго словами, приводящими въ трепетъ всякаго православнаго, и спрашиваетъ Грановскаго: неужели вы не постыдитесь подать Бѣлинскому руку? А Грановскій имѣлъ безстыдство отвѣчать: не только не постыжусь подать руки, а хоть даже на площади передъ всѣми обниму его!».

Такимъ образомъ, литературная борьба, занявшая собою цѣлое десятилѣтіе, рѣзко обозначилась уже въ началѣ сороковыхъ годовъ, ведетъ свое непосредственное начало отъ первой книги «Москвитянина» и можетъ быть названа борьбою за и противъ офиціально-полицейской народности. Лагерь западниковъ, съ Бѣлинскимъ во главѣ, поднялъ перчатку, брошенную Погодинымъ и Шевыревымъ, и, ратоборствуя во имя началъ прогресса и свободы, въ пылу борьбы и ненависти, съ своей стороны довелъ выводы нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ западничества до крайности. Но объ этомъ я не имѣю возможности говорить въ настоящей статьѣ. Мое дѣло на сегодняшній разъ было лишь отмѣтить, какъ было встрѣчено въ прессѣ исповѣданіе вѣры «Москвитянина» и его главныхъ представителей. Статьи Бѣлинскаго и отношеніе западниковъ имѣли рѣшительное вліяніе на судьбу журнала Погодина: онъ лишился популярности въ самомъ своемъ цвѣтущемъ періодѣ существованія, и дальнѣйшее веденіе Погодинымъ дѣла лишь дополнило и довершило то, что было сдѣлано критикомъ «Отечественныхъ Записокъ».

Не болѣе благополучно обстояли отношенія къ «Москвитянину» со стороны другой уже вполнѣ сформировавшейся литературно-общественной группы — московскихъ славянофиловъ. Правда, они пришли въ негодованіе отъ памфлета Бѣлинскаго, но ихъ негодованіе и гнѣвъ носили на себѣ скорѣе обще-литературный характеръ, по коему нѣкоторые люди вообще не склонны къ сильнымъ полемическимъ пріемамъ борьбы; съ другой стороны — въ этомъ сказались личныя симпатіи и отношенія къ старому знакомому и пріятелю Шевыреву и, наконецъ, во всякомъ случаѣ они слишкомъ хорошо понимали, что ударъ-то былъ нанесенъ изъ того лагеря, съ коимъ они не состояли въ нѣжныхъ отношеніяхъ, съ коимъ были счеты и рѣзкое принципіальное несогласіе. Общій врагъ — западничество, примирялъ въ данномъ случаѣ представителей двухъ совершенно различныхъ доктринъ, которыя, нося на себѣ по внѣшности нѣкоторое сходство, въ глубинахъ же своего основанія были враждебны другъ другу.

Славянофильство и офиціальная народность никогда не могли по существу ужиться въ мірѣ и ладу и, если они подчасъ шли дружно въ литературѣ и жизни мирно рука объ руку, то это вызывалось совершенно случайными точками соприкосновенія. Хомяковъ, помѣстившій въ № 1-мъ «Москвитянина» одно изъ своихъ стихотвореній, не заслужилъ этимъ одобренія со стороны своихъ единомышленниковъ и вынужденъ былъ оправдывать свое участіе въ журналѣ Погодина и Шевырева. Впослѣдствіи (1848 г.), объя-

сняя графу Блудову свое участіе въ «Москвитянинѣ», онъ писалъ[1]): «Журнальная дѣятельность никогда меня не веселила, я никогда, можетъ быть, не напечаталъ бы и строки въ журналѣ, но я не умѣлъ придумать другого пути, удобнаго для выраженія моей мысли, и печатаю статьи въ никѣмъ не читаемомъ «Москвитянинѣ». Я хотѣлъ, я долженъ былъ высказать завѣтную мысль, которую носилъ въ себѣ отъ самаго дѣтства». Біографъ А. И. Кошелева, продолжая развивать мысль, почему Хомяковъ и присные ему печатались у Погодина, говоритъ: «Конечно, и другіе славянофилы печатались въ этомъ журналѣ только по необходимости, ибо не имѣли другого органа, сколько нибудь подходящаго ихъ убѣжденіямъ. Еще ранѣе 23-го іюня 1845 года Хомяковъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину: «Всѣ отказываются отъ участія въ «Москвитянинѣ». Я этого не осуждалъ,—онъ дѣйствительно не заслуживаетъ поддержки,—но мнѣ еще нужно написать двѣ статьи, и я надняхъ принимаюсь за одну изъ нихъ. Разумѣется, уже это не ради журнала, а потому только, что хочу досказать не досказанное». Само собою разумѣется, что славянофиламъ невыгодно было совершенное закрытіе «Москвитянина». Ученіе славянофиловъ только разработывалось по частямъ, и они не успѣли сами изложить его въ стройной и совершенно законченной системѣ; поэтому отдѣльнаго изданія, посвященнаго исключительно изложенію своей системы, славянофилы предпринять не могли. Да и кто же бы въ то время сталъ его читать? Къ этому присоединились цензурныя опасенія. Еще въ началѣ 1845 года Самаринъ писалъ Хомякову изъ Петербурга, что правительство и петербургская журналистика относятся къ славянофиламъ крайне враждебно, и совѣтовалъ быть осторожными». Въ заключеніи своего обзора попытокъ славянофиловъ обосноваться въ особомъ журналѣ біографъ А. И. Кошелева говоритъ: «Этимъ оканчивается попытка славянофиловъ къ отдѣльнымъ изданіямъ до пятидесятыхъ годовъ, когда обязанность редактора принялъ на себя А. И. Кошелевъ,—правда, при болѣе благопріятныхъ цензурныхъ условіяхъ. Мы увидимъ дальше, что только благодаря его энергіи и настойчивости славянофильское ученіе появилось въ цѣльномъ своемъ видѣ и такъ или иначе обратило на себя вниманіе не только немногихъ, воспользовавшихся устною бесѣдою, но всей читающей публики».

Какъ бы тамъ ни было, но славянофилы дѣлали попытки обосноваться въ своемъ, лично ими руководимомъ, органѣ печати, и къ числу такихъ попытокъ должно быть отнесено вступленіе И. В. Кирѣевскаго въ управленіе редакціей «Москвитянина». Но прежде чѣмъ объ этомъ говорить, отмѣчу лишь, чтобы покончить съ вопросомъ о недоброжелателяхъ «Москвитянина», что въ числѣ послѣднихъ, сверхъ всякаго ожиданія, оказались московскій попечитель

---

[1]) Н. Колюпановъ. Біографія Александра Ивановича Кошелева, т. II, стр. 69.

и начальникъ цензуры графъ Строгановъ и... шефъ жандармовъ графъ А. Х. Бенкендорфъ. Біографъ Погодина свидѣтельствуетъ на основаніи непреложныхъ документовъ, что графъ Бенкендорфъ «пользовался всякимъ случаемъ, чтобы дѣлать непріятности журналу», допекая графа Уварова представленіями насчетъ неблагонамѣренныхъ статей «Москвитянина». Шефъ жандармовъ, очевидно, понималъ, что благоденствіе Россіи можетъ быть основано исключительно на бдительности его канцеляріи и никоимъ образомъ не нуждается въ чьихъ либо иныхъ услугахъ, особенно литературныхъ. Исключенія онъ дѣлалъ только ради Греча и Булгарина... Что касается Строганова, то онъ, мнѣ кажется, болѣе изъ антагонизма къ графу Уварову тѣснилъ редактора журнала, находившагося подъ покровительствомъ петербургскаго сановника. Но такъ или иначе, а бѣдному «Москвитянину» приходилось плохо отъ цензурныхъ гоненій, и Погодинъ писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Въ числѣ непріятностей, цензурныя принадлежали къ самымъ досаднымъ и тяжелымъ. Цензоры поступали съ несчастнымъ «Москвитяниномъ», какъ угодно: никакого суда надъ ними найти было не возможно. Долгое время былъ цензоръ Флеровъ, дядька дѣтей Строганова»...

VIII.

Огорченія, которыя сыпались на голову издателя «Москвитянина», начали уже съ 1842 г. такъ его удручать, что онъ сталъ даже помышлять о прекращеніи своего журнальнаго поприща. Прослышавъ объ этомъ, И. Т. Спасскій писалъ ему, по порученію графа Уварова: «Сергій Семеновичъ желаетъ, чтобы вы были покойны насчетъ «Москвитянина». Злые духи сказокъ, которые васъ пугаютъ, суть скорѣе зловѣщія и крикливыя московскія вороны, которыхъ бояться нечего. Итакъ—macte animo».

Кромѣ графа Уварова, «Москвитянинъ» поддерживали совѣтами, литературными вкладами и заботой о его распространеніи—Максимовичъ, Н. Любимовъ, Мухановъ, Каразинъ, Квитка, Даль, Бодянскій, археологъ Савваитовъ и другіе, по большей части изъ міра исторической науки. Нельзя сказать, чтобъ эти почтенные дѣятели русской мысли вносили съ собою особенное оживленіе на страницы журнала, и Гоголь былъ совершенно правъ, когда писалъ въ 1843 г. Языкову: «Москвитянинъ», издаваясь уже четыре года, не вывелъ ни одной сіяющей звѣзды на словесный небосклонъ! Высунули носы какіе-то допотопные старики, поворотились и скрылись».

Тѣснимый цензурой, не поддерживаемый писателями первостепеннаго таланта, преслѣдуемый свистками и остротами Бѣлинскаго, Герцена и другихъ, Погодинъ, не смотря на посылаемыя изъ Петербурга утѣшенія графа Уварова, терялъ бодрость духа и все болѣе склонялся къ передачѣ журнала въ другія, болѣе умѣлыя руки.

Съ этой цѣлью онъ, было, завелъ переговоры по настоящему предмету съ петербургскимъ ученымъ В. В. Григорьевымъ, но эти переговоры кончились ничѣмъ; затѣмъ ему казалось наиболѣе счастливымъ выходомъ изъ тяжелаго положенія перенести журналъ въ Петербургъ, что опять-таки не состоялось; наконецъ, ему удалось-таки въ 1844 г. передать редактированіе журнала И. В. Кирѣевскому, который и сдѣлалъ попытку превратить «Москвитянинъ» въ органъ правовѣрнаго славянофильства. Когда между Кирѣевскимъ и Погодинымъ былъ заключенъ договоръ о передачѣ журнала въ вѣдѣніе перваго, славянофилы чрезвычайно порадовались. Радость эту раздѣляли и западники, и представитель ихъ Герценъ писалъ:

«Для живого полемическаго журнала надобно непремѣнно имѣть чутье современности, надобно имѣть ту нѣжную щекотливость нервъ, которая тотчасъ раздражается всѣмъ, что раздражаетъ общество. Издатели «Москвитянина» вовсе лишены были этого ясновидѣнія и какъ ни вертѣли они бѣднаго Нестора и бѣднаго Данта, они убѣдились наконецъ сами, что ни рубленой сѣчкой Погодинскихъ фразъ, ни ноющей плавностью Шевыревскаго краснорѣчія ничего не возьмешь въ нашемъ испорченномъ вѣкѣ. Они подумали, подумали и рѣшились предложить главную редакцію И. В. Кирѣевскому. Выборъ Кирѣевскаго былъ необыкновенно удаченъ, не только со стороны ума и таланта, но и съ финансовой стороны. Я самъ ни съ кѣмъ въ мірѣ не желалъ бы такъ вести торговыхъ дѣлъ, какъ съ Кирѣевскимъ»

Кирѣевскій дѣйствительно сразу оживилъ «Москвитянинъ», привлекъ къ нему лучшія силы, такъ что Погодинъ сталъ даже завидовать своему замѣстителю и писалъ въ своемъ дневникѣ [1]):

«Къ Кирѣевскому, отъ коего ни слуху, ни духу. Что-то не спорится. Хотѣлъ было заѣхать къ Шевыреву, а онъ пріѣхалъ къ Кирѣевскому и привезъ стихотвореніе Жуковскаго. Маленькая досада и боль самолюбія, почему мнѣ въ четыре года онъ не могъ собраться прислать ничего, а здѣсь и безъ просьбы. Разумѣется, Кирѣевскій ему родной, но для общаго дѣла, чтобъ показать участіе, могъ бы онъ прислать мнѣ хоть страницу. И Гоголь также показалъ величайшее усердіе, какого не ожидалъ я. Но Богъ съ ними».

Первый № обновленнаго «Москвитянина» вышелъ въ концѣ января 1845 г., но безъ обозначенія на обложкѣ имени Кирѣевскаго [2]). Книга была украшена стихотвореніемъ старика Жуковскаго, гдѣ онъ между прочимъ даетъ слѣдующій совѣтъ новому редактору:

...Будь въ своемъ журналѣ
Другъ твердый, а не злой наѣздникъ правды,
Съ журналами другими не воюй,
Ни съ «Библіотекой для Чтенья», ни
Съ «Записками», ни съ «Сѣверной Пчелой»,
Ни съ «Русскимъ Вѣстникомъ», живи и жить
Давай другимъ; и обладать одинъ
Вселенною читателей не мысли.

---

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 7.
[2]) То же, кн. 8.

Успѣхъ обновленнаго «Москвитянина» былъ немалый, и статьи Хомякова, Кирѣевскаго, самого Погодина въ первыхъ трехъ книжкахъ снова привлекли, было, къ нему вниманіе читателей.

«Положеніе наше (то-есть славянофиловъ),—писалъ по этому случаю Хомяковъ Самарину,—уяснилось во многомъ. Мы въ одно время и признаны (полиціею, Отечественными Записками и Библіотекою для Чтенія) и не сосланы. Это—выгода великая и неоспоримая: руки развязаны для всякаго осторожнаго дѣйствія. Публика, читая, будетъ понимать то, чего бы не поняла безъ этихъ коментаріевъ и слуховъ. Цвѣтъ или, лучше сказать, общій очеркъ мыслей опредѣлился, вниманіе пробуждено. Всякій высказанный принципъ получаетъ новую важность. Теперь надобно и должно высказывать принципы, и чѣмъ болѣе они будутъ высказываться, тѣмъ яснѣе будетъ, что они ни для кого не опасны, что они не новое что нибудь, налагаемое нами на общество, но безсознательно въ немъ живущее, и что они до сихъ поръ составляли лучшую часть нашей умственной жизни. Надобно показать всѣмъ, что они (то-есть принципы) также далеки отъ консерватизма въ его нелѣпой односторонности, какъ и отъ революціонности въ ея безнравственной и страстной самоувѣренности; что они, наконецъ, составляютъ начало прогресса разумнаго, а не безтолковаго броженья».

Конечно, въ силу журнальныхъ направленій западники въ «Отечественныхъ Запискахъ» не могли оставить безъ отпора и полемики сплотившейся силы славянофиловъ, и Герценъ поспѣшилъ ѣдко посмѣяться надъ Погодинскимъ журналомъ, за одно ужъ вышучивая и прежнюю его редакцію въ лицѣ Погодина и Шевырева. Разсмотрѣвъ съ иронической точки зрѣнія обновленный «Москвитянинъ», онъ писалъ [1]):

«Смерть стало жаль стараго «Москвитянина». Бывало ждешь съ нетерпѣніемъ какъ нибудь въ февралѣ декабрьской книжки и знаешь напередъ: будетъ чѣмъ душу отвести: вѣрно будетъ отрывокъ изъ Путевого Дневника Погодина. Читаешь и, кажется, будто самъ ѣдешь осенью по фашиннику. Дѣтски-милое, наивное воззрѣніе Погодина на Европу казалось намъ иногда страннымъ, но не надобно забывать: онъ, кажется, имѣлъ въ виду дикія племена Африки и Австраліи: для нихъ нельзя писать другимъ языкомъ. Ну, вотъ, напримѣръ, шлегеловски глубокомысленныя, основанныя на глубокомъ изученіи Данта, критики Шевырева не имѣли въ тѣхъ странахъ далеко токого успѣха, въ нихъ и Западу доставалось... а все не то!...». «Москвитянинъ-pére,—продолжаетъ Герценъ,—что ни говорите, журналъ былъ хорошій: если бы кто нибудь, кто его читалъ не въ Отанти, а на Руси, тотъ согласился бы съ нами... Помните, какъ онъ вдохновенно объявилъ, что мы спимъ, а онъ не спитъ за насъ... Разумѣется, въ этомъ сторожевомъ положеніи иногда говорилъ онъ что попало, чтобы разогнать дремоту».

Союзъ Кирѣевскаго съ Погодинымъ былъ, однако, чрезвычайно кратковременный, и редакторъ съ издателемъ вынуждены были, недовольные другъ другомъ, разстаться. Яблокомъ раздора явилось классически неаккуратная контора и неисправная типографія Погодина, получившія въ Москвѣ широкую извѣстность еще со временъ былой памяти «Московскаго Вѣстника». Возмущаемый неурядицей, Кирѣевскій писалъ одно за другимъ бранныя письма къ

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 8,

Погодину, а послѣдній только наивно записывалъ въ дневникъ: «Что мнѣ дѣлать съ конторой, вездѣ пропадають деньги», «въ контору, которая остается подъ Богомъ», «въ контору, которая управляется Богомъ». Дальнѣйшія записи въ дневникѣ московскаго ученаго показывають, что его отношеніе къ Кирѣевскому становилось все хуже и натянутѣе, что̀ въ общей совокупности послужило достаточной причиной, чтобъ разойтись. Отдать совершенно журналъ, безъ всякой прибыли и полученія постояннаго дохода, Погодинъ не желалъ, а вести совмѣстное хозяйство и администрацію оба журнальные дѣятели не нашли далѣе возможнымъ. Передавъ для четвертаго № заготовленные матеріалы, Кирѣевскій бросилъ журналъ и уѣхалъ въ деревню.

Погодинъ снова принялся за поиски себѣ компаніона по веденію «Москвитянина», но всѣ переговоры не приходили ни къ чему, и издатель сердито брюзжалъ въ своемъ дневникѣ: «хотятъ, чтобы осталось мое имя, и чтобъ я не смѣлъ ничего помѣстить, а молодое поколѣніе хозяйничало, поколѣніе, которое и грамотѣ не знаетъ!» Старикъ Аксаковъ прекрасно понималъ, что его молодежь, ведя переговоры съ неуступчивымъ Погодинымъ, ничего не добьется, и писалъ по этому случаю Гоголю: «До сихъ поръ идутъ толки о выборѣ новаго редактора, но все это вздоръ. Дѣло кончится тѣмъ, что Погодинъ опять примется за изданіе журнала и начнетъ сколачивать его топоромъ кое-какъ».

Предсказанія Аксакова сбылись: Погодинъ журнала не бросилъ и дѣйствительно даровыми и дешевыми матеріалами продолжалъ его сколачивать кое-какъ до тѣхъ поръ, пока къ нему не пристали новые дѣятели литературы, которые сумѣли дѣйствительно оживить «Москвитянинъ», придать ему небывалый блескъ и выдвинуть на одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи русской журналистики.

IX.

Въ послѣдніе годы «замѣчательнаго десятилѣтія» (сороковые годы) «Москвитянинъ» вначалѣ велъ очень грустное существованіе— подписка не достигала и 300 человѣкъ, но иногда, и нерѣдко, спускалась и значительно ниже. Онъ представлялъ собою полную противоположность процвѣтавшему въ тѣ дни «Современнику», гдѣ около Бѣлинскаго группировались такія блестящія дарованія, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Григоровичъ, Некрасовъ и другіе изъ той же плеяды.

Погодинъ, выпуская объявленіе на 1848 годъ [1]), сообщилъ читателямъ, что онъ, желая поддержать журналъ на достойной высотѣ, пригласилъ «нѣсколько лицъ, взявшихъ въ свое вѣдѣніе разныя

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина»., кн. 9.

отдѣленія», и такимъ образомъ сформировалъ комитетъ редакціи. Главными дѣйствующими лицами этого комитета являлись самъ Погодинъ и неизмѣнно-преданный ему Шевыревъ, затѣмъ профессора — Петровъ, Горловъ, Л. Страховъ, историкъ Бѣляевъ, молодой литераторъ А. А. Григорьевъ, уже обратившій своими статьями на себя вниманіе читателей, и другіе въ родѣ малоизвѣстнаго П. П. Пятерикова. Послѣ перечисленія членовъ комитета слѣдовалъ списокъ сотрудниковъ, гдѣ среди именъ дѣйствительно крупныхъ, въ родѣ Гоголя, Аксакова, Жуковскаго, Загоскина, Хомякова, Языкова слѣдовалъ длинный рядъ другихъ — второстепенныхъ и третьестепенныхъ, близость которыхъ къ журналу мало что говорила подписчикамъ.

Обширное объявленіе, масса именъ, краснорѣчивыя рекламы, однако, не вернули симпатію читателей «Москвитянину», и онъ по завершеніи уже подписки съ трудомъ перевалилъ за 400 подписчиковъ. Такимъ образомъ, и въ новомъ году издательство Погодина не представляло ничего утѣшительнаго, чему, конечно, въ значительной степени содѣйствовала его классическая контора. Не поправилось дѣло и въ редакціонномъ отношеніи. Комитетъ оказался миѳомъ, плодомъ воображенія Погодина, такъ какъ большинство этого комитета были иногородніе, а главные работники на журналъ, самъ Погодинъ и Шевыревъ, жили на разныхъ концахъ города, такъ что даже письма ихъ другъ къ другу, при тогдашнихъ порядкахъ почты, ходили по нѣскольку дней. Шевыревъ жилъ близъ Тверской, въ Дегтярномъ переулкѣ, а Погодинъ на Дѣвичьемъ полѣ, въ самой тогда пустынной части города. Эта безалаберность редакціоннаго режима, когда редакторы журнала видѣлись только изрѣдка, при оказіи, какъ прежде говорилось, само собою препятствовала успѣшному ходу дѣла, тормозила его и ссорила друзей между собою. Терпѣливый Шевыревъ, наконецъ, совсѣмъ осерчалъ на своего друга и, рѣзко высказавъ ему много горькихъ истинъ, отказался отъ дѣятельнаго участія въ журналѣ на 1849 годъ. Но Погодинъ не остался одинокимъ съ тяжкой обузой на плечахъ, а сумѣлъ привлечь къ соредакторству одного изъ добродушнѣйшихъ писателей — небезызвѣстнаго беллетриста А. Ѳ. Вельтмана, на котораго и возложилъ всю черновую работу по журналу[1]). Но и съ Вельтманомъ у него дѣло не клеилось, и въ дневникѣ Погодина встрѣчаются постоянно такія многозначительныя записи: «досаденъ Вельтманъ своими спорами», «еще досада отъ Вельтмана, который говоритъ, что выѣзжаютъ на немъ, между тѣмъ какъ онъ лѣнится», «у Вельтмана, который соритъ деньгами».

Препираясь съ Вельтманомъ, Погодинъ сумѣлъ, однако, просуществовать и въ 1849 г. и дать нѣсколько произведеній, заслу-

---

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 10.

жившихъ вниманіе читателей, но въ общей сложности журналъ былъ весь безцвѣтенъ и смахивалъ на «Альманахъ». Нынѣшній директоръ Публичной библіотеки, слушатель Погодина по университету, А. Ө. Бычковъ, писалъ ему изъ Петербурга въ томъ году: «Вашего **Москвитянина** упрекаютъ за отсутствіе въ немъ единства направленія, и въ глазахъ многихъ **судей рѣшительныхъ и строгихъ** онъ является сборникомъ статей. Я имѣлъ въ рукахъ двѣ книжки нынѣшняго года и пожалѣлъ, что въ немъ теперь помѣщается такъ мало матеріаловъ для исторіи и литературы, которыми онъ былъ такъ богатъ въ прошлые годы. Не хвалятъ также критики, но на всѣхъ нельзя угодить».

Но, если немного лестнаго можно сказать по адресу «Москвитянина» того времени, то не Богъ вѣсть, какими достоинствами отличались и петербургскіе противники его изъ лагеря «западниковъ»—«Современникъ» и «Отечественныя Записки». Г. Венгеровъ въ своемъ интересномъ очеркѣ «Молодая редакція «Москвитянина»[1]) даетъ прекрасный анализъ тѣхъ условій, въ коихъ находился, начиная съ 1848 г., западническій лагерь, и совершенно правильно отмѣчаетъ его «глубокій упадокъ» и «чрезмѣрную нетерпимость ко всему тому, что хоть нѣсколько приближалось къ славянофильству». Смерть Бѣлинскаго и отъѣздъ Герцена за границу отразились крайне неблагопріятно, при тяжелыхъ, вдобавокъ, внѣшнихъ условіяхъ жизни русскаго общества, на западническомъ лагерѣ.

«Пониженіе нравственнаго и умственнаго уровня, отсутствіе идейнаго творчества, мелкій пошибъ людей,—говоритъ г. Венгеровъ,—ставшихъ теперь за безлюдьемъ во главѣ журнальнаго дѣла,—таковы основныя черты духовной физіономіи западнической журналистики, т. е. воинствующей части западническаго лагеря за семилѣтіе 1848—1855 г. г. Но именно потому-то эти вожди безлюдья держались такъ крѣпко за каждый пунктикъ своей западнической «вѣры», держались съ такою сектантскою узостью, которая есть основное отличіе посредственнаго ученика отъ учителя-творца. Въ свободномъ порывѣ творчества учитель, если только ему истина дороже побѣды, всегда будетъ готовъ видоизмѣнить свое міросозерцаніе, исправить его согласно новымъ открывшимся его духовнымъ очамъ горизонтамъ. Такъ и было съ Бѣлинскимъ и съ другимъ пережившимъ его теоретикомъ сороковыхъ годовъ [2])... Не такъ уступчивы люди, заимствующіе свои идеи у другихъ и хорошо понимающіе, что разъ они ступятъ на незнакомую почву, она ускользнетъ подъ ихъ ногами. И оттого-то тамъ, гдѣ Бѣлинскій и Герценъ уступали, Панаевъ, Дружининъ, Дудышкинъ и разные мелкіе безъименные критиканы «Отеч. Зап.» разсматриваемой эпохи были непреклонны. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда дѣло доходило до критики славянофильскихъ идей... въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда «критика» «Отеч. Зап.» и «Современника» задѣвала отдѣльные пункты славянофильскаго міросозерцанія, она это дѣлала съ такой сектантскою тупостью, съ такой партійною недобросовѣстностью, которая не могла не возмущать такихъ идеалистовъ, какимъ, напримѣръ, былъ Аполлонъ Григорьевъ. Правда, тутъ были смягчающія обстоятельства: общественное безвременье, лишившее западниковъ возможности нападать на тѣ многочисленныя стороны славянофильства,

---

[1]) «Вѣстн. Европы», 1896 г., № 2, стр. 590—594.

[2]) То-есть Герценомъ.

которыми оно соприкасалось съ міровоззрѣніемъ Красовскаго и Мусина-Пушкина, поневолѣ заставляло ихъ быть мелочно-придирчивыми, намѣренно-непонятливыми. Проклятіе всякаго безвременья въ томъ именно и состоитъ, что люди, приноравливаясь къ нему, мельчаютъ, начинаютъ идти кривыми путями, говорить обиняками и завѣдомую неправду, чтобы хоть какъ нибудь выразить то, что кипитъ у нихъ въ глубинѣ души. Но все это объясненіе. Самый фактъ все-таки остается во всей своей неприкосновенности: съ одной стороны, посредственность вожаковъ, съ другой—полная невозможность говорить хоть сколько нибудь откровенно, привели къ тому, что западническій лагерь не стоялъ на высотѣ своего положенія».

Къ этой характеристикѣ г. Венгерова, сдѣланной полно и безпристрастно, не приходится прибавлять что либо лишнее. Вопросъ для настоящаго случая исчерпанъ вполнѣ достаточно, и намъ становится вполнѣ яснымъ, почему люди съ широкими дарованіями и не желающіе положить этихъ дарованій на жесткій и узкій жертвенникъ посредственной тенденціозности, каковыми были уже къ началу 1850 года «Отечеств. Зап.» и «Современникъ», не могли стать въ обыкновенные ряды дѣятелей этихъ журналовъ, а должны были искать себѣ прибѣжища въ иномъ мѣстѣ, болѣе сродномъ по духу, по смѣлости и складу широкой души. А такія силы къ началу текущей половины столѣтія уже народились, и имъ нужна была та сродственная, если не вполнѣ родная, колыбель, которая могла бы безпрепятственно и любовно дать мѣсто и возможность имъ вырости и окрѣпнуть. Силами этими въ русской литературѣ явились именно дѣятели «молодой редакціи «Москвитянина», о которыхъ будетъ рѣчь ниже, колыбель ихъ—тотъ несуразный «Москвитянинъ» Погодина, который онъ уже десять лѣтъ грубо «сколачивалъ топоромъ», со всѣми ссорясь, потѣшая читателей и критиковъ своими наивными выходками и чудачествами, но все же распространяя вокругъ своего дѣла и своей личности атмосферу русскаго добродушія, гостепріимства и ума.

Съ Вельтманомъ къ концу 1850 года у Погодина установились совершенно невозможныя отношенія: они стали ссориться и по дѣламъ издательства, и по дѣламъ редакціи. Съ ссорами издательскаго свойства Погодина мы уже достаточно знакомы; что касается редакціонныхъ, то онѣ заслуживаютъ вниманія, причемъ столкновеніе его съ ближайшимъ помощникомъ настолько характерно для физіономіи и «Москвитянина» и его собственника, что я позволю себѣ на немъ остановиться [1]).

Дѣло въ томъ, что въ 1849 году графъ Строгановъ издалъ въ Москвѣ археологическую монографію, подъ заглавіемъ «Димитріевскій соборъ въ Владимірѣ па Клязьмѣ», которая подверглась со стороны Погодина разбору на страницахъ «Москвитянина», гдѣ рецензентъ, воздавъ должное автору, сдѣлалъ ему и нѣсколько возраженій. Вельтманъ счелъ для чего-то долгомъ заступиться за графа

---

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 11.

Строганова, и вотъ на страницахъ «Москвитянина» два соредактора начинаютъ усиленно препираться и говорить другъ другу колкости. «Домашнія полемики, критики, антикритики и рекритики издавна были въ обычаяхъ, чуть не въ преданіяхъ Погодинскаго журнала»,— говоритъ г. Барсуковъ. Такъ и на этотъ разъ Погодинъ не затруднился дать мѣсто возраженіямъ Вельтмана въ Москвитянинѣ, а съ своей стороны противопоставилъ имъ подстрочные отвѣты. Въ этихъ отвѣтахъ Погодинъ указывалъ на незнакомство Вельтмана съ вновь изданными источниками и намекалъ на склонность своего противника къ фантастическимъ заключеніямъ: по землѣ прямо ходить мудренѣе, говорилъ Погодинъ, чѣмъ «летать по воздуху». Вельтманъ въ концѣ своей антикритики счелъ умѣстнымъ упомянуть объ «излишней самоувѣренности и наклонности къ опрометчивымъ приговорамъ господина историка»; на это Погодинъ отвѣчалъ: «Это уже обвиненіе не шуточное. Я могъ бы подать также нѣсколько совѣтовъ, и не безъ основаній, антикритику; но, уважая правила гостепріимства, удержусь отъ нихъ и, хотя хозяинъ, не буду подражать гостю. Сколько въ приговорѣ есть справедливаго, предоставляю судить читателямъ. Удивляюсь только, что антикритикъ, произнося такой жестокій приговоръ, скрылъ свое имя. Бросать камень изъ-за угла не годится».

Этимъ, однако, полемика не кончилась. Вельтманъ снова возражалъ Погодину, но уже не въ «Москвитянинѣ», а въ «Сѣверной Пчелѣ», а Погодинъ съ своей стороны, у себя въ журналѣ, далъ дружескій совѣтъ своему соредактору и руководителю критическаго отдѣла разъ навсегда оставить научную критику въ покоѣ, за отсутствіемъ у него именно критическихъ способностей, и посвятить свои недюжинныя силы исключительно беллетристическому творчеству.

Понятно, послѣ такого дружескаго совѣта бѣдному Вельтману было неудобно продолжать свое соредакторство въ «Москвитянинѣ», и ему осталось только разойтись съ неуживчивымъ и сварливымъ Погодинымъ. Разойдясь съ Вельтманомъ, какъ онъ уже передъ тѣмъ расходился и ссорился съ Кирѣевскимъ, Шевыревымъ, издатель «Москвитянина» не долго оставался одинокимъ при кормилѣ управленія журналомъ, и скоро вокругъ него или, правильнѣе, бокъ о бокъ съ нимъ сгруппировались новыя свѣжія силы литературы, составившія изъ своей среды именно то общественное явленіе, которое извѣстно въ исторіи нашей журналистики подъ именемъ «молодой» редакціи «Москвитянина».

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ.

(Некрологъ).

Русская литература понесла 8-го марта новую утрату: скончался на 76-мъ году жизни отъ крупознаго воспаленія легкихъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, имя котораго извѣстно всей грамотной Россіи, и поэтическія произведенія котораго составляютъ славу и гордость нашей словесности. Пятьдесятъ восемь лѣтъ непрерывнаго литературнаго труда были еще при жизни маститаго старца достойнымъ образомъ и вполнѣ заслуженно оцѣнены его соотечественниками: онъ былъ воистину увѣнчанъ лаврами, и имя его уже давно стало въ лучшемъ смыслѣ слова академическимъ.

Завидный удѣлъ жизни, котораго заслужили весьма немногіе изъ его собратьевъ по профессіи! Онъ совершилъ все земное, что было въ его власти, и на что его подвигнула природа, былъ оцѣненъ и прославленъ современниками и въ глубокой старости спокойно встрѣтилъ ту смерть, которая, по его словамъ —

> не мигъ уничтоженья
> Во мнѣ того живого я,
> А новый шагъ и восхожденья
> Все къ высшимъ сферамъ бытія!

Россія съ почетомъ похоронила своего доблестнаго сына. Государь Императоръ принялъ на себя расходы по послѣднему воздаянію чести усопшему, члены царской семьи почтили присутствіемъ панихиды по немъ, сановники, писатели, ученые,

артисты, проводили его прахъ до послѣдняго мѣста упокоенія, и надъ свѣжимъ холмомъ рыхлой земли прозвучали юные голоса поэтовъ — его младшихъ братьевъ по оружію, которые всегда были такъ дороги его сердцу, и которыхъ онъ любилъ привѣтствовать своимъ старческимъ голосомъ, полнымъ ласки и одобренія.

Подобно Жуковскому, съ коимъ его муза была въ нѣкоторомъ родствѣ, онъ тихо, спокойно и въ довольствѣ прожилъ свою жизнь, оставаясь въ сторонѣ отъ шума и гула уличной толпы и черни, погруженный въ дорогое ему чистое искусство, много потрудился на своемъ вѣку, не зарылъ таланта въ землю и заслужилъ своею литературною дѣятельностью всеобщую любовь и признательность. Къ обоимъ представителямъ нашей отечественной словесности, и Василію Андреевичу Жуковскому, и Аполлону Николаевичу Майкову, одинаково примѣнимо поэтическое выраженіе, которое достойно можетъ украсить ихъ памятники:

Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ,
Но съ благодарностію: были!

Родъ Майковыхъ заслуженный и древній: уже въ XV столѣтіи мы встрѣчаемъ ихъ предка, пользующагося широкой извѣстностью въ роли просвѣтителя Русской земли. Это былъ знаменитый подвижникъ Нилъ Сорскій, оставившій такой глубокій слѣдъ въ отечественной жизни своей возвышенно-подвижническою дѣятельностью. Въ прошломъ вѣкѣ одинъ изъ Майковыхъ является насадителемъ у насъ сценическаго искусства; сынъ же его, Василій Майковъ, былъ небезызвѣстнымъ въ свое время (1728—1778 гг.) оригинальнымъ поэтомъ. Съ тѣхъ поръ мы видимъ непрестанно представителей этого талантливаго рода на разныхъ ступеняхъ артистической лѣстницы: дѣдъ нашего скончавшагося поэта былъ директоромъ императорскихъ театровъ, отецъ — замѣчательнымъ живописцемъ, всѣ братья (Валеріанъ, Владиміръ и Леонидъ)—болѣе или менѣе выдающимися писателями и учеными. Наибольшей, однако, извѣстности и славы изъ всѣхъ братьевъ достигъ именно Аполлонъ Николаевичъ, являющійся типичнымъ представителемъ цѣлаго ряда талантливыхъ поколѣній и совмѣстившій въ себѣ гармонически начала поэтическаго и художественнаго творчества.

Аполлонъ Николаевичъ родился 23 мая 1821 г. въ Москвѣ и провелъ все дѣтство въ селѣ Никольскомъ, имѣніи отца, близъ Троицко-Сергіевской лавры, а также въ имѣніи бабушки

въ Клинскомъ уѣздѣ. Вспоминая впослѣдствіи ранніе годы жизни, Майковъ такъ обрисовалъ обстановку, при которой сложился его характеръ и поэтическій даръ (стих. «Рыбная ловля»):

Себя я помнить сталъ въ деревнѣ подъ Москвою:
Бывало въ вечеру поудить карасей
Отецъ пойдетъ на прудъ, а двое насъ, дѣтей,
Сидимъ на берегу подъ олкою густою,
Добычу изъ ведра руками достаемъ
И шопотомъ о ней другъ съ другомъ рѣчь ведемъ...
Съ лѣтами за отцомъ по ручейкамъ пустыннымъ
Мы стали странствовать... Теперь то время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...

Двѣнадцати лѣтъ онъ былъ привезенъ въ Петербургъ и отданъ въ ученье къ дядѣ:

Въ столицу привезенъ насильно точно я;
Какъ будто всѣмъ чужой, сижу на чуждомъ пирѣ,
И, кажется, опять я дома въ Божьемъ мірѣ,
Когда лишь заберусь на бережокъ ручья,
Закину удочки, сижу въ травѣ высокой...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣтство, проведенное на поэтическомъ лонѣ природы, оставило въ маленькомъ обитателѣ столицы столь сильное и яркое впечатлѣніе, что онъ не въ состояніи отъ него отвязаться и цѣликомъ живетъ образами прошлаго, обстановкою дѣтскихъ лѣтъ: уже тогда онъ научился видѣть въ природѣ «Божій міръ», научился въ каждомъ шелестѣ и шопотѣ окружающаго распознавать тайну бытія. Эта способность получаетъ въ Петербургѣ, въ артистической обстановкѣ отца, добрую почву, на коей въ теченіе всего трехъ лѣтъ столичной жизни природный даръ его успѣваетъ расцвѣсти и развернуться въ несомнѣнный поэтическій талантъ: уже пятнадцати лѣтъ онъ принимается за перо и пишетъ стихотвореніе «Разочарованіе» —

Когда въ святомъ, небесномъ вдохновеньи
Я возношусь въ подоблачный эѳиръ
И создаю въ своемъ воображеньи
Особенный, прекрасный, новый міръ, —
Зачѣмъ тогда прекрасное созданье
Я не могу изобразить
И перелить въ него мое очарованье
И прелестью небесной оживить.

Условія жизни въ отцовскомъ домѣ были въ высшей степени благопріятны для развитія всѣхъ духовныхъ силъ будущаго жреца чистаго искусства. Вспоминая домъ Николая Аполлоновича, А. И. Гончаровъ такъ описываетъ его: «Онъ, то-

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

есть, отецъ А. Н., жилъ, какъ живутъ или, если теперь уже не живутъ такъ, то какъ живали артисты, думая больше всего объ искусствѣ, любя его, занимаясь имъ, и почти ничѣмъ другимъ. Домъ его, лѣтъ 15—20 и болѣе назадъ, кипѣлъ жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержаніе

изъ сферы мысли, науки, искусствъ. Молодые ученые, музыканты, живописцы, многіе литераторы изъ круга 30-хъ и 40-хъ годовъ, всѣ толпились въ необширныхъ, не блестящихъ, но пріютныхъ залахъ его квартиры, и всѣ, вмѣстѣ съ хозяевами, составляли какую-то братскую семью или школу, гдѣ всѣ учились другъ у друга, размѣниваясь занимавшими тогда русское общество мыслями, новостями науки, искусствъ».

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ для развитія интеллектуальныхъ силъ, судьба послала юному Аполлону Майкову превосходныхъ руководителей его научными занятіями: соредактора Сеньковскаго по журналу «Библіотека для Чтенія», В. А. Солоницына, умнаго и образованнаго человѣка, а также еще неизвѣстнаго тогда, но впослѣдствіи прославившагося нашего незабвеннаго писателя—И. А. Гончарова. Подъ вліяніемъ Солоницына молодежь въ домѣ Майкова издавала журналъ «Подснѣжникъ», гдѣ сотрудниками являлись юноши Майковы, Гончаровъ, Бенедиктовъ, Борозда, Свиньинъ и мать нашего поэта, Е. П. Майкова. Такимъ образомъ, названныя лица поддерживали въ молодомъ поэтѣ его даръ Божій, а студія, бесѣды и образцы творчества самого отца содѣйствовали въ немъ развитію любви и вкуса къ живописи. Послѣдняя настолько поглощала въ юные годы Аполлона Николаевича, что его излюбленной мечтой было послѣдовать по отцовскимъ стопамъ и посвятить себя всецѣло живописи.

Пройдя въ три года подъ руководствомъ Солоницына и Гончарова полный семилѣтній курсъ гимназіи, Майковъ въ 1837 г. поступилъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета, каковой и кончилъ со степенью кандидата 20-ти лѣтъ отъ роду. Руководимый попрежнему бывшимъ своимъ наставникомъ, Солоницынымъ, молодой студентъ особенно охотно посѣщалъ лекціи Шнейдера, Калмыкова, Устрялова, Куторги, Плетнева и Никитенки; работая усердно въ университетѣ, Майковъ вмѣстѣ съ тѣмъ старательно обогащалъ свои познанія по самымъ разнообразнымъ отраслямъ, не покидая, однако, и своихъ излюбленныхъ занятій литературой вообще и поэзіей въ частности, а также живописью и вообще искусствомъ. Извѣстность молодого Майкова, какъ поэта, предшествовала его появленію въ печати: уже въ 1838 г. Плетневъ въ Петербургѣ, а Шевыревъ въ Москвѣ, знакомятъ своихъ слушателей съ произведеніями молодого народившагося таланта на основаніи рукописныхъ тетрадокъ его стихотвореній. Печатныя же его произведенія впервые появляются на страницахъ «Одес-

скаго альманаха» въ 1840 г., но безъ подписи автора. Особенное вниманіе обратило на себя стихотвореніе «Сонъ», привѣтствованное Бѣлинскимъ, какъ произведеніе «неизвѣстнаго, но даровитаго поэта»; въ слѣдующемъ году молодой писатель уже за полной подписью появляется на страницахъ «Библ. для Чтенія» и «Отечественныхъ Записокъ», а въ 1842 г. онъ выпускаетъ первый сборникъ стиховъ. Тогдашняя критика въ лицѣ Плетнева и Бѣлинскаго съ восторгомъ отозвалась о блестящемъ талантѣ Майкова, и критикъ «Отечественныхъ Записокъ» писалъ: «Г. Майковъ вполнѣ владѣетъ орудіемъ искусства—стихомъ, который у него напоминаетъ стихъ первыхъ мастеровъ русской поэзіи; а это—великій и подающій самыя лестныя надежды признакъ».

Плетневъ же въ письмѣ къ Гроту (см. «Переписку») по поводу чтенія новаго сборника стиховъ говорилъ: «Кажется, я читалъ идеи Дельвига, переданныя стихами Пушкина». Извѣстность Майкова выросла въ тотъ же годъ; о немъ заговорили всѣ, молодые и старые, въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, въ литературныхъ кружкахъ, въ царской семьѣ. Министръ, гр. С. С. Уваровъ, счелъ нужнымъ представить книжку Майкова государю императору, и наградой послѣдняго молодому поэту было всемилостивѣйшее разрѣшеніе ѣхать за границу съ выдачей ему 1.000 р. на эту поѣздку. Такимъ образомъ и при такихъ счастливыхъ обстоятельствахъ опредѣлился жизненный путь Аполлона Николаевича, — путь, по коему онъ съ честью и славою сумѣлъ пройти въ теченіе своей долгой и плодотворной жизни. Отъ занятій живописью онъ по слабости зрѣнія тогда же, т. е. въ началѣ 1840-хъ годовъ, долженъ былъ отказаться, и всѣ великія силы его творчества сосредоточились отнынѣ въ поэтическомъ творчествѣ, которое онъ и разработалъ, при помощи непрестаннаго труда и широкой эрудиціи, въ совершенствѣ.

Какъ натура художественная, съ дѣтскихъ лѣтъ сросшаяся въ домѣ отца съ пластическими образами, Майковъ изъ всей своей заграничной поѣздки запасся наиболѣе сильными впечатлѣніями въ странѣ вѣчной красоты, самой природой и исторіей какъ бы предназначенной къ воспитанію художественно вкуса. Мы разумѣемъ Италію и вѣчный городъ Римъ, эту колыбель художественнаго творчества.

Впечатлѣнія этой полосы жизни—дѣтства и юности—опредѣлили и все направленіе творческихъ силъ нашего поэта,

явившагося наибольшимъ мастеромъ въ разработкѣ картинъ тихой сельской природы и очаровательныхъ сценъ античной жизни.

По возвращеніи изъ-за границы, Аполлонъ Николаевичъ въ 1844 г. былъ переведенъ съ занимаемой имъ должности по департаменту казначейства на службу въ Румянцевскій музей помощникомъ библіотекаря; когда же музей былъ перенесенъ въ Москву, Майковъ перешелъ на службу въ комитетъ иностранной цензуры, гдѣ и прослужилъ почти 45 лѣтъ своей жизни, занимая здѣсь разныя должности, до предсѣдателя комитета включительно. Таковы внѣшніе факты жизни усопшаго поэта, почти цѣликомъ исчерпывающіе его біографію. Они немногочисленны, и, сознавая это, самъ Аполлонъ Николаевичъ писалъ своему біографу, М. Л. Златковскому [1]: «Вся моя біографія не во внѣшнихъ фактахъ, а въ ходѣ и развитіи внутренней жизни, въ ходѣ расширенія моего внутренняго горизонта, въ укрѣпленіи взгляда на жизненные вопросы, нравственные, умственные и политическіе, во внутренней работѣ ума надъ впечатлѣніями и наблюденіями въ жизни, въ осмысленіи пріобрѣтаемыхъ и постоянно увеличивающихся знаній. Все прочее—вздоръ, труха, формуляръ....». Формуляръ несложный и краткій мы исчерпали; намъ остается отмѣтить лишь развитіе его внутренней жизни, а именно то, чѣмъ онъ заслужилъ себѣ признательность Русской земли, и въ чемъ выразилась его служба горячо любимой родинѣ. Эта сторона дѣла чрезвычайно любопытна и, вѣроятно послужитъ для безпристрастныхъ и обстоятельныхъ біографовъ поэта богатымъ по содержанію матеріаломъ для крупныхъ работъ. Опредѣляя вкратцѣ значеніе работъ покойнаго поэта въ нашей словесности, мы видимъ, какъ это уже отчасти сказано выше, наиболѣе цѣнное въ нихъ—разработку сельскихъ красотъ природы, идиллическихъ сторонъ жизни, а также разработку прелестей античной жизни, съ которой онъ такъ близко познакомился на произведеніяхъ своего родителя, изъ книжнаго чтенія и посѣщенія странъ классической древности—Италіи и Греціи. О впечатлѣніяхъ дѣтства, научившаго его познавать въ окружающей природѣ тайну бытія, мы говорили въ началѣ; отмѣтимъ лишь впечатлѣніе, произведенное на него посѣщеніемъ вѣчнаго города. Въ стихотвореніи «Послѣ посѣщенія Ватиканскаго музея» онъ писалъ:

---

[1]) Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Біографическій очеркъ, составленный ко дню его полувѣковой литературно-поэтической дѣятельности. Спб. 1888 г.

Еще въ младенчествѣ любилъ блуждать мой взглядъ
По пыльнымъ мраморамъ Потемкинскихъ палатъ.

. . . .

Антики пыльные живыми мнѣ казались,
И, властвуя моимъ младенческимъ умомъ,
Они роднились съ нимъ, какъ сказки умной няни,
Въ пластической красѣ миѳическихъ преданій....
Теперь, теперь я здѣсь въ отчизнѣ свѣтлой ихъ,
Гдѣ боги межъ людей, пріявъ ихъ образъ, жили
И взору ихъ свой ликъ безсмертный обнажили.
Какъ дальній пилигримъ, среди святынь своихъ,
Средь статуй я стоялъ....

Пыльные мраморы Потемкинскихъ палатъ, статуи Ватиканскаго музея—вотъ тѣ памятники, которые дали содержаніе второй категоріи его произведеній, съ сюжетами изъ исторіи и жизни классическихъ народовъ. По природѣ разсудочный и нѣсколько холодный, Майковъ сумѣлъ въ совершенствѣ изучить эти сюжеты во всѣхъ ихъ деталяхъ и дать въ своихъ произведеніяхъ образцы истиннаго совершенства и неувядаемой красоты. Это же тщательное изученіе эллинской и римской жизни имѣло рѣшающее значеніе и на складъ его убѣжденій. Римъ, опирающійся на всесильную и всемогущую власть кесаря — вотъ тотъ политическій идеалъ, который заслонилъ собою на всю жизнь передъ его глазами прочія историческія перспективы. Послѣдовательно перенося свои симпатіи отъ историческихъ задачъ вѣчнаго города къ задачамъ его преемницы—Византіи, онъ такимъ образомъ логически-постепенно дошелъ до поклоненія преданіямъ русско-византійской политики. Эти же преданія послужили точкой отправленія третьей категоріи, и наиболѣе слабой, его произведеній, почерпавшихъ свои мотивы изъ разныхъ политическихъ и общественныхъ моментовъ нашей русской жизни. Дойдя до поклоненія государственнымъ формамъ древней Руси разсудочнымъ путемъ, Майковъ не былъ способенъ вложить въ свои произведенія на патріотическія темы тотъ пылъ души, который замѣчается въ произведеніяхъ первыхъ славянофиловъ, а скорѣе пробавлялся риторическими образами и тропами во вкусѣ Погодина, Шевырева, Каткова и др. того же политико-общественнаго направленія. Когда читаешь поэтическія произведенія покойнаго поэта этой категоріи, то всегда, во всѣхъ строчкахъ и образахъ, невольно слышишь его слова, сказанныя про императорскій Римъ:

Римъ, словно небо, крѣпко сводомъ
Облегшій землю и народамъ,
Всѣмъ этимъ тысячамъ племенъ,

Или отжившимъ, иль привычнымъ
Къ разбоямъ лишь, разноязычнымъ
Языкъ свой давшій и законъ.

Или въ другомъ мѣстѣ той же поэмы —

Единство въ мірѣ водворилось.
Центръ—Кесарь. Отъ него прошли
Лучи во всѣ концы земли,
И гдѣ прошли, тамъ появилась
Торговля, тога, циркъ и судъ,
И вѣковѣчныя бѣгутъ
Въ пустыняхъ римскія дороги.

Углубленіе въ античный міръ, проникновеніе въ задачи языческаго государственнаго строя оказали на Майкова рѣшительное вліяніе: его поэзія какъ бы слилась съ античной жизнью, и только отсюда онъ и могъ почерпать свои яркія, блестящія краски. Посмотрите его лучшее произведеніе—«Три смерти», и вы увидите, насколько поэтъ-язычникъ, почерпающій свои мотивы изъ языческой жизни, выше поэта, прикасающагося къ завѣтамъ новаго времени, одухотвореннаго ученіемъ христіанскаго смиренія, любви и братства. Всѣ образы изъ міра христіанскаго блѣднѣютъ передъ картинами изъ римской и эллинской жизни; но за то въ изображеніи послѣдней Майковъ не знаетъ равнаго себѣ въ нашей литературѣ, и она-то. главнымъ образомъ и составила то великое наслѣдіе, которымъ мы по всей справедливости гордимся и коимъ вѣчно будемъ восхищаться.

Майковъ еще при жизни былъ увѣнчанъ лаврами, и торжество его пятидесятилѣтняго юбилея было истиннымъ праздникомъ русской литературы. На этомъ праздникѣ, о коемъ былъ данъ обстоятельный отчетъ на страницахъ нашего журнала [1]), и въ которомъ редакція «Историческаго Вѣстника» принимала также посильное участіе, были достаточно полно опредѣлены заслуги передъ родиной нашего поэта, и выяснено значеніе его въ русской литературѣ. Тогда же было выражено пожеланіе царственнымъ поэтомъ, великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ, чтобъ поэтическія струны Аполлона Николаевича пѣли

Намъ долго, долго твой завѣтъ,
Какъ несравненной долженъ цѣли
Быть вѣренъ истинный поэтъ.

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1888 года, № 7.

И дѣйствительно поэтическія струны Майкова остались вѣрны своему призванію, но только вѣкъ этой пѣсни съ тѣхъ поръ не оказался долгъ: черезъ восемь лѣтъ послѣ юбилейнаго торжества мы опустили въ холодную землю прахъ поэта и нынѣ справляемъ одинаково сочувственно всей русской землей уже его печальныя поминки, при чемъ всѣ единодушно признаютъ, что отошелъ отъ насъ достойный сынъ Россіи, который много потрудился для славы и просвѣщенія своего народа.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

К. Скальковскій. Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ. Спб. 1897.

ВТОРЪ этого обширнаго труда хорошо извѣстенъ читающей публикѣ, какъ занимательный и разносторонній публицистъ. Выступилъ г. Скальковскій на литературное поприще съ цѣлымъ рядомъ живо и интересно написанныхъ путевыхъ впечатлѣній. Второй циклъ его трудовъ посвященъ оцѣнкѣ русской торговли въ Тихомъ океанѣ, на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, и съ точки зрѣнія новаго морского пути, черезъ Суэзскій каналъ, когда послѣдній былъ открытъ. Затѣмъ слѣдовали книги, посвященныя оцѣнкѣ положенія современной Россіи и разнымъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ. Послѣ такихъ болѣе или менѣе серьезныхъ трудовъ, хотя всегда изложенныхъ въ живой, общедоступной формѣ, довольно неожиданно появилась книга, трактующая о танцахъ и балетѣ и ихъ мѣстѣ въ ряду изящныхъ искусствъ, которая смѣнилась книгою о женщинахъ, т. е. собраніемъ старыхъ и новыхъ афоризмовъ о представительницахъ прекраснаго пола. Многія изъ этихъ книгъ выдержали нѣсколько изданій, а книга «О женщинахъ» даже десять изданій,—явленіе очень у насъ рѣдкое. Все это служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что авторъ умѣетъ говорить съ публикою, заинтересовать и занять ее.

Теперь послѣ двухъ книгъ, посвященныхъ болѣе легкимъ и игривымъ сюжетамъ, г. Скальковскій возвращается къ серьезному вопросу — о внѣшней политикѣ Россіи. Пріобрѣтая новый его трудъ, читатель, однако, не долженъ опасаться, что ему предложено будетъ авторомъ нѣчто тяжеловѣсное и скучное. Напротивъ, какъ всѣ книги г. Скальковскаго, и его новый трудъ написанъ очень занимательно, съ большимъ умѣньемъ выбрать изъ прочитаннаго и усво-

сеннаго самимъ авторомъ остроумныя, а иногда и глубокія мысли и ими подкрѣплять или оживлять собственныя соображенія. Такимъ образомъ въ какую главу обширнаго труда г. Скальковскаго ни заглянуть, вездѣ мы натолкнемся на очень интересный матеріалъ. Быть можетъ, манера, усвоенная г. Скальковскимъ, одна изъ самыхъ благодарныхъ для читателя. Авторъ самъ столько перечиталъ и обладаетъ такимъ искусствомъ выбирать въ прочитанномъ все эфектное и занимательное, остроумное или поучительное, что даже, если его собственные взгляды не вполнѣ вѣрны, читатель все-таки много вынесетъ изъ его книги.

Если теперь коснуться ея по существу, то мы должны замѣтить, что центръ тяжести книги лежитъ не въ первой, а во второй половинѣ ея заглавія. Другими словами авторъ трактуетъ главнымъ образомъ не о «внѣшней политикѣ Россіи», а о «положеніи иностранныхъ державъ». Терминъ этотъ можетъ показаться немного неяснымъ, какъ и вообще задача, поставленная себѣ авторомъ, намъ представляется нѣсколько сбивчивою. Изучать положеніе иностранныхъ державъ можно съ весьма различныхъ точекъ зрѣнія, при чемъ очень трудно предвидѣть, какая сторона ихъ положенія повліяетъ на то или другое направленіе ихъ внѣшней политики, а вмѣстѣ съ тѣмъ отразится и на внѣшней политикѣ Россіи. Укажемъ на примѣръ: во Франціи, 26 лѣтъ тому назадъ, была установлена республика. Кажется, этотъ фактъ въ «положеніи» Франціи ни въ какомъ случаѣ не предвѣщалъ ея союза съ Россіей, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ получился, если не союзъ, то такое близкое единеніе обѣихъ странъ, которое ему равносильно. Очевидно, слѣдовательно, что, изучая «положеніе» Франціи, мы еще не найдемъ твердыхъ точекъ опоры для уясненія себѣ ни ея внѣшней политики, ни внѣшней политики Россіи. Самъ авторъ говоритъ, что союзъ между Франціей и Россіей можетъ получить реальную подкладку только въ томъ случаѣ, если Франція «будетъ располагать достаточно сильнымъ правительствомъ», и доказываетъ очень обстоятельно, что нынѣшнее французское правительство далеко не отличается достаточною силою. Однако, несомнѣнно, что при Наполеонѣ I и даже при Наполеонѣ III Франція располагала «сильнымъ правительствомъ», а между тѣмъ она, именно, тогда вела войны съ Россіею, а при теперешнемъ «слабомъ» республиканскомъ правительствѣ Франція и Россія, какъ признается самъ авторъ, дѣйствуютъ во внѣшней политикѣ солидарно.

Все это показываетъ, какъ опасно отводить внутреннему положенію страны слишкомъ значительную роль въ ея внѣшнихъ сношеніяхъ. А между тѣмъ авторъ, именно, «задался цѣлью ознакомить публику съ внутреннимъ политическимъ положеніемъ всѣхъ державъ и изъ этого положенія вывести, каковы должны быть ихъ отношенія къ Россіи, чтобы затѣмъ уже уяснить себѣ тѣ отношенія, которыя въ дѣйствительности существуютъ съ нашей стороны къ иностраннымъ государствамъ». Очевидно, авторъ оперируетъ съ разнороднымъ матеріаломъ. Съ одной стороны, онъ изучаетъ, каковы **должны быть** отношенія разныхъ государствъ къ **Россіи**, а съ другой—старается установить, каковы въ **дѣйствительности** отношенія Россіи къ другимъ государствамъ, и этотъ разнородный матеріалъ старается вывести изъ внутренняго

положенія этихъ государствъ. Намъ кажется, что авторъ значительно упростилъ бы свою задачу, если бы остановился исключительно на внѣшнихъ отношеніяхъ и интересахъ какъ другихъ государствъ, такъ и Россіи, и коснулся бы внутренняго ихъ положенія лишь настолько, насколько оно фактически вліяетъ на ихъ отношенія къ Россіи. Разнородность матеріала, которымъ оперируетъ авторъ, проявляется и въ томъ обстоятельствѣ, что онъ внутренняго «положенія» Россіи совсѣмъ не касается или касается его лишь мимоходомъ. Слѣдовательно по отношенію къ Россіи теряетъ значеніе то, что онъ признаетъ очень важнымъ по отношенію къ другимъ государствамъ. Отсюда получается большая шаткость или неубѣдительность многихъ его выводовъ. Но, какъ мы уже замѣтили, не въ выводахъ сила и интересъ книги г. Скальковскаго, а въ томъ, что она возбуждаетъ въ читателѣ; возбуждаетъ же она очень много интересныхъ сопоставленій и мыслей. Достаточно будетъ замѣтить, что обширный его трудъ обнимаетъ внутреннее положеніе, политическіе и коммерческіе интересы не только великихъ европейскихъ державъ, но и всѣхъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и балканскихъ, а затѣмъ государствъ и всѣхъ частей свѣта, африканскихъ, азіатскихъ, американскихъ и австралійскихъ. Кромѣ того, очень любопытная глава посвящена папскому престолу. Относительно каждаго государства авторъ касается самыхъ жгучихъ современныхъ вопросовъ, и такимъ образомъ трудъ его имѣетъ, несомнѣнно, и значеніе въ смыслѣ справочной книги для читателей газетъ, желающихъ уяснить себѣ теперешнее положеніе того или другого изъ обсуждаемыхъ періодическою печатью разнообразныхъ вопросовъ внѣшней и внутренней политики всѣхъ странъ міра. Быть можетъ, въ этомъ и заключается главное значеніе труда г. Скальковскаго: книга его можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для читателей газетъ и, поэтому, независимо отъ ея занимательности, вѣроятно, уже получитъ такое же широкое распространеніе, какъ и нѣкоторые другіе его труды.

Р. О.

Проф. В. И. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности. Томъ второй. Власти. Выпускъ второй. Совѣтники князя. Спб. 1896.

«Русскія юридическія древности», несомнѣнно, одно изъ крупнѣйшихъ явленій въ нашей исторической литературѣ за послѣднее десятилѣтіе. Въ нихъ дается исторія русскаго права, написанная однимъ изъ компетентнѣйшихъ въ этой области лицъ и разработанная весьма самостоятельно и оригинально. Отъ другихъ подобныхъ работъ трудъ проф. В. И. Сергѣевича существенно отличается самымъ методомъ изложенія. Авторъ не только сообщаетъ результаты научнаго движенія въ области исторіи русскаго права, онъ заставляетъ говорить старину, а достигаетъ этого тѣмъ, что даетъ замѣчательно искусно подобранный матеріалъ изъ древнихъ памятниковъ. Въ предисловіи къ первому тому «Юридическихъ древностей» авторъ писалъ: «Только чтеніе подлинныхъ памятниковъ можетъ дать живое пониманіе древности. Въ издаваемомъ нынѣ трудѣ мы дѣлаемъ попытку представить желающимъ ознакомиться съ русскими юридическими древностями рядъ характерныхъ мѣстъ изъ источниковъ». Вотъ,

повидимому, какія скромныя цѣли ставились авторомъ—въ результатѣ должна была получиться хрестоматія по исторіи русскаго права. Конечно, проф. В. И. Сергѣевичъ не могъ ограничить себя такими цѣлями, хотя, нужно сказать, стремленіе удовлетворить предпочтительно именно этимъ цѣлямъ сообщило труду своеобразную физіономію, выдѣливъ его изъ ряда подобныхъ работъ. На ряду съ подборомъ характерныхъ мѣстъ идетъ не менѣе характерное ихъ толкованіе, дѣлаются экскуры въ область исторіи русскаго права, даются цѣлыя изслѣдованія.

Второй томъ «Юридическихъ древностей», посвященный «властямъ», распадается на два выпуска: въ первомъ говорится о вѣчѣ и князѣ, во второмъ—проф. В. И. Сергѣевичъ касается вопроса о «совѣтникахъ князя». Подъ совѣтниками князя онъ понимаетъ думныхъ людей и духовенство.

Первая глава разбираемаго выпуска содержитъ любопытнѣйшее изслѣдованіе автора о боярской думѣ. В. И. Сергѣевичъ касался этого вопроса раньше въ вышедшемъ въ 1867 году сочиненіи «Вѣче и князь», на двухъ-трехъ страничкахъ. Послѣ 1867 г. вопросъ о боярской думѣ дѣятельно пересматривался и вызвалъ цѣлую литературу, главнымъ образомъ, сочиненія проф. Загоскина и Ключевскаго. Въ какомъ отношеніи находятся взгляды В. И. Сергѣевича ко взглядамъ, господствующимъ въ литературѣ предмета, видно уже изъ заглавія первой главы, въ которой авторъ говоритъ только о «княжеской думѣ», не находя возможнымъ писать о «боярской думѣ», о которой только и говорятъ изслѣдователи. Въ первыхъ же строкахъ первой главы В. И. Сергѣевичъ рѣзко выражаетъ свое несочувствіе ихъ взглядамъ. «Какъ надо понимать свидѣтельства памятниковъ о думѣ князей съ боярами, духовенствомъ, городскими старцами и т. д.? Была ли княжеская дума постояннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ и компетенціей, или это **актъ думанія, дѣйствіе совѣтыванія князя съ людьми, которымъ онъ довѣряетъ**? Въ литературѣ господствуетъ первое мнѣніе; тѣмъ не менѣе справедливо только второе» (стр. 337). Этотъ взглядъ В. И. Сергѣевичъ кладетъ въ основу своихъ разсужденій о думѣ, исторію которой онъ дѣлитъ на два періода: исторію думы древнѣйшей, домосковской, и исторію думы московской. Въ періодѣ домосковскомъ дума не была постояннымъ учрежденіемъ: не было совѣта, были совѣтники. «При той неустойчивости государственной жизни, какую наблюдаемъ въ этой отдаленной древности, при частой смѣнѣ князей и постоянномъ колебаніи состава окружающихъ ихъ, было невозможно прійти къ мысли объ учрежденіи постояннаго совѣта» (стр. 338). Вотъ соображенія, которыя приводитъ проф. Сергѣевичъ для доказательства своей мысли объ отсутствіи постояннаго совѣта. (Мы не видимъ того, почему бы обстоятельства, указанныя почтеннымъ ученымъ, могли помѣшать созданію совѣта, разъ въ наличности была партія лицъ, подчинявшихъ своему вліянію князя). Но былъ ли князь обязанъ имѣть совѣтниковъ? Проф. В. И. Сергѣевичъ категорически отвѣчаетъ «нѣтъ». Были ли лица, которыя имѣли право совѣтывать? «Нѣтъ». Князь приглашалъ для совѣта, кого онъ хотѣлъ, отъ него же зависѣло, сколько лицъ пригласить. Такова была дума въ домосковской Руси, и эта дума переходитъ въ московскую Русь, незамѣтно возникающую на развалинахъ древней Руси. Суще-

ственное измѣненіе произошло въ отношеніи думцевъ къ государю. Если думцы домосковской Руси были свободные люди, которые могли соглашаться съ князьями и не соглашаться, то «съ того момента, какъ право отъѣзда утратило свое практическое значеніе, думцы обратились въ покорныхъ исполнителей царской воли» (стр. 350). Московская дума такъ же, какъ и древнѣйшая, не имѣла опредѣленнаго состава, составляясь на отдѣльный случай по особому усмотрѣнію князя или государя. Дума, не имѣя состава, не имѣетъ и предметовъ, подлежащихъ ея вѣдѣнію. Думцы дѣлають лишь то, что царь имъ прикажетъ. Вотъ резюмэ выводовъ автора «Юридическихъ древностей». Является вопросъ, какъ же поступаетъ онъ съ свидѣтельствами источниковъ о той «думѣ», которая имѣетъ предметы вѣдѣнія, собирается въ извѣстные часы и дни и представляетъ нѣчто постоянное. По мнѣнію г. Сергѣевича, эти свидѣтельства говорятъ лишь о существованіи судной коллегіи. Страницы изслѣдованія, посвященныя этой судной коллегіи, слабѣйшія въ книгѣ: остается невыясненнымъ положеніе этой судной коллегіи по отношенію къ думѣ.

Изслѣдованіе проф. Сергѣевича, выдвигая смѣлое и оригинальное мнѣніе, не рѣшаетъ все-таки вопроса о думѣ. Взгляды уважаемаго профессора возбуждаютъ много сомнѣній, пожалуй, даже больше, чѣмъ извѣстное сочиненіе проф. Ключевскаго, критикѣ котораго В. И. Сергѣевичъ удѣляетъ много страницъ (стр. 426—476). Недостатокъ петербургскаго профессора въ томъ, что онъ вопросъ о «боярской думѣ» трактуетъ слишкомъ отвлеченно, слишкомъ «по-юридически».

Третью главу своего сочиненія проф. Сергѣевичъ посвящаетъ выясненію отношеній между духовной и свѣтской властью, въ четвертой главѣ даетъ обзоръ литературы вопроса объ исторической роли духовенства. Большинство писателей, отдавая дань многоразличнымъ заслугамъ церкви передъ русскимъ народомъ, думаетъ, что духовенство сыграло большую роль въ утвержденіи единовластія; даже самая иниціатива насажденія у насъ идеи самодержавія, по мнѣнію этихъ писателей, принадлежала духовенству. По мнѣнію проф. В. И. Сергѣевича, духовенству нельзя приписать всѣхъ этихъ дѣйствій. «Установленіе единодержавія есть актъ народной воли, избравшей для всей Россіи одного государя, сперва въ лицѣ Бориса, потомъ Василія Шуйскаго и т. д.». (Это сказано слишкомъ рѣшительно: какъ будто бы до избранія Бориса не было никакихъ подготовительныхъ работъ на пользу единовластія?). В. И. Сергѣевичъ не находитъ возможнымъ ставить вопросъ о томъ, когда, кѣмъ и какъ заимствована идея самодержавія. «Такого вопроса не ставитъ намъ наша исторія, она ставитъ вопросъ о причинахъ постояннаго роста и усиленія у насъ царской власти» (стр. 615). Власть московскихъ государей является результатомъ вѣковой работы нашей исторіи, а «не позаимствованіемъ» ея изъ Византіи.

Мы изложили сущность взглядовъ проф. Сергѣевича. Не все въ нихъ кажется намъ истиннымъ, но здѣсь не мѣсто разбирать ихъ, такъ какъ разбору ихъ нужно было бы посвятить обстоятельнѣйшую статью. И въ томъ случаѣ, если мнѣнія профессора окажутся невѣрными, съ ними придется считаться спеціалистамъ, представителямъ прежнихъ взглядовъ, такъ какъ изслѣдованіе проф. Сергѣевича поставитъ ихъ въ необходимость еще разъ пересмотрѣть свои мнѣнія и глубже обосновать ихъ.

Кончая свою замѣтку о книгѣ В. И. Сергѣевича, мы не можемъ не обратить вниманія читателя на одно ея достоинство: «Юридическія древности» написаны такимъ блестящимъ и доступнымъ языкомъ, какой рѣдко приходится встрѣчать въ научныхъ сочиненіяхъ. Это достоинство доставитъ «Древностямъ» большое распространеніе, чего онѣ вполнѣ заслуживаютъ. Щ.

А. В. Кругловъ. Стихотворенія. Москва. 1897.

А. В. Кругловъ — лирикъ по преимуществу. Въ его сборникѣ, изданномъ изящно, очень много такъ называемыхъ «пѣсенъ сердца», стихотвореній, посвященныхъ разнообразнымъ душевнымъ настроеніямъ; быть можетъ, этими стихотвореніями, въ которыхъ видно немало тонкой психологіи, всего лучше и всего больше характеризуется талантъ нашего поэта; но этими мотивами не исчерпывается вся поэзія г. Круглова, муза котораго отзывается и на явленія общественной жизни, не избѣгаетъ темъ гражданскаго характера, понимая это въ широкомъ значеніи слова. На стихотвореніяхъ послѣдняго типа мы и остановимся въ нашей рецензіи. Г. Кругловъ любитъ родину не той слѣпой любовью, которая не позволяетъ видѣть недостатковъ («Сынъ любитъ мать свою», «Подъ впечатлѣніемъ» и др.). Онъ не врагъ всего чужаго («Я не хулю чужую даль», «Печаль, вездѣ печаль, и я о всѣхъ скорблю»), но родинѣ принадлежитъ вся его любовь: «Но о родной землѣ я иначе страдаю, ее я иначе люблю» («Космополиту»). Во всѣхъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ родинѣ и народу, любовь перемѣшана съ тоскою, не лишенною, однако, вѣры. Сочувствуя людямъ, идущимъ служить на благо народа, поэтъ говоритъ рѣзкую правду тѣмъ, чьи иллюзіи не приносятъ никакого блага родинѣ («Мечтателю»), скорбитъ о погибшихъ на этомъ пути («Молодые всходы» и др.) и встрѣчаетъ гимномъ женщинъ науки, хотя и задаетъ вопросъ не безъ грусти: «Что ждетъ ихъ впереди? Міръ новыхъ радостей, иль только трудъ и муки?».

На поэзію г. Кругловъ смотритъ очень высоко, придаетъ ей громадное значеніе и съ благоговѣніемъ относится къ лучшимъ ея представителямъ «9-го января 1887 г.», «Памяти Лермонтова», «Полонскому»). Онъ ставитъ поэзію выше науки («Наука дивныя открытія свершаетъ, міръ преклоняется предъ геніемъ ума; но не наука духъ народа окрыляетъ, и не она его на подвигъ вдохновляетъ: умри поэзія—и міръ одѣнетъ тьма!»), высказываетъ взглядъ на задачи поэта, отрицая тенденціозность, требуя отъ поэта отзывчивости на все, что требуетъ отзыва, служеніе поэта приравниваетъ къ крестной ношѣ, онъ боится солгать навѣяннымъ стихомъ «во имя моды, ради хлѣба» («Два креста», «Изъ письма»), даетъ клятву служить честно: «Клянусь торжественно, не загашу въ груди священнаго огня», пусть я не рожденъ геніемъ, но «останусь въ маломъ вѣренъ я». Однако, тернистый путь поэта далъ себя чувствовать г. Круглову, и въ одномъ изъ самыхъ позднихъ стихотвореній онъ говоритъ, что есть минуты, когда вырываются невольныя проклятья подъ игомъ невзгодъ, хочется другой жизни «безъ этого ярма поденщины невольной». Но поэтъ сжился съ своимъ трудомъ, который приносилъ ему не мало отрады, и онъ кончаетъ стихотвореніе уже примиреннымъ: «покуда масло есть еще на днѣ

лампады, пускай она горитъ и свѣтитъ въ темнотѣ!» («За письменнымъ столомъ»).

Поэта приводятъ въ негодованіе темныя стороны жизни: фразёры, кричащіе о свѣтѣ, но у которыхъ сердце сухо и черство, мелкіе людишки, холопы, лишенные всякой «вѣры и правды» («Современные фарисеи», «Юному другу»), трусы, хвастливые на пиру и рабы въ годину бѣдъ («Одному изъ многихъ»), безличные индифференты («Живые мертвецы»). Задыхаясь въ этой атмосферѣ, поэтъ ищетъ свѣтлыхъ точекъ и останавливается на такихъ борцахъ, какъ Аксаковъ, памяти котораго посвящено одно изъ лучшихъ стихотвореній. Отдѣлъ духовно-нравственныхъ стихотвореній невеликъ количественно, но качественно онъ значителенъ. Поэтъ энергично говоритъ ищущимъ «новой правды»: «Все ложь, что внѣ Его (Христа) завѣта, и все то правда, что Христосъ». Подъ вліяніемъ религіозныхъ чувствъ, поэтъ не смотритъ на смерть съ ужасомъ, спрашивая: «не есть ли смерти часъ—свободы нашей часъ?» Но такому мрачному настроенію поэтъ отдается рѣдко, любя жизнь съ ея печалями и радостями. Одной изъ радостей жизни являются дѣти, къ которымъ онъ относится съ любовью и заботливой тревогой («Вся горитъ моя малютка» и др.). Очень хороши народные «Южные мотивы», дышащіе простотой и легкимъ юморомъ, и всѣ стихотворенія, посвященныя болгарской и сербской борьбѣ.

Д. А.

Эпоха гоненій на христіанъ и утвержденіе христіанства въ грекоримскомъ мірѣ при Константинѣ Великомъ. Изданіе второе. А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва. 1897.

Означенная книга составляетъ второй томъ въ полномъ собраніи церковно-историческихъ сочиненій профессора Лебедева, второе изданіе коихъ предпринято почтеннымъ ученымъ по случаю исполненія двадцатипяти-лѣтней его ученолитературной дѣятельности. И этотъ томъ, какъ и первый, о которомъ говорилось въ декабрьской книжкѣ «Историч. Вѣстн.» за 1896 годъ, вышелъ въ свѣтъ безъ всякаго измѣненія въ сравненіи съ первымъ изданіемъ «Эпохи гоненій на христіанъ», опубликованнымъ въ 1885 году, лишь съ дополненіемъ одного приложенія, также раньше напечатаннаго. Но и въ этомъ видѣ книга проф. Лебедева нисколько не потеряла въ научномъ своемъ интересѣ и представляетъ умѣло и старательно написанный обзоръ одной изъ интереснѣйшихъ, поразительнѣйшихъ по своему теченію и значенію и труднѣйшихъ для ученаго изслѣдователя эпохъ въ исторіи христіанства. Книга почтеннаго московскаго профессора состоитъ изъ введенія, семи главъ изслѣдованія и приложенія. Въ введеніи (стр. 1—32) разсматривается вопросъ о причинахъ гоненій на христіанъ, возникшихъ во II вѣкѣ, продолжавшихся въ III и закончившихся лишь въ началѣ IV вѣка. Трудный и сложный вопросъ ясно и отчетливо рѣшается здѣсь. Причины гоненій, по взгляду проф. Лебедева, были троякаго рода: государственныя, религіозныя и общественныя. Государственныя причины вытекали изъ несовмѣстимости христіанства съ идеями о государственной власти,

бывшими въ основѣ господствующаго ученія о римскомъ государствѣ. По этому ученію государство считало себя въ правѣ полновластно распоряжаться всею совокупностью жизни гражданъ и, въ частности, ихъ религіей, а между тѣмъ христіане открыто стремились освободиться изъ-подъ государственнаго контроля въ своей религіозной жизни, и въ этомъ смыслѣ громко раздавались заявленія со стороны христіанскихъ писателей—Тертулліана, Оригена и Лактанція; столкновеніе противоположныхъ воззрѣній — языческихъ и христіанскихъ —повело къ преслѣдованію христіанъ. Религіозныя причины гоненій состояли въ несовмѣстимости христіанства съ установившимися отношеніями римскаго правительства къ своей собственной религіи, какъ единой достойной охраненія по своей чистотѣ и святости, между тѣмъ какъ христіанская религія являлась враждебною для интересовъ отечественной религіи римской, особенно для ея «культа цезарей»; къ тому же, христіанство, какъ религія новая и не бывшая принадлежностью какой либо одной націи, по своему существу, стояло внѣ круга миролюбивыхъ фактическихъ отношеній, въ какія поставляло себя римское правительство къ другимъ религіямъ — не римскимъ. Наконецъ, общественныя причины гоненій зависѣли отъ несовмѣстимости христіанства съ общественными требованіями языческаго Рима: христіане не хотѣли признавать обязательными для себя нѣкоторыя изъ общественныхъ требованій правительства, чего власть имъ, конечно, не извиняла; а съ другой стороны, администрація и интеллигентные классы общества смотрѣли на христіанъ, какъ на враговъ цивилизаціи и людей негодныхъ, а народная масса считала христіанъ главной причиной общественныхъ несчастій, видя въ послѣднихъ проявленіе гнѣва боговъ за распространеніе христіанства; отсюда возникло общее недовольство христіанами въ римскомъ обществѣ, породившее жестокія ихъ преслѣдованія. Установивъ причины гоненій, проф. Лебедевъ переходитъ далѣе къ разсмотрѣнію самой исторіи преслѣдованій, но не всѣхъ, а только тѣхъ, которыя входили въ государственные планы того или другого императора, вызывались опредѣленными царскими указами и имѣли систематическій, а не случайный характеръ. При обозрѣніи гоненій авторъ держится опредѣленнаго плана. Онъ сперва даетъ болѣе или менѣе характеристическое изображеніе личности гонителя, выясняетъ частныя причины, по которымъ поднималось гоненіе на христіанъ тѣми или другими императорами, и изслѣдуетъ содержаніе указовъ, которыми предписывалось гоненіе, затѣмъ указываетъ отличительныя черты одного гоненія въ сравненіи съ другими и, наконецъ, изучаетъ дѣйствія гоненія на христіанъ, то-есть было ли оно встрѣчено мужественно христіанами или наоборотъ, и изслѣдуетъ мученическіе акты или современныя гоненію записи, въ которыхъ описываются подвиги мучениковъ. По такому, именно, плану въ первой главѣ книги (стр. 33—65) описывается гоненіе императора Траяна (99—117 г.), въ которомъ принималъ участіе Плиній Младшій; охарактеризовавъ ихъ обоихъ и изложивъ императорскій указъ, весьма опасный для христіанъ, профессоръ Лебедевъ говоритъ о мученической кончинѣ епископа іерусалимскаго св. Симеона и особенно св. Игнатія Богоносца, мученическіе акты котораго обстоятельно изслѣдуются во второй половинѣ главы. Глава вторая (стр. 66—98) занята описаніемъ гоненія Марка Аврелія (161 —

180 г.), императора-философа, приверженца стоической доктрины, враждебной христіанству; указавъ отличительныя черты этого гоненія, проф. Лебедевъ тщательно анализируетъ мученическіе акты св. Поликарпа Смирнскаго, Ліонскихъ и Вьенскихъ мучениковъ и говоритъ о мученической кончинѣ св. Іустина философа. Въ третьей главѣ (стр. 99—117) говорится о гоненіи Декія (249—251 г.), отличавшемся особою тяжестью; такъ какъ оно было повсюдно и производилось при помощи сыскной полиціи (фрументаріи); въ это гоненіе въ числѣ христіанъ было множество падшихъ. Въ четвертой главѣ (стр. 118—130) разсказывается о гоненіи императора Валеріана (253—259 г.), который сначала терпѣлъ христіанъ, а потомъ подъ вліяніемъ своего совѣтника Макріана воздвигъ на нихъ гоненіе; онъ отправлялъ въ ссылку представителей христіанскаго общества—епископовъ, запрещалъ христіанамъ отправлять богослуженіе и наконецъ, поднялъ всеобщее гоненіе. Въ главѣ пятой (стр. 131—193) рѣчь идетъ о жесточайшемъ гоненіи императора Діоклетіана, его соправителей и преемниковъ (303—311 г.), при которыхъ было издано нѣсколько указовъ противъ христіанъ, приводившихся въ исполненіе весьма усердно и жестоко. Бѣдствія христіанъ въ это гоненіе были неисчислимы. «Если бы у меня,—пишетъ Лактанцій словами Виргилія,— была сотня устъ и желѣзный языкъ, то и тогда я не могъ бы исчислить всѣ роды золъ, не могъ бы хотя поименовать всѣ наказанія». Но гоненіе Діоклетіана было и послѣднимъ изъ тѣхъ, которыя предпринимались съ ясно сознаннымъ намѣреніемъ истребить христіанъ въ имперіи. Вскорѣ произошла и чрезвычайно рѣзкая и важная перемѣна въ положеніи религіи христіанской, которая изъ гонимой сдѣлалась господствующей. Какимъ образомъ произошло это явленіе,—объ этомъ сообщаютъ слѣдующія главы книги. Въ шестой главѣ (стр. 194—271) сообщается о такъ называемыхъ толерантныхъ указахъ языческихъ императоровъ касательно христіанъ во II, III и началѣ IV вѣка. Оказывается, что знаменитая законодательная реформа Константина Великаго, всецѣло измѣнившая внѣшнее положеніе церкви, подготовлялась дѣятельностью нѣкоторыхъ предшествующихъ императоровъ, издававшихъ болѣе или менѣе благопріятные для христіанъ указы. Толерантныя узаконенія издавались императорами: Адріаномъ (117—138 г.), Антониномъ Піемъ (138—161 г.), Септиміемъ Северомъ (193 — 211 г.), Галліеномъ (260 — 268 г.) и Галеріемъ (311 г.). Обозрѣвъ отношенія этихъ императоровъ къ христіанамъ и представивъ подробный анализъ ихъ толерантныхъ указовъ, проф. Лебедевъ въ седьмой и послѣдней главѣ своей книги (272—331) описываетъ торжество христіанства надъ язычествомъ при Константинѣ Великомъ. Здѣсь дается характеристика виновника этого торжества, разсматривается его религіозно-политическая дѣятельность, выразившаяся, между прочимъ, въ изданіи эдиктовъ въ пользу христіанъ, анализируются самые эдикты, особенно знаменитый миланскій 313 года. Въ приложеніи (стр. 332—362) критически обозрѣвается новѣйшая (нѣмецкая и французская) литература о мученической кончинѣ св. Поликарпа Смирнскаго.

Въ обозрѣваемой книгѣ проф. Лебедевъ прекрасно совмѣстилъ достоинства труда популярнаго и научнаго. Здѣсь яркими красками изображена бурная эпоха христіанской жизни со всѣми ея ужасами, а также свѣтлыми явленіями,

проявившимися въ мученичествѣ, отчетливо нарисована дѣятельность отдѣльныхъ гонителей, хорошо выяснены мотивы гоненій, отмѣчены особенности указовъ, коими воздвигались гоненія, и изображено отношеніе христіанъ къ гоненіямъ. При этомъ авторъ всюду строго держится научныхъ основаній и критически относится къ показаніямъ источниковъ; изъ нихъ онъ выбираетъ лишь наиболѣе существенное и характерное, благодаря чему освободилъ свою книгу отъ излишнихъ мелочей и повтореній. Написана книга простымъ и яснымъ языкомъ, такъ что не безъ интереса прочтется и многими любителями церковно-исторической науки. С.

Сборникъ статей по польскому вопросу. Выпускъ 1-й. 1) Современное политическое значеніе Галиціи. 2) Тайны латино-польской пропаганды въ русскомъ Забужьѣ. А. Н. Маркграфскаго. Варшава. 1896.

Странное впечатлѣніе производитъ «сборникъ» г. Маркграфскаго. Авторъ, повидимому, одушевлялся намѣреніемъ серьезно трактовать польскій вопросъ, но изъ-подъ пера его выходитъ нѣчто до такой степени курьезное и наивное, что остается только руками развести. Давъ первому очерку заглавіе—«современное политическое значеніе Галиціи», г. Маркграфскій облачается въ прокурорскую тогу и начинаетъ излагать очень длинный, но едва ли нравоучительный, актъ противъ галиційскихъ поляковъ. Предметъ обвиненія—политическая и племенная вражда поименованныхъ поляковъ къ Россіи, заявляемая открыто при всякомъ удобномъ случаѣ, по каждому благовидному поводу. При этомъ галиційскіе поляки даютъ, такъ сказать, тонъ, ведутъ первую партію, а ихъ поддерживаютъ дружными голосами поляки другихъ областей и государствъ—въ томъ числѣ, конечно, и русскіе. И вотъ, переносятъ ли поляки прахъ Мицкевича изъ Монморанси въ Краковъ—они несутъ не столько останки поэта, сколько до краевъ наполненную чашу своей ненависти къ Россіи; празднуется ли юбилей конституціи 1791 г.—это празднество является только декораціей, а умыселъ другой тутъ былъ: наболтать непріятностей и колкостей по адресу Россіи; реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ—по всей вѣроятности, и онъ провозглашаетъ свою вражду къ Россіи, этотъ неспокойный и неблагодарный галиційскій звѣрь; даже львовскую выставку 1894 г. авторъ считаетъ демонстраціей противъ Россіи. Описаніе этихъ и подобныхъ яко бы политическихъ демонстрацій съ присоединеніемъ запоздалыхъ разглагольствованій о политической агитаціи ксендзовъ, о тенденціозности польской заграничной печати и т. д.—вотъ и все содержаніе перваго очерка. Мимоходомъ авторъ не забываетъ торопливо пролить слезу по поводу бѣдственнаго положенія тамошняго крестьянства, но опять таки лишь затѣмъ, чтобы еще выше поднять негодующій перстъ: «увлекаясь высшей политикой со всѣми ея дорого стоящими аксессуарами, которые были бы подъ силу только богатой культивированной странѣ, польская интеллигенція совершенно забываетъ объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей своего бѣднаго края, забываетъ о народѣ, стоящемъ одиноко, вдали отъ политическихъ сатурналій; не хочетъ сойтись съ нимъ и прійти ему

въ помощь въ его борьбѣ съ нуждой и невѣжествомъ... Народъ терпитъ матеріальную нужду и умираетъ съ голоду, страдая отъ собственнаго невѣжества и недостатка школъ и народныхъ учителей» (стр. 59—60). Вообще этотъ очеркъ такого свойства, что нужно признать что нибудь одно изъ двухъ: или авторъ далъ очерку совершенно неточное заглавіе, или же онъ намѣренно нарисовалъ одностороннюю и потому извращенную характеристику этого любопытнаго славянскаго уголка, ставшаго ареной оживленной и своеобразной національно-культурной борьбы.

Пріемы рѣчи и система доказательствъ тоже заслуживаютъ того, чтобы сказать о нихъ два слова. Г. Маркграфскій, напримѣръ, въ неодобрительномъ, нѣсколько ироническомъ тонѣ отзывается о той заботливости, которою поляки окружаютъ Краковъ—эту свою историческую святыню, такъ много говорящую польскому (намъ кажется, не будетъ грѣхомъ сказать—и общеславянскому) чувству; мы предоставляемъ читателю рѣшить, заслуживаютъ ли поляки за это порицанія и насмѣшки, или наоборотъ—похвалы и подражанія. Или вотъ еще. Во время празднованія двухсотлѣтняго юбилея освобожденія Вѣны Яномъ Собѣскимъ, при совершеніи богослуженія, «епископъ Исаковичъ сказалъ слово на польскомъ языкѣ, въ которомъ упомянулъ о необходимости борьбы съ православіемъ и завѣщалъ русинамъ, вѣрнымъ сынамъ польской отчизны, преданность папскому престолу» (стр. 8—9). Вотъ была бы диковинка, въ самомъ дѣлѣ, если бы католическій прелатъ съ каѳедры началъ убѣждать свою паству быть равнодушной къ своей религіи или питать мятежническія чувства къ святѣйшему престолу! Подобныхъ курьезовъ не мало можно найти въ сборникѣ г. Маркграфскаго. Авторъ, очевидно, не далъ себѣ строгаго отчета въ томъ, на какомъ принципіальномъ фундаментѣ онъ основываетъ свое исчисленіе галицко-польскихъ прегрѣшеній. Развѣ рѣшится кто нибудь потребовать отъ любой націи равнодушія и презрѣнія къ своему прошлому, къ памятникамъ старины, къ языку и т. д.; а къ полякамъ почему-то сплошь и рядомъ считается законосообразнымъ прикладывать этотъ, въ существѣ дѣла, абсурдъ. Русскіе публицисты горькими слезами оплакиваютъ ополяченіе русиновъ въ Австріи, онѣмеченіе балтійскихъ славянъ—и въ то же время не перестаютъ приглашать и даже требовать отъ поляковъ, чтобы они въ смыслѣ племенномъ обратились, такъ сказать, въ небытіе и братски влили свой бурливый ручей въ спокойное русское море. Иначе говоря—одинъ и тотъ же фактъ поглощенія одной отросли славянскаго племени другою трактуется и такъ, и этакъ, смотря по выгодѣ. Не іезуитская ли это логика, противъ которой—кстати сказать—мы такъ охотно мечемъ громы?

Вообще, настоящій первый выпускъ «Сборника» г. Маркграфскаго является типичнымъ образцомъ псевдо-патріотическихъ сочиненій, посвященныхъ обсужденію польскаго вопроса. Не къ пользѣ дѣла служатъ подобныя публицистическія изслѣдованія, ибо перомъ авторовъ руководитъ не хладнокровный разсудокъ, а какая-то почти болѣзненная мнительность. Имъ все кажется, что поляки вотъ-вотъ пойдутъ до лясу и создадутъ независимую Польшу, ихъ давитъ тяжолый кошмаръ, преслѣдуетъ эта пресловутая «ойчизна», «Польша отъ моря и до моря», и они вмѣняютъ себѣ въ обязанность зорко слѣдить за

поляками не только на пространствѣ русской земли, но и за границей. У страха глаза велики, и удивительно ли, что на книжномъ рынкѣ являются такіе трактаты и изслѣдованія, при чтеніи которыхъ невольно дѣлается «и скучно, и грустно». К. Х.

Святѣйшаго патріарха Фотія, архіепископа константинопольскаго, XLV неизданныхъ писемъ. По аѳонскимъ рукописямъ издалъ А. Пападопуло-Керамевсъ. Спб. 1896.

Въ ряду великихъ дѣятелей православной греко-восточной церкви патріархъ Фотій знаменитъ, какъ просвѣщеннѣйшій и энергичнѣйшій борецъ за свободу и независимость востока предъ самовластнымъ и деспотическимъ папскимъ престоломъ римской церкви, какъ ученѣйшій мужъ, стоявшій по образованію много выше своего времени и долго вліявшій на византійскую литературу, въ которой онъ создалъ цѣлую эпоху, такъ называемую Фотіанскую, и вообще какъ наиболѣе видный представитель церковной власти, оставившій глубокій слѣдъ въ церковно-общественной жизни Византіи. Поэтому личность патріарха Фотія всегда возбуждала живой интересъ въ наукѣ какъ русской, такъ и иностранной. По, не смотря на сравнительное обиліе трудовъ, посвященныхъ обзору жизни и дѣятельности этого знаменитаго іерарха, личность его далеко не достаточно въ нихъ освѣщена, и разносторонняя его дѣятельность во многихъ случаяхъ изображена тенденціозно, превратно, неполно и невѣрно. Причина этого кроется какъ въ колоссальномъ значеніи патріарха Фотія въ исторіи и его роли въ борьбѣ съ Римомъ, такъ и въ томъ, что до настоящаго времени изданы еще не всѣ сочиненія Фотія, хотя, напримѣръ, въ патрологіи Миня они занимаютъ четыре тома (101—104). Ученые прекрасно сознаютъ необходимость опубликованія всѣхъ литературныхъ произведеній знаменитаго патріарха, и эта мысль неоднократно высказывалась и у насъ въ Россіи (академикомъ Куникомъ, профессорами Иванцовымъ-Платоновымъ и Кургановымъ). Идя на встрѣчу научной потребности, г. Пападопуло-Керамевсъ и издалъ въ указанной книгѣ сорокъ пять (45) писемъ патріарха Фотія, прежде совершенно неизвѣстныхъ наукѣ. Эти письма заимствованы почтеннымъ ученымъ изъ двухъ аѳонскихъ кодексовъ, одинъ изъ которыхъ находится въ монастырѣ св. Діонисія (№ 163), а другой въ Иверскомъ монастырѣ (№ 684). Первый кодексъ относится къ XVII, а второй къ XVI столѣтію. Изъ первой рукописи нашъ издатель взялъ 24 письма, а изъ второй — остальныя (стр. 1—49). Вновь опубликованныя г. Пападопуло-Керамевсомъ письма патріарха Фотія имѣютъ научное значеніе во многихъ отношеніяхъ. Письма, находящіяся въ Діонисіатскомъ кодексѣ, важны въ богословско-нравоучительномъ отношеніи, такъ какъ содержатъ мудрыя наставленія и поученія знаменитаго іерарха въ различныхъ случаяхъ жизни, а письма, взятыя изъ кодекса Иверскаго, полезны большею частію съ исторической точки зрѣнія. Одни изъ нихъ написаны къ извѣстнымъ въ исторіи лицамъ, съ которыми Фотій находился въ постоянной перепискѣ, напримѣръ, къ болгарскому князю Михаилу (письмо 13), къ Георгію, митрополиту никомидійскому (п. 16), Ѳеофану, архіепископу ко-

сарійскому (п. 19), и нѣкоторымъ инымъ представителямъ церковной и гражданской власти его времени. Другія же письма даютъ новый матеріалъ для характеристики личности Фотія и его высокихъ достоинствъ, отрицаемыхъ врагами его памяти; таково большое и превосходное письмо (21) къ Павлу, архіепископу ѳессалоникійскому, написанное Фотіемъ съ патріаршаго престола въ 885 году, пять лѣтъ спустя послѣ офиціальнаго соединенія западной церкви съ восточной, во время собора 879 — 880 г. Другое письмо (20) къ Митрофану, архіепископу смирнскому, разрѣшаетъ доселѣ темную загадку касательно судьбы этого іерарха послѣ того, какъ имъ открыто была заявлена вражда къ патріарху Фотію. Вопреки мнѣнію латинянъ, что Митрофанъ никогда не признавалъ Фотія каноническимъ патріархомъ, изъ указаннаго письма мы узнаемъ, что Митрофанъ послѣ соединенія церквей раскаялся въ своей враждѣ противъ Фотія и призналъ его своимъ духовнымъ отцомъ.

Такимъ образомъ, письма патріарха Фотія въ новомъ изданіи г. Пападопуло-Керамевса имѣютъ немалую научную важность. Издавши ихъ въ греческомъ подлинникѣ, онъ предварилъ ихъ предисловіемъ, а въ концѣ помѣстилъ два приложенія: 1) отрывки толкованій Фотія на евангеліе отъ Луки, найденные въ 371 кодексѣ Иверскаго монастыря на Аѳонѣ (стр. 50—54), и 2) восемь ямбическихъ ирмосовъ патріарха Фотія, взятыхъ изъ ирмологія X вѣка въ аѳонской лаврѣ св. Аѳанасія (стр. 55—57). Въ заключеніи (стр. 58—130) помѣщены указатель изреченій св. Писанія, собственныхъ именъ и всѣхъ словъ, встрѣчающихся въ письмахъ, а въ примѣчаніяхъ къ тексту писемъ приведены необходимыя ссылки на св. Писаніе и на древнія собранія греческихъ пословицъ. Словомъ, г. Пападопуло-Керамевсъ воспользовался въ своемъ изданіи всѣми необходимыми научными пріемами и въ высокой степени обнаружилъ весьма солидный навыкъ въ опубликованіи греческихъ текстовъ. Желательно, чтобы труды его по изданію твореній святѣйшаго патріарха Фотія не ограничились разсмотрѣннымъ изданіемъ. Въ настоящее время списокъ сочиненій знаменитаго патріарха пополнился и нѣкоторыми новыми трудами, и лучшими редакціями извѣстныхъ прежде произведеній. Не пора ли русскимъ ученымъ учрежденіямъ взять на себя дѣло новаго полнаго изданія твореній патріарха Фотія, такъ какъ для отдѣльныхъ лицъ трудъ этотъ не по силамъ.

Σ.

Р. Вормсъ. Общественный организмъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ проф. Трачевскаго. Спб. 1897.

Общество, какъ загадочное и сложное явленіе высшаго порядка, не смотря на свое ближайшее отношеніе къ индивиду, сдѣлалось предметомъ вниманія со стороны науки сравнительно недавно. Причина подобнаго страннаго на первый взглядъ обстоятельства, въ данномъ случаѣ, повидимому, та же, какъ и во многихъ другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что она обусловливается особыми свойствами — дальнозоркостью нашего отвлеченнаго мышленія, которое законы теченія небесныхъ тѣлъ обобщило ранѣе законовъ кровеобращенія и проникновеніемъ въ тайну химическаго состава звѣздъ опередило знакомство съ болѣзнетворными

началами человѣческаго организма. Этимъ вполнѣ объясняется, почему, не взирая на незапамятное существованіе, общество вошло въ кругъ предметовъ научнаго изслѣдованія только три столѣтія тому назадъ. Если объ обществѣ и говорилось ранѣе, то только какъ объ извѣстномъ видѣ сожитія человѣческихъ особей, безъ разумѣнія сложности явленій природы. Какъ и всякая молодая наука, ученіе объ обществѣ пережило нѣсколько фазисовъ своего развитія. Въ началѣ, въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ, была выдвинута идея механическаго сложенія индивидовъ въ общественные союзы. Общество мыслилось нераздѣльно съ государствомъ и вмѣстѣ съ нимъ предполагалось произведеніемъ свободной людской воли-договора. Девятнадцатый вѣкъ разъединилъ государство и общество, причемъ, при различныхъ попыткахъ объясненія сущности послѣдняго, напалъ на мысль о его органичности. Увлеченіе естествознаніемъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ значительно содѣйствовало укрѣпленію таковото взгляда, сторонники котораго въ увлеченіе довели дѣло до крайностей. Объявивъ природу общества органической, фанатики этой идеи не затруднились уподобить ее прямо высшему организму, именно человѣку. Крайности теоріи подорвали ее самое. Внимательная, безпристрастная оцѣнка доводовъ органической школы доказала шаткость и произвольность уподобленій. Сочувствіе къ органическому ученію сразу упало, и прежнее увлеченіе непосредственно смѣнилось отрицательнымъ отношеніемъ, съ которымъ пытается бороться Вормсъ.

Въ основу разсужденій авторъ кладетъ мимоходомъ брошенную Спенсеромъ идею «надорганичности общественной среды» и на этомъ базисѣ строитъ свою систему. По мнѣнію Вормса, общества, какъ цѣлыя, заключаютъ въ себѣ все то, что имѣется въ организмахъ, и, кромѣ того, еще нѣчто, чего въ послѣднихъ нѣтъ; поэтому сопоставленіе общества съ опредѣленнымъ организмомъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать благопріятныхъ результатовъ. Сопоставляться могутъ и должны не отдѣльныя черты того и другого, но только ихъ совокупность, что, однако, нисколько не уничтожаетъ отысканія сходства, существующаго, напримѣръ, между растеніемъ и животнымъ, при отсутствіи въ нихъ полнаго параллелизма. Вормсъ полагаетъ, что интегрированная совокупность, рядъ однородныхъ величинъ, образуетъ собою явленіе, болѣе сложное, но необходимо однородное съ своими составными частями; поэтому общество, въ своемъ происхожденіи и бытіи не зависящее отъ воли индивидовъ, но физически состоящее изъ ихъ интегрированной совокупности, само по себѣ столь же органично, какъ и человѣкъ, но не подобно ему. Сходство ихъ лишь относительное, именно, настолько, насколько весь органическій міръ представляетъ собою образцы различной группировки животной клѣтки. Въ обществѣ клѣтка—это самъ человѣкъ. Отыскавъ отправную точку разсужденій, Вормсъ послѣдовательно выясняетъ черты своеобразнаго общественнаго организма, разбираетъ его анатомическое строеніе, физіологическія отправленія, говоритъ объ общественной гигіенѣ, патологіи, терапіи и т. д. Попытку автора оживить органическую теорію и пробудить угасшій интересъ къ ней нельзя не назвать своеобразной, и за ней нельзя не признать извѣстной доли научнаго значенія. Крайности первыхъ защитниковъ органической школы, конечно, навсегда останутся крайностями, но неумѣлость исполнителя еще не уничтожаетъ смысла самаго дѣла.

Положительная анатомія и физіологія съ пользой служатъ юридическимъ, историческимъ и соціальнымъ наукамъ; кто знаетъ, не послужитъ ли впослѣдствіи имъ и правильно понятая позитивная соціологія? В. Г-ій.

В. Вильбасовъ. Исторія Екатерины Второй. Томъ двѣнадцатый, въ двухъ частяхъ. Берлинъ. 1897.

Профессоръ В. А. Бильбасовъ посвятилъ себя исключительно изученію эпохи Екатерины II и составленію исторіи царствованія этой императрицы. По предположенному имъ плану, трудъ его долженъ состоять изъ 12 томовъ. Первый томъ, обнимающій жизнь Екатерины до воцаренія, былъ изданъ въ 1890 году и встрѣтилъ такія цензурныя препятствія, что автору удалось преодолѣть ихъ лишь послѣ продолжительныхъ хлопотъ. Второй томъ былъ менѣе счастливъ, подвергся полному запрещенію и могъ появиться только за границей, въ 1895 году. Такая неудача, повидимому, побудила автора пріостановить послѣдовательные выпуски «Исторіи Екатерины Второй» и продолжать ея изданіе, такъ сказать, съ конца. Теперь выпущенъ 12-й томъ, въ двухъ частяхъ, заключающій въ себѣ обзоръ иностранныхъ сочиненій о Екатеринѣ. Это—предварительная работа, которую авторъ долженъ былъ сдѣлать раньше, нежели приступить къ своему труду, и она доказываетъ его необычайное трудолюбіе и добросовѣстность въ изученіи источниковъ. Имъ была просмотрѣна громадная литература предмета, именно 1282 сочиненія, касающихся времени Екатерины, на 14 языкахъ. Изъ нихъ 785 сочиненій, имѣющихъ прямое отношеніе къ задачѣ автора, разсмотрѣны подробно, при чемъ сдѣлана соотвѣтствующая критическая оцѣнка каждаго изъ нихъ, а при обзорѣ остальныхъ указано содержаніе и отмѣчены страницы, гдѣ говорится объ Екатеринѣ. Въ концѣ тома приложены: предметный указатель, расположенный въ хронологическомъ порядкѣ, алфавитное оглавленіе всѣхъ иностранныхъ сочиненій, упоминаемыхъ въ общихъ частяхъ, и списокъ изданій, на которыя дѣлаются наиболѣе частыя ссылки. Изданіе 12 тома имѣетъ существенное значеніе для всѣхъ занимающихся русской исторіей XVIII столѣтія, потому что даетъ имъ полную библіографію иностранныхъ сочиненій объ Екатерининской эпохѣ и при томъ не въ видѣ простаго перечня, а съ краткимъ изложеніемъ содержанія и указаніемъ значенія каждаго сочиненія въ качествѣ источника. Весьма будетъ прискорбно, если остальные томы труда г. Бильбасова останутся въ рукописи и не увидятъ свѣтъ «по независящимъ обстоятельствамъ», не смотря на то, что со смерти Екатерины прошло ровно сто лѣтъ, и для нея уже наступила историческая давность.

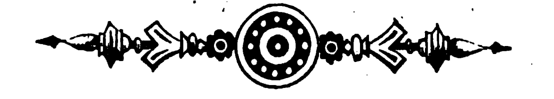
С. Ш.

С. К. Литвина. Среди евреевъ. Спб. 1897.

Книга г. Литвина о евреяхъ заключаетъ въ себѣ рядъ талантливо написанныхъ беллетристическихъ разсказовъ, изъ которыхъ три были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» («Среди евреевъ», «Смерть дѣда Симхи» и «Искупленіе»), а остальные въ другихъ журналахъ («Мой дядя», «Въ Америку!», «Гудъ о-гудъ» и «Острожница»). Всѣ эти разсказы изображаютъ въ

самой мрачной краскѣ еврейскій бытъ. Кромѣ преобладанія въ немъ дикихъ понятій о возможности молитвою переселить свое горе въ домъ иновѣрца, о трефной птицѣ, о бесѣдованіи разныхъ «цадиковъ» съ ангелами Божіими, о надеждахъ возвыситься надъ всѣми народами, о страшномъ грѣхѣ кровосмѣшенія еврейки съ «гоемъ» и т. п. старо-еврейскихъ правилахъ изъ Талмуда, г. Литвинъ указываетъ въ своихъ разсказахъ на существованіе международной политической организаціи евреевъ. «Злѣйшему врагу своему,—говоритъ онъ,— не пожелаю очутиться въ борьбѣ съ этимъ всемогущимъ кагаломъ, имѣющимъ свои развѣтвленія не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ. Нашъ кагалъ, я полагаю, будетъ почище іезуитскаго ордена. Конечно, всѣ дѣйствія кагала совершаются тайно, и никто никогда не можетъ ему помѣшать въ его дѣйствіяхъ, а жертвамъ его нѣтъ числа. Онъ одинаково беспощадно расправляется со всякимъ, кто ему мѣшаетъ: будь это еврей или христіанинъ...». По увѣренію г. Литвина, виднымъ дѣятелямъ кагала извѣстны всѣ нити и тайны европейской политики, они подкапываются подъ нравственность, благосостояніе и религію чуждыхъ имъ государствъ и народовъ; даже нашъ послѣдній внѣшній заемъ провалили евреи, а Ротшильды предлагали деньги подъ условіемъ еврейской равноправности и т. д. Разумѣется, за достовѣрность сообщаемыхъ имъ фактовъ изъ еврейской жизни отвѣтственность лежитъ на авторѣ, тѣмъ болѣе за обобщенія, которыхъ онъ не избѣгъ какъ въ настоящей своей книгѣ, такъ и въ прежнихъ своихъ воспоминаніяхъ о русской эмиграціи, подъ заглавіемъ: «Смутьяны». Среди евреевъ, конечно, найдется много фанатиковъ, воспитанныхъ на старо-жидовскихъ книжкахъ и чуждыхъ европейской культуры, а еврейская масса юго-западнаго края еще болѣе невѣжественна. Но побѣдоносная ихъ организація и вліяніе на европейскую политику подлежитъ большому сомнѣнію; крупные изъ нихъ капиталисты давно уже сдѣлались европейскими банкирами, которымъ присущи только общіе недостатки биржевиковъ и монополистовъ. Какъ бы кто ни отнесся къ книгѣ г. Литвина, но, написанная живымъ языкомъ, подъ сильнымъ противъ евреевъ настроеніемъ, она производитъ на читателя тяжелое впечатлѣніе, знакомя насъ не только съ общественнымъ значеніемъ еврейства въ христіанскихъ странахъ, но и съ ихъ домашней жизнью, исполненной религіозныхъ предразсудковъ и жестокосердія ко всякому новшеству и индивидуализму въ ихъ собственной семьѣ. Вообще разсказы г. Литвина представляютъ большой интересъ, и имъ можно предсказать успѣхъ.

А. Ф.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЫЛЪ ЛИ Эпикуръ эпикурейцомъ? Въ послѣдней книжкѣ «Quarterly Review»[1]) анонимный авторъ доказываетъ, что Эпикуръ нисколько не былъ тѣмъ, что называется эпикурейцомъ, и что совершенно напрасно приписываютъ его ученію тотъ характеръ, котораго оно нимало не имѣло. Въ сущности онъ былъ апостоломъ умѣренности и даже аскетизма; онъ не только не предавался удовлетворенію физическихъ апетитовъ, но жилъ преимущественно на хлѣбѣ и водѣ. Его ученики слѣдовали по стопамъ учителя, и, какъ разсказываетъ Діогенъ, довольствовались самой простой пищей и водой, очень рѣдко позволяя себѣ пить вино и то въ самомъ незначительномъ количествѣ, такъ что всѣ смѣялись надъ ихъ трезвостью. Если Эпикуръ не былъ обжорой, какимъ его обыкновенно изображаютъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляется человѣкомъ безконечно гуманнымъ и дѣлавшимъ много добра. «Есть много свидѣтелей, — говоритъ Діогенъ Лаертій: — доказывающихъ его несравненную доброту ко всѣмъ, благодарность къ родителямъ, щедрость къ братьямъ и человѣчность къ рабамъ, что подтверждается его завѣщаніемъ, а также участіемъ родныхъ въ его философскихъ занятіяхъ» Его три брата питали къ нему почтительное уваженіе и находились въ числѣ его самыхъ восторженныхъ учениковъ. «Самопожертвованіе Эпикура отличалось баснословнымъ характеромъ», — прибавляетъ тотъ же Діогенъ, и такимъ образомъ оказывается, что этотъ философъ понималъ подъ удовольствіемъ

[1]) Epicurus. Quarterly Review. January.

не ту чувственность, которую ему навязывают. Въ нравственномъ отношеніи онъ былъ врагомъ языческихъ боговъ и суевѣрія, которыя ему опротивѣли съ дѣтства, когда онъ насмотрѣлся на отталкивающіе обряды какого-то восточнаго культа, жрицей котораго была его мать. Онъ считалъ, что заботы и страхъ служатъ главнымъ проклятіемъ человѣчества, и старался освободить его отъ ихъ ига, распространеніемъ двухъ доктринъ: 1) «благословенная и неподкупная природа не знаетъ безпокойства и не причиняетъ его другимъ, а потому не ощущаетъ ни злобы, ни чувства предпочтенія; всѣ подобныя чувства присущи только слабымъ существамъ; 2) смерть для насъ ничто, такъ какъ разложеніе не имѣетъ сознанія, и то, что не имѣетъ сознанія, для насъ ничто». Однако, не смотря на свой антагонизмъ религіи, Эпикуръ высказывалъ нѣкоторыя чисто христіанскія идеи: такъ, другіе философы исключительно обращались къ образованнымъ и состоятельнымъ классамъ, а Эпикуръ имѣлъ болѣе въ виду бѣдныхъ, невѣжественныхъ и страждущихъ. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ мужчинъ и женщинъ, какъ на ближнихъ, которымъ онъ охотно оказывалъ помощь, а потому не одинъ глава философской школы въ Аѳинахъ не пользовался такой любовью, какъ Эпикуръ. Установленные имъ на 20-е число каждаго мѣсяца общіе праздники соединяли всѣхъ его учениковъ въ духѣ братства, и эти праздники братскаго единенія, справлявшіеся самымъ скромнымъ образомъ, поддерживались и его учениками. Такимъ образомъ, Эпикуръ теоретически и практически училъ свѣтъ, что дружба и любовь къ ближнему не прихоть, а необходимость жизни, что они придаютъ жизненной борьбѣ, даже опасностямъ и лишеніямъ, менѣе тяжелый характеръ, а у самой смерти отнимаютъ ея жало. Однимъ словомъ Эпикуръ, по мнѣнію англійскаго критика, является великимъ филантропомъ, а не апостоломъ чувственности. Мало того, онъ былъ настоящимъ человѣкомъ науки и видѣлъ въ наукѣ, въ опытномъ знаніи, оплотъ противъ суевѣрія. Поэтому эпикурейцы занимали въ Греціи и Римѣ то положеніе, которое теперь принадлежитъ ученымъ естествоиспытателямъ.

— **Могила Гудсона.** Одна изъ вѣковыхъ историческихъ загадокъ, повидимому, близка къ разъясненію: въ сѣверо-американскомъ штатѣ Мичиганѣ, близъ озера Гурона, найдены осенью прошлаго года остатки земляного укрѣпленія, которое, повидимому, воздвигнуто знаменитымъ англійскимъ мореходцемъ Генри Гудсономъ, который исчезъ съ своими товарищами около трехсотъ лѣтъ тому назадъ. Въ «Pall Mall Gazette», отъ 4-го марта [1]), помѣщена любопытная статья объ этой находкѣ, вмѣстѣ съ исторической справкой о жизни Гудсона, одного изъ старѣйшихъ изслѣдователей пути въ Азію черезъ сѣверный полюсъ, и о трагическомъ его концѣ. О томъ, что дѣлалъ Генри Гудсонъ, родившійся около 1550 года и бывшій уроженцемъ Лондона, до своихъ знаменитыхъ полярныхъ экспедицій, ничего неизвѣстно, кромѣ того, что онъ принадлежалъ къ семьѣ смѣлыхъ торговцевъ, принимавшихъ участіе въ компаніи, которая вела дѣла съ Московіей. «19-го апрѣля 1607 года, записано въ его дневникѣ: въ церкви св. Этбурга въ

---

[1]) The Grave of Henry Hudson. Pall Mall Gazette. 4 march, 1897.

улицѣ Эпископскихъ воротъ, ниже поименованные мореходы совѣщались съ другими прихожанами объ ихъ выходѣ въ море, черезъ четыре дня съ цѣлью открыть путь въ Японію и Китай черезъ сѣверный полюсъ». Съ этого памятнаго совѣщанія, на которомъ присутствовали капитанъ Генри Гудсонъ, его сынъ Джонъ и десятеро другихъ моряковъ, начинается всѣмъ извѣстная эпоха его жизни, окончившаяся, спустя четыре года, роковой катастрофой. Первая его экспедиція въ небольшомъ суднѣ съ 10 матросами не увѣнчалась успѣхомъ; во вторую, предпринятую въ слѣдующемъ году, онъ достигъ Новой Земли, но также вернулся, не открывъ желаннаго сѣверо-восточнаго пути въ Азію. Въ 1609 году онъ предпринялъ третье путешествіе на кораблѣ «Полумѣсяцъ» изъ Амстердама на счетъ голландской Остъ-Индской компаніи и, достигнувъ снова Новой Земли, повернулъ на западъ отъ преграждавшихъ ему путь льдовъ, достигъ подъ 44° с. ш. материка Сѣверной Америки и открылъ устье рѣки, получившей его имя и по которой онъ поднялся до того мѣста, гдѣ теперь стоитъ городъ Альбани. Послѣдняя экспедиція, доставившая ему наибольшую славу и терновый вѣнецъ, совершена имъ въ 1610 году на кораблѣ «Открытіе» съ 27 матросами, по порученію директора Московійской компаніи, сэра Томаса Смита. Достигнувъ Гренландіи, Гудсонъ открылъ въ іюнѣ мѣсяцѣ проливъ своего имени, а затѣмъ и Гудсоновъ заливъ, который онъ принялъ за открытое море, за столь давно разыскиваемый проходъ къ западному берегу Сѣверной Америки. Въ этой пріятной иллюзіи, онъ плавалъ много дней, но наконецъ достигъ берега и долженъ былъ признать, что открылъ не море, а заливъ. Къ горькому разочарованію присоединилась еще быстро наступившая зима, и ему пришлось ждать весны на пустынномъ берегѣ съ самымъ скуднымъ запасомъ провіанта. Однако онъ кое-какъ дожилъ съ своими товарищами до открытія навигаціи и уже собирался поднять якорь, какъ неосторожныя его слова о необходимости оставить на берегу за недостаткомъ жизненныхъ припасовъ нѣсколько матросовъ возбудили мятежъ. Экипажъ взбунтовался и, посадивъ въ лодку самого Гудсона, его сына и семь больныхъ цынгой, пустилъ ее на волю судьбы по заливу, еще наполненному льдомъ. Тутъ смѣлый мореплаватель исчезаетъ изъ глазъ исторіи, и такъ какъ всѣ попытки открыть его слѣдъ оказались тщетными, то принято считать его погибшимъ среди волнъ и льдовъ. Трагическая судьба Гудсона послужила предметомъ извѣстнаго разсказа Вашингтона Ирвинга: «Рипъ-ванъ-Винклъ», пьесы, передѣланной изъ этого разсказа, и знаменитой картины, вызвавшей не мало слезъ; вообще его имя окружено романической, таинственной популярностью. Въ настоящее время, когда возбужденъ интересъ къ сѣверному полюсу, благодаря подвигамъ Нансена и оказываемому ему почетному пріему въ главныхъ центрахъ Европы, какъ нельзя болѣе кстати поднять вопросъ о разрѣшеніи вѣковой загадки на счетъ смерти Гудсона. Находка земляного укрѣпленія въ сосновыхъ лѣсахъ Мичигана не представляетъ сама по себѣ ничего удивительнаго, такъ какъ эта мѣстность никѣмъ не посѣщается, кромѣ рѣдкихъ охотниковъ, и является непочатымъ угломъ Сѣверно-Американскаго континента, но она тотчасъ обратила на себя вниманіе ученыхъ археологовъ, которыми изобилуетъ Новый Свѣтъ. Въ сохранившихся остаткахъ вала и рва отысканы обломки стариннаго евро-

пейскаго оружія, а, по изслѣдованію экспертами деревьевъ, выросшихъ на укрѣпленіи, оказалось что они начали рости за четверть столѣтія, или болѣе до появленія Ла-Саля въ невѣдомой дотолѣ европейцамъ пустынной мѣстности вокругъ озера Гурона. Такъ какъ дѣйствія Ла-Саля и всѣхъ европейцевъ, слѣдовавшихъ за нимъ, хорошо извѣстны и нѣтъ ни малѣйшаго свѣдѣнія о томъ, чтобъ они тутъ воздвигли фортъ, то естественно возникъ вопросъ, кто могъ возвести земляное укрѣпленіе въ такомъ отдаленномъ уголкѣ и въ такое время, когда туда еще не проникалъ ни одинъ бѣлокожій? Генри Гудсонъ, смѣло отвѣчаютъ американскіе археологи и доказываютъ очень искусными, вполнѣ логичными аргументами, что никто другой не могъ быть основателемъ этого невѣдомаго европейскаго форта, въ глуши Мичиганскихъ лѣсовъ. Хотя до сихъ поръ принято считать, что Гудсонъ погибъ среди льдовъ Гудсонова залива, но совершенно вѣроятно, что онъ сумѣлъ пристать въ своей лодкѣ къ берегу и, тамъ дождавшись весны, двинулся съ товарищами на югъ. Мѣстность, лежащая между Гудсоновымъ заливомъ и озеромъ Гурономъ, никогда не была любимымъ трактомъ для индѣйцевъ, и Гудсонъ на своемъ пути могъ ихъ вовсе не встрѣтить, или натолкнуться на неопасныхъ краснокожихъ воиновъ. Только достигнувъ большихъ озеръ, онъ вступилъ въ область, всецѣло принадлежавшую могущественнымъ индѣйскимъ племенамъ, но нѣтъ причины предполагать, что онъ съ своими товарищами погибъ подъ ихъ ударами. Онъ могъ возвести найденное укрѣпленіе и спокойно существовать въ продолженіе нѣкотораго времени, а нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что и смерть застала его въ борьбѣ не съ дикарями, а съ лютыми холодами, которые въ настоящее время не даютъ доступа зимой въ эти вѣковые лѣса и по причинѣ которыхъ окончательное, научное изслѣдованіе предполагаемой могилы Гудсона отложено до весны настоящаго года.

— **Іоанна д'Аркъ съ точки зрѣнія историковъ, юристовъ, романистовъ и художниковъ.** Съ легкой руки Ватикана, значительно подвинувшаго за послѣдніе годы такъ давно продолжающееся дѣло о возведеніи въ ликъ святыхъ Орлеанской дѣвы и предоставившаго ей предварительный титулъ преподобной, она снова вошла въ моду, и уясненіемъ этой легендарной, загадочной героини занимаются не только историки, но юристы, романисты и художники. Среди историческихъ трудовъ заслуживаютъ вниманія двѣ французскія книги: «Іоанна д'Аркъ и осада Орлеана», М. Кола-де-ла-Ну [1]) и «Іоанна д'Аркъ, ея настоящая духовная миссія» — Н. Шусси [2]) и одна американская: «Іоанна д'Аркъ» — Фр. Ловеля [3]). Первый авторъ, мѣстный орлеанскій археологъ, представляетъ обстоятельный, добросовѣстно составленный и до мелочей точный, очеркъ осады своего родного города англичанами и его освобожденія Жанной; авторъ старается доказать, что знаменитая патріотка дѣйствовала по небесному вдохновенію, и если въ ея дѣятельности встрѣчаются противорѣчія, или рядомъ съ успѣхами являются неудачи, завершающіяся ея казнью,

[1]) Jeanne d'Arc et le siège d'Orleans, par M. Colas-de-la-Noue, Orleans, 1896.
[2]) Jeanne d'Arc, sa vraie mission, par M. Choussy. Orleans, 1896.
[3]) Joan of Arc. By Francis Lowell. Boston, 1896.

то все это нисколько не опровергают сверхъестественнаго характера ея дѣятельности, которую, по словамъ орлеанскаго клерикала, невозможно объяснить только восторженными порывами патріотизма на мистической подкладкѣ. Напротивъ, американскій историкъ, сочиненіе котораго состоитъ изъ лекцій, прочитанныхъ имъ въ Ловельскомъ институтѣ въ Бостонѣ, ставитъ себѣ задачей выяснить, что въ подвигахъ Іоанны д'Аркъ было трезвымъ историческимъ фактомъ и что легендарнымъ наслоеніемъ. Добросовѣстно исполняя взятый на себя трудъ, онъ старательно провѣрилъ всѣ старинные источники и новѣйшіе матеріалы, а разсказывая жизнь своей героини, очищенную отъ всѣхъ неточностей и суевѣрныхъ, мистическихъ чертъ, онъ освѣщаетъ ее любопытными свѣдѣніями объ этнографическомъ положеніи тѣхъ мѣстностей, гдѣ она дѣйствовала, о политическихъ учрежденіяхъ и обычаяхъ того времени, однимъ словомъ о той средѣ, которая окружала героиню. Благодаря этимъ двумъ сторонамъ: трезвой исторической критикѣ и вѣрному мѣстному колориту, книга Лавеля принадлежитъ къ числу лучшихъ трудовъ объ Іоаннѣ д'Аркъ. То же можно сказать о великолѣпномъ альбомѣ французскаго художника Бутэ-де-Монвеля [1]), который посвятилъ два года на изученіе исторіи Орлеанской дѣвы и театра дѣйствія ея подвиговъ, а въ результатѣ создалъ сорокъ восемь оригинальныхъ акварельныхъ рисунковъ, изображающихъ съ художественной точностью главные эпизоды ея жизни, причемъ сохранены какъ историческая вѣрность, такъ и колоритъ эпохи. Текстъ при рисункахъ самый краткій, но въ небольшой статьѣ, помѣщенной до выхода альбома въ «Century Magazine», подъ заглавіемъ «Національный герой Франціи» [2]), Монвель представляетъ яркую характеристику той, которую онъ считаетъ единственной вполнѣ свѣтлой, безупречной личностью въ французской исторіи и для вѣрной оцѣнки которой, по его словамъ, нѣтъ надобности изслѣдовать, дѣйствительно ли она видѣла представлявшіяся ей видѣнія, а достаточно того несомнѣннаго факта, что она искренно вѣрила въ нихъ. Мы не выйдемъ изъ художественной области, перейдя къ двумъ историческимъ романамъ, одному англійскому, а другому американскому, которые рисуютъ въ фантастической формѣ, но на строго исторической подкладкѣ жизнь Орлеанской дѣвы. Оба они имѣютъ форму мемуаровъ современниковъ, и первый разсказъ ведется его авторомъ, извѣстнымъ англійскимъ публицистомъ, Андрю Лангомъ, отъ имени шотландскаго монаха, Нормана Лесли изъ Питкулло [3]), а второй, уже переведенный на русскій языкъ, принадлежитъ знаменитому романисту Марку Твэну, который скрываетъ себя вдвойнѣ, увѣряя читателей, что онъ только издатель, а написаны эти «личныя воспоминанія объ Іоаннѣ д'Аркъ» ея пажемъ Луи-де-Контомъ, и переведены съ рукописи, хранящейся въ національномъ архивѣ Франціи, Жаномъ Альденомъ [4]). Конечно, съ литератур-

---

[1]) Jeanne d'Arc, album par M. Boutet de Monvel. Paris, 1897.

[2]) The National Hero of France: Joan of Arc, by B. de Monvel. Century Magazine. November. 1896.

[3]) A monk of Fife, being the chronicle, written by Norman Leslie of Petcullo. Done in the english out of thefrench by Andrew Lang. London, 1896.

[4]) Personal Recolections of Joan of Arc, by Sieur Louis de Conte, jrecly transated by Jean Alden; edited by Mark Twain. London, 1896.

ной точки зрѣнія Твэну принадлежитъ пальма первенства въ этомъ воспроизведеніи старины, но его разсказъ во многихъ отношеніяхъ грѣшитъ противъ исторической правды, и въ немъ слишкомъ просвѣчиваютъ чисто американскіе современные взгляды, а его англійскій соперникъ сумѣлъ лучше войти въ кожу своего шотландскаго монаха, который нигдѣ не обнаруживаетъ ни малѣйшихъ анахронизмовъ. Нечего и говорить, что рисуемый ими обоими образъ Іоанны д'Аркъ является свѣтлымъ, лучезарнымъ во всемъ ореолѣ ея патріотическаго энтузіазма, мистическаго экстаза и нравственной чистоты. Наиболѣе оригинальнымъ вкладомъ въ литературу Орлеанской дѣвы служитъ статья французскаго публициста и романиста, Анатоля Франса: «Невѣдомая сторона процесса Іоанны д'Аркъ» [1]), которой начинается первая книжка новаго французскаго журнала «La Revue du Palais», поставившаго себѣ цѣлью знакомить читателей съ юридическими вопросами и судебнымъ міромъ въ популярной формѣ историческихъ очерковъ, критическихъ этюдовъ, біографій, воспоминаній, хроникъ, романовъ и разсказовъ. По словамъ Франса, нѣтъ болѣе извѣстнаго процесса, какъ дѣло Іоанны д'Аркъ, судившейся въ Руанѣ за колдовство, и однако въ немъ остается нѣсколько невѣдомыхъ сторонъ, на которыя не обратили до сихъ поръ вниманія современные историки. Одной изъ такихъ мало извѣстныхъ чертъ процесса служитъ письмо Іоанны къ графу Арманьяку, который также письменно просилъ ее, чтобъ она узнала отъ «вдохновляющаго ее Господа нашего Іисуса Христа» и сообщила ему, кто настоящій папа изъ трехъ тогдашнихъ конкурентовъ на наслѣдіе св. Петра: Мартина V, Климента VII и Бенедикта XIII. Отвѣтъ Іоанны, приводимый цѣликомъ въ статьѣ Франса изъ протоколовъ процесса, очень характеренъ, и въ немъ она прямо говоритъ, что не можетъ исполнить его желанія до вступленія въ Парижъ, такъ какъ слишкомъ занята военными дѣлами, но изъ Парижа увѣдомитъ его, которому папѣ должно вѣрить согласно волѣ ея «верховнаго повелителя, Царя Небеснаго». Это письмо, продиктованное Іоанной въ Компьенѣ, 22 августа 1429 г., ясно доказываетъ что она вѣрила въ свои сношенія съ Богомъ, и потому естественно враги ея воспользовались имъ, какъ уликой противъ нея. Хотя она сама на судѣ признала его только отчасти, но всѣ выраженія письма принадлежатъ къ обычнымъ оборотамъ ея рѣчи, и нѣтъ основанія сомнѣваться въ подлинности документа, который такимъ образомъ подтверждаетъ искренность ея вѣры въ божественное происхожденіе слышанныхъ ею голосовъ, а равно тотъ фактъ, что эту вѣру раздѣляли такіе высокопоставленные люди, какъ графъ Арманьякъ.

— **Шекспиръ, какъ стрѣлокъ въ Англіи и какъ чудовище во Франціи XVIII вѣка.** Недавно шекспировская литература обогатилась новымъ оригинальнымъ трудомъ. Съ какой уже стороны не изучали божественнаго Вильяма, но еще никому не приходило въ голову представить его въ видѣ страстнаго стрѣлка; это открытіе было суждено сдѣлать Вильяму Ростону, который написалъ цѣлую, хотя и небольшую книгу подъ заглавіемъ «Шекспиръ, какъ стрѣлокъ» [2]). Поклонники творца «Гамлета», однако, могутъ успокоиться:

[1]) Un point obscur du procès de Jeanne d'Arc, par Anatole France. La Revue du Palais, № 1, mars, 1897.

[2]) Shakespeare an archer, by William Lawes Ruston. London, 1897.

новый его изслѣдователь не доказываетъ, что онъ всю жизнь только стрѣлялъ изъ лука, тогда какъ кто нибудь другой писалъ его драмы. А только прійдя въ изумленіе отъ многочисленности въ этихъ драмахъ терминовъ, фразъ и метафоръ, относящихся до стрѣльбы изъ лука, собралъ ихъ въ одно цѣлое, свѣрилъ, взвѣсилъ и вывелъ заключеніе, что Шекспиръ долженъ былъ предаваться этому распространенному въ то время спорту. Болѣе ста выписокъ изъ различныхъ пьесъ великаго драматурга, въ томъ числѣ изъ «Венеціанскаго купца» и изъ второй части Генриха IV, которые доказываютъ не только знаніе ихъ творцомъ технической стороны стрѣльбы изъ лука, но и сочиненій по этому предмету, повидимому, даютъ Ростону право сказать: «Я полагаю, что стрѣльба изъ лука была любимымъ препровожденіемъ времени Шекспира, и что, живя въ Лондонѣ, онъ часто стрѣлялъ въ отведенныхъ для этого мѣстахъ съ Беномъ Джансономъ, Дрейтономъ, Геминсомъ, Конделемъ, Филипсомъ и другими друзьями, или товарищами—актерами». Отъ этого совершенно новаго портрета безсмертнаго сердцевѣда, въ видѣ англійскаго Вильгельма Теля, перейдемъ къ тому еще менѣе сродному его генію, хотя болѣе достовѣрному образу чудовища, какимъ онъ представлялся литературной Франціи XVIII столѣтія. Въ цѣломъ рядѣ очерковъ, помѣщенныхъ въ четырехъ книжкахъ «Cosmopolis» отъ ноября до февраля подъ заглавіемъ «Шекспиръ во Франціи при старой монархіи» [1]), извѣстный знатокъ и блестящій историкъ англійской литературы, Жюль Жюссеранъ, рисуетъ любопытную картину постепеннаго знакомства съ Шекспиромъ старой Франціей, которая за рѣдкими исключеніями смотрѣла на творца «Ромео и Джульеты» не иначе, какъ на чудовище. Долго Франція не имѣла никакого понятія о томъ, что существуетъ на свѣтѣ Шекспиръ, и впервые его имя встрѣчается въ каталогѣ библіотеки Людовика XIV, напечатанномъ въ 1675—1684 гг., на первоначальномъ листкѣ этого каталога было выставлено не только полатыни заглавіе двухъ томовъ Шекспира, въ одномъ изъ которыхъ однако находились пьесы не его, а Бьюмонта и Флетчера, но и добавлены слѣдующія слова: «этотъ англійскій поэтъ отличается прекраснымъ воображеніемъ, мыслитъ естественно и выражается утонченно, но всѣ его хорошія достоинства омрачены грязью, которую онъ примѣшиваетъ къ своимъ комедіямъ». Кромѣ того, во все царствованіе Короля-Солнца упоминается о Шекспирѣ случайно и самымъ краткимъ образомъ, какъ о драматургѣ въ двухъ, или трехъ книгахъ. Только въ началѣ XVIII вѣка Вольтеръ и абатъ Прево начинаютъ знакомить французовъ съ великимъ англійскимъ драматургомъ, но, по словамъ перваго, пьесы Шекспира, изобилуя красотами, уродуются буфонствомъ, недостойнымъ котурна, а послѣдній въ «Письмѣ о трагедіи» говоритъ, что Шекспиръ, котораго англичане принимаютъ за Софокла, создалъ англійскій театръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ погубилъ его, такъ какъ у него не было ни малѣйшаго вкуса, и онъ въ «Отелло» допускаетъ на сценѣ убійство мужемъ жены, а въ «Гамлетѣ» могильщиковъ, которые, вырывая могилу, пьютъ и поютъ пѣсни. Тотъ же взглядъ высказываетъ Луи Роккабони въ

---

[1]) Shakespeare en France sous l'ancien regime, par J. Jusserand. Cosmopolis. Novembre-decembre, 1896. Janvier-fevrier, 1897.

первомъ опытѣ исторіи англійскаго театра на французскомъ языкѣ, появившемся въ 1718 году; онъ разсказываетъ, что Шекспиръ, проживъ отцовское наслѣдство, взялся за ремесло вора и написалъ кровожадныя драмы, потому что англичане заснули бы въ театрѣ, еслибъ ихъ вниманіе не было поддерживаемо ужасами. Аббатъ Ле-Бланъ въ своихъ «Письмахъ француза», напечатанныхъ въ Гагѣ въ 1745 году, говоритъ, что ни одной пьесы Шекспира нельзя дочитать до конца: такъ въ нихъ много грубаго, ужаснаго, вульгарнаго, но онъ первый во Франціи отдаетъ справедливость удивительному стилю великаго поэта и сознается, что нѣкоторые его образы отличаются благородствомъ Рафаеля. Около этого времени Ла-Пласъ сталъ переводить столь пугавшаго французовъ своими смѣлостями англійскаго драматурга, но, конечно, не цѣликомъ; четыре тома его переводовъ и пересказовъ имѣли громадный успѣхъ, но все-таки Шекспиру не былъ открытъ доступъ на французскую сцену, хотя Вольтеръ, называя его первымъ «чудовищемъ», заимствовалъ у него многое для «Заиры», «Смерти Цезаря» и «Семирамиды». Гено въ предисловіи къ своей драмѣ «Францискъ II, король Франціи» прямо говорилъ, что онъ подражалъ Шекспиру, «хотя пьесы послѣдняго чудовищны», но, прибавляетъ онъ, «какъ въ анатоміи полезны чудовища, такъ эти пьесы приносятъ пользу». Во второй половинѣ прошедшаго вѣка возникъ во Франціи и быстро обострился шекспировскій вопросъ. Явились ярые враги англійскаго драматурга и вступили въ борьбу съ немногими его поклонниками и подражателями. Сначала на него ополчились такіе посредственные писатели, какъ Кюбьеръ, но когда сталъ издаваться полный переводъ театра Шекспира Летурнеромъ съ посвященіемъ королю, въ «Энциклопедіи» появилась большая статья, прославлявшая творца «Гамлета», какъ «величайшаго драматическаго генія», а Дидеро назвалъ его «готическимъ колоссомъ, подъ ногами котораго мы всѣ пройдемъ», то Вольтеръ не выдержалъ и вступилъ съ «чудовищемъ» въ борьбу, которая продолжалась до самой его смерти. Забывъ, что онъ одинъ изъ первыхъ открылъ Шекспира во Франціи и многое у него заимствовалъ, фернейскій философъ сталъ называть его сумасшедшимъ, буфономъ, балаганнымъ гаеромъ. Въ предпринятомъ имъ крестовомъ походѣ противъ Шекспира, Вольтеръ дѣйствовалъ искренно и столько же защищалъ Расина и Корнеля, сколько и самого себя, но въ своемъ негодованіи, онъ не зналъ границъ, ненавистныя ему драмы онъ называлъ «навозомъ, въ которомъ онъ самъ когда-то вырывалъ жемчужины» и принималъ всѣ мѣры, чтобъ удержать молодое поколѣніе отъ «погруженія въ эту грязь». 25 августа 1776 года въ торжественномъ засѣданіи Французской академіи д'Аламберъ прочелъ присланную Вольтеромъ записку, въ которой онъ разносилъ кровожадныя драмы Шекспира и хотя все-таки признавалъ, что въ нихъ есть слѣды генія, но костилъ автора дикимъ, безумнымъ, нелѣпымъ варваромъ, балаганнымъ гаеромъ, которымъ хотятъ замѣнить Корнеля, Расина и Мольера. Академія приняла сторону Вольтера и устроила ему тріумфъ, но онъ не опочилъ на лаврахъ и продолжалъ сражаться съ чудовищемъ, такъ за 11 дней до своей смерти въ 1778 году онъ писалъ въ академію: «Шекспиръ варваръ хотя съ искрами генія среди ужасной ночи». Смерть предводителя не прекратила войны, но вскорѣ французы стали наносить «чудовищу» новые удары, и съ

непредвидѣнной стороны; друзья оказались худшими врагами и передѣлки для французской сцены главныхъ его произведеній такими бездарностями, какъ Дюсисъ, Бюзини, Ла-Пласъ и т. д., въ концѣ прошедшаго столѣтія представляютъ самыя уродливыя пародіи. Даже революція не измѣнила отношенія Франціи къ Шекспиру и только романтическое движеніе въ началѣ XIX вѣка доставило ему право гражданства на родинѣ Корнеля и Расина. «Чудовище» Вольтера стало божествомъ для Дюма и Гюго, а благодаря его вліянію, французскій театръ наконецъ освободился отъ связывавшихъ его классическихъ оковъ. «Я ничего не читаю,—писалъ впослѣдствіи Флоберъ,—кромѣ Шекспира, котораго я перечелъ съ доски до доски. Читая его, дышишь свободно, словно стоишь на высокой горѣ. Все кажется мелочнымъ въ сравненіи съ этимъ великаномъ».

— **Маркиза Кондорсэ.** Жена знаменитаго ученаго и политическаго дѣятеля французской революціи, маркиза Кондорсэ играла слишкомъ видную роль, а ея салонъ имѣлъ слишкомъ большое значеніе въ парижскомъ обществѣ конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія, чтобъ ей не была посвящена особая монографія однимъ изъ тѣхъ писателей, которые старательно изучаютъ во Франціи эту эпоху со всѣхъ ея сторонъ. За такую задачу взялся Антуанъ Гильуа, который уже написалъ «Салонъ г-жи Гельвеціусъ», гдѣ мастерски охарактеризовалъ общество, въ которомъ блистала маркиза Кондорсэ, и такъ добросовѣстно исполнилъ ее, что читатель его книги «Маркиза Кондорсэ: ея семья, салонъ и друзья», можетъ составить себѣ вполнѣ вѣрное понятіе о его героинѣ. Хотя самъ біографъ относится къ ней скорѣе какъ панегиристъ, чѣмъ какъ историкъ и по выраженію критика Revue des Deux Mondes, Ренэ Думика, влюбленъ въ прекрасную маркизу, какъ Викторъ Кузенъ въ прелестныхъ героинь Фронды, но, вознося ее до небесъ, придавая ей всевозможныя добродѣтели и стушевывая ея слабости, Гильуа, однако, не скрываетъ фактовъ, не извращаетъ ихъ, а даетъ читателю для справедливой оцѣнки предмета своего культа самый богатый и разносторонній матеріалъ, почерпнутый имъ изъ семейныхъ архивовъ, изъ неизданныхъ писемъ маркизы, ея мужа, родственниковъ и друзей: Кабаниса, Бомарше, г-жи Сталь и другихъ. Образъ этой умной, красивой, увлекающейся женщины, доброй, но далеко не святой, возстаетъ какъ живой во всѣ эпохи ея жизни. Сначала она является намъ хорошенькой, веселой, развитой, набожной, молодой дѣвушкой въ полупатріархальной семьѣ ея отца, маркиза Груши, проводившаго всю свою жизнь въ провинціальномъ замкѣ; затѣмъ мы видимъ ее въ женскомъ Невильскомъ монастырѣ, близъ Ліона, гдѣ она, по тогдашнимъ обычаямъ, исполняла полтора года обязанности настоятельницы, хотя не поступала въ монахини. Тутъ двадцатилѣтняя Софи совершенно преобразилась, танцовала до упада и вмѣстѣ съ тѣмъ зачитывалась Вольтеромъ, въ особенности Руссо, переводила съ итальянскаго Тассо и съ англійскаго Юнга, однимъ словомъ сдѣлалась свѣтской, интеллигентной женщиной XVIII вѣка. Злые языки поговаривали о томъ, что она имѣла въ монастырѣ и какой-то романъ, но это ничѣмъ не доказано, а, вернувшись домой, она вышла замужъ за маркиза Кондорсэ. Ей было тогда 22 года, а мужу 43; она прямо созналась жениху, что сердце ея занято

другимъ, а онъ влюбился въ нее безъ ума, при видѣ, какъ она мужественно спасла своего двоюроднаго брата въ деревнѣ отъ бѣшеной собаки. Бракъ, заключенный при такихъ условіяхъ, не обѣщалъ ничего хорошаго, но мало-помалу молодая маркиза привязалась къ своему мужу и въ виду наступившей революціи сдѣлалась не только преданной женой, но и вѣрной политической эгеріей его. Въ 1787 году она открыла свой извѣстный салонъ на Монетномъ дворѣ, гдѣ маркизъ исполнялъ должность инспектора, и кружила себя людьми, раздѣлявшими новыя идеи: Шамфоромъ, Бомарше, Гара, Кабанисомъ, Вольнеемъ, Андрэ Шенье, Гримомъ, а изъ иностранцевъ Адамомъ Смитомъ, Альфьери, Бекаріа и американскими друзьями Лафайета. Она была революціонеркой до революціи и побуждала своего мужа, великаго математика, но скромнаго, нерѣшительнаго общественнаго дѣятеля идти впередъ какъ въ философіи, такъ и въ политикѣ. Она постоянно присутствовала на его лекціяхъ въ только что открытомъ тогда Лицеѣ и поощряла его къ смѣлымъ выходкамъ, плѣняя вмѣстѣ съ тѣмъ его слушателей своей красотой, такъ что заслужила прозвище Лицейской Венеры. Она вдохновляла его и политически съ той минуты, какъ онъ отказался отъ своего казеннаго мѣста, вступилъ на политическую арену и сталъ играть видную роль въ законодательномъ собраніи и въ конвентѣ. Ея салонъ сдѣлался центромъ жирондистовъ, и она, быть можетъ, имѣла на нихъ больше вліянія, чѣмъ даже ея соперница, знаменитая г-жа Роланъ, потому что Софи ловко скрывалась за своимъ мужемъ, тогда какъ Манонъ грубо, безтактно выдвигала себя впередъ. Когда Кондорсэ попалъ подъ судъ, то жена его обнаружила геройскія доблести, она спрятала его въ маленькомъ домѣ, въ Отелѣ, навѣщала его, переодѣвшись поселянкой, побудила посвятить свободное время философскому труду о прогрессѣ человѣческой мысли, а сама, чтобъ добыть средства къ его содержанію и воспитанію дочери, открыла магазинъ бѣлья и рисовала портреты. Десять мѣсяцевъ геройствовала красавица маркиза, но наконецъ ей надоѣла эта несродная ей борьба съ нищетой, она 14-го января 1794 года заявила просьбу о разводѣ, который и былъ разрѣшенъ, но, спустя шесть мѣсяцевъ послѣ смерти Кондорсэ, который бѣжалъ изъ своего убѣжища, былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму, гдѣ онъ скоропостижно умеръ, какъ предполагаютъ, отравившись ядомъ, который онъ всегда носилъ въ перстнѣ. Молодая вдова не оплакивала своего мужа, а, добившись возвращенія своего секвестрованнаго состоянія, снова открыла въ 1795 году свой салонъ, гдѣ уже стали собираться такъ называемые идеологи-философы. Соперничая теперь съ салономъ г-жи Сталь, она вела оппозицію директоріи, а потомъ консульству и имперіи, но еще болѣе занималась своими нѣжными отношеніями, которые ея біографъ называетъ «морганатическими браками» съ бывшимъ аббатомъ Боделеромъ, съ нѣкогда пламеннымъ трибуномъ Мальа-Гара и Форіелемъ. Во время реставраціи она совершенно стушевалась и закрыла свой салонъ, но до конца своей жизни, въ 1822 году, осталась вѣрной своимъ революціоннымъ убѣжденіямъ.

— Августъ Бланки. Врядъ ли былъ на свѣтѣ человѣкъ, который подвергался такимъ пламеннымъ нападкамъ, какъ французскій революціонеръ Бланки, который, просидѣвъ въ тюрьмѣ сорокъ лѣтъ, присуждаемый одина-

ково къ заключенію іюльской монархіей и имперіей, второй и третьей республиками, заслужилъ легендарную славу кровожаднаго террориста, подверженнаго маніи заговоровъ и возстаній. Его называли чудовищемъ и реакціонеры и либералы, но никто не потрудился до сихъ поръ разъяснить этой таинственной, загадочной личности; наконецъ, молодой французскій публицистъ, Гюставъ Жуфруа, написалъ мастерскую его характеристику подъ мѣткимъ заглавіемъ «Заключенный» [1]), и легенда уступила мѣсто исторіи. Чтобъ воспроизвести мрачную жизнь Бланки во всей ея ужасающей правдѣ, его біографъ провелъ много лѣтъ въ кропотливомъ трудѣ, роясь въ семейныхъ бумагахъ, въ письмахъ Августа и въ неоконченныхъ мемуарахъ его брата, Адольфа, разспрашивая лицъ, его знавшихъ и раздѣлявшихъ съ нимъ заключеніе, наконецъ лично посѣщая всѣ тюрьмы, гдѣ онъ содержался болѣе половины своей жизни. Плодомъ этого добросовѣстнаго, старательнаго изслѣдованія является книга, которая въ рядѣ рельефныхъ, живыхъ картинъ рисуетъ Бланки во всѣ эпохи его жизни отъ рожденія въ 1805 г. въ Пюже-Теньерѣ до смерти въ Парижѣ въ 1881 г. Дѣтство этого вѣчнаго заключеннаго протекло сначала въ провинціальномъ городкѣ, гдѣ его отецъ былъ помощникомъ префекта, а потомъ въ Парижѣ среди бѣдности, благодаря удаленію отъ службы отца при реставраціи. Окончивъ свое образованіе съ блестящимъ успѣхомъ, онъ существовалъ уроками и велъ самую скромную, аскетическую жизнь. Влюбившись въ дочь банкира, въ домѣ котораго онъ былъ учителемъ, Бланки шесть лѣтъ таилъ свою любовь, но въ концѣ концовъ женился на ней, такъ какъ она платила ему взаимностью и побѣдила всѣ преграды, чтобъ сдѣлаться его женою. Негодованіе, возбужденное въ немъ реакціонными жестокостями реставраціи и іюльской монархіи, побудило пламеннаго юношу принять участіе въ тайныхъ обществахъ и политическихъ движеніяхъ того времени. Отданный подъ судъ и приговоренный къ пожизненному заключенію, онъ посаженъ былъ въ фортъ Сенъ-Мишель, гдѣ перенесъ самыя ужасныя страданія. Жена не вытерпѣла разлуки съ нимъ и, спустя годъ, день въ день, умерла съ отчаянія. Она писала ему незадолго до смерти: «Я знаю, что ты не будешь любить никого на свѣтѣ, кромѣ меня». И ея слова сбылись: она была единственной любовью Бланки, который провелъ всю свою жизнь настоящимъ аскетомъ. Революція 1848 г. выпустила на свободу заключеннаго, но не надолго: Ламартинъ былъ такъ пораженъ его свѣтлымъ умомъ, что думалъ поставить его во главѣ одного изъ посольствъ за границей, но политическій водоворотъ увлекъ его, и онъ снова сдѣлался заключеннымъ. Конечно, декабрьская имперія только утвердила за нимъ это общественное положеніе, и онъ освободился отъ него только послѣ паденія седанскаго героя. Тогда Бланки принялъ дѣятельное участіе въ защитѣ Парижа отъ нѣмцевъ и высказывалъ самыя пламенныя и дальнозоркія патріотическія идеи въ своей газетѣ «Отечество въ опасности», но это не помѣшало, во время комуны версальцамъ схватить его и заточить въ Клерво, гдѣ онъ содержался до амнистіи 1879 года, которая дозволила несчастному семидесятичетырехлѣтнему старику провести на свободѣ послѣдніе

[1]) L'Enfermé, par Gustave Geffroy. Paris. 1897.

дни своей страдальческой жизни. Какъ человѣкъ, Бланки отличался неподкупностью своихъ убѣжденій, упорной борьбой съ общественнымъ зломъ и возвышеннымъ, строго-логическимъ умомъ. Какъ писатель, онъ поражалъ трезвымъ, классическимъ стилемъ, блестящимъ колоритнымъ изложеніемъ и горькой ироніей. Хотя онъ считалъ силу единственнымъ средствомъ для уничтоженія общественной несправедливости, но не раздѣлялъ ни одной изъ тѣхъ теорій, которыя предполагаютъ однимъ ударомъ пересоздать общество. Какъ ораторъ въ публичныхъ собраніяхъ, онъ увлекалъ своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ и убѣдительностью доводовъ. По убѣжденію его біографа, въ этомъ легендарномъ заговорщикѣ былъ зародышъ настоящаго государственнаго человѣка, которому обстоятельства помѣшали развиться.

— Одинъ изъ бойцевъ за свободу Италіи. Недавно вышла въ Туринѣ переписка Микеля Амари[1]), игравшаго видную роль въ борьбѣ, создавшей современную Италію, и на основаніи ея Даніель Галеви рисуетъ въ первой мартовской книжкѣ «Revue de Paris»[2]) любопытную характеристику этого мало извѣстнаго итальянскаго патріота, не мало содѣйствовавшаго великому дѣлу Кавура и Гарибальди. Родившись въ 1806 году въ Палермо, Амари провелъ счастливое дѣтство подъ безоблачнымъ небомъ своей родины, но 17-ти лѣтъ онъ сдѣлался главой семейства, такъ какъ отецъ его, патріотъ-либералъ, былъ посаженъ въ тюрьму на 20 лѣтъ, за участіе въ политическомъ движеніи, и юношѣ пришлось работать, чтобъ добыть кусокъ хлѣба для матери, двухъ братьевъ и двухъ сестеръ. Затаивъ злобу въ своемъ сердцѣ, онъ поступилъ на казенную службу и посвятилъ свое свободное время серьезнымъ историческимъ занятіямъ. Много лѣтъ прошло въ этомъ двойномъ трудѣ и, наконецъ, въ 1843 г. появился плодъ его двадцатилѣтняго изученія Сицилійскихъ Вечеренъ, для чего онъ исходилъ пѣшкомъ весь островъ и рылся въ мѣстныхъ архивахъ. Книга, просто озаглавленная «Эпизодъ изъ исторіи Сициліи въ XIII вѣкѣ», показалась совершенно невиннымъ ученымъ трудомъ, и строгая цензура пропустила ее, но вся Италія увидѣла въ ней пламенный протестъ противъ туземнаго ига и папства. Тогда мѣстныя власти переполошились и не только лишили Амари его скромной должности, но подвергли преслѣдованіямъ, отъ которыхъ онъ бѣжалъ въ Парижъ, гдѣ въ то время итальянскіе изгнанники составляли особую колонію, группировавшуюся вокругъ салона княгини Бельджіойозо. Амари занялъ видное мѣсто въ этомъ салонѣ, гдѣ блистали Мюссэ, Стендаль, Огюстенъ Тьери, Миньэ, Тьеръ, Мишлэ, но парижская жизнь, шумная, легкомысленная не пришлась по сердцу этому патріоту и ученому. Въ письмахъ, относящихся къ тому времени, онъ постоянно жалуется на Францію и предпочитаетъ ей Англію, куда онъ ѣздилъ нѣсколько разъ на короткое время. Отъ противныхъ ему позировки и болтовни парижанъ Амари спасался въ своихъ любимыхъ занятіяхъ, изучалъ арабскій языкъ и печаталъ свои первые труды по этому спеціальному предмету, но вмѣстѣ съ тѣмъ его политическій горизонтъ расширился, онъ незамѣтно перешелъ изъ сицилійскаго патріота въ итальянскаго

---

[1]) Carteggio di Michele Amari. 2 vol. Turino. 1896.

[2]) Michele Amari, par Daniel Halevy. «Revue de Paris». 1897. Mars.

революціонера. Поэтому какъ только вспыхнуло движеніе 1848 г., и Палермо возстало при крикахъ «конституція, конституція!», Амари полетѣлъ на родину, и глава временного правительства, Руджеро Сеттимо, назначилъ его министромъ финансовъ. Скромный оріенталистъ, считавшій себя человѣкомъ дѣйствія, случайно попавшимъ въ ученые, вскорѣ увидѣлъ, что онъ вовсе не пригоденъ для практической государственной дѣятельности особенно при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ и, спустя три мѣсяца, упросилъ, чтобъ его послали въ качествѣ дипломатическаго агента въ Парижъ. Тамъ онъ пробылъ до наступленія во всей Европѣ жестокой реакціи и ея побѣдъ, тщетно умоляя Францію и Англію помочь Италіи, но когда наступилъ послѣдній моментъ борьбы, онъ снова поспѣшилъ въ Палермо, гдѣ ему пришлось присутствовать при сдачѣ города войскамъ Бомбы. Еще разъ онъ вернулся въ Парижъ изгнанникомъ, но, прежде чѣмъ покинуть Палермо, онъ доказалъ, что въ немъ подъ пламеннымъ патріотомъ всегда просвѣчивалъ ученый, и наканунѣ своего бѣгства, ночью, съ фонаремъ въ рукѣ, онъ спустился по веревкѣ черезъ парапетъ набережной и съ опасностью жизни отъ клокотавшаго подъ его ногами моря и ходившихъ надъ его головой патрулей, списалъ какую-то старинную арабскую надпись на внѣшнихъ камняхъ порта. Девять лѣтъ провелъ онъ мирно въ Парижѣ, составляя для Національной библіотеки каталогъ арабскихъ рукописей за 5 франковъ въ день и печатая «Исторію мусульманъ Сициліи». Въ это время онъ подружился съ скромнымъ молодымъ человѣкомъ, очень походившимъ на семинариста, разбиравшимъ вмѣстѣ съ Амари арабскія рукописи и часто спрашивавшимъ у него совѣты. Это былъ Ренанъ, который подготовлялъ свой первый ученый трудъ: «Averroes». Когда въ 1859 г. наступило давно желанное освобожденіе Италіи съ помощью французовъ, а главное трудами Кавура и подвигами Гарибальди, Амари, конечно, явился на родину, но не въ Сицилію, а въ Пизу, гдѣ для него создали университетскую каѳедру арабскаго языка. Впрочемъ, ему недолго пришлось мирно заниматься наукой въ освобожденной родинѣ: сначала Гарибальди уговорилъ его вступить министромъ въ образованное имъ въ Сициліи временное правительство, а потомъ Кавуръ предложилъ ему портфель министра народнаго просвѣщенія въ новомъ итальянскомъ королевствѣ. Первое мѣсто онъ вскорѣ покинулъ, не находя возможнымъ сдѣлать что нибудь полезное среди царившей тогда въ Сициліи политической неурядицы, а второй постъ онъ сохранилъ пять лѣтъ и оказалъ немалыя услуги, какъ министръ и депутатъ, дѣлу образованія въ только что созданномъ государствѣ. Теперь наступила счастливѣйшая эпоха его жизни; ему пошелъ седьмой десятокъ, но онъ былъ еще здоровъ, бодръ какъ физически, такъ и умственно; родина была свободна, а онъ пользовался семейнымъ блаженствомъ, такъ какъ женился на француженкѣ, которую горячо любилъ. Его письма за это время къ Ренану и Мишлэ дышатъ полнымъ спокойствіемъ, полнымъ сознаніемъ, что онъ достигъ всѣхъ своихъ мечтаній. Судьба готовила ему еще новыя радости: жена родила двухъ дочерей и сына. Послѣдніе свои годы онъ провелъ въ мирныхъ занятіяхъ, и вся ученая Европа праздновала восьмидесятилѣтнюю его годовщину. Онъ умеръ въ 1889 году и нѣсколько пережилъ свое счастье, такъ какъ тогдашняя Италія уже далеко не соотвѣт-

ствовала его идеалу, и Депритисъ вмѣстѣ съ Криспи, товарищемъ Амари по временному правительству въ Сициліи при Гарибальди, накликали на несчастную страну одно зло за другимъ. Незадолго до своей смерти онъ писалъ съ горькимъ разочарованіемъ Ренану: «Часто я спрашиваю себя, не иллюзія ли предполагаемый прогрессъ человѣчества и не кругъ ли знаменитая спираль?» А Ренанъ отвѣчалъ на это съ истинно философскимъ спокойствіемъ: «Правда, человѣческія дѣла ведутся неблагоразумно, и много еще разъ нашимъ добрымъ, мирнымъ либеральнымъ идеямъ будутъ грозить черныя тучи, но по счастью онѣ всѣ разсѣятся, какъ подобныя же тучи въ прошедшемъ, наградивъ насъ только небольшой долей дождя».

— **Прологъ драмы Гауптмана «Ткачи».** Подъ этимъ заглавіемъ въ февральскомъ номерѣ Deutsche Revue гр. Пфейль-Бургтаузъ [1]) напечаталъ разсказъ очевидца объ историческомъ событіи, послужившемъ канвой для драматурга и до сихъ поръ почти неизвѣстномъ, именно о стачкѣ силезскихъ ткачей въ іюнѣ 1844 года въ Петерсвальдау и Логенбьелау. А насколько эта трагическая страница изъ исторіи нѣмецкихъ рабочихъ имѣетъ важность, доказывается недавно открытой статьей Карла Маркса, впервые напечатанной въ газетѣ Vorwaerts въ Парижѣ въ нумерахъ отъ 7 и 10 августа 1844 года, а теперь перепечатанной въ январьскомъ и февральскомъ выпускахъ Zeit. «Ни одно движеніе рабочихъ въ Англіи или Франціи, говоритъ онъ, не имѣло такого принципіальнаго и сознательнаго характера, какъ стачка силезскихъ ткачей. Въ сложенной ими «пѣсни ткачей» нѣтъ ни слова о домашнемъ очагѣ, о мѣстныхъ условіяхъ, о фабрикахъ, а въ этомъ боевомъ крикѣ говорится только въ самой рѣзкой формѣ объ антагонизмѣ пролетаріата противъ современнаго общества. Такимъ образомъ событія въ Силезіи начинаются съ того, чѣмъ кончаются подобныя явленія во Франціи и Англіи—съ сознанія, что существуетъ пролетаріатъ. И разыгравшаяся драма пропитана этимъ сознаніемъ. Силезскіе ткачи не удовольствовались уничтоженіемъ машинъ, но они еще разорвали конторскія книги, служащія документами собственности, и тогда какъ въ другихъ подобныхъ движеніяхъ дѣло ведется противъ только видимаго врага фабриканта, здѣсь борятся съ невидимымъ непріятелемъ, съ банкиромъ. Наконецъ ни одна стачка въ Англіи не велась съ такимъ упорствомъ и героизмомъ». Кромѣ того, что она вдохновила одно изъ лучшихъ современныхъ драматическихъ произведеній, стачка силезскахъ ткачей 1844 года, въ которой приняло участіе 15 селеній и которая стоила жизни многимъ рабочимъ, женщинамъ и дѣтямъ, возбуждаетъ интересъ уже и потому, что положеніе силезскихъ и другихъ нѣмецкихъ ткачей, въ настоящее время, немногимъ отличается отъ того, чѣмъ оно было пятьдесятъ два года тому назадъ. Причины этого зла, такъ сказать, органическія и происходятъ отъ того, что ремесло ткача на ручномъ станкѣ не трудно, не требуютъ издержекъ и техническаго знанія, а можетъ производиться дома мужчинами, женщинами, дѣтьми. Но оно приноситъ очень мало и поддерживаетъ ткачей въ бѣдности; такъ какъ они женятся въ своей средѣ, то и увѣковѣчиваютъ пролетаріатъ, становятся, благодаря атавизму, не-

[1]) Das vorspiel zum drama «Die Weber», von graf Pfeil Burghauss. Deutsche Revue. Februar, 1897.

способными къ другому труду и составляютъ касту паріевъ, которые въ минуту слишкомъ тяжелаго гнета судьбы возстаютъ съ дикой силой, и, конечно, дѣло кончается кровавой катастрофой. Вотъ происхожденіе и объясненіе драмы 1844 года, перенесенной съ такимъ поразительнымъ эфектомъ на сцену Гауптманомъ и разсказанной очевидцемъ въ статьѣ графа Пфейль-Бурггауза съ еще бóльшимъ реальнымъ трагизмомъ, и полной исторической правдой. По словамъ этого очевидца, бывшаго, судя по его разсказу, въ числѣ мѣстныхъ властей, зимой въ 1843—1844 г. положеніе ткачей въ графствѣ Глацъ было очень плачевное, благодаря продолжительному комерческому кризису, сокращенію работъ и уменьшенію заработной платы въ виду усиленнаго предложенія рукъ. Нѣкоторые изъ хозяевъ скандально эксплоатировали несчастныхъ рабочихъ, нуждавшихся въ работѣ, и во главѣ ихъ были фабриканты X... въ Петерсвальдау. Они не сокращали своей работы, а увеличивали число рабочихъ рукъ, но давали заработную плату до смѣшной цифры; такъ они платили за кусокъ бумажной матеріи, на которой ткачъ долженъ былъ проработать 9 дней, не 32 зильбергроша, какъ всѣ ихъ сосѣди, а 15 зильбергрошей, около 50 коп. сер.; мало того, они еще разоряли ткачей чрезмѣрными штрафами за всякій вздоръ, а на вопросы несчастныхъ: «Что же мы будемъ ѣсть?» цинично отвѣчали: «Въ нынѣшнемъ году травы очень хороши». Благодаря такому веденію дѣлъ, что приносило даже вредъ ихъ товарищамъ фабрикантамъ, понижая рыночную цѣну товара, эти люди быстро нажили громадныя состоянія и мозолили всѣмъ глаза своими безумными расходами на экипажи, мебель, туалеты своихъ женъ и дочерей, великолѣпные банкеты и т. д. Естественно, что недовольство противъ нихъ росло, и наконецъ гроза разразилась: 4 іюня въ два часа по полудни всѣ петерсвальдаускіе ткачи, въ числѣ двухъ тысячъ человѣкъ, двинулись къ новому дому, выстроенному фабрикантами X..., и потребовали освобожденіе одного работника, котораго самовольно арестовали хозяева, а также увеличенія заработной платы. Получивъ отказъ, они стали бросать каменьями въ окна, а когда имъ отвѣтили тѣмъ же изъ дома, то они взломали двери, ворвались въ комнаты, перебили, переломали и изорвали все, что имъ попалось подъ руку: мебель, зеркала, посуду, книги, конторскія принадлежности и т. д. Полицейскіе и жандармы, желавшіе помѣшать этому насилію, очень пострадали, а хозяева, вмѣстѣ съ семьями, едва успѣли спастись въ экипажахъ графа Штольберга. Сосѣдняя фабрика Вагенкнехта осталась невредимой, такъ какъ ея хозяинъ всегда обращался съ рабочими гуманно. Какъ только извѣстіе объ этомъ происшествіи дошло до автора разсказа, то онъ поспѣшилъ въ Петерсвальдау, гдѣ не было никакихъ властей, потому что графъ Штольбергъ, владѣтель замка и начальникъ округа, былъ въ отсутствіи, а глава мѣстной полиціи былъ раненъ въ голову и лежалъ дома. Безпорядки продолжались на фабрикѣ X..., а число возставшихъ ткачей усиливалось товарищами изъ сосѣднихъ мѣстностей. Разсказчикъ смѣло вошелъ въ толпу и объявилъ ей, что ему извѣстно о несчастномъ положеніи ткачей, и что если они обязуются не нарушать далѣе общественной тишины, то онъ доложитъ обо всемъ лично королю, который, конечно, приметъ мѣры для улучшенія ихъ невыносимой доли. На эти слова толпа отвѣчала, что въ ней нѣтъ бунтовщиковъ противъ короля, а всѣ

проданныя слуги правительства, но что они не могутъ долѣе переносить притѣсненія такихъ хозяевъ, какъ X.... «Можно не ѣсть хлѣба три дня, но дольше невозможно,—кричали со всѣхъ сторонъ: — мы не можемъ долѣе такъ жить и видѣть, какъ умираютъ съ голода наши жены и дѣти. Пусть насъ разстрѣляютъ; намъ легче смерть, чѣмъ претерпѣваемыя страданія». По словамъ очевидца, въ лицахъ несчастныхъ, изнуренныхъ голодомъ и въ ихъ дрожащемъ, отчаянномъ голосѣ слышалось, что они говорили правду, а потому было ужаснѣе смотрѣть на нихъ, чѣмъ даже на валявшихся подлѣ десять или двѣнадцать мертвыхъ тѣлъ. Первой мѣрой, которую принялъ этотъ представитель власти, была покупка хлѣба въ булочныхъ и раздача голодающимъ; затѣмъ онъ вызвалъ желающихъ изъ лавочниковъ и болѣе состоятельныхъ жителей для образованія временной стражи и поручилъ имъ охранять порядокъ, который мало-по-малу водворился въ Петерсвальдау, а затѣмъ самъ уѣхалъ въ сосѣдній городъ Біелау, гдѣ находился маленькій военный гарнизонъ. Тамъ онъ засталъ маіора Розенбергера со ста двадцатью солдатами, который потерялъ голову и не зналъ, что дѣлать, такъ какъ въ окрестности также были уничтожены двѣ фабрики. Разсказчику удалось и тутъ сначала возстановить порядокъ и тишину, благодаря обѣщанію одного изъ фабрикантовъ раздать голодающимъ ткачамъ по пяти зильбергрошей, но маіоръ вмѣшался въ дѣло, рабочіе подумали, что ихъ обманутъ и не выдадутъ обѣщанныхъ денегъ, взялись за каменья, а солдаты стали стрѣлять. «Когда я,—разсказываетъ очевидецъ:—поспѣшилъ на мѣсто катастрофы, то на улицѣ валялось около двѣнадцати труповъ въ громадной лужѣ крови. Смерть не различала виновныхъ и невинныхъ: одинаково пали мужчины, женщины и дѣти, ткачи, участвовавшіе въ безпорядкахъ, и посторонніе зрители. Число раненыхъ нельзя было опредѣлить, такъ какъ они разбрелись по домамъ». Между тѣмъ и въ Петерсвальдау прибылъ отрядъ съ четырьмя пушками. Конечно, все тамъ затихло, но движеніе распространилось на Фридрихсгрундъ. «Вообще эти событія,—говоритъ въ концѣ своего разсказа очевидецъ:—были подготовлены заранѣе, и, по словамъ многихъ ткачей, состоялось соглашеніе между пятнадцатью деревнями. Во всѣхъ дѣйствіяхъ возставшихъ были замѣтны планъ и строгая организація. Замѣчательно, что фабрикантовъ не подвергали личнымъ насиліямъ, а только уничтожили ихъ имущества, и никто не грабилъ булочныхъ, хотя движеніе было возбуждено голодомъ. Очевидно все произошло отъ дурного общественнаго строя, и никогда силезскіе ткачи не прибѣгли бы къ силѣ, если бы они не были предметомъ отвратительной эксплоатаціи. Выведенные изъ терпѣнія голодомъ и притѣсненіями, они стали дѣйствовать, какъ звѣри, и если болѣе могучая сила подавила ихъ, то кто можетъ поручиться, что, при сохраненіи настоящихъ порядковъ, подобныя драмы будутъ всегда оканчиваться побѣдой солдатъ и пушекъ?».

— Столѣтній юбилей Вильгельма I. По случаю столѣтія, истекшаго со дня рожденія императора Вильгельма I, во всей Германіи и преимущественно въ Берлинѣ происходили большія празднества, которыя, конечно, имѣли отголосокъ въ періодической прессѣ. Нѣмецкіе журналы и газеты переполнены статьями о юбилярѣ и, естественно, всѣ онѣ имѣютъ характеръ хвалеб-

ныхъ диөирамбовъ. Наиболѣе восторженно отзываются о Вильгельмѣ, котораго берлинцы называли «старымъ арлекиномъ», пока Бисмаркъ и Мольтке не возвели его въ герои, —Отокаръ Лоренсъ въ Deutsche Rundschau [1]) и анонимный авторъ очерка, подъ заглавіемъ «Вильгельмъ Побѣдитель» въ Grenzboten [2]). Престарѣлый нѣмецкій журналистъ Генрихъ Крузе пошолъ еще далѣе и напечаталъ въ Nord und Süd [3]) длинную поэму въ невозможныхъ стихахъ о великихъ подвигахъ юбиляра и его сподвижника Бисмарка. Но гораздо интереснѣе всѣхъ этихъ повтореній всѣмъ надоѣвшихъ нѣмецкихъ самовосхваленій изданіе, по случаю означеннаго юбилея, писемъ Вильгельма къ императрицѣ Августѣ, во время франко-прусской войны, которое подготовляется къ печати профессоромъ Онкеномъ, по порученію Вильгельма II. Французскій журналъ Revue des Revues, пользуясь корректурными листами этой любопытной книги, помѣстилъ въ своей второй мартовской книжкѣ отрывки изъ означенныхъ писемъ, имѣющіе глубокій интересъ и важное историческое значеніе [4]). Первыя изъ приведенныхъ писемъ Вильгельма относятся къ пребыванію его въ Эмсѣ передъ войной, и въ нихъ передаются разговоры Вильгельма съ Бенедетти, въ такой формѣ, которая значительно разнится отъ извѣстныхъ до сихъ поръ варіантовъ этихъ знаменитыхъ бесѣдъ. Между прочимъ изъ писемъ Вильгельма явствуетъ, что Германія сама оттягивала, на сколько возможно, начало войны, такъ какъ, по словамъ короля: «мы сами еще не готовы»; кромѣ того, замѣчательно признаніе Вильгельма, что одна Россія не только заявила о своемъ сочувственномъ нейтралитетѣ, или, какъ онъ самъ выражаетя пофранцузски, neutralité bienveillante, но дала почувствовать и о гораздо большемъ. Вообще заслуживаетъ вниманія, что Вильгельмъ въ самыхъ замѣчательныхъ мѣстахъ своихъ писемъ прибѣгаетъ къ французскимъ выраженіямъ. Такъ, напримѣръ, изъ Саарбрюкена, онъ пишетъ, послѣ побѣды подъ Вертомъ, что это commencement de la fin (начало конца), а его разсказъ о свиданіи съ Наполеономъ III весь пересыпанъ французскими фразами. Этотъ разсказъ имѣетъ наибольшій интересъ, тѣмъ болѣе, что въ концѣ его Вильгельмъ дозволяетъ напечатать изъ него выдержку, но, скрывъ подробности свиданія.—«Въ десять часовъ,—пишетъ онъ,—я прибылъ на высоту противъ Седана, а къ полудню явились Мольтке и Бисмаркъ съ ратификованнымъ актомъ капитуляціи. Въ два же часа я, со свитой Фрица и гвардейскимъ кавалерійскимъ отрядомъ, отправился къ мѣсту свиданія. Прибывъ къ паркъ, мы увидали всѣ императорскіе экипажи съ ливрейными лакеями, что доказывало о рѣшимости императора покинуть Седанъ безъ возврата. Я соскочилъ съ лошади передъ маленькимъ замкомъ и нашолъ императора въ стеклянной верандѣ, чрезъ которую мы прошли съ нимъ въ сосѣднюю комнату. Я первый протянулъ руку императору и сказалъ: «государь, судьба битвъ рѣшила

[1]) Lettres inedites de Guillaume I à l'imperatrise Auguste. Revue des Revues. 15 mart.

[2]) Kaiser Wirhelm I. Von Ottokar Lorenz. Deutsche Rundschau. März.

[3]) Kaiser Wilhelm I, der Seedreiche, Die Grenzboten. März.

[4]) Kriegszeiten. Von Heinrich Kruse. Nord und Süd. März.

распрю между нами, но мнѣ очень больно встрѣтить ваше величество въ такомъ положеніи». Мы оба были глубоко тронуты. Онъ спросилъ меня, что я рѣшилъ на счетъ его, и я предложилъ ему Вильгельмсгеге, на что онъ согласился; онъ потомъ спросилъ, по какой дорогѣ его повезутъ, черезъ Бельгію или Францію. Послѣдній путь былъ указанъ, но потомъ измѣненъ. Онъ выразилъ желаніе взять съ собою генераловъ Реля, Нея и принца Мюрата, а также весь свой придворный штатъ, въ чемъ я, конечно, не могъ отказать. Онъ очень хвалилъ мои войска, въ особенности артиллерію, что она и доказала въ эту войну, и осуждалъ отсутствіе дисциплины въ своей арміи. Разставаясь, я сказалъ, что, достаточно его зная, я убѣжденъ, что война начата не по его инпціативѣ, а что онъ вынужденъ былъ ее начать. Онъ сказалъ: «вы совершенно правы, меня заставило общественное мнѣніе». А я замѣтилъ, что общественное мнѣніе было возбуждено министерствомъ, при сформированіи котораго я тотчасъ понялъ, что оно не принесетъ пользы правительству перемѣной государственныхъ принциповъ, и онъ согласился со мною, пожимая плечами. Весь этотъ разговоръ, повидимому, успокоилъ его, и мы разстались растроганные. Я не могу тебѣ сказать, что я чувствовалъ въ эти минуты, вспоминая о томъ, какъ я видѣлъ его, три года тому назадъ, въ апогеѣ его славы». Письмо изъ Реймса отъ 7-го сентября чрезвычайно характеристично, и въ немъ Вильгельмъ говоритъ: «лига нейтральныхъ государствъ, уже высказывавшая желанія явиться посредниками для заключенія мира, успокоится въ виду послѣднихъ событій, а то уже указывалось на необходимость сохранить неприкосновенность Франціи. Трудно понять, что объ этомъ можно говорить, и однако, даже изъ Петербурга, получены подобные намеки, и тамъ считаютъ, что расчлененіе Франціи и присоединеніе къ Германіи Эльзаса и Лотарингіи будутъ новымъ яблокомъ раздора, точно лѣвый берегъ Рейна не былъ такимъ яблокомъ раздора въ продолженіе пятидесяти пяти лѣтъ, и потому, по строгой логикѣ, намъ бы пришлось уступить лѣвый берегъ Рейна. Напротивъ, для окончательнаго обезпеченія Германіи противъ постоянныхъ завоевательныхъ стремленій Франціи, необходимо настоять на уступкѣ этихъ провинцій, а прежде всего Эльзаса. Таковъ единодушный голосъ всей Германіи, и если бы государи ея вздумали воспротивиться этому желанію, то рисковали бы своими престолами, такъ какъ вся Германія столько несетъ жертвъ людьми и деньгами, что требуется надежный миръ, который возможенъ только присоединеніемъ нѣмецкой страны и западной провинціи. Конечно, смѣло говорить объ этомъ теперь, когда война еще продолжается, но, такъ какъ другіе толкуютъ о томъ и о семъ, то мы также имѣемъ право сказать, что не согласимся на то или другое. Ты хорошо бы сдѣлала, если бы написала великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, потому что она говоритъ объ этихъ дѣлахъ съ царемъ и можетъ ясно высказать настоящую нѣмецкую точку зрѣнія, для подведенія мины подъ интриги Горчакова, который старается наложить veto на всякую территоріальную уступку, потому что онъ не можетъ простить императору, заявленную имъ въ его отсутствіе рѣшимость стоять за насъ». Достигнувъ Версаля, Вильгельмъ увѣдомляетъ жену между прочимъ, что въ его арміи, къ сожалѣнію, производятся нѣкоторыя злоупотребленія силы, но по-

добные случаи бываютъ только тамъ, гдѣ жители оказываютъ сопротивленіе, а вообще дисциплина поддерживается прекраснымъ образомъ. Изъ того же Версаля онъ сообщаетъ, что вышлетъ Августѣ свою переписку съ императрицей Евгеніей, но этихъ любопытныхъ писемъ нѣтъ въ Revue des Revues, и неизвѣстно, войдутъ ли они въ нѣмецкій текстъ писемъ Вильгельма.

— Наваринъ и послѣ него. Странная, чтобъ не сказать болѣе, трагикомедія, разыгрываемая на Критѣ, естественно пробуждаетъ интересъ къ той эпохѣ, когда на Средиземномъ морѣ происходили другія событія, и Европа, защищая грековъ, уничтожила подъ Навариномъ турецкій флотъ. Маленькую, но рельефную картинку этаго знаменитаго боя и тѣхъ обстоятельствъ, которыя повели къ нему, рисуетъ французскій академикъ Генри Гуаэ въ «Revue Bleue»[1]), а послѣдствія Наварина и дипломатическіе переговоры, плодомъ которыхъ было созданіе греческаго королевства, разсказываетъ одинъ изъ дипломатовъ, принимавшихъ участіе въ этихъ переговорахъ, баронъ Бренье, отрывокъ изъ воспоминаній котораго напечатанъ во второй мартовской книжкѣ «Revue de Paris»[2]). Въ тѣ времена Россія также, какъ теперь, дѣйствовала заодно съ Франціей и съ Англіей, но безъ другихъ державъ, благодаря интригамъ Меттерниха, и этотъ своеобразный тройственный союзъ заключилъ 6-го іюля 1827 г. трактатъ, съ цѣлью достичь освобожденія грековъ. 16-го августа послы трехъ державъ предложили Портѣ свое посредничество съ временнымъ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій между турками и греками, но получили рѣзкій отвѣтъ, что относительно грековъ она не принимаетъ никакихъ предложеній. Тогда послы объявили, что державы добьются своей цѣли, «придерживаясь отрицательной военной силы», а на вопросъ, что означали эти таинственныя слова, они объяснили, что союзные флоты помѣшаютъ, хотя бы силой, подвозъ турками солдатъ, оружія и снарядовъ въ Грецію. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлано было такое же предложеніе греческому временному правительству, перешедшему изъ Навпліи на Эгину и тамъ, конечно, оно было принято съ радостью, причемъ греки обязались сохранять перемиріе на морѣ, такъ какъ о сушѣ не было разговора. Вслѣдствіе этого была отправлена державами инструкція адмираламъ союзныхъ флотовъ, которымъ было предписано мѣшать, чтобъ турки не получали съ помощью своего флота подкрѣпленія людьми и оружіемъ, но избѣгая открытыхъ военныхъ дѣйствій, адмираламъ однако былъ предоставленъ «извѣстный просторъ дѣйствій». Этимъ просторомъ дѣйствій они и воспользовались самымъ энергичнымъ образомъ. За исключеніемъ эскадры въ 16 судовъ, крейсировавшей между Ахайей и Фокидой, весь отоманскій флотъ стоялъ въ Наваринской бухтѣ, гдѣ на берегу былъ расположенъ лагерь Ибрагима-паши. Получивъ заявленіе адмираловъ Кодрингтона и Риньи, такъ какъ русскій адмиралъ Гейденъ еще не присоединился съ своей эскадрой къ союзникамъ, о соблюденіи перемирія, капуданъ-паша передалъ его Ибрагиму-пашѣ, а тотъ заявилъ желаніе повидаться съ адмиралами. На этомъ свиданіи онъ жаловался, что державы поступали несправедливо, требуя отъ него полнаго бездѣйствія, а грекамъ даровали

---

[1]) La bataille de Navarin, par H. Haussaye. Revue Bleue. 27 mars 1897.

[2]) Après Navarin, par le baron Brenier. Revue de Paris, 15 mars.

полную свободу дѣйствія. Адмиралы не скрывали своего пристрастія къ грекамъ и прямо заявили, что греки, подчинившись волѣ державъ, заслуживали снисхожденія, а напротивъ необходимо было принимать строгія мѣры противъ Порты, чтобы заставить ее согласиться на перемиріе. Испуганный такимъ рѣшительнымъ тономъ адмираловъ, Ибрагимъ обязался послать въ Константинополь за новыми инструкціями и далъ слово, что до полученія этихъ инструкцій онъ не двинетъ ни одного корабля. Европейскія эскадры удалились отъ Наварина, оставивъ на сторожѣ только два корабля. Спустя нѣсколько дней, именно 30-го сентября, греки напали у береговъ Фокиды на одиннадцать турецкихъ судовъ и частью взорвали ихъ на воздухъ и пустили ко дну, а частью взяли въ плѣнъ. Въ виду такого необыкновеннаго способа поддерживать перемиріе, Ибрагимъ счелъ себя свободнымъ отъ даннаго имъ слова и, приказавъ своему помощнику, Кіайѣ, наводнить негритянскими баталіонами берега Мессеніи, самъ двинулся во главѣ двухъ флотилій противъ греческой эскадры у Коринѳскаго берега. Но Кодрингтонъ не зѣвалъ, пересѣкъ ему дорогу съ тремя кораблями и объявилъ, что въ виду нарушенія турками своего слова онъ не дастъ пройти флоту, а въ случаѣ насильственнаго движенія сожжетъ его безъ всякаго разговора. Ибрагимъ былъ вынужденъ вернуться въ Наваринъ, и 13-го октября туда же явились всѣ союзные флоты. Собравъ военный совѣтъ, адмиралы поняли, что по заключенію экспертовъ невозможно было поддержать блокаду зимой, такъ какъ по близости не было безопаснаго рейда для большихъ линейныхъ кораблей, а потому было рѣшено покончить дѣло разомъ и, войдя со всѣмъ союзнымъ флотомъ въ Наваринскую бухту, заставить турокъ угрозой пушекъ удалиться въ Александрію, или въ Дарданеллы. Иниціаторомъ этого рѣшительнаго шага былъ Кодрингтонъ, который исполнялъ должность главнокомандующаго соединеннымъ флотомъ и въ качествѣ англичанина взялъ на себя отвѣтственность такого неразрѣшеннаго инструкціями перехода отъ блокады къ открытымъ военнымъ дѣйствіямъ. По забывчивости, или по военной хитрости, не предупредили капудана-пашу ни о чемъ, и 20 октября въ 2 часа дня 27 союзныхъ судовъ съ заряженными пушками и съ «Азіей», подъ вымпеломъ Кодрингтона во главѣ, вошли въ бухту двумя колоннами. Береговые батареи и фортъ безмолвствовали, но сто тридцать турецкихъ кораблей имѣя впереди брандеры стояли развернутой линіей въ глубинѣ бухты. Эти брандеры безпокоили Кодрингтона, и онъ послалъ офицера на лодкѣ приказать брандерамъ удалиться, но турки, боясь неожиданнаго нападенія, дали нѣсколько выстрѣловъ по шлюпкѣ, причемъ офицеръ Фицъ-Рой былъ смертельно раненъ. Корабль, которому принадлежала шлюпка, «Дартмутъ» далъ залпъ, на что отвѣчалъ одинъ изъ турецкихъ кораблей. Начался знаменитый наваринскій бой; три тысячи шестьсотъ орудій громили безумолка. Два главныхъ турецкихъ корабля съ самаго начала пошли ко дну, и въ ихъ флотѣ произошла паника, а бѣжать имъ было некуда. Четыре часа продолжалось канонада, и совершенно прекратился огонь только къ ночи. Болѣе половины турецкаго флота была уничтожено, и суда союзниковъ потерпѣли большія аваріи. Кодрингтонъ велѣлъ сказать оставшимся въ живыхъ турецкимъ офицерамъ, что онъ вошелъ въ бухту не какъ врагъ и пожалѣетъ остатки

ихъ флота, а въ тронной рѣчи при открытіи англійскаго парламента наваринскій бой былъ названъ: «untowerdevent», то-есть не ловкимъ, непріятнымъ событіемъ. Послѣдствіемъ этой непріятности для турокъ, конечно, очень пріятной грекамъ, было усиленіе дипломатическихъ переговоровъ между державами, которыя привели къ рѣшенію поручить Франціи послать въ Морею корпусъ подъ начальствомъ генерала Мэзона для изгнанія въ Египетъ Ибрагима-паши. Съ этимъ важнымъ извѣстіемъ былъ посланъ къ адмиралу Риньи молодой дипломатъ баронъ Бренье, который впослѣдствіи былъ при декабрской имперіи министромъ иностранныхъ дѣлъ и въ старости описалъ свой дебютъ на дипломатическомъ поприщѣ въ отрывкѣ своихъ мемуаровъ, напечатанномъ въ «Revue de Paris». Адмиралъ принялъ посланнаго очень недружелюбно, такъ какъ онъ самъ велъ переговоры съ Ибрагимомъ объ его удаленіи въ Египетъ, и былъ, конечно, очень недоволенъ, что у него вырывали изъ рукъ этотъ новый успѣхъ. Изъ словъ, которыми Бренье объяснилъ данное имъ порученіе, обнаруживается, что французская политика, тогда руководимая министромъ иностранныхъ дѣлъ Карла X, графомъ Ла-Ферронэ, бывшимъ посломъ въ Петербургѣ и ярымъ сторонникомъ франко-русскаго союза, отличалась двойственнымъ характеромъ. «Меня прислали сюда,—сказалъ онъ адмиралу Риньи,—чтобъ объявить вамъ объ отправкѣ черезъ нѣсколько дней изъ Тулона экспедиціи генерала Мезона. Депеши, которыя я привезъ, объяснятъ вамъ цѣль этой мѣры и составъ экспедиціоннаго корпуса, но на словахъ мнѣ поручено графомъ Ла-Ферронэ сказать вамъ, что рѣшено быстро аттаковать форты, въ которыхъ защищается Ибрагимъ, и заставить его покинуть Морею, чтобъ этимъ отнять у русскихъ предлогъ къ движенію на Константинополь и всякое желаніе довести свои политическія требованія до той крайности, до которой они могутъ дойти. Французское знамя въ Греціи «nec plus ultra» для русскаго знамени и нѣчто въ родѣ протеста противъ всякой попытки выйти изъ предѣловъ рѣшенной кабинетами программы, именно освобожденія греческаго государства въ назначенныхъ державами границахъ и подъ управленіемъ лица, выбраннаго державами». Какъ извѣстно, экспедиція генерала Мезона не имѣла блестящихъ результатовъ, и хотя Ибрагимъ былъ вынужденъ покинуть Морею, но дѣло освобожденія Греціи было далеко не рѣшено, а державы предпочли прекратить эту экспедицію и собрать въ Паросѣ конференцію дипломатовъ, съ цѣлью мирно побудить Турцію на уступки. На этой конференціи присутствовали со стороны Россіи графъ Рибопьеръ, со стороны Англіи — Стратфордъ Каннингъ и Франціи—графъ Гильмино, при которомъ состоялъ баронъ Бренье. По словамъ этого послѣдняго, бывшаго очевидцемъ переговоровъ, каждый изъ представителей державъ тянулъ въ свою сторону: русскій требовалъ, чтобъ всѣ провинціи, принимавшія участіе въ войнѣ, вошли въ составъ новаго греческаго государства, которое такимъ образомъ совмѣщало бы Альбанію, Румелію, Македонію, Эпиръ, Александрію, Критъ и всѣ острова; англичанинъ этому противился и склонялся въ пользу образованія независимаго государства изъ Мореи и части Аттики, съ предоставленіемъ права остальнымъ грекамъ переселиться въ эту новую родину; наконецъ французъ, по словамъ Бренье, держался болѣе благоразумнаго средняго плана, который въ концѣ концевъ и

былъ принятъ. Черезъ четыре мѣсяца усидчивыхъ трудовъ и безконечныхъ споровъ переговоры увѣнчались компромисомъ и созданіемъ Греціи въ такихъ узкихъ границахъ, что съ тѣхъ поръ въ продолженіе шестидесяти лѣтъ это искалѣченное дипломатами новое государство тщетно добивается своихъ естественныхъ границъ.

— Жертва террора. Авторъ многихъ цѣнныхъ историческихъ сочиненій, польскій историкъ, А. Краусгаръ, разсказываетъ въ новомъ своемъ трудѣ (Alexander Kraushar. «Ofiara terroryzmu. Legenda i prawda o tragicznym zgonie Rozalii z Chodkiewiczow ks. Lubomirskiej, sięciej w Paryzu, w r. 1794». Krakow. 1897),— грустную исторію княгини Розаліи Любомірской, обезглавленной въ Парижѣ, въ 1794 году. «Жертва террора», какъ называетъ свою героиню авторъ, была дочерью гр. Александра Ходкѣвича (родилась въ 1768 г.) и женою кіевскаго каштеляна Александра Любомірскаго. О лѣтахъ юности Розаліи свѣдѣній почти не сохранилось. Извѣстно только, что молодая графиня отличалась умомъ, образованіемъ, живостію характера и находчивостію. Будучи уже женою кн. Любомірскаго, она, вмѣстѣ со своими пріятельницами: Коссаковскою, супругою короннаго подскарбія, и Потоцкою, вздумала поухаживать за кн. Іос. Понятовскимъ. Разъ, въ день его именинъ, эти три варшавскія аристократки задумали устроить князю «сюрпризъ». Онѣ подкупили княжескаго камердинера, чтобы онъ пропустилъ ихъ убрать кровать князя цвѣтами. Замыселъ удался. Но случилось такъ, что кн. Іосифъ внезапно возвратился домой, да еще не одинъ, а съ актрисою и вошелъ въ спальню. Понятно, что встрѣча не была пріятною для обѣихъ сторонъ. Этотъ случай, или, какъ его называетъ авторъ, «варшавскій скандалъ», послужилъ впослѣдствіи темою для разукрашенныхъ разсказовъ Іос. Игн. Крашевскаго и К. Вл. Войцицкаго. Въ началѣ 90-хъ г. XVIII ст. мы видимъ кн. Любомірскую послѣдовательно въ Швейцаріи, Ниццѣ, Монако, наконецъ, въ Парижѣ и Версалѣ, гдѣ она состояла въ числѣ придворныхъ дамъ Маріи-Антуанеты. Привязанность Розаліи къ этой несчастной королевѣ и была причиною ея трагической смерти. Въ бумагахъ извѣстной графини Дюбарри были найдены письма кн. Любомірской, въ которыхъ выражалось сочувствіе къ содержавшейся въ то время въ консьержери Маріи-Антуанетѣ. Этого было достаточно, чтобы обвинить Любомірскую въ сношеніяхъ съ роялистами и съ сосредоточенными на восточной границѣ Франціи войсками коалиціи. Дюбарри была арестована и на слѣдствіи подтвердила, что съ нею дѣйствительно состояла въ перепискѣ Любомірская. Послѣднюю тоже арестовали, вмѣстѣ съ маленькою дочкой и 2 флореаля II года (то-есть 21 апрѣля 1794 г.) подвергнули допросу. Потомъ предали суду. Обвинителемъ былъ назначенъ извѣстный Фуке-Тенвиль, а защитникомъ Шево Легардъ, несчастливый защитникъ: Каролины Корде, королевы Маріи-Антуанеты, г-жи Роландъ и сестры Людовика XVI—Елизаветы. Розалію судили вмѣстѣ съ другими пятью аристократками. Судъ, какъ и надо было ожидать, приговорилъ ее къ смерти. Попытки близкихъ и друзей спасти Любомірскую отъ гильотины—не удались; удалось только добиться освобожденія ребенка, котораго послѣ и возвратили отцу. Тогда она, чтобы какъ нибудь отдалить приведеніе приговора въ исполненіе, заявила суду о своей беременности. Случалось, что подобныя уловки по-

могали. Обвиненную подвергнули сначала наблюденію докторовъ, а затѣмъ перевели въ народный пріютъ революціоннаго трибунала. 12-го мессидора II года (29 іюня 1794 г.) былъ составленъ врачебный протоколъ о томъ, что кн. Любомірская въ интересномъ положеніи не находится, а на слѣдующій день у Венсенской заставы приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Тѣло бѣдной княгини похоронили на кладбищѣ Пикпусъ. Въ костелѣ имѣнія кн. Любомірскихъ—Ополе (Люблинской губ.) сохранилась доска съ надписью, поставленная въ память несчастный жертвы террора ея спасшеюся отъ смерти дочерью. Розалія—такъ звали дочь кн. Любомірской—женщина высокопросвѣщенная и меценатка, была замужемъ за извѣстнымъ своими приключеніями—Вацлавомъ Ржевускимъ (Эмиръ-ал-омра) и умерла въ Варшавѣ, въ 1865 году.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Изъ старыхъ бумагъ [1]).

III.

Изъ продуктовъ стариннаго вольнодумства: подпольный рукописный памфлетъ на павловскія времена.

ТЕТРАДЬ въ четвертку, писанная очень четкимъ, красивымъ стариннымъ почеркомъ; на плотной синеватой бумагѣ водяными знаками обозначенъ 1824-й годъ — цѣнное указаніе, дѣлавшееся въ старину бумажными фабрикантами, въ данномъ случаѣ имѣетъ особенно существенное хронологическое значеніе. Передъ нами, очевидно, одинъ изъ многихъ и, судя по году на бумагѣ, позднѣйшихъ списковъ апокрифическаго памфлета, относящагося къ событіямъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, тогда же, безъ сомнѣнія, и сочиненнаго.

Памфлетъ безъименный и не имѣетъ даже заглавія. Писанъ довольно гладкимъ литературнымъ языкомъ «временъ очаковскихъ». Перо, видно, опытное, хотя не особенно острое и бойкое. Весьма характеристичны руководившія имъ тенденція и намѣренія!

Разсказъ ведется, въ формѣ сценъ и діалоговъ, въ фантастическомъ «царствѣ тѣней», какъ любили тогда писать аллегоріи, претендующія на сатиру,

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр 750 и 1138.

не столько въ обходъ цензуры, сколько изъ подражанія главнымъ образомъ Вольтеру. Дѣйствіе происходитъ въ дни императора Павла и кончается его переселеніемъ въ «царство тѣней», въ чемъ заключаются fatum пьесы, ея развязка и мораль. Дѣйствующія лица слѣдующія: императрица Екатерина II, императоръ Павелъ, его дочь, великая княгиня Александра Павловна, супруга палатина венгерскаго (переодѣтая гусаромъ), графъ Безбородко, Суворовъ, камергеръ Обуховъ, митрополитъ Гавріилъ, прусскій король Фридрихъ II, «Старой перевощикъ» Харонъ, Боги Олимпа, Семь смертей, Бѣлая смерть необыкновеннаго росту.

Рукопись начинается высокопарной апологіей Екатеринѣ, кончина которой составила де эпоху не только въ Европѣ, Азіи и въ большей части доселѣ извѣстныхъ земель, но и въ царствѣ мертвыхъ. Въ ожиданіи ея тѣни въ елисейскія поля, Зевесъ созываетъ боговъ «трактовать ея дѣла безсмертныя». Приносится «книга судебъ».

«Увидѣвъ, что всѣ дѣла сей монархини во всю жизнь ея препровождались человѣколюбіемъ, благочестіемъ, кротостію и матернимъ попеченіемъ о благѣ ею правимаго народа», что «подъ ея мудрымъ правленіемъ спокойствіе каждаго не нарушалось, что законы, ею изданные, были таковы-жъ кротки, какъ душа ея, что цари старались подражать ей», что «щастливая Россія не имѣла другихъ желаній, какъ благословлять навсегда матерь свою, любить ее, повиноваться ея волѣ и законамъ»,—увидѣвъ все это изъ «книги судебъ», собраніе боговъ положило: воздать Екатеринѣ должное и «сопричислить ее божеству». Зевесъ же отъ себя положилъ, въ видѣ особой награды, «чтобъ всѣ россійскія тѣни, со времени прибытія великія Екатерины въ елисейскія поля, туда приходящія, находились подъ ея правленіемъ, судъ и воздаянія по дѣламъ ихъ, награды и наказанія должны зависѣть отъ ея воли... Зналъ Зевесъ, что ничѣмъ болѣе угодить тѣнямъ не могъ, какъ поставить судіею матерь народа!»

Затѣмъ, происходитъ торжественная встрѣча Екатерины, но, при перевозкѣ ея тѣни черезъ Стиксъ, лодка Харона начала погружаться въ воду, «старой перевощикъ», не умѣющій плавать, робѣетъ, выскакиваетъ въ воду, кричитъ о помощи. «Одна Екатерина, коей присутствіе духа всегда одинаково, не кажетъ страха»... Она выходитъ на берегъ, поддерживаемая Меркуріемъ и тѣнями, посланными Зевесомъ. «Старой перевощикъ» получаетъ выговоръ отъ послѣдняго за нерасторопность и неумѣніе править весломъ. «Сей клянется, что болѣе 7000 лѣтъ перевозитъ тѣни черезъ Стиксъ, готовъ спорить съ лучшими англинскими мореходцами о искусствѣ управлять судномъ», но дѣло въ томъ, что перевезенная тѣнь (Екатерины) имѣетъ такую тяжесть, для перевезенія которой потребно въ 1500 разъ больше судно.

— Правда,— заключаетъ Харонъ,— за нѣсколько лѣтъ предъ симъ тѣнь Фридерика, короля прусскаго, также довольно судно мое погрузила, но не было никакой опасности, и я нимало не обмочился.

«Великая Екатерина, принятая въ объятія Зевеса», водворяется въ елисейскихъ поляхъ, въ «препышныхъ чертогахъ», и «есть ли что отравляетъ блаженные дни ея горестію, то сіе были извѣстія, достигающія отъ приходя-

щихъ всякой день тѣней, о ея любезной Россіи, что ея подданные, коихъ толико любила и для нихъ не жалѣла спокойствія и трудовъ, оплакивая о ней свою ненаградимую потерю, лишились купно съ ней и блаженства своего. Преемникъ ея, Павелъ I-й, перемѣнилъ премудрые ея законы, лучшую и любезную часть ея подданныхъ лишилъ достоянія, ею имъ дарованнаго, угнетая всякаго состоянія людей, содѣлалъ въ Россіи желѣзный вѣкъ».

Послѣднія строки могутъ служить косвеннымъ указаніемъ—откуда и подъ чьимъ вліяніемъ, если не внушеніемъ, почерпалъ свое вдохновеніе авторъ описываемой аллегоріи? Извѣстно, что; съ воцареніемъ Павла, въ неавантажѣ оказались, между прочимъ, Зубовы и ихъ партія, имѣвшіе всѣ основанія въ дни Екатерины считать себя «лучшею и любезной ей частью подданныхъ». Зубовы же были лишены Павломъ и своего «достоянія, дарованнаго» Екатериной, позднѣе, впрочемъ, имъ возвращеннаго. Вообще, весь памфлетъ представляетъ сплошное, очень рѣзкое, азартное, во многомъ неосновательное осужденіе и личности Павла и его царствованія, — осужденіе, могшее показаться, однако, тѣмъ болѣе авторитетнымъ и справедливымъ, что авторъ — не безъ риторической ловкости — влагаетъ его въ уста, главнымъ образомъ, «божественной» и мудрой Екатерины, которая произноситъ въ концѣ свой суровый приговоръ на основаніи показаній и жалобъ такихъ достовѣрныхъ свидѣтелей, какъ великая княгиня Александра Павловна, Суворовъ, Безбородко.

Возвращаемся, однако, къ нашей рукописи.

Однажды, Екатерина, «отягченная соболѣзнованіемъ (по поводу неутѣшительныхъ извѣстій изъ Россіи), прогуливалась по берегамъ Стикса, видитъ Харона, перевозящаго на суднѣ своемъ молодаго гусара, который, вступя на берегъ, бросился къ ея ногамъ. Императрица, удивясь сей нечаянности, спрашиваетъ: кто онъ таковъ?»

Гусаръ. Бабушка, вы меня не узнаете: я ваша внучка Александра.

Великая Екатерина. Какъ! возможно-ль? Нѣтъ, моя внука, уповаю, давно шведская королева. Я при себѣ сіе дѣло почти къ концу уже привела (?!).

Гусаръ. Любезная бабушка, я, точно, внука ваша Александра, и никогда шведскою королевою не бывала; батюшка послѣ кончины вашей все сіе дѣло разстроилъ [1]), а отдалъ въ замужество за венгерскаго палатина.

Великая Екатерина (заплакавъ). Боже мой! могла-ль я когда сего ожидать? За этого негодяя, скверпавца, дурака, отдать мою любезную Александру... Ну, Павелъ, выводишь меня изъ терпѣнія: пора перестать! Скажи, любезная внука, какимъ образомъ такъ неожиданно переселилась въ сіи мѣста.

Гусаръ. Не могу скрыть отъ васъ, бабушка, что смерть моя не естественная. Позвольте объяснить сіе, начавши со времени моего замужества...

Слѣдуетъ пространное, довольно связное и согласное съ историческими фактами объясненіе политики императора Павла, приведшей Россію къ союзу

---

[1]) Авторъ завѣдомо вмѣняетъ въ вину Павлу даже такіе факты, къ которымъ тотъ всего менѣе былъ причастенъ. Не могъ же онъ не знать, что наладившійся было бракъ шведскаго короля Густава IV съ великой княжной Александрой Павловной внезапно разстроился еще при жизни Екатерины и по винѣ отнюдь не Павла, тогда еще великаго князя, игравшаго во всей этой конъюнктюрѣ совершенно пассивную роль.

съ Австріей, къ войнѣ съ Франціей, къ итальянскому походу Суворова, а также и къ несчастливому браку великой княжны Александры Павловны съ эрцъ-герцогомъ Стефаномъ-Іосифомъ, венгерскимъ палатиномъ, о которомъ такую бранчивую и вовсе незаслуженную аттестацію авторъ не постѣснялся вложить въ уста Екатерины.

Какъ бракъ этотъ, такъ и вся политика Павла, разумѣется, безпощадно порицается. Осуждаются и «тайныя сношенія съ пришлецомъ Буонапарте», по уговору съ которымъ предполагалось, между прочимъ, «турокъ изъ Европы выгнать и Царьградъ отдать великому князю Константину, коего сдѣлать царемъ, а Польшу возстановить въ то состояніе, которое она до перваго разоренія (раздѣла) имѣла, и сдѣлать въ ней королемъ мужа великой княгини Александры Павловны».

— А послѣдствіемъ сего,—продолжалъ «Гусаръ» свою жалобу,—была-бъ неминуемая война, условились (поэтому, будто бы, вѣнскій и прусскій дворы) смертію моею искупить себѣ спокойствіе, полагая, когда меня не будетъ, батюшка и стараться о соединеніи Польши не станетъ. Я была въ то время беременна, несчастныя припадки, со мною случившіеся, увѣряли меня, что я должна разрѣшиться прежде ожидаемаго времени. Но, ахъ! я и сего узнать не могла: вчерась почувствуя дурноту въ головѣ, легла я на постелю, лейбъ-медикъ увѣрялъ меня, что сіе ничего не значитъ и скоро пройдетъ, далъ мнѣ принять нѣсколько капель лѣкарства, котораго слѣдствія были тѣ, что я почувствовала необыкновенное біеніе сердца и тошноту, хотѣла позвать къ себѣ камеръ-юнферу, звоню въ колокольчикъ, никто ко мнѣ не входитъ, я тревожусь, при всей своей слабости встаю съ постели, иду къ дверямъ, нахожу ихъ снаружи запертыми, подошедъ къ другимъ, вижу то же; совсѣмъ не понимая и не ожидая таковыхъ со мною поступковъ, усматриваю на столикѣ записочку, беру и читаю слѣдующее:

«Любезная наша государыня! увы! все совершается, не принимайте болѣе лѣ-«карства, которое совершитъ конечно ожиданіе проклятыхъ сихъ людей, и я больше «васъ не увижу, ту, которая съ самаго младенчества столь нѣжно любила, сбере-«гала, что со мною будетъ. Ахъ! для чего не даютъ мнѣ послѣдовать за вами?».

«Записочка сія была писана тою женщиною, которую ко мнѣ вы сами бабушка еще къ маленькой опредѣлили, она всегда была при мнѣ, ибо весь мой штатъ, который батюшка изъ Россіи со мною отправилъ, императоръ австрійскій не разсудилъ при мнѣ оставить —ихъ никогда ко мнѣ не допускали, и я больше съ ними не видалась. Прочитавъ роковую записку, члены мои задрожали, я упала въ безпамятствѣ, ядъ началъ производить во мнѣ свое дѣйствіе, и что со мною происходило, ничего не помню; очувствовавшись увидала себя ѣдущею въ лодкѣ по сей рѣкѣ, и васъ бабушка узнала, прогуливающуюся по берегу...».

Этотъ разсказъ о злоумышленномъ, изъ политическихъ видовъ, отравленіи Александры Павловны имѣетъ несомнѣнную историческую подкладку. Слухи объ этомъ въ моментъ ея преждевременной и скоропостижной смерти въ Пештѣ, послѣ несчастливыхъ родовъ, настолько были распространены среди мѣстнаго венгерскаго населенія, горячо полюбившаго свою молоденькую палатину, что извѣстный Броневскій во время своего посѣщенія Венгріи черезъ десять почти лѣтъ послѣ смерти великой княгини (1810 г.) имѣлъ случай неоднажды убѣдиться, что подозрѣніе и въ ту пору не успѣло еще истребиться. «Разные люди разныя причины,—замѣчаетъ онъ,—полагали смерти ея высочества, но я не дерзаю утверждать дѣла, мнѣ неизвѣстныя».

Подозрѣніе исторически ничѣмъ не подтверждалось, но возникновеніе его въ народѣ имѣло достаточныя основанія въ разныхъ обстоятельствахъ несчастной судьбы Александры Павловны: въ нерасположеніи къ ней вѣнскаго двора, главнымъ образомъ, за вѣрность ея православію, за популярность среди венгровъ и австрійскихъ славянъ, въ личной ненависти къ ней австрійской императрицы, въ грубомъ и пренебрежительномъ обращеніи съ ней, съ ея здоровьемъ, въ невѣжествѣ врачей. Приставленный, напримѣръ, къ великой княгинѣ лейбъ-медикъ «прописывалъ ей, по словамъ ея духовника о. Симборскаго, самыя непріятныя лѣкарства, неизвѣстно — съ намѣреніемъ или по невѣдѣнію, ибо онъ болѣе искусенъ былъ въ интригахъ, нежели въ медицинѣ, а при томъ и въ обхожденіи былъ грубъ».

Темные слухи о насильственной смерти великой княгини скоро дошли, конечно, до Петербурга, гдѣ и могли принять уже новую, какъ это всегда водится, «значительно дополненную и исправленную» версію — и уже, какъ достовѣрный фактъ въ мнѣніи легковѣрныхъ людей. Очевидно, авторъ обозрѣваемой аллегоріи воспользовался этой версіей, можетъ быть, еще и отъ себя кое-что присочинилъ. Сама по себѣ, она, во всякомъ случаѣ, не лишена историческаго интереса и въ печати, сколько мнѣ извѣстно, не появлялась до сихъ поръ.

Далѣе въ нашей рукописи Екатерина, «поплакавъ» на разсказъ внучки объ ея смерти, спрашиваетъ ее: что она слышала о Россіи? «Гусаръ» отвѣчаетъ, что слышала мало, «переписки съ батюшкомъ никогда не имѣла», кромѣ «увѣдомленій о здоровьѣ, ее ни о чемъ не извѣщали». «Правда, въ Офенъ привезли нѣсколько сотъ раненыхъ офицеровъ (русскихъ, изъ арміи Суворова): будучи привязана къ моему любезному отечеству, два раза посѣщала я больныхъ, нашла ихъ, терпящихъ необходимыя надобности въ жизни, я приказала снабдить ихъ постелями, бѣльемъ, выздоравливающимъ назначила сумму, чтобъ они безбѣдно могли доѣхать къ своимъ мѣстамъ; но они и сего послѣдняго удовольствія меня лишили — не велѣно было мнѣ никуда вѣѣзжать, деньги, которыя я имѣла привезенныя съ собою изъ Россіи, отъ меня отобрали»...

Изъ этихъ словъ Екатерина дѣлаетъ несовсѣмъ идущее къ дѣлу заключеніе: — «И такъ, любезная внука, вижу я, — говоритъ она, — къ прискорбію моему, что всѣ плоды, проистекшіе со времени Петра I и многолѣтныхъ моихъ трудовъ правленія Россійскою имперіею, симъ... Павломъ совсѣмъ потеряны! Пойдемъ, любезный другъ, въ мои чертоги. (Оборотясь къ препровождающему дѣйствительному камергеру Обухову). — Сейчасъ пошли ко мнѣ графа Безбородко!»

Является Безбородко и на вопросъ Екатерины: — «каковы извѣстія изъ Россіи?» — безмолвно «стоитъ въ печальномъ видѣ». Императрица начинаетъ упрекать его, какъ «недостойнаго раба своего государя», за то, что онъ не исполнилъ де порученной ему «тайны кабинета», которымъ «опредѣлено было, при случаѣ ея кончины, возвесть на престолъ ея внука Александра». — «Сей **актъ**, — продолжаетъ она, — подписанъ былъ мною и участниками нашей тайны; ты, измѣнникъ моей довѣренности, не обнародовалъ сего послѣ моей

смерти. Я увѣрена, сколь много была любима моими подданными, они бы его исполнили... Что молчишь, несправедливый человѣкъ? чѣмъ загладишь сей поступокъ?»

«Несправедливой человѣкъ» оправдывается—нужно отдать ему честь—вполнѣ убѣдительными доводами. Онъ утверждаетъ—правду ли только?—что, до прибытія еще Павла изъ Гатчины, собравъ совѣтъ, прочелъ онъ, будто бы, означенный актъ о престолонаслѣдіи, но — «которые о семъ знали, стояли въ молчаніи, а кто въ первый о семъ услышалъ, отозвались невозможностью исполненія онаго. Первый подписавшійся (на актѣ) митрополитъ Гавріилъ подалъ голосъ въ пользу Павла, прочіе ему послѣдовали. Народъ, любящій всегда перемѣну, не постигая ея послѣдствій,—резонерствуетъ Безбородко, — узнавъ о кончинѣ (?) вашей, кричалъ по улицамъ, провозглашая Павла императоромъ, войска твердили то-жъ, я въ молчаніи вышелъ изъ совѣта, болѣзнуя сердцемъ...». — «Что могъ одинъ я предпринять? въ одинъ часъ приклонить миллiоны умовъ есть дѣло свойственное только богамъ».

Быть можетъ, авторъ умышленно заставляетъ Безбородка, какъ «раба лукаваго», искажать въ свое оправданіе факты. Извѣстно, что о кончинѣ Екатерины народъ не зналъ до прибытія Павла изъ Гатчины, да и не могъ знать, такъ какъ самая кончина эта послѣдовала уже въ присутствіи великаго князя-наслѣдника. Весьма сомнительно, поэтому, чтобы Безбородко читалъ актъ «совѣту»; но если самый актъ точно существовалъ, то совершенно справедливо, что приведеніе его въ исполненіе, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, представлялось «невозможностію», и даже подумать объ этомъ было бы опасной нелѣпостью — опасной прежде всего для того, кто бы на нее отважился. Ужъ, конечно, Безбородко менѣе, чѣмъ кто другой, былъ на это способенъ, какъ косвенно подтверждаютъ тѣ чрезвычайныя милости, которыми осыпалъ его Павелъ тотчасъ по вступленіи на престолъ.

Любопытно дальнѣйшее продолженіе оправдательнаго монолога Безбородка. «Болѣзнуя сердцемъ», будто бы, о невозможности исполненія «акта», онъ «до пріѣзда Павла (?) написалъ увѣренія къ народу (то-есть, манифестъ), что вступающій на престолъ клянется свято сохранять и наблюдать всѣ права и преимущества, дарованныя (Екатериной) всѣмъ классамъ подданныхъ, и не прежде (!?) учинена присяга въ вѣрности новому монарху, пока онъ таковой же утвердитъ сохранять права народа ненарушимо».

Ничего подобнаго, конечно, не бывало и быть не могло, но это мѣсто замѣчательно, какъ отголосокъ тѣхъ либерально-конституціонныхъ стремленій, которые такъ ярко обнаружились въ первые же льготные дни александровскаго царствованія, но были столь ненавистны Павлу и съ такой безпощадностью имъ преслѣдовались въ малѣйшихъ проявленіяхъ такъ называемой «французской вольности».

Безбородко, затѣмъ, въ крайне мрачныхъ краскахъ изображаетъ, какъ и въ чемъ стала проявляться суровая «воля» Павла: «выключка изъ службы, лишить достоинства, имѣнія, заключить въ крѣпость — это, говоритъ онъ, малѣйшее еще наказаніе за малую вину, которая въ твоемъ милосердомъ правленіи не заслуживала и выговора. Вѣчная ссылка въ Камчатку, за Китай (?),

Японію, въ Калькутъ (?) — вотъ удѣлъ большей части моихъ собратій! Не очень давно извѣстный своей справедливостью князь Сибирскій и Турчаниновъ за то только, что сукно, ставимое на армію и ими принятое, показалось посвѣтлѣе немного даннаго образца, лишились чиновъ, имѣнія и дворянства, теперь учатъ ихъ за Байкаломъ ловить соболей. И такъ, государыня, лишеніе чиновъ, ссылка и самая смерть моя были ли сильны удержать стремленіе Павла къ престолу, давно имъ желанному?»

Екатерина многозначительно отвѣчаетъ, что она «свѣдуща о всѣхъ дѣлахъ его больше, чѣмъ онъ думаетъ». Въ слѣдующей сценѣ, гдѣ приноситъ покаяніе и Гавріилъ, она ихъ обоихъ приговариваетъ, въ видѣ кары, къ лишенію ея лицезрѣнія.

— Не кажитесь, — изрекаетъ она, — никогда въ мои чертоги и оставьте меня!

«Въ сіе самое время, — говорится въ ремаркѣ, — слышенъ въ елисейскихъ поляхъ радостный крикъ, всѣ тѣни толпятся около одной тѣни, крича: «Суворовъ! Суворовъ!» Вдругъ двери отворяются, старой воинъ, вбѣгая, падаетъ на колѣни».

Екатерина поднимаетъ его и, обнимая, спрашиваетъ: «помнитъ ли онъ тѣхъ людей, которые всегда уважали его достоинства?»

Суворовъ. Вашъ, государыня, Суворовъ навсегда останется вѣрнымъ вашимъ подданнымъ! но я здѣсь вижу множество людей военныхъ, статскихъ и всякаго народа; не парадное ли это собраніе? нѣтъ ли какого смятенія? не французская ли пропаганда? А когда такъ, повели, государыня, я готовъ расчесать имъ кудри, вѣрно здѣсь нѣмцевъ нѣтъ. И меня обманывать будетъ некому.

Великая Екатерина. Не безпокойтесь, Александръ Васильевичъ, здѣсь всѣ намъ пріятели, мы войны ни съ кѣмъ не ведемъ, развѣ разсуждаемъ о прошедшей; тѣни, вами видимыя, есть наши друзья, россіяне.

Суворовъ. Государыня, когда здѣсь нѣтъ войны, Суворовъ идетъ въ отставку».

Екатерина возражаетъ, — что онъ ей нуженъ и безъ войны.

Въ дальнѣйшемъ діалогѣ Суворовъ высказываетъ рѣзкое осужденіе павловской внѣшней политики, осуждаетъ и осмѣиваетъ павловскія военныя преобразованія и порядки.

— Россія, да она, — говоритъ онъ, — болѣе на себя уже не похожа; донесу только то, что солдаты ходятъ въ пуклях, напудривши прусскія косы, вмѣсто сапоговъ, обвертываютъ ноги рѣдкимъ чернымъ сукномъ — говорятъ, что этакъ лучше и будутъ храбрѣя; но стрѣляютъ худо; орденамъ, по недостатку, сдѣланъ аукціонъ. (Придумано экономическое средство, — сообщаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ когда рѣчь зашла о мальтійскомъ орденѣ, — продавать сей орденъ: не можно ступить шагу въ Петербургѣ по улицѣ, чтобы съ дюжину сихъ кавалеровъ не повстрѣчалось, выключая дворянъ, купецъ, акторъ, масторовой, всякой въ правѣ за деньги его имѣть)... Смѣю донесть, что на всю армію исключенныхъ изъ службы генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ выдетъ полныхъ два комплекта, но за то, правду сказать, и чины скоро доставались: нынѣча произведутъ въ генералы, а завтра маршъ — исключенъ! За то много генераловъ не имѣютъ куска хлѣба, напротивъ того прежде всякой офицеръ имѣлъ состояніе».

Еще безотраднѣе въ устахъ Суворова оказывалось будто бы политическое положеніе Россіи вслѣдствіе разрыва съ Англіей.

— «Погибель неизбѣжна (?),—говоритъ онъ:—англичане вооружили сильный флотъ, какого доселѣ не бывало; разбойникъ Нельсонъ готовъ войти въ Балтійское море и напасть на Россію. У насъ защиты никакой нѣтъ, кораблей мало, и тѣ отдалены. Павелъ I намѣренъ, выключая Франціи, всей Европѣ объявить войну — все къ тому готово».

Кончаетъ Суворовъ свои діатрибы совсѣмъ невѣроятнымъ въ его устахъ, въ высшей степени не патріотическимъ и не русскимъ предположеніемъ и пожеланіемъ.

Онъ предсказываетъ, что въ случаѣ войны съ Англіей и появленія англійскаго флота будто бы «ни войско, ни народъ сражаться за отечество не станутъ».

— «Пускай,—съ отчаяньемъ заключаетъ онъ,—будемъ покорны иноплеменнымъ, нежели стонать подъ игомъ тирана! Вотъ одно желаніе всѣхъ россіянъ!»

Разумѣется, Суворовъ никогда не могъ бы сказать такого возмутительнаго поклепа на «всѣхъ россіянъ», такого малодушнаго абсурда; но, по всѣмъ вѣроятіямъ, и самъ авторъ памфлета въ душѣ былъ далекъ отъ подобной мысли. Очевидно, это только риторическая фигура для возможно сильнѣйшаго выраженія того глубокаго недовольства, которое испытывали очень многіе въ тревожные дни царствованія императора Павла. Весь памфлетъ продиктованъ этимъ именно недовольствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желаніемъ — оправдать и это мятежное чувство и мятежные поступки, изъ него вытекавшіе».

Недовольны, обижены и раздражены были многіе, но способныхъ и готовыхъ на такіе поступки, на активный протестъ оказывалась небольшая кучка неудовлетворенныхъ или опальныхъ себялюбцевъ, считавшихъ себя особенно горько обиженными лишеніемъ того вліянія, того фавора и того счастливаго положенія, которыми они еще вчера заслуженно и незаслуженно пользовались. Тѣсно объединенные общностью эгоистическихъ интересовъ и цѣлей, побуждаемые не какими нибудь цивическими стремленіями и доблестными чувствами, а исключительно оскорбленнымъ самолюбіемъ, обрѣзаннымъ своекорыстіемъ, личной ненавистью и страхомъ, эти люди хорошо, конечно, понимали, что ни въ какомъ случаѣ не могутъ разсчитывать ни на сочувствіе къ самимъ себѣ со стороны общества, ни на оправданіе своего образа дѣйствій общественной совѣстью и исторіей. Оставалось обмануть строгихъ судей и оправдаться передъ ними путемъ, вооруженной гражданственными и патріотическими софизмами, аргументаціи -- не единственная въ этомъ родѣ попытка въ исторіи, хотя и оказывавшаяся совершенно напрасной каждый разъ, когда къ ней прибѣгали. Исторію обмануть нельзя.

Такого рода попыткой — весьма, впрочемъ, характеристичной — представляется и обозрѣваемый документъ. Тутъ пущены въ дѣйствіе всѣ уловки и пружины софистики, фантазіи и риторики, подкрѣпляемыхъ правдой и ложью искусно подобранныхъ фактовъ, для вразумленія читателя въ логичности и фатальной неизбѣжности того, что въ концѣ концовъ случилось. Читатель, впрочемъ, долженъ былъ быть слишкомъ наивнымъ, чтобы въ монологахъ и діалогахъ высокочтимыхъ «тѣней» Екатерины, ея внучки и Суворова не раз-

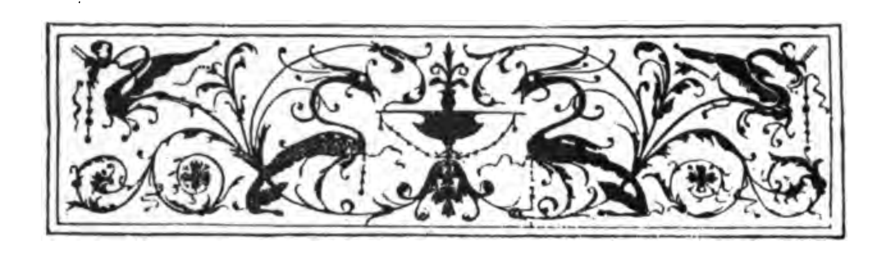
слышать голосовъ настоящихъ, реальныхъ дѣйствующихъ лицъ... Тѣмъ не менѣе, побасенка жадно, по всѣмъ вѣроятіямъ, читалась, какъ читается у насъ каждый запретный плодъ сочинительскаго пера.

Несомнѣнно, памфлетъ написанъ лицомъ, близко стоявшимъ къ дѣйствующимъ лицамъ и событіямъ той эпохи, хорошо освѣдомленнымъ въ области тогдашней внѣшней и внутренней политики, а также и тогдашней скандалезной хроники. При полномъ почти отсутствіи въ то время гласности и ея органовъ, знать, что дѣлается за моремъ, въ международной политикѣ, и у себя дома, при дворѣ и въ правящихъ сферахъ,—могли очень не многіе. А авторъ памфлета не только былъ во все это посвященъ, но и свѣдѣнія его несомнѣнно шли изъ первыхъ рукъ. Обстоятельство это служитъ лишнимъ и весьма вѣскимъ показателемъ, изъ какой именно среды вышелъ самый памфлетъ или кѣмъ, по крайней мѣрѣ, былъ онъ вдохновленъ.

Мы почти исчерпали его содержаніе. Кончается онъ появленіемъ въ елисейскихъ поляхъ, какъ бы на судъ Екатерины, тѣни Павла. Надъ тѣнью произносится вердиктъ: отправить ее «къ Фридриху II, королю прусскому, и сказать, что участь ея предоставляется ему въ волю». Послѣдній распоряжается ею не весьма почтительно. Тутъ скрыто сатирическое возмездіе за крайнее пристрастіе императора Павла къ прусскимъ военнымъ порядкамъ, къ прусской военной формѣ и къ прусской педантической субординаціи.

Вл. Михневичъ.

СМѢСЬ.

ОВЫЯ пріобрѣтенія историческаго музея. Россійскій музей въ Москвѣ сдѣлалъ надняхъ чрезвычайно цѣнное пріобрѣтеніе по отдѣлу рукописей, купивъ два сборника, одинъ XVI, другой XVIII вѣка. Первая изъ этихъ рукописей представляетъ огромный фоліантъ, содержащій библейскую исторію и троянскую исторію въ легендарномъ изложеніи, какое было въ ходу въ старой русской письменности. Многочисленные рисунки, обильно иллюстрирующіе весь текстъ обѣихъ частей рукописи, представляютъ первостепенный интересъ для исторіи стараго русскаго искусства и не меньшій для исторіи быта. Всѣхъ рисунковъ болѣе 1.500. Изображенія религіозныхъ, аллегорическихъ, военныхъ и бытовыхъ сценъ, людей, животныхъ, зданій и ландшафта отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ; они совершенно лишены той монотонности, того безконечнаго механическаго повторенія затверженныхъ типовъ, которое такъ обычно въ русскихъ миніатюрахъ послѣдующей эпохи. Въ художественномъ отношеніи изображенія замѣчательны осмысленной правильностью рисунка, тщательностью раскраски и перспективностью, весьма значительными для старой русской миніатюры. Въ области костюма, оружія и обстановки жизни, рукопись содержитъ богатѣйшій матеріалъ для наблюденій. Для исторіи искусства рукопись особенно важна, какъ памятникъ «золотаго вѣка» русскаго орнамента и миніатюры. При плохой сохранности русскихъ древностей семнадцатый вѣкъ съ своими памятниками въ значительной мѣрѣ заслонилъ собою предшествующую эпоху, болѣе характерную въ художественномъ отношеніи. Въ сравненіи съ массой иллюстрированныхъ рукописей, дошедшихъ до насъ отъ XVII вѣка, такія же рукописи XVI вѣка представляютъ значительную рѣдкость. Между тѣмъ рус-

скіе орнаменты и миніатюры XVI вѣка являются результатомъ художественнаго процесса, состоявшаго въ ассимиляціи унаслѣдованныхъ византійскихъ и югославянскихъ мотивовъ съ вліяніями западнаго возрожденія искусствъ, начинающихъ доходить до Россіи съ XV вѣка. Эти западные мотивы къ срединѣ XVI вѣка получили въ Россіи традиціонную, но весьма счастливую обработку. Результаты этихъ оживляющихъ художественныхъ вліяній были закрѣплены для всей Россіи въ царствованіе Іоанна Грознаго, первая половина котораго была ознаменована новымъ расцвѣтомъ русскаго зодчества, иконописи и книжнаго дѣла. Школа живописи и каллиграфіи, вызванная къ жизни Іоанномъ IV, нашла себѣ обильную пищу въ иллюстраціи произведеній русской письменности, значительно расширивцейся въ своемъ составѣ отчасти благодаря тѣмъ самымъ вліяніямъ, которыми было оживлено и искусство. Школа, установившаяся въ книжномъ дѣлѣ въ половинѣ XVI вѣка, имѣла огромный успѣхъ и продолжала господствовать и въ слѣдующемъ столѣтіи. Семнадцатый вѣкъ, разсматриваемый отдѣльно, представляетъ значительный художественный интересъ, но, сравниваемый съ XVI вѣкомъ, онъ обнаруживаетъ несомнѣнное обѣднѣніе художественныхъ мотивовъ — утрату прежняго разнообразія и менѣе счастливую ассимиляцію вновь приливающихъ иноземныхъ вліяній. Сборникъ XVI вѣка, пріобрѣтенный историческимъ музеемъ, особенно важенъ именно для сравненія съ послѣдующимъ, какъ подлинный и чрезвычайно обширный документъ художественнаго развитія XVI вѣка. Вторая рукопись, пріобрѣтенная музеемъ, относится къ XVIII вѣку. Это сборникъ апокалипсическаго содержанія, украшенный многочисленными рисунками; рукопись интересна своимъ народнымъ, бытовымъ характеромъ. Она вышла несомнѣнно изъ раскольничьихъ круговъ. Орнаменты виньетокъ и заглавныхъ буквъ заставляютъ отнести сборникъ къ такъ называемой «поморской» школѣ письма. Въ рисункахъ, изображающихъ царство антихриста, ясно сказывается полемическое направленіе. Рать антихриста изображается въ западныхъ костюмахъ; въ одеждѣ и вооруженіи отдѣльныхъ воиновъ нетрудно узнать военную форму петровскаго времени. Самъ антихристъ изображается въ видѣ энергичной, сильно сложенной фигуры въ красномъ петровскомъ кафтанѣ, въ парикѣ, съ круглымъ окладомъ широкаго лица и крупными глазами. Рисунки содержатъ, такимъ образомъ, видимый протестъ противъ петровской реформы, и въ этомъ заключается главный бытовый и историческій интересъ рукописи. По мнѣнію знатоковъ, полемическій характеръ рисунковъ указываетъ на раскольничью секту «странниковъ».

Диспутъ С. В. Жигарева. 14-го февраля, въ актовой залѣ Московскаго университета магистрантъ Сергѣй Жигаревъ защищалъ диссертацію подъ заглавіемъ: «Русская политика въ Восточномъ вопросѣ», представленную имъ для полученія степени магистра международнаго права. Приводимъ главнѣйшіе изъ тезисовъ диссертаціи, о которой мы уже сдѣлали отзывъ въ мартовской книжкѣ «Историч. Вѣстн.»: 1) Восточный вопросъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ обыкновенно употребляется по отношенію къ Турціи, заключается для Россіи въ обезпеченіи полной свободы пользованія водами Чернаго моря для русскаго торговаго и военнаго флота и въ содѣйствіи своимъ восточнымъ еди-

новѣрцамъ и единоплеменникамъ въ борьбѣ съ мусульманствомъ за національное и религіозное самосохраненіе, не нарушая законныхъ интересовъ и правъ какъ остальныхъ независимыхъ державъ Европы, такъ и самихъ восточныхъ христіанъ; 2) для правильнаго и послѣдовательнаго образа дѣйствій въ дѣлѣ осуществленія своихъ матеріальныхъ и религіозно-національныхъ задачъ на Востокѣ, у Россіи недоставало вѣрнаго взгляда на способы, которыми было бы лучше всего достигнуть обезпеченія собственныхъ жизненныхъ интересовъ; 3) кромѣ того, самое направленіе нашей политики, какъ западной, такъ и восточной, отличалось антинаціональнымъ характеромъ, мало отвѣчавшимъ истиннымъ нуждамъ русскаго народа; 4) неправильное избраніе способовъ рѣшенія Восточнаго вопроса, въ связи съ антинаціональнымъ направленіемъ нашей политики, имѣло своимъ слѣдствіемъ порожденіе среди западныхъ державъ опасенія завоевательныхъ замысловъ Россіи на Востокѣ и развитіе у нихъ желанія во что бы то ни стало поддерживать существованіе Турціи въ Европѣ, въ интересахъ политическаго равновѣсія; 5) наиболѣе желательною, съ точки зрѣнія международнаго права, формой рѣшенія восточнаго вопроса, къ проведенію которой должна стремиться и Россія, можетъ быть признано окончательное освобожденіе отъ турецкаго ига всѣхъ христіанъ и образованіе изъ нихъ вполнѣ независимыхъ государствъ, въ интересахъ которыхъ въ будущемъ соединиться въ федерацію, причемъ участь Константинополя должна быть рѣшена въ смыслѣ обращенія его въ нейтральный городъ или столицу балканскаго союза государствъ, а вопросъ о проливахъ, соединяющихъ Черное море съ Средиземнымъ,—въ смыслѣ открытія ихъ для свободнаго торговаго и военнаго судоходства всѣхъ націй; 6) такая форма рѣшенія Восточнаго вопроса осуществима посредствомъ мирныхъ способовъ рѣшенія международныхъ вопросовъ. Офиціальными оппонентами на диспутѣ были: профессоръ графъ Л. А. Комаровскій и приватъ-доцентъ В. А. Уляницкій. Первый изъ нихъ высказалъ нѣсколько общихъ принципіальныхъ возраженій, касающихся, вопервыхъ, того, что авторъ диссертаціи обошелъ иностранные источники при разработкѣ избранной имъ темы, между тѣмъ какъ Восточный вопросъ есть вопросъ международной политики, и рядомъ съ русской точкой зрѣнія слѣдовало обратить также вниманіе и на общеевропейскую точку зрѣнія; затѣмъ авторъ нѣсколько сузилъ тему, взявъ, главнымъ образомъ, лишь балканскія государства, тогда какъ въ Восточный вопросъ входятъ также Египетъ, Сирія и др. В. А. Уляницкій останавливался на встрѣчающихся въ дессертаціи неправильностяхъ и противорѣчіяхъ, и особенно указывалъ на невѣрное пониманіе авторомъ основъ русской миссіи въ Восточномъ вопросѣ. Въ заключеніе г. Жигаревъ объявленъ, удостоеннымъ искомой имъ степени.

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. I. 24-го февраля, состоялось засѣданіе классическаго отдѣленія общества подъ предсѣдательствомъ И. В. Помяловскаго. Доклады представили Г. Ф. Церетели по поводу вѣнской рукописи Книги Бытія и С. А. Жебелевъ («Теорія Фуртвенглера о копіяхъ греческихъ статуй»). Рукопись, которою занялся г. Церетели, роскошно издана въ 1895 г. Hertel'емъ и Wickhoff'омъ; она состоитъ изъ 26 листовъ пурпурнаго пергамента и писана серебромъ. Впрочемъ, послѣдніе два листа но отно-

сятся къ Книгѣ Бытія и лишь случайно попали въ этотъ кодексъ, представляя листы того Евангелія, тридцать листовъ котораго пріобрѣтены нашимъ правительствомъ въ прошломъ году и находятся теперь у насъ, въ Петербургѣ, въ Императорской Публичной библіотекѣ; другіе листы этого Евангелія находятся на о. Патмосѣ, въ Лондонѣ и въ Римѣ. Вѣнская рукопись Книги Бытія не заключаетъ въ себѣ полнаго текста первой книги Пятикнижія; скорѣе это сборникъ миніатюръ съ соотвѣтственнымъ текстомъ на каждой страницѣ, умѣщеннымъ сверху рисунка, къ которому онъ является поясненіемъ. Докладчикъ на основаніи палеографическихъ соображеній утверждаетъ, что этотъ памятникъ относится къ концу VI или началу VII вѣка. II. 25-го февраля состоялось засѣданіе восточнаго отдѣленія подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена. Въ этомъ засѣданіи собраніе горячо привѣтствовало своего сочлена Н. Ѳ. Петровскаго, нашего консула въ Кашгарѣ. Въ послѣдніе годы собраніе неоднократно занималось разборомъ драгоцѣнныхъ предметовъ древности, присылавшихся Н. Ѳ. Петровскимъ; съ тѣмъ большимъ интересомъ былъ выслушанъ его личный докладъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ совершается имъ собраніе древностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ собранію была представлена большая коллекція древностей, привезенныхъ Н. Ѳ. Петровскимъ. Первое мѣсто въ открытіяхъ Н. Ѳ. Петровскаго занимаютъ рукописи на кожѣ, корѣ и бумагѣ; затѣмъ идутъ терракоты и монеты. Н. Ѳ. Петровскій началъ пріобрѣтать отрывки рукописей на березовой корѣ одновременно съ англійскими собирателями; но и теперь туземцы безпощадно разрываютъ на части одну и ту же рукопись, чтобы одну часть продать русскимъ, а другую англичанамъ. Терракоты Н. Ѳ. Петровскаго, относясь къ буддійскому культу, отличаются большимъ разнообразіемъ и во многихъ случаяхъ художественностью. О двухъ рукописяхъ Н. Ѳ. Петровскаго сдѣлалъ сообщеніе С. Ѳ. Ольденбургъ. Это памятники индійскаго пракритскаго письма, того рода письменности, которая восходитъ къ VII в. до Р. Хр. и живетъ въ Индіи до III вѣка по Р. Хр. включительно. Разбираемыя двѣ рукописи писаны на березовой корѣ; это буддійскіе тексты на тему о томъ, кого надо понимать подъ именемъ настоящаго брахмана. Докладчикъ, опираясь на палеографическія и другія данныя, относитъ эти рукописи къ эпохѣ первыхъ вѣковъ до и послѣ Р. Хр. Въ томъ же засѣданіи былъ предъявленъ снимокъ съ надписи, присланный изъ Ташкента барономъ А. В. Вревскимъ. Надпись эта (на камнѣ) найдена и снята однимъ изъ членовъ мѣстнаго кружка любителей археологіи. По разсмотрѣніи въ восточномъ отдѣленіи оказалось, что надпись эта сдѣлана орхонскими письменами, но для дальнѣйшаго изслѣдованія нуждается въ болѣе точномъ воспроизведеніи.

Общество любителей древней письменности. 12-го февраля состоялось засѣданіе общества подъ предсѣдательствомъ академика Л. Н. Майкова. Первое сообщеніе сдѣлалъ А. Н. Пыпинъ «О мастерской поддѣльныхъ рукописей Селакадзіева (или Сулакадзіева)», извѣстнаго въ Петербургѣ собирателя древнихъ рукописей въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Съ увлеченіемъ собиравшій рукописи Сулакадзіевъ не ограничивался только тѣмъ, что пріобрѣталъ ихъ, но, кромѣ того, искажалъ и дополнялъ своими приписками съ цѣлью придать имъ видъ большей древности. Эта слабость собирателя была

извѣстна его современникамъ, относившимся крайне недовѣрчиво къ его колекціямъ, какъ видно изъ писемъ Строева къ Устрялову и епископа Евгенія Болховитинова къ игумену Валаамскаго монастыря Дамаскину и Державину. Переписка между епископомъ Евгеніемъ и знаменитымъ поэтомъ возникла по поводу того, что послѣдній получилъ отъ Сулакадзіева списокъ Боянова гимна, писаннаго «словено-рунскими» письменами въ I вѣкѣ и отвѣты новгородскихъ жрецовъ V вѣка. Епископъ Евгеній тогда же отнесся скептически къ этимъ подозрительно древнимъ рукописямъ, находящимся къ тому же въ колекціи Сулакадзіева. Ту же недовѣрчивость къ собранію послѣдняго высказалъ Державину позднѣе (въ 1810 году) и Оленинъ. Но, тѣмъ не менѣе, собраніе Сулакадзіева пользовалось широкою извѣстностью, и графъ Румянцевъ даже поручилъ Востокову его осмотрѣть. Что же могло побуждать Сулакадзіева заниматься поддѣлкою рукописей? О какихъ либо корыстныхъ цѣляхъ здѣсь не можетъ быть рѣчи, такъ какъ Сулакадзіевъ рукописей своихъ не продавалъ; и, по мнѣнію А. Н. Пыпина, мы видимъ здѣсь «идеалистическую поддѣлку», вызванную тѣми же побужденіями, которыя создали пѣсни Оссіана, Любушинъ судъ, Краледворскую рукопись и тому подобныя рѣдкости. Сулакадзіевъ не былъ поддѣлыцикъ или мистификаторъ, а фантазеръ, обманывавшій прежде всего самого себя, гнавшійся за тѣмъ, чтобы пополнить свои фантастическія представленія о глубокой, неизвѣстной ему старинѣ. По словамъ А. Н. Пыпина, «это—черта времени, желаніе подкрасить старину, при недостаточномъ знакомствѣ съ фактами». Отъ подобной же слабости не былъ свободенъ и покойный Сахаровъ, составившій себѣ громкое имя въ нашей литературѣ. Однако поддѣлки эти имѣютъ извѣстное литературное значеніе: подъ ихъ вліяніемъ сложилось не одно дѣйствительно художественное литературное произведеніе. Относительно же того, что Сулакадзіевъ дѣйствительно занимался такой идеалистической поддѣлкой, и что онъ хотѣлъ прослыть обладателемъ славянскихъ рукописей I и V вѣковъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: А. Н. Пыпину удалось пріобрѣсти каталогъ рукописной библіотеки Сулакадзіева, писанный его собственной рукой. Въ этомъ каталогѣ мы находимъ и Бояновъ гимнъ I-го вѣка, и отвѣты новгородскихъ жрецовъ V-го вѣка, и почти всѣ запрещенныя книги, поименованныя у Калайдовича. Это сообщеніе А. Н. Пыпина вызвало дополненіе Н. П. Лихачева, сказавшаго, что ему удалось пріобрѣсти одинъ томъ «Опыта россійской библіографіи» Сопикова, принадлежавшій прежде Сулакадзіеву; въ этомъ экземплярѣ находится много собственноручныхъ помѣтокъ послѣдняго, свидѣтельствующихъ о его огромной начитанности. Второе сообщеніе было сдѣлано А. К. Бороздинымъ «О раскольничьемъ житіи патріарха Никона», найденномъ имъ въ одномъ сборникѣ XVII—XVIII вѣка, принадлежащемъ Императорской Публичной библіотекѣ. Житіе это написано въ духѣ, враждебномъ Никону, и авторъ житія старается доказать, что если Никонъ не былъ самъ антихристомъ, то былъ, по крайней мѣрѣ, его предтечей. Памятникъ этотъ интересенъ между прочимъ потому, что въ немъ чрезвычайно обстоятельно разсказываются подробности перваго момента ссоры патріарха съ справщиками, ихъ соборъ, на которомъ они рѣшили идти противъ Никона, и мотивы ихъ протеста, а также отношеніе къ нимъ Никона до окончательнаго

разрыва. Коснувшись вопроса о самосожженіи, авторъ житія высказывается крайне неодобрительно объ этомъ обычаѣ, допуская самосожженіе, какъ послѣднюю мѣру, въ виду грозящей и неизбѣжной опасности. Эта замѣтка свидѣтельствуетъ, что обычай самосожженія былъ распространенъ въ средѣ нашихъ первыхъ раскольниковъ.

Кіевское церковно-археологическое общество. Засѣданія Кіевскаго церковно-археологическаго общества, существующаго при Кіевской академіи съ 1872 года, въ послѣднее время значительно оживились въ виду странныхъ обвиненій, поднявшихся противъ него въ печати и настолько сомнительныхъ, что мы въ свое время сочли излишнимъ ознакомлять съ ними читателей «Историческаго Вѣстника». Мы имѣемъ въ виду статью «Русскихъ Вѣдомостей», въ которой говорилось, что при настоящемъ возобновленіи живописи лаврской церкви «реставраторы ея счищали и забѣлили фрески главнаго храма лавры, причемъ не пожалѣли даже историческихъ портретовъ князей Острожскихъ и Сангушко, писанныхъ въ XVI вѣкѣ». Вслѣдъ за этою статьею былъ полученъ формальный запросъ со стороны предсѣдателя Московскаго археологическаго общества, графини П. С. Уваровой, на имя какъ кіевскаго митрополита Іоанникія, такъ и Кіевско-Печерской лавры и церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной академіи. Кромѣ того, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» появилась новая статья, въ которой обвинялись лаврская администрація — въ непростительномъ якобы вандализмѣ и уничтоженіи исторической живописи, а церковно-археологическое общество, не воспрепятствовавшее такому уничтоженію,—въ совершенномъ невѣжествѣ и непониманіи археологическаго значенія древнѣйшихъ (XVI вѣка) изображеній. По поводу этихъ нареканій членъ общества Эртель въ прочитанномъ имъ въ обществѣ рефератѣ «О стѣнописи въ великой церкви Кіево-Печерской лавры» взялъ на себя трудъ прослѣдить исторію построенія и расписанія живописью великой лаврской церкви, начиная отъ древнихъ временъ и до послѣдняго возобновленія. Подробное и обстоятельное изслѣдованіе привело референта къ тому убѣжденію, что отъ живописи, будто бы писанной въ XVI вѣкѣ, въ настоящее время не осталось никакого слѣда, и что историческіе портреты, о которыхъ такъ сѣтуютъ «Русскія Вѣдомости», не имѣютъ археологическаго значенія. Эти портреты (съ которыхъ своевременно были сняты, вопреки увѣренію газеты, фотографическіе снимки, предъявленные собранію), по замѣчанію г. Эртеля, въ художественномъ отношеніи ниже всякой критики. «Грубѣйшія ошибки въ пропорціяхъ, рисунокъ и постановка фигуръ, доходящіе до того, что головы нѣкоторыхъ изъ нихъ нарисованы не въ одной плоскости съ туловищемъ, уродливость позъ, выпяченные впередъ животы, искривленные и совершенно неестественные повороты рукъ,—вотъ отличительные признаки пресловутой живописи. Мастеръ, писавшій ихъ, былъ не то что неискусный, — это былъ просто безграмотный маляръ. Это совсѣмъ не тѣ наивныя, неумѣлыя произведенія зачаточнаго искусства, которымъ мы прощаемъ всѣ погрѣшности, какъ прощаемъ ихъ ребенку, едва начинающему свой дѣтскій лепетъ. Это нѣчто въ высшей степени несообразное даже для XVI вѣка. Обращаясь къ портретамъ съ исторической стороны, не знаемъ, чему больше удивляться—художнику ли, который, напи-

савъ подъ рядъ 8 одинаковыхъ фигуръ въ фантастическихъ нарядахъ, видить въ нихъ то Сангушку, то Острожскаго, то Вишневецкаго, или же обвинителю современныхъ реставраторовъ лавры, забывающему элементарнѣйшія правила, какія обыкновенно предъявляются къ историческому портрету».

Географическое общество. I. Отдѣленія географіи математической и физической императорскаго русскаго географическаго общества, въ засѣданіи 24-го февраля, выслушали прежде всего некрологъ скончавшагося надняхъ дѣйствительнаго члена, астронома-геодезиста В. К. Дёллена, затѣмъ было упомянуто о другой утратѣ общества въ лицѣ Вивіенъ де-Сенъ Мартена, старѣйшаго члена-корреспондента, состоящаго въ этомъ званіи съ 1846 года. Послѣ того, заявлено въ общихъ чертахъ о предполагаемыхъ обществомъ къ осуществленію въ 1897 г. путешествіяхъ и поѣздкахъ. Главнѣйшими изъ нихъ являются: экспедиція, организуемая туркестанскимъ отдѣломъ общества въ Дарвазъ, на которую назначено 6,000 рублей, затѣмъ другая въ Манчжурію, для продолженія работъ 1896 г.; на эту послѣднюю экспедицію назначено 8,000 рублей. Кромѣ этихъ двухъ крупныхъ экспедицій, предполагается еще послать рядъ мелкихъ: на Кавказъ, Тянъ-Шань, сѣверную часть Европейской Россіи, на Онежское озеро и въ другія мѣста. Въ заключеніе сдѣланы два сообщенія по вопросу о физико-географическомъ строеніи части Приморской области и Манчжуріи. II. Въ засѣданіи 5-го февраля по отдѣленію статистики г. Меликъ-Саркисянъ сдѣлалъ сообщеніе о Муганской степи и о ея значеніи въ экономическомъ отношеніи. Степь эта (въ Закавказьи), представляющая собою обширное пространство, съ трехъ сторонъ окружена водами рѣкъ Куры и Аракса, а съ четвертой, южной, отрогами Талышинскихъ горъ. Въ настоящее время заселены только берега названныхъ рѣкъ, все же внутреннее пространство степи безлѣсно и безводно и въ теченіе всего лѣта представляетъ ровную, обнаженную пустыню. Въ это время въ степи можно видѣть только джейрановъ, бѣгающихъ стадами въ 10, 20, а иногда и болѣе головъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что хотя лѣтомъ на Мугани и очень жарко, но жары эти умѣряются юго-восточнымъ вѣтромъ, за то осенью и въ особенности весною, начиная съ февраля мѣсяца, на Мугани великолѣпная зелень, служащая кормомъ для сотни тысячъ головъ скота, принадлежащаго нашимъ конникамъ, спускающимся къ этому времени съ горъ. Въ это время рѣдкая мѣстность можетъ сравниться съ Муганью въ отношеніи чистоты и цѣлебности воздуха. Что Муганская степь была когда-то заселена— на это указываютъ и древніе историки (Страбонъ, Моисей Хоренскій), и остатки тѣхъ канавъ, которыя были проведены изъ Аракса для орошенія полей, и которыя видны и понынѣ. Впервые эти канавы были заброшены со времени нашествія Чингизъ-хана, когда густо-населенная, кипѣвшая жизнью степь превратилась въ пустыню; затѣмъ вторично онѣ были возобновлены при Тамерланѣ. Степь снова ожила и снова стала житницей для огромнаго населенія, пока нашествіе Надыръ-шаха привело ее опять въ прежнее состояніе пустынной безводной степи. Всѣ эти факты указываютъ на то, что жизнь на Мугани возможна и теперь, если только будетъ чистая, текучая вода. На это указываютъ и заселенные берега Аракса и Куры, находящіеся относительно климата и почвы въ одинаковыхъ совершенно условіяхъ съ Муганью. Здѣсь не мало

русскихъ сектантскихъ селеній, жители которыхъ занимаются исключительно посѣвами пшеницы и ячменя, сторицею вознаграждающими ихъ труды. Молоканинъ или субботникъ вспашетъ разъ землю, посѣетъ, заборонитъ, и дѣло слажено. Остальное, какъ они выражаются, самъ Богъ для нихъ доработаетъ. И дѣйствительно, урожаи, даже при самой плохой обработкѣ земли, получаются поразительные, дающіе полное довольство, а иногда и относительное богатство. Неудивительно, что русскій крестьянинъ вполнѣ довольствуется посѣвами хлѣбовъ и ни о чемъ другомъ знать не хочетъ. Посѣвы табаку и хлопка, шелководство, виноградарство—все это требуетъ труда, излишнихъ заботъ, хлопотъ, и потому не привлекаетъ русскаго крестьянина. Между тѣмъ земля на Мугани чрезвычайно плодородна и сильна и вполнѣ годится для культуры такихъ цѣнныхъ растеній, какъ хлопчатникъ, табакъ, кунжутъ, виноградъ и т. д. Въ особенности прекрасны условія для разведенія хлопка, не требующаго для своего созрѣванія много влаги, но зато непремѣнно требующаго такихъ, именно, мягкихъ и недолгихъ зимъ, какія бываютъ на Мугани. Но не одна только влага играетъ роль въ созданіи тѣхъ благопріятныхъ условій для роста наиболѣе цѣнныхъ сельско-хозяйственныхъ растеній, которыми въ настоящее время располагаетъ благодатный уголокъ Мугани, расположенный по теченію Аракса. Кромѣ влаги, Араксъ даетъ громадное количество плодороднаго ила, не уступающаго нильскому и содержащаго всѣ необходимѣйшія для растеній вещества. Опредѣливъ приблизительно количество этихъ веществъ въ водѣ Аракса, которая непроизводительно уноситъ ихъ въ настоящее время въ море, докладчикъ высчиталъ ежегодную стоимость ихъ въ нѣсколько милліоновъ рублей. Выходитъ, такимъ образомъ, что эти милліоны утекаютъ у насъ въ прямомъ значеніи этого слова и будутъ утекать до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, мы не одумаемся и не приступимъ рѣшительно къ орошенію всей Мугани, заключающей въ себѣ, въ русскихъ предѣлахъ, болѣе 300 тыс. десятинъ плодороднѣйшей и нынѣ ни за грошъ пропадающей земли. III. Засѣданіе соединенныхъ отдѣленій географіи математической и физической императорскаго русскаго географическаго общества, состоявшееся 7-го февраля, открылось рѣчью помощника предсѣдателя общества А. А. Тилло, напомнившаго членамъ о понесенной обществомъ надняхъ тяжелой утратѣ въ лицѣ скончавшаго І. И. Стебницкаго. Затѣмъ произведены выборы на вакантное мѣсто предсѣдателя отдѣленія географіи математической. Сперва, большинствомъ голосовъ, былъ избранъ А. А. Тилло, но когда онъ отказался, то вторично большинство голосовъ пало на дѣйствительнаго члена В. В. Витковскаго. Въ этомъ же засѣданіи объявлено, что иностранные ученые: гг. Штернекъ и Муро, производившіе, по порученію общества, первый—наблюденія надъ маятникомъ, а второй—магнитныя, удостоены высочайшей милости: г. Штернекъ пожалованъ орденомъ св. Анны 2-й степени, а г. Муро—орденомъ св. Станислава 2-й степени. IV. Въ послѣднемъ засѣданіи общества было сдѣлано сообщеніе членомъ-сотрудникомъ Т. В. Кибальчичемъ: «О драгоцѣнныхъ рѣзныхъ камняхъ (геммахъ) разныхъ древнихъ народовъ, обитавшихъ нѣкогда на пространствѣ, занимаемъ нынѣ южной Россіей, собранныхъ съ 1871 по 1897 годъ». Докладчикъ прежде всего замѣтилъ, что эти изящные памятники старины имѣютъ для насъ двоякое

значеніе: во-первыхъ, какъ памятники-амулеты, указывающіе на тѣ или другія вѣрованія различныхъ народовъ въ разныя эпохи, и, во-вторыхъ, какъ древнѣйшіе памятники гравировальнаго искусства на твердыхъ камняхъ. Почитаніе драгоцѣнныхъ камней, какъ амулетовъ, относится къ доисторическимъ временамъ. Камни эти отличаются очень примитивною отдѣлкой: они по большей части представляютъ собою изображенія орудій каменнаго вѣка, топоровъ и стрѣлъ. Просверленныя въ нихъ отверстія указываютъ на прямое ихъ назначеніе: они предназначались для ношенія на шнуркахъ. Подобные просверленные драгоцѣнные и полудрагоцѣнные камни были находимы въ южной Франціи, которые учеными археологами (Девибре, Габріель де-Мартилье и друг.) были признаны за амулеты или символы божества доисторической эпохи. Такого рода оправленные камни относятся къ эпохѣ, отстоящей болѣе чѣмъ на 4000 лѣтъ отъ нашего времени. Перейдя затѣмъ къ исторической эпохѣ, г. Кибальчичъ отмѣтилъ фактъ, что первое извѣстное намъ письменное указаніе о драгоцѣнныхъ камняхъ относится къ V-му вѣку до христіанской эры. Греки и другіе древніе народы приписывали драгоцѣннымъ камнямъ различныя сверхъестественныя свойства. Эти вѣрованія въ сверхъестественную и цѣлебную силу дорогихъ камней въ особенности развились въ средніе вѣка. Они во многихъ мѣстахъ сохранились и донынѣ. Такъ, напримѣръ, у насъ въ южной Россіи сохранилось вѣрованіе, что кремневыя стрѣлы (каменнаго періода) спасаютъ домъ ихъ обладателя отъ удара молніи и вообще отъ пожара, а шиферныя бусы (той же эпохи) оберегаютъ женщинъ отъ различныхъ болѣзней и проч. Затѣмъ докладчикъ перешелъ къ опредѣленію значенія дорогихъ камней, которое они занимаютъ въ исторіи рѣзьбы. Къ памятникамъ до-историческимъ, интереснымъ съ этой стороны, относятся слѣдующіе предметы. Кремневый топоръ, найденный въ Кіевѣ въ 1885 г. въ осадкѣ лесса (на глубинѣ 28 аршинъ), со слѣдами контура, по которому онъ былъ отбитъ; топоръ этотъ найденъ совмѣстно съ костями мамонта. Далѣе, изображеніе на кремнѣ пещернаго медвѣдя, найденное на югѣ Франціи. Наконецъ, найденное тамъ же изящное изображеніе мамонта, исполненное съ большимъ талантомъ. Г. Кибальчичъ съ большою обстоятельностью остановился на развитіи греческаго рѣзного искусства, гдѣ оно достигло самаго полнаго расцвѣта, какъ и всѣ прочія классическія искусства, и поразительной чистоты отдѣлки. Какъ извѣстно, на всемъ побережьѣ Чернаго моря были разбросаны богатыя греческія колоніи, основанныя милетцами, преимущественно въ VII вѣкѣ до Р. Хр., таковы: Пантикапея, Θеодосія, Херсонесъ Ираклійскій, Ольвія и др. Рѣзное искусство, будучи занесено съ древнѣйшихъ временъ въ колоніи, достигло здѣсь высокой степени развитія, отмѣченнаго многими самобытными чертами. Эта самобытность главнымъ образомъ отразилась въ рѣзьбѣ на камняхъ мѣстныхъ представителей животнаго царства. Перейдя изъ Греціи въ Римъ, гравировальное искусство на камняхъ подверглось существеннымъ измѣненіямъ, ярко выразившимся впервые въ перспективномъ изображеніи группъ. Изъ Рима рѣзное искусство, точно такъ же, какъ и вообще пластика, перешло въ Византію, гдѣ выразилось, подъ вліяніемъ идей христіанства, въ обледенѣлыхъ, безжизненныхъ формахъ, упавшихъ до условнаго педантизма.

Въ эпоху возрожденія искусствъ (XV вѣка), наряду съ прочими искусствами, появилось вновь и искусство рѣзьбы на драгоцѣнныхъ камняхъ, впрочемъ, далеко не достигшее классическихъ образцовъ. Въ концѣ доклада г. Кибальчичъ демонстрировалъ свою коллекцію драгоцѣнныхъ амулетовъ и разныхъ камней, собранныхъ имъ преимущественно въ южной Россіи втеченіе 25-ти лѣтъ. Количество всѣхъ камней достигаетъ пятисотъ экземпляровъ. V. Общество получило отъ своего дѣйствительнаго члена, горнаго инженера К. И. Богдановича, начальника охотско-камчатской экспедиціи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, первыя свѣдѣнія о ходѣ работъ этой отдаленной экспедиціи, трудящейся на такихъ далекихъ окраинахъ Россіи, гдѣ съ давнихъ поръ не было производимо никакихъ изслѣдованій. Въ іюлѣ 1895 г. начальникъ экспедиціи выѣхалъ изъ Марселя въ Нагасаки, въ Японіи, а оттуда черезъ Владивостокъ въ городъ Николаевскъ на Амурѣ, куда прибылъ къ октябрю. Отсюда были произведены изслѣдованія только что возникающей здѣсь золотопромышленности, не смотря на позднее время года и заботы по приготовленію къ путешествію въ с. Чумуканъ. Переходъ изъ Николаевска къ с. Чумуканъ былъ совершенъ зимой, черезъ многочисленные береговые хребты, и 11 февраля 1896 года экспедиція, наконецъ, прибыла на мѣсто своей первой зимовки, въ с. Чумуканъ, расположенное у впаденія рѣки Уды въ заливъ того же названія, находящійся въ юго-западномъ углу Охотскаго моря. Бухта оказалась, не смотря на зимнее время, свободною отъ льдовъ, и на ея низменномъ берегу и расположено селеніе, къ востоку отъ котораго тянутся унылыя тундры праваго берега рѣки Уды, а съ юга замыкаютъ небосклонъ невысокія горы, изъ которыхъ вырывается рѣка Уда. Господствующіе здѣсь юго-западные вѣтры, смѣняемые иногда сѣверо-восточными, заносятъ все это небольшое селеніе снѣгомъ. При своемъ невыгодномъ географическомъ положеніи, с. Чумуканъ составляетъ единственное населенное мѣсто обширнаго Удскаго края, такъ какъ въ бывшемъ Удскомъ острогѣ, лежащемъ выше по рѣкѣ, теперь живетъ только одна семья. Путь изъ Николаевска оказался очень тяжелымъ вслѣдствіе обилія снѣга, слой котораго мѣстами достигалъ двухъ аршинъ, почему всѣмъ участникамъ экспедиціи пришлось весь путь совершить на лыжахъ—пѣшкомъ. Сильные холода, доходившіе до 40°—45° Ц., переносились относительно легко, только благодаря большой сухости воздуха, и весь путь, около 540 верстъ, совершенъ въ 29 дней очень удачно, такъ какъ не случалось ни одной пурги. Первые поиски на золото были предприняты еще по юго-восточному склону Аньскаго хребта, составляющаго несомнѣнное продолженіе Малаго Хингана. Особыхъ результатовъ первые поиски не дали. Немедленно, по прибытіи въ Чумуканъ, К. И. Богдановичъ предпринялъ рядъ поѣздокъ на лыжахъ, для производства предварительныхъ развѣдокъ мѣстности; затѣмъ съ конца марта и въ апрѣлѣ 1896 года производились приготовленія къ поѣздкѣ по рѣкѣ Удѣ, для отысканія перевозочныхъ средствъ, въ городъ Аянъ. Въ былое время существованія Россійско-американской компаніи Удскій острогъ представлялъ важный административный пунктъ, къ которому сходились всѣ пути, ведшіе изъ Якутска на Амуръ. Понятно, что тогда и кочевое населеніе тяготѣло сюда же. Позднѣе, когда воз-

никли факторіи той же компаніи въ Аянѣ и въ бухтѣ Мамга въ Тугуртскомъ заливѣ, снабженномъ хлѣбомъ и скотомъ изъ Якутска, еще болѣе усилилось движеніе якутовъ къ морю, и конецъ шестидесятыхъ годовъ былъ временемъ наибольшаго оживленія края; затѣмъ, открытіе золотыхъ розсыпей на Зеѣ и Ниманѣ начало отвлекать населеніе къ западу, въ глубь материка, и на западные склоны горныхъ хребтовъ; вмѣстѣ съ этимъ, и Удскій край сталъ постепенно пустѣть, а слѣдовательно и всякія передвиженія здѣсь становились затруднительнѣе, чѣмъ прежде. Однако, главное затрудненіе — недостатокъ оленей и отсутствіе людей, знакомыхъ съ краемъ. Поѣздка весной 1896 года вверхъ по долинѣ рѣки Уды дала совершенно неожиданно очень много данныхъ для изученія геологіи края и его природы вообще. Удалось выяснить, что система Становаго хребта въ предѣлахъ Удскаго края представляется очень сложною горною системой хребтовъ, довольно рѣзко обособленныхъ. Съ высотъ водораздѣльнаго кряжа Джугджура, въ сторону Удскаго края, глазамъ представляется цѣлое море хребтовъ, а въ противоположную сторону, къ бассейну рѣки Лены, протягивается съ самаго горизонта обширная система множества рѣкъ и рѣчекъ, изрѣзывающая по всѣмъ направленіямъ высоты мягкихъ очертаній, сливающіяся въ покатую равнину, прикрытую непроходимою, таинственною тайгой. Во время той же весенней поѣздки удалось произвести еще новые поиски на золото, увѣнчавшіеся большимъ успѣхомъ, благодаря научной постановкѣ работъ. Такъ, на сѣверо-восточномъ склонѣ горъ, то-есть въ бассейнѣ рѣки Яны, удалось на берегу рѣки Артыкъ, правомъ притокѣ Яны, найти золото въ шурфѣ, пробитомъ до глубины 6,5 аршинъ. Затѣмъ золото найдено во многихъ мѣстахъ по склонамъ хребта горъ, идущаго параллельно хребту Джугджуру. Такимъ образомъ, поиски золота, говоритъ «Правительственный Вѣстникъ», показали его присутствіе по разнымъ рѣчнымъ долинамъ рѣкъ системы Яны, Кырана, Немуя, Муте и Лантара, на тринадцати отдѣльныхъ площадяхъ. Насколько богаты здѣсь заносы золота, возможно будетъ выяснить только по окончаніи предпринятыхъ экспедиціей особыхъ развѣдочныхъ работъ въ долинѣ рѣки Лантара, въ мѣстности, лежащей въ 120 верстахъ отъ Аяна.

† **А. П. Милюковъ.** 6-го февраля, послѣ продолжительной болѣзни скончался одинъ изъ нашихъ старѣйшихъ современниковъ-литераторовъ, Александръ Петровичъ Милюковъ. Покойный родился въ Козловѣ въ 1817 году, кончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и впродолженіе многихъ лѣтъ преподавалъ сперва русскій языкъ во второй с.-петербургской гимназіи, затѣмъ русскую литературу въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Первый литературный трудъ А. П. Милюкова «Очерки исторіи русской поэзіи» появился въ печати въ 1847 году и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ популярныхъ пособій, по которому цѣлый рядъ подростающихъ поколѣній знакомился съ отечественной литературой. «Очерки» выдержали нѣсколько изданій, и имя молодого педагога-писателя пріобрѣло извѣстность. Слѣдующія литературныя работы покойнаго: романы, повѣсти, разсказы, а также статьи, посвященныя преимущественно исторіи и критикѣ произведеній русской литературы, печатались въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Отечественныхъ Запискахъ», «Русскомъ

Вѣстникѣ» и др. періодическихъ изданіяхъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ «Свѣточѣ» Калиновскаго, редактировалъ этотъ журналъ; затѣмъ работалъ въ «Эпохѣ» Ѳ. М. Достоевскаго (его статья: «Вопросъ о малороссійской литературѣ» напечатана въ 1864 г.),—редактировалъ одно время «Сынъ Отечества», помѣщалъ статьи въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ другихъ газетахъ. Изъ его крупныхъ литературныхъ произведеній выдержали нѣсколько изданій: романъ изъ временъ Іоанна Грознаго «Царская свадьба», сборникъ подъ заглавіемъ «Разсказы изъ обыденной жизни» (три изданія), «Разсказы и путевыя воспоминанія», «Отголоски на литературныя и общественныя явленія», «Путешествіе по Россіи», «Аѳины и Константинополь». Свою позднѣйшую литературную дѣятельность А. П. посвятилъ воспоминаніямъ, печатая ихъ преимущественно въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Покойному пришлось вращаться въ литературныхъ кружкахъ въ то время, когда подготовлялась и переживалась эпоха освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, неоднократно встрѣчаться съ Гоголемъ и въ числѣ своихъ пріятелей имѣть А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова, А. Н. Майкова, Л. А. Мея, Ѳ. М. Достоевскаго, А. Н. Плещеева. Встрѣчамъ и характеристикамъ покойныхъ литераторовъ посвящены главнымъ образомъ воспоминанія А. П., отдѣльно изданныя въ 1890 году подъ заглавіемъ «Литературныя встрѣчи и знакомства». Изъ другихъ его статей, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», назовемъ «Русскій путешественникъ за границею въ прошломъ вѣкѣ» (1881 г.), «Д. И. Языковъ» (1884 г.), «Ѳ. Н. Глинка» (1880 г.) и др. («Нов. Вр.» № 7525).

† **П. А. Кулишъ.** 2-го февраля въ своемъ хуторѣ Мотроновка, Черниговской губерніи, скончался извѣстный малорусскій литературный дѣятель и писатель, Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ. П. А. умеръ въ глубокой старости: онъ родился въ 1819 г. въ Черниговской губерніи, въ старинной казацкой семьѣ. Вышедши изъ Кіевскаго университета до окончанія курса, П. А. въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ учительствовалъ въ Луцкѣ, Кіевѣ и Ровно. Первый его литературный дебютъ состоялся въ 1840 году въ альманахѣ Максимовича «Кіевлянинъ». Въ 1845 г. появились въ печати первыя главы его большого труда «Черная Рада». Вскорѣ онъ былъ приглашенъ въ Петербургъ Плетневымъ, намѣревавшимся подготовить его къ учено-литературной карьерѣ; но обстоятельства сложились иначе: Кулишъ вступилъ въ число членовъ кирилло-меѳодіевскаго братства и вскорѣ былъ арестованъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ и Шевченко, а затѣмъ на три года водворенъ въ Тулѣ. Въ 1850 году Кулишу разрѣшено было возвратиться въ Петербургъ, а въ 1856 году онъ получилъ полную амнистію. Съ 1856 года началась усиленная литературная дѣятельность покойнаго; въ этомъ году онъ издалъ цѣнный сборникъ пѣсенъ и преданій—«Записки о южной Руси»; въ слѣдующемъ году закончилъ свой трудъ «Черная Рада» и выпустилъ въ свѣтъ составленную имъ народную «Граматку», которая вводила оригинальное малороссійское правописаніе, исключавшее употребленіе буквы ы и получившее впослѣдствіи названіе «кулишевки». Въ 1860 году Кулишъ издалъ альманахъ «Хата» и собраніе своихъ повѣстей. Въ послѣдующіе годы онъ дѣятельно сотрудничалъ въ украинофиль-

скомъ журналѣ «Основа», издалъ сочиненія Квитки, Котляревскаго, «Кобзарь» Шевченка, «Собраніе сочиненій и писемъ» Гоголя, сборникъ своихъ малорусскихъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Досвитки» и пр. Впослѣдствіи покойный перевелъ на малорусскій языкъ Евангеліе, Псалтирь и Пятикнижіе. Къ началу восьмидесятыхъ годовъ Кулишъ перенесъ свою дѣятельность въ австрійскую Галицію, гдѣ внесъ большое оживленіе въ такъ называемую украинофильскую или хохломанскую партію. Любопытно, впрочемъ, что ближайшее знакомство съ галицкими дѣлами отразилось на ученыхъ трудахъ Кулиша защитою сильной и единой власти. Такою тенденціею проникнута и его «Исторія Западной Руси», трудъ многихъ лѣтъ, богатый изученіемъ архивныхъ документовъ и первоисточниковъ, въ которомъ дана блестящая оцѣнка дѣятельности Екатерины II. Если бы собрать все написанное покойнымъ, составились бы десятки томовъ. Во второй періодъ своей литературной дѣятельности Кулишъ, главнымъ образомъ, занимался историческими изслѣдованіями. Въ этотъ же періодъ онъ обогатилъ малорусскую литературу переводомъ драматическихъ произведеній Шекспира, познакомившимъ малороссовъ съ произведеніями геніальнаго писателя на ихъ родномъ языкѣ. Безспорно, талантливый писатель, страстный археологъ и весьма начитанный историкъ, патріотъ въ истинномъ смыслѣ слова, П. А. Кулишъ потерялъ многое, уйдя въ созданіе говора, и понынѣ остающагося искусственною рѣчью кружка писателей, не имѣющихъ распространенія въ народѣ. Ученые труды П. А. Кулиша печатались, впрочемъ, на русскомъ языкѣ и черезъ это имѣютъ несравненно большую цѣнность, чѣмъ его поэзія и беллетристика. Жизнь его была какъ бы живою исторіею всѣхъ фазисовъ украинофильства; въ послѣдніе годы онъ былъ въ разрывѣ съ прежними друзьями, но искренность и правдивость его никогда не подвергались сомнѣнію. Послѣ Костомарова и Шевченко, онъ, безспорно, можетъ считаться самымъ крупнымъ изъ украинофильскихъ писателей. («Нов.», № 36 и 38; «Русск. Вѣд.», № 39; «Нов. Вр.», № 7523).

† **А. Н. Цѣхановичъ.** 25-го февраля скончался одинъ изъ молодыхъ литературныхъ работниковъ, Александръ Николаевичъ Цѣхановичъ. Покойный умеръ 35-ти лѣтъ, написавъ въ послѣднія десять лѣтъ нѣсколько романовъ, повѣстей и разсказовъ, напечатанныхъ въ «Нивѣ», «Звѣздѣ», «Петербургской Газетѣ», «Петербургскомъ Листкѣ» и др. Изъ крупныхъ произведеній покойнаго можно назвать романы «Метинскіе притоны», «Въ стѣнахъ больницы», «Темный Петербургъ» и др. Мелкихъ произведеній перу Цѣхановича принадлежало множество. Въ 1880-хъ годахъ А. Н. редактировалъ журналъ «Звѣзда». Покойный не отличался здоровьемъ; онъ почти постоянно хворалъ и нѣсколько лѣтъ подрядъ провелъ въ Обуховской больницѣ. («Нов. Вр.», № 7544).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ біографіи А. Н. Майкова.

Въ біографическомъ очеркѣ А. Н. Майкова, написанномъ сослуживцомъ его по комитету иностранной цензуры М. Л. Златковскимъ и изданномъ ко дню пятидесятилѣтія литературной дѣятельности Аполлона Николаевича (30 апрѣля 1888 г.), сказано, что писать стихи онъ началъ съ 15 л., а въ печати его стихотворенія «появились впервые» въ Одесскомъ Альманахѣ на 1840 г., за подписью М. Но еще за два года до этого, въ 1838 г., «когда ни одно стихотвореніе Аполлона Николаевича еще не появлялось въ печати», профессора русской словесности въ С.-Петербургскомъ университетѣ—А. В. Никитенко и въ Московскомъ—С. П. Шевыревъ, познакомили студентовъ, по рукописнымъ тетрадкамъ, со стихотвореніями студента 2-го курса Петербургскаго университета Аполлона Майкова. Это «офиціальное заявленіе въ стѣнахъ университета о поэтическомъ дарованіи вновь появившагося поэта, говоритъ г. Златковскій, и было принято почитателями таланта А. Н. за начало его литературной дѣятельности, при опредѣленіи срока ея пятидесятилѣтія».

Такъ какъ брошюра г. Златковскаго составлялась свѣдома самого Аполлона Николаевича, то, очевидно, и онъ самъ считалъ годомъ перваго появленія въ печати его стихотвореній 1840 г., а временемъ начала его литературной дѣятельности—1838 г., когда съ его стихотвореніями профессора познакомили университетскую молодежь.

Между тѣмъ, память, очевидно, измѣнила Аполлону Николаевичу, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ видно изъ словъ его, приводимыхъ г. Златковскимъ въ его брошюрѣ, всѣ фактическія біографическія подробности считалъ вздоромъ, трухой, формуляромъ.

Въ дѣйствительности же оказывается, что А. Н. Майковъ появился печатно на литературномъ поприщѣ еще въ 1835 г. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» этого года (т. IX, отд. I, стр. 123 –124) напечатано, за полною надписью Аполлона Майкова, слѣдующее юношеское его стихотвореніе:

ОРЕЛЪ.

Когда пернатыхъ царь стремится
Въ безоблачны страны парить,
Кавказъ его подножьемъ зрится,—
Кто смѣетъ съ нимъ себя сравнить?
Могучимъ, быстрымъ крылъ размахомъ
Къ зениту простираетъ путь;
Ничто объять не можетъ страхомъ
Его безтрепетную грудь.
Онъ къ солнцу близиться дерзаетъ,
Предъ нимъ онъ вѣждой не смыкаетъ,

Пьетъ взоромъ блескъ его лучей;
А тамъ, перуномъ вооруженный,
Своимъ величьемъ упоенный,
Онъ вержется, стрѣлы быстрѣй,
На долъ съ превыспреннихъ зыбей.

Номеръ «Библіотеки для Чтенія», въ которомъ напечатано было это стихотвореніе, вышелъ изъ цензуры 27 февраля 1835 г. Слѣдовательно, А. Н. Майкову, родившемуся 23 мая 1821 г., не было еще полныхъ 14-ти лѣтъ, когда его стихотвореніе появилось въ журналѣ, на страницахъ котораго появлялись лучшія произведенія того времени (Пушкина, Жуковскаго, кн. Одоевскаго, Вельтмана, В. Даля).

Интересно, что номеръ «Библіотеки для Чтенія», въ которомъ помѣщено было вышеприведенное стихотвореніе А. Н. Майкова, подписанъ цензоромъ А. В. Никитенкомъ, познакомившимъ черезъ три года своихъ университетскихъ слушателей съ рукописными стихотвореніями молодого поэта.

Ф. Витбергъ.

II.

Моему рецензенту г. В. Р—ву.

Въ январской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ помѣщенъ отзывъ г. В. Р—ва о первомъ томѣ «Сборника историко-филологическаго общества» при институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ; нѣсколько строкъ удѣлено тамъ и моей статьѣ «Учрежденіе Смоленской епископіи».

Г. В. Р—въ, ссылаясь на послѣднюю страницу сборника, вышедшаго изъ печати въ 1896 году, точнѣе, ссылаясь на слова мои, что «Смоленская епископія нынѣ считаетъ 760 годъ своего существованія» (стр. 219), увѣряетъ читателя въ попыткѣ съ моей стороны «доказать, что Смоленская епископія въ 1894 г. вступаетъ въ 760 годъ своего существованія или, другими словами, основана не ранѣе 1135 г., вопреки раздѣляемому всѣми изслѣдователями русской церковной старины воззрѣнію, что она существовала въ самомъ началѣ XII в.». Правда, если бы я задался цѣлью доказывать, что учрежденіе Смоленской епископіи должно быть связываемо съ 1135 годомъ, и сталъ бы дѣйствительно отыскивать доказательства въ пользу такой нелѣпости, то принужденъ былъ бы доказывать послѣднюю не только вопреки «раздѣляемому (только лишь немногими) изслѣдователями русской церковной старины воззрѣнію, что она существовала въ самомъ началѣ XII в.», и не только вопреки одному изъ двухъ противорѣчивыхъ извѣстій лѣтописи по Ипатскому списку, но вопреки обоимъ воззрѣніямъ, существовавшему и существующему въ наукѣ, вопреки извѣстіямъ всѣхъ остальныхъ лѣтописей и списковъ, извѣстныхъ въ печати, мало того, даже вопреки номинальнымъ спискамъ смоленскихъ епископовъ и уставнымъ грамотамъ Ростислава Мстиславича, князя смоленскаго, и епископа Мануила, которымъ я ужъ слишкомъ довѣряюсь, какъ упрекаетъ

меня въ томъ мой рецензентъ. Но если я взялъ на себя трудъ обставить доказательствами принятое въ наукѣ мнѣніе, что Смоленская епископія учреждена въ 1137 году (см. 18 стр. Сборника, слова протокола засѣданія, 160, 190, 193 и наконецъ 219, если только рецензентъ при чтеніи статьи будетъ помнить, что Сборникъ вышелъ въ 1896 году), то пытаюсь доказать его ужъ никакъ не «вопреки раздѣляемому всѣми изслѣдователями русской церковной старины воззрѣнію, что она существовала въ самомъ началѣ XII в.», если имѣю за себя авторитеты такихъ изслѣдователей русской церковной старины,—чего, очевидно, не знаетъ г. В. Р—въ, какъ митрополитъ Макарій (Исторія русской церкви, т. II, стр. 22, прим. 47), академикъ П. Строевъ (Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви, стр. 589) и профессоръ Голубинскій (Исторія русской церкви, т. 1, пол. 1, стр. 569). Не говорю уже о мѣстныхъ изслѣдователяхъ въ области исторіи церкви, слѣдующихъ названнымъ авторитетамъ.

Такимъ образомъ, моя статья посвящена не «попыткѣ доказать, что Смоленская епископія въ 1894 г. вступаетъ въ 760 годъ своего существованія», но попыткѣ, если это такъ нравится моему рецензенту, обставить доказательствами мнѣніе, что Смоленская епископія основана въ 1137 году, высказанное безъ всякихъ тому доказательствъ такими корифеями русской церковной науки, предъ заслугами которыхъ, боюсь, поблекнутъ авторитеты этихъ всѣхъ честимыхъ г. В. Р—мъ именемъ изслѣдователей русской церковной старины за то, что продолжаютъ вмѣстѣ съ нимъ, вопреки мнѣнію настоящихъ представителей русской церковной науки, раздѣлять мнѣніе, что Смоленская епископія «существовала въ самомъ началѣ XII в.». Мнѣніе названныхъ ученыхъ завоевываетъ себѣ мѣсто и въ изслѣдованіяхъ по гражданской русской исторіи; къ примѣру, рецензенту не мѣшало бы познакомиться съ монографіей профес. П. Голубовскаго, посвященной исторіи Смоленской земли (Исторія Смоленской земли до начала XV в., стр. 235—236); оставляю опять безъ вниманія имена почтенныхъ мѣстныхъ изслѣдователей смоленской старины. Обязательно былъ бы благодаренъ г. В. Р—ву, почтенному моему рецензенту, за любезное съ его стороны одолженіе, если онъ подѣлится со мною именами тѣхъ изслѣдователей русской церковной старины, которые послѣ м. Макарія, П. Строева и Голубинскаго опять установили уже отжившее воззрѣніе, что Смоленская епископія «существовала въ самомъ началѣ XII в.», и никогда не откажусь оказать съ своей стороны посильную помощь своему учителю, если только затронутый имъ вопросъ изъ смоленской старины ему такъ же дорогъ и интересенъ, какъ и мнѣ.

Е. Кашпровскій.

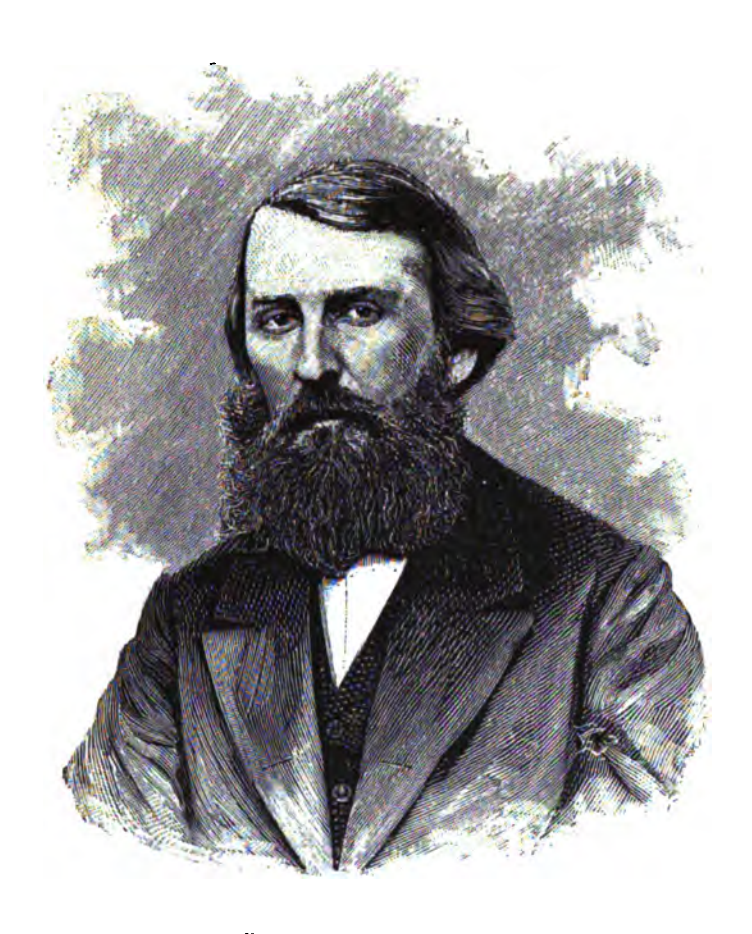
По поводу возраженія г. Кашпровскаго на мою рецензію отвѣчу только слѣдующее. Онъ самъ говоритъ, что мнѣніе о существованіи Смоленской епархіи въ началѣ XII вѣка принималось «всѣми изслѣдователями русской церковной старины» (стр. 17) до половины нынѣшняго столѣтія, и что еще теперь г. Иловайскій держится того же мнѣнія. Кромѣ того, онъ тутъ же (стр. 17) соглашается,

что до Мануила было два епископа: Игнатій и Лазарь. Въ своемъ возраженіи о г. Иловайскомъ онъ не упоминаетъ. Я и теперь остаюсь при своемъ мнѣніи, что главная задача и реферата и статьи г. Кашировскаго есть попытка представить яко бы окончательныя доказательства въ пользу основанія Смоленской епископіи въ 1137 г.; что при этомъ онъ мало довѣряетъ Ипатской лѣтописи, что ему было указано и г. Бережковымъ (стр. 19 «Сборника»), а также и то, что нельзя дѣлать безусловнаго толкованія уставной грамоты Ростислава 1150 г. въ пользу указаннаго утвержденія.

Относительно 1135 г. я былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ, что рефератъ былъ читанъ въ ноябрѣ 1894 г., хотя, впрочемъ, тамъ не указывалось именно на 760 годъ существованія епископіи.

Въ заключеніе, замѣчу, что г. Кашировскій своею статьею совершенно напрасно «пытался» обосновать то, что уже обосновано его авторитетами: епископомъ Макаріемъ и Голубинскимъ. **В. Р—въ.**

АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ПЛЕЩЕЕВЪ
(въ 1858 году).

Дозв. ценз. 13 марта 1897 г. Спб.

СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛѢ [1].

VII.

УШНЫЙ день смѣнился прохладной ночью. Дулъ свѣжій вѣтерокъ съ поля. Кругомъ не на чемъ глаза остановить: все поля и поля, а дальше за ними темный горизонтъ.

Они ѣхали по широкой пыльной дорогѣ, которая часто развѣтвлялась въ разныя стороны. Всякій разъ, когда это случалось, кучеръ непремѣнно останавливалъ лошадей и говорилъ, обернувшись къ отцу Гурію:

— Ужъ я тутъ и не знаю... Давно не бывалъ въ этихъ мѣстахъ, что-то не припомню... Чи направо, чи налѣво, отецъ дьяконъ... Богъ его знаетъ, еще не туда возьмешь.

Отецъ Гурій внимательно осматривалъ мѣстность и въ концѣ концовъ тоже ничего не понималъ. Всѣ дороги такъ были похожи одна на другую, всѣ онѣ развѣтвлялись, когда по пути стоялъ какой нибудь хуторъ или небольшое село. Какъ ее упомнишь?

— Да я тоже не знаю, ужъ ты, братецъ, какъ нибудь довези куда слѣдуетъ...

— Да кажись, что направо... Такъ это, сáмъ не знаю отчего, а кажется мнѣ, что будто направо.

— А сколько верстъ до Коломеевки, не знаешь?

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 7.

— Верстъ?—переспрашивалъ кучеръ,—кажись, семь либо восемь... Такъ считаютъ. Только я рѣдко въ этихъ мѣстахъ бываю и не могу за вѣрное сказать.

И онъ поворачивалъ направо и опять ѣхалъ. Что-то долго тянулась дорога, ѣхали они, ѣхали, и никакъ не могли добраться до Коломеевки. Вотъ съ лѣвой стороны показался хуторокъ. Въ окнахъ блеснули огоньки. Отецъ Гурій посмотрѣлъ на него съ большимъ сомнѣніемъ.

— Вотъ хоть убей меня,—сказалъ онъ,—не помню я, чтобы въ этихъ мѣстахъ, когда ѣхать въ Коломеевку, былъ хуторъ. Не сбился ли ты съ дороги?

— А Богъ его знаетъ, кажись, что нѣтъ... А, можетъ, и сбился. Никакъ этого знать нельзя...

— Ну, поѣзжай уже, что тамъ... Куда нибудь да пріѣдемъ... Вѣдь не можетъ же такъ случиться, чтобъ мы весь вѣкъ ѣхали и никуда не пріѣхали. Этого, кажется, ни съ кѣмъ еще не случалось.

Спутники, кромѣ этихъ экстренныхъ случаевъ, всю дорогу молчали. Кажется, оба они чувствовали себя въ чемъ-то виноватыми. Отцу Гурію было неловко оттого, что онъ завезъ богослова въ неприличное мѣсто, гдѣ оказались пьянство и драка. Маккавеевъ винилъ себя за то, что вотъ онъ опять не женился. Это начинало страшно удручать его. Приходили въ голову самыя скверныя мысли на счетъ того, что онъ, пожалуй, и вовсе не способенъ жениться... И присутствіе рядомъ отца Гурія обременяло его. Онъ чувствовалъ, что съ нимъ сидитъ человѣкъ, посвятившій ему нѣсколько дней своего драгоцѣннаго времени, съ такимъ жаромъ отнесшійся къ его судьбѣ и въ концѣ концовъ ничего не добившійся.

И теперь, какъ это ни странно, онъ въ душѣ радовался, что вотъ они ѣдутъ къ какому-то отцу Софронію, у котораго вовсе нѣтъ дочки. Это доставляло ему истинное удовольствіе.

Наконецъ, отцу Гурію надоѣло молчать, и онъ первый заговорилъ:

— Вотъ, братецъ ты мой, какъ ни дорого намъ время, а приходится даромъ терять его.

— Почему же даромъ, отецъ Гурій?

— Да какъ же не даромъ? Ну, что ты будешь дѣлать у этого отца Софронія?

— Да оно правда,—согласился Маккавеевъ, и вдругъ неожиданно для самого себя прибавилъ изъ глубины души:—и слава Богу это...

— Какъ такъ слава Богу?—съ изумленіемъ спросилъ отецъ Гурій.

— Да я къ тому это говорю, что... какъ бы это сказать... Надобно хоть передохнуть немного. Знаете, мнѣ уже цѣлый день хочется встрѣтить такого человѣка, на котораго я могъ бы посмотрѣть просто такъ, чтобъ не думать о женитьбѣ... А то на кого ни посмотришь, все думаешь: вотъ у этого дочка, на которой можно жениться,

или прямо вотъ дѣвица, которую можно за себя взять... Иначе и смотрѣть нельзя...

— Гм... передохнуть захотѣлъ,—скажите, пожалуйста. Подумаешь, что его мѣшки заставляли таскать, а ему невѣстъ показывали, только и всего. Такъ, я думаю, это даже пріятно.

— Что-жъ тутъ пріятнаго, отецъ Гурій? Вонъ у Голопузова мнѣ тоже невѣсту показывали, а вышло неособенно пріятное дѣло...

— Ну, ты Голопузовымъ меня не кори, не къ одному Голопузову я тебя возилъ. Это правда, на Голопузовой дочкѣ я бы тебѣ по совѣсти не посовѣтовалъ жениться. Чортъ съ ними и съ двадцатью тысячами. На двадцать тысячъ польстишься, а будешь всю жизнь мучиться. Вонъ отецъ Мемнонъ говоритъ, что она водку пьетъ. Я, положимъ, не вѣрю, потому что вообще отцу Мемнону не вѣрю. А только отчего-жъ бы ей водку не пить, коли у нея такая компанія... И при томъ же—водка у нея своя, ничего не стоитъ... Можетъ, она и пьетъ. Что-жъ, случается, я думаю, и отцу Мемнону иногда правду сказать. Ну, а ежели она водку пьетъ, такъ это, братецъ ты мой, дѣло совсѣмъ пропащее. Это дороже двадцати тысячъ стоитъ. Ну, на счетъ прочаго, что тамъ болталъ отецъ Мемнонъ, то-есть на счетъ распутства, этому я окончательно не вѣрю; не видно этого. Не видно, чтобъ она была такая... Ну, хорошо, а что-жъ дальше-то?

— Какъ дальше?

— Ну, переночуемъ мы у отца Софронія, прекрасно. А потомъ останется всего три или четыре дня до пріѣзда преосвященнаго, слѣдовательно завтра послѣдній день. Если завтра невѣсты не найдемъ, такъ дѣло окончательно пропащее...

— Да я откажусь, отецъ Гурій.

— Что-о? Откажешься? Это какъ же такъ? Не смѣй и думать. Какъ? Преосвященный нарочно назначилъ твое рукоположеніе, чтобы служба торжественнѣе была, чтобы простой деревенскій народъ видѣлъ, какъ рукополагаютъ, а ты вдругъ откажешься? Да за это, знаешь, что тебѣ преосвященный сдѣлаетъ? Онъ прямо тебѣ отъ мѣста навсегда откажетъ. Вотъ оно что... А потомъ Окуневка? Ты думаешь, легко найти такой приходъ? А наконецъ труды наши, что жъ это мы даромъ валандаемся по полямъ сколько дней?

— Такъ нѣту же, нѣту, отецъ Гурій, вѣдь нѣту!

— Будетъ. Изъ земли вырою, а достану. Какъ можно, чтобы богословъ, да еще съ такимъ приходомъ, не досталъ себѣ невѣсту! Да этого еще никогда не бывало. Да куда ты везешь насъ?—вдругъ обратился онъ къ кучеру.—Тутъ и дорога совсѣмъ не такая, что-то странное. Никогда я по этой дорогѣ не ѣздилъ.

— Та самая, отецъ дьяконъ. Откуда ей не такой быть,—довольно вяло отвѣтилъ кучеръ и сильно хлестнулъ лошадей кнутомъ.

Вдали показались частые огни. Ужъ это не могъ быть какой нибудь хуторокъ, а навѣрное что-то большое.

— Ну, вотъ и деревня,—сказалъ кучеръ, указывая кнутомъ по направленію къ огонькамъ.

— Деревня-то деревня, да Коломеевка ли?—спросилъ отецъ Гурій.

— Надо полагать, Коломеевка, а настояще не знаю. Ночь, темнота, не услѣдишь, дорогъ-то много. Если бы хоть столбы стояли на перекресткахъ, чтобы написано было на нихъ: тутъ вотъ Коломеевка, тамъ вотъ Карповка, такъ оно можно было бы знать навѣрняка, а то вѣдь такъ больше, нюхомъ чувствуешь и воротишь.

А огоньки все подвигались ближе; вотъ они въѣхали и въ село. По обѣ стороны широкой улицы ровными рядами идутъ хаты. Слѣва блеститъ довольно широкая рѣчка, окаймленная камышами. Впереди возвышается церковь съ мѣднымъ крестомъ, въ которомъ отражается блескъ звѣздъ.

«Нѣтъ,—подумалъ отецъ Гурій,—что-то не похоже на Коломеевку; это не Коломеевка. Что же это за село такое? Э, что тамъ, все равно, какое село. Церковь есть, значитъ, и попъ есть. Ужъ къ кому нибудь да попадемъ».

Онъ напрягалъ свою память и старался припомнить, нѣтъ ли въ уѣздѣ такого села и такого попа, которыхъ онъ не знаетъ. Можетъ статься, что есть.

— И вдругъ, братецъ ты мой,—сказалъ отецъ Гурій, обращаясь къ Маккавееву,—попадемъ мы къ такому попу, какой мнѣ и въ голову не приходилъ, и у него окажется дочка, и тебѣ она понравится, и тутъ-то именно ты и женишься. Вѣдь бываетъ же такое. Ну, тогда уже значитъ судьба уготовала. И противъ этого ничего не скажешь.

Неподалеку отъ церкви стоялъ длинный невысокій домъ. Должно быть, это и былъ церковный домъ.

Кучеръ оглянулся:—сюда что ли, отецъ дьяконъ?—спросилъ онъ.

— А я почемъ знаю, должно быть, что сюда.

— Такъ повернуть лошадей или какъ?

— Пожалуй, поверни.

Въ домѣ, отдѣленномъ отъ церкви небольшой площадкой, въ окнахъ свѣтились огоньки, но никакого движенія не было замѣтно; подъѣхали къ крыльцу и остановились. Изъ дому никто не выходилъ.

Отецъ Гурій, не давая себѣ труда встать изъ экипажа, вопросилъ:—А есть тутъ хозяева? Ежели тутъ живутъ православные христіане, то впустите странниковъ переночевать.

Онъ подождалъ съ полъ-минуты, но, не получивъ отвѣта, прибавилъ.—Да, должно быть, что есть; коли огни есть, то и люди найдутся. А то кто же бы и зажегъ ихъ? Не сами же они зажглись. А, ну-ка, войдемъ.

Они сошли на землю; отецъ Гурій подошелъ къ окну и посту-

чалъ въ него. Кто-то зашевелился внутри и отворилъ дверь. Оказалось, что это была простая баба.

— Эй ты, баба, кто тутъ живетъ? — спросилъ ее отецъ Гурій.

— Тутъ?—переспросила баба.—Люди живутъ, а то кто же...

— Само собою люди, да кто такіе? Духовное лицо, или нѣтъ?

— А какъ же не духовное, само собою духовное. Тутъ отецъ дьяконъ живетъ.

— Дьяконъ? Ну, ладно, дьяконъ, такъ дьяконъ. И у дьякона переночуемъ, коли впуститъ.

— А для чего не впуститъ? Люди вы, видно, хорошіе, такъ почему же не впустить? Пожалуйте.

Они вошли сперва въ сѣни, а потомъ баба отворила передъ ними дверь, и глазамъ ихъ представилась довольно большая комната съ множествомъ разставленныхъ у стѣнъ стульевъ. У одной стѣны стоялъ какой-то непонятный для нихъ музыкальный инструментъ въ родѣ органа. Въ углу помѣщались въ большомъ количествѣ иконы, передъ ними на низенькомъ угольникѣ теплилась лампада. Въ сосѣдней комнатѣ слышался сдержанный шопотъ, и, повидимому, не одна пара ногъ осторожно ходила нацыпочкахъ.

Отецъ Гурій остановился передъ образами и перекрестился.

— А хозяевъ что-то не видать,—сказалъ онъ.

— Сейчасъ, сейчасъ выйдутъ,—послышался изъ сосѣдней комнаты чрезвычайно тонкій, но не женскій голосъ.

У отца Гурія какъ-то сами собой приподнялись плечи, и онъ вопросительно посмотрѣлъ на Маккавеева.

— Что за голосъ такой? Что-то знакомое.

У Маккавеева тоже что-то въ этомъ родѣ мелькнуло въ головѣ; но оба они не успѣли сообразить хорошенько. Въ это время изъ внутреннихъ покоевъ вышло духовное лицо,—худенькое и очень маленькаго роста.

— Отецъ Мемнонъ!—почти съ ужасомъ воскликнулъ отецъ Гурій. Этого онъ совсѣмъ не ожидалъ.

— Боже мой,—съ невѣроятнымъ радушіемъ промолвилъ отецъ Мемнонъ,—кого я вижу? Вотъ такъ судьба! Вотъ это воистину судьба... А мнѣ баба говоритъ: подъѣхалъ, говоритъ, какой-то батюшка, такой, говоритъ, изъ себя статный, высокій да красивый. Я и думаю, кто такой можетъ быть? Можетъ, думаю, отецъ Павелъ изъ Мочаловки въ городъ ѣдетъ, да по дорогѣ заѣхалъ, либо, думаю, отецъ Андрей изъ Панфиловки... И вдругъ кого же я вижу? Это—вы, отецъ Гурій... Такъ это же вдвойнѣ пріятно, то-есть это мнѣ такая радость, такая радость... Помилуйте, такіе гости. Охъ, ты, Господи, ужъ я не знаю, какъ и описать вамъ. Садитесь же. Благодарю васъ, то-есть такъ благодарю, такъ благодарю...

Отецъ Гурій стоялъ посреди комнаты огороненный и смотрѣлъ

то на Маккавеева, то на отца Мемнона. Онъ просто не зналъ, какъ ему быть и что отвѣчать на всѣ любезности хозяина.

Но такъ нельзя было долго оставаться. Какъ—никакъ, а все же они гости, а отецъ Мемнонъ хозяинъ, да къ тому же еще любезный хозяинъ, радость высказываетъ, принимаетъ ихъ, точно архіерея... Одну минуту мелькала у него въ головѣ мысль повернуть обратно къ порогу, да и уѣхать куда нибудь подальше. Но это была совсѣмъ неисполнимая мысль. Какъ же,—хозяинъ передъ ними разсыпается въ любезностяхъ, говоритъ и то, и это, и третье.. И радъ онъ, и не ждалъ такихъ гостей, и всякое прочее... А они просились ночевать, и ночевать ихъ впустили. Какъ же можно такъ обижать человѣка и ни за что ни про что?.. Онъ, положимъ, человѣкъ поганенькій, этотъ отецъ Мемнонъ. Но сейчасъ онъ ничего дурного не дѣлаетъ, а напротивъ ведетъ себя отлично. И отецъ Гурій началъ говорить.

— Да видите, отецъ Мемнонъ, какая съ нами исторія приключилась: ѣхали мы совсѣмъ въ другое мѣсто и по дорогѣ заблудились. Кучеръ-то городской, здѣшнія мѣста не твердо знаетъ, ну, вотъ и заблудились.

— Ну, такъ я возблагодарю Бога за то, что онъ спуталъ вамъ дорогу,—сказалъ отецъ Мемнонъ,—и что привелъ ко мнѣ такихъ дорогихъ гостей. Раздѣвайтесь же, отецъ Гурій, что вамъ въ расѣ-то сидѣть, въ расѣ жарко, въ кафтанѣ легче, вы не стѣсняйтесь. Мы люди-то свои.

И онъ снималъ съ отца Гурія рясу, а потомъ дѣятельно усаживалъ его на диванъ и при этомъ говорилъ:—Вотъ сейчасъ жена выйдетъ и молодежь... Чай будемъ пить.—И при этомъ въ его лицѣ, въ тонѣ, въ движеніяхъ выражалась необычайная радость.—Ну, а что же, отецъ Гурій, чѣмъ тамъ кончилось, у Голопузова?—спрашивалъ онъ.—Должно быть, въ конецъ разодрались? Ну, и сыночка же мнѣ Богъ послалъ, нечего сказать. Еще хорошо, что мы во время спохватились. Что-жъ намъ больше оставалось—удрать, только и всего. Развѣ я не такъ разсуждаю, отецъ Гурій? Ну, а они вѣдь еще тамъ помирятся и еще до утра будутъ водку пить вмѣстѣ, еще цѣловаться будутъ, друзьями сдѣлаются. Я знаю ихъ манеру. Вы извините меня, я на минутку выйду... Надо женѣ сказать... Ужъ извините.

И отецъ Мемнонъ ушелъ въ ту самую дверь, изъ которой вышелъ. Отецъ Гурій и Маккавеевъ остались вдвоемъ. Отецъ Гурій сперва подозрительно осмотрѣлъ всѣ углы комнаты, а затѣмъ тихо, чуть не шопотомъ, проговорилъ, обратясь къ Маккавееву:

— Что ты объ этомъ думаешь, Егоръ Трофимовичъ? Какъ это такъ странно вышло?

— Не знаю, отецъ Гурій. Оно правда, тутъ есть что-то такое...

— Да, есть. Какъ же это такъ вдругъ, [illegible] ѣхали

въ Коломеевку, а очутились тутъ. Оно, положимъ, мы заблудились, это дѣйствительно. А все-таки странно, что, заблудившись, вотъ именно къ отцу Мемнону пріѣхали; это, братъ, штука. Ну, что-жъ, переночевать можно, переночуемъ...

— Переночуемъ,—согласился Маккавеевъ.

— Гм... Какъ это удивительно! Отчего это непремѣнно къ отцу Мемнону? И какъ они скоро пріѣхали, и лошаденки у нихъ прескверныя, а вотъ поди же. Они уже давно дома. Гм... А дѣвицъ-то у него множество, женись-ка на одной, Егоръ Трофимовичъ,—съ усмѣшкой промолвилъ отецъ Гурій и даже какъ-то игриво потрепалъ Маккавеева по плечу.

— Знаете, отецъ Гурій, ей-Богу, мнѣ все равно,—съ глубокимъ равнодушіемъ отозвался Маккавеевъ.—Мнѣ такъ надоѣло, мнѣ такъ надоѣло...

— А мнѣ, думаешь, нѣтъ?

— Такъ вѣдь вы же не женитесь, отецъ Гурій.

— Да ужъ если бы я женился, такъ повѣрь давно бы выбралъ себѣ невѣсту...

— Отецъ Гурій, такъ научите меня, что же дѣлать? Вы знаете, я уже собственно для васъ готовъ жениться, ей-Богу. Ну, хотите, поѣдемте назадъ, и я на Голопузовой дочкѣ женюсь.

— Ого, какой храбрый... Заднимъ умомъ. Ну, нѣтъ, этого я на свою душу не возьму... На Голопузовой дочкѣ я теперь тебя женить не согласенъ.

— Ну, на комъ же, на комъ?

— На комъ? А вотъ у отца Пафнутія былъ большой выборъ дѣвицъ, вотъ тамъ ты и оплошалъ съ своей Леонилой, и далась же тебѣ эта Леонила—изъ шестерыхъ дѣвицъ не могъ одной выбрать. Какой же ты послѣ этого богословъ! Э, да что говорить, я уже четыре дня говорю и никакого толку...

Въ это время на порогѣ показалась жена отца Мемнона. Она вышла вмѣстѣ съ дьякономъ, и эта пара сразу произвела на Маккавеева смѣшное впечатлѣніе. Жена отца Мемнона была высокая, плотная женщина, совершенная противоположность ему. Она и говорила толстымъ голосомъ, какъ бы для того, чтобы уравновѣсить непомѣрно тонкій голосъ отца Мемнона.

Она тоже сейчасъ же сдѣлала умильное лицо и принялась выражать радость по поводу пріѣзда столь дорогихъ гостей. Между тѣмъ, на столѣ стали появляться закуски, два сорта наливки, водка, и наконецъ самоваръ. Вслѣдъ затѣмъ въ комнату высыпали знакомые уже Маккавееву дѣвицы и молодые люди, участники хора отца Мемнона.

Но на этотъ разъ вся эта компанія не держалась особнякомъ, а какъ-то сразу окружила и отца Гурія и Маккавеева, и всѣ заговорили съ ними такъ, какъ будто давно уже были знакомы. Но за-

тѣмъ можно было замѣтить одну странность. Дѣвицъ было всѣхъ съ полдесятка. Но четыре изъ нихъ держались отъ Маккавеева въ сторонѣ и какъ будто ухаживали за отцомъ Гуріемъ, хотя знали, что онъ никоимъ образомъ не могъ жениться ни на одной изъ нихъ, а около Маккавеева вертѣлась все одна дѣвица, довольно миловидная, которую называли Мушей, а иногда просто Мушкой. И Маккавеевъ никакъ не могъ догадаться, какъ ее собственно зовутъ.

Она сразу завладѣла богословомъ. Оказалось, что въ городѣ, гдѣ онъ учился, она рѣшительно всѣхъ знаетъ. Она знала, напримѣръ, архіерея не только въ лицо, но могла разсказать про образъ жизни его. Ей также было извѣстно множество анекдотовъ про архіерея, которыхъ вообще бываетъ большое обиліе среди духовенства.

— Я и вашего ректора знаю,—говорила она:—отца Василія. И инспектора знаю. А благочиннаго вы знаете?

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣтилъ Маккавеевъ.—Но откуда вы всѣхъ ихъ знаете?

— О, я всѣхъ знаю,—отвѣчала Муша.—Я прежде въ городѣ жила, у дяди. Мой дядя священникомъ въ кладбищенской церкви. Такъ вотъ тамъ я и узнала всѣхъ... Я даже одинъ разъ съ дядей у архіерея была... А что-жъ вы не кушаете? Позвольте, я вамъ маринату положу, у насъ хорошій маринатъ, сама тетя приготовляла. Въ нашей рѣчкѣ крупная рыба водится, такъ мы ее и маринуемъ. А варенья? Развѣ вы не любите? Вотъ крыжовникъ, совѣтую вамъ крыжовникъ, я непремѣнно вамъ крыжовнику положу. Это самое мое любимое варенье.

Маккавеевъ машинально ѣлъ и маринатъ и варенье, хотя у него вовсе не было аппетита, и онъ неособенно любилъ сладкое. Онъ, благодаря угощенью Муши, выпилъ цѣлыхъ три стакана чаю и не потому, что у него была жажда, а просто не было силъ отказаться. Наконецъ, она предложила:

— Знаете что, пойдемте на воздухъ. Я такъ люблю на воздухѣ гулять. Я вамъ покажу наши мѣста.

— Ночью-то?—спросилъ Маккавеевъ.

— О, теперь свѣтло ночью... Сколько звѣздъ на небѣ...

Маккавеевъ какъ-то растерялся и почувствовалъ, что у него нѣтъ воли. На него вообще дѣйствовалъ натискъ. Отецъ Гурій слѣдилъ за нимъ во все время, когда его занимала Муша, и когда онъ увидѣлъ, что Маккавеева куда-то влекутъ, то хотѣлъ было остановить его и сказать:—куда это ты, Егоръ Трофимовичъ, вѣдь ты усталъ, скоро спать будемъ, не ходи... Но онъ ничего этого не сказалъ, онъ подумалъ: «а Богъ его знаетъ, можетъ, онъ судьбу свою найдетъ... Зачѣмъ я буду его останавливать... Вѣдь онъ странный... Сколько было дѣвицъ какъ слѣдуетъ, ему не понравились, ну, а вотъ эта мнѣ не нравится, а ему, можетъ, какъ разъ по душѣ придется. Да и надоѣла же эта возня... Ну, пусть его обкрутятъ. Что-жъ, дѣвица

шустрая, она можетъ его обработать. Ну, а ежели влопается, такъ самъ будетъ виноватъ. Что-жъ я съ нимъ подѣлаю, когда онъ такой медвѣдь!

И онъ промолчалъ.

— Такъ пойдемъ?—спросила Муша у Маккавеева.

— Пойдемъ,—покорно согласился Егоръ Трофимовичъ.

Самъ онъ не имѣлъ въ виду никакихъ матримоніальныхъ цѣлей, но ему казалось, что онъ какъ будто не имѣетъ права отказать ей, что онъ долженъ выпить всю чашу до конца.

Онъ взялъ шапку и пошелъ вслѣдъ за Мушей. Они вышли сперва во дворъ. Этотъ выходъ былъ съ другой стороны, не съ той, съ которой они подъѣхали въ экипажѣ.

— Вотъ сюда, направо, въ ворота,—сказала Муша.

Они вышли за ворота, и Маккавеевъ остановился.

— Пойдемте къ рѣчкѣ,—предложила Муша,—тамъ хорошо. Дайте мнѣ руку.

— Руку? Для чего?

Маккавеевъ никогда въ жизни не ходилъ съ дамами и тѣмъ болѣе не пробовалъ ходить съ ними подъ руку; онъ даже не зналъ, какъ это дѣлается, но, желая исполнить просьбу дѣвицы, протянулъ ей руку.

— Нѣтъ, не такъ... А вотъ какъ.

Она крѣпко ухватила его подъ руку и повела впередъ.

— Пойдемте,—сказала она.

Впереди блестѣла рѣка. Маккавеевъ видѣлъ, какъ она изливалась по ровной мѣстности, какъ среди темноты виденъ былъ только ея серебристый блескъ, а потомъ уходила куда-то въ темноту.

— Ахъ, какъ хорошо! — восклицала Муша. — Какое небо, посмотрите, какое небо. Что можетъ быть лучше этого, когда идешь вдвоемъ съ пріятнымъ человѣкомъ?

«Что это она такъ странно заговорила»,—подумалъ Маккавеевъ и промолвилъ вслухъ:—почему же я пріятный?

— Да такъ ужъ, не знаю почему. А только сразу это такъ мнѣ показалось—пріятный, да и только.

— Непонятно. Почему это я могъ бы быть вамъ пріятенъ?

— Ахъ, это всегда бываетъ непонятно; только тогда и хорошо, когда не понимаешь...

Маккавеевъ пожалъ плечами. Но она этого не замѣтила, потому что было темно. Они приблизились къ рѣкѣ; берегъ былъ не особенно высокъ, внизъ вела узенькая, извилистая тропинка. Они стали осторожно по ней спускаться.

Вотъ они уже у самой воды. На берегу лежалъ небольшой и невысокій камень съ довольно гладкой и ровной верхушкой, которая могла замѣнять скамейку.

— Сядемте здѣсь,—сказала она ему.

— Да тутъ негдѣ...—отвѣтилъ Маккавеевъ.

— Какъ негдѣ?.. А на камнѣ.

— Да тутъ вѣдь только одному можно помѣститься, тутъ одно мѣсто.

— Такъ это еще пріятнѣй, когда на одномъ мѣстѣ вдвоемъ сидѣть...

— Нѣтъ, ужъ садитесь вы, а я постою.

Она нѣсколько секундъ помедлила, какъ бы колебалась, но потомъ сѣла.

— Ахъ!—вздохнула она, глядя на рѣку.—Какъ хорошо... Только зачѣмъ вы не хотите сѣсть? Мнѣ какъ-то неловко, что я сижу, а вы стоите. Это даже не любезно, потому что вы гость. Ну, садитесь же... Вотъ тутъ.

Она подвинулась на самый край и освободила небольшую часть камня.

— Вотъ сюда,—прибавила она, указывая ладонью на мѣсто.—Ну, давайте руку и садитесь. Вотъ такъ...

Она подалась нѣсколько впередъ, взяла его руку и начала притягивать къ себѣ. Маккавеевъ слегка упирался, но не очень. Въ сущности ему было все равно, стоять или сидѣть. Ну, если ужъ ей такъ хочется, чтобъ онъ сѣлъ, онъ сядетъ. И онъ съ свойственной ему неловкостью и неуклюжестью помѣстился рядомъ съ ней.

— Ну, вотъ видите, оно и вышло ничего, что одно мѣсто... Вотъ же сидимъ... Ахъ, я бы такъ всю жизнь просидѣла.

— Какъ же это можно всю жизнь просидѣть,—возразилъ Маккавеевъ.—Всю жизнь просидѣть нельзя. Надо ходить и работать.

— Ахъ, не говорите, молчите... Мнѣ такъ хорошо...

Они сидѣли бокъ о бокъ. Мѣста было слишкомъ мало, чтобы между ними могло оставаться какое нибудь разстояніе. Но Маккавеевъ все-таки принималъ съ своей стороны мѣры, чтобы не особенно стѣснять сосѣдку, и подавался немного въ сторону. А она напротивъ, видимо, наклонялась къ нему и какъ бы нажимала на него.

— Ну, говорите же вы что нибудь, а то вы все молчите, а я должна говорить, это даже не любезно,—молвила Муша.

— Да я, знаете, не умѣю говорить,—отвѣтилъ Маккавеевъ.—Я никогда не умѣлъ говорить. Я и въ семинаріи все больше молчалъ.

— Ну, такъ молчите, все равно и такъ хорошо... дайте-ка вашу руку.

Маккавеевъ, не зная еще для чего, выдвинулъ свою руку. Она взяла ее.

— Неужели у васъ сердце не бьется?

— А ужъ, право, не знаю... Я никогда не слушалъ, бьется оно или не бьется.

— Ну, конечно, оно бьется, только я говорю, неужели у васъ не бьется оно сильно, не такъ, какъ всегда?

— И этого не знаю.

— А у меня какъ бьется! Вотъ послушайте...

— Какъ же это я буду слушать?

— А вотъ какъ...

И она довольно неожиданно для него притянула его руку къ себѣ и приложила ее къ своему сердцу.

Маккавеевъ усиленнаго сердцебіенія у нея не слышалъ. Но прикосновеніе къ ея груди вызвало у него дрожь по всему тѣлу и учащенное дыханіе.

— Что это вы дѣлаете? — спросилъ онъ, и голосъ у него какъ будто нѣсколько перемѣнился.

— А что? Сядьте-ка ближе.

— Какъ же это? Съ перваго разу... Съ первой встрѣчи и вдругъ...

— А если съ перваго разу человѣкъ по душѣ пришелся, такъ что-жъ...

И она продолжала держать его руку около своего сердца. Маккавеевъ не протестовалъ. Ему было это пріятно.

— А вы знаете Окуневку, вы были тамъ?—спросила Муша.

— Нѣтъ, не былъ. А вы почему знаете про Окуневку? Развѣ вамъ кто нибудь говорилъ?

— Мнѣ папаша сказалъ... А я тамъ была, я знаю... Тамъ хорошо... И приходъ хорошій и домъ церковный большой... Тамъ цѣлыхъ шесть комнатъ... Мнѣ такъ и представляется, какъ будто я ихъ вижу. Вотъ тутъ сейчасъ была бы прихожая... А тамъ гостиная... А сейчасъ налѣво спальная, а потомъ дѣтская... А сбоку отдѣльная комната, это столовая... А въ самомъ краю кабинетъ...

— На что ихъ столько?—промолвилъ Маккавеевъ.

— Какъ на что? Чѣмъ больше, тѣмъ лучше, пріятнѣе жить... Счастливые мужчины!

— Отчего это они счастливые?—спросилъ Маккавеевъ.

— А какъ же. Хочетъ жениться—и женится. Ему только захотѣть стоитъ..

— Ну, знаете, иной и хочетъ, да не можетъ...

— Какъ не можетъ?

— Такъ и не можетъ. Все ѣздитъ, ѣздитъ, выбираетъ себѣ невѣсту, и никакъ выбрать не можетъ.

— Это вы не можете жениться¿ съ усмѣшкой спросила она.

— А хотя бы и я..

— Такъ развѣ жъ это трудно? Взялъ и женился. Ну, вотъ такъ, какъ мы сидимъ вотъ здѣсь, а тамъ пошли въ церковь да и обвѣнчались... Ну, сядьте же ближе, что это вы все въ сторону, ей-Богу, даже обидно... Я вамъ не нравлюсь?

— Нѣтъ, отчего-жъ.. Вы... вы красивая...

И онъ какъ-то совсѣмъ безсознательно придвинулся. Его вдругъ повлекло къ ней. Кровь застучала у него въ вискахъ; пребываніе

руки около ея сердца не прошло для него даромъ. Можетъ быть, и она замѣтила, что рука его дрожитъ, и сильнѣе прижала ее къ груди.

Ея високъ касался его виска. Ея волосы щекотали ему лобъ. Ему было это очень пріятно.

— Вамъ хорошо?—спросила она.

— Отчего-жъ мнѣ... Мнѣ хорошо..

Голосъ его прерывался. И вдругъ она положила голову на его плечо, и ея горячія губы коснулись его шеи. Онъ вздрогнулъ, точно черезъ его тѣло пропустили электрическую искру. А она близко, близко пододвинулась къ нему. Ихъ колѣни касались, ея грудь тяжело вздымалась, и изъ груди этой вырвался глубокій вздохъ, полный страстнаго томленія.

Ему захотѣлось обнять ее, и свободная рука уже тянулась къ ней.. Но вдругъ какое-то новое, противоположное теченіе прошло черезъ все его тѣло, какой-то холодъ стиснулъ его сердце, онъ остановился и замѣтно отстранился отъ нея.

— Нѣтъ, зачѣмъ... пробормоталъ онъ:—зачѣмъ вы такъ...

— Что?—спросила она не совсѣмъ своимъ голосомъ.

Онъ всталъ.—Уже поздно. Пойдемъ,—какъ-то лѣниво промолвилъ онъ, глядя не на нее, а въ сторону...

— Какой вы, право!

Она вся потянулась съ какой-то глубокой тоской и поднялась.

— Пойдемте... Поздно.. Да, поздно.. какъ-то машинально говорила она.—Вы завтра не уѣдете?

— Завтра?.. Н... нѣтъ... Не знаю... Какъ отецъ Гурій...

— Какой вы странный!

— Да, я странный...

Она опять схватила его подъ руку.

— Не уѣзжайте, не уѣзжайте..

Онъ промолчалъ на это, и они пошли рядомъ. Всю дорогу они молчали. Изъ двора на встрѣчу имъ бросилась собака и довольно свирѣпо залаяла.

— Пошелъ, Волчокъ, пошелъ!—крикнула на нее Муша.

Собака отскочила прочь и замолкла. Они дошли до калитки, около которой была приставлена доска, замѣнявшая скамейку.

— Идите... сказала Муша,—а я сейчасъ приду.—И она сѣла на скамейку.

— А собаки?—спросилъ Маккавеевъ:—онѣ злыя?

— Онѣ не тронутъ васъ... Ихъ нѣтъ во дворѣ, онѣ всѣ за воротами. Идите.

Маккавеевъ пошелъ. Онъ довольно безопасно прошелъ черезъ дворъ, гдѣ дѣйствительно не оказалось собакъ, и знакомымъ уже ходомъ вошелъ въ сѣнцы, а затѣмъ въ большую комнату, гдѣ все общество продолжало еще сидѣть за самоваромъ и закусками.

— А гдѣ же Муша?—спросили его.

— Она тамъ... Она за воротами осталась, сейчасъ придетъ,— отвѣтилъ Маккавеевъ какимъ-то страннымъ неувѣреннымъ тономъ.

Дѣвицы переглянулись. Одна изъ нихъ спросила съ тонкой усмѣшкой:—Хороша у насъ рѣка? Вамъ понравилась?

«Почему это она знаетъ, что мы были около рѣки?»—подумалъ Маккавеевъ и отвѣтилъ:

— Рѣка хороша...

Наступило молчаніе. Отецъ Гурій громко зѣвнулъ.

— Я полагаю, что и спать пора,—промолвилъ онъ,—завтра, знаете, ранехонько вставать надо... Ѣхать...

— Да зачѣмъ же вамъ торопиться, отецъ Гурій?—возразилъ отецъ Мемнонъ.—Выспитесь, попейте чайку, отдохните... А тамъ... а тамъ и поѣдете, коли надо..

— Да оно такъ... какъ-то неопредѣленно отвѣтилъ отецъ Гурій:—а только все пора спать, вѣдь цѣлый день маемся...

Между тѣмъ дѣвицы одна за другой вышли и отправились за ворота. Потомъ онѣ опять всѣ появились, и вмѣстѣ съ ними пришла уже и Муша.

Минутъ черезъ пять поднялась возня. Гдѣ-то въ глубинѣ квартиры готовили постели для пріѣзжихъ. А затѣмъ отецъ Мемнонъ пригласилъ ихъ въ сосѣднюю комнату.

— Спокойной ночи, спокойной ночи,—говорили Маккавееву дѣвицы и уходили одна за другою, а Муша подала ему руку, какъ-то продолжительно подержала его руку въ своей и наградила его на прощанье долгимъ выразительнымъ взглядомъ...

Въ сосѣдней комнатѣ не было ни кровати, ни дивана. Имъ сдѣлали широчайшую постель на полу. Они должны были спать на ней оба. Они уже привыкли къ этому; вездѣ имъ такъ стлали.

Они остались съ отцомъ Гуріемъ вдвоемъ. Отецъ Гурій предусмотрительно плотно заперъ дверь, которая вела въ большую комнату, и другую, которая вела неизвѣстно куда, затѣмъ онъ снялъ съ себя кафтанъ и началъ разспрашивать Маккавеева вполголоса, такъ чтобы не могло быть слышно ни въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ.

— Ну, что же, братецъ ты мой, исповѣдуйся...

Маккавеевъ снималъ жилетъ и не отозвался на это ни однимъ словомъ.

«Молчитъ,—подумалъ отецъ Гурій,—это что нибудь особенное означаетъ. Никогда прежде не молчалъ, всегда все выкладывалъ. Можетъ, и сговорились, кто ихъ знаетъ».

— Ну, что жъ, Егоръ Трофимовичъ, такъ ничего мнѣ и не скажешь?—продолжалъ допытываться отецъ Гурій.—Кажись, я тутъ не причемъ. Можетъ, счастье свое нашелъ?

— Знаете, отецъ Гурій,—отвѣтилъ наконецъ Егоръ:—этого со мной еще никогда не бывало...

— А что же такое?

— Да такъ... Не знаю, какъ и разсказать... Даже, знаете, неловко...

— Вотъ какъ. Но неужто тебѣ предо мной неловко? А разскажи, разскажи. Это вдвойнѣ любопытно...

— Да вотъ видите, отецъ Гурій, пошли это мы къ рѣкѣ... Первое дѣло она сейчасъ меня какъ-то подъ руку взяла и руку жать стала повыше локтя...

— Ага! ну, что-жъ, это ничего...

— Да я не говорю... А потомъ пришли къ рѣчкѣ, тамъ камень... Небольшое такое мѣстечко, она и говоритъ: сядемте, говоритъ. А я вижу, что тамъ и для одного мѣста мало, и говорю: садитесь вы, а я постою. Она сѣла, а потомъ мою руку взяла да и тянетъ къ себѣ,—садитесь, да садитесь. Ну, я сѣлъ, знаете... И совсѣмъ близко... Такъ ужъ близко, что ближе и нельзя... А она опять руку беретъ, да къ сердцу своему прикладываетъ... У меня, говоритъ, сердце вотъ какъ бьется... И все, знаете, отецъ Гурій, на меня налегаетъ... Ну, я же не ангелъ, у меня кровь тоже, кровь зашевелилась.

— А, зашевелилась таки... съ усмѣшкой промолвилъ отецъ Гурій.—Ну, ну, что-жъ дальше?...

— А дальше голову на плечо положила и къ самой шеѣ губами... Тутъ я даже закипѣлъ... И чуть было не обнялъ ее. Да какъ-то въ это время ко мнѣ разумъ вернулся... Я вижу, не хорошо это... Какъ же это, дѣвица... въ первый разъ увидѣла и вдругъ такое обращеніе.

— Да, дѣвица, видно, не промахъ...

— Я, отецъ Гурій, никогда съ дѣвицами не бывалъ, такъ и не знаю, можетъ, оно такъ и слѣдуетъ? Не всѣ же дѣвицы такъ..

— Разумѣется, не всѣ.. Ну, и что-жъ, тебѣ это пріятно было?

— Да оно-то пріятно, да только все какъ-то это не такъ..

— А, можетъ, она это отъ души, какъ ты думаешь?

— Можетъ, и отъ души,—лѣниво согласился Маккавеевъ.

— Только знаешь, все-таки странно, больно ужъ скоро... Хотя, правда, у нѣкоторыхъ дѣвицъ бываетъ такая природа воспалительная... Это, конечно, бываетъ, но только хорошо ли это, ужъ я и самъ не знаю... Ты не смотри на меня, что я человѣкъ уже пожилой. Я самъ, братъ, по женской части никакихъ знаній не имѣю. Конечно, въ молодости, когда еще дьячкомъ былъ, случались грѣшки... Ну, да это такъ мимоходомъ.. А потомъ какъ женился на моей Марьѣ... такъ ужъ больше и никакихъ. Да, это ты попалъ... Не знаю, что тебѣ и посовѣтовать..

— Отецъ Гурій, а гдѣ тутъ Богоявленское?—вдругъ неожиданно для отца Гурія спросилъ Маккавеевъ.

— Богоявленское? Да что ты все со своимъ Богоявленскимъ пристаешь?

— Такъ, можетъ, оно близко... Ну, вотъ я и спрашиваю. Все жъ таки... Тамъ знакомые есть.

— Ахъ, да, у тебя этотъ дьячекъ-то... Да я полагаю, что недалеко... Тутъ и твоя Окуневка недалеко... Не знаю я хорошенько, а такъ мнѣ представляется, что Окуневка должна быть верстахъ въ шести... А до Богоявленскаго оттуда рукой подать.

— Значитъ, недалеко...—соображалъ вслухъ Маккавеевъ.

— Да выходитъ, что недалеко... А, можетъ, и вру, не знаю. Охъ, охъ, охъ...

Отецъ Гурій глубоко вздохнулъ, но этотъ вздохъ скорѣе походилъ на зѣвоту сильно уставшаго человѣка.

— Ну, что жъ, спать будемъ, что ли? Ты больше мнѣ ничего не скажешь, богословъ?

— Что жъ я вамъ скажу, отецъ Гурій, я все вамъ разсказалъ.

— А какъ это мы попали сюда? Какого ты на этотъ счетъ мнѣнія?

— Не понимаю какъ. Какъ-то это очень ужъ чудно вышло...

— То-то и есть, что чудно. Тутъ, полагаю я, не безъ штуки со стороны отца Мемнона...

— Я тоже такъ думаю.

— Ну, и штукарь же этотъ отецъ Мемнонъ, вотъ ужъ истинно мастеръ своего дѣла... Жизнь у него, знаешь, такая трудная... Ну, а жизнь всему научаетъ и не на такія штуки пустишься, когда на твоей шеѣ пять дѣвицъ сидитъ... Меня Господь избавилъ отъ этого счастья... У меня дѣтей вовсе нѣтъ. Оно скучновато, да за то заботъ меньше... Ну, что бы я дѣлалъ, ежели бы у меня вотъ этакъ, какъ у отца Пафнутія, полдюжины на шеѣ сидѣло. Охъ, охъ, охъ... Ну, я свѣчку погашу, ложись и ты спать.

Маккавеевъ улегся и прикрылся одѣяломъ. Отецъ Гурій погасилъ свѣчу. Вѣки его очень скоро закрылись. Но прежде чѣмъ уснуть, онъ допустилъ еще нѣсколько размышленій: «А, чего добраго, еще женится, ей-Богу, женится,—думалъ онъ по адресу Маккавеева.—Вотъ какъ надо ловить ихняго брата... Вѣдь до сихъ поръ ни одна не обкрутила, а эта сразу: цапъ-царапъ и готово... Чего добраго, женится».

Это была его послѣдняя мысль, послѣ которой онъ уснулъ и сразу началъ храпѣть.

Казалось бы, ничего особеннаго не случилось. Между тѣмъ Егоръ рѣшительно не могъ заснуть.

Попали они невзначай къ отцу Мемнону, ну, чтожъ изъ этого? Вѣдь ихъ хорошо приняли, радовались, угощали. Ихъ уложили на мягкія постели, дѣвица съ нимъ была ласкова, даже гораздо больше...

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего, кромѣ пріятнаго. А между тѣмъ въ груди Маккавеева наростало какое-то совсѣмъ новое чувство, ка-

кого прежде онъ никогда не испытывалъ. Чувство это было тяжелое и скверное, походившее не то на страхъ, не то на отвращеніе.

До сихъ поръ видѣлъ онъ не мало дѣвицъ, и со всѣми ими ему приходилось говорить объ одномъ и томъ же, всегда разговоръ вращался на женитьбѣ и приходѣ. Но никогда еще не было ничего похожаго на то, что случилось здѣсь. И какъ же это такъ? Едва только увидала его въ первый разъ и двухъ словъ еще не сказала и вдругъ сейчасъ уже подъ руку беретъ, и жмется къ нему, и на камнѣ его рядомъ съ собою садитъ, и руку къ сердцу прижимаетъ. Оно, конечно, пріятно. Что и говорить! Это кровь волнуетъ. Точно его поставили на огонь, и вотъ его кровь вскипѣла и вдругъ поднялась и начала бурлить. Но все жъ таки это удивительно. Вѣдь онъ очень хорошо чувствовалъ, что она была не безучастна. У нея тоже шумѣло въ головѣ и голосъ дрожалъ и грудь ея вздымалась. Положимъ, и это пріятно. Оно такъ и надо. Ужъ если люди обнимаются, такъ ужъ чтобъ было съ обѣихъ сторонъ... А только вѣдь это выходитъ вотъ что: сегодня онъ пріѣхалъ, она пошла съ нимъ гулять и руку къ сердцу и голову на плечо и прочее и прочее, и вздыманіе груди и прикосновеніе горячихъ губъ къ его шеѣ... А завтра онъ уѣдетъ и пріѣдетъ другой, тоже богословъ. Она и съ нимъ пойдетъ къ рѣкѣ и его рядомъ съ собой на камень посадитъ и руку его къ груди прижметъ, ну, и все другое. А, можетъ, и вчера пріѣзжалъ кто нибудь, и было то же самое... Значитъ, она ко всякому льнетъ и всякаго на камень сажаетъ и отъ всякаго у нея грудь вздымается. Ну, можетъ, не отъ всякаго; можетъ, отъ не кончившихъ курсъ и исключенныхъ изъ семинаріи она такъ не воспаляется, но уже всякій богословъ ее навѣрно поджигаетъ. Такъ что же это за дѣвица? Ну, и потомъ, когда онъ женится на ней, вѣдь будетъ то же самое. Всякій пріѣзжій будетъ ее воспламенять. Онъ въ церкви всенощную будетъ служить, а тутъ какой нибудь гость пріѣхалъ, она его принимаетъ, и онъ все время долженъ думать о томъ, что тамъ дѣлается дома и какъ жена ведетъ себя. Такъ вѣдь это же ужасно; это невозможная жизнь.

И какъ это у нихъ ловко все сдѣлалось. Очевидно, они ждали и совѣщались. Можетъ, даже жребій бросали, а, можетъ быть, такъ, по старшинству лѣтъ. Очевидно, на долю Мушки выпалъ этотъ жребій, и вотъ она имъ и занялась. А если бы жребій выпалъ на долю другой, другая бы угощала его вареньемъ, сажала бы его на камень и прикладывала бы его руку къ сердцу.

Да, можетъ быть, это еще и случится, ежели онъ не изъявитъ согласія жениться на Мушкѣ. Можетъ быть, онѣ по очереди всѣ пятеро будутъ руку ему къ сердцу прижимать и которая нибудь въ концѣ концовъ таки обкрутитъ его. Отецъ Мемнонъ ловко вымуштровалъ ихъ. Онъ не только ихъ пѣть «Зозулю» научилъ, а и жениховъ уловлять.

И хитрый же человѣкъ отецъ Мемнонъ. Маккавеевъ теперь очень хорошо понималъ, что попали они сюда далеко не случайно. Вспомнилъ онъ весь дневной разговоръ съ отцомъ Мемнономъ. Не такой онъ человѣкъ, чтобы даромъ продѣлать всю эту штуку. Вѣдь до чего дошло?—щекотать сталъ, чтобъ только добиться своего. Взять хотя бы то, что онъ такъ безсовѣстно наболталъ про Аграфену. Какія скверности! Развѣ можетъ человѣкъ добропорядочный такъ говорить про другого, да еще про дѣвицу и про родственницу?

Положимъ, онъ, Егоръ, не имѣлъ никакого желанія жениться на Аграфенѣ. Но, что же изъ этого? Зачѣмъ же распускать такія скверности про человѣка? Вѣдь это гадко.

Ну, а потомъ не даромъ же онъ тогда по ошибкѣ попалъ къ ихъ лошадямъ вмѣсто своихъ. Такой человѣкъ времени даромъ не потратитъ. Онъ просто-напросто переговорилъ тогда съ кучеромъ, заплатилъ ему что нибудь или пообѣщалъ, вѣрнѣе, что пообѣщалъ только и, должно быть, надуетъ. А тотъ повѣрилъ да вотъ и завезъ ихъ сюда.

Заблудились. Ну, какъ же, такъ онъ и повѣрилъ. Ну, если заблудились, такъ почему же попали не къ какому нибудь отцу Софронію, о которомъ была рѣчь, а именно къ нему, къ отцу Мемнону? И вѣдь онъ ждалъ, это сейчасъ видно, что ждалъ. У нихъ и самоваръ кипѣлъ и закуска была готова, и выпивка. Чуть ли и постели для нихъ не были уже приготовлены... Такъ что же это выходитъ? Его хотѣли чуть не обманомъ окрутить... Ей-Богу, это что-то въ родѣ плѣненія Вавилонскаго. И всѣ они сговорились, всѣ сошлись на одномъ: и отецъ Мемнонъ, и баба, которая отворяла имъ дверь, и дѣвицы.

А почемъ онъ знаетъ, что за дѣвица эта Мушка? Можетъ быть, она вовсе уже не дѣвица. Можетъ быть, она какъ разъ то самое и есть, что говорилъ отецъ Мемнонъ про Аграфену: и водку пьетъ и все прочее.

Такъ неужели же онъ, Егоръ Маккавеевъ, такъ долго и тщательно отстаивавшій себя въ эти дни, дастъ провести себя здѣсь, въ этомъ самомъ худшемъ мѣстѣ изъ всѣхъ, въ какихъ они бывали.

И сердце у него заныло. Онъ чувствовалъ себя какъ бы окруженнымъ врагами. Одинъ только отецъ Гурій еще ему не врагъ, такъ однако же въ сущности и онъ готовъ допустить, чтобы его женили на Мушкѣ, или на другой изъ пятерыхъ дѣвицъ. Ему надоѣла возня, это понятно. Такъ вѣдь ему, можетъ быть, придется возиться съ такой женой всю жизнь. Ему, Маккавееву, а не отцу Гурію... А отецъ Гурій въ сущности вѣдь любитъ это занятіе. Очевидно, ему доставляетъ большое удовольствіе ѣздить по попамъ и говорить о женитьбѣ, о приданомъ, о свадьбѣ.

Нипь какъ онъ теперь благополучно хранитъ. Скажи ему теперь Маккавеевъ: женюсь на Мушкѣ, такъ онъ только перекрестится и скажетъ:

— Ну, и слава Богу, и женись, когда охота, желаю счастья.

Такъ выходитъ, что и онъ такой же ему непріятель, какъ и отецъ Мемнонъ и всѣ прочіе.

И не спалось Маккавееву; просто не могъ онъ сомкнуть глазъ и чувствовалъ, что не заснетъ до самаго дня.

Онъ поднялся и подошелъ къ окну. Ставни были закрыты съ улицы, но сквозь широкую щель онъ видѣлъ кусокъ звѣзднаго неба и часть рѣки съ блестящей поверхностью.

Охъ, какъ еще долго будетъ тянуться ночь, подумалъ онъ про себя.

А въ комнатѣ была страшная духота. Отецъ Гурій настоялъ, чтобы окно было плотно прикрыто. Онъ боялся схватить ревматизмъ. И захотѣлось Маккавееву во что бы то ни стало воздуху, и началъ онъ мечтать о томъ, чтобъ какъ нибудь выбраться вонъ изъ комнаты.

Вотъ только одно смущало его—собаки. Онѣ сейчасъ подымутъ страшный лай. А это нехорошо. Разбудятъ и хозяевъ и прислугу, и могутъ, Богъ знаетъ, что подумать.

Но вдругъ его осѣнила мысль. Онъ вспомнилъ, что когда расходились спать, въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ они закусывали, на столѣ остались и хлѣбъ и куски пирога. Потомъ онъ не слышалъ, чтобы кто нибудь прибиралъ все это. Слышалъ, что кто-то входилъ въ комнату, но никакого звона посуды и особеннаго движенія не было.

Изъ этого онъ заключилъ, что хлѣбъ и куски пирога должны лежать на своемъ мѣстѣ. Слѣдовательно, ему стоитъ только пройти въ сосѣднюю комнату, захватить всего этого побольше, и тогда нечего бояться собакъ, ихъ можно подкупить пирогомъ и хлѣбомъ.

«А что если тамъ спитъ кто нибудь?—подумалъ онъ.—Вѣдь въ этомъ домѣ такая масса народу, что, вѣроятно, они во всѣхъ комнатахъ цѣлыми кучами спятъ. Э, ничего, продолжалъ онъ размышлять, они, должно быть, спятъ, какъ убитые. Ихъ, я думаю, выстрѣломъ изъ пушки и трезвономъ во всѣ колокола не разбудишь».

И онъ съ несвойственной ему рѣшительностью началъ одѣваться. Отецъ Гурій все храпѣлъ. Храпъ у него былъ художественный, на всѣ тоны. На столѣ лежала коробочка спичекъ. Онъ нащупалъ ее. Онъ одѣвался, старательно застегивая всѣ пуговицы, чтобы въ случаѣ внезапной встрѣчи съ кѣмъ нибудь было все прилично.

Вотъ онъ готовъ. Онъ тихонько, какъ воръ, пріотворилъ дверь въ сосѣднюю комнату и вошелъ туда на цыпочкахъ. Другого хода, чтобы выйти во дворъ, онъ не зналъ. Войдя въ комнату, онъ зажегъ спичку.

Къ его полному удовольствію, онъ увидѣлъ, что на столѣ все было такъ, какъ онъ оставилъ. Были не только хлѣбъ и куски пирога, но и маслины и селедка и еще что-то съѣстное. Но это его не интересовало, ему нужна была только пища для собакъ.

Спичка уже догорала, когда онъ случайно взглянулъ на диванъ и вдругъ обомлѣлъ.

«Батюшки,—подумалъ онъ,—тутъ отецъ Мемнонъ спитъ».

А спичка въ это время погасла. Въ первую минуту у него явилось движеніе вернуться обратно, но потомъ онъ рѣшилъ все-таки по возможности довести дѣло до конца; онъ нащупалъ хлѣбъ на столѣ и нѣсколько кусковъ пирога и началъ не спѣша всѣмъ этимъ набивать карманы.

Какъ на бѣду, отецъ Мемнонъ въ это время проснулся и, промычавъ что-то себѣ подъ носъ, вдругъ очевидно почуялъ въ комнатѣ присутствіе посторонняго человѣка.

— Кто тутъ?—спросилъ онъ, и въ голосѣ его слышался нѣкоторый страхъ.

— Это... это я,—отвѣтилъ нерѣшительно Маккавеевъ.

— Кто такой?

Отецъ Мемнонъ схватился, вообразивъ, что въ комнату ворвался воръ.

— Да это я, я...

Маккавеевъ не рѣшился назвать себя по имени; онъ почему-то думалъ, что отецъ Мемнонъ не знаетъ его имени, такъ какъ въ сущности отецъ Гурій не представлялъ его. Хотя онъ и читалъ бумагу, но это было сдѣлано такъ спѣшно и при такихъ странныхъ обстоятельствахъ, что онъ легко могъ позабыть. И онъ вмѣсто того, чтобы назвать себя, зажегъ вторую спичку и освѣтилъ себѣ лицо.

— А, вы!—промолвилъ отецъ Мемнонъ, и по тону его было слышно, что онъ нѣсколько успокоился. При этомъ онъ смотрѣлъ на него маленькими, совершенно сузившимися глазами.

— А что вамъ?

— Да я... я хочу выйти...

— А, выйти... Вамъ то-есть... Ага, да... Вамъ выйти... Гм... понимаю... Вамъ значитъ того... такъ, можетъ, я васъ проводилъ бы...

Онъ говорилъ все это какимъ-то отдаленнымъ голосомъ, какъ будто продолжалъ еще спать. И, повидимому, онъ готовъ былъ уже опять заснуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, я самъ,—поспѣшно возразилъ Маккавеевъ,—зачѣмъ же, не надо...

— А собаки? Вы развѣ не боитесь собакъ?

— Нѣтъ, онѣ... Я вотъ хлѣба захватилъ...

— Ага, ну, хорошо, идите... Какъ выйдете во дворъ, такъ сейчасъ налѣво, тамъ, знаете, есть такой сарайчикъ. Ну, это сейчасъ видно будетъ.

— Хорошо, хорошо,—успокоительно промолвилъ Маккавеевъ,— спите, отецъ Мемнонъ, спите...

Отецъ Мемнонъ грохнулся головой въ подушки и, кажется, въ ту же минуту заснулъ. Маккавеевъ уже не хотѣлъ терять времени и сейчасъ же направился къ двери, потомъ въ сѣнцы. Когда онъ дошелъ до выходной двери, то убѣдился, что она заперта изнутри на засовъ, но замка не было. Онъ отвернулъ засовъ, и ему удалось отворить дверь.

Вотъ онъ вышелъ на крыльцо. Въ воздухѣ была тишина. Поодаль лежали собаки; онѣ сейчасъ же всѣ разомъ подняли головы, но не начали лаять. Онѣ довѣряли всему, что выходило изъ дому.

Маккавеевъ, чтобы завязать съ ними дружескія сношенія, почмокалъ губами и издалъ звукъ, похожій на то, какъ изображаютъ поцѣлуй. Потомъ бросилъ имъ нѣсколько кусковъ хлѣба.

Собаки вскочили, схватили хлѣбъ и сейчасъ же побѣжали къ нему. Онъ сразу завоевалъ ихъ довѣріе.

У него еще былъ большой запасъ хлѣба и пирога. Но онъ экономилъ. Карманы его отдувались отъ поклажи, а собаки, повидимому, это чуяли и ластились къ нему; но Маккавеевъ ограничился тѣмъ, что гладилъ ихъ по спинамъ и что-то такое дружески бормоталъ имъ. Такимъ образомъ, онъ сразу пріобрѣлъ полное довѣріе собакъ.

Посрединѣ двора стояла водовозная бочка съ торчавшими кверху оглоблями, а на оглобляхъ рядышкомъ сидѣли куры и спали.

Однако звѣзды стали уже тускнѣть. Очевидно, дѣло шло уже къ утру. На заборѣ пропѣлъ пѣтухъ, и десятки другихъ откликнулись ему на деревнѣ. Что за чудная штука лѣтняя ночь, думалъ Маккавеевъ. Онъ никогда еще не видалъ ее какъ слѣдуетъ. Въ семинаріи ложились спать въ одиннадцать часовъ, а вставали въ шесть, ночи тамъ совсѣмъ не было, она пропадала. Да если бы и была, то въ большомъ городѣ вѣдь это совсѣмъ не то, что въ деревнѣ.

Вонъ на крышѣ сарая высится огромное круглое гнѣздо, похожее на чалму какого нибудь гигантскаго турка. Это гнѣздо аиста. Стоитъ онъ всю ночь на одной ногѣ. Какія у нихъ тонкія длинныя ноги! Ихъ двое и стоятъ они по краямъ гнѣзда, какъ часовые на стражѣ. А внутри гнѣзда ихъ молоденькія дѣти, которыя еще не въ состояніи ни стоять, ни летать.

Пѣтухъ своимъ крикомъ разбудилъ взрослыхъ аистовъ, и они застучали носами. Какая странная музыка пошла отъ этихъ носовъ. Въ городѣ онъ ничего подобнаго не видѣлъ и не слышалъ.

Но, однако, зачѣмъ же онъ вышелъ изъ комнаты? Онъ вспомнилъ о томъ, какъ отецъ Мемнонъ проснулся и какими странными глазами смотрѣлъ на него. И что только онъ подумалъ! Ахъ, да, сарайчикъ... Маккавеевъ чуть не разсмѣялся. Хорошо, что онъ не согласился провожать его...

Но все-таки зачѣмъ же онъ вышелъ? Да такъ, ни за чѣмъ, просто

вышелъ, да и только. А теперь вотъ, пользуясь тѣмъ, что собаки его признали, выйдетъ за ворота. Не спится ему, такъ зачѣмъ же сидѣть въ душной комнатѣ? Тамъ за воротами есть скамейка, на которой вчера Мушка сидѣла. Ну, вотъ на этой скамейкѣ онъ и посидитъ.

И онъ пошелъ за ворота. Онъ старался сообразить, который бы теперь могъ быть часъ. У него часовъ никогда не было. У отца Гурія были толстые серебряные часы на массивной серебряной же цѣпи. Онъ любилъ показывать всѣмъ эти часы, говорилъ, что они старинные, и называлъ ихъ то хронометромъ, то цыбулей, смотря, въ какомъ настроеніи находился. А онъ, Маккавеевъ, всегда мечталъ о томъ, чтобы у него были часы. Но это было очень трудно сдѣлать.

Да, такъ который же теперь часъ? Должно быть, еще нѣтъ трехъ. Въ три часа уже начинаетъ явно свѣтать. Онъ сѣлъ на скамейку и смотрѣлъ на рѣку. Какъ она мѣняетъ свой цвѣтъ! Вчера, когда они съ Мушкой сидѣли на камнѣ, рѣка была совсѣмъ темная и такая глубокая, какъ ему казалось. А когда Мушка прижала его руку къ сердцу, и у него пробѣжала дрожь по тѣлу, и захотѣлось обнять ее, рѣка сдѣлалась такой ясной, голубой. Это, должно быть, было одно воображеніе. А теперь она темносѣрая. По ней идетъ зыбь, и звѣзды уже не отражаются въ ней.

Что-жъ будетъ завтра? На него нападутъ и при томъ всѣ разомъ и начнутъ рвать его на части. Отецъ Мемнонъ пристанетъ такъ, что и не отвяжешься отъ него. Пожалуй, Мушка разскажетъ, а, можетъ быть, уже и разсказала, какъ она держала его руку около сердца, и всѣ скажутъ, что послѣ этого ему непремѣнно надо жениться. И женятъ его, обязательно женятъ. Отецъ Мемнонъ очень ловкій человѣкъ и ужъ чего захочетъ, того и достигнетъ.

А онъ не хочетъ тутъ жениться. Съ какой стати? Эти дѣвицы, такъ жадно набрасывающіяся на ѣду, такъ странно хихикающія и перешептывающіяся между собой, внушаютъ ему отвращеніе. А съ Мушкой послѣ вчерашняго онъ не хотѣлъ бы вовсе встрѣчаться.

Что-жъ ему дѣлать? пойти въ комнату, разбудить отца Гурія и сказать:

— Поѣдемъ сейчасъ куда нибудь, поѣдемъ, отецъ Гурій, хоть къ дьяволу въ пекло, только бы поскорѣй отсюда.

Такъ вѣдь это же не удастся; нѣтъ, ни за что не удастся. Во-первыхъ, отецъ Гурій теперь такъ спитъ, что его ни за что не добудиться, а если разбудишь его, такъ онъ выругается, и больше ничего, и опять заснетъ, какъ отецъ Мемнонъ.

А вѣдь можно взять лошадь на току (онѣ стояли тамъ около сѣна подъ открытымъ небомъ всю ночь), сѣсть верхомъ, да и удрать. Эхъ, тоже,—мысленно посмѣялся надъ собой Маккавеевъ,—сѣсть верхомъ, да не только сѣсть, а еще и удрать, такъ вѣдь я же никогда въ жизни не сидѣлъ на лошади и не знаю, какъ на ней сидѣть,

какъ взлѣзть на нее, какъ ноги держать, какъ управлять поводомъ. И при томъ куда ѣхать? Какъ куда? Да куда нибудь, это все равно. Лишь бы только не быть здѣсь.

Но вѣдь тамъ на сѣнѣ спитъ и кучеръ, а ужъ онъ-то не пропуститъ его. Не даромъ отецъ Мемнонъ у Голопузова о чемъ-то шептался съ нимъ. Да если кучеръ пропуститъ, то собаки, не смотря на ихъ недавнюю дружбу, подымутъ адскій лай, принявъ его за конокрада.

Нѣтъ, это все не годится. Положеніе было самое трудное, невыносимое. Видно, придется таки испить чашу до дна и дождаться завтрашняго утра, а тамъ умолить какъ нибудь отца Гурія, во что бы то ни стало ѣхать дальше. Да вѣдь не пуститъ отецъ Мемнонъ, ни за что не пуститъ, уже онъ что нибудь придумаетъ, у него вѣдь голова какая-то особенная и по формѣ странная, остроконечная, точно сахарная. Онъ возьметъ да и отошлетъ лошадей за десять верстъ на пастьбу, а то еще хуже—подпилитъ ось въ экипажѣ и скажетъ—сломалась. Отецъ Мемнонъ на все пойдетъ вѣдь.

Вонъ по дорогѣ ѣдутъ возы, запряженные волами. Мужики и бабы развалились на нихъ и спятъ. Церковный сторожъ проснулся, походилъ, походилъ вокругъ церкви, а потомъ ухватился за веревку, которая спускалась съ колокольни отъ средняго колокола, и принялся отбивать часы. Разъ, два, три, четыре... Ого, онъ набилъ цѣлыхъ семнадцать. Видно, здѣсь и часы какіе-то особенные.

А что если онъ догонитъ какой нибудь возъ и скажетъ:

— Возьмите меня съ собой.

— Куда? Зачѣмъ? Да такъ никуда и ни зачѣмъ. Пожалуй, примутъ за сумасшедшаго.

А уже начинаетъ свѣтать. Уже явственно свѣтаетъ. Рѣчка сдѣлалась совсѣмъ бѣлой. Востокъ порововѣлъ. Вѣдь скоро, пожалуй, и вставать начнутъ. Въ деревнѣ вѣдь рано встаютъ.

И по мѣрѣ того, какъ ночная тьма прояснялась, у Маккавеева все больше и больше щемило сердце. Онъ чувствовалъ, какъ будто на него надвигается бѣда, и что отъ этой бѣды надо непремѣнно бѣжать.

И было у него такое странное ощущеніе, какъ будто тамъ, гдѣ-то, вдали, можетъ быть, на томъ концѣ неба, на востокѣ, гдѣ появилась розовая полоска, его ждетъ что-то пріятное, что-то такое, что разомъ избавитъ его отъ всѣхъ злоключеній и бѣдъ. И казалось ему, что тамъ душа его вдругъ разомъ отдохнетъ. Чувствовалъ онъ это и не зналъ, что это такое. Кажется, ничего никто ему не обѣщалъ, а только оставаться здѣсь было ему нестерпимо, совсѣмъ невыносимо.

И онъ вдругъ поднялся и пошелъ къ дорогѣ. Собаки оставались во дворѣ и не видѣли его. Появился одинокій возъ; волы ступали тихо и важно. Мужикъ съ короткой бородой не спалъ, а полуле-

жалъ такимъ образомъ, что туловище и голова его были на днѣ воза, а ноги безъ сапогъ упирались въ край и были гораздо выше головы. Онъ курилъ трубку и мурлыкалъ подъ носъ пѣсню.

При видѣ человѣка, одѣтаго въ сюртукъ, мужикъ по привычкѣ приподнялся и снялъ шапку.

— Далеко ѣдешь?—спросилъ его Маккавеевъ, и ему самому показался страннымъ этотъ вопросъ, такъ какъ въ сущности ему было рѣшительно все равно, далеко ѣдетъ мужикъ или близко.

— А нѣтъ, недалеко,—отвѣтилъ мужикъ:—въ Поплюевку, тамъ ярмарокъ теперь, такъ вотъ я и ѣду на ярмарокъ.

Маккавеевъ пошелъ рядомъ съ возомъ.

— А въ какой сторонѣ эта Поплюевка?—спрашивалъ онъ.

— А туда.

Мужикъ показалъ кнутомъ на востокъ.

— А Окуневка въ какой сторонѣ?

— Да, и Окуневка туда же...

— А близко?

— Да, совсѣмъ близко: верстовъ съ пять будетъ.

— Не больше?

— Нѣтъ, не больше. А вамъ туда?

— Да, мнѣ туда,—отвѣтилъ Маккавеевъ, самъ не зная, зачѣмъ ему собственно нужна Окуневка.

— Такъ вы пѣшкомъ?—съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ мужикъ.

— Да, если близко, можно и пѣшкомъ,—уклончиво отвѣтилъ Маккавеевъ, какъ будто у него былъ выборъ между тѣмъ, идти ли пѣшкомъ, или ѣхать въ каретѣ.

— Такъ присаживайтесь, пане, я довезу. Мнѣ оттого ничего не убавится.

— А развѣ это по дорогѣ?

— А какъ же не по дорогѣ? Само собою, по дорогѣ. Это всегда, ежели ѣхать въ Поплюевку, такъ Окуневка была по дорогѣ... Въ Окуневкѣ у меня тесть живетъ... Я у него воловъ кормлю...

— Такъ, значитъ, можно доѣхать?

— Да для чего жъ нельзя? садитесь, пане.

Маккавеевъ съ необычною для него ловкостью прыгнулъ въ возъ и очутился на самомъ днѣ его, рядомъ съ мужикомъ. При этомъ онъ оглянулся и посмотрѣлъ на тѣ мѣста, которыя такъ вѣроломно оставилъ. Домъ отца Мемнона все больше и больше исчезалъ изъ виду. Маккавеевъ прищурилъ глаза и убѣдился, что тамъ, у воротъ, не видно никакого движенія. Значитъ, еще спятъ.

— Слушай,—сказалъ онъ мужику,—а ты, можетъ, съ меня плату захочешь взять, такъ у меня нѣтъ ни копейки, я это напередъ говорю...

— Зачѣмъ же плату? Я не нарочно для васъ ѣду, пане, а мнѣ туда дорога лежитъ. А вы, должно быть, по дѣлу въ Окуневку?

— Гм... По дѣлу?—сперва переспросилъ Маккавеевъ, а потомъ отвѣтилъ:—ну, да, да, по дѣлу...—И ему стало смѣшно отъ этого предположенія. Какое же у него дѣло? Онъ и самъ не знаетъ, зачѣмъ ѣдетъ. Надо было о чемъ нибудь спросить мужика, ну, онъ и спросилъ про Окуневку. Онъ ничего не знаетъ въ этихъ мѣстахъ. А знаетъ, что есть тутъ Окуневка, вотъ потому онъ про нее и спросилъ. Ахъ, нѣтъ, знаетъ еще—Богоявленское.

— А Богоявленское далеко? — спросилъ онъ, и въ голосѣ его появилась какая-то ясная нотка.

— Богоявленское? Такъ это-жъ отъ Окуневки рукой подать. А вамъ, можетъ, въ Богоявленское?

— Ну, да, мнѣ собственно въ Богоявленское и надо.

— Такъ, значитъ, туда? Я Богоявленское хорошо знаю, даже лучше, чѣмъ Окуневку. Я въ Богоявленскомъ много лѣтъ жилъ въ работникахъ. Да, такъ вамъ, значитъ, въ Богоявленское... а вамъ кого тамъ надо? Я тамъ всѣхъ знаю. Нѣтъ такого человѣка въ Богоявленскомъ, чтобы я его не зналъ. У васъ тамъ знакомые есть?

— Да, у меня дьякъ тамъ знакомый...

— Дьякъ? Евтихій Павловичъ? Вотъ такъ штука. Дьякъ Евтихій Павловичъ... Такъ я же его знаю, какъ облупленнаго.

«Ага,—подумалъ Маккавеевъ,—это надо замѣтить, что его зовутъ Евтихій Павловичъ, а я и не зналъ».

— Ну, да, этотъ самый,—подтвердилъ онъ.—Такъ ты его знаешь?

— Да какъ же мнѣ не знать его, когда я у него же, у Евтихія Павловича, у дьяка, четыре года въ работникахъ жилъ. Какъ же мнѣ послѣ этого не знать его? Ну, а потомъ женился и сталъ жить вотъ тутъ, недалеко, на хуторѣ... Дьяка я вотъ какъ знаю... Онъ по фамиліи прозывается Проспенко. Такъ вы вотъ къ кому ѣдете...

Мужикъ оживился, привсталъ и сѣлъ. Онъ принялъ ноги съ края воза и протянулъ ихъ передъ собой.

Маккавеевъ разглядѣлъ его. И такое у него оказалось доброе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣшное лицо, съ длинными тонкими усами, спускавшимися гораздо ниже бороды, со вздернутымъ носомъ, съ страшно загорѣлой кожей, что онъ сразу почувствовалъ къ нему безграничное довѣріе.

И почему-то Маккавееву захотѣлось поговорить съ нимъ.

— Такъ ты знаешь дьяка... Ну, что-жъ, какъ онъ, хорошій человѣкъ? а?

— Дьякъ-то? Евтихій Павловичъ? Да онъ не человѣкъ...

— Какъ такъ? А что-жъ онъ такое?

— Онъ? Онъ прямо, можно сказать, ангелъ. Ужъ такой хорошій, такой хорошій, что я, прямо, плакалъ, когда уходилъ отъ него.

«Вотъ оно что,—подумалъ Маккавеевъ.—Да и я же свинья по-

рядочная. Съ какой статьи я сомнѣвался въ немъ, когда онъ ни съ того, ни съ сего мнѣ столько добра сдѣлалъ».

— Вотъ какъ?—сказалъ онъ вслухъ.—Такъ, значитъ, онъ хорошій человѣкъ. Ну, ты и дочку его знаешь?

— Это Вѣру Евтихіевну? А какъ же. Да это прямо золотая дивчина. Вотъ дивчина! чудо дивчина!

— Въ чемъ же это?

— Да, во всемъ. Она и по хозяйству, она и просвиры печетъ, она и за старикомъ, какъ за малымъ дитей, смотритъ, и сердцемъ добра, и всегда такая веселая, и никогда отъ нея строгаго слова не слышалъ. Да, дивчина вся въ отца. А ужъ онъ самъ прямо, говорю вамъ, ангелъ... Я такъ скажу, что между духовными особами такіе очень рѣдко встрѣчаются, а, можетъ, и совсѣмъ такихъ нѣтъ.

У Маккавеева почему-то радостно забилось сердце, какъ будто мужикъ хвалилъ его самого, или, по крайней мѣрѣ, его близкаго родственника. А мужикъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— Такъ вы его, выходитъ, не знаете, а только такъ?

— Мало знаю. А только дѣло имѣю къ нему.

«Какое же у меня дѣло къ дьяку?—спросилъ себя Маккавеевъ.—И что это я, должно быть, у отца Гурія врать научился».

Онъ опять оглянулся. Все село исчезло за холмомъ, не видно было даже церкви, и ему показалось, что вся эта надоѣдливая возня, въ которой кипѣлъ онъ нѣсколько дней, вмѣстѣ съ селомъ и съ домомъ отца Мемнона ушла отъ него куда-то далеко. И такъ радостно у него было на душѣ.

Одно только омрачало его утреннее настроеніе. Это—воспоминаніе объ отцѣ Гуріи. Вѣдь онъ, узнавъ о его странномъ бѣгствѣ, огорчится и, пожалуй, страшно обидится.

Но что же ему было дѣлать? Что дѣлать? Что онъ теперь будетъ дѣлать, это другой вопросъ. Онъ не знаетъ, да и знать не хочетъ. Можетъ быть, и ничего не будетъ дѣлать. Можетъ быть, онъ наплюетъ и на Окуневку, и на самую женитьбу. Все это можетъ статься. Онъ теперь неспособенъ ничего обсуждать. Такъ свѣтло, воздухъ свѣжъ и такой густой ароматъ травъ и цвѣтовъ несется съ полей съ обѣихъ сторонъ. Небо яснѣетъ все больше и больше, мужикъ такой добрый попался, ему хорошо и пока ничего не надо.

А все-таки ему тяжело вспомнить про отца Гурія. Не хочется ему обижать этого человѣка—и за что? Положимъ, изъ всей этой возни ничего не вышло, кромѣ огорченія. Но вѣдь огорченіе было обоюдно. Однако же онъ, Маккавеевъ, огорчался ради себя самого, а отецъ Гурій только ради него. Онъ, правда, любитъ эту возню, любитъ ѣздить по іереямъ, гдѣ есть дочки, и заниматься сватовствомъ. Это у него совершенно такъ, какъ иные любятъ на охоту ѣздить или на рыбную ловлю. Но и охота, и рыбная ловля пріятны

только тогда, когда есть пожива, когда охотникъ предвкушаетъ наслажденіе что нибудь принести домой, какую нибудь добычу. А тутъ столько дней ѣздили и ничего.

И, такимъ образомъ, отецъ Гурій, въ концѣ концовъ, оказывается жертвой, и вдругъ онъ его оставилъ, да гдѣ же? въ домѣ отца Мемнона, ненавистнаго отцу Гурію!

И Маккавеевъ представлялъ себѣ, какова будетъ злоба добраго отца Гурія, когда онъ проснется и не увидитъ рядомъ съ собой его, Егора. Онъ подумаетъ, что Егоръ раньше проснулся и вышелъ во дворъ погулять. Навѣрно, у него будетъ такая мысль, что захотѣлось Егору поскорѣе встрѣтиться съ Мушкой. Вѣдь вотъ тоже, какъ это отецъ Гурій могъ подумать, что онъ захочетъ жениться на этой Мушкѣ.

Да, странно устроены ихъ головы, совсѣмъ различно. Вѣдь вотъ отецъ Гурій сколько разъ совѣтовалъ ему жениться. И у отца Софонія, и у отца Пафнутія, и, что хуже всего и о чемъ ему даже вспомнить непріятно, даже у Голопузова. Да, наконецъ, и у отца Мемнона готовъ былъ посовѣтовать. А между тѣмъ, у него, у Маккавеева, ни разу въ головѣ не явилось даже мысли о томъ, чтобы серьезно таки жениться на одной изъ этихъ дѣвицъ.

Ну, а все-таки ему было очень непріятно подумать о томъ, какъ отецъ Гурій будетъ обиженъ, и онъ старался теперь придумать, какъ бы ему поправить дѣло. Но что онъ могъ сдѣлать? Еслибъ онъ придумалъ что нибудь путное, тогда еще отецъ Гурій могъ бы снизойти и простить ему. Но вѣдь онъ, въ концѣ концовъ, просто убѣжалъ и больше ничего. И вотъ теперь ѣдетъ на возу съ какимъ-то неизвѣстнымъ ему мужикомъ, и тащатъ его волы, и куда онъ ѣдетъ, неизвѣстно и, что съ нимъ будетъ черезъ полчаса, тоже неизвѣстно.

— А я знаю, что съ вами дѣлать, пане,—вдругъ перебилъ его мысли мужикъ, и Маккавеевъ поднялъ голову не безъ любопытства, такъ какъ слова мужика случайно очень подходили къ его мыслямъ. Онъ, именно, не зналъ, что съ собою дѣлать. «Что же это онъ со мной сдѣлаетъ?»—подумалъ онъ и вопросительно посмотрѣлъ на мужика.

— Я довезу васъ до Окуневки и завезу къ тамошнему дьяку Пармену... Дьякъ Парменъ—его всякій знаетъ и всѣ такъ называютъ его... Онъ старикъ и пьяненькій...

— Такъ зачѣмъ же ты меня завезешь къ нему?—спросилъ Маккавеевъ.

— Какъ зачѣмъ? А онъ въ большомъ пріятельствѣ состоитъ съ Евтихіемъ Павловичемъ, онъ почти каждый день туда бѣгаетъ, въ Богоявленское.

— Ну, такъ что же?

— Такъ уже онъ васъ туда и предоставитъ.

— Ага, ну, что-жъ, это дѣло...

— А я думаю—дѣло. А то, я вижу, вы здѣшнихъ мѣстовъ совсѣмъ не знаете, такъ это чтобъ вы не потерялись... Вонъ, видите, стоятъ желтыя копны. Это панскій токъ. Здѣшній панъ богатый и важный панъ. Онъ одинъ только и уцѣлѣлъ изъ здѣшнихъ пановъ, а другихъ всѣхъ поѣлъ Голопузовъ.

— Какъ поѣлъ?

— А такъ. Сперва въ долгъ деньги имъ давалъ, а потомъ и повыгонялъ ихъ. И другой еще тутъ въ окружности есть, жидъ Іоська. Его всѣ Іосифомъ Веніаминовичемъ называютъ. А онъ просто Іоська, какъ родился Іоськой, такъ и остался и умретъ Іоськой... Такъ вотъ этотъ самый Іоська тоже много народу покушалъ. Только разница: Голопузовъ все крупныхъ кушаетъ, все больше пановъ... А Іоська, тотъ нашего брата мужика... Іоська ничѣмъ не брезгаетъ. Ну, однако, на конецъ концовъ одно выходитъ, пока Голопузовъ одного большого слопаетъ, Іоська успѣетъ десятокъ маленькихъ глотнуть... Да, пожалуй, что Іоська еще и выгадываетъ. Ужъ я не знаю, какъ это такъ дѣлается, что сперва это деньгами они человѣка обмотаютъ, а потомъ и самого его съ мѣста спихнутъ. Должно быть, законъ такой есть на это... Ежели-бъ закона не было, такъ не дѣлали бы такъ... Да, такъ вотъ это панскій токъ, а тамъ вонъ хаты, это и есть самая Окуневка.

И передъ ними въ самомъ дѣлѣ раскинулось очень большое село. Вонъ и церковь, вся бѣлая, необыкновенно веселаго вида, съ высокой колокольней, съ новой или заново выкрашенной зеленой краской деревянной оградой, изъ-за которой выглядывали густыя верхушки деревьевъ. Видно было, что все это до послѣдняго времени содержалось въ большомъ порядкѣ.

— Церковь здѣсь хорошая,— говорилъ мужикъ,— чудо что за церковь. Такой церкви во всемъ уѣздѣ нѣтъ. На что монастырь, а и тамъ нѣтъ такой церкви... Это сами мужики выстроили. Прежде тутъ была старенькая съ деревяннымъ верхомъ. Бывало, прежній старый батюшка обѣдню служитъ, ежели этакъ осенью, когда дожди идутъ, а съ потолковъ вода льется и лужа посреди церкви стоитъ... И въ той церкви батюшка старый себѣ болѣзнь въ ногахъ схватилъ и чуть ли не отъ той болѣзни померъ. Тяжелая была церковь и такая сумрачная на видъ. А эта вотъ веселая, точно усмѣхается, когда смотришь на нее... Славная церковь. Только вотъ попа тутъ нѣтъ; старый-то батюшка померъ, а теперь, сказываютъ, новаго назначили, изъ молодыхъ будто бы, да что-то не видать, Богъ его знаетъ, гдѣ онъ шляется. Слышно, что архіерей самъ собирается быть въ монастырѣ. Обѣдню будетъ служить, и его какъ разъ въ это время попомъ будутъ дѣлать. Народъ ждетъ, всякому хочется посмотрѣть на архіерейскую службу.

«Значитъ, обо мнѣ уже здѣсь молва пошла,— подумалъ Маккавеевъ.— Какимъ образомъ они все это узнали»?..

— А вотъ мы и пріѣхали,— сказалъ мужикъ,— вонъ тамъ (онъ указалъ кнутомъ направо, гдѣ стояла цѣлая куча хатъ въ безпорядкѣ), вонъ тамъ мой тесть живетъ, а тутъ — видите, вотъ церковный домъ, такъ тутъ дьякъ Парменъ угловую часть занимаетъ. А прочія комнаты для попа... Вотъ я васъ сейчасъ подвезу. Собъ, собъ! — прикрикнулъ онъ на воловъ, и волы чрезвычайно покорно повернули къ церковному дому и, доѣхавъ до воротъ, вдругъ сами безъ всякаго понужденія остановились.

— Парменъ Яковлевичъ! а, Парменъ Яковлевичъ!—кричалъ мужикъ, которому очевидно было лѣнь слѣзать съ воза.

— А-а! — раздался дребезжащій тенорокъ изъ глубины сарая.

— Пажалуйте сюда. Тутъ я вамъ поклажу привезъ...

— Какую поклажу?

— А вотъ поглядите,—живую... Совсѣмъ какъ есть живая поклажа...

При этомъ мужикъ хитро подмигивалъ Маккавееву. Дескать, вотъ какъ мы сейчасъ проведемъ старика.

— Да ты кто такой?—спрашивалъ все изъ того же сарая дьякъ.

— А я—Спиридонъ.

— А, Спиридонъ, сейчасъ выйду.

И вышелъ изъ сарая высокій, тончайшій дьякъ, въ длинномъ засаленномъ кафтанѣ, совсѣмъ лысый и безъ шапки. У него была острая густая бѣлая бородка, красныя вѣки, а верхняя часть спины сгибалась дугой. Кафтанъ былъ у него подтыканъ, какъ юбка у бабы, и весь засыпанъ бѣлой мукой.

— Э, да вы нынче мирошникъ стали, Парменъ Яковлевичъ,—шутилъ Спиридонъ.— А я не зналъ, что вы мукомольнымъ дѣломъ занимаетесь.

— Здравствуй, Спиридонъ,— промолвилъ дьякъ, подойдя къ возу.

Маккавеевъ соскочилъ съ воза, а Спиридонъ отрекомендовалъ его.

— Вотъ, Парменъ Яковлевичъ, на дорогѣ нашелъ и къ вамъ привезъ. Это и есть моя поклажа. Къ Евтихію Павловичу дѣло имѣютъ, такъ ужъ вы ихъ туда и предоставьте, Парменъ Яковлевичъ.

— А, ну, что-жъ, отчего же... И предоставлю. Только ужъ не знаю, лошадку-то я отпустилъ въ степь. Э, да тутъ близко, ну, пожалуйте... Эй, жена, Дарья, гдѣ ты тамъ? Ты въ погребѣ что ли? Тутъ гость прибылъ... Спиридонъ привезъ его. Къ Евтихію желаютъ... Такъ тово, сперва, полагаю, чайку у насъ попьете,— обратился онъ къ Маккавееву,— а тамъ и двинемся. Я самъ къ нему собираюсь.

Маккавеевъ молчалъ. Его удивляло все, что съ нимъ происходило. Правда, что его наблюденія во время поѣздки съ отцомъ Гуріемъ были черезчуръ односторонни. Иначе и не могло быть, по-

тому что таковъ былъ характеръ и такова была цѣль ихъ поѣздки. Все попы, да поповны. Все невѣсты, разговоры о женитьбѣ, о приданомъ, о приходѣ. А тутъ ему встрѣчается мужикъ и, ни съ того ни съ сего, привозитъ его и устраиваетъ его судьбу. Потомъ старый дьякъ, который видитъ его въ первый разъ въ жизни, даже не спрашиваетъ, кто онъ и что, а сразу принимаетъ въ немъ участіе, предлагаетъ свои услуги и даже собирается его чаемъ поить. Развѣ это не чудеса? И чего это онъ боялся ступить шагъ отъ дома отца Мемнона? Очевидно, на свѣтѣ есть добрые люди, и съ ними нигдѣ не пропадешь.

— Ну, такъ я уже поѣду,—сказалъ Спиридонъ,—сдалъ вамъ поклажу и поѣду. Мнѣ еще къ тестю надо... Можетъ, и онъ на ярмарокъ ѣдетъ...

И онъ легонько помахалъ на воловъ кнутикомъ.

— Ну, поѣзжай, Спиридонъ, поѣзжай,—согласился Парменъ.

И Спиридонъ такимъ образомъ, не встрѣчая никакихъ препятствій со стороны Пармена, поѣхалъ.

Маккавеевъ остался вдвоемъ съ Парменомъ. Дьякъ посмотрѣлъ на него какимъ-то неопредѣленнымъ взглядомъ, какъ на человѣка, къ которому не знаешь еще, какъ отнестись, и спросилъ:

— Такъ вы къ Евтихію? Ну, ладно. Только рано еще, вонъ и солнце не подымалось... Или, можетъ, торопитесь, а?

— Нѣтъ, я не очень тороплюсь,—отвѣтилъ Маккавеевъ.—Мнѣ нечего торопиться.

— Ну, такъ присядемте на заваленкѣ, вотъ тутъ...

И они присѣли на заваленкѣ, которая шла вдоль всей внѣшней стѣны церковнаго дома. Домъ выходилъ на площадь, шагахъ въ двухстахъ отъ него стояла церковь. Черезъ площадь ежеминутно проходилъ и проѣзжалъ народъ. Парменъ говорилъ, глядя на прохожихъ.

— Такое здѣсь мѣсто около церкви, что всякій непремѣнно долженъ черезъ него пройти или проѣхать... куда бы ни держалъ направленіе. Ужъ я такъ полагаю, что ежели бы тутъ пошлину брать, то можно заработать больше, чѣмъ церковнымъ доходомъ.

Проходившіе и проѣзжавшіе мимо мужики и бабы обязательно здоровались съ Парменомъ, и онъ со всѣми заговаривалъ. Онъ рѣшительно всѣхъ зналъ по имени.

— Ну, что, Карпо,—спрашивалъ онъ мужика,—твоей коровѣ легче?—А, будь здорова, Хивря,—обращался онъ къ бабѣ,—а что, помирилась съ сыномъ?

И Карпо и Хивря давали ему самыя подробныя объясненія на счетъ коровы и сына.

— А церковь-то у насъ, смотрите-ка какая, просто картинка,—говорилъ Парменъ, обращаясь къ Маккавееву,—одно только жаль, что такъ долго пустуетъ, жаль даже смотрѣть. Вотъ ужъ три недѣли,

какъ похоронили стараго настоятеля... За всякой требой ѣздимъ въ Богоявленское... Оно, положимъ, намъ уже назначили какого-то богослова, и даже бумага есть...

— Бумага есть?—съ непонятнымъ для Пармена любопытствомъ спросилъ Маккавеевъ.

— Есть, а что? развѣ вы что нибудь знаете? Да, есть бумага. Богословъ. Ну, и этотъ богословъ, должно быть, еще по уѣзду ѣздитъ да жену себѣ пріискиваетъ. А мы тутъ должны съ требами по чужимъ людямъ ходить... Вотъ оно выходитъ какое положеніе. Неудобно это, очень неудобно, хоть бы монаха какого назначили временно... А вы сами не изъ семинаристовъ?

— Да, я изъ семинаристовъ.

— А не знали вы тамъ нѣкоего Маккавеева? Вотъ онъ-то и назначенъ.

— Знавалъ.

— Ахъ, знали! Ну, что же это за птица?

— Птица?—спросилъ Маккавеевъ.

— То-есть я въ томъ смыслѣ, что онъ за человѣкъ? Вѣдь мнѣ съ нимъ жить, понимаете... Дарья! а что-жъ самоваръ?—крикнулъ Парменъ, обернувшись къ воротамъ.—Вѣдь гость у насъ, ему еще въ Богоявленское надо...

Маккавеевъ задумался. Вотъ его здѣсь принимаютъ, къ нему относятся довѣрчиво и не разспрашиваютъ его про него самого, не залѣзаютъ ему въ душу, а онъ скрывается передъ этими людьми. Хорошо ли это? Ужъ не открыться ли имъ сразу? Да вѣдь тогда все вдругъ перемѣнится. Сейчасъ пропадетъ Парменъ, простой, добрый хозяинъ и явится новый, почтительный, принизчивый, станетъ на заднія лапки и начнетъ любезничать и всячески угождать. Нѣтъ, ужъ пока онъ такъ останется. Пока возможно, пока не зададутъ ему такихъ вопросовъ, на которые, не солгавши, нельзя будетъ скрыть правду.

— Такъ знаете?—оживленно спрашивалъ Парменъ.—Ну, ну, разскажите про него.

— Кажись, что онъ того... ничего...—отрекомендовалъ себя Егоръ.

— Ничего—говорите? Такъ что, человѣкъ, значитъ, порядочный...

— Мнѣ такъ казалось...

— Не гордъ?

— Ну, нѣтъ. Онъ не гордъ.

— Главное, чтобы носа не задиралъ, это самое главное. А то, знаете, эти ученые—гордецы, ученость гордость внушаетъ человѣку. Вотъ я не ученъ и не гордъ. Такъ, говорите, ничего? Что жъ, это хорошо, это слава Богу.

Вышла изъ двора Дарья, преземистая, ширококостая баба, ничѣмъ не отличавшаяся по костюму отъ проходившихъ мимо деревенскихъ бабъ. Она вытирала руки о передникъ.

— Ну, вотъ самоваръ готовъ,—сказала она,—пожалуйте.

Дьякъ всталъ, а за нимъ Маккавеевъ.

— Ну, милости просимъ, пойдемъ, чайку изопьемъ, а тамъ и къ Евтихію проберемся.

Во дворѣ стоялъ небольшой столикъ, на немъ посуда, хлѣбъ и самоваръ. Они сѣли. Дарья наливала чай и при этомъ говорила, обращаясь къ Маккавееву.

— Все утро возилась съ коровой. Не знаю, отчего это и приключилось: вымя у нея распухло страсть какъ... Никогда этого не бывало и вдругъ... и страдаетъ бѣдная, мучится, видно, больно ей... Можетъ, вы знаете—какое средство?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Маккавеевъ,—я не знаю никакого средства...

— Гм. Не знаете... Просто бѣда. У насъ въ деревнѣ есть фельдшеръ коровій, да только я ему не вѣрю. Въ прошломъ году лѣчилъ онъ корову у покойнаго батюшки и до того долѣчилъ, что она издохла.

«Почему же,—думалъ Маккавеевъ,—они у меня ничего не спрашиваютъ обо мнѣ? Вотъ чаемъ угощаютъ, говорятъ о своихъ дѣлахъ и все такъ, какъ будто давно знаютъ меня. А, можетъ быть, я мошенникъ и плутъ? Можетъ быть, я ихъ обворую или ограблю?»

И онъ смотрѣлъ на этихъ людей, въ которыхъ для него было столько новаго. Впрочемъ для него еще и во всемъ было много новаго.

Дарья замѣтила его любопытствующій взглядъ и спросила:

— Что это вы на меня такъ смотрите, словно на мнѣ есть что нибудь особенное: либо рога выросли, либо платокъ на головѣ горитъ?

— Да нѣтъ, не то,—сказалъ Маккавеевъ,—а я смотрю и дивлюсь, что вотъ вы со мной разговариваете и угощаете меня и все прочее... А даже и не спросите, кто я есть такой. А, можетъ, я воръ какой нибудь, можетъ, я васъ ограблю.

— Хе, хе, хе,—разсмѣялся Парменъ.—Ограбите? Да что грабить-то? Вѣдь почти что нечего. Ну, а ежели и есть какое добро, такъ... Ну, что-жъ, ограбите, значитъ, вы дурной человѣкъ, вотъ и все. А я такъ полагаю, ежели вы примѣрно—ну, я не говорю въ самомъ дѣлѣ, а только примѣрно—дурной человѣкъ окажетесь, такъ оттого, что я васъ, какъ любезнаго гостя, принимаю и съ довѣріемъ, такъ отъ этого самаго вамъ и неловко будетъ сдѣлать мнѣ что нибудь худое. Вотъ оно что. А слышишь, Дарья, они знаютъ Маккавеева, который къ намъ назначенъ.

— Знаютъ? — спросила Дарья,—а? Ну, какой же онъ? добрый? Я къ тому спрашиваю, что вѣдь у насъ съ нимъ общій церковный домъ, значитъ, вмѣстѣ жить придется. Съ покойнымъ-то отцомъ Сергіемъ мы сто лѣтъ мирно прожили. И матушка у него добрая была. А новый, Богъ его знаетъ, еще какой будетъ, и матушка у него будетъ молодая и образованная, должно быть...

— Матушка? Гм... да у него... У него, знаете, еще нѣту... какъ-то неожиданно для самого себя сказалъ Маккавеевъ.

— Нѣту? Какъ же это такъ, когда его черезъ четыре дня преосвященный посвящать въ монастырѣ хочетъ? Этого не можетъ быть.

— А нѣту,—подтвердилъ Маккавеевъ,—я знаю достовѣрно, что нѣту. Ужъ онъ нѣсколько дней ѣздитъ да ищетъ невѣсту и никакъ не можетъ найти.

— Вотъ оно что значитъ, переборчивъ. Это не хорошо. Можетъ, онъ за большимъ приданымъ гоняется, такъ оттого?

— Нѣтъ, не то,—уже вполнѣ увѣренно говорилъ Маккавеевъ,—большое приданое ему давали и очень даже большое... И при этомъ Маккавеевъ какъ-то необыкновенно оживился: онъ говорилъ отъ души, и въ голосѣ его слышались искреннія нотки,—да, большое приданое давали ему, да онъ не денегъ ищетъ, а чтобы человѣкъ по душѣ былъ. А развѣ можно выбрать по душѣ, когда и разглядѣть-то, какъ слѣдуетъ, нельзя и двухъ словъ сказать не успѣешь.

— Это такъ, это такъ. Такъ онъ, бѣдняга, еще и жены не нашелъ. Пожалуй, не поспѣетъ уже, а? А мы ему ужъ тутъ комнаты приготовили. Вотъ его комнаты. Эти вотъ пять оконъ—всѣ его...

Маккавеевъ заглянулъ въ растворенныя для вентиляціи окна и увидѣлъ тамъ довольно большія комнаты съ пустыми стѣнами.

— Такія пустыя?—спросилъ онъ.

— А чему жъ тамъ быть?—сказала Дарья,—покойнаго отца Сергія дочка вывезла все, потому она наслѣдница была. А слышь, Парменъ, какъ бы опять безъ попа не остались. Я вамъ скажу, что безъ попа, какъ безъ руки. Весь доходъ отъ насъ уплываетъ, все другимъ отдаютъ. Прямо бѣда. Ну, Парменъ, ты уже тянешь, еще и солнце не взошло, а ты уже прикладываешься,—воскликнула Дарья, видя, что Парменъ наливаетъ себѣ изъ штофика въ рюмку настойку и уже перекрестилъ ее и самъ перекрестился, чтобъ выпить.

— А я, видишь, выпью, чтобъ скорѣе намъ попа прислали. Это помогаетъ,—пошутилъ Парменъ и подмигнулъ Маккавееву. Послѣ этого онъ выпилъ.

— Не можетъ безъ этого,—говорила Дарья,—такъ, чтобы пьянымъ быть, этого нѣтъ. А такъ цѣлый день потягиваетъ. Привычка.

— Это я съ горя,—откликнулся дьякъ.

— Съ какого такого горя?

— Да вотъ, что нашъ будущій настоятель никакъ себѣ жены не найдетъ,—смѣясь, отвѣтилъ Парменъ. Очевидно на него и одна рюмка слегка дѣйствовала, въ глазахъ появилась легкая поволока.

— А я такъ думаю,—съ новымъ одушевленіемъ заговорилъ Парменъ.—Ежели онъ такой человѣкъ, что ему жена по душѣ надобна, и за приданымъ онъ не гоняется, такъ взять бы ему да и жениться на Евтихіевой дочкѣ Вѣрушкѣ. Ужъ это была бы жена, уже это во истину была бы жена.

— Хорошая?—спросилъ Маккавеевъ.

— Ну, какъ же не хорошая? Вѣдь я ее знаю. Она мнѣ, видите, крестницей приходится, такъ я ее знаю. И какая дѣвица! Это, ежели взять ее въ жены, такъ прямо благодать Господню въ домъ принести. А вы ее не видали?

— Видалъ, только недолго.

— Она не красавица писанная, это я не говорю. А только изъ себя пріятная. А ужъ нравъ у нея такой, что не надо и красавицы. Да, вотъ бы нашему настоятелю будущему жениться на ней, хорошо бы.

— А вы сосватайте,—сказалъ Маккавеевъ.

— Да я сосваталъ бы хоть сейчасъ. Ежели, какъ вы говорите, что онъ человѣкъ хорошій. Потому я такъ, за какого нибудь, будь онъ тамъ хоть перенастоятель, я Вѣрушу не отдамъ, и Евтихій не отдастъ... А ежели хорошій человѣкъ, я бы сосваталъ. Да гдѣ онъ, вашъ богословъ Маккавеевъ?

На Егора вдругъ напала рѣшимость. Вдругъ представилась ему Вѣра, старшая дочка Евтихія, вся, съ ея милымъ, простымъ лицомъ и прямымъ взглядомъ, и какъ она тогда заботилась о его наружности, переставляла пуговицы на его сюртукѣ и посылала его къ цирульнику, и онъ почувствовалъ, что какъ будто давно былъ знакомъ съ ней, и что она сродни ему. И вдругъ ему показалось, что еслибъ онъ посватался къ ней, то это было бы такое естественное и простое дѣло, и что такъ именно и слѣдуетъ поступить, и что это сама судьба оберегала его до сихъ поръ, и потому онъ не сыскалъ себѣ жены. Именно потому, что жена его здѣсь, въ Богоявленскомъ. И онъ сказалъ рѣшительно:

— Ну, такъ посватайте.

— Хе, хе. Такъ гдѣ же я его возьму, этого богослова?—промолвилъ Парменъ.

— Да онъ здѣсь.

— То-есть, какъ же это здѣсь?

— А такъ, онъ передъ вами и сидитъ.

Парменъ захлопалъ глазами и смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— То-есть, какъ же это сидитъ?

— Такъ это же я самъ и есть,—открылъ наконецъ свою тайну Маккавеевъ.—Это меня и зовутъ Егоромъ Маккавеевымъ.

— Да ну?

— Да ужъ повѣрьте. Не стану я лгать передъ вами. Ну, а, впрочемъ, если не вѣрите, то вотъ вамъ и бумага.

Егоръ досталъ изъ кармана бумагу и положилъ ее на столъ. Парменъ вскочилъ съ мѣста. Напрасно Маккавеевъ тыкалъ ему въ руки бумагу. Онъ не хотѣлъ на нее даже и глядѣть. На него точно столбнякъ нашелъ. Онъ хлопалъ глазами и не двигался съ мѣста. Казалось, всѣ слова у него вдругъ исчезли...

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСПОВѢДЬ ПОЛЬСКАГО ПОВСТАНЦА.

I

ЗДА на пароходѣ въ чудную майскую пору, при обиліи воды въ Волгѣ, составляетъ истинное наслажденіе. Двухъэтажный пловучій дворецъ американскаго типа спокойно и незамѣтно скользитъ по водной поверхности, и только убѣгающіе назадъ береговые предметы обнаруживаютъ быстрое поступательное движеніе. Безчисленное множество судовъ всевозможныхъ формъ и назначеній снуетъ по кормилицѣ-рѣкѣ взадъ и впередъ, безпрестанно оглашая прозрачный воздухъ пронзительнымъ свистомъ. Всѣ пристани кипятъ муравьиною дѣятельностью. А отъ береговъ не хочется глазъ оторвать: по одну сторону разстилаются широкія равнины, покрытыя яркою зеленью сочныхъ травъ и пажитей, среди которыхъ выдѣляются въ отдаленіи сѣрыя пятна деревень и селъ, съ выдвинутыми вверхъ церковными куполами; по другую—на десятки верстъ тянется высокая и крутая стѣна, то образующая въ своихъ каменистыхъ нѣдрахъ глубокія складки, то врѣзывающаяся далеко въ рѣку острымъ ребромъ. Вершины горъ покрыты молодымъ лѣскомъ, отростающимъ послѣ варварской порубки.

Среди такихъ чарующихъ пейзажей я уже третьи сутки плылъ внизъ по Волгѣ на прекрасномъ пароходѣ «Фельдмаршалъ Суворовъ». Не смотря на всѣ внутреннія удобства моей рѣчной квартиры, я весьма рѣдко заглядывалъ въ каюту и залу, но почти все

время, за исключеніемъ немногихъ ночныхъ часовъ, проводилъ на широкой террасѣ парохода, вдыхая бодрящій рѣчной воздухъ. Большинство пассажировъ, которымъ, вслѣдствіе частыхъ плаваній, интересныя картины, очевидно, уже примелькались, занимались на пароходѣ, кто во что горазд: одни, захвативъ книги изъ пароходной библіотеки, лѣниво перелистывали потрепанныя страницы, другіе энергически рѣзались въ винтъ, третьи изощряли свои музыкальныя способности на піанино. Только одинъ пассажиръ перваго класса, подобно мнѣ, не сходилъ съ палубы. Когда на другой день пути въ 5 часовъ утра я вышелъ на террасу, онъ уже былъ тутъ. Это былъ господинъ высокаго роста, стройный, лѣтъ пятидесяти, съ продолговатымъ лицомъ, на которомъ выдѣлялся римскій носъ. Глаза его, по временамъ останавливавшіеся на мнѣ, свѣтились мягкимъ добродушіемъ. Если на этого господина когда либо составлялся паспортъ, то въ числѣ особыхъ примѣтъ, безъ сомнѣнія, заносился длинный и узкій, почти черезъ всю правую щеку, шрамъ, очевидно, оставшійся послѣ рѣзаной раны. Судя по типу лица и отвисшимъ внизъ густымъ усамъ, его можно было принять за малоросса или поляка, но великорусская поддевка и высокіе сапоги не совсѣмъ гармонировали съ такимъ предположеніемъ. Я сидѣлъ съ биноклемъ въ рукахъ, а пассажиръ все ходилъ кругомъ да около, изрѣдка поглядывая на меня съ явнымъ намѣреніемъ завести разговоръ.

— Вы, безъ сомнѣнія, большой любитель природы,—сказалъ онъ, остановившись подлѣ меня и приподнявъ свой котелокъ.—Я тоже имѣю эту слабость; сколько разъ ужъ проѣзжалъ здѣсь, а все предпочитаю глазѣть по сторонамъ, чѣмъ сидѣть въ каютѣ.

— Совершенно раздѣляю вашъ вкусъ. Полюбоваться есть на что, особенно, если путешествуешь въ первый разъ, какъ я.

Мы разговорились. Спутникъ мой возвращался изъ Нижняго, гдѣ онъ подыскалъ и нанялъ помѣщеніе подъ шерсть, которая должна быть доставлена туда изъ имѣнія на ярмарку. Когда мы нѣсколько ознакомились, то смѣлѣе стали любопытствовать на счетъ другъ друга.

— Вашъ выговоръ,—замѣтилъ я,—напоминаетъ мнѣ далекую западную окраину, гдѣ я прослужилъ болѣе двадцати лѣтъ.

— Проклятый этотъ выговоръ,—досадливо воскликнулъ онъ,—какъ я ни стараюсь «посбыться» его, никакъ это мнѣ не удается. Дѣйствительно, я родился въ Люблинской губерніи. Позвольте отрекомендоваться: Иванъ Станиславичъ Вшеборъ.

Я назвалъ себя, и мы стали говорить про Польшу. Оказалось много мѣстъ и даже людей, которыхъ мы оба знали. Въ концѣ концовъ открылось даже старое знакомство между нами, хотя мы были и въ противоположныхъ лагеряхъ: онъ въ бандахъ повстанцевъ, во время возстанія 1863 г., я въ преслѣдующихъ отрядахъ.

Когда Вшеборъ разсказалъ, что рубецъ на лицѣ остался у него вѣчною памятью послѣ казацкой шашки, при разбитіи инсургентовъ Землинскаго, Яцковскаго и Красолинскаго у деревни Янувки отрядомъ полковника Шельтинга, то я, съ своей стороны, припомнилъ, что, находясь въ этомъ самомъ отрядѣ, послѣ дѣла при Янувкѣ, останавливалъ сильное кровотеченіе изъ глубокой раны на лицѣ у молодого поляка, котораго санитары подобрали на полѣ битвы, послѣ бѣгства инсургентовъ, и принесли на перевязочный пунктъ. Молодой человѣкъ въ зеленой чемаркѣ находился въ глубокомъ обморокѣ и былъ блѣденъ, какъ смерть, отъ потери крови. Когда послѣ перевязки раненый былъ приведенъ въ чувство, я далъ ему изъ походной фляги порядочную порцію рому и отправилъ вмѣстѣ съ своими ранеными въ полковой лазаретъ, находившійся неподалеку въ уѣздномъ городѣ при штабѣ полка. Въ лазаретѣ онъ оставался въ моемъ пользованіи недѣли двѣ. Теперь я даже припомнилъ общее сходство въ чертахъ лица пожилого знакомца моего съ раненымъ молодымъ инсургентомъ. Радость его, по поводу нашей встрѣчи, была безгранична; онъ не находилъ словъ выразить мнѣ чувства своей признательности.

Съ этого момента мой спутникъ привязался ко мнѣ, какъ къ родному. А такъ какъ онъ былъ словоохотливый и занимательный человѣкъ, видавшій виды, то я пріятно провелъ три дня моего путешествія въ его обществѣ. Между прочимъ, онъ съ полною откровенностью выложилъ предо мной исповѣдь участія своего въ послѣднемъ польскомъ мятежѣ. Этотъ разсказъ показался мнѣ настолько любопытнымъ, что, не надѣясь удержать въ памяти всѣ его подробности, я просилъ Вшебора, при разставаньи съ нимъ, изложить разсказанную исторію на бумагѣ и прислать мнѣ.

Черезъ полъ-года я получилъ отъ него рукопись при слѣдующемъ письмѣ: «съ удовольствіемъ исполняя ваше желаніе, посылаю описаніе моихъ похожденій. Я пробовалъ излагать порусски, но литературная форма мнѣ не дается. Поэтому простите, что написалъ на томъ языкѣ, на которомъ я получилъ школьное образованіе. У меня мысль гораздо легче и правильнѣе облекается въ польскую оболочку. Всѣ собственныя имена, вамъ хорошо извѣстныя, на всякій случай замаскированы, такъ что если кто изъ дѣйствовавшихъ лицъ здравствуетъ, то узнать ихъ нельзя подъ маской. Сами же они могутъ признать себя только по обстановкѣ фактовъ».

Вотъ эта исповѣдь.

Хотя мнѣ съ самаго малолѣтства внушалось, что злѣйшіе враги поляковъ — «москали», но я въ сердцѣ моемъ не питалъ къ русскимъ особенной вражды, такъ что товарищи мои по Маримонту (бывшее земледѣльческое училище, близъ Варшавы), гдѣ я обучался,

даже называли меня москалефиломъ. Такое настроеніе я сохранилъ и въ практической жизни, когда по выходѣ изъ училища принялъ на себя всѣ хозяйственныя заботы въ своемъ фольваркѣ, вслѣдствіе старости и болѣзни моего отца. Матери моей давно уже не было на свѣтѣ, а сестра—моложе меня лѣтъ на пять—училась въ пансіонѣ въ Люблинѣ. Какъ хозяинъ и помѣщикъ, я имѣлъ многоразличныя сношенія съ людьми всякихъ званій и состояній: водилъ знакомство съ казачьими офицерами, людьми весьма добродушнаго свойства, пріѣзжавшими ко мнѣ для покупки овса, и въ свою очередь нерѣдко попадалъ въ такія польскія общества, гдѣ страстно занимались политикой. Въ это время, начиная съ 1861 года, польская шляхта уже порядочно была наэлектризована патріотическимъ азартомъ. Въ обществѣ часто приходилось слышать, что наступаетъ счастливая эра изгнанія «русскаго деспотизма» и возстановленія назависимости Польши. Теперь я вполнѣ убѣжденъ, что если бы насъ не поджигали изъ-за границы наши же братья эмигранты, то поляки сидѣли бы себѣ спокойно въ имѣніяхъ и канцеляріяхъ и не отважились бы поднять оружія, въ виду громаднаго неравенства силъ и средствъ въ борьбѣ съ русскимъ государствомъ.

Нельзя было не замѣтить, что патріотическій энтузіазмъ постепенно разгорался по мѣрѣ того, какъ ослабѣвалъ досмотръ на границахъ, черезъ которыя провозились въ царство Польское цѣлые вороха революціонныхъ изданій, страстно взывавшихъ къ сердцамъ и рыцарству поляковъ и убѣждавшихъ народъ подняться на мнимыхъ притѣснителей во имя религіи, свободы и любви къ родинѣ. Можетъ быть, эти прокламаціи сами по себѣ не привели бы къ печальному результату, если-бъ одновременно съ ними не шныряли по всему краю многочисленные эмиссары парижскаго «жонда народоваго». Отъ этихъ господъ не было спасенія. Мой маленькій фольваркъ, казалось бы, всего менѣе могъ привлекать къ себѣ вниманіе агитаторовъ, потому что скуденъ былъ средствами и находился въ глуши, вдали отъ проѣзжихъ дорогъ, однако-жъ непрошенные гости то и дѣло наѣзжали въ наше захолустье. Какъ уполномоченные отъ «жонда», эти господа деспотически опустошали мою хозяйскую кассу, требуя «офяръ» (пожертвованій) на народное дѣло, и распоряжались нашими рабочими лошадьми для поѣздокъ въ сосѣднія имѣнія. Отказывать имъ не было никакой возможности. Когда вамъ говорятъ, что дѣло идетъ о свободѣ и независимости дорогой «ойчизны», что каждый честный полякъ, какъ истинный сынъ матери-Польши, обязанъ принести на алтарь отечества не только послѣднюю свою рубашку, но и самую жизнь свою, когда патріотическій вихрь, носившійся отъ края до края Польши, захватывалъ въ свой водоворотъ весь нашъ шляхетскій слой, служившій выразителемъ старопольскихъ преданій,— какъ

тутъ устоять противъ стихійнаго напора? Выдѣлить себя одного изъ сферы общихъ интересовъ и остаться среди своихъ измѣнникомъ святому дѣлу, какъ тогда говорилось, значило подвергнуть нешуточной опасности и больного отца, и самого себя, и наше имущественное гнѣздо. Одинъ въ полѣ не воинъ. Если бы кто даже не сочувствовалъ широкимъ планамъ «отбудованія ойчизны» (возстановленія отечества) и вполнѣ ясно предугадывалъ въ этихъ замыслахъ польскую гибель, то онъ и рта не смѣлъ бы раскрыть для выраженія своихъ сомнѣній, а тѣмъ болѣе не рѣшился бы оказать какое либо сопротивленіе лицамъ, взимавшимъ контрибуцію. Не встрѣчая почти никакого противодѣйствія со стороны законныхъ властей, «жондъ народовый» забиралъ все большую и большую силу, такъ что къ концу 1862 года сдѣлался фактическимъ хозяиномъ края. Всѣ чувствовали и знали, что польская нелегальная власть рѣшительно перевѣшивала русскую, потому что декреты «жонда» безпрепятственно приводились въ исполненіе. Появились устрашающіе факты. Пошли таинственные разсказы, что въ одномъ мѣстѣ повѣшенъ или зарѣзанъ «хлопъ» по подозрѣнію въ шпіонствѣ, въ другомъ — сожжена дотла мыза богатаго еврея за то, что, передавъ немало «офяръ» въ разныя руки, онъ на новыя требованія заявилъ, наконецъ, что больше жертвовать не можетъ.

Особенно подавляющимъ образомъ дѣйствовало то, что виновники этихъ подвиговъ оставались для правительства неуязвимыми, потому что подъ вліяніемъ революціоннаго террора никто изъ мѣстныхъ жителей не отваживался не только задерживать ихъ, даже показывать правду при слѣдствіи. На защиту правительства тѣмъ болѣе нельзя было разсчитывать, что русскія войска были расположены въ краѣ рѣдкими оазисами, а гражданскія власти всѣ были на «сторонѣ» жонда съ тою разницей, что чиновники покрупнѣе, изъ осторожности, только покрывали дѣйствія революціоннаго правительства и потворствовали ему, а помельче--служили прямыми органами «жонда». Неудивительно, что беззащитная провинція вся была въ рукахъ подпольной власти, которая деспотически распоряжалась имуществомъ и жизнью каждаго. Да что провинція,—даже изъ Варшавы, гдѣ сосредоточено законное правительство, и гдѣ находилась масса войскъ, постоянно приходили сенсаціонныя вѣсти: то на самой многолюдной — Маршалковской -- улицѣ разнесена вдребезги богатая «цукерня» (кондитерская) за то, что хозяинъ отказался дать крупную сумму сборщику «народовой подати», то зарѣзанъ полякъ-редакторъ официальной газеты за слово вразумленія къ полякамъ; то «конфискованы» казенныя деньги на «народное дѣло». Не менѣе яркимъ доказательствомъ польской силы служило въ глазахъ населенія то, что въ самой Варшавѣ издавались революціонныя газеты съ самымъ свирѣпымъ направленіемъ и развози-

лись, для надлежащаго внушенія, по другимъ городамъ и даже глухимъ захолустьямъ.

Вліяніе всѣхъ этихъ факторовъ было огромно и неотразимо. Даже жиды, эти вновь заявленные «поляки Моисеева закона», для которыхъ въ Польшѣ нѣтъ отечества, внѣ эксплоатаціи поляка во всѣхъ его видахъ, даже жиды, подъ страхомъ кинжала и пожарнаго зарева, сдѣлались невольными патріотами и съ болью въ сердцѣ отдавали на революцію свои «злоты» и рубли.

Такимъ-то образомъ и меня порядочно-таки обобрали. Рѣдкая недѣля проходила, чтобъ не явился въ фольваркъ, какъ снѣгъ на голову, какой нибудь совершенно неизвѣстный въ околоткѣ господинъ съ требованіемъ «офяры». Такъ какъ съ самаго начала, подъ видомъ уполномоченныхъ отъ «жонда», появлялись въ разныхъ мѣстахъ простые мошенники, которые собирали контрибуцію въ свою пользу, то впослѣдствіи настоящіе сборщики податей были снабжены круглыми, величиною съ ладонь, знаками изъ двойной шелковой матеріи, съ одноглавымъ польскимъ орломъ и надписью вокругъ: «жондъ народовый». Случалось нерѣдко, что такой не желанный гость налеталъ въ такую минуту, когда во всемъ домѣ не было ни копейки денегъ. Въ малыхъ хозяйствахъ у насъ въ Польшѣ не рѣдкость, что есть всего довольно: зерна, муки, овощей, живности, масла; при всемъ томъ, помѣщикъ не въ состояніи побаловаться даже табакомъ, потому что купить не на что, пока не продалъ какихъ либо продуктовъ. Вотъ, въ такую-то пору сборщикъ является вдвойнѣ карой небесной. Не смотря на всѣ увѣренія, даже клятвы, не только мои, но и моего старика, что дать нечего, эмиссаръ «жонда» ничего и слышать не хотѣлъ: подавай, откуда хочешь. Эти требованія сопровождались такимъ нахальствомъ, такими дерзкими угрозами, что трудно было удержаться отъ искушенія вытолкать «патріотовъ» въ шею. Но, въ виду опасности, приходилось смиряться; иногда просто отчаяніе брало, а бѣдному отцу моему подобныя исторіи каждый разъ стоили тяжкихъ ухудшеній разстроеннаго его здоровья. Обыкновенно кончалось тѣмъ, что сборщикъ волей-неволей оказывалъ милость, отсрочивая взносъ подати на нѣсколько дней, но уже назначалъ ее въ увеличенномъ размѣрѣ, а самъ тѣмъ временемъ отправлялся за добычей въ сосѣднія деревни. Приходилось или везти наскоро на базаръ въ мѣстечко сѣно, рожь, огородные овощи, масло, словомъ, что было уже запасено въ хозяйствѣ, и продавать по такой цѣнѣ, какую дадутъ, или же поклониться жиду и взять у него денегъ подъ адскіе проценты. Эмиссаръ всегда возвращался въ срокъ съ удивительною точностью и получалъ то, чего требовалъ. Слышно было со стороны, что вслѣдъ за неустойкой послѣ отсрочки обыкновенно наступала неумолимая месть въ той или другой формѣ. Хорошо бы еще такъ: заплатилъ и правъ,

а то едва отдѣлаешься отъ одного нахала, какъ налетаетъ другой, съ тѣми же настойчивыми требованіями, и такъ безъ конца.

Хотя существованіе какого-то таинственнаго «жонда» давало себя чувствовать, но въ проявленіяхъ его власти была крайняя неурядица, при которой одному изъ плательщиковъ приходилось отдуваться больше, другому меньше. Обстоятельство это возбуждало ропотъ даже между горячими патріотами. Бывая въ Люблинѣ, гдѣ, по слухамъ, уже учреждена была полная революціонная организація, съ начальникомъ города во главѣ, мнѣ приходилось слышать заявленія, что необходимо обратиться къ высшему «жонду» съ просьбой установить какой либо порядокъ и справедливую равномѣрность относительно раскладки и взиманія «народовой подати», но, видно, это было «жонду» не подъ силу, и все оставалось попрежнему.

Въ концѣ января 1863 года, когда уже вспыхнуло возстаніе, на фольваркъ нашъ сдѣлали набѣгъ трое неизвѣстныхъ молодыхъ людей, одѣтыхъ въ охотничьи костюмы, при сабляхъ и револьверахъ. Они сдѣлали повальный обыскъ во всемъ нашемъ гнѣздѣ съ цѣлью забрать все, что окажется пригоднымъ для банды. Въ результатѣ у насъ отняли пару лучшихъ лошадей съ «нейтычанкой», два моихъ охотничьихъ ружья, кинжалъ и съ десятокъ косъ. При этомъ распоряжался приземистый и широкоплечій брюнетъ, съ курчавыми волосами и еврейскимъ типомъ лица. Остальные двое высказывали ему подчиненіе, постоянно величая паномъ капитаномъ. Вообще замѣтно было, что этихъ господъ тѣшила военная субординація, въ которую они играли.

— Теперь, пане Вшеборъ,—обратился ко мнѣ повстанскій капитанъ, собираясь въ отъѣздъ,—вамъ остается лично послужить отчизнѣ, какъ подобаетъ истинному поляку и патріоту. Сосѣдняя съ вами Вулька, какъ вы знаете, окружена порядочнымъ лѣсомъ. Мѣсто очень удобное въ стратегическомъ отношеніи. Тамъ, въ этой деревнѣ, будетъ формироваться легіонъ стрѣлковъ. Такъ какъ вы охотникъ, знающій стрѣльбу, то правительство наше назначило васъ инструкторомъ для обученія «шереговцевъ» (рядовыхъ) стрѣльбѣ. Поздравляю васъ съ этой «номинаціей» (назначеніемъ) и приказываю отъ имени «жонда» немедленно явиться къ начальнику легіона въ Вульку.

При этомъ, повстанецъ, именуемый капитаномъ, вынулъ изъ бокового кармана книжечку, написалъ въ ней карандашемъ нѣсколько словъ и, оторвавъ листокъ, подалъ мнѣ.

— Съ этимъ документомъ вы должны явиться къ начальнику легіона,—повелительно сказалъ онъ.

Я не могъ удержать своего любопытства и прочиталъ слѣдующее: «предъявитель Иванъ Вшеборъ назначенъ въ формирующійся въ Вулькѣ легіонъ стрѣлковъ инструкторомъ». На бумажкѣ была оттиснута готовая печать съ надписью: «воеводство Люблинское».

— Позвольте спросить,—полюбопытствовалъ я,—въ качествѣ чего я назначаюсь: какъ офицеръ, или «шереговецъ»?

— Это опредѣлитъ на мѣстѣ вашъ начальникъ.

— Я готовъ повиноваться.... только какъ же я явлюсь съ голыми руками? Вы забрали все мое оружіе.

— Объ этомъ не безпокойтесь. Отрядъ съ избыткомъ снабженъ всѣми военными запасами. Кстати, поручикъ,—обратился онъ къ тонкому верзилѣ, согнутая фигура котораго не представляла ничего воинственнаго,—вы когда доставили въ Вульку вашъ транспортъ?

— Ровно пять дней тому назадъ,—отвѣтилъ онъ, приложивъ руку къ непокрытой головѣ.

— Повторяю, я готовъ служить,—отозвался я,—но тотчасъ бросить домъ не могу. У меня на рукахъ больной отецъ, мнѣ необходимо нѣсколько дней для того, чтобъ такъ или иначе его устроить; бросить же его безъ призора на произволъ судьбы не позволяютъ мнѣ сыновнія обязанности.

— Обязанность предъ отечествомъ поглощаютъ всѣ другія обязанности,—сурово возразилъ капитанъ.—Вамъ приказано, и никакихъ разговоровъ.

Въ эту минуту тихо растворилась дверь изъ сосѣдней комнаты, и на порогѣ, придерживаясь за дверной косякъ, показался мой отецъ, блѣдный и изможденный, тяжело дыша съ хрипомъ въ груди. Я бросился поддержать его и усадилъ на ближайшую софу. Старикъ скрестилъ на груди костлявыя руки и умоляющимъ взоромъ скользнулъ по лицамъ незнакомыхъ посѣтителей.

— Будьте милостивы, господа,—чуть слышно заговорилъ онъ,— не отнимайте у меня единственную мою подпору. Пусть онъ закроетъ мнѣ глаза и тогда....

Волненіе помѣшало ему докончить; онъ закашлялся, и по страдальческому лицу покатились слезы.

— Слезы ваши совершено лишнія,—холодно возразилъ капитанъ.—Передъ нами отечество плачетъ. Умрете ли вы раньше или позже, это для святой народной «справы» все равно, а сынъ вашъ нуженъ сейчасъ. Помните, молодой человѣкъ,—обратился онъ ко мнѣ,—что военный судъ караетъ смертью всякаго ослушника «жонда».

При этихъ словахъ отецъ издалъ глухой стонъ и въ обморокѣ повалился на диванъ, а баши-бузуки вышли во дворъ и, усѣвшись въ нашу «нейтычанку», исчезли. Когда вспомню все это, и теперь еще сердце мое обливается кровью. Прошло нѣсколько часовъ, пока мой бѣдный страдалецъ совсѣмъ пришелъ въ себя,—и какъ онъ меня просилъ, какъ умолялъ не покидать его одинокимъ и безпомощнымъ! Онъ силился притянуть мою руку къ своимъ устамъ, чтобы поцѣловать ее, осѣнялъ меня благословеніемъ и въ горячей молитвѣ просилъ помощи и заступничества Спасителя и Матери Божіей отъ напастей вражескихъ. Сцена съ повстанцами такъ сильно подѣйствовала на боль-

ного, что онъ не могъ отдѣлаться отъ ужаса и по временамъ, какъ бы вновь переживая видѣнное и слышанное, спрашивалъ: «гдѣ они, эти убійцы, посмотри: не идутъ ли?».

Я совершенно искренно рѣшилъ уклониться отъ мятежа, во-первыхъ, потому что безгранично любилъ своего отца, котораго не бросилъ бы даже съ пожертвованіемъ собственною жизнью, а, во-вторыхъ, лично я мало былъ расположенъ бросаться въ омутъ приключеній въ угоду какому-то «жонду», который, засѣвъ въ таинственной дырѣ, въ сторонѣ отъ опасностей, хотѣлъ нашими руками жаръ загребать. Чтобы избѣжать опасныхъ встрѣчъ, у насъ на фольваркѣ учреждена была цѣлая система предосторожностей. Наша немногочисленная дворня была намъ очень предана и совершенно раздѣляла отрицательное отношеніе своихъ господъ къ возстанію. Поэтому, какъ только въ раіонѣ фольварка показывалась какая либо подозрительная личность, тотчасъ мнѣ давали объ этомъ знать, и я благополучно скрывался, а слуги научены были говорить, что я или «поступилъ въ польское войско» или уѣхалъ въ Люблинъ. Случалось не разъ, что наѣзжала подвода съ двумя-тремя вооруженными людьми, которые обшаривали всѣ углы въ поискахъ за съѣстными припасами и, наваливъ на телѣгу хлѣбъ, муку, картофель, боченки капусты, увозили все это въ банду; но меня самого не разыскивали и моего больного не безпокоили.

Въ виду такого систематическаго грабежа, обрекавшаго и насъ самихъ на голоданіе, мы ухитрились устроить въ отдаленномъ углу огорода, въ землѣ между кустами, потаенную кладовую, гдѣ и хранили домашніе запасы. Противодѣйствія повстанскому хозяйничанью со стороны правительственныхъ войскъ долгое время въ нашемъ околоткѣ не было замѣтно. Только уже, въ концѣ февраля, въ первый разъ прошелъ черезъ фольваркъ небольшой русскій отрядъ и дѣлалъ у насъ привалъ. Офицеры разспрашивали, не проходила ли здѣсь надняхъ банда, которой мы въ самомъ дѣлѣ не видѣли, и приказали солдатамъ искать оружіе, котораго, разумѣется, не нашли, такъ какъ въ этомъ отношеніи повстанцы предупредили русскихъ. Но о томъ, что поляки уже забрали оружіе, и что они многократно грабили съѣстное, нельзя было и заикнуться, ибо подобные факты признавались правительствомъ за потворство мятежу и влекли за собою денежные штрафы. Положеніе было весьма критическое, и не дай Богъ ему когда либо повториться. Отдыхавшему отряду фольваркъ могъ предложить только молока и сыру, за что аккуратно было заплачено. Само собою разумѣется, что отъ русскихъ мнѣ не только не было надобности прятаться, но даже необходимо было показать имъ свою особу, чтобы видѣли, что я не ушелъ въ банду. Невыносимо трудно было вилять между двухъ огней!

Наступила ранняя весна. Въ мартѣ уже зеленѣла трава на солнечныхъ пригрѣвахъ. Въ воздухѣ запахло теплою влажностью и

смолистымъ ароматомъ вздувшихся древесныхъ почекъ. Жаворонки немолчно оглашали поднебесныя выси своею веселою трескотней. Возрождавшаяся природа въ побѣдной радости послѣ зимняго оцѣпенѣнія готовилась вступить въ праздничную фазу бытія, роскошнаго убранства и всеобщаго ликованія. Только надъ несчастной Польшей висѣлъ сумрачный туманъ политической неизвѣстности. Кто изъ поляковъ всецѣло былъ поглощенъ патріотическимъ энтузіазмомъ, или кому терять было нечего, такіе господа чувствовали себя на вершинѣ мимолетнаго торжества. Но кто старался удержаться въ колеѣ нормальной жизни и дорожилъ мирнымъ трудомъ, тому приходилось жутко, тѣмъ болѣе, что невозможно было даже и приблизительно загадывать о томъ, когда вся эта кутерьма кончится.

Меня подмывало любопытство провѣдать, что творится въ пресловутой Вулькѣ, съ которою связана моя военная «номинація». Я рѣшился пробраться туда инкогнито, какъ будто по совершенно обыденному дѣлу, и мимоходомъ вывѣдать; извѣстно ли тамъ, что мое имя числится въ спискахъ легіона, сформированнаго въ этой деревнѣ. Существуетъ ли еще тамъ этотъ легіонъ или хоть штабъ его, если онъ самъ выступилъ на поле брани? Все это мнѣ полезно было узнать, чтобы приспособляться къ обстоятельствамъ въ дальнѣйшемъ моемъ существованіи. Если я числился въ бандѣ, то неявка моя вопреки распоряженію «жонда» ставила меня въ положеніе дезертира, и тогда опасность для меня удвоивалась. Если же начальство легіона не получало особаго увѣдомленія о моемъ назначеніи, что легко могло случиться при трудности регулярныхъ сношеній между органами «жонда», тогда патріоты могли винить меня только въ томъ, что я замедлилъ вступить добровольцемъ въ польское воинство вслѣдствіе равнодушія къ народной «справѣ», а это еще туда-сюда.

Чтобы не встревожить отца, я сказалъ, что отправляюсь въ поле, а въ дѣйствительности усѣлся верхомъ на невзрачнаго вовозовика и поѣхалъ въ Вульку. Эта деревня отстояла отъ насъ верстъ на двадцать и была расположена среди лѣсовъ и болотъ. Здѣшнія дебри я исходилъ вдоль и поперекъ съ ружьемъ въ рукахъ и потому хорошо изучилъ ихъ. Лучшей мѣстности нельзя было и придумать для того, чтобы скрываться отъ любопытныхъ глазъ, а въ случаѣ опасности легко было пробраться разными незамѣтными тропинками въ какую либо трущобу и на первый разъ защититься отъ напора войска трудно проходимыми трясинами.

Проѣзжая топкою лѣсною дорогой, я встрѣтилъ недалеко уже отъ деревни сѣдого мужика, увязшаго съ своимъ возомъ и бороной на немъ въ глубокой грязной рытвинѣ.

— Да будетъ благословенъ Іисусъ Христосъ,—произнесъ я старопольское привѣтствіе, всегда употребляемое простонародьемъ,—чтобъ расположить хлопа въ свою пользу,

— На вѣки вѣковъ аминь,—отвѣтилъ онъ, снявъ соломенную

шляпу и сосредоточивъ печальный взглядъ на колесахъ, ушедшихъ по ступицу въ густую грязь.

— Что у васъ въ Вулькѣ дѣлается?

— А что же у насъ можетъ дѣлаться, пане ласковый; вотъ, какъ видите, каждую весну такъ бьемся съ нашими дорогами, чтобъ выбраться какъ нибудь въ поле. По-истинѣ, Божіе наказаніе.

Нужно замѣтить, что крестьяне въ нашей мѣстности, какъ весьма хозяйственные и зажиточные, относились крайне не сочувственно къ политической неурядицѣ, тормозившей обычный ходъ ихъ трудовой дѣятельности. Въ хозяйствѣ нашихъ крестьянъ все напередъ разсчитано и взвѣшено: каждый твердо знаетъ, сколько онъ долженъ вывезти удобренія на ту или другую ниву, сколько нужно ему держать рабочаго и домашняго скота, сколько рукъ требуется для обработки его полей, чтобъ получить извѣстный доходъ, изъ котораго можно бы уплатить подати и оставить деньги въ запасъ на домашнія нужды. А тутъ подошло время, что повстанцы то тянутъ отъ хозяина рубль на «офяру», который стоитъ на счету, то отнимутъ курицу, овцу и даже лошадь, то уведутъ сына или работника въ «косинеры». Вообще говоря, крестьяне наши проклинали въ душѣ мятежъ, но только въ душѣ, а высказываться боялись и держали себя пассивно. Склоняться явно въ русскую сторону значило подвергать себя жестокой мести отъ коноводовъ мятежа, а принять участіе въ повстаніи убыточно для хозяйства и опасно въ отношеніи законнаго правительства. Поэтому крестьяне наши были до крайности осторожны съ неизвѣстными людьми, боясь ступить невпопадъ въ ту или другую сторону.

— Да ты, мой коханый, не хитри, — настаивалъ я, — а скажи прямо, есть ли въ Вулькѣ повстанцы. Я знаю, что были, но не слышалъ, теперь какъ, вышли они куда нибудь или еще у васъ?

— Почемъ мнѣ знать это? Въ Вулькѣ иногда бываютъ разные люди, а кто они, не знаю.

— Послушай, старина, я не принадлежу ни къ повстанцамъ, ни къ москалямъ; ты напрасно меня опасаешься. Мнѣ нужно кое-что справить въ Вулькѣ по хозяйству, а повстанцы могли бы помѣшать мнѣ. Вотъ я почему спрашиваю.

— Мы, пане, сидимъ себѣ въ «халупѣ» или работаемъ въ полѣ, а что дѣлаютъ другіе, того мы не вѣдаемъ.

Такъ я отъ хлопа ничего и не добился. Въ Вулькѣ я зналъ богатаго лѣсоторговца Айзика, къ которому и направился подъ предлогомъ покупки лѣса для постройки избы. Я не узналъ этого деревенскаго креза, еще недавно цвѣтущаго и самоувѣреннаго, съ оттѣнкомъ покровительственнаго тона въ обращеніи съ покупателями. Теперь онъ предсталъ предо мной согнутый, блѣдный, сумрачный. Видно, обстоятельства смутнаго времени порядкомъ пришибли его. Послѣ дѣлового разговора я исподволь подошелъ къ

предмету, который интересовалъ меня. Однако-жъ и Айзикъ старался отдѣлаться отъ меня ничего незначащими фразами.—«Были тутъ, дескать, какіе-то люди. Въ теперешнее время мало ли кто не бываетъ по глухимъ мѣстамъ. Нѣкоторые пришельцы проживали въ Вулькѣ по нѣскольку дней, а кто они—не спрашивалъ». Когда же я приступилъ къ нему съ болѣе рѣшительными вопросами, то Айзикъ съ неудовольствіемъ отвѣтилъ: «я бѣдный еврей, ни во что не мѣшаюсь и ничего сказать вамъ не умѣю». Впрочемъ, онъ далъ мнѣ одно полезное указаніе обратиться къ ксендзу, который вполнѣ можетъ удовлетворить мое любопытство.

Я немного зналъ вульковскаго ксендза, который одинъ разъ былъ даже въ гостяхъ у моего старика, проѣздомъ къ своему коллегѣ въ нашъ приходъ на храмовой праздникъ. Хотя ксендзы представляли въ то время грозную силу для такихъ «лайдаковъ» (бездѣльниковъ), какимъ я могъ казаться, однако-жъ, была-не-была, отправился къ ксендзу. Проѣзжая нѣсколькими улицами къ плебаніи (ксендзовскій домъ при костёлѣ), я видѣлъ самыя мирныя картины деревенскаго затишья: у воротъ шлепались въ лужахъ босоногія дѣтишки, въ колеяхъ дороги наслаждались кейфомъ свиньи, зарывшись по самый хребетъ въ жидкое мѣсиво, попадались бабы съ ведрами; только не видно было взрослаго мужскаго населенія.

Молодой, статный и красивый ксендзъ встрѣтилъ меня съ недоумѣвающею миной. Хотя онъ не удостоилъ меня общепринятаго лобызанія, но указалъ на стулъ и самъ усѣлся напротивъ, уставившись на меня инквизиторскимъ взглядомъ.

— Откуда панъ и какъ попалъ сюда?

— Я, ксенже добродѣю, по порученію отца, — слукавилъ я, — онъ проситъ отслужить «мшу» (мессу) святую за его здоровье.

При этомъ я положилъ на кончикъ стола конвертикъ съ двумя рублями.

— А вашъ ксендзъ развѣ не умѣетъ молиться?—подозрительно спросилъ онъ.

— Мы постоянно пользуемся вниманіемъ своего духовнаго отца... но относительно васъ это ужъ особенное желаніе больного.

— Очень хорошо, — сказалъ ксендзъ смягченнымъ тономъ.— Какъ же вы, молодой человѣкъ, все еще сидите дома за печкой?

— Ксендзу добродѣю извѣстно, что мой батюшка боленъ тяжкою грудною болѣзнію... Къ несчастью, онъ недолго уже протянетъ. Я при немъ одинъ, оставить его въ такомъ положеніи не на кого...

— Гмъ... это не оправданіе, всегда можно найти сидѣлку. Въ настоящее время всякій полякъ, способный носить оружіе, долженъ быть тамъ, куда призываетъ его наша дорогая отчизна, и забыть всѣ другіе интересы.

— Я хорошо сознаю это, — опять слукавилъ я.— Если сказать откровенно, то я для того и пріѣхалъ въ Вульку, что, по слухамъ,

здѣсь находится народовый отрядъ... Я хотѣлъ представиться начальнику и просить о зачисленіи.

— Ну, опоздали, пане Яне, — совсѣмъ ужъ ласково сказалъ ксендзъ, — точно здѣсь были стрѣлки, отрядъ сформировался изъ 200 ружей, но получилось донесеніе, что вблизи проходятъ москали, и наши передвинулись въ Ястрембицы. Осталось здѣсь нѣсколько больныхъ «шереговцевъ» — мѣстность наша крайне нездоровая для новыхъ людей — да одинъ офицеръ, подстрѣленный на «муштрѣ» (ученьи).

— А кто командуетъ стрѣлками?

— Генералъ Красолинскій, энергичный и дѣльный «довудца». Ему необходимо соединиться съ пѣхотой и кавалеріей. Слышно, что въ Козубатскихъ лѣсахъ оперируетъ отрядъ Землинскаго. Туда, вѣроятно, и направится Красолинскій.

Я поблагодарилъ ксендза за свѣдѣнія, а онъ укоризненно замѣтилъ, что «ойчизна» ждетъ отъ меня исполненія долга, и что каждая упущенная минута въ такое время, когда патріоты завоевываютъ себѣ отечество, есть тяжкое преступленіе.

— Теперь вы знаете, куда обратиться, — сказалъ ксендзъ на прощанье. — Пусть васъ Богъ благословитъ и Матерь Божія, святая покровительница Польши, на священный подвигъ.

Мы разстались друзьями. Для меня совершенно выяснилось, что о моей «номинаціи» никому въ Вулькѣ не было извѣстно. Слѣдовательно, мнѣ не грозила непосредственная опасность отъ такъ называемаго военнаго суда, иначе — отъ кинжала или веревки наряженныхъ на убійство «народовыхъ жандармовъ». Дорогой я невольно сравнивалъ вульковскаго ксендза съ нашимъ. Фольваркъ нашъ причисленъ, по приходу, къ деревнѣ Загале въ пятиверстномъ разстояніи. Загальскій ксендзъ жилъ настоящимъ обывателемъ (помѣщикомъ) и семьяниномъ. По народной молвѣ, у него было капитала тысячъ пятьдесятъ, а воочію — двѣсти морговъ пахатной земли (100 десятинъ), большой лѣсной участокъ, четыре мельницы, посѣка и множество всякаго скота. Окруженный, кромѣ того, четырьмя малыми дѣтьми, подъ именемъ племянниковъ и племянницъ, которыхъ ксендзъ очень любилъ, онъ крѣпко дорожилъ своимъ положеніемъ и старался не скомпрометировать себя передъ властями. Правда, онъ не могъ открещиваться отъ польской «справы», и если случалось, что набожный прихожанинъ просилъ у него благословенія на уходъ «до лясу», то онъ давалъ его, но не иначе, какъ у себя въ домѣ; въ «офярахъ жонду» не отказывалъ, но аккуратно сожигалъ выдаваемыя росписки, чтобы не попасться при обыскѣ; если къ этому ксендзу забредетъ, бывало, съ вѣтру завѣдомый повстанецъ, то, накормивъ и снабдивъ чѣмъ либо изъ одежды, онъ поскорѣе выпроваживалъ гостя. Никогда онъ мнѣ ни словомъ не намекнулъ, чтобы я шелъ воевать за «ойчизну». И думалось мнѣ, что если бы наши ксендзы были законнымъ образомъ

женаты, то польская «справа» не располагала бы одною изъ могущественныхъ пружинъ къ заговорамъ и возстаніямъ. А при безбрачіи (целибатѣ) ксендзъ — вольный казакъ. Копить имущество не для кого, дорогихъ связей семейныхъ нѣтъ; онъ легко рискуетъ своею головой. Оттого онъ смѣло проповѣдуетъ революцію съ церковной каѳедры, вербуетъ повстанцевъ и приводитъ ихъ къ присягѣ, освящаетъ революціонное оружіе и, наконецъ, самъ уходитъ въ банду, если не предводительствовать, то подбодрять и поджигать къ храбрости своихъ овецъ духовныхъ.

У насъ въ домѣ, по обыкновенію, ничего не было утѣшительнаго. Послѣ потрясающей сцены, повергшей отца въ обморокъ, силы его быстро угасали, и неизбѣжный конецъ наступалъ. Въ первые годы болѣзни отецъ обращался къ разнымъ медицинскимъ знаменитостямъ и перепробовалъ множество всевозможныхъ средствъ; когда же убѣдился въ безполезности лѣченія, то бросилъ всякія заботы о себѣ и, отдавшись волѣ Божіей, покорно ждалъ своей неизбѣжной участи. Поэтому у насъ обошлось дѣло безъ докторовъ и аптеки, даже и тогда, когда больному стало совсѣмъ плохо. Находясь въ полномъ сознаніи до послѣдняго вздоха, онъ продиктовалъ нашему ксендзу завѣщаніе, по которому все имущество раздѣлилъ поровну между мною и сестрой, и умеръ, какъ герой и христіанинъ. Еще при жизни батюшки я вызвалъ изъ Люблина сестру, которая вмѣстѣ со мною была свидѣтельницей послѣднихъ минутъ дорогого страдальца. Описывать сцену, какъ онъ прощался и благословлялъ насъ на долгую и счастливую жизнь, я не стану. Я безгранично любилъ моего славнаго, добраго и умнаго отца. Я былъ такъ подавленъ, что впалъ въ какое-то автоматическое состояніе, безъ мысли, безъ желаній; одно лишь ощущеніе тяжелаго камня въ груди господствовало надъ всѣми чувствами. И теперь еще я не въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ томъ, что дѣлалось кругомъ меня во время похоронъ и въ первые дни нашего сиротства.

Къ удивленію, моя сестренка, этотъ не оперившійся подростокъ, обнаружила гораздо болѣе выдержки, чѣмъ я. Когда мы остались вдвоемъ, она даже старалась утѣшить меня, причемъ приводила такіе доводы, которыхъ я никакъ отъ нея не ожидалъ.

— Чего убиваться? — говорила она, — всякій организмъ, въ которомъ истощился источникъ жизни, будетъ ли это отъ старости или болѣзни, долженъ умереть.

— Ты ли это говоришь, Франуся? Твоя черствость по отношенію къ нашему дорогому отцу оскорбляетъ меня.

— Видишь ли, братишка, оскорбляться нечего, а если ты поразсудишь хорошенько, то самъ согласишься со мной. Вѣдь изучалъ же ты естественныя науки; только, быть можетъ, не усвоилъ ихъ духа. У насъ въ пансіонѣ мы читали такія книжки, которыя раскрыли мнѣ глаза на многое.

Передъ отъѣздомъ въ пансіонъ сестра спросила, что теперь я намѣренъ дѣлать.

— То, что и прежде дѣлалъ: буду хозяйничать.

— Ужели ты такъ и останешься при своихъ плугахъ и боронахъ, когда лучшіе люди Польши проливаютъ кровь свою за святое дѣло?

— Однако-жъ,—замѣтилъ я на это,—тебя тамъ въ пансіонѣ здорово нашпиговали. А подумала ли ты, что если я брошу хозяйство, то за тебя и платить будетъ некому?

— Объ этомъ, коханый Ясю, не безпокойся; отдѣльныя жертвы неизбѣжны; пусть будетъ, что будетъ, а только скажу тебѣ откровенно, что мнѣ стыдно будетъ слушать, когда патріоты станутъ говорить, что мой братъ оказался измѣнникомъ своему отечеству.

Мои резоны не разубѣдили сестры. Она слишкомъ была наэлектризована патріотической пропагандой, которая, очевидно, велась въ пансіонѣ классными дамами и наставницами. Я отвезъ ее въ Люблинъ и отчасти былъ даже доволенъ, что освободился отъ ея докучливыхъ попрековъ. Одного только я опасался, какъ бы дѣвченка не сдѣлала какой либо глупости во имя «ойчизны» и не сгубила бы себя.

Наступилъ май, работы и въ полѣ, и дома было много. Но я такъ отупѣлъ, что ничѣмъ не могъ заниматься. Какая-то тяжелая хандра или, вѣрнѣе, безъисходная тоска овладѣла мною. Я не зналъ, куда себя дѣвать, и положительно тяготился собственнымъ существованіемъ. Словомъ, это было такое душевное состояніе, которое въ милліонъ разъ хуже всякой физической болѣзни. Между тѣмъ, и по слухамъ, и по газетамъ было извѣстно, что революціонное движеніе въ краѣ разгорѣлось до крайней степени напряженія. Битва слѣдовала за битвой, повстанцы шныряли повсюду, и мнѣ безпрерывно приходилось постыдно прятаться отъ нихъ. Положеніе стало критическимъ; оставалось или бѣжать за границу, чтобъ рѣшительно уклониться отъ революціи, или присоединиться къ повстанцамъ. Средней мѣры не было. Въ это жгучее время неизбѣжно предстояло принять то или другое рѣшеніе.

Здѣсь необходимо еще разсказать объ одномъ обстоятельствѣ, которое въ ходѣ моей повѣсти не имѣло до сихъ поръ особеннаго значенія, но которое рѣшающимъ образомъ повліяло своими послѣдствіями на всю мою судьбу.

Лѣтъ пять назадъ, сосѣднее съ нами имѣніе Корстово снялъ въ аренду отставной капитанъ русской службы Свѣнтоховскій и поселился въ роскошномъ барскомъ домѣ; настоящій же владѣлецъ имѣнія постоянно проживалъ за границей. Мы съ отцомъ очень полюбили своихъ новыхъ сосѣдей, и я у нихъ часто и пріятно короталъ свободное время. Семейство Свѣнтоховскихъ состояло изъ четырехъ душъ. Самъ панъ Ксаверій, человѣкъ лѣтъ подъ пятьде-

сятъ, сохранившій всѣ военныя повадки, отличался живымъ темпераментомъ и любилъ разсыпать блестки своего остроумія. Въ военной службѣ онъ нажилъ себѣ деньги и относился къ ней снисходительно, но это не мѣшало ему остаться ярымъ полякомъ съ непріязнью къ русскому правительству. Пани Ванда Свѣнтоховская, лѣтъ на десять моложе мужа, обнаруживала артистическія наклонности: рисовала акварелью, увлекалась Мицкевичемъ и Шопеномъ; при этомъ была очень набожна. Какъ хозяева, оба были любезны и гостепріимны. Сынъ ихъ, Станиславъ, отставной юнкеръ, принадлежалъ къ породѣ неудачниковъ: гимназіи онъ не кончилъ, въ военной службѣ ушелъ недалеко. Почивъ на лаврахъ отъ понесенныхъ трудовъ, онъ проживалъ у родителей безъ всякаго дѣла; любилъ шататься съ ружьемъ, хвастался своими подвигами на всякихъ поприщахъ и частенько испивалъ горькую. При безалаберности характера, онъ былъ, однако-жъ, добрый малый, и мы съ нимъ находились въ хорошихъ отношеніяхъ. Года за два передъ возстаніемъ, окончила ученіе въ Варшавѣ и пріѣхала въ родительскій домъ панна Софья, и съ тѣхъ поръ домъ Свѣтоховскихъ сдѣлался еще интереснѣе. Панна Зося, миленькая блондинка, съ мелкими, правильными чертами лица и живыми синими глазами, мнѣ очень нравилась, главное, своимъ обаятельнымъ характеромъ. Добродушная, ласковая, всегда ясная и веселая, эта дѣвушка наполняла собою всю усадьбу и владѣла способностью расшевелить и оживить каждаго, кто находился въ ея присутствіи. Не смотря на мой сосредоточенный характеръ, я всегда чувствовалъ себя въ ея обществѣ свободно, широко, весело. Остроумныя выходки Зоси, сопровождаемыя дѣтскимъ смѣхомъ, быстро разгоняли самое мрачное настроеніе духа, и часы летѣли незамѣтно. Мы съ нею подружились. Звуки ея голоса сдѣлались для меня потребностью. Бывало, если я не вижу симпатичную Зосю какую нибудь недѣлю, то мнѣ становилось не по себѣ, и неудержимая сила такъ и тянула меня къ Свѣнтоховскимъ. Зося, съ своей стороны, безъ всякихъ этикетностей, встрѣчала меня радостными восклицаніями и очень мило журила за долгое отсутствіе. Попросту сказать, мы оба такъ привязались другъ къ другу, что въ душѣ каждый изъ насъ порѣшилъ слить навсегда нашу жизненную судьбу. Рѣшительнаго объясненія между нами не произошло, но мы нисколько не стѣснялись говорить обиняками о нашихъ взаимныхъ чувствахъ и заявлять разными способами, какъ мы одинъ другому дороги и необходимы. Наши родители, безъ сомнѣнія, замѣчали сближеніе своихъ птенцовъ и относились къ этому факту одобрительно. Я уже рѣшилъ было сдѣлать формальное предложеніе, какъ вдругъ вспыхнувшая революція встала мертвою стѣной и заставила призадуматься.

Въ послѣдній разъ, передъ смертью отца, я былъ у Свѣнтоховскихъ въ началѣ мая. Молодого Станислава не оказалось дома. Раньше я слышалъ стороною, что онъ ушелъ «до лясу», соблазненный предложеніемъ стать во главѣ небольшой банды въ качествѣ «довудцы». Но на всякій случай Свѣнтоховскіе говорили, что Стась уѣхалъ надолго по дѣламъ въ отдаленную губернію къ родственникамъ, о существованіи которыхъ я прежде совсѣмъ не слышалъ. Несомнѣнно, что панъ Станиславъ, слѣдуя осторожной политикѣ, обставилъ себя ширмами и, по всей вѣроятности, выступилъ въ повстанье подъ какимъ либо псевдонимомъ, какъ это дѣлали многіе «довудцы»,—съ тою цѣлью, чтобъ въ случаѣ неудачи оставить за собой возможность возвратиться, какъ ни въ чемъ не бывало, къ мирнымъ пенатамъ, объяснивъ офиціально свое отсутствіе какимъ либо благовиднымъ обстоятельствомъ. Что Свѣнтоховскіе говорили неправду, это я замѣтилъ по ихъ смущенію и грустной задумчивости на ихъ лицахъ. А панна Зося, прежде довольно беззаботная на счетъ политики, въ этотъ разъ неоднократно заговаривала о страданіяхъ бѣдной «ойчизны», и на ея хорошенькомъ личикѣ отражалась тѣнь глубокаго душевнаго волненія. Въ первый еще разъ за все наше знакомство я чувствовалъ себя неловко у Свѣнтоховскихъ, и хотя всѣ они были радушны и любезны попрежнему, но я поскорѣе ретировался домой.

Затѣмъ, вслѣдствіе домашней катастрофы, прошло недѣли три, что я не былъ у Свѣнтоховскихъ. Подавляемый душевнымъ разстройствомъ, и не находя ни въ чемъ успокоенія, я надумалъ съѣздить въ Корстово и тамъ искать утѣшенія. Я былъ увѣренъ, что въ обществѣ любимой дѣвушки, въ ея чарующей ласкѣ и бодрящемъ смѣхѣ найду цѣлительный бальзамъ измученной душѣ. Но вышло иначе. Старики встрѣтили меня съ несвойственною имъ холодностью. Обращеніе ихъ со мною было такъ сухо, какъ будто они принимали своего недруга. Зося тоже была какая-то нахмуренная и, видимо, насиловала себя, сдерживая свою природную живость. Такъ какъ я, по установившемуся обычаю, пріѣхалъ къ обѣду, то они не могли не посадить меня за столъ; но это былъ не прежній обѣдъ, когда, бывало, панъ Ксаверій сыплетъ остроумные анекдоты, пани Ванда, пользуясь случаемъ, скажетъ à propos четверостишіе изъ «Дзядовъ» или «Гражины», а всѣхъ покрываетъ звонкій голосокъ Зоси,—теперь трапеза шла скучно и вяло, словно поминки по усопшемъ.

Я былъ въ крайнемъ недоумѣніи и тотчасъ послѣ обѣда постарался выманить Зосю въ садъ, чтобы попросить откровеннаго объясненія всей этой мистификаціи.

— Ради Бога, панна Зося, чѣмъ я провинился, что мнѣ оказывается такая немилость?

Она, хотя, безъ сомнѣнія, должна была ожидать этого вопроса,

но, видимо, затруднялась отвѣчать и, молча, выразила страданіе на своемъ миломъ личикѣ.

— Вы сами знаете,— продолжалъ я,— какъ я... привязанъ къ вамъ; скажу прямо, что послѣ смерти отца вы остались для меня единственною радостью въ жизни. Не видѣть, не слышать васъ — выше моихъ силъ. Я формально хотѣлъ просить у васъ себѣ счастья на всю жизнь. И вотъ, кажется, мнѣ отказываютъ отъ дому, за что? Увѣрьте меня, панна Зося, что я ошибаюсь.

Я ужъ не помню, что я говорилъ, но говорилъ горячо, страстно. Куда дѣвалась моя болѣзненная апатія! Я былъ взволнованъ, сердце учащенно билось, навертывались слезы. Я весь былъ проникнутъ однимъ горькимъ чувствомъ обиды. Я ощущалъ посягательство на тотъ священный міръ въ глубинѣ моей души, внѣ котораго самая жизнь теряетъ смыслъ и цѣль.

— Къ несчастію,—проговорила Зося съ видимымъ усиліемъ,— вы, пане Янe, почти отгадали то, что у насъ дѣлается. Мои родители находятъ, что вы ихъ компрометируете своимъ посѣщеніемъ. Но вините ихъ,—поспѣшила Зося, замѣтивъ мое нетерпѣніе,—они любятъ васъ попрежнему. Но теперь такое время, что нельзя даже располагать собственными чувствами.

— Теперь я понимаю, все—эта несчастная политика. Но вѣдь вы, панна Зося, знаете мои убѣжденія. Не страхъ за свою особу, не трусость удерживаютъ меня дома...

— Я тутъ ничего не понимаю. Но изъ... дружбы должна предупредить васъ, что вы—на дурномъ счету, и моимъ родителямъ объ этомъ внушительно дано знать...

— По крайней мѣрѣ, утѣшьте меня вы, панна Зося, скажите, что я не лишился вашего добраго расположенія, что вы позволите мнѣ любить васъ и надѣяться на будущее счастье.

— Очень цѣню ваши чувства,—сказала она, поднявъ на меня влажные глаза, въ которыхъ свѣтилось столько мягкости и ласки.— Вы уже слышали, что намъ запрещено принадлежать лично себѣ. Скажу вамъ то, что мнѣ приказано сказать: я тогда признаю васъ достойнымъ моей руки, когда докажете, что вы—истинный сынъ Польши. Не могу выразить, какъ мнѣ тяжело сказать вамъ это, но отечество требуетъ отъ меня этой жертвы, и нужно принести ее.

Я покрылъ поцѣлуями горячія ручки дорогой дѣвушки и поклялся быть достойнымъ не только ея любви, но и ея уваженія, и просилъ только одного: помнить обо мнѣ. Не простившись со стариками, я вскочилъ въ сѣдло и помчался на свой фольваркъ, испытывая цѣлый адъ въ душѣ отъ борьбы чувства съ разсудкомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что мнѣ оставалось дѣлать? Рѣшеніе этого вопроса назрѣвало само собою, въ силу обстоятельствъ, независимо отъ моей воли. Я оставался одинокимъ среди всѣхъ, чужимъ среди своихъ, отверженный, презираемый. Мои сограждане напи-

сами на своемъ знамени свободу и независимость и, поднимаемые на высоту патріотическимъ энтузіазмомъ (пусть онъ вытекалъ изъ ложнаго источника), идуть на борьбу во имя священной въ ихъ глазахъ идеи, проливаютъ кровь, жертвуютъ жизнью. Устраниться отъ того стихійнаго напора можно только путемъ добровольной смерти. Я попробовалъ живымъ отойти въ сторону и дожилъ до того, что дружескій домъ увидѣлъ посрамленіе въ общеніи со мной и съ позоромъ оттолкнулъ отъ себя, а любящая дѣвушка вынуждена наложить узду на свое сердце и признать меня недостойнымъ своего горячаго искренняго чувства. Я смутно сознавалъ, что при моемъ душевномъ угнетеніи, всякая сильная встряска будетъ благодѣтельна, а въ результатѣ ея два исхода: смерть или счастье. Я подчинился общему теченію...

И. Любарскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИДИЛЛІЯ ГРУСТИ.

(Посвящается М. С. Башкирцевой).

Digne d'éternelles douleurs,
Digne d'éternelles louanges,
Elle vécut comme les anges,
Elle passa comme les fleurs!.

ШЕЛЪ по залитой солнцемъ набережной Ниццы, въ полуденный часъ, когда городъ казался вымершимъ или, по крайней мѣрѣ, погруженнымъ въ глубокій, томительный сонъ.

Ярко синее небо, разстилавшееся надъ такого же цвѣта заливомъ, темная зелень пальмъ, кое-гдѣ опаленная знойными лучами солнца и тронувшаяся желтизною, пестрыя краски глициній, олеандръ и гранатъ, нестерпимо сіяющія бѣлизною стѣнъ дома — весь этотъ южный пейзажъ, полный лѣтней истомы и дававшій цѣлую гамму красокъ, и веселилъ и угнеталъ въ одно и то же время.

Видъ моря усыпляетъ разумъ и пробуждаетъ мечты; неопредѣленная грусть, тревожащая впечатлительнаго къ красотамъ природы человѣка при созерцаніи этой стихіи, имѣетъ особую прелесть; съ его лазурной поверхности вливается въ душу что-то смутное и далекое, туманное и красивое, что-то такое, чѣмъ волнуется и живетъ безпредѣльная даль...

По этому берегу идетъ цѣлый рядъ виллъ изъ бѣлаго тесаннаго камня, одна другой изящнѣе, одна другой поэтичнѣе; онѣ окружены тѣнистыми садами, въ которыхъ высятся пальмы, зрѣютъ апельсины и лимоны, благоухаетъ густымъ и удушливымъ запахомъ гигантскій цвѣтокъ магноліи, сіяетъ темнымъ блескомъ листва лавра,

и эти сады кажутся символическими садами геніевъ, въ которыхъ растетъ это дерево, предназначенное для вѣнчанія своими вѣтвями ихъ вдохновеннаго чела. Розы и лиліи наполняютъ эти сады, какъ бы напоминая посѣтителю о любви и цѣломудріи—двухъ неизбѣжныхъ спутникахъ возвышенной души генія.

Здѣсь, въ одномъ изъ этихъ садовъ, на берегу этого моря, еще не такъ давно обитала даровитая дѣвушка, изнывая въ мечтахъ о счастьѣ и славѣ. Не одно впечатлѣніе влилось въ ея молодую душу вмѣстѣ съ ароматами розъ и лилій, не одну мечту нашептала ей морская даль, не одна греза отуманила ея сознаніе, когда она своей рано пробудившейся душой внимала шопоту листьевъ, колеблемыхъ теплымъ, ласкающимъ дуновеніемъ вѣтра. Быть можетъ, не разъ, глядя на лавры, думала она о тріумфѣ и, любуясь розами—о любви. И страстно влюбленная въ природу, она полюбила всѣми силами юной души искусство — олицетвореніе природы — и сдѣлалась его преданной жрицей.

Но въ переживаемое нами время живыхъ людей рѣдко вѣнчаютъ розами и лаврами и въ первый разъ ихъ кладутъ на могилу усопшихъ. Розы и лиліи украсили гробъ безвременно угасшей дѣвушки, и лавры, къ которымъ она такъ страстно тянулась при жизни, обвѣяли своей таинственною сѣнью ея могилу, смѣстѣ съ надгробными миртами.

Она умерла десять лѣтъ тому назадъ, сраженная безпощаднымъ недугомъ, держа холодѣющими руками ту кисть, на которую возлагала столько надеждъ, столько мечтаній.

Но красивый садъ, свидѣтель ея грезъ, и вилла, окруженная лаврами, до сихъ поръ стоятъ во всей своей красѣ на этихъ берегахъ, и вотъ тотъ балконъ, съ котораго молодая дѣвушка созерцала заманчивую даль, восходъ луны надъ моремъ, закатъ солнца и звѣздное небо, широкимъ и глубокимъ шатромъ опрокинувшееся надъ нимъ.

Вилла эта была для нея храмомъ, въ стѣнахъ котораго впервые заговорило ея творческое чувство. Теперь этотъ храмъ — покинутъ ею. Но «храмъ оставленный—все храмъ!..» и въ немъ живетъ еще мать этой дѣвушки, и въ немъ живутъ еще воспоминанія о ней.

Массивныя чугунныя ворота отворились, и я вошелъ въ садъ; усыпанная гравіемъ дорожка, обсаженная по бокамъ кустами розъ, вела прямо къ небольшому коттэджу, пріютившемуся въ глубинѣ тѣнистаго сада. Противъ подъѣзда, окруженный мраморнымъ бассейномъ, полнымъ воды, журчалъ фонтанъ, внося струю свѣжести въ этотъ полуденный зной. Надъ фонтаномъ склонилось померанцевое дерево подъ тяжестію его золотыхъ плодовъ, нѣсколько пальмъ вырисовывалось невдалекѣ, на темно-синемъ небѣ, острымъ рисункомъ своей вырѣзной листвы.

Въ саду, у входа въ сѣни, сидѣло небольшое общество, среди

свѣтлыхъ, лѣтнихъ костюмовъ котораго пожилая женщина, вся въ глубокомъ траурѣ, казалась символомъ грусти и вносила ноту печали въ этотъ солнечный день.

Мало-по-малу разговоръ зашелъ о ея покойной дочери. Она заговорила о ней спокойно, и чувствовалось, что она примирилась съ этой жестокой несправедливостью судьбы и гордо замкнулась въ своей материнской печали. Но въ ея тонѣ порой вырывались ноты, страстныя и печальныя, которыя свидѣтельствовали о томъ, что глубокая рана, нанесенная ея материнскому сердцу, все еще свѣжа, все еще не закрылась и, вѣроятно, закроется лишь вмѣстѣ съ ея глазами.

Мы уединились отъ остального общества, и она повела меня въ коттэджъ; здѣсь, среди картинъ ея дочери, затянутыхъ бѣлой кисеей, среди ея засохшихъ и пожелтѣвшихъ цвѣтовъ, среди ея тетрадей, въ бѣлыхъ кожаныхъ переплетахъ съ золотыми обрѣзами, она предалась своимъ жгучимъ и все-таки пріятнымъ для материнскаго сердца воспоминаніямъ.

— О ея наружности,—сказала она мнѣ,—я разскажу вамъ словами Фр. Коппе. Это будетъ вѣрнѣе, и вы не заподозрите меня въ материнскомъ пристрастіи.

Она развернула изящную тетрадь и прочитала пофранцузски:

«Она казалась моложе своихъ двадцати трехъ лѣтъ. Она была небольшого роста, прекрасно сложена; круглое личико превосходнаго контура, свѣтлые, золотистые волосы, темные глаза, въ которыхъ горѣла мысль и свѣтилась неутомимая жажда познанія, энергичный ротъ, добрая и мечтательная улыбка, тонкія нервныя ноздри, какъ у дикаго скакуна Украйны, — вотъ ея портретъ, который, при первомъ же взглядѣ на него, производилъ странное и рѣдкое впечатлѣніе: воли и мягкости, энергіи и граціи. Все въ этомъ очаровательномъ ребенкѣ дышало высшимъ разумомъ, и подъ прелестью женщины чувствовалась желѣзная сила, настоящее мужество... Я ее видѣлъ только разъ и только одинъ часъ... Я ее никогда не забуду».

Кончивъ чтеніе, она встала и повела меня въ другую комнату, гдѣ было нѣсколько портретовъ ея дочери: одинъ фотографическій, почти въ натуральную величину, другой, не очень удачный, написанный съ ея дочери одной изъ ея знакомыхъ барышень. Эта барышня находилась въ то время не въ очень блестящихъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, и ей не съ чѣмъ было уѣхать на родину. Она написала портретъ «Муси», и это поправило ея обстоятельства. Она изобразила дѣвушку съ красной ленточкой почетнаго легіона на груди; Муся протестовала, но молодая художница съ убѣжденіемъ ей отвѣтила:

— У васъ ея нѣтъ, но вы будете имѣть ее несомнѣнно.

Увы, она никогда ея не имѣла и даже не получила золотой медали, которую такъ страстно ждала, на которую такъ сильно на-

дѣялась, основываясь на томъ, что раньше успѣла уже получить «почетный отзывъ». Но жюри Салона не дало ей медали, руководствуясь мыслью: «она молода, она богата, она можетъ подождать». Но она ея не дождалась.

На той же стѣнѣ виситъ картина извѣстнаго художника Ру, тогда еще начинавшаго. Картина называется «L'aparition».

Въ глубинѣ, окутанной густыми сумерками, комнаты вырисовывается лице молодого человѣка, полное ужаса и жгучаго любопытства. Онъ жадно всматривается въ тотъ уголъ, гдѣ стоитъ рояль, и гдѣ, обвѣянная легкой дымкой голубаго флера, вырисовывается воздушная фигурка—видѣніе усопшей художницы. Таинственный фосфорическій полусвѣтъ освѣщаетъ этотъ уголокъ, и легкая, прозрачная тѣнь дѣвушки готова матеріализоваться. Картина полна какого-то мистическаго настроенія и символическаго значенія: да, по мысли художника, «Муся» была кратковременнымъ видѣніемъ, призракомъ, обѣщавшимъ нѣчто небывалое и исчезнувшимъ слишкомъ быстро, не успѣвъ оставить послѣ себя и сотой доли того, что она несла въ міръ.

Этому же художнику заказана была копія съ картины художницы: «Митингъ». Копія вышла не очень удачной и хранится теперь въ весьма небогатомъ, чтобы не сказать жалкомъ «ницскомъ городскомъ музеѣ». Ру никакъ не могъ найти тѣхъ красокъ, которыми былъ написанъ оригиналъ: «мы, gens du metier, — оправдывался онъ,— все-таки не можемъ знать красокъ другъ друга; это—тайна каждаго изъ насъ, и эту тайну она унесла въ могилу».

Рядомъ съ «L'aparition» находится женская головка, написанная художницей и пожертвованная ея матерью, послѣ ея смерти, для розыгрыша въ tombol'у.

— Вѣрите ли,—говорила Марія Степановна Башкирцева,—когда мнѣ приходится разставаться съ какой нибудь картиной Муси, мнѣ кажется, что я лишаюсь части ея самой; это что-то странное, если хотите, болѣзненное. И я дѣйствительно дѣлаюсь больна. Меня уговорили пожертвовать эту головку, и я это сдѣлала, но послѣ этого я не могла спать; я видѣла во снѣ дочь, которая, казалось, съ укоромъ на меня глядѣла. И я рѣшилась во что бы то ни стало вернуть эту головку домой. Между тѣмъ, она поступила уже въ розыгрышъ. Я сама, всѣ мои знакомые и родные, брали множество билетовъ, въ смутной надеждѣ выиграть эту картинку. Но намъ не везло. Тогда я обратилась письменно къ Directeur de l'Institut des Beaux-Arts съ просьбой предложить выигравшему картинку Муси— продать ее мнѣ. Черезъ нѣсколько дней получаю письмо отъ concierge'a института, Alexandre'a Durand, который пишетъ мнѣ, что выигралъ эту картину, еще не видалъ ея, но готовъ ее продать за глаза, однако, требуетъ за нее «une très forte somme de 500 francs»!

Конечно, эта «forte somme» была ему немедленно вручена, и вотъ эта картина Муси — опять дома.

— А гдѣ же ея другія произведенія?

— Вотъ портретъ ея тетки графини де-Т.-Л. А другія всѣ находятся въ Парижѣ, въ моемъ домѣ.

Подойдя къ шкафу, Марія Степановна открыла его и, указывая на рядъ золотообрѣзныхъ тетрадей, съ грустью сказала:

— Вотъ здѣсь, въ этихъ ста шести тетрадяхъ находится вся ея жизнь, день за днемъ... Она начала писать съ десяти лѣтъ; сначала вотъ въ этихъ синенькихъ тетрадкахъ, которыя она украдкой брала въ кухнѣ — это счетныя книжечки; потомъ вотъ въ этихъ большихъ. Передъ смертью она ихъ пересмотрѣла, исправила, сократила... Здѣсь есть очень интересныя вещи... вотъ тетрадь, цѣликомъ посвященная Гамбеттѣ. Тутъ вся его политическая дѣятельность, частная жизнь, его увлеченія и смерть... въ этомъ обширномъ дневникѣ — все, надъ чѣмъ она сама задумывалась и о чемъ мечтала. Всего ею написано около 260 печатныхъ листовъ, что составляло бы солидныхъ шесть-семь томовъ. Какъ видите, напечатана едва ли десятая часть, да и ту меня почти насильно уговорили выпустить въ свѣтъ. Въ Россіи къ ея дневнику отнеслись не очень сочувственно, — съ ноткой горечи добавила она, — сначала и французскій издатель Шарпантье не хотѣлъ издавать эти выборки изъ «Дневника» — «c'est une personne toute jeune et très peu connue encore», говорилъ онъ, но все-таки «рискнулъ» издать два томика. Онъ платитъ мнѣ по 40 сантимовъ за каждый проданный томъ, и я до сихъ поръ получаю ежегодно по 6 — 7 тысячъ франковъ... Американцы тоже издали переводъ этого дневника, и ихъ изданіе въ 75-ти тысячахъ экземпляровъ... но я не получила отъ нихъ ни одного доллара. Тѣмъ не менѣе издатели очень любезно сообщили мнѣ объ успѣхѣ этой книги, и на мой вопросъ о гонорарѣ тоже очень любезно отвѣтили, что таковаго не полагается, и что если я вздумаю вести процессъ, то я его проиграю. «Mr. Zola nous a fait un procès, et il l'a perdue», назидательно прибавляли они. Въ этомъ же письмѣ сообщалось, что въ Америкѣ собрана была значительная сумма для постановки памятника Мусѣ, тамъ ли или въ Парижѣ, по моему усмотрѣнію. Однако и эта сумма невѣдомо куда исчезла...

— Что вы думаете дѣлать съ остальнымъ дневникомъ?

— Я издамъ его когда нибудь, если найдется издатель... Этимъ дневникомъ очень заинтересовались французскіе писатели: André Theurier, Caro, котораго французскія дамы называютъ «l'ami de nos âmes», Золя, Гюи де-Мопасанъ, Франсуа Коппе... Мопасанъ былъ у меня послѣ ея смерти и просилъ показать ея комнату. Мнѣ хотѣлось знать, открылъ ли онъ тайну своей переписки съ ней, и я его спросила: «видѣли ли вы ее когда нибудь?» — Нѣтъ, никогда. — «И вы ничего не писали ни о ней, ни по поводу ея, никогда?» —

Никогда. Онъ умеръ, такъ и не узнавъ, кто была его таинственная корреспондентка. Онъ хотѣлъ редактировать ея записки. Знакомыя мнѣ дамы подняли шумъ: «Un homme comme Maupassant!.. такой безнравственный человѣкъ!»... Я, конечно, улыбалась. Такъ ли еще онъ безнравственъ, какъ о немъ говорятъ? Талантъ онъ несомнѣнный и человѣкъ съ хорошимъ сердцемъ, а до остального... Коппе тоже навѣстилъ меня; онъ долго стоялъ въ ея дѣвичьей комнатѣ передъ ея узенькой желѣзной кроваткой, «un lit de soldat», сказалъ онъ. Онъ посвятилъ ей много прочувствованныхъ словъ въ предисловіи къ каталогу посмертной выставки всѣхъ ея произведеній, устроенной обществомъ «Union des femmes peintres et sculpteurs». Каталогъ этотъ теперь библіографическая рѣдкость. Коппе описываетъ въ немъ впечатлѣніе, которое она произвела на него въ первое и единственное свиданіе и, между прочимъ, говоритъ: «мнѣ нужно было уходить и, несмотря на это, я одну минуту почувствовалъ какое-то душевное недомоганіе, что-то въ родѣ смущенія, не рѣшаюсь сказать — предчувствія. Передъ этой блѣдной и пламенной дѣвушкой я размечтался, и она мнѣ показалась страннымъ тепличнымъ цвѣткомъ, прекраснымъ и благоухающимъ, и какой-то внутренній голосъ шепталъ мнѣ: ей дано слишкомъ много!»...

Марія Степановна замолчала.

Раскрывъ послѣднюю тетрадь, она сказала:

— Вотъ 20-го октября она еще написала. Это ея послѣднія строки... 31-го — ея не стало. Она заболѣла чахоткой, скоротечной, какъ говорятъ, но это длилось два года. Сначала сдѣлался насморкъ, потомъ кашель; заныла грудь, заболѣло горло. Она не береглась. Въ морозныя утра бродила она по городу, отыскивая темы для своихъ картинъ, сидѣла на росистой травѣ, зарисовывая ландшафты, писала часами цыганскій таборъ въ испанскихъ горахъ, пронизываемая жестокимъ вѣтромъ, вдыхала сырость и смрадъ тюрьмы, въ которую ее допустили, подъ конвоемъ двухъ жендармовъ съ заряженными ружьями, потому что она страстно захотѣла списать голову одного каторжника, приговореннаго къ повѣшенію. Никакая сила не могла удержать ее отъ этихъ безразсудствъ. Elle était éprise de son art. Покойный отецъ ея еще въ юномъ возростѣ удерживалъ ее — онъ былъ противъ ея порывовъ и имѣлъ на это странный взглядъ: «ну, твое ли это дѣло? — говорилъ онъ ей: — дѣвушка хорошей семьи, вполнѣ обезпеченная — и малевать картины? Если хочешь, я тебѣ куплю десять, сто картинъ, только перестань пачкаться». Она прибѣгала ко мнѣ, затыкала уши: «Какія ужасы говоритъ папа!» — жаловалась она. И эта страсть къ искусству, которому она отдалась пламенно, безраздѣльно, погубила ее. Я всю жизнь мечтала отдать ее замужъ. Но она любила искусство и могла принадлежать только ему. Она — весталка искусства, и ея огонь погасъ вмѣстѣ съ ея жизнью... Когда она наконецъ поняла, что заболѣла

серьезно, было уже поздно. Она начала усердно лѣчиться, лучшіе доктора Парижа лѣчили ее; ей устроили дегтярную комнату, ничто не помогало. Бѣдная дѣвочка не понимала, что сгубила себя сама, и придумывала объясненія своей болѣзни. «Я знаю,—говорила она,— я заразилась отъ своей гувернантки, я чувствовала, когда она наклонялась надо мною, какъ ея больное дыханіе проникало мнѣ въ легкія». Она и вѣрила и не вѣрила, что умираетъ... Иногда она серьезно говорила: «кто умираетъ молодымъ — того любитъ Богъ». Иногда, шутя, она говорила мнѣ»: «Mater dolorosa, pourquoi prenez-vous un air si triste?» Она давно уже предчувствовала свою трагическую кончину, увѣряю васъ; вотъ что она писала въ ноябрѣ 1883 года: «Я чувствую такіе порывы къ чему-то великому, что ноги мои не ощущаютъ подъ собой почвы. Что меня удручаетъ, такъ это страхъ, что не хватитъ времени совершить все это. Это тяжелое состояніе, конечно, но за то счастливое. Я не буду жить долго: знаете, слишкомъ одаренныя дѣти... И потомъ, мнѣ кажется, моя свѣча горитъ съ обоихъ концовъ»... И Муся умерла... Въ послѣднее время она очень похудѣла, очень измѣнилась, и кашель не давалъ ей ни минуты покоя...

Мать Муси умолкла, какъ бы вызывая въ памяти незабвенный образъ дочери. Потомъ, быстро проведя рукою по глазамъ, она продолжала:

— Похороны ея были трогательны и поэтичны. Комната, въ которой лежало бѣдное дитя, была обита бѣлой матеріей и наполнена цвѣтами... Муся ихъ такъ любила и такъ хорошо изображала своей кистью... Она лежала въ бѣломъ обитомъ бархатомъ гробу, вся засыпанная цвѣтами. Неопредѣленная улыбка покоилась на ея блѣдномъ личикѣ, и надъ ней склонялись вѣтви миртъ, пальмъ и лавровъ, о которыхъ она такъ недавно еще мечтала... Вокругъ раздавались сдержанныя рыданія, рождавшіяся и исчезавшія въ благоговѣйной тишинѣ... Осеннее солнце освѣщало своими умирающими лучами эту картину. Вы думаете, я плакала? Нѣтъ... Муся умерла въ субботу; въ четвергъ ее хоронили; я не могла пролить слезинки. Мною овладѣлъ столбнякъ, какое-то ожесточеніе... Теперь, вы видите, я плачу, и никогда, никогда не перестану оплакивать ее...

Она опять замолчала и, собравшись съ силами, продолжала:

— Муся похоронена въ Парижѣ; надъ ея могилой выстроена часовня; цвѣты, лавры и мирты украшаютъ ея внутренность. Въ ней стоятъ образа, бюстъ покойницы, подаренный мнѣ одной родственницей, а въ головахъ ея могилки стоитъ статуя Навзикаи, — ея собственной работы...

Я вспомнилъ трогательную исторію Одиссея и Навзикаи, которая пріютила его послѣ крушенія у береговъ Ѳеакійскихъ; мнѣ вспомнились слова миоа о красотѣ этой дѣвы, подобной красотѣ Артемиды, и о ея горѣ послѣ его отъѣзда въ «свѣтлую Итаку». Я

взглянулъ на фотографію съ этой статуи «Муси». Какое благородство формъ, какія изящныя линіи, сколько горя въ этой позѣ, сколько настроенія въ этой скульптурѣ! Лица Навзикаи не видно, но все произведеніе одухотворено порывомъ горестной страсти. И мнѣ показалось, что эта статуя у могилы безвременно погибшей дѣвушки нашла себѣ настоящее мѣсто, и эту плачущую Навзикаю можно было бы назвать «Искусствомъ, оплакивающимъ свою жизнь, отозванную въ царство тѣней».

Въ это время вошла горничная и доложила, что хозяйку дома кто-то спрашиваетъ. Извинившись передо мной, она вышла, а я остался одинъ и сталъ перелистывать каталогъ произведеній покойной художницы.

Вотъ знаменитый «Meeting», пріобрѣтенный Люксамбургскимъ музеемъ. Какой точный и твердый рисунокъ, сколько наблюденія и жизни въ этихъ уличныхъ мальчуганахъ, сколько реализма—истиннаго и здороваго и какое проникновеніе въ дѣтскую душу!.. А вотъ еще дѣти — «Jean et Jaques», возвращающіеся изъ школы. Молодая художница быстро шла по стопамъ Генріетты Броунъ и Розы Бонёръ. Кто знаетъ, если бы судьба не остановила этого хода, можетъ быть, она и дошла бы до нихъ? «Jean et Jaques» были выставлены на «Международной выставкѣ» въ Ниццѣ, въ той Ниццѣ, гдѣ она набиралась первыхъ впечатлѣній сознательной жизни, гдѣ море и пальмы, гдѣ лавры и розы дали ей свои краски, а красота природы одухотворила ея творческій даръ... Вотъ та «Парижанка», за которую Alexandre Durand получилъ «la forte somme» въ 500 франковъ! Вотъ ея рисунки: «Endormie»—барыня, заснувшая надъ книгой, «Soirée à Gavronzy (Гавронцы) près Poltawa» — четыре игрока за карточнымъ столомъ, «Paysage», въ которомъ много тихой грусти и поэтической мечтательности... Вотъ сама она въ юныхъ годахъ, съ палитрой въ рукахъ стоитъ около арфы, на которой она недурно играла. Она была и виртуозкой, и композиторшей. «Бываютъ минуты,—пишетъ она незадолго передъ смертью,—когда я наивно считаю себя способной на все. Если бы хватило времени, я бы занималась скульптурой, писала бы, сдѣлалась бы музыкантшей. Какой-то огонь сжигаетъ меня. Но если я—ничто, если ничто не осуществится,—къ чему эти грезы о славѣ съ того дня, какъ я начала мыслить? Зачѣмъ эти вожделѣнія?»...

На этомъ портретѣ ея дѣтское личико полно какого-то недоумѣнія, какихъ-то мучительныхъ вопросовъ. Не тѣ ли это вопросы, которые она задавала себѣ въ своемъ дневникѣ? По этому портрету можно видѣть, что эта дѣвушка,—по выраженію ея друга, «Etincelle», изъ «Figaro»,—«échappée d'un tableau de Greuse, blonde aux yeux bleus, le front volontaire et le regard profond», сдѣлается впослѣдствіи женщиной, которая заставитъ о себѣ говорить...

Вотъ ея «Les trois rires» — три пандана, изображающіе улыбку

въ разныхъ возростахъ; съ перваго взгляда трудно было бы угадать въ этой смѣлой композиціи руку художника-женщины. Вотъ наконецъ картина «Апрѣль 1884», пріобрѣтенная великимъ княземъ Константиномъ Константиновичемъ. «Эта картина меня захватываетъ,—пишетъ она въ «Дневникѣ»,—яблоня въ цвѣту, вся въ свѣтло-зеленыхъ листвахъ, и солнце играетъ своими лучами на этой чудной весенней зелени. Въ травѣ виднѣются фіалки, желтенькіе цвѣточки, сіяющіе, какъ маленькія солнца. Воздухъ напоенъ благоуханіемъ, и дѣвушка, мечтающая подъ деревомъ, «утомленная и опьяненная»—по выраженію Терьё. Если бы хорошо передать эффектъ этой весенней силы, этого солнца—это было бы превосходно...».

И вотъ, наконецъ, ея послѣдняя неоконченная картина—«На улицѣ» («La rue»). Вотъ что по поводу ея читаемъ въ «Дневникѣ»:

«Историческая картина?!.. но столько же стоитъ всякая другая, одна изъ этихъ обыденныхъ, ежедневныхъ сценъ, достоинство которой заключалось бы въ глубокомъ изученіи характеровъ. Скамейка на Батиньольскомъ бульварѣ или даже на avenue Wagram... Наблюдали ли вы ее когда нибудь? Вмѣстѣ съ видомъ улицы и проходящими мимо скамьи людьми? Все, что заключаетъ въ себѣ скамейка! Какой романъ! Какая драма! Проходимецъ, опирающійся на спинку скамьи, другой сидитъ, подогнувъ колѣно, съ блуждающимъ взглядомъ; женщина съ ребенкомъ на рукахъ. Мальчикъ изъ лавочки, присѣвшій, чтобы пробѣжать уличный листокъ; дремлющій рабочій, курящій философъ или разочарованный... Быть можетъ, я вижу черезчуръ много; однако, взгляните внимательнѣе сами, около пяти или шести часовъ вечера... О, наконецъ! Мнѣ кажется, я нашла! Можетъ быть, я ничего не сдѣлаю, но душа моя спокойна... Какъ будто струя жизни коснулась меня... Какія разнообразныя минуты—бываетъ, что я рѣшительно ничего не вижу хорошаго въ жизни, а иногда вдругъ принимаюсь любить все, что меня окружаетъ!.. Какой ужасъ!—скажете вы:—итакъ, ты вѣришь, что «человѣческое» можно найти только въ народѣ? Я этого не думаю, и къ тому же, именно въ этомъ профаны (imbéciles) упрекаютъ людей таланта. Народъ или цари—не все равно; но не закаты и ручейки!.. Очевидно скамейка на наружномъ бульварѣ имѣетъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ скамейка на Champs Elysées, на которую садятся лишь консьержи, грумы, кормилицы и gommeux. Тамъ не стоитъ наблюдать, тамъ нѣтъ души, нѣтъ драмы! Манекены или просто частные случаи. Но какая поэзія въ этомъ проходимцѣ на скамьѣ! Здѣсь чувствуется настоящій человѣкъ, тутъ что-то шекспировское...».

Эта картина ее доканала. Въ поискахъ за сюжетомъ, она еще сильнѣе простудилась, и ей не суждено было окончить этотъ холстъ, который, судя по наброску, былъ бы выдающимся художественнымъ произведеніемъ.

«И вотъ,—пишетъ она,—мною овладѣло ужасное безпокойство

при мысли объ этомъ открытомъ мною кладѣ, если это отъ меня ускользнетъ, или мнѣ не удастся ничего исполнить, или не хватитъ времени... Но такъ какъ картина моя уже готова въ сознаніи, — я спокойна»...

Эта картина отъ нея ускользнула...

За ея кратковременную жизнь ею было исполнено сто картинъ, портретовъ, этюдовъ и эскизовъ, шесть пастелей, сто семнадцать рисунковъ, пять скульптуръ. Всего 229 произведеній!

Вошла хозяйка виллы.

— Знаете ли,—сказала она,—кто у меня былъ?.. Это одинъ изъ моделей «Meeting'a»... Одинъ изъ тѣхъ gamin, которые позировали передъ Мусей для ея картины... Онъ теперь уже большой и долженъ поступить въ солдаты. Послѣ ея смерти, много лѣтъ спустя, приходили ко мнѣ ея модели, эти мальчики парижскихъ улицъ. «Je voudrais bien poser,—говорилъ одинъ изъ нихъ:—je suis sérieux maintenant et je ne fairai plus de grimaces»... Они всѣ очень огорчались, когда узнавали, что позировать больше не передъ кѣмъ.

— А тотъ, который поступаетъ въ солдаты?—спросилъ я.

— Онъ приходилъ за небольшою помощью въ память моей покойницы.

Я посмотрѣлъ въ окно и увидѣлъ здороваго парня, очень «корректно» одѣтаго, въ синемъ пиджакѣ и соломенной круглой шляпѣ, съ цвѣткомъ красной гвоздики въ петлицѣ. Мнѣ показалось, что я узналъ въ его лицѣ возмужалыя черты того мальчика-блондина «Митинга», который поставленъ на картинѣ въ профиль. Тѣ же бѣлѣсоватые волосы, тотъ же вздернутый носъ, слегка выдавшіяся скулы. Сапоги его не были прорваны, какъ тогда, когда кисть художницы увѣковѣчивала его на холстѣ, но въ лицѣ его было то же выраженіе «хитринки», «себѣ на-умѣ», смягченное возростомъ и обстоятельствами жизни, которое чувствуется на картинѣ.

— Простые люди,—начала опять хозяйка виллы,—очень любили покойницу. Увѣряю васъ, что ея бывшія модели посѣщали меня въ Парижѣ не изъ корыстныхъ цѣлей. Они приходили утѣшать меня и вмѣстѣ погоревать о Мусѣ. Были трогательные случаи, и позвольте вамъ разсказать объ одномъ изъ нихъ. Прежде чѣмъ приступить къ картинѣ «Апрѣль 1884», Муся много ѣздила по окрестностямъ Парижа, отыскивая подходящій пейзажъ. И вотъ близъ Севра она нашла такой уголокъ. За оградой цвѣла яблоня, широко раскинувъ свои вѣтви, полныя блѣдновато-розовыхъ цвѣтовъ; сочная трава и вообще весь пейзажъ ей очень понравились: «вотъ тотъ мотивъ, который я искала!» — вскрикнула она, и направилась къ дому собственника сада. Это былъ одинъ изъ тѣхъ полугорожанъ, полукрестьянъ, которые снабжаютъ рынки Парижа цвѣтами и фруктами. Ему польстило вниманіе художницы къ его любимому дереву, и онъ далъ ей разрѣшеніе «срисовать» его и даже, не смотря на

любовь къ своимъ деревьямъ, любуясь на сильно подвинувшуюся картину, позволилъ ей срубить въ саду два-три деревца, сильно мѣшавшія общему эффекту пейзажа. Муся пріѣхала на слѣдующій же день съ своей «моделью» — молодой деревенской дѣвушкой, которая несла въ корзинѣ ихъ общій скромный завтракъ. Она принялась за работу съ жаромъ—она все дѣлала съ жаромъ—и вложила въ картину всю свою душу. Ее окружила семья хозяина сада. Они принимали ее за бѣдную, скромную художницу, въ ея простенькомъ сѣренькомъ платьицѣ, которая вынуждена работать, чтобы добывать себѣ средства къ жизни. Они любовались ея горячностью и наивно подбадривали и похваливали ее. Картина подвигалась; крестьянка подъ деревомъ удалась какъ нельзя лучше. Оставалось дописать уже немного. Добрые люди искренно восхищались картиной, не меньше самой художницы. Однажды вечеромъ Мусю охватила сильная дрожь; ея ноги, обутыя въ легкія туфельки, слишкомъ долго стояли въ сырой, послѣ дождя, травѣ. Она унесла картину и больше не возвращалась на свою «натуру». Тщетно ждали ее друзья-хозяева сада. Дни шли за днями, цвѣты яблони осыпались, кружились въ воздухѣ, какъ бѣлорозовыя бабочки, и покрыли землю бѣлоснѣжнымъ покровомъ; но Муся не возвращалась. Вмѣсто нея прибылъ однажды объемистый пакетъ на имя садовника; въ немъ заключалась дорогая матерія его женѣ на платье. Они удивились и огорчились; они считали дѣвочку бѣдною, а она прислала имъ роскошный подарокъ; они ее полюбили, какъ свое дитя, а она платитъ имъ за любовь дорогимъ подаркомъ. И они, посовѣтовавшись другъ съ другомъ, рѣшили отправиться въ Парижъ навѣстить ее и возвратить цѣнную матерію. Въ канцеляріи «Салона» узнали они ея адресъ и пришли въ ея отель. Они думали, что ошиблись, и очень смутились: «какъ! ихъ бѣдная художница въ сѣренькомъ, простенькомъ платьицѣ, эта трудолюбивая дѣвочка, живетъ въ такомъ отелѣ? Но они позвонили и ихъ приняли». Муся лежала на своемъ chaise-longue, укутанная въ пенюаръ изъ бѣлаго плюша; по плечамъ ея разметались ея свѣтлые волосы, и она сама вся похудѣла, и на ея болѣзненно-блѣдномъ лицѣ лихорадочнымъ блескомъ горѣли глаза, ставшіе еще больше, еще загадочнѣе. Она радостно вскрикнула, увидѣвъ своихъ гостей, и дружески протянула имъ руку, слегка приподнявшись. «Я счастлива, что вижу васъ», — сказала она, прерывая кашлемъ почти каждое слово. — «Не сердитесь, что я еще не успѣла сама поблагодарить васъ... Мнѣ запрещено выходить... Говорятъ, я надорвалась за работой и простудилась въ сырой травѣ....». Садовникъ и его жена съ горестью на нее посмотрѣли и не осмѣлились вернуть ей матерію. «Мы не сердимся на васъ,— сказала жена,—потому что вы были больны... А все-таки вы обидѣли насъ этимъ платьемъ... Мы были рады видѣть васъ у себя и принимали васъ отъ чистаго сердца. Намъ не нужно было этого

платья... И вотъ мужъ рѣшилъ, что мы вамъ его отнесемъ...» — «Вовсе не я, а ты рѣшила отнести платье», — сказалъ мужъ. — «Вы оба большія дѣти! — сказала Муся, и прежній звонкій, свѣтлый смѣхъ вырвался у нея: — вы меня очень огорчите, если вздумаете мнѣ вернуть платье и отказаться отъ моего подарка. Я желаю, — продолжала она, обращаясь къ женѣ хозяина, — чтобы вы носили его въ воспоминаніе обо мнѣ, когда меня уже больше не будетъ»... Старики пробовали ее успокоить. «Нѣтъ, — сказала она имъ, устало улыбаясь: — со мной кончено, все кончено»... Она все еще старалась улыбаться, но голубые глаза ея вдругъ наполнились слезами, и садовникъ съ женой тоже украдкой утерли свои слезы. Она поспѣшила перемѣнить разговоръ и весело сказала: — «А яблоня? Все такая же славная?» — «О, да! — отвѣтилъ садовникъ: — цвѣты уже опали, но зато завязались плоды, и есть признаки, что ихъ будетъ много. Въ сентябрѣ нужно вамъ будетъ пріѣхать ихъ покушать. Воздухъ Севра васъ живо поправитъ»... Она отрицательно покачала головой и упала ею на подушку, не будучи въ силахъ больше говорить. Въ концѣ октября, въ то время, когда въ Севрѣ, въ саду, осеребренномъ первымъ инеемъ осени, въ вѣтвяхъ могучей яблони съ пожелтѣвшими листьями, запѣли снѣгири, садовникъ-хозяинъ получилъ письмо съ черной каемкой, извѣщавшее его о смерти Муси. Они горько плакали, эти славные, добрые люди... какъ я узнала впослѣдствіи. Въ одно апрѣльское утро, когда прежная печаль съ новою силою овладѣла мною, въ то время, какъ я сидѣла у себя въ гостиной, окруженная картинами и вещицами дорогой покойницы, живо напоминавшими мнѣ ее, позвонили съ улицы, и лакей ввелъ ко мнѣ севрскаго садовника. Онъ былъ изысканно одѣтъ, по-воскресному, и неловко вертѣлъ въ рукахъ, затянутыхъ въ черныя перчатки, свою шляпу; жена была въ дорогомъ черномъ шолковомъ платьѣ и держала огромный пакетъ. «Просимъ прощенья, что обезпокоили васъ, — сказалъ садовникъ, — мы хотѣли провѣдать васъ, чтобы сказать вамъ, какъ часто мы съ женой вспоминаемъ про бѣдную барышню, а въ это время года, весною, еще чаще. И я съ женою придумали вамъ предложить кое-что въ воспоминаніе о ней»... Жена въ это время развязала пакетъ и вынула оттуда цвѣтущую вѣтку яблони. «Это, — сказала она, — первые цвѣты яблони, которую она рисовала, и они вамъ лучше нашего разскажутъ, какъ сжимается наше сердце... И если вы позволите, мы будемъ приносить вамъ эти цвѣты все время, пока будетъ цвѣсти эта яблоня»... Святыя сердца, славные люди!.. Право, эти слова дороже всякихъ хвалебныхъ стиховъ и статей. И старики сдержали свое слово: съ тѣхъ поръ каждую весну передъ портретомъ Муси красуется букетъ цвѣтовъ яблони, которая присылаетъ свои красивые дары бѣдной покойницѣ...

Взволнованная мать продолжала:

— Однажды меня посѣтилъ Андре Терьё и увидѣлъ портретъ

Муси, украшенный цвѣтущими вѣтвями яблони. Я ему разсказала эту простую исторію, и онъ написалъ поэтичный и трогательный разсказъ подъ заглавіемъ «Le pommier». Я его много разъ читала и перечитывала и кое-что передала вамъ почти его словами...

Мы вышли въ садъ. Тамъ за круглымъ столомъ, близъ фонтана, оставленное нами общество пило русскій чай, спасаясь отъ жары.

Я скоро простился съ гостепріимною хозяйкой виллы и вышелъ изъ сада.

Я шелъ по тому же берегу моря. Солнце садилось уже, и красная полоса заката придавала что-то мрачное и тяжелое потемнѣвшей морской дали, и лазурь ея приняла теперь темнофіолетовую окраску... Это былъ цвѣтъ траура. Назади вилла съ ея кущами деревьевъ быстро погружалась въ тьму наступавшаго вечера. Новыми темными тонами расцвѣтилась природа, и въ душу закрадывались печальныя мысли. Никогда не увидитъ бѣдная Муся этихъ красокъ природы, которыя невидимымъ образомъ воспитали ея талантъ, которыя наложили на нею печать жизни и меланхолію смерти.

В. Свѣтловъ.

А. Н. ПЛЕЩЕЕВЪ ВЪ ССЫЛКѢ.

I.

ИЗВѢСТНО, что одинъ изъ выдающихся поэтовъ нашихъ, Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ, въ пятидесятыхъ годахъ, находился въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ въ салдатской шинели долженъ былъ испытывать всю тягость несродной и даже ненавистной ему казарменной обстановки, особенно суровой въ былое время.

«По высочайшей конфирмаціи въ 19-й день декабря 1849 года, за участіе въ преступныхъ замыслахъ, происходившихъ на собраніяхъ у преступника Буташевича-Петрашевскаго, и другіе противозаконные поступки, во вниманіе къ молодымъ его лѣтамъ [1]), онъ лишенъ былъ всѣхъ правъ состоянія и отданъ на службу въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ рядовымъ» [2]).

Сначала поэтъ былъ сосланъ въ г. Уральскъ и 6-го января 1850 года зачисленъ въ № 1-й Оренбургскій линейный батальонъ, а потомъ 25-го марта 1852 года переведенъ въ Оренбургъ въ № 3-й батальонъ, подъ начальство майора Сушкова.

Но какъ жилось ему въ первое время ссылки въ Уральскѣ, и какъ шла здѣсь его служба, о томъ въ мѣстныхъ архивахъ не

---

[1]) А. Н. Плещеевъ родился 22-го ноября 1825 года. Слѣдовательно въ это время ему было 24 года.

[2]) Изъ аттестата Плещеева, отъ 10-го февраля 1857 года, хранящагося въ Тургайскомъ областномъ архивѣ, въ дѣлѣ за № 35,663, которое мною отыскано въ числѣ приговоренныхъ къ уничтоженію.

имѣется почти никакихъ свѣдѣній, за исключеніемъ, впрочемъ, какимъ-то чудомъ сохранившейся копіи съ отношенія начальника корпуснаго штаба, отъ 27-го января 1850 года, за № 362 [1]), въ которомъ послѣдній сообщалъ начальнику 23-й пѣхотной дивизіи, что имъ «препровождены деньги, принадлежащія назначеннымъ на службу за проступки въ Оренбургскіе батальоны № 1-й Плещееву — 146 рублей; № 5-й — Ханыкову — 8 рублей и № 6-й — Головинскому — 50 рублей,— къ командирамъ сихъ батальоновъ».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что деньги эти были присланы Плещееву матерью, которая, какъ увидимъ ниже, даже пріѣзжала навѣстить его въ этотъ отдаленный край. Очевидно, А. Н. въ средствахъ не нуждался, къ тому же уральцы народъ гостепріимный и особенно для ссыльныхъ сердобольный, такъ что, можно съ нѣкоторой увѣренностью сказать, А. Н. жилось въ Уральскѣ если не особенно весело, какъ въ захолустномъ городѣ, то врядъ ли онъ могъ пожаловаться на равнодушіе къ нему общества. Но въ Оренбургѣ на первыхъ же порахъ ссылки поэту не посчастливилось. Мѣстное «интеллигентное» общество приняло его особенно враждебно и, какъ разсказываетъ мой отецъ, служившій въ то время въ № 1-мъ Оренбургскомъ казачьемъ пѣшемъ батальонѣ писаремъ и слѣдовательно ближе знакомый «съ направленіемъ мыслей» тогдашней военной братіи,— за долго еще до его пріѣзда по городу и среди начальства на разные лады начали циркулировать несбыточные слухи, которые я привожу здѣсь, какъ курьезъ.

«Говорили, что А. Н. былъ сосланъ въ Оренбургъ за какое-то политическое преступленіе. Ихъ было трое, замѣшанныхъ въ заговорѣ противъ государя и правительства: Плещеевъ, Ращеевъ и третій (фамилію коего отецъ позабылъ) тоже изъ извѣстной дворянской семьи. Всѣ они были приговорены къ висѣлицѣ, и конфирмація суда была представлена государю. Узнавъ объ этомъ, мать Плещеева, какъ фрейлина, имѣвшая свободный доступъ ко двору, въ слезахъ бросилась къ императору, моля его о помилованіи. Увы! уже было поздно: Николай Павловичъ утвердилъ приговоръ. Тогда мать Плещеева, съ послѣдней надеждой на благопріятный исходъ, обратилась къ императрицѣ и на колѣняхъ просила сжалиться надъ ней. Государыня сочувственно отнеслась къ ея слезной просьбѣ и сама просила за преступника Плещеева у государя. Николай Павловичъ былъ тронутъ скорбію материнскаго сердца, но какъ помочь горю, когда уже утвержденный приговоръ измѣнить было нельзя. Государь и государыня общимъ совѣтомъ, припомнивъ старинный русскій обычай, когда цари, проѣзжая мимо казнимыхъ преступни-

[1]) Въ дѣлахъ штаба 23-й пѣхотной дивизіи, въ архивѣ Оренбургскаго уѣзднаго воинскаго начальника, по входящему журналу за 1850 годъ, № 838; самое же дѣло уничтожено.

ковъ, могли миловать ихъ,— придумали слѣдующую мѣру помилованія.

«Въ назначенный для экзекуціи день преступниковъ заранѣе въ закрытыхъ повозкахъ привезли къ эшафоту, но по заранѣе же сдѣланному распоряженію долго не начинали казни, какъ бы ожидая кого-то. Наконецъ, народъ заволновался.

— «Государь, государь ѣдетъ!

— «Что тутъ такое? кого казнятъ?—спросилъ императоръ.

«Ему доложили.

— «Дарую имъ жизнь!—сказалъ онъ и проѣхалъ мимо.

«Преступниковъ тотчасъ же отвезли обратно въ казематы, а на конфирмаціи суда государь собственноручно начерталъ: «сослать рядовыми въ линейные батальоны». Такимъ образомъ, согласно этому повелѣнію перваго изъ нихъ—Плещеева, отправили въ Оренбургскій край, Ращеева въ западно-сибирскіе батальоны и послѣдняго въ Восточную Сибирь».

Не смотря на всю неосновательность подобной выдумки, мѣстному обществу было достаточно, чтобы быть предубѣжденнымъ противъ такого политическаго ссыльнаго и избѣгать его. Помимо того, всѣмъ было извѣстно, что Плещеевъ «пишетъ». Одного этого уже было довольно, чтобы сторониться отъ него и видѣть въ немъ человѣка отверженнаго. Даже теперь, при всеобщемъ образованіи, при быстрыхъ успѣхахъ современной цивилизаціи, въ Оренбургѣ очень трудно жить человѣку, болѣе или менѣе развитому и пишущему хотя бы самые невинные разсказы и стишки. Мѣстное общество съ какой-то затаенной ненавистью смотритъ на каждаго писателя и, сколько ни увѣряй, не вѣритъ тому, что иные пишутъ исключительно для того, чтобы имѣть кусокъ хлѣба. «Вретъ, молъ, пишетъ отъ нечего дѣлать, чтобы людей порочить», такъ какъ во всякомъ произведеніи, хотя бы самаго безобиднаго свойства, оренбуржцы видятъ осмѣяніе ихъ пороковъ, осужденіе ихъ недостатковъ. Если еще и теперь существуютъ такіе взгляды, то можно представить, что было 30—40 лѣтъ тому назадъ въ Оренбургѣ, когда здѣсь томился А. Н. Плещеевъ [1]). Легко ли жилось ему въ этомъ Богомъ обиженномъ городѣ, прозванномъ еще покойнымъ В. И. Далемъ (казакъ Луганскій) «чертовой песочницей»?

Переведенный изъ Уральска въ № 3-й батальонъ, Алексѣй Николаевичъ былъ отданъ подъ надзоръ особаго дядьки—унтеръ-офицера, изъ тѣхъ закаленныхъ дядекъ-усачей, для которыхъ «воинскіе артикулы» съ строгой субординаціей составляли всю цѣль жизни. Поэту первое время пришлось особенно много перенести горя и лишеній въ чуждой его характеру суровой обстановкѣ. На-

---

[1]) Какъ смотрѣло оренбургское общество на Плещеева-писателя, особенно рельефно вырисовывается изъ ниже приводимыхъ архивныхъ данныхъ.

равнѣ съ другими онъ долженъ былъ отбывать всѣ обязанности солдата, какъ-то: хожденіе въ караулъ, на дневальство, наряды на казарменныя работы, посылку «на вѣсти» (вѣстовымъ) къ ротному и батальонному командиру и т. п. Но особенно тягостно для него было сидѣть въ четырехъ стѣнахъ душныхъ казармъ: не съ кѣмъ было поговорить, обмѣняться мыслями. Съ солдатами какой же можетъ быть разговоръ, да и за этимъ строго слѣдило батальонное начальство. Затѣмъ и сами солдаты сторонились «поднадзорныхъ баричей». Батальонные же офицеры избѣгали вступать въ бесѣды «съ такими личностями»,— во-первыхъ, изъ боязни навлечь на себя подозрѣніе старшаго начальства, а, во-вторыхъ, и это, кажется, самое, главное, большинство изъ нихъ происходило изъ тѣхъ же рядовыхъ солдатъ, которые, кромѣ службы и уставовъ, не имѣли ни малѣйшаго представленія о чемъ либо иномъ, особенно въ области поэзіи и литературы. Наконецъ, при чрезмѣрно-строгой въ то время дисциплинѣ, невозможно было и подумать, чтобы офицеръ-начальникъ могъ снизойти до степени обыкновеннаго человѣка, могъ сочувственно относиться къ положенію хотя бы образованнаго солдата, а тѣмъ болѣе вести съ нимъ какіе либо частные разговоры, кромѣ служебныхъ.

Въ отпуски А. Н. не ходилъ, да, вѣрнѣе сказать, и не могъ ходить, прежде всего потому, что это было ему запрещено [1]), а затѣмъ и потому, что у него не было въ Оренбургѣ ни одной души знакомыхъ. Такимъ образомъ ни сочувствія, ни ласки, ни привѣта. Это была убійственная жизнь, отъ которой легко можно было сойти съ ума!

Долго и терпѣливо сносилъ А. Н. выпавшія на его долю невзгоды и никому не жаловался на свою судьбу, но, наконецъ, не выдержалъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ написалъ о своемъ тяжеломъ положеніи матери. Прочитавъ такую грустную повѣсть, она тотчасъ же пріѣхала въ Оренбургъ [2]), и скоро обстоятельства приняли другой оборотъ.

Мать Плещеева подарила дядькѣ его золотые часы съ цѣпочкой,— важный въ то время для простаго солдата подарокъ, такъ

---

[1]) Какъ строго слѣдило за нимъ начальство, видно по перепискѣ штаба 23-й пѣхотной дивизіи за 1852 годъ, № 831: даже для свиданія Плещеева съ его матерью, въ періодъ съ 26-го іюня по 27-е іюля, батальонный командиръ испрашивалъ разрѣшеніе дивизіоннаго начальника, а послѣдній корпуснаго командира.

[2]) Въ № 1 «Тургайской Газеты» какой-то старожилъ увѣряетъ, что мать Плещеева пріѣхала къ нему въ Оренбургъ, послѣ «возвращенія его изъ Перовска», слѣдовательно въ 1856 г.; между тѣмъ изъ вышеприводеннаго дѣла видно, что она была въ Оренбургѣ лѣтомъ 1852 года. Здѣсь не мѣшаетъ также замѣтить, что этотъ старожилъ (а въ № 2 сама редакція «Тургайской Газеты») неправильно показываетъ ссылку А. Н. въ Оренбургъ въ 1849 году, съ зачисленіемъ его въ № 2-й линейный батальонъ, тогда какъ Плещеевъ никогда не служилъ въ этомъ батальонѣ.

какъ часы были чрезвычайно дороги и рѣдко встрѣчались даже у людей чиновныхъ, — и дядька изъ суроваго начальника сдѣлался чуть не слугой молодому ссыльному «баричу». Потомъ она побывала и у батальоннаго командира, майора Сушкова, еще кое у кого изъ вліятельныхъ лицъ мѣстнаго военнаго управленія и, наконецъ, сдѣлала визитъ самому начальнику края, генералъ-адъютанту Василію Алексѣевичу Перовскому [1]), съ которымъ была, кажется, знакома по Петербургу; и этотъ суровый и строгій оренбургскій генералъ-губернаторъ, но отзывчивый на все доброе и особенно покровительствовавшій ученымъ и литераторамъ, очень любезно принялъ Плещееву и охотно согласился взять ея сына подъ свое покровительство [2]).

Вскорѣ послѣ того было сдѣлано распоряженіе, чтобы майоръ Сушковъ, вмѣсто мѣсячныхъ рапортовъ о состояніи и поведеніи рядоваго Плещеева, представлялъ «таковые каждонедѣльно» [3]). Для Алексѣя Николаевича снова возсіяла счастливая звѣзда, и съ этого времени служба его пошла легче. Батальонное начальство уже перестало «наряжать» его на работы и въ вѣстовые, за исключеніемъ посылки на ротныя и батальонныя ученья. Но еще больше было предоставлено ему свободы, когда генералъ-адъютантъ Перовскій, получая все болѣе и болѣе благопріятные о немъ отзывы батальоннаго начальства, сталъ запросто приглашать его къ себѣ чуть не каждый день въ три часа на обѣдъ, а иногда даже посылалъ за нимъ свою карету Само собою разумѣется, батальонное начальство, отъ мала до велика, въ виду такихъ знаковъ вниманія начальника края къ ссыльному рядовому (такой чести рѣдко удостоивались даже немногіе изъ видныхъ представителей мѣстной администраціи), не смѣло уже заикнуться о какихъ либо строгостяхъ и безпрепятственно разрѣшало ему выходъ изъ казармъ, когда угодно и куда вздумается.

Къ большему еще благополучію Алексѣя Николаевича, вскорѣ, весной 1853 года, начались наступательныя движенія нашихъ отря-

---

[1]) Генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи (впослѣдствіи графъ) В. А. Перовскій, управлялъ Оренбургскимъ краемъ съ 1851 по 1857 годъ.

[2]) У многихъ навѣрно явится вопросъ: почему раньше В. А. не взялъ его подъ свое покровительство, зная, что А. Н. сосланъ былъ во ввѣренный ему край? Мнѣ кажется, отвѣтъ на это очень не замысловатъ. Общественное мнѣніе города Оренбурга было настроено враждебно противъ ссыльныхъ, и Василій Алексѣевичъ выжидалъ поэтому только удобнаго случая, «не дразня гусей», избавить Плещеева отъ тяжкой доли. Перовскій былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, какую онъ бралъ на себя тяжелую и отвѣтственную задачу; бороться же съ заскорузлыми взглядами общества не всегда было легко.

[3]) Въ то время былъ заведенъ порядокъ—всѣмъ сосланнымъ въ Оренбургскій край политическимъ преступникамъ ежемѣсячно составлялись такъ называемые «кондуитные» списки, которые сначала представлялись командиру корпуса, а этимъ послѣднимъ, чрезъ шефа жандармовъ, государю.

довъ въ глубь киргизской степи для обузданія волновавшихся киргизъ Чиклинскаго рода малой орды, подъ предводительствомъ мятежнаго батыря Исетки Кутебарова, и противъ коканцевъ, оказывавшихъ намъ неповиновеніе, грабившихъ нашихъ подданныхъ киргизъ и покровительствовавшихъ дѣйствіямъ этого степнаго разбойника. Для усмиренія бунтовщиковъ было назначено 2 тысячи пѣхоты и 4 тысячи конницы (казаки и башкиры) при девяти орудіяхъ. Главное начальствованіе надъ отрядомъ этимъ, по высочайшему повелѣнію, принялъ самъ начальникъ края генералъ Перовскій.

Чтобы дать возможность Плещееву выслужиться изъ простыхъ рядовыхъ и выйти изъ тягостнаго положенія поднадзорнаго, Василій Алексѣевичъ 2-го марта 1853 года перевелъ его изъ № 3-го въ № 4-й батальонъ, который назначался въ этотъ походъ [1]).

Войска и обозы, назначенные въ отрядъ, собирались въ Оренбургѣ, Орскѣ и станицѣ Верхнеозерной, откуда, выступая тремя колоннами, должны были соединиться у форта Карабутакъ и подъ начальствомъ наказнаго атамана Оренбургскаго казачьяго войска, генералъ-майора Падурова, слѣдовать далѣе на Сыръ-Дарью и коканскую крѣпость Акъ-Мечеть, главный предметъ похода.

Отряды выступили съ линіи между 10-мъ и 15-мъ мая и, несмотря на сильные жары, 23-го мая соединились въ укрѣпленіи Уральскомъ, пройдя 605 верстъ труднаго степнаго пути отъ Оренбурга [2]). Отсюда выступили далѣе уже двумя колоннами: одна подъ начальствомъ генерала Падурова, другая—подполковника Іоннея. Батальонъ № 4-й, гдѣ былъ Плещеевъ, шелъ въ колоннѣ Падурова и все время, до взятія 28-го іюля Акъ-Мечети, находился въ ней.

Въ шестнадцать дней войска дошли до укрѣпленія Аральскаго (Раимъ) на Сыръ-Дарьѣ, куда прибыли 8-го іюня, а 3-го іюля были уже подъ стѣнами Акъ-Мечети. Здѣсь Алексѣй Николаевичъ принималъ участіе въ осадѣ и штурмѣ крѣпости и «за отличіе въ дѣлѣ при взятіи ея всемилостивѣйше былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры (приказомъ 27-го декабря 1853 года) и награжденъ, не въ зачетъ, годовымъ окладомъ жалованія» [3]).

Послѣ возведенія по Сыръ-Дарьѣ укрѣпленій: № 1-го на истокѣ рѣки Казалы (нынѣ городъ Казалинскъ), № 2-й—на урочищѣ Кармакчи, № 3-го—на Куванъ-Дарьѣ (впослѣдствіи въ 1855 году уничтоженнаго) и форта «Перовскаго», переименованнаго, по высочайшему повелѣнію, въ честь виновника побѣды изъ Акъ-Мечети [4]), начальникъ края, съ частью войскъ, отправился въ Оренбургъ,

---

[1]) См. въ дѣлѣ Тург. обл. арх. № 35,663 аттестатъ Плещеева.

[2]) До Карабутака же отъ Оренбурга считается 428 верстъ.

[3]) Изъ аттестата Плещеева.

[4]) Помимо того, Перовскій, за взятіе Акъ-Мечети, по высочайшему повелѣнію, 27-го декабря того же 1853 года былъ возведенъ въ графское достоинство.

оставивъ для охраненія вновь заведенной сторожевой и оборонительной линіи три роты 4-го линейнаго баталіона, двѣ сотни казаковъ и сотню башкиръ при 7 орудіяхъ. Такимъ образомъ на долю нашего поэта выпало остаться въ Акъ-Мечети и влачить въ ней самое жалкое существованіе.

Одинъ изъ оренбургскихъ старожиловъ, нѣкто Ціолковскій, сынъ извѣстнаго въ свое время сподвижника Перовскаго, пишетъ на страницахъ «Тургайской Газеты» (№ 1-й за 1896 годъ), что, «живя въ фортѣ Перовскомъ, Алексѣй Николаевичъ велъ постоянную переписку съ своими друзьями, оставшимися въ городѣ Оренбургѣ. Письма его были полны задушевности и глубокой грусти». Въ одномъ изъ нихъ, адресованномъ автору воспоминаній, даже было приложено слѣдующее стихотвореніе:

Я молодъ былъ, я увлекался...
Я жилъ несбыточной мечтой,
Я время вѣянью поддался
И сталъ солдатъ совсѣмъ простой...
Мечты прошли, зачахли упованья,
И изъ тюрьмы я въ степь попалъ;
Не слышны здѣсь мои стенанья,
Но какъ страдаю я, страдалъ!

Мы сомнѣваемся, чтобы это стихотвореніе принадлежало перу даровитаго Плещеева, но безспорно, что въ фортѣ Перовскомъ, отдаленномъ и оторванномъ отъ остальной Россіи дикими первобытными киргизскими степями, Алексѣю Николаевичу жилось куда хуже, чѣмъ въ Оренбургѣ, гдѣ онъ уже, съ помощію Перовскаго, успѣлъ найти друзей. Кругомъ одна безбрежная степь, унылая и однообразная, съ скудной растительностью, земляныя стѣны укрѣпленія, суровыя лица солдатъ, киргизы и верблюды—вотъ все, что могъ видѣть его глазъ. Для развлеченія ни одной книги, ни одной газеты. До Оренбурга было слишкомъ 1.000 верстъ, и оказіи ходили туда въ мѣсяцъ или въ два мѣсяца разъ и лишь для того, чтобы отвезти нужныя бумаги или привезти провіантъ.

Почти три года провелъ поэтъ въ этой мрачной обстановкѣ, безъ всякой дѣятельности. Много воды утекло за это время, и много на Руси перемѣнилось событій. Въ 1855 году скончался императоръ Николай Павловичъ, и съ восшествіемъ на престолъ Александра Николаевича наступили новыя времена, болѣе просвѣщенныя, болѣе гуманныя. Графъ Перовскій воспользовался этимъ случаемъ и сталъ ходатайствовать предъ молодымъ императоромъ о смягченіи участи поэта Плещеева. Государь внялъ просьбѣ «стараго слуги августѣйшаго родителя» своего, и «высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ въ одиннадцатый день мая тысяча восемьсотъ пятьдесятъ шестаго года», Плещеевъ былъ «произведенъ въ прапор-

щики съ переводомъ въ оренбургскій линейный № 3 батальонъ»[1]), стоявшій въ Оренбургѣ. 15-го іюня А. Н. навсегда распрощался съ Акъ-Мечетью, гдѣ провелъ такъ много томительныхъ дней, и 25-го іюля прибылъ въ Оренбургъ[2]).

Теперь, какъ офицеръ, онъ имѣлъ полный доступъ повсюду, былъ свободенъ, надъ нимъ не висѣлъ, какъ Дамокловъ мечъ, строгій надзоръ; но душа его не мирилась съ военнымъ режимомъ; онъ всѣми мѣрами старался избавиться отъ тягостной ему военной службы, въ которой потерялъ свои лучшіе годы, и которая въ замѣнъ всего дала ему столько непріятностей. Въ концѣ года онъ просилъ графа Перовскаго ходатайствовать объ увольненіи его отъ военной службы. В. А. снесся по этому поводу съ военнымъ министромъ. Просьба Плещеева была доложена государю, и на нее послѣдовало милостивое разрѣшеніе: «По высочайшему повелѣнію (какъ значится въ его аттестатѣ), объявленному въ отношеніи г. военнаго министра, отъ семнадцатаго ноября 1856 г., за № 6.730, Плещеевъ уволенъ отъ военной службы, съ переименованіемъ въ коллежскіе регистраторы и съ дозволеніемъ вступить въ гражданскую службу, кромѣ столицъ»[3]). Кончилась первая эпопея Плещеевской ссылки, началась другая.

II.

Средства у А. Н. были не настолько хороши, чтобы онъ могъ прожить безъ службы или какихъ либо опредѣленныхъ занятій, такъ какъ «имѣнія родоваго и благопріобрѣтеннаго» у него не было, литературный же заработокъ (да и врядъ ли былъ онъ у него въ это время) не могъ дать ему возможность прожить безбѣдно. Такимъ образомъ, въ силу необходимости, ему нужно было искать должности. Зиму 1856—1857 года, однако, за неимѣніемъ, вѣроятно, подходящихъ вакансій онъ прожилъ въ Оренбургѣ безъ дѣла, и только въ мартѣ (5-го) подалъ прошеніе въ оренбургскую пограничную комиссію «объ опредѣленіи его на службу въ штатъ этой комиссіи»[4]), причемъ представилъ и аттестатъ, выданный ему 10-го

---

[1]) Изъ аттестата Плещеева.

[2]) Тамъ же.

[3]) Въ некрологѣ «Историческаго Вѣстника» (1893, XI, 623) неправильно сказано, что онъ перемѣнилъ военный мундиръ на гражданскій въ 1857 г., какъ будто послѣ возвращенія ему правъ потомственнаго дворянства. Какъ увидимъ ниже, послѣднее случилось гораздо позднѣе.

[4]) Дѣло тургайскаго областнаго архива за 1857 г., № 35.663, листъ 1. Необходимо для ясности замѣтить, что бывшая оренбургская пограничная комиссія, вѣдавшая дѣла зауральныхъ киргизъ и Внутренней Букеевской орды, въ 1868 году, при образованіи новой области Тургайской, переименована въ тургайское областное правленіе, гдѣ и остался весь архивъ прежней пограничной комиссіи.

февраля 1857 отъ командира оренбургскаго корпуса, за подписомъ самого Перовскаго, изъ коего, между прочимъ, видно, что онъ «воспитывался въ частномъ учебномъ заведеніи[1]), знаетъ читать, писать, законъ Божій, исторію всеобщую и русскую, географію, логику, статистику и языки: нѣмецкій и французскій». «По служеніи въ отдѣльномъ оренбургскомъ корпусѣ, въ домовыхъ отпускахъ, штрафахъ по суду и безъ суда и подъ слѣдствіемъ не былъ. Къ повышенію чиномъ аттестовался достойнымъ; а къ награжденію знакомъ отличія безпорочной службы, хотя не выслужилъ срока, но случаямъ, препятствующимъ къ награжденію онымъ, во время службы не подвергался».

По сношеніи объ этомъ съ инспекторскимъ департаментомъ гражданскаго вѣдомства, высочайшимъ приказомъ 21 апрѣля 1857 г. за № 84, Плещеевъ былъ зачисленъ въ штатъ комиссіи, а потомъ, по журналу 20 мая, опредѣленъ на должность столоначальника во «временный столъ по управленію внутренней киргизской ордой». А. Н. принялъ присягу на вѣрность службы и далъ подписку «о непринадлежности къ массонскимъ и другимъ тайнымъ обществамъ» [2]). Вскорѣ затѣмъ, высочайшимъ указомъ, даннымъ за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, 17-го апрѣля того же года[3]), было повелѣно: «лишенному правъ состоянія рѣшеніемъ генералъ-аудиторіата 19 декабря 1849 г. и уволенному отъ службы прапорщику Алексѣю Плещееву, съ прочими, равно законнымъ ихъ дѣтямъ, прижитымъ послѣ произнесенія надъ отцами ихъ приговора даровать прежнія права по происхожденію, то-есть пользовавшимся до приговора потомственнымъ дворянствомъ всѣ права дворянства потомственнаго, а принадлежащимъ къ другимъ состояніямъ права прежнихъ состояній, но всѣмъ безъ права на прежнія имущества».

На службѣ Плещееву повезло. Въ лицѣ предсѣдателя пограничной комиссіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василія Васильевича Григорьева (1854—1862), извѣстнаго нашего оріенталиста и изслѣдователя Туркестанскаго края[4]), А. Н. нашелъ себѣ новаго

---

[1]) Во всѣхъ почти некрологахъ Плещеева указывается, что онъ 15-ти лѣтъ былъ отданъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, но потомъ вышелъ изъ военной школы и поступилъ въ Петербургскій университетъ. Это обстоятельство не внесено съ аттестатъ Плещеева, вѣроятно, потому, что онъ пробылъ въ школѣ недолгое время.

[2]) Г. Старожилъ неправильно доказываетъ, что А. Н. тотчасъ же по возвращеніи изъ Перовска въ Оренбургъ поступилъ на службу въ пограничную комиссію-

[3]) Въ первый разъ указъ этотъ напечатанъ въ № 83 «С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей» за 1857 годъ. Выдержки изъ указа приводимъ по даннымъ пограничной комиссіи, дѣло № 35,663, листы 17—18.

[4]) См. «В. В. Григорьевъ по его письмамъ и трудамъ», Веселовскаго, изданіе археологическаго общества. Его статья: «Т. Н. Грановскій, до профессорства въ Москвѣ», напечатанная въ «Русской Бесѣдѣ» за 1856 г., произвела сильный переполохъ въ журнальномъ мірѣ. Этотъ Григорьевъ благоволилъ также и къ

покровителя, который впослѣдствіи, когда Плещеевъ женился на дочери чиновника Руднева, былъ у него даже посаженнымъ отцомъ.

Вырвавшись, такимъ образомъ, послѣ шестилѣтняго заточенія въ душныхъ стѣнахъ батальонныхъ казармъ, на свѣтъ Божій, тридцатидвухлѣтній поэтъ, конечно, не прочь былъ веселиться и пользоваться тѣми удовольствіями, какія могъ дать тогда Оренбургъ, тѣмъ болѣе, что Плещеевъ былъ не дуренъ собой, уменъ, хорошо воспитанъ и образованъ. Всюду его принимали, какъ желаннаго гостя. Мнѣнія круто перемѣнились, и даже тѣ, которые прежде недовѣрчиво смотрѣли на «политическаго ссыльнаго», открыли ему свои двери и радушно принимали его, особенно у кого были взрослыя дочери, такъ какъ А. Н. во всѣхъ отношеніяхъ являлся завиднымъ женихомъ.

Случайно, на какомъ-то вечерѣ, онъ познакомился съ своей будущей женой. Еликонидѣ Александровнѣ въ то время было только 17 лѣтъ. Стройная, миловидная брюнетка, считавшаяся красавицей по всему Оренбургу, отъ которой, казалось, вѣяло счастьемъ и здоровьемъ, произвела такое сильное впечатлѣніе на Алексѣя Николаевича, что онъ рѣшилъ связать свою судьбу съ ея судьбой; къ тому же, хорошо воспитанная и образованная, Еликонида Александровна имѣла за собой 50 тысячъ рублей приданаго. Не мешаетъ добавить, что отецъ ея, титулярный совѣтникъ Александръ Михайловичъ Рудневъ, служившій надзирателемъ при илецкомъ соляномъ промыслѣ, въ 62-хъ верстахъ отъ г. Оренбурга, въ Илецкой защитѣ, и мать Татьяна Евграфовна, были прекраснѣйшіе люди, типа старосвѣтскихъ помѣщиковъ, и воспитали единственную дочь свою въ духѣ патріархальности и строгой религіозности.

Въ концѣ октября 1857 года состоялось сватовство. Плещеевъ, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, капитаномъ артиллеріи Д. П. Пр—вымъ [1]), для этой цѣли отправились въ Илецкую защиту. По пути, на станціи Донгузъ, въ 25 верстахъ отъ Оренбурга, какъ разсказываетъ мой отецъ, служившій въ это время на станціи этой смотрителемъ, съ ними произошелъ такой забавный случай, отчасти характеризующій нашего поэта.

Была убійственная, осенняя погода. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и на дворѣ стояла непролазная грязь. «День выдался почтовый», и поэтому всѣ лошади на станціи были «въ разгонѣ». Проводивъ послѣднюю почту и думая, что въ такую отвратительную погоду не будетъ больше проѣзжающихъ, отецъ мой, отъ нечего дѣлать, захотѣлъ позабавиться чайкомъ. Но только что мамаша

своему тезкѣ А. А. Григорьеву и не разъ снабжалъ его въ займы деньгами. Изъ дѣла № 2.282 Неплюевскаго кадетскаго корпуса видно, что покойный нашъ критикъ, за уплатой ста рублей по заемному письму, остался долженъ ему еще 49 рублей.

[1]) И нынѣ здравствующимъ въ чинѣ отставнаго генерала въ Москвѣ.

приготовила все для чаепитія, вдругъ динь, динь, динь—колокольчикъ! И къ станціонному дому на тройкѣ сытыхъ лошадей подъѣхала почтовая телѣжка, изъ которой вышли офицеръ и господинъ въ статскомъ платьѣ, но въ форменной фуражкѣ пограничнаго вѣдомства.

— Лошадей!—громко крикнулъ статскій, входя въ станціонный домъ.

— Никакъ нѣтъ: всѣ въ разгонѣ!—думая, что предъ нимъ «превосходительная» особа, почтительно отвѣтилъ отецъ.

— Знать ничего не хочу! чтобы черезъ пять минутъ лошади были готовы, а то я тебя... и при этомъ пріѣзжій господинъ разразился потокомъ внушительныхъ словъ.

— Помилуйте, вашество!—взмолился отецъ.—Гдѣ же я ихъ возьму, коли нѣтъ.

— Врешь ты!..

— Постой, братъ! не кричи!—наконецъ вступился за отца офицеръ.—Можетъ быть, онъ правъ. Посмотри сначала станціонную книгу.

Отецъ тотчасъ же подалъ ее.

— А сколько лошадей на станціи?—спросилъ статскій.

— Всего двѣ тройки полагается,—отвѣтилъ отецъ.

Посмотрѣли запись: дѣйствительно всѣ лошади разосланы то съ почтой, то съ эстафетой, то съ проѣзжающими.

— Ну, вотъ видишь,—замѣтилъ военный, указывая на отца,—причемъ же онъ тутъ, а ты его бранишь!

Статскій господинъ немного смягчился.

— Такъ какъ же быть-то? На чемъ же я теперь доѣду до Илецкой защиты?

— Если хотите, вашество, я добуду вамъ лошадей,—предложилъ свои услуги отецъ.

— А откуда?

— Вотъ съ Кордона!.. Казаки за прогоны куда угодно довезутъ.

— Пожалуйста, братецъ, похлопочи!—уже сталъ упрашивать господинъ.—Что будетъ стоить, я заплачу. Чортъ возьми,—проклятая ваша сторона! Я въ Оренбургѣ прогоны до Илецкой защиты заплатилъ, а теперь изволь искать лошадей. Если бы я зналъ, лучше обывательскихъ прямо до Илецкой защиты нанялъ бы.

Отецъ мигомъ сбѣгалъ къ кордоннымъ казакамъ, селеніе которыхъ отстояло всего въ какихъ нибудь 50—100 шагахъ отъ станціоннаго дома. Минутъ черезъ двадцать лошади были готовы, но опять бѣда: не во что было впрягать ихъ, такъ какъ прежняя почтовая повозка уѣхала, а у казаковъ, кромѣ телѣгъ, не было другихъ экипажей. Какъ быть? не ѣхать же въ телѣгѣ, вѣдь въ ней всю душу вытрясетъ. Отецъ и тутъ нашелся.

— Вонъ возьмите, вашество, у меня крытый тарантасъ остался, только не больно завидный.

— Давай скорѣе! все лучше телѣги!—сказалъ господинъ.

Наконецъ все уладилось, лошади были запряжены, господа уплатили казакамъ прогоны, отдали отцу положенныя за почтовый экипажъ 12 коп., записали въ книгу проѣзжающихъ свои фамиліи и уѣхали.

— Фу, ты! — послѣ отъѣзда ихъ вздохнулъ отецъ.—Ну, и задали же они мнѣ жару.

Съ любопытствомъ заглянулъ онъ въ книгу; тамъ значилось: «Коллежскій регистраторъ А. Н. Плещеевъ, столоначальникъ пограничной комиссіи и капитанъ оренбургской артиллерійской роты Дмитрій Петровичъ П—въ».

— Чтобъ имъ пусто было,—невольно выругался отецъ,—а я думалъ, чортъ знаетъ кто. Даже поджилки тряслись, когда съ ними говорилъ.

Недѣли черезъ двѣ въ Илецкой защитѣ состоялась свадьба Плещеева, на которую съѣхалась почти вся оренбургская знать. Затѣмъ, поэтъ съ молодой женой отправился въ Оренбургъ, но по дорогѣ не могъ миновать Донгуза. Съ отцомъ они встрѣтились, какъ старые знакомые.

Пока перепрягали лошадей, А. Н. расхаживалъ по комнатѣ и любезно разспрашивалъ отца о его житьѣ-бытьѣ и службѣ. Отецъ, на сколько могъ, удовлетворялъ его любопытство.

— А это что у тебя? — случайно взглянулъ онъ на столъ, гдѣ между писарскими принадлежностями лежала толстая книга съ оторваннымъ началомъ.

— Пѣсенникъ!

— Что?

— Пѣсенникъ, говорю!—повторилъ отецъ.

— Откуда онъ у тебя?—заинтересовался А. Н. и сталъ его перелистывать.—Развѣ ты что нибудь смекаешь въ поэзіи?

— Нѣтъ... но такъ... иногда пріятно почитать,—уклончиво отвѣтилъ писарь.

Глаза у А. Н. разгорѣлись, точно онъ нашелъ кучу золота.

— Продай мнѣ его?—вдругъ отрѣзалъ онъ.

— Что вы? Онъ мнѣ самому дорогъ... ни за что! Вы въ книжной лавкѣ можете купить.

— Ну, вотъ!.. въ какой еще... не найдешь!.. а сколько стоитъ?—какъ-то лихорадочно говорилъ онъ, держа пѣсенникъ дрожащими руками.

— Да, думаю, гривенъ восемь стоитъ,—глубокомысленно заявилъ отецъ.

— Ну, такъ я возьму его у тебя!

— Позвольте, Алексѣй Николаевичъ!..

— Да на что онъ тебѣ? а мнѣ пригодится.

«Я и такъ, я и этакъ, — заключаетъ свой разсказъ отецъ,—

всякіе резоны ему представлялъ, ничего не беретъ. Вѣдь такъ отъсмомъ и отнялъ пѣсенникъ, а жаль, такихъ теперь нѣтъ, старинный былъ пѣсенникъ, и пѣсни все русскія, народныя. И этотъ мнѣ былъ подарокъ отъ батальоннаго сослуживца, когда мы съ нимъ разставались. Выкинулъ мнѣ Алексѣй Николаевичъ 80 коп., какъ сейчасъ помню, четыре двугривенныхъ, лошади были поданы, сѣлъ и былъ таковъ. Ну, что съ нимъ подѣлаешь, ужъ такая «скоропалительная» голова былъ, а все-таки добрѣйшей души человѣкъ!»

Послѣ этого случая они сдѣлались большими пріятелями, и, не разъ встрѣчаясь въ Оренбургѣ, куда отецъ переѣхалъ въ слѣдующемъ году, А. Н. зазывалъ его къ себѣ и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ.

По пріѣздѣ «въ столицу степей», Плещеевъ поселился съ женой въ домѣ купца Хохлова, обставивъ квартиру на сколько возможно комфортабельнѣе, но прожилъ здѣсь очень недолго. Надоѣла ему служба, надоѣлъ и Оренбургъ, онъ рвался на волю. Къ тому же мать, которую онъ сильно любилъ, писала ему, что послѣднее время часто прихварываетъ и вызывала его къ себѣ. Общими усиліями стали хлопотать о дозволеніи жить Плещееву въ столицѣ, и ходатайство ихъ увѣнчалось успѣхомъ.

9-го февраля 1858 года (за № 33) оренбургскій и самарскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ [1]), увѣдомилъ предсѣдателя пограничной комиссіи, что «государь императоръ, по всеподданнѣйшемъ докладѣ ходатайства его, генералъ-губернатора, всемилостивѣйше соизволилъ на увольненіе служащаго въ комиссіи коллежскаго регистратора Плещеева въ четырехъ-мѣсячный отпускъ въ обѣ столицы» [2]).

Но почему-то (можетъ быть, по причинѣ холоднаго времени) А. Н. не воспользовался сейчасъ же этимъ позволеніемъ и только 26-го мая подалъ въ комиссію прошеніе о разрѣшеніи ему отпуска въ С.-Петербургъ и Москву и съ тѣмъ вмѣстѣ, «намѣреваясь пріискать себѣ другой родъ службы», просилъ о выдачѣ ему копіи съ его «формуляра».

Задержки отъ комиссіи, конечно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ не было, и 29-го мая 1858 года [3]), съ четырехмѣсячнымъ паспортомъ въ карманѣ, Плещеевъ выѣхалъ изъ Оренбурга, вмѣстѣ съ женой, и больше туда не возвращался.

---

[1]) Напомнимъ здѣсь, что Катенинъ смѣнилъ Перовскаго по высочайшему приказу 7-го апрѣля 1857 года.

[2]) Дѣло оренбургской пограничной комиссіи, № 31,064, «о увольненіи Плещеева въ отпускъ». См. реестръ пограничной комиссіи отъ 26-го мая 1858 года № 963—850, журналъ № 53.

[3]) Дѣло тургайскаго областнаго архива, № 31,064, л. 2. Странно, что редакція «Тургайской Газеты», имѣющая подъ руками подлинные документы о Плещеевѣ (впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, назначенные «къ уничтоженію»), въ № 2 иллюстрированнаго изданія говоритъ, что Плещеевъ уѣхалъ изъ Оренбурга въ 1857 году.

Незадолго до своего отъѣзда Алексѣй Николаевичъ какъ-то на улицѣ встрѣтилъ отца моего и зазвалъ его къ себѣ. Плещеевъ былъ радостный, сіяющій.

— Ну, братъ, прощай! уѣзжаю! — съ первыхъ же словъ началъ онъ.

— Далеко ли, Алексѣй Николаевичъ?

— Въ Москву пока! Мать при смерти! Вотъ взялъ четырехмѣсячный отпускъ, да все равно я не вернусь.

— Какъ такъ?

— Нечего мнѣ, братъ, здѣсь дѣлать!

— А служба-то?—въ простотѣ душевной спросилъ отецъ, думая, что безъ службы прожить нельзя.

— Э!.. махнулъ Алексѣй Николаевичъ рукой. — Не надо! другую найду!.. «Ты думаешь, я умеръ? Нѣтъ, братъ, я теперь ожилъ, воскресъ!».

Послѣ того, отецъ не получалъ о немъ никакихъ извѣстій. Лѣтъ черезъ десять, должно быть, въ Илецкую защиту къ своимъ роднымъ пріѣхала Еликонида Александровна. Отецъ потомъ слышалъ отъ ея отца, что Алексѣй Николаевичъ съ семьей живетъ въ Петербургѣ «на хорошей должности» и живетъ хорошо. Особенно же поражало многихъ въ Оренбургѣ, что горничная жены Плещеева такъ хорошо говорила пофранцузски, какъ настоящая француженка, лучше «нашей губернаторши», и одѣвалась лучше ея.

III.

Съ отъѣздомъ въ Москву Алексѣя Николаевича переписка о немъ не прекратилась. Но удивительно, ради чего онъ передъ отъѣздомъ своимъ послалъ въ городъ Уфу, оренбургскому гражданскому губернатору [1]), съ приложеніемъ своего послужного списка, прошеніе о зачисленіи его въ штатъ губернскаго правленія, когда совсѣмъ «не хотѣлъ жить» въ Оренбургскомъ краѣ. По прошенію этому, исправляющій должность губернатора дѣйствительный статскій совѣтникъ Барановскій, основываясь «на удостовѣрительной надписи Оренбургской пограничной комиссіи на формулярѣ Плещеева о неимѣніи препятствій къ его перемѣщенію», предложилъ губернскому правленію опредѣлить его въ штатъ «губернаторской канцеляріи», и въ то же время (10-го іюня, № 2745) увѣдомилъ о томъ пограничную комиссію. Послѣдняя въ свою очередь о такой перемѣнѣ донесла генералъ-

---

[1]) Необходимо добавить, что центръ гражданскаго управленія Оренбургской губерніи въ то время (до 1865 года) сосредоточивался въ Уфѣ, гдѣ жилъ гражданскій губернаторъ. Въ Оренбургѣ же было военное управленіе краемъ и пограничной полосой его.

губернатору и въ инспекторскій департаментъ гражданскаго вѣдомства, исключила Плещеева изъ списковъ своихъ чиновниковъ и, закончивъ тѣмъ переписку о немъ, сдала ее въ архивъ. Между тѣмъ, по сдѣланной гражданскимъ губернаторомъ резолюціи, оренбургское губернское правленіе не торопилось зачислять Плещеева въ штатъ. И только черезъ три мѣсяца (9-го сентября) исполнило распоряженіе губернатора, еще разъ увѣдомивъ объ этомъ пограничную комиссію. Произошла путаница. Пограничной комиссіи пришлось выкапывать переписку изъ архива, опять подшивать къ ней «бумаги» и снова составлять и «заслушивать» журналъ. Виновникъ же всей этой кутерьмы, ничего не подозрѣвая, хотя комиссія уже два раза «опредѣляла» объявить ему о томъ «по принадлежности», — спокойно разгуливалъ по улицамъ Петербурга и, какъ видно, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія возвращаться въ Оренбургъ или Уфу и не подавалъ о себѣ никакого извѣстія, а между тѣмъ срокъ отпуска близился къ концу, и пограничное начальство терялось въ догадкахъ о причинѣ подобнаго замедленія, намѣреваясь уже произвести розыски «безъ вѣсти пропавшаго», такъ какъ оренбургское губернское правленіе «неукоснительно» требовало «явки къ мѣсту новаго служенія чиновника Плещеева».

Прошло такимъ образомъ около мѣсяца въ неизвѣстности, и вдругъ пограничная комиссія получаетъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ (отъ 4-го октября 1858 года, № 3551) слѣдующее «отношеніе» [1]).

«Служащій въ Оренбургской пограничной комиссіи коллежскій регистраторъ Плещеевъ, уволенный на основаніи высочайшаго повелѣнія въ четырехмѣсячный отпускъ въ обѣ столицы, для свиданія съ матерью и устройства домашнихъ дѣлъ, обратился въ III отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи съ просьбою, въ коей объяснилъ, что срокъ его отпуска истекаетъ 29-го сентября, между тѣмъ его дѣла, вопреки ожиданія его, не приведены еще до сихъ поръ къ окончанію, а положеніе прибывшей съ нимъ беременной жены таково, что дальній путь для нея рѣшительно невозможенъ, а потому онъ просилъ объ исходатайствованіи высочайшаго соизволенія на продолженіе его отпуска до окончательнаго выздоровленія жены». По всеподданнѣйшему докладу о томъ государю императору, его величество высочайше повелѣть соизволилъ: «Срокъ отпуска коллежскаго регистратора Плещеева продолжить до поправленія здоровья жены его, послѣ разрѣшенія отъ бремени».

---

[1]) Оренбургская пограничная комиссія, какъ вѣдавшая, помимо киргизъ, еще сношенія съ средне-азіатскими ханствами, подчинялась министерству иностранныхъ дѣлъ до 1859 года, когда была переименована въ «Область оренбургскихъ киргизовъ» и подчинена министерству внутреннихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ Алексѣй Николаевичъ остался въ Петербургѣ еще надолго, если не навсегда; по крайней мѣрѣ изъ дальнѣйшей переписки не видно, чтобы онъ пріѣзжалъ «къ новому мѣсту своего назначенія», то-есть въ г. Уфу.

IV.

Обидно и досадно становится иногда, когда наши провинціальные историографы и ученые и образованные старожилы въ своихъ воспоминаніяхъ, вмѣсто того, чтобы давать нужные и интересные матеріалы о прежнихъ дѣятеляхъ, часто на страницахъ мѣстныхъ изданій просто переливаютъ изъ пустого въ порожнее и преподносятъ такія свѣдѣнія, которыя или совершенно никому и ни для чего не нужны, или же опровергаются не только архивными данными, но даже здравою логикой.

Не смотря на то, что край Оренбургскій очень богатъ былою стариной и бывшими общественными и административными дѣятелями, — въ немъ побывало и жило много ученыхъ, художниковъ, литераторовъ и поэтовъ, и было бы что поразсказать старичкамъ своимъ дѣтямъ, но у насъ нѣтъ никакихъ воспоминаній даже о такихъ литературныхъ дѣятеляхъ, какъ Даль, оба Григорьевы (В. В. и А. А.), Бронниковъ, Ильминскій, потомъ Н. В. Успенскій, А—ндръ М. Жемчужниковъ, Шевченко и наконецъ Плещеевъ. О художественной дѣятельности въ Оренбургскомъ краѣ Шевченка есть, впрочемъ, нѣкоторыя отрывочныя данныя въ печати («Историческій Вѣстникъ», 1886 г., № 1), но о поэтическомъ творчествѣ А. Н. Плещеева еще до сей поры не повѣдали ничего его бывшіе сослуживцы, его друзья-товарищи, хотя ихъ не мало здравствуетъ въ Оренбургѣ. Только одинъ изъ старожиловъ оренбургскихъ, по истеченіи трехъ лѣтъ со дня смерти поэта, обмолвился словечкомъ и на страницахъ «Тургайской Газеты» (№ 1 за 1896 г.) разсказалъ такой интересный, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма сомнительный анекдотъ.

«Однажды, находясь въ гостяхъ у автора воспоминаній (то-есть старожила), Алексѣй Николаевичъ слышалъ соболѣзнованія одной барышни, по поводу отъѣзда въ киргизскую степь молодого человѣка Ж.[1]), любимца и баловня общества. Ж. былъ командированъ въ укрѣпленіе Раимъ, Сыръ-Дарьинской области (?), и въ Букеевскую орду на Рынъ-Пески, и барышня сильно жалѣла его. Алексѣй Николаевичъ, услышавъ это, вышелъ въ кабинетъ и, спустя немного, вернулся съ листомъ бумаги, который передалъ тосковавшей барышнѣ. На листѣ было написано.

---

[1]) Очевидно, Александръ Михайловичъ Жемчужниковъ, племянникъ Перовскаго и братъ поэта Алексѣя Жемчужникова.

«Онъ ушелъ на Раимъ
«Вмѣстѣ съ сердцемъ моимъ,
«Унесъ душу мою
«За рѣку Сыръ-Дарью.
«Пропадаю съ тоски...
«Онъ ушелъ въ Рынъ-Пески
«Славы, счастья искать
«И киргизокъ плѣнять.
«Ахъ! когда-бъ я могла,
«Я туда-жъ бы пошла,
«Тамъ осталась бы съ нимъ,
«Мнѣ бы милъ былъ Раимъ».

Прежде всего, въ разсказѣ г. Оренбургскаго старожила является полное незнакомство съ мѣстнымъ краемъ, а тѣмъ болѣе съ Плещеевымъ. Кому же, напримѣръ, неизвѣстно, что Рынъ-Пески находятся въ Астраханской губерніи, а укрѣпленіе Раимъ (или Аральское) существовало на берегахъ Сыръ-Дарьи, на разстояніи minimum въ 1.500 верстъ отъ перваго и совершенно въ противоположной сторонѣ края. Уже по одному этому трудно повѣрить, что «молодой человѣкъ Ж.» былъ командированъ въ одно и то же время и туда и сюда. Мало этого, сомнительность подобнаго разсказа будетъ еще болѣе очевидною, если припомнить, что съ 1853 по 1856 годъ Плещеевъ находился въ Акъ-Мечети безвыѣздно, когда за этотъ періодъ въ 1855 году Раимское укрѣпленіе было уже уничтожено[1]). Слѣдовательно, какимъ же образомъ въ это время могъ быть въ Ораніенбаумѣ Алексѣй Николаевичъ и писать о Раимѣ? Далѣе еще одна подробность. Во время ссылки Плещеева «Сыръ-Дарьинской области» въ Ораніенбаумѣ краѣ еще не существовало. Она была образована уже послѣ отъѣзда изъ Оренбурга Алексѣя Николаевича въ 1859 году и сначала называлась «Областью Сыръ-Дарьинскихъ киргизовъ», и лишь въ 1868 году приняла названіе «Сыръ-Дарьинской».

Впрочемъ, можетъ быть, г. старожилъ пріурочиваетъ разсказъ свой ко времени пребыванія Плещеева въ Оренбургѣ, съ 25-го марта 1852 года по 2-е марта 1853 года, то-есть до того времени, когда онъ былъ переведенъ изъ № 3-го въ № 4-й батальонъ, стоявшій (до выступленія, 15-го мая 1853 года, въ Коканскій походъ) въ крѣпости Илецкой защитѣ. Но и это врядъ ли можетъ быть правдоподобнымъ. Если ужъ Алексѣй Николаевичъ не могъ свободно пользоваться отпусками, живя въ Оренбургѣ, а для этого испрашивалось особое разрѣшеніе корпуснаго командира, то какъ же могли позволить ему писать и сочинять стихи. Состоя во время «солдатчины» подъ строгимъ надзоромъ онъ, какъ и всѣ вообще солдаты, жившіе въ казармахъ, ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ

[1]) «Русская Старина», 1896 г., VI, 542, в. 1.

даже права держать у себя бумагу, перья и чернила, а для написанія какого нибудь письма долженъ былъ обращаться за этими предметами къ своему дядькѣ или въ крайнемъ случаѣ къ фельдфебелю. Вообще въ данномъ случаѣ трудно провѣрить фактически сказанія оренбургскаго старожила, такъ какъ онъ не указываетъ, хотя бы приблизительно, времени появленія на свѣтъ этого Плещеевскаго экспромта.

Намъ извѣстно, однако, что Алексѣй Николаевичъ ничего не написалъ за время своей ссылки. По крайней мѣрѣ въ періодъ съ 1850 по 1858 годъ ничего не появилось у него въ печати. Этому, конечно, препятствовалъ не только тяжелый гнетъ неволи, но и полное отсутствіе поэтическихъ образцовъ, книгъ, газетъ, журналовъ, по которымъ можно было бы слѣдить за направленіемъ тогдашней литературы, и, наконецъ, отсутствіе разумныхъ руководителей, что всего нужнѣе было молодому еще неокрѣпшему поэту. Такимъ образомъ, все это, вмѣстѣ взятое, невольно должно было отозваться на поэтическомъ творчествѣ Плещеева. Достаточно уже припомнить то, какъ онъ «отъемомъ отнялъ» у моего отца сборникъ старыхъ пѣсенъ русскихъ, чтобы судить о томъ, насколько дорожилъ онъ стихотворными образцами, какъ жаждалъ еще больше просвѣтить самого себя и искалъ себѣ руководствъ, которыя на рѣдкость въ Оренбургѣ и по сію пору.

Какъ увидимъ ниже, въ то время общество оренбургское совсѣмъ не интересовалось литературой, и періодическихъ изданій, не говоря уже о книгахъ, выписывалось такъ мало, что эта причина заставила Перовскаго, для потребности города и края, устроить въ 1854 году при своей канцеляріи публичную библіотеку. Тогда въ Оренбургѣ была рознь повсюду. Въ обществѣ замѣчались три совершенно отдѣльныхъ одна отъ другой корпораціи. Большинство составляло военный элементъ, веселившійся, ни о чемъ серьезномъ не думавшій и имѣвшій конечною цѣлію полученіе чиновъ, наградъ и прибыльныхъ командировокъ. Оно жило особнякомъ отъ другихъ сословій и въ свою среду не допускало никого изъ постороннихъ, за исключеніемъ и то въ рѣдкихъ случаяхъ «чиновнаго» класса. Поэтому различные столоначальники, дѣлопроизводители и прочіе гражданскіе чины не военныхъ управленій составляли свой отдѣльный кружокъ, вели жизнь замкнутую и, кромѣ сношеній, отношеній, рапортовъ и предписаній», не интересовались больше ничѣмъ, развѣ только «рыбалкой», гдѣ лучше—на Уралѣ или Сакмарѣ. Торговый же людъ, преслѣдовавшій только одну наживу и мечтавшій лишь какъ бы получше «надуть» или «обдѣлать» киргиза или хивинца, былъ очень далекъ отъ высокихъ идей и какого либо умственнаго развитія. Достаточно сказать, что въ это время въ Оренбургѣ для воспитанія и образованія лицъ привилегированнаго сословія существовали Неплюевскій кадетскій корпусъ (съ 1824 г.)

и женскій институтъ (съ 1832 г. III класса, а съ 1848 г. II разряда), тогда какъ для прочихъ сословій было лишь одно приходское училище (съ 1832 г.).

Конечно, при такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, да еще обремененный службой, Плещеевъ и не могъ подарить ничѣмъ читающую публику въ періодъ своей ссылки. Зато, вырвавшись на волю, онъ въ слѣдующемъ же году описалъ свои оренбургскія впечатлѣнія въ повѣсти «Пашинцевъ» («Русскій Вѣстникъ», 1859 года, ноябрь и декабрь), которая, какъ говоритъ корреспондентъ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей» [1]), произвела такой сильный переворотъ въ «столицѣ степей», что многіе, не читавшіе никогда журналовъ, стали интересоваться ими.

«Главный предметъ, которымъ занимается въ настоящее время Оренбургъ, — пишетъ онъ, — литература [2]). Оренбургъ превратился въ кабинетъ для чтенія: оренбуржцы читаютъ съ увлеченіемъ, разсуждаютъ, спорятъ, осуждаютъ или одобряютъ прочитанное. Львомъ Оренбурга — Плещеевъ; его «Пашинцевъ» надѣлалъ много шума. «Русскій Вѣстникъ» переходитъ изъ рукъ въ руки, его читаютъ съ жадностію; поля Плещеевской повѣсти носятъ замѣтки и объяснительныя надписи для непосвященныхъ въ тайны общественной жизни Оренбурга. Здѣсь не мѣсто разбирать это произведеніе, повторяю только, что «Пашинцевъ» возбуждаетъ здѣсь живой интересъ. «Русскій Вѣстникъ» теперь зачастую выглядываетъ изъ широкихъ кармановъ военныхъ шинелей; это я замѣтилъ даже въ католическомъ костелѣ».

Значитъ сильно было увлеченіе, что журналъ носили въ церковь. А еще сильнѣе возбуждено было любопытство—кого и какъ «пробралъ» Алексѣй Николаевичъ. Имена и фамиліи дѣйствующихъ лицъ, хотя вымышленныя, поставлены были на столько прозрачно, что даже чрезъ 30 лѣтъ послѣ описываемаго событія, по архивнымъ источникамъ, не трудно угадать нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей административнаго управленія, названной Плещеевымъ, «Ухабинской губерніи». Тутъ фигурировалъ и губернаторъ, «старенькій, сѣденькій, сутуловатый, съ большой лысиной на макушкѣ», и правитель его канцеляріи Глѣбовъ, названный Плещеевымъ «Глыбинымъ», и родственникъ губернатора «Гагинъ», адъютантъ «Бычковъ», извѣстный мѣстный богачъ-помѣщикъ, графъ З. и другіе, фамиліи которыхъ пока не будемъ открывать, дабы «гусей не раздразнить».

Въ сущности повѣсть не представляетъ собой ничего особенно выдающагося. Это, если хотите, даже не повѣсть, какъ мы обыкно-

[1]) «Оренбургскія Губернскія Вѣдомости» (1860 г., № 7) въ то время до 1865 г. издавались въ городѣ Уфѣ, какъ центрѣ гражданскаго управленія губерніи.

[2]) Это выраженіе яснѣе всего подтверждаетъ, что до 1860 г. Оренбургъ не интересовался литературой.

венно привыкли понимать, съ бьющей на эффектъ романической завязкой и развязкой. Это просто безыскусственный пересказъ видѣннаго и слышаннаго, плохо, однако, обработанный въ художественномъ отношеніи. Ужъ слишкомъ много попадается въ ней совершенно ненужныхъ персонажей, изъ коихъ нѣкоторые совсѣмъ не играютъ никакой даже косвенной роли въ судьбѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, а особенно героя Пашинцева. Есть длинные, ничего необъясняющіе монологи. Мало удѣлено мѣста характеристикѣ героевъ съ психологической стороны, такъ что нѣкоторые изъ нихъ являются совсѣмъ безцвѣтными.

Судя по содержанію, дѣйствіе происходитъ во времена управленія Оренбургскимъ краемъ генерала Обручева, частію въ областномъ городѣ Ухабинскѣ, частію въ двухъ уѣздныхъ городахъ Крутогорскѣ и Трущобинскѣ (послѣдній пограничный городъ Оренбургской губерніи). Разсказывается самое обыденное, но интересное въ то время явленіе. Герой повѣсти Владиміръ Николаевичъ Пашинцевъ, молодой человѣкъ, испорченный и избалованный, матушкинъ сынокъ, ничему не научившійся, остается послѣ смерти своей матери Лидіи Евграфовны безъ всякихъ средствъ и намѣревается пустить себѣ пулю въ лобъ. На выручку является Павелъ Сергѣевичъ Глыбинъ, старый знакомый семейства Пашинцевыхъ, уговариваетъ молодого человѣка и увозитъ съ собой въ Ухабинскъ, гдѣ жена Глыбина Авдотья Өедоровна и дочь Лидія принимаютъ его, какъ родного. Съ помощію Глыбина Пашинцевъ поступаетъ на службу въ канцелярію губернатора. Дочь Глыбина вмѣстѣ съ женихомъ своимъ Яковомъ Петровичемъ Заворскимъ (Загорскій) общими усиліями стараются развить его, вложить ему частицу своихъ познаній и направить его къ добру. Пашинцевъ поддается ихъ воздѣйствію, его принимаютъ всюду въ обществѣ, губернаторъ его любитъ, карьера его упрочена. Но въ то время, когда молодой человѣкъ, казалось, окрѣпъ, и гнѣздившіяся въ немъ порочныя наклонности мало-по-малу угасаютъ, его назначаютъ для производства слѣдствія въ Трущобинскъ, гдѣ онъ знакомится съ дочерью капитана Василькова, Надей, за которою ухаживалъ учитель Сорочкинъ. Дѣвушка влюбляется въ Пашинцева и отказываетъ своему жениху Сорочкину. Тотъ запиваетъ горькую и сходитъ съ ума. Между тѣмъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ этомъ городѣ останавливается кузина героя Sophie, вмѣстѣ съ мужемъ, ѣдущимъ на службу въ Ухабинскъ. Пашинцевъ случайно встрѣчается съ ней, бросаетъ Надю и въ тотъ же день съ Софіей и ея мужемъ уѣзжаетъ изъ Крутогорска. Въ Ухабинскѣ онъ всѣми силами старается обратить на себя вниманіе кузины, но та, любящая наряды, предпочитаетъ ему адъютанта Бычкова, отъявленнаго картежника и шулера, человѣка сомнительной репутаціи, но богатаго, который часто снабжаетъ ее деньгами и подарками. Въ погонѣ за средствами Пашинцевъ пу-

стился въ азартную игру, но проигрываетъ Бычкову около 6.000 рублей. Расплатиться ему нечѣмъ, онъ выдаетъ вексель. Въ это время изъ Трущобинска получается жалоба на неправильныя и хищныя дѣйствія откупщика. Губернаторъ, какъ зарекомендовавшаго себя строгимъ исполненіемъ чиновника, посылаетъ произвести слѣдствіе Пашинцева. Послѣдній ѣдетъ нехотя отъ своей возлюбленной Софіи. Гложетъ его злоба, что въ его отсутствіе она достанется другому. На мѣстѣ слѣдствія откупщикъ подсылаетъ ему взятку, онъ отказывается разъ, два. Откупщикъ начинаетъ дѣйствовать чрезъ Бычкова. Послѣдній присылаетъ Пашинцеву угрожающее письмо, съ требованіемъ немедленной уплаты карточнаго долга. Чтобы не быть безчестнымъ человѣкомъ, Пашинцевъ, наконецъ, соглашается принять отъ откупщика взятку и отправляетъ деньги Бычкову по почтѣ. Объ этомъ всѣ узнаютъ въ городѣ, и на него въ канцеляріи губернатора получается доносъ сначала отъ частнаго лица, а потомъ отъ исправника. По молодости лѣтъ, его исключаютъ изъ службы, безъ правъ поступленія въ Ухабинской губерніи. Онъ опять остается безъ всякихъ средствъ. Всѣ отъ него отворачиваются, всѣ презираютъ. Нравственно потрясенный, онъ заболѣваетъ опасно, но передъ послѣднимъ концомъ вспоминаетъ свою первую учительницу и добрую наставницу Лидію Глыбину, вышедшую уже замужъ за Заворскаго, пишетъ ей письмо, кается передъ ней, проситъ у ней прощенія въ своихъ поступкахъ и въ томъ, что онъ не оправдалъ ея надежды, проситъ не осуждать его и хотя когда нибудь помолиться за него.

— Совѣсть еще сохранилась въ немъ,— говоритъ Лидія и роняетъ горячую слезу надъ письмомъ умершаго «ближняго».

Тѣмъ повѣсть кончается. Оренбургскія сентиментальныя барышни, читая ее, не разъ, навѣрно, всплакнули надъ ней и пожалѣли ея героя.

П. Юдинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ХОДѢ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ[1].

Ъ САМАГО дѣтства у меня была любовь къ книгамъ, и знаменитыя имена писателей, ученыхъ и философовъ возбуждали во мнѣ благоговѣніе и желаніе познакомиться съ ихъ произведеніями. Тутъ было что-то невольное, какъ бы прирожденное; мнѣ и тогда, и потомъ, почти не случалось встрѣчать людей, у которыхъ эти чувства господствовали бы въ такой мѣрѣ, какъ у меня. Царство ума, новыя и древнія созданія мысли и творчества являлись мнѣ съ дѣтства, какъ далекое небо, обступившее меня со всѣхъ сторонъ и усѣянное прекрасными свѣтилами. Хорошая черта этой идеализаціи состояла въ томъ любопытствѣ, которое постоянно влекло меня ближе

---

[1]) Настоящая неоконченная статья была мнѣ передана Н. Н. Страховымъ 31 іюня 1895 года, наряду съ прочими біографическими матеріалами для составленія обзора его литературной дѣятельности, помѣщеннаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1896 года, № 4, стр. 215—268. По возвращеніи Н. Н. изъ его предсмертной поѣздки въ Крымъ, я убѣждалъ его докончить эту работу, но онъ отговаривался и слабостью, и недосугомъ. Такимъ образомъ, одна изъ лучшихъ статей покойнаго осталась недописанной. Тѣмъ не менѣе, однако же, она и въ теперешнемъ своемъ видѣ представляетъ изъ себя въ высшей степени интересное литературное произведеніе, какъ съ точки зрѣнія біографической и исторической, такъ и еще болѣе по оригинальности положенной въ ея основаніе идеи. Только человѣкъ, до такой степени жившій наукой и философіей, какъ Страховъ, могъ написать воспоминанія не о своей личной жизни, не о своемъ развитіи, а о ходѣ философской литературы. Съ этой точки зрѣнія можно даже пожалѣть, что въ написанной и нынѣ печатаемой части «Воспоминаній» чисто біографическій элементъ нѣсколько преобладаетъ надъ основнымъ содержаніемъ; но отъ этого преобладанія статья, быть можетъ, только выигрываетъ въ занимательности и общедоступности.

В. Никольскій.

познакомиться съ этими свѣтилами; дурная черта въ томъ, что вниманіе разсѣивалось, и что увѣренность въ своихъ мысляхъ и чувствахъ росла слишкомъ медленно подъ давленіемъ авторитетовъ. Гораздо устойчивѣе и опредѣленнѣе настроеніе тѣхъ умовъ, которые сперва прямо усвоиваютъ себѣ понятія своего времени и окружающихъ людей, и которые отсюда начинаютъ свой собственный трудъ въ исканіи истины, то-есть, или ведутъ эти понятія дальше, или вооружаются противъ нихъ, и въ борьбѣ съ ними ищутъ новыхъ путей. Но представьте другое настроеніе, когда человѣкъ заранѣе увѣренъ, что область истины отъ него далека и трудно ему доступна, но что эта область несомнѣнно существуетъ, богатая и прекрасная, созданная усиліями многихъ вѣковъ и народовъ. Узнать эти сокровища, найденныя другими,—вотъ что нужно сдѣлать, и это важнѣе, чѣмъ пытаться самому рѣшать вопросы, самому подыматься на высшую точку умозрѣнія. Что значитъ отдѣльное лицо въ сравненіи со всею исторіею ума человѣческаго? Глубочайшія истины, конечно, искони были доступны людямъ высокихъ душевныхъ силъ, какъ объ этомъ говоритъ Гёте:

Das Wahre war schon längst gefunden,
Hat edle Geisterschaft verbunden;
Das alte Wahre, fass es an!

Съ такими и подобными мыслями пустился я въ то плаваніе по морю книгъ, которое началъ съ отрочества и продолжаю до сихъ поръ. Царство книгъ, дѣйствительно, можетъ быть названо моремъ,—такъ оно необозримо, такъ много въ немъ однообразныхъ пространствъ, и такія дива можно въ немъ найти или скрытыя въ глубинѣ, или выдающіяся надъ уровнемъ, какъ острова и скалы, давно всѣмъ извѣстные, по крайней мѣрѣ, по слуху. Принадлежа, такимъ образомъ, къ числу людей, въ жизни которыхъ книги значатъ очень много, я задумалъ сдѣлать характеристику книгъ, особенно меня занимавшихъ, и именно книгъ, относящихся къ философіи. Располагая эти замѣтки въ видѣ воспоминаній, то-есть, въ хронологическомъ порядкѣ, я желалъ бы при этомъ уловить хотя нѣкоторыя черты того хода философской литературы, который мнѣ довелось пережить, то-есть и движенія философіи въ Европѣ, и различныхъ явленій философскаго характера въ русской литературѣ.

I.

Формальная логика.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ Костромская семинарія, въ которой я мальчикомъ проходилъ двухгодичный классъ философіи, была очень бѣдна книгами. Даже учебныя книги были очень рѣдки. Общаго употребленія печатныхъ учебниковъ не существовало: такіе

учебники были бы даже не по средствамъ большей части учащихся, дѣтей бѣднаго сельскаго духовенства, которые часто приходили въ классы лѣтомъ въ крашенинныхъ халатахъ, а зимою въ нагольныхъ тулупахъ и лаптяхъ. Обученіе совершалось при помощи тетрадокъ, въ которыя каждый ученикъ списывалъ курсъ профессора (такъ назывались наши наставники).

Въ философскомъ классѣ каждый день былъ двухчасовой урокъ философіи, и въ теченіе двухъ лѣтъ проходилась логика и психологія. Кромѣ того, тотъ же профессоръ два раза въ недѣлю читалъ съ нами De officiis Цицерона. Въ этомъ состояли наши главныя занятія.

Пройденный нами курсъ логики былъ мнѣ очень полезенъ, именно прочно утвердилъ въ памяти основныя понятія формальной логики. Впослѣдствіи я узналъ, что наши тетрадки по логикѣ были простымъ спискомъ съ Руководства по логикѣ Николая Рождественскаго. Это руководство было издано департаментомъ народнаго просвѣщенія, слѣдовательно было въ министерствѣ просвѣщенія офиціальнымъ учебникомъ; оно имѣло пять изданій съ 1826 по 1844 гг. Авторъ самъ указываетъ, что онъ держался въ своей книгѣ сочиненія Готтлиба Эрнста Шульце: Grundsätze der allegemeinen Logik. А этотъ Шульце, какъ извѣстно, былъ скептикомъ и прославился возраженіями противъ Канта.

Скажу сперва о преподаваніи. Изложеніе логики занимаетъ у Рождественскаго меньше полутораста страницъ небольшаго размѣра и крупнаго шрифта. И мы посвящали на ихъ изученіе цѣлый годъ по шести уроковъ въ недѣлю. Понятно, что на урокъ приходилась страница или полторы. Ученики побойчѣе справлялись съ этимъ шутя; они не только ничего не готовили дома, а даже часто не имѣли своихъ тетрадокъ. Передъ классомъ по чужой тетрадкѣ въ пять или десять минутъ прочитывался урокъ, затверживались два-три термина, и все остальное время можно было ничего не дѣлать. Часы классовъ у профессора уходили на лѣнивое спрашиваніе учениковъ, число которыхъ доходило до восьмидесяти, и нѣсколько минутъ посвящалось на объясненіе слѣдующаго урока. Не могу вспомнить объ этомъ безъ жалости и досады на ту праздность, въ которой мы жили. Если бы я не придумалъ себѣ своего особаго занятія—приготовленія къ университету, время у меня оставалось бы совершенно пустымъ.

Но, какъ я сказалъ, преподаваніе логики было мнѣ все-таки полезно. Шульце, какъ скептикъ, не уклонялся за предѣлы формальной логики, а формальная логика, вообще говоря, составляетъ превосходный учебный предметъ, т.-е. можетъ быть усвояема точно и отчетливо. Свойство это зависитъ отъ ея односторонности, отъ того, что она беретъ мышленіе лишь съ одной, строго опредѣленой, точки зрѣнія. И успѣхъ преподаванія зависитъ именно отъ выдерживанія

этой точки, отъ сознательнаго ограниченія себя одною стороною дѣла. Напримѣръ, что такое понятіе? Оно, конечно, есть нѣчто единое, и въ этомъ единствѣ состоитъ его глубочайшая природа, его тайна. Но можно не касаться этой природы, а взять дѣло съ той стороны, что понятіе содержитъ въ себѣ различные признаки, что оно есть какъ бы сумма этихъ признаковъ. Тогда мы сейчасъ получимъ понятія, содержащія много признаковъ, и понятія, содержащія мало признаковъ, понятія, у которыхъ есть одинаковые признаки, въ бо̀льшемъ или меньшемъ числѣ, и понятія, не имѣющія одинаковыхъ признаковъ и т. д.

Точно такъ, отношенія между понятіями есть въ сущности вопросъ глубокій, ибо зависятъ отъ ихъ внутренней природы [1]). Но можно взять эти отношенія съ чисто внѣшней ихъ стороны. Каждое общее понятіе приложимо ко многимъ предметамъ. Мы выразили бы это отношеніе очень грубо и несоотвѣтственно сущности дѣла, если бы сказали, что эти предметы суть части своего понятія, напримѣръ, что всѣ люди суть части понятія человѣкъ [2]). Гораздо правильнѣе мы выразимъ это отношеніе, если скажемъ, что понятіе какъ бы обнимаетъ свои предметы, то-есть, представляетъ особое и опредѣленное очертаніе, которое не составляется изъ совокупности предметовъ, въ которое можетъ входить каждый предметъ этого рода и для котораго все равно, много ли, или мало этихъ предметовъ. Если, потомъ, мы станемъ разсматривать различныя понятія, мы увидимъ, что также одни изъ нихъ входятъ въ другія, напримѣръ, въ понятіе животнаго входятъ понятія птицы, рыбы и т. д. Если мы съ этой стороны возьмемъ отношенія между понятіями, то и получимъ цѣлый рядъ положеній и правилъ, которыя и изучаются въ формальной логикѣ.

Не нужно только забывать, что, какъ признаки понятія не составляютъ простой суммы, а имѣютъ между собою внутреннюю связь, такъ и отношенія между понятіями не исчерпываются отношеніями ихъ объемовъ. Птица и рыба не просто входятъ въ понятіе животнаго; онѣ составляютъ нѣкоторое слѣдствіе этого понятія, онѣ изъ него вытекаютъ,—во всякомъ случаѣ имѣютъ съ нимъ не одну внѣшнюю связь.

Шопенгауеръ пишетъ: «Представленіе сферъ понятій посредствомъ пространственныхъ фигуръ есть мысль чрезвычайно счастливая».

---

[1]) Настоящая фраза невольно поражаетъ читателя незаконченностью своей постройки; но она и не единственная въ своемъ родѣ на протяженіи настоящей статьи, которую авторъ не успѣлъ подвергнуть окончательной обработкѣ. В. Н.

[2]) Натуралисты, увлекаемые объективностью своего предмета, иногда впадаютъ въ эту ошибку. Такъ Викторъ Карусъ говоритъ о «тѣхъ собраніяхъ тѣлъ, которыя называются видами». System der thierischen Morphologie, 1858 г., стр. 4. Конечно, тутъ разумѣются собранія въ умѣ, а не въ дѣйствительности.

Прим. Н. Н. Страхова.

«Эйлеръ первый выполнилъ ее посредствомъ круговъ. На чемъ въ въ концѣ концовъ основывается эта столь точная аналогія между отношеніями понятій и отношеніями пространственныхъ фигуръ, я не умѣю объяснить. Между тѣмъ, для логики очень благопріятно то обстоятельство, что всѣ отношенія понятій даже въ самой ихъ возможности, т. е. a priori, могутъ быть наглядно представлены посредствомъ такихъ фигуръ» [1]).

Разгадка, конечно, заключается въ томъ, что берутся только отношенія, аналогичныя пространственнымъ, чисто внѣшнія. Шопенгауеръ чувствовалъ, что природа понятій есть нѣчто высокое и сложное сравнительно съ пространствомъ; но онъ напрасно думалъ, что отношенія между ними дѣйствительно исчерпываются отношеніями Эйлеровыхъ круговъ.

Преподаваніе психологіи велось все по первой же книжкѣ Рождественскаго; она начиналась «краткими психологическими свѣдѣніями», которыя намъ профессоръ только нѣсколько пополнилъ. Изъ этого курса психологіи я не вынесъ, кажется, никакого твердаго пріобрѣтенія, кромѣ, пожалуй, раздѣленія душевныхъ силъ на умъ, чувство и волю. Это дѣленіе самое ясное и естественное, ибо оно соотвѣтствуетъ той общей схемѣ, подъ которую мы обыкновенно подводимъ явленія отдѣльнаго предмета. Всякій предметъ воспринимаетъ дѣйствія другихъ предметовъ, измѣняется отъ этихъ дѣйствій и, сообразно съ этимъ, самъ воздѣйствуетъ на окружающіе предметы.

II.

Религія и патріотизмъ.

Чтеніе De officiis не оставило во мнѣ никакого живого впечатлѣнія, не заронило никакого зерна философскихъ понятій о нравственности. Причиною этого была не столько безцвѣтность книги Цицерона, сколько самый способъ чтенія, при которомъ и наилучшая книга потеряла бы свой смыслъ и цвѣтъ. Это было какъ бы продолженіе латинскихъ уроковъ. Лѣниво и спотыкаясь переводилось во время урока десять или пятнадцать строкъ, причемъ все вниманіе уходило на опредѣленіе грамматическаго построенія фразы и на точный переводъ отдѣльныхъ словъ и оборотовъ. Теченіе и связь мыслей совершенно пропадала изъ виду. Между тѣмъ никакой красоты рѣчи нельзя почувствовать, если мы не читаемъ текста бѣгло, ничуть не думая о грамматикѣ; никакого развитія мыслей и образовъ нельзя понять и оцѣнить, если прочитываемъ заразъ лишь нѣсколько строкъ, а не нѣсколько страницъ. Вотъ отчего ученики

---

[1]) Die Welt als Wille, 1873, т. I, стр. 50.

классической школы часто не имѣютъ никакого понятія о томъ, что они читали столько лѣтъ для утвержденія себя въ правилахъ латинской и греческой грамматики.

Мнѣ странно вспомнить, что, однако, не смотря на наше бездѣйствіе, несмотря на повальную лѣнь, которой предавались и ученики и учащіе, какой-то живой умственный духъ не покидалъ нашей семинаріи и сообщился мнѣ. Уваженіе къ уму и къ наукѣ было величайшее; самолюбія на этомъ поприщѣ разгорались и соперничали безпрестанно; мы принимались умствовать и спорить при всякомъ удобномъ поводѣ, писались иногда стихи, разсужденія, передавались разсказы объ удивительныхъ подвигахъ ума, совершавшихся архіереями, въ академіяхъ и т. д. Словомъ, у насъ господствовала очень живая любовь къ учености и глубокомыслію, но, увы! любовь почти совершенно платоническая, только издали восхищающаяся своимъ предметомъ.

Наши умы и души имѣли, впрочемъ, свое опредѣленное содержаніе, именно—были проникнуты религіозными представленіями. Невѣрующихъ и вольнодумцевъ у насъ вовсе не было, и мы были твердо убѣждены, что отрицаніе религіи есть крайняя уродливость, чрезвычайно рѣдко встрѣчающаяся въ родѣ человѣческомъ. Такимъ образомъ, мы вполнѣ испытали на себѣ вліяніе религіи, мы были воспитаны подъ ея верховнымъ руководствомъ.

Легко это сказать, легко произнести это слово—религія; но вовсе не легко возсоздать въ своемъ умѣ тотъ смыслъ, который дѣйствительно соотвѣтствуетъ этому слову. Люди обыкновенно привыкаютъ ко всякимъ словамъ. Мы забываемъ понемногу высокое значеніе словъ и сводимъ его на уровень нашей низменности и пошлости, такъ что потомъ намъ трудно бываетъ возстановить то, что мы когда-то понимали, а часто случается, что высшій смыслъ словъ, несмотря на ихъ безпрестанное употребленіе, намъ остается совершенно неизвѣстнымъ.

Религіозныя представленія ставятъ насъ въ такія отношенія ко всему остальному бытію, передъ которыми мелки и ничтожны всякія другія отношенія. Жизнь обращается въ глубокую драму, въ поприще роковой борьбы. Вмѣсто безцѣльнаго существованія, проводимаго среди будничныхъ нуждъ и будничныхъ радостей, человѣку предлагается подвигъ и указывается впереди или постоянная погибель, или безцѣнная награда. И все то, что было, что есть и что будетъ, получаетъ видъ несравненнаго величія и яркости. Даются представленія о существахъ безконечно высокихъ и прекрасныхъ, въ которыхъ самые возвышенные идеалы составляютъ дѣйствительность. Опредѣляется весь ходъ и смыслъ бытія, извѣстно начало всего мірозданія и начало человѣческой исторіи, извѣстенъ и конецъ ея, и то устье, которымъ она нѣкогда впадетъ въ свѣтлый океанъ вѣчности. По истинѣ, религія, если взять ее со стороны чув-

ства и понятій, составляетъ дѣйствительное доказательство благородства души человѣческой, и, если бы мы вообразили себѣ человѣчество безъ религіи, то намъ пришлось бы понизить его почти до степени животныхъ.

Сообразно съ этимъ великимъ содержаніемъ религіозныхъ представленій, всѣ ихъ воплощенія, всѣ попытки выразить ихъ во внѣшнихъ формахъ, имѣютъ наибольшую высоту, какая только возможна для человѣка. Какъ нѣтъ зданій, которыя по красотѣ и величію могли бы соперничать съ храмами, такъ нѣтъ пластики, живописи, музыки, которая подымалась бы выше религіозныхъ гимновъ, картинъ и изваяній. И человѣческое слово никогда не достигало, да и не можетъ достигнуть, большаго могущества и величія, чѣмъ то, которое оно получило въ священномъ писаніи. Если бы у насъ не было Библіи, мы не умѣли бы, кажется, выразить множества нашихъ чувствъ, не находили бы словъ именно для лучшихъ и высшихъ нашихъ мыслей.

Вотъ почему всякій, кто разъ въ жизни дѣйствительно воспринялъ вліяніе религіи, уже навсегда сохранитъ къ ней великое уваженіе, и если потеряетъ вѣру, то не можетъ, однако (по крайней мѣрѣ не долженъ), забыть вершинъ, на которыя восходила его душа, и будетъ употреблять всѣ силы, чтобы отыскать для себя другія, столь же высокія точки, если только такія точки существуютъ. Разумѣется, такъ является дѣло, если будемъ брать его существенную, главную сторону. Но есть темныя черты, неизбѣжныя вездѣ, гдѣ участвуетъ разнообразная и несовершенная человѣческая натура. Къ религіи обыкновенно примѣшиваются суевѣрныя и изувѣрныя представленія, и мы, конечно, не были вполнѣ отъ нихъ свободны. Наше настроеніе не было однимъ чистымъ благоговѣніемъ, а имѣло тотъ оттѣнокъ, который религію любви часто обращаетъ въ религію страха и побуждаетъ людей смотрѣть на себя, не какъ на сыновъ божіихъ, но какъ на отверженныхъ. Но не буду вдаваться въ анализъ какихъ бы то ни было недостатковъ въ нашихъ тогдашнихъ понятіяхъ и чувствахъ относительно религіи; я хотѣлъ только сказать, что существенное, главное содержаніе религіи было тѣмъ высокимъ и незыблемо-твердымъ руководствомъ, подъ которымъ мы жили и развивали свои душевныя силы. Въ одномъ отношеніи идеалъ воспитанія у насъ былъ совершенно осуществленъ; ибо полное право воспитывать не должно ли принадлежать лишь тому, кто знаетъ высшія и неизмѣнныя основы жизни?

И еще въ другомъ отношеніи мнѣ слѣдуетъ помянуть добромъ этотъ Богоявленскій монастырь, гдѣ я прожилъ пять лѣтъ и гдѣ помѣщалась наша семинарія. Это былъ бѣднѣйшій и почти опустѣвшій монастырь,—въ немъ было, кажется, не больше восьми монаховъ; но это былъ старинный монастырь, основанный еще въ XV вѣкѣ. Стѣны его были облуплены, крыши по мѣстамъ оборваны;

но это были высокія крѣпостныя стѣны, на которыя можно было всходить, съ башнями по угламъ, съ зубцами и бойницами по всему верхнему краю. Вездѣ были признаки старины: тѣсная соборная церковь съ темными образами, длинныя пушки, лежавшія кучей подъ нижнимъ открытымъ сводомъ, колокола съ старинными надписями. И прямое продолженіе этой старины составляла наша жизнь: и эти монахи со своими молитвами, и эти пять или шесть сотенъ подростковъ, сходившихся сюда для своихъ умственныхъ занятій. Пусть все это было бѣдно, лѣниво, слабо; но все вмѣстѣ имѣло совершенно опредѣленный смыслъ и характеръ, на всемъ лежала печать своеобразной жизни. Тутъ не было того смѣшенія всякихъ стилей, или, вѣрнѣе, того отсутствія всякаго стиля, которымъ часто отличаются формы нашей городской, особенно петербургской жизни. Люди, растущіе среди этой безцвѣтности (многоцвѣтности), не могутъ вынести изъ нея никакого яснаго склада чувствъ и мыслей, все равно, какъ если бы росли въ гостиницѣ на большой дорогѣ, гдѣ нѣтъ ни опредѣленныхъ нравовъ, ни опредѣленныхъ взглядовъ, и гдѣ смѣшиваются и смѣняются жильцы всякихъ странъ и всякаго рода положеній. Вотъ почему самую скудную жизнь, если она, какъ подобаетъ жизни, имѣетъ внутреннюю цѣльность и своеобразіе, нужно предпочесть самому богатому накопленію жизненныхъ элементовъ, если они органически не связаны и не подчинены одному началу.

Въ нашемъ глухомъ монастырѣ мы росли, можно сказать, какъ дѣти Россіи. Не было сомнѣнія, не было самой возможности сомнѣнія въ томъ, что она насъ породила и она насъ питаетъ, что мы готовимся ей служить и должны оказывать ей повиновеніе и всякій страхъ и всякую любовь. Эти мысли были для насъ столь же естественны и просты, какъ то, что мы дышимъ воздухомъ и пользуемся свѣтомъ солнца. Патріотизмъ очень часто выставляется, какъ узкое чувство народнаго эгоизма, или какъ нелѣпое чувство народнаго самодовольства. Эгоистъ, по существу дѣла, бываетъ расположенъ къ космополитизму, и тотъ, кто любитъ становиться въ своихъ мысляхъ выше своего народа, естественно, считаетъ нелѣпостію авторитетъ «народнаго духа». Если патріотизмъ противенъ такимъ людямъ, то этимъ только указывается, что онъ, наоборотъ, противорѣчитъ эгоизму и самодовольству отдѣльнаго человѣка. Настоящій, глубокій источникъ патріотизма есть преданность, уваженіе, любовь,— нормальныя чувства человѣка, растущаго въ естественномъ единеніи со своимъ народомъ. Хорошо или дурно, много или мало, но именно эти чувства воспитывала въ насъ наша бѣдная семинарія.

III.

Естественныя науки.

Съ самаго начала 1845 года я сталъ ходить въ Петербургскій университетъ, сперва какъ вольно-слушатель, а съ августа мѣсяца, какъ студентъ.

Здѣсь почти съ первыхъ же мѣсяцевъ мнѣ открылось существованіе такихъ мнѣній и ученій, которыхъ и не подозрѣвалъ мальчикъ, начавшій свою умственную жизнь въ глухой провинціи. Первый же товарищъ, съ которымъ я сблизился и съ которымъ даже потомъ жилъ у его матери, А. В. Л—ій, оказался совершеннымъ отрицателемъ, полнымъ нигилистомъ. И отголоски его мыслей я встрѣчалъ постоянно. Въ знаменитомъ университетскомъ коридорѣ доводилось слышать то разсужденія о томъ, что вѣра въ Бога есть непростительная умственная слабость, то похвалы системѣ Фурье и увѣренія въ ея непремѣнномъ осуществленіи. А мелкая критика религіозныхъ понятій и существующаго порядка была ежедневнымъ явленіемъ. Профессора рѣдко позволяли себѣ вольнодумные намеки и дѣлали ихъ чрезвычайно сдержанно; но мои товарищи сейчасъ же объясняли мнѣ смыслъ намековъ. Профессоръ зоологіи (зачеркнуто: Степанъ Куторга) былъ особенно цѣнимъ за то, что считался матеріалистомъ и дѣлалъ иногда едва замѣтныя выходки въ пользу матеріализма.

Пріятель Л—ій былъ очень хорошимъ моимъ руководителемъ въ этой области. Онъ былъ очень боекъ и уменъ. Онъ объяснялъ мнѣ направленіе журналовъ, растолковалъ, какой смыслъ придается стихотворенію

Впередъ, безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!

разсказывалъ сужденія и рѣчи болѣе зрѣлыхъ людей, отъ которыхъ онъ научился своему вольнодумству. Наши разговоры онъ постоянно пересыпалъ насмѣшками и издѣвательствомъ надъ тѣмъ, что я уважалъ и считалъ священнымъ.

Такимъ образомъ, уже тогда я вполнѣ познакомился съ этою сокровенною мудростью, и когда, спустя десять или болѣе лѣтъ, она стала все яснѣе и громче высказываться въ литературѣ, она уже ничуть не была для меня новостію. Говорю, конечно, о самомъ принципѣ этого направленія, о немногосложной формулѣ отрицанія; символъ вѣры отрицателей, какъ извѣстно, очень простъ и иногда состоитъ лишь изъ двухъ краткихъ членовъ: Бога нѣтъ, а царя не надо.

Читатель легко представитъ, что все это вольнодумство сильно поразило меня. Не стану разсказывать здѣсь борьбы, которая во

мнѣ поднялась, и разныхъ періодовъ, черезъ которые она проходила. Мнѣ хочется указать только то, что характеризуетъ тогдашнее общее настроеніе. Отрицаніе и сомнѣніе, въ атмосферу которыхъ я попалъ, сами по себѣ не могли имѣть большой силы. Но я тотчасъ увидѣлъ, что за ними стоитъ положительный и очень твердый авторитетъ, на который они опираются, именно, авторитетъ естественныхъ наукъ. Ссылки на эти науки дѣлались безпрерывно; матеріализмъ и всяческій нигилизмъ выдавались за прямые выводы естествознанія. И вообще твердо исповѣдывалось убѣжденіе, что только натуралисты находятся на вѣрномъ пути познанія и могутъ правильно судить о самыхъ важныхъ вопросахъ.

И такъ, если я хотѣлъ «стать съ вѣкомъ наравнѣ» и имѣть самостоятельное сужденіе въ разногласіяхъ, которыя меня занимали, мнѣ нужно было познакомиться съ естественными науками. Такъ я и рѣшилъ сдѣлать и, не смотря на нѣкоторыя препятствія, никакъ не отступалъ отъ этого рѣшенія и понемногу привелъ его въ исполненіе. Въ университетъ я поступилъ на математическій факультетъ ради возможности получать стипендію или быть принятымъ въ число казенныхъ студентовъ. Хотя математическій факультетъ есть ближайшій къ естественному, мнѣ очень жаль было этого отклоненія отъ прямой линіи. Но дѣло, къ счастію, потомъ поправилось и даже съ избыткомъ. Перейдя въ казенные студенты педагогическаго института, я тамъ обязанъ былъ слушать не только полный курсъ математики, но и полный курсъ естественныхъ наукъ. Таковъ былъ въ институтѣ составъ преподаванія на математическомъ факультутѣ, равнявшемся, поэтому, двумъ факультетамъ университета. По окончаніи курса я выбралъ своею спеціальностью зоологію и черезъ пять или шесть лѣтъ получилъ степень магистра этой науки. Зоологію я выбралъ потому, что она всего ближе къ самому узлу вопросовъ; уже вступая въ студенты я зналъ, что именно зоологи считаютъ своимъ дѣломъ рѣшать вопросъ о природѣ человѣка, о его мѣстѣ въ ряду другихъ существъ, и что, далѣе, физіологи приписываютъ себѣ верховной авторитетъ во всѣхъ областяхъ психологіи.

Разсказываю обо всемъ этомъ только для того, чтобы характеризовать тогдашнее умственное настроеніе. Въ своихъ занятіяхъ я просто повиновался, какъ говорится, требованіямъ времени, и въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ голосъ этихъ требованій былъ такъ ясно мнѣ слышенъ, что у меня не было никакихъ колебаній. Преобладающій авторитетъ естестественныхъ наукъ уже въ 1845 году стоялъ твердо и потомъ возрасталъ съ каждымъ годомъ.

IV [1]).

. . . .

Между тѣмъ урывками, въ немногіе дни и часы, я все-таки заглядывалъ и въ философскія книги. Меня особенно интересовали тѣ рѣдкіе случаи, когда натуралисты ссылались на философовъ. Нѣмцы, спасибо имъ, не могли такъ легко отвернуться отъ философіи, какъ это дѣлали французы и англичане. Такъ Шлейденъ, считавшійся тогда первымъ ботаникомъ въ мірѣ, прямо заявлялъ, что онъ слѣдуетъ въ высшихъ вопросахъ метода Канту, или его истолкователю Фрису, и что необходимо держаться этой философіи, чтобы дать правильный ходъ научнымъ изслѣдованіямъ природы. Впослѣдствіи я убѣдился, что эта связь между Кантомъ и ботаникою была у Шлейдена совершенно мнимою. Книга Шлейдена, знаменитые Grundzüge, какъ я потомъ увидѣлъ, вовсе не была проникнута ни научнымъ духомъ вообще, ни кантовскимъ духомъ въ особенности, такъ что я почти напрасно убилъ надъ нею столько времени. Но ссылка на Канта имѣла свое полезное дѣйствіе, показала мнѣ великій авторитетъ этого философа. Другой натуралистъ, Іоганнесъ Миллеръ, считавшійся тогда первымъ свѣтиломъ физіологіи, ссылался на Платона, говоря о зрѣніи, и на Спинозу, говоря о психическихъ явленіяхъ. Эти ссылки были полны высокаго смысла и очень манили меня къ тому, чтобы вполнѣ познакомиться съ этими философами.

Но самое плодотворное впечатлѣніе произведено было все-таки лишь тѣмъ, что еще на студентской скамьѣ я заглянулъ и въ Критику чистаго разума Канта и въ Логику Гегеля. Дѣйствительно, только заглянулъ, потому что и въ той, и въ другой книгѣ я прочелъ развѣ лишь нѣсколько страницъ и съ большимъ трудомъ. И однако, чуть-чуть отвѣдавъ этихъ разсужденій, я уже почувствовалъ ихъ острый и несравненный вкусъ, который привлекъ меня къ себѣ и безъ котораго я уже потомъ не признавалъ никакой книги истинно философскою.

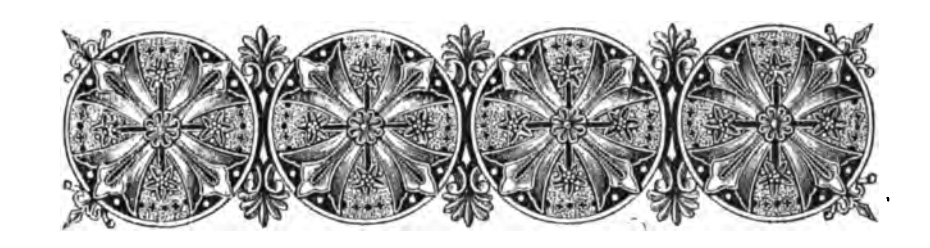
Всего печальнѣе въ этомъ отношеніи вспомнить тѣ лекціи философіи, которыя мы слушали и изъ которыхъ потомъ сдавали экзаменъ. Повидимому, намъ досталось большое счастье: мы еще успѣли выслушать полный курсъ философіи, какъ разъ передъ тѣмъ, какъ во всей Россіи въ свѣтскихъ заведеніяхъ были уничтожены каѳедры философіи, такъ что слѣдовавшія за нами поколѣнія студентовъ лѣтъ десять были лишены этого преподаванія. Но, въ сущности,

---

[1]) Настоящая, неоконченная глава осталась безъ заглавія потому, что Н. Н. Страховъ, очень заботившійся объ озаглавленіи своихъ статей, всегда надписывалъ заголовокъ соотвѣтствующаго отдѣла, лишь дописавъ его до конца, а иногда придумывалъ заглавія отдѣламъ лишь по окончаніи всей статьи или книги.

наше счастіе было совершенно мнимое, ибо ничего философскаго не было въ томъ, что намъ читалось подъ именемъ философіи. Профессоромъ былъ Адамъ Андреевичъ Фишеръ, австрійскій нѣмецъ, католикъ по исповѣданію. Не знаю почему, но онъ имѣлъ тогда въ Петербургѣ какую-то монополію по преподаванію философіи; онъ читалъ философію не только у насъ, но и въ университетѣ и даже въ духовной академіи. Онъ исполнялъ это дѣло исправно, и нельзя его осуждать, если онъ велъ его въ томъ духѣ, въ которомъ, вѣроятно, былъ воспитанъ. Онъ вывезъ изъ Австріи курсъ философіи нѣкотораго I. N. Ehrlich'a, профессора въ Кремсѣ, изложенный въ трехъ небольшихъ книжкахъ (составлявшихъ вмѣстѣ 400 или нѣсколько болѣе страницъ крупнаго шрифта) и напечатанный въ Вѣнѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ. Первая книга называлась Гносеологіею, вторая Метафизикой, или Онтологіею, и третья Телеологіею. Этого автора нельзя найти въ самыхъ подробныхъ исторіяхъ философіи; его нѣтъ даже у Ибервега-Гейнце. И вотъ какъ поступилъ А. А. Фишеръ. Былъ изготовленъ для него очень хорошій русскій переводъ этихъ трехъ книгъ, по которому онъ и читалъ лекціи, читалъ почти не заглядывая въ тетрадь, но повторяя буквально то, что стояло въ тетради. Онъ дѣлалъ это даже съ большимъ воодушевленіемъ, произносилъ затверженныя слова громко и рѣзко, съ ужаснымъ нѣмецкимъ акцентомъ, но самымъ убѣдительнымъ тономъ. Вообще онъ былъ очень живъ, бодръ, говорилъ и отъ себя съ большой живостію и бойкостію; если же держался принятаго разъ текста, то очевидно изъ добросовѣстности.

Одно было дурно, — эти лекціи нимало не знакомили насъ съ философіею. Содержаніе ихъ состояло въ томъ, что выдается за философію въ католическихъ училищахъ и католическихъ книгахъ, носящихъ философскія названія. Главная норма, которая тутъ никогда не упускается изъ вида, есть избѣганіе противорѣчія извѣстнымъ и до мелочей опредѣленнымъ ученіямъ. А для этого лучшее средство—не утверждаться самому ни на какомъ опредѣленномъ методѣ, не слѣдовать безусловно никакимъ опредѣленнымъ началамъ. Между тѣмъ, строгость въ развитіи мыслей, послѣдовательность въ выводахъ изъ принятыхъ положеній—есть душа философіи. Авторы того разбора, о которомъ говоримъ, невольно и естественно сбиваются на тотъ путь, на которомъ они могутъ чувствовать себя всего безопаснѣе, то есть, на путь отрицанія разума, совершеннаго невѣрія въ его дѣятельность. Поэтому они любятъ противопоставлять однихъ философовъ другимъ, любятъ для всякаго положенія пріискивать доказательства и за, и противъ, разсматриваютъ каждый пунктъ отдѣльно, безъ связи съ другими и т. д. Получается, такимъ образомъ, механическое, совершенно мертвое скопленіе понятій и сужденій, не имѣющее другихъ достоинствъ, кромѣ отрицательнаго, то-есть, что оно ни въ чемъ не противорѣчитъ... **Н. Н. Страховъ.**

ЗАОКЕАНСКАЯ РУСЬ [1].

(Соціологическо-описательный очеркъ).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Общее современное положеніе Руси въ Сѣверной Америкѣ.

I.

ВСЕ ПОЧТИ предшествующее изложеніе наше носило характеръ историческій. Мы старались разъяснить, откуда, когда и какъ взялась Русь въ Новомъ Свѣтѣ, какъ она здѣсь постепенно расселялась и осѣдала, какъ приспособлялась къ совершенно новымъ условіямъ существованія—экономическимъ, общественнымъ и политическимъ. Хотя изъ этого изложенія можно было уже вынести нѣкоторое представленіе о современномъ положеніи Руси въ республикѣ сѣверо-американской, тѣмъ не менѣе, однако, представленіе это было бы само по себѣ черезчуръ поверхностно, неопредѣленно и во всякомъ случаѣ недостаточно. Представляется поэтому необходимымъ дать хотя бы самый общій систематическій очеркъ положенія русскаго народа въ Соединенныхъ Штатахъ, по крайней мѣрѣ съ трехъ его сторонъ: церковной, народной и экономической.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ такому очерку, изложимъ нѣкоторыя обстоятельства огромной важности, которыя, относясь къ

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVII, стр. 858.

сравнительно позднѣйшему времени и пополняя вышеприведенныя данныя историческаго характера, облегчаютъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ систематизацію изложенія послѣдующаго.

Какъ мы упомянули уже выше въ надлежащемъ мѣстѣ, «Русскій Народный Союзъ» возникъ въ Пенсильваніи въ февралѣ 1894 года. Въ маѣ того же года созвана была первая его конвенція, т. е. общее собраніе, носившая впрочемъ характеръ общаго собранія учредителей, ибо по смыслу устава этого народнаго учрежденія вообще и существу дѣла его, первое общее собраніе могло быть созвано собственно лишь годъ спустя по его заложеніи. Послѣ засѣданій собранія, происходившаго въ городѣ Шамокинѣ, давался русскій спектакль и русскій концертъ. Шла пьеса «Знѣмченый Юрко» (Онѣмеченный Юренька), концертъ составленъ былъ изъ отборнѣйшихъ малорусскихъ пѣсенъ, исключительно почти хоровыхъ. На эту первую конвенцію «Союза» прибылъ изъ г. Вильксъ-Бэрра о. Алексѣй Товтъ, бывшій русскій уніатскій священникъ, перешедшій въ православіе, исключеніе котораго изъ «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ» на конвенціи послѣдняго въ 1893 году вызвало цѣлую бурю, нами выше уже описанную. Православный протоіерей о. Товтъ, въ городъ Шамокинъ прибывшій въ обыкновенномъ платьѣ и остановившійся въ домѣ мѣстнаго русскаго уніатскаго священника о. Константкевича, тотчасъ облекся въ рясу, камилавку и протоіерейскій наперсный крестъ и всячески старался импонировать всюду этими аттрибутами православія, между тѣмъ какъ всѣ уніатскіе священники «Союза» старались выдвинуть на первое мѣсто начало народности, благодаря чему этотъ православный протоіерей, исключенный изъ «Соединенія» и возненавидѣнный польскими ксендзами и большинствомъ уніатскихъ священниковъ, и былъ принятъ въ «Русскій народный Союзъ». Хотя подобное умышленное импонированіе «Союза» уніатскимъ священникамъ и было нѣсколько непріятно, единственно вслѣдствіе исключенія ими изъ основоначалъ «Союза» всякихъ вѣроисповѣдныхъ оттѣнковъ въ пользу чистаго начала русской народности, тѣмъ не менѣе о. Товтъ принятъ былъ ими вполнѣ радушно и потоварищески. На русскіе спектакль и концертъ явилось также не мало поляковъ, литвиновъ и даже любопытныхъ американцевъ, а также мѣстные священники—словацкій, литовскій и польскій. Когда польскій ксендзъ о. М., такъ же, какъ и всѣ прочіе священники вообще, одѣтый въ партикулярное платье, вошелъ въ залъ и въ первыхъ рядахъ увидѣлъ православнаго протоіерея въ рясѣ и наперсномъ крестѣ, его передернуло. Онъ вскорѣ ушелъ и внизу, надѣвая пальто, разразился громкимъ негодованіемъ на то, что «проклятые москàле» забрались уже и сюда, и «шизматицкій попъ» втерся уже между «русиновъ». Но этимъ дѣло не ограничилось. Несмотря на личную до сего времени дружбу съ о. Константкевичемъ, онъ поспѣшилъ

основать въ городѣ Шамокинѣ газету «Polska i Litwa» съ специальною цѣлью всячески шельмовать этого послѣдняго за склонность къ «шизмѣ» и «проклятымъ москàлямъ». Оказалось, такимъ образомъ, что народническія стремленія и убѣжденія галицко-русскихъ священниковъ, основавшихъ «Союзъ», вообще болѣе просвѣщенныхъ и несравненно болѣе развитыхъ въ общественномъ отношеніи, стоятъ выше пониманія какъ польскихъ ксендзовъ въ Америкѣ, такъ и священниковъ угрорусскихъ, основавшихъ «Соединеніе». «Polska i Litwa», газета еженедѣльная, съ перваго же нумера стала помѣщать систематически, въ видѣ передовыхъ статей, замѣтокъ, пасквили на мѣстнаго русскаго священника о. Константкевича, а затѣмъ на самый обрядъ русскій и русскую церковь. Вотъ образчики этихъ пасквилей:

«Ксендзъ Константкевичъ, москалофильскій настоятель здѣшняго греко-католическаго прихода, выѣхалъ на нѣсколько дней въ Вилькссъ-Бэрръ къ извѣстному московскому шпіону Товту. Уѣхалъ не за рублями ли для распространенія кнутового просвѣщенія?»

«Въ Соединенныхъ Штатахъ существуютъ два общества русскихъ. Одно—греко-католическое подъ названіемъ «Соединеніе греко-католическое», органомъ котораго является «Американскій Русскій Вѣстникъ». Общество это, основанное народомъ и священниками греко-католическими, имѣетъ около 3-хъ тысячъ членовъ. Другое общество, какъ будто бы тоже греко-католическое, а въ дѣйствительности шизматицко-московское, есть «Союзъ русскій», основанный тремя низложенными и отлученными отъ церкви попами, которые за рубли московскіе перешли въ шизму, запродавъ свою вѣру и свое достоинство человѣческое и священническое. Люди эти суть: Товтъ, отлученный отъ церкви греко-католическій священникъ, а нынѣ протоіерей въ Вилькссъ-Бэррѣ и викарій московскаго архіерея въ Санъ-Франциско; Грушка, также отлученный отъ церкви греко-католическій священникъ, который, совершивъ въ Галиціи не одно преступленіе противъ нравственности, убѣжалъ въ Америку, оставивъ въ страшнѣйшей нуждѣ и бѣдственномъ положеніи жену и дѣтей; безнравственную жизнь эту продолжаетъ онъ и здѣсь за рубли московскіе, заливая виномъ угрызенія совѣсти. Третьимъ, наконецъ, основателемъ и секретаремъ «Союза» есть священникъ (?) Константкевичъ въ Шамокинѣ, паденіемъ котораго всѣ благомыслящіе русины и много стороннихъ людей глубоко огорчены, ибо, какъ человѣкъ высокообразованный, былъ цѣнимъ и любимъ, а нынѣ ни одинъ честный человѣкъ не желаетъ съ нимъ знаться, такъ какъ «съ кѣмъ знаешься, тѣмъ и считаешься».

«Господинъ Побѣдоносцевъ, прокуроръ богохульнаго и дьявольскаго синода московской церкви, узнавъ, что въ Шамокинѣ, въ Пенсильваніи, греко-католическая церковь измѣнена въ московскую, обрадовался неизмѣримо и прислалъ здѣшнему попу свое благосло-

веніе, т. е. «позолоченный кнутъ», которымъ казаки били уніатовъ въ Люблинской губерніи и литвиновъ-католиковъ въ Крожахъ. Кнутъ этотъ, оправленный въ богатую оправу, которой дорогіе камни представляютъ «кровавыя слёзы» москалями замученныхъ и въ Сибирь сосланныхъ уніатовъ, которые не хотѣли перейти въ православіе, будетъ помѣщанъ въ здѣшней оскверненной церкви».

«Кто не знаетъ исторіи Сѣмашка, Попеля, Наумовича, Добрянскаго, Ольги Грабарь, измѣнниковъ и вѣроотступниковъ? Кто не знаетъ о милліонахъ россійскихъ бумажекъ, тонущихъ въ неизмѣримыхъ карманахъ русинскаго духовенства въ Галиціи и даже чистаго русинскаго патріота и цареслава Романчука? Даже до Америки добрались русскіе серебренники Іуды! И здѣсь имѣемъ русинскихъ духовныхъ въ Вилькеъ-Бэррѣ, Джерсей Сити, Шамокинѣ и и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, которые запродали честь, вѣру и народность за звенящую царскую монету и которые дѣлаютъ все, что могутъ, чтобы религію единаго Бога разрушить и сбросить съ алтаря Христа, а на ихъ мѣсто поставить портреты царей. Но ихъ усилія ни къ чему не приведутъ, и эти продажные люди вынуждены будутъ воскликнуть вмѣстѣ съ Юліаномъ-отступникомъ: «Галилеянинъ, ты побѣдилъ!»

Кромѣ подобныхъ пасквилей, направленныхъ противъ личности шамокинскаго русскаго уніатскаго священника о. Іоанна Констанкевича, главнаго основателя «Русскаго народнаго Союза», стали появляться далѣе въ газетѣ «Polska i Litwa» также и пасквили иного сорта: въ одномъ изругана и очернена была великая княгиня Ольга, въ другомъ осмѣянъ русскій обрядъ. Между тѣмъ, благодаря вышеприведеннымъ пасквилямъ, населеніе города Шамокина, заключающее въ составѣ своемъ чрезвычайно мало интеллигенціи и въ томъ числѣ даже и американцы-католики, собственно американизовавшіеся ирландцы, не будучи въ состояніи къ нимъ отнестись сколько нибудь критически, стали косо поглядывать на мѣстнаго русскаго греко-католическаго священника, а знакомые отъ него какъ-то сторониться. За отдаленностью прочихъ русскихъ священниковъ, членовъ «Союза», и вслѣдствіе кратковременности пребыванія своего въ Америкѣ не имѣя между ними друзей и лицъ близкихъ, стоя совершенно одиноко среди разноплеменнаго общества, противъ него усердно возбуждаемаго польскимъ ксендзомъ и его многочисленными собутыльниками, о. Констанкевичъ лишь среди своего народа, противъ него также усердно возбуждаемаго, нашелъ себѣ твердую опору и нравственную поддержку. Редакторомъ газеты «Polska i Litwa» состоялъ, болѣе, впрочемъ, номинально, графъ К—ій, потомокъ захудалаго польскаго графскаго рода, оборвышъ и проходимецъ, какихъ въ Америкѣ великое множество, состоявшій на хлѣбахъ у ксендза М. Возбужденіе между русинами города Шамокина, выходцами изъ Галиціи, отлично понимающими и хорошо говорящими попольски,

вызванное вышеупомянутыми пасквилями мѣстной польской газеты, было настолько велико, что они неоднократно порывались избить ея редактора въ лицѣ графа К. и разнести самую редакцію, помѣщавшуюся въ плохенькомъ деревянномъ домишкѣ. Но личное вліяніе о. Константкевича и благоразуміе солиднѣйшихъ лицъ изъ мѣстной русской колоніи взяли верхъ надъ разыгравшимися страстями, и физическая расправа была предупреждена и устранена. Противъ графа К., какъ редактора газеты, возбуждено было два судебныхъ процесса: одинъ—отъ имени о. Константкевича за оклеветаніе и оскорбленіе его, какъ священника, другой—отъ имени предсѣдателя «Русскаго народнаго Союза» за оскорбленіе въ лицѣ великой княгини Ольги всего русскаго народа. Процессы эти поручены были наилучшему изъ мѣстныхъ адвокатовъ, которому и пришлось штудировать начатки русской исторіи, исторію уніи и ея отличіе отъ римскаго католицизма и православія и т. д. Графъ К., обвиняемый въ двухъ преступленіяхъ—священникомъ Константкевичемъ и предсѣдателемъ «Союза», купцомъ и американскимъ почтмейстеромъ Иваномъ Гловой, былъ отданъ на поручительство въ 900 долларовъ. Однако вскорѣ его поручитель, убѣдившись, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, отъ поручительства отказался, и обвиняемый вслѣдствіе этого былъ арестованъ. Поздней ночью, подъ надзоромъ констэбля (полицейскій), въ сопровожденіи нѣсколькихъ пріятелей, явился графъ К. къ тому же русскому священнику, котораго такъ поносилъ, убѣдительно прося возбужденныя противъ него дѣла прекратить. О. Константкевичъ поставилъ условіемъ напечатаніе въ той же газетѣ «Polska i Litwa», что всѣ введенныя въ ней ранѣе на него обвиненія и дозволенныя въ ней въ отношеніи русской церкви и русскаго народа поруганія—чистѣйшіе ложь и вздоръ, почему редакція отъ нихъ отказывается. Графъ К. попросилъ времени на размышленіе и удалился въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ, отправившись обратно въ джэль (мѣсто заключенія). Между тѣмъ ксендзъ М., узнавъ о случившемся, воспротивился всякой сдѣлкѣ и послѣ усиленныхъ хлопотъ нашелъ графу К. новаго поручителя. Будучи, однако, выпущенъ на поруки, обвиняемый редакторъ скрылся изъ Шамокина и исчезъ безслѣдно. Такъ закончился этотъ достопримѣчательный процессъ, къ величайшей досадѣ американскаго адвоката, который, сразу получивъ впередъ солидное вознагражденіе, подготовилъ прекрасную рѣчь и мечталъ блеснуть передъ своими присяжными засѣдателями совершенно необыкновеннымъ для американца знаніемъ русской церковной и народной исторіи, почерпнутыхъ изъ солидныхъ источниковъ [1]). На процессѣ этомъ мы оста-

[1]) Не мало огорченъ былъ также и поручитель, ибо ему пришлось уплатить сумму поручительства и стоимость вызововъ и явокъ свидѣтелей, всего около 1.800 долларовъ, изъ которыхъ лишь часть принялъ на себя ксендзъ М., виновникъ всей этой исторіи.

новились болѣе или менѣе подробно по нѣсколькимъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ порожденъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что при учрежденіи «Русскаго народнаго Союза въ Америкѣ» галицко-русская интеллигенція отбросила вовсе всѣ вѣроисповѣдныя различія и надъ всѣми ними на недосягаемой высотѣ поставила начало русской народности. Конечно, совершить при извѣстномъ положеніи вещей въ Галиціи и на Угорщинѣ столь рѣшительный шагъ могла лишь интеллигенція галицко-русская, а не угрорусская, стоящая неизмѣримо ниже по умственному и нравственному развитію, общественному пониманію и образованію, лишенная почти вовсе національнаго самосознанія. Гоненіе, воздвигнутое польскимъ ксендзомъ, польской газетой и нѣкоторой частью мѣстнаго польскаго общества на этихъ немногочисленныхъ представителей галицко-русской интеллигенціи за такое отдѣленіе религіи отъ народности и поставленіе начала національности надъ началомъ вѣроисповѣднымъ, показываетъ, насколько польское духовенство въ Америкѣ и извѣстная часть мѣстнаго польскаго общества въ этомъ отношеніи ниже интеллигенціи галицко-русской. Не мѣшаетъ при этомъ припомнить, что и у насъ въ Россіи немало имѣется еще людей, которые русскую народность совершенно отождествляютъ съ православіемъ и съ истинно преступнымъ неразумѣніемъ всѣхъ неправославныхъ сыновъ великаго русскаго народа готовы исключить изъ его состава, чѣмъ разрушается его цѣлость и ослабляются его силы. Люди эти стоятъ, очевидно, на той же ступени общественнаго пониманія, на какой пребываютъ и тѣ элементы польскаго общества, которые русскую народность отождествляютъ съ греко-католическимъ и уніатскимъ вѣроисповѣданіемъ. Далѣе, народъ галицко-русскій въ Америкѣ, въ лицѣ своего представителя, предсѣдателя «Русскаго народнаго Союза», возбуждая уголовное преслѣдованіе противъ польской газеты за оскорбленіе всего русскаго народа, въ лицѣ великой княгини Ольги, не смотря на то, что послѣдняя, какъ всякому извѣстно, приняла въ Царьградѣ православіе, а народъ галицко-русскій есть нынѣ народъ исключительно уніатскій, показалъ наглядно, что и онъ, независимо отъ своей интеллигенціи, поднялся уже до той ступени національнаго самосознанія, на которой начало народности покрываетъ и поглощаетъ всѣ вѣроисповѣдныя въ составѣ ея различія. Явленія эти представляются явленіями огромной общественной и народной важности и освѣтятъ намъ путь къ дальнѣйшему изложенію.

Положеніе Руси въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, съ ея церковной стороны, въ значительной степени выяснилось уже изъ предшествующаго изложенія. Изъ 200.000 американской Руси лишь около 1.000 православныхъ, остальные же—греко-католики или уніаты. Въ то время, какъ эта маленькая православная часть Руси имѣетъ лишь два болѣе или менѣе значительныхъ

прихода—въ Санъ-Франциско, въ мѣстѣ пребыванія русскаго православнаго епископа, да въ Чикаго, большая уніатская часть ея, безъ малаго въ двѣсти разъ превосходящая первую, имѣетъ около 30 крупныхъ приходовъ въ славянскомъ штатѣ Пенсильваніи. Видимая непропорціональность крупныхъ русскихъ уніатскихъ приходовъ съ численностью части русскаго народа уніатскаго вѣроисповѣданія въ республикѣ вообще, объясняется тѣмъ, что вышепомянутыхъ два крупныхъ православныхъ прихода состоятъ преимущественно не изъ лицъ русской народности, такъ что собственно русскаго значительнаго православнаго прихода въ Новомъ Свѣтѣ не имѣется ни одного. Православная церковь въ сѣверной Америкѣ, представляемая и руководимая во всемъ Новомъ Свѣтѣ іерархіей россійско-русскаго происхожденія, образованія и посвященія, заключаетъ въ себѣ около 20.000 лицъ разныхъ народностей и даже разныхъ расъ, греко-католическая же здѣсь церковь, представляемая и руководимая такъ же во всемъ Новомъ Свѣтѣ іерархіей австрійско-русскаго происхожденія, образованія и посвященія, заключаетъ въ себѣ около 200.000 лицъ чистой малорусской народности и малорусской же народности, находящейся на разныхъ ступеняхъ ословаченія, кромѣ лицъ народности словацкой [1]. Въ то время, какъ изъ 20.000 своихъ членовъ американская православная церковь имѣетъ лишь около двадцатой части ихъ, принадлежащихъ къ русской народности, церковь греко-католическая или уніатская состоитъ здѣсь сплошь почти изъ русскаго народа, кромѣ него, заключая въ себѣ исключительно членовъ другой славянской же и притомъ весьма близкой народности.

Отсюда обнаруживается, что на почвѣ американской православіе утратило значеніе существеннаго и болѣе или менѣе необходимаго признака русской народности и усвоило себѣ характеръ вселенскій, безнаціональный, даже космополитическій, что и соотвѣтствуетъ положенію православной здѣсь церкви, какъ миссіи, когда-то сосредоточивавшейся въ сѣверо-западномъ углу Сѣверной Америки, а нынѣ обнимающей собой собственно весь огромный американскій материкъ, между тѣмъ какъ вѣроисповѣданіе греко-католическое или уніатское является здѣсь безошибочнымъ признакомъ русской народности, тѣмъ болѣе, что словаки греко-католическаго исповѣданія представляются болѣе или менѣе несомнѣнно ословаченными окончательно угроруссами. Такимъ образомъ, вѣроисповѣдный укладъ русскаго народа, сложившійся въ Новомъ Свѣтѣ, совершенно противоположенъ тому, какой имѣетъ мѣсто въ Старомъ Свѣтѣ, гдѣ, какъ извѣстно, православіе является абсолютно преобладающимъ русскимъ вѣроисповѣданіемъ, общимъ, такъ сказать, правиломъ, а уніатство исключеніемъ.

---

[1] Которыхъ мы не вводимъ вовсе въ наше исчисленіе.

Въ то время, какъ протестанты, римско-католики и сравнительно совершенно малочисленные православные, прибывъ въ Соединенные Штаты, находили себѣ уже здѣсь церкви, іерархію и церковное устройство своего вѣроисповѣданія, хотя бы и принадлежащія инымъ національностямъ, греко-католики или уніаты очутились въ этомъ отношеніи въ совершенно исключительномъ и необычайномъ положеніи. Одними изъ послѣднихъ явились австро-угорскіе малоруссы въ Новый Свѣтъ. Даже ихъ ближайшіе сосѣди, поляки-мазуры и словаки, значительно опередили ихъ, поляки и евреи изъ царства Польскаго стали прибывать сюда съ ними почти одновременно и лишь малоруссы, бѣлоруссы, поляки и евреи изъ Западнаго края Россіи начали пускаться за океанъ позже ихъ. Не находя здѣсь ни малѣйшаго слѣда своего греко-католическаго вѣроисповѣданія, они наполняли римско-католическія церкви, польскія, словацкія и даже американскія, т. е., собственно говоря, ирландскія. Американскіе римско-католическіе епископы и слышать не хотѣли объ утвержденіи въ Новомъ Свѣтѣ обряда греко-католическаго. Вышеописанная исторія съ первымъ русскимъ греко-католическимъ священникомъ, Волянскимъ, достаточно поучительна въ этомъ отношеніи. Но они оказались, конечно, совершенно безсильными помѣшать распространенію и утвержденію на землѣ американской этого греко-католическаго вѣроисповѣданія. Будучи вынуждены преклониться предъ совершившимся фактомъ и убѣдившись въ своемъ безсиліи, они исхлопотали въ Римѣ распоряженіе, чтобы въ Америку высылались исключительно безженные греко-католическіе священники. Распоряженіе это отдано было папой уніатскимъ епископамъ Австро-Венгріи въ 1889 году, а въ 1891 году послѣдовало изъ Congregatio de propaganda fide въ Римѣ, предсѣдательствуемой кардиналомъ польской народности, монсиньоромъ графомъ Ледоховскимъ, другое распоряженіе, по которому всякій греко-католическій священникъ, желающій поселиться въ Америкѣ, долженъ предварительно подать прошеніе римскому престолу, означивъ, для какой именно надобности и въ какую именно мѣстность Соединенныхъ Штатовъ онъ желаетъ отправиться, дабы мѣстный римско-католическій епископъ былъ о его прибытіи предварительно предувѣдомленъ.

По прибытіи на мѣсто, обязанъ онъ со свидѣтельствами конгрегаціи явиться къ мѣстному эпархіальному римско-католическому епископу и получить отъ этого послѣдняго должную юрисдикцію, которой и самъ подлежитъ непосредственно во все время пребыванія въ Штатахъ. Выходитъ такимъ образомъ, что греко-католическій священникъ, являющійся на территорію сѣверо-американской республики, долженъ, кромѣ юрисдикціи своего греко-католическаго епископа, имъ уже ранѣе полученной, получить еще и юрисдикцію мѣстнаго римско-католическаго епископа, т. е. обязанъ имѣть цѣлыхъ двѣ юрисдикціи, представляя въ этомъ отношеніи единственное

исключеніе среди духовенства всего земного шара. Такъ какъ, однако, вышеприведенныя распоряженія находятся въ прямомъ противорѣчіи съ актами уніи отдѣльныхъ русскихъ епископій Австро-Венгріи съ римскимъ престоломъ, обезпечивающими за русской церковью полную самостоятельность, и многочисленными папскими буллами, подтверждающими ея права и особенности, то они въ значительной степени вовсе не исполняются. Въ то же время мѣстные американскіе римско-католическіе епископы, попреимуществу ирландцы и иногда нѣмцы, употребляютъ всѣ усилія, чтобы подчинить себѣ, если не юридически, то по крайней мѣрѣ хотя фактически, русскую греко-католическую церковь, то незамѣтно вмѣшиваясь въ личные счеты, соперничества и раздоры между русскими уніатскими священниками, то скрытно втираясь въ столкновенія этихъ священниковъ со своими прихожанами. Такимъ образомъ, русская уніатская церковь въ Соединенныхъ Штатахъ, въ двадцать разъ превосходящая своей численностью русскую православную здѣсь церковь безотносительно къ національному составу этой послѣдней и въ двѣсти почти разъ превосходящая своей численностью русскую часть американскаго православія, не смотря на десятилѣтнее офиціальное существованіе свое въ этой федеративной республикѣ, до сихъ поръ не имѣетъ никакой организаціи и потому является свободной ареной то для властолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ искательствъ американскихъ римско-католическихъ епископовъ, то для личныхъ препирательствъ, соперничествъ и амбицій своихъ греко-католическихъ священниковъ. Всѣ эти искательства, домогательства, препирательства и амбиціозно-доходочные турниры разыгрываются, конечно, на шкурѣ русскаго народа, осуществляя нагляднѣйшимъ образомъ извѣстную, чрезвычайно мѣткую малорусскую пословицу: «паны бьются, а у мужиков̂ъ чубы болятъ». Изъ подобнаго явно ненормальнаго и для русскаго народа крайне вреднаго положенія рýсской греко-католической или уніатской церкви въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ представляется два исхода. Государство или, точнѣе говоря, правительство вовсе не вмѣшивается здѣсь въ церковное устройство и церковныя дѣла. Строитъ церкви, созидаетъ церковныя учрежденія, содержитъ какъ ихъ, такъ и духовенство, самъ народъ, и при республиканскомъ строѣ государства ему принадлежитъ верховенство въ строѣ церковномъ. Поэтому стоило бы лишь русскимъ уніатскимъ священникамъ совмѣстно съ представителями своего народа—основать соотвѣтственную организацію, которая взяла бы въ свои руки церковное устройство и управленіе, и было бы безпрепятственно осуществлено древнее и наилучшее устроеніе русской церкви, устранена довольно фиктивная надъ ней власть епископовъ какъ американскихъ, такъ и русскихъ уніатскихъ въ Австро-Венгріи, и наконецъ сама пресловутая унія съ Римомъ безболѣзненно и мирно прекратила бы свое бытіе

и достойно отошла бы въ вѣчность. Но для такого естественнаго и зиждительнаго выхода изъ современнаго церковнаго положенія, которое для русскаго народа, своимъ кровавымъ трудомъ содержащаго свои церкви и свое духовенство, начинаетъ наконецъ становиться совершенно невыносимымъ, главнымъ и почти единственнымъ препятствіемъ являются сами же русскіе уніатскіе священники и главнѣйшимъ образомъ угрорусскіе. Эти послѣдніе, не взирая на свое прославленное великоруссофильство, въ которомъ заключается немало недоразумѣній, являются за рѣдкими исключеніями приверженцами католицизма и сторонниками уніи съ Римомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ падкость къ личнымъ счетамъ, крайняя амбиціозность претензіи играть первую роль, склонность къ интриганству и т. п. свойственны всѣмъ вообще русскимъ уніатскимъ священникамъ въ Соединенныхъ Штатахъ и угрорусскимъ въ особенности. Само собою разумѣется, что полное равенство ихъ между собою, при отсутствіи высшей надъ ними власти церковной и возможности вести свой народъ за собой согласно собственнымъ видамъ, весьма способствуютъ развитію въ русскомъ уніатскомъ духовенствѣ на почвѣ свободной республики этихъ именно отрицательныхъ сторонъ личнаго ихъ характера и общественной ихъ дѣятельности. Сущность и значеніе препятствій съ осуществленію церковнонароднаго устройства и управленія въ русской уніатской церкви въ Сѣверной Америкѣ представляются такимъ образомъ очевидными. Другимъ исходомъ изъ настоящаго столь ненормальнаго положенія этой церкви могъ бы явиться переходъ въ православіе или, правильнѣе говоря, возсоединеніе съ православіемъ. Выше мы очертили уже постепенное движеніе возсоединенія среди американской Руси, обнимающее послѣдніе четыре года. Однако, и этотъ исходъ обставленъ многоразличными тормазами и препятствіями. Не говоримъ уже объ отчаянномъ противодѣйствіи американскаго римско-католическаго духовенства, явныхъ и тайныхъ представителей папскаго престола и іезуитскаго ордена, и наконецъ австрійскаго правительства. Въ самой постановкѣ дѣла возсоединенія въ Соединенныхъ Штатахъ заключается источникъ его безуспѣшности и вредоносности для русскаго здѣсь народа, если только сдѣланныя ошибки не будутъ исправлены, и оно не будетъ безотлагательно направлено на надлежащій путь. Всякій переходъ отъ исконнаго вѣками сложившагося застарѣлаго бытоваго уклада и строя жизни сопряженъ съ немалыми трудностями, вызываетъ напряженіе силъ народныхъ и для осуществленія своего требуетъ, прежде всего, избранія благопріятнаго момента. Между тѣмъ, въ дѣлѣ возсоединенія американской Руси моментъ этотъ опредѣленъ совершенной случайностью—столкновеніемъ греко-католическаго священника съ мѣстнымъ римско-католическимъ епископомъ и временемъ его отозванія обратно въ Австро-Венгрію его эпархіальнымъ епископомъ. Американская Русь еще лишь не-

давно сравнительно стала осѣдать въ Соединенныхъ Штатахъ, еще настолько не окрѣпла ни въ экономическомъ ни въ общественномъ отношеніяхъ, что столь серьезный въ ея общественнонародномъ бытіи переломъ, какъ возсоединеніе съ православіемъ, обставленное великимъ множествомъ многоразличныхъ противодѣйствій, тормазовъ и препятствій, пока представляется еще для нея непосильнымъ. Далѣе, каждое общественное дѣло и въ особенности дѣло первостепенной общественной и народной важности для осуществленія своего требуетъ употребленія надлежащихъ и соотвѣтственныхъ средствъ. Исканіе блага народнаго безошибочно опредѣляетъ и находитъ эти средства, но оно рѣдко является источникомъ дѣятельности и мотивомъ дѣйствій. Но изъ этого источника проистекла и продолжаетъ проистекать агитація по возсоединенію американской Руси съ православіемъ. Источникомъ такимъ является озлобленіе греко-католическаго священника противъ высшей римско-католической іерархіи. Перейдя въ православіе и успѣвъ устроить надлежащій переходъ въ него своего прихода, онъ, исполненный жажды мщенія римско-католическому епископу, для осуществленія такого мщенія съ бурною стремительностью хватается за обращеніе греко-католиковъ или уніатовъ по другимъ приходамъ и, въ извѣстномъ и всеобщемъ консерватизмѣ массъ народныхъ, встрѣчая препятствіе къ быстрому осуществленію своихъ стремленій, теряетъ всякое самообладаніе, забываетъ всякій тактъ, преступаетъ всякія границы, утрачиваетъ всякую осторожность и разборчивость въ средствахъ. Прежде всего отъ прихожанъ различныхъ русскихъ уніатскихъ приходовъ, побуждаемыхъ и склоняемыхъ къ переходу въ православіе, тщательно скрывается истинная сущность такого перехода. До сихъ поръ для подавляющаго большинства русскаго народа существо религіи заключается въ ея обрядности. Ни верховенство церковное, ни догматическая сторона русской греко-католической церкви, эту уніатскую часть русскаго народа нисколько не интересуетъ. Папы римскаго онъ совершенно не знаетъ и его главою своей церкви не сознаетъ, равно какъ не постигаетъ этихъ тонкостей догматическаго различія между католицизмомъ и православіемъ. Такимъ образомъ, религіозно-нравственныя потребности этой части русскаго народа, равно какъ и цѣлаго, находятъ себѣ удовлетвореніе въ обрядѣ церковномъ, а обрядъ этотъ у обѣихъ церквей какъ православной, такъ и греко-католической совершенно вѣдь одинаковъ. Поэтому русскій народъ уніатскаго вѣроисповѣданія, вообще, не чувствуетъ и не сознаетъ почти вовсе различія между уніатствомъ и православіемъ, смутно сознавая лишь по историческимъ преданіямъ, что это послѣднее было вѣрой его прадѣдовъ. На почвѣ американской въ частности и въ особенности все различіе между греческимъ католицизмомъ и православіемъ сводится къ подчиненію или неподчиненію церкви и прихода русскому епископу въ Санъ-Франциско, един-

ственному на всю Америку, какъ Сѣверную, такъ и Южную. Если поэтому пропагандисты православія предлагаютъ русскимъ-уніатамъ въ Соединенныхъ Штатахъ поддаться вѣдѣнію и власти русскаго епископа въ Санъ-Франциско, то, во-первыхъ, эти послѣдніе всегда почти на то готовы идти. Эти постоянныя безурядицы и партійность въ дѣлѣ церковномъ начинаетъ уже становиться для нихъ невыносимыми, и, во-вторыхъ, того, что, съ переходомъ своимъ въ это новое вѣдѣніе и подъ эту новую власть, они переходятъ уже въ иную церковь и измѣняютъ вѣроисповѣданіе, они вовсе почти не сознаютъ. Какъ мы упоминали уже, русская православная миссія въ Америкѣ, удаленная на самый крайній западъ сѣверо-американскаго материка, вовсе и не думала о возсоединеніи русскихъ уніатовъ, сосредоточенныхъ на совершенно противоположной восточной его сторонѣ. Вслѣдствіе своихъ столкновеній съ римско-католическимъ епископомъ и отозванія въ старую епархію въ Австро-Венгріи ставъ неожиданнымъ и болѣе или менѣе невольнымъ иниціаторомъ возсоединенія, о. Алексѣй Товтъ, изъ уніатскаго священника превратившись въ православнаго протоіерея и овладѣвъ довѣріемъ своего епископа, сталъ на собственный страхъ и рискъ вести агитацію возсоединенія, пользуясь для сего временнымъ по разнымъ причинамъ неимѣніемъ и отсутствіемъ священниковъ въ русскихъ уніатскихъ приходахъ Пенсильваніи и употребляя для сего именно пріемъ увѣщанія ихъ прихожанъ поддаться власти русскаго православнаго епископа въ Санъ-Франциско безъ дальнѣйшихъ разъясненій сущности и значенія такого подданія. Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что уніатскіе сыны русскаго народа какъ въ церковныхъ моленіяхъ и пѣснопѣніяхъ, общихъ съ церковью православной, такъ и въ ихъ церковной и церковнонародной литературѣ, именуются наравнѣ со всѣмъ народомъ русскимъ «православными христіанами», такъ что въ самомъ даже наименованіи того епископа, власти котораго ихъ увѣщеваютъ поддаться, не представляется для нихъ никакой разницы съ ихъ настоящимъ исповѣданіемъ, а въ наименованіи его «русскимъ» выступаетъ предъ ними столь для нихъ близкій и притягательный признакъ своей народности, столь выгодно отличающій этого «русскаго православнаго» епископа отъ тѣхъ мѣстныхъ римско-католическихъ епископовъ ирландскаго или нѣмецкаго происхожденія, которые своими притязаніями и домогательствами причиняютъ имъ столько хлопотъ и непріятностей. Когда, однако, переходъ свершится, а затѣмъ возвратившійся изъ отлучки или явившійся на вакантный приходъ уніатскій священникъ отпавшей части членовъ греко-католической церкви разъяснитъ сущность ихъ перехода и станетъ укорять ихъ въ измѣнѣ той вѣрѣ, въ какой пребывали ихъ отцы и дѣды (о прадѣдахъ и дальнѣйшихъ восходящихъ политично умалчивается), а также пребываютъ ихъ отцы, жены, братья и сестры въ «старомъ краѣ», тогда между возсоединившимися начинаются

колебанія. Одни остаются въ древне-новомъ православіи, другіе возвращаются въ ново-древнюю унію, представляя себѣ, однако, сущность дѣла такимъ образомъ, что первые остаются при «новомъ православномъ» священникѣ, а вторые возвращаются къ «старому православному» священнику. Однако, въ средѣ прежняго русскаго уніатскаго прихода появилось уже раздвоеніе, поселилось недовѣріе, водворяется недоброжелательство, зарождается взаимная вражда. Эту послѣднюю раздуваетъ и укрѣпляетъ еще и другой факторъ, другой возсоединительный пріемъ. Не только безъ уполномочія, но даже и безъ вѣдома нашего православнаго епископа въ Санъ-Франциско, о. Алексѣй Товтъ по собственному усмотрѣнію для агитаціи въ пользу возсоединенія пускаетъ въ русскіе уніатскіе приходы Пенсильваніи особыхъ своихъ агентовъ, набранныхъ изъ самыхъ грязныхъ и отпѣтыхъ личностей русскаго происхожденія, которымъ терять уже нечего и которые поэтому за малую сумму на всё готовы. Пустившись въ «народъ», субъекты эти пребываютъ обыкновенно въ такъ называемыхъ салонахъ содержимыхъ, а потому преимущественно посѣщаемыхъ, лицами русской народности, т. е., попросту говоря, въ русскихъ кабакахъ американскаго покроя, и здѣсь за стаканчикомъ виски (американская водка) либо кружкой пива ловкимъ маneромъ затѣваютъ религіозно-вѣроисповѣдные вопросы и споры. Умѣя ударить по слабымъ струнамъ народнаго характера и разжечь страсти народныя, эти непризванные и непризнанные «миссіонеры» православія доводятъ обыкновенно эти вѣроисповѣдные диспуты до скандала и даже драки. Такимъ образомъ, непріязнь между русскими братьями вообще и между перешедшими въ православіе и оставшимися въ уніи въ особенности,—братьями, до того времени мирно и безмятежно жившими рядомъ другъ съ другомъ и добывавшими хлѣбъ свой насущный, доводится до степени болѣе или менѣе серьезной вражды. Нечего говорить уже о томъ, что подобные «миссіонеры» возсоединенія компрометируютъ и уничтожаютъ религію, исповѣдуемую подавляющимъ большинствомъ русскаго народа, которая можетъ поэтому быть названа русскимъ національнымъ исповѣданіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ среди вѣтви русскаго народа на вольной землѣ американской, еще здѣсь не окрѣпшей ни въ экономическомъ, ни въ общественномъ, ни въ чисто народномъ отношеніяхъ, сѣются уже сѣмена розни, разобщенія и разложенія, а тѣ силы и средства его, которыя еще такъ скудны и такъ ему необходимы для созданія себѣ прочнаго положенія въ странѣ, гдѣ все построено на самодѣятельности и самопомощи, тратятся на безплодные религіозно-вѣроисповѣдные споры и раздоры и вредную и разорительную вѣроисповѣдную борьбу. Вильксъ-бэррскій процессъ между двумя частями прежняго русскаго уніатскаго прихода, перешедшей въ православіе и оставшейся въ уніи, о правѣ собственности на мѣстную церковь, процессъ, о которомъ мы выше уже упо-

миналп, и который находится нынѣ въ самомъ разгарѣ, характеризуетъ въ достаточной степени тотъ путь, по которому поведено возсоединеніе въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ чуть не съ первыхъ дней своего возникновенія, и достаточно вразумительно указываетъ на результаты употребленія въ дѣлѣ церковномъ средствъ нецерковныхъ и мѣръ, граничащихъ со введеніемъ въ заблужденіе и обманомъ меньшаго, темнаго бѣднаго брата. Не благо этого брата, не благо всего русскаго народа, а насыщеніе личнаго мщенія, сведеніе личныхъ счетовъ, чаяніе наградъ и отличій, является источникомъ какъ всей этой дѣятельности, такъ и въ особенности употребленія въ ней подобныхъ средствъ. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что вѣроисповѣдные скандалы въ кабакахъ и процессуальныя сцены въ вилькъ-бэррскомъ судѣ въ родѣ нижеписанныхъ роняютъ достоинство русской народности и уваженіе къ ней среди американскаго общества. Допрашивается свидѣтель угрорусскъ православнаго вѣроисповѣданія, выставленный протоіереемъ о. Товтомъ, лично присутствующимъ на судѣ. Въ силу состязательнаго характера англо-американскаго процесса допрашиваетъ мэръ (адвокатъ).

— Какой вы вѣры?

— Греческой.

— Вы умѣете говорить погречески?

— Какъ же!

— Прочтите молитву Господню.

Свидѣтель начинаетъ читать наше обыкновенное старославянское «Отче нашъ».

— Развѣ это греческій языкъ!—восклицаетъ мэръ и разражается хохотомъ.

Публика хохочетъ.

— Какіе догматы признаете вы?

— Догматы православной церкви.

— Признаете вы догматъ непорочнаго зачатія Іисуса Христа?

— Признаю.

— Что онъ означаетъ, какъ вы его понимаете?

— Это значитъ, что Марія Дѣва, зачавши Сына Божія, осталась дѣвой, какъ была и раньше.

— Какъ же это могло статься?

Свидѣтель теряется, мнется, переступаетъ съ ноги на ногу, почесываетъ въ затылкѣ и наконецъ отвѣчаетъ протяжно и опустивъ глаза въ землю:

— Говорятъ, что Духъ Святой провинился.

Всеобщій и неудержимый взрывъ хохота въ залѣ засѣданія. Протоіерей о. Павелъ, выставившій свидѣтеля, мѣняется въ лицѣ отъ досады.

Нельзя, конечно, одобрить подобныхъ допрашивательныхъ пріемовъ американскихъ адвокатовъ, но слѣдуетъ также имѣть въ виду,

что самымъ ходомъ этого процесса они поставлены въ необходимость ставить въ той или иной формѣ подобные вопросы. О. Товтъ, убѣдившись въ неблагопріятномъ для него положеніи дѣла, построилъ черезъ адвоката, конечно, возраженія свои на томъ, что никакой въ сущности перемѣны съ пріѣздомъ его на вилькеъ-бэррскій уніатскій приходъ, какъ вакантный, не произошло, ибо между православіемъ и греческимъ католицизмомъ ни въ Европѣ ни въ Америкѣ никакой разницы нѣтъ и въ сущности это одно и то же исповѣданіе и одна и та же церковь. Истцомъ въ этомъ гражданскомъ процессѣ о правѣ собственности на церковь является вилькеъ-бэррскій уніатскій приходъ, а отвѣтчикомъ новообразовавшійся среди него приходъ православный съ протоіереемъ о. Товтомъ, владѣющимъ церковью, во главѣ. Вслѣдствіе подобной постановки возраженій отвѣтчика адвокаты истца поставлены въ необходимость выяснить передъ судомъ различіе между римскимъ католицизмомъ, греческимъ католицизмомъ и православіемъ, какъ со стороны церковнаго верховенства, такъ и со стороны догматической, такъ равно и со стороны обрядовой, хотя, конечно, подобное выясненіе могло бы быть произведено безъ умышленнаго озадаченія и сбиванія съ толку свидѣтелей и даже вовсе безъ опроса ихъ по этимъ предметамъ, ибо для ихъ разъясненія вызывались въ судъ въ качествѣ свидѣтелей-экспертовъ разныя духовныя лица и въ томъ числѣ викарій скрэнтонской римско-католической епархіи епископъ Гиббонъ.

— Кто есть глава вашей церкви? — спрашиваетъ мэръ (адвокатъ) одного изъ свидѣтелей, выставленныхъ о. Товтомъ, угрорусса, изъ уніи перешедшаго въ православіе.

— Іисусъ Христосъ,—отвѣчаетъ свидѣтель.

— Это есть Глава невидимый, долженъ же быть и видимый.

— Нашъ епископъ въ Санъ-Франциско.

— Значитъ, за Христомъ слѣдуетъ сейчасъ же вашъ епископъ?

— Нѣтъ, есть надъ епископомъ высшая власть.

— Какая же?

— Надъ епископомъ стоитъ святѣйшій синодъ.

— Значитъ, послѣ Христа слѣдуетъ непосредственно святѣйшій синодъ?

— А, нѣтъ, есть и надъ синодомъ власть.

— Кто же надъ синодомъ стоитъ?

— Надъ синодомъ стоитъ царь.

— Значитъ, тотчасъ послѣ невидимаго Главы Христа главой видимымъ вашей церкви является царь.

— Нѣтъ.

— Ну, такъ какъ же?

— Надъ царемъ еще стоитъ римскій отецъ.

Общее недоумѣніе, сдержанный смѣхъ.

Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что англо-американскій состя-

зательный процессъ стоитъ страшно дорого, а расходы на процессы, подобные вышеописанному, ложатся на народъ русскій, экономически здѣсь еще не окрѣпшій и живущій на скудные заработки отъ тяжелаго труда.

Такимъ образомъ, дѣло, которое, будучи начато благовременно и своевременно и ведено путями соотвѣтственными и надлежащими, безъ злоупотребленія невѣжествомъ и темнотою отпрысковъ русскаго народа, изъ несчастной Галичины и еще болѣе несчастной Угорщины бѣгущихъ за море искать себѣ лучшей доли, могло бы послужить единству и благу народному, нынѣ служитъ пока лишь поводомъ его разъединенія и разобщенія, тормазомъ его экономическаго преуспѣянія и причиной потери имъ общественнаго уваженія въ новомъ отечествѣ. Не безъ скорби и боли сердечной высказываемъ мы это и открываемъ дѣйствительное положеніе вещей, исполняя тѣмъ какъ обязанность безпристрастнаго изслѣдователя, такъ и нравственный долгъ сына великаго русскаго народа.

Что касается православной части сѣверо-американской Руси, составляющей, какъ мы упоминали уже, лишь двухсотую часть ея, то лишь въ Санъ-Франциско, въ Чикаго, да, пожалуй, еще до нѣкоторой степени въ Нью-Іоркѣ, представляетъ она сколько нибудь замѣтныя общины лицъ русской народности и вмѣстѣ съ тѣмъ православнаго исповѣданія, счетъ которыхъ можетъ все-таки перевалить за сотню и даже за другую, въ остальныхъ же мѣстностяхъ и городахъ она является представленной лишь десятками и даже единицами. Единицы эти, находясь нерѣдко въ большомъ отдаленіи отъ своихъ приходскихъ церквей, посѣщаютъ церкви уніатскія, гдѣ имѣются невдалекѣ эти послѣднія, гдѣ же и этихъ церквей по близости или по крайней мѣрѣ не въ большомъ отдаленіи не имѣется, тамъ онѣ остаются внѣ общенія съ церковью, ожидая для сего особыхъ случаевъ. Представляется небезынтереснымъ, что изъ такихъ заброшенныхъ въ глушь лицъ не только православные, но даже и раскольники, попавшіе сюда изъ Литвы, дѣлали и дѣлаютъ пожертвованія на постройку русскихъ уніатскихъ церквей, какъ церквей «русскихъ», въ которыя они и сами отправляются за отдаленностью православныхъ. Въ явленіи этомъ обнаруживается явно и очевидно національное значеніе славяно-русскаго обряда, возвышающееся надъ церковноустроительными и догматическими различіями между православіемъ, старообрядчествомъ и греческимъ католицизмомъ.

Переходя къ изображенію положенія американской Руси, какъ народности, мы должны отмѣтить прежде всего, что Русь изъ Россіи, то-есть великоруссы, малоруссы и бѣлоруссы, на всемъ пространствѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ составляетъ въ общей сложности всего около 1.000 человѣкъ. Если мы эту двадцатую часть американской Руси выдѣляемъ изъ цѣлаго, то это потому, что какъ великоруссы, такъ и бѣлоруссы, не распро-

страняющіеся вовсе за предѣлы Русскаго государства и въ значительной степени уже овеликоруссившіеся, равно и малоруссы, въ этихъ предѣлахъ находящіеся и также въ большей или меньшей степени овеликоруссившіеся, представляютъ несомнѣнно типъ великаго русскаго народа, отличный отъ австро-угорскаго типа того же народа. Воздѣйствіе государственности, общихъ ея условій и въ особенности языка, школы и управленія, сказывается на всякой народности и даже каждомъ ея типѣ. Эта Русь россійская, отличная отъ Руси австро-угорской, настолько ничтожна численно въ семидесятимилліонной слишкомъ федеративной республикѣ и настолько разбросана на громадномъ ея пространствѣ, что о народномъ ея значеніи не можетъ быть и рѣчи, хотя національное самосознаніе ей присуще въ должной степени. Православіе, исповѣдуемое этой Русью россійской, хотя и имѣетъ уже нынѣ въ Америкѣ значительную іерархію миссіонерскаго характера съ епископомъ во главѣ, на которую, какъ и на дѣла православной миссіи вообще, отпускаются русскимъ правительствомъ значительныя суммы, не подымаетъ еще пока народнаго значенія этой части американской Руси по различнымъ причинамъ. Во-первыхъ, будучи представлено на почвѣ американской девятнадцатью-двадцатью алеутами, колошами, кенайцами, эскимосами сербами, греками и арабами при одной лишь двадцатой русскихъ; имѣя рядомъ съ собой греко-католицизмъ или уніатство, его въ десять разъ превосходящее абсолютно и въ двѣсти разъ относительно русской народности; провозглашая и проповѣдуя сущность свою на языкахъ русскомъ (великорусскомъ), малорусскомъ, англійскомъ, сербскомъ, колошскомъ, алеутскомъ, кенайскомъ и даже эскимосскомъ, наше русское, или, правильнѣе говоря, россійско-русское (есть еще австро-русское въ Буковинѣ) православіе въ значительнѣйшей степени утратило уже въ Новомъ Свѣтѣ, какъ значеніе необходимаго признака русской народности съ одной стороны, такъ и выразителя и проводника русской культуры — съ другой. Во-вторыхъ, пропагандѣ возсоединенія съ православіемъ среди уніатской австро-угорской Руси, составляющей цѣлыхъ сто девяносто девять двухсотыхъ всей американской Руси, пропагандѣ, которая сосредоточена нынѣ пока въ рукахъ вышепомянутаго о. Товта, дано, какъ мы наглядно доказали уже выше, совершенно ложное направленіе, противоестественно превратившее національную религію русскаго народа въ факторъ его разъединенія и тормазъ его преуспѣянія экономическаго и общественнаго въ Новомъ Свѣтѣ. Въ-третьихъ, кромѣ нѣсколькихъ церковныхъ братствъ, образованныхъ по образцу галицкорусскихъ и угрорусскихъ уніатскихъ, православіе въ Америкѣ не имѣетъ никакихъ церковныхъ, церковно-народныхъ просвѣтительныхъ учрежденій, изъ которыхъ отчасти вторыя и въ особенности послѣднія приводятъ инородцевъ и иноплеменниковъ къ общенію съ народомъ русскимъ въ широкомъ

смыслѣ слова и постепенному путемъ его пріобщенію къ русской народности.

Что касается Руси угорской, то, какъ выяснено уже нами въ предшествующемъ изложеніи, ей въ весьма слабой степени присуще національное самосознаніе. Этотъ органическій ея порокъ сказался съ особенною рельефностью въ самое послѣднее время, такъ сказать, надняхъ. Какъ извѣстно, въ нынѣшнемъ году празднуютъ мадьяры тысячелѣтіе мадьярскаго государства. Противъ празднованія этого, основаннаго въ значительнѣйшей степени на явной исторической лжи и нагломъ извращеніи дѣйствительнаго положенія вещей въ современной Венгріи, выступили съ протестомъ представители всѣхъ немадьярскихъ народностей новосозданнаго мадьярскаго государства: сербовъ, хорватовъ, румыновъ, словаковъ и даже нѣмцевъ и рѣшили было даже созвать въ Пештѣ общее собраніе этихъ народностей для провозглашенія всенароднаго протеста противъ торжества мадьярскаго тысячелѣтія, но собраніе это было мадьярскимъ правительствомъ запрещено. Одна лишь угорская Русь, изъ всѣхъ немадьярскихъ народностей Венгріи наиболѣе угнетенная и униченная, хранила глубокое безмолвіе. До крайности возмущенная подобнымъ безмолвіемъ галицко-русская интеллигенція заявила, вмѣсто угорской, протестъ Руси противъ этого лживаго торжества, и онъ разошелся по Европѣ на языкахъ русскомъ (малорусскомъ литературномъ, утвердившемся въ Галичинѣ), нѣмецкомъ, французскомъ и мадьярскомъ. Одинъ уже этотъ фактъ самъ по себѣ показываетъ въ достаточной степени, насколько забита и загнана угорская Русь, и насколько слабо въ ней національное самосознаніе. Далѣе, нынѣ имѣется въ Венгріи великое множество малоруссовъ, уже окончательно омадьяренныхъ. Утративъ совершенно свою народность, они сохраняли еще, однако, до послѣдняго времени свой славяно-русскій греко-католическій обрядъ, остававшійся такимъ образомъ единственнымъ остаткомъ и признакомъ прежней ихъ народности. Нынѣ мадьярское правительство задумало уничтожить и этотъ послѣдній признакъ, еще уцѣлѣвшій отъ его бѣшенаго денаціонализаторскаго натиска. Эта окончательно омадьяренная часть угорской Руси представляется сплошнымъ кускомъ, вырваннымъ изъ ея истерзаннаго тѣла. Она составляетъ нынѣ 52 мадьярскихъ греко-католическихъ прихода съ 864 отдѣленіями и 62 церквами, заключающихъ въ себѣ 69.862 человѣка. Еще недавно сравнительно эти мадьяры греко-католическаго исповѣданія говорили порусски, нынѣ же даже богослуженіе отправляется помадьярски. Конечно, изгнаніе старославянскаго языка изъ греко-католическаго богослуженія произведено не сразу. Первоначально русскіе греко-католическіе священники, эти главнѣйшіе факторы мадьяризаціи, стали помадьярски отпѣвать покойниковъ, совершать бракосочетанія и т. п., а затѣмъ уже вводить мадьярскій языкъ и въ богослуженіе въ собственномъ смыслѣ.

Нынѣ все уніатское богослуженіе переведено со старославянскаго языка на мадьярскій и поднесено къ утвержденію примасу Венгріи, моньсиньору Вассари, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этихъ мадьяръ греко-католиковъ, еще недавно составлявшихъ неотъемлемую часть русскаго народа, составляется особая епархія, въ которую назначается особый мадьярскій епископъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что такимъ образомъ мадьярское правительство уже даже изъ самаго русскаго богослуженія успѣло сдѣлать орудіе мадьяризаціи несчастнѣйшей угорской Руси. Какія, спрашивается, чувства можетъ возбуждать въ русскомъ народѣ и его интеллигенціи эта разрушительная дѣятельность представителей европейскаго азіатства? Какое русское сердце при видѣ ея не сожмется отъ боли и не воспылаетъ негодованіемъ? Между тѣмъ, въ самый разгаръ мадьярской выставки въ память тысячелѣтія, когда разносится по Европѣ этотъ фальшиво торжественный звонъ казеннаго и обязательнаго ликованія, являющійся погребальнымъ звономъ для растерзанной и поруганной угорской Руси, «Американскій Русскій Вѣстникъ», органъ «Соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ», претендующаго на роль русской организаціи, помѣщаетъ статьи, въ которыхъ восторгается какъ празднествомъ мадьярскаго тысячелѣтія, такъ въ особенности учрежденіемъ мадьярской греко-католической епархіи изъ омадьяренныхъ угроруссовъ. Можетъ ли уже отсутствіе національнаго самосознанія и утрата чувства народнаго достоинства идти еще далѣе? Здѣсь мы поставлены въ необходимость коснуться того руссофильства или великоруссофильства угрорусской интеллигенціи, которое не вяжется до очевидности съ этимъ отсутствіемъ въ ней національнаго самосознанія и ея мадьяризаторской ролью въ современномъ общественномъ укладѣ угорской Руси и такъ легкомысленно расхвалено нѣкоторыми органами нашей петербургской и московской печати. Дѣйствительно въ угрорусской интеллигенціи, состоящей почти исключительно изъ духовенства, существуетъ извѣстная склонность къ нашему русскому литературному языку и извѣстная наклонность къ его усвоенію. Но языкъ этотъ притягиваетъ ее къ себѣ, не какъ языкъ наибольшей части русскаго народа, то-есть великорусскій, даже не какъ средство пользованія богатой русской литературой, а исключительно лишь, какъ языкъ высшаго класса, аристократической среды. Дѣло въ томъ, что подъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ многоразличныхъ государственно-общественныхъ условій угрорусская интеллигенція до сихъ поръ еще полна настолько аристократическихъ тенденцій, гордаго презрѣнія къ «простонародью», его быту и его «мужицкому» языку, что въ этомъ отношеніи нынѣ во всей Европѣ можетъ сравняться съ ней лишь польская шляхта въ лицѣ наивысшихъ и наиболѣе затхлыхъ ея сферъ. Постоянно живя мечтами то между старорусскимъ боярствомъ, то между нынѣшними русскими генералами и архіереями, не замѣчая у себя подъ

носомъ своего роднаго народа, пренебрегая его рѣчью, житьемъ-бытьемъ и нуждами, эта деморализованная и свихнувшаяся угро-русская интеллигенція пришла бы въ совершенный ужасъ отъ простонародной рѣчи владимирскаго, олонецкаго или тверскаго великорусса, либо витебскаго бѣлорусса. Признавая нынѣ «своимъ» языкомъ, языкомъ привилегированнаго, высшаго класса, языкъ мадьярскій литературный и въ огромнѣйшемъ большинствѣ своемъ усердно работая надъ его распространеніемъ среди «простаго» народа, чѣмъ и объясняется эта быстрая мадьяризація угорской Руси, эта жалкая и пошлая угрорусская интеллигенція обнаруживаетъ, однако, склонность этотъ «свой» мадьярскій языкъ замѣнить въ «своемъ» кругу языкомъ русскимъ литературнымъ, тѣмъ языкомъ, на которомъ говорятъ русскіе генералы и архіереи, русскія начальствующія лица, русская аристократія, причемъ сознаніе родственности великорусскаго народа, языкъ этотъ создавшаго, съ народомъ угрорусскимъ въ желаніи такой замѣны не играетъ нималѣйшей роли. Сознаніе могущественности русскаго государства и вѣса и роли въ немъ русской аристократіи является движущимъ мотивомъ этого поползновенія пріобщиться къ этой послѣдней какъ духовно, для чего требуется, конечно, замѣна мадьярскаго литературнаго языка литературнымъ русскимъ, такъ и фактически — путемъ созданія занятія Венгріи русскими войсками, подобнаго тому, какое произведено было Николаемъ Павловичемъ въ 1848 году, которое, закончившись присоединеніемъ угорской Руси къ Россіи, дастъ угрорусской интеллигенціи тепленькія мѣстечки, титулы, званія и знаки отличія. Представляется очевиднымъ, что подобное великоруссофильство не имѣетъ и тѣни культурно-національнаго характера, а слѣдовательно и будущности. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ странный и двусмысленный аристократизмъ, отъ мадьярофильства извѣстнаго сорта переходящій къ руссофильству, или, правильнѣе говоря, великоруссофильству специфическаго характера, связанъ съ не менѣе страннымъ уніатскимъ клерикализмомъ, доходящимъ до дикаго и прямо преступнаго восторженія созданіемъ на угорской Руси чисто мадьярской епархіи, которая должна будто бы возвеличить значеніе и великолѣпіе восточнаго обряда.

Подобное отсутствіе въ угрорусской интеллигенціи національнаго самосознанія и крайній недостатокъ въ ней образованія и просвѣщенности вообще не могли, конечно, не отразиться и на созданной ею въ Америкѣ организаціи, именуемой «Соединеніемъ греко-католическихъ русскихъ братствъ» и нами выше уже описанной. Народъ угрорусскій, составляющій около половины ея членовъ (другую бо́льшую половину составляютъ словаки), изъ года въ годъ понижается въ умственномъ развитіи и общественномъ пониманіи и постепенно дичаетъ. Англо-американскія культура и просвѣщеніе не могутъ предупредить и остановить такого постепеннаго

одичанія, ибо изъ этой культуры и этого просвѣщенія, его окружающихъ, не можетъ онъ черпать почти совершенно, по своимъ экономическимъ и общественнымъ условіямъ съ ними ассимилируясь крайне медленно. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что славянскія народности высылаютъ въ Новый Свѣтъ главнѣйшимъ образомъ наибѣднѣйшіе и наинекультурнѣйшіе свои слои. Заурядный славянскій работникъ въ должной степени усвоиваетъ себѣ англійскій языкъ и приспособляется къ англо-американской общественности лишь въ теченіе десяти лѣтъ. Представляется очевиднымъ, что въ теченіе этого времени національное образованіе и просвѣщеніе должны дѣлать для него то, что для кореннаго работника Соединенныхъ Штатовъ дѣлаютъ образованіе и просвѣщеніе англо-американскія. Въ противномъ случаѣ этотъ славянскій работникъ, будучи лишенъ вовсе знанія и пониманія окружающихъ его условій общественныхъ и экономическихъ, былъ бы лишенъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможности выбирать и пріискивать себѣ соотвѣтственный трудъ и въ особенности выдерживать свободную конкурренцію съ рабочими иныхъ національностей, а такъ же постепенно понижался бы въ образовательномъ и общественномъ отношеніи и дичалъ бы. Это именно глубоко прискорбное народно-общественное явленіе и имѣетъ мѣсто среди двухъ приблизительно тысячъ угорскихъ русиновъ, принадлежащихъ къ «Соединенію». Здѣсь мы должны отмѣтить еще одну крайне характерную черту этого учрежденія, указаніе которой мы умышленно откладывали, чтобы сдѣлать его подъ конецъ. Какъ извѣстно, существуетъ одна изъ первичныхъ формъ національнаго самосознанія, въ которой народность сливается и отождествляется съ религіей, вѣроисповѣданіемъ. Угорская Русь въ Америкѣ, съ одной стороны въ значительной степени утративъ сознаніе своей русской народности еще въ старомъ отечествѣ, съ другой, насколько еще сознаніе это не утрачено вовсе, сущность этой своей народности видитъ въ своемъ греко-католицизмѣ или уніатствѣ съ его славяно-русскимъ обрядомъ. Подобное именно пониманіе существа своей народности американскою угрорусскою интеллигенціей совершенно съ ея стороны безсознательно выразилось при основаніи «Соединенія». Объединяя греко-католиковъ или уніатовъ народности русской, русской же находящейся на разныхъ ступеняхъ ословаченія и словацкой, представляющей Русь, окончательно ословаченную, и не допуская вовсе въ свой составъ словаковъ-протестантовъ и Русь православную, «Соединеніе» вездѣ и всегда именуетъ и заявляетъ этотъ свой спеціально греко-католическій русско-словацкій составъ «народомъ русскимъ», «русской братіей», «малой русской народностью». Само собою разумѣется, что подобное спеціально вѣроисповѣдное пониманіе своей русской народности и вышеописанный уніатскій клерикализмъ исковерканной угрорусской интеллигенціи лишь по ея невѣжеству и

неразумѣнію можетъ вязаться съ ея мечтаніями пріобщиться современемъ къ русской аристократіи, къ русскому правящему классу въ Россіи, гдѣ унія не терпится вовсе.

Остается галицкая Русь. Какъ мы до наглядности разъяснили уже выше, національное самосознаніе находится въ ея средѣ на весьма значительной высотѣ. Не взирая на свое такъ называемое украйнофильство, о которомъ разсѣяно, къ глубокому прискорбію и общенаціональному вреду русскаго народа, столько небылицъ и столько вздора невѣжественными людьми и органами нашей печати, галицко-русская интеллигенція, на свободной землѣ американской, предводимая притомъ однимъ изъ своихъ уніатскихъ священниковъ, рѣзко выступаетъ противъ исключенія русскихъ уніатовъ, принявшихъ православіе, изъ состава «Соединенія» и рѣшительно провозглашаетъ принципъ русской народности, изъ котораго исключаются всякія вѣроисповѣдныя различія и подраздѣленія. Протестъ этотъ былъ собственно первымъ толчкомъ къ будущему образованію «Русскаго Народнаго Союза», а провозглашеніе такое, въ основаніи этого послѣдняго выразившееся, повлекло за собой, какъ мы видѣли уже выше, какъ для представителя галицко-русской интеллигенціи, такъ равно и для представителя новооснованной первой и донынѣ единственной русской народной организаціи въ Новомъ Свѣтѣ, необходимость вести процессы противъ польской газеты объ оскорбленіяхъ, порожденныхъ несомнѣнно тѣмъ же извѣстной частью польской интеллигенціи смѣшеніемъ народности съ вѣроисповѣданіемъ, въ какомъ повинна и интеллигенція угрорусская, зараженная такимъ же аристократизмомъ и клерикализмомъ, какъ и первая. Уже одна эта высота національнаго самосознанія въ галицкой Руси въ Америкѣ указываетъ на значительный уровень ея просвѣщенія, ибо безъ таковаго она немыслима. И дѣйствительно, галицко-русская интеллигенція поработала настолько для поднятія умственнаго и образовательнаго уровня своего народа, этотъ послѣдній, придя изъ своей Галичины въ Новый Свѣтъ темнымъ и непросвѣщеннымъ, настолько отважно и упорно стремился къ свѣту знанія и сокровищницѣ просвѣщенія, что сравнительно значительная уже часть его, добившись этого просвѣщенія на своемъ національномъ языкѣ и своей народной основѣ, стоитъ на уровнѣ англо-американской культуры и цивилизаціи. Дѣятельность «Русскаго народнаго Союза» и его органа газеты «Свободы» весьма способствовала и способствуетъ этому подъему просвѣтительнаго умственнаго уровня галицко-русскаго народа въ Америкѣ, который и началъ уже постепенно выдѣлять изъ себя свою коренную, русскую народную интеллигенцію. Самая внѣшность, манеры, способъ обращенія, содержаніе и тонъ разговоровъ, рѣзко отличаютъ члена «Русскаго народнаго Союза» отъ члена и соединенія греко-католическихъ русскихъ братствъ. Первый сравнительно съ послѣднимъ предста-

вляется джентельменомъ и интеллигентнымъ человѣкомъ и въ то время, какъ послѣдній, всегда болѣе или менѣе причастный грознымъ боямъ и свалкамъ въ такъ называемыхъ салонахъ и иныхъ американскихъ кабакахъ разныхъ наименованій, носитъ у американскаго общества презрительную кличку «hungarian» (гунгеріэнъ, венгерецъ), первый именуется среди того же общества именемъ «russian» (рошіанъ-русскій), полнымъ симпатіи и уваженія. Въ общемъ народное положеніе американской Руси въ ея галицкой части настолько успѣло уже выясниться изъ предшествующаго изложенія, что мы не видимъ надобности прибавлять еще что либо къ уже высказанному.

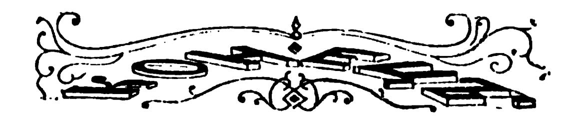
Переходя поэтому къ изображенію современнаго экономическаго положенія американской Руси, мы должны указать прежде всего на то, что до начала эмиграціи Руси австро-венгерской въ Новый Свѣтъ около половины семидесятыхъ годовъ вся Русь на землѣ американской не превышала какихъ нибудь 400 человѣкъ, ибо, по продажѣ русско-американскихъ владѣній Соединеннымъ Штатамъ въ 1867 году и закрытіи россійско-американской компаніи, бóльшая часть русскихъ, состоявшихъ на службѣ у этой компаніи, возвратилась въ Россію. Затѣмъ, галицкая и угорская эмиграція русскаго племени въ Новый Свѣтъ первоначально около десятилѣтія почти носила характеръ временнаго лишь отплытія въ дальніе края на хорошіе заработки. Добрая часть этихъ заработковъ отсылалась въ «старый край» для поддержанія нищенствующихъ семействъ и родни, поправленія хозяйствъ, освобожденія отъ долговъ старыхъ земель и пріобрѣтенія новыхъ. Когда же австро-угорская Русь начала уже осѣдать въ Соединенныхъ Штатахъ, вскорѣ начался въ нихъ серьезнѣйшій экономическій кризисъ, продолжающійся уже около восьми лѣтъ и со времени всемірной выставки въ Чикаго особенно обострившійся. Такимъ образомъ лицъ, успѣвшихъ задержать въ своихъ рукахъ и сколотить нѣкоторый капиталецъ и съ нимъ завести торговыя предпріятія, оказалось среди американской Руси весьма немного. Масса русскаго народа въ Новомъ Свѣтѣ вынуждена нести крайне тяжелую работу въ подземныхъ каменноуглеломняхъ («майнахъ»), своего рода каторжную работу, сопряженную съ постоянными членовредительствами, искалѣченіями и убіеніями наповалъ, не имѣя притомъ по нынѣшнимъ нерѣдко безработнымъ и вообще критическимъ временамъ возможности доработаться хоть до незначительнаго капитальца, съ которымъ можно было бы взяться за какую нибудь торговлишку и такимъ образомъ избавиться отъ этой якобы добровольной и опасной каторжной работы. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что при сильнѣйшемъ развитіи въ Соединенныхъ Штатахъ фабричнаго производства русскій ремесленникъ, какъ и всякій другой, за рѣдкими исключеніями не можетъ здѣсь существовать трудами рукъ своихъ. Такимъ образомъ, всякій

«майнеръ» (каменно-углекопъ), доработавшійся до нѣкотораго капитальца, не имѣетъ здѣсь иного исхода, какъ взяться за какую либо торговлю. Имѣются два фактора, подрывающихъ экономическое благосостояніе Руси въ Новомъ Свѣтѣ, и безъ того уже неблестящее. Страсть строить церкви и основывать новые русскіе приходы безъ должнаго соображенія съ числомъ будущихъ прихожанъ и ихъ средствами сильно еще развита среди этой Руси. Несмотря на все ея жертволюбіе, доходящее иногда до положительнаго церковно-народнаго самоотверженія, церкви эти иногда до того запутываются въ долгахъ, что попадаютъ въ продажу съ публичныхъ торговъ, давая лишь возможность путемъ ихъ покупки римско-католическимъ епископамъ втираться въ русскія церковныя дѣла и вліять на ходъ ихъ. Подобное безплодное денежное самоотверженіе не можетъ, конечно, не отражаться неблагопріятно на экономическомъ положеніи русскаго народа въ Америкѣ. Другимъ важнѣйшимъ факторомъ, подрывающимъ это положеніе, представляется изолированность и неорганизованность русскаго рабочаго, какимъ является собственно весь русскій народъ въ Новомъ Свѣтѣ. Хотя еще въ 1886—1888 годахъ, когда русская народно-общественная жизнь на другомъ полушаріи сосредоточивалась въ Шенандоа, и тамъ выходила газета «Америка», составилась въ этомъ центрѣ Пенсильваніи «russian brach» (русская вѣтвь) извѣстнаго сѣверо-американскаго рабочаго союза «Knights of labor» (рыцари труда), тѣмъ не менѣе однако образованіе этой вѣтви такъ и осталось единичнымъ случаемъ, и въ общемъ составѣ американской Руси лишь отдѣльныя единицы и притомъ въ ничтожномъ количествѣ принадлежатъ къ американскимъ рабочимъ союзамъ. Въ странѣ самодѣятельности и самопомощи, странѣ, гдѣ ничего не нисходитъ сверху, а все восходитъ снизу, странѣ, гдѣ каждый предоставленъ собственнымъ силамъ и знаніямъ, подобная изолированность и неорганизованность рабочей Руси, какою является вся она, отражается на экономическомъ ея положеніи и благосостояніи самымъ пагубнымъ образомъ. Очевидно, что, если народная организація Руси въ Новомъ Свѣтѣ едва лишь собственно началась, то экономическая ея организація до сихъ поръ вовсе и не начата. На полѣ труда съ его свободной конкурренціей, съ его экономическо-политическими колебаніями, съ его политико-экономическими кризисами, съ его глубокими общественно-экономическими вопросами и задачами, американская Русь ждетъ своихъ организаторовъ и руководителей съ бóльшей еще настоятельностью и неотложностью, нежели на полѣ народности, народной организаціи и національнаго просвѣщенія. Но слѣдуетъ при этомъ забывать, что эти два поля смежны и неотдѣлимы другъ отъ друга.

Мы дали самый общій соціологическо-описательный очеркъ заокеанской Руси. Не скрываемъ, что этотъ ничтожный трудъ нашъ можетъ быть полонъ всяческихъ недостатковъ. Но мы рѣшились взяться за предметъ, еще никѣмъ до насъ не затронутый, мы осмѣлились пойти по пути, еще никѣмъ не проложенному, и эта новизна и непочатость дѣла можетъ служить намъ нѣкоторымъ оправданіемъ въ этихъ недостаткахъ. Невольно стремится русскій умъ приподнять таинственную завѣсу грядущаго и въ будущихъ судьбахъ великой сѣверо-американской республики прочесть судьбу своего народа. Уцѣлѣетъ ли онъ здѣсь среди совершенно новыхъ государственно-общественныхъ условій и сильнѣйшихъ культурныхъ вліяній, или же потонетъ и расплывется въ морѣ англо-саксонскомъ? Представить данныя для отвѣта на этотъ роковой вопросъ и было цѣлью настоящаго очерка.

Пенсильванія.
Августъ 1896 года.

Графъ Лелива (Е. Н. Матросовъ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ОБЪ А. Н. МАЙКОВѢ.

Для созерцающихъ очей
И для внимающаго слуха
Доступенъ тайный образъ Духа
И внятенъ смыслъ его рѣчей,—
Глаголъ, въ пустынѣ вопіющій,
Неумолкаемо зовущій!..

Я. П. Полонскій.

ЕЩЕ какъ будто вижу предъ собой эту сухую, стройную, старческую фигуру, затянутую въ застегнутый на всѣ пуговицы черный сюртукъ, узкое лицо византійскаго типа съ тонкими чертами и длинной сѣдой бородой, мягкой и слегка волнистой. Я еще какъ будто до сихъ поръ испытываю на себѣ острый, проникающій и минутами загадочный взглядъ этихъ умныхъ черныхъ глазъ, горѣвшихъ внутреннимъ огнемъ, ослабляемымъ стеклами очковъ. Я словно до сихъ поръ слышу этотъ тихій голосъ, отчетливо и неторопливо выговаривающій каждое слово, придавая ему тѣмъ большую силу и выраженіе... Такъ все это недавно было, очень недавно, я его встрѣчалъ, говорилъ съ нимъ, слушалъ его, внутренно любовался его бодростью, его нравственной свѣжестью, его отзывчивостью... и вотъ его уже нѣтъ съ нами! Какъ это грустно, какъ это тяжело для людей, лично знавшихъ дорогого покойника и имѣвшихъ счастіе соприкоснуться съ этою высоко симпатичною и не на каждомъ шагу встрѣчающейся личностью.

Я познакомился съ Аполлономъ Николаевичемъ Майковымъ вскорѣ по пріѣздѣ моемъ изъ Москвы на службу въ Петербургъ, въ 1887 году. Въ первый разъ я встрѣтился съ нашимъ славнымъ поэтомъ въ домѣ его стариннаго друга-сослуживца и сверстника,— другого нашего поэта Я. П. Полонскаго. Помню первое, что пора-

зило меня въ то время въ его внѣшности, это почти совсѣмъ черные, безъ сѣдинки, волосы при сѣдой бородѣ. Это придавало тонкой и гибкой фигурѣ поэта, который былъ средняго роста, необыкновенную свѣжесть.

Я помню, при первомъ свиданіи мы заговорили о живописи, въ которой Аполлонъ Николаевичъ былъ большой знатокъ, какъ сынъ извѣстнаго въ свое время художника и какъ самъ готовившійся одно время избрать художественную карьеру. Я узналъ тутъ въ первый разъ, что отецъ Аполлона Николаевича — Николай Аполлоновичъ Майковъ (1796—1873 гг.), сталъ заниматься живописью уже въ зрѣлые годы, открывъ въ себѣ талантъ случайно. Лежа въ постели съ простреленной на вылетъ ногой, въ Бородинскомъ сраженіи, Н. А. Майковъ сталъ отъ скуки копировать висѣвшую надъ его кроватью картину. Опытъ оказался удачнымъ, и это дало толчекъ развитію въ немъ таланта живописца, который былъ настолько крупенъ и силенъ, что далъ возможность его обладателю сдѣлаться извѣстнымъ художникомъ, не получивъ надлежащей подготовки.

— Я и самъ,—прибавилъ Аполлонъ Николаевичъ,—думалъ стать, по примѣру отца, художникомъ; но, во-первыхъ, у меня всегда были слабые глаза, а потомъ я увлекся университетомъ... А знаете ли вы,—сказалъ онъ, улыбаясь,—чѣмъ я въ гимназіи особенно охотно занимался? Математикой... Это, однако, не помѣшало мнѣ—хотя и говорятъ, что математики не поэты,—любить поэзію и писать стихи съ дѣтства.

Въ другой разъ я спросилъ у Аполлона Николаевича, кого изъ современныхъ молодыхъ поэтовъ онъ считаетъ наиболѣе талантливымъ и обѣщающимъ въ будущемъ?

— Несомнѣнно, это Фофановъ,— отвѣчалъ Майковъ,—у него и истинный порывъ и поэтическій размахъ, жаль только, что онъ не самоусовершенствуется и не идетъ впередъ: причиной этому—отсутствіе серьезнаго образованія и незнакомство съ иностранными языками,—а жаль, очень жаль! Изъ него могъ бы, при благопріятныхъ условіяхъ, выработаться хорошій поэтъ!

— А какія изъ его стихотвореній вы находите лучшими?

— Конечно, его первыя стихотворенія... Напримѣръ, его воспоминанія о прошломъ Царскаго Села, или хотя бы его маленькая, изящная вещица, которая начинается словами

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя...

Довольно часто сталъ я встрѣчаться съ Аполлономъ Николаевичемъ и у Н. Н. Страхова, нынѣ также покойнаго, съ которымъ Аполлонъ Николаевичъ былъ въ давнишнихъ дружескихъ отношеніяхъ.

Н. Н. Страховъ долгіе годы, до самой кончины своей, жилъ все въ одной и той же квартирѣ, по Крюкову каналу, у Торговаго моста.

Кто изъ посѣщавшихъ его не помнитъ его обширнаго кабинета, съ закопченнымъ отъ времени низкимъ потолкомъ и книжными шкафами, закрывавшими почти сплошь стѣны комнаты?

У Страхова собирались его добрые знакомые и почитатели его таланта обыкновенно по средамъ, вечеромъ. Вотъ въ этомъ-то кабинетѣ, напоминающемъ келью Фауста, котораго, по внѣшности, отчасти олицетворялъ собою нашъ маститый, сѣдобородый философъ, можно было довольно часто встрѣтить, въ числѣ прочихъ, и нашего симпатичнаго поэта. Разговоръ былъ на этихъ «средахъ» оживленный, темы подымались разнообразныя. Говорили о послѣднихъ общественныхъ и политическихъ новостяхъ, о новой какой нибудь книгѣ, затѣвались споры о литературѣ, искусствѣ, музыкѣ. А. Н. Майковъ всегда охотно принималъ участіе въ этихъ, иногда очень интересныхъ, бесѣдахъ. Конечно, присутствующіе слушали его всегда съ особеннымъ вниманіемъ.

Помню, разъ какъ-то заспорили у Страхова о значеніи поэзіи. Одни говорили, что поэзія отнюдь не должна быть «не отъ міра сего», какою является поэзія А. А. Фета, витающая исключительно «надъ грѣшной землею», а служить практическимъ цѣлямъ, проводить извѣстныя идеи. Другіе, не отрицая этого, утверждали, что поэзія не должна опускаться до утилитаризма.

— Знаете ли,—сказалъ по этому поводу Аполлонъ Николаевичъ,— даже убѣжденные сторонники «гражданской службы», такъ сказать, поэзіи, въ глубинѣ души все-таки склонны видѣть въ ней «языкъ боговъ»... Вотъ, напримѣръ, ужъ на что Бѣлинскій ревностно развивалъ теорію утилитаризма музы, а мнѣ прямо сказалъ, чтобы я его «не слушалъ» и шелъ «своей дорогой». Правъ былъ Пушкинъ:

Не для житейскаго волненія,
Не для корысти, не для битвъ,—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ!

продекламировалъ Аполлонъ Николаевичъ, съ особеннымъ удареніемъ упирая на словахъ: «мы рождены».

Кстати — Аполлонъ Николаевичъ превосходно читалъ стихи, съ большимъ мастерствомъ оттѣнялъ онъ каждую фразу, придавая особый внутренній смыслъ простому иногда съ перваго взгляда слову.

Какъ-то, у Страхова же, который самъ очень любилъ и тонко понималъ поэзію, заговорили о техникѣ, такъ сказать, стихосложенія, о трудностяхъ версификаціи и т. п.

Тутъ же былъ и А. Н. Майковъ.

— Самое важное,—говорилъ онъ,—это найти надлежащій тонъ, размѣръ... Иной разъ начинаешь писать и самъ чувствуешь, какъ все это не то: не тотъ размѣръ, к а к о й н у ж н о. Въ живописи — тоже: не тотъ колоритъ, не та краска и все ни къ чему! Вотъ, напримѣръ, я три раза начиналъ и бросалъ «Кримгильду» — вижу,

что не тотъ размѣръ, и не могу идти дальше... Наконецъ, послѣ большаго перерыва, размѣръ самъ нашелся, и все пошло хорошо.

Не разъ подымался, бывало, у Н. Н. Страхова разговоръ о западникахъ и славянофилахъ.

— Я никогда не могъ,—сказалъ какъ-то разъ по этому поводу А. Н. Майковъ, — всецѣло увѣровать въ теоріи и выводы истыхъ славянофиловъ добраго, стараго времени. Все это было какъ-то неправдиво, фантастично. Отрицаніе Петра и его реформъ, вырвавшихъ насъ изъ узкаго кругозора московской Руси, было мнѣ не по душѣ. Погодинъ и Катковъ были, конечно, тоже своего рода славянофилы, но не имѣли дерзости отвергать Петра и послѣ-петровскую эпоху нашей исторіи. Это я понималъ и всегда имъ искренно сочувствовалъ... Но надѣть на себя старинный кафтанъ боярина, забиться въ пыль московской старины, кончать исторію Алексѣемъ Михайловичемъ и ставить крестъ на всемъ, что сдѣлано великимъ Петромъ и послѣ него, упорно заколачивая «окно въ Европу»,—мнѣ всегда казалось это абсурдомъ, заблужденіемъ...

Въ 1888 году, я былъ выбранъ въ члены-сотрудники литературно-драматическаго общества (нынѣ, видоизмѣненное и съ новымъ уставомъ, оно носитъ названіе русскаго литературнаго общества), почетнымъ членомъ котораго былъ, между прочимъ, и А. Н. Майковъ. Онъ часто, бывало, посѣщалъ собранія общества, такъ называемыя «бесѣды», отличавшіяся въ первый періодъ существованія общества оживленіемъ, интересомъ и непринужденностью.

Аполлонъ Николаевичъ всегда очень внимательно слѣдилъ за чтеніемъ или докладомъ, но рѣдко, бывало, вступалъ въ начинавшіяся затѣмъ разсужденія по поводу реферата. Зато онъ охотно и много говорилъ, когда пренія оканчивались, и члены кружка разбивались на группы, предъ тѣмъ какъ разойтись по домамъ. Покойный поэтъ давалъ тогда мѣткія характеристики и дѣлалъ оригинальныя замѣчанія.

Такъ по поводу читанныхъ въ 1890 году однимъ изъ членовъ общества своихъ стихотвореній на восточныя темы, написанныхъ недурнымъ слогомъ, но безъ всякаго, повидимому, изученія авторомъ образцовъ мусульманской поэзіи, по преимуществу мистической, Аполлонъ Николаевичъ выразился, что стихи «гладки», но что восточнаго въ нихъ «ни на іоту», хотя и говорится въ каждой ихъ строчкѣ о Востокѣ.

Про «Крейцерову сонату», читанную въ одномъ изъ засѣданій общества по рукописному списку, Аполлонъ Николаевичъ отзывался съ большой похвалой, но лишь относительно второй ея части, той, гдѣ психологически развивается повѣсть ревности, заканчивающаяся кровавой катастрофой; что же касается общихъ разсужденій графа Л. Н. Толстого о семьѣ, бракѣ и пр., — то они не произвели большого впечатлѣнія на нашего поэта, находившаго ихъ слишкомъ субъективно-пессимитическими и односторонними.

О произведшей сильное впечатлѣніе на слушателей (1891 г.) извѣстной повѣсти Антона Чехова «Припадокъ» (этому впечатлѣнію много способствовало мастерское, художественное чтеніе повѣсти членомъ общества, артистомъ императорскихъ театровъ В. Н. Давыдовымъ), на тему о печальномъ положеніи «падшей» женщины, Аполлонъ Николаевичъ, на мой вопросъ, понравился ли ему психологическій этюдъ автора, сказалъ:

— Трудная эта тема... Герой повѣсти, впечатлительный студентъ, страдаетъ всей душой за участь «погибшихъ» женщинъ и ищетъ для нихъ путей спасенія... Скорбѣть должно, но пока общество таково, какое оно теперь, — борьба со зломъ неравна, борцы потерпятъ пораженіе, да еще, пожалуй, при смѣхѣ самихъ «жертвъ», за которыя они ломаютъ копья... Идеализація «паденій» неблагодарный трудъ... Маргариты Готье и Дуни Мармеладовы встрѣчаются рѣдко! Но напоминать обществу объ этомъ злѣ слѣдуетъ и смотрѣть на него равнодушно нельзя... Повѣсть талантлива и симпатична.

Про молодого поэта К. М. Фофанова, читавшаго у насъ въ обществѣ свои стихотворенія, Аполлонъ Николаевичъ всегда, какъ уже сказано выше, отзывался вообще съ большой похвалой, но прибавлялъ, что талантъ Фофанова, остающійся недостаточно разработаннымъ, вслѣдствіе отсутствія у поэта мало-мальски систематическаго образованія и самовоспитанія, «словно драгоцѣнный камень въ дешевой оправѣ». «Декадентскія» стихотворенія Фофанова Аполлонъ Николаевичъ приписывалъ именно этому недостатку саморазвитія и погонѣ за «модой», идущей къ намъ съ Запада, съ легкой руки Мориса Метерлинка. Однако, и эти «декадентскіе» стихи Майковъ находилъ иногда замѣчательно гармоничными и заставляющими задуматься: такъ ему очень нравилось извѣстное стихотвореніе Фофанова «Тѣни и тайны», давшее собой названіе цѣлому сборнику его стиховъ и начинавшееся словами:

И тѣни и тайны рождаются вмѣстѣ
И мучаютъ сердце тоской непонятной...

30-го апрѣля 1888 года, литературно-драматическимъ обществомъ былъ торжественно отпразднованъ юбилей полувѣковой дѣятельности нашего маститаго поэта. Этотъ литературный праздникъ прошелъ очень оживленно и отличался задушевностью. Аполлонъ Николаевичъ дружески цѣловалъ каждаго подходившаго къ нему, на эстрадѣ, чтобы принести поздравленія. Всевозможныхъ депутацій и лицъ, явившихся чествовать юбиляра, было безъ конца! Особенно тепло и отъ души поздравилъ юбиляра его горячій поклонникъ, одинъ изъ искреннѣйшихъ друзей почившаго поэта,—другой извѣстный нашъ поэтъ, нынѣ здравствующій, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Ровно за годъ предъ тѣмъ, въ началѣ апрѣля 1887 года, состоялся другой выдающійся юбилей—пятидесятилѣтній юбилей по-

этическаго творчества нашего поэта-ветерана и друга А. Н. Майкова — Я. П. Полонскаго. На этомъ симпатичномъ торжествѣ, начавшемся съ ранняго утра въ квартирѣ юбиляра и закончившемся многолюднымъ обѣдомъ, по подпискѣ, и раутомъ въ обширномъ залѣ Кононова,—Аполлонъ Николаевичъ игралъ выдающуюся роль, какъ ближайшій товарищъ, сослуживецъ и сверстникъ юбиляра. Во время вышеупомянутаго интереснаго обѣда, на которомъ было произнесено множество рѣчей, тостовъ и спичей, Аполлонъ Николаевичъ сказалъ свое превосходное по сердечности и простотѣ тона и тонкой характеристикѣ стихотвореніе, написанное имъ спеціально къ чествуемому дню.

Это небольшое стихотвореніе такъ замѣчательно хорошо, что мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

Тому ужъ больше, чѣмъ полвѣка,
На разныхъ русскихъ широтахъ,
Три мальчика, въ своихъ мечтахъ
За высшій жребій человѣка
Считая чудный даръ стиховъ,—
Имъ предались невозвратимо...
Имъ рано старыхъ мастеровъ,
Поэтовъ Греціи и Рима
Далось почуять красоты...
Бывало, нѣжный лучъ Авроры
Раскрытыхъ книгъ освѣтитъ горы,
Румяня и ветхіе листы,—
Они сидятъ, ловя намеки,
И ихъ восторгъ растетъ, растетъ,
По мѣрѣ той, какъ трудъ идетъ,
И сквозь разобранныя строки
Чудесный образъ возстаетъ...
И старики, съ своихъ высотъ,
На нихъ, казалося, взирали
И улыбались межъ собой,
И ихъ улыбкой ободряли...
Тѣ трое были.. милый мой,
Ты понялъ?.. Фетъ и мы съ тобой...

Такъ отблескъ первыхъ впечатлѣній
И тотъ же стиль и тотъ же вкусъ
Въ порывахъ первыхъ вдохновеній
Нашъ утвердили союзъ.
Другъ друга мы тотчасъ признали,
Почти на первыхъ же шагахъ,
И той же радостью въ сердцахъ
Успѣхъ другъ друга принимали.
Въ полустолѣтье же нашихъ Музъ
Провозгласимъ мы тостъ примѣрный —
За поэтическій нашъ вѣрный,
Нашъ добрый тройственный союзъ!

Это изящное, произнесенное Аполлономъ Николаевичемъ съ бокаломъ въ рукѣ, стихотвореніе всѣмъ такъ понравилось, что, по

общему желанью, поэтъ повторилъ его со сцены, при громѣ рукоплесканій, куда вслѣдъ за этимъ взошла П. А. Стрепетова и прекрасно продекламировала стихотвореніе юбиляра «Вэда-проповѣдникъ».

Съ 1891 года, ближе познакомившись съ Аполлономъ Николаевичемъ, я сталъ навѣщать его, прося иногда указаній и совѣтовъ въ нѣкоторыхъ моихъ переводныхъ, стихотворныхъ работахъ. Покойный поэтъ очень охотно дѣлалъ это.

Аполлонъ Николаевичъ много лѣтъ сряду жилъ все на одной и той же квартирѣ, на Садовой, какъ разъ напротивъ Юсупова сада.

— Предо мною,—говаривалъ онъ,—садъ, а не скучный фасадъ какого нибудь дома казарменнаго вида. Зимой деревья словно покрыты серебромъ, а въ началѣ весны, предъ отъѣздомъ на дачу, я наблюдаю, какъ они постепенно оживаютъ, какъ на нихъ показываются завязи... Къ тому же много свѣта и небо видно, а это въ Петербургѣ надо цѣнить.

Кабинетъ поэта былъ небольшой, но уютный, съ картинами высокаго достоинства по стѣнамъ.

Очень всегда привѣтливо встрѣчалъ своихъ гостей Аполлонъ Николаевичъ, отличавшійся общительнымъ и симпатичнымъ характеромъ.

Какъ-то разъ, по поводу одного стихотворенія (поэзія была «дѣломъ жизни» Аполлона Николаевича и всего болѣе его интересовала) очень популярнаго въ настоящее время французскаго поэта Хозе Марія Эредіа (Hérédia), Аполлонъ Николаевичъ сказалъ, что стихи, о которыхъ шла рѣчь, по мысли хороши, но недостаточно сильно и, такъ сказать, выпукло выражаютъ идею автора.

— Очень важная въ стихахъ вещь,—говорилъ онъ:—ихъ внѣшняя форма: отъ плохой отдѣлки они несказанно много теряютъ. Прекрасныя мысли, слабо выраженныя въ стихотворной формѣ,—все равно, что самоцвѣтный камень въ мѣдной жалкой оправѣ...

И, призадумавшись немного, какъ бы припоминая, произнесъ слѣдующія прекрасныя строки изъ собственнаго стихотворенія:

Возвышенная мысль достойной ищетъ брони!
Богиня строгая—ей нужны пьедесталъ,
И храмъ, и жертвенникъ, и лира, и кимвалъ,
И пѣсни сладкія, и волны благовоній!

Мысль о неизбѣжной необходимости для каждаго, серьезно смотрящаго на себя поэта постоянной надъ собой работы, непрерывнаго самообразованія, самовоспитанія и саморазвитія была любимой, задушевной идеей покойнаго. Впродолженіе всей своей многолѣтней литературной дѣятельности Аполлонъ Николаевичъ примѣнялъ это прекрасное правило мудреца на себѣ самомъ. Онъ постоянно шелъ впередъ въ сложной, внутренней работѣ духа, постоянно работалъ безъ устали, разработывая данный ему Богомъ талантъ.

— Нельзя, не должно сидѣть, сложа руки, и на себя радоваться! Тогда не будетъ ничего изъ дарованія: его нужно постоянно развивать, расширять, обобщать,—только тогда можно двигаться впередъ. Иначе пойдешь назадъ, что мы частенько и видимъ. Учиться, самовоспитываться надо, а это такъ не часто у насъ встрѣчается, и это жаль...

— Знаете ли,—развивая ту же мысль, сказалъ мнѣ въ другой разъ Аполлонъ Николаевичъ,—что я, будучи ужъ отцомъ семейства и писателемъ сложившимся, сызнова прошелъ, такъ сказать, университетскій курсъ, но ужъ только по другому факультету. Я кончилъ юристомъ, а тутъ вдругъ сдѣлался филологомъ. Это случилось вотъ какъ. Мой сынъ, будучи въ гимназіи, долженъ былъ изучать «Слово о полку Игоревѣ». Мнѣ вздумалось пройти его вмѣстѣ съ нимъ. Началъ—и вижу, обычное дѣленіе этой прелестной народной поэмы неправильно, что все это не то... Сталъ смотрѣть кое-какіе комментаріи,—не доволенъ! Дай, думаю, схожу къ спеціалисту,—онъ объяснитъ, что мнѣ кажется непонятнымъ. Отправился я къ покойному Измаилу Ивановичу Срезневскому, толкомъ все-таки ничего не узналъ... Какая-то, право, монополія знанія у нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ—и они сами находятъ это вполнѣ естественнымъ... Мы таки сильно съ нимъ, помню, какъ сейчасъ, поспорили, даже такъ, что домашніе подумали, что мы и не на шутку поссорились! Ушелъ я отъ него ни съ чѣмъ и принялся самъ за работу, одинъ, самостоятельно. Работалъ я надъ «Словомъ» года четыре, перечелъ все, что можно было найти по этому поводу, и до такой степени освоился съ дѣйствующими лицами поэмы, что вотъ-вотъ, кажется, вижу ихъ лица, даже представляю себѣ фигуры нашихъ удѣльныхъ князей. И вотъ результатомъ моихъ упорныхъ и, не хвастаюсь, вполнѣ добросовѣстныхъ занятій «Словомъ», которое меня сильно заинтересовало,—были: предисловіе къ «Слову», въ которомъ я подробно излагаю свой взглядъ на этотъ интересный памятникъ народнаго творчества, мое собственное стихотворное переложеніе «Слова» и примѣчанія къ нему... Такъ вотъ какъ,—заключилъ Аполлонъ Николаевичъ:—приходится работать... И это хорошо: такія работы приносятъ большую пользу!

— Много, много нужно работать надъ талантомъ,—говаривалъ Аполлонъ Николаевичъ,—и изъ музы не надо дѣлать себѣ кухарку, которая должна васъ кормить. Для этого найдите какое нибудь занятіе, службу—самое лучшее, а съ поэзіей должно обращаться бережно. Аполлонъ Николаевичъ находилъ, что служба, частная или казенная, вообще какое нибудь мѣсто, занятіе необходимы въ жизни: они развиваютъ практическій взглядъ, трезвость мыслей, вырабатываютъ характеръ и помогаютъ познавать и правильно цѣнить людей.

Аполлонъ Николаевичъ любилъ вспоминать своего бывшаго начальника и друга Ѳ. И. Тютчева.

— Это былъ человѣкъ блестящаго ума,—говорилъ онъ про него,—и талантъ его былъ сильный, яркій, онъ подымалъ васъ отъ земли и уносилъ вверхъ, въ небеса... Это былъ человѣкъ обаятельный, любезный, добродушный и благородный. Когда онъ былъ нашимъ начальникомъ, его очень всѣ мы любили. Его бесѣда была такъ всегда жива, интересна, проста. По средамъ, въ дни засѣданій [1]), мы были всегда, бывало, особенно какъ-то оживлены и въ духѣ. Тютчевъ всегда что нибудь интересное разскажетъ, по поводу какой нибудь новой иностранной книги припомнитъ историческій случай, анекдотъ, событіе изъ дипломатической жизни, что нибудь изъ запаса своихъ впечатлѣній... И это все кстати, умно, остроумно... Дочь О. И. Тютчева — Анна Ѳедоровна Аксакова, покойная вдова извѣстнаго славянофила Ивана Сергѣевича Аксакова, во многомъ была похожа на своего отца... И теперь,— добавлялъ Аполлонъ Николаевичъ,—мы, помня нашего дорогого Ѳедора Ивановича, живемъ дружно [2]). Мы такую всѣ вмѣстѣ гармоническую гамму составляемъ, что просто прелесть!..

Въ августѣ 1893 года я, напутствуемый добрыми пожеланіями Аполлона Николаевича, уѣхалъ на службу въ прибалтійскій край, гдѣ пробылъ три года.

Впродолженіе этого времени я имѣлъ свѣдѣніе объ А. Н. Майковѣ отъ одного моего ревельскаго знакомаго, П. Ѳ. Б., бывшаго въ сентябрѣ 1894 года въ Петербургѣ по дѣлу предпринятаго имъ изданія многосторонняго изслѣдованія вопроса о самовольной смерти и видѣвшагося тамъ съ А. Н. Майковымъ.

П. Ѳ. Б. былъ искренно очарованъ поэтомъ, съ которымъ не былъ знакомъ раньше и которому я подробно писалъ о встрѣченныхъ авторомъ нѣкоторыхъ затрудненіяхъ при выпускѣ его книги въ свѣтъ. При добромъ содѣйствіи Аполлона Николаевича всѣ препятствія, которыя собственно и заставили г. Б. ѣздить въ Петербургъ, были постепенно улажены, къ великому удовольствію автора.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что покойный поэтъ отличался отзывчивостью и добротою, о которой, однако, не всѣ знали. Эту врожденную его доброту и всегдашнюю готовность помочь и дѣломъ и словомъ и я лично и многіе испытали на себѣ и, конечно, хорошо помнятъ, какъ участливо относился Аполлонъ Николаевичъ къ чужой бѣдѣ, къ чужому горю и какъ всѣми силами старался немедленно прійти на помощь.

Кромѣ этой нравственной отзывчивости сердца, Аполлонъ Николаевичъ обладалъ готовностью помочь каждому въ буквальномъ смы-

---

[1]) Въ комитетѣ иностранной цензуры, гдѣ Ѳ. И. Тютчевъ былъ предсѣдателемъ до самой своей смерти.

[2]) А. Н. Майковъ былъ съ 1882 года предсѣдателемъ комитета цензуры иностранной, гдѣ ранѣе служилъ цензоромъ.

слѣ слова и всю свою жизнь дѣлалъ добро матеріально, помогая нуждающимся изъ своихъ совсѣмъ небольшихъ сравнительно средствъ, и при томъ съ трогательною деликатностью, рѣдко теперь встрѣчающейся и, можетъ быть, не всѣми по достоинству оцѣненной... Объ этомъ не многіе знали, сказалъ я выше. Это вполнѣ понятно: Аполлонъ Николаевичъ не дѣлалъ изъ этого рекламы (что случается не рѣдко), а напротивъ всегда въ подобныхъ случаяхъ старался оставаться въ тѣни.

Въ началѣ осени прошлаго года я былъ вновь переведенъ на службу въ Петербургъ и снова увидѣлся съ симпатичнымъ поэтомъ.

Первая встрѣча наша была на «бесѣдѣ» русскаго литературнаго общества.

Аполлонъ Николаевичъ сталъ меня съ интересомъ разспрашивать про Ревель, гдѣ я провелъ двѣ зимы, и полюбопытствовалъ, не былъ ли я въ извѣстномъ замкѣ Фалль, подъ самымъ Ревелемъ, маіоратномъ имѣніи свѣтлѣйшихъ князей Волконскихъ.

Я сказалъ, что былъ, подробно осматривалъ старинный паркъ и достопримѣчательный по множеству художественныхъ произведеній замокъ и даже составилъ и напечаталъ подробное его описаніе.

— Тамъ живалъ въ былые годы прежній владѣлецъ Фалля, графъ Александръ Бенкендорфъ, и у него гостилъ нѣкоторое время человѣкъ, котораго я очень любилъ,—Тютчевъ,—сказалъ Аполлонъ Николаевичъ и прибавилъ:—если бы не Бенкендорфъ, Тютчеву, который самовольно покинулъ свой дипломатическій постъ, пришлось бы, вѣроятно, очень плохо. Бенкендорфъ, однако, оказался совсѣмъ не такимъ безсердечнымъ, какимъ представлялся Пушкину, и выручилъ, вѣрнѣе спасъ, Тютчева.

И Аполлонъ Николаевичъ передалъ мнѣ подробности всей этой исторіи.

Въ январѣ этого года Аполлонъ Николаевичъ былъ совсѣмъ молодцомъ,— бодрымъ и энергичнымъ, какъ всегда. Предъ самой масляницей я видѣлъ его въ домѣ Я. П. Полонскаго. Разговоръ зашелъ сначала о событіяхъ на Востокѣ. Аполлонъ Николаевичъ, бывшій въ Турціи, очень интересно разсказывалъ о своей поѣздкѣ въ Константинополь. Затѣмъ, изъ-за какой-то новой брошюры, разговоръ перешелъ на литературу.

— Я знаю, меня называютъ холоднымъ поэтомъ, пишущимъ умомъ, а не сердцемъ. Какъ это несправедливо! Я не гонялся за «злобами» дня, всю жизнь работалъ надъ собой, глубоко обдумывалъ и отдѣлывалъ все, что печаталъ, все, чѣмъ самъ былъ недоволенъ, рвалъ, и вотъ я сталъ холоднымъ. Я глубоко переживалъ написанное и глубоко имъ волновался. Неужели же и эти, напримѣръ, строки изъ моего стихотворенія, которое называется «В. и А.», то-есть Владиміру и Аполлону, моимъ дѣтямъ, могутъ казаться холодными.

И Аполлонъ Николаевичъ съ жаромъ продекламировалъ, обращаясь къ сидѣвшимъ возлѣ него группой, въ концѣ чайнаго стола, среди которыхъ былъ и я, слѣдующія превосходныя строчки изъ только что названнаго стихотворенія:

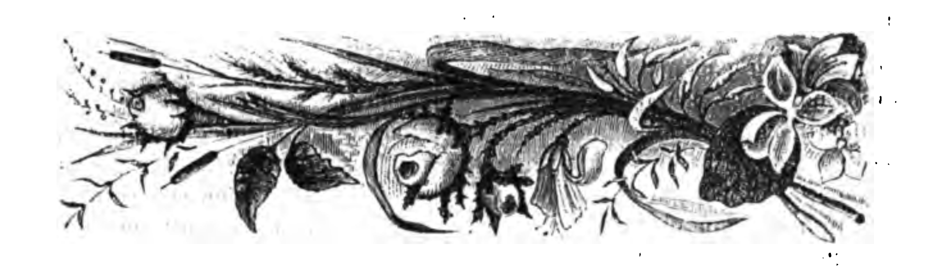
Да, крѣпкій вывѣтрится камень,
Литой изржавѣетъ металлъ,
Но влитый въ стихъ сердечный пламень
Въ немъ вѣчный образъ восприялъ!
Твори, избранникъ музъ, лишь вторя
Чудеснымъ сердца голосамъ;
Твори — съ кумиромъ дня не споря
И строже всѣхъ къ себѣ будь самъ!
Пусть въ испытаньяхъ закалится
Свободный духъ — и образъ твой
Въ твоихъ созданьяхъ отразится,
Какъ общій обликъ родовой.

Вскорѣ бесѣда приняла другое направленіе... Кто могъ думать изъ окружавшихъ поэта въ тотъ памятный вечеръ, что ему уже не долго суждено быть съ ними?

Это было мое послѣднее свиданіе съ Аполлономъ Николаевичемъ Майковымъ.

С. Уманецъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

(Разсказъ князя А. Ѳ. Орлова) [1].

ЗВѢСТНЫЙ нашъ оріенталистъ, Николай Владимировичъ Ханыковъ, скончавшійся много лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ, имѣлъ большія связи, какъ въ средѣ государственныхъ дѣятелей, такъ и ученыхъ, а многосторонность и обширность знаній и вѣрный критическій умъ придавали особенный интересъ его бесѣдѣ, его мѣткимъ и живымъ разсказамъ. Онъ нѣсколько лѣтъ прослужилъ въ Тифлисѣ, при князѣ Воронцовѣ, директоромъ дипломатической канцеляріи, былъ однимъ изъ его любимцевъ и, перейдя отсюда къ другому назначенію, еще до отъѣзда князя съ Кавказа, заѣхалъ опять въ Тифлисъ, въ 1861 году, проѣздомъ изъ Петербурга въ Тегеранъ, и прогостилъ здѣсь нѣкоторое время. Однимъ изъ старинныхъ его тутъ пріятелей былъ М. П. Колюбакинъ, а у того весьма часто сходился по вечерамъ кружокъ еще воронцовскихъ кавказцевъ, близко между собою знакомыхъ, и бесѣда ихъ о вопросахъ дня зачастую затягивалась до 3-хъ, 4-хъ часовъ ночи; Колюбакина звали полуночникомъ, а вечера его — аттическими ночами. На одномъ изъ нихъ и познакомился я съ Ханыковымъ.

То была пора начала реформъ царствованія Александра II, вводилось уже въ дѣйствіе Положеніе 19-го февраля, журналы и газеты

---

[1]) Этотъ разсказъ, записанный со словъ Н. В. Ханыкова недавно скончавшимся К. А. Бороздинымъ, найденъ въ оставшихся послѣ него бумагахъ и сообщенъ намъ его сыномъ.

полны были разнообразными свѣдѣніями о ходѣ дѣла, и любопытство наше, въ высшей степени возбужденное, срывалось въ особенности на пріѣзжавшихъ изъ Петербурга перекрестными ихъ разспросами. Вращавшійся въ центрѣ петербургской дѣловой среды, знавшій и оборотную сторону медали, Ханыковъ былъ поэтому счастливою для насъ находкою. Экзаменовали его на всѣ лады, и онъ не лѣнился отвѣчать.

— Скажите, пожалуйста, Николай Владимировичъ, что же подѣлываетъ теперь извѣстная группа оппозиціи — Орловъ, Муравьевъ, Бибиковъ, Панинъ,— спросилъ его однажды кто-то изъ Колюбакинскихъ гостей.— Сложила ли она наконецъ свое оружіе, или продолжаетъ стоять за крѣпостничество?

— Что думаютъ Муравьевъ, Бибиковъ, Панинъ, не знаю, дальше любезныхъ поклоновъ и общихъ фразъ съ ними не иду,— отвѣчалъ Ханыковъ,— а къ Орлову я близокъ, онъ очень любилъ моего покойнаго отца, а потому и ко мнѣ еще съ дѣтства благоволитъ. Взглядъ его на крестьянскую и другія предстоящія за ней реформы мнѣ извѣстенъ.

— Да развѣ у Орлова можетъ быть какой нибудь заслуживающій вниманія взглядъ? Ему вѣдь не много приходилось думать и размышлять, а только слѣпо выполнять приказанія. Говорятъ, что при всей своей важности онъ и до трехъ не сочтетъ.

— Всякой молвѣ не вѣрьте. Орловъ не доктринеръ, но съ такимъ запасомъ здраваго смысла, опыта, и такою памятью обо всемъ имъ пережитомъ и видѣнномъ, что свернуть его въ сторону не легко. Ко всякимъ теоріямъ онъ имѣетъ отвращеніе, выводы свои черпаетъ только изъ того, что самъ нащупалъ, и на все совершающееся теперь передъ его глазами глядитъ подъ своимъ собственнымъ, не лишеннымъ оригинальности, угломъ. Старикъ далеко не такъ простъ, какъ о немъ принято говорить. Крайне лѣнивъ, апатиченъ, мало сообщителенъ, считаетъ за наказаніе браться за перо,— и очень жаль, мемуары его были бы драгоцѣнны. Впрочемъ, въ послѣднее время, скучая уже полнымъ бездѣйствіемъ, сталъ онъ иногда распахиваться съ людьми, пользующимися его благоволеніемъ, и даритъ ихъ подчасъ чрезвычайно интересными сообщеніями. Такъ нынѣшней весной у себя на дачѣ, въ Стрѣльнѣ, онъ мнѣ высказалъ многое такое, надъ чѣмъ невольно призадумаешься. Да лучше всего я постараюсь подробно передать вамъ содержаніе этой бесѣды.

Пріѣхалъ я въ Стрѣльну до полудня и засталъ князя среди цвѣточныхъ клумбъ прекраснаго его сада. Садовникъ поливалъ ихъ. Князь радушно привѣтствовалъ меня, не отрываясь отъ своего занятія, повелъ потомъ въ оранжерею, гдѣ мы и провозились до тѣхъ поръ, пока не доложили о поданномъ завтракѣ.

— Пойдемъ,— сказалъ онъ мнѣ тогда.— Это очень мило, что ты меня сегодня вспомнилъ. Мои всѣ сегодня въ Царскомъ, и я поневолѣ обреченъ былъ на разговоръ съ природой.

За столомъ бесѣда наша не имѣла въ началѣ никакого опредѣленнаго характера и лишь подъ конецъ завтрака свернула какъ-то случайно на вопросы дня. Орловъ сначала цѣдилъ свои замѣчанія отрывисто, нехотя; но вдругъ, что-то въ словахъ моихъ, чуть ли не фамилія одного изъ тогдашнихъ передовыхъ дѣятелей, задѣла его за живое, онъ пристально взглянулъ мнѣ въ глаза и нетерпѣливо оборвалъ:

— Такъ, такъ, вѣдь и ты, конечно, либералъ. Тебѣ книги въ руки, а мнѣ уже поздно записываться въ вашъ цехъ. Сами засмѣете, коли туда запишусь.

Онъ допилъ стоявшую передъ нимъ рюмку вина, поднялся съ мѣста и прибавилъ:

— Бери-ка чашку кофе въ кабинетъ. Знаю, что ты малый неглупый, и объясню тебѣ тамъ кое-что такое, чего ты въ книгахъ не вычитаешь.

— Служу я третьему по счету императору,— началъ старикъ, усѣвшись въ широкое свое кресло и усадивъ меня противъ себя.— Многое привелось видѣть мнѣ на своемъ вѣку и вотъ частицею того подѣлюсь теперь съ тобою. Слушай же.

— Въ 15-мъ году, когда Александръ I даровалъ Польшѣ конституцію, Варшава ликовала. Изъ сената, гдѣ при собраніи всѣхъ высшихъ чиновъ царства прочитана была хартія, государь, среди густой массы народа, оглашавшей его криками восторга, ѣхалъ во дворецъ въ открытой коляскѣ съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, а я, тогда полковникъ еще и флигель-адъютантъ, сопровождалъ ихъ съ прочею свитою верхомъ. Медленно двигаясь по улицамъ, запруженнымъ толпою, прибыли мы наконецъ ко дворцу, гдѣ государь вскорѣ милостиво насъ отпустилъ отдыхать. Утомленный до крайности, поспѣшилъ я къ себѣ въ комнату, раздѣлся и только что растянулся на постелѣ, какъ вошедшій ко мнѣ ординарецъ отъ цесаревича передалъ мнѣ его приказаніе немедленно къ нему явиться. Дѣлать было нечего, пришлось опять натягивать мундиръ.

Цесаревичъ издавна считалъ меня своимъ человѣкомъ. Служба моя началась въ Конномъ полку, когда онъ имъ командовалъ, въ Отечественную войну я былъ уже эскадроннымъ командиромъ и дѣлалъ всю заграничную кампанію подъ непосредственнымъ его начальствомъ и при всей его взбалмошности держалъ себя съ нимъ такъ сдержанно и серьезно, что онъ, какъ всѣ безхарактерные люди, сталъ самъ во мнѣ заискивать и сошелъ со мною на самыя интимныя отношенія. Вотъ и землю здѣсь въ Стрѣльнѣ онъ мнѣ подарилъ, чтобы держать меня ближе къ себѣ. Золотое сердце былъ

покойникъ, только человѣкъ невозможный... Присланный ординарецъ означалъ что-то черезчуръ важное, и я поспѣшилъ къ нему. Засталъ я его тоже раздѣтымъ и лежащимъ на постелѣ; онъ знакомъ показалъ мнѣ пододвинуть къ нему стулъ и сталъ говорить въ полголоса:

— Изъ всей этой кукольной комедіи, называемой дарованіемъ конституціи, на которую мы съ тобой сейчасъ глядѣли, ничего, конечно, путнаго не выйдетъ; я увѣренъ, что кичливые паны въ концѣ концовъ перегрызутся между собой, не удовольствуются тѣмъ, что имъ дано, и захотятъ бо́льшаго, то-есть невозможнаго. Да чортъ съ ними, о нихъ я и не забочусь, пусть себѣ тѣшатся, какъ знаютъ; но меня поразило совсѣмъ другое, болѣе серьезное обстоятельство. Представь себѣ, что когда мы ѣхали изъ сената, государь обратился ко мнѣ съ такими словами: «скоро и для Россіи наступитъ точно такая же великая и счастливая минута и точно такъ же, какъ теперь, даровавъ ей конституцію, я буду ѣхать въ Петербургѣ съ тобою же изъ сената во дворецъ среди ликующаго моего народа».

— Мысль эта, выраженная въ общихъ выраженіяхъ въ манифестѣ, меня и безъ того уже коробила, а тутъ, когда я услышалъ ее въ такой опредѣленной формѣ изъ устъ самого государя, на меня нашелъ ужасъ... на нѣсколько мгновеній языкъ мой онѣмѣлъ, и я наконецъ съ трудомъ могъ выговорить:

— Слагать вамъ, ваше величество, съ себя самодержавную власть врядъ ли будетъ согласно желаніямъ самого вашего народа.

Государь нахмурился и сухо мнѣ отвѣтилъ:

— Я не спрашиваю вашего мнѣнія, а объявляю вамъ, какъ своему подданному, свою монаршую волю.

Затѣмъ, государь, на всемъ пути до дворца, не сказалъ мнѣ ни слова и, отпуская, еле кивнулъ.

— Каковъ сюрпризъ? Ты поймешь теперь, что я долженъ былъ перечувствовать послѣ такого діалога, и почему я послалъ за тобой, чтобы отвести душу...

Сказавъ это, цесаревичъ вскочилъ съ постели и сталъ въ одномъ бѣльѣ быстро ходить по спальнѣ, повторяя отрывистыя фразы и обращаясь ко мнѣ.

— А? каково! конституція въ Россіи?... какая несчастная мысль... да добро бы, если бы то была только мысль... нѣтъ! ужъ тутъ не одна мысль, а безповоротное рѣшеніе. Какихъ ужасныхъ бѣдствій не только для самихъ себя, а для нѣсколькихъ будущихъ поколѣній должно ожидать отъ этой затѣи. Сознаешь ли ты весь ужасъ ея послѣдствій? Подумай, что тутъ выйдетъ... Простой народъ никогда не повѣритъ, чтобы царь самъ своею доброю волею отнялъ у себя власть. Ему никто не втемяшитъ, что это дѣло не самого царя, а рукъ господскихъ. Они только, по его понятіямъ, могутъ его къ

тому принудить, чтобы захватить власть въ свои руки... И стоить только поддержать въ народѣ эти догадки, чтобы пошла рѣзня похуже пугачевщины... Вотъ чѣмъ скажется у насъ на первыхъ же порахъ конституція. Поголовное истребленіе дворянства, а потомъ анархія...

Порывисто шагая по спальнѣ, цесаревичъ долго говорилъ на эту тему, страшно бранилъ окружающихъ государя мечтателей, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о нашемъ отечествѣ и внушающихъ ему такія мысли. Но времени до параднаго обѣда оставалось уже не много, и онъ отпустилъ меня, взявъ слово молчать обо всемъ отъ него слышанномъ.

Признаюсь, я и самъ крѣпко надъ этимъ задумался и вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе его о конституціи, считая ее для насъ тою же чумою, если не хуже. Долго прислушивался я потомъ къ толкамъ о ней въ Петербургѣ. Сначала слышно было, что проектъ ея пишется уже Новосильцевымъ, что скоро будетъ готовъ, потомъ замолчали; въ Варшавѣ между тѣмъ пошли нелады съ новыми порядками, государь началъ разочаровываться въ Польшѣ и въ совершенствѣ дарованной имъ ей конституціи. Потомъ все стихло.

Прошло пять лѣтъ, служба моя двигалась впередъ, и въ 20-мъ году я уже былъ генералъ-маіоромъ въ свитѣ. Государь ко мнѣ былъ очень милостивъ.

Явившись однажды на дежурство въ концѣ февраля, по обыкновенію прежде чѣмъ государь изволилъ выйти изъ опочивальни, сталъ я просматривать только что полученныя изъ чужихъ краевъ газеты. Онѣ принесли два крупныхъ извѣстія: убійство фанатикомъ Лувелемъ герцога Беррійскаго и возстаніе въ Неаполѣ, вызванное отмѣною конституціи королемъ Фердинандомъ (Бомбою), дарованной имъ же за четыре года передъ тѣмъ. Выходъ государя оторвалъ меня отъ чтенія. Милостиво со мною поздоровавшись и направляясь въ свой кабинетъ, онъ позвалъ меня туда.

— Читалъ новости? — было первымъ его вопросомъ.

— Читалъ, ваше величество.

— Жаль мнѣ отъ души бѣднаго герцога Беррійскаго; я близко его зналъ и любилъ больше всѣхъ Бурбоновъ, онъ былъ рыцаремъ безъ страха и упрека, да и передъ кончиною своею, прося помилованія для своего убійцы, опять же показалъ высокую свою душу. Да, въ теперешней Франціи, раздираемой партіями, людямъ честнымъ не живется.

Государь не много помолчалъ, сидя въ задумчивости, и потомъ снова заговорилъ.

— А вотъ что творится теперь въ Неаполѣ, можно было заранѣе предвидѣть. Этотъ Бомба только и дѣлаетъ однѣ глупости. Никто не толкалъ его на конституцію въ Сициліи—давать ее значило самого себя упразднять, а, давши Сициліи, не могъ не распростра-

нить ее и на Неаполь, и не прошло 4-хъ лѣтъ, какъ онъ же рветъ свою хартію. Теперешнее возстаніе придется ему усмирять развѣ только австрійскими штыками, и надолго ли? Вообще для меня непонятно, какъ можетъ неограниченный государь по собственному, добровольному почину давать конституцію, связывающую его свободную волю. У меня никогда не поднялась бы на то рука. Совсѣмъ другое дѣло—попытка моя съ Польшею; я думалъ лишь возвратить ей прежнюю ея форму правленія, считая раздѣлъ ея величайшею несправедливостію. Къ сожалѣнію, поляки не умѣютъ ею пользоваться въ предѣлахъ благоразумія, и у нихъ, кажется, придется отобрать эту игрушку. Но навязывать конституцію Россіи считалъ бы я безразсудствомъ. Могу ли я касаться до власти, врученной царю всѣмъ народомъ, и въ угоду мечтамъ какой нибудь группы утопистовъ поставить ихъ во главѣ правленія?

Я слушалъ государя съ замираніемъ въ сердцѣ. Передо мною живо воскресли воспоминанія 15-го года въ Варшавѣ, сообщеніе, сдѣланное мнѣ цесаревичемъ, наша общая съ нимъ тревога, и я самъ себя спрашивалъ: тотъ ли это самый передо мною императоръ, который такъ категорично изъявлялъ, пять лѣтъ тому назадъ, свое безповоротное рѣшеніе—даровать Россіи конституцію?

Я сдѣлалъ тебѣ, любезный Ханыковъ, эту длинную интродукцію,— сказалъ князь Алексѣй Ѳедоровичъ,— чтобы ты понялъ, что мнѣ, интимному свидѣтелю подобныхъ вещей, на высотѣ, не для всѣхъ доступной, позволительно глядѣть на нѣкоторыя явленія совершенно по своему и имѣть свою собственную логику. Можно ли меня винить за то, что я недовѣрчиво отношусь къ пылкому реформаторству нынѣшняго государя, котораго когда-то носилъ на рукахъ и люблю, какъ человѣка, больше самого себя.

— Вотъ, господа,— заключилъ Ханыковъ,— какую интересную исповѣдь привелось мнѣ слышать отъ князя А. Ѳ. Орлова.

К. Бороздинъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О С. А. БЕРШАДСКОМЪ.

НЕДАВНО минулъ годъ со дня кончины одного изъ лучшихъ, симпатичнѣйшихъ русскихъ людей, профессора Сергѣя Александровича Бершадскаго.

Наша печать своевременно отмѣтила уже на своихъ страницахъ заслуги покойнаго передъ наукой; другъ Сергѣя Александровича—А. Х. Гольмстенъ помянулъ его теплымъ словомъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Безъ сомнѣнія, у многихъ людей сжалось сердце, когда они прочли роковую вѣсть о томъ, что нѣтъ болѣе на свѣтѣ идеалиста-ученаго, беззавѣтно любившаго молодежь, въ свою очередь, пользовавшагося ея любовью, человѣка, совѣсть котораго была чиста и чужда сдѣлокъ съ кумирами современной дѣйствительности!..

Насколько мнѣ извѣстно, однако, изъ среды многочисленныхъ слушателей покойнаго Сергѣя Александровича никто не сказалъ еще о немъ ничего печатно. И мнѣ желательно настоящею замѣткой хотя отчасти пополнить этотъ пробѣлъ—именно теперь, когда годовщина его смерти была пройдена въ печати молчаніемъ...

Я познакомился съ Сергѣемъ Александровичемъ у профессора А. Д. Градовскаго, въ 1885 году, по поступленіи моемъ въ военно-юридическую академію.

Не забуду того впечатлѣнія, какое произвели на меня въ академіи лекціи его по исторіи философіи и энциклопедіи права! Это были, по большей части, вдохновенныя импровизаціи, выливавшіяся изъ сердца, поражавшія мастерскою группировкою матеріала, огромною памятью, смѣлыми выводами. Сергѣй Александровичъ не довольствовался одною только сухою передачей мертвыхъ фактовъ. Нѣтъ!

Онъ одухотворялъ эти факты, озарялъ ихъ своей горячею вѣрой въ истину, въ торжество правды, въ нравственный ростъ и совершенствованіе человѣческой личности... Сухія, давно уже отжившія, философскія системы внезапно возставали передъ умственными взорами очарованныхъ слушателей въ ясныхъ, строго логичныхъ, яркихъ и удобо-понятныхъ характеристикахъ... И навѣрно въ памяти еще у всѣхъ слышавшихъ Сергѣя Александровича, напримѣръ, блестящая рѣчь его о христіанствѣ! Слезы дрожали въ его голосѣ, голосъ этотъ крѣпнулъ съ каждою фразой; слезы были на глазахъ у потрясенной аудиторіи... Всѣ мы разошлись молчаливые, сосредоточенные... Подобныя минуты навсегда духовно сближаютъ слушателей съ профессоромъ!..

Какъ теперь вижу Сергѣя Александровича на каѳедрѣ: его плотную, дышащую здоровьемъ фигуру, типичную голову съ черною, окладистою бородой и добродушно, изъ-за очковъ глядящими на насъ, офицеровъ, глазами; особенный, часто повторяющійся во время рѣчи короткій жестъ вверхъ его правой руки... Онъ читалъ свои лекціи всегда стоя, увлекаясь, не заботясь о томъ, всѣ ли офицеры налицо въ аудиторіи, слушаютъ его они или нѣтъ, а думалъ лишь о томъ, чтобы возможно яснѣе формулировать мысль, чтобы не забыть чего либо насущно необходимаго... Кончилась лекція—и Сергѣя Александровича окружали офицеры. Съ необыкновенною готовностью разъяснялъ онъ имъ сомнѣнія, вызванныя его словами, указывалъ на источники для болѣе всесторонняго изученія предмета и говорилъ, говорилъ утомленнымъ, но ровнымъ, задушевнымъ голосомъ... Не разъ долетали до меня фразы, обращенныя къ молодому офицеру, только что покинувшему строй и еще не пришедшему въ себя въ новой для него академической обстановкѣ, въ родѣ: «позвольте съ вами, милостивый государь, не согласиться», «мнѣ кажется, что мы съ вами смотримъ на вопросъ съ различныхъ точекъ зрѣнія»...

Сергѣй Александровичъ не снисходилъ покровительственно до слушателя, а, наоборотъ, поднималъ его до себя. Съ нимъ говорилось легко, безбоязненно: какъ-то сразу забывалась разница въ общественномъ положеніи, въ образованіи...

Онъ самъ вызывалъ на объясненія, тревожилъ сознаніе и пользовался каждымъ случаемъ обмѣна мыслей, чтобы заронить въ молодыя сердца вѣчныя сѣмена правды, добра, сочувствія къ преступному ближнему, хотя и павшему, но способному еще подняться изъ грязи, стать инымъ подъ вліяніемъ добраго слова, хорошаго примѣра, родственнаго участія къ его судьбѣ...

Какимъ уваженіемъ къ чужому мнѣнію, какой искреннею, глубокою симпатіей дышало всегда обращеніе Сергѣя Александровича съ офицерами военно-юридической академіи!... Недаромъ же онъ пользовался въ средѣ ихъ огромною популярностью, въ свою очередь высоко ставя и академію, и ея питомцевъ; недаромъ же на лекціи

его приходили въ свободные часы слушатели другихъ курсовъ, и по просьбѣ обучающихся офицеровъ онъ читалъ даже дополнительныя лекціи по исторіи философіи права внѣ рамокъ академическаго курса, жертвуя безвозмездно своимъ досугомъ для общаго блага...

Это былъ другъ воспитанниковъ академіи, другъ тайный и себя не рекламировавшій, заступавшійся за нихъ на экзаменахъ и конференціяхъ, всегда склонный объяснить тотъ или другой неудачный отвѣтъ офицера несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ... Многіе, обязанные Сергѣю Александровичу своею служебною карьерой, только впослѣдствіи случайно узнавали про доброе слово, сказанное имъ въ ихъ пользу въ трудную для нихъ минуту академической жизни... Доступный въ стѣнахъ академіи, онъ еще болѣе былъ доступенъ на дому: всякій могъ зайти къ нему, достать у него нужныя пособія, выслушать добрый совѣтъ... Для военно-юридической академіи, для военно-судебнаго вѣдомства, смерть Сергѣя Александровича великая потеря.

Въ бумагахъ моихъ сохранилось письмо покойнаго, вполнѣ характеризующее, какъ свѣтлую, безупречную личность его, такъ и отношеніе его къ военно-юридической академіи,—письмо, которое я не считаю себя въ правѣ скрывать, такъ какъ оно касается не лично меня, а всѣхъ имѣвшихъ счастье воспитываться въ академіи.

Вотъ это письмо, написанное ко мнѣ 27 марта 1893 г., по возвращеніи Сергѣя Александровича изъ Вильны съ процесса по дѣлу о наслѣдствѣ графа Манузи:

«Многоуважаемый А. В! Только вчера вечеромъ, до смерти усталымъ, возвратился я въ Петербургъ. Не сѣтуйте, поэтому, на меня зато, что раньше не могъ отвѣтить на ваше любезное письмо!

«Встрѣча съ вами въ Вильнѣ составила одну изъ самыхъ пріятныхъ минутъ въ моей преподавательской дѣятельности. Говорю это съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ, что никогда не могъ надѣяться на такое вознагражденіе за свой скромный трудъ.

«Я всегда, подобно большинству моихъ товарищей, не только сознавалъ, но и громко заявлялъ объ этомъ всѣмъ и каждому, что изъ всѣхъ аудиторій, въ которыхъ мнѣ приходилось читать, аудиторія военно-юридической академіи была самою выдающеюся, какъ по вниманію слушателей, такъ и по серьезному ихъ отношенію къ предмету [1].

«Фактъ этотъ тѣмъ болѣе поразителенъ для перваго взгляда, что посѣщеніе лекцій въ академіи обязательно: слѣдовательно ходятъ и обязаны ходить всѣ, а не только желающіе, заинтересованные, какъ, напримѣръ, въ университетѣ.

---

[1]) Невольно вспоминается мнѣ такой же лестный отзывъ о слушателяхъ академіи профессора А. Д. Градовскаго, имѣвшаго неоднократные случаи близко со многими изъ нихъ познакомиться.

«Но если пріятно вспоминать о тѣхъ часахъ, которые проводишь въ духовномъ общеніи съ аудиторіей, то во сто кратъ еще пріятнѣе видѣть, какъ мнѣ не разъ приходилось, что живое слово науки остается крѣпкимъ и среди испытаній будничной жизни: честь и слава тѣмъ, кто не только слышалъ и вѣровалъ въ истину, но кто водворилъ ее въ своей душѣ, сдѣлалъ ее частью своего бытія!..

«Медленно движется человѣчество отъ безсознательнаго бытія къ разумной, сознательной жизни; но каждый шагъ впередъ, какъ бы онъ ни былъ малъ, есть работа на пользу человѣчества.

«Я не знакомъ въ подробностяхъ съ программами другихъ академій и съ положеніемъ въ нихъ профессоровъ и слушателей; но, насколько могу судить по извѣстнымъ мнѣ фактамъ, во всѣхъ другихъ академіяхъ преобладаніе техническаго элемента въ самихъ программахъ должно по необходимости вести къ извѣстной односторонности преподаванія и направленія мыслей у слушателей. Военно-юридическая академія, отводя спеціальнымъ техническимъ дисциплинамъ лишь третью часть своего курса и полагая въ основаніе этихъ наукъ ученіе о правѣ, обществѣ и государствѣ, о человѣкѣ, какъ индивидуумѣ и какъ части организованнаго единства, мнѣ кажется, даетъ своимъ слушателямъ болѣе широкое гуманитарное образованіе и развитіе, чѣмъ какая либо другая изъ военныхъ академій. Вѣдь тѣ порицанія, которыя военные люди въ узко-техническомъ смыслѣ ставятъ военно-юридической академіи, показываютъ достаточно ясно на эту особенность гуманитарной программы нашей академіи: она знаетъ не только солдата, но знаетъ, кромѣ того, еще и человѣка.

«Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что прохожденіе курса любого, даже узко-спеціальнаго техническаго училища, не можетъ остаться безслѣднымъ въ душѣ слушателя, разъ преподаваніе поставлено на надлежащую научную почву: вѣдь прежде чѣмъ учить техникѣ, то-есть искусству, необходимо указать на тѣ законы, которые лежатъ въ основаніи той или другой отросли искусства. Разъ этого нѣтъ, нѣтъ и высшаго учебнаго заведенія, а будетъ лишь мастерская, гдѣ не учатся изучать, какъ, что и на чемъ основано, а только механически, безсознательно, повторяютъ то, что видятъ у себя передъ глазами.

«Поэтому-то научное образованіе, даже узко-техническое, будитъ мысль. Но, конечно, огромная разница между исторіей походовъ, осадъ, сраженій и т. п., и исторіей человѣчества; между статистикою, какъ собраніемъ свѣдѣній о пріемахъ собиранія статистическихъ фактовъ, и статистикой, какъ наукой о законахъ общественныхъ, и т. д.

«Всѣ юридическія науки, различаясь между собою особенностью изслѣдуемаго каждою изъ нихъ предмета, тѣмъ не менѣе отправляются отъ предположеній и понятій, наиболѣе близкихъ душѣ человѣка—права и нравственности, а слѣдовательно, по необходимости,

касаются и основныхъ вопросовъ человѣческаго міросозерцанія. Освѣщая и обособляя свои доктрины фактами исторіи, эти науки должны по необходимости расширять умственный кругозоръ лица, ихъ изучающаго, поднимать его надъ узко-техническими рамками его спеціальности.

«Для того, чтобы знать законы и механически ихъ примѣнять, достаточно одной только памяти; но для того, чтобы понимать

Сергѣй Александровичъ Бершадскій.

законы и прилагать ихъ, по ихъ истинному разуму и смыслу, для этого нужно не только знаніе текстовъ, но и духовное развитіе. А въ этомъ отношеніи военно-юридическая академія, программы которой составляютъ слѣпокъ съ программъ юридическихъ факультетовъ, смѣло можетъ считаться наиболѣе широко-отвѣчающею требованіямъ развитія.

«Сердечно сожалѣю, что не могъ еще разъ видѣть васъ на вокзалѣ; но у меня были еще кое-какія дѣла въ казначействѣ и

канцеляріи суда, которыя мнѣ помѣшали выѣхать утромъ, какъ я предполагалъ.

«Привѣтствуя васъ съ наступающими праздниками, прошу передать мой самый искренній привѣтъ и поклонъ вашей супругѣ.

«Искренно васъ уважающій,

«вашъ С. А. Бершадскій».

Знаменитый, надѣлавшій много шума въ научномъ мірѣ и сѣверо-западномъ краѣ, процессъ о милліонномъ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ графа Манузи, — процессъ, въ который, въ качествѣ третьей стороны, вступила казна и для котораго Сергѣй Александровичъ вмѣстѣ съ присяжнымъ повѣреннымъ В. Н. Герардомъ въ 1893 году дважды пріѣзжалъ въ Вильну защитникомъ, едва ли не стоилъ жизни покойному...

Какъ ученый, единственно, во имя интересовъ науки, презирая денежный расчетъ, онъ самъ, на свой рискъ, вмѣшался въ это сложное, запутанное дѣло, исходъ котораго зависѣлъ отъ того или иного толкованія литовскаго статута и сеймовыхъ конституцій, и, какъ истинный ученый, весь съ головой ушелъ въ защиту «болѣе слабаго и праваго» (его подлинное выраженіе, употребленное въ бесѣдѣ со мною).

Послѣ долгихъ, мучительныхъ раскопокъ по архивамъ, Сергѣй Александровичъ явился въ засѣданіе виленской судебной палаты, нагруженный кипами документовъ, рукописей, старинныхъ книгъ, запасшись своими научными изслѣдованіями и замѣтками, торжествующій, радостный и просвѣтленный отъ сознанія, что служитъ наукѣ на практической почвѣ и защищаетъ правое дѣло. Онъ прочелъ въ палатѣ блестящую лекцію о нѣкоторыхъ вопросахъ наслѣдованія по литовскому статуту, подавъ примѣръ уваженія къ чужому имѣнію и рыцарски-вѣжливаго отношенія къ противникамъ по процессу, и уѣхалъ, не дождавшись резолюціи въ окончательной формѣ, на половину убѣжденный въ томъ, что дѣло его выиграно. Какъ волновался онъ до мертвенной блѣдности и холоднаго пота на лицѣ, какъ подѣтски вѣрилъ въ невозможность иного исхода процесса... Бѣдный, онъ былъ глубоко жалокъ въ эти минуты сомнѣній и надеждъ, которыя должны были разбиться при столкновеніи съ дѣйствительностью!..

Нечего говорить, что прежніе слушатели Сергѣя Александровича по академіи, воспользовавшись пребываніемъ въ Вильнѣ дорогого профессора, пожелали выразить ему свои горячія, не остывшія съ годами, симпатіи... Такъ какъ онъ рѣшительно отклонилъ всякое офиціальное чествованіе, то многіе зашли повидаться съ нимъ въ палату, пожать ему руку, просто хоть взглянуть на него, а нѣкоторымъ удалось даже залучить его къ себѣ на квартиру. Вообще пріѣздъ Сергѣя Александровича оживилъ наше военно-судебное

общество, и въ задушевныхъ бесѣдахъ съ нимъ вспоминалась академія, затрогивались вопросы науки и текущей жизни.

Въ это послѣднее свиданіе съ покойнымъ я замѣтилъ въ немъ характерную черту: онъ зорко вглядывался въ бывшихъ своихъ учениковъ, вдумывался въ ихъ рѣчи, взвѣшивалъ ихъ слова, точно желая уяснить себѣ, что сдѣлала съ ними жизнь и практика, много ли осталось въ нихъ вынесеннаго изъ стѣнъ академіи.

Результатомъ подобныхъ наблюденій и было вышеприведенное письмо его ко мнѣ отъ 27-го марта.

23-го ноября, того же года, Сергѣй Александровичъ прислалъ мнѣ взволнованную, скорбную записку, въ которой сообщилъ о томъ, что судебная палата опредѣлила утвердить приговоръ Ковенскаго окружнаго суда, «то-есть, какъ онъ выражался, похоронила въ рѣкѣ забвенія» всю его и В. Н. Герарда работу; просилъ узнать подробности состоявшагося рѣшенія и передать отъ него «сердечный поклонъ и привѣтъ» моимъ «товарищамъ...».

Если бы могъ Сергѣй Александровичъ предвидѣть тогда, что правительствующій сенатъ, въ который переносилось дѣло по жалобамъ сторонъ, отмѣнивъ приговоръ Виленской судебной палаты, передастъ дѣло въ другую палату, положивъ въ основаніе своего рѣшенія тѣ научные выводы покойнаго, въ которые онъ такъ вѣрилъ, то на много сократились бы его душевныя терзанія... Но кто зналъ хорошо Сергѣя Александровича, тотъ представитъ себѣ легко, какія муки вынесъ онъ, убѣдившись, что труды многихъ лѣтъ были напрасны, и что надо начинать работу, какъ говорится, съ начала!.. Въ засѣданіи сената тѣнь покойнаго ученаго встала сенаторамъ передъ глазами во весь ростъ, когда В. Н. Герардъ въ своей рѣчи сослался на его труды и указалъ на то, что хотя Сергѣй Александровичъ являлся въ процессѣ стороной, но что авторитетъ его и научное безпристрастіе, конечно, никѣмъ не будутъ подвергнуты сомнѣнію... Въ память встрѣчи своей въ Вильнѣ Сергѣй Александровичъ прислалъ нѣкоторымъ лицамъ виленскаго военно-окружнаго суда и военно-прокурорскаго надзора брошюру свою «о наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по литовскому статуту»; обѣщалъ подарить намъ всѣмъ фотографическія карточки...

Изрѣдка я переписывался съ нимъ и имѣлъ о немъ свѣдѣнія отъ общихъ знакомыхъ.

За полгода до своей кончины, 29-го іюня 1895 года, онъ прислалъ мнѣ еще одно письмо, на этотъ разъ послѣднее. Вотъ оно: «Многоуважаемый А. В.! крѣпко виноватъ передъ вами и передъ вашими виленскими товарищами[1]). Сознаю это и прошу извинить великодушно! Въ оправданіе свое, могу привести, однако, слѣдующую причину: весь нынѣшній академическій годъ 1894—1895 я

[1]) Говорится объ обѣщанной и не высланной фотографической карточкѣ.

проболѣлъ, и не особенно, повидимому, тяжелою болѣзнью, но которая характерна въ томъ отношеніи, что тяжело ложится на энергію, волю человѣка. Въ настоящее только время я настолько поправился, что принимаюсь съ нѣкоторою охотой за свои обычныя занятія. Дѣло, проигранное нами въ судебной палатѣ, потребовало для своего возстановленія долгой и скучной работы въ архивахъ. Занимаясь надъ старыми связками, при всѣхъ неудобствахъ, которыя существують для занимающихся въ нашихъ архивахъ, не имѣя возможности оставить другія обычныя занятія, я къ Рождеству дошелъ до такого переутомленія, что мнѣ трудно было не только подняться къ фотографу, но трудно было передвинуть книгу, взять перо въ руки.

«Пришлось серьезно лѣчиться! Но для васъ понятно, что результаты лѣченія не могли быть особенно благопріятны, когда неотложныя занятія продолжались попрежнему; а въ нынѣшнемъ году они даже для меня увеличились, такъ какъ я избранъ въ академіи на каѳедру государственнаго права: слѣдовательно мнѣ приходилось нынѣ читать и второе полугодіе, которое у меня бывало обыкновенно свободнымъ.

«Поэтому извините еще разъ: какъ вскорѣ я вернусь въ Петербургъ, такъ и постараюсь загладить свой невольный грѣхъ передъ вами и вашими товарищами, которымъ пока прошу передать мой сердечный привѣтъ.

«Что касается участія въ предполагаемомъ въ Вильнѣ журналѣ [1]), то я встрѣчаю это предложеніе съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Давнымъ-давно бы слѣдовало имѣть въ Вильнѣ журналъ, который былъ бы посвященъ мѣстной исторіи и мѣстной жизни. Если редакція сумѣетъ поставить надлежащимъ образомъ дѣло и если у нея окажется достаточно средствъ, чтобы выдержать два, три первыхъ трудныхъ года; если дѣло журнала не встрѣтитъ противодѣйствія со стороны какихъ либо внѣшнихъ силъ, то редакторы журнала вправѣ будутъ считать свое время затраченнымъ самымъ производительнымъ образомъ.

«Покамѣстъ не обѣщаю большой статьи, но небольшое изслѣдованіе готовъ приготовить къ Рождеству. Постараюсь по крайности, если только опять не захватитъ болѣзнь...

«До свиданья! Желаю вамъ всего лучшаго!

«Искренно васъ уважающій,

«вашъ С. А. Бершадскій.

«Мой поклонъ вашимъ товарищамъ. Еще разъ прошу извиниться за меня и передать, что обѣщаніе свое я исполню въ ближайшемъ будущемъ непремѣнно».

---

[1]) «Западно-Русское Обозрѣніе»—журналъ, погибшій въ зачаточномъ состояніи, въ Вильнѣ, къ сотрудничеству въ которомъ, по просьбѣ редакціи, я приглашалъ Сергѣя Александровича.

Удивительною бодростью, несокрушимою вѣрой въ свои нравственныя силы вѣетъ отъ этихъ строкъ, набросанныхъ, однако, слабою, усталою рукою!..

«Мы съ вами непремѣнно увидимся и поговоримъ!»—точно звучитъ еще въ ушахъ моихъ голосъ Сергѣя Александровича при нашей разлукѣ въ Вильнѣ.

Самъ онъ, какъ мнѣ передавали, былъ далекъ отъ мысли о смерти, хотя невыносимо и долго страдалъ... Процессъ, проигранный въ двухъ инстанціяхъ, всецѣло поглощалъ его вниманіе: малѣйшимъ улучшеніемъ въ ходѣ болѣзни пользовался онъ для новыхъ экскурсій въ архивы, для новыхъ изслѣдованій и справокъ. Страданія постепенно истощали его тѣло, но не убили бодрости духа: за нѣсколько дней до смерти онъ серьезно сообщилъ одному изъ своихъ друзей о необходимости ѣхать въ Краковъ для сличенія на мѣстѣ текста какихъ-то параграфовъ Литовскаго статута съ рукописями, хранящимися въ Краковскихъ архивахъ,—чуть ли не составилъ въ этомъ смыслѣ прошеніе по начальству объ увольненіи его за границу... Онъ негодовалъ на болѣзнь, удерживающую его въ кровати, волновался, обдумывалъ заранѣе свою рѣчь въ сенатѣ, гдѣ намѣревался выступить защитникомъ...

Среди этихъ-то лихорадочныхъ приготовленій смерть подкралась къ Сергѣю Александровичу незамѣтно и вырвала изъ міра живыхъ эту идеально-чистую, возвышенную, чуждую служебнаго карьеризма, всецѣло отдавшую себя наукѣ и добру, любящую ближняго, душу!..

3 февраля, прошлаго года, я получилъ отъ одного изъ близкихъ Сергѣя Александровича лицъ тревожныя вѣсти о его здоровьи. Мнѣ писали: «Этотъ несчастный человѣкъ уже болѣе полугода находится между жизнью и смертью. У него—чахотка и въ настоящее время—гнойный плевритъ. За послѣдніе дни, послѣ операціи, замѣтно нѣкоторое улучшеніе. Если онъ нѣсколько оправится, то въ мартѣ будетъ увезенъ за границу. Кто бы могъ думать, что у этого атлета можетъ сдѣлаться чахотка?!... Законъ наслѣдственности неумолимъ»!..

Да! Кто бы могъ думать!?.

Уѣзжая 21 февраля въ Петербургъ, я, успокоенный отчасти только что приведеннымъ письмомъ, былъ почти увѣренъ, что застану Сергѣя Александровича въ живыхъ, быть можетъ, даже поправляющимся: мечталъ о свиданіи съ нимъ; готовилъ ему пріятную новость по волновавшему его дѣлу и... попалъ на его похороны!..

Университетская церковь была переполнена профессорами, студентами, знакомыми покойнаго; сверкали мундиры, ордена, звѣзды; представители военно-судебнаго вѣдомства и слушатели военно-юридической академіи, которыхъ такъ цѣнилъ покойный, во главѣ съ начальникомъ академіи П. О. Бобровскимъ, терялись въ этой пе-

строй, блестящей толпѣ... Скромный, старавшійся, по возможности, не выходить на свѣтъ изъ тѣни, Сергѣй Александровичъ послѣ смерти соединилъ у гроба своего все, что было въ столицѣ выдающагося въ научномъ мірѣ и обществѣ: таково обаяніе истиннаго дарованія и безукоризненнаго прошлаго!..

Но вотъ студенты съ пѣніемъ внесли на рукахъ своихъ гробъ и поставили его на возвышеніи среди церкви; по сторонамъ помѣстилось дежурство отъ учащейся молодежи... Сняли крышку: въ клубахъ ладана мелькнули передо мной исхудавшія до неузнаваемости черты лица покойнаго. Началось торжественное отпѣваніе.

И, стоя у открытаго гроба моего незабвеннаго профессора, я невольно ушелъ въ недалекое прошлое: вспомнились мнѣ мои встрѣчи съ Сергѣемъ Александровичемъ, бесѣды, переписка; послѣдовательно встали передо мной—аудиторія военно-юридической академіи, въ которой онъ читалъ свою вдохновенную лекцію о христіанствѣ, кабинетъ А. Д. Градовскаго, гдѣ я впервые съ нимъ познакомился; залъ Виленской судебной палаты на процессѣ, въ которомъ онъ выступилъ убѣжденнымъ защитникомъ «болѣе слабаго и праваго».

И никогда еще смерть не казалась мнѣ такой безсильной, какъ у этого гроба!

«Но смерть не все взяла!»—пришли мнѣ на память слова поэта:

«Средь этихъ урнъ и плитъ
Неизгладимый слѣдъ минувшихъ дней таится—
Всѣ струны порваны, но звукъ еще дрожитъ,
И жертвенникъ погасъ, но дымъ еще струится!».

Вглядываясь въ свѣжія, задумчивыя лица молодежи, собравшейся проводить прахъ своего учителя къ мѣсту его послѣдняго упокоенія, я невольно думалъ:

«Погасъ ярко пылавшій, благоуханный жертвенникъ правды, вѣры, любви!.. Погасъ... Но въ эти молодыя сердца, скорбно сжавшіяся отъ близости безпощадной смерти, навсегда и глубоко запали сѣмена вѣчныхъ идеаловъ, движущихъ человѣчество,—идеаловъ, неустаннымъ сѣятелемъ которыхъ на общественной нивѣ былъ до послѣдняго издыханія, Сергѣй Александровичъ. Вотъ гдѣ начало безсмертія, о которомъ, по скромности своей, никогда не мечталъ покойный, но которое достойно увѣнчаетъ его трудовую, сравнительно короткую, жизнь... Вѣчная же, вѣчная ему память!».

А. Жиркевичъ.

22 февраля 1897 года.
Г. Вильна.

МЕМУАРЫ ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ [1].

V.

Остероде.-Эйлау.-Тильзитъ.

1807—1808.

АЛО-ПО-МАЛУ перестали говорить о войнѣ, и всѣ думали, что императоръ отложилъ военныя дѣйствія до весны, но неожиданно 5-го февраля онъ выбылъ изъ Варшавы, и объявленъ былъ походъ.

Прощаніе передъ разлукой—дѣло очень опасное, но, по счастью, я простилась съ графомъ Ф. при многихъ лицахъ. Потомъ онъ написалъ мнѣ, прося сохранить до его возвращенія портфель съ письмами отъ горячо любимой матери и умоляя, чтобы я, во имя нашей святой дружбы, подарила ему розовый бантъ, который былъ на мнѣ наканунѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ бантъ сохранитъ его отъ непріятельскихъ пуль. Наконецъ, онъ просилъ позволенія переписываться со мной, чтобы сообщать извѣстія о борьбѣ, имѣвшей цѣлью возстановленіе польской независимости. Розовый бантъ я послала графу по секрету отъ всѣхъ, а относительно переписки спросила совѣта у мужа, и онъ сказалъ, что не имѣетъ ничего противъ.

Въ Варшавѣ остались дипломатическій корпусъ, во главѣ котораго стоялъ Талейранъ, и Марэ, герцогъ Бассано, исполнявшій должность министра государственнаго секретаря. Онъ, быть можетъ,

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 202.

одинъ изъ всѣхъ приближенныхъ къ императору лицъ, заставлялъ забывать свое скромное происхожденіе прекрасными свѣтскими манерами, удивительнымъ тактомъ и рѣдкимъ благоразуміемъ. Къ тому же онъ былъ честный, безкорыстный человѣкъ, а потому могъ гордо поднимать голову среди наполеоновскаго двора. Онъ находился въ дѣловыхъ отношеніяхъ съ моимъ свекромъ, и мы его часто видали. Послѣ долгихъ занятій со свекромъ въ кабинетѣ, онъ являлся въ гостиную и обворожалъ насъ своею сердечною добротой и готовностью оказать всѣмъ услугу. Я знаю, что его обвиняли въ излишнемъ довѣріи къ недостойнымъ людямъ, но искренно добрый человѣкъ всегда рискуетъ быть обманутымъ.

Еще въ числѣ завсегдатаевъ нашей гостиной находился князь Дальбергъ, о которомъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Онъ былъ послѣднимъ представителемъ того знаменитаго нѣмецкаго рода, присутствіе котораго было неизбѣжно, согласно историческимъ преданіямъ, при коронаціи германскихъ императоровъ. Разсказываютъ, что передъ обрядомъ коронованія выступалъ герольдъ и громко произносилъ «Ist ein Dalberg da?» (находится ли тутъ какой нибудь Дальбергъ?). Если получался отрицательный отвѣтъ, то коронованіе не считалось законнымъ. Этотъ послѣдній изъ Дальберговъ по уничтоженіи Германской имперіи удалился во Францію, женился на дѣвицѣ Бриньоль и пользовался славой одного изъ остроумныхъ людей своего времени. Въ Варшавѣ онъ наблюдалъ за событіями въ интересахъ Германіи и, состоя въ дружескихъ отношеніяхъ съ Талейраномъ, позволялъ себѣ открыто называть Наполеона тираномъ и узурпаторомъ. Не смотря на то, что подобныя выраженія не могли не достичь до слуха Наполеона, Дальберга нимало не безпокоили, что вполнѣ опровергало его обычное обвиненіе императора въ чрезмѣрной жестокости.

Главная квартира Наполеона находилась въ Остероде, и черезъ нѣсколько времени туда были вызваны герцогъ Бассано и Талейранъ, а въ Варшавѣ остались только иностранные дипломаты. Извѣстія изъ арміи, естественно, получались довольно часто. Непріятель ретировался, чтобы лучше концентрировать свои силы, а императоръ вполнѣ увѣренный въ своей побѣдѣ, нимало этимъ не тревожился и, повидимому, ждалъ, чтобы его атаковали. Погода была очень суровая, и Наполеонъ не зная, чѣмъ занять свое время, выписалъ графиню Валевскую. Братъ красавицы, неожиданно превратившійся изъ подпоручика въ полковника, привезъ ее по секрету въ главную квартиру, но тотчасъ распространилось извѣстіе, что пріѣхала ночью карета съ опущенными сторами, а потому остался тайной только тотъ фактъ, гдѣ помѣстилась таинственная путешественница. Впослѣдствіи одна подруга графини Валевской разсказала мнѣ слѣдующія подробности.

Императоръ приказалъ приготовить для нея комнату рядомъ со своимъ кабинетомъ, и за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ, когда Наполеонъ видался съ нею, она проводила все свое время въ печальномъ одиночествѣ. Одинъ только Бертье, и то лишь однажды, увидалъ ее въ ту минуту, когда она убѣгала изъ кабинета, гдѣ завтракала съ Наполеономъ. Увидавъ на подносѣ двѣ чашки, герцогъ Невшательскій улыбнулся.

— Что такое?—произнесъ Наполеонъ тономъ человѣка, который говоритъ: «не вмѣшивайтесь не въ свои дѣла».

Тотчасъ военный министръ заговорилъ о важномъ вопросѣ, по которому пришелъ, и далъ себѣ слово впредь осторожнѣе пользоваться правомъ—входить къ императору безъ доклада.

Если случалось, что графиня не была готова къ утреннему завтраку, то она кричала Наполеону, чтобы онъ не входилъ въ ея комнату, и онъ, пріотворивъ дверь, подавалъ ей на подносѣ чашку шоколаду.

Во время пребыванія графини Валевской въ Остероде, персидскій посланникъ прислалъ императору подарки отъ шаха. Въ числѣ ихъ находилось большое количество шалей для императрицы Жозефины. Невѣрный ея мужъ настоятельно требовалъ, чтобы графиня выбрала себѣ лучшія изъ шалей, но она упорно отказалась, а когда онъ, видимо, обидѣлся, то графиня взяла самую простую голубую шаль, говоря, что подаритъ ее одной изъ своихъ подругъ, которая обожала голубой цвѣтъ. Наполеону понравилось это гордое безкорыстіе, и онъ сказалъ съ улыбкой:

— Поляки—храбры и преданны, а польки—прелестны и безкорыстны. Дѣйствительно, это—прекрасная нація, и я обѣщаю вамъ рано или поздно возстановить Польшу!

Графиня бросилась передъ нимъ на колѣна и стала пламенно благодарить его.

— Ага!—сказалъ онъ,—этотъ подарокъ вы примите безъ всякихъ церемоній. Но погодите, надо быть терпѣливой; политическія дѣла не совершаются такъ скоро, какъ одерживаются побѣды: они требуютъ и болѣе времени, и болѣе труда.

Какъ только начались военныя дѣйствія, то Наполеонъ немедленно отослалъ графиню Валевскую, и братъ точно также таинственно отвезъ ее домой. Повидимому, Наполеонъ остался увѣренъ, что никто не зналъ о происшедшемъ.

У пріятельницы графини, разсказывавшей мнѣ эти подробности, было письмо Наполеона къ Валевской, написанное позже, именно, когда онъ былъ убѣжденъ, что она подаритъ ему сына. Онъ называлъ ее въ письмѣ то милой Маріей, то графиней и совѣтовалъ ей беречь себя, тономъ болѣе повелительнымъ, чѣмъ нѣжнымъ. Видно было, что онъ скорѣе думалъ о ребенкѣ, чѣмъ о матери. Не такимъ тономъ онъ нѣкогда писалъ Жозефинѣ.

Еще находясь въ Остероде, императоръ получилъ однажды ночью, вмѣстѣ съ депешами изъ Парижа, только что вышедшій романъ госпожи Сталь «Корина». Прочитавъ самыя важныя изъ депешъ, онъ взглянулъ на романъ и приказалъ разбудить Талейрана.

— Ну,— сказалъ онъ,—вы любите эту женщину; надо посмотрѣть, рузумно ли она пишетъ. Прочитайте-ка мнѣ ея новый романъ.

Около получаса онъ терпѣливо слушалъ чтеніе, но потомъ воскликнулъ:

— Это не выраженіе искреннихъ чувствъ, а просто фейерверкъ трескучихъ словъ. У нея башка пошла вверхъ дномъ! Вотъ пустяки-то: она увѣряетъ, что любитъ своего англичанина, потому что онъ холоденъ и равнодушенъ къ ней. Ступайте спать: не стоитъ терять времени на такіе пустяки. Каждый разъ, когда она выводитъ себя на сцену, ея романъ никуда не годится. Доброй ночи!

На слѣдующій день онъ далъ «Корину» герцогу Бассано, а тотъ прислалъ ее мнѣ, полагая, что этой книги нѣтъ еще въ Варшавѣ. Я сохранила ее, какъ историческую диковину.

18-го марта я родила дочь, Наталію, а спустя нѣсколько дней получилось извѣстіе о битвѣ подъ Эйлау. Французы отслужили благодарственный молебенъ, хотя у нихъ убито было тридцать тысячъ человѣкъ, а въ Петербургѣ также праздновали побѣду. Я получила письмо отъ графа Ф., который болѣе разспрашивалъ меня о моемъ здоровьѣ, чѣмъ разсказывалъ о кровавомъ сраженіи. Онъ только заявлялъ, что его спасъ отъ вѣрной смерти розовый бантъ, и совѣтовалъ мнѣ посвятить мою дочь исключительно розовому цвѣту.

Во время кратковременнаго перемирія, послѣдовавшаго за Эйлау, въ Варшаву нагрянуло изъ арміи много французскихъ офицеровъ, отчасти, чтобы отдохнуть, а главное, чтобы повидать своихъ зазнобъ. Почти всѣ изъ иихъ завели интрижку съ польками, которыя почти безъ исключенія подверглись соблазну. Было даже и нѣсколько свадебъ, но тогдашніе французы не имѣли времени обзаводиться семействами. При этомъ нелишне прибавить, что тѣ изъ полекъ, которыя сумѣли устоять отъ соблазна, внушили самую преданную и рыцарскую любовь своимъ поклонникамъ.

Среди вернувшихся знакомыхъ французовъ находился и принцъ Боргезе, который, по приказанію Наполеона, былъ поставленъ со своимъ полкомъ въ такомъ мѣстѣ сраженія, гдѣ можно было болѣе стяжать славы, чѣмъ подвергнуться опасности. Онъ очень хвалился своимъ подвигомъ, говорилъ моимъ знакомымъ: «Да скажите же графини, какъ я дѣйствовалъ саблей», и послѣ кампаніи былъ назначенъ, въ видѣ награды, губернаторомъ Турина.

3-го мая, образованные наскоро три польскіе легіона получили въ Варшавѣ свои орлы и знамена, которыя были вышиты знатными польками. Я впослѣдствіи присутствовала при многихъ болѣе бле-

стящихъ торжествахъ, но никогда не видывала такого искренняго энтузіазма, какъ въ этотъ день на Саксонской площади. Князь Понятовскій, въ качествѣ главнокомандующаго, произнесъ трогательную рѣчь, призывая новобранцевъ къ патріотическимъ подвигамъ, а потомъ, по древнему обычаю, онъ самъ и другія знатныя особы обоего пола прибили знамена къ древкамъ.

Спустя двѣ недѣли, получено было извѣстіе о побѣдѣ Наполеона подъ Фридландомъ и о томъ, что онъ отправился въ Тильзитъ для заключенія мира.

Я скажу немного о знаменитомъ свиданіи между двумя императорами; мой свекоръ, графъ Станиславъ Потоцкій, разсказывалъ мнѣ нѣсколько любопытныхъ и мало извѣстныхъ о немъ подробностей. Онъ былъ вызванъ въ Тильзитъ для составленія, подъ наблюденіемъ Наполеона, необходимыхъ измѣненій въ польской конституціи 3 мая, которая была послѣднимъ проявленіемъ политической жизни Польши, и которой хотѣли придать императорскій оттѣнокъ. Многіе полагали, что этимъ актомъ Наполеонъ хотѣлъ воспользоваться въ видѣ угрозы относительно Александра, которому онъ всегда указывалъ на Польшу, какъ на мертвеца, долженствовавшаго рано или поздно возстать изъ гроба.

Тильзитское свиданіе было, во всякомъ случаѣ, однимъ изъ самыхъ блестящихъ эпизодовъ царствованія Наполеона. Король и королева прусскіе явились туда въ качествѣ смиренныхъ просителей, и они обязаны были Александру сохраненіемъ своего королевства, которое едва не было исключено изъ числа европейскихъ государствъ, чего мы, поляки, желали всей душой. Королева, славившаяся своей красотой, при встрѣчѣ съ Наполеономъ, хотѣла пасть на колѣни, но онъ предложилъ ей руку и проводилъ въ приготовленные для нея покои. Императоръ русскій и король прусскій, прибывшіе съ ней, молча послѣдовали за ними. Королева же потомъ умоляла побѣдителя оказать великодушіе побѣжденнымъ и наконецъ прибѣгла къ слезамъ. Наполеонъ былъ тронутъ ея печалью и смиреніемъ, но не могъ удержаться, чтобы не указать на ея ненависть къ нему, хотя она и оказалась безпомощной. Въ очень любезной формѣ, но онъ все-таки высказалъ, что, увидя ее, онъ понялъ, почему Германія съ такимъ пыломъ возстала противъ него. Александръ почувствовалъ, что необходимо перемѣнить разговоръ, который принималъ опасный характеръ, и съ своей обычной тонкостью замѣтилъ, что всѣ усилія оказать Наполеону сопротивленіе не увѣнчались успѣхомъ, по той простой причинѣ, что онъ былъ геній, и что противъ генія можетъ идти только тотъ, кто его не знаетъ.

Такъ кончилось первое державное свиданіе, а за нимъ послѣдовалъ торжественный банкетъ. Ради него королева сняла трауръ и явилась въ пурпурной мантіи и діадемѣ, которыя она умѣла носить съ величественнымъ достоинствомъ. Наполеонъ повелъ ее къ столу и

посадилъ по правую свою руку. Отличаясь значительнымъ умомъ и привычкой къ государственнымъ дѣламъ, она старалась всячески расположить къ себѣ человѣка, отъ котораго зависѣла судьба Пруссіи. Въ самую минуту ея отъѣзда, Нополеонъ, подъ вліяніемъ ея красоты и смиреннаго раскаянія, а также обворожительнаго обращенія Александра, котораго онъ называлъ красивѣйшимъ и хитрѣйшимъ изъ грековъ,—подарилъ ей Силезію. Этимъ подаркомъ онъ однимъ почеркомъ пера уничтожилъ ту статью трактата, по которой Силезія уже вышла изъ состава Пруссіи, и Талейранъ былъ очень недоволенъ такимъ великодушіемъ побѣдителя.

Что же касается до прусскаго короля, то, благодаря своему ничтожеству, онъ упорно молчалъ. Онъ велъ войну, только изъ угожденія самолюбивымъ стремленіямъ королевы и заключилъ миръ при первой возможности, чтобы вернуться къ своей обычной спокойной жизни, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что могъ бы выиграть и что потерялъ.

Для насъ, поляковъ, единственнымъ результатомъ всѣхъ этихъ переговоровъ было созданіе скромнаго герцогства Варшавскаго. Мы надѣялись на бо̀льшее, но рѣшили довольствоваться настоящимъ, разсчитывая на будущее.

Уѣхавъ во Францію, чтобы насладиться плодами своихъ побѣдъ, Наполеонъ оставилъ въ Варшавѣ маршала Даву, въ качествѣ губернатора. Хотя его ограниченныя способности не дозволяли Даву имѣть большого политическаго вліянія въ порученной его управленію странѣ, но нельзя не сказать, что это былъ одинъ изъ лучшихъ людей, стоявшихъ во главѣ французской арміи, и, вѣроятно, Наполеонъ, знавшій до тонкости своихъ маршаловъ, выбралъ именно его, потому что могъ разсчитывать на его преданность и нравственную чистоту. Онъ не хотѣлъ, чтобы предали грабежамъ страну, которая могла впослѣдствіи служить ему могущественнымъ оплотомъ отъ враговъ; въ то же время онъ въ короткое свое пребываніе среди насъ понялъ, что можетъ разсчитывать, въ случаѣ надобности, на польскій патріотизмъ, если будетъ поддержана надежда на пріобрѣтеніе національной независимости. Поэтому маршалу Даву было приказано оказывать намъ всякаго рода снисхожденіе, тѣшить насъ обѣщаніями и забавлять насъ всякаго рода удовольствіями. Для исполненія послѣдней обязанности ему дано было княжество Ловичъ, и онъ вызвалъ изъ Франціи свою жену.

Эмэ Леклеркъ, сестра генерала Леклерка, перваго мужа Полины Бонапартъ, была женщина очень красивая и съ большими достоинствами. Воспитанница госпожи Кампанъ, она отличалась прекрасными манерами и тѣмъ блестящимъ тономъ свѣтскаго общества, котораго не доставало ея мужу, но она не сумѣла внушить къ себѣ любви, такъ какъ производила впечатлѣніе сухой, холодной,

суровой женщины. Разсказывали, что ее постоянно терзала ревность къ мужу, который часто ей измѣнялъ и не только, подобно всѣмъ французамъ, сходилъ съ ума отъ полекъ, но возилъ съ собою въ походы француженку, которая такъ походила на его жену, что ее всюду пропускали къ маршалу, что возбуждало негодованіе императора. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, жена Даву не заботилась о томъ, чтобы сдѣлать свой домъ пріятнымъ центромъ варшавскаго общества, а самъ маршалъ искалъ развлеченія вдали отъ семейнаго очага.

Между генералами въ томъ корпусѣ, который занималъ Польшу, былъ одинъ человѣкъ, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный, и я удивляюсь, что о немъ такъ мало говорятъ. Это генералъ Рикаръ, нѣкогда другъ и товарищъ Наполеона; онъ навлекъ на себя опалу, благодаря своей дружбѣ съ Моро, и тѣмъ обстоятельствомъ, что восторгался Наполеономъ болѣе въ эпоху консульства, чѣмъ со времени его вступленія на императорскій престолъ. Своими блестящими способностями онъ положительно затмевалъ всѣхъ своихъ товарищей, хотя въ числѣ ихъ было очень много способныхъ и пріятныхъ людей.

Французы тогдашняго времени до страсти любили удовольствія и умѣли вносить одушевленіе въ окружавшее ихъ общество. Поэтому въ Варшавѣ, при ихъ содѣйствіи, мы безъ отдыха танцовали, устраивали любительскіе спектакли, пикники и т. д. Надо было пользоваться минутой спокойствія, такъ какъ при Наполеонѣ миръ былъ только краткой передышкой между прошедшей войной и будущей. Впрочемъ, не всѣ французскіе офицеры остались въ Варшавѣ, а многіе печально проводили время на стоянкахъ въ Силезіи. Къ числу ихъ принадлежалъ и графъ Ф., который впалъ въ немилость у Мюрата за отказъ носить какой-то сочиненный имъ, фантастическій нарядъ, нѣчто въ родѣ ливреи, и былъ отправленъ въ полкъ въ то время, какъ самъ Мюратъ вернулся въ Парижъ, гдѣ его ожидала корона.

Бѣдный молодой человѣкъ написалъ мнѣ самое печальное письмо, жалуясь на свою судьбу и все-таки обѣщая принять мѣры, чтобы пріѣхать на нѣсколько времени въ Варшаву, если,—прибавлялъ онъ,—единственный авторитетъ, которому онъ слѣпо подчинится, не запретитъ ему возвращенія. Я поняла, въ чемъ дѣло, и, опасаясь подвергнуть себя новой опасности, отвѣчала ему, по совѣту своей подруги, госпожи Соболевской, въ шутливомъ тонѣ, но ясно дала ему понять, что между нами не можетъ быть никакихъ близкихъ отношеній. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, графъ Ф. былъ вызванъ въ Парижъ, благодаря хлопотамъ одной высокопоставленной женщины, которая давно любила его, хотя онъ этого не зналъ.

Въ началѣ 1808 года тяжело занемогла краковская кастелянша, и я съ мужемъ поспѣшила въ Бѣлостокъ. Она умерла на нашихъ

рукахъ, и я вернулась въ Варшаву, точно очнувшись отъ тяжелаго сна, который, однако, настолько поразилъ мое сердце, что я съ тѣхъ поръ стала смотрѣть на жизнь съ мрачнымъ разочарованіемъ.

VI.

Свадьба Наполеона и Маріи-Луизы.

1810.

Одно горе слѣдовало за другимъ въ нашей семьѣ, и послѣ смерти горячо любимой тетки скончался мой отецъ въ Вильнѣ, но, въ виду безконечной медлительности русской администраціи въ выдачѣ мнѣ паспорта, я опоздала и нашла его уже мертвымъ. Поэтому я сдѣлаю значительный пропускъ въ своихъ воспоминаніяхъ и снова возобновлю ихъ со времени моей поѣздки съ мужемъ въ Вѣну, въ 1810 году. Причиной этой поѣздки было желаніе моей матери, чтобы мы провели зиму въ австрійской столицѣ, куда она обѣщала пріѣхать изъ Бадена, гдѣ она жила послѣ кончины тетки.

Въ то время домъ принца де-Линя былъ центромъ, гдѣ собирались всѣ знатные иностранцы, посѣщавшіе Вѣну. Меня въ этомъ домѣ принимали съ удивительною любезностью и добротой; все въ скромномъ маленькомъ салонѣ этого дома дышало такимъ радушнымъ гостепріимствомъ, что я провела тамъ самые пріятные часы моего пребыванія въ Вѣнѣ, а потому было бы неблагодарнымъ съ моей стороны не сказать нѣсколько словъ о добродушныхъ хозяевахъ и выдающихся гостяхъ этого пріятнаго вѣнскаго кружка.

Знаменитому принцу де-Линю тогда было семьдесятъ лѣтъ, но онъ все-таки былъ самымъ остроумнымъ и блестящимъ украшеніемъ своего салона; при этомъ я не могу не замѣтить, что его разговоръ былъ гораздо замѣчательнѣе его литературныхъ произведеній. Добродушный, любезный, снисходительный, онъ любилъ своихъ дѣтей, потому что они обожали его, и вообще цѣнилъ только то, что доставляло ему удовольствіе, такъ какъ въ удовольствіи онъ видѣлъ единственную цѣль жизни. Если въ молодости онъ стремился къ славѣ, то лишь потому, что она обѣщала ему новые успѣхи въ свѣтѣ, и что иногда очень удобно написать объясненіе въ любви на листѣ изъ лавроваго вѣнка. Расточивъ впродолженіе своей веселой, шумной жизни значительное состояніе, онъ подъ старость съ веселымъ стоицизмомъ переносилъ финансовыя затрудненія. Онъ самъ добродушно смѣялся надъ соломенными стульями, которыми дополняли изъ передней мебель салона, когда собиралось много гостей, а также надъ вѣчной бараниной и безсмертнымъ сыромъ, которые составляли неизбѣжное меню его обѣда.

Принцесса де-Линь далеко не была такимъ философомъ, какъ

ея мужъ, и они, казалось, совершенно не понимали другъ друга. Происходя изъ благородной, но бѣдной нѣмецкой семьи, она была лишена всего, что дѣлаетъ женщину привлекательною, а потому трудно было понять, зачѣмъ онъ женился на ней. Его старые друзья разсказывали, между прочимъ, очень любопытный анекдотъ, который лучше всего рисуетъ его саркастическій умъ и чрезмѣрное легкомысліе. Когда онъ впервые привезъ молодую жену въ Брюссель, гдѣ стоялъ гарнизономъ его полкъ, офицеры немедленно явились нему и просили его представить ихъ принцессѣ.

— Я очень тронутъ, господа, вашей любезностью,—сказалъ онъ, обращаясь къ нимъ,—и вы сейчасъ увидите мою жену; но, предупреждаю васъ, она не хорошенькая, но зато очень добрая и простая, такъ что не будетъ мѣшать никому, даже мнѣ.

Въ ту эпоху, о которой я говорю, она была уже старухой и легко выходила изъ себя, но никто не обращалъ на нее вниманія, и она обыкновенно сидѣла одна за своими пяльцами, вышивая какіе нибудь отвратительные узоры, пока всѣ гости весело окружали ея мужа и дочерей. Я нигдѣ не видывала, чтобы такъ свободно и пріятно разговаривали, какъ въ этой скромной гостиной, гдѣ, по словамъ представителей старой Франціи, нашелъ себѣ пріютъ пресловутый духъ парижскихъ салоновъ, удалившійся, со времени революціи, изъ своего прежняго центра. Я должна также подтвердить, что во время моего посѣщенія Парижа, я тамъ не видала столь пріятнаго салона.

Вообще всѣ въ домѣ принца де-Линь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ поляковъ, ненавидѣли Наполеона безъ всякой мѣры. Болѣе другихъ, въ этомъ отношеніи, отличались графъ Шарль де-Дама, оставшійся вѣчнымъ эмигрантомъ, ожидавшимъ возстановленія Бурбоновъ, и корсиканецъ графъ Поццо ди-Борго, быть можетъ, самый пламенный и самый опасный изъ враговъ Наполеона.

Легко понять, въ какое волненіе пришло все это общество, когда, однажды вечеромъ, спокойно сидя за чаемъ, оно было поражено неожиданнымъ появленіемъ русскаго посланника, графа Разумовскаго, который, въ большомъ смущеніи, объявилъ, что только что прибылъ французскій курьеръ, а за нимъ слѣдовалъ маршалъ Бертье съ порученіемъ просить руки эрцъ-герцогини Маріи-Луизы для императора Наполеона. Это необыкновенное событіе было результатомъ тайнаго договора, заключеннаго Меттернихомъ въ Парижѣ, отъ имени императора Франца, и на встрѣчу князю Невшательскому былъ посланъ изъ Вѣны на границу одинъ изъ первыхъ магнатовъ страны, князь Павелъ Эстергази.

Точно молнія упала среди лицъ, окружившихъ графа Разумовскаго при его неожиданномъ появленіи, а, послѣ первой минуты изумленія, всѣ въ одинъ голосъ стали осуждать неприличіе и даже низость такого поведенія австрійскаго правительства, которое отда-

вало за узурпатора первую принцессу въ Европѣ. Даже нѣкоторыя дамы дошли до истерики, а остальныя высказывали самымъ краснорѣчивымъ образомъ свое негодованіе. Одни увѣряли, что послѣ такого явнаго нарушенія справедливости на землѣ слѣдовало бросить Европу и уѣхать въ Америку; другіе полагали, что молодая принцесса умретъ, не рѣшившись на такую жертву; а третьи утверждали, что Наполеонъ сойдетъ съ ума отъ такого счастья, и что небо нарочно допустило такой скандалъ, чтобы погубить современнаго Навуходоносора.

Среди общаго смятенія я одна оставалась спокойна. Мнѣ неожиданно пришла въ голову мысль.

— Какъ бы интересно было теперь съѣздить въ Парижъ и присутствовать на этой блестящей mésaliance!

Весь остальной вечеръ я сидѣла молча и обдумывала свой планъ, а, возвратясь домой, передала его мужу. Онъ вообще, увы, не интересовался ничѣмъ, кромѣ своихъ обычныхъ занятій, и жаждалъ возвращенія въ Польшу. Онъ не только не противился моимъ желаніямъ, но тотчасъ написалъ своимъ родителямъ, и тѣ прислали свое согласіе на мою поѣздку въ Парижъ, при чемъ мнѣ дано было порученіе устроить тамъ одно важное семейное дѣло.

Между тѣмъ дѣло о бракѣ Маріи-Луизы съ Наполеономъ шло своею очередью. Князь Эстергази отвезъ чрезвычайнаго посла Наполеона прямо во дворецъ, гдѣ, вопреки этикету, было приготовлено для него помѣщеніе. Въ тотъ же день императоръ принялъ маршала, и тотъ сдѣлалъ офиціальное предложеніе отъ имени своего повелителя. Вслѣдъ за тѣмъ онъ передалъ эрцъ-герцогу Карлу собственноручное письмо Наполеона, который просилъ эрцъ-герцога быть замѣстителемъ его на брачномъ обрядѣ. Я съ большимъ трудомъ достала копію съ этого письма и прилагаю его при семъ.

«Любезный кузенъ, считаю долгомъ благодарить ваше императорское высочество за ваше согласіе быть моимъ замѣстителемъ при свадьбѣ моей съ эрцъ-герцогиней Маріей-Луизой. Ваше императорское высочество, знаете, что мое давнее къ вамъ уваженіе основано на вашихъ выдающихся достоинствахъ и великихъ подвигахъ. Желая публично доказать мои чувства къ вамъ, я прошу васъ принять ленту Почетнаго Легіона и солдатскій крестъ, который я самъ ношу, и который красуется на груди двадцати тысячъ солдатъ, отличившихся на полѣ брани. Первый орденъ вы вполнѣ заслужили своимъ геніемъ, какъ полководецъ, а второй—вашей храбростью, какъ воинъ».

Спустя два дня, подписанъ былъ свадебный контрактъ, и выдано Бертье обычное приданое эрцъ-герцогини, не превышавшее пяти тысячъ франковъ золотомъ.

11-го марта былъ совершенъ обрядъ вѣнчанія въ церкви Августинскаго братства. Затѣмъ слѣдовалъ торжественный банкетъ во дворцѣ, на которомъ присутствовалъ Бертье, хотя, по этикету, ино-

страны не допускались на семейные банкеты при Габсбургскомъ дворѣ.

Вскорѣ прибылъ графъ Луи де-Нарбонъ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, которому было поручено сопровождать или, скорѣе, предшествовать молодой императрицѣ, строго наблюдая, чтобы во всемъ придерживались этикета, установленнаго для прибытія во Францію Маріи-Антуанеты.

Не отличаясь красотой, Марія-Луиза имѣла только хорошенькую ножку, и Анатоль де-Монтескьё, посланный курьеромъ, чтобы объявить Наполеону о состоявшемся бракѣ, получилъ тайно отъ Нарбона маленькую туфлю новой императрицы, вмѣсто портрета. Этотъ оригинальный подарокъ имѣлъ большой успѣхъ во Франціи, и Наполеонъ положилъ его себѣ на сердце, какъ залогъ любви, увы, эфемерной.

Отличаясь изящными манерами французскаго вельможи стараго порядка, графъ Нарбонъ удачно сглаживалъ передъ австрійской аристократіей грубую вульгарность Бертье, а потому его всюду принимали съ большимъ почтомъ. Я видала его почти ежедневно въ домѣ принца де-Линь, гдѣ онъ основалъ, по его словамъ, свою главную квартиру.

Чрезвычайно любезный и пріятный старикъ, онъ въ молодости славился своими побѣдами надъ женскими сердцами при французскомъ дворѣ, а послѣ революціи онъ искренно присоединился къ императорскому правительству. Это былъ одинъ изъ тѣхъ высокодаровитыхъ людей, которые проходятъ чрезъ исторію, не занимая въ ней того выдающагося мѣста, которое должно было бы имъ принадлежать, въ виду ихъ замѣчательныхъ способностей. Искусный воинъ и ловкій дипломатъ, онъ, конечно, могъ играть одну изъ первыхъ ролей въ бурную эпоху, среди которой жилъ. Слава Наполеона плѣнила его, и онъ преданно служилъ ему, тѣмъ болѣе, что этимъ путемъ могъ удовлетворить своему самолюбію и заплатить громадные долги. Онъ не разъ говорилъ при мнѣ, что Наполеонъ былъ не только первостепеннымъ геніемъ, но и очень умнымъ человѣкомъ, что противорѣчило отзывамъ о Наполеонѣ вѣнскихъ дамъ, которыя доказывали, будто бы, безспорными фактами, что корсиканское чудовище былъ трусомъ и даже идіотомъ, благодаря припадкамъ падучей болѣзни.

Не смотря на подобныя нелѣпости и другія подобныя же выходки, австрійскіе аристократы устроили цѣлый рядъ самыхъ пышныхъ праздниковъ въ честь брака Маріи-Луизы, причемъ, конечно, блескъ ихъ наслѣдственной роскоши заставлялъ блѣднѣть новый лоскъ, которымъ отличались французскіе пиры, стоившіе милліоны Наполеону.

Пользуясь любезностью Нарбона, мой мужъ поручилъ ему отвезти меня въ Парижъ къ теткѣ графинѣ Тыкшевичъ, которая жила

тамъ впродолженіе многихъ лѣтъ. Я, конечно, съѣздила въ Баденъ къ моей матери, чтобы проститься съ ней и получить ея благословеніе. Она очень удивилась моей поѣздкѣ во Францію, но, узнавъ о согласіи мужа и его родителей, не высказала никакого противодѣйствія.

Въ назначенный день я отправилась въ путь, близко слѣдуя за графомъ Нарбономъ, который на всѣхъ станціяхъ приготовлялъ мнѣ помѣщеніе и лошадей. Трудно было путешествовать болѣе блестящимъ образомъ. Однако вскорѣ Нарбонъ попросилъ у меня позволенія занять мѣсто въ моей каретѣ, на что я охотно согласилась, потому что помѣщалась одна въ громадномъ экипажѣ, а онъ былъ веселымъ, занятнымъ собесѣдникомъ, такъ что нельзя было подыскать лучшаго товарища для путешествія.

Дѣйствительно, мы доѣхали до Мюнхена самымъ пріятнымъ образомъ, останавливаясь только для завтраковъ и обѣдовъ, которые прекрасно приготовлялъ поваръ Нарбона. Я нимало не подозрѣвала, къ чему клонились всѣ его любезности, и относила ихъ къ врожденной учтивости французскихъ аристократовъ стараго времени.

За двѣ станціи до Мюнхена Нарбонъ поѣхалъ впередъ, чтобы приготовить мнѣ помѣщеніе, но это было не легко, такъ какъ всѣ отели были заняты многочисленною свитой королевы Неаполитанской, присланною Наполеономъ для встрѣчи новой императрицы.

Я прибыла въ Мюнхенъ въ 9 часовъ вечера и получила у заставы записку Нарбона, по словамъ котораго я должна была остановиться въ отелѣ Принцевъ, гдѣ меня ожидали не только элегантное помѣщеніе, но и готовая ванна. Не успѣла я раздѣться и сѣсть въ ванну, какъ тихо отворилась потаенная дверь, закрытая зеркаломъ, и, къ моему ужасу, въ комнату вошелъ Нарбонъ и опустился на колѣни передъ ванною. Я стала громко кричать, и такъ какъ горничная уже удалилась, то, схвативъ колокольчикъ, начала звонить изо всѣхъ силъ. Бѣдный старикъ былъ такъ изумленъ моимъ поступкомъ, что словно приросъ къ землѣ. Мнѣ даже показалось, что онъ сошелъ съ ума, но, разсмотрѣвъ, что онъ былъ изысканно одѣтъ моднымъ франтомъ того времени и не пожалѣлъ румянъ для своего старческаго лица,—я громко расхохоталась. Онъ хотѣлъ было выразить мнѣ свои нѣжныя чувства, но тутъ явилась горничная, и ему пришлось скрыться со стыдомъ.

Конечно, послѣ этого смѣшного пассажа, мы не могли продолжать вмѣстѣ своего путешествія, и на слѣдующее утро, очень рано, я уѣхала въ своемъ экипажѣ, никого не предупредивъ и перемѣнивъ маршрутъ. Я теперь направилась на Страсбургъ, гдѣ мнѣ хотѣлось посмотрѣть знаменитый соборъ и гробницу Морица Саксонскаго. Для меня это было тѣмъ интереснѣе, что я путешествовала впервые и ничего еще не видала, кромѣ Польши и Вѣны.

Моя тетка графиня, Марія Тышкевичъ, урожденная княжна По-

нятовская, наняла для меня въ Парижѣ прекрасную квартиру на площади Людовика XV, въ меблированномъ домѣ. На другой же день, послѣ моего прибытія, она посѣтила меня, главнымъ образомъ для того, чтобы узнать вѣнскія новости. А когда я ей разсказала все, что знала, то она воскликнула:

— Наполеонъ самъ удивляется своему величію, но... таково его счастіе! Все ему улыбается. Перевернувъ свѣтъ вверхъ дномъ, побѣдивъ Австрію и взявъ ея столицу, онъ довелъ несчастнаго императора до униженія—отдать ему дочь.

Тетка не любила Наполеона, и хотя боялась его, но тайно придерживалась аристократическаго общества Сенъ-Жерменскаго квартала, куда ввелъ ее Талейранъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она, чрезъ того же Талейрана, имѣла подробныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ Тюльери. По ея словамъ, императоръ сначала былъ ослѣпленъ блескомъ своего новаго брака, но непонятное поведеніе Маріи-Луизы быстро привело его къ разочарованію, и, спустя два дня, принятая имъ на себя утонченная вѣжливость замѣнилась обычнымъ въ немъ повелительнымъ тономъ. Онъ поѣхалъ навстрѣчу къ своей юной женѣ въ Компьенъ, и тамъ, своею чрезмѣрною уступчивостью, вмѣсто ожидаемой неприступности, она сразу оттолкнула отъ себя и стараго героя, и окружающихъ его лицъ, смотрѣвшихъ на нее, какъ на жертву, принесенную для успокоенія Европы.

Встрѣча въ Компьенѣ занимала парижанъ впродолженіе цѣлой недѣли. Всѣ критиковали азіатскую роскошь, съ которою императоръ украсилъ старинный замокъ для пріема Маріи-Луизы. Увѣряли даже, что ея туалетная комната была драпирована драгоцѣнными индѣйскими шалями Жозефины, но впослѣдствіи было доказано, что Наполеонъ и пальцемъ не прикоснулся къ подаркамъ, нѣкогда сдѣланнымъ своей первой женѣ. Наговорившись досыта о всѣхъ подробностяхъ пріема молодой императрицы, парижане начали шептаться и о вѣроятныхъ его результатахъ. Признаюсь, я съ удивленіемъ слушала ихъ шутки и каламбуры по этому случаю. Между прочимъ, открыто увѣряли, что, въ виду наступавшей Святой недѣли, императрица хотѣла въѣхать въ Парижъ en sainte (то-есть святой—по одному смыслу этой фразы и беременной—по другому). Этотъ грубый каламбуръ ясно доказывалъ, что французы—тонкіе судьи остроумія въ другихъ, сами себѣ позволяютъ очень сомнительное остроуміе.

Свадебная церемонія и слѣдовавшіе за ней праздники, конечно, быстро отвлекли вниманіе Парижа на другой предметъ. Мнѣ слѣдовало выбрать одно изъ двухъ: или видѣть торжественный въѣздъ молодыхъ на Елисейскихъ поляхъ, или присутствовать при церемоніи въ тюльерійской часовнѣ. Я остановилась на первомъ тѣмъ охотнѣе, что мнѣ казалось неприличнымъ занять не принадлежавшее мнѣ при дворѣ мѣсто, такъ какъ я не была еще представлена.

Гражданскій бракъ былъ совершенъ въ Сенъ-Клу, въ воскресенье 1-го апрѣля, а религіозный обрядъ на слѣдующій день, въ тюльерійской часовнѣ. Я смотрѣла на въѣздъ изъ окна своей квартиры. Императоръ и императрица помѣщались въ золотой каретѣ, съ зеркальными стеклами, и запряженной восьмерикомъ гнѣдыхъ андалузскихъ коней, въ великолѣпной сбруѣ. Наполеонъ былъ въ испанскомъ костюмѣ, въ которомъ онъ уже парадировалъ на коронаціи, а Марія-Луиза, осыпанная всѣми бриллiантами Голконды, очень принужденно кланялась толпѣ, которая принимала ее чрезвычайно холодно. Французы, привыкшіе къ нѣжной граціи Жозефины и недовольные бракомъ съ австріячкой, встрѣчали молодыхъ очень равнодушно, не выражая ни малѣйшаго энтузіазма. Говорятъ, Наполеонъ, войдя въ свой кабинетъ, сказалъ:

— Я такъ избаловалъ парижанъ самыми невозможными неожиданностями, что если бы я женился на Мадоннѣ, то они нимало не удивились бы.

Пересчитать всѣхъ маршаловъ и генераловъ, которые въ полной парадной формѣ ѣхали впереди и сзади императорскаго экипажа, такъ же было трудно, какъ назвать королей и королевъ, собравшихся на это великолѣпное зрѣлище, сіявшее блескомъ бриллiантовъ, пышныхъ нарядовъ и женской красоты. Но, по-моему, ничто не могло сравниться съ стоявшею шпалерами старой императорской гвардіей, которая одна искренно привѣтствовала восторженными криками того, кто водилъ ее столько разъ къ побѣдамъ.

На подножкахъ вокругъ кареты красовались молоденькіе, едва вышедшіе изъ дѣтства пажи, въ дорогихъ костюмахъ; они казались бабочками, готовыми улетѣть, и придавали поэтическій оттѣнокъ тяжелому экипажу. Когда рѣшетка Тюльерійскаго сада, отворявшаяся лишь однажды въ годъ при отъѣздѣ императора въ законодательный корпусъ, захлопнулась за императорскимъ кортежемъ, то никому изъ насъ не приходила въ голову мысль, что она больше не отворится для пышныхъ торжествъ. Увы, кончены были свѣтлые дни! Наступала гроза.

До глубокой ночи продолжались иллюминаціи и фейерверки. Нѣсколько фонтановъ били виномъ, а въ толпу бросали золотыя монеты и медали. Все было великолѣпно и роскошно, но не видно было ни искренней радости, ни сердечнаго веселія. Одни сожалѣли Жозефину, которую любила вся нація за ея доброту и любезное обращеніе, другіе считали прибытіе австрійской принцессы за предзнаменованіе несчастій, а большинство, которому надоѣли войны, побѣды и вѣчная рекрутчина, на все смотрѣло съ недовольствомъ. Такимъ образомъ парижская толпа присутствовала при блестящемъ празднествѣ съ какимъ-то машинальнымъ любопытствомъ.

VII.

При дворѣ Наполеона.

1810.

Какъ только молодая императрица водворилась въ Тюльери, начались представленія ко двору. Въ качествѣ иностранки, мнѣ надо было представиться не только императору и императрицѣ, но всѣмъ королевамъ и принцессамъ императорскаго дома. Каждая изъ нихъ имѣла свой пріемный день: поэтому приходилось съ утра надѣвать придворное платье, и только вечеромъ я отдыхала въ театрѣ.

Императоръ принималъ около полудня въ своемъ кабинетѣ. Дѣло начиналось съ троекратнаго присѣданія, а затѣмъ называли по имени представлявшуюся даму. Императоръ стоялъ, облокотясь на свой письменный столъ, и окидывалъ васъ милостивымъ взглядомъ, если вы отличались молодостью и красотой. Удаляясь, вы должны были еще три раза присѣсть, но это было гораздо труднѣе, такъ какъ приходилось пятиться, что было нелегко, въ виду длиннаго шлейфа. Впрочемъ, въ три урока я научилась ловко откидывать шлейфъ незамѣтнымъ граціознымъ движеніемъ ноги.

Наполеонъ принялъ меня съ удивительною добротой, благодаря чему я тотчасъ оправилась отъ овладѣвшаго мною смущенія. Онъ милостиво разспросилъ меня о всѣхъ моихъ родственникахъ, но преимущественно распространился о дядѣ, князѣ Понятовскомъ. Не смотря на все вниманіе, съ которымъ я слушала каждое его слово, я не могла не взглянуть съ восхищеніемъ на великолѣпную картину Гверчино «Сивиллу», висѣвшую надъ письменнымъ столомъ. Императоръ, который все замѣчалъ, улыбнулся и сказалъ, что если я люблю искусство, то мнѣ надо познакомиться съ г. Денономъ и посѣтить съ нимъ музей.

— Но прежде всего,—прибавилъ онъ,—я надѣюсь, что вы приготовитесь къ праздникамъ, которые тотчасъ начнутся, и не пропустите ни одного.

Съ этими словами онъ поклонился, и моя аудіенція была кончена.

Выходя изъ кабинета императора, мы перешли въ пріемную залу императрицы, гдѣ ужъ собралось много дамъ. Она вышла изъ своихъ покоевъ въ сопровожденіи многочисленнаго, блестящаго двора. Благодаря туалету, отличавшемуся большимъ вкусомъ, она казалась не такой уродливой, какъ обыкновенно; но выраженіе ея лица оставалось прежнимъ. Ея деревянная физіономія не оживлялась ни любезною улыбкой, ни тѣнью любопытства. Она обошла всѣхъ дамъ, какъ кукла, приводимая въ движеніе внутреннимъ механизмомъ. Императоръ сопровождалъ ее и шепотомъ подсказывалъ ей, что сказать тѣмъ дамамъ, которыхъ онъ хотѣлъ особенно почтить. Когда

очередь дошла до меня, то я отлично разслышала, какъ онъ промолвилъ: «полна граціи». Императрица повторила эти слова такимъ сухимъ тономъ и съ столь рѣзкимъ нѣмецкимъ акцентомъ, что я нимало не была тронута.

Наполеоновскій дворъ, поражавшій издали своимъ великолѣпіемъ, много терялъ отъ близкаго знакомства. Въ немъ замѣчалась внутренняя разладица, которая мѣшала ему производить то величественное впечатлѣніе, которое невольно ожидалось всякимъ. Рядомъ съ самыми элегантными и изящно одѣтыми дамами стояли жены маршаловъ, не привыкшія къ придворнымъ платьямъ. То же можно было сказать и объ ихъ мужьяхъ, блестящіе мундиры которыхъ представляли контрастъ съ ихъ грубыми манерами. Между ними и представителями старой аристократіи, которые присоединились къ имперіи, существовало рѣзавшее глаза различіе. Казалось, что присутствуешь при репетиціи, на которой актеры примѣряютъ костюмы и повторяютъ свои роли. Эта странная неурядица возбуждала бы смѣхъ, еслибъ главное дѣйствующее лице не уничтожало своимъ величіемъ всякую мысль о насмѣшкѣ.

Сестры Наполеона нимало не походили другъ на друга. Елиза, великая герцогиня тосканская, отличалась чертами брата, но выраженіе ея лица было гораздо суровѣе. Ей приписывали большой умъ и сильную волю, но я никогда не слышала, чтобъ кто нибудь упомянулъ о замѣчательномъ ея поступкѣ или остроумномъ выраженіи. Безмолвіе есть своего рода отрицаніе, и потому она не произвела на меня никакого впечатлѣнія.

Принцесса Полина Боргезе представляла типъ классической красоты, какъ она воплощается въ греческихъ статуяхъ Не смотря на всѣ принимаемыя ею мѣры, чтобъ ускорить вліяніе времени, она вечеромъ при содѣйствіи искусства плѣняла всѣхъ, и ни одна женщина не посмѣла бы отбивать у нея того яблока, которое присудилъ ей Канова, послѣ подробнаго осмотра ея прелестей безъ всякихъ покрывалъ. Къ самымъ тонкимъ и правильнымъ чертамъ она присоединяла пластическія формы, хотя и слишкомъ часто подвергавшіяся поклоненію. Благодаря ея внѣшнимъ чарамъ, всѣ забывали объ ея умѣ и только говорили объ ея романтичныхъ приключеніяхъ, которымъ не было конца.

Самая юная изъ сестеръ, Каролина, жена Мюрата, короля неаполитанскаго, не поражала классическою красотой, но отличалась подвижною физіономіей, блестящимъ цвѣтомъ лица, тонкою таліей, безупречными руками и царственною осанкой. Она, повидимому, родилась для того, чтобы быть королевой. Относительно ея умственныхъ способностей довольно привести слова Талейрана, который говорилъ, что ея хорошенькая головка покоилась на плечахъ государственнаго человѣка. Поэтому никто не удивился, когда императоръ послалъ ее навстрѣчу своей невѣстѣ. Однако между Каролиной и

Маріей-Луизой не было ничего общаго, и онѣ, естественно, не полюбили другъ друга.

Гортензіи, королевы голландской, и ея золовки, жены вице-короля итальянскаго, не было въ то время въ Парижѣ, такъ какъ онѣ уѣхали черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы императора.

Какъ только миновали придворные пріемы, тетка повезла меня къ Талейрану, въ сералѣ котораго она ровно четверть столѣтія состояла рабыней. Самъ Талейранъ былъ въ этотъ день занятъ при дворѣ и приказалъ извиниться передъ нами, что не можетъ насъ лично принять. Это никого не удивило, но мнѣ показалось очень страннымъ, что жена Талейрана отправилась кататься и заставила насъ и другихъ гостей ожидать ее цѣлый часъ. Мало того, вернувшись, она не сочла нужнымъ извиниться и, поздоровавшись со всѣми гостями, величественнымъ образомъ стала, какъ ни въ чемъ не бывало, разговаривать о погодѣ. Впослѣдствіи я старательно избѣгала госпожу Талейранъ, такъ какъ не люблю надменныхъ и дерзкихъ принцессъ, особенно, когда онѣ выскочки. А эта принцесса была извѣстна всему Парижу подъ именемъ госпожи Гранъ, и ничто, даже ея неожиданное возвышеніе, не могло стушевать ея полнаго ничтожества; ея глупыя выраженія также ставились въ примѣръ, какъ остроумныя выходки ея мужа. Въ эту эпоху ей было, по крайней мѣрѣ, шестьдесятъ лѣтъ, но все-таки находились льстецы, которые увѣряли ее, что она красавица, а потому она носила невозможныя прически съ цвѣтами.

Когда Талейрана не было дома, или онъ игралъ въ карты, то въ его пресловутомъ салонѣ царила смертельная скука, и, однако, большинство лицъ, постоянно являвшихся въ этотъ салонъ, были люди очень умные. Но принцесса присоединяла къ своей глупости еще страсть къ величію, побуждавшему ее поддерживать невозможный этикетъ, и по этой причинѣ всѣ люди независимые посѣщали домъ Талейрана только въ его присутствіи.

Разъ въ недѣлю все общество Талейрана собиралось у моей тетки, гдѣ мнѣ не было веселѣе, чѣмъ у великаго дипломата. Она приглашала къ себѣ серіями, то соотечественниковъ, то знатныхъ иностранцевъ. Ея домъ пользовался большою славой въ Парижѣ, но я съ изумленіемъ увидѣла въ первый же вечеръ у тетки, что единственнымъ развлеченіемъ служила крупная картежная игра. Банкъ закладывали неизвѣстныя лица, съ которыми никто не разговаривалъ, хотя они и выкладывали на столъ свои богатства, чтобы соблазнять посѣтителей, но съ ними обращались, какъ съ паріями, и всѣ подозрительно слѣдили за руками банкомета. Любовь къ наживѣ, однако, не одушевляла только этихъ подозрительныхъ лицъ, но и всѣхъ игравшихъ. Мнѣ было противно смотрѣть какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ; вообще я не могла понять, чтобы въ порядочномъ домѣ проигрывали состоянія цѣлой семьи, и высказала свое наивное него-

дованіе теткѣ, которая холодно отвѣчала мнѣ, что мое мнѣніе легко объясняется тѣмъ, что я пріѣхала издалека, а въ Парижѣ подобное развлеченіе допущено въ лучшихъ домахъ. Кромѣ того, Талейрану, или, какъ она выражалась, принцу, нельзя было, въ виду его офиціальнаго положенія, вести игру въ своемъ домѣ, а потому она и устраивала ему этотъ отдыхъ отъ тяжелыхъ трудовъ въ своемъ салонѣ.

За зеленымъ столомъ у тетки я впервые увидала старую герцогиню де-Люинь, урожденную Лаваль де Монморанси, которая, напоминая по внѣшности жандарма, одѣтая самымъ вульгарнымъ образомъ, играла съ безумною страстью, грубо хохотала и кричала во все горло. Все это приписывалось ея оригинальности, и многіе восторгались благородствомъ и стойкостью ея характера, но я, признаюсь, никогда не могла привыкнуть къ ея мужскому, чисто солдатскому обращенію.

Присутствуя на этихъ блестящихъ вечерахъ, въ залахъ, сверкавшихъ снопами свѣта и на ужинахъ, приводившихъ въ восторгъ самыхъ прихотливыхъ сибаритовъ, я часто вспоминала скромный вѣнскій салонъ принца де-Линя, гдѣ все дышало добродушіемъ, веселостью и неподдѣльнымъ остроуміемъ,тогда какъ здѣсь царили принужденность, натянутость и скука.

Принцесса Полина первая дала праздникъ въ честь молодыхъ. Былъ май мѣсяцъ, и Нельи, гдѣ она жила, утопалъ въ цвѣтахъ. Экипажи приглашенныхъ лицъ останавливались передъ импровизованнымъ театромъ, подъ открытымъ звѣзднымъ небомъ. Императрица, вообще ничѣмъ не восхищавшаяся, не могла удержаться отъ восторга: такъ мало она ожидала подобнаго сюрприза, а Наполеонъ нѣжно поблагодарилъ сестру и въ теплыхъ выраженіяхъ высказалъ свое удовольствіе. Лучшіе актеры изъ театра Французской комедіи сыграли какую-то пьесу, которую никто не слушалъ, и знаменитѣйшіе танцоры исполнили какой-то балетъ, котораго никто не смотрѣлъ, такъ какъ глаза сосредоточивались на очаровательной обстановкѣ, на обворожительныхъ куртинахъ цвѣтовъ и красавицъ.

По окончаніи спектакля Полина взяла подъ руку свою золовку и повела ее въ бальную залу черезъ весь паркъ, освѣщенный тысячами шкаликовъ и фонарей, скрытыхъ за пахучими цвѣтами. Тамъ и сямъ невидимые оркестры наполняли воздухъ дивной мелодіей. Императоръ и всѣ гости слѣдовали за хозяйкой, переходя отъ одного удивительнаго зрѣлища къ другому. То передъ нами открывался изящный храмъ, въ которомъ граціи прислуживали проснувшемуся отъ сна амуру, то являлась готическая обитель, которая гостепріимно открывала свои двери толпѣ трубадуровъ; всѣ, какъ граціи, такъ и трубадуры, одинаково воспѣвали добродѣтели молодой императрицы и общую радость, возбуждаемую ея пріѣздомъ.

Наконецъ, аллея сузилась, погасла иллюминація, и мы очути-

лись во мракѣ среди густого кустарника. Принцесса Полина стала увѣрять всѣхъ, что она сбилась съ дороги, и даже императоръ, повѣривъ сестрѣ, началъ жаловаться на темноту. Но вдругъ, перейдя черезъ мостикъ и миновавъ узкій лабиринтъ, мы очутились на зеленой полянѣ, такъ блестяще освѣщенной, что было больно глазамъ. На противоположномъ ея концѣ возвышался Шенбрунскій замокъ, который былъ такъ живо воспроизведенъ, что лица, знавшія его, думали, что дѣйствительно они очутились передъ его обширнымъ дворомъ, на которомъ гуляла разряженная вѣнская толпа, пѣли тирольцы, и проѣзжали роскошные экипажи, съ кучерами и лакеями въ императорскихъ австрійскихъ ливреяхъ. Льстецы потомъ увѣряли, что, увидавъ свой родной замокъ, императрица заплакала, но какъ ни были бы естественны подобныя слезы, я должна засвидѣтельствовать, что, когда я взглянула на Марію-Луизу, то на ея вѣчно холодномъ и неподвижномъ лицѣ не было видно и тѣни волненія. Что же касается до императора, то онъ нѣсколько разъ громко выражалъ свою благодарность сестрѣ, за ея заботы о праздникѣ, который, дѣйствительно, былъ самымъ лучшимъ изъ всѣхъ празднествъ, данныхъ въ честь Маріи-Луизы.

Князь Шварценбергъ, австрійскій посланникъ, согласился уступить первенство только сестрѣ императора, и вслѣдъ за праздникомъ въ Нельи слѣдовалъ его балъ, который сдѣлался историческимъ, благодаря страшной катастрофѣ. Помѣщеніе посольства было недостаточно велико для пріема двухъ тысячъ приглашенныхъ, и среди сада выстроили громадную бальную залу, соединявшуюся съ внутренними покоями красивой галлереей. Какъ зало, такъ и галлерея, были сдѣланы изъ досокъ и покрыты просмоленымъ холстомъ, а внутри онѣ были разукрашены изящной драпировкой изъ розоваго атласа и серебряной кисеи. Я находилась въ галлереѣ въ ту минуту, когда начался пожаръ, и, быть можетъ, обязана своимъ спасеніемъ обстоятельству, которое сначала меня очень раздосадовало. На мнѣ было тюлевое платье, убранное на подолѣ букетомъ бѣлой сирени, который соединялся съ таліей цѣпью бриллiантовыхъ лиръ; когда я танцовала, то эта цѣпь служила мнѣ большой помѣхой, и графиня Бриньоль, съ которою я пріѣхала на балъ, посовѣтовала мнѣ, прежде чѣмъ вальсировать съ вице-королемъ итальянскимъ, снять злополучную цѣпь, для чего и увела меня въ галлерею.

Пока она любезно отстегивала цѣпь, я увидала, одна изъ первыхъ, легкій дымокъ отъ загорѣвшейся кисеи вокругъ одного изъ канделябровъ и тотчасъ указала на это окружавшимъ насъ молодымъ людямъ. Одинъ изъ нихъ вскочилъ на скамейку и, чтобы предупредить опасность, хотѣлъ сорвать драпировку, но она быстро опустилась на канделябръ, вспыхнула, и огонь мгновенно перешолъ на просмоленный холстъ, служившій потолкомъ. По счастью для

меня, госпожа де-Бриньоль не потеряла головы и, схвативъ меня за руку, побѣжала черезъ всѣ залы къ выходу; даже на улицѣ она не остановилась, пока не достигла дома госпожи Реньо, находившагося противъ посольства. Тамъ она упала въ кресло, съ трудомъ переводя дыханіе, и молча указала мнѣ на балконъ съ очевидною цѣлью, чтобы я отдала ей отчетъ во всемъ происходившемъ. Я не понимала ея страха и охотно продолжала бы танцовать, такъ какъ мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы могло случиться несчастіе тамъ, гдѣ былъ императоръ.

Вскорѣ облака дыма заволокли бальную залу и галлерею, изъ которой мы бѣжали. Музыка замолкла, и вмѣсто нея раздавались вопли, стоны, крики. Въ числѣ жертвъ была невѣстка посланника, княгиня Шварценбергъ, которая, не видя дочери около себя, бросилась въ огонь и была убита обрушившеюся тяжелою люстрой, въ ту самую минуту, какъ ея дочь, не подвергшаяся никакой опасности, тщетно звала ее. Принцесса Лейенъ подверглась той же участи, но прожила еще нѣсколько дней послѣ катастрофы. Погибло множество лицъ обоего пола, но трудно было опредѣлить ихъ имена, такъ какъ въ числѣ гостей находилось значительное число иностранцевъ и провинціаловъ, заплатившихъ жизнью за минутное удовольствіе. У нѣкоторыхъ дамъ были украдены брилліанты и другія драгоцѣнности, такъ какъ мошенники воспользовались смятеніемъ, перелѣзли черезъ стѣну посольскаго сада и на свободѣ тащили все, что попало.

Черезъ нѣсколько минутъ гостиная госпожи Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели переполнилась ранеными въ бальныхъ платьяхъ, и мы провели большую часть ночи, ухаживая за ними. На разсвѣтѣ мы собрались домой, но наши экипажи и слуги исчезли, такъ что намъ пришлось идти пѣшкомъ въ атласныхъ туфляхъ по улицамъ и подвергаться грубымъ шуткамъ огородниковъ, которые везли на рынки свой товаръ.

Какъ ни легкомысленны парижане, но эта катастрофа произвела глубокое впечатлѣніе, и многіе приписывали ее политическимъ козням̃ъ.

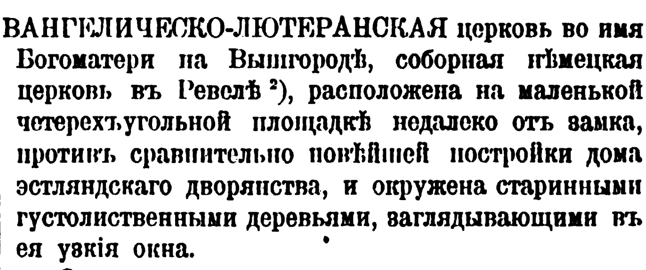
Достовѣрно только одно, что нѣкоторые царедворцы совѣтовали императору удалиться, пока толпа не хлынула къ выходу изъ залы, стараясь при этомъ возбудить въ его умѣ гнусныя подозрѣнія, но онъ, всегда спокойный въ опасности, не обратилъ вниманія на эти инсинуаціи, проводилъ императрицу до экипажа и, вернувшись въ горѣвшій домъ, сказалъ князю Шварценбергу, что пришелъ тушить пожаръ. Эти слова произвели громадный эффектъ. Всѣ австрійцы были въ восторгѣ и со своимъ посломъ во главѣ окружили императора, представляя въ этотъ моментъ такой же вѣрный оплотъ, какъ любой полкъ его старой гвардіи.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ РЕВЕЛЬСКОЙ СТАРИНЫ[1].

II.

ЭВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ церковь во имя Богоматери на Вышгородѣ, соборная нѣмецкая церковь въ Ревелѣ [2]), расположена на маленькой четерехъугольной площадкѣ недалеко отъ замка, противъ сравнительно новѣйшей постройки дома эстляндскаго дворянства, и окружена старинными густолиственными деревьями, заглядывающими въ ея узкія окна.

Она выстроена въ 1240 году королемъ датскимъ Вальдемаромъ II, при учрежденіи ревельской епископіи, и содержится на средства исключительно эстляндскаго дворянства, какъ прежде поддерживалась мѣстнымъ рыцарствомъ. До 1565 года ревельскій епископъ и капитулъ вышгородскаго собора упорно держались католичества. Бывшій епископъ въ Упсалѣ Петръ Фолингъ былъ первымъ лютеранскимъ епископомъ Ревеля.

Внутренность церкви, сравнительно небольшихъ размѣровъ, украшена старинными гербами дворянскихъ рыцарскихъ родовъ, представители которыхъ нашли вѣчное успокоеніе подъ ея древними плитами. Такимъ образомъ, вышгородская церковь является усыпальницей мѣстной знати, своего рода геральдическимъ пантеономъ Эстоніи.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 182.

[2]) Die Ritter-und Domkirche. См. Die Kirchen und ehemaligen Klöster Revals, von Gotthard v. Hansen. Reval. 1885.

Слѣдующія могилы въ ней обращаютъ на себя особое вниманіе.

Налѣво отъ алтаря возвышается красивый мраморный памятникъ надъ прахомъ храбраго Понтуса де-ла-Гарди (Pontus de-la-Gardie), происходившаго изъ стариннаго французскаго рода [1]. Въ молодости де-ла-Гарди былъ противъ воли предназначенъ родителями къ духовному званію и отданъ въ монастырь, откуда бѣжалъ и поступилъ въ военную службу. Онъ долго служилъ въ Пьемонтѣ подъ начальствомъ маршала Брисака, потомъ въ войскѣ, посланномъ французскимъ королемъ Генрихомъ II въ Шотландію на помощь Маріи Стюартъ противъ бунтовщиковъ, затѣмъ въ арміи Фридриха II, короля датскаго, начавшаго войну съ Эрикомъ XIV, королемъ Швеціи. Отважный воинъ былъ взятъ въ плѣнъ шведами и въ 1565 г. перешелъ на службу Швеціи. Заслуживъ расположеніе короля, онъ былъ вскорѣ отправленъ ко двору Карла IX французскаго, слабодушнаго сына Екатерины Медичи и брата романической «королевы Марго». За участіе въ дворцовомъ переворотѣ, отдавшемъ престолъ въ руки Іоанна III, брата короля, онъ получилъ мѣсто дворцоваго коменданта. Послѣ войны съ Россіей, въ 1570 году, и Даніей, въ 1571 году, де-ла-Гарди состоялъ шведскимъ посломъ при папѣ Григоріи XIII. Въ 1580 году онъ женился на Софіи Гульдегельмъ, (Guldehelm), побочной дочери короля, а три года спустя уѣхалъ въ Ингрію воевать съ русскими и затѣмъ получилъ постъ генералъ-губернатора Ингріи и Эстоніи. Возвращаясь, въ 1585 году, въ Ингрію для переговоровъ о мирѣ съ Россіей, онъ утонулъ при переправѣ чрезъ рѣку Нарову. Тѣло его было доставлено въ Ревель и погребено въ вышгородскомъ соборѣ, гдѣ надъ прахомъ его и супруги, скончавшейся въ 1593 году, поставленъ грандіозный памятникъ—саркофагъ изъ бѣлаго мрамора съ изображеніемъ города Нарвы и рѣки Наровы и соотвѣтствующей латинской епитафіей въ стихахъ. Надъ гробницей висятъ гербы де-ла-Гарди и Гульдегельмовъ.

Здѣсь также покоится тѣло графа Матьясъ фонъ-Турна (graf Mathias von Thurn), родомъ изъ Богеміи. Графъ происходилъ изъ многочисленнаго аристократическаго рода, представители котораго встрѣчаются въ разныхъ странахъ, нося во Франціи фамилію de-la-Tour, въ Италіи—de-la-Torri, въ Испаніи—de-los-Torros и въ нѣмецкихъ земляхъ — von Thurn. Графъ Турнъ служилъ нѣкогда капитаномъ въ австрійской арміи и прославился отвагой во время венгерскихъ войнъ 1592—1607 годовъ. Въ раздорѣ между императоромъ Рудольфомъ и братомъ его эрцгерцогомъ Матѳіемъ, ставшимъ королемъ Богеміи и покровителемъ протестантства, графъ, сочувствуя этому ученію, принялъ сторону эрцгерцога. Во время вспыхнувшей вскорѣ затѣмъ тридцатилѣтней войны графъ игралъ выдающуюся роль. Послѣ пораженія подъ Прагой, въ 1620 году, Турнъ потерялъ

[1] Ibid., стр. 62.

свои земли и спасся бѣгствомъ. Онъ служилъ затѣмъ въ разныхъ странахъ и въ разныхъ арміяхъ—въ Трансильваніи, Голландіи, въ Венеціи, у Христіана IX датскаго и, наконецъ, подъ знаменами знаменитаго Густава Адольфа, участвуя, въ качествѣ генерала, въ сраженіяхъ при Лейпцигѣ, 7-го сентября 1631 года, и Люценѣ, 6-го ноября 1632 года.

Семидесятилѣтнимъ старцемъ Турнъ окончилъ свои дни въ Перновѣ, въ Ливоніи, у сына, одареннаго Густавомъ Адольфомъ землею и титуломъ графа Перновскаго. Престарѣлый рыцарь умеръ въ 1640 году и былъ погребенъ, по его желанію, въ вышгородскомъ соборѣ въ Ревелѣ.

Противъ главнаго входа въ соборъ возвышается величественный, сдѣланный въ Италіи изъ карарскаго мрамора, памятникъ, поставленный императрицею Екатериною II надъ могилой знаменитаго русскаго моряка—адмирала Самуила Грейга, отличившагося въ войнахъ со шведами и турками въ 1788 году и умершаго въ томъ же году въ Ревелѣ.

На памятникѣ слѣдующая латинская надпись:

Samueli Greigio
Scoto
Summo Russ. Class. Praefecto
nat. MDCCXXXV, denat. MDCCLXXXVIII
Hunc
Archipelagus et mare balticum
Oraque sospes ab hostium ignibus
Hunc
virtutum laudes et
Magnanimae Catharinae II
superstes dolor
perpetuo carmine celebrant [1]).

Направо отъ алтаря мраморная пирамида означаетъ мѣсто вѣчнаго успокоенія бывшаго флигель-адъютанта императора Александра I, графа Фердинанда фонъ-Тизенгаузена, убитаго подъ Аустерлицемъ 2-го декабря 1805 года. На памятникѣ короткая надпись: Der Vater dem Sohne (отецъ сыну).

Налѣво—могила бывшаго ревельскаго коменданта Карла Горна, защищавшаго, въ 1571 году, городъ отъ Іоанна Васильевича Грознаго.

Рядомъ съ могилою адмирала Грейга, покоится прахъ адмирала Крузенштерна, знаменитаго мореплавателя, родившагося 7-го ноября

---

[1]) То-есть Самуилу Грейгу, шотландцу, адмиралу русскаго флота, рожденному въ 1735 году, умершему въ 1788 году; Архипелагъ, Балтійское море и берегъ, уцѣлѣвшій отъ непріятельскихъ огней, доблестная память и пережившая его скорбь великой духомъ Екатерины II восхваляютъ его въ непрестанныхъ славословіяхъ.

1770 года и умершаго 12-го августа 1846 года. Въ 1803 — 1806 годахъ адмиралъ Крузенштернъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе съ фрегатами «Надежда» и «Нева». Въ 1826 году онъ былъ назначенъ директоромъ морского корпуса. Надпись на памятникѣ слѣдующая:

Adam Iohann v. Krusenstern
geb. 1770 gest. 1846.
Vermählt mit Julie won Taube.
Первому русскому плавателю кругомъ свѣта.
1803 — 1806.

Въ вышгородской же лютеранской церкви погребена также и графиня Маргарита Гойа (Hoya), сестра короля Густава Вазы, которая скончалась въ Ревелѣ, гдѣ мужъ ея, генералъ-губернаторъ Финляндіи, проводилъ нѣкоторое время, путешествуя съ цѣлью поправленія здоровья. Мѣсто могилы этой царственной покойницы подъ плитами собора до сихъ поръ еще, однако, въ точности не опредѣлено, какъ и мѣста многихъ [1]) извѣстныхъ въ свое время лицъ, похороненныхъ въ этой старинной ревельской церкви.

Тамъ, гдѣ теперь возвышается скромная и небольшая католическая церковь, на Никольской улицѣ (Rusz-strasze), въ узкомъ дворѣ, надъ воротами котораго виднѣется въ нишѣ бѣлая фигура Христа Спасителя, нѣкогда находился католическій монастырь доминиканцевъ.

Монастырь этотъ, во имя св. Екатерины, былъ построенъ въ XIII вѣкѣ, при Эрикѣ V.

Въ первой четверти XVI столѣтія, въ эпоху гоненія протестантовъ на образа, монастырь сильно пострадалъ.

Въ томъ же столѣтіи магистратъ и гильдіи обвиняли монаховъ въ расхищеніи монастырскаго имущества и присвоеніи монастырскихъ денегъ, вслѣдствіе чего доминиканцамъ было предложено или покинуть монастырь или же перейти въ лютеранство. Вѣрные сыны католической церкви, конечно, предпочли первое и разошлись въ разныя стороны, исключая немногихъ престарѣлыхъ монаховъ, которымъ было разрѣшено оставаться на старомъ мѣстѣ. Что же касается монастырскаго начальства, пріора, его помощника и прокуратора, то они были задержаны и отпущены на свободу только тогда, когда возвратили часть захваченныхъ драгоцѣнностей ризницы.

Въ монастырѣ помѣщалась затѣмъ городская школа. Остававшаяся въ монастырѣ братія, не желая допускать въ стѣнахъ своей

[1]) Какъ, напр., могила сына шведскаго короля Карла IX — Филиппа. (См. G. v. Hansen, op. cit, стр. 65).

обители еретическаго въ ея глазахъ ученія Лютера, подожгла старинное монастырское зданіе и во время пожара скрылась.

Король шведскій Карлъ XI приказалъ возстановить зданіе и помѣстить въ одной части его арсеналъ, а въ другой городское училище. Училище это, пользуясь поддержкой магистрата и духовенства, существовало до 1807 года въ томъ самомъ зданіи, которое теперь служитъ католическою церковью во имя святыхъ Петра и Павла, и гдѣ, до основанія школы, помѣщалась монастырская пріемная (refectorium).

Прилегающіе теперь къ церкви дома (приблизительно восемь) стоятъ на мѣстѣ прежнихъ келій, сохраняя, въ видѣ подваловъ, прежніе подземные ходы доминиканской обители.

Старыя монастырскія стѣны давно разрушились, частью сами собой, частью разрушены нарочно, во избѣжаніе опасныхъ обваловъ,—какъ и большая часть городскихъ стѣнъ,—и теперь отъ прежняго монастыря осталась лишь его прежняя зала, теперешняя католическая церковь въ Ревелѣ.

На Большомъ, или такъ называемомъ Шведскомъ, рынкѣ возвышается старинное зданіе городской ратуши со стрѣльчатыми, готическаго типа, окнами и дверями и высокой башней, «на позоръ».

Направо отъ главной, посрединѣ зданія, двери еще доселѣ на старой стѣнѣ висятъ ошейники и цѣпи, въ которыхъ прежде преступники публично выставлялись предъ народомъ.

На первой площадкѣ лѣстницы, на стѣнѣ, виситъ черная доска съ латинскою позолоченною надписью, убѣждающей каждаго переступающаго порогъ магистрата члена городского совѣта сбросить съ себя лицепріятіе, вражду, гнѣвъ и приступать къ общественнымъ дѣламъ съ безпристрастіемъ, спокойствіемъ и чистою совѣстью, при чемъ дѣлается напоминаніе, что поскольку кто погрѣшитъ или сдѣлаетъ добро въ отношеніи ближняго, постольку отвѣтитъ или будетъ награжденъ на судѣ Божіемъ. Зала засѣданій городского совѣта украшена превосходной деревянной рѣзьбой XIV в.,—подарокъ городу шведскаго короля Карла XI,— и старинными картинами масляной краски работы Іогана Акена; ихъ числомъ восемь, и всѣ онѣ библейско-евангельскихъ сюжетовъ.

Ревельская ратуша обладаетъ интересными документами, какъ, напримѣръ, стариннымъ экземпляромъ кодекса Любекскаго права 1257 года, собственноручными письмами Мартина Лютера и Филиппа Меланхтона, собраньемъ актовъ, касающихся городскихъ привилегій и проч. Богатый архивъ магистрата, заключающій въ себѣ драгоцѣннѣйшіе документы, касающіеся прибалтійскаго края, не приведенъ еще донынѣ въ полный порядокъ и необходимую систему.

Время построенія ратуши въ точности неизвѣстно [1]). Его нельзя съ достовѣрностью относить къ 1219 году, эпохѣ возникновенія Ревеля, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, было ли городу дано муниципальное устройство тотчасъ по его основаніи. Въ XIII в. маленькіе города не управлялись магистратами, а имѣли общинное устройство, съ 2 — 3 старшинами во главѣ. Поэтому, по всей вѣроятности, муниципальное устройство возникло въ Ревелѣ съ постепеннымъ развитіемъ въ немъ торговли и образованіемъ ремесленныхъ цеховъ, то-есть приблизительно въ 1248 году, когда король Эрикъ V даровалъ Ревелю любекское право. Такимъ образомъ ревельская ратуша была выстроена между 1248—1249 годами. Что же касается ея башни, то достовѣрно извѣстно, что она была возведена въ 1665 году на средства города подъ наблюденіемъ муниципальнаго совѣтника Іогана Мюллера [2]).

Ревельскій магистратъ имѣлъ то же устройство, что и любекскій. Постепенно пріобрѣталъ онъ всѣ необходимыя городу права и привилегіи,—между прочимъ, и право чеканить монету, что было очень важно для торговли въ то время, когда денежная цѣнность не имѣла опредѣленной нормировки. Муниципалитетъ состоялъ изъ 12 членовъ и 2 бургомистровъ, ежегодно смѣняемыхъ по выборамъ. Избранія въ муниципальный совѣтъ происходили всякое 21 декабря, въ день св. Ѳомы, и о результатѣ выборовъ объявлялось горожанамъ. Члены совѣта дѣлили между собою по соглашенію обязанности по городскому управленію, при чемъ для каждой отдѣльной отросли хозяйства было по двое наблюдательныхъ члена, съ двумя бургомистрами во главѣ, какъ сказано выше. Такъ было два казначея, два сборщика податей, два контролера, два надзирателя за торговыми погребами и складами и т. д.

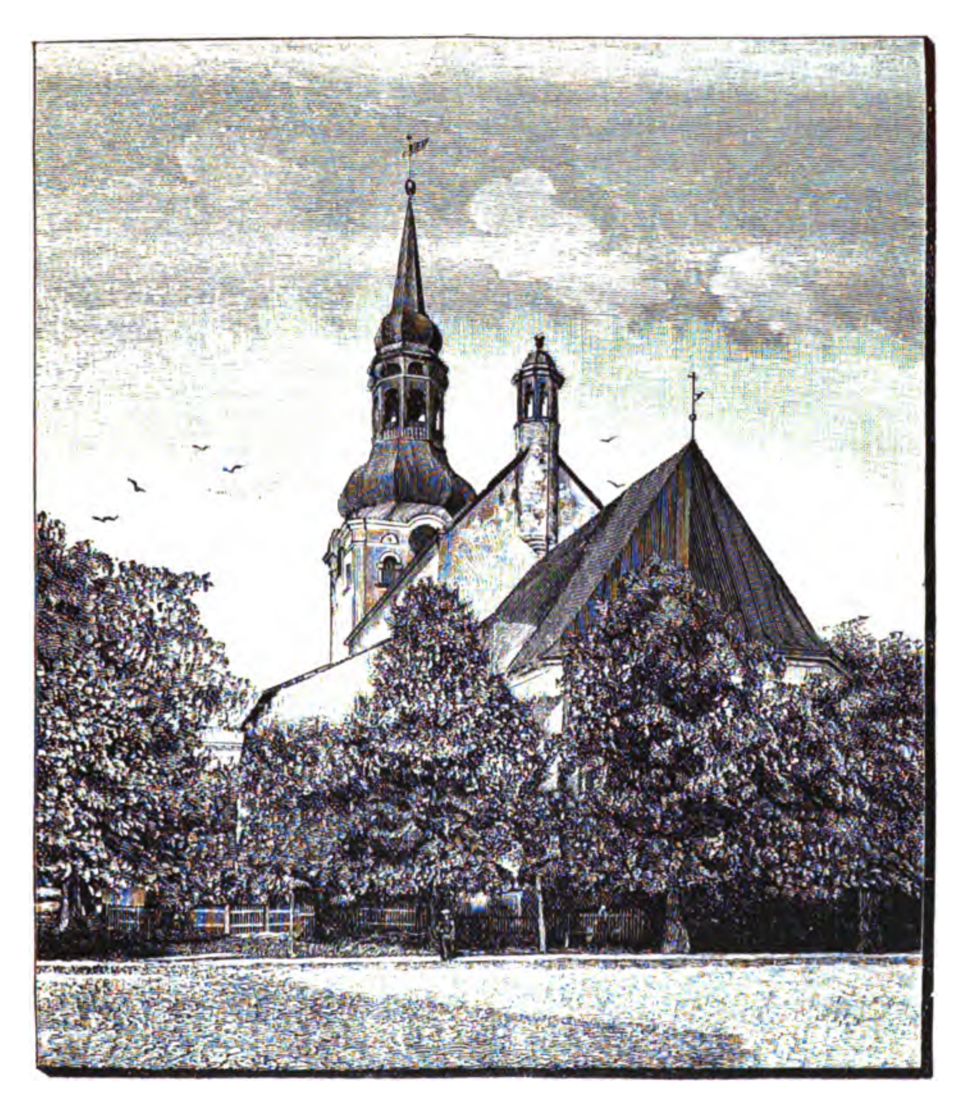
Кромѣ того, на членахъ городского совѣта лежала обязанность полицейская и сыскная, обязанность представительства на провинціальныхъ съѣздахъ, на сеймахъ ганзейскихъ городовъ и на всякаго рода совѣщаніяхъ и собраніяхъ, которыя до такой степени участились въ XVI столѣтіи, что сдѣлались, по истинѣ, тяжкимъ бременемъ для городскихъ муниципій.

Во время посольствъ и войны муниципальнымъ членамъ также доставалось на долю немало хлопотъ и расходовъ. На войну они отправлялись поочереди. Эта повинность была, однако, вскорѣ облегчена «черноголовыми» [3]), которые принимали усердное участіе въ военныхъ дѣлахъ города, но зато посольства очень тяжело

[1]) Itinéraire de Reval, par R. von Reutlinger, St. Pétersbourg, 1847.

[2]) Въ нѣкоторыхъ описаніяхъ Ревеля (напр., Führer durch Reval., 1878) утверждается, что башня эта построена Іоганомъ Мюллеромъ; по найденнымъ въ архивѣ ратуши даннымъ это невѣрно: І. Мюллеръ наблюдалъ только за ея постройкой, а не строилъ ее на свои средства.

[3]) См. выше.

Лютеранская Вышгородская церковь.

отзывались на представителяхъ муниципій. Почти каждый годъ кто нибудь изъ нихъ обязанъ былъ ѣхать въ Любекъ для присутствованія на тамошнемъ ганзейскомъ сеймѣ, что сопряжено было и съ большими расходами, и съ дальностью пути[1]), и, наконецъ, съ опасностями подвергнуться въ дорогѣ нападенію разбойниковъ, что̀ зачастую и случалось. Часто приходилось ѣздить имъ также

[1]) 210 миль.

въ Ливонію, на мѣстные съѣзды, въ Новгородъ Великій или къ русскимъ границамъ, для возобновленія трактатовъ.

Въ послы выбирали обыкновенно изъ людей помоложе, болѣе подвижныхъ и отважныхъ, и снабжали ихъ на дорогу отъ города обильными съѣстными припасами, лошадьми и цѣлымъ штатомъ кучеровъ, конюховъ, слугъ и придверниковъ.

Магистратъ въ Ревелѣ имѣлъ въ своихъ рукахъ винную монополію и получалъ отъ нея большія выгоды, благодаря обильному вывозу вина въ Россію.

Доходъ отъ налога съ лавокъ и погребовъ былъ также весьма значительный; мельницы давали еще больше. Ихъ было въ Ревелѣ три: городская, монастыря св. Михаила и королевская. Послѣднія двѣ были потомъ уступлены городу: короной, въ 1345 году, и монастыремъ, при аббатисѣ Маргаритѣ фонъ-Рикенъ.

Ежегодно закрытіе засѣданій городского совѣта предъ новыми выборами заканчивалось въ Ревелѣ очень торжественной церемоніей. Наканунѣ дня св. Ѳомы, 20-го декабря, въ 2 часа дня, магистратъ въ полномъ составѣ собирался въ церкви св. Духа, служившей капеллой ратуши, какъ уже было упомянуто выше, чтобы возблагодарить Бога за истекающій годъ. Сюда же приходили и гильдіи. По окончаніи благослуженія магистратъ шелъ въ ратушу по переполненной народомъ площади, а городскія гильдіи устанавливались въ колонны предъ зданіемъ городского совѣта. Поднявшись на крыльцо ратуши, члены магистрата останавливались, и предъ ними церемоніальнымъ маршемъ проходили городская конница и артиллерія. Затѣмъ, магистратъ отдавалъ отчетъ городу въ управленіи за годъ и назначалъ извѣстную сумму денегъ въ пособіе бѣднымъ.

Въ 6 часовъ вечера, большая гильдія купцовъ и гильдія св. Канута[1]) собирались въ ратушѣ и вносили издревле установленный налогъ по ригсдалеру за каждаго горожанина и за каждый домъ. Вечеромъ магистратъ in corpore провожалъ свой служебный годъ товарищескимъ ужиномъ.

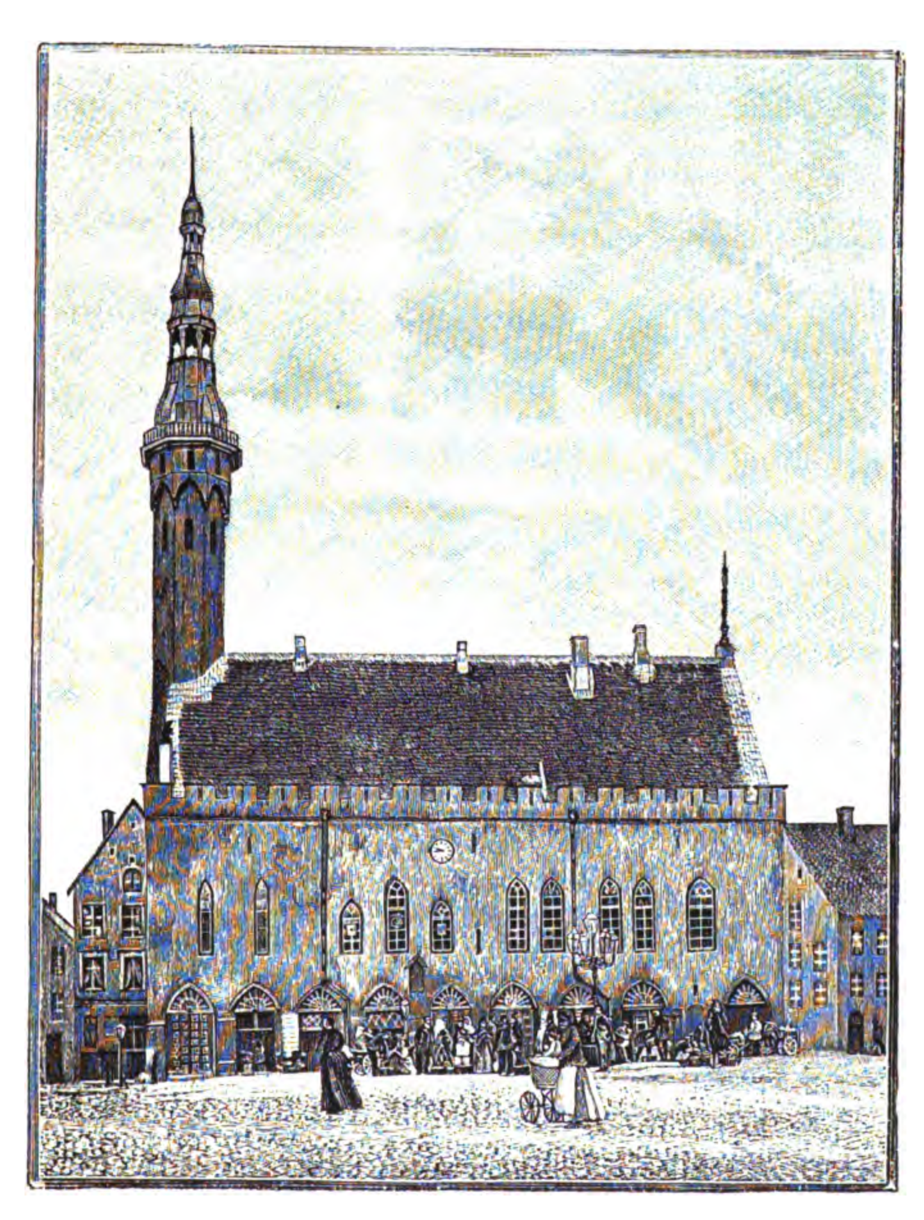
Въ настоящее время въ ревельской ратушѣ засѣдаетъ городская дума.

Надъ главною дверью ратуши, въ стѣнѣ, вдѣланы большіе часы съ боемъ (въ 1843 году), освѣщаемые изнутри ночью, работы ревельскаго часовщика Гаазе. Они отличаются большою вѣрностью.

На площади Большого рынка, предъ зданіемъ ратуши, ближе къ лавкамъ, по срединѣ которыхъ идетъ узенькій проходъ, выходящій на Длинную (Морскую) улицу, обращаютъ на себя вниманіе два камня, образующіе собою треугольникъ. По преданію, на этомъ самомъ мѣстѣ былъ нѣкогда казненъ какой-то прегрѣшившій священникъ. Въ виду сходства этого треугольника съ буквою L, въ пер-

---

[1]) См. выше.

Ревельская ратуша.

пендикулярно сложенныхъ камняхъ желали видѣть первоначальную букву фамиліи казненнаго, предполагая, что это былъ пасторъ Ланге (Lange).

Со времени реформаціи въ Ревелѣ былъ только одинъ пасторъ, носившій такое имя, который въ 1523 году былъ назначенъ священникомъ церкви св. Николая[1]) и умеръ въ этомъ санѣ 4-го августа 1531 года, во время чумной эпидеміи въ Эстоніи. Изъ деревенскихъ пасторовъ, не бывшихъ, впрочемъ, подъ властью городского магистрата, былъ только одинъ, носившій имя Ланге, — Магнусъ Эрикъ Ланге, пасторъ въ Ноле, умершій въ 1667 году въ своемъ приходѣ. Былъ епископъ д-ръ Іаковъ Ланге, послѣдній епископъ Эстоніи, который въ 1700 году, незадолго до присоединенія Эстляндіи къ Россіи, бѣжалъ въ Швецію и умеръ тамъ епископомъ линкипингскимъ (Linkoeping).

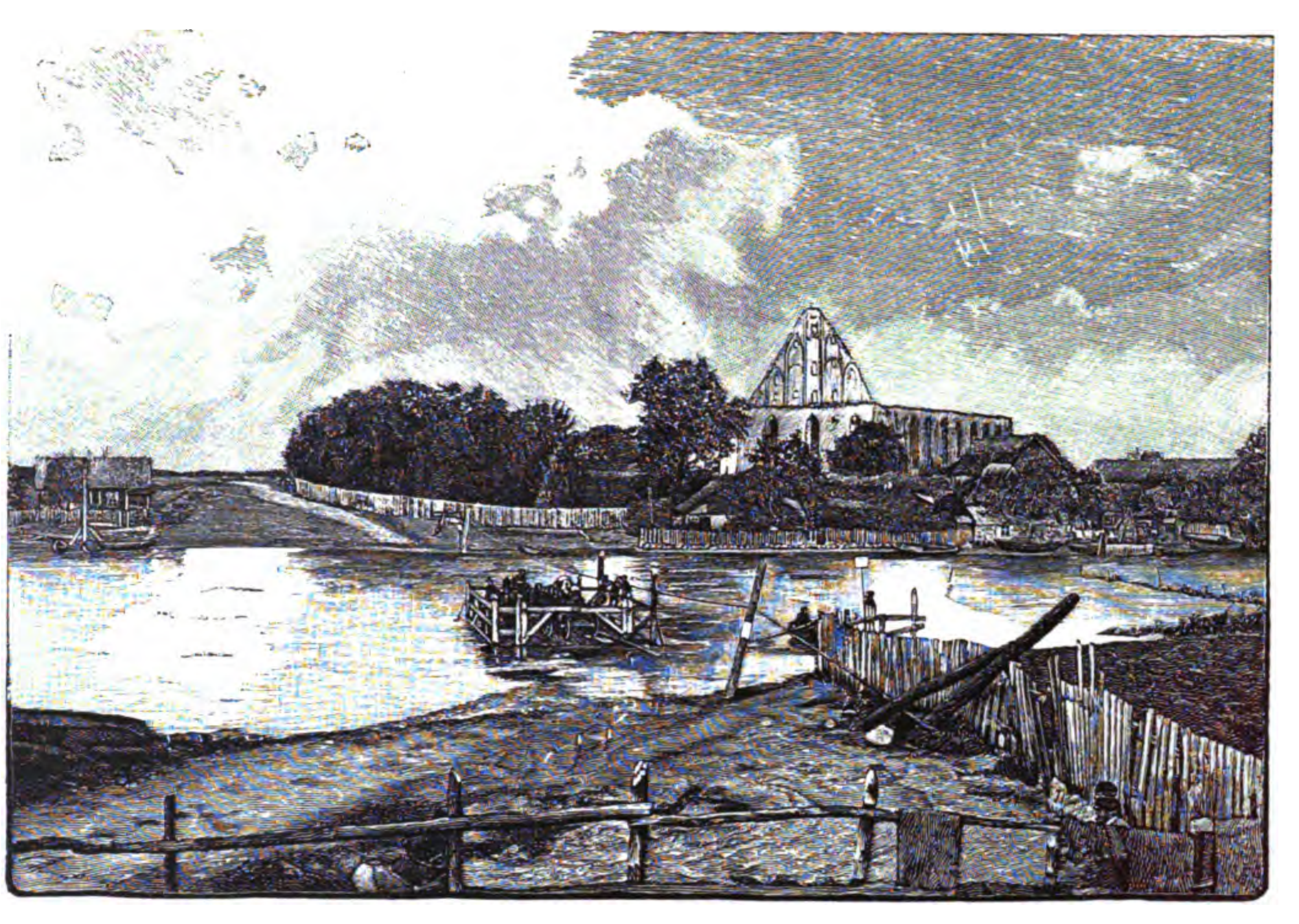
Предполагая, что интересующіе насъ камни означаютъ мѣсто казни одного изъ ревельскихъ пасторовъ, — мы находимъ одного дѣйствительно казненнаго ех-пастора въ Ревелѣ, но онъ былъ иностранецъ, фамилія его не начиналась буквой L.

Вотъ что намъ извѣстно по этому поводу. Нѣкто Эліасъ Христіанъ Панике, уроженецъ Вестфаліи, былъ, въ 1686 году, назначенъ пасторомъ въ Гангенбитенгеймѣ, въ нижнемъ Эльзасѣ, но во время похода французовъ, въ 1688 году, на Германію, окончившагося завоеваніемъ нѣмецкихъ владѣній за Рейномъ, лишился сана и, ведя скитальческую жизнь, очутился, наконецъ, въ Ревелѣ, гдѣ, въ 1693 году, для него была устроена подписка, въ виду бѣдственнаго положенія, въ которомъ онъ тогда находился. Панике былъ человѣкомъ далеко неодобрительнаго поведенія, склоннымъ къ разгулу и азартнымъ играмъ. 26-го декабря 1694 года, онъ пришелъ въ трактиръ «Рига», находившійся въ одномъ изъ форштадтовъ Ревеля, и завелъ ссору съ трактирной прислужницей, во время которой ударомъ топора положилъ ее на мѣстѣ. Панике былъ тотчасъ же заключенъ въ тюрьму, а 11-го января 1695 года ревельскій магистратъ приговорилъ его къ казни посредствомъ обезглавленія мечомъ. 14-го января, королевская консисторія, которой былъ тогда подчиненъ магистратъ въ дѣлахъ духовныхъ, утвердила приговоръ магистрата, лишила обвиненнаго всѣхъ прежнихъ правъ и преимуществъ и распорядилась снять съ него пасторскую одежду, въ которой онъ доселѣ ходилъ. 18-го января, окруженный городскими священниками, онъ былъ приведенъ на Большой (Шведскій) рынокъ, гдѣ стоитъ ратуша, и обезглавленъ, по всей вѣроятности, именно, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь мы видимъ сложенные угломъ камни, о которыхъ идетъ рѣчь[2]).

---

[1]) См. выше.

[2]) R. von Rentlinger, op. cit., стр. 161—161.

Развалины монастыря св. Бригиты близъ Ревеля.

На Длинной (Морской) улицѣ обращаетъ на себя вниманіе расположенное какъ разъ противъ уже извѣстной читателямъ кирки св. Духа и выходящее задней стороной на Широкую улицу старое, некрасивое зданіе, съ непропорціонально вытянутымъ верхомъ, на которомъ виднѣются бѣлые кресты на красномъ фонѣ въ медальонахъ датскаго ордена Данеброга. Это домъ большой гильдіи (купцовъ) въ Ревелѣ, которой упомянутый орденъ былъ пожалованъ Эрикомъ V, въ память основанія гильдіи въ 1249 году.

Зданіе гильдіи относится къ XIV вѣку. Очень оригинальны его наружныя массивныя двери, поставленныя въ 1430 году, тяжелыя кольца которыхъ вдѣланы въ выпуклыя львиныя морды, окружены надписями: «Gotde-ghebenedict-al-dat-byr-is-unde-noch-komen-sol», то-есть да благословитъ Богъ того, который здѣсь идетъ, и того, который пройдетъ, и «Anno-domini-millesimo-CCCCXXX-o-rex-gloriae-veni-in-pace-1430», то-есть «въ годъ Господа 1430-й; о царь славы, иди въ мирѣ». Большая зала гильдіи довольно обширна со сводами, поддерживаемыми красивыми колоннами. Въ малой залѣ виситъ на стѣнѣ шведскій государственный гербъ и гербъ гильдіи, портретъ во весь ростъ короля шведскаго Эрика XIV и поясной императора Александра II въ драгунскомъ мундирѣ.

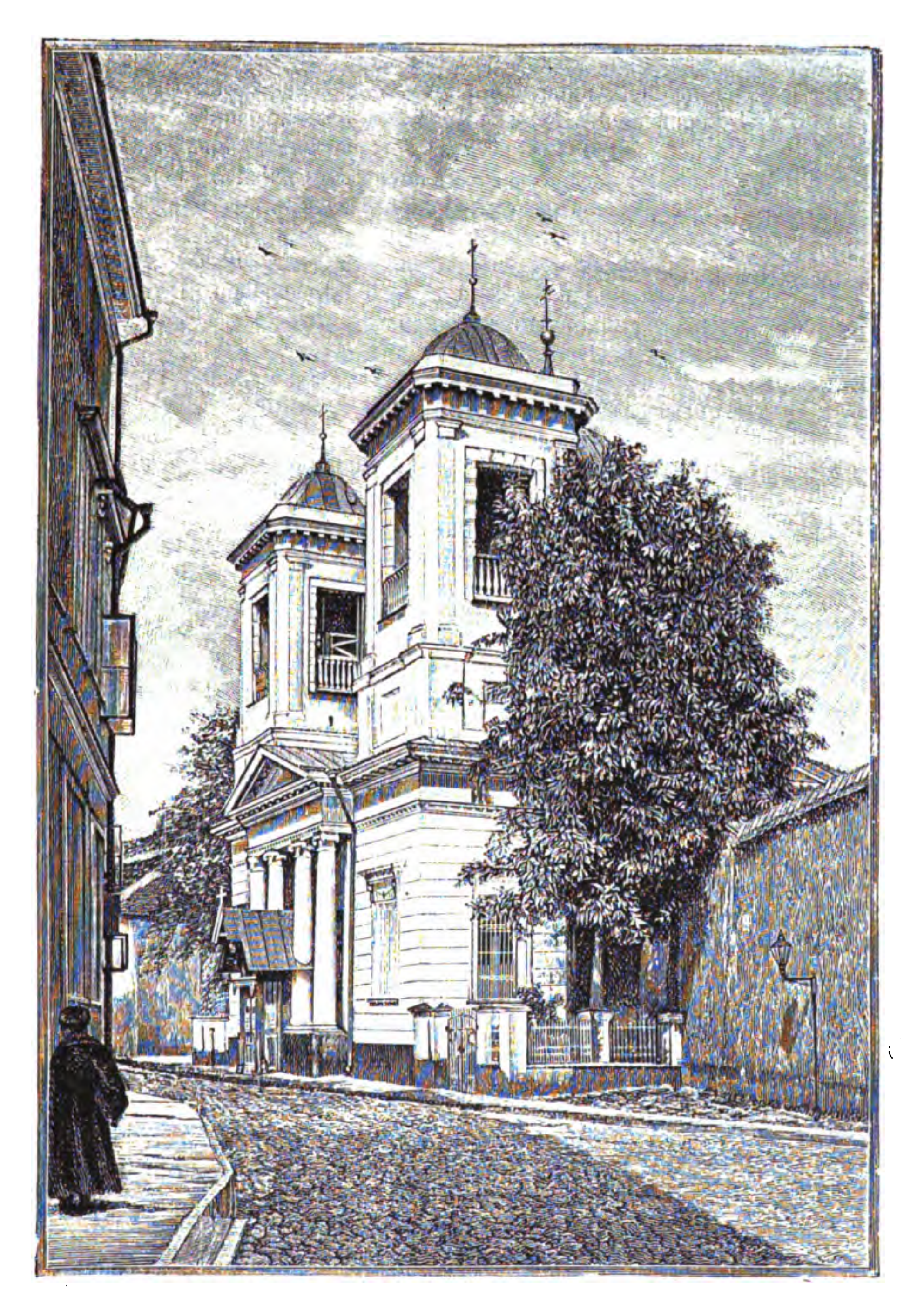
Простѣнки сводовъ заняты масляными картинами болѣе поздняго времени, Леопольда Пезольда — средневѣковой народный праздникъ въ Ревелѣ, и Шпренгеля — сцена прибытія въ Ревель перваго посла Лютера.

Въ домѣ большой гильдіи происходятъ засѣданія биржи.

Верстахъ въ двухъ отъ Ревеля, за Екатериненталемъ, близъ мѣстечка Копъ, возвышаются на морскомъ берегу живописныя развалины монастыря во имя св. Бригиты, на рѣкѣ, называемой Бригитовкой.

Святая Бригита жила въ Швеціи въ XIV столѣтіи. Послѣ смерти мужа, королевскаго сенатора Ульфо Гундмара въ Упсалѣ, она, вмѣстѣ съ дѣтьми путешествуя по разнымъ странамъ, всюду стяжала себѣ славу за добрыя дѣла и широкую благотворительность. Св. Бригита долгое время жила въ Италіи, въ Римѣ, Неаполѣ и Сициліи, была также и въ Іерусалимѣ и вездѣ являлась утѣшительницей бѣдныхъ и угнетенныхъ. Послѣ ея кончины, послѣдовавшей въ 1373 году, она была причислена къ лику святыхъ, въ 1391 году, при папѣ Бонифаціи IX. Св. Бригита умерла въ Римѣ, гдѣ въ соборѣ св. Павла сохраняется распятіе, говорившее, по народному повѣрію, съ этой замѣчательной женщиной. Это распятіе работы Пьетро Каватини, славнаго ученика знаменитаго Джіотто.

Въ числѣ многихъ монастырей, основанныхъ въ честь св. Бригиты, бригитскій монастырь подъ Ревелемъ возникъ, благодаря усер-

Православная церковь св. Николая Чудотворца въ Ревелѣ.

дію трехъ горожанъ: архитектора Генриха Швальберга, Генриха Гуксера (Huxer) и Гарлаха Крузе. Лица эти пожертвовали на монастырь все свое состояніе и сами сдѣлались монахами. Постройка монастыря длилась 29 лѣтъ. Въ расходахъ на нее принимало участіе также мѣстное дворянство, городъ и шведское правительство.

Въ 1443 году монастырь былъ освященъ епископомъ Генрихомъ Икскюлемъ, и Герлахъ Крузе былъ первымъ монастырскимъ исповѣдникомъ.

Монастырь, по уставу, былъ открытъ для обоихъ половъ, монахи и монахини сходились на общей молитвѣ въ церкви. Ихъ кельи были расположены на сѣверъ отъ храма, съ которымъ соединялись сводистымъ корридоромъ.

Въ 1551 году, во время ливонской войны царя Іоанна Грознаго, русскіе сожгли и разрушили монастырь. Запрестольный образъ монастырской церкви былъ спасенъ братьями «черноголовыми», перенесенъ въ ихъ домъ, въ Ревелѣ [1]), и до сихъ поръ хранится тамъ въ числѣ прочихъ историческихъ предметовъ этого интереснаго зданія.

Въ библіотекѣ церкви св. Олая хранилась на пергаментѣ копія акта канонизаціи св. Бригиты и булла папы Мартина V, дарующая отпущеніе грѣховъ всѣмъ, совершившимъ паломничество въ монастырь св. Бригиты въ городѣ Вадстенѣ (Wadstena), въ Швеціи, мѣсто рожденія этой святой, гдѣ, какъ говорятъ, покоятся ея останки.

На монастырской бронзовой печати овальной формы изображенія св. Бригиты рядомъ со св. Дѣвой Маріей и вышеупомянутаго Крузе, возлѣ котораго стоятъ сапоги, изъ чего заключаютъ, что онъ былъ по профессіи сапожникъ. Печать эта въ 1807 году хранилась у суперинтендента Егера, въ Ревелѣ, а въ настоящее время находится въ Нарвѣ [2]).

Развалины этого стариннаго монастыря однѣ изъ живописнѣйшихъ. Обвалившіяся стѣны и фасадъ, пронизанный множествомъ узкихъ оконцевъ, красиво высятся на берегу моря, словно эффектная декорація. Кое-гдѣ виднѣются на стѣнахъ скульптурныя изображенія, наполовину поломанныя. Угловая башня сохранилась довольно хорошо, а также и обширный монастырскій склепъ. Народная молва говоритъ, что подъ монастыремъ доселѣ сохранилось прежнее подземелье, ведущее въ городъ подъ моремъ.

По поводу этого подземнаго хода существуетъ слѣдующая романическая легенда.

Въ 1406 году, задолго до основанія Бригитскаго монастыря, литовскій король Владиславъ V осаждалъ Ревель, и горожане дали обѣщаніе построить монастырь, если Богъ поможетъ имъ избавиться отъ враговъ. Въ это время св. Бригита приснилась во снѣ

---

[1]) См. выше.

[2]) R. von Rentlinger, op. cit., стр. 238—239.

одному набожному горожанину Юнгингену и указала приблизительно мѣсто, гдѣ долженъ быть построенъ монастырь, обѣщая спасеніе осажденнымъ. Городскія женщины и дѣвушки пошли искать указанное святой мѣсто; въ ихъ числѣ была и дочь Юнгингена, Матильда. По несчастію, онѣ попали въ руки литовцевъ, но сынъ король Удо влюбился въ Матильду, освободилъ плѣнницъ и уговорилъ отца снять осаду. Горожане исполнили обѣщаніе и выстроили монастырь во имя св. Бригиты, а Матильда была его первой, будто бы, настоятельницей, отвергнувъ любовь королевича.

Удо удалился, но чрезъ годъ вернулся съ пятью храбрыми товарищами, съ цѣлью похитить любимую дѣвушку-монахиню. Случайно его затѣя открылась, и онъ былъ заключенъ вмѣстѣ съ путниками въ одну изъ городскихъ башенъ Ревеля, между Глиняными и Морскими воротами. Изъ окна темницы онъ издали видѣлъ монастырь, оберегавшій плѣнившую его сердце красавицу, и изнывалъ въ тоскѣ, какъ вдругъ однажды мышь, пробравшаяся къ нему въ заточеніе, навела его на мысль о существованіи подземнаго прохода по направленію къ монастырю св. Бригиты. Королевичъ и его товарищи стали рыть подземный ходъ, чтобъ пробраться въ монастырь. Имъ это удалось, и Удо достигъ до святого мѣста и говорилъ съ Матильдой въ то время, когда она раздавала милостыню, на порогѣ кельи.

Его мольбы остались тщетными. Тогда королевичъ подкупилъ стражу, бѣжалъ въ свое отечество и вскорѣ снова вернулся, на этотъ разъ уже съ враждебными замыслами противъ Ревеля. Онъ былъ, однако, взятъ въ плѣнъ и, будучи раненымъ, отданъ на попеченіе отцовъ доминиканцевъ. Матильда, узнавъ объ этомъ, рѣшила его обратить къ вѣрѣ и, воспользовавшись подземнымъ ходомъ, сдѣланнымъ ея обожателемъ, являлась всякую ночь къ его изголовью. Ей удалось это. Королевичъ постригся въ монахи и вскорѣ достигъ высокихъ духовныхъ степеней. Матильда продолжала навѣщать его до конца дней своихъ, любя его, какъ брата. При постриженіи Удо принялъ имя Доната.

Такова эта сантиментальная легенда, соединенная съ подземельемъ живописнаго монастыря св. Бригиты.

Какъ мы уже упомянули въ предыдущемъ очеркѣ, теперешній православный Преображенскій соборъ въ Ревелѣ былъ нѣкогда церковью католическаго дѣвичьяго монастыря, во имя св. архангела Михаила, цистерціанцевъ, по правиламъ св. Бенедикта, сооруженнаго датскимъ королемъ Эрикомъ IV Эйгинодомъ (жестокимъ), о чемъ тоже уже сказано было выше, въ исходѣ XI столѣтія, задолго до появленія Ревеля, годомъ основанія котораго считается 1219 годъ.

Сначала монастырь находился внѣ города, но со временемъ, когда Ревель, по повелѣнію датской королевы Маргариты, сталъ окружаться стѣнами, онъ вошелъ въ городскую черту и занималъ все пространство отъ Цистернской улицы по Соборному переулку, вплоть до Широкой улицы, включая сюда Николаевскую гимназію, съ большимъ дворомъ и гимназическими постройками, и православный соборъ. Къ монастырю было приписано нѣсколько имѣній, и отданы, по распоряженію Эрика Глиппинга, всѣ доходы Олаевской кирки.

Михайловскій монастырь отличался необыкновенною приверженностью къ папству и, благодаря упорству настоятельницы своей, Софіи Шварцгофъ, отказался наотрѣзъ принять лютерово ученіе. Лишь въ 1543 году ревельскому суперъ-интенденту удалось склонить монахинь перейти въ лютеранство, вслѣдствіе чего католическая церковь монастыря была обращена въ кирку, а въ монастырскихъ зданіяхъ учреждено было женское училище подъ наблюденіемъ бывшей аббатиссы Елизаветы фонъ-Цэгэ, принявшей лютеранство.

Позднѣе, при знаменитомъ шведскомъ королѣ Густавѣ-Адольфѣ, женское михайловское училище было упразднено и вмѣсто него, въ 1631 году, открыто мужское училище, на содержаніе котораго были назначены всѣ доходы съ прежнихъ монастырскихъ угодій.

По завоеваніи Ревеля Петромъ I, въ 1709 году, русскіе потребовали себѣ отъ города бывшую Михайловскую кирку, служившую церковью шведскому гарнизону. Магистратъ, однако, не сразу передалъ ее въ руки русскаго начальства, и только въ 1716 году она обратилась въ православный храмъ.

Первый православный образъ, поставленный въ прежней шведской киркѣ, былъ образъ св. Ѳеодора Стратилата, и поэтому до 1734 года русская ревельская церковь называлась Ѳеодоровской. Въ упомянутомъ же году былъ освященъ главный придѣлъ ея во имя Преображенія Господня, и церковь, находившаяся до сего времени въ военномъ вѣдомствѣ, передана духовному вѣдомству въ качествѣ ревельской соборной церкви.

Даже и при православномъ иконостасѣ, сооруженномъ стараніемъ императора Петра I, по внутреннему виду и устройству, ревельскій Преображенскій соборъ долгое время, однако, оставался почти вполнѣ лютеранской киркою, и только въ 1830 году, по приказанію государя Николая Павловича, соборъ, на отпущенную для сего изъ казны сумму, въ размѣрѣ 84 тысячъ рубл. ассигн., былъ передѣланъ и получилъ свой теперешній видъ. Хоры, на которыхъ прежде помѣщался органъ, уничтожены, скамьи вынесены, полъ, бывшій нѣсколько углубленнымъ, приподнятъ, а остроконечный шпиль готическаго типа замѣненъ православнымъ куполомъ надъ алтаремъ.

Такова характерная исторія собора, бывшаго въ теченіе 294 лѣтъ, до 1543 года, католической каплицей цистерціанокъ, потомъ,

до 1716 года, лютеранскою киркою и въ теченіе послѣднихъ 170 лѣтъ мѣстомъ православнаго богослуженія.

Изъ достопримѣчательностей храма интересны упомянутый иконостасъ тонкой итальянской работы, сдѣланный за границею въ 1720 году, по повелѣнію императора Петра, дубовый осьмиконечный, въ въ 14 вершковъ вышины, крестъ, принесенный въ даръ собору, какъ видно изъ надписи на немъ, императрицею Анной Іоанновной, въ 1732 году, неизвѣстно кѣмъ и когда пожертвованный образъ Успенія Пресвятой Богородицы съ вложенными въ немъ частицами мощей свв. угодниковъ,—копія съ подлинной иконы, находящейся въ Кіевопечерской лаврѣ, и древнее Евангеліе 1689 года, напечатанное въ Москвѣ, при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ.

На каждомъ изъ соборныхъ колоколовъ высѣчены особыя латинскія надписи, а именно: на одномъ изъ нихъ: «Dum trahor audite voco vos ad gaudia vitae 1575 anno fecit me Matias Beninck» (когда я звоню, слушайте,—я зову васъ къ благамъ жизни, въ 1575 сдѣлалъ меня Матіасъ Бенинкъ, а на другомъ: «Verbum Domini manet in aeternum. Anno 1623. Stoebt mich Hans Kemmer y Helschenor» (слово Божіе пребываетъ во вѣки. Въ 1623 вылилъ меня Гансъ Кеммеръ, въ Гёльзингёрѣ) [1]).

Послѣ Преображенскаго собора въ Ревелѣ есть еще одно очень древнее мѣсто молитвы православныхъ—это церковь св. Николая, на улицѣ, въ честь ея названной Никольской или Ruszstrasze, по мѣстному наименованію.

Въ представленіяхъ ревельскаго магистрата къ ливонскому ордену, въ послѣднихъ годахъ XV столѣтія, мы уже встрѣчаемъ упоминаніе о русской церкви св. Николая, которую московское правительство требовало держать въ чистотѣ и порядкѣ, не совершать въ ней насилій и не выдавать въ ней преступниковъ [2]).

Въ 1656 году Никольская церковь сильно пострадала отъ пожара, но была ремонтирована новгородскими купцами, по контракту съ ревельскимъ бургомистромъ Паульсономъ за 760 рейхсталеровъ. Въ 1686 году цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи пожертвовали Никольской церкви новую церковную утварь и образа, какъ значится на надписи на старинномъ иконостасѣ храма.

Сначала церковь была деревянная, на каменныхъ столбахъ, очень небольшая.

Въ началѣ текущаго столѣтія храмъ пришелъ въ ветхость и требовалъ капитальной перестройки. Въ 1804 году русское купечество въ Ревелѣ ходатайствовало передъ государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ о правительственной субсидіи для ре-

---

[1]) Датскій городъ, при Зундѣ.

[2]) Рев. магистратскіе акты за 1491 годъ.

ставраціи Никольской церкви. Политическія событія затянули, однако, дѣло до 1818 года, когда бывшій настоятель Никольской церкви о. Іоаннъ Неденевъ энергически приступилъ къ сбору пожертвованій на построеніе новаго храма, на мѣстѣ стараго, настолько состарившагося, что угрожалъ разрушеніемъ.

Въ 1822 году было заложено новое церковное зданіе, а въ 1827 году уже освящено въ его теперешнемъ видѣ.

Отъ прежняго храма почти ничего не осталось, кромѣ стѣнъ малаго алтаря, стоящихъ понынѣ нетронутыми.

Изъ достопримѣчательностей церкви сохраняются старинныя паникадила, пожертвованныя царемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ Годуновымъ и висящія передъ главнымъ алтаремъ, а также иконостасъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, стоящій въ маломъ придѣлѣ.

Подъ амвономъ главнаго алтаря покоится прахъ извѣстнаго митрополита ростовскаго Арсенія Мацѣевича, лишеннаго сана за противодѣйствіе отчужденію монастырскихъ имуществъ въ пользу казны, при императрицѣ Екатеринѣ II, и окончившаго дни свои въ Ревелѣ.

С. Уманецъ.

КЪ МУЛТАНСКОМУ ВОПРОСУ.

УЛТАНСКОЕ судебное дѣло окончилось, но поднятые имъ вопросы изъ области религіозныхъ вѣрованій вотяковъ далеко не всѣ еще разрѣшены и продолжают вызывать споры. Представители обѣихъ группъ, говорившіе въ печати и на судѣ въ защиту или противъ мултанцевъ, не разъ пытались найти въ прошлой жизни вотяцкаго народа подтвержденія для тѣхъ или иныхъ взглядовъ на его религіозный культъ. Особенно ясно это сказалось при рѣшеніи одного изъ существенныхъ вопросовъ мултанскаго дѣла: существовали ли въ прошломъ у вотяковъ человѣческія жертвоприношенія? Чувствуя неизбѣжную необходимость дать хотя какой нибудь отвѣтъ на этотъ вопросъ, представители «обвинительнаго» направленія не нашли ничего лучшаго, какъ сослаться на разные дикіе слухи и нелѣпыя легенды о вотяцкихъ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, при чемъ авторами этихъ слуховъ и легендъ оказывались такіе авторитетные люди, какъ страдающіе запоемъ малмыжскій священникъ, или арестантъ-каторжникъ, невѣжественный урядникъ и т. п.

Противники этого направленія не увлеклись такимъ сомнительнымъ «историческимъ источникомъ» и пошли по другой, болѣе прямой, разумной и... честной дорогѣ. Они обратились не къ слабой памяти темныхъ людей, а къ подлиннымъ историческимъ первоисточникамъ—къ архивнымъ матеріаламъ. Такъ г. Луппов пересмотрѣлъ въ синодальномъ архивѣ 49 вотяцкихъ дѣлъ, въ Вятскомъ консисторскомъ архивѣ 292 дѣла, кромѣ того, изучилъ въ послѣд-

немъ архивѣ описи 331 дѣла и въ архивѣ Елабужскаго духовнаго правленія описи его дѣлъ (количество не указано). Всѣ эти дѣла относятся къ XVIII вѣку и единогласно свидѣтельствуютъ, что «многочисленныя жертвенныя моленія вотяковъ сопровождались только умерщвленіемъ лошадей, барановъ, гусей и утокъ, о человѣческихъ же жертвоприношеніяхъ не было даже намека» [1]).

Чтобы окончательно закрѣпить этотъ существенный для исторической правды выводъ, я предпринялъ аналогичную работу въ одномъ изъ нашихъ историческихъ архивовъ—въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Здѣсь хранятся между прочимъ дѣла упраздненныхъ судебныхъ учрежденій Вятской губерніи, а именно: Вятской уголовной и гражданской палаты (6118 дѣлъ) и уѣздныхъ судовъ—Вятскаго (5646 дѣлъ), Глазовскаго (472 дѣла), Малмыжскаго (326 дѣлъ), Яранскаго (202 дѣла), Котельническаго (1757 дѣлъ) и Орловскаго (2336 дѣлъ). По Слободскому уѣздному суду сохранились однѣ книги, а судебныхъ дѣлъ нѣтъ. Сохранились также книги и дѣла городовыхъ магистратовъ Вятки, Нолинска, Орлова, Слободскаго и Царевосанчурска. Но магистратскіе документы не подлежали моему обозрѣнію, такъ какъ содержаніе ихъ почти исключительно административнаго и финансоваго характера.

Такимъ образомъ, мнѣ слѣдовало пересмотрѣть дѣла уголовной палаты и 6 уѣздныхъ судовъ, всего 16757 дѣлъ, относящихся къ XVIII вѣку. Задача эта была бы слишкомъ трудною, если бы не сохранились довольно удовлетворительныя описи, при которыхъ дѣла присылались изъ упраздненныхъ учрежденій въ московскій архивъ. Описи передаютъ краткое содержаніе дѣлъ, имена преступниковъ и жертвъ, ихъ званіе и проч. Когда рѣчь идетъ объ инородцахъ Вятскаго края, опись означаетъ—къ какому племени данныя лица принадлежатъ (вотяцкому, черемисскому и др.), но иногда глухо называетъ ихъ «новокрещенами» [2]), и тогда нужно обращаться къ самому дѣлу, чтобы узнать, о комъ именно говорится—о вотякѣ, или черемисинѣ и проч.

Конечно, меня интересовали только тѣ изъ уголовныхъ дѣлъ, въ которыхъ фигурируютъ вотяки. Если опись не давала яснаго понятія о преступленіи, въ которомъ обвинялся данный вотякъ, или оставляла неясными мотивы его преступленія, я обращался въ такихъ случаяхъ къ самому дѣлу и изучалъ его въ подлинникѣ.

Преступленія противъ вѣры вѣдались тогда церковнымъ судомъ (см. выше о разысканіяхъ г. Лупнова), а потому между разсмотрѣнными мною дѣлами свѣтскихъ судебныхъ учрежденій не ока-

---

[1]) П. Богаевскій: «Мултанское «моленіе» вотяковъ въ свѣтѣ этнографическихъ данныхъ», стр. 5—6.

[2]) Иногда встрѣчаются и «старокрещены изъ вотяковъ» (см., напримѣръ, уголовн. палаты опись 25, вязка 25, дѣло № 3374 и др.).

залось ни одного дѣла не только о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ, но и вообще о всякихъ жертвенныхъ моленіяхъ вотяковъ. Впрочемъ, дѣла о суевѣріяхъ попадаются; напримѣръ, курьезное дѣло 1790 г. объ одномъ вотякѣ, обвинявшемся въ «подпущеніи черной курицы въ домъ» другого вотяка[1]) и т. п.

Въ виду полнаго отсутствія дѣлъ о языческихъ моленіяхъ вотяковъ, оставалось пересмотрѣть тѣ дѣла объ убійствахъ, въ которыхъ убійцами являлись именно вотяки, т. е. прослѣдить—нѣтъ ли въ этихъ убійствахъ слѣдовъ человѣческаго жертвоприношенія, не было ли здѣсь религіозныхъ убійствъ?

Дѣла о вотякахъ-убійцахъ встрѣчаются среди указанныхъ 16 тысячъ дѣлъ крайне рѣдко, сравнительно съ дѣлами объ убійствахъ, совершенныхъ русскими крестьянами, мѣщанами и др. Тогда какъ послѣднія насчитываются сотнями, дѣлъ о вотякахъ убійцахъ едва ли найдется 3—4 десятка. Точнаго подсчета нельзя было сдѣлать, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ принадлежность убійцъ къ вотяцкому племени представляется сомнительною. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнныя дѣла о вотякахъ убійцахъ такъ рѣдки, что въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть особой мягкости вотяцкой натуры. О той же мягкости свидѣтельствуютъ и многіе другіе факты, напримѣръ, среди преступленій, совершенныхъ русскими Вятскаго края въ XVIII вѣкѣ, невольно обращаетъ вниманіе очень часто встрѣчающееся «скотоложство»—преступленіе вообще очень рѣдкое. Но изъ вотяковъ ни одинъ не обвинялся въ этомъ грубомъ преступленіи! Среди русскихъ женщинъ очень часто были умерщвленія блудно прижитыхъ младенцевъ, а среди вотяковъ эти преступленія крайне рѣдки. Въ одномъ только преступленіи вотяки не уступаютъ русскимъ—въ «членовредительствѣ», для избѣжанія рекрутчины. Но и это свидѣтельствуетъ о томъ же—о мягкости вотяцкой натуры, не переносившей воинщины и разлуки съ родиною...

Это свойство вотяцкаго племени хорошо было извѣстно и русскому правительству, которое еще въ 1744 г. додумалось до учрежденія особыхъ «защитителей» вотяковъ и др. инородцевъ. Эти «защитители» существовали и позже, какъ говоритъ одно дѣло 1760 года—«о защитѣ некрещеныхъ иновѣрцевъ»[2]). Къ сожалѣнію, дѣло это очень несложное и даетъ только намеки на существованіе въ то время особыхъ попечителей надъ инородцами Вятскаго края. Приведу суть дѣла.

Въ 1760 г. назначенъ былъ въ Вятскую провинцію поручикъ Павловъ для наблюденія за «переселеніемъ некрещеныхъ иновѣрцовъ и отъ обидъ защищенія новокрещенъ». Вступивъ въ долж-

---

[1]) Вятской уголовной палаты опись 24, вязка 11, дѣло № 1924, и опись 25, вязка 63, дѣло № 5256.

[2]) Вятск. уѣздн. суда опись 5, вязка 67, дѣло № 712.

ность, Павловъ послалъ «промеморію» въ Вятскую провинціальную канцелярію, съ запросомъ: не имѣется ли въ этомъ учрежденіи «до оныхъ новокрещенныхъ какихъ дѣлъ и отъ кого имянно, къ защищенію, письменнаго извѣстія»?

При этомъ Павловъ напоминаетъ, что «указомъ» сената «къ защищенію новокрещенъ», отъ 28 іюня 1744 г., 7 пунктомъ предписано, что если новокрещенамъ будутъ нанесены кѣмъ бы то ни было какія «обиды», то губернаторы и воеводы должны разслѣдовать подобныя дѣла «обще съ опредѣленными отъ главнаго защитителя» лицами. Но Вятская провинціальная канцелярія, наведя «справки» въ своихъ отдѣленіяхъ, отвѣтила поручику Павлову, что требуемыхъ имъ дѣлъ объ инородцахъ не оказалось. Неизвѣстно, были ли у этого «защитителя» другія попытки стать ближе къ порученному ему дѣлу..

Возвращаюсь къ дѣламъ объ убійствахъ, совершенныхъ вотяками. Пересмотрѣвъ всѣ эти дѣла, долженъ сказать, что **ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ признаковъ религіозныхъ убійствъ.** Мотивы и причины этихъ вотяцкихъ убійствъ общечеловѣческія, какія всегда встрѣчались и сейчасъ встрѣчаются у всѣхъ народовъ и стоятъ внѣ всякой связи съ ихъ религіей. Чтобы не быть голословнымъ, приведу перечень нѣкоторыхъ дѣлъ.

Въ 1788 г. производилось дѣло о новокрещенѣ-вотякѣ Глазовской «округи», Убытскаго «конца», починка Кепыча, Трофимѣ Ельцовѣ, обвинявшемся «въ зарѣзаніи» вотяцкаго мальчика[1]). Оказывается, что Ельцовъ—очень дряхлый и совсѣмъ слѣпой старикъ, рубилъ однажды дрова на дворѣ вотяка Поздѣева, «за слѣпотою» не замѣтилъ подошедшаго къ нему малолѣтняго хозяйскаго сына Іоны и нечаянно ударилъ его топоромъ, отъ чего Іона умеръ. И такъ это былъ только несчастный неосторожный случай, а никакъ не преднамѣренное убійство.

Въ 1783 г. вотяки Н. и Д. Агымовы убили татарина съ цѣлью грабежа[2]). Въ 1793 г. одинъ вотякъ нанесъ вотяцкому мальчику смертельныя раны во время ссоры съ родителями мальчика изъ-за имущества[3]) Въ 1797 г. вотякъ изъ-за такой же ссоры нанесъ смертельныя раны русскому крестьянину[4]). Въ томъ же году вотякъ убилъ своего брата изъ-за семейныхъ раздоровъ[5]) и т. д.

На одно «убойственное дѣло» 1792 г. пришлось обратить особенное вниманіе, благодаря его странному заголовку и тому обстоятельству, что оно возникло «по рапорту» мѣстнаго благочиннаго, т. е. давало какъ будто намекъ на религіозные мотивы происше-

---

[1]) Вятской. угол. палаты опись 23, вязка 73, д. № 1301.
[2]) Ibid., опись 13, вязка 1, дѣла №№ 211, 212.
[3]) Ibid., оп. 25, вязка 16, д. № 2945.
[4]) Ibid., оп. 25, вяз. 48, д. № 4516.
[5]) ibid., д. № 4510,

ствія. Дѣло такъ озаглавлено: «дѣло Малмыжской округи о новокрещенѣ Алексѣѣ Михайловѣ съ товарищи, въ приходѣ ихъ въ домъ новокрещена Матвѣева, якобы съ намѣреніемъ кого нибудь изъ семейства его убить»[1]). Происшествіе случилось въ 1791 г. въ деревнѣ Старой Біи и доведено до суда, благодаря вмѣшательству благочиннаго, священника села Водвимоньи, о. Ивана Васильева. Ближайшее изученіе дѣла, однако, показало, что мотивы покушенія отнюдь не религіозные, но чисто житейскіе... Дѣло это настолько любопытно въ бытовомъ отношеніи—для характеристики вотяковъ, что позволяю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на немъ.

Въ 1790 г. сынъ вотяка Алексѣя Михайлова Никита былъ взятъ въ рекруты «безъ очереди», въ чемъ Михайловы винили вотяка Игнатья Матвѣева. Документы не объясняютъ, почему именно Матвѣевъ былъ виновникомъ незаконной отдачи Никиты въ рекруты. Но очевидно, что очередь была за сыномъ, или другимъ родственникомъ Игната, но послѣднему удалось какимъ-то незаконнымъ путемъ сложить рекрутскую очередь съ своей семьи и перенести ее на семью Михайлова. Всѣ Михайловы «имѣли злобу» на Игната и порѣшили жестоко ему отомстить—«прибить или зарѣзать» если не самого Игната, то кого нибудь другого изъ его семьи.

Однимъ позднимъ вечеромъ, семья Михайлова—самъ Алексѣй, его жена Ирина и двѣ дочери (обѣ носили имя Татьяны), вооружившись топорами и другими орудіями, пошли ко двору Игната Матвѣева. Изъ дѣла видно, что это была вся семья Михайлова, кромѣ единственнаго сына Никиты, отданнаго въ солдаты... Самъ Алексѣй и его жена были уже въ преклонномъ возростѣ. Возмутительная потеря единственнаго кормильца на старости была для нихъ вопросомъ жизни...

Войти Михайловымъ въ избу Матвѣева не удалось: тамъ знали о готовившемся покушеніи и приняли надлежащія мѣры — заперли двери, вооружились топорами и проч Михайловы ограничились только тѣмъ, что порубили двери и вышибли два окна въ избѣ. Затѣмъ они собирались поджечь избу Матвѣева, но на шумъ и крики стали собираться сосѣди, и Михайловы вынуждены были отступить.

Послѣ такой неудачи Алексѣй и Ирина съ отчаянья рѣшились «отомстить» Игнату очень оригинальнымъ образомъ: и мужъ и жена «сами намѣрены были, для подлогу, въ домѣ Матвѣева удавиться», чтобы «тѣмъ самымъ привести Матвѣева къ несчастію»...

Ночью Алексѣй и Ирина пробрались на дворъ Матвѣева и стали искать тамъ удобнаго для самоубійства мѣста... Не спавшій всю ночь Игнатъ услышалъ шорохъ на дворѣ, выскочилъ изъ избы и прогналъ со двора Михайловыхъ.

---

[1]) Ibidem, оп. 25, вязка 12, д. № 2785.

Ирина покорно пошла домой и болѣе не возобновляла попытки повѣситься. Но Алексѣй не оставилъ своего намѣренія — вторично пробрался уже на задворки усадьбы Матвѣева и тамъ на гумнѣ «повѣсился самъ собою»... Однако, и тутъ постигла его неудача: собаки подняли лай, сбѣжались сосѣди и спасли изъ петли несчастнаго вотяка...

Все это происшествіе «мірскіе люди» деревни Старой Віи рѣшили скрыть отъ начальства, чтобы избавить и безъ того уже несчастныхъ Михайловыхъ отъ судебной отвѣтственности, «только просили благочиннаго священника, дабы онъ по духовенству сдѣлалъ имъ (Михайловымъ) надлежащее увѣщаніе». Благочинный Иванъ Васильевъ увѣряетъ, что «многократно ихъ увѣщевалъ», но успѣха не имѣлъ: Михайловы продолжали угрожать Матвѣеву и всему «міру», что сожгутъ не одну избу Игната, но и все село. Тогда міръ попросилъ священника донести куда слѣдуетъ...

Любопытна еще одна мелочь изъ судебнаго разбирательства дѣла Михайловыхъ: судъ отмѣчаетъ, что вотяки «говорить порусски вовсе не могли» и допрашивались «безъ толмача» офиціальнаго, котораго замѣнялъ какой-то частный переводчикъ...

Слѣдуетъ остановиться еще на одномъ дѣлѣ 1783—1784 годовъ, въ которомъ лица съ прокурорственными наклонностями непрочь, пожалуй, увидѣть намеки если не на человѣческое жертвоприношеніе, то по крайней мѣрѣ на убійство «съ таинственною цѣлью»... Въ виду такого характера этого малмыжскаго дѣла [1]) изложу его подробнѣе. Къ сожалѣнію, полной картины дѣла возстановить нельзя: производилось оно въ Малмыжской нижней расправѣ, а производства этого учрежденія не дошли до насъ, и сохранились одни «экстракты» изъ дѣлъ, представленные расправою «на ревизію» въ Вятскую палату уголовнаго суда. Правда, въ «экстрактахъ» приводится вся суть дѣла, но многія подробности выброшены, тогда какъ въ данномъ случаѣ именно онѣ и были бы цѣнны.

Необходимо напередъ оговориться, что какъ Малмыжская нижняя расправа, такъ и Вятская палата уголовнаго суда разсматривали это дѣло, какъ обыковенное убійство вотяка Ѳедора Тимоѳеева, «повотски Пацега», вотяками Трофимомъ и Ильею Ивановыми. Ниразу въ документахъ обоихъ судебныхъ учрежденій не проскользнуло ни одного намека на то, чтобы судебныя власти того времени видѣли въ убитомъ Пацегѣ жертву вотяцкаго религіознаго культа. А вѣдь этимъ властямъ хорошо были извѣстны какъ всѣ подробности дѣла, не дошедшія до насъ, такъ и самыя личности подсудимыхъ, ихъ отношенія къ убитому и проч., словомъ полная обстановка дѣла Пацеги.

---

[1]) Вятск. угол. палаты опись 18, связка 1, д. № 224, и опись 16, связка 2, д. № 314.

Какъ Пацега, такъ и Ивановы (убійцы) и свидѣтели по дѣлу были вотяки, но нѣкоторые документы дѣла забываютъ это и называютъ ихъ «новокрещенами изъ черемисъ», или просто «черемисами». Полагаю, что это случайныя ошибки писцовъ именно Вятской палаты, такъ какъ въ документахъ Малмыжскаго суда всѣ дѣйствующія лица называются обыкновенно вотяками. Дѣло происходило въ Малмыжской «округѣ», и судебныя власти Малмыжа несомнѣнно лучше вятскихъ властей могли отличить вотяка отъ черемисина.

Дѣло происходило такъ: въ октябрѣ 1782 года, исчезъ неизвѣстно куда вотякъ починка Заслудъ-Канси (иногда пишется Заслудъ-Какси) Өедоръ Тимоѳеевъ, онъ же «повотски Пацега». Какъ увидимъ ниже, односельчане Пацеги знали о его исчезнованіи, и «сотникъ» Абросимовъ долженъ былъ донести въ Малмыжскій земскій судъ о пропажѣ человѣка, но почему-то не донесъ. Когда черезъ годъ убійство Пацеги обнаружилось, нижняя расправа стала спрашивать Абросимова и жителей починка Заслудъ, почему они не донесли въ земскій судъ объ исчезновеніи Пацеги. Абросимовъ сталъ увѣрять тогда, что въ свое время онъ послалъ донесеніе въ судъ, что подтверждали и жители Заслудъ... Сдѣлали запросъ въ земскомъ судѣ, который немедленно отвѣтилъ, что «отъ сотника Абросимова о пропажѣ Тимоѳеева репорта въ подачѣ не оказалось» и никакого дѣла о Тимоѳеевѣ въ судѣ не производилось.

И такъ, и Абросимовъ, и жители Заслудъ солгали... Это обстоятельство наводитъ тѣнь на ихъ отношенія къ убійству Пацеги. Если они замѣтили исчезновеніе Пацеги и скрыли это то они могли знать и обстоятельства его исчезновенія, и самую причину его убійства...

Такъ будетъ разсуждать человѣкъ, одаренный пылкою прокурорскою фантазіей... Для болѣе же спокойнаго изслѣдователя дѣло объяснится гораздо проще: односельчане потому молчали о пропажѣ Пацеги, что не видѣли въ этомъ фактѣ ничего необычайнаго. Въ то время и въ томъ глухомъ краю люди нерѣдко исчезали на нѣсколько лѣтъ и затѣмъ снова возвращались домой. Достаточно пересмотрѣть описи судебныхъ учрежденій одной Вятской губерніи, чтобы видѣть, какую массу «бѣглыхъ» давало крестьянство того времени, не исключая и инородцевъ. Пацега также могъ очутиться «въ бѣгахъ», и никого это не удивляло, всѣ молчали о томъ.

Съ другой стороны, можетъ быть, Абросимовъ и правъ, что онъ въ свое время донесъ земскому суду о пропажѣ Пацеги. Вѣдь никто не провѣрилъ показанія суда, будто рапорта Абросимова «не оказалось». Характерно это осторожное выраженіе суда: «не оказалось» еще не значитъ, что не было, а скорѣе—не нашлось, не отыскано... Земскій судъ долженъ былъ оградить себя отъ обвиненія въ полной индифферентности по дѣлу, оказавшемуся «убойственнымъ»...

Возвращаюсь къ другимъ даннымъ дѣла Пацеги. Убійство его обнаружилось совершенно случайно и черезъ годъ слишкомъ послѣ исчезновенія — въ ноябрѣ 1783 года. Двое «новокрещеновъ» одного изъ сосѣднихъ селеній, А. Өедоровъ и Д. Ивановъ, оказались въ лѣсу, принадлежавшемъ жителямъ починка Заслудъ. Бродя по лѣсу, они вдругъ наткнулись на «человѣческія кости съ головою» и «гнилую одежду»... Охотники бросились въ Заслуды, собрали народъ и повели его смотрѣть свою страшную находку. Въ числѣ собравшихся «мірскихъ людей» были вотяки Трофимъ и Илья Ивановы, парни 23 и 18 лѣтъ. Къ толпѣ присоединился изъ любопытства и мѣстный батюшка о. Николай Васильевъ.

Никто изъ присутствовавшихъ «при обыскѣ» въ лѣсу не могъ узнать, кому принадлежать найденныя кости: тѣло исчезло, вѣроятно, обглоданное звѣрями, а одежда почти истлѣла. Стали думать и — «вспомнили тогда о пропавшемъ безызвѣстно» годъ назадъ Өедорѣ Пацегѣ... Какъ только толпа заговорила о немъ, священнику бросилось въ глаза крайнее смущеніе вотяка Трофима Иванова... Священникъ понялъ, въ чемъ дѣло, присталъ къ Трофиму и началъ уговаривать его сознаться. Смущенный Трофимъ тотчасъ же покаялся міру, что убійство Пацеги—его и брата Ильи дѣло... Илья также не запирался.

По словамъ Трофима, убійство произошло такъ: въ октябрѣ 1782 года онъ съ Ильею отправились въ свой лѣсъ—дѣлать «борти». Здѣсь повстрѣчали они Пацегу и—«безъ всякой причины, и не по наученью чьему, а сами собою» сшибли его съ ногъ и топоромъ «отрубили голову, а тѣло спрятали» въ томъ же лѣсу, подъ колоду...

Потомъ Трофимъ добавилъ, что убійство не было безпричиннымъ: съ Пацегою они де «имѣли ссору въ перепахиваніи у нихъ земли»... Однако спрошенные о томъ старосты и «обыватели» окрестныхъ деревень подали суду «сказки», гдѣ показали, что Ивановы съ Пацегою «никакой вражды не имѣли, также и собственной ихъ Ивановыхъ земли (Пацега) никогда не перепахивалъ».

Въ этомъ разсказѣ Трофима Иванова подозрительны два обстоятельства. Первое — о причинѣ убійства Пацеги. Сначала Трофимъ сказалъ, что убили они съ братомъ Пацегу «безъ всякой причины», а потомъ объяснилъ, что мотивомъ убійства была «ссора» изъ-за земли. Жители сосѣднихъ деревень не подтвердили факта ссоры между убитымъ и убійцами.

Странно, однако, что объ этой ссорѣ допрашивались жители сосѣднихъ деревень, а ближайшіе сосѣди, жители починка Заслудъ, не были допрошены объ этомъ обстоятельствѣ. Но вѣдь въ другихъ деревняхъ не могли такъ близко знать отношеній Ивановыхъ къ Пацегѣ, какъ въ починкѣ Заслудахъ... Возможно, что Трофимъ сказалъ правду о мотивѣ убійства, а если солгалъ и скрылъ истинную при-

чину убійства—это также естественно: мало ли какіе могли быть интимные поводы къ убійству, которыхъ не могъ или не хотѣлъ разглашать Трофимъ...

Что касается подозрительной фразы Трофима, что они съ братомъ убили Пацегу «не по наученью чьему, а сами собою», то на подозрительности ея можно было бы настаивать лишь въ томъ случаѣ, если бы мы имѣли увѣренность, что фраза эта сама собою, безъ всякаго запроса со стороны, вылетѣла изъ устъ Трофима... Но на самомъ дѣлѣ этого не было.

Подлинныго показанія Трофима мы не имѣемъ: оно хранилось въ дѣлѣ Малмыжской нижней расправы, которое до насъ не дошло. Разсказъ Трофима взятъ изъ составленнаго для Вятской уголовной палаты краткаго изъ дѣла «экстракта», гдѣ сведены вмѣстѣ факты изъ разныхъ документовъ судебнаго производства нижней расправы—изъ допросовъ подсудимаго, показаній свидѣтелей и др. Экстрактъ беретъ только суть дѣла, отбрасывая второстепенныя подробности. Такъ, излагая показанія Трофима объ убійствѣ, экстрактъ приводитъ только суть его отвѣтовъ на слѣдствіи и на судѣ, и совсѣмъ не упоминаетъ о вопросахъ судей, вызывавшихъ данные отвѣты подсудимаго. И вышеупомянутая подозрительная фраза Трофима есть отвѣтъ его на обычный судейскій вопросъ о соумышленникахъ... этотъ вопросъ обязателенъ для слѣдователей и судей, и отвѣтъ Трофима принадлежитъ къ числу судебныхъ банальностей, въ родѣ отвѣтовъ подсудимыхъ о возрастѣ, вѣроисповѣданіи, прежней судимости и т. п.

Остается разобрать еще одно «подозрительное» обстоятельство въ дѣлѣ—о головѣ Пацеги... Трофимъ сказалъ, что они съ братомъ «отрубили голову, а тѣло спрятали...». Судя по конструкціи этой фразы, выходитъ, что голова Пацеги не была спрятана вмѣстѣ съ тѣломъ, а отдѣльно отъ него, и находилась гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Гдѣ же именно? Извѣстно де, что въ жертвенномъ ритуалѣ вотяковъ голова приносимаго божеству животнаго (а слѣдовательно и человѣка, если у вотяковъ были человѣческія жертвоприношенія) играетъ существенную роль: самыя положительныя этнографическія наблюденія установили, что голова жертвеннаго животнаго обязательно отдѣляется отъ туловища и «всегда зарывается на томъ мѣстѣ, гдѣ совершено жертвоприношеніе» [1]... И Пацегу де могли убить на мѣстѣ жертвоприношенія, для котораго понадобилась его голова, «а тѣло спрятали» въ другомъ мѣстѣ — въ лѣсу, подъ колодою, какъ показывалъ Трофимъ Ивановъ.

Но и эти прокурорскія подозрѣнія легко разсѣять... Начать съ того, что конструкція фразы о головѣ и тѣлѣ Пацеги принадлежитъ отнюдь не Трофиму, а какому-то неизвѣстному намъ человѣку не

---

[1]) Богаевскій: «Мултанское «моленіе» вотяковъ», 88.

то Малмыжской расправы, не то Вятскаго уголовнаго суда. Повторяю: подлиннаго показанія Трофима мы не имѣемъ. Чиновникъ же, составлявшій экстрактъ, могъ произвольно соединить въ одной фразѣ два факта—отрубленіе головы Пацеги и сокрытіе его трупа, о которыхъ Трофимъ не могъ разсказывать такъ кратко и въ такой близкой послѣдовательности фактовъ, какъ выходитъ по экстракту. Сначала, конечно, Трофимъ распространился объ убійствѣ Пацеги, затѣмъ естественно перешелъ къ тому, гдѣ и какъ было спрятано тѣло убитаго. Авторъ же экстракта взялъ изъ подробнаго показанія Трофима только главную суть и для краткости два факта соединилъ въ одной фразѣ. Нужно также имѣть въ виду, что въ актовой рѣчи XVIII вѣка (какъ и XVII) союзъ *«а»* часто обозначаетъ не противоположеніе, а соединеніе—замѣняетъ союзъ *«и»*.

Трофимъ Ивановъ, говоря о сокрытіи трупа Пацеги въ лѣсу, подъ колодою, несомнѣнно, разумѣлъ цѣлый трупъ съ головою: мы знаемъ, что охотники, А. Θедоровъ и Д. Ивановъ, нашли въ лѣсу «человѣческія кости съ головою...». То же самое видѣли и всѣ «мірскіе люди» починка Заслудъ и священникъ о. Н. Васильевъ, пришедшіе по зову охотниковъ смотрѣть ихъ находку.

Очевидно отсюда, что голова Пацеги все время находилась при трупѣ и не уносилась Ивановыми въ другое какое мѣсто. Одно изъ «основныхъ положеній» этнографіи, изучающей бытъ и религію вотяковъ, гласитъ: «все, что требуется религіозными представленіями правовѣрнаго вотяка, должно быть выполнено безъ малѣйшаго опущенія» [1]). А по тѣмъ же этнографическимъ наблюденіямъ мы знаемъ, что голова жертвеннаго животнаго обязательно «всегда зарывается» на мѣстѣ жертвоприношенія [2]).

Значитъ и въ данномъ случаѣ, если бы Пацега былъ принесенъ въ жертву вотяцкимъ богамъ, очень требовательнымъ, по вѣрованію вотяковъ, ко всѣмъ тонкостямъ жертвеннаго ритуала, то голова его была бы зарыта на мѣстѣ мольбища и ни въ какомъ случаѣ не очутилась бы въ одномъ мѣстѣ съ остальнымъ трупомъ, и не была бы тамъ найдена.

Увѣренъ, что спеціалисты-этнографы найдутъ въ случаѣ съ Пацегою много другихъ отклоненій отъ строгихъ требованій вотяцкаго жертвеннаго ритуала.

Можетъ явиться еще одинъ вопросъ: зачѣмъ Ивановы прибѣгли именно къ такому способу убійства, какой практикуется вотяками надъ жертвенными животными? На этотъ придирчивый запросъ легко было бы отвѣтить очевидцу сцены убійства. Только онъ могъ бы намъ объяснить, въ какомъ положеніи находился на землѣ сшибленный Ивановыми съ ногъ Пацега, въ какомъ напра-

---

[1]) Богаевскій, 54, 55 и друг.

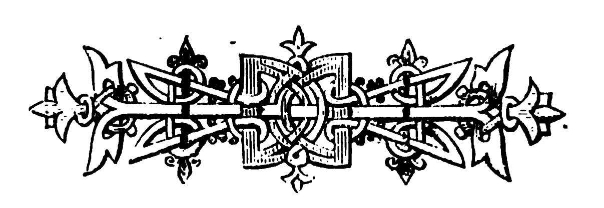
[2]) Ibid., 88, 89.

вленіи очутился занесенный надъ головою его топоръ, и почему онъ опустился именно на шею, а не другую часть тѣла Пацеги. Ивановы потому отрубили голову у Пацеги, что это оказался самый удобный для нихъ «методъ» скорѣйшаго убійства Пацеги [1]).

Полагаю, что сдѣланный разборъ дѣла Пацеги убѣдитъ всякаго, что убійство это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано религіознымъ. Такой выводъ не поколеблется даже отъ того обстоятельства, что дѣйствительные мотивы убійства остались въ сущности не разъясненными. Но если въ наше время слѣдственная часть нерѣдко возмутительно грѣшитъ въ этомъ направленіи—оставляетъ неразгаданными мотивы многихъ преступленій (см., напримѣръ, Мултанское дѣло), то что же говорить о темныхъ слѣдователяхъ разныхъ медвѣжьихъ угловъ въ XVIII вѣкѣ?!...

Кромѣ дѣла Пацеги, я не знаю другихъ подобныхъ среди 16-ти тысячъ дѣлъ XVIII вѣка, производившихся въ упраздненныхъ судебныхъ учрежденіяхъ Вятской губерніи.

Н. Оглоблинъ.

[1]) Трофимъ и Илья Ивановы приговорены судомъ къ тяжелому наказанію: получили по 90 ударовъ кнутомъ и, по вырваніи ноздрей, сосланы въ каторгу «на новую Днѣпровскую линію». У Ивановыхъ оказалось «имѣнія» всего на 32 рубля 85 копеекъ.

РАЗДВОИВШАЯСЯ РЕДАКЦІЯ „МОСКВИТЯНИНА"[1].

X.

ОВЫЕ сотрудники, придавшіе блескъ и выдвинувшіе «Москвитянинъ» на журнальномъ полѣ, были: А. Н. Островскій, Т. И. Филипповъ, Е. И. Эдельсонъ, Б. Н. Алмазовъ и А. А. Григорьевъ, сплотившіеся въ журналѣ Погодина въ особую отъ редактора группу, подъ названіемъ «молодой редакціи Москвитянина». Своимъ былъ среди нихъ А. Ѳ. Писемскій, съ ними же былъ неразлученъ актеръ Малаго театра, П. М. Садовскій, и къ нимъ же позднѣе примкнулъ, скончавшійся въ концѣ 1895 г., «артистъ-народникъ», какъ онъ названъ въ некрологѣ «Историческаго Вѣстника»[2])—И. Ѳ. Горбуновъ.

Всѣ названныя лица, таившія въ себѣ въ молодыхъ еще годахъ начала крупныхъ литературныхъ дарованій, случайно встрѣтились въ водоворотѣ московской жизни, сошлись, подружились и въ концѣ концовъ составили тотъ тѣсный и яркій талантами кружокъ писателей, изъ коихъ нѣкоторымъ суждено было оказать сильное и плодотворное воздѣйствіе на развитіе русской литературы. «Кружку Островскаго»—такъ назывался онъ первоначально (до 1851 г.),—принадлежитъ въ исторіи нашей журналистики видное мѣсто и, если онъ по оставленному имъ слѣду уступаетъ въ значеніи

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 233.
[2]) «Истор. Вѣстн.», 1896 г., № 1.

«кружку Станкевича», то все же и за нимъ остается громадная заслуга оживленія русской мысли пятидесятыхъ годовъ и внесенія въ нее тѣхъ началъ, которыя были чужды «теоретикамъ» сороковыхъ годовъ. Г. Барсуковъ[1]), пользуясь главнымъ образомъ свѣдѣніями, сообщенными ему благополучно здравствующимъ и понынѣ, государственнымъ контролеромъ, Т. И. Филипповымъ, бывшимъ членомъ «молодой редакціи Москвитянина», повѣствуетъ чрезвычайно обстоятельно и живо, какъ состоялось вступленіе молодежи въ журналъ Погодина, и даетъ о каждомъ изъ этой молодежи коекакія новыя свѣдѣнія, доселѣ неизвѣстныя въ исторіи нашей литературы.

Извѣстно, что преобладающимъ направленіемъ литературы сороковыхъ годовъ было западничество, давшее, благодаря горячей и талантливой проповѣди его главныхъ вожаковъ—Бѣлинскаго и Герцена, пышный ростъ на тогдашней чахлой журнальной нивѣ. Но къ началу пятидесятыхъ годовъ, о коемъ у насъ идетъ именно рѣчь, какъ это уже показано было на основаніи изслѣдованія г. Венгерова, западничество, какъ литературное направленіе или партія, претерпѣвало катастрофу и представляло изъ себя печальное зрѣлище. Славянофильство, представляемое работами Хомякова, Кирѣевскаго, К. Аксакова, пребывало также въ жалкомъ положеніи; если оно не страдало недостаткомъ даровитыхъ представителей, за то оно было, какъ лагерь, какъ литературно-общественная группа, неорганизовано, несплочено, находилось подъ полицейскимъ подозрѣніемъ и не имѣло никакого журнальнаго pied à terre. Катковъ съ своимъ ultra-западническимъ, англофильскимъ знаменемъ не представлялъ собою еще партіи и своими офиціальными «Московскими Вѣдомостями» не могъ служить тѣмъ прибѣжищемъ, куда бы стянулись народившіяся силы. Что же касается «Библіотеки для Чтенія» Сеньковскаго, то она своимъ типичнымъ, безшабашнымъ направленіемъ настолько составила себѣ печальную репутацію, что о какомъ нибудь серьезномъ союзѣ съ ней не могло ни у кого подыматься даже вопроса.

Такова была главнѣйшая группировка тогдашнихъ журнальныхъ силъ. Нельзя не признаться, что среди нихъ «Москвитянинъ» Погодина поневолѣ долженъ былъ являться подходящимъ мѣстомъ, на которое литературная молодежь могла обратить серьезное вниманіе. Правда, журналъ былъ скученъ, нескладенъ и монотоненъ, невыгоденъ для заработка, но за нимъ оставалась всегда готовность раздвинуть свои архаическіе ряды для пропуска молодыхъ силъ, въ коихъ къ тому же онъ нуждался, въ виду своего бѣдственнаго положенія на журнальномъ рынкѣ. Если Плетневъ, упрямо не желая вступать въ союзъ съ кѣмъ либо изъ новыхъ дѣятелей литературы,

---

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина». кн. XI.

кромѣ Я. Грота и А. Ишимовой, съ самодовольствомъ спрашивалъ своего гельсингфорскаго друга: «Ужели вы, Александра Осиповна, да я не наполнимъ чѣмъ нибудь четырехъ книжекъ?»—если этотъ петербургскій журналистъ не допускалъ никакихъ компромиссовъ, то Погодинъ слишкомъ хорошо понималъ, что съ своими «допотопными стариками», какъ называлъ его постоянныхъ сотрудниковъ Гоголь, ему далеко не уйти, и что надо искать обновленія и свѣжихъ притоковъ журналу. Мы видѣли, что въ этихъ видахъ онъ пробовалъ вступить въ союзъ съ старшими славянофилами въ лицѣ И. Кирѣевскаго, велъ переговоры съ Аксаковскою молодежью, то есть каждый разъ готовъ былъ поступиться своимъ журнальнымъ знаменемъ «офиціальной народности», единствомъ и выдержанностью направленія «Москвитянина». Поэтому нѣтъ ничего мудренаго и удивительнаго, что когда на московскомъ литературномъ горизонтѣ народились выдающіяся силы, онъ поспѣшилъ сдѣлать имъ шагъ на встрѣчу, пріютить ихъ, пригрѣть у себя и раздвоить ради нихъ редакцію журнала, не вливая такимъ образомъ «новое вино въ старые мѣхи». Пріемъ, къ которому прибѣгнулъ редакторъ «Москвитянина», ни до тѣхъ поръ, ни впослѣдствіи не практиковался въ нашей журналистикѣ, но выгоды его не обманули надеждъ издателя журнала и, сумѣй онъ въ настоящемъ случаѣ совладать съ своими недостатками, онъ несомнѣнно пожалъ бы отсюда богатую жатву. Но въ Погодинѣ настолько глубоко сидѣла несуразность, взбалмошность и денежная алчность, что и тутъ дурныя начала его природы взяли верхъ надъ добрыми, и союзъ «молодой» и «старой» редакцій «Москвитянина» не оказался долговѣченъ. Но какъ бы тамъ впослѣдствіи дѣло ни выяснилось, на первыхъ порахъ Погодинъ дружески протянулъ руку поддержки молодымъ членамъ кружка Островскаго, и къ началу 1851 г. «мрачные своды Погодинскаго sui generis древнехранилища,—какъ остроумно замѣтилъ г. Венгеровъ,—вдругъ огласились взрывами молодого смѣха и юношеской задорной веселости». За старикомъ Погодинымъ остается большая заслуга, что онъ далъ въ журналѣ просторъ этому «молодому смѣху», этой «задорной веселости» и недаромъ же теоретикъ и философъ кружка, А. Григорьевъ, вспоминая черезъ четырнадцать лѣтъ тѣ дни, восклицалъ въ письмѣ къ Н. Страхову[1]): «О, какъ мы тогда пламенно вѣрили въ свое дѣло, какія пророческія рѣчи лились бывало на попойкахъ изъ устъ Островскаго, какъ безбоязненно принималъ тогда старикъ Погодинъ отвѣтственность за свою молодежь, какъ сознательно, несмотря на пьянство и безобразіе, шли мы всѣ тогда къ великой и честной цѣли!.. Пуста и гола жизнь послѣ этого сна...».

---

[1]) «Эпоха», 1864 г., № 9.

XI

Западничество, оказавшее на первыхъ порахъ такое благотворное вліяніе на русскую литературу, вмѣстѣ съ тѣмъ, при отсутствіи въ его составѣ выдающихся талантами вождей, доводило свое ученіе до нелѣпыхъ крайностей, къ числу которыхъ, напримѣръ, должно быть отнесено утвержденіе «Отечественныхъ Записокъ»[1]), что художественность русской народной поэзіи не поднимается выше стиховъ:

Танцовала рыба съ ракомъ,
А петрушка съ пастернакомъ и т. д.

Вотъ это-то отрицательное отношеніе къ русской народной дѣйствительности, съ ея пѣсеннымъ богатствомъ, съ рѣзко очерченными этнографическими особенностями, стало понемногу отталкивать отъ себя молодежь конца сороковыхъ годовъ. Оппозиція этому отрицательному направленію, безъ мѣры и границъ казнившему все національное, самобытное, стала мало-по-малу проникать и въ стѣны Московскаго университета, гдѣ нѣкоторые изъ молодыхъ людей, въ силу чисто-индивидуальныхъ особенностей, въ противность модѣ времени, начали понемногу все тѣснѣе и тѣснѣе прилѣпляться именно къ русской дѣйствительности. Здѣсь, въ этомъ влеченіи къ родному, не было ничего теоретическаго, книжнаго, идейнаго; это было скорѣе влеченіе стихійное, инстинктивное, которое невѣдомо изъ какихъ глубинъ души подымается, ростетъ и охватываетъ всего человѣка. Весьма возможно, что самою природою хорошо подготовленная почва въ настоящемъ случаѣ получала воздѣйствіе и со стороны: изъ чтенія, личныхъ знакомствъ, изъ лекцій, слуховъ и пр. и пр., но, во всякомъ случаѣ, генезисъ такого приподнятого настроенія бываетъ не столько со стороны предвходящій, сколько сокрытый въ природныхъ свойствахъ самого человѣка. Молодой Т. И. Филипповъ принадлежалъ, повидимому, къ числу именно такихъ молодыхъ людей, которымъ въ концѣ сороковыхъ годовъ стало особенно претить сухое и узко-тенденціозное западничество того времени. Природа наградила его, вдобавокъ, музыкальнымъ дарованіемъ, которое обрѣтало въ пѣсенномъ творчествѣ рускаго народа для себя богатую пищу и полное эстетическое удовлетвореніе. «Пѣснопѣніемъ онъ увлекалъ слушателей въ полузабытый или совершенно даже невѣдомый міръ, пробуждалъ новыя или по крайней мѣрѣ долго дремавшія чувства», свидѣтельствуетъ г. Барсуковъ. Филипповъ обладалъ также, продолжаетъ далѣе авторъ «Погодина»

«знаніемъ бытовыхъ особенностей русскаго народа, зналъ громадное количество пословицъ, присловій, разсказовъ изъ народнаго и вообще русскаго быта, а притомъ обладалъ еще и изящнымъ вкусомъ и даромъ художественной критики, кото-

[1]) «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. XI.

рые и проявилъ скоро въ статьяхъ своихъ. Пламенная любовь къ богатству формъ и реченій русскаго языка, подкрѣпляемая еще и филологическимъ образованіемъ и филологическими трудами, постоянно останавливала его вниманіе, то на художественныхъ оборотахъ народной рѣчи, еще чуждыхъ или остававшихся чуждыми для литературнаго языка, то на не менѣе художественныхъ жемчужинахъ древней письменности русской. Все это дѣлало его неоцѣнимымъ по своему вліянію членомъ кружка, расширяющимъ кругозоръ его и укрѣпляющимъ духовныя его силы. Господствовавшіе тогда въ значительнѣйшей части молодой интеллигенціи отсутствіе религіозныхъ началъ, разрывъ съ религіознымъ прошлымъ, составлявшіе своего рода гордость западническаго мірка и выражавшіеся у него съ цинической эффектностью, распространяли власть свою и на членовъ кружка. Но въ Филипповѣ прежде другихъ сверстниковъ и сотоварищей совершился переворотъ, сдѣлавшій его вполнѣ вѣрующимъ, глубоко нравственнымъ человѣкомъ и по вѣрѣ стоящимъ въ общеніи съ незатронутыми переломомъ слоями русскаго народа и со всѣмъ историческимъ его прошлымъ».

Настроеніе студента, а потомъ молодого преподавателя 1-й Московской гимназіи, Т. И. Филиппова дѣлало его чрезвычайно близкимъ міросозерцанію «Москвитянина» и ближайшимъ выразителямъ этого міросозерцанія—М. П. Погодину и С. П. Шевыреву. Въ ихъ офиціальной народности онъ, повидимому, не находилъ ничего такого, что претило славянофиламъ, а еще болѣе западникамъ, и потому онъ свою стихійную, инстинктивную народность съ легкимъ сердцемъ сливалъ съ народностью стараго «Москвитянина», получившаго это начало по наслѣдію изъ бюрократическаго кабинета гр. Уварова. Т. И. Филипповъ, будучи на старшемъ курсѣ филологическаго факультета, познакомился и сошелся съ Е. Эдельсономъ и Б. Алмазовымъ, которые полюбили пѣвца русскихъ пѣсенъ и продолжали знакомство съ нимъ и за стѣнами университета. Эдельсонъ былъ поклонникомъ нѣмецкой философіи и, подъ вліяніемъ проф. М. Н. Каткова, обратился отъ изученія и преклоненія передъ Гегелемъ къ психологіи Бенеке, научный методъ котораго и оказалъ благотворное вліяніе на складъ его ума. Потерпѣвъ неудачу въ своемъ желаніи предпринять научную поѣздку за границу, Эдельсонъ возвратился въ Москву, гдѣ къ тому времени Т. И. Филипповъ уже успѣлъ сблизиться съ Островскимъ. Эдельсонъ присталъ къ этому союзу и сдѣлался членомъ «кружка Островскаго». Сюда же, черезъ посредство того же г. Филиппова, примкнулъ и Б. Алмазовъ, которому, немного спустя, пришлось играть такую шумную роль въ судьбѣ Погодинскаго «Москвитянина».

Такимъ образомъ, мы видѣли, что понемногу и постепено нѣсколько молодыхъ людей, сначала различные по роду спеціальностей, группируются вокругъ одного человѣка, который становится центромъ ихъ группировки и въ значительной степени опредѣляетъ ихъ дальнѣйшее литературное поприще. Человѣкъ этотъ—тогда еще только начинавшій свою литературную дѣятельность, впослѣдствіи знаменитый нашъ драматургъ,—А. Н. Островскій.

Островскій сталъ писать въ 1846 г., когда ему минуло 23 года, и на первыхъ же порахъ обратилъ свое дарованіе на изображеніе купеческой среды. Въ 1847 г. онъ напечаталъ въ «Московскомъ Городскомъ Листкѣ» свои первыя произведенія «Сцены изъ Замоскворѣцкой жизни» и «Очерки Замоскворѣчья». Въ это-то именно время онъ и познакомился съ Т. И. Филипповымъ, который своей пламенной любовью русскихъ пѣсенъ, своимъ выдающимся вокальнымъ дарованіемъ, сумѣлъ увлечь нашего драматурга, вызвать въ немъ громкій взрывъ дотолѣ дремавшихъ силъ народническаго романтизма и энтузіазма.

«Въ пору встрѣчи съ Филипповымъ,—повѣствуетъ г. Барсуковъ со словъ послѣдняго,—Островскій всецѣло принадлежалъ къ такъ называемому западническому направленію, подъ обаяніемъ котораго находился. Онъ весьма часто ссылался въ разговорахъ на мнѣнія «Отечественныхъ Записокъ», являвшихся для него авторитетомъ, и нисходилъ даже до цитированія статей Галахова. Однажды подобное цитированіе до такой степени разсердило Филиппова, что у него вырвались слова: «можно ли съ такимъ чернымъ ссылаться на Галахова? Вѣдь это ужъ слишкомъ обидно». Увлекаясь вышеуказаннымъ направленіемъ, Островскій доходилъ иногда до странныхъ, почти невѣроятныхъ крайностей. Такъ, завѣрялъ онъ, что ему противенъ видъ самого Кремля съ соборами. Онъ изумилъ однажды Филиппова, сказавъ: «для чего здѣсь настроены эти пагоды?» Этою подчиненностью Островскаго господствующему направленію объясняется между прочимъ и то, что первая его крупная піеса «Свои люди сочтемся» состоитъ изъ цѣлаго ряда темныхъ, отталкивающихъ, чисто отрицательныхъ типовъ русскаго народа, такъ что смягчающими впечатлѣніе являются Аграфена Кондратьевна и плутъ Ризположенскій... Со времени знакомства съ Филипповымъ это острое отношеніе къ народной жизни мало-по-малу смягчилось, чему способствовали и особенный взглядъ Филиппова на народную жизнь, и прежде всего, разумѣется, живная въ устахъ Филиппова народная пѣсня, въ которой и русскій народный характеръ, и особенности души русской раскрывались въ привлекательномъ, чарующемъ видѣ. Въ томъ же направленіи подѣйствовало на Островскаго и на весь кружокъ и знакомство съ П. М. Садовскимъ, который тогда былъ уже по своимъ убѣжденіямъ всесовершеннѣйшимъ славянофиломъ, раздѣлявшимъ и религіозныя убѣжденія, и вѣрованія старшихъ славянофиловъ, еще чуждыя членамъ кружка Молодого Москвитянина. Съ этимъ великимъ художникомъ Островскій сблизился въ 1850 году, и въ то же время П. М. Садовскій вошелъ въ особую близость съ Филипповымъ, Эдельсономъ и Алмазовымъ. Какую цѣну имѣло это сближеніе, можетъ понять всякій».

Знакомство Островскаго съ Филипповымъ состоялось совершенно случайно въ трактирѣ Печкина, гдѣ оба сидѣли за чаемъ, за однимъ и тѣмъ же столомъ. Разговорившись, молодые люди заинтересовались другъ другомъ, проболтали тутъ цѣлый день и на разставаніи рѣшили и въ дальнѣйшемъ продолжать знакомство.

«Т. И. Филипповъ велъ тогда совершенно одинокую жизнь,—говоритъ г. Барсуковъ,—а Островскій жилъ въ домѣ отца своего, у Николы въ Воробьинѣ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, мачихою, братьями отъ одной матери съ нимъ и дѣтьми отъ втораго брака отца. Въ этомъ-то домѣ Филипповъ и сдѣлался частымъ гостемъ, все болѣе и болѣе сближаясь съ Островскимъ, который и тогда уже былъ авторомъ повѣсти и только что закончилъ первое свое драматическое произведеніе. Повѣсть почти не представляла никакого значенія; драматическое же произведеніе: «Семейная картина», уже носило несомнѣнные признаки сильнаго та-

данта и, между прочимъ, произвело большое впечатлѣніе на Гоголя. Филипповъ сразу позналъ размѣры огромнаго дарованія начинающаго писателя, а Островскій, съ своей стороны, пріобрѣлъ въ Филипповѣ тонкаго цѣнителя, отъ котораго не могъ укрыться ни одинъ едва замѣтный, а для иныхъ, можетъ быть, вовсе незамѣтный оттѣнокъ живаго, своеобразнаго языка».

Появившіяся въ печати, въ «Городскомъ Листкѣ» произведенія Островскаго обратили на себя вниманіе Погодина, и онъ писалъ по этому предмету Шевыреву: «Есть какой-то Островскій, который хорошо пишетъ въ легкомъ родѣ, какъ я слышалъ. Спроси г. Попова [1]), и не можетъ ли онъ спросить у него трудовъ. Я посмотрѣлъ бы ихъ и потомъ объявилъ бы свои условія». Вскорѣ послѣ этого письма Шевыревъ, съ своей стороны, извѣщалъ своего стараго пріятеля: «Съ Островскимъ я знакомъ. Онъ бывалъ у меня. Это другъ Попова. Я надѣюсь отъ него Банкрота».

«Банкротъ»—это и была именно та пьеса, которую, какъ первое серьезное произведеніе, написалъ Островскій, и которая подъ именемъ «Свои люди сочтемся» появилась въ 1850 году на страницахъ «Москвитянина».

XII.

Пьеса Островскаго получила еще до печати широкую популярность въ Москвѣ и, читанная на разныхъ вечерахъ въ свѣтскихъ, купеческихъ и литературныхъ кружкахъ, вездѣ вызывала восторгъ и массу разговоровъ. Графиня Ростопчина, прослушавъ комедію въ чтеніи П. М. Садовскаго, писала Погодину: «Что за прелесть «Банкротство!» Это нашъ русскій Тартюфъ, и онъ не уступитъ своему старшему брату въ достоинствѣ правды, силы и энергіи. Ура! у насъ рождается своя театральная литература, и нынѣшній годъ былъ для нея благодатно-плодовитъ». И Погодинъ, наконецъ, устроилъ у себя чтенія, при многочисленномъ обществѣ, чтеніе этой комедіи; описаніе этого вечера сохранилось въ воспоминаніяхъ Н. В. Берга: «На вечерѣ у Погодина,—говоритъ онъ,—Островскій читалъ свою комедію Свои люди сочтемся (Банкротъ). Слушающихъ собралось довольно: актеры, молодые и старые литераторы, между прочимъ, графиня Ростопчина. Гоголь былъ званъ также, но пріѣхалъ среди чтенія; тихо подошелъ къ двери и сталъ у притолки. Такъ и простоялъ до конца, слушая, повидимому, внимательно. Послѣ чтенія онъ не проронилъ ни слова. Графиня Ростопчина подошла къ Гоголю и спросила: «Что вы скажете, Николай Васильевичъ?»—«Хорошо, но видна нѣкоторая неопытность въ пріемахъ. Вотъ этотъ актъ нужно бы подлиннѣе, а этотъ покороче. Эти законы узнаются послѣ и въ непреложность ихъ не сейчасъ начинаешь вѣрить». Больше онъ ничего не говорилъ, кажется, ни съ кѣмъ, во весь тотъ

---

[1]) Товарищъ Островскаго и домашній учитель у Шевырова.

вечеръ. Къ Островскому, сколько могу припомнить, не подходилъ ни разу».

Анализируя этическія мотивы пьесы «Свои люди сочтемся», покойный профессоръ А. И. Невоменовъ [1]) говоритъ:

«Изъ подробнаго разсмотрѣнія характеровъ комедіи «Свои люди сочтемся» мы можемъ, кажется, сдѣлать заключеніе, что Островскій не былъ сатирикомъ. Объективно, спокойно и безпристрастно рисовалъ онъ жизнь и людей. Онъ проводилъ свои типы передъ лицомъ высокаго идеала, и передъ свѣтомъ этого идеала обличалось само собою (безъ страсти и гнѣва со стороны поэта) все ихъ злое и темное. Но, благодушный и терпимый, поэтъ и въ низко упавшихъ людяхъ показывалъ намъ остатки добрыхъ свойствъ и стремленій. Драматизмъ пьесы и состоитъ въ борьбѣ въ душѣ Большова, а также и въ душѣ Лазаря — добра и зла. Притомъ, замѣчательно еще одно обстоятельство: борьба въ душѣ Большова готова какъ будто (правда, при посредствѣ постигшихъ Самсона Силыча несчастій) разрѣшиться побѣдой добра; въ душѣ Лазаря — побѣдою плутовства и мошенничества надъ совѣстью и сердцемъ. Собственное сердце поэта, такимъ образомъ (какъ видимъ изъ соотношенія въ пьесѣ созданныхъ имъ лицъ), больше лежитъ къ человѣку непосредственно-народному, чѣмъ къ тому, кого коснулось вліяніе внѣшней образованности».

Вотъ это-то стремленіе къ отысканію въ народной жизни, даже засыпанной мусоромъ и пороками, положительныхъ началъ, это желаніе освѣтить ее полно и безпристрастно, но любящимъ и свѣдущимъ словомъ, дѣлало молодого Островскаго особенно дорогимъ его друзьямъ, Филиппову, Алмазову, Эдельсону, переживавшимъ въ тѣ дни самыя восторженныя минуты національнаго — этнографическаго, лингвистическаго и историческаго энтузіазма. Какъ человѣкъ, наиболѣе талантливый, возвышавшійся надъ сотоварищами цѣлой головой, нашъ драматургъ по необходимости и вполнѣ естественно сталъ центромъ кружка, тѣмъ фокусомъ, въ словахъ и образахъ котораго нашли свое отраженіе шумныя рѣчи пріятелей, ихъ убѣжденія, ихъ порывы. «Явился Островскій, — писалъ впослѣдствіи А. Григорьевъ въ своемъ «Послужномъ спискѣ» [2]), — и около него, какъ центра, кружокъ, — въ которомъ нашлись всѣ мои дотолѣ смутныя вѣрованія».

Островскій, начавшій съ рѣзкаго отрицанія всего русскаго, съ насмѣшки надъ всѣмъ, что отдавало дневней Русью, какъ это часто случается съ сильными и цѣльными дарованіями, умѣющими своимъ страстнымъ умомъ созерцать «двѣ бездны», какъ говаривалъ Достоевскій, перешелъ въ крайность и сталъ самымъ пламеннымъ апостоломъ «русской самобытности», которая и сдѣлалась лозунгомъ членовъ его кружка. «Однажды Островскій, — повѣствуетъ г. Филипповъ, за пріятельской пирушкой, почувствовавъ, вѣроятно, въ себѣ притокъ силъ богатыря-художника и увѣренность въ этихъ

[1]) «Островскій въ его произведеніяхъ. Первый періодъ дѣятельности». Спб., 1888 года.

[2]) «Эпоха», 1864 г., № 9.

силахъ, проговорилъ даже, обращаясь къ друзьямъ: «Съ Тертіемъ [1]) да съ Провомъ [2]) мы все Петрово дѣло назадъ повернемъ». Насколько силенъ былъ энтузіазмъ кружка, подъ воздѣйствіемъ гипнотизирующей проповѣди Островскаго и широкой, какъ море, пѣсни Филиппова, показываетъ слѣдующая, на первый взглядъ даже комическая, сцена, разсказанная автору «Погодина» г. Филипповымъ:

«Присоединенный къ кружку В. П. Алмазовымъ, товарищъ его по пансіону Зедергольмъ, впослѣдствіи о. Климентъ Оптинскій, а тогда еще протестантъ, сынъ протестантскаго пастора, подъ вліяніемъ одной изъ бесѣдъ, вдругъ объявилъ, что для того, чтобы стать вполнѣ русскимъ, онъ непремѣнно приметъ православіе, если только Филипповъ согласится быть его воспріемникомъ. Въ этомъ нельзя еще усматривать религіознаго переворота въ душѣ самого говорившаго, ибо сказано это было полушутливо; но это указываетъ на то, что въ средѣ кружка исподволь выяснилось уже сознаніе тѣсной связи русской народности съ православіемъ. Во всякомъ случаѣ, отношенія къ Петру и къ Петровскому перевороту были уже вполнѣ установившимися. Тотъ же Зедергольмъ, подъ вліяніемъ случайной рюмки вина, котораго онъ вообще никогда не пилъ, такъ увлекся въ одномъ разговорѣ негодованіемъ на Петра, что объявилъ, что убьетъ его, и притомъ разорвалъ свою студенческую фуражку».

Этотъ размахъ, который намъ рисуетъ очевидецъ того времени, чрезвычайно характеренъ: одинъ собирается, при содѣйствіи двухъ товарищей, «повернуть все дѣло Петрово», другой сразу рѣшаетъ вопросъ о преимуществѣ религіознаго исповѣданія и, вдобавокъ, собирается даже на единоборство съ отошедшими въ глубь исторіи былыми дѣятелями Россіи! Разгадка этимъ легкомысленнымъ порывамъ почерпается изъ нѣсколькихъ случайно брошенныхъ словъ г. Филиппова, которыя необходимо сопоставить съ приведеннымъ уже отрывкомъ изъ воспоминаній Ап. Григорьева. Въ повѣствованіяхъ г. Филиппова, при всей ихъ осторожности о деликатномъ предметѣ, тѣмъ не менѣе, можетъ быть, даже противъ его воли, вездѣ проскальзываетъ упоминаніе о «пріятельской пирушкѣ», «случайно-выпитой рюмкѣ вина». Григорьевъ, болѣе откровенный на этотъ счетъ, прямо говоритъ о «попойкахъ», о «пьянствѣ» и «безобразіи». Сопоставляя эти и осторожныя и откровенныя признанія, мы невольно должны прійти къ заключенію, что вино и хмель сыграли въ приподнятомъ, народолюбивомъ, настроеніи кружка Островскаго немалую роль и имѣли подчасъ рѣшающее значеніе въ дѣйствіяхъ членовъ кружка. Только вліяніемъ вина можно объяснить себѣ ту эксцентрическую обстановку, при которой состоялось присоединеніе къ кружку Островскаго и старшаго изъ всѣхъ по возрасту и литературной дѣятельности, слабаго до вина, Ап. Григорьева.

«Въ ту пору Григорьевъ не имѣлъ умственнаго пріюта,—повѣствуетъ г. Филипповъ,—и послѣ многихъ умственныхъ скитаній сталъ приглядываться къ Моло-

---

[1]) Филипповымъ.

[2]) Садовскимъ.

дому Москвитянину, куда и введенъ былъ тѣмъ же Филипповымъ [1]. Однажды у Островскаго былъ громадный литературный вечеръ, на которомъ присутствовали представители всѣхъ литературныхъ направленій того времени. Когда большая часть гостей разошлась, и остались только близкіе Островскому люди, Филиппова просили спѣть. Послѣ одушевленно пропѣтой имъ пѣсни, которая на всѣхъ произвела впечатлѣніе, Григорьевъ упалъ на колѣни и просилъ кружокъ усвоить его себѣ, такъ какъ въ его направленіи онъ видитъ правду, которой искалъ въ другихъ мѣстахъ и не находилъ, а потому былъ бы счастливъ, если бы ему позволили здѣсь бросить якорь».

Это эксцентричное «паденіе на колѣни» послѣ разъѣзда гостей и подъ вліяніемъ пѣсни, пропѣтой поздней ночью, несомнѣнно было тѣсно связано съ сильной выпивкой, до которой Григорьевъ былъ большой охотникъ. Такимъ образомъ, можно съ увѣренностью сказать, что разливное вино, на которое мы постоянно наталкиваемся въ собраніяхъ кружка Островскаго, служило вѣрнымъ средствомъ электризаціи молодыхъ сотрудниковъ Погодина, которая ихъ сплачивала въ тѣсный товарищескій кружокъ, придавала особый, опредѣленный бѣгъ мысли и держала нервы и чувства въ приподнятомъ, восторженномъ настроеніи. Во всѣхъ ихъ пылкихъ рѣчахъ, широкихъ размахахъ чувства, въ полетѣ смѣлой мысли слышатся тѣ «вакхическіе» мотивы, которые такъ прекрасно выражены геніальнымъ поэтомъ стихами

Полнѣе стаканъ наливайте!
На звонкое дно,
Въ густое вино
Завѣтныя кольца бросайте!
Поднимемъ стаканы, содвинемъ ихъ разомъ!
Да здравствуетъ муза, да здравствуетъ разумъ!
Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яснымъ восходомъ зари,
Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ
Предъ солнцемъ безсмертнымъ ума.
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!

Этимъ солнцемъ, къ которому въ своихъ московскихъ бесѣдахъ въ студенческомъ трактирѣ «Британія» или «желѣзномъ» Печкина взывали собесѣдники Островскаго, была та «народность», та національная «самостоятельность», которыя красною нитью проведены въ статьяхъ Григорьева о театрѣ и литературѣ, печатавшихся въ «Москвитянинѣ» 1851—1852 годовъ. Къ этимъ же началамъ прилѣпились въ своихъ работахъ и остальные молодые сотрудники Погодина, и ихъ же, безъ всякой предвзятой мысли, совершенно инстинк-

[1] Здѣсь какая-то неточность въ передачѣ почтеннаго автора. Григорьевъ считался сотрудникомъ «Москвитянина» еще при Вельтманѣ и состоялъ даже членомъ, хотя и заочнымъ, редакціи. Поэтому говорить объ отсутствіи у него въ тѣ дни «умственнаго пріюта» хронологически невѣрно. Скорѣе, слова г. Филиппова должны быть отнесены къ вопросу о духовномъ сліяніи съ кружкомъ Островскаго.

тивно выдвигалъ въ своихъ произведеніяхъ второй членъ кружка Островскаго, подобно послѣднему, составившій своимъ появленіемъ на страницахъ «Москвитянина» событіе въ журнальномъ мірѣ и значительно содѣйствовавшій оживленію «мрачныхъ сводовъ Погодинскаго sui generis древлехранилища». Я разумѣю А. Ѳ. Писемскаго, который еще со временъ студенчества былъ знакомъ съ Филипповымъ и Эдельсономъ и который въ октябрьской книжкѣ «Москвитянина» 1850 г. напечаталъ свой извѣстный романъ «Тюфякъ».

XIII.

«Тюфяка» привезъ Погодину Островскій, а вскорѣ послѣ этого состоялось и знакомство издателя «Москвитянина» съ молодымъ провинціальнымъ беллетристомъ. Въ тѣ дни уже установилось раздѣленіе «Москвитянина» на двѣ редакціи, и Писемскій, по всему складу своего ума, по характеру литературнаго направленія, былъ признанъ *своимъ* «молодой редакціей» журнала, хотя онъ, конечно, въ качествѣ иногороднято обитателя не могъ ни офиціально, ни фактически числиться въ ея составѣ. Литературная карьера его собственно началась съ 1846 г. романомъ «Боярщина», долго ходившимъ въ московскихъ кружкахъ по рукамъ и напечатаннымъ впослѣдствіи въ «Библіотекѣ для Чтенія», но впервые, въ большомъ журналѣ онъ дебютировалъ именно у Погодина, въ «Москвитянинѣ».

«Хорошо помню впечатлѣніе,—говоритъ П. В. Анненковъ въ своемъ очеркѣ «Художникъ и простой человѣкъ» [1]),—производенное на меня, въ глуши провинціальнаго города,—который если и занимался политикой и литературой, то единственно сплетнической ихъ исторіей,—первыми разсказами Писемскаго «Тюфякъ» (1850) и «Бракъ по страсти» (1851 г.) въ «Москвитянинѣ». Какой веселостью, какимъ обиліемъ комическихъ мотивовъ они отличались и притомъ безъ претензій на какой либо скороспѣлый выводъ изъ уморительныхъ типовъ и характеровъ, этими разсказами выводимыхъ. Тутъ била прямо въ глаза русская мѣщанская жизнь, вышедшая на Божій свѣтъ, торжествующая и какъ бы гордящаяся своей открытой дикостью, своимъ самостоятельнымъ безобразіемъ. Комизмъ этихъ картинъ возникалъ не изъ сличенія ихъ съ какимъ либо ученіемъ или идеаломъ, а изъ того чувства довольства собой, какое обнаруживали ихъ нелѣпые герои въ средѣ безсмыслицъ и невѣроятной распущенности».

Такимъ образомъ, даже изъ этихъ словъ Анненкова мы видимъ, что характеръ первыхъ произведеній Писемскаго какъ нельзя болѣе подходилъ къ той литературной струѣ, которая была уже внесена Островскимъ и его первой комедіей въ содержаніе книжекъ «Москвитянина». Здѣсь та же русская жизнь, въ ея неподкрашенной дѣйствительности, въ ея проявленіяхъ на событіяхъ и типахъ провинціальной жизни, освѣщенной не негодующимъ, не казнящимъ, а

---

1) «Вѣстникъ Европы», 1882 г., № 4.

веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ... Авторъ не резонируетъ, но поучаетъ, а съ добродушіемъ выхватываетъ факты и образы изъ жизни, и заливается при этомъ самымъ жизнерадостнымъ смѣхомъ, безъ всякой примѣси болѣзненнаго озлобленія. «Свои люди сочтемся» Островскаго и «Тюфякъ» Писемскаго гармонически отвѣчали другъ другу и ясно показывали читателямъ, что въ русской литературѣ дѣйствительно народились новые люди, глубоко изучившіе Россію и ея низшіе классы, тѣ самые классы, которые въ наибольшей чистотѣ хранятъ въ себѣ русскія родовыя черты и наличность исторической народности. Но если Писемскій, какъ литературный производитель, былъ подъ масть произведеніямъ молодой редакціи «Москвитянина», то онъ въ неменьшей степени, по всѣмъ своимъ замашкамъ, симпатіямъ и наклонностямъ, совершенно къ нимъ подходилъ, сливался съ ними и дѣйствительно былъ для нихъ своимъ.

«Трудно себѣ и представить болѣе полный, цѣльный типъ чрезвычайно умнаго и вмѣстѣ оригинальнаго провинціала,—говоритъ въ цитированныхъ уже воспоминаніяхъ Анненковъ,—чѣмъ тотъ, который явился въ Петербургѣ въ образѣ молодого Писемскаго, съ его крѣпкой, коренастой фигурой, большой головой, испытующими наблюдательными глазами и лѣнивой походкой. На всемъ его существѣ лежала печать какой-то усталости, пріобрѣтаемой въ провинціи отъ ея халатнаго, распущеннаго образа жизни и скораго удовлетворенія разныхъ органическихъ прихотей. Съ перваго взгляда на него рождалось убѣжденіе, что онъ ни на волосъ не измѣнилъ обычной своей физіономіи, не прикрасилъ себя никакой болѣе или менѣе интересной и хорошо придуманной чертой, не принарядился морально, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди, впервые являющіеся передъ незнакомыми лицами. Ясно дѣлалось, что онъ вышелъ на улицы Петербурга точно такимъ, какимъ сѣлъ въ экипажъ, отправляясь изъ своего родного гнѣзда. Онъ сохранилъ всего себя, начиная съ своего костромскаго акцента... и кончая насмѣшливыми выходками по поводу столичной утонченности жизни, языка и обращенія».

Писемскій, продолжаетъ авторъ воспоминаній, «добродушно признавался..., что испытываетъ родъ органическаго отвращенія къ иностранцамъ, котораго побѣдить въ себѣ не можетъ». «Присутствіе иностранца,—говоритъ Писемскій,—дѣйствуетъ на меня уничтожающимъ образомъ: я лишаюсь спокойствія духа и желанія мыслить и говорить. Пока онъ у меня на глазахъ, я подвергаюсь чему-то въ родѣ столбняка и рѣшительно теряю способность понимать его».

Вотъ такой-то типичный провинціалъ, съ его распущенностью, халатностью и жаждою скорѣйшаго удовлетворенія органическихъ потребностей, съ ненавистью къ порядку, европейскому благочинію и дисциплинѣ, былъ какъ нельзя болѣе подъ стать широкимъ натурамъ членовъ кружка Островскаго, среди которыхъ, онъ чувствовалъ себя совершенно въ своей сферѣ, какъ рыба въ водѣ. Поэтому и его связь съ «молодой редакціей Москвитянина» была во всѣхъ отношеніяхъ — и въ литературномъ и житейскомъ—вполнѣ естественная, органическая. Разница лишь между нимъ и остальными членами «кружка» была та, что онъ, какъ это видно будетъ далѣе, сумѣлъ поставить себя въ отношеніи старой редакціи, т.-е. са-

мого Погодина, въ болѣе выгодныя и опредѣленныя условія и сразу пресѣкъ послѣднему всякую возможность эксплоатировать себя, какъ то издатель «Москвитянина» особенно практиковалъ по отношенію Ап. Григорьева.

Григорьевъ по глубинѣ своихъ убѣжденій, по умственному развитію и литературной опытности былъ наиболѣе виднымъ и полезнымъ сотрудникомъ Погодинскаго журнала. Это былъ типичный журналистъ, котораго, по свидѣтельству Н. Страхова [1]), «ничто столько не занимало, не увлекало, не наполняло, какъ явленія въ мірѣ искусства вообще и въ мірѣ словеснаго художества въ особенности. Это былъ урожденный критикъ, для котораго критика была естественною потребностью и притомъ назначеніемъ жизни». Нѣсколько далѣе Страховъ говоритъ:

«Главное, отчего страдалъ Григорьевъ, было его постоянное стремленіе къ энтузіазму, къ тому самому энтузіазму, въ которомъ заключалась вся его сила, какъ критика и писателя. Минуты, когда онъ постигалъ самыя тайныя біенія жизни, воплощенныя искусствомъ, были настоящими живыми минутами Григорьева. Но за ними слѣдовалъ упадокъ силъ, при которомъ весь личный міръ человѣка тускнѣетъ и обезцвѣчивается; неизбѣжно слѣдовало смутное и тревожное исканіе идеала въ своей собственной жизни. Вотъ почему Григорьевъ былъ человѣкъ въ высшей степени напряженный, какъ онъ самъ выражается о своихъ первыхъ стихотвореніяхъ, хотя въ то же время совершенно искренній. Онъ ни въ чемъ не могъ помириться на серединѣ. Онъ старался возводить свои мысли и чувства до идеальной глубины и чистоты; если же обрывался въ этихъ усиліяхъ, то прямо переходилъ въ противоположную крайность и погружался въ безпорядокъ жизни съ какимъ-то сладострастіемъ цинизма. Эти безпрестанныя противоположности поражали всякаго, кто въ первый разъ узнавалъ Григорьева; онѣ сломали его жизнь и подорвали его крѣпкую натуру».

Изъ этого описанія, сдѣланнаго любящей рукой, мы ясно видимъ, что новый членъ «молодой редакціи» былъ человѣкомъ въ высшей степени нервнымъ, легко-возбуждающимся, экзальтированнымъ, съ волею, значительно пораженною «безпорядочной жизнью» и алкоголемъ. Мы уже видѣли, при какой эксцентричной обстановкѣ онъ просилъ признать себя своимъ членовъ кружка Островскаго. Понятно, что, очутившись въ приподнятой, возбужденной средѣ, Григорьевъ не нашелъ, да и не искалъ, въ себѣ средствъ къ противодѣйствію нахлынувшимъ на него новымъ впечатлѣніямъ и сдѣлался самымъ пламеннымъ апостоломъ «смутныхъ вѣяній», которыя въ своихъ статьяхъ и провозгласилъ «новымъ словомъ» русской литературы. Это «новое слово» онъ особенно наглядно узрѣлъ въ произведеніяхъ Островскаго, которыя и сдѣлались альфою и омегою всѣхъ его вѣрованій и упованій... «Я рѣшительно одинъ, безъ всякаго знамени,—писалъ онъ Страхову.—Славянофильство также не признавало и не признаетъ меня своимъ, да я и не хотѣлъ никогда этого признанія. Одинъ человѣкъ, съ кѣмъ у меня

---

[1]) «Эпоха», 1864 г., № 9.

все общее,—Островскій»... Въ творчествѣ Островскаго онъ видѣлъ проявленіе русской «умственной и нравственной самостоятельности», а этотъ вопросъ о «самостоятельности» былъ, по его собственному признанію, «глубже и обширнѣе по своему значенію всѣхъ нашихъ вопросовъ—и вопроса о крѣпостномъ состояніи и вопроса политической свободы».

Вотъ эта-то проповѣдь важности нашей самостоятельности, уже какъ будто осуществляющейся въ современной жизни и долженствуемой быть поставленной выше всѣхъ вопросовъ—и соціальныхъ и политическихъ, эта-то проповѣдь придавала Григорьеву, какъ сотруднику «Москвитянина», особенное, боевое значеніе, почему противъ него и направились главнымъ образомъ стрѣлы изъ западническаго лагеря, который по наслѣдію отъ Бѣлинскаго и Герцена, въ предѣлахъ возможности, конечно, именно развивалъ особенное значеніе вопроса о крѣпостномъ правѣ и о политической свободѣ. Что касается послѣдней категоріи вопросовъ, то въ этомъ отношеніи Григорьевъ охотно мирился съ политической формулой Погодина, котораго и признавалъ своимъ «единственнымъ политическимъ вождемъ». Съ Погодинымъ же онъ совпадалъ и въ симпатіяхъ къ лѣтописной, археологической Россіи. «Мнѣ старый соборъ нуженъ,—говорилъ онъ Страхову,—старые образа въ окладахъ съ сумрачными лицами,—слѣды исторіи нужны,—нравы нужны, хоть, пожалуй, и жестокіе, да типическіе».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ лицѣ Григорьева «Москвитянинъ»—и молодой, и старый, пріобрѣталъ воистину цѣннаго сотрудника, который и занялъ въ журналѣ главенствующее, передовое мѣсто. Молодежь встрѣчала въ его статьяхъ наиболѣе полное отраженіе и формулировку своихъ «смутныхъ мечтаній», а Погодинъ видѣлъ въ немъ такого помощника, который, не залѣзая въ неподвѣдомственныя ему сферы политики и соціальныхъ вопросовъ, умѣетъ въ отведенной ему области быть занимательнымъ для читателей. «Господинъ Григорьевъ,—говорилъ Погодинъ,—золотой сотрудникъ, борзописецъ, много хорошаго вездѣ скажетъ онъ и съ чувствомъ, но не знаетъ ни гдѣ ему в.......я, ни гдѣ молитву прочесть. Первое исполнитъ онъ всегда въ переднемъ углу, а второе—подъ лѣстницею».

XIV.

Мы уже знаемъ, что пьеса «Свои люди сочтемся», прежде чѣмъ попасть въ «Москвитянинъ», цѣлый сезонъ ходила по рукамъ и читалась то самимъ авторомъ, то Садовскимъ, а то ими обоими вмѣстѣ на разныхъ вечерахъ. О ней много говорили въ зиму 1849—1850 годовъ, и появленіе ея въ мартовской книгѣ Погодинскаго журнала было встрѣчено всѣми любителями изящной словесности съ

радостью и большими похвалами, какъ по адресу автора комедіи, такъ и журнала, ее напечатавшаго. Однако не такъ поглядѣлъ на дѣло знаменитый «Негласный комитетъ 2 апрѣля 1848 года»: онъ обратилъ на комедію Островскаго надлежаще вниманіе министра народнаго просвѣщенія. Являясь откликомъ «комитета», графъ Уваровъ въ свою очередь предписалъ попечителю Московскаго округа пригласить къ себѣ автора комедіи и «вразумить его, что благородная и полезная цѣль таланта должна состоять не только въ живомъ изображеніи смѣшного и дурного, но и въ справедливомъ его порицаніи, не только въ каррикатурѣ, но и въ распространеніи высшаго нравственнаго чувства: слѣдовательно, въ противопоставленіи пороку добродѣтели, а картинамъ смѣшного и преступного—такихъ помысловъ и дѣяній, которыя возвышаютъ душу; наконецъ въ утвержденіи того столь важнаго для жизни общественной и частной вѣрованія, что злодѣяніе находитъ достойную кару еще на землѣ».

Вслѣдствіе такого внушенія, смахивающаго на лекцію по курсу эстетики, Островскій вынужденъ былъ оправдываться и писалъ В. И. Назимову»[1]):

«Трудъ мой, еще не оконченный, возбудилъ одинаковое сочувствіе и производилъ самыя отрадныя впечатлѣнія во всѣхъ слояхъ московскаго общества, болѣе же всего между купечествомъ. Лучшія купеческія фамиліи единодушно, гласно изъявили желаніе видѣть мою комедію въ печати и на сценѣ. Я самъ нѣсколько разъ читалъ эту комедію передъ многочисленнымъ обществомъ, состоящимъ исключительно изъ московскихъ купцовъ и, благодаря русской, правдолюбивой натурѣ, они не только не оскорбились этимъ произведеніемъ, но въ самыхъ обязательныхъ выраженіяхъ изъявили мнѣ свою признательность за вѣрное воспроизведеніе современныхъ недостатковъ и пороковъ ихъ сословія, и горячо высказывали необходимость дѣльнаго и правильнаго обличенія этихъ пороковъ (въ особенности превратнаго воспитанія) на пользу своего круга. Въ глазахъ этихъ почтенныхъ людей правда и польза, коей они отъ нея надѣялись, исключала всякую мысль объ оскорбленіи личнаго самолюбія. Все это побудило меня представить мою комедію въ цензурный комитетъ, и это же, осмѣливаюсь думать, обратило и ваше вниманіе на мой трудъ. Согласно понятіямъ моимъ объ изящномъ, считая комедію лучшею формою къ достиженію нравственныхъ цѣлей и признавая въ себѣ способность воспроизводить жизнь преимущественно въ этой формѣ, я долженъ былъ написать комедію или ничего не написать. Твердо убѣжденный, что всякій талантъ налагаетъ обязанности, которыя честно и прилежно долженъ исполнить человѣкъ, я не смѣлъ оставаться въ бездѣйствіи. Будетъ часъ, когда спросится у каждаго: гдѣ талантъ твой?».

Кромѣ этого инцидента, появленіе въ печати пьесы Островскаго сопровождалъ и другой, доставившій молодому драматургу немало горя и заботъ и о которомъ даетъ любопытныя свѣдѣнія г. Филипповъ въ книгѣ г. Барсукова.

«Громадный успѣхъ все еще продолжавшихся чтеній комедіи Островскаго,—повѣствуетъ г. Филипповъ,—и расходящаяся молва о ней скоро создали автору ея крупную непріятность... которую, такъ сказать, взлелѣяло и вскормило враждебное

[1]) Начальникъ московской цензуры.

настроеніе представителей западнаго направленія. Дѣло въ томъ, что Островскій еще смолоду любилъ дѣлить съ кѣмъ либо художественную работу, творить въ товариществѣ съ кѣмъ либо. Если въ зрѣлыхъ годахъ уже работалъ онъ съ Соловьевымъ и другими, то и въ молодости онъ неоднократно приглашалъ Филиппова къ совмѣстному художественному труду, отъ котораго Филипповъ, однако, отказывался, не чувствуя въ себѣ къ тому призванія. На бѣду такого же рода разговоры, еще до знакомства съ Филипповымъ, велъ Островскій и съ нѣкіимъ прогорѣвшимъ купцомъ Тарасенковымъ, впослѣдствіи провинціальнымъ актеромъ Горевымъ, и велъ именно тогда, когда піеса «Свои люди сочтемся» только еще замышлялась имъ. Этотъ-то Тарасенковъ и пустилъ впослѣдствіи слухъ, что производящая столько шуму комедія писана вовсе не однимъ Островскимъ, что въ сущности она принадлежитъ ему, Тарасенкову, и что Островскій напрасно приписываетъ себѣ всю честь ея созданія. Нерасположенные къ Островскому и его кружку западники радостно ухватились за этотъ слухъ и распространяли его вездѣ, гдѣ только было возможно. Москва заговорила. Слухъ пронесся въ Петербургѣ, и тамъ встрѣтилъ готовность вѣрить и распространять. Особенно порадѣлъ дѣлу распространенія Краевскій. Положеніе Островскаго стало чрезвычайно тягостнымъ, въ виду полнѣйшей невозможности опровергнуть клевету, положить предѣлъ оскорбительнымъ толкамъ. Свидѣтельство самого автора, разумѣется, ничего не значило. Филипповъ засталъ наброски комедіи въ началѣ своего знакомства съ Островскимъ, и вся комедія по частямъ разработывалась на его глазахъ; ложь была для него вполнѣ очевидною. Но онъ былъ слишкомъ близокъ и слишкомъ объединенъ въ общемъ мнѣніи съ Островскимъ, чтобы свидѣтельство его могло положить конецъ клеветѣ. Поневолѣ приходилось молчать, и ложь гуляла свободно. По счастію, на улаженіе и исправленіе всего дѣла выступилъ самъ Горевъ-Тарасенковъ, написавъ и напечатавъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» новую, вполнѣ бездарную комедію, которая сдѣлала очевиднымъ для всѣхъ, чего можно ожидать отъ его таланта, чего немыслимо ожидать отъ него. Клевета поневолѣ должна была навсегда замолкнуть».

Напечатавъ въ «Москвитянинѣ» комедію и познакомившись съ Погодинымъ, Островскій, по просьбѣ послѣдняго, сталъ уговаривать и своихъ молодыхъ пріятелей вступить въ литературныя сношенія съ редакторомъ «Москвитянина»; но это приглашеніе на первыхъ порахъ не встрѣтило ничье сочувствіе и вызвало протесты. Члены кружка были предубѣждены противъ Погодина и судили о немъ по неблагопріятнымъ слухамъ, которые ходили на его счетъ по Москвѣ. Однако, Островскому удалось сломить сопротивленіе молодежи, и они отправились на назначенное свиданіе съ Погодинымъ. Противъ всякаго ожиданія, послѣдній очаровалъ ихъ бесѣдою, увлекъ разсказами, «носившими характеръ живой лѣтописи». Этимъ свиданіемъ былъ закрѣпленъ союзъ молодежи съ ученымъ историкомъ, который и нашелъ въ нихъ нужныхъ ему лицъ, во время явившихся на смѣну ушедшему Вельтману.

Но, кромѣ членовъ своего кружка, Островскій содѣйствовалъ и сближенію издателя «Москвитянина» съ Писемскимъ, доставивъ въ редакцію извѣстный романъ послѣдняго «Тюфякъ». Однако Погодинъ не нашелъ въ провинціальномъ беллетристѣ наивной овечки, которая готова была великодушно отдать себя стричь опытному въ этомъ дѣлѣ издателю «Москвитянина». Со свойственной ему осто-

рожностью и дальновидностью Писемскій предложилъ патрону подписать договоръ, гдѣ точно выяснилъ свои отношенія къ журналу и обозначилъ условія, на коихъ согласенъ въ немъ работать.

XV.

Но если авторъ «Тюфяка» сумѣлъ поставить себя въ болѣе или менѣе сносныя матеріальныя условія въ отношеніи Погодина, то положеніе остальныхъ сотрудниковъ было воистину бѣдственное: семейные люди, каковыми были Эдельсонъ и Григорьевъ, получали всего лишь по 15 рублей за печатный листъ, Филипповъ не бралъ ничего, и одинъ только Алмазовъ, человѣкъ небрежный и беззаботный насчетъ денегъ, получилъ какую-то непонятную власть надъ Погодинымъ и въ любую минуту урывалъ изъ бумажника издателя по 20 и 30 рублей своего заработка. Погодинъ, мечтавшій въ тѣ времена продать въ казну свое древлехранилище, кормилъ сотрудниковъ будущими гонорарами, обѣщая имъ платить по 50 и по 100 рублей за листъ. «Вы мои друзья въ несчастіи, будете друзьями и въ счастіи»,—говорилъ онъ серьезнѣйшимъ образомъ въ утѣшеніе сотрудникамъ. Но вопросъ о древлехранилищѣ подвигался медленно, а тѣмъ временемъ сотрудники допекали издателя просьбами о деньгахъ. Такъ А. Григорьевъ писалъ ему:

«Посылаю вамъ Вильгельма Мейстера и съ величайшей радостью отдаю его Москитянину, гдѣ для него приличнѣе мѣсто, нежели въ Запискахъ. Хотя, работая прежде Краевскому также усердно и честно, какъ вамъ, я выполнялъ дѣло по крайнему разумѣнію, но не откажусь просмотрѣть переводъ мой и, какъ говорится, mettre la derniere main. Условія, разумѣется, обыкновенныя: при настоящемъ положеніи Москвитянина я больше шести цѣлковыхъ за листъ считаю не честнымъ и требовать. Завтра утромъ я къ вамъ заѣду и ради Бога достаньте еще пятьдесятъ цѣлковыхъ для удовлетворенія моего кредитора—ракаліи... Вы видите сами, что гарантіи за себя я могу представить».

Точно также и Алмазовъ молилъ его:

«Пришлите, сдѣлайте милость, мнѣ денегъ за статью, для поощренія моего таланта. Я бы право не сталъ васъ безпокоить (я не сребролюбецъ!), но праздникъ на дворѣ, будетъ гулянье подъ Новинскимъ, надо перчатки и все этакое. А то вѣдь теперь бѣда: статьей моей я нажилъ себѣ такихъ враговъ, что теперь, покажись-ка я на гулянье въ старой шляпѣ и безъ перчатокъ, такъ тебя просмѣютъ, что совсѣмъ погибнешь въ цвѣтѣ лѣтъ. Отецъ мнѣ денегъ не присылаетъ, потому что очень старъ... Итакъ, припадаю къ стопамъ вашимъ. Въ статьѣ моей полтора печатныхъ листа мелкой печати. Вторую статью надняхъ вамъ доставлю».

Неаккуратность платежей, затягиванье расчетовъ, стремленіе не выполнять денежныхъ условій со стороны Погодина раздражали и Писемскаго, который, не смотря на заключенный имъ контрактъ, не могъ, безъ крутыхъ мѣръ, настоять на полученіи слѣдуемаго ему заработка. Уже въ началѣ апрѣля (договоръ былъ подписанъ въ

февралѣ) шлетъ онъ въ Москву напоминаніе о срокѣ высылки ему денегъ; за этимъ письмомъ онъ шлетъ въ томъ же мѣсяцѣ другое и, наконецъ, въ концѣ мая третье:

«Двумя письмами моими просилъ васъ,—извѣщаетъ онъ скороднаго издателя,—о высылкѣ мнѣ слѣдующихъ, по условію нашему, двухсотъ пятидесяти рублей серебромъ, надѣясь на которые я до сихъ поръ остаюсь въ нуждѣ. Въ послѣднемъ письмѣ вашемъ вы обѣщали мнѣ ихъ выслать на той же недѣлѣ. Приходитъ срокъ высылки моего Комика, который у меня уже готовъ давно. Въ томъ же письмѣ вашемъ вы высказываете на меня нѣсколько претензій вашихъ, на которыя, впрочемъ, я за лучшее считаю объясниться при личномъ свиданіи съ вами, и въ настоящемъ случаѣ скажу только то, что всѣ предпринятыя мною условія сохраню свято и ненарушимо, а равнымъ образомъ прошу и Москвитянина не манкировать. Всѣ условія хороши, если они исполняются обоюдно».

Но и это письмо не подѣйствовало на Погодина, такъ что Писемскій вынужденъ былъ прибѣгнуть къ посредничеству третьяго лица, каковымъ оказался Аполлонъ Александровичъ Майковъ.

«Рукопись мою,—писалъ Писемскій издателю «Москвитянина»,—я переслалъ въ Москву къ 1-му числу, которую можетъ доставить къ вамъ братъ жены моей, Аполлонъ Александровичъ Майковъ; но прежде полученія, вновь покорнѣйше прошу выслать мнѣ, по нашему условію, двѣсти пятьдесятъ рублей серебромъ, и по полученіи—слѣдующіе двѣсти пятьдесятъ. Деньги мнѣ очень нужны; въ ожиданіи будущихъ благъ я теперь занимаю; у меня родился сынъ, наименованный Аполлономъ. Пожалуйста, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, снабдите меня деньгами, а то у меня безъ денегъ пропадаетъ совершенно вся литературная дѣятельность. Въ ожиданіи присылки вами денегъ, я третью недѣлю ничего не дѣлаю».

Мѣра, употребленная Писемскимъ, подѣйствовала. Погодинъ оказался припертымъ къ стѣнѣ и, нуждаясь въ беллетристикѣ и молодыхъ сотрудникахъ, вынужденъ былъ, скрѣпя сердце, отсчитать слѣдуемыя автору ассигнаціи. Не баловалъ издатель «Москвитянина» деньгами и козырнаго своего сотрудника, А. Н. Островскаго; по крайней мѣрѣ въ одномъ изъ его писемъ къ Погодину ясно видно, что онъ тяготится своимъ матеріальнымъ положеніемъ и желаетъ точнѣе выяснить свои отношенія къ журналу. Уже въ концѣ февраля (24-го) 1851 г. онъ обратился къ Погодину съ письмомъ, гдѣ просилъ его:

«Напишите мнѣ, можете ли вы мнѣ дать 50 руб. въ мѣсяцъ, за простое сотрудничество, съ обязательствомъ съ моей стороны, доставить въ продолженіе года статей на эту сумму, и съ правомъ, кромѣ того, давать статьи и въ другія изданія. Примите въ расчетъ то, что я, по своему характеру, все-таки всѣми силами стану стараться для «Москвитянина». Если же вы на это не согласны, то напишите, что вы отъ меня хотите, чтобы я зналъ это опредѣленно. Извините, что безпокою васъ; мнѣ самому, Михайло Петровичъ, тяжело».

Неудовольствіе сотрудниковъ, конечно, раздражало Погодина, и онъ сердито писалъ въ дневникѣ 12-го марта: «Вечеромъ сотрудники, которые надоѣдаютъ своими претензіями. Надо съ ними покрѣпче»...

Но, помимо денежныхъ неудовольствій молодыхъ сотрудниковъ на своего издателя, между ними бѣгала еще и другая черная кошка, придававшая ихъ обострившимся отношеніямъ болѣе серьезный, принципіальный характеръ. Дѣло въ томъ, что, вступая въ «Москвитянинъ», Островскій и К°, вѣроятно, не безъ основанія полагали, что они будутъ полными хозяевами дѣла, и что Погодинъ передастъ имъ свое дѣтище на тѣхъ же условіяхъ, какъ это было нѣкогда съ Кирѣевскимъ. Оказалось же, однако, что или обѣ стороны не поняли другъ друга или—и это наиболѣе правдоподобно!—Погодинъ просто провелъ своихъ неопытныхъ въ практическихъ вопросахъ сотрудниковъ и обратилъ ихъ въ журнальныхъ батраковъ. Залучивъ ихъ разными обѣщаніями въ «Москвитянинъ», онъ достигъ цѣли—поднялъ (въ 1850 г.) подписку съ 500 человѣкъ до 1100 и на этомъ успокоился, полагая, со свойственнымъ ему плутовствомъ, что нечего дѣлиться съ другими добромъ, когда имъ можно воспользоваться исключительно на пользу своего кармана. Это рѣшеніе встревожило друзей Островскаго, и вотъ что послѣдній писалъ Погодину:

«Чего я опасался, то и вышло. Когда я сказалъ кой-кому, на чемъ мы порѣшили (то-есть сказалъ такъ, какъ уговорились), то получилъ вотъ какія возраженія: «Значитъ, это только на нынѣшній годъ! Значитъ, мы должны отдавать статьи все-таки Погодину! Поднять его журналъ! И какую вы роль берете на себя! Онъ можетъ и самъ обратиться ко всѣмъ литераторамъ! Не того мы ждали! Мы думали, что журналъ будетъ вашъ, а слѣдовательно и нашъ; кромѣ трудовъ, можно бы рѣшиться на пожертвованія, по крайней мѣрѣ была бы надежда на вознагражденіе! А теперь мы и вы должны служить Погодину». Хорошо еще, что я не былъ ни у кого изъ значительныхъ дѣятелей, то есть ни у Грановскаго, ни у графини Сальясъ, ни у Леонтьева и проч. Каково бы мнѣ было съ ними разговаривать! Что мнѣ дѣлать, научите меня. Напишите мнѣ поскорѣй отвѣтъ; дѣло не терпитъ отлагательства. Послѣдній нашъ разговоръ, мнѣ кажется, показалъ вамъ, какъ готовъ я на безкорыстное служеніе всякому серьезному дѣлу. Напишите мнѣ, сдѣлайте одолженіе, что мнѣ дѣлать и что говорить; сдѣлайте милость, напишите что-нибудь рѣшительное. Вы знаете, въ какомъ душевномъ состояніи я нахожусь, оно для меня невыносимо».

Въ другой разъ Островскій писалъ: «Прошу васъ по крайней мѣрѣ не препятствовать тому слуху, что «Москвитянинъ» можетъ быть подъ моимъ распоряженіемъ. Мнѣ ужъ теперь, кромѣ многихъ ученыхъ статей, обѣщано три повѣсти». Что упованія членовъ кружка Островскаго имѣли подъ собою реальное основаніе, явствуетъ также изъ письма Грановскаго къ Краевскому, гдѣ онъ сообщалъ:

«О переходѣ «Москвитянина» въ руки Островскаго, вы уже, вѣроятно, знаете. Жаль Островскаго, котораго Погодинъ посадитъ черезъ годъ въ яму, какъ несостоятельнаго должника своего, и заставитъ въ ямѣ на себя работать. Въ числѣ условій, выговоренныхъ Погодинымъ, находится слѣдующее: онъ пользуется правомъ въ каждой книжкѣ ругать Соловьева, хвалить котораго запрещено формально другимъ сотрудникамъ».

Въ слѣдующемъ же письмѣ онъ пишетъ: «А Погодинъ опять взялъ «Москвитянинъ» у Островскаго».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ жизни «Москвитянина» опять повторилась старая исторія. Погодинъ утомлялъ до изнеможенія лицъ, ведшихъ съ нимъ переговоры о передачѣ журнала, и въ концѣ концовъ оставлялъ дѣло за собою; на этотъ разъ только ему пришелъ въ голову финалъ иного рода: онъ не порвалъ съ намѣченными союзниками, а, сознавая всю выгоду ихъ пребыванія въ журналѣ, предоставилъ имъ половинное управленіе журналомъ, то есть сформировалъ двѣ редакціи — «молодую» и «старую», изъ коихъ каждая имѣла право помѣщать въ журналѣ пріобрѣтенныя и написанныя статьи, по своему усмотрѣнію. Такъ, «молодая редакція» «Москвитянина» имѣла власть печатать ею принятую беллетристику, критическія статьи, рецензіи и фельетоны, при чемъ критикамъ дозволялось подходить къ разбираемымъ предметамъ исключительно съ «художественной стороны», не касаясь области соціальной и политической. Здѣсь царствовала «старая редакція», въ лицѣ Погодина, Шевырева и прочихъ представителей «Москвитянина» прежней формаціи, въ родѣ, напримѣръ, Стурдзы, Глинки и другихъ.

Въ редакціонномъ примѣчаніи къ обозрѣнію «Современника», сдѣланному Григорьевымъ[1]), мы читаемъ: «Москвитянинъ удерживался отъ разбора журналовъ, но въ послѣднее время книгъ вышло мало, и журналы сдѣлались какъ бы вмѣстилищемъ всей литературы; поневолѣ должно говорить о нихъ: иначе отдѣленіе критики пришлось бы, по крайней мѣрѣ, на текущее время, совершенно уничтожить. Чтобъ сохранить возможное безпристрастіе, редакція поручила разборъ журналовъ молодымъ литераторамъ, принадлежащимъ къ одному поколѣнію съ разбираемыми авторами. Второе требованіе редакціи было разбирать произведенія только съ художественной стороны». Къ той же рецензіи Григорьева на «Современникъ» Погодинъ дѣлаетъ и другое примѣчаніе: «Старая редакція не можетъ не прибавить отъ себя двухъ словъ: что за предметъ, что за положенія! Искренно сожалѣемъ, что должны, по обязанностямъ критики, отдать нѣсколько страницъ своего журнала такому предмету». Это негодованіе старой редакціи относилось къ выдержкѣ изъ романа Станицкаго «Необдуманный шагъ», которую долженъ былъ привести для иллюстраціи обозрѣватель.

Это примѣчаніе, сдѣланное со свойственной Погодину литературной откровенностью, ясно показало читателямъ, что въ журналѣ имѣются двѣ особыя другъ отъ друга редакціи, причемъ отчасти объяснены функціи одной изъ нихъ. Впрочемъ, нарушеніе редакціоннаго единства и журнальнаго стиля было отчасти раскрыто передъ

[1]) «Москвитянинъ», 1851 г., № 1.

читателями еще въ объявленіи подписки на 1851 г., гдѣ Погодинъ заявилъ: «Москвитянинъ» пріобрѣлъ и новыхъ сотрудниковъ, и по-прежнему всегда готовъ дать мѣсто всякому новому дарованію, не стѣсняясь никакими литературными предубѣжденіями».

XVI.

Мы уже видѣли, что обѣ стороны—сотрудники и издатель «Москвитянина», не жили между собою въ полномъ согласіи, и между ними возникали сплошь и рядомъ недоразумѣнія денежнаго свойства, объясняемыя скаредностью и дѣловою нечистоплотностью Погодина. Посмотримъ теперь, что́ литературное вносила собою каждая редакція въ журналъ и какой modus vivendi между ними установился.

Вспоминая время своего сотрудничества въ «Москвитянинѣ», Ап. Григорьевъ въ статьѣ «Литературныя и нравственныя скитальчества» [1]) такъ обрисовываетъ закулисную журнальную политику 1850 годовъ:

«Старый хламъ и старыя тряпки подрѣзывали всѣ побѣги жизни въ «Москвитянинѣ» пятидесятыхъ годовъ... Напишешь, бывало, статью о современной литературѣ, ну, положимъ, хоть о лирическихъ поэтахъ — и вдругъ, къ изумленію и ужасу, видишь, что въ нее къ именамъ Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Хомякова, Огарева, Фета, Полонскаго, Мея, втесались въ сосѣдство имена графини Ростопчиной, г-жи Каролины Павловой, г. М. Дмитріева, г. Ѳедорова... и, о ужасъ! Авдотьи Глинки! Видишь и глазамъ своимъ не вѣришь! Кажется — и послѣднюю корректуру и сверстку даже прочелъ, и вдругъ, точно по манію волшебнаго жезла, явились въ печати незваные гости! Или слѣдитъ, бывало, зорко и подозрительно слѣдитъ молодая редакція, чтобы какая нибудь элегія г. М. Дмитріева, или какой нибудь старческій грѣхъ какого либо другого столь же знаменитаго литератора не проскочилъ въ нумеръ журнала. Чуть немного поослабленъ надзоръ, и г. Дмитріевъ налицо и г-жа К. Павлова что либо соорудила и, наконецъ, къ крайнѣйшему отчаянію молодой редакціи, на видномъ-то самомъ мѣстѣ какая нибудь инквизиторская статья г. Стурдзы красуется».

И дѣйствительно, даже непристально всматриваясь въ составъ книжекъ «Москвитянина» за первые два года нынѣшней половины столѣтія, мы ясно видимъ здѣсь жестокую разноголосицу. Съ одной стороны, полныя жизни, движенія, веселости и смѣха произведенія «молодой редакціи» и съ другой выдержанный архаическій стиль «старой», недовольно косящейся на беспокойное и дерзкое сосѣдство молодости. Даже открывая 1850 годъ, Погодинъ какъ бы счелъ долгомъ благословить начинающееся полстолѣтіе статьей Стурдзы — «Духовная жизнь и словесность на востокѣ», писанной въ духѣ строго-византійскомъ. «Отнимите у восточныхъ (христіанъ) кормило православія,—писалъ авторъ,— и они, пустясь слѣпо въ по-

---

[1]) «Эпоха», 1864 г., № 3.

гоню за тревожнымъ Западомъ, скоро опередили бы его по стезѣ гибельныхъ заблужденій!» и далѣе: «Нынѣ повѣялъ отъ Запада духъ новый и бурный! Будущее недоступно соображеніямъ обыкновенной мудрости человѣческой! И подлинно, въ восточномъ православіи живетъ неразрушимое начало народнаго бытія».

Но въ 1850 году разноголосица «Москвитянина» не такъ рѣзко бросается въ глаза, такъ какъ главный колоритъ на сторонѣ прежнихъ сотрудниковъ, и только «Тюфякъ» Писемскаго да «Свои люди сочтемся» и «Утро молодого человѣка» Островскаго, въ качествѣ какъ будто случайныхъ оазисовъ, нарушаютъ единство журнальной декораціи. Не то въ 1851 году, когда на «Москвитянина» со всей силой хлынули свѣжія волны молодого творчества и произвели въ чопорномъ и скучномъ хозяйствѣ Погодина полный разгромъ и безпорядокъ. «Молодая редакція» принесла съ собою обиліе новой, реалистической беллетристики, доселѣ подвергавшейся громкому анаѳематствованію Шевырева, сатиру Алмазова въ прозѣ и стихахъ, таковую же М. Михайлова, ѣдкія полемическія рецензіи Григорьева, Островскаго, Эдельсона (лит. А. Г. Е.), широкія театральныя обозрѣнія Ап. Григорьева. Страницы «Москвитянина» наполнились смѣхомъ, шуткой и острой полемикой съ «теоретиками» Петербурга, изъ «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ», походъ и натискъ на которыхъ были произведены «молодой редакціей» шумно, сильно и съ блестящимъ успѣхомъ. Слабые въ тѣ дни руководящими силами петербургскіе журналы спасовали передъ талантливой дружиной Островскаго и поплатились въ сильной степени за свои прежнія отношенія къ «Москвитянину», котораго со временъ Бѣлинскаго, по наслѣдству, держали въ черномъ тѣлѣ и третировали самымъ презрительнымъ образомъ. Надъ «Москвитяниномъ» такимъ образомъ взошла счастливая звѣзда, и онъ хоть на короткое время вздохнулъ полной грудью журнальнаго и читательскаго успѣха. «Молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями», по характеристикѣ Григорьева, кружокъ писателей въ одинъ годъ поднялъ журналъ на небывалую высоту и сразу удвоилъ его благосостояніе. Будь на мѣстѣ Погодина другой человѣкъ, напримѣръ, Краевскій, онъ сумѣлъ бы удержаться въ выгодномъ положеніи, сумѣлъ бы имъ воспользоваться и не упустилъ бы изъ своей обители тѣхъ, чьи имена придали ей блескъ, оживленіе и всеобщее вниманіе. Но Погодинъ, въ силу своихъ специфическихъ свойствъ, о коихъ говорено было во 3-й и 4-й главахъ настоящаго очерка, конечно, не оказался на высотѣ величія и, погнавшись за грошами, упустилъ болѣе крупное и цѣнное, то-есть уже въ 1852 году оттолкнулъ отъ себя молодыхъ сотрудниковъ скаредностью, погасилъ ихъ литературный пылъ и понудилъ искать заработка на сторонѣ. Подписка его снова стремительно упала, и счастливымъ днямъ «Москвитянина» скоро наступилъ конецъ. Но 1851 годъ былъ для

него во всякомъ случаѣ годомъ удачи и небывалаго успѣха. Мы уже видѣли изъ словъ Григорьева, что обѣ редакціи журнала пребывали постоянно въ оборонительно-наступательномъ настроеніи; въ дни перемирія дѣло ограничивалось лишь тѣмъ, что потихоньку и по секрету отъ молодежи Погодинъ пропускалъ произведенія своихъ прежнихъ сотрудниковъ, коихъ не желала видѣть въ журналѣ «молодая редакція»; въ дни же несогласій борьба принимала болѣе острый оборотъ, и Погодинъ переходилъ въ наступленіе, дѣлая колкія примѣчанія къ статьямъ товарищей Островскаго и читая имъ даже тутъ же, на страницахъ самого журнала, нотаціи и выговоры за легкомысленное поведеніе. Это, конечно, раздражало сотрудниковъ, они донекали его письмами; это же давало поводъ петербургскимъ недругамъ трунить надъ Погодинымъ и его журналомъ, упрекать его въ непослѣдовательности и отмѣчать рѣзкую разницу въ редакціонныхъ взглядахъ двухъ журнальныхъ группъ, дѣйствующихъ въ одномъ и томъ же органѣ «кто въ лѣсъ, кто по дрова».

Если произведенія Островскаго и Писемскаго проходили въ журналѣ безъ примѣчаній старой редакціи, и Погодинъ считалъ долгомъ соблюдать здѣсь осторожность, то въ отношеніи болѣе второстепенныхъ сотрудниковъ онъ не церемонился и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ полагалъ нужнымъ какъ бы извиняться передъ читателями въ печатаніи пустяковъ и легкаго жанра. Такъ, давая мѣсто «Сатирическимъ сценамъ» М. Михайлова, онъ какъ бы проситъ снисхожденія у читателя за напечатаніе ихъ и спѣшитъ съ словомъ успокоенія: «...Нынѣ авторы, какъ живописцы, обратились къ жизни дѣйствительной, въ ея уклоненіяхъ, болѣзняхъ, недостаткахъ: господствуетъ направленіе сатирическое, журналъ долженъ быть литературнымъ отраженіемъ времени, и потому «Москвитянинъ» предлагаетъ иногда разныя статьи этого рода, требуемыя его читателями, безъ которыхъ существовать не можетъ, но вмѣстѣ считаетъ своею обязанностью помѣщать въ каждой книгѣ произведенія и изъ другихъ родовъ словесности, высшихъ, предлагать мысли и образцы изъ другихъ областей чувства: такъ въ нынѣшнемъ нумерѣ, помѣщая этотъ сатирическій отрывокъ, онъ помѣстилъ повѣсть герцогини Дарбувиль и лирическое стихотвореніе г. Мея».

Примѣчаній Погодина удостоивались и литературныя обозрѣнія журналовъ Григорьева, а также его театральныя хроники, что все вмѣстѣ взятое твердо устанавливало несоотвѣтствіе вкусовъ и воззрѣній обѣихъ редакцій журнала. Но наиболѣе рѣзко это несоотвѣтствіе выразилось по поводу сатирическаго памфлета Б. Алмазова «Сонъ по случаю одной комедіи», направленнаго противъ петербургской журналистики вообще и И. Панаева въ частности.

XVII.

Петербургская журналистика западнической фракціи крѣпко помнила трогательное сліяніе тенденцій Шевыревской статьи съ отраженнымъ блескомъ жандармской канцеляріи, о коемъ я говорилъ въ 1-й части настоящей статьи. Травля и свистки по адресу «Москвитянина» перешли по наслѣдству отъ Бѣлинскаго и Герцена къ Панаеву, Некрасову и Дружинину въ «Современникѣ» и къ другимъ западникамъ изъ «Отечественныхъ Записокъ». Оба журнала, по свидѣтельству Анненкова[1]), «старательно поддерживали послѣ смерти Бѣлинскаго полемику съ славянофилами, не давая совершенно погаснуть огоньку, который нѣкогда освѣщалъ такъ ярко положеніе литературныхъ партій и помогалъ скрытному обмѣну политическихъ идей между ними. Извѣстно, что Бѣлинскій къ концу своего поприща склонялся признать разумность нѣкоторыхъ положеній своихъ противниковъ, но продолжатели его не хотѣли и слышать о какихъ либо уступкахъ. По-своему они были правы. При томъ гнетѣ, который лежалъ на печати, единственная возможность заявить себя бодрымъ еще и дѣйствующимъ организмомъ заключалась для журналистики въ возобновленіи старой литературной полемики».

Изъ этихъ словъ Анненкова мы видимъ, что борьба партій шла подъ флагомъ борьбы съ славянофильствомъ, къ которому ради удобствъ возраженій и антитезъ былъ присоединенъ и «Москвитянинъ», не пользовавшійся, однако, уваженіемъ славянофиловъ и не вызывавшій самъ по себѣ ихъ принципіальнаго согласія. Я уже говорилъ выше, что между славянофильствомъ и партіей офиціальной народности было мало тождественнаго въ основахъ этихъ ученій. Гдѣ въ одномъ случаѣ все было основано на свободѣ, въ другомъ на принужденіи и полицейской опекѣ. Но такъ какъ спорить противъ того, что пользовалось покровительствомъ и санкціонировалось бюрократическими канцеляріями, было неудобно, то въ видахъ полемической политики обѣ школы подводились подъ одинъ знаменатель и имъ обѣимъ, однимъ разомъ, наносились нужные удары. Поэтому-то, воюя съ славянофильствомъ, заодно ужъ упоминали и «Москвитянинъ» Погодина, въ коемъ иногда, по необходимости, славянофилы помѣщали свои статьи, благо для обобщенія были во всякомъ случаѣ многочисленныя внѣшнія точки соприкосновеній. Г. Венгеровъ уже отмѣтилъ, что нападенія западниковъ начала 1850 годовъ и ихъ полемическіе выпады дѣлались съ «сектантскою тупостью» и «партійною недобросовѣстностью». Этими же свойствами отмѣчены были отзывы и уколы западниковъ по адресу «молодой редакціи Москвитянина», которой несомнѣнно мстили за одну ужъ

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1882 г., 1880 г.

ея причастность къ журналу Погодина и ея готовность признать соціальныя и политическія формулы московскаго профессора. Мы уже видѣли, что наиболѣе даровитый въ области теоретическаго обсужденія вопросовъ, Ап. Григорьевъ, дѣйствительно въ душѣ признавалъ Погодина своимъ «политическимъ вождемъ»; въ своихъ же статьяхъ онъ совершенно не касался сферы общественныхъ вопросовъ, но яростно нападалъ на западническій лагерь, на почвѣ вопросовъ этическихъ, философскихъ, научныхъ, безъ достаточнаго, однако, выясненія и анализа составныхъ частей западничества. Его голосу вторили и остальные члены «молодой редакціи», такъ что хоръ журнальный получался дружно-спѣвшійся, звонкій и голосистый. Западникамъ Петербурга пришлось перейти изъ положенія нападающихъ въ положеніе оборонительное и перенести споръ изъ области, гдѣ на ихъ сторонѣ была сила, то-есть изъ области общественныхъ вопросовъ въ область гдѣ они были слабѣе, то-есть на почву литературно-эстетическую и этическую. Конечно, Галахову и Зотову въ «Отечественныхъ Запискахъ» и Панаеву съ Дружининымъ въ «Современникѣ» была несовсѣмъ подъ силу борьба въ новомъ ея фазисѣ, почему и кажущаяся побѣда была на сторонѣ «Москвитянина». Петербургская литература взяла свое и отплатила московской только нѣсколько лѣтъ спустя, когда Погодину и присным его пришлось жутко отъ пронзительныхъ свистковъ «рыцарей свистопляски» и остроумныхъ эпиграммъ Конрада Лиліеншвагера, но въ 1851 г. сила звуковъ была на сторонѣ «Москвитянина», и памфлеты Эраста Благонравова мѣтко били въ цѣль.

Отвѣты западниковъ были вялые, удары Погодинскому журналу слабые. Такъ «Отечественныя Записки», стремясь дискредитировать въ глазахъ читателей «Москвитянинъ», писали:

«Ясно, что у «Москвитянина» двѣ редакціи: новая, доставляющая статьи, и старая, прибавляющая къ нимъ отъ себя нѣсколько словъ, редакція примѣчаній и выносокъ. Немудрено, что при такомъ двойствѣ и мнѣнія часто двоятся. Только этимъ и можно объяснить странныя противорѣчія въ нѣдрахъ одного и того же журнала. Иначе какъ понять, что журналъ посвящаетъ четыре листа разбору «Современника» и тотъ же журналъ жалѣетъ, что долженъ отдать нѣсколько страницъ такому предмету? Какъ понять, что «Отечественныя Записки», въ которыхъ «Москвитянинъ» нашелъ не только замѣчательныя, но и прекрасныя статьи, исключается тѣмъ же «Москвитяниномъ» изъ круга русской словесности?.. Впрочемъ, противорѣчія самая обыкновенная вещь въ «Москвитянинѣ», который готовъ помѣщать все ради безпристрастія».

По поводу же «Сна» Благонравова журналъ Краевскаго замѣчалъ: «въ статьѣ нѣтъ ни складу ни ладу», «въ авторѣ при отсутствіи остроумія есть величайшее наслажденіе своимъ остроуміемъ».

Въ такомъ же меланхолическомъ духѣ иронизировалъ и «Современникъ», и главнымъ образомъ устами «новаго поэта», подъ каковымъ именемъ писали Панаевъ, Некрасовъ и Гаевскій [1]; главный

[1] «Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей» В. Карцова и М. Мазаева.

тонъ давался Панаевымъ и въ полемикѣ 1851 г., кажется, онъ одинъ подписывался этимъ псевдонимомъ. Въ своемъ обозрѣніи «Москвитянина» за этотъ годъ фельетонистъ «Современника» писалъ:

«Самымъ оригинальнымъ изъ нашихъ журналовъ я считаю «Москвитянинъ», потому что онъ имѣетъ не одну редакцію, какъ это обыкновенно бываетъ, а двѣ: молодую и старую, которыя между собою не имѣютъ ничего общаго. Если, напримѣръ, молодая редакція хвалитъ какое нибудь произведеніе, то старая тутъ же сдѣлаетъ выноску и удивляется, какъ можно хвалить такое произведеніе!... Не оригинально ли это?... Старая редакція отличается лаконизмомъ и утонченною вѣжливостью, чему служатъ въ особенности доказательствомъ рецензіи ея на молодыхъ русскихъ историковъ. Она объясняется такимъ афористическимъ языкомъ: «Москвитянинъ любитъ, уважаетъ справедливость. Что дѣльно, то дѣльно. Давайте только доказательствъ. Истина прежде всего. «Москвитянинъ» готовъ помѣстить всякую похвалу хорошему сочиненію, лишь бы она не состояла изъ возгласовъ пристрастныхъ. Съ другой стороны, «Москвитянинъ» готовъ помѣстить и всякое порицаніе, лишь бы оно сопровождалось доказательствомъ». Редакціей «Москвитянина» я не дорожу, но я дорожу существеннымъ журнала, основаннаго на такихъ началахъ!... Молодая редакція отличается большою незрѣлостью. Ея важный тонъ, ничѣмъ не оправдываемый, претензія на новые взгляды въ искусствѣ, желаніе прослыть основательницей новыхъ литературныхъ понятій — все показываетъ, что эта редакція очень нова и молода. Она преимущественно занимается библіографическимъ отдѣломъ и подъ небольшими своими рецензіями подписываетъ разныя буквы: Г. О. Е... Эти господа Г. О. Е. съ важностью толкуютъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ о чемъ-то совершенно новомъ и неизвѣстномъ: о художественности произведеній, о томъ, «что въ истинно-художественныхъ произведеніяхъ мысль, лежащая въ основаніи, зачинается не въ головѣ автора, но въ видѣ отвлеченной сентенціи, а въ живыхъ образахъ», что въ этихъ живыхъ образахъ мысль должна быть ясна и прозрачна; что другое необходимое условіе художественности состоитъ въ воспроизведеніи жизни во всей ея непосредственной простотѣ и чистотѣ представленій. Всѣ эти новые взгляды и воззрѣнія слово въ слово можно найти въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сороковыхъ годовъ»...

Отмѣтивъ далѣе фельетонъ Эраста Благонравова, признавъ, что онъ писанъ по адресу «Современника», и не найдя въ немъ желаннаго остроумія и сарказма, рецензентъ продолжаетъ:

«Старая редакція «Москвитянина», однако, не хочетъ, кажется, ни въ чемъ, уступать молодой. Молодая редакція помѣстила что-то въ родѣ фельетона, о которомъ мы сейчасъ говорили, и старая—принялась за фельетонную литератуту въ томъ же № 7. Старая редакція объявляетъ, что она живетъ уединенно, на полѣ, и только два раза бываетъ въ городѣ: 1 и 15 чиселъ; что она видѣла альбомъ Олеарія, просившаго (вѣроятно) всѣхъ начальниковъ въ странахъ, через которыя проѣзжалъ онъ, писать ему на память что нибудь, и что русскіе люди вписывали въ этомъ альбомѣ одни изреченія изъ св. писанія. При видѣ этого альбома, старая редакція замѣтила: «русскій человѣкъ, я чай, получивъ такое приглашеніе, подумалъ: на что нѣмцу его рука или память, нѣтъ ли здѣсь подлогу... Подумалъ русскій человѣкъ и подмахнулъ: блаженъ мужъ, иже не идо на совѣтъ и тому подобное». Старая редакція объясняетъ также, что у нея 11 марта былъ литературный вечеръ, на которомъ граф. Ростопчиной угодно было прочесть драму въ стихахъ, что на этомъ вечерѣ были гг. Іорданъ, Филипповъ, Садовскій и Щепкинъ, что 19 марта она была на обильномъ обѣдѣ, данномъ въ честь Айвазовскаго и Іордана»...

Этотъ сатирическій отзывъ о «Москвитянинѣ» по существу правиленъ и достаточно обстоятельно обрисовываетъ обѣ редакціи съ ихъ специфическими особенностями, но нельзя при этомъ не отмѣтить, что если существо схвачено вѣрно, то самая форма сатиры выражена слабо и вяло. Вспомнимъ, какъ тонко подсмѣивался надъ тѣмъ же «Москвитяниномъ» Герценъ, и сравнимъ съ нынѣшней сатирой Панаева; невольно чувствуешь, что изъ журнала убыла крупная сила, и на мѣстѣ ея водворилась посредственность! Посмотримъ же теперь, какимъ орудіемъ отражалъ нападки врага молодой «Москвитянинъ» и какой наступательной тактики онъ держался.

XVIII.

Молодая редакція «Москвитянина» боролась съ своими петербургскими недругами преимущественно въ отдѣлѣ обозрѣній журналовъ. Главными застрѣльщиками въ этомъ направленіи были Эдельсонъ и Григорьевъ, въ особенности послѣдній. Островскому принадлежитъ одна характерная фраза, брошенная имъ въ рецензіи на «Тюфякъ» Писемскаго [1]) въ его отдѣльномъ изданіи. Какъ бы уязвляя петербургскую критику за ея публицистическій оттѣнокъ, онъ восклицаетъ: «Богъ съ ней, съ этой политической экономіей: то ли дѣло міръ художественный съ его затѣями, съ его образами полными смысла и граціозности»...

Поднимая брошенную «Отечественными Записками» перчатку, Эдельсонъ иронизировалъ надъ петербургскимъ журналомъ:

«Въ томъ, что говоритъ критикъ о «Москвитянинѣ, намъ показалась не совсѣмъ умѣстными тонъ его и постоянное сравненіе съ собою. Если, какъ говоритъ самъ критикъ, «Москвитянинъ» хочетъ во многихъ отношеніяхъ сравниться съ толстыми журналами, т. е., по его мнѣнію, улучшиться, то какимъ образомъ это можетъ быть непріятно критику «Отечественныхъ Записокъ»? А это чувство не скрыто въ тонѣ замѣчаній. Далѣе, если «Отечественныя Записки» давно хороши, а «Москвитянинъ» только начинаетъ толстѣть, то неужели въ нормально устроенномъ человѣкѣ, или журналѣ, такое явленіе способно вызвать только сравненіе съ самимъ собою и самоудовлетвореніе. Мы поговоримъ еще при случаѣ объ этой статьѣ. Нельзя не сознаться пока въ справедливости одного замѣчанія, что «Москвитянинъ» въ послѣднее время точно удѣлялъ мало мѣста родной исторіи! Мы сознаемся, но вмѣстѣ спросимъ, а когда это было наоборотъ, почему тогда петербургскіе журналы не отдавали ему справедливости? Въ послѣдніе два года въ изданіи «Москвитянина» приняли участіе многіе новые литераторы (и число ихъ съ каждымъ мѣсяцемъ увеличивается), которымъ редакторъ уступилъ мѣсто. А касательно матеріаловъ историческихъ всякаго рода онъ можетъ снабжать ими всѣ петербургскіе журналы. При настоящемъ распространеніи «Москвитянина—русская исторія займетъ, разумѣется, прежнее мѣсто».

Эдельсонъ, по свойству своего абстрактнаго мышленія, не былъ склоненъ къ рѣзкой полемикѣ. Въ этомъ отношеніи Григорьеву

---

[1]) «Москвитянинъ», 1851 г., апрѣль.

былъ болѣе сродственъ полемическій пылъ и задоръ. Онъ во всѣхъ литературныхъ обозрѣніяхъ задѣваетъ петербургскую журналистику и не скупится на щелчки и полемическіе комплименты. Разбирая составъ книжки журнала «Библіотека для Чтенія», онъ спѣшитъ замѣтить: «Вліянія на литературу, при всѣхъ неоспоримыхъ достоинствахъ, учености, остроуміи главнаго издателя, онъ не имѣетъ никакого, по отсутствію направленія, слѣдовательно, нѣтъ особой нужды противодѣйствовать тому, что въ немъ высказывается». Съ большимъ жаромъ онъ полемизируетъ съ «Современникомъ» и дѣлаетъ рядъ сердитыхъ замѣчаній Новому Поэту.

«Въ самомъ дѣлѣ,—спрашиваетъ онъ въ 13 № «Москвитянина»,—почему повторяется постоянно одинъ и тотъ же фактъ: извѣстное направленіе вопіетъ сначала неистово противъ всего ему предшествовавшаго—во имя чего-то новаго, а потомъ, когда истощитъ все, что въ этомъ новомъ было справедливаго, пустится въ крайности,—застынетъ или, лучше сказать, окаменѣетъ въ нихъ и позоритъ все некрайнее именемъ новаго, молодого и т. д. Во-первыхъ,—что за бѣда, если положенія новы, были бы они истинны; потомъ,—зачѣмъ упрекать въ претензіи на новость то, что этой претензіи не имѣетъ».

Защищая далѣе свои излюбленныя словечки: «художественность», «искренность», и эпитетъ «новый», онъ говоритъ: «Мы уже разъ объявили, что не провозглашаемъ новаго—не потому, впрочемъ, чтобы вооружались противъ новаго дѣльнаго, а отстаиваемъ изъ стараго то́, что было въ немъ справедливаго, что таковымъ остается, и что напрасно забывается. Мы рѣшились, однимъ словомъ, проходить зады съ современной критикой». Отвѣчая непосредственно новому поэту, критикъ «Москвитянина» писалъ:

«Редакція журнала, конечно, должна быть органическимъ цѣлымъ, т.-е. состоять изъ личностей, болѣе или менѣе связанныхъ убѣжденіями, но все-таки она состоитъ изъ личностей. Каждая изъ этихъ личностей имѣетъ свой оттѣнокъ и вправѣ имѣть его. Что за деспотическій уровень, нивелирующій все, стирающій всѣ различія, что за темная сила кружка, который кладетъ на все одно клеймо, что за стереотипные взгляды? Г. Новый Поэтъ не можетъ не видѣть, что если есть что либо новое въ нашихъ воззрѣніяхъ, такъ это именно старая вражда къ темной силѣ кружковъ, и точно столько же старая любовь къ правдѣ. Это старое, дѣйствительно, должно казаться новымъ г. Новому Поэту».

Слѣдя внимательно за каждымъ промахомъ «Современника», давая ему постоянно отповѣди и трепки, молодая редакція «Москвитянина» не упускала изъ виду и «Отечественныхъ Записокъ» и иногда очень удачно поднимала на смѣхъ и пришпиливала къ позорному столбу журналъ Краевскаго. Такъ, когда тамъ появилась довольно пошленькая статейка «Раекъ», гдѣ авторъ отнесся съ глумленіемъ къ посѣтителямъ дешевыхъ мѣстъ театра, рецензенты «Москвитянина» немедленно воспользовались этимъ случаемъ, чтобы обличить гнилую тенденцію петербургскихъ журналистовъ. «Трудно представить себѣ,—читаемъ мы въ апрѣльской книжкѣ московскаго журнала,—какое странное и вмѣстѣ непріятное впечатлѣніе дѣлаютъ

подобныя статьи, когда становятся ясными всѣ побужденія писавшаго... и все презрѣніе, которое питаетъ авторъ къ тому народонаселенію, которое за гривенникъ наслаждается театральными зрѣлищами... Бѣдные посѣтители райка, какъ вы раскритикованы! Мы бы, конечно, не остановились такъ долго на этомъ пустомъ разсказѣ, если бы не замѣтили въ немъ направленія крайне непріятнаго, къ несчастію, довольно распространеннаго у насъ въ литературѣ».

Но эти замѣчанія были для петербургской журналистики лишь цвѣточки полемики—ягодки появились позднѣе, а именно въ произведеніяхъ Эраста Благонравова, каковымъ именемъ подписывался Б. Алмазовъ. Приготовляясь двинуться въ бой съ западниками, онъ заранѣе счелъ нужнымъ подготовить къ этому Погодина и писалъ ему:

«Я чувствую въ себѣ непреодолимое желаніе ругаться и драться со всѣмъ, что есть пришлаго, басурманскаго въ нашей литературѣ и нашей жизни. Меня не запугають никакія нападки моихъ будущихъ противниковъ. Мнѣ всегда слышится и зажигаетъ меня и раззадориваетъ великое энергическое изреченіе Ломоносова: я на борьбу съ врагами наукъ россійскихъ жизнь мою обрекаю. Вотъ кличъ, по которому должно воспрянуть младшее поколѣніе. Знаю, что ежели я объявлю войну лѣвой сторонѣ и лѣвому центру, на меня накинутся всѣ, и что даже люди, которыхъ я душевно люблю и которые мнѣ отвѣчають тѣмъ же, отвернутся отъ меня... Вы видите, что я не боюсь никого. Но ежели статью мою исковеркаетъ и разводянитъ цензура—и мой первый блинъ выйдетъ комомъ, тогда прошу извинить: я ретируюсь съ поля битвы. Какъ мнѣ будетъ бороться съ врагами наукъ россійскихъ, когда мечь мой на первыхъ порахъ притупитъ цензура, и первый ударъ его никого не обрѣжетъ».

Произведеніе, о которомъ предувѣдомлялъ Погодина его сотрудникъ, было доставлено въ редакцію и напечатано въ апрѣльской книжкѣ журнала подъ заглавіемъ: Сонъ по случаю одной комедіи. Драматическая фантазія, съ отвлеченными разсужденіями, патетическими мѣстами, хорами, танцами, торжествомъ добродѣтели, наказаніемъ порока, бенгальскимъ огнемъ и великолѣпнымъ спектаклемъ.

XIX.

Какого нибудь цѣльнаго содержанія, послѣдовательно развертывающагося дѣйствія въ памфлетѣ Алмазова собственно не было; это была нѣсколько растянутая фантазія, гдѣ во всякой строкѣ заключалась «шпилька для петербургской литературы», и гдѣ авторъ «всѣмъ нашимъ западнымъ ученымъ и литераторамъ бросалъ по перчаткѣ»; здѣсь вышучено направленіе петербургской беллетристики, свѣтскость ея, чопорность, французоманія, а также полемическіе пріемы западнической журналистики и критиковъ «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ».

«Какой энергичный и оригинальный характеръ носитъ ихъ полемика!—восклицаютъ о петербургскихъ критикахъ авторъ. Какой прекрасный тонъ въ ней господствуетъ! Осмѣивая плохихъ писателей или своихъ литературныхъ противниковъ, они не ограничиваются тѣмъ, что безпощадно глумятся надъ ихъ произведеніями, но издѣваются также надъ ихъ личностями,—описываютъ ихъ домашній бытъ, разсказываютъ про нихъ анекдоты, вовсе не касающіеся литературы, разсказываютъ всѣ ихъ сокровенныя дѣла, и такимъ образомъ уничтожаютъ ихъ совершенно. Часто, не называя ихъ по имени, они распускали о нихъ самые оскорбительные слухи, говорили имъ такія дерзости, какихъ ни одинъ стоикъ перенести не можетъ; описывали всѣ ихъ семейныя отношенія и исчисляли всѣ ихъ домашнія и семейныя провинности».

Указавъ, что въ дѣйствующей литературѣ Петербурга имѣется пять энергическихъ личностей, дающихъ тонъ журналистикѣ, онъ иронически говоритъ, что они, вѣдь, дѣлаютъ это не изъ охоты «поглумиться и потрунить, не отъ нечего дѣлать, не отъ скуки», а изъ «глубокой, могучей ненависти къ порокамъ, не изъ непомѣрнаго желанія истребить ихъ (т. е. журналы иного направленія), а изъ безпредѣльной любви къ ближнему». Замѣтивъ въ заключеніи, что за настоящій памфлетъ «энергическія личности» Петербурга набросятся на него и его единомышленниковъ съ пѣной бѣшенства у рта, онъ бросаетъ вызовъ: «Но, нѣтъ, дѣлайте со мною, что хотите... я не боюсь васъ... я жертвую собой для общей пользы... Есть между вами одинъ господинъ, который большой мастеръ трунить надъ посѣтителями и бойко пишетъ пародіи на ихъ произведенія! Чѣмъ ему губить всѣхъ плохихъ писателей, пусть лучше губитъ одного меня. Пусть идетъ на бой со мной!

Рѣшимъ войну единоборствомъ,
Пускай одинъ изъ насъ падетъ.

«До свиданія, великія, энергическія личности! до свиданія!»

Въ слѣдующей книжкѣ журнала Погодинъ напечаталъ отъ себя редакціонное разъясненіе къ «Сну», гдѣ писалъ: «На святой недѣлѣ донеслись до меня разные толки и даже неудовольствія по поводу статьи Сонъ. Поневолѣ вспомнишь слова Гоголя: напиши у насъ что нибудь о такомъ-то коллежскомъ ассесорѣ, и тотчасъ всѣ коллежскіе ассесоры, со всей Россіи, оскорбятся, откликнутся и выразятъ свое неудовольствіе. А между тѣмъ, эти же господа кричатъ о гласности!..». Въ этой же книжкѣ напечатано «Письмо отъ неизвѣстнаго къ редактору Москвитянина», гдѣ юмористически значилось:

«М. Г.! Узналъ я отъ Михаила Васильевича, что у васъ въ Москвитянинѣ печатается статья подъ названіемъ «Сонъ», по случаю одной комедіи. Я прочелъ эту гнусную статью, и мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, что вѣрно всѣ подумаютъ, что эту статью написалъ я. И дѣйствительно, всѣ теперь думаютъ, что эту статью написалъ я. Но, ей-Богу, эту статью не я написалъ, а написалъ ее, должно быть, кто нибудь другой, который мнѣ даже совсѣмъ и не родня. Сдѣлайте

милость, возьмите на себя трудъ объявить всѣмъ, что эту статью написалъ не я. Кто бы у васъ ни спросилъ о томъ, кто написалъ эту статью,—говорите, что не я—такъ-таки и скажите: это, молъ, не онъ,—это другой...».

Въ майскомъ № было напечатано продолженіе «Сна», написаннаго въ томъ же балаганно-полемическомъ духѣ, а въ послѣдующемъ вторичное разъясненіе Погодина, гдѣ онъ выгораживаетъ и какъ бы старается оправдать своего сотрудника, относясь лично къ нему нѣсколько свысока и милостиво-снисходительно:

«О статьяхъ Благонравова,—писалъ онъ,—все еще ходятъ разные толки въ литературныхъ кружкахъ московскихъ. Редакція объяснила, почему она напечатала первую статью: въ дополненіе скажетъ, пожалуй, нѣсколько словъ и о прочихъ. Авторъ хотѣлъ, кажется, показать шутя, что всякое мнѣніе, всякое положеніе, всякое пристрастіе, всякое направленіе, быть доведено до крайности, становится смѣшнымъ, карикатурнымъ: въ этомъ смыслѣ онъ влагаетъ въ уста любителя славянскихъ древностей (гдѣ я нашелъ много своихъ мыслей и выраженій), любителя западныхъ литературъ, филолога и проч., рѣчи, коихъ первая половина похожа на правду, а вторая состоитъ почти изъ нелѣпостей. Точно такую же рѣчь говоритъ онъ и отъ себя, оканчивая утвержденіями, ни съ чѣмъ несообразными. Такихъ утвержденій никто на свой счетъ принять не можетъ,—они выдуманы,—и сердиться, слѣдовательно, за статью такого рода не только странно, но смѣшно. Статьи забавны—что же болѣе для смѣха? Статьи предостерегаютъ отъ увлеченій, отъ крайностей, отъ утрировокъ, какъ говорится поварварски, чего же болѣе для литературной морали».

Офиціальныя оправданія Алмазова передъ читателями и признаніе за его твореніями только смѣхотворнаго значенія вызвали со стороны послѣдняго неудовольствіе, и онъ счелъ долгомъ послать Погодину письмо, гдѣ говорилъ:

«Вы пишете, что среди рѣчи можно промолвиться, но что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Да! это правда, но въ половину, отъ того, что среди рѣчи можно промолвиться, я и удерживаюсь отъ крупныхъ разговоровъ словесныхъ, чтобы не сказать лишняго; но то, что написано, то удобно вырубается топоромъ цензуры и редакціи. Вы желаете мнѣ счастія въ семейной жизни. Я никогда не сомнѣвался въ вашемъ расположеніи. Вы говорите, что желаете, чтобъ дѣти мои не были такія, которыя... Я хорошенько не знаю, каковы будутъ мои дѣти, но знаю только, что они будутъ похожи на меня... Я говорю о плотскихъ дѣтяхъ, которыхъ я буду производить безъ помощи цензуры. Вѣрно не буду въ нихъ такъ несчастливъ, какъ въ моихъ духовныхъ дѣтяхъ (разумѣю мои творенія), которыхъ не признаю законными, ибо ихъ помогаетъ мнѣ дѣлать цензура, насадившая мнѣ рога. Какъ послѣ такого позора мнѣ не развестись съ музой, которая осквернила мнѣ ложе. Не знаю, съ горя или отъ простуды я боленъ: мнѣ душно здѣсь: я въ лѣсъ хочу! въ деревню, въ деревню! Я чувствую, что я серьезно боленъ: желчь разлилась, вчера меня рвало желчью. Докторъ не велитъ никуда выходить! Вотъ до чего довело меня мое краткое пребываніе въ здѣшней столицѣ!»

Испытывая непріятности отъ цензуры и редакторскаго карандаша на судьбѣ своихъ прозаическихъ произведеній, Алмазовъ еще болѣе огорчался, видя искалѣченными въ печати свои стихотворенія. Такъ, рѣшивъ напечатать въ октябрьскомъ № «Стихотворенія Эраста Благонравова», гдѣ онъ вышучивалъ пародіи Новаго

Поэта, давалъ антипародіи и въ одномъ подъ заглавіемъ «Журналистика» рисовалъ даже достаточно прозрачную каррикатуру на хозяевъ «Современника» — Панаева и Некрасова, онъ былъ немало огорченъ, увидавъ это стихотвореніе на страницахъ «Москвитянина» въ измѣненномъ видѣ. Въ рукописи значилось:

. . . .
Дорогую наймешь ты квартиру.
Съ моднымъ свѣтомъ знакомство сведешь;
Залетишь ты въ опасную сферу —
Закружишься, — морально падешь

—

И забудешь святое призванье,
Отъ науки себя отдалишь
И запустишь журнала изданье
И талантъ свой уронишь, заснишь...
. . . .
. . . .
И схоронишь въ сырую могилу,
Какъ пройдешь ты печальный свой путь,
На пирахъ истощенную силу,
Коньякомъ изсушенную грудь...

Въ печати послѣдняя строка была измѣнена, и значилось:

Бдѣніемъ изсушенную грудь.

Это нескладное бдѣніе вмѣсто коньякъ вывело изъ себя Алмазова, и онъ разразился бурнымъ письмомъ къ редактору.

«Изъ бывшаго моего стихотворенія исключено четыре стиха, и такъ ловко, что не выходитъ смысла,—писалъ онъ.—Отъ того сія статья потеряла силу. Панаевъ будетъ торжествовать: ему будетъ очень легко глумиться надъ моимъ изуродованнымъ стихотвореніемъ. Впрочемъ, я передъ нимъ стихотворенія этого защищать не стану, оно не мое: оно принадлежитъ вамъ и г. цензору Ржевскому. По-настоящему, вы бы и должны были его защищать, но, если поступите иначе,— и я увѣренъ, что въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ вы отречетесь отъ всей моей статьи (вы уже это дѣлывали съ прежними моими статьями, презрительно отзываясь о нихъ въ подстрочныхъ и неподстрочныхъ замѣчаніяхъ). Но подобныя ваши выходки меня нисколько не огорчаютъ, потому что не стѣсняютъ. Но огорчаетъ меня то, что вы такъ энергически дѣйствуете противъ меня заодно съ цензурою. Цензоръ пропускаетъ, а вы не пропускаете. Дѣлайте, какъ знаете! Досадно то, что моя дѣятельность рѣшительно должна прекратиться. Я не могу работать въ кандалахъ, которые вы съ цензоромъ на меня надѣваете... Бросаю литературу... съ первымъ путемъ ѣду въ деревню; у меня въ перспективѣ остается только семейная жизнь. Былъ у цензора. Насчетъ пиджаковъ и фраковъ онъ велѣлъ вамъ сказать, что это ваше дѣло, и предоставляетъ на вашу волю пропустить или нѣтъ. Онъ единственно потому отмѣтилъ краснымъ карандашомъ, что думалъ, что вамъ не понравится, ибо вы ему разъ жаловались на Колошина. Но я его убѣдилъ: растолковалъ, что нѣтъ ничего общаго у меня съ Колошинымъ: онъ казнилъ лица, а я направленія».

Не желая расходиться съ Алмазовымъ, который во всякомъ случаѣ своими памфлетами и пародіями создавалъ успѣхъ въ публикѣ

«Москвитянину» и заставлялъ о немъ говорить, Погодинъ обратился за содѣйствіемъ къ посредничеству Т. И. Филиппова, но и этотъ сердито отвѣчалъ ему:

«Вы пишете: растолкуйте горячкѣ, это такъ должно было. Растолковать это Алмазову никто изъ насъ не возьмется: мы всѣ, то-есть я, Островскій и Эдельсонъ, крайне недовольны вашимъ поступкомъ и оскорблены не меньше Алмазова. Горячкой нельзя назвать его досаду на ваше нерасположеніе; понятно, что человѣкъ, который вступилъ въ полемику съ такимъ жаромъ и безкорыстіемъ и потому съ желаніемъ успѣха своему дѣлу, огорченъ рѣшительнымъ искаженіемъ одной изъ лучшихъ своихъ пародій: журналистика его потеряла смыслъ, бдѣніемъ вмѣсто коньякомъ — это выше силъ».

XX.

Но если Алмазовъ и его друзья имѣли нѣкоторое основаніе жаловаться на цензурное и редакторское искаженіе произведеній сатирика, то и Погодинъ не оставался внѣ воздѣйствій и давленій со стороны цензурной власти, и уже по поводу «Письма Благонравова» цензоръ Ржевскій писалъ Погодину: «Письмо Благонравова» я сейчасъ подписалъ, хотя и удивлялся, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, что вы согласились помѣстить его въ журналѣ. Вѣдь тутъ уже просто брань! Воръ и пьяница повторяются безпрестанно. Пусть бы на петербургскихъ журналахъ однихъ лежалъ укоръ въ употребленіи такихъ выраженій. Алмазова нужно было бы поудержать». По поводу 2-й части «Сна» цензоръ писалъ редактору «Москвитянина» уже болѣе рѣшительно:

«Будучи увѣренъ, почтеннѣйшій Михаилъ Претровичъ, что вы сами столько же, сколько и я, желаете, чтобы статьи Москвитянина не подавали повода къ замѣчаніямъ и неудовольствіямъ, я буду покорнѣйше просить васъ прочесть со вниманіемъ новую статью г. Алмазова. Не смотря на данную имъ подписку, во второй статьѣ своей онъ позволилъ себѣ нѣкоторыя личности, которыя для меня были непонятны, но были очень ясны для людей, болѣе знакомыхъ съ здѣшними литераторами и профессорами. Такъ, напримѣръ, въ ней находились ясные намеки на профессора Грановскаго и проч. Вамъ легче моего будетъ видѣть, есть ли въ новой его статьѣ что нибудь, что можетъ относиться исключительно къ одному какому нибудь лицу. Послѣ статьи о Раутѣ надо быть поосторожнѣе; частыя жалобы на Москвитянина могутъ повредить ему. Успѣхъ первой статьи Алмазова, кажется, немного вскружилъ ему голову; опасно, чтобы онъ не увлекся и не вздумалъ обозначать *y* и *x* яснѣе, нежели сколько это позволительно».

Но наибольшее цензурное неудовольствіе возбудила поэтическая дѣятельность Алмазова и перепечатка извѣстной Некрасовской «Колыбельной пѣсни», приведенной имъ въ своемъ стихотворномъ фельетонѣ, какъ образецъ профанаціи литературы и грубости. Эта перепечатка не понравилась въ Петербургѣ, и министръ народнаго просвѣщенія писалъ начальнику московской цензуры:

«Въ № 19 и 20 Москвитянина перепечатано изъ изданнаго въ 1846 г. г. Некрасовымъ «С.-Петербургскаго Сборника» стихотвореніе, подъ заглавіемъ:

«Колыбельная пѣснь» (подражаніе Лермонтову). Стихотвореніе это, по предосудительности своего содержанія, обратило тогда же на себя вниманіе правительства, и вслѣдствіе того сдѣланъ былъ, за пропускъ онаго въ Сборникѣ, строгій выговоръ. Хотя о семъ обстоятельствѣ и не было сообщено Московскому цензурному комитету, но не менѣе того цензоръ Ржевскій не могъ не замѣтить крайней неприличности содержанія и выраженій упомянутаго стихотворенія, и потому при нынѣшнихъ, еще болѣе строгихъ требованіяхъ, цензоръ никакъ не долженъ былъ допустить онаго къ печати. Посему я прошу покорнѣйше поставить это на видъ цензору Ржевскому и сдѣлать ему надлежащее внушеніе, чтобы онъ былъ на будущее время къ исполненію своихъ обязанностей повнимательнѣе».

По полученіи выговора, Ржевскій писалъ Погодину: «Сегодня въ Комитетѣ получена бумага, заключающая выговоръ мнѣ за пропускъ пародіи Некрасова, и потому, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, не излишне было бы намъ съ общаго согласія удвоить предосторожность».

Тѣснимый цензурою, ругаемый и упрекаемый сотрудниками, редакторъ-издатель «Москвитянина» терялъ спокойствіе, впадалъ въ отчаяніе и однажды, въ такомъ пессимистическомъ настроеніи, послалъ чрезвычайно для него характерное письмо кн. Вяземскому.

«Дніе зли суть,—писалъ онъ,—но тѣ дни, на которыхъ (надняхъ) вы хотѣли послать вашу богатую милость Москвитянину, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ... да умилосердятся они! По пяти статей выкидывается изъ книги, и я просто не знаю иногда, что дѣлать! и принужденъ выпускать книгу не полную и безобразную. То критики нѣтъ, то наукъ, то русской словесности! Слѣдовательно, про запасъ надо имѣть всегда помногу. И въ заключеніе всѣ эти хлопоты, вмѣстѣ съ литературными, надоѣдаютъ мнѣ столько, что я рѣшаюсь бросить все и засѣсть за одну исторію. Насъ, единомыслящихъ консерваторовъ съ прогрессами, очень мало, да и тѣ большею частію лѣнивы: Хомяковъ, Кирѣевскій, Павловъ и т. д. Шевыревъ занятъ, а молодые, очертя голову, и вовсе безъ головы напираютъ. Вы не знаете... найдется теперь множество людей, которые рады подошвы вырѣзать изъ своихъ сапоговъ, лишь бы я пересталъ быть редакторомъ Москвитянина, и чтобъ петербургскимъ журналамъ не было оппозиціи, чтобъ всѣ составляли одно. Тогда и увидятъ, что начнетъ сочиться, a gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo. Правительство наше съ этой стороны совершенно слѣпо, а эта сторона становится важнѣе и важнѣе со всякимъ днемъ. Пособія никакого я не прошу—оборони Боже: это убьетъ журналъ, а я прошу довѣренности Пусть разсмотрятъ двадцать пять лѣтъ моей публичной дѣятельности (что я писалъ и издавалъ), да и дадутъ мнѣ carte blanche. Тогда можно принести пользу и литературѣ, и общему дѣлу, и содѣйствовать прогрессу разумному—иначе невозможно. Все это вырвалось у меня невзначай въ письмѣ къ вамъ, потому что я знаю вашу искреннюю любовь къ просвѣщенію, я считаю все это гласомъ вопіющаго въ пустынѣ» и т. п.

Въ этомъ письмѣ, помимо всего прочаго, заключается одна чрезвычайно важная фраза—мнѣніе журналиста стараго закала о положеніи той части прессы, которая прибѣгаетъ къ «пособіямъ», или, какъ нынѣ говорится, къ субсидіямъ. «Пособія я никакого не прошу—оборони Боже: это убьетъ журналъ»,—утверждаетъ Погодинъ, человѣкъ, опытный въ журнальномъ дѣлѣ, видавшій виды на своемъ вѣку и притомъ корыстолюбивый, стремившійся всѣми

силами повыгоднѣе спустить въ казну свое древлехранилище. Онъ понималъ, что если вообще консервативная, охранительная печать никогда не пользуется сочувствіемъ читателей и общественнаго мнѣнія, то тѣмъ болѣе, если эта печать идетъ притомъ на денежномъ буксирѣ у правительства. Не то, чтобы Погодинъ былъ въ принципѣ противъ драгоцѣнной веревочки, нѣтъ, но онъ сознаетъ, что это «убьетъ журналъ», подорветъ къ нему уваженіе и довѣріе. Испытанный журналистъ-издатель почти полвѣка тому назадъ даетъ умное предостереженіе своимъ сотоварищамъ настоящимъ и будущимъ, предотвращая ихъ отъ такого шага, который дѣйствительно губилъ впослѣдствіи многихъ изъ журнальнаго міра, не бывшихъ столь дальновидными, какъ умница-московскій профессоръ. Но если Погодинъ въ данномъ случаѣ сумѣлъ избѣгнуть кривого пути, то все же онъ не сумѣлъ ступить на истинную журнальную большую дорогу, гдѣ люди всецѣло отдаютъ себя избранному дѣлу, кладутъ въ него всю душу, сродняются и съ нимъ, и съ тѣми, кто его двигаетъ. Издатель «Москвитянина» ставилъ все же свое изданіе на второй планъ, велъ его небрежно, а къ сотрудникамъ относился недоброжелательно, грубо и съ замашками эксплоататора грабителя. Сотрудники были для него тою вьючною силою, которую онъ считалъ долгомъ использовать какъ можно скорѣе и до послѣдней капли, съ тѣмъ, чтобы, по минованіи надобности, выбросить ихъ за редакціонный порогъ безъ любви и жалости. Благодаря такому отношенію къ дѣлу, «Москвитянинъ», несмотря на все интересное и прямо драгоцѣнное, что въ него вкладывали молодыя силы журнала, не имѣлъ успѣха и не завоевывалъ себѣ нужныхъ симпатій ни публики, ни писателей.

Главнѣйшею, однако, причиною его неуспѣха была неисправность выхода книжекъ и крайняя небрежность корректуръ. Старый пріятель Погодина, М. Дмитріевъ воспѣлъ даже въ стихахъ обычное запаздываніе «Москвитянина»:

Москвитянину привычно же
Вѣчно къ сроку опоздать!..

А въ другомъ стихотвореніи:

. . . . . Погодинъ
У Уварова въ гостяхъ!
Вотъ ужъ съ мѣсяцъ какъ разстался
И съ Москвой онъ, и со мной!
Москвитянинъ издавался,
Какъ умѣетъ, самъ собой!
Онъ привыкъ ужъ!—Соберется,
Въ типографію бредетъ,
Къ переплетчику плетется,
Послѣ въ лавку поползетъ!
Ждетъ, пождетъ его читатель,

Побранить, да и домой!
А почтеннѣйшій издатель,
Впрочемъ добрый мой пріятель,
Какъ ни выдалъ, съ рукъ долой!

И дѣйствительно, какъ свидѣтельствуетъ г. Барсуковъ, «Погодинъ, заживаясь въ Порѣчьѣ [1]), забывалъ о «Москвитянинѣ», передавши его на попеченіе молодой редакціи; но А. А. Григорьевъ взывалъ къ нему: «Пріѣзжайте ради Бога скорѣе. Мы здѣсь безъ васъ, какъ овцы безъ пастыря, да и притомъ ни одной овцы не доищешься. Хороши были бы мы редакторами».

Но, кромѣ грѣха запаздыванія, контора «Москвитянина» была виновна и въ крайней небрежности разсылки журнала, а также въ курьезныхъ пріемахъ выдачи его. Такъ, по этому предмету однажды Дмитріевъ писалъ Погодину:

Разсылая и выдавая Богъ вѣдаетъ по какому плану и по какой системѣ журналъ, контора не стѣснялась и съ доставкой оттисковъ сотрудникамъ, которые хоть въ этомъ одномъ видѣли себѣ маленькое вознагражденіе и удовлетвореніе за даровой трудъ на Погодина.

«За Москвитяниномъ два раза ѣздилъ, два раза посылалъ и того четыре. Что опоздалъ, я за это не въ претензіи: самъ знаю иногда причины. Но вотъ въ чемъ дѣло: отвѣчали, что выйдетъ въ пятницу, а въ среду выдали десять экземпляровъ Свѣшникову. Я поѣхалъ самъ, и сознаюсь, что задалъ нотацію вашему конторщику, потому что всѣ получатели должны быть равны: о чемъ онъ и доносетъ вамъ, а я предварительно увѣдомляю. Знаете ли, что они дѣлаютъ? Иногда лежатъ экземпляры, а они не выдаютъ; говорятъ, что это приготовлено только для знатныхъ лицъ, для Закревскаго и проч. Эти примѣры были. Я вамъ не жалуюсь, а пишу для вашего свѣдѣнія, потому, что неловко и вредно журналу».

Кромѣ неаккуратности разсылки, контора Погодина отличалась также грубостью своихъ отношеній къ сотрудникамъ, что вызывало естественный ропотъ послѣднихъ. По одному изъ такихъ инцидентовъ Ап. Григорьевъ писалъ Погодину: «Я къ вамъ съ жалобою не за себя, а за Н. В. Берга, на вашего конторщика. За какихъ жуликовъ считаетъ онъ насъ, что отказываетъ въ десяти цѣлковыхъ, нужныхъ для Мартынова—и тутъ же при словахъ о бумагѣ, вынимаетъ десять цѣлковыхъ. Согласитесь, что это крайне неприлично въ отношеніи къ намъ, какъ кажется, весьма безкорыстнымъ въ этомъ дѣлѣ. Ради Бога, избавьте насъ отъ отношеній съ подобнымъ субъектомъ—и всѣ денежныя дѣла ведите всегда съ нами лично».

Безпорядокъ и небрежность конторы доходили до того, что въ ней пропадали безслѣдно и рукописи. Такъ, Григорьевъ жаловался на исчезнованіе нѣсколькихъ главъ перевода Копперфильда. Ко всѣмъ этимъ существеннымъ издательскимъ и конторскимъ недостаткамъ «Москвитянина» присоединилось еще одно, ко-

[1]) Имѣніе гр. Уварова.

торое особенно отталкивало отъ него публику. Недостатокъ этотъ—колоссальныя опечатки, испещрявшія страницы журнала, которыя искажали смыслъ текста и вызывали ропотъ публики, сотрудниковъ и насмѣшки рецензентовъ. Погодинъ достаточно наивно-добродушно подшучивалъ надъ этими опечатками, называя ихъ «родимыми пятнышками» журнала, но такъ или иначе эти пятнышки рябили слишкомъ часто въ глазахъ и безобразили смыслъ содержанія. Ростопчина, напримѣръ, умоляла Погодина «не мѣнять произвольно словъ, что производитъ страшныя безсмыслицы: это чинятъ не наборщики, а грамотеи и лингвисты, прикомандированные къ редакціи»; М. Стасюлевичъ просилъ возстановить истинное свое имя, а арх. Іоаннъ протестовалъ противъ приписки ему такихъ сочиненій, коихъ онъ никогда не былъ авторомъ. Категоричнѣе всѣхъ и наиболѣе обстоятельно исчерпалъ внѣшніе дефекты «Москвитянина» въ своемъ письмѣ И. И. Березинъ, который вполнѣ справедливо и откровенно писалъ на этотъ счетъ Погодину: «У васъ,—писалъ онъ,—всегда много опечатокъ. Даже и другіе журналы стали вамъ подражать въ этомъ. Наружность Москвитянина не изящна, шрифты избитые и безобразные: вообще не худо бы вамъ подражать въ этомъ случаѣ Современнику, самому щегольскому русскому журналу. А то, чтò у васъ за свинцовая обертка: вѣдь это только годится для чая!».

Такимъ образомъ, Погодинъ, хотя и успѣлъ, при помощи раздвоенія редакціи, внести на страницы журнала оживленіе и разнообразіе, не достававшія ему доселѣ, однако не сумѣлъ довести дѣло обновленія «Москвитянина» до конца. По скупости и несговорчивости, онъ и въ самомъ журналѣ, и за дверями редакціи чинилъ сотрудникамъ непріятности и обижалъ ихъ. Кромѣ того, по скупости же и небрежности онъ не рѣшился упорядочить внѣшній видъ журнала и придать ему нужное благообразіе, а также лучше организовать контору и экспедицію. Все это вмѣстѣ взятое не внушало симпатій къ журналу въ публикѣ и дозволяло конкуррентамъ отбивать у него и читателей и сотрудниковъ. Уже при мобилизаціи подписки на 1851 годъ мы встрѣчаемся съ многозначительными его письмами къ М. Максимовичу, гдѣ издатель пишетъ своему другу: «Москвитянинъ идетъ скверно, не знаю, что и дѣлать, и что за причина. Видишь самъ, что онъ улучшается, всѣ хвалятъ, а толку нѣтъ. До сихъ поръ (16 февраля) нѣтъ шестисотъ подписчиковъ, а деньги страшныя выдаются сотрудникамъ». А въ концѣ года, по завершеніи уже подписки (29 сентября), онъ опять пишетъ на ту же тему: «Грустно и тяжело писать къ тебѣ это письмо. Обстоятельства мои все хуже и хуже, хоть будущее и свѣтлѣетъ. Журналъ въ нынѣшнемъ году шелъ еще слабѣе: вмѣсто восьмисотъ пятидесяти не было и семисотъ пятидесяти. Я тянусь—и мочи не станетъ. Разумѣется, это уже послѣдній опытъ». Запись же въ днев-

никѣ, при открытіи подписки (въ декабрѣ) на 1852 годъ, звучитъ полною тоскою: «Записка изъ конторы, что подписчиковъ только семь, и пріунылъ. Ну, если подписка окажется недостаточною, и я обанкручусь! Просить помощи—не приведи Богъ!».

Но въ 1852 году «Москвитянинъ» не обанкрутился и нашелъ въ себѣ силъ протянуть существованіе еще на нѣсколько лѣтъ, дѣлаясь съ каждымъ годомъ все скупѣе, экономнѣе и... скучнѣе. Петербургъ перетянулъ къ себѣ наиболѣе даровитыхъ и привлекательныхъ сотрудниковъ, какъ, напримѣръ, Писемскаго и Островскаго, и московскому профессору осталось только снова обратиться къ тѣмъ, которые составляли такой яркій контрастъ кратковременной блестящей и шумной «молодой редакціи» Москвитянина. Годъ 1856-й былъ годомъ агоніи и смерти; «Москвитянинъ» сошелъ по сцены, уступивъ въ Москвѣ первенствующее мѣсто двумъ народившимся изданіямъ—«Русскому Вѣстнику» М. Каткова и «Русской Бесѣдѣ» А. Кошелева, изъ коихъ послѣднему журналу отчасти пришлось въ исторіи полемической журналистики играть такую же роль, какую въ теченіе 16 лѣтъ исполнялъ, иногда съ бо́льшимъ, иногда съ меньшимъ талантомъ, покойный журналъ Погодина.

Б. Глинскій.

А. И. КЛУШИНЪ.

Біографическая замѣтка.

СТОРІЯ нашей литературы прошлаго столѣтія полна загадокъ, пробѣловъ и такихъ свѣдѣній, которыя скорѣе должны быть отнесены къ области вымысла, нежели къ положительнымъ, фактическимъ даннымъ. Еще очень недалеко то время, когда и біографіи такихъ крупныхъ дѣятелей, какъ Ломоносовъ, Фонвизинъ и Державинъ, были переполнены легендарными подробностями и маловѣроятными анекдотами, и только серьезныя, обширныя изслѣдованія по документамъ такихъ добросовѣстныхъ ученыхъ, какъ Билярскій, Ламанскій, Гротъ и Сухомлиновъ,—выяснили передъ нами фактическую основу біографій этихъ корифеевъ русской литературы и науки XVIII вѣка. Мудрено ли, послѣ этого, если мелкіе, гораздо менѣе важные и менѣе замѣтные труженики литературы прошлаго вѣка остаются до сихъ поръ въ тѣни, и что многіе изъ нихъ извѣстны болѣе по названію, какъ отвлеченныя единицы, а не какъ живые дѣятели и представители литературнаго движенія своей эпохи.

Къ числу такихъ очень темныхъ и неопредѣленныхъ по очертанію литературныхъ призраковъ минувшаго принадлежитъ несомнѣнно одинъ изъ литераторовъ и журналистовъ Екатерининскаго времени Александръ Ивановичъ Клушинъ, о которомъ до настоящаго времени ничего положительнаго не было извѣстно, кромѣ заглавій нѣкоторыхъ его сочиненій. Въ «Опытѣ» Греча (на стр. 208) находимъ о Клушинѣ всего нѣсколько строкъ, не имѣющихъ никакого значенія для біографіи этого забытаго писателя. Въ «Сло-

варѣ» Евгенія (I,286) упомянутъ годъ смерти Клушина (1804 г.), и замѣчено, что онъ умеръ въ молодости; но ни о годѣ рожденія его, ни о служебной карьерѣ не упомянуто ни единымъ словомъ, хотя упомянутъ чинъ (надворнаго совѣтника), до котораго онъ успѣлъ дослужиться.

Въ «Словарѣ» Геннади біографическія свѣдѣнія о Клушинѣ ограничиваются тѣми же фактами, какіе мы находимъ у Евгенія, затѣмъ приведенъ неполный списокъ сочиненій Клушина [1]), и въ концѣ добавлено, что Клушинъ его вмѣстѣ съ И. А. Крыловымъ принималъ участіе въ «С.-Петербургскомъ Меркуріи (4 книжки, 1793 г.). «Не мудрствуя лукаво», Геннади далъ, что могъ: повторилъ о Клушинѣ то, что нашелъ въ «Опытѣ» Греча и въ «Словарѣ» Евгенія, и къ этимъ свѣдѣніямъ добавилъ по каталогамъ заглавія нѣкоторыхъ произведеній, которыя не были упомянуты ни Гречемъ ни Евгеніемъ.

Но такъ отнесся къ біографичесимъ свѣдѣніямъ о Клушинѣ А. Д. Галаховъ. Въ своей «Исторіи русской словесности древней и новой» (ч. I, изд. 1-е) онъ помѣстилъ Клушина въ оглавленіи, но въ текстѣ не далъ о немъ ни строчки и ограничился только ссылкою на свою «Историческую хрестоматію», гдѣ и привелъ чрезвычайно курьезныя свѣдѣнія о Клушинѣ. Какъ человѣкъ усердный и старательный, онъ, недовольствуясь тѣмъ, что давали другіе, рѣшился создать **ничто** изъ ничего и за неимѣніемъ новыхъ, фактическихъ данныхъ сталъ извлекать эти данныя по соображенію изъ тѣхъ намековъ и упоминаній о лицахъ и событіяхъ, какія нашлись въ предисловіи и посвященіи къ комедіямъ «Худо быть близорукимъ» и «Услужливый». Внимательно вчитываясь въ это предисловіе и посвященіе, А. Д. Галаховъ создалъ слѣдующее подобіе біографіи Клушина, которое и помѣстилъ въсвоей «Исторической хрестоматіи»:

«Клушинъ, Александръ Ивановичъ (родился **около** 1780 г., умеръ въ 1804 г.), служилъ при директорѣ С.-Петербургскихъ театровъ А. Л. (Л. А.?) Нарышкинѣ, въ которомъ видѣлъ своего благодѣтеля, и ко-

---

[1]) Геннади приводитъ слѣдующій списокъ сочиненій Клушина:

*1) 1791. Посланіе къ другу моему Василію Сергѣевичу Ефимову. Спб. 4°.

2) 1793. Благодарность императрицѣ Екатеринѣ II за увольненіе меня въ чужіе края съ жалованьемъ. Спб.

3) 1795. Смѣхъ и горе. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Спб. (помѣщена въ Россійскомъ Өеатрѣ, т. 10-й).

*4) 1800. Худо быть близорукимъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи Спб. 12°.

*5) Американцы. Опера комическая, въ двухъ дѣйствіяхъ. Музыка Өомина. Спб. 12°.

*6) 1801. Услужливый. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ. (Подражаніе). Спб. 12°.

7) Стихи на прибытіе императора Александра изъ Москвы въ С.-Петербургъ. Спб. 8°.

8) 1802. Вертеровы чувствованія или несчастный. М. Оригинальный анекдотъ. Спб. 16°.

9) ? годъ. Ода на пожалованіе ордена св. апостола Андрея его сіятельству графу И. П. Кутайсову. Спб. 8°.

Всѣ произведенія, отмѣченныя звѣздочками, имѣются въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

Для полноты приводимаго списка, уже и въ ту пору, какъ Геннади составлялъ свой Словарь, можно было бы еще дополнить:

10) На кончину Л. А. Нарышкина (10 дек. 1779 г.). Спб. 1799 г. 8°.

торому посвятилъ комедію въ одномъ дѣйствіи въ прозѣ: «Худо быть близорукимъ» (1800, Спб.). Изъ посвященія видно, что авторъ терпѣлъ многія непріятности по театру: «несмотря на блистательный успѣхъ молодой, двадцатилѣтней музы моей, я оставилъ тогда театръ, когда рукоплесканія публики меня призывали... Сердце мое отвратилось отъ похвалъ... Легко сжать все и т. д.»... Даже г. Галаховъ говоритъ: «Другимъ покровителемъ Клушина былъ Д. П. Трощинскій, которому посвящена комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ: «Услужливый». Изъ посвященія къ этой комедіи Галаховъ приводитъ слѣдующій отрывокъ, будто бы характеризующій отношенія Клушина къ Трощинскому: «Вы въ самой моей молодости были моимъ благотворителемъ, создали изъ меня поэта, создали въ тысячу разъ болѣе—честнаго человѣка». Вслѣдъ за этимъ отрывкомъ г. Галаховъ упоминаетъ о другихъ произведеніяхъ Клушина («Американцы», «Разсудительный дуракъ» и «Вертеровы чувствованія») и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ говоритъ, что въ Словарѣ Евгенія упоминается и еще какая-то пьеса Клушина — комедія «Алхимистъ», игранная въ 1790 году.

Сомнѣніе это является прямымъ и весьма естественнымъ слѣдствіемъ того, что біографія Клушина «сочинена» Галаховымъ, и самый годъ рожденія Клушина придуманъ имъ на основаніи довольно шаткихъ соображеній... И въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ А. И. Клушинъ родиться около 1780 года, когда онъ уже въ 1791 году печаталъ «Посланіе къ другу своему В. С. Ефимьеву», а въ 1793 г. участвовалъ съ И. А. Крыловымъ въ изданіи «С.-Петербургскаго Меркурія»? Не знаемъ, какъ могъ упустить изъ виду эти факты А. Д. Галаховъ; но намъ совершенно ясна та чисто-механическая комбинація, путемъ которой онъ дошелъ до изобрѣтенія приблизительной даты рожденія Клушина—«около 1780 года». Оказывается, что и эту дату онъ извлекъ изъ предисловія къ комедіи «Худо быть близорукимъ». Г. Галаховъ, очевидно, соображалъ такъ: комедія напечатана въ 1800 г., а въ предисловіи къ ней Клушинъ говоритъ «о блистательномъ успѣхѣ своей двадцатилѣтней музы»... Слѣдовательно, автору въ 1800 г. было немного болѣе двадцати лѣтъ, а послѣ ужъ немудрено прійти къ выводу, что онъ «долженъ былъ родиться около 1780 года»...

Такимъ же механическимъ путемъ, изъ того же предисловія, выведенъ и другой фактъ: будто бы Клушинъ «терпѣлъ многія непріятности по театру»... На нашъ взглядъ, туманные намеки предисловія скорѣе могутъ относиться къ цензурнымъ затрудненіямъ, нежели къ «непріятностямъ по театру»...

Вѣроятно, однако же, всѣ наши свѣдѣнія о Клушинѣ должны были бы еще долго ограничиваться неполнымъ спискомъ его произведеній и невѣрными догадками г. Галахова, если бы неутомимому изслѣдователю нашей старины, г. Есипову, не посчастливилось открыть въ

государственномъ архивѣ подлинный докладъ Трощинскаго о Клушинѣ, заключающій въ себѣ весьма обстоятельныя біографическія свѣдѣнія о писателѣ и новыя библіографическія данныя о его сочиненіяхъ. Докладъ настолько не великъ и въ такой степени любопытенъ, что мы позволимъ себѣ привести его здѣсь цѣликомъ:

«1793 года. Подпоручикъ Александръ Клушинъ, служащій при письменныхъ дѣлахъ въ комиссіи о дорогахъ, поданнымъ вашему императорскому величеству прошеніемъ объясняя склонность свою къ наукамъ, проситъ всемилостивѣйшаго позволенія отлучиться для продолженія оныхъ на шесть лѣтъ въ Геттингенскій университетъ съ жалованьемъ, коего онъ получаетъ по 300 рублей на годъ».

По справкѣ оказалось:

«Отецъ подпоручика Клушина былъ бѣдный дворянинъ Орловскаго намѣстничества и умеръ еще въ 1774 году, оставивъ жену и въ малолѣтствѣ двухъ сыновей и одну дочь. Старшій изъ сыновей есть проситель. Онъ при открытіи Орловскаго намѣстничества вступилъ въ гражданскую службу канцеляристомъ. Въ 1780 г. перешелъ въ военную сержантомъ. Въ семъ званіи находился въ 1783 и 1784 годахъ въ походахъ въ Польшѣ и въ 1784 году произведенъ въ Смоленскій пѣхотный полкъ адъютантомъ. А въ 1786 году, по прошенію его, за болѣзнью, уволенъ изъ военной службы подпоручикомъ и того-жъ года въ маѣ мѣсяцѣ опредѣленъ въ комиссію о дорогахъ, гдѣ и теперь находится, имѣя къ дѣламъ способность и поведеніе похвальное. По склонности его къ наукамъ, въ свободное время, остающееся отъ упражненія по должности, занимается онъ разными сочиненіями; изъ нихъ извѣстны:

1) «Зритель», періодическое изданіе 1792 г.

2) «С.-Петербургскій Меркурій», періодическое же изданіе на 1793 г., которое и теперь продолжается.

3) «Смѣхъ и Горе». Комедія въ стихахъ, въ 5-ти дѣйствіяхъ. Играна нѣсколько разъ на здѣшнемъ и Московскомъ театрахъ съ похвалою для автора.

4) «Алхимистъ», комедія въ одномъ дѣйствіи.

5) «Любовь хитрѣй всего», опера въ двухъ дѣйствіяхъ, на которую дѣлается музыка.

«Младшій братъ просителя служитъ секретаремъ въ Орловскомъ намѣстническомъ правленіи. Сестра его замужемъ за тамошнимъ уѣзднымъ казначеемъ. Мать ихъ живетъ въ принадлежащей имъ деревенькѣ, въ 10-ти душахъ только состоящей».

На докладѣ рукою Трощинскаго написано:

«Докладывано октября 22-го и высочайше повелѣно: просителя для продолженія наукъ уволить въ Геттингенскій университетъ на пять лѣтъ, и всемилостивѣйше пожаловано ему изъ кабинета тысячу пятьсотъ рублей».

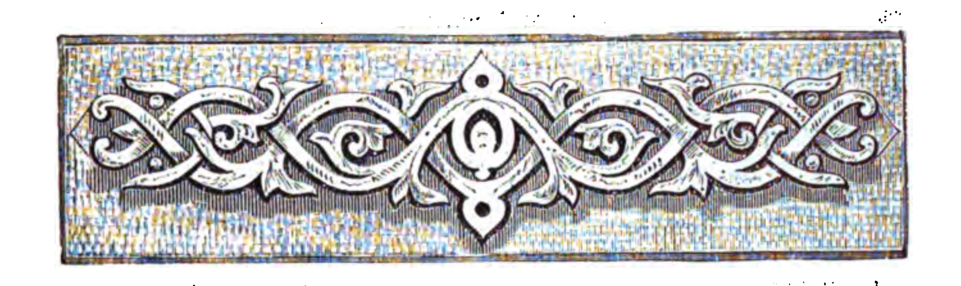
Итакъ, на основаніи этого любопытнаго документа узнаемъ, что Клушинъ уже въ 1780 г. «перешелъ въ военную службу сержантомъ», слѣдовательно, ему не могло быть въ это время менѣе 17—18 лѣтъ. Не менѣе важно и то, что узнаемъ о дальнѣйшемъ ходѣ его служебной карьеры: такъ, въ 1793 г. видимъ его еще на службѣ въ комиссіи о дорогахъ, а между 1793—1798 гг.—за границей... Когда же успѣлъ онъ служить по театру, при директорѣ театровъ Нарышкинѣ? Любопытно было бы знать, откуда почерпнулъ А. Д. Галаховъ это свѣдѣніе? Неужели онъ также «сочинилъ» его, какъ и приблизительный годъ рожденія Клушина, основываясь на однихъ только предисловіяхъ и посвященіяхъ, и дополнилъ ихъ своими соображеніями?

Немаловажны также свѣдѣнія, доставляемыя вышеприведеннымъ докладомъ Трощинскаго по отношенію къ литературной и журнальной дѣятельности Клушина. Изъ доклада узнаемъ, что онъ принималъ участіе не только въ «С.-Петербургскомъ Меркуріи», но и ранѣе этого въ «Зрителѣ»; сверхъ того, списокъ произведеній Клушина можетъ быть съ полною достовѣрностью дополненъ и «Алхимистомъ» (пьесою, возбуждавшею сомнѣнія А. Д. Галахова) и оперою «Любовь хитрѣй всего».

«Радуется купецъ, прикупъ сговоривъ»,—говоритъ древній нашъ лѣтописецъ, заканчивая свой трудъ... Но не еще ли болѣе радуется книжникъ, когда видитъ, что хоть на малую крупицу увеличился запасъ свѣдѣній объ одномъ изъ почившихъ собратій?.. Тяжела плита могильная, но гораздо тяжелѣе ея бываетъ то небрежное забвеніе, съ которымъ мы относимся къ литературнымъ дѣятелямъ нашего прошлаго,—забвеніе, въ которомъ тонетъ столько именъ, столько трудовъ, столько никому неизвѣстныхъ заслугъ и подвиговъ...

П. Полевой.

ГЕРЦОГЪ РИШЕЛЬЕ И ОДЕССКАЯ ЧУМА 1812 ГОДА.

Ъ ВИДУ распространенія чумы въ Индіи, гдѣ она уже унесла въ могилу до 10.000 человѣкъ, и принятія мѣръ къ предупрежденію появленія ея у насъ, не лишне вспомнить о посѣщеніи роковой эпидеміей одного изъ уголковъ Россіи, именно Одессы, въ 1812 г. Этотъ эпизодъ успѣшной борьбы съ заразой, благодаря энергичной, разумной, самоотверженной дѣятельности тогдашняго начальника Новоросійскаго края, знаменитаго герцога Ришелье, или, какъ его всегда называли въ Россіи въ офиціальныхъ документахъ и въ частныхъ сношеніяхъ,—дюка Эмануила Осиповича де-Ришелье, кромѣ своего историческаго интереса, можетъ служить и урокомъ, какъ слѣдуетъ честно смотрящему на свой долгъ администратору относиться къ народному бѣдствію, съ которымъ ему суждено имѣть дѣло. Къ сожалѣнію, существуетъ очень мало свѣдѣній какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературѣ, объ Одесской чумѣ 1812 г. Хотя въ только что вышедшей первой подробной біографіи Ришелье, подъ заглавіемъ «Герцогъ Ришелье во Франціи и Россіи», Леона Круза-Кретэ [1]), ей отведена особая глава, но сообщаемыя въ ней данныя основаны на старыхъ очень скудныхъ матеріалахъ, и преимущественно на 54 томѣ «Сборника Историческаго Общества», посвященномъ документамъ и бумагамъ о жизни и дѣятельности Ришелье, но въ которомъ о чумѣ говорится очень кратко, лишь въ замѣткѣ Сикара о дѣятельности Ришелье въ Одессѣ, въ біографическомъ

[1]) Le duc de Richelieu en Russie et en France, 1766—1822, par Leon de Crousaz-Cretet. Paris. 1897.

очеркѣ графа Лэнэ, въ двухъ донесеніяхъ Ришелье императору Александру, въ докладѣ санитарнаго врача о мѣрахъ, принятыхъ въ окрестностяхъ Одессы, и въ двухъ письмахъ Ришелье къ князю Куракину и къ губернатору Каменца[1]). Кромѣ того, авторъ ссылается на исторію Новороссіи Кастельно[2]), который разсказываетъ объ Одесской чумѣ на двѣнадцати страницахъ въ послѣдней главѣ третьяго тома, на воспоминанія графа Рошшуара, приводящаго три письма Ришелье о чумѣ[3]), на біографію одного изъ сотрудниковъ Ришелье въ Одессѣ аббата Николя, составленную аббатомъ Фрапацемъ, который передаетъ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ и отрывокъ изъ письма извѣстнаго графа де-Местра о подвигахъ Ришелье[4]). Если мы прибавимъ къ этому немногія слова, сказанныя о дѣятельности Ришелье во время Одесской чумы графомъ Сен-При въ его очеркѣ «Новороссія и герцогъ Ришелье, 1803—1814»[5]) и Леонсомъ Пинго въ его книгѣ о французахъ въ Россіи и русскихъ во Франціи[6]), то исчерпаемъ всѣ иностранные источники. Что же касается до русскихъ матеріаловъ, то, кромѣ «Сборника Имп. Русск. Историческаго Общества», можно лишь указать, насколько намъ извѣстно, на «Исторію города Одессы», К. Смольянинова[7]), «Первое тридцатипятилѣтіе исторіи города Одессы»,—А. Скальковскаго[8]) и на «Одессу, 1794—1894»[9]), юбилейное изданіе по случаю столѣтія города, но во всѣхъ этихъ книгахъ свѣдѣнія о чумѣ 1812 г. чрезвычайно кратки; еще лаконичнѣе упоминается о ней въ «Исторіи повальныхъ болѣзней», профессора Гезера[10]) и въ новѣйшихъ брошюрахъ о чумѣ—докторовъ П. Діатроптова[11]) и Я. Эйгера[12]). Какъ бы то ни было, постараемся по имѣющимся даннымъ набросать картинку Одессы во время чумы 1812 г. и борьбы съ нею дюка Эмануила Осиповича Ришелье.

---

[1]) Сборникъ И. Р. Историческаго общества, 54 томъ.

[2]) Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la Nouvelle Russie, par le marquis Gabriel de Castelnau. 3 vol. Paris. 1820.

[3]) Souvenirs du comte de Rochechouart. Paris.

[4]) Vie de l'abbé Nicole, par l'abbé Frappaz. Paris.

[5]) Etudes diplomatiques et litteraires, par Alex. de Saint-Priest, tome deuxieme. La Nouvelle Russie et le duc de Richelieu. Paris.

[6]) Les français en Russie et les russes en France, par Leonce Pingaud. 1886. Paris.

[7]) Исторія города Одессы. К. Смольянинова. Одесса. 1853.

[8]) Первое тридцатипятилѣтіе исторіи города Одессы. 1799 — 1829. А. Скальковскаго. Одесса. 1897.

[9]) Одесса, 1794—1894, изданіе городскаго общественнаго управленія къ столѣтію города. Одесса. 1895.

[10]) Исторія повальныхъ болѣзней, проф. Гезера, пер. съ нѣмецкаго. Часть I. 1867.

[11]) О чумѣ, П. Діатроптова; докладъ, читанный въ обществѣ русскихъ врачей, въ Одессѣ, 27 января, 1897 г. Одесса. 1897.

[12]) Исторія и современное состояніе вопроса о бубонной чумѣ, доктора Я. В. Эйгера. 1897.

I.

Появленіе чумы въ 1812 г. не было новинкой для Россіи вообще и для Одессы въ особенности. Еще Несторъ упоминаетъ о томъ, что въ 1090 г. въ Кіевѣ свирѣпствовалъ моръ, унесшій въ двѣ недѣли до 7.000 человѣкъ, а что въ Бѣлоруссіи эта эпидемія не пощадила ни одного дома и не оставила достаточнаго числа здоровыхъ для ухода за больными. Дальнѣйшіе лѣтописцы свидѣтельствуютъ о посѣщеніи чумой Новгорода, Смоленска, Пскова, Москвы, Владимира, Рязани и многихъ другихъ городовъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, причемъ умирали не только массы простолюдиновъ, но свѣтскія и духовныя власти, какъ, напримѣръ, новгородскій архіепископъ Василій въ 1351 г., великіе князья Симеонъ Іоанновичъ Гордый въ 1386 г. и Василій Владимировичъ въ 1419 г., псковскій князь Ярославъ съ женой и сыномъ въ 1487 г. и т. д. Въ XVI вѣкѣ моръ не разъ свирѣпствовалъ все въ тѣхъ же излюбленныхъ имъ мѣстностяхъ—въ Псковѣ и Новгородѣ, а въ слѣдующемъ столѣтіи, въ эпоху самозванцевъ, чума была занесена изъ Литвы въ Смоленскъ и Москву, гдѣ погибло около 127.000 человѣкъ, но еще опустошительнѣе дѣйствовала эта эпидемія при Алексѣѣ Михайловичѣ, когда она распространилась изъ Москвы на югъ до Астрахани и Кіева. Особенно пострадала Казань, гдѣ она продолжалась съ перерывами четыре года, унося въ могилу ежедневно отъ 10 до 50 человѣкъ. Также въ Астрахани смертность достигла громадныхъ цифръ: изъ 16.000 населенія умерло болѣе 10.000 человѣкъ [1]). Начало прошедшаго столѣтія ознаменовалось появленіемъ чумы въ войскахъ Петра Великаго при осадахъ Риги, Ревеля и Нарвы, а для ея уничтоженія были приняты строжайшія мѣры: войска разставили на значительномъ между собой разстояніи, повсюду воздвигли заставы и висѣлицы, на которыхъ вѣшали безъ дальнѣйшихъ справокъ всякаго, кто обходилъ заставу, жгли дома умершихъ отъ заразы со всѣмъ скарбомъ и т. д. [2]). Впослѣдствіи, войны съ Турціей навлекли моровую язву на южную Россію и Украйну въ 1738 и 1769 гг. Не смотря на всѣ заставы, она проникла въ концѣ 1770 г. въ Москву и тамъ свирѣпствовала два года, причемъ умерло около 120.000 человѣкъ, и вспыхнулъ бунтъ, продолжавшійся три дня. Благодаря энергичнымъ мѣрамъ графа Григорія Орлова, посланнаго императрицей Екатериной съ этой цѣлью въ Москву, удалось наконецъ пресѣчь заразу, и 1-го декабря 1772 г. Москва была офиціально признана благополучной, послѣ безконечныхъ очищеній, вывѣтриваній, выкуриваній и т. д. [3]). Это была послѣдняя большая чумная

[1]) Исторія и современное состояніе вопроса о бубонной чумѣ, доктора Я. В. Эйгера, Спб., 1897 г., стр. 14—17.

[2]) Тамъ же, стр. 53.

[3]) Тамъ же, стр. 18—22; 54—56.

эпидемія въ Россіи, и хотя съ тѣхъ поръ въ прошедшемъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ она появлялась на югѣ Россіи, но ей не давали распространяться.

Конечно, благодаря своему положенію и тому факту, что чума преимущественно шла изъ Турціи, Египта и Сиріи, Одесса подверглась болѣе всѣхъ другихъ мѣстностей Россіи гибельному дѣйствію этой эпидеміи за послѣднія сто лѣтъ, хотя въ ней и существовалъ карантинъ, какъ во всѣхъ тогдашнихъ европейскихъ портахъ, имѣвшихъ сношенія съ Востокомъ. Этотъ военный портовой карантинъ былъ устроенъ тотчасъ послѣ основанія города въ 1794 г., но спустя три года, то-есть, ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ августѣ 1797 г. чума была занесена въ одесскій карантинъ на венеціанскомъ судиѣ, благодаря платью, привезенному изъ Константинополя; владѣлецъ судна бѣжалъ на шлюпкѣ со своей командой, а самое судно было сожжено съ товаромъ, и зараза не проникла въ городъ [1]). Но спустя пятнадцать лѣтъ, эпидемія вторично посѣтила Одессу и уже на этотъ разъ такъ свирѣпствовала и унесла столько жертвъ, что 1812 годъ составляетъ печальную страницу въ исторіи Одессы, пользовавшейся тогда мирнымъ благоденствіемъ при неусыпныхъ, разумныхъ и человѣчныхъ заботахъ своего образцоваго градоначальника. Этотъ постъ занималъ тогда уже девятый годъ дюкъ Эмануилъ Осиповичъ де-Ришелье, имя котораго неразрывно связано съ превращеніемъ ничтожнаго приморскаго мѣстечка въ богатый цвѣтущій центръ промышленной, торговой и духовной жизни южной Россіи [2]). Трудно найти человѣка, который въ продолженіе столь короткаго времени,—Ришелье всего управлялъ Новороссійскимъ краемъ одиннадцать лѣтъ,—сдѣлалъ бы столько для ввѣреннаго ему края и заслужилъ бы до такой степени общую благодарность, общее признаніе своихъ громадныхъ заслугъ. Всѣ историки Одессы единогласно отдаютъ справедливость его благотворной дѣятельности. «Соединяя въ себѣ всѣ качества правителя, благоразумнаго, добраго и просвѣщеннаго,—говоритъ Смольяниновъ,—дюкъ въ короткое время возвелъ Одессу на степень городовъ, извѣстныхъ по благоустройству и въ особенности по торговлѣ не только въ Россіи, но и Европѣ» [3]). «Трудно описать,—замѣчаетъ Скальковскій [4]),—всѣ услуги, оказанныя имъ Одессѣ, трудно изобразить всю любовь и благоговѣніе къ нему Новороссійскаго края». А по словамъ составителей историческаго очерка Одессы, городского юбилейнаго изданія [5]): «южной Россіи и въ частности Одессѣ выпало рѣдкое счастье получить такого администратора, какъ Ришелье;

[1]) Тамъ же, стр. 22 и 50. О чумѣ, Д. Діатроптова. Одесса. 1897, стр. 6.

[2]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, 54 томъ. Предисловіе А. Половцева, стр. VIII.

[3]) Исторія города Одессы, К. Смольянинова. Одесса. 1885, стр. 131.

[4]) Первое тридцатипятилѣтіе исторіи города Одессы, А. Скальковскаго, стр. 228.

[5]) Одесса, 1794—1894. Очеркъ исторіи Одессы, стр. XXI. Одесса. 1894.

едва ли исторія знаетъ человѣка, о которомъ всѣ источники отзывались бы съ такимъ единодушнымъ одобреніемъ, по крайней мѣрѣ, о томъ періодѣ его жизни, который онъ прожилъ въ Россіи. Сплошная похвала, воздаваемая и русскими и иностранцами дѣятельности Ришелье, удивляетъ всякаго, сколько нибудь искушеннаго въ жизни, человѣка, привыкшаго различать въ историческомъ дѣятелѣ и свѣтовыя и тѣневыя стороны. Въ дѣятельности же Ришелье въ Россіи нѣтъ возможности указать ни одной темной точки». Современники еще краснорѣчивѣе превозносили достоинства Ришелье, и уже не говоря о жителяхъ Одессы, которые обожали его, какъ отца, о его подчиненныхъ, питавшихъ къ нему культъ, и о высоко цѣнившихъ его русскихъ государственныхъ дѣятеляхъ, какъ, напримѣръ, графѣ Кочубеѣ, Румянцевѣ, Капо д'Истріа, Нессельроде и т. д., достоинъ вниманія тотъ фактъ, что о немъ съ одинаковымъ сочувствіемъ отзывались Александръ и Наполеонъ, изъ которыхъ перваго онъ пламенно любилъ, а послѣдняго ненавидѣлъ, считая его за узурпатора. Посѣтивъ южную Россію въ 1818 г., когда уже Ришелье былъ первымъ министромъ во Франціи, Александръ I былъ такъ пораженъ успѣхами края, ставшаго въ одиннадцатилѣтіе управленія Ришелье совершенно не узнаваемымъ, что послалъ ему андреевскую ленту съ лестнымъ рескриптомъ, на французскомъ языкѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «на каждомъ шагу, въ нѣкогда порученной вашимъ заботамъ странѣ, я видѣлъ съ удовольствіемъ плоды вашихъ трудовъ, вашихъ прямыхъ, чистыхъ намѣреній и вашей энергичной дѣятельности[1])». А получивъ извѣстіе о смерти Ришелье, государь сказалъ французскому посланнику, графу Ла-Ферроне[2]): «Я оплакиваю герцога, какъ единственнаго друга, говорившаго мнѣ истину. Онъ былъ образцемъ чести и правдивости; заслуги его увѣковѣчиваетъ благодарность всѣхъ честныхъ людей въ Россіи». Съ своей стороны Наполеонъ сказалъ однажды на островѣ св. Елены генералу Монтолону: «Не понимаю, какъ Людовикъ XVIII могъ при всемъ своемъ умѣ взять въ министры измѣнника Фуше; вотъ Ришелье—дѣло другое. Это я понимаю, онъ не знаетъ нашей Франціи, но это олицетвореніе чести, это хорошій французъ»[3]). Наконецъ, Велингтонъ говорилъ: «Слово Ришелье стоитъ трактата»[4]).

Если къ этимъ отзывамъ современниковъ и русскихъ историковъ Одессы еще прибавить мѣткую характеристику Ришелье, вышедшую изъ-подъ пера его новѣйшаго французскаго біографа, Круза-Кретэ, то его симпатичный образъ еще болѣе выроститъ въ нашихъ гла-

---

[1]) Roi de Rome, par Henri Welschinger. Paris. 1797, p. 155.

[2]) Сборникъ Импер. Русск. Ист. общества. 54 томъ. Пред., стр. XVI, документъ № 183.

[3]) Тамъ же. Пред., стр. XVII. Документъ № 255.

[4]) Первое тридцатипятилѣтіе исторіи города Одессы, А. Скальковскаго, стр. 233.

захъ. «Конечно[1]),—говоритъ онъ,—герцогъ не былъ великимъ или геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ, онъ не обладалъ желѣзной волей кардинала, впервые прославившаго это имя, ловкостью Мазарини, или Талейрана, смѣлостью Кавура и мѣднымъ лбомъ Бисмарка, но менѣе блестяще одаренный, чѣмъ эти знаменитые политическіе дѣятели, онъ оказалъ болѣе каждаго изъ нихъ услугъ своимъ двумъ отечествамъ. Обладая дюжинными способностями и среднимъ умомъ, не поражая толпы внѣшнимъ блескомъ, онъ представляетъ поразительный примѣръ того, что можетъ сдѣлать преданность долгу, культъ чести и любовь къ родинѣ. Молодой аристократъ, воспитанный при версальскомъ дворѣ и силой обстоятельствъ очутившійся на чужбинѣ, Ришелье не становится, какъ многіе другіе, авантюристомъ, а посвящаетъ себя служенію новой родинѣ, обнаруживая такія административныя качества, которыхъ нельзя было подозрѣвать въ виду его среды, воспитанія и юности, проведенной въ салонахъ и лагеряхъ. Своими заботами онъ превратилъ пустынную, ненаселенную страну въ плодоносную житницу великой имперіи, а рыбачье селеніе въ громадный, первоклассный, торговый портъ. Заслуживъ такимъ образомъ славу основателя Одессы, онъ вернулся въ свое старое отечество въ самую критическую минуту его національнаго униженія, когда страна была занята чужеземными войсками, и въ теченіе трехъ лѣтъ добился удаленія чужестранныхъ войскъ и возвращенія Франціи въ кругъ европейскихъ державъ, что придало ему по общему приговору титулъ освободителя территоріи».

Вотъ каковъ былъ человѣкъ, которому пришлось бороться съ Одесской чумой въ 1812 г.; на фактической же сторонѣ его прежней дѣятельности въ Россіи излишне останавливаться, такъ какъ она извѣстна читателямъ «Историческаго Вѣстника» по обстоятельному очерку, помѣщенному при появленіи 54 тома «Сборника Импер. Русскаго Истор. общества»[2]), а потому перейдемъ прямо къ грозной годинѣ, о которой въ указанной статьѣ ничего не сказано, хотя этотъ эпизодъ представляетъ послѣдній, величайшій подвигъ Ришелье въ Одессѣ и всего краснорѣчивѣе характеризуетъ, какъ его самого, такъ и его общественно-административную дѣятельность.

II.

Въ началѣ августа 1812 года начала проявляться въ Одессѣ большая смертность, но на это обстоятельство не было обращено серьезнаго вниманія, и только когда 15-го числа умерли въ театраль-

---

[1]) Le duc de Richelieu en Russie et en France, par Leon de Crousaz-Cretet. Paris. 1897. Preface, p. V—VII.

[2]) Герцогъ Э. Ришелье, ст. П. П. «Истор. Вѣстн.» 1897 г., августъ.

номъ домѣ три актрисы, которыя купили, какъ оказалось, привезенныя изъ Турціи шали, то установлено было докторами, что въ городъ занесена чума [1]). Ришелье былъ въ это время въ Крыму, такъ какъ, состоя вмѣстѣ одесскимъ градоначальникомъ, херсонскимъ военнымъ губернаторомъ, управляющимъ гражданской частью въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ и начальникомъ войскъ крымской инспекціи, а слѣдовательно правителемъ всей Новороссіи, онъ часто разъѣзжалъ по ввѣренному ему обширному краю. Онъ немедленно вернулся въ Одессу и, убѣдившись послѣ основательнаго медицинскаго изслѣдованія, что дѣйствительно имѣлъ дѣло съ чумной эпидеміей, приступилъ смѣло и энергично къ борьбѣ съ нею. Прежде всего онъ раздѣлилъ городъ на 12 участковъ, подчинивъ каждый достойному довѣрія мѣстному жителю, при содѣйствіи доктора. Эти двѣнадцать комиссаровъ, комендантъ, полицеймейстеръ, доктора и нѣсколько высшихъ чиновниковъ составили подъ предсѣдательствомъ герцога комитетъ, который завѣдывалъ всѣми дѣлами. Сначала удовольствовались установленіемъ карантинной линіи съ одной стороны на Бугѣ, а съ другой на Днѣстрѣ, такъ что городъ съ окрестностями былъ оцѣпленъ на сто верстъ, и уничтожена возможность распространенія эпидеміи въ остальную Россію. Что же касается до внутренныхъ мѣръ, то Ришелье боялся сразу пресѣчь всѣ гражданскія, семейныя и частныя отношенія между 40,000 жителей, а потому сталъ дѣйствовать осторожно и постепенно, надѣясь и безъ крайнихъ мѣръ справиться съ грознымъ врагомъ. Всѣ отросли общественной жизни были подвергнуты строгому надзору, всѣ публичныя учрежденія, не отвѣчавшія первымъ необходимостямъ, были закрыты, институты женской и мужской подвергнуты карантину, была организована особая больница для чумныхъ, а больнымъ со средствами дозволяли оставаться дома, но подвергали ихъ карантину. Каждый комиссаръ обходилъ два раза въ день свой участокъ и докладывалъ о результатахъ комитету, собиравшемуся каждое утро на одной изъ городскихъ площадей, подъ чистымъ небомъ. Хотя всѣ сношенія между жителями не были прекращены, но дозволялось выходить изъ домовъ только по билетамъ отъ комитета, и всякій встрѣченный на улицѣ обыватель безъ билета подвергался наказанію, а жителямъ окрестныхъ селеній разрѣшали привозить въ городъ съѣстные припасы только на одинъ рынокъ, поставленный подъ присмотръ особыхъ комиссаровъ. Небольшой гарнизонъ Одессы былъ запертъ въ казармы; 300 казаковъ, на которыхъ была возложена полицейская служба, поставлены бивакомъ внѣ городской черты. На особую продовольственную комиссію была возложена герцогомъ обязанность сдѣлать на общественныя суммы громадные запасы продовольствія, чтобъ уничтожить могущую раз-

[1]) Чума, П. Діатроптова, стр. 7.

виться среди купцовъ монополію, и въ случаѣ надобности доставить жителямъ пищу. Тѣ же санитарныя мѣры принимались въ окрестныхъ деревняхъ. Въ карантинахъ на Бугѣ, Днѣстрѣ и по соединительной между ними линіи поддерживали самый строгій надзоръ, такъ что всякій желавшій выѣхать изъ Одессы долженъ былъ провести 40 дней въ карантинѣ, а жизнь въ степи безъ всякихъ удобствъ и затрудненія при полученіи паспортовъ сильно ограничивали число бѣглецовъ. При этомъ странный фактъ, что зараза не проникала въ морской карантинъ и въ портъ, гдѣ однако стояли корабли съ 1,500 матросами, среди которыхъ не было ни одного случая заболѣванія, какъ бы указывалъ на то, что эпидемія занесена сухимъ путемъ и отнимала желаніе у одесситовъ искать спасенія внѣ предѣловъ города [1].

О всѣхъ принятыхъ мѣрахъ Ришелье увѣдомлялъ императора. Такъ 31-го августа онъ писалъ: «Я обязанъ сообщить вашему величеству, что въ Одессѣ показалась заразная болѣзнь, грозящая значительной опасностью, и уже тридцать человѣкъ сдѣлались ея жертвами. Прилагаю при семъ сдѣланное совѣтомъ докторовъ, описаніе этой болѣзни и докладъ о принятыхъ мѣрахъ. Невозможно отгадать, откуда занесена зараза, такъ какъ всѣ матросы, пришедшіе моремъ изъ Константинополя, совершенно здоровы, однако каковы бы ни были ея причины, ужасно въ такихъ обстоятельствахъ, какъ тѣ, которыя теперь печалятъ сердце вашего величества, сообщать вамъ такія тревожныя вѣсти; хотя я надѣюсь справиться съ эпидеміей, но все-таки не могу не довести о ней до вашего свѣдѣнія» [2]. Спустя два мѣсяца, онъ также откровенно сознавался, что, несмотря на всѣ принятыя мѣры, зло росло въ ужасающихъ размѣрахъ. «Прилагаемый докладъ, говоритъ онъ въ донесеніи императору отъ 20-го октября, покажетъ вашему величеству, въ какомъ мы находимся печальномъ положеніи, и, что эпидемія усиливается. Мы дѣлаемъ все, что можемъ, не жалѣемъ усилій и приняли всевозможныя мѣры, но видя, какъ мало мы достигаемъ успѣха, я теперь рѣшился на крайнее средство, именно подвергнуть карантину всѣ дома и снабжать пищей жителей чрезъ особыхъ комиссаровъ, выбранныхъ среди достойнѣйшихъ обывателей. Если будетъ возможно строго примѣнить эту мѣру, что покажетъ опытъ, то, надо надѣяться, полное изолированіе заразы прекратитъ ея распространеніе. Надо также ожидать пользы и отъ наступающей зимы, которая можетъ ослабить болѣзнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ она грозитъ городу новыми бѣдами, такъ какъ окрестныя селенія отказываются доставлять дрова, и будетъ недостатокъ топлива. Я долженъ признаться вашему величеству, что для предупрежденія грозящихъ золъ я вынужденъ былъ взять

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. 54 т., стр. 53—56. Notice sur onze années de la vie du duc de Richelieu à Odessa, par Ch. Sicard.

[2]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, 54 т., стр. 345.

суммы, находящіяся въ банкѣ и другихъ мѣстахъ, съ цѣлью раздачи въ видѣ ссудъ несчастнымъ, для учиненія ими коё-какихъ запасовъ. Число этихъ несчастныхъ громадно: всѣ, которые жили ручнымъ трудомъ, дошли до крайней нищеты, и я не могъ не оказать имъ помощи, конечно, какъ можно экономнѣе. Я слишкомъ хорошо знаю сердце вашего величества, чтобы бояться осужденія. Со временемъ, если мы по счастью отдѣлаемся отъ этого бича, можно будетъ постепенно возвратить взятыя суммы. Эпидемія открылась и въ нѣкоторыхъ окрестныхъ деревняхъ, гдѣ она унесла порядочное число жертвъ; приняты мѣры къ тому, чтобы зло не распространялось, но невозможно отвѣчать за ихъ успѣхъ, такъ какъ нельзя полагаться на поселянъ. На каждомъ шагу я вижу, какъ трудно убѣдить ихъ въ принятіи предосторожностей; но лучше всего предоставить каждой деревнѣ охранять себя, не дозволяя никому входить въ нее, или уходить изъ нея. Мнѣ очень тяжело доносить вашему величеству о такомъ плачевномъ положеніи дѣлъ; и мнѣ излишне выражать свои чувства; вы сами ихъ поймете. Я призываю себѣ на помощь все свое мужество для борьбы съ столькими бѣдствіями» [1]).

Однако Ришелье медлилъ еще мѣсяцъ, не рѣшаясь на крайнія мѣры, столь стѣснительныя для города и жителей, о благѣ которыхъ онъ такъ долго заботился. Наконецъ, въ виду все усиливавшейся эпидеміи, онъ 22 ноября установилъ общій и полный карантинъ. Присутственныя мѣста, биржа, лавки, театры, бани, трактиры рынки, школы, церкви были закрыты; всѣ уплаты и сдѣлки по кантрактамъ и обязательствамъ отсрочены; обывателямъ строго воспрещено не только выходить изъ домовъ, но даже показываться на порогѣ своихъ жилищъ. Комиссары два раза въ недѣлю разносили по домамъ съѣстные припасы, для имущихъ по сходной цѣнѣ, а для бѣдныхъ, т. е. для большинства населенія, даромъ; кромѣ того, они, отличаясь удивительной гуманностью, брали на себя доставку писемъ и покупку необходимыхъ предметовъ, даже сладостей, игрушекъ для дѣтей и т. д. На случай пожара былъ сформированъ особый отрядъ добровольцевъ въ 200 человѣкъ. При заболѣваніи чумой каждый паціентъ тотчасъ отправлялся въ больницу, а жильцы зараженнаго дома подвергались самому строгому изолированію. Городъ принялъ мрачный, пустынный видъ; на улицахъ мѣстами горѣли костры, для очистки воздуха, и виднѣлись лишь патрули и телѣги съ черными флагами, означавшими мертвецовъ, или съ красными, прикрывавшими больныхъ. Наиболѣе страдалъ рабочій кварталъ города, а потому уцѣлѣвшіе его жители были выведены въ большіе сараи, построенные на окрестныхъ высотахъ [2]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 347.

[2]) Castelnau. Essai sur l'histoire de la Nouvelle Russie, t. III, p. 317 et suivantes.

Самъ Ришелье не зналъ ни усталости, ни покоя. Вмѣстѣ съ своими друзьями, аббатомъ Николемъ и Россетомъ, онъ съ утра, въ покрытой смолой одеждѣ, обходилъ зараженныя мѣстности, наблюдая за доставленіемъ продовольствія жителямъ и за тѣмъ, что дѣлалось въ больницахъ; вечеромъ онъ возвращался домой, купался въ морѣ, перемѣнялъ одежду и лично присутствовалъ при погребеніи умершихъ[1]). «Гдѣ только свирѣпствовала зараза,—говоритъ Скальковскій,— и дѣлалась опасность, гдѣ только жители падали духомъ отъ тяжкихъ потерей или бѣдности, здѣсь Ришелье, какъ ангелъ хранитель, спѣшилъ съ пособіемъ, утѣшеніемъ или словомъ надежды и всегда своимъ присутствіемъ возстановлялъ тишину и порядокъ. Онъ не только днемъ, но и ночью въ самую ненастную погоду посѣщалъ самыя опасныя мѣстности, не думая о своей безопасности» [2]). Хотя по необходимости онъ принималъ строгія мѣры для того, чтобъ точно исполнялись всѣ предосторожности, но его доброе сердце обливалось слезами при видѣ всѣхъ несчастій, и однажды, войдя во дворъ дома одного изъ комиссаровъ, онъ сѣлъ на камень и сказалъ: «Ахъ, это мнѣ не по силамъ, мое сердце надрывается при мысли, что я долженъ дѣлать пустынными тѣ самыя улицы, которыя я въ теченіе десяти лѣтъ старался населить и оживить» [3]).

Аббатъ Фраппацъ разсказываетъ въ своей біографіи друга Ришелье, аббата Николя, бывшаго директоромъ одного изъ учебныхъ заведеній Одессы, а впослѣдствіи ректоромъ Парижской академіи, какъ герцогъ во всякое время дня и ночи являлся въ больницы, ухаживалъ за чумными, утѣшалъ умирающихъ, бралъ на свое попеченіе сиротъ, а потомъ отправлялся собственноручно рыть могилы и хоронить покойниковъ. Однажды онъ вмѣстѣ съ аббатомъ Николемъ проходилъ мимо дома умирающей женщины; она подползла къ двери и, указывая на младенца, котораго держала въ рукахъ, умоляла взять его на попеченіе. Ришелье обѣщалъ помѣстить ребенка въ пріютъ, и несчастная умерла со словами на устахъ: «Слава Богу, я теперь спокойна» [4]). Конечно, примѣръ начальника благотворно дѣйствовалъ не только на его помощниковъ, но и на всѣхъ жителей. Такъ одинъ изъ санитарныхъ врачей, въ докладѣ, представленномъ Ришелье 28 декабря о своихъ дѣйствіяхъ въ окрестностяхъ города, гдѣ эпидемія не менѣе свирѣпствовала, и паника среди поселянъ достигала крайнихъ размѣровъ, передаетъ трогательный случай самоотверженія простого крестьянина. Въ одной деревнѣ заперли чумнаго въ его хижинѣ, и онъ умеръ тамъ вмѣстѣ съ женой; докторъ поспѣшилъ на мѣсто, приказалъ вытащить одинъ изъ тру-

---

[1]) Les francais en Russie, par Pingaud, p. 353.
[2]) Первое тридцатипятилѣтіе города Одессы, А. Скальковскаго, стр. 204.
[3]) Тамъ же, стр. 204.
[4]) Vie de l'abbé Nicole, par l'abbé Frappaz.

повъ длинными желѣзными крюками и убѣдившись, что смерть произошла отъ чумы, распорядился сжечь домъ, но прежде этого онъ заглянулъ въ окно и увидалъ, къ своему удивленію, что на кровати, рядомъ съ умершей матерью, сидитъ двухлѣтній ребенокъ, повидимому, здоровый, но на взглядъ умиравшій съ голода. Оставить ребенка было безчеловѣчно, но кто рѣшится войти въ хижину и взять его? Докторъ уже хотѣлъ приказать осторожно срубить стѣну, къ которой была прислонена кровать и достать ребенка съ помощью веревки, но неожиданно одинъ изъ поселянъ сказалъ: «Я пойду и принесу ребенка».—«Ты знаешь, что его родители умерли отъ чумы,—отвѣчалъ докторъ,—ты знаешь, какой ты подвергаешься опасности».—«Я не вѣрю, чтобъ они умерли отъ заразы»,—возразилъ крестьянинъ.—«Я въ этомъ ручаюсь,—продолжалъ докторъ:—и если ты войдешь въ этотъ домъ, то я подвергну тебя карантину».—«Все равно, я хочу спасти ребенка!»—воскликнулъ крестьянинъ.—«Если ты на это рѣшился, то я тебѣ дамъ 25 р.»,—сказалъ докторъ, и приказалъ ему надѣть перчатки, а также вымазать лицо масломъ. Герой бросился въ хижину и вынесъ маленькую дѣвочку, которая оказалась совершенно здоровой, и хотя ее вмѣстѣ съ ея спасителемъ подвергли карантину, она осталась невредимой, а если поселянинъ и заразился чумой, то его однако удались вылѣчить [1]).

Первый результатъ общаго карантина былъ, какъ и слѣдовало ожидать, неутѣшительный: случаи заболѣванія умножились, такъ какъ пришлось ослабить надзоръ для того, чтобъ жители могли запастись всѣмъ нужнымъ до совершеннаго заточенія въ своихъ домахъ. Но на двѣнадцатый день прекратилось распространеніе эпидеміи на новыя мѣстности, а благодаря строгимъ мѣрамъ очищенія, прокуриванія, выжиганія и т. д., на шестьдесятъ шестой день общій карантинъ былъ отмѣненъ. 15-го же февраля 1813 г. Одесса была объявлена благополучной. «Вы можете себѣ представить, что я перестрадалъ,— писалъ Ришелье своему родственнику графу Рошшуару отъ 21 февраля:—по счастью, эпидемія вездѣ прекратилась, и въ виду принятыхъ мѣръ я надѣюсь, что она не возобновится. Изъ населенія въ 36,000 душъ Одесса потеряла 2660 человѣкъ, въ томъ числѣ солдатъ и арестантовъ. Въ другихъ ввѣренныхъ мнѣ мѣстностяхъ умерло 1087 въ городахъ и 987 въ деревняхъ. Я еще не знаю, сколько погибло въ Каффѣ (Ѳеодосіи), но не болѣе 800» [2]). Тѣ же цифры сообщилъ герцогъ императору въ донесеніи отъ февраля мѣсяца, безъ помѣты числа, и въ этомъ донесеніи онъ прибавляетъ: «По милости Провидѣнія мы дожили до конца нашихъ бѣдствій; въ городѣ нѣтъ ни одного случая заболѣванія уже шесть недѣль; все спокойно, подозрительные дома и общественныя зданія дезинфектированы по но-

---

[1]) Сборникъ И. Р. Ист. общ., 54 томъ, стр. 351.

[2]) Souvenirs du comte de Rochechouart, p. 208.

вѣйшимъ химическимъ способамъ. Награды, обѣщанныя за обнаруженіе скрытыхъ вещей, имѣли прекрасный результатъ, и множество вещей, которыя могли возобновить заразу, сожжены. Согласно всѣмъ расчетамъ человѣческой предосторожности чума должна считаться уничтоженной, и я прямо не знаю, что можно было еще сдѣлать съ цѣлью ея истребленія» [1]. Но какъ отъ Рошшуара, такъ и отъ государя, прямой, искренній Ришелье не скрылъ, что причиной окончившагося, по его мнѣнію, бича было непростительное невѣжество докторовъ, которые дозволили существовать чумѣ въ Одессѣ съ первыхъ дней іюля, не подозрѣвая ея присутствія, но онъ прибавляетъ въ первомъ письмѣ: «Я приму мѣры, чтобъ это болѣе никогда не повторилось» [2].

III.

Несмотря на всѣ надежды, Ришелье еще долго пришлось бороться съ послѣдствіями побѣжденнаго имъ общественнаго бича, и эти роковыя послѣдствія приняли двоякую форму: физическую и административную. Съ физической онъ скоро справился: она выразилась въ двухъ вспышкахъ эпидеміи—въ самой Одессѣ и въ Елизаветградѣ. Первый случай произошелъ въ маѣ мѣсяцѣ: въ Балтѣ, внѣ границъ ввѣреннаго ему края, открылась зараза, и 400 евреевъ бѣжали оттуда въ Одессу, гдѣ произвели панику. Герцогъ немедленно приказалъ удалить евреевъ изъ города и расположилъ ихъ лагеремъ, который былъ окруженъ карантинной цѣпью. Среди нихъ произошло нѣсколько заболѣваній, и одинъ еврей умеръ, но въ городѣ отдѣлались страхомъ, хотя пришлось на время возобновить карантинныя строгости. Въ іюлѣ пришло извѣстіе изъ Елизаветграда, что тамъ чума; Ришелье поспѣшилъ туда и о результатахъ своихъ энергичныхъ мѣръ писалъ графу Рошшуару: «По счастью, я остановилъ эпидемію въ зародышѣ; я теперь мастеръ по части чумы; опытъ развилъ во мнѣ талантъ къ борьбѣ съ нею; это все-таки хорошенькій талантикъ» (un joli talent de société) [3]. Но если онъ уже посмѣивался надъ своимъ побѣжденнымъ врагомъ, то совершенно иначе отзывался объ административныхъ послѣдствіяхъ чумы, которыя онъ считалъ болѣе опасными и гибельными для края, чѣмъ самая чума. Дѣло заключалось въ томъ, что Ришелье, самому просвѣщенному администратору, врагу всякой чиновничьей рутины, постоянно твердившему: «поменьше регламентаціи», предоставлявшему обывателямъ наивозможно большую свободу въ торговлѣ, трудѣ, частной жизни и т. д., пришлось имѣть дѣло съ княземъ Куракинымъ, который былъ

[1] Сборникъ И. Р. Ист. общ., 54 томъ, стр. 367—368.
[2] Souvenirs de comte de Rochechouart, p. 208.
[3] Etudes diplomatiques et littéraires, par Saint-Priest, pp. 380.

назначенъ какимъ-то верховнымъ санитаромъ и видѣлъ единственное спасеніе въ инструкціяхъ, ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ; чума давно уже кончилась, а онъ все сохранялъ и даже создавалъ новые карантины, подвергая разоренію и то уже опустошенную бѣдствіями страну, такъ что его прозвали, по словамъ Сенъ-При, княземъ чумы [1]). Герцогъ всячески боролся съ его нелѣпыми распоряженіями и корыстными подчиненными, которые, пользуясь неумѣлостью князя, тайно обдѣлывали свои грязныя дѣлишки. 3 мая 1813 г. онъ писалъ самому князю Куракину: «уже четыре мѣсяца чума всюду прекратилась, и два мѣсяца тому назадъ произведена мною полная дезинфекція, а потому не къ чему дожидаться еще какой-то окончательной чистки и покуда разорять страну». По его словамъ, еслибъ остались гдѣ нибудь зародыши эпидеміи, то они должны были проявиться весной и на Пасхѣ, а онъ самъ, Ришелье, христосовался съ двумя стами лицъ всякаго сословія, и въ Одессѣ открыты церкви, театры и всѣ общественныя мѣста, а все-таки нѣтъ и слѣда болѣзни. Въ виду этого, а главное въ виду несчастнаго положенія горожанъ и поселянъ, онъ умолялъ князя снять всѣ карантинные кордоны и возстановить свободныя отношенія между всѣми мѣстностями столь много пострадавшаго края. «Прошу васъ, князь,—прибавляетъ онъ,—пожалѣть бѣдныхъ жителей, но если, по несчастью, вы не обратите вниманія на мои слова, то умоляю васъ избавьте меня отъ всякаго участья въ принятіи мѣръ, которыя я теперь считаю болѣе гибельными, чѣмъ чума [2]), унесшая въ могилу 3600 человѣкъ въ Херсонской губерніи и 1500 въ Крыму, тогда какъ ваши мѣры могутъ разорить обѣ губерніи на 10 лѣтъ». Эту борьбу съ новымъ худшимъ врагомъ, чѣмъ эпидемія, благородный дюкъ Эмануилъ Осиповичъ велъ съ такимъ пламеннымъ одушевленіемъ, что писалъ 7 мая своему другу, подольскому губернатору: «Я отправилъ очень сильное письмо кн. Куракину, и если онъ не исполнитъ моей просьбы, то я обнародую это письмо, чтобъ меня не считали причастнымъ къ мѣрамъ, которыя я считаю болѣе разорительными для края, чѣмъ четыре чумы, въ родѣ той, которую мы пережили. Вашъ разсказъ о такъ называемой чумѣ въ Званеѣ былъ бы уморителенъ, еслибъ не хотѣлось плакать при мысли, какимъ бѣдствіямъ подвергаютъ несчастную страну подобные господа. Одного изъ нихъ князь послалъ на Бугъ начальникомъ карантиннаго кордона, и онъ потребовалъ 1200 солдатъ, въ томъ числѣ 800 конныхъ, когда чумы тамъ нѣтъ уже пять мѣсяцевъ. Я полагаю, прости Господи, что они были бы очень рады, еслибъ чума вернулась и дала имъ возможность покуражиться. Я бы желалъ, чтобъ князь дозволилъ пріѣздъ сюда всѣмъ изъ вашей губерніи, а то онъ выдаетъ особыя разрѣшенія, надъ

---

[1]) Etudes diplomatiques et littéraires, par A. de Saint-Priest, pp. 380—381.

[2]) Сборникъ И. Р. Ист. Общества, 54 томъ, стр. 371—373.

которыми здѣсь смѣются, называя ихъ плакатами. Надо надѣяться, что Господь освободитъ насъ вскорѣ отъ всего этого, какъ онъ освободилъ насъ отъ чумы, прежде чѣмъ въ дѣло вмѣшались посторонніе».

Однако, Ришелье пришлось ждать этого освобожденія болѣе года, и только 14-го августа 1814 года были окончательно сняты карантинные кордоны, со всѣми ихъ стѣсненіями и непріятностями, а 26-го сентября онъ уѣхалъ навсегда изъ Одессы, получивъ отъ императора Александра давно испрашиваемое разрѣшеніе прекратить службу Россіи и вернуться на свою старую родину—Францію, гдѣ вошелъ на престолъ Людовикъ XVIII, котораго Ришелье, какъ ярый легитимистъ, считалъ своимъ законнымъ королемъ. «День отъѣзда герцога,—пишетъ одинъ современникъ:—былъ днемъ траура для Одессы; большая часть населенія провожала его за городъ, посылая ему благословенія, и болѣе 200 человѣкъ слѣдовало за нимъ до первой почтовой станціи, гдѣ приготовленъ былъ прощальный обѣдъ. Герцогъ былъ растроганъ и печаленъ, какъ и всѣ провожавшіе его. Пошли сердечныя изліянія; подняли бокалы за благополучное путешествіе и возвращеніе. Крики «ура» оглашали степь; но скоро они были заглушены рыданіями; чувство печали взяло верхъ, и всѣ кинулись, такъ сказать—на герцога, собравшагося сѣсть въ экипажъ; его стали обнимать, цѣловать ему руки, края его одежды; онъ былъ окруженъ толпой, и самъ залился слезами. «Друзья мои, пощадите меня, избавьте меня отъ этой сцены»,—сказалъ онъ; нѣсколько друзей понесли его къ экипажу. Онъ уѣхалъ, и одесситы болѣе не видали человѣка, котораго справедливо цѣнили, любили и уважали».

Такъ простился Ришелье съ Одессой. Онъ переселился во Францію и оказалъ въ качествѣ перваго министра своей старой родинѣ щеѳ бо̀льшія услуги, чѣмъ новой, а Одесса не разъ съ сожалѣніемъ вспоминала о немъ, въ особенности въ 1829 году и въ 1837 году, когда снова посѣтила ее чума. Впрочемъ эти обѣ эпидеміи были слабѣе; первая не вышла изъ предѣловъ морского карантина и унесла 219 жертвъ, а вторая и послѣдняя чума въ Россіи, если не считать вѣтлянской заразы 1878 года, продолжалась недолго и стоила городу 108 человѣческихъ жизней.

В. Тимирязевъ.

ИДЕАЛИЗАЦІЯ ВИЗАНТІИ.

ЕДАВНО вышла въ свѣтъ диссертація приватъ-доцента Грибовскаго: «Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ». Книга эта очень интересна, какъ первая попытка освѣтить политическій бытъ Восточной имперіи, но во многихъ отношеніяхъ попытка эта должна быть признана не совсѣмъ удачною, не достигающею намѣченной цѣли. Нѣкоторые пріемы изслѣдованія, выводы и положенія молодого историка никакъ нельзя назвать научными. Съ первыхъ же страницъ диссертаціи читателя поражаетъ, напримѣръ, слишкомъ рѣзкое противопоставленіе міра римскаго и греческаго. Романизмъ, по характеристикѣ г. Грибовскаго, представляется олицетвореніемъ грубаго насилія, жестокости и деспотизма, эллинизмъ же рисуется живымъ воплощеніемъ гуманности, добра, любви, красоты, идеальной справедливости, полной свободы личности, автономіи общинъ и т. д. Римлянъ и эллиновъ авторъ дѣлитъ такъ же рѣзко, какъ нѣкогда дѣлили эллиновъ и іудеевъ. Всякій фактъ насилія онъ объясняетъ вліяніемъ романскаго элемента, всякій высокій порывъ относитъ на счетъ эллинскихъ тенденцій.

Такую почти геометрическую прямолинейность классификаціи трудно признать строго научною и не зависящею отъ субъективныхъ симпатій молодого изслѣдователя. Соціологія—не математика, жизнь живаго общественнаго организма не знаетъ прямыхъ линій и рѣзкихъ дѣленій. Всѣ мы люди, слѣдовательно всѣ мы звѣри и насильники. Первобытнаго двуногаго звѣря homo дѣлаетъ человѣкомъ только медленная культура тысячелѣтій. Эллины были болѣе

гуманны, потому что были болѣе культурны, тогда какъ римляне и на вершинѣ своего могущества и въ позорѣ упадка оставались скорѣе пріобщенными къ цивилизаціи варварами, чѣмъ дѣйствительно цивилизованными людьми. Въ византійскую эпоху въ каждомъ эллинѣ были остатки варвара-римлянина, въ каждомъ римлянинѣ были зародыши цивилизованнаго эллина. Вѣчныя междоусобныя войны греческихъ городовъ изъ-за гегемоніи и господства другъ надъ другомъ, наконецъ институтъ рабства и право завоеванія—развѣ это не доказываетъ, что исторической стихіей и греческаго міра было то же насиліе, что и греческая цивилизація родилась изъ того же первобытнаго варварства? Наконецъ, куда спрятать Спарту—этотъ греческій Римъ, этотъ городъ, воплотившій во всемъ своемъ строѣ идею силы и стремленіе къ военному могуществу? Если тѣмъ не менѣе политическій идеалъ Византіи былъ несомнѣнно выше идеала римскаго государства, то объясненіе этому надо искать, кромѣ указаній на высшую культурность Греціи, главнымъ образомъ во вліянія новаго фактора исторіи—христіанства. Византія основана императоромъ-христіаниномъ, и его подданные тоже были христіанами—такъ мудрено ли, что они не смотрѣли уже на своего императора, какъ на земнаго Бога, по примѣру римлянъ, но считали его рабомъ Божіимъ, слугою народа, отвѣтственнымъ за свои дѣянія передъ Царемъ Царей? Они не могли, какъ язычники-римляне, воздавать императору божескія почести, преклонять колѣна передъ его статуями, уже по одному тому, что онъ самъ вмѣстѣ съ ними преклонялъ колѣна передъ инымъ алтаремъ.

Изъ христіанскаго пониманія идеи монарха, какъ идеально-справедливаго правителя народа и служителя его, сами собою логически вытекали особыя отношенія византійскаго народа къ своимъ правителямъ. Покорность византійцевъ была требовательной. Народъ сознавалъ за собою «право быть хорошо управляемымъ» и противъ худого правленія протестовалъ возстаніемъ и даже казнью правителей. Постепенно онъ завоевалъ себѣ право назначать и свергать своихъ монарховъ, но, получивъ власть надъ царями, ничего не могъ выдумать, кромѣ царей. Сочетаніе фактическаго народовластія съ христіанскимъ монархизмомъ сдѣлало изъ Византіи смѣшанный половинчатый типъ какой-то «вѣчевой монархіи, республики безъ представительства и безъ народнаго собранія». Свергая худыхъ монарховъ, народъ назначалъ на ихъ мѣста еще худшихъ и поступать иначе не имѣлъ никакой возможности.

Политическая жизнь Византіи представляла собою картину самоуправленія безъ органовъ самоуправленія. Они знали только кличъ: идемъ на Софію!—и послѣ сверженія одного правителя и передачи власти другому расходились по домамъ. Съ такими рессурсами византійцы не могли удовлетворить своихъ собственныхъ политическихъ требованій. Для того, чтобъ выработать органы самоупра-

вленія, они должны были отказаться отъ жившаго въ народѣ идеала абсолютнаго монарха, а неорганизованное самоуправленіе неминуемо должно было выродиться въ тиранію городской черни и привести монархію къ дезорганизаціи. Именно въ этомъ противорѣчіи монархической формы, основанной на полномъ подчиненіи народа, съ фактомъ самодержавія народнаго и въ неспособности византійцевъ создать такую форму правленія, которая соотвѣтствовала бы сущности ихъ отношенія къ правительству, слѣдуетъ видѣть одну изъ причинъ смерти и гибели Византійскаго государства, гибель котораго вообще въ изложеніи г. Грибовскаго является не разрѣшимой загадкой. Смерть Византіи онъ пытается объяснить культурнымъ вліяніемъ римскаго западничества, борьба съ которымъ и самая побѣда надъ которымъ истощила жизненныя и творческія силы византійцевъ. Но это туманное и фигуральное объясненіе никого не удовлетворяетъ, и при краснорѣчивыхъ описаніяхъ идеальныхъ гражданскихъ основъ византійскаго государственнаго строя, такихъ, повидимому, прочныхъ, такихъ здоровыхъ и нормальныхъ, читатель все время мучится вопросомъ: да отчего же, въ самомъ дѣлѣ, рухнуло такъ хорошо и прочно построенное зданіе? Такъ какъ разсматриваемая диссертація, повидимому, только начало обширной работы молодого ученаго, то желательно было бы, чтобы въ своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ онъ освѣтилъ этотъ центральный вопросъ, раскрылъ бы законъ жизни и смерти Византіи. Возникновеніе, развитіе и разрушеніе государствъ имѣетъ свои причины, свою логику и послѣдовательность. Нужно только отыскать ихъ, уловить связь событій, опредѣлить ее, уловить ее, опредѣлить законы роста и распада. Это—работа соціологовъ будущаго. Въ наше время, при современномъ состояніи науки, можно только сдѣлать нѣсколько робкихъ догадокъ, нѣсколько скромныхъ гипотезъ не болѣе. Одну изъ такихъ соціологическихъ догадокъ позволимъ себѣ высказать и мы. Прежде всего, мы полагаемъ, что къ государствамъ долженъ быть примѣненъ общебіологическій законъ борьбы за существованіе. Они ростутъ путемъ борьбы и завоеваній, живутъ этою борьбою и рушатся отъ этихъ же завоеваній. Какъ при столкновеніи двухъ камней остается цѣлымъ тотъ, который былъ крѣпче, разсыпается на мелкія части тотъ, въ которомъ сцѣпленіе частицъ было слабѣе, также точно и при столкновеніи государствъ оказывается сильнѣе то, въ которомъ единеніе гражданъ больше, которое заслуживаетъ болѣе приверженности со стороны своихъ подданныхъ, а такъ какъ приверженность ихъ возростаетъ въ зависимости отъ того, что даетъ имъ управленіе верховной власти, то слѣдовательно въ концѣ концовъ прочность государствъ опредѣляется степенью благополучія гражданъ. Живымъ подтвержденіемъ этого служитъ хотя бы, напримѣръ, отпаденіе отъ Византіи гонимыхъ сектъ павликіанъ и массовый переходъ ихъ въ подданство турец-

кихъ султановъ. Византія отказывала имъ въ ихъ священнѣйшихъ интересахъ, въ правѣ исповѣдывать своего Бога, и они отказались отъ подданства ей. Какими же солдатами, какими защитниками государства могли бы они быть, если это государство только гонитъ ихъ, не даетъ имъ ничего, кромѣ преслѣдованій, и ничѣмъ не заслуживаетъ ихъ любви и преданности. Здѣсь мы сталкиваемся съ вопросомъ: что такое государство? Г. Грибовскій отвѣчаетъ: это система равновѣсія борющихся групповыхъ интересовъ — и съ этой точки зрѣнія добрую половину книги посвящаетъ изложенію борьбы между двумя главенствующими партіями Византіи: западниками—иконопоклонниками, и народниками—иконоборцами. Исторію Византіи онъ почти отождествилъ съ исторіей церковныхъ партій. Вслѣдствіе этой же односторонности опредѣленія государства онъ изолировалъ Византію отъ внѣшней среды, отъ разрушительнаго воздѣйствія новыхъ европейскихъ государствъ, сосредоточивъ все вниманіе на борьбѣ эллинизма и романизма въ ея внутренней жизни. Но на полѣ историческаго изслѣдованія съ возникновеніемъ новыхъ европейскихъ и азіатскихъ государствъ, съ особой культурой, съ особымъ государственнымъ строемъ, оказавшихся болѣе прочными, чѣмъ Византія, и потому поглотившихъ ее,—старые счеты между эллинизмомъ и романизмомъ утратили уже свое прежнее жизненное значеніе. Это была уже борьба за существованіе двухъ умирающихъ отъ старости и маразма культуръ. Судьба Византіи рѣшалась уже не ими, но вторженіемъ новыхъ общественныхъ силъ, новыхъ государственныхъ организацій, одновременно сложившихся на сѣверо-западѣ и на востокѣ Византіи. Такая ошибка въ планѣ историческаго изслѣдованія, котораго держался г. Грибовскій, логически вытекла изъ его опредѣленія государства. Разъ государство понимается, какъ моментъ равновѣсія групповыхъ интересовъ, то историку не остается ничего иного дѣлать, какъ слѣдить шагъ за шагомъ за борьбою внутреннихъ партій и группъ. Но вѣрно ли это опредѣленіе? Такое равновѣсіе всегда есть или, если хотите, его никогда нѣтъ, потому что одна изъ борющихся сторонъ беретъ верхъ надъ другою, и система равновѣсія борющихся интересовъ превращается такимъ образомъ въ систему угнетенія и подавленія однихъ интересовъ другими. И вѣчная борьба элементовъ и временное «замираніе» ихъ, какъ выражается г. Грибовскій, есть во всякомъ государствѣ, но не они составляютъ сущность государства. Онъ случайное и второстепенное принялъ за главное и основное. Какъ это ни странно, у насъ есть исторія государствъ, есть наука о государствѣ, есть теоріи государственнаго права, все, что хотите, нѣтъ только твердаго и общепризнаннаго опредѣленія основнаго понятія о государствѣ. Основатель школы экономическаго матеріализма опредѣлилъ государство, какъ «организацію классоваго господства», и почти всѣ его послѣдователи понимаютъ государство, какъ орга-

низацію насилія. Я бы ничего не имѣлъ противъ такого опредѣленія, еслибъ самъ Марксъ и его послѣдователи не сулили въ будущемъ образованія такого идеально-справедливаго государственнаго строя, который не имѣетъ ничего общаго съ классовымъ господствомъ. Будущій строй не будетъ ни насиліемъ, ни разбоемъ, а все же будетъ государственнымъ строемъ. Слѣдовательно насиліе и классовое господство—не основной признакъ всякаго государства, слѣдовательно Марксовское опредѣленіе государства не точно, потому что не охватываетъ всѣхъ случаевъ; нужна формула болѣе общая, болѣе широкая. Я понимаю государство, не какъ организацію классоваго господства, а какъ организацію отношеній, существующихъ въ данной средѣ между всѣми членами даннаго государственнаго союза и группами ихъ, каковы бы эти отношенія ни были. Если эти отношенія основываются на господствѣ однѣхъ группъ надъ другими, тогда и государство является организаціею господства; если всѣ группы равны, тогда оно будетъ организаціею равенства. Россійское государство до 19-го февраля 1861 года было организаціею крѣпостничества, но послѣ 19-го февраля передъ нимъ возникла другая задача: организація крестьянской свободы. Съ освобожденіемъ крестьянъ классовое господство помѣщиковъ, санкціонированное до того времени государствомъ, уничтожилось, но вѣдь государство осталось, оно пережило господство помѣщика и само же отмѣнило его, слѣдовательно и отождествлять его съ этимъ господствомъ ни въ какомъ случаѣ нельзя, логически не мыслимо. Съ развитіемъ общества взаимныя отношенія группъ мѣняются, государство же остается. Съ этой точки зрѣнія опредѣленіе г. Грибовскаго, разумѣющаго подъ государствомъ моменты равновѣсія интересовъ борющихся общественныхъ группъ, шире и вѣрнѣе Марксовскаго, такъ какъ охватываетъ не одни только неподвижные экономическіе интересы, но и всякіе другіе, которыми живетъ общество, и въ то же время предусматриваетъ возможность эволюціи государства, его приспособленія къ измѣняющемуся взаимоотношенію общественныхъ классовъ и группъ. Все дѣло здѣсь именно въ эволюціи государства и общества, въ постепенномъ переходѣ того и другого къ высшимъ формамъ, въ приближеніи къ назрѣвающимъ въ сознаніи массъ идеаламъ общественнаго благоустройства. Тѣ, кто якобы отрицаютъ государство въ принципѣ, на самомъ дѣлѣ отрицаютъ только отсталыя, пережитыя обществомъ, устарѣвшія формы его; тѣ же соціалисты, исповѣдующіе формулу Маркса, въ противоположность анархистамъ, въ принципѣ не признающимъ никакого государственнаго порядка, доводятъ государственную организацію до высшей степени развитія и распространяютъ ее даже на всю экономическую жизнь, въ которой царитъ полная свобода индивидуальности. Нѣтъ сомнѣнія, что государство исторически родилось изъ насилія, но въ развитіи своемъ оно переродилось и постепенно стало развивать цѣлый рядъ

такихъ функцій, которыя ничего не имѣютъ общаго съ насиліемъ, ну, напримѣръ, назовемъ хотя бы государственное страхованіе рабочихъ, фабричное законодательство, государственную благотворительность и проч. Въ силу упомянутаго закона борьбы за существованіе, побѣдителями въ которой могли выходить только государства, прочныя своей связью съ народомъ и любовью гражданъ, росли и развивались только такіе государственные союзы, которые лучше гарантировали благоденствіе подданныхъ, полнѣе и лучше выполняли свою прогрессивную задачу. Племена человѣчества безсознательно какъ бы искали наилучшихъ, наиболѣе удобныхъ и справедливыхъ формъ государственнаго общежитія, и то племя, тотъ народъ, государственный строй и идеалъ котораго былъ выше, оказывался побѣдителемъ, а побѣжденные народы теряли свою худшую государственную организацію и становились подданными болѣе лучшаго государства. Съ точки зрѣнія историческаго прогресса сила отождествлялась съ правомъ [1]). Подъ видомъ борьбы народовъ, мечами ихъ армій въ сущности боролись различныя государственныя идеи. Византія оказалась такъ безпредѣльно слабой и безпомощной въ борьбѣ съ крестоносцами феодальной Европы именно потому, что ея государственная идея была мертва и безсильна, потому что ея государственные порядки не заслуживали преданности народной и ничего не давали народу. Тѣ формы проявленія вѣчевой монархіи, съ абсолютнымъ монархомъ, зависящимъ отъ уличной толпы, не могли гарантировать благополучія гражданъ и не соотвѣтствовали усложнившимся требованіямъ эпохи. Во-первыхъ, всѣ древнія государства были по преимуществу государствами городовъ, въ ихъ обиходъ и въ сферу главныхъ отношеній деревня, область, провинція почти и не входила равноправнымъ членомъ. Византійскіе крестьяне, колоны, были, по описанію г. Грибовскаго, безправными крѣпостными. Въ общемъ управленіи они могли играть только страдательную роль. Объ ихъ благополучіи никто не заботился. Надъ ними властвовали императоры, надъ которыми властвовала городская толпа. Въ итогѣ страною правили какія-то цирковыя партіи синихъ и зеленыхъ. Полная безправность крестьянъ заставляла ихъ бросать деревню и переселяться въ Византію въ ряды владычествующей надъ страной черни. Хотя г. Грибовскій и утверждаетъ, что насе-

[1]) Я знаю, что мнѣ могутъ возразить примѣромъ завоеванія удѣльной Руси татарами, государственная культура которыхъ была безусловно ниже нашей. Монгольское иго, подавивъ зародыши нашей самобытной политической культуры, несомнѣнно, влило въ историческую и политическую жизнь славянства много самыхъ вредныхъ и губительныхъ началъ, но оно дало и положительный результатъ, имѣло и полезныя послѣдствія: такъ сдѣлало неизбѣжнымъ объединеніе Россіи. Съ точки зрѣнія причинной связи историческихъ событій настоящимъ собирателемъ Руси былъ не Иванъ Калита, а Батый. Какъ бы ни были дики татары, они были объединены въ громадную орду, которая покорила раздѣленную удѣльную Русь силою своего единенія и тѣмъ самымъ заставила ее соединиться для того, чтобы свергнуть монгольское иго.

леніе Византіи не было похоже на деморализованный римскій народъ, требовавшій дарового хлѣба и зрѣлищъ, тѣмъ не менѣе и византійцы, оторванные отъ земли, живущіе случайными заработками съ богачей и аристократіи, постепенно должны были деморализоваться все больше и больше. Глубоко монархическая по идеаламъ, толпа эта не могла дать никакой организаціи своей власти, она создавала узаконенный хаосъ, возводила смуту въ систему управленія и въ концѣ концовъ ея хаотическая деспотія, не открывавшая никакихъ перспективъ чего нибудь здороваго и свѣтлаго въ будущемъ, должна была привести имперію къ гибели при первомъ столкновеніи съ болѣе жизнеспособнымъ противникомъ. Такимъ оказалась феодальная Европа, а потомъ имперія османовъ, о которой мы впрочемъ не будемъ говорить, такъ какъ она тоже умираетъ уже на нашихъ глазахъ. Какъ ни страшенъ съ нашей современной точки зрѣнія средневѣковый феодализмъ, все же его государственная идея была крѣпче, жизненнѣе и прогрессивнѣе византійской. Если Византія была городскою имперіею, и деревня въ ней не значила почти ничего, то въ феодальномъ строѣ наоборотъ мы имѣемъ образчикъ спеціально деревенскаго деспотическаго государства съ чрезвычайно децентрализованной государственной властью. Города возникали, но не какъ государства, а какъ маленькія составныя части и столицы государствъ, но центръ тяжести и право гражданства было уже не въ одной точкѣ міра, не въ Римѣ, въ который вели всѣ дороги, и для котораго существовалъ весь остальной міръ, а равномѣрно разсѣивалось, разливалось по всей странѣ. Было франкское королевство съ Парижемъ, съ Реймсомъ; но не было и по условіямъ новой цивилизаціи не могло возникнуть ни новаго Рима, ни новой Византіи. Деревенское государство уже самой массой равномѣрно разсѣянныхъ по всей странѣ и объединенныхъ болѣе или менѣе равноправныхъ частицъ было сильнѣе всякаго городского, и уже въ одномъ этомъ преимуществѣ былъ заключенъ смертный приговоръ Византіи. Съ другой стороны въ средневѣковой Европѣ взаимныя отношенія крестьянъ къ феодаламъ, феодаловъ къ королямъ, королей къ городамъ и городовъ къ деревнямъ, постепенно измѣнялись и по прошествіи вѣковъ путемъ всяческихъ пертурбацій привели къ тому же народовластію, но организованному на началахъ представительства, которымъ равномѣрно пользуются и города и деревни. Такимъ образомъ феодальная Европа побѣдила монархически-вѣчевую Византію, и какъ болѣе сильная, и какъ болѣе богатая грядущими перспективами дальнѣйшаго общественнаго развитія. Ея оружіе было сильнѣе, потому что ея государственная идея была выше и ея общественныя формы прогрессивнѣе. У Европы было будущее, тогда какъ за Византіей было только ея прошлое. Послѣ того, какъ ея государственная идея была изжита, ей оставалось только умереть.

И. Гофштеттеръ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Оправданіе добра. Нравственная философія Владиміра Соловьева. Спб. 1897.

ВСѢ, ДАВШІЕ до сихъ поръ отзывы о книгѣ г. Соловьева, упоминали, въ той или другой формѣ, что въ ней 700 страницъ: очевидно, авторъ ни для кого не сумѣлъ заслонить или искупить этого обстоятельства значительностью или богатствомъ содержанія. И дѣйствительно, глубокое разочарованіе ожидаетъ того, кто повѣритъ заглавію и оглавленію семисотъ страницъ и обречетъ себя на тяжелый трудъ ихъ внимательнаго чтенія. На сорока слишкомъ печатныхъ листахъ тянется безконечный фельетонъ, жеманный, запутанный, самодовольный и совершенно безсодержательный. Дарованій, силъ и знаній автора едва ли хватило бы на удовлетворительное выполненіе даже сотой доли той задачи, которую онъ себѣ поставилъ, и потому, подавленный темой, онъ не отвѣчаетъ самымъ скромнымъ требованіямъ читателя даже въ тѣхъ частяхъ книги, которыя, строго говоря, не превышали бы его силъ при ихъ добросовѣстной монографической разработкѣ.

Можно въ виду этого сказать, что семьсотъ страницъ являются точнымъ подобіемъ всей литературной дѣятельности ихъ автора. Г. Соловьевъ, видимо, до такой степени охваченъ, проникнутъ и подавленъ заимствованной имъ у И. В. Кирѣевскаго мыслью о всеединствѣ бытія, какъ верховномъ идеалѣ духовной жизни, что, съ одной стороны, не способенъ сдѣлать ни одного шага дальше своего источника, то-есть ни оригинально обогатить эту идею индивидуальнымъ, но стройнымъ и послѣдовательнымъ ея развитіемъ,

ни оформить и довести до надлежащей законченности строгою формулировкой (у Кирѣевскаго она осталась лишь наброскомъ), а съ другой стороны, нашелъ свою погибель въ чужомъ богатствѣ и на высотѣ обобщеній Кирѣевскаго счелъ себя способнымъ къ такимъ обширнымъ задачамъ, къ какимъ вовсе не былъ призванъ. Не будучи въ состояніи создать связной и стройной философской системы даже изъ чужой мысли, онъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ ограничивался неистощимымъ и совершенно безплоднымъ трихотомическимъ схематизированіемъ отвлеченныхъ понятій; не имѣя солидныхъ и основательныхъ знаній ни въ одной научной отросли, онъ считалъ себя вправѣ «судить рѣшительно и смѣло» о любой изъ нихъ и притомъ въ ея крайнихъ выводахъ и высшихъ обобщеніяхъ; и потому, въ концѣ концевъ, исходя изъ высокой, хотя и чужой, идеи, съ величайшими претензіями и задоромъ, рѣзко и вычурно высказывалъ очень поверхностныя и мелкія мысли.

Такое же несоотвѣтствіе между затѣей и выполненіемъ встрѣчается и на каждой изъ семисотъ страницъ, на которыхъ авторъ намѣревался дать систематическій анализъ нравственныхъ идеаловъ человѣчества съ точки зрѣнія истины, какъ всеединосущаго (въ такой формѣ онъ кладетъ мысль Кирѣевскаго, хотя и не указывая на свой источникъ, въ основаніе своей философіи уже въ «Критикѣ отвлеченныхъ началъ»), и, подобно Икару, на чужихъ крыльяхъ залетѣлъ слишкомъ высоко, чтобы не упасть.

Чрезвычайная легкость багажа положительныхъ знаній, обусловившая совершенно исключительную подвижность и разносторонность его мысли, не только не отвратила, но даже ускорила это паденіе. На всѣхъ семистахъ страницахъ своего назидательнаго фельетона г. Соловьевъ старается поразить читателя энциклопедической эрудиціей, по выраженію одной изъ героинь Островскаго, «не знаетъ, какъ блеснуть очаровательнѣе», но, увы, обнаруживаетъ при этомъ лишь не болѣе, какъ фельетонную ученость. Его ссылки и выписки, не исключая даже многочисленныхъ и усердныхъ комплиментовъ по адресу различныхъ журналистовъ и профессоровъ, могущихъ сочувственно заинтересоваться семьюстами страницъ, дѣлаются съ такимъ видомъ, будто высота и ширина воззрѣній автора дозволяютъ ему все обнять умомъ, все примирить, надо всѣмъ произнести окончательный приговоръ, и притомъ, по словамъ Лейбница, «почти ничего не презирать». Эта бойкая универсальность — единственный элементъ, могущій нѣсколько развлечь и вознаградить читателя семисотъ страницъ, встрѣчающаго на нихъ рядомъ или въ близкомъ сосѣдствѣ имена свв. апостоловъ, отцовъ церкви, гг. Карѣева и Михайловскаго, Гомера, Вергилія, Я. К. Грота, М. Н. Галкина-Врасскаго, преподобнаго Исаака Сиріянина, г. Мечникова, Канта, Брема, Будды, г. Дубасова и многихъ другихъ.

Но при всей своей бойкости и туманной общности выраженій, г. Соловьевъ не могъ кое-гдѣ не коснуться конкретной стороны тѣхъ вопросовъ, которые берется рѣшать въ мутной водѣ мнимо-философскихъ умствованій, и въ этихъ случаяхъ обнаружилъ такой недостатокъ знаній, который окончательно лишаетъ всякой цѣнности и вѣса его рѣшительныя обобщенія. Такъ, напримѣръ, блистая безъ всякой надобности знакомствомъ съ языками древне-еврейскимъ, греческимъ, латинскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ, а въ при-

мѣчаніи на стр. 291 даже португальскимъ, г. Соловьевъ даетъ, однако же, свои греческія цитаты или вовсе безъ знаковъ ударенія и придыханія, или съ такою ихъ разстановкою, что несомнѣнно обнаруживается его плохое знаніе не только греческаго правописанія и грамматики, но даже и греческаго алфавита. Далѣе, напримѣръ, на стр. 470, совершенно ясный латинскій текстъ опредѣленія собственности, какъ ius utendi et abutendi, то-есть право пользованія и потребленія, переводится имъ, какъ право пользованія и злоупотребленія. Это же опредѣленіе, принадлежащее средневѣковымъ юристамъ, анализируется на стр. 475, для характеристики римскаго права, которое, будто бы, измѣнило въ немъ своему индивидуализму. На стр. 613 красуется начало весьма поучительнаго разбора опредѣленія права, даннаго Іерингомъ. Знаменитый юристъ опредѣлялъ право въ субъективномъ смыслѣ, какъ юридическую обезпеченность наслажденія, какъ юридически защищенный интересъ, то-есть признавалъ, что всякое право непремѣнно есть нѣкоторый интересъ, и что только обезпеченный интересъ есть право. Къ этому онъ прибавлялъ, что подъ интересомъ должно разумѣть отнюдь не хозяйственные только интересы, «но и другія высшія блага нравственнаго свойства; личность, свобода, честь, родственная связь—блага, безъ которыхъ внѣшнія, зримыя блага не имѣли бы никакой цѣны» (Духъ римск. права, 4, 328). Г. Соловьевъ, очевидно никогда не видавшій подлинныхъ разсужденій Іеринга, подвергаетъ ихъ прелюбопытному разбору. «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что право защищаетъ интересы,—говоритъ онъ,—однако не всякіе». Но вѣдь Іерингъ признаетъ правомъ вовсе не защиту интересовъ, а самые интересы, и притомъ лишь тѣ, которые защитой обезпечены; притомъ это опредѣленіе Іерингъ примѣняетъ лишь къ понятію права въ субъективномъ смыслѣ, а г. Соловьевъ анализируетъ его мысль въ примѣненіи къ праву въ объективномъ смыслѣ. Да, впрочемъ, знакомъ ли и вообще г. Соловьевъ съ этимъ двойственнымъ расчлененіемъ понятія права, составляющимъ основу юриспруденціи? Всѣ данныя говорятъ, что вовсе не знакомъ, яснѣе всего—стр. 498, гдѣ авторъ даетъ слѣдующее безподобное опредѣленіе права «въ его отношеніи къ нравственности»: «Право есть принудительное требованіе реализаціи опредѣленнаго минимальнаго добра или порядка, не допускающаго извѣстныхъ проявленій зла». Это незнакомство автора съ критикуемыми имъ теоріями всего нагляднѣе сказалось въ томъ, что, отвергая опредѣленіе Іеринга и Н. М. Коркунова, признающаго право разграниченіемъ интересовъ, самъ г. Соловьевъ, на стр. 502, повторяетъ обоихъ названныхъ ученыхъ въ своемъ собственномъ опредѣленіи права, какъ «исторически-подвижнаго опредѣленія принудительнаго равновѣсія двухъ нравственныхъ интересовъ—личной свободы и общаго блага». Переводя эту запутанную фразу на научный языкъ, мы получимъ: право есть разграниченіе (=подвижное опредѣленіе равновѣсія) обезпеченныхъ (=принудительное равновѣсіе) интересовъ,—т. е. опредѣленіе Коркунова.

Мы не будемъ касаться главъ книги, посвященныхъ уголовному праву и политической экономіи, такъ какъ первая представляетъ изъ себя неважную компиляцію по учебникамъ уголовнаго права, а вторая полна такихъ промаховъ и фантастическихъ утвержденій, что даже профессоръ Гротъ въ своей

восторженной рецензіи призналъ автора семисотъ страницъ мало-компетентнымъ въ этой области; мы укажемъ лишь поразительный примѣръ недостатка историческихъ свѣдѣній у г. Соловьева: на стр. 270, у него съ неподражаемо-забавною рѣшительностью утверждается, что «произволъ мнимо-научной критики поспѣшилъ превратить въ миѳъ . . . братьевъ-изгоевъ, основывающихъ Римъ», и что «нелѣпость тѣхъ точекъ зрѣнія, на которыхъ обыкновенно становится отрицательная историческая критика, избѣгаетъ общаго осмѣянія, лишь благодаря тому «мраку временъ», въ которомъ скрываются предметы ея упражненій». Когда подумать, что представителями этихъ «нелѣпыхъ мнимо-научныхъ» проявленій «критическаго произвола» являются Нибуръ, Моммсенъ и Швеглеръ, а за ними и вся современная наука римскихъ древностей и исторіи, а выводящимъ ихъ на всеобщее посмѣяніе авторитетомъ г. Владиміръ Соловьевъ, то нельзя не вспомнить съ невольнымъ смѣхомъ того описаннаго Достоевскимъ гимназиста, который, получивъ случайно атласъ звѣзднаго неба, возвращаетъ его на слѣдующій день съ поправками.

Смущенный въ устномъ разговорѣ только что изложенными замѣчаніями, одинъ изъ почитателей г. Соловьева замѣтилъ намъ, что все это—«факты», а г. Соловьевъ разсматриваетъ предметы съ философской точки зрѣнія. На это намъ пришлось отвѣтить, что никакая точка зрѣнія (а философская—меньше всякой другой) не исключаетъ необходимости знать предметъ, о которомъ берешься писать, и читать тѣхъ писателей, съ которыми собираешься полемизировать. Это—требованія самой элементарной добросовѣстности, которымъ по преимуществу долженъ удовлетворять авторъ, пишущій въ безапелляціонномъ тонѣ и позволяющій себѣ самые рѣзкіе и рѣшительные приговоры. Сверхъ того, право на обобщенія и широкіе выводы въ научной области принадлежитъ только тому, кто имѣетъ подъ собою солидную почву дѣйствительнаго знанія; съ гимназической эрудиціей по «послѣднимъ» учебникамъ недалеко можно уйти. Да къ тому же, трудно и понять, при чемъ собственно философія въ семистахъ страницъ, кромѣ заглавія и претензій автора. Ни тѣни научнаго метода, научной постановки и формулировки вопросовъ, безпристрастной и свѣдущей критики, стройной и точной мотивировки,—словомъ, ни одного признака философскаго изслѣдованія не встрѣтитъ непредубѣжденный читатель этого сборника блѣдныхъ фельетоновъ.

Профессоръ Гротъ, въ своей хвалебной (съ немногими оговорками, очень мягко и почтительно сдѣланными) рецензіи на книгу г. Соловьева, высказалъ пожеланіе, «чтобы наша не всегда основательная и часто тенденціозная критика отнеслась къ его труду съ должнымъ вниманіемъ, безпристрастіемъ и справедливостью». Но во исполненіе этого пожеланія должно прежде всего рѣшительно возразить противъ опрометчивыхъ и непомѣрно преувеличенныхъ похвалъ Н. Я. Грота. Ни одинъ безпристрастный человѣкъ не признаетъ г. Соловьева «первенствующимъ» среди проф. Введенскаго, Каринскаго и самого Н. Я. Грота; съ другой стороны, самъ Н. Я. Гротъ, подумавъ, навѣрное возьметъ обратно свое утвержденіе, будто имя г. Соловьева «вполнѣ законно пользуется симпатіями всего русскаго образованнаго общества»: всякому извѣстно, что сторонники и поклонники г. Соловьева составляютъ въ нашемъ обществѣ

ничтожное меньшинство, убывающее при каждой новой его книгѣ, и я только удивляюсь, какъ могъ почтенный профессоръ увлечься до такого фантастическаго утвержденія. Равнымъ образомъ, когда Н. Я. Гротъ говоритъ, что главы семисотъ страницъ, «посвященныя анализу отношеній личности и общества, нравственной основы общественности, отношеній нравственности и права, указываютъ на глубокое изученіе (подразумѣвается: г. Соловьевымъ) постановки этихъ проблемъ въ современныхъ общественныхъ наукахъ», то его приговоръ, пристрастный и въ данномъ случаѣ совершенно некомпетентный, не можетъ не вызвать протеста со стороны каждаго непредвзятаго юриста, какъ мы, надѣемся, отчасти и доказали въ предшествующемъ.

Какое же впечатлѣніе производитъ въ цѣломъ разбираемая книга на непредубѣжденнаго читателя? Въ одной изъ своихъ статей г. Соловьевъ призналъ возможнымъ охарактеризовать всю русскую философскую литературу, не исключая и его собственныхъ сочиненій, словами Рабана Мавра, какъ «нѣчто столь скудное, пустое и безобразное, что нельзя пролить достаточно слезъ надъ такимъ прискорбнымъ состояніемъ». Къ русской философской литературѣ, въ ея цѣломъ, эта характеристика, разумѣется, вовсе не подходитъ; но къ нѣкоторымъ причисляемымъ къ этой литературѣ произведеніямъ,—едва ли нужно указывать, къ какимъ именно,—она примѣнима въ полной мѣрѣ и во всей силѣ.

В. Никольскій.

Ежегодникъ Императорскихъ театровъ. Сезонъ 1895—1896 гг.

Это интересное изданіе съ каждымъ годомъ улучшается, главнымъ образомъ, съ внѣшней стороны. Послѣдній «Ежегодникъ» заключаетъ въ себѣ превосходные портреты артистокъ: Ермоловой, Жулевой, Сабуровой, покойной даровитой артистки Линской, портреты Шаховского, Сѣрова въ молодости. Такъ же отлично выполнены и иллюстраціи къ исполненнымъ пьесамъ; особенно выдаются изображенія московскаго исполненія драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы»—это словно картинки талантливаго художника, а не простая фотографія; таковы же иллюстраціи къ пьесамъ «Старый закалъ», «Печаи Погаевъ» (въ Спб.), къ петербургской оперѣ и др. Любопытны и прекрасно исполнены картинки къ коронаціонному спектаклю въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, однако, спектакли послѣдняго сезона иллюстрированы менѣе разнообразно, чѣмъ въ предыдущемъ сезонѣ; наиболѣе же слабая сторона этихъ иллюстрацій заключается въ томъ, что редакторъ все еще никакъ не можетъ добиться ихъ систематизированія; онѣ являются не столько правильнымъ, нагляднымъ воспроизведеніемъ дѣятельности сцены, сколько какимъ-то случайнымъ подборомъ того, что подъ руку попадается. Иное, болѣе важное, интересное, пропущено, а менѣе важное проявляется въ размѣрахъ излишней роскоши. Напримѣръ: г-жа Савина изображена семь разъ въ маленькой роли Акулины драмы «Власть тьмы», хотя эта роль не была выдающейся у артистки, тогда какъ въ нѣкоторыхъ другихъ роляхъ, гдѣ особенно замѣчательно выдалось ея творчество, нѣтъ ни одного изображенія артистки («Темная сила», «Волки и овцы», «Не сошлись характерами»). Съ другой стороны, другіе артисты, игравшіе въ пьесѣ

«Власть тьмы» роли болѣе значительныя, чѣмъ г-жа Савина, совсѣмъ пропущены (Давыдовъ—Акимъ, Стрѣльская—Матрена, Васильева—Анисья). То же встрѣчается и въ иллюстраціяхъ московскихъ спектаклей: «Дворянское гнѣздо» Тургенева представлено только одною сценой (Южинъ и Лешковская); нѣтъ никакихъ другихъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, ни Калитиной, ни Пестовой, ни Паншина, ни Лемма, ни Гедеоновскаго, никакихъ группъ и декорацій, очень живописныхъ въ этой комедіи. Пьеса Судермана «Честь» представлена только двумя отдѣльными лицами (Лешковская и Правдинъ). Между тѣмъ тутъ же является изображеніе г-жи Щепкиной въ одноактномъ водевилѣ «Лолотта», хотя у той же Щепкиной были роли лучшія въ сезонѣ, пропущенныя «Ежегодникомъ», напримѣръ, роль въ пьесѣ «Старый закалъ». Вообще, иные выдающіеся артисты, сыгравшіе съ успѣхомъ нѣсколько новыхъ интересныхъ ролей, вовсе не попали въ «Ежегодникъ»: Абаринова («Боязнь жизни», «Старый закалъ»), Мичурина («Боязнь жизни», «Темная сила», «Старый закалъ»), Ленскій петерб. («Бой бабочекъ»), Ленскій московск. («Честь», «Король Лиръ»), Коммиссаржевская («Бой бабочекъ»). Изъ пьесъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, «Боязнь жизни», «Темная сила» и друг., вовсе не иллюстрированы. Иногда попадаются иллюстраціи, ставящія въ недоумѣніе, напримѣръ, г-жа Потоцкая въ роли «Вавы»: иллюстрація представляетъ одну головку артистки въ шляпкѣ,—при чемъ тутъ роль Вавы? что характернаго являетъ шляпа, которой при томъ же артистка впродолженіе пьесы почти вовсе не надѣваетъ? Болѣе правильно сдѣланъ подборъ декорацій, но и тутъ есть пропуски, хотя относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣланы ссылки на прошлыя книги «Ежегодника». Такимъ образомъ, отдѣлка иллюстрацій очень хороша, но выборъ ихъ оставляетъ желать многаго; отсутствіе системы выбора сказывается часто. Мы знаемъ, что добиться правильности и полноты въ этомъ дѣлѣ довольно трудно, потому что фотографированіе сценъ и лицъ находится въ зависимости отъ артистовъ, которые этимъ часто тяготятся; но въ томъ-то и заслуга редактора, чтобы умѣть достать то, что нужно, интересно и наиболѣе хорошо. Авторы такой же капризный народъ, какъ и артисты, между тѣмъ не одна только величина гонорара дѣлаетъ то, что у одного редактора, въ одномъ журналѣ, подборъ статей лучше, у другого хуже.

Въ дѣлѣ текста статистическая часть составляетъ очень сильную и солидную часть изданія. Несомнѣнно, что будущій историкъ театра можетъ широко пользоваться «Ежегодникомъ» съ этой стороны, и тутъ даже допущена роскошь, возможная только казенному изданію (напримѣръ, ежегодная перепечатка, съ какого года какой артистъ служитъ, исчисленіе, сколько разъ не только игралъ, но даже былъ занятъ на выходъ иной второстепенный артистъ). Эта тщательная статистика сказывается и въ краткихъ біографическихъ очеркахъ артистокъ Жулевой, Сабуровой, Ермоловой, что для занимающагося театромъ дѣлаетъ «Ежегодникъ» драгоцѣнной справочной книгой. Съ этой же стороны, весьма интересны и статьи трехъ книгъ приложеній къ «Ежегоднику». Хотя большая часть изъ нихъ и компилятивнаго характера, хотя мѣстами и чувствуются пробѣлы, а мѣстами, наоборотъ, нѣкоторыя детали вредятъ яркости изложенія,—тѣмъ не менѣе многое въ этихъ статьяхъ интересно, и кое-что является въ печати въ первый разъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не отнестись

сочувственно къ редактору «Ежегодника» г. Молчанову. Какъ участникъ извѣстнаго изданія «Архивъ Императорскихъ театровъ»—и потому знатокъ архивныхъ дѣлъ театра, онъ, видимо, помогаетъ авторамъ статей, предоставляя имъ документальныя бумаги. Такъ, напримѣръ, въ интересной біографіи артистки Линской напечатано ея прошеніе къ директору театровъ графу Борху о прибавкѣ жалованья, которое само по себѣ даетъ очень характерную картину театральной жизни того времени. Перепечатываемъ оглавленіе статей, помѣщенныхъ въ помянутыхъ трехъ книгахъ: 1) Краткая біографія г-жи Линской. 2) Волковъ въ Ярославлѣ. 3) Краткая біографія писателя Хмѣльницкаго. 4) Изъ памятной книжки режиссера Соловьева. 5) Краткая біографія г-жи Асенковой. 6) Театръ въ царствованіе императрицы Екатерины II. 7) Любительскій театръ при императрицѣ Екатеринѣ II. 8) Записки Щепкина (новая глава). 9) Томазо Сальвини. 10) Опытъ біографіи писателя князя Шаховского. 11) Н. А. Полевой, какъ драматургъ. 12) Любительскій театръ при Аннѣ Іоанновнѣ. 13) Краткая біографія писателя Р. М. Зотова. 14) Композиторъ Сѣровъ.

Л—овъ.

Н. М. Минскій. При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Изданіе второе. Спб. 1897.

Книга г. Минскаго, появившаяся первымъ изданіемъ въ 1890 году, имѣла средній успѣхъ и потребовала теперь второго изданія. Въ свое время она обратила на себя вниманіе, всѣ органы печати дали о ней отзывъ, и поэтому г. Минскому грѣшно жаловаться на равнодушіе публики и критики. Но тѣмъ не менѣе онъ ими очень недоволенъ и даетъ своему недовольству выраженіе въ предисловіи ко второму изданію. Чѣмъ же онѣ провинились передъ авторомъ? Что касается до публики, то она относится «съ враждебнымъ равнодушіемъ и глухимъ недовѣріемъ къ книгѣ, посвященной идеямъ философскимъ и религіознымъ»; а критика, въ свою очередь, «не опровергнувъ ни одного вашего довода, какъ-то цѣликомъ васъ устранитъ, да уже кстати и самую философію». Этого мало: «ругая автора, критикъ какъ-то всегда при этомъ ухитрится похвалить себя и пріотворить передъ читателемъ анфиладу собственныхъ достоинствъ». Не желая послѣдовать примѣру критиковъ, возбуждающихъ неудовольствіе г. Минскаго, мы не будемъ «пріотворять передъ читателемъ анфиладу собственныхъ достоинствъ» и постараемся просто опровергнуть нѣкоторые изъ его «доводовъ». Такъ, онъ утверждаетъ, что книги, посвященныя идеямъ философскимъ и религіознымъ, встрѣчаютъ у насъ «враждебное равнодушіе и глухое недовѣріе». Не знаемъ, о какихъ собственно книгахъ этого содержанія говоритъ авторъ. Но мы можемъ констатировать фактъ, что наше общество всегда интересовалось книгами философскаго содержанія, интересуется ими очень сильно и теперь. Какой изъ иностранныхъ философовъ, напримѣръ, натолкнулся у насъ на равнодушіе? Шеллингъ, Гегель, Огюстъ Контъ, Шопенгауеръ, Спенсеръ? Или только русскіе философы имѣютъ основаніе жаловаться на равнодушіе нашего общества? Но въ такомъ случаѣ почему же у насъ возникъ спеціальный философскій журналъ: «Вопросы философіи»? Почему и общіе журналы наши

посвящають такъ много мѣста философскимъ вопросамъ, знакомятъ общество со всѣми теченіями философской мысли? Или, можетъ быть, г. Вл. Соловьевъ встрѣчаетъ только равнодушіе со стороны публики? Нѣтъ, авторъ очевидно напрасно гнѣвитъ Бога. Онъ можетъ развѣ только жаловаться на то, что его собственныя философскія мысли не встрѣчаютъ сочувствія у публики или достаточнаго на его взглядъ сочувствія, хотя и эта жалоба неумѣстна, потому что и его стихотворенія, въ которыхъ такъ много философіи, и разбираемая нами здѣсь книга имѣютъ несомнѣнный успѣхъ, правда, успѣхъ только средній, но это, можетъ быть, объясняется не столько нерасположеніемъ нашего общества къ философскимъ вопросамъ, сколько совершенно другими причинами.

Возьмемъ другой «выводъ». Оказывается, что всѣ люди безъ исключенія ужасно боятся призрака смерти. Какъ только онъ появится предъ ними, они «обезумѣваютъ отъ страха и горя». Къ чему такое обобщеніе? Неужели всѣ люди такъ боятся смерти? Неужели мы не видимъ, что есть люди, которые не только не боятся, но даже ищутъ ея? Если бы этого не было, то, конечно, число самоубійствъ не увеличивалось бы такъ быстро. Значитъ, и въ этомъ «доводѣ» автора есть по меньшей мѣрѣ сильное преувеличеніе. А между тѣмъ этотъ «доводъ» имѣетъ очень тѣсную связь съ существеннымъ содержаніемъ его книги. Одно изъ основныхъ положеній г. Минскаго заключается въ томъ, что главною движущею силою человѣка является «самолюбіе» (правильнѣе было бы сказать: себялюбіе). «Безгранична, какъ небесныя пространства, неизмѣрима, какъ вѣчность, сильна, какъ тяготѣніе звѣздъ, любовь каждаго къ себѣ самому»,— патетически восклицаетъ авторъ, и о чемъ бы онъ ни заговорилъ, онъ все возвращается къ самолюбію. «Какъ надъ костромъ котелъ съ водою, человѣчество сверху до низу кипитъ на огнѣ самолюбія и стремленія къ превосходству... Только первенствуя надъ ближнимъ, мы вполнѣ сознаемъ полноту бытія и упиваемся имъ... Да будутъ благословенны безцѣльныя дѣла самолюбія». Почему? спроситъ себя читатель. Потому что они на ряду съ знаніями науки и образами искусства «высѣкаютъ изъ души спящее въ ней мистическое пламя». Это какое-то обоготвореніе самолюбія, и вы спрашиваете себя, какимъ путемъ авторъ могъ додуматься до такихъ сомнительныхъ выводовъ, что «болѣзнь, называемая въ наукѣ маніею величія, по отношенію къ нашему времени, не есть манія или болѣзнь, а всѣмъ общее естественное слѣдствіе высокой культуры-созрѣвшій плодъ самолюбія», или что «самолюбіе было, есть и будетъ не порокомъ, не болѣзнью души, но ея верховнымъ, сокровеннѣйшимъ началомъ, неизмѣннымъ закономъ управляющимъ всѣми ея движеніями?».

И такъ, авторъ не допускаетъ, чтобы человѣкъ могъ наслаждаться и страдать, временно забывая о себѣ, могъ броситься въ огонь, чтобы спасти своего ребенка, идти на вѣрную смерть, чтобы спасти свое отечество; онъ не видитъ всѣхъ дѣлъ любви самоотверженной, безкорыстной; онъ не замѣчаетъ, что ихъ совершается теперь гораздо больше, чѣмъ въ прежнее время, или, точнѣе говоря, онъ все это видитъ, но не въ состояніи уяснить себѣ все это естественнымъ путемъ, а предается по этому поводу весьма страннымъ философскимъ размышленіямъ и притомъ въ такомъ сочетаніи, которое насъ опять приводитъ къ «безграничному, какъ необъятныя пространства», самолюбію г. Минскаго.

Чтобы постигнуть всю глубину этого самолюбія, мы должны уяснить себѣ, что онъ разумѣетъ подъ совѣстью, а для этого намъ, въ свою очередь, надо вникнуть въ его теорію о «мэонахъ».

Это еще что такое?—спроситъ читатель. Мэонъ значитъ: несуществующій. Слѣдовательно, чтобы понять, что такое, по мысли г. Минскаго, совѣсть, мы должны заняться несуществующимъ, и тогда мы очень легко составимъ себѣ понятіе о совѣсти г. Минскаго.

Пространство, ограничивающее тѣла, не есть все пространство: отъ ограниченнаго пространства мы переходимъ къ неограниченному, къ понятію о вселенной; это и есть «пространственный мэонъ». Но есть и другіе мэоны, напримѣръ, мэоны времени, мэоны первопричины и верховной цѣли, мэоны познанія, мэоны бытія и небытія, мэоны нравственной дѣятельности. Но авторъ насъ строго предостерегаетъ отъ смѣшенія всѣхъ этихъ мэоновъ съ «нелѣпостями». Такъ, напримѣръ, представленія о геркулесовыхъ столпахъ или о людяхъ съ песьими головами будутъ просто нелѣпости, мэоны же г. Минскаго раскрываютъ намъ всю глубину человѣческаго познанія. Общее между ними то, что «мы отъ окружающихъ насъ предметовъ и явленій переходимъ къ понятію о несуществующемъ», и это—«единственный путь къ познанію мэоновъ». Такимъ образомъ, внутренній голосъ совѣсти повелѣваетъ намъ изучать явленія, чтобы додуматься до мэоновъ, и всякій, кто этого не понимаетъ, кого «мэонъ нравственной дѣятельности» не «поднялъ на вершину самолюбія», кто не стремится къ «отрицанію самолюбія черезъ достиженіе его высшихъ проявленій», кто занимается такими прозаическими вещами, какъ оказаніе ближнему помощи въ его самыхъ неотложныхъ потребностяхъ, кто заботится о собственномъ благополучіи, о благополучіи ближнихъ и родины, тотъ «проживетъ безслѣдно на землѣ или на другой звѣздѣ», но тотъ, кто «выстрадалъ истину о мэонахъ» или о «небытіи мэоновъ» (это все равно), только тотъ и оставляетъ слѣдъ послѣ себя, и такъ какъ этимъ единственнымъ человѣкомъ пока является авторъ книги «При свѣтѣ совѣсти», то, очевидно, онъ одинъ только оставитъ послѣ себя слѣдъ въ исторіи. При такихъ обстоятельствахъ книгу г. Минскаго правильнѣе было бы озаглавить не «при свѣтѣ совѣсти», а «при свѣтѣ... самолюбія». О—ій.

Cecaumeni Strategicon et incerti scriptoris de officiis regiis libellus. Ediderunt B. Wassiliewsky et V. Jernstedt. Accedit exemplum codicis phototypicum. Petropoli. MDCCCLXXXXVI.

Подъ такимъ заглавіемъ академикъ В. Г. Васильевскій издалъ, при участіи профессора Ернштедта, два чрезвычайно важныхъ въ научномъ отношеніи памятника греко-византійской литературы. Ученый міръ былъ отчасти ознакомленъ съ этими памятниками, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ статьѣ г. Васильевскаго «Совѣты и разсказы византійскаго боярина XI вѣка» (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, 1881 г.), а теперь они опубликованы въ греческомъ оригиналѣ.

Памятники заимствованы изъ кодекса Московской синодальной (патріаршей) библіотеки, № 436, по новѣйшему каталогу архимандрита Владимира (Москва, 1894 г.), написаннаго отчасти въ XIV, отчасти въ XV вѣкѣ. Въ этомъ кодексѣ на листахъ 140—229 помѣщено сочиненіе изъ 259 главъ, которое при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается состоящимъ изъ двухъ неравныхъ частей различнаго содержанія и назначенія. Первая и большая половина памятника (гл. 1—234) представляетъ Στρατηγικόν, т.-е. стратегію, или трактатъ о военномъ искусствѣ. Но эта Стратегія имѣетъ нѣкоторыя особенности, значительно отличающія ее отъ другихъ аналогичныхъ произведеній, написанныхъ въ византійскую эпоху или еще до ея наступленія. Отличіе заключается прежде всего въ томъ, что разсматриваемая Стратегія содержитъ въ себѣ не одни только правила военнаго искусства, но также наставленія нравственныя, правила житейской мудрости, разумнаго поведенія, добраго управленія домомъ и семьею, приличнаго свѣтскаго и придворнаго обращенія и т. п. Это не только стратегія, иначе—военное искусство, но и домострой, изложенный въ формѣ наставленія отца сыну, который принадлежалъ къ знатной византійской фамиліи и былъ близокъ къ царскому двору. Далѣе, въ Стратегіи, для поясненія военныхъ правилъ и въ качествѣ примѣровъ, разсказываются разнообразные эпизоды изъ военной, политической и дипломатической исторіи Византіи, свидѣтельствующіе то о военныхъ стратагемахъ, или хитростяхъ, византійскихъ воеводъ и объ искусномъ взятіи ими городовъ и крѣпостей, то о военныхъ ихъ промахахъ и ошибкахъ, бывшихъ причиною несчастій для Византійской имперіи, то о возстаніяхъ и бунтахъ подчиненныхъ имперіи варварскихъ племенъ и владѣтелей и т. под. Въ частности, Стратегію по содержанію можно раздѣлить на четыре части. Въ первой части (гл. 1—23) содержатся правила гражданской жизни; здѣсь авторъ поучаетъ своего сына, какъ ему слѣдуетъ жить въ обществѣ въ званіи вѣрнаго гражданина и въ томъ случаѣ, если онъ будетъ облеченъ властью судьи. Во второй части (гл. 24—87) излагаются правила военной жизни, которыми долженъ руководиться сынъ писателя, въ качествѣ начальника войска. Въ этой части Стратегіи въ видѣ примѣровъ разсказаны многіе факты изъ военно-политической исторіи Византіи отчасти X-го, а главнымъ образомъ XI-го столѣтія. Въ третьей и самой большой части Стратегіи (гл. 88—167) предлагаются сперва правила частной жизни, а затѣмъ слѣдуютъ совѣты обще-христіанскаго свойства вмѣстѣ съ правилами житейской мудрости, благонравія, разумнаго завѣдыванія домомъ, хорошаго управленія семьею, заботъ о здоровьѣ, причемъ рекомендуется избѣгать врачей, а изъ пищи запрещается ѣсть грибы. Въ этой своей части Стратегія представляетъ не иное что, какъ византійскій Домострой, цѣнный для ознакомленія съ образомъ жизни и нравами современной византійской эпохи, такъ какъ писатель выражаетъ здѣсь свои мысли и чувства о жизни вообще и добродѣтели, о семьѣ и человѣческомъ обществѣ, о бракѣ, о женскомъ полѣ, о дружбѣ и подобныхъ предметахъ. Четвертая часть Стратегіи (гл. 168—178) начинается вопросомъ о томъ, какъ долженъ держать себя сынъ писателя въ томъ случаѣ, если въ сосѣдствѣ съ нимъ вспыхнетъ возстаніе противъ царя, живущаго въ столицѣ, и что ему должно дѣлать во избѣжаніе невольнаго перехода на сто-

рону бунтовщиковъ или во избѣжаніе угрозъ и опасностей отъ послѣднихъ. Съ этимъ вопросомъ соединены нѣкоторыя наставленія касательно военнаго искусства (гл. 179—186), а въ заключеніи, въ качествѣ приложенія, идетъ рѣчь о томъ, насколько трудна и непостоянна власть топарха, который можетъ лишиться собственнаго владѣнія и присущихъ ему правъ и подчиниться власти царской. Разсужденія и этой части иллюстрируются примѣрами.

Съ 235-й главы разсматриваемаго византійскаго памятника начинаются статьи иного содержанія и назначенія. Эта половина изданія (гл. 235—259) содержитъ совѣты и нравоученія, обращенныя не къ дѣтямъ писателя, какъ въ первой части, а къ царствующему государю (πρὸς τὸν κατὰ τὴν ἡμέραν ὄντα βασιλέ). Рѣчь царскаго совѣтника отличается свободою и не лишена нѣкотораго достоинства. Онъ съ авторитетностью увѣщеваетъ императора подчиняться существующимъ законамъ и не ставить себя выше ихъ, не внимать ложнымъ доносчикамъ, избѣгать лести, заботиться о честныхъ и разумныхъ судьяхъ, а также о войскѣ и флотѣ, не вызвышать иноплеменниковъ предъ ромеями (греками), въ ущербъ дѣйствительному достоинству и чести послѣднихъ и во вредъ имперіи, не допускать злоупотребленій со стороны царскихъ родственниковъ, лично знакомиться съ положеніемъ подчиненныхъ царю странъ и т. под. И въ этомъ сочиненіи, въ качествѣ примѣровъ къ различнымъ статьямъ, приводятся любопытные разсказы изъ исторіи Византіи.

Различаясь содержаніемъ, каждое изъ разсматриваемыхъ произведеній написано и отдѣльнымъ авторомъ, и лишь впослѣдствіи они были соединены въ одно цѣлое. Стратегія написана Кекавменомъ, внукомъ виднаго государственнаго дѣятеля въ Византіи, родомъ изъ армянскихъ князей или бояръ, занимавшимъ правительственную должность въ провинціи Эллады. Свое наставленіе сыну Кекавменъ написалъ при жизни византійскаго императора Михаила VII Дуки (1071—1078 г.). Второе сочиненіе—Наставленіе царю—написано внукомъ Никулицы, состоявшаго при Василіи II Болгаробойцѣ дукою (генералъ-губернаторомъ) Эллады; авторъ усердно служилъ византійскому правительству и составилъ свое произведеніе около 1080 года; подъ царемъ, котораго онъ увѣщеваетъ, слѣдуетъ разумѣть Алексѣя I Комнина, едва лишь вступившаго на престолъ (1081 г.).

Изданныя академикомъ Васильевскимъ византійскія произведенія имѣютъ громадное научное значеніе. Прежде всего, они представляютъ единственные въ своемъ родѣ памятники византійской литературы, рѣзко отличающіеся отъ аналогичныхъ сочиненій и, сколько можно судить по каталогамъ и описямъ европейскихъ библіотекъ, нигдѣ болѣе не встрѣчающіеся. Оригинальность ихъ обусловливается тѣмъ, что находящіеся здѣсь совѣты и наставленія заимствованы изъ собственнаго разумѣнія и личнаго опыта писателей, а не почерпнуты изъ какихъ либо другихъ книгъ. Поэтому разсматриваемые памятники содержатъ очень цѣнный матеріалъ для характеристики средневѣковыхъ греческихъ воззрѣній на жизнь, нравственность, семью, общество и государство. Кромѣ того, здѣсь содержится много очень важныхъ чисто историческихъ данныхъ, разсказанныхъ въ видѣ примѣровъ къ различнымъ теоретическимъ совѣтамъ и наставленіямъ. Эти разсказы касаются исторіи и Византіи, и дру-

гихъ странъ и земель, находившихся въ дружественныхъ или враждебныхъ къ ней отношеніяхъ, и пріурочиваются преимущественно къ концу X-го и ко второй половинѣ XI-го вѣка. Цѣнность разсматриваемыхъ памятниковъ повышается въ зависимости и отъ безыскусственности ихъ языка и простоты слога, въ противоположность многимъ другимъ византійскимъ произведеніямъ, написаннымъ изысканнымъ школьнымъ языкомъ и высокимъ риторическимъ слогомъ. Текстъ сочиненій, отличающійся въ московской рукописи крайнею безграмотностью, исправленъ такимъ крупнымъ знатокомъ классицизма, какъ профессоръ В. К. Ернштедтъ. Все это приводитъ къ выводу, что изданные академикомъ Васильевскимъ византійскіе памятники представляютъ рѣдкое и весьма цѣнное пріобрѣтеніе для науки и заслуживаютъ самаго добросовѣстнаго вниманія со стороны интересующихся исторіей средневѣковой Византіи.

И. О.

О соединеніи церквей. Разборъ энциклики папы Льва XIII отъ 20-го іюня 1894 г. Профессора Московской духовной академіи Александра Бѣляева. Сергіевъ посадъ. 1897.

Существуетъ немало спорныхъ вопросовъ, по которымъ защитниками противоположныхъ взглядовъ высказано уже все, что можетъ дать самый изощренный анализъ какъ спорнаго мнѣнія, такъ и разныхъ доводовъ pro и contra. Если двѣ несогласныя въ извѣстныхъ пунктахъ стороны въ теченіе многихъ вѣковъ и трудами цѣлаго ряда поколѣній не могли не только придти, но даже болѣе или менѣе близко подойти къ согласію и выработать основы единомыслія, то, конечно, трудно ожидать, чтобы «въ послѣдокъ дній сихъ» мы вдругъ услышали яркій, оригинальный поражающій новизной взглядъ какъ на причины разногласія, такъ и на возможные способы къ его устраненію. Для этого нуженъ сильный и незаурядный умъ, вдохновенная рѣчь пророка, способная жечь сердца людей, а главное нужна полная свобода отъ условностей и традицій, сообщающихъ даже внѣшнимъ пріемамъ полемики вялый и дряблый видъ. Все это ближайшимъ образомъ мы можемъ видѣть на примѣрѣ того, кажется, вѣчнаго спора, варіацію котораго представляетъ собою недавно изданная книга г. Бѣляева. Возьмите любую, самую мелкую и незначительную частность изъ общей суммы разницъ, отдѣляющихъ западную церковь отъ восточной: и въ пользу ея, и въ опроверженіе (соотвѣтственно положенію спорящей стороны) имѣются самый солидный арсеналъ аргументовъ, при чемъ на помощь призваны чуть ли не всѣ науки, составляющія область человѣческаго знанія.

Само собою разумѣется, что авторъ настоящей книги, какъ человѣкъ вполнѣ свѣдущій въ своей спеціальности, воспользовался въ полной мѣрѣ православно-полемической литературой и представилъ хотя не новый, но толковый и хорошій сводъ данныхъ, обыкновенно приводимыхъ православными полемистами, когда рѣчь касается римской церкви. Даже внѣшніе пріемы разработки вопроса, всякія мелкія детали, такъ сказать, въ выдержанномъ стилѣ: очень часто, напримѣръ, рѣчь ведется въ формѣ вопросовъ, оставляемыхъ безъ отвѣта, при чемъ, конечно, долженъ подразумѣваться отвѣтъ въ желательномъ автору смыслѣ.

«Въ ужасномъ распространеніи безбожія на Западѣ,—вопрошаетъ г. Бѣляевъ,— не виновата ли отчасти сама латинская церковь, хотя и косвенно» (стр. 163)? Да, виновата,—долженъ умозаключать читатель. «Не смѣшно ли,— говоритъ авторъ на слѣдующей страницѣ,— что папа сулитъ намъ дать такія блага, которыхъ не имѣетъ его собственная церковь, и которыя онъ постоянно усиливается пріобрѣсть для нея, но безуспѣшно?». Да, смѣшно,—долженъ полагать читатель; впрочемъ, не слишкомъ большой погрѣшностью будетъ думать и такимъ образомъ, что все это не столько смѣшно (мы, по крайней мѣрѣ, ничего смѣхотворнаго здѣсь не видимъ), сколько грустно.

Въ тонѣ изслѣдованія, вообще говоря, нѣтъ того научнаго спокойствія, которое, какъ извѣстно, лучше всякихъ реторическихъ и псевдоклассическихъ украшеній способно придать рѣчи убѣдительность и, по крайней мѣрѣ, не отнимать у доводовъ ихъ доказательности. Иногда же авторъ, выступивъ изъ законной мѣры негодованія, начинаетъ вести рѣчь въ такомъ направленіи, которое оставляетъ весьма прискорбное впечатлѣніе. Такъ, на стр. 210, гдѣ авторъ мимоходомъ касается лицъ, перешедшихъ изъ православія въ католичество, мы встрѣчаемъ такую тираду: «Таковыхъ, и явныхъ, и скрытыхъ, измѣнниковъ своей родной православной вѣрѣ, *готовыхъ съ благоговѣніемъ лизать туфлю папы*, нельзя назвать иначе, какъ *выродками* благороднаго, благочестиваго и православнаго русскаго народа». На нихъ оправдывается пословица: «во всякомъ родѣ не безъ урода». *Мало такихъ уродовъ среди русскихъ*, а все-таки грустно, что они есть» (курсивъ нашъ). Подобнаго рода полемическіе пріемы не должны имѣть мѣста въ серьезномъ богословскомъ трактатѣ, затрогивающемъ для многихъ столь дорогіе и задушевные вопросы жизни. Немало также поразило насъ нѣсколько неожиданное сравненіе извѣстнаго церковнаго дѣятеля—митрополита никейскаго Виссаріона, съ Каіафой (стр. 51). Неужели для автора представлялось неяснымъ, что излишества подобнаго рода могутъ только ронять достоинство и цѣнность какого бы то ни было изслѣдованія.

Что касается постановки и рѣшенія существенныхъ вопросовъ, то, какъ мы указали, въ этомъ пунктѣ изслѣдованіе г. Бѣляева ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ громаднаго моря другихъ изслѣдованій, брошюръ и статей, трактующихъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ церквей. По поводу послѣдней энциклики папы Льва XIII, г. Бѣляевъ исчисляетъ разности, отдѣляющія церковь западную отъ восточной, и по всѣмъ пунктамъ опровергаетъ догматику, канонику и обряды первой. Съ формально-логической стороны трудъ г. Бѣляева раздѣляетъ коренной недостатокъ всѣхъ полемическихъ сочиненій данной области (этого недостатка,—мимоходомъ скажемъ,—не чужды и католическіе полемисты): именно, основнымъ доводомъ для опроверженія католическихъ особенностей ставится положеніе, что православная церковь—истинна, а католическая—неистинна, а это основное положеніе въ свою очередь доказывается тѣмъ, что католическія особенности—ложны, а православныя — истинны, то-есть получается idem per idem. Нѣкоторую относительную новизну могутъ представить развѣ только стр. 165—183, содержащія апологію русскаго духовенства отъ всякихъ упрековъ въ косности, необразованности, равнодушіи

и т. д. Эти страницы читаются не безъ интереса; правда, все, здѣсь сказанное имѣетъ лишь отдаленное отношеніе къ предмету изслѣдованія, но въ общемъ за то представляетъ нелишнее celerum censeo касательно необходимыхъ улучшеній въ разныхъ частяхъ быта и юридическаго положенія нашего духовнаго сословія. К. Х.

Повѣсти и разсказы А. Н. Плещеева съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Спб. Томъ 1-й—1896 г., т. 2-й—1897 г.

Какой грамотный человѣкъ въ Россіи не знаетъ поэта Плещеева, кто еще на школьной скамьѣ съ любовью не твердилъ его стиховъ:

Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ!
Распустилась въ немъ сирень,
Отъ черемухи душистой
И отъ липъ кудрявыхъ тѣнь...

Кому незнакомы его прелестныя стихотворенія: «Бабушка и внучка», «Шаловливыя рученки», «Былъ у Христа младенца садъ» и множество другихъ, писанныхъ и для дѣтей, и для взрослыхъ? Но многіе ли знаютъ беллетристическія произведенія покойнаго писателя, тѣ небольшіе его разсказы, очерки, повѣсти, которыя въ достаточномъ изобиліи появлялись въ свое время (1847—1868 гг.) въ лучшихъ нашихъ журналахъ! Весьма вѣроятно, что отвѣтъ на послѣдній вопросъ въ большинствѣ случаевъ получится отрицательный. Только теперь, черезъ тридцать почти лѣтъ съ того времени, какъ сломилось беллетристическое перо изящнаго представителя прозаической литературы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, мы какъ бы заново знакомимся съ прозаическою дѣятельностью Плещеева, благодаря собраннымъ воедино сыномъ покойнаго писателя (небезызвѣстнымъ публицистомъ, драматургомъ и балетоманомъ А. А. Плещеевымъ) его «повѣстямъ и разсказамъ». Чѣмъ-то удивительно сердечнымъ, изящнымъ повѣяло на меня, когда я съ чувствомъ неподдѣльнаго удовольствія пробѣгалъ страницы двухъ томовъ его сочиненій, и весь покойный старикъ Плещеевъ, какъ живой, во весь ростъ, возсталъ передо мною въ каждомъ очеркѣ, въ каждомъ разсказѣ, и мнѣ точно на самомъ дѣлѣ слышался его тихій задушевный голосъ, видѣлись его глаза, то порой насмѣшливо улыбавшіеся, то щурившіеся на окружающее свѣтомъ любви и участія ко всякимъ проявленіямъ человѣческой жизни! Милый, незабвенный Алексѣй Николаевичъ!.. задачи краткой рецензіи не позволяютъ мнѣ отдаться всецѣло нахлынувшимъ воспоминаніямъ, возстановить передъ читателями изящный образъ сѣдовласаго старца-поэта, котораго такъ любили и уважали всѣ знавшіе его. Впрочемъ, читатели «Историческаго Вѣстника» въ этомъ отношеніи поставлены на сегодняшній разъ благопріятно: въ текущей книжкѣ имѣется интересная статья, освѣщающая любопытный и малоизвѣстный періодъ жизни покойнаго поэта во время его оренбургскаго заточенія, періодъ, составлявшій подневольный перерывъ въ его литературной дѣятельности.

Извѣстность Плещеева, какъ поэта и беллетриста, укрѣпилась еще до разразившейся надъ нимъ грозы, и тогдашніе критики, въ лицѣ Вал. Майкова и

М. Достоевскаго, привѣтствовали молодое дарованіе писателя самымъ сердечнымъ образомъ. «Въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится наша поэзія со смерти Лермонтова, — писалъ нѣсколько преувеличенно Майковъ,— г. Плещеевъ безспорно первый нашъ поэтъ въ настоящее время», а Достоевскій далъ слѣдующую характеристику его прозаическаго творчества: «Прежде всего намъ нравится въ этихъ разсказахъ легкость и непринужденность разсказа, простота вымысла и нѣсколько насмѣшливый, вскользь брошенный, но отнюдь не злобливый взглядъ на солидную жизнь, которую ведемъ мы съ вами, почтенный читатель. Правда, его взглядъ не проникаетъ въ самую глубь этой жизни, въ разрозненныхъ ея явленіяхъ не стремится отыскивать одной полной, потрясающей своимъ паоосомъ картины, но тѣмъ легче для насъ съ вами, читатель. Потому-то, можетъ быть, намъ такъ и нравится этотъ насмѣшливый взглядъ на нашу солидность и на солидныя слабости...». Къ категоріи этихъ произведеній, окрашенныхъ насмѣшкой и юморомъ и почерпающихъ свое содержаніе изъ жизни среднихъ классовъ, относятся, помѣщенныя въ I т. его сочиненій «Енотовая шуба», «Протекція», «Шалость». Съ 1849 по 1856 г.г. творчеству Плещеева былъ положенъ перерывъ, но за то съ большей энергіей выступилъ онъ на страницахъ передовыхъ журналовъ, по своемъ возвращеніи изъ ссылки. Небольшія его прозаическія произведенія, опять таки съ сюжетами изъ жизни тѣхъ же среднихъ классовъ русскаго общества, прекрасно обрисовали дореформенный строй нашего отечества и по изяществу своей обработки, легкости изложенія и интерессу фабулы повѣствованія снова невольно привлекли къ себѣ вниманіе читателей и критики. Однако, между произведеніями этого періода его дѣятельности и предыдущаго сказывается невольная разница. Съ нимъ исчезаетъ уже добродушно-насмѣшливое отношеніе автора къ жизни, а въ звукахъ его голоса слышится невольная скорбь, затаенная грусть и стремленіе отнести вину неурядицы жизни не столько къ оплошностямъ дѣйствующихъ лицъ, сколько къ ненормальности окружающаго эти лица строя, къ дефектамъ среды. Отмѣчая отличіе Плещеева отъ второстепенныхъ беллетристовъ пятидесятыхъ годовъ, Добролюбовъ говорилъ, что авторъ остался «въ мірѣ мелкихъ чиновниковъ, учителей, художниковъ, небольшихъ помѣщиковъ, полусвѣтскихъ барынь и барышень, и т. п. Мірокъ этотъ знакомъ ему, какъ видно, довольно хорошо, и изображается имъ съ полной откровенностью. Въ исторіи каждаго героя повѣстей г. Плещеева вы видите, какъ онъ связанъ съ своею средою, какъ этотъ мірокъ тяготѣетъ надъ нимъ своими требованіями и отношеніями, словомъ—вы видите въ героѣ животное табунное, а не уединенное. Элементъ общественности присутствуетъ въ каждой повѣсти»... Далѣе критикъ такъ опредѣляетъ положеніе беллетристики Плещеева: «Повѣсти г. Плещеева не выходятъ изъ уровня, который установился вообще для произведеній той школы беллетристовъ, которую, пожалуй, по главному ея представителю, мы можемъ назвать тургеневскаою. Постоянный мотивъ ея тотъ, что «среда заѣдаетъ человѣка». Изъ числа произведеній этой категоріи заслуживаетъ особеннаго вниманія повѣсть «Пашинцевъ» (см. 2-й т.), гдѣ авторъ предъявляетъ требованіе дѣла, а не пустыхъ линь и безплодныхъ желаній и надеждъ.

Въ наши дни, когда многіе изъ новѣйшихъ г.г. беллетристовъ склонны къ упраздненію чуть ли не всякаго идейнаго содержанія въ своихъ произведеніяхъ, собраніе «повѣстей и разсказовъ» Плещеева появляется кстати; на нихъ легко убѣдиться, что даже, не обладая первостатейнымъ беллетристическимъ даромъ, въ родѣ Л. Толстаго, Тургенева, Достоевскаго, можно, однако, достойно послужить перомъ русской литературѣ, гармонически соединяя въ своихъ произведеніяхъ изящество формы съ разумностью, идейностью содержанія. Любители изящной словесности во всякомъ случаѣ получатъ немалое удовольствіе изъ ознакомленія съ прозаической дѣятельностью А. Плещеева, несмотря на даже на то, что она заимствуетъ свой матеріалъ изъ эпохи, отъ которой мы отдѣлены чуть ли не полстолѣтіемъ.

Изданіе выпущено г. А. А. Плещеевымъ вполнѣ изящно и сравнительно по недорогой цѣнѣ. Приложенная сюда біографическая статья П. В. Быкова—единственная въ нашей литературѣ болѣе или менѣе обстоятельная біографія покойнаго поэта, гдѣ авторъ рядомъ съ изложеніемъ событій жизни Плещеева далъ и посильную оцѣнку его прозаическаго творчества.

В. Глинскій.

Волынскій историко-археологическій сборникъ. Выпускъ первый. Изданіе распорядительнаго комитета Волынскаго церковно-археологическаго общества. Житоміръ. 1896.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Житомірѣ возникло по иниціативѣ архіепископа Модеста церковно-археологическое древлехранилище, поставившее своей задачей собираніе и приведеніе въ порядокъ памятниковъ старины, въ изобиліи разсыпанныхъ въ предѣлахъ Волынской губерніи, а также научную разработку историко-археологическаго матеріала. Волынское духовенство очень сочувственно отнеслось къ новому учрежденію, и вскорѣ со всѣхъ концовъ Волынской губерніи начали свозиться во вновь открытый музей рукописи, старинныя и новыя книги, самые разнообразные памятники старины. Судя по обстоятельному описанію, которое сдѣлалъ этимъ поступленіямъ молодой и очень энергичный мѣстный ученый, О. А. Форинскій, музей въ самомъ непродолжительномъ времени обогатился очень цѣнными пріобрѣтеніями, которыя заставляли подумать объ опубликованіи наиболѣе любопытныхъ матеріаловъ.

Рѣшено было издавать сборникъ, первый выпускъ котораго въ настоящее время лежитъ передъ нами.

Это небольшая, въ 10 листовъ книжка, содержащая въ себѣ главнымъ образомъ сырой матеріалъ и только двѣ спеціальныхъ статьи. Одна изъ нихъ принадлежитъ г. Крыжановскому и представляетъ собою вполнѣ научное, спеціально-филологическое изслѣдованіе о рукописныхъ евангеліяхъ, хранящихся въ волынскомъ древлехранилищѣ. Изъ евангелій, изслѣдованныхъ г. Крыжановскимъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ Вичинское Тетроевангеліе, на языкѣ котораго сильно отразилось вліяніе волынскаго мѣстнаго произношенія. Другая статья принадлежитъ г. О. А. Форинскому и представляетъ собой біографію Юрія Немирича, волынскаго авантюриста XVII вѣка. Это — довольно

обстоятельный, основанный на цѣломъ рядѣ документовъ, живо написанный очеркъ, переносящій насъ въ эпоху увлеченія на Волыни социніанскими идеями. Въ своей статьѣ г. Форинскій вполнѣ возсоздалъ біографію далеко незаурядной личности Немирича.

Изъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ, на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены разнаго рода апокрифическія сказанія, сообщенныя тѣмъ же г. Форинскимъ. При бѣдности нашей апокрифической литературы матеріалъ, сообщенный г. Форинскимъ, будетъ имѣть несомнѣнно немаловажное научное значеніе. Что касается документовъ, сообщенныхъ о. Трипольскимъ, то хотя они и отнесены издателемъ къ XIII—XV вѣкамъ, тѣмъ не менѣе никакого научнаго значенія имѣть не могутъ, такъ какъ представляютъ собой несомнѣнную, очень грубую и довольно позднюю подделку. Объ этомъ свидѣтельствуетъ ихъ языкъ, а также цѣлый рядъ грубыхъ хронологическихъ противорѣчій, на которыхъ останавливаться не стоитъ. Документы эти поддѣланы не позже конца XVIII вѣка, а, можетъ быть, даже въ самомъ началѣ XIX вѣка съ какими нибудь совершенно не научными цѣлями. Въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, нерѣдко бывали случаи, что поддѣлывали документы для составленія подложныхъ генеалогій, нуждавшихся въ обоснованіи, или же для разрѣшенія всякаго рода поземельныхъ споровъ. Изданные Трипольскимъ документы, повидимому, принадлежатъ къ числу поддѣлокъ въ этомъ родѣ. **В. Воцяновскій.**

Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса (по рукописи Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ). Выпускъ I. Отъ Алеппо до земли казаковъ. Москва. 1896.

Антіохійскій патріархъ Макарій, родомъ арабъ изъ города Алеппо, дважды пріѣзжалъ въ Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича, въ первый разъ для сбора пожертвованій, а во второй для суда надъ патріархомъ Никономъ. Въ первое его путешествіе въ Россію съ нимъ былъ его родной сынъ архидіаконъ Павелъ Алеппскій, который, по просьбѣ одного изъ своихъ дамасскихъ друзей, составилъ подробное и чрезвычайно интересное описаніе трехлѣтняго странствованія своего отца. До послѣдняго времени были извѣстны двѣ рукописи арабскаго подлинника этого описанія, одна—въ Лондонѣ, переведенная (неполно и не вездѣ точно) на англійскій языкъ Бельфуромъ, а другая—въ Дамаскѣ, въ библіотекѣ Шхадэ. Съ послѣдней рукописи, незадолго до рѣзни 1860 года, когда она была уничтожена пожаромъ, были сняты три копіи, которыя всѣ въ настоящее время находятся въ Россіи: одна въ библіотекѣ при Азіатскомъ департаментѣ, другая въ С.-Петербургской Публичной библіотекѣ, въ собраніи рукописей епископа Порфирія Успенскаго, и третья хранится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Съ послѣдней рукописи профессоръ Муркосъ и перевелъ на русскій языкъ весьма интересный памятникъ арабской литературы. Въ немъ Павелъ Алеппскій касается всего, что видѣлъ и слышалъ во время своего продолжительнаго путешествія: описываетъ страны, въ ко-

торыхъ былъ, нравы и обычаи жителей, селенія и города, замѣчательныя зданія, преимущественно церкви и монастыри, торжественныя служенія, въ коихъ участвовалъ вмѣстѣ съ отцемъ, пріемы и пиры при дворахъ, политическія событія, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ или которыя зналъ по разсказамъ другихъ, и мимоходомъ даетъ яркую характеристику государей, политическихъ и церковныхъ дѣятелей, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе его отецъ-патріархъ. Самая значительная часть записокъ Павла занята описаніемъ долговременнаго пребыванія его отца въ Россіи и разсказами о событіяхъ, происходившихъ тогда въ ней. По полнотѣ и разнообразію содержанія это одинъ изъ самыхъ лучшихъ и цѣнныхъ письменныхъ памятниковъ о Россіи въ половинѣ XVII вѣка и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ записки современныхъ западно-европейскихъ путешественниковъ. Но эта часть арабскаго сочиненія пока еще не опубликована проф. Муркосомъ въ его переводѣ на русскій языкъ: первый выпускъ этого перевода содержитъ только введеніе (стр. 1-3), гдѣ даются свѣдѣнія объ авторѣ и его отцѣ, о мотивахъ ихъ путешествія въ Россію и описанія этого путешествія, и три книги описанія. Въ первой книгѣ (стр. 4—43) описывается путь отъ Алеппо до Молдавіи, совершенный чрезъ Бруссу и Константинополь; здѣсь сообщается много любопытныхъ свѣдѣній о достопримѣчательностяхъ бывшей столицы византійской имперіи и нравахъ ея жителей. Во второй книгѣ (стр. 44—112) разсказывается о восьмимѣсячномъ пребываніи арабскихъ путешественниковъ въ Молдавіи, которое совпало съ однимъ изъ интереснѣйшихъ происшествій въ исторіи этой страны, именно съ паденіемъ господаря Василія Лупула, сопровождавшимся междоусобной войной, въ которой погибъ зять его, Тимоѳей Хмельницкій, сынъ гетмана Богдана Хмельницкаго; это событіе нашло себѣ живаго разсказчика въ лицѣ очевидца Павла Алеппскаго, повѣствованіе котораго, по словамъ Костомарова, представляетъ единственный источникъ для изученія тогдашнихъ отношеній Малороссіи къ Молдавіи. Кромѣ того, въ этой книгѣ сообщается о нравахъ и обычаяхъ жителей, храмахъ и монастыряхъ въ странѣ. Въ третьей книгѣ (стр. 113—154) рѣчь идетъ о пребываніи въ Валахіи, которое совпало со смертью господаря Матвѣя и избраніемъ новаго Константина.

Профессоръ Муркосъ, предложивъ переводъ путешествія по лучшему арабскому списку и съ устраненіемъ нѣкоторыхъ неправильностей и дефектовъ рукописи, въ предисловіи (стр. I—X) выяснилъ научное значеніе памятника и разсказалъ его рукописную исторію. Авторитетъ почтеннаго ученаго избавляетъ насъ отъ необходимости останавливаться на его переводѣ, а важное научное значеніе памятника, достаточно оцѣненное въ русской наукѣ и прежде, освобождаетъ насъ отъ новыхъ рекомендацій въ старомъ направленіи.

Σ.

Минье. Исторія французской революціи. Переводъ съ 9-го (1865 г.) французскаго изданія, подъ редакціей и съ предисловіемъ К. К. Арсеньева и приложеніемъ нѣсколькихъ главъ изъ «Революціи», соч. Эдгара Кинe. Изданіе 3-е (изд. О. Н. Поповой: Культурно-историческая библіотека). Спб. 1897.

Вотъ одна изъ немногихъ счастливыхъ французскихъ историческихъ книгъ. Уже больше 70 лѣтъ назадъ вышла она въ свѣтъ; уже авторъ ея, доживший до глубокой старости (род. 1796 г., ум. 1884 г.), давно скончался, и другіе труды его, гораздо болѣе солидные, покрываются пылью во вторыхъ рядахъ большихъ библіотекъ, а эта небольшая книжка, плодъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ работы 29 лѣтняго юриста, все живетъ и живетъ, и даже въ русскомъ переводѣ доживаетъ до 3-го изданія.

Первая причина такой удивительной популярности небольшой книжки по такому животрепещущему вопросу въ томъ, что работа Минье явилась чрезвычайно своевременно, и что написана она въ такомъ тонѣ, который въ 1824 г. не могъ не произвести благопріятнаго впечатлѣнія на всю передовую молодежь Франціи [1]; а преданіе и въ исторіи книгъ играетъ очень важную роль. Вторая и главная причина достоинства книги: авторъ сжато, ясно, трезво и талантливо, съ надлежащей симпатіей къ великимъ результатамъ великой трагедіи, но съ соприсутствіемъ нравственной точки зрѣнія по отношенію къ ея героямъ и отдѣльнымъ сценамъ, излагаетъ въ живомъ разсказѣ событія отъ 1789 г. по 1814 г. включительно, событія, на изображеніе которыхъ другими понадобились десятки томовъ. Историческій фатализмъ автора былъ замѣченъ кое-кѣмъ и въ моментъ появленія книги; но такъ какъ уже въ слѣдующемъ поколѣніи онъ сталъ явленіемъ почти общимъ, да и до сихъ поръ въ понятіи многихъ считается необходимымъ условіемъ исторіи, какъ науки, онъ не могъ повредить успѣху книги. Въ изображеніи же частностей юный авторъ показалъ такую почти геніальную проницательность, которая мѣшаетъ его труду состарѣться даже до настоящаго дня (онъ не зналъ, напримѣръ, о такъ называемой измѣнѣ Мирабо, о его тайныхъ сношеніяхъ съ дворомъ; но онъ совершенно вѣрно объяснилъ основную идею дѣятельности великаго конституціоналиста).

Выдающійся успѣхъ книги Минье у насъ, кромѣ ея талантливости и общедоступности, объясняется тѣмъ, что она явилась (въ 1865 г.) въ очень хорошемъ переводѣ съ обширнымъ и прекраснымъ предисловіемъ К. К. Арсеньева, въ которомъ редакторъ не только указалъ на необходимыя поправки, внесенныя новѣйшими (для того времени) работами по исторіи революціи, но и далъ рядъ блестящихъ характеристикъ этихъ работъ, начиная Тьеромъ и кончая Токвилемъ и Эдг. Кине (добавленіямъ изъ «Революціи» Кине мы, по совѣсти, не можемъ придавать большого значенія: изложеніе событій въ нихъ не особенно

[1]) Талантливую картинку появленія Минье и Тьера въ Парижѣ въ 1821 г. и параллель между ними см. въ книгѣ покойнаго харьковскаго профессора М. Н. Петрова «Національная исторіографія» и пр., Харьковъ, 1861 г., стр. 281 и слѣд.

талантливо, а освѣщеніе ихъ во многихъ случаяхъ скоро оказалось устарѣвшимъ).

Нельзя не поблагодарить г-жу Попову за новое, до крайности дешевое (1 р.), при полной типографской удовлетворительности, изданіе книги Минье, которое будетъ очень и очень полезно для нашей учащейся молодежи. Но въ то же время нельзя не попенять ей (а, можетъ быть, не ей, но кому нибудь другому) за то, что къ предисловію К. К. Арсеньева не прибавлена новая глава о поправкахъ и работахъ послѣднихъ 20 лѣтъ, и что приложенія изъ Кине не замѣнены чѣмъ нибудь болѣе новымъ (напримѣръ, добавленіями изъ Сореля, Вандаля и даже Тэна). Тогда мы были бы увѣрены въ появленіи 4-го изданія русскаго перевода. **А. К.**

Астраханскій сборникъ, издаваемый Петровскимъ обществомъ изслѣдователей Астраханскаго края. Выпускъ I. Астрахань. 1896.

Издавая сборникъ подъ такимъ неопредѣленнымъ заглавіемъ, Петровское общество имѣло въ виду дать всѣмъ, желающимъ заняться изученіемъ края, необходимые и притомъ составляющіе библіографическую рѣдкость матеріалы. Въ настоящій выпускъ вошли отрывки изъ довольно разнородныхъ сочиненій XVI—XVIII столѣтій. Больше всего здѣсь помѣщено описаній путешественниковъ: Контарини, Дженкинсона, Олеарія, Стрюйса, Де-Бруина, Белля, графа Потоцкаго и Измайлова. Нельзя въ большинствѣ случаевъ сказать, чтобы эти описанія являлись существенно «необходимымъ» подспорьемъ для изслѣдованія прошлаго Астрахани: въ общемъ туристы говорятъ гораздо больше о себѣ, о своихъ скорбяхъ и радостяхъ, чѣмъ о томъ, что они видѣли вокругъ себя. Наиболѣе интересное повѣствованіе даетъ де-Бруинъ—художникъ съ разностороннимъ образованіемъ, яркой картинностью образовъ и большой наблюдательностью; его описанія живы, остроумны и заключаютъ въ себѣ довольно много бытовыхъ и этнографическихъ данныхъ. Кромѣ путешествій, въ сборникѣ есть нѣсколько статей различнаго содержанія и двѣ «рукописи»: одна—Никифора Туркина — печатается цѣликомъ въ первый разъ; она содержитъ краткія хронологическія записи о покореніи Астрахани, моровой язвѣ 1692—1693 г.г., исторію Троицкаго монастыря и списокъ астраханскихъ іерарховъ за 1602—1805 г.г. Другая рукопись—Золотарева, печаталась уже нѣсколько разъ въ повременныхъ изданіяхъ губерніи; она повѣствуетъ о бунтѣ Стеньки Разина и преимущественно о взятіи и разгромѣ Астрахани. По обычаю нашихъ лѣтописцевъ, въ описаніе главнаго событія безъ всякой прагматической связи вставлены сказанія: «о татарскомъ междоусобіи», «о птичьемъ бою», «о двухъ знаменіяхъ въ Астрахани» и т. под. Рукопись подробно и живо излагаетъ факты, окрашивая ихъ сильной примѣсью религіознаго фанатизма и ненависти сословнаго оттѣнка къ «степному вору і изменнику». Вообще о Стенькѣ Разинѣ въ сборникѣ встрѣчается много свѣдѣній, и здѣсь интересно сопоставленіе нѣсколько либеральнаго любопытства просвѣщенныхъ иностранцевъ къ нашему революціонеру съ глубокимъ консерватизмомъ русскаго лѣтописца. Къ рукописи приложена статья Сахарова, въ которой нужно отмѣтить догадку автора

о томъ, что Костомаровъ въ своей монографіи: «Бунтъ Стеньки Разина», въ значительной мѣрѣ пользовался Золотаревской рукописью, хотя и не указывалъ на нее, какъ на свой источникъ... Далѣе въ сборникъ включены: 1) статистическій отчетъ Кириллова: «Цвѣтущее состояніе Россійскаго государства» (1727 г.), въ которомъ трактуется только о состояніи гарнизоновъ и канцелярій въ Астраханскомъ краѣ; 2) донесеніе въ сенатъ Волынскаго (1719 г.): это—губернаторскій отчетъ по административному вѣдомству. Къ донесенію приложена статья Руданова о Волынскомъ, взятая изъ словаря Брокгауза; 3) «Описаніе Астрахани», составленное академикомъ Озерецковскимъ (1783г). Наконецъ, есть двѣ историческія статьи о покореніи Астрахани: академика Рычкова (извлеченіе изъ «Введенія къ астраханской топографіи») и Карновича («Покореніе царства Астраханскаго»), и одна статья о Пугачевѣ (Михайловъ: «Вторженіе Пугачева въ предѣлы Астраханской губерніи»). Къ каждой изъ статей въ сборникѣ приложена краткая біографія автора; есть десять снимковъ съ картъ путешественниковъ. Вообще, изданіе выполнено довольно тщательно и соотвѣтствуетъ своей цѣли, которая состоитъ въ желаніи «избавить отъ труда отыскиванія источниковъ по разнымъ изданіямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя вовсе не имѣются въ мѣстныхъ книгохранилищахъ». Н. О.

Римско-католическія епархіальныя семинаріи виленская и тельшевская. Вильна. 1897.

Сочиненіе небольшое, но въ высшей степени интересное по своему содержанію. Въ немъ изображается современное состояніе римско-католическихъ семинарій, существующихъ въ городахъ Вильнѣ и Ковно. Авторъ сочиненія затрогиваетъ собственно весьма важный вопросъ о томъ, какое воспитаніе въ названныхъ семинаріяхъ получаютъ будущіе ксендзы сѣверо-западнаго русскаго края, оказывающіе, какъ извѣстно, громадное вліяніе на своихъ прихожанъ, и съ другой стороны, насколько это воспитаніе соотвѣтствуетъ русскимъ интересамъ въ краѣ. Такое или иное рѣшеніе даннаго вопроса получаетъ особенный интересъ въ настоящее время, когда ксендзы, особенно Ковенской губерніи, начинаютъ все чаще и чаще высказывать крайнюю нетерпимость ко всему русскому православному.

Послѣ указанія на чрезвычайную трудность получить обстоятельныя и. главное, точныя свѣдѣнія о римско-католическихъ семинаріяхъ, которыя предпочитаютъ дѣйствовать втихомолку и не сообщаютъ ни правительству, ни обществу никакихъ свѣдѣній о ходѣ ихъ жизни и дѣятельности, авторъ говоритъ далѣе о кандидатахъ, которыми наполняются семинаріи и которыми являются по преимуществу аптекарскіе ученики (гл. I), о постановкѣ преподаванія въ семинаріяхъ русскаго языка, русской исторіи и русской географіи (гл. II), о составѣ богословскаго курса семинарій, въ которомъ почему-то отсутствуетъ каноническое право римской церкви (гл. III), о широкомъ употребленіи (практическомъ) польскаго языка въ семинаріяхъ, не оправдываемомъ ни интересами и нуждами народонаселенія (особенно Ковенской губерніи), ни интересами римско-католической церкви, тѣмъ болѣе, что офиціально (по уставу)

польскому языку и польской исторіи совершенно нѣтъ мѣста въ курсѣ семинарскаго образованія.

Сочиненіе заканчивается небольшимъ заключеніемъ, въ которомъ на основаніи предыдущаго документальнаго и фактическаго изложенія кратко характеризуется школьное воспитаніе будущаго ксендза русскаго сѣверо-западнаго края. «Воспитанники семинаріи,—говоритъ авторъ,—въ огромномъ большинствѣ получаютъ первоначальное образованіе подъ воздѣйствіемъ антирусскихъ началъ и руководствомъ девотокъ и тайныхъ самозванныхъ учителей, въ большинствѣ, отъ всей души ненавидящихъ русскую власть. Можетъ ли противодѣйствовать развитію въ молодыхъ людяхъ этого антирусскаго направленія семинарское образованіе? Увы, нѣтъ! Преподаваніе богословскихъ предметовъ поставлено такъ, какъ оно можетъ быть поставлено развѣ въ государствахъ, гдѣ римско-католическая вѣра есть вѣра господствующая... Въ семинаріяхъ будущіе ксендзы изучаютъ русскій языкъ, но русскій языкъ употребляется лишь на урокахъ общеобразовательныхъ предметовъ, а русская книга лишь изрѣдка попадаетъ въ руки воспитанниковъ. Этихъ книгъ почти вовсе и нѣтъ въ семинарскихъ библіотекахъ. Вмѣсто русскаго языка и въ качествѣ языка разговорнаго, и при изъясненіи богословскихъ предметовъ, употребляется языкъ польскій, царящій въ семинаріяхъ; изъ книгъ на польскомъ языкѣ, которыхъ много въ библіотекахъ, будущіе ксендзы почерпаютъ и свою духовную пищу. Они и становятся мало-по-малу поляками по духу. Такіе ли ксендзы нужны краю»?

Этими жгучими вопросами и заканчиваетъ свое сочиненіе авторъ, скрывшій свое имя подъ девизомъ «Русскій». Сочиненіе написано документально, живо ясно и убѣдительно, а потому читается съ большимъ интересомъ.

Ѳ. Титовъ.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Часть IV. Спб. 1897.

Настоящій томъ дневника епископа Порфирія заключаетъ въ себѣ его записки, относящіяся къ 1850—1851 годамъ, когда онъ былъ въ Каирѣ, Іерусалимѣ, Кіевѣ и Одессѣ. Самъ авторъ въ одномъ мѣстѣ записокъ такъ характеризуетъ свой дневникъ. «Это,—говоритъ онъ,—сосецъ, который впитываетъ въ себя свѣтъ и мракъ, теплоту и холодъ, сладость и горечь. Это—дагерротипъ памяти, который рисуетъ съ природы; и потому въ рисункахъ его видно подлѣ великаго—малое, близъ изящнаго—безобразное, около священнаго—мірское, вмѣстѣ съ важнымъ—смѣшное». Дѣйствительно, настоящій томъ дневника епископа Порфирія такъ же, какъ и предыдущіе, о которыхъ въ свое время мы уже говорили, заключаетъ въ себѣ самый разнообразный матеріалъ. Главное мѣсто въ немъ удѣлено, конечно, православному востоку, наблюденіямъ надъ жизнью этого востока, а также спеціальнымъ археологическимъ и историческимъ розысканіямъ ученаго автора. Епископъ Порфирій, посѣщая какой нибудь древній храмъ или монастырь, всегда интересовался его исторіей, архивомъ и библіотекой. Натолкнувшись на какія нибудь интересныя рукописи, онъ немедленно же принимался за ихъ чтеніе и описаніе. Такими описаніями

разнаго рода рукописей заполнены цѣлыя страницы его дневника. Настоящій томъ, впрочемъ, нѣсколько отличается отъ предшествующихъ общимъ настроеніемъ автора. Первые томы изобиловали массой любопытнѣйшихъ этнографическихъ и бытовыхъ наблюденій епископа Порфирія. Настоящій же томъ главнымъ образомъ содержитъ въ себѣ размышленія автора, носящія мистическій характеръ. Такъ, напримѣръ, въ книгѣ много мѣста отведено разсказамъ о сновидѣніяхъ и толкованіямъ ихъ. Приведенъ цѣлый рядъ видѣній и непонятныхъ фактовъ, случившихся съ Павломъ I, шведскимъ королемъ Карломъ X, Пушкинымъ и другими извѣстными лицами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ епископъ Порфирій какъ бы пророчествуетъ. «Въ богоспасаемой Россіи,—говоритъ онъ въ октябрѣ 1851 г.,—скоро не будетъ рабства крестьянъ... Россія исполнитъ Богомъ предопредѣленное и данное ей дѣло великое, міровое: она покоритъ Кавказъ и приблизится къ англійской Индіи, ставъ твердо въ глуби средней Азіи, какъ отпоръ Англіи, освободитъ отъ турецкаго ига болгаръ, сербовъ и черногорцевъ, какъ освободила молдаванъ и валаховъ; возьметъ Константинополь и объявитъ его градомъ Божіимъ. Россія поможетъ единовѣрной Греціи овладѣть Малой Азіей и всѣми островами въ Архипелагѣ и въ моряхъ Эгейскомъ и Средиземномъ... Настанетъ новое и весьма трудное дѣло политическое — дѣлежъ всей Африки между главными государствами, кромѣ Россіи, которой нечѣмъ тамъ поживиться... Не вижу, кѣмъ и какъ онъ разверстается, но гадаю, что христіанская Абиссинія овладѣетъ Египтомъ и утвердится тутъ навсегда, наперекоръ Франціи и Англіи и на радость Россіи, съ которой она сдружится, сдѣлавшись вполнѣ православной!»..

Принимая во вниманіе, что предсказанія эти дѣлались почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, нельзя не сознаться, что епископъ Порфирій, довольно вѣрно намѣтившій нѣкоторыя политическія отношенія, не лишенъ былъ, если не дара провидѣнія, то несомнѣннаго политическаго ума. Послѣднимъ свойствомъ автора объясняется главнымъ образомъ то, что настоящій томъ, заключающій въ себѣ мало фактическаго матеріала, все-таки интересенъ, какъ можетъ быть интересна страничка изъ біографіи умнаго и незауряднаго человѣка.

В. В.

Библіотека экономистовъ. Ж. Симондъ де-Сисмонди. Выпускъ VIII. Москва. 1897.

Мы уже неоднократно указывали на достоинства и недостатки этого изданія г. Солдатенкова. Новый выпускъ содержитъ въ себѣ краткій біографическій очеркъ знаменитаго женевскаго экономиста, подробное извлеченіе изъ его капитальнаго труда «Новыя начала политической экономіи» и, въ отдѣльныхъ приложеніяхъ, его взгляды на равновѣсіе между потребленіемъ и производствомъ. Всѣмъ лицамъ, не сочувствующимъ такъ называемой классической политической экономіи и требующимъ изученія экономическихъ явленій въ связи съ общественными и государственными, въ частности же сочувствующимъ государственному соціализму, можно смѣло рекомендовать труды женевскаго экономиста. Онъ одинъ изъ первыхъ сознательно формулировалъ и защищалъ

ихъ воззрѣнія, доказывалъ, что политическая экономія въ значительной степени наука этическая, что хозяйственныя явленія должны изучаться въ связи съ фактами общественно-государственнаго характера, что частная земельная собственность должна быть ограничена, что государство должно заботиться объ обезпеченіи фабричныхъ рабочихъ и т. д. Вполнѣ сочувствуя роли, которую отводитъ Сисмонди государству, мы, однако, нисколько не раздѣляемъ взгляда, что необходимо смѣшивать политику съ соціологіею и политическою экономіею, и, напротивъ, полагаемъ, что только при ихъ разграниченіи возможны серьезные успѣхи науки, какъ было бы очевиднымъ регрессомъ свалить, напримѣръ, анатомію, физіологію и патологію въ одну кучу. Спеціализація отдѣльныхъ наукъ необходима въ виду все разростающагося ихъ матеріала. Методологическая ошибка, совершенная Сисмонди, была шагомъ назадъ сравнительно съ тѣмъ яснымъ разграниченіемъ политической экономіи и этики, честь котораго принадлежитъ Адаму Смиту. Но это не помѣшало Сисмонди высказать много очень вѣрныхъ и подчасъ глубокихъ взглядовъ на роль государства и общества. Какъ мы уже отмѣтили, онъ одинъ изъ первыхъ обратилъ съ должнымъ натискомъ вниманіе на злоупотребленія поземельною собственностью и капиталомъ, на необезпеченное положеніе фабричныхъ рабочихъ, на несостоятельность всеобщаго избирательнаго права и т. д. Въ этомъ большая его заслуга, которую мы отъ всей души признаемъ и предостерегаемъ только противъ основной его методологической ошибки, совершаемой, къ сожалѣнію, и многими современными экономистами въ прямой ущербъ вѣрнымъ и быстрымъ успѣхамъ науки.

Р. О.

Православное русское паломничество на западъ (въ Баръ-градъ и Римъ) и его насущныя нужды. А. А. Дмитріевскаго. Кіевъ. 1897.

Это небольшое, но превосходное сочиненіе принадлежитъ перу извѣстнаго нашего ученаго путешественника и знатока православнаго Востока, профессора А. А. Дмитріевскаго. Въ сочиненіи, на основаніи непосредственныхъ личныхъ наблюденій автора, изображается бытъ русскихъ паломниковъ, предпринимающихъ путешествіе на Западъ для поклоненія святынямъ Баръ-града и Рима. Положеніе русскихъ паломниковъ, прибывающихъ въ Баръ-градъ, рисуется самыми мрачными красками. Безъ указателя и проводника, безъ знанія итальянскаго языка и мѣстныхъ обычаевъ и условій жизни, они въ большинствѣ случаевъ, дѣлаются жертвами самой наглой эксплоатаціи, обмана, иногда даже прямого грабежа. Въ сочиненіи весьма живо и мастерски изображаются и самыя лица, которыя занимаются въ Барѣ эксплоатаціей простодушныхъ и неопытныхъ русскихъ паломниковъ. Въ нѣсколько лучшемъ положеніи оказываются русскіе паломники, направляющіеся въ Римъ. Здѣсь они, благодаря гуманности нашего посла при Квириналѣ, Н. Н. Влангали, находятъ хорошій странно-пріимный пріютъ. Но, къ сожалѣнію, и здѣсь, какъ и въ Бари, они остаются безъ всякаго указателя и опытнаго проводника-руководителя, который бы могъ показать имъ святыни, дорогія для русскаго православнаго благочестиваго поклонника.

Кромѣ описанія быта современныхъ русскихъ паломниковъ, путешествующихъ въ Баръ и Римъ, въ сочиненіи излагаются весьма интересныя и обстоятельныя историческія свѣдѣнія о баръ-градскихъ и римскихъ святыняхъ, на которыя долженъ обращать особенное вниманіе русскій паломникъ.

Въ заключеніи своего сочиненія авторъ, на основаніи личнаго опыта, указываетъ мѣры, которыя необходимо принять для улучшенія быта русскихъ паломниковъ на Западѣ.

Сочиненіе съ строго ученымъ характеромъ соединяетъ живое, ясное и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поэтически возвышенное изложеніе. Книга снабжена прекраснымъ фототипическимъ снимкомъ видовъ города Бара и базиликъ св. Николая и посвящена «незабвенной памяти профессора И. И. Малышевскаго».

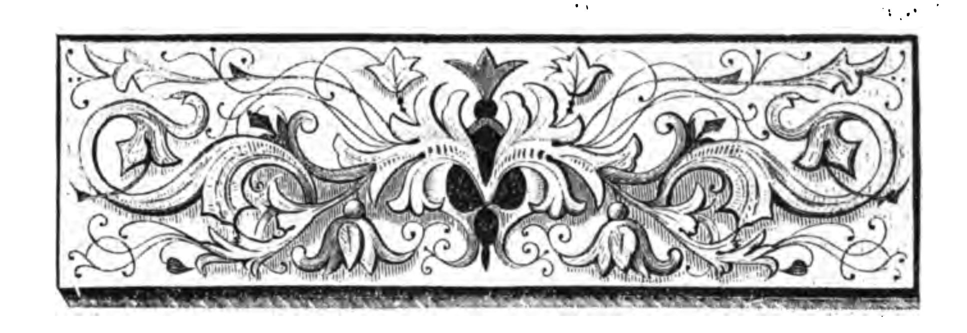
Ѳ. Титовъ.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета. Подъ ред. В. А. Гольцева. Москва. 1897.

Мысль объ изданіи этой книжки возникла главнымъ образомъ «вслѣдствіе того, что обычная нужда, ежегодно грозящая оставить за порогомъ университета нѣсколько сотенъ студентовъ, въ этомъ году должна была еще болѣе обостриться», такъ какъ обычный студенческій концертъ не могъ состояться.

Эта мысль нашла сочувствіе у многихъ писателей, г. Гольцевъ принялъ на себя составленіе и редактированіе сборника, и въ результатѣ явилась книжка въ 219 страницахъ, наполненная болѣе или менѣе хорошими статьями. Максимъ Ковалевскій далъ небольшую замѣтку о направленіяхъ въ соціологіи и соціологахъ, г. Карѣевъ пространную, по своему обыкновенію, статью, посвященную разбору взглядовъ Ницше на пользу и вредъ исторіи для жизни. Гг. М. Корелинъ, Н. Иванцовъ, Вл. Ладыженскій, И. Головановъ, М. Духовской, Гр. Джаншіевъ, Д. Маминъ-Сибирякъ, В. Вахтеровъ, Ив. Ивановъ, Бальмонтъ также внесли свою лепту на доброе дѣло. Перу г. Корелина принадлежитъ одна изъ интереснѣйшихъ въ сборникѣ статей: «Что можно дать для народнаго чтенія изъ всемірной исторіи». По мнѣнію г. Корелина, ближайшая задача народной литературы по всемірной исторіи должна заключаться въ обработкѣ такихъ темъ, которыя могутъ быть доступны для читателя, лишеннаго какихъ бы то ни было свѣдѣній по этому предмету. Исходя изъ этой мысли, г. Корелинъ намѣчаетъ рядъ темъ по всѣмъ отдѣламъ исторіи, давая нѣкоторыя указанія для ихъ цѣлесообразной обработки. По этимъ темамъ г. Корелинъ предлагаетъ людямъ, обладающимъ извѣстными знаніями и желающимъ послужить на пользу родному просвѣщенію, составлять народныя книжки. Мы желали бы надѣяться, что эти люди отвѣтятъ на предложеніе г. Корелина. Спеціалистамъ же историкамъ слѣдовало бы прійти на помощь г. Корелину, разсмотрѣвъ его темы, дополнивъ ихъ новыми. Хорошо было бы, если бы эти спеціалисты историки попробовали дать и образцы народныхъ книжекъ по исторіи.

Цѣна сборника недорогая: одинъ рубль, и мы увѣрены, что онъ найдетъ и читателей и, что нужнѣе, покупателей. **П. Щ.**

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОМПЕЕВА КОЛОННА. Въ апрѣльской книжкѣ Cosmopolis англійскій профессоръ Д. Магаффи [1]) разрѣшаетъ старую историческую загадку о происхожденіи громаднаго гранитнаго столба съ коринеской капителью, который возвышается въ Александріи, служитъ при дневномъ свѣтѣ маякомъ для приходящихъ съ моря кораблей и носитъ, неизвѣстно почему, названіе Помпеевой колонны. Это названіе впервые встрѣчается въ средніе вѣка, но трудно прослѣдить, кто изъ путешественниковъ по Египту всего ранѣе упоминаетъ о ней, такъ какъ еще въ XVII вѣкѣ Гаклюйтъ указываетъ, что ихъ было болѣе двухъ сотъ. Во всякомъ случаѣ Генри Блантъ въ 1634 году описываетъ этотъ монументъ и поясняетъ его названіе тѣмъ, что подъ нимъ похороненъ Помпей, а это поясненіе основано на сохранившихся трехъ буквахъ Пом... на одномъ изъ камней въ обширномъ фундаментѣ колонны. Но этотъ фактъ опровергается исторіей, такъ какъ Помпей умеръ не на ю.-з., а на с.-в. Александріи, и мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ современныхъ авторовъ о томъ, чтобъ Цезарь воздвигнулъ такой памятникъ. Однако въ эпоху сарацынъ это мнѣніе господствовало съ тѣмъ различіемъ, что тогда разсказывали о нахожденіи останковъ Помпея не подъ колонной, а на ней; свѣдѣнія объ этомъ находятся въ недавно вышедшемъ трудѣ итальянскаго ученаго Джакомо Лумброзо о грекоримскомъ Египтѣ. Петрарка совѣтовалъ одному пріятелю, отправлявшемуся въ

[1]) Pompey's pillar, by professor J. Mahaffy. Cosmopolis, april.

Александрію, посмотрѣть въ Александріи гробницу Александра Великаго и останки Помпея. На одномъ видѣ Александріи, спустя сто лѣтъ, находящемся въ Ватиканской рукописи Птоломея, древній географъ рисуетъ гробъ на высокой колоннѣ съ надписью: «Гробница Помпея». Аравійскій писатель конца XII вѣка, Абдъ-Аллатифъ, говоритъ, напротивъ, что наверху колонны былъ куполъ, а въ «Путешествіяхъ въ Египетъ и на Красное море», Е. Ирвина, упоминается что партія англійскихъ матросовъ взлѣзала на колонну въ 1733 году и видѣла на вершинѣ, представлявшей углубленіе въ родѣ блюдца, ногу бронзовой статуи. Въ настоящее время Помпеева колонна состоитъ изъ трехъ громадныхъ кусковъ гранита: четыреугольнаго, слегка суживающагося къ верху, фундамента въ 10 футъ вышины и въ 14½ футовъ ширины внизу каждаго фасада,—самой колонны въ 62—6 ф. вышины и отъ 3—4 до 7 въ ея діаметрѣ,—на конецъ, капители въ 9,10 ф. вышины и значительно больше колонны; весь монументъ имѣетъ 88—6 ф., вѣроятно, вѣситъ 245 тоннъ, и вершина его, слегка вдавшаяся внутрь, совершенно пуста. Въ фундаментѣ есть большая расщелина, сдѣланная пороховымъ взрывомъ съ цѣлью грабежа, и потомъ она набита камнями изъ другихъ монументовъ съ гіероглифическими надписями. Что касается до пресловутаго камня съ надписью Пом..., то при старательномъ его изслѣдованіи докторомъ Ботти и самимъ авторомъ статьи въ «Cosmopolis» профессоромъ Магаффи, эта надпись оказывается посвященіемъ колонны Діоклеціану египетскимъ эпархомъ Пос... сидіосомъ. Послѣднее слово неполно и только возстановлено по догадкѣ. Во всякомъ случаѣ Магаффи полагаетъ, что невозможно отнести сооруженіе такого памятника къ эпохѣ упадка Египта, именно, къ 303 году по Р. Х., а потому слѣдуетъ предположить, что египетскій правитель Посидіосъ, такъ какъ это имя всего болѣе подходитъ къ стертой надписи, передѣлалъ въ честь Діоклеціана старый уже существовавшій монументъ, а если такъ, то онъ могъ превратить въ колонну обелискъ, воздвигнутый Птоломеемъ II, въ честь жены своей Арсиноэ, описанный Плиніемъ и потомъ исчезнувшій неизвѣстно куда, тогда какъ другіе два обелиска, описанные имъ, сохранились и увезены изъ Александріи для украшенія европейскихъ столицъ. Эту гипотезу Магаффи обставляетъ очень вѣскими аргументами: во-первыхъ, третій обелискъ Плинія не могъ безслѣдно пропасть; во-вторыхъ, теперешняя колонна очень грубо выточена, суживается кверху, и капитель слишкомъ велика; въ-третьихъ, для превращенія обелиска въ колонну, потребовалось только скруглить углы, въ-четвертыхъ, наверху эпархъ могъ поставить статую Діоклеціана, нога отъ которой сохранилась до начала XVIII вѣка, хотя и была замѣнена впослѣдствіи куполомъ, также исчезнувшимъ со-временемъ; въ-пятыхъ, мѣстность колонны совпадаетъ съ мѣстностью, на которой, какъ извѣстно, возвышался храмъ, воздвигнутый Птоломеемъ II, въ честь Арсиноэ, и до сихъ поръ вокругъ колонны находятся остатки гранитныхъ колонадъ птоломеевскаго, но не римскаго стиля. Археологи и египтологи уже вступили въ споръ съ Магаффи послучаю высказанной имъ гипотезы; такъ Флиндерсъ Петръ въ Athenеum отъ 10 и 24 апр. опровергаютъ ее различными техническими доводами, между прочимъ тѣмъ соображеніемъ, что если эта колонна была прежде обелискомъ, то его слѣдовало много урѣзать, но въ своемъ отвѣтѣ въ томъ же

журналѣ отъ 17 апр. Магаффи ссылается на Плинія, который именно говоритъ о снятой верхушкѣ обелиска, имѣвшаго 85 футовъ, тогда какъ въ колоннѣ только 69.

— **Евреи въ Абиссиніи.** Во второмъ февральскомъ номерѣ «Revue des Revues» помѣщена любопытная статья французскаго путешественника Ж. Судана [1]), долго жившаго въ Абиссиніи, о малоизвѣстномъ, по его словамъ, фактѣ, что въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ въ этой странѣ господствуютъ евреи. Авторъ разсказываетъ, что, по свидѣтельству одного португальскаго іезуита, вернувшагося изъ Абиссиніи въ Европу въ 1710 году, мѣстныя лѣтописи говорятъ о цѣломъ рядѣ царей и царицъ, до знаменитой Македы, или Николы, которую въ священномъ писаніи называютъ царицей Савской; эта царица, равнявшаяся по могуществу самымъ великимъ государямъ, захотѣла узнать Соломона, о которомъ ей говорили чудеса, и она отправилась къ нему съ дорогими подарками, въ 20-мъ году своего царствованія, или въ 2779 году отъ сотворенія міра. Возвращаясь въ Африку, она родила сына отъ Соломона, котораго назвала Менеликомъ, то-есть «другой я». Аравійскіе историки, столь враждебные къ Эѳіопіи, подтверждаютъ это преданіе, но объясняютъ иначе имя Менелика, именно, по ихъ мнѣнію, оно означаетъ — Ебн-Алекъ, то-есть сынъ мудреца. Какъ бы то ни было, юный Менеликъ былъ посланъ своей матерью въ Іерусалимъ, гдѣ Соломонъ воспиталъ его въ храмѣ и по окончаніи образованія вернулъ на родину съ группой ученыхъ раввиновъ и двѣнадцатью тысячами молодыхъ представителей двѣнадцати еврейскихъ колѣнъ. Съ прибытіемъ въ Абиссинію этой палестинской эмиграціи, древняя страна, получившая, быть можетъ, отъ браминовъ Индустана свои первобытныя вѣрованія, и куда вѣками обращались египетскіе жрецы за посвященіемъ въ тайны ѳеократической философіи, отказалась отъ символическаго поклоненія солнцу и приняла культъ Іеговы. Менеликъ, наслѣдовавъ престолъ послѣ смерти матери, основалъ династію атіевъ, императоровъ и негусовъ; абиссинскія и аравійскія лѣтописи приводятъ полный списокъ государей этой династіи, прибавляя къ имени каждаго изъ нихъ: «сынъ Соломонова имени». Что касается до прибывшихъ съ Менеликомъ 12,000 юношей, то отъ нихъ произошли тѣ 400,000 евреевъ, которые въ настоящее время составляютъ высшую, господствующую касту среди 14 милліоновъ эѳіопскаго народа, состоящаго изъ нубійцевъ, галловъ, грековъ, арабовъ, негровъ и т. д. Отношенія къ Іерусалиму долго сохранялись: юноши посылались въ столицу Іудеи, какъ молодые римляне въ Аѳины, для окончательнаго образованія, и паломничество въ Соломоновъ храмъ считалось религіознымъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ Палестины являлись по временамъ новыя значительныя эмиграціи, именно, послѣ взятія Іерусалима Навуходоносоромъ, при Салманасарѣ и, наконецъ, при Титѣ, въ моментъ паденія священнаго города. Послѣдняя колонія, однако, не смѣшалась съ туземцами Эѳіопіи, и, поселившись въ Саменскихъ горахъ, эти евреи не только сохранили свою древнюю вѣру при введеніи христіанства въ Абиссиніи, но

[1]) Notre Dame D'Israel; Israel au pays du Negus, par Jean Soudan. Revue des Revues, 15 fevrier.

пользуясь покровительствомъ негусовъ, жестоко преслѣдовавшихъ галловъ съ цѣлью ихъ крещенія; они до сихъ поръ существуютъ въ отдѣльныхъ округахъ Самонской провинціи, подъ характористическимъ названіемъ фалаціевъ, то-есть изгнанниковъ, не несутъ военной службы, и занимаются преимущественно выработкой металловъ. За исключеніемъ этихъ вѣрныхъ сыновъ Израиля, всѣ остальные евреи, превратившіе Ѳеіопію въ настоящее іудейское царство, легко перешли въ христіанство по примѣру тогдашней царицы Соломонова рода и ея главнаго евнуха, также еврейскаго происхожденія, который былъ крещенъ св. Филиппомъ во время его поѣздки въ Палестину, въ 35 году по Рождествѣ Христовѣ. Св. Фрументій, первый апостолъ Ѳеіопіи, обратилъ окончательно всю страну въ новую вѣру, при чемъ все, что не было прямо уничтожено Христомъ въ законѣ Моисея осталось въ своей силѣ. Такимъ образомъ абиссинцы исторически, этнически и религіозно не что иное, какъ евреи, мирно перешедшіе отъ Моисея къ желанному Мессіи, и хотя, въ продолженіе 14-ти вѣковъ, они съ геройскимъ мужествомъ отстаивали отъ мусульманскаго наплыва свою новую вѣру, но остатки еврейства такъ упорно вкоренились, что замѣтны до сихъ поръ. Въ религіозныхъ обрядахъ, въ правительственномъ строѣ и въ національныхъ учрежденіяхъ этого еврейско-христіанскаго государства одинаково поражаютъ черты того и другого ученія. Рядомъ съ крещеніемъ существуетъ обрѣзаніе; церковныя службы происходятъ на мертвомъ древне-гезскомъ языкѣ, составляющемъ смѣсь халдейскаго и древне-еврейскаго; въ соборѣ священнаго города Аксума сохраняется скинія Моисея, которая, по преданіямъ, тайно вывезена изъ Іерусалима, и она показывается народу въ торжественныхъ случаяхъ; похороны совершаются по старинному еврейскому обычаю; абиссинцы не ѣдятъ свинины; въ законахъ сохранено много еврейскихъ постановленій, напримѣръ, избіеніе камнями жены, невѣрной мужу, хотя эта кара теперь почти вездѣ замѣнена потерей приданаго. Но всего болѣе, по словамъ Ж. Судана, еврейское происхожденіе высшихъ классовъ Абиссиніи доказывается ихъ физическимъ типомъ: по волосамъ, глазамъ, носу и губамъ, это чистокровные евреи Палестины. Символическимъ же подтвержденіемъ еврейско-христіанской двойственности Абиссиніи служитъ императорская печать Негуса: съ одной стороны ея находится греческій крестъ съ надписью «Пресвятая Дѣва», а съ другой іудейскій левъ, держащій въ правой лапѣ державу съ надписью «Царь израильскій».

— **Чума въ Европѣ съ древнѣйшихъ временъ и чумная французская деревня въ XVIII вѣкѣ.** Чума, свирѣпствующая въ Индіи и угрожающая проникнуть въ Европу, естественно породила цѣлую литературу. Заграничные журналы и газеты наперерывъ помѣщаютъ историческія справки о предъидущихъ посѣщеніяхъ европейскихъ странъ этой эпидеміей. Наиболѣе интересными представляются статьи докторовъ Е. Мони въ «Revue de Paris»[1]), Ж. Герикура въ «Revue Scientifique»[2]) и Ф. Пуарье въ «Revue Encyclopedique»[3]),

[1]) La peste, par le doct. E. Mosny. Revue de Paris. 15 fevrier,

[2]) La peste, par le doct. J. Hericourt. Revue Scientifique, 30 janvier.

[3]) La peste bubonique, par le doct. Ph. Poirier. Revue Encyclopedique. 27 mars.

а также анонимный очеркъ въ томъ же журналѣ «Чумная деревня въ 1720—1721 г.»[1]). Происхожденіе чумы очень древнее: еще Руѳъ изъ Ефеса описываетъ ея гибельные результаты въ Египтѣ, Сиріи и Ливіи въ первомъ вѣкѣ нашей эры, а Ѳукидидъ рисуетъ печальную картину упадка Аѳинъ отъ свирѣпствовавшей во II вѣкѣ аттической чумы, но впервые во всей своей силѣ эта страшная эпидемія посѣтила Европу въ 542 году при Юстиніанѣ; тогда, начавшись въ Нильской дельтѣ, она перешла на сѣверные берега Средиземнаго моря и десятки лѣтъ опустошала ихъ, въ особенности она унесла много жертвъ въ Марселѣ, гдѣ, по словамъ Григорія Турскаго, не хватало досокъ на гробы, и валили по десяти тѣлъ въ одну могилу. Затѣмъ наступаетъ долгая передышка, и только въ XIV вѣкѣ является ужасная черная смерть, которая четыре года свирѣпствовала въ Польшѣ, Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Англіи, Норвегіи и стоила этимъ странамъ 25.000,000 людей изъ общаго населенія въ 105 милліоновъ. При этомъ наиболѣе пострадала Италія, гдѣ во всей странѣ погибло до половины всѣхъ жителей, а въ одной Венеціи—три четверти. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіе пяти вѣковъ, чума мало-по-малу, но твердыми шагами удаляется изъ Европы, хотя по временамъ она еще гибельно опустошала нѣкоторыя страны, такъ, Данію въ 1654 г., Швецію въ 1657 г., Англію въ 1665 г., Швейцарію въ 1668 г., Нидерланды въ 1669 г. и Испанію 1681 г.; изъ этихъ локализованныхъ эпидемій наиболѣе жестокой была англійская, отъ которой умерло въ одномъ Лондонѣ 68.000 человѣкъ. Въ началѣ XVIII вѣка Европа считала себя на вѣки освобожденной отъ грознаго бича, какъ неожиданно въ 1720 г. въ Марсель была занесена чума комерческимъ кораблемъ изъ Сиріи, и въ продолженіе пятнадцати мѣсяцевъ тамъ умерло 40.000 человѣкъ. Изъ Марсели эпидемія прошла по всему Провансу, гдѣ изъ населенія въ 247.000 человѣкъ погибло 87.000 человѣкъ. Спустя двадцать лѣтъ, произошло подобное же несчастіе въ Мессинѣ, гдѣ зараза, занесенная греческимъ кораблемъ, унесла въ могилу 43.000 человѣкъ. Во второй половинѣ прошедшаго столѣтія чума проникала по временамъ изъ Константинополя въ Трансильванію, Далмацію и Грецію. Въ XIX вѣкѣ Константинополь остался долгое время заразнымъ центромъ, гдѣ почти каждый годъ возобновлялась эпидемія, унося до сотни тысячъ жертвъ, а оттуда она распространялась на сосѣднія мѣстности, именно, на восточные берега Адріатическаго моря въ 1814 г., на маленькій итальянскій городокъ Нойю близъ Бари въ 1815 г., при чемъ погибло 716 человѣкъ изъ населенія въ 5.300 человѣкъ, наконецъ, на Валахію, Албанію и Морею въ 1824 г. Въ 1842 году въ послѣдній разъ показалась чума въ Турціи и съ тѣхъ поръ Европа уже болѣе пятидесяти лѣтъ не видала грознаго бича. О появленіяхъ чумы въ Россіи говорится въ другой статьѣ настоящей книжки «Историческаго Вѣстника». Быть можетъ, всего интереснѣе изъ рисуемыхъ французскими авторами поразительныхъ картинъ тѣхъ общественныхъ бѣдствій, которыя вызывались чумой, представляется подробное описаніе одной чумной деревни во время марсельской эпидеміи 1720 г. анонимнымъ сотрудникомъ «Revue Encyclopedique» на основаніи провинціальныхъ архивовъ и любопыт-

[1]) Un village pestiféré en 1720 1721. Revue Encyclopedique. 27 mars.

ной монографіи: «Чума 1720 г. въ деревнѣ Нансъ», Ежена Журдана въ «Bulletin de la Soc. d'etudes sociales et archeologiques de la ville de Draguignan, 1888—1889 г.». Эта деревня, находящаяся въ Варскомъ департаментѣ, получила 1-го августа 1720 г. извѣстіе о чумѣ въ Марсели и объ установленномъ тамъ карантинѣ. Спустя три дня, мэръ, или какъ тогда называли, консулъ, Жоржъ Фугассъ, собралъ общинный совѣтъ, и на немъ было рѣшено: 1) образовать вооруженный пикетъ изъ 4 лицъ днемъ и 6 ночью для огражденія всѣхъ дорогъ и тропинокъ, ведущихъ въ деревню, 2) всѣ жители обязаны поочереди участвовать въ этой охранѣ подъ опасеніемъ пени въ 10 ливровъ; 3) всѣ прибывающіе должны представлять санитарные пропуски, которые поступають на просмотръ доктора Пьера Фабра. Эти благоразумныя мѣры были тотчасъ примѣнены, но недостаточно строго, такъ какъ охранная стража часто спала и пропускала по недосмотру марсельскихъ бѣглецовъ, которыми были переполнены окрестности, и общинный совѣтъ выбралъ комитетъ общественной безопасности, члены котораго повѣряли всѣ посты и выдавали дежурнымъ по полфунта хлѣба и полбутылки вина на каждаго въ ночь, чтобъ отнять у нихъ предлогъ къ уклоненію строгаго исполненія своихъ обязанностей. Кромѣ предосторожностей отъ распространенія заразы общинному совѣту еще пришлось запастись хлѣбомъ, что составляло большее затрудненіе, такъ какъ зерно вздорожало и попало въ руки монополистовъ, но благодаря помощи мѣстнаго помѣщика, ссудившаго денегъ до лучшихъ дней, опасность голода успѣшно устранена. Два мѣсяца съ половиной все обстояло благополучно, но неожиданно, 20-го октября, показалась въ деревнѣ чума, вѣроятно, занесенная марсельскими бѣглецами, цѣлый мѣсяцъ ее скрывали, по невѣжеству или хитрости, такъ что лишь 23-го ноября было объявлено публично о посѣщеніи деревни страшнымъ бичемъ. Тогда произошла паника, и никто не хотѣлъ слушать деревенскихъ властей, но общинный совѣтъ не потерялъ головы, а вручилъ диктаторскія права нотаріусу, Лорану Балла, который оказался на высотѣ своего призванія. Съ удивительною энергіей и благороднымъ самопожертвованіемъ онъ отдался всецѣло порученному ему дѣлу. Онъ организовалъ прежде всего больницу, досталъ изъ сосѣдняго города необходимыя лѣкарства, отдѣлилъ чумныхъ отъ здоровыхъ, установилъ особое заразное кладбище, назначилъ четырехъ гробовщиковъ, которые за большую цѣну, по 5 ливровъ съ трупа, хоронили покойниковъ и дезинфецировали ихъ жилища, потребовалъ солдатъ для сохраненія порядка, снесся съ марсельскимъ архіепископомъ Бельзюнсомъ, на счетъ сбора пожертвованій, раздавалъ даромъ пищу бѣднымъ, такъ какъ въ зачумленной деревнѣ открылся голодъ и т. д. Но едва только эпидемія стала ослабѣвать, какъ этотъ скромный герой палъ жертвой своего двойнаго долга; смерть его подкараулила у зачумленнаго одра Маргариты Вилькроцъ, завѣщаніе которой онъ явился свидѣтельствовать, 8-го мая 1721 года, въ качествѣ нотаріуса. Еще три мѣсяца, и зараза исчезла въ Нансѣ, но изъ 673 ея жителей—230 умерло, а остальные были совершенно разорены, такъ какъ одинъ общинный совѣтъ израсходовалъ 6193 ливра на мѣры противъ чумы, которые за исключеніемъ пожертвованныхъ 800 ливровъ легли долгомъ на несчастныхъ поселянъ. Нельзя не отмѣтить рядомъ съ высокочеловѣчными подвигами натаріуса Балла позор-

ное поведеніе владѣльца Нанса, аббата Сенъ-Виктора, естественнаго покровителя несчастной общины, который заперся въ своемъ роскошномъ аббатствѣ и, несмотря на всѣ просьбы общиннаго совѣта, не ударилъ пальцемъ о палецъ для оказанія помощи умиравшему и голодавшему населенію.

— Гортензія Богарнэ. Г-жа Д'Аржюзонъ въ только что вышедшей книжкѣ [1]) разсказываетъ исторію дочери Жозефины и матери Наполеона III, Гортензіи Богарнэ, до ея брака съ Людовикомъ, братомъ Наполеона. Этотъ разсказъ, основанный на новыхъ документахъ, въ особенности на рукописныхъ воспоминаніяхъ баронессы Ламберъ, племянницы г-жи Кампанъ, въ знаменитомъ пансіонѣ которой воспитывалась Гортензія, представляетъ любопытную картину тревожнаго дѣтства будущей королевы, ея мирнаго, образцоваго воспитанія и блестящей юности при консульскомъ дворѣ. Съ самаго начала, повидимому, злая судьба тяготѣла надъ этой женщиной, и не успѣла она родиться 10 августа 1783 года въ Парижѣ, во время отсутствія ея отца, виконта Александра Богарнэ, который уѣхалъ въ Америку съ Лафаэтомъ для участія въ борьбѣ за независимость новой республики, какъ отецъ не призналъ ее своей дочерью, а, возвратясь во Францію, разошелся съ женой, хотя и отказавшись отъ своего несправедливаго обвиненія. Гортензія осталась у матери навсегда, а ея братъ Евгеній только до пятилѣтняго возроста; разлука съ сыномъ была такъ тягостна Жозефинѣ, не смотря на ея веселый, легкомысленный характеръ, что она съ горя уѣхала съ маленькой дочерью въ свою далекую родину, Мартинику, откуда вернулась только въ 1790 г. во время разгара революціи. Повидимому, семилѣтняя дѣвочка привезла съ собой неизгладимыя воспоминанія о тропической природѣ, которыхъ не уничтожили даже бурныя событія, повергнувшія ея родителей въ тюрьму и побудившія ее съ братомъ написать конвенту два трогательныя письма, съ просьбою освободить ихъ мать. Хотя эти мольбы не были уважены, и отецъ погибъ подъ ударами гильотины, но Жозефина была выпущена на свободу послѣ термидорскаго переворота, благодаря протекціи Тальена. Тутъ наступаетъ конецъ раннимъ горестямъ Гортензіи, и мать отдаетъ ее въ модный пансіонъ г-жи Кампанъ. До сихъ поръ ея воспитаніе было очень запущено, хотя она занималась охотно и выказывала съ дѣтства способности къ музыкѣ и рисованію, но подъ руководствомъ образцевой воспитательницы того времени Гортензія сдѣлала быстрые успѣхи. Національный Сен-Жерменскій институтъ, какъ назывался пансіонъ г-жи Кампанъ, имѣлъ 4 класса, и преподаваніе, преимущественно сосредоточенное въ рукахъ самой директрисы, отличалось смѣшеніемъ полезнаго съ пріятнымъ, такъ умѣла эта замѣчательная женщина-педагогъ дѣлать интересными свои уроки, вставляя въ нихъ анекдоты и придавая имъ разговорную форму. Конечно, собственно научная часть воспитанія не стояла на высокой ногѣ, не превышала грамматики, четырехъ правилъ ариѳметики и основъ исторіи, географіи и естественной исторіи, но главное вниманіе было обращено на умственное развитіе, манеры, свѣтскій лоскъ, музыку, пѣніе, рисованіе и танцы. Однимъ словомъ г-жа Кампанъ поставила себѣ цѣлью подготовить пріятныхъ,

[1]) Hortense de Beauharnais, par C. D'Arjuson. Paris. 1897.

блестящихъ, образованныхъ свѣтскихъ дамъ, и это вполнѣ ей удалось, такъ какъ главнѣйшія свѣтила парижскихъ салоновъ имперіи и реставраціи были ея ученицами, въ томъ числѣ двѣ сестры Наполеона: Каролина и Полина, принцесса Ней, герцогиня Масса, герцогиня Даву, графиня Цажоль, герцогиня Ровиго, графиня Каяль, фаворитка Людовика XVIII и т. д. Всѣ онѣ были подругами Гортензіи, которая пользовалась большой популярностью въ школѣ и носила прозвище «маленькой добрячки». По ея собственнымъ словамъ, «поясъ и матерчатая шляпа пансіонерки напоминали ей о счастливѣйшемъ времени ея жизни». Между тѣмъ, ея мать вышла замужъ за Бонапарта, который одержалъ знаменитыя побѣды въ Италіи и предпринялъ египетскую экспедицію. Возвращеніе его изъ этой экспедиціи ознаменовалось семейной драмой, въ которой разыграла немаловажную роль семнадцатилѣтняя молодая дѣвушка. Узнавъ, что Наполеонъ высадился въ Фрежюсѣ, Жозефина полетѣла къ нему на встрѣчу, но разъѣхалась съ нимъ, и, прибывъ въ Парижъ, онъ нашелъ свой домъ пустымъ, а его семья, не любившая Жозефины, наговорила ему столько ужасовъ объ ея легкомысленномъ поведеніи во время его отсутствія, что когда она явилась, онъ заперся въ своей комнатѣ и не хотѣлъ ее видѣть. Ни мольбы, ни слезы не могли его поколебать; тогда Жозефина къ отчаяніи послала за своими дѣтьми, которыхъ Наполеонъ очень любилъ. Гортензія бросилась передъ нимъ на колѣни и, обливая его руки слезами, восклицала: «Не покидайте матери, она умретъ отъ этого». Евгеній поддерживалъ мольбы сестры, и имъ удалось растрогать Наполеона, который помирился съ Жозефиной. Спустя три недѣли послѣ этой сцены, произошелъ государственный переворотъ 18 брюмера, и Наполеонъ сдѣлался консуломъ. Когда онъ помѣстился съ женой сначала въ Маломъ Люксембургѣ, а потомъ въ Тюльери и Мальмезонѣ, то Гортензію взяли изъ пансіона; ей уже было семнадцать лѣтъ, и мать нашла, что ея воспитаніе кончено, что ей пора служить украшеніемъ консульскаго двора. Съ этого времени она уже не покидала Жозефины до своего замужества и вела самую веселую, блестящую, свѣтскую жизнь. Балы, вечера, обѣды, театры, прогулки, посѣщенія публичнаго сада Тиволи, или кондитерской Фраскати, наполняли все существованіе молодой дѣвушки, которая имѣла большой успѣхъ въ обществѣ, благодаря своему положенію и неотразимымъ чарамъ ея молодости, свѣжести, красоты. Этотъ неожиданный переходъ ея ученицы со школьной скамейки въ свѣтскій водоворотъ, пугалъ г-жу Кампанъ, и она всячески старалась побудить Гортензію продолжать дома свои занятія, но всѣ ея усилія, составляемыя ею программы и добрые совѣты остались втунѣ. Молодая дѣвушка только занималась живописью и музыкой, играя на арфѣ съ артистическимъ пыломъ и рисуя часами портреты, между прочимъ Наполеоновскаго мамелюка Рустама. Когда же однажды Жозефина не могла дозваться ея къ завтраку и, поднявшись къ ней въ комнату, стала упрекать, что она рисуетъ словно для куска хлѣба, Гортензія отвѣчала: «Мама, въ нашъ вѣкъ никто не можетъ быть увѣренъ, что ему не придется работать для куска хлѣба». Будущая королева питала большую склонность еще къ сценическому искусству и, по свидѣтельству современниковъ, между прочимъ г-жи Кампанъ, очень талантливо играла въ любительскихъ спектакляхъ въ Мальмезонѣ. Естественно, что Жозефина рано на-

чала думать о замужествѣ своей дочери, и прежде всего она остановилась на сынѣ директора Ревбеля, но Гортензія и слышать объ этомъ не хотѣла, говоря что «женщина, которая хочетъ остаться нравственной и быть счастливой, не можетъ выйти замужъ иначе, какъ по любви». Для того же, чтобъ заслужить любовь романтично настроенной дѣвушки, надо было между прочимъ, чтобъ женихъ никого прежде не любилъ, и на этомъ основаніи она на отрѣзъ отказала графу де-Мену. Наконецъ нашелся человѣкъ ей по сердцу—Дюрокъ, двадцатидевяти-лѣтній герой; она полюбила его всѣмъ сердцемъ, и Наполеонъ былъ не прочь отдать ее за одного изъ своихъ блестящихъ сподвижниковъ, но Жозефина помѣшала счастью своей дочери изъ личныхъ расчетовъ. Боясь, чтобъ Наполеонъ не развелся съ нею изъ желанія имѣть дѣтей, и надѣясь привязать къ себѣ его семью болѣе близкими узами, она задумала женить на Гортензіи брата Наполеона Людовика. Путемъ ловкихъ интригъ она побудила Дюрока отказаться отъ руки молодой дѣвушки и, пользуясь отчаяніемъ оскорбленной Гортензіи, уговорила ее на зло невѣрному жениху сдѣлать блестящую партію. Между будущими супругами не было ничего общаго, такъ какъ она поражала своей свѣтской, легкомысленной веселостью, съ примѣсью романтичной мечтательности, а онъ отталкивалъ всѣхъ своей холодной, мрачной, подозрительной суровостью, но все-таки бракъ совершился. «Никакое вѣнчанье,—говорилъ впослѣдствіи молодой,—не было грустнѣе нашего; никогда супруги не предчувствовали такъ, какъ мы, всего ужаса насильственнаго и совершенно неподходящаго союза». А спустя двадцать лѣтъ, Гортензія писала своей статсъ-дамѣ, графинѣ Аржюзонъ: «Несчастье выйти замужъ не по любви влечетъ за собой всѣ другія бѣдствія». Роковою свадьбой, блестяще сыгранной въ Тюльери, оканчивается исторія веселой, счастливой Гортензіи Богарнэ и, вѣроятно, г-жа Д'Аржюзонъ посвятитъ новый, отдѣльный трудъ несчастной жизни голландской королевы.

— Аграрныя реформы Гарденберга въ Пруссіи. Французскій депутатъ, бывшій министръ и кандидатъ въ президенты, Годфруа Каваньякъ, въ свободное время изучаетъ исторію германскихъ государственныхъ учрежденій и печатаетъ результаты своихъ литературныхъ работъ во французскихъ журналахъ. Въ первой апрѣльской книжкѣ Revue des deux Mondes помѣщено окончаніе его историческаго очерка «Министерство Гарденберга»[1]), и наибольшій интересъ въ этомъ трудѣ представляетъ мастерское сравненіе обратныхъ реформъ Штейна и Гарденберга. Нѣмецкіе историки, съ Трейчке во главѣ, превозносятъ первыя и унижаютъ послѣднія съ чисто національной точки зрѣнія, но, по словамъ Каваньяка, безпристрастная исторія должна произнести иного рода приговоръ. Въ сущности аграрная система Штейна касалась только государственныхъ крестьянъ и, какъ ни важенъ фактъ созданія, благодаря этимъ реформамъ, тридцати тысячъ свободныхъ мелкихъ собственниковъ, но легенда о Штейнѣ, какъ объ освободителѣ прусскихъ поселянъ, ни на чемъ не основана. Внѣ королевскихъ доменовъ онъ ничего не сдѣлалъ, и вполнѣ не правиленъ ба-

---

[1]) Le ministere de Hardenberge. La reforme agraire et la reforme administrative (1811—1812), par Godefroy Cavaignac. Revue des deux Mondes, 1 avril.

рельефъ на его памятникѣ въ Берлинѣ, изображающій толпу освобожденныхъ поселянъ у ногъ прусскаго реформатора. Въ послѣднее время даже нѣмцы историки, напримѣръ, Гетте отказываются отъ его общепринятаго прославленія. Напротивъ, реформы Гарденберга, несмотря на всѣ ихъ недостатки, шли гораздо далѣе мѣропріятій Штейна. Въ нихъ уже дѣло идетъ не объ отказѣ короля отъ своихъ исключительныхъ правъ надъ государственными доменами, а чисто революціонная отмѣна во имя государственныхъ интересовъ аграрныхъ привилегій крупныхъ землевладѣльцевъ, дворянъ. Гарденбергъ въ меньшихъ размѣрахъ и съ различными уступками привилегированному сословію совершилъ ту самую ликвидацію, которая произведена на бо́льшей ногѣ французской революціей. Даже Трейчке признаетъ въ его дѣйствіяхъ слѣды радикальныхъ доктринъ, которыя приближаютъ этого прусскаго администратора несмотря на всѣ его авторитетныя стремленія, къ французскимъ якобинцамъ. Настоящій смыслъ узаконеній Гарденберга вполнѣ поняли съ одной стороны прусскіе аристократы помѣщики, которые всячески противодѣйствовали ихъ практическому примѣненію, а съ другой—самъ Штейнъ, сначала возстававшій во имя своихъ умѣренно-либеральныхъ принциповъ противъ насильственнаго нарушенія старинныхъ отношеній между помѣщиками и поселянами, но потомъ, въ эпоху реакціи, совѣтовавшій не отмѣнять законовъ Гарденберга, такъ какъ еще опаснѣе возвращеніе къ древнимъ порядкамъ. Такимъ образомъ, Каваньякъ приходитъ къ тому заключенію, что Штейнъ былъ представителемъ историческихъ, полулиберальныхъ, полуолигархическихъ преданій древней децентрализованной Германіи, а Гарденбергъ, не придерживаясь никакихъ опредѣленныхъ принциповъ, а дѣйствуя только, какъ практическій администраторъ, невольно провелъ, подъ вліяніемъ времени, въ своихъ мѣропріятіяхъ идею о новомъ государствѣ, основанномъ на радикальныхъ теоріяхъ соціальнаго устройства. Если же его аграрная реформы не увѣнчались полнымъ успѣхомъ и не дали тѣхъ результатовъ, которые должны были, естественно, произойти отъ нихъ, то въ этомъ виновны были, главнымъ образомъ, противодѣйствіе прусскихъ землевладѣльцевъ и патріотическая борьба съ Наполеономъ, отвратившая всеобщее вниманіе отъ правильнаго примѣненія законовъ 1811—1812 годовъ. Какъ бы то ни было, все-таки реформы Гарденберга создали новыхъ семьдесятъ тысячъ свободныхъ, мелкихъ собственниковъ земли въ Пруссіи и увеличили на милліонъ гектаровъ область мелкаго землевладѣнія въ странѣ древняго феодализма. При этомъ нельзя не замѣтить, что выработка узаконеній Гарденберга происходила не исключительно бюрократическимъ порядкомъ, а при содѣйствіи представителей націи, хотя и назначенныхъ правительствомъ. Такимъ образомъ, и по существу, и по формѣ, мѣропріятія прусскаго министра Гарденберга въ началѣ нынѣшняго столѣтія отличались, какъ бы противъ его воли, зачатками болѣе передового политическаго и соціальнаго устройства, чѣмъ пресловутыя реформы Штейна.

— **Теккерей въ Веймарѣ.** Нѣмецкій профессоръ Вальтеръ Вульпіусъ разсказываетъ, по новымъ даннымъ, на страницахъ Century Magazine [1]) о пребываніи знаменитаго англійскаго романиста Теккерея, во время его моло-

---

[1]) Thackeray in Weimar, by Walter Vulpius. Century Magazine. April.

дости, въ Веймарѣ, гдѣ тогда царилъ Гете. Девятнадцати лѣтъ и будучи студентомъ Кембриджскаго университета, будущій авторъ «Ярмарки Тщеславія», уѣхалъ тайно изъ Англіи лѣтомъ 1830 года къ своему пріятелю Летсону, служившему въ англійскомъ посольствѣ въ Веймарѣ, и провелъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ понравилось ему тамошнее высоко-культурное общество. Въ лучшихъ домахъ онъ былъ принятъ самымъ радушнымъ образомъ, а въ особенности у самого Гете и у жены его сына, Оттиліи, которая, шутя, называла молодого студента британскимъ консуломъ. Въ письмѣ къ одному изъ пріятелей, отъ 20 октября, онъ самъ описываетъ свое свиданіе съ великимъ поэтомъ: «Я только что видѣлъ въ первый разъ Гете. Онъ былъ очень добръ ко мнѣ и даже выказалъ болѣе вниманія, чѣмъ къ остальнымъ здѣшнимъ англичанамъ. По временамъ старикъ приглашаетъ на чашку чая своихъ знакомыхъ и нѣкоторыхъ иностранцевъ; онъ прислалъ мнѣ приглашеніе къ двѣнадцати часамъ дня; я разговарилъ съ нимъ около получаса. Потомъ явился ***, и я отретировался. Госпожа Гете также приняла меня очень любезно, и я засталъ ее, окруженную портретами Байрона, Мура и Шелли». Впослѣдствіи, т. е. спустя двадцать пять лѣтъ, уже въ апогеѣ своей славы, Теккерей описывалъ въ письмѣ къ Джоржу Генри Люису свои веймарскія воспоминанія: «Въ то время въ Веймарѣ жило нѣсколько англійскихъ юношей съ цѣлью ученія и веселья. Великій герцогъ и его жена оказывали намъ милостивое гостепріимство, и при ихъ дворѣ мы чувствовали себя совершенно дома. Такъ какъ насъ принимали на всѣ придворные обѣды, балы и вечера, то, не имѣя мундировъ, мы должны были изобрѣсти для себя подобающій костюмъ. Впрочемъ, гофмаршалъ фонъ-Шпигель смотрѣлъ сквозь пальцы на нарушеніе нашими костюмами придворнаго этикета, и я въ особенности гордился своей шпагой, такъ какъ она когда-то принадлежала Шиллеру, котораго я тогда считалъ послѣ Шекспира первымъ поэтомъ. Кромѣ двора, мы знали все городское общество, благодаря чему имѣли случай научиться прекрасно говорить понѣмецки, хотя бо́льшая часть молодыхъ дамъ и дѣвушекъ хорошо говорили поанглійски. Въ каждомъ домѣ былъ свой опредѣленный пріемный день, а два, или три раза въ недѣлю мы всѣ бывали въ театрѣ, въ которомъ давались прекрасныя представленія, хотя Гете уже отказался отъ мѣста директора. Въ то время онъ совершенно покинулъ свѣтъ, но любезно принималъ иностранцевъ, а домъ его невѣстки былъ всегда для насъ открытъ. Мы тамъ проводили часы за часами въ пріятной бесѣдѣ, а также занимались музыкой и чтеніемъ романовъ на французскомъ и англійскомъ языкахъ. Что касается лично до меня, то я тогда очень любилъ рисовать каррикатуры и съ гордостью могу сказать, что самъ великій Гете разсматривалъ ихъ съ удовольствіемъ». Эти каррикатуры, старательно наклеенныя на папку Оттиліей Гете и снабженныя ея собственной подписью о томъ, что ихъ рисовалъ Теккерей, перешли въ собственность внуковъ поэта, а теперь находятся у профессора Вульпіуса, который украсилъ нѣкоторыми изъ нихъ свою статью. Эти живыя изображенія искуснымъ перомъ сценъ изъ ежедневной жизни пользовались большимъ успѣхомъ, и пріятельница Оттиліи Гете, Дженни Гуттетъ, упоминаетъ о нихъ въ своихъ мемуарахъ: «мы весело разговаривали за чайнымъ столомъ, а

Теккерей, высокій юноша съ красивыми глазами и длинными курчавыми волосами, обыкновенно рисовалъ перомъ юмористическія картинки, всегда начиная съ каррикатурнаго изображенія самого себя». Однимъ изъ любимыхъ препровожденій времени гетевскаго кружка было изданіе журнала Das Chaos, который писался членами этого кружка и печатался только для нихъ. Редакторомъ была Оттилія Гете, а ея помощниками англичанинъ Парри и французъ Сорэ. Первый нумеръ вышелъ въ день рожденія Гете 28 августа 1829 г., и въ немъ, какъ и въ послѣдующихъ нумерахъ, помѣщались произведенія на разныхъ языкахъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, при чемъ каждый авторъ скрывался подъ псевдонимомъ. Самъ Гете далъ нѣсколько маленькихъ поэмъ, подписанныхъ звѣздочкой, а Теккерей помѣстилъ на англійскомъ языкѣ, безъ всякой подписи, застольную пѣснь и переводъ отрывка изъ Фауста; подъ псевдонимомъ «Роза». Жизнь въ Веймарѣ такъ понравилась молодому студенту, что онъ тамъ застрялъ долго, чѣмъ произвелъ значительный промежутокъ въ своей университетской карьерѣ. Когда онъ вторично посѣтилъ Веймаръ уже со своей дочерью, то съ удовольствіемъ вспоминалъ проведенные тамъ дни молодости: «Прошло двадцать пять лѣтъ послѣ этого счастливаго времени,—писалъ онъ Люису,—и я видалъ много всевозможныхъ представителей человѣчества, но, признаюсь, никогда не встрѣчалъ такого простого, пріятнаго, благороднаго и джентельменскаго общества, какъ то, которымъ могъ, по справедливости, гордиться маленькій саксонскій городокъ, гдѣ жили добрый Шиллеръ и великій Гете».

— Распространеніе байроновскаго культа. Въ послѣднее время въ Англіи, Франціи и Германіи замѣчается возникновеніе моды на Байрона: выходятъ новыя изданія его сочиненій съ замѣчательными коментаріями, а въ журналахъ появляются статьи и очерки о различныхъ эпизодахъ его жизни, наконецъ въ иллюстрированныхъ изданіяхъ попадаются на каждомъ шагу его новые, неизвѣстные, портреты, или виды тѣхъ жилищъ, въ которыхъ онъ когда-то обиталъ. Напримѣръ, въ апрѣльской книжкѣ English Illustrated Magazine [1]) помѣщены рѣдкій портретъ Байрона семилѣтнимъ ребенкомъ, стрѣляющимъ въ цѣль, изображеніе часовъ, подаренныхъ Байрономъ сыну своей няньки, и видъ абердинскаго дома, въ которомъ онъ провелъ свое дѣтство и который теперь назначенъ къ сломкѣ, въ виду увеличенія сосѣдняго университета. Въ февральской книжкѣ того же журнала [2]) напечатана богато иллюстрированная статья, подъ заглавіемъ «Пилигримство въ Байроновскую страну». Авторъ ея, Меткальфъ Вудъ, описываетъ современное положеніе Нью-Стедскаго аббатства, помѣстья байроновской семьи, гдѣ поэтъ написалъ многія изъ своихъ лучшихъ произведеній, въ томъ числѣ начало Чайльдъ-Гарольда; сосѣдній городъ Нью-Варкъ, гдѣ печатались его первыя поэмы, и церковь въ Гухналь-Торкардѣ, гдѣ до сихъ поръ скромно покоится его прахъ, вдали отъ Вестминстерскаго аббатства. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находится въ склепѣ его мо-

---

[1]) Our London Letter, by C. Shortes. English Illustrated Magazine. April.

[2]) A Pilgrimage to Byron Land. by Metcalfe Wood. English Illustrated Magazine. Fevruary.

гила, виднѣется только простая мраморная доска, положенная пятнадцать лѣтъ тому назадъ теперешнимъ греческимъ королемъ, съ лаконической надписью «Байронъ, род. 22 января 1788, ум. 19 апрѣля 1824». Въ апрѣльскомъ нумерѣ французскаго журнала Le Monde Moderne, къ статьѣ о филъеллинскомъ движеніи въ эпоху реставраціи, приложенъ портретъ Байрона въ костюмѣ греческаго архистратига, и сочувственно вспоминается геройскій подвигъ великаго поэта, пожертвовавшаго своей жизнью за освобожденіе греческаго народа. Наиболѣе серьезное значеніе въ новѣйшей байроновской литературѣ имѣютъ два полныхъ изданія его сочиненій, въ англійскомъ подлинникѣ и нѣмецкомъ переводѣ, которые оба снабжены любопытными коментаріями. Первый томъ нѣмецкаго изданія Евгенія Кольбинга, заключавшій въ себѣ осаду Коринөа, появился четыре года тому назадъ, а недавно вышелъ второй томъ, въ которомъ напечатаны Шильонскій узникъ и другія поэмы [1]). Главное значеніе этого труда заключается въ подробныхъ историческихъ, критическихъ и библіографическихъ примѣчаніяхъ издателя, знатока Байрона, основательно изучившаго все, что касается до жизни и произведеній великаго поэта. Тѣмъ же характеромъ отличается и новое изданіе Байрона, предпринятое Вильямомъ Генлеемъ, котораго вышелъ еще только одинъ томъ, посвященный письмамъ поэта отъ 1804 по 1813 годы [2]). Хотя эти письма уже всѣ извѣстны, но они разбросаны въ различныхъ книгахъ и въ особенности въ біографическомъ трудѣ Мура, а впервые появляются въ послѣдовательной связи и хронологическомъ порядкѣ. Поэтому они пріобрѣтаютъ большую важность для характеристики какъ таланта автора «Донъ-Жуана», такъ и для правильнаго пониманія его жизни. Но, кромѣ этой заслуги, Генлей еще оказалъ изучателямъ Байрона значительную помощь многочисленными примѣчаніями, а главное біографическими очерками всѣхъ лицъ, упоминаемыхъ въ приведенныхъ имъ письмахъ. Если и въ послѣдующихъ томахъ своего изданія онъ также основательно и добросовѣстно исполнитъ свою задачу, то его трудъ можно будетъ признать вполнѣ образцовымъ, такъ какъ всякому, желающему близко познакомиться съ Байрономъ и его эпохой, какъ въ литературномъ, такъ и въ общественномъ отношеніяхъ, будетъ совершенно достаточно удовольствоваться чтеніемъ въ этомъ изданіи подлинника байроновскихъ произведеній и комментаріевъ его новаго толкователя, не теряя времени на справки въ другихъ источникахъ.

— Филъеллинское движеніе въ первой трети XIX столѣтія. По поводу восточныхъ событій настоящей минуты западная пресса въ рядѣ многочисленныхъ статей вспоминаетъ о томъ пламенномъ сочувствіи, которое высказывалось всей Западной Европой къ борьбѣ грековъ за освобожденіе отъ турецкаго ига въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Быть можетъ, всего рельефнѣе рисуетъ картину этого филъеллинскаго движенія, въ особенности во Франціи, Альберъ Бабо [3]), въ апрѣльскомъ нумерѣ Le Monde Moderne. Возстаніе въ Мол-

[1]) Lord Byron's Werke. In kritischen Texten mit Einleitung und Anmerkungen, herausgegeben von Eugen Kölbing. Bd. II. Weimar. 1896.

[2]) The Works of Lord Byron. Edited by William Henley. Letters 1804—1813. London. 1896. Vol. I.

[3]) Le mouvement philhellène sous la Restauration, par Albert Babau. Le Monde Moderne. Avril.

давіи янинскаго паши въ 1821 году было сигналомъ къ общему подъему національнаго духа во всей Греціи. Вожаки этого, долго угнетаемаго турками, народа собрались въ Эпидаврѣ и выработали хартію своей независимости. Вслѣдъ за тѣмъ въ различныхъ углахъ классической страны стали совершаться геройскіе подвиги и жестокое избіеніе цѣлыхъ населеній безчеловѣчными мусульманами, такъ, напримѣръ, на одномъ островѣ Хіосѣ осталось въ живыхъ, послѣ долговременной борьбы, изъ 90000 душъ только 900. Съ другой стороны, распространились невѣроятныя легенды о храбрости и мужествѣ предводителей клефтовъ: геройскаго пастуха Энира, Одиссея, который поднялъ Дориду и Этолію, три раза прогналъ турокъ отъ Ѳермопилъ и вступилъ побѣдителемъ въ Аѳины,—рыцаря и поэта, Марко Боцариса, новаго Ѳемистокла, адмирала Міаолиса, истребившаго безконечное число турецкихъ судовъ, и воспѣтаго Викторомъ Гюго отважнаго Канариса. Рядомъ съ ними отличались и греческія героини: Бобелина, командовавшая тремя кораблями и овладѣвшая Навиліей,—Модена Мавракіаносъ, предводительствовавшая отрядами въ Эвбеѣ, и юная Констанція Захаріосъ, которая, во главѣ пятисотъ поселянъ, пробудила національное движеніе въ Лаконіи. Наравнѣ съ героями и амазонками прославилъ себя Маврокордато, прозванный греческимъ Кавуромъ, который приводилъ въ единство всѣ отдѣльные подвиги своихъ соотечественниковъ, ограничивалъ ихъ чрезмѣрный, неосторожный пылъ, вербовалъ помощь Европы, если не офиціальной, то въ лицѣ ея передовыхъ дѣятелей, въ томъ числѣ великаго поэта Байрона, увѣнчавшаго свою скептическую жизнь самопожертвованіемъ ради угнетаемаго народа. Творецъ «Чайльдъ Гарольда» принесъ на помощь Греціи не только свое громкое имя и благородную личность, но и значительную сумму денегъ, вырученную изъ продажи своихъ помѣстій, для сформированія отряда въ четыреста человѣкъ, архистратигомъ котораго онъ былъ самъ назначенъ. Какъ извѣстно, смерть въ Мисолонги не дала ему осуществить своей возвышенной мечты, но зато она произвела во всемъ свѣтѣ, преимущественно въ Англіи и Франціи, громадное впечатлѣніе. Лучшіе французскіе поэты: Ламартинъ, Викторъ Гюго, Казиміръ Делавинь, воспѣли его геройскую кончину и всячески старались подогрѣть сочувствіе Европы къ грекамъ. То же дѣло совершали въ прозѣ извѣстные французскіе писатели Вильменъ, Форіель, Пуквиль и проч. Беранже въ своихъ пѣсняхъ иронически надсмѣхался надъ равнодушіемъ христіанскихъ королей къ избіенію христіанскихъ народовъ невѣрными. Впрочемъ въ офиціальномъ мірѣ находились голоса, въ родѣ Шатобріана, которые энергично упрекали Европу въ ея преступномъ хладнокровіи при видѣ всѣхъ ужасовъ такой тираніи, которой постыдился бы Тиверій. Пресса и общественное мнѣніе сочувственно откликались на просьбы о помощи, долетавшія изъ Греціи; филъеллинскіе комитеты образовались въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, во Франціи: всюду собирались деньги, и изъ различныхъ европейскихъ портовъ отправлялись добровольцы на театръ военныхъ дѣйствій. Въ Парижѣ устроивали концерты и спектакли, даже билліардныя состязанія для сбора денегъ въ пользу грековъ. Не только въ столицахъ, но и въ провинціальныхъ городахъ Франціи: въ Марсели, Ліонѣ, Нимѣ и т. д., составлялись подписки и набирали волонтеровъ. Неудивительно, что при такомъ общемъ филъеллини-

скомъ настроеніи наконецъ встрепенулись и правительства. Наваринскій бой довершилъ то, что было начато громкимъ выраженіемъ частныхъ и общественныхъ симпатій.

— Борьба критянъ за свободу. Критскія событія возбудили цѣлую литературу въ западной журналистикѣ, и слѣдуетъ особенно обратить вниманіе на «Критскій вопросъ съ международной точки зрѣнія» Г. Стрейта въ «Revue generale du droit international public»[1]), на лекцію Психари, напечатанную въ «Revue Bleue» о Критѣ и Турціи[2]), на «Борьбу за Критъ» въ Revue des Revues[3]), на «Борьбу критянъ за свободу» Г. Генадіуса въ апрѣльской книжкѣ «Contemporary Review»[4]) и на «Критъ» Кастеллани въ Nuova Antologia[5]). Всѣ эти статьи, взятыя вмѣстѣ рисуютъ, полную картину историческихъ судебъ и современнаго положенія несчастнаго острова, который служитъ то жертвой турецкихъ звѣрствъ, то игралищемъ европейскихъ дипломатовъ. Съ древнихъ временъ критяне упорно отстаивали свою независимость и сдѣлались, по словамъ Монтескьё, послѣдней греческой добычей римлянъ, которые старались завоевать этотъ островъ еще въ 190 г. до Р. Х., но только подчинили его себѣ въ 69 г. при консулѣ Цециліи Метеллѣ, прозванномъ за означенную побѣду Критскимъ. До тѣхъ поръ критяне не подчинялись никакому чужеземному игу, а впослѣдствіи во времена Византійской имперіи они пользовались полной національной самостоятельностью, поставляя только императорамъ знаменитые отряды критскихъ стрѣлковъ. Въ IX вѣкѣ произошло первое вторженіе могометанъ, именно въ 823 году андалузскіе мавры подъ предводительствомъ Абухафы-Омара овладѣли островомъ, и Омару такъ понравился плодоносный Критъ, что онъ сжегъ свои галеры и поселился въ той мѣстности, гдѣ находился Гераклеонъ, портъ древняго Кноса. Новый мавританскій городъ былъ окруженъ двойнымъ рвомъ, поарабски кандакомъ, отчего итальянцы прозвали сначала его а, потомъ весь островъ, Кандіей. Болѣе ста лѣтъ сарацыны терзали критянъ, насильно переводили ихъ въ магометанство и превращали церкви въ мечети; наконецъ, въ 960 году Никифоръ Фока освободилъ островъ, и его жители вернулись въ лоно христіанства. Онъ входилъ въ составъ Византійской имперіи до 1204 года, когда состоялся такъ называемый четвертый крестовой походъ, бывшій въ сущности набѣгомъ западныхъ авантюристовъ, подѣлившихъ между собою Востокъ и подготовившихъ турецкое иго. Критъ достался маркизу Монфератскому, а имъ былъ проданъ за 10,000 марокъ Венеціи. «Il regnio di Candia» сдѣлалась жемчужиной среди владѣній св. Марка, но генуэзцы старались отбить его у своихъ соперниковъ, и въ продолженіе четырехсотъ пятидесяти лѣтъ владычества Венеціи критяне претерпѣли всякаго рода бѣдствія отъ внѣшнихъ войнъ и внутреннихъ преслѣдованій. Если венеціанцы не были такъ звѣрски жестоки, какъ впослѣдствіи

---

1) La question Cretoise au point de vue international, par G. Streit. Revue generale de droit international public. Fevrier.

2) La Crête et la Turquie, par Jean Psichari. Revue Bleue. 27 fevrier.

3) La lutte pour la Crête, par ***. Revue des Revues. 1 mars.

4) Cretan struggles for liberty, by J. Gennadius. Contemporary Review, april.

5) E. Castellani: Creta. Nuova Antologia. 5 fasc. 1897.

турки, то они зато выказывали на каждомъ шагу коварство, предательство и презрѣніе къ греческой вѣрѣ. Поэтому критяне возставали за свою попранную свободу двадцать семь разъ и уступали послѣ долгой, часто десятилѣтной бырьбы только могучей силѣ. Въ 1645 году впервые явились на Критъ турки при Магометѣ II и высадились близъ Канеи, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ недавно вышелъ на берегъ полковникъ Вассосъ съ своими греками. Послѣ пятидесятисемидневной защиты, Канея была взята, но Кандія выдержала двадцатилѣтнюю осаду, которая стоила съ обѣихъ сторонъ до 300,000 жертвъ и кончилась мирнымъ трактатомъ 6 сентября 1669 года, по которому Венеція уступила Портѣ островъ, оставивъ за собою два маленькіе островка и косу Спиналонгу съ неприступными фортами. Первая изъ этихъ твердынь была измѣннически передана туркамъ двумя калабрійскими офицерами, а остальныя были уступлены венеціанскимъ правительствомъ въ 1715 году послѣ неудачнаго возбужденнаго имъ же возстанія критянъ противъ Порты, перваго по счету. Затѣмъ наступаетъ самый мрачный періодъ критской исторіи: жестокости и фанатизму турокъ не было границъ, они призвали на свою помощь арабовъ и свирѣпствовали безъ всякой жалости, сохраняя жизнь, честь и собственность только тѣмъ изъ туземцевъ, преимущественно венеціанскаго происхожденія, которые обращались въ магометанство. Лишь въ неприступной Сфакіи, могучей крѣпости,которую создала сама природа на южномъ склонѣ Иды, сохранились послѣдніе остатки критской свободы, и неудивительно, что когда въ исполненіе греческаго проекта Екатерины явился въ Архипелагъ въ 1769 г. русскій флотъ, то сфакіоты подняли знамя возстанія и осадили Канею, но Орловъ, несмотря на всѣ обѣщанія о помощи критскому вождю Дасколаяннису, удалился въ Россію, и сфакіоты не только были безпощадно усмирены, но и подвергнуты впервые платежу дани. Весь округъ былъ опустошенъ, тысячи бѣжали въ Италію, Одессу и т. д., а оставшіеся на родинѣ несчастные подверглись самой мученической судьбѣ. На этотъ разъ турки такъ успѣшно повели дѣло усмиренія, что въ Критѣ воцарился мертвый столбнякъ, и его мужественные обитатели не откликнулись на общее возстаніе грековъ въ 1821 году; только поголовное избіеніе хистіанъ въ Канеѣ возвратило прежнимъ героямъ ихъ старый патріотическій пылъ. Весь островъ поднялся, и въ концѣ перваго года борьбы съ турками въ рукахъ послѣднихъ осталось только три укрѣпленныхъ береговыхъ города. Во главѣ движенія стояли братья Курмулисы, пожертвовавшіе родинѣ громадное состояніе, Анатолій Мелидони и французскій офицеръ, Бометъ, приведшій на помощь Криту отрядъ филъеллиновъ. Дѣла шли успѣшно до весны 1822 года, и уже Кандія едва не сдалась, какъ египетскій паша Мегметъ-Али наводнилъ несчастный островъ своими африканскими войсками. Населеніе уменьшилось на половину, четыре года земля оставалась безъ посѣва, но все-таки Сфакія сохранила свою независимость, и бѣжавшіе съ родины критяне устроивали отъ времени до времени экспедиціи на островъ. Спустя два года произошло новое общее возстаніе, и турки были вынуждены покинуть внутренность острова, удалиться въ три укрѣпленные береговые города и заключить перемиріе, съ установленіемъ пограничной линіи. Такимъ образомъ Критъ оказался столь же свободнымъ, какъ всѣ остальныя греческія провинціи при образованіи греческаго королевства. Но

европейскія державы Лондонскимъ протоколомъ 2 февраля 1830 г. отдали островъ уже не Портѣ, а египетскому пашѣ. Мало того, ихъ флотъ блокировалъ Критъ и выбилъ грековъ съ Грабузы, а 2000 африканскихъ солдатъ Мегмета-Али съ представителями христіанскихъ государей во главѣ нарушили установленную перемиріемъ пограничную линію, овладѣли внутренностью острова и передали критянъ по приговору Европы къ собственность египетскому пашѣ. Это несправедливое отторженье Крита отъ общаго греческаго государства побудило Леопольда, будущаго бельгійскаго короля, отказаться отъ предложенной ему греческой колоніи, такъ какъ, по словамъ его письма къ герцогу Велингтону: «исключенье Кандіи изъ греческаго королевства, обнаруживая тайные ковы, не обѣщаетъ ничего хорошаго для новаго государства, уродуетъ его нравственно и физически, дѣлаетъ его бѣднымъ и слабымъ, подвергаетъ его постоянной опасности и создаетъ безконечныя затрудненія будущему королю». Чтобъ нѣсколько прикрасить свое безцеремонное обращенье съ Критомъ, европейскіе кабинеты обѣщали ему реформы, но Мегметъ-Али и не думалъ объ ихъ введеніи, а всячески притѣснялъ жителей. Въ 1833 году передовые люди острова собрались въ Мурмисѣ близъ Канеи, для составленія протеста на имя державъ; но явились албанцы и всѣхъ перевѣшали. Въ 1840 г. Мегметъ-Али былъ удаленъ Европой изъ Сиріи, но Критъ не освобожденъ, а переданъ Турціи. Съ отчаянія, критяне снова возстали, провозгласили присоединеніе острова къ Греціи, одержали рядъ побѣдъ надъ турками, но Европа осталась непреклонной и въ третій разъ отдала несчастныхъ подъ иго Порты, конечно, щедро обѣщая пресловутыя реформы. Часть этихъ реформъ была наконецъ осуществлена послѣ новаго протеста критянъ въ 1858 г., но, спустя три года, онѣ были отмѣнены, и все пошло постарому. Въ 1866 году вспыхнуло новое возстанье и продолжалось три года; несмотря на всѣ усилія лучшихъ турецкихъ военачальниковъ, какъ Омеръ-Паши, и наплыва турецкихъ войскъ, критяне овладѣли всѣмъ островомъ и еще разъ присоединились къ Греціи. Повидимому, даже европейскіе дипломаты пошатнулись въ своей непонятной злобѣ противъ несчастнаго, геройскаго острова: французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Мутье заявилъ, что «присоединеніе Крита къ Греціи было единственнымъ средствомъ выйти изъ затрудненія»; князь Горчаковъ высказался открыто за подобную мѣру и даже Бисмаркъ полагалъ, что уступка Крита Греціи одна могла уладить восточный вопросъ. Но въ то время Англія упорно мирволила Турціи, и безконечныя дипломатическія интриги кончились какъ всегда подчиненіемъ злополучнаго острова Портѣ. Но критяне обнаружили слишкомъ много мужества, чтобъ долго подчиниться жестокой волѣ европейскихъ кабинетовъ. Въ 1878 году произошло пятое въ нынѣшнемъ столѣтіи возстанье, и Берлинскій трактатъ положилъ ему конецъ всегдашними обѣщаніями реформъ. Въ результатѣ получился пресловутый Галенскій актъ, нѣчто въ родѣ контитуціи, но онъ никогда не былъ добросовѣстно примѣненъ на практикѣ, и въ 1889 г. Критъ поднялъ оружіе въ шестой разъ. Какъ всегда, было объявлено присоединеніе къ Греціи и какъ всегда дѣло кончилось безчеловѣчнымъ усмиреніемъ въ потокахъ крови. Въ прошедшемъ году совершилось седьмое повторенье обычныхъ геройствъ и ужасовъ, а въ настоящее время

разыгрывается восьмой актъ трагедіи, начавшейся въ 1821 году и продолжающейся досолѣ съ краткими передышками.

— **Итальянскій журналистъ во времена австрійскаго ига.** Въ Италіи происходитъ энергичная работа по изслѣдованію всего, что предшествовало и болѣе или менѣе содѣйствовало ея единству; при этомъ обнаруживаются необыкновенныя литературныя находки. Напримѣръ, какъ иначе назвать реабилитацію журналиста Джозеппо Ачерби, признаннаго историкомъ Кантіо ренегатомъ, измѣнникомъ, шпіономъ Австріи, а который теперь, благодаря цѣлому ряду статей и подлинныхъ документовъ, напечатанныхъ молодымъ публицистомъ Луціо въ «Nuova Antologia» и «Rivista storica del Risorgimento»,—оказывается патріотомъ, много сдѣлавшимъ для объединенія Италіи своимъ десятилѣтнимъ редактированіемъ журнала «Biblioteca Italiana». Эту любопытную страницу изъ литературной исторіи Италіи въ первую четверть настоящаго столѣтія на основаніи трудовъ Луціо графически разсказываетъ Т. де-Визева въ первой апрѣльской книжкѣ «Revue des Deux Mondes» [1]). Джозеппо Ачерби родился близъ Мантуи, въ 1773 году, и принадлежалъ къ небогатой, чиновничьей семьѣ; молодость онъ провелъ въ постоянныхъ странствіяхъ по Скандинавіи, гдѣ онъ посѣтилъ Сѣверный Мысъ, по Англіи, гдѣ изучалъ археологію, по Германіи, гдѣ занимался философіей, и по Франціи, гдѣ понравился Наполеону и одно время занималъ мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Сорока лѣтъ, онъ очутился въ Вѣнѣ во время конгреса 1815 года, и тамъ-то Бельгардъ, назначенный австрійскимъ генералъ-губернаторомъ Милана, поручилъ ему создать итальянскій журналъ «Biblioteca Italiana» на счетъ австрійскаго правительства и, конечно, съ цѣлью примиренія побѣжденныхъ съ побѣдителями. Замѣчательно, что, несмотря на офиціозное, нѣмецкое свое происхожденіе, этотъ журналъ сначала привлекъ въ свои сотрудники поэта Монте, беллетриста Джіордани, знаменитаго Сильвіо Пелико и многихъ другихъ патріотовъ. Кромѣ нихъ, въ немъ участвовали извѣстные иностранные писатели, какъ г-жа Сталь и Шлегель. Но вскорѣ Ачерби поссорился съ своими главными сотрудниками, Монти и Джіордани, которые стали съ тѣхъ поръ клеймить его прозвищемъ ренегата, хотя съ 1817 года онъ разошелся съ австрійскими властями, которыя требовали превращенія журнала въ переводный и всячески мѣшали ему цензурными придирками. Такимъ образомъ, въ теченіе девяти лѣтъ Ачерби издавалъ «Biblioteca Italiana» на свой счетъ и всѣми силами старался придать ему національный итальянскій характеръ. Въ этихъ-то условіяхъ, человѣкъ, считавшійся измѣнникомъ Италіи и шпіономъ Австріи, создалъ, по словамъ Луціо, органъ, имѣвшій громадное значеніе для его родины не только въ литературномъ, но и въ политическомъ отношеніяхъ. Поставивъ себѣ задачей сдѣлать свой журналъ печатнымъ центромъ всей Италіи, Ачерби бралъ себѣ въ сотрудники людей способныхъ, всѣхъ партій и направленій. Такъ у него работали рядомъ докторъ Розари, сидѣвшій въ тюрьмѣ за патріотическія убѣжденія, и австрійскій чиновникъ, хотя италь-

---

[1]) Un journaliste italien: Joseph Acerbi, par T. de Vyzova. Revue des Deux Mondes. 1 avril.

янецъ по крови, Паридо Цайотто: одинъ писалъ ученыя обозрѣнія, а другой велъ живую полемику съ романтиками, и, самъ того не чувствуя, вызывалъ пробужденіе въ Италіи національнаго классическаго духа. Очень способные корреспонденты, какъ Пуженсъ въ Парижѣ и Карлъ Витто въ Германіи, сообщали постоянные отчеты о новостяхъ французской и нѣмецкой литературъ, а самъ Ачерби посвящалъ ежегодно почти цѣлую книжку журнала подробному обозрѣнію всего, что произошло въ истекшемъ году въ Италіи въ областяхъ литературной, научной, театральной, художественной и т. д. Эти искусно составленныя обозрѣнія, одушевленныя патріотической идеей, что «въ Италіи должна быть только одна душа и одна мысль», пользовались громадной популярностью не только на его родинѣ, но и во всей Европѣ; во Франціи, Англіи и Германіи они цитировались съ самымъ сочувственнымъ одобреніемъ, даже Гете переводилъ отрывки изъ нихъ; но въ 1826 году Ачерби былъ назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Египетъ, и съ тѣхъ поръ онъ исключительно посвятилъ себя археологіи. Однако его патріотическое дѣло не пропало даромъ и послужило основой для послѣдующаго возрожденія Италіи.

— Готфридъ Келлеръ. Недавно вышелъ третій и послѣдній томъ обширной біографіи швейцарско-германскаго романиста Готфрида Келлера, которая составлена профессоромъ Бехтольдомъ на основаніи его писемъ и дневника [1]). Хотя почтенный трудъ ученаго профессора, считающагося первымъ авторитетомъ по швейцарской литературѣ, представляется скорѣе собраніемъ матеріаловъ, чѣмъ настоящей біографіей, но онъ вполнѣ исчерпываетъ свой предметъ, грѣшитъ только чрезмѣрнымъ изобиліемъ мелочныхъ данныхъ, и излишнимъ украшеніемъ своего текста безконечными письмами Келлера, вообще же составляетъ драгоцѣнный вкладъ въ исторію германской литературы настоящаго столѣтія. Швейцарецъ по происхожденію и по мѣсту пребыванія, такъ какъ большую часть жизни онъ провелъ въ своемъ родномъ городѣ Цюрихѣ, гдѣ занималъ мѣсто перваго государственнаго секретаря кантона, — Готфридъ Келлеръ воспитывался въ Германіи, сначала учился живописи въ Мюнхенѣ, а потомъ слушалъ лекціи въ Гейдельбергскомъ и Берлинскомъ университетахъ, а такъ какъ онъ писалъ въ стихахъ и прозѣ на нѣмецкомъ языкѣ, то считается вполнѣ нѣмецкимъ писателемъ. Хотя изъ-подъ его пера вышли два большихъ романа: «Зеленый Генрихъ» и «Мартинъ Саландеръ», «Сборникъ стихотвореній» и даже отрывокъ изъ трагедіи, но онъ извѣстенъ, какъ авторъ разсказовъ, или такъ называемыхъ новеллъ. Въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ достойное, если не первое мѣсто, среди своихъ соперниковъ Сторма и Гейзе, такъ какъ Ауэрбаха, написавшаго столько прелестныхъ сельскихъ разсказовъ, слѣдуетъ отнести къ особой отрасли беллетристики, именно къ крестьянскому роману. Изъ общепризнанныхъ всѣми критиками столбовъ нѣмецкой современной новеллы, Стормъ представляетъ типъ сѣверо-германскаго писателя, и его разсказы, преимущественно лирическаго характера, представляются художественной элегіей въ прозѣ. Напротивъ,

[1]) Gottfried Kellers Leben. Seine Briefe und Tagebücher. Von Jakob Baechtold. 3 Bd. Berlin. 1892—1897.

Гейзе отличается космополитизмомъ, и его лучшіе разсказы изъ итальянской жизни представляютъ смѣсь романскаго и тевтонскаго элементовъ, классическимъ представителемъ котораго былъ Виландъ. Что касается до Келлера, то онъ, сохраняя свои національныя черты, вмѣстѣ съ тѣмъ является величайшимъ колористомъ новѣйшей германской литературы; онъ съ удивительнымъ искусствомъ соединяетъ реализмъ, даже натурализмъ, со старымъ романтизмомъ. Его разсказы, вышедшіе подъ двумя общими названіями: Die Leute von Seldwyla, Семи Легендъ и Цюрихскихъ новеллъ, мастерскія бытовыя картинки, дышащія глубокой психологической правдой, картинностью изображаемыхъ сценъ, веселымъ юморомъ и трогательнымъ паѳосомъ. Его товарищъ по художественнымъ нѣмецкимъ разсказамъ, Гейзе, врядъ ли ошибся, назвавъ его «Шекспиромъ новеллъ», а англійскій критикъ, Джонъ Робертсонъ, говоритъ, что въ справедливости этого опредѣленія можно убѣдиться, прочитавъ лучшій разсказъ Келлера: «Ромео и Джульета въ деревнѣ». Самая жизнь Келлера, родившагося въ 1819 году и умершаго въ 1890 году, не представляетъ ничего интереснаго и протекла въ самой буржуазной обстановкѣ. Литературной славы онъ достигъ поздно и то въ Германіи, а не на своей родинѣ; ведя уединенное кабинетное существованіе, онъ былъ послѣднимъ нѣмецкимъ романтикомъ и не принималъ никакого участія въ современныхъ литературныхъ движеніяхъ. Въ своемъ романѣ: «Зеленый Генрихъ», онъ написалъ нѣчто въ родѣ автобіографіи, на что впервые подробно указываетъ его біографъ Бехтольдъ, и нарисовалъ живую картину перехода романтичной души отъ искусства къ поэзіи. Онъ дѣйствительно самъ началъ жизнь, какъ живописецъ, и только послѣ долгихъ лѣтъ тяжелыхъ лишеній и труда убѣдился, что его настоящее призваніе не живопись; но и тутъ онъ не сразу напалъ на истинный путь, а долго писалъ стихи, не очень замѣчательные, и много потерялъ лѣтъ въ неудачныхъ драматическихъ попыткахъ; только въ зрѣломъ возростѣ, именно на четвертомъ десяткѣ, онъ сталъ писать свои прелестные разсказы и сразу занялъ видное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ.

— **Столѣтній юбилей Альфреда де Виньи.** Надняхъ Парижъ и въ особенности парижскіе театры праздновали столѣтіе со дня рожденія Альфреда де Виньи, который долго считался четвертымъ поэтомъ во Франціи XIX столѣтія, рядомъ съ Викторомъ Гюго, Ламартиномъ и Альфредомъ де Мюссэ. Хотя въ послѣдніе годы его авторитетъ пошатнулся въ виду новыхъ поэтическихъ свѣтилъ, такъ какъ никогда даже самые рьяные его поклонники не считали его геніемъ, но юбилейныя торжества напомнили забывшимъ его молодымъ поколѣніямъ дѣйствительныя достоинства этого, во всякомъ случаѣ, замѣчательнаго поэта романтичной эпохи французской литературы. Конечно, журналистика откликнулась на общее вниманіе, обращенное на автора «Моисея» и другихъ возвышенно-философскихъ поэмъ: въ первой апрѣльской книжкѣ «Revue de Paris» помѣщены замѣтки о немъ Генри де Ренье [1]), а въ «Revue des deux Mondes» появились его письма къ виконтессѣ Плеси [2]). Аристократическаго

---

[1]) Notes sur Alfred de Vigny, pas Henri Regnier. Revue de Paris. 1-er avril.
[2]) Lettres inedites d'Alfred de Vigny. Revue des deux Mondes. 1-er janvier.

происхожденія, графъ Альфредъ де-Виньи родился въ 1797 году въ городѣ Лошъ и при реставраціи служилъ болѣе десяти лѣтъ офицеромъ въ гвардейскомъ пѣхотномъ полку; затѣмъ онъ пытался, но не удачно, выступить на дипломатическую и парламентскую арены, былъ выбранъ въ члены французской академіи въ 1846 году и умеръ въ 1863 г. Отличаясь гордымъ, суровымъ характеромъ, онъ велъ одинокую, сосредоточенную жизнь со своей больной женой, англичанкой, вдали отъ шумныхъ литературныхъ и общественныхъ кружковъ Парижа. Литературная его дѣятельность была не обширна и ограничивалась въ поэзіи тремя сборниками поэмъ и стихотвореній, изъ которыхъ лучшими считаются: «Моисей», «Элоа», «Масличная Гора» и «Домъ Пастуха»; въ прозѣ историческимъ романомъ «Сенъ-Марсъ» и собраніемъ разсказовъ изъ военнаго быта, подъ заглавіемъ «Военное рабство» и «Величіе»;—наконецъ, въ драматической области двумя большими пьесами: «Чатертонъ» и «Маршальша д.Анкръ» и нѣсколькими мелкими комедіями. Какъ поэтъ, онъ отличался серьезнымъ философскимъ вдохновеніемъ и выражалъ въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ пессимистическій стоицизмъ, а если, по примѣру всѣхъ поэтовъ, и воспѣвалъ любовь, то лишь основанную на чувствѣ жалости и проводящую къ самопожертвованію; какъ прозаикъ и драматургъ, онъ стоялъ гораздо ниже поэта, и его романы, а также драмы, представляютъ всѣ недостатки романтической школы, и только военные разсказы представляютъ поистинѣ художественныя картины соціальнаго положенія солдатъ и офицеровъ, проводящихъ всю свою жизнь въ мирное время среди одуряющей скуки, однообразія и убивающей душу дисциплиной казарменнаго существованія. Въ политическомъ отношеніи онъ держалъ себя въ сторонѣ, и въ одномъ изъ писемъ къ виконтессѣ Плесси, его дальней родственницѣ, Виньи характеристично замѣчаетъ: «я всегда былъ далеко отъ грязной политики и втеченіе восемнадцати лѣтъ упорно отказывался отъ всѣхъ соблазновъ и милостей, которыми меня хотѣли окружить Орлеаны, въ томъ числѣ отъ титула пэра. Сестра короля, принцесса Аделаида, не разъ говорила: «графъ де-Виньи не хочетъ посѣщать Тюльери, не смотря на всѣ наши приглашенія, но мы не сердимся на него за это». Но если Орлеаны не претендовали на гордую независимость поэта, то его товарищи, безсмертные французской академіи, среди которыхъ онъ никакъ не могъ акклиматизироваться со своей гордой душой, устроили ему необыкновенный скандалъ при его пріемѣ, и отвѣчавшій на его рѣчь, графъ Молэ подвергъ бѣднаго поэта самымъ неприличнымъ, ироническимъ истязаніямъ. Виньи никогда не забывалъ вынесеннаго имъ униженія и однажды отомстилъ академикамъ остроумной шуткой. Кто-то изъ нихъ жаловался, что на академическія преміи представляютъ все никуда негодныя, посредственныя произведенія, и спрашивалъ причину этого страннаго явленія? «Очень просто, — отвѣчалъ Виньи: — представляя вамъ посредственныя произведенія, авторы думаютъ выказать вамъ свое уваженіе и снискать ваше одобреніе».

— Иностранцы о Россіи. Въ апрѣльской книжкѣ «Blackwood's Magazine» помѣщена статья Д. Симпсона о сибирскихъ тюрьмахъ, посѣщенныхъ лично авторомъ. Между прочимъ, англичанинъ приводитъ легенду объ отшельникѣ Ѳедорѣ Кузьмичѣ, который умеръ въ 1864 году въ Томскѣ, 87 лѣтъ, и ко

торый будто бы былъ императоромъ Александромъ Павловичемъ, тайно скрывшимся изъ Таганрога и посвятившимъ себя на служеніе Богу [1]). Авторъ не только передаетъ извѣстный разсказъ купца Хромова, у котораго жилъ въ послѣднее время Ѳедоръ Кузьмичъ, но ссылается на близкое сходство его портретовъ съ портретами государя и приводитъ свой разговоръ съ однимъ казачьимъ офицеромъ, съ которымъ онъ встрѣтился на Уралѣ. Этотъ офицеръ, никогда не слыхавшій о Кузьмичѣ, очень хорошо помнилъ, живя въ то время въ Петербургѣ, какъ въ день похоронъ Александра I всѣ говорили, что въ его гробу находились останки не царя, а другого лица. Эти толки въ большой мѣрѣ основывались на томъ, что толпѣ не позволяли проститься въ церкви съ покойнымъ государемъ, какъ это всегда дѣлалось прежде и послѣ. Дѣйствительно, это нарушеніе обычнаго порядка при погребеніи русскихъ государей объяснялось современниками различно. Въ недавней своей статьѣ «Похоронный годъ», помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Русской Старины», почтенный біографъ Александра Н. К. Шильдеръ приводитъ два противоположныхъ свидѣтельства Д. К. Тарасова, сопровождавшаго тѣло государя изъ Таганрога до Петербурга, и князя П. М. Волконскаго; по словамъ перваго: «было доложено императору объ открытіи гроба для жителей столицы, но его величество не изъявилъ на то своего согласія и, кажется, единственно по той причинѣ, что цвѣтъ лица покойнаго государя былъ немного измѣненъ въ свѣтло каштановый, что произошло отъ покрытія онаго въ Таганрогѣ уксусно-древесной кислотой, которая впрочемъ нимало не измѣняла черты лица». Напротивъ князь Волконскій писалъ Виламову еще изъ Таганрога: «хотя тѣло государя и бальзамировано, но отъ здѣшняго сырого воздуха лицо почернѣло, и даже черты лица покойнаго измѣнились, почему я думаю, что въ Петербургѣ вскрывать гробъ не нужно». Эти послѣднія слова вполнѣ противорѣчатъ свидѣтельству Тарасова, который ясно говоритъ, что при открытіи гроба, для прощанія императорской семьѣ въ Царскомъ Селѣ, тѣло покойнаго было совершенно цѣло и не представляло ни малѣйшаго признака порчи. При этомъ прощаніи присутствовалъ, по словамъ генерала Герлаха, автора мемуаровъ, вышедшихъ въ Берлинѣ въ 1891 году, и принцъ Вильгельмъ Прусскій, будущій германскій императоръ, который разсказывалъ генералу, что императрица Марія Ѳеодоровна нѣсколько разъ цѣловала руку усопшаго и говорила пофранцузски: «да, это мой сынъ, мой милый Александръ, какъ онъ похудѣлъ». Конечно, всѣ эти свѣдѣнія, сообщаемыя Шильдеромъ, были не извѣстны англійскому автору, и онъ довольствовался только лично слышанными имъ толками о погребеніи Александра I и о таинственной легендѣ Ѳедора Кузьмича.

Въ концѣ прошедшаго года вышла въ Парижѣ небольшая брошюра, украшенная рисунками, подъ названіемъ «Кіевъ, мать русскихъ городовъ», французскаго археолога барона Де Бая [2]), который нѣсколько разъ бывалъ въ южной Россіи, основательно изучая русскія древности и старинное русское

---

[1]) The prisoners of Siberia: 1) On the march, by I. Simpso. Blackwood's Magazine. Avril.

[2]) Kiev, la mère des villes Russes, par le baron de Baye. Paris. 1896.

искусство. Эта брошюра состоитъ изъ лекціи, прочитанной имъ впервые въ Реймсѣ, а потомъ въ Парижѣ; хотя для насъ въ ней нѣтъ ничего ни новаго, ни интереснаго, но французовъ она знакомитъ въ живомъ разсказѣ, хотя, конечно, очень бѣгломъ, съ историческимъ прошлымъ Кіева, съ нынѣшнимъ его положеніемъ, съ его церквами, лаврой, окрестностями и т. д. О Кіевѣ же говорится въ статьѣ, подписанной псевдонимомъ Артъ Ройэ и помѣщенной во второй апрѣльской книжкѣ Revue des deux Mondes, подъ заглавіемъ «Страстная недѣля въ Кіевѣ» [1]). Авторъ ея II. В. Магонъ, офицеръ 12 французскаго пѣхотнаго полка, прикомандированный къ войскамъ Кіевскаго военнаго округа, уже написалъ нѣсколько романовъ и въ томъ числѣ одинъ изъ исторіи двѣнадцатаго года, который былъ переведенъ въ сокращенномъ видѣ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ прошедшемъ году. Настоящій очеркъ представляетъ картинное описаніе изо дня въ день Страстной недѣли въ Кіевѣ, но, быть можетъ, наибольшій интересъ представляютъ два анекдота объ императорѣ Николаѣ I и митрополитѣ Филаретѣ. Императору очень не понравилась реставрація мѣстными монахами живописи въ одной изъ церквей лавры, и онъ спросилъ съ неудовольствіемъ, у кого учились рисовать братья. Митрополитъ отвѣчалъ: «У Богородицы, ваше величество».— «Въ такомъ случаѣ,— замѣтилъ императоръ,—приходится молчать». Въ другой разъ Николай, съ гордостью показывая митрополиту новыя фортификаціонныя работы въ Кіевѣ, сказалъ: «Ну, владыко, хорошо мы защитили ваши иконы»?—«Нѣтъ, ваше величество,—отвѣчалъ митрополитъ:—не ваша крѣпость защитила мои иконы, а мои иконы защитятъ вашу крѣпость, въ случаѣ надобности».

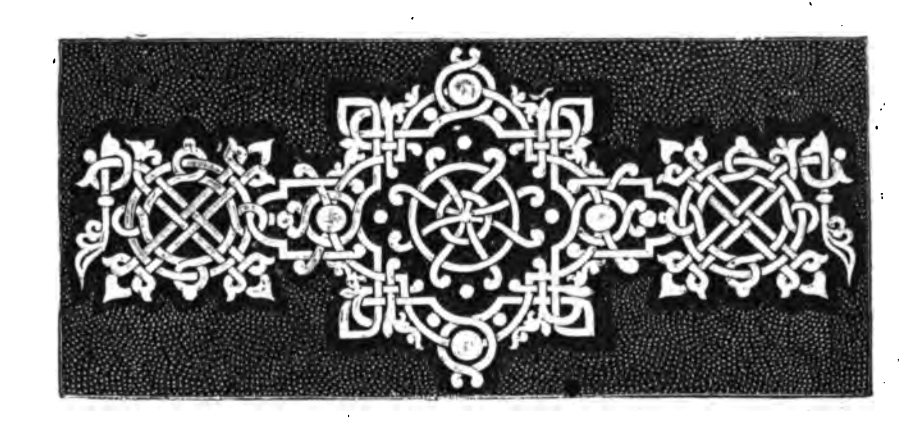
— **Польская историческая литература.** Въ современной польской исторической литературѣ замѣчается особенный интересъ къ русской исторіи. Съ наибольшимъ усердіемъ, конечно, изучаются эпизоды взаимныхъ отношеній между Россіею и Польшею, въ эпоху самостоятельнаго существованія послѣдней. Тутъ польскимъ историкамъ приходится имѣть дѣло съ русскими источниками и матеріалами и—надо отдать имъ справедливость—они сумѣли оцѣнить значеніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Съ легкой руки г. Александра Краусгара, написавшаго книжку о самозванцѣ Лубѣ «Samozwaniec Ian-Faustyn Luba» (русскій переводъ ея—Григорія Воробьева—въ «Русской Старинѣ» 1894 г., кн. VIII), по русскимъ источникамъ, явились «Историческіе очерки» («Szkice historiczne») д-ра Людвига Кубали, въ двухъ томахъ. Нѣсколько очерковъ перваго тома (напримѣръ, посольство Пушкина въ Польшу въ 1650 г. и битва подъ Берестечкомъ) основаны также на русскихъ источникахъ. Гг. Адамъ Даровскій и Алькаръ пошли еще дальше. Изданные первымъ, въ сравнительно короткій промежутокъ времени (1895—1897), три тома тоже «Историческихъ очерковъ» («Szkice histor.») составлены исключительно на основаніи частію печатныхъ, частію рукописныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ русскихъ архивовъ. Умѣнье автора пользоваться этими матеріалами выгодно

---

[1]) Impressions de Russie. La semaine sainte à Kief, par Art. Roë. Revue des deux Mondes. 15 avril.

отразилось на цѣломъ рядѣ, составленныхъ имъ, очерковъ (избраніе Владислава IV въ цари, права его на московскій престолъ, дипломатическія пререканія о самозванцахъ, поляки въ московскомъ кремлѣ въ 1610—1612 г.г., дѣло ротмистра Бальцера Хмѣлевскаго, Мальборскій плѣнникъ, т. е. митрополитъ Филаретъ Романовъ, и споры о пограничныхъ старостахъ), изъ которыхъ каждый прочтется съ большимъ интересомъ. Г. Алькаръ въ основу своего новаго труда о князѣ Н. В. Рѣпнинѣ («Książę Repnin i Polska w pierwszem czteroleciu panowania Stanisława Augusta. 1764—1768». Краковъ, 1897) положилъ соотвѣтствующіе томы «Сборника императорскаго русскаго историческаго общества», въ которыхъ опубликована обширная переписка этого дипломата, подготовившаго своею дѣятельностію раздѣлъ Польши. Но авторъ не ограничился однимъ только этимъ матеріаломъ и тщательно изучилъ вообще богатую литературу своего предмета. Ему удалось воспользоваться рѣдкими, не для каждаго доступными, источниками въ заграничныхъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ архивахъ. Къ собранному матеріалу, составившему два тома въ 780 страницъ, г. Алькáръ отнесся строго критически. Представленная имъ группировка и обработка этого матеріала значительно превосходитъ то, что мы имѣемъ по этому вопросу въ печати. На читателя пріятно дѣйствуетъ научное безпристрастіе автора и отсутствіе тенденціозности въ его сочиненіи. Личность ловкаго екатерининскаго дипломата, искусно пользовавщагося обстоятельствами, рельефно выдѣляется на фонѣ мастерскаго описанія политическаго состоянія Рѣчи Посполитой въ первое четырехлѣтіе царствованія умнаго, образованнаго, но слабохарактернаго Станислава-Августа Понятовскаго и, безъ сомнѣнія, одинаково заинтересуетъ какъ польскаго, такъ и русскаго читателя. Поэтому желательно было бы видѣть «Князя Рѣпнина» въ русскомъ переводѣ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Подарки Димитрія Самозванца Маринѣ Мнишекъ.

Ъ СОБРАНІИ называемомъ Borghesiana, находящемся въ Ватиканскомъ архивѣ, подъ № II, 449, есть переплетенный, непронумерованный, сборникъ in folio. Содержитъ онъ въ себѣ исключительно акты, касающіеся сношеній апостольской столицы съ Москвою при самозванцѣ. Кромѣ нѣсколькихъ подлинныхъ писемъ Димитрія и разныхъ «avisi» изъ Москвы, находится тутъ переписка іезуитовъ, сопровождавшихъ Димитрія. А въ ней—списки подарковъ, присланныхъ изъ Москвы Маринѣ. Доставилъ эти списки, очевидно, вмѣстѣ съ депешами Клавдій Рангони, папскій нунцій въ Польшѣ въ 1598—1606 гг.

Списки, разумѣется, на итальянскомъ языкѣ[1]). Мы передаемъ ихъ буквально, дополняя, въ своихъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, описаніе тѣхъ предметовъ, о которыхъ уже до настоящаго времени имѣлись свѣдѣнія въ русской исторической литературѣ, съ указаніемъ при этомъ и источниковъ.

Г. В.

---

[1]) Изданы въ подлинникѣ, безъ перевода, д-ромъ Людовикомъ Баратынскимъ въ V т. изд. Краковской академіи наукъ: «Sprawozdania komisyi do badania historyi sztuki w Polsce», стр. 254—255, съ приложеніемъ великолѣпнаго снимка съ портрета Марины, находящагося въ Москвѣ.

Подарки, присланные государемъ и великимъ княземъ московскимъ, дочери господина воеводы сендомірскаго, а своей невѣстѣ[1]):

Золотой перстень, съ крупнымъ — на верху, — высокой цѣны, алмазомъ[2]), который помянутая государыня имѣла при вѣнчаніи[3]).

Запона (un pundento fatto) въ видѣ птицы, украшенная алмазами и рѣдкими рубинами[4]).

Другая — еще бо̀льшей величины — запона, усаженная алмазами, рубинами, и жемчужинами — величины небольшихъ грушъ.

Чаша изъ дорогаго камня, а въ серединѣ ея крылатый звѣрь — весь изъ золота, съ алмазами и рубинами[5]).

Кубокъ — въ видѣ гіацинта — весь обложенный золотомъ и разными драгоцѣнными каменьями[6]).

Волъ — довольно большой, весь золотой, украшенный разными дорогими каменьями[7]).

Чаша большая золотая, съ алмазами, рубинами и крупными жемчужинами[8]).

Пеликанъ большой серебряный, вызолоченный[9]).

Человѣкъ позолоченный, сидящій на серебряномъ оленѣ[10]).

Корабль большой, серебряный, золоченый — очень искусной работы[11]).

Павлинъ — большой, серебряный, вызолоченный, съ длиннымъ хвостомъ[12]).

Часы — искусной работы. Ихъ держали на палкахъ, на плечахъ, двѣ фигуры, установленныя на слонѣ изъ серебра. Въ нихъ, когда слонъ проходилъ

---

[1]) Съ думнымъ дьякомъ Аѳ. Ив. Васильевымъ, въ ноябрѣ 1605 г.

[2]) Величиною съ большую вишню (Костомаровъ, «Истор. моногр.», IV, 1868, 278).

[3]) Ср. «Днев. Марины», 134 (у Устрялова «Сказ. совр. о Дим. Самозв.», II, 1959 г.).

[4]) Ср. «Дневникъ Марины», 134.

[5]) Въ «Дневникѣ Марины» (184): «Крылатый звѣрь, оправленный золотомъ и дорогими каменьями»; у Костомарова («Истор. моногр.», IV) этотъ предметъ описанъ нѣсколько иначе, см. ниже примѣч. 10-е.

[6]) Ср. «Дневникъ Марины», 184. Карамзинъ: «Ист. Гос. Росс.», XI, 140.

[7]) Костомаровъ («Истор. моногр.», IV, 274) прибавляетъ, что «фигура эта раскрывалась, и въ серединѣ ея укладывался домашній приборъ».

[8]) «Дневникъ Марины», 184.

[9]) Въ дневникѣ Марины: «достающій свое сердце для птенцовъ» (184), у Костомарова: пронзающій клювомъ собственное сердце, чтобы кровью накормить дѣтей («Моногр.», IV, 274).

[10]) У Марины: драгоцѣнное изображеніе богини Діаны, сидящей на золотомъ оленѣ (184), а у Костомарова: серебряный позолоченный человѣкъ, сидящій на оленѣ съ коралловыми ногами, стоявшемъ на верху большого сосуда, сдѣланнаго изъ цѣльнаго дорогого камня въ видѣ птицы съ крыльями (IV, 274).

[11]) Ср. Костомарова, IV, 274, Карамзина, XI, 140. (Сама Марина (184) цѣнитъ этотъ подарокъ въ 60,000 (злот.?).

[12]) У Марины (184): павлинъ съ золотыми искрами; у Костомарова (IV, 274): золотая пава съ красиво распущеннымъ хвостомъ, у ней перья дрожали, какъ у живой птицы.

передъ молодою, играла органная музыка, а фигуры ударяли въ бубны и трубили [13]).

Бархату (velluto) венеціанскаго, краснаго, нѣсколько штукъ.

Атласу (raso) персидскаго, желтаго, тканаго золотомъ и разноцвѣтнымъ шелкомъ, нѣсколько штукъ.

Тоже—турецкаго атласу съ серебрянымъ отливомъ.

Тоже—турецкаго желтаго атласу съ бѣлымъ отливомъ.

Тоже—турецкаго сукна (drappo) съ краснымъ отливомъ—разныхъ цвѣтовъ, тканаго шелкомъ, подкрашеннымъ подъ золото.

Плюша (riccio sopra riccio) бѣлаго, тканаго серебромъ—нѣсколько штукъ.

Тоже—фіолетоваго, тканаго золотомъ.

Бархатъ красный, гладкій.

То же—голубой гладкій.

То же—зеленый, съ узорами [14]).

Собольихъ мѣховъ, отборныхъ три связки [15]).

Жемчуга крупнаго 4018 унцій [16]).

Подарокъ великой княгини московской, матери великаго князя Димитрія, той же невѣстѣ:

Образъ Пресвятой Троицы, изъ цѣльнаго золота, украшенный многими алмазами и очень дорогимъ жемчугомъ [17]).

Подарки посла великаго князя [18]) помянутой государынѣ:

Коверъ персидскій, большой, тканый чистѣйшимъ золотомъ, съ одинаковыми фигурами по всѣмъ сторонамъ [19]).

Собольихъ мѣховъ отборныхъ связка.

Дары великаго князя господину воеводѣ [20]), отцу невѣсты:

Конь въ яблокахъ (di varie macchie), высокой цѣны [21]).

Сбруи для коня два комплекта, т. е. сѣдла, узды и проч. принадлежности, очень богатыя и цѣнныя,—изъ золота, усаженныя драгоцѣнными камнями [22]).

---

[13]) Въ «Дневникѣ Марины»: большіе часы въ футлярѣ, удивительнаго устройства, съ трубачами и барабанщиками, которые трубили, барабанили по пробитіи каждаго часа (134). У Карамзина: какіе-то удивительные часы съ флейтами и трубами (XI, 140). По Костомарову (IV, 274) они «выдѣлывали разныя штуки московскаго обычая: били въ бубны, играли на флейтахъ и на двѣнадцати трубахъ такъ громко, что оглушили присутствовавшихъ...».

[14]) По счету Марины всего бархатовъ, атласовъ и парчи было 18 кусковъ (134).

[15]) Что составляло, по Карамзину (XI, 140), 670 рѣдкихъ соболей.

[16]) У Марины (134): «4018 мотокъ», т.-е болѣе 8 пудовъ, что вызвало сомнѣніе издателя ея «Дневника» (322, примѣч. 105). Карамзинъ (XI, 140) и Костомаровъ (IV, 274) не сомнѣваются въ этой цифрѣ; послѣдній принимаетъ ее въ фунтахъ (125-ть).

[17]) Ср. «Дневникъ Марины», 134, Карамзинъ, XI, 140, Костомаровъ, IV, 273.

[18]) Аѳ. Ив. Власьева. Были вручены 11 ноября 1605 г. («Днев. Мар.», 133).

[19]) Ср. Костомаровъ, IV, 274.

[20]) Сендомірскому, Юрію Мнишку.

[21]) Ср. «Дневникъ Марины», 133.

[22]) Вмѣсто поводовъ была золотая цѣпь («Днев. Мар.», 133).

Посохъ изъ цѣльнаго золота съ многочисленными дорогими каменьями [23].

Чарка большая, золотая, убранная вокругъ драгоцѣнными камнями [24].

Кортикъ (cortello) золотой, усаженный дорогими каменьями [25].

Два персидскіе ковра, величиною больше обыкновенныхъ, вытканные золотомъ въ разные узоры [26].

Платье изъ персидской парчи (di drappo d'oro di Persia), подбитое мѣхомъ черныхъ лисицъ, очень цѣнное.

Шапка черныхъ лисицъ [27].

Собольихъ мѣховъ отборныхъ пять связокъ [28].

Три московскіе сокола [29], обученные охотѣ, съ золотыми колокольчиками.

Перчатки турецкія, вышитыя золотомъ.

Подарокъ посла тому же господину воеводѣ:

Связка собольихъ мѣховъ, очень рѣдкихъ.

Подарки которые послалъ великій князь московскій своей невѣстѣ, достойнѣйшей государынѣ Маринѣ, и которые мы сами видѣли [30]:

Запона большая, золотая, съ крупнымъ алмазомъ въ срединѣ и именемъ **Марина** изъ алмазовъ и четырьмя, пониже, крупными жемчужинами, величиною съ большую грушу [31].

Золотая цѣпь, переплетенная алмазами и рубинами, величайшей цѣнности [32].

Нить крупныхъ жемчужинъ, необыкновенной величины, для ношенія на шеѣ [33].

Превосходные золотые браслеты, съ драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ [34].

Шкатулка серебряная, частію вызолоченная, наполненная драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ [35].

---

[23]) У Марины: булава... («Днев.», 133).

[24]) и жемчугомъ... («Днев. Мар.», 133).

[25]) У Марины: два ножа—одинъ, осыпанный алмазами, а другой разными дорогими каменьями (133).

[26]) Ср. «Дневникъ Марины», 133.

[27]) Ср. тамъ же.

[28]) По «Дневнику М. Ю. (133): шесть сороковъ самыхъ лучшихъ соболей, да сверхъ того—одного соболя и одну куницу живыхъ.

[29]) У Марины: 8 кречета (133).

[30]) Перечисленные ниже подарки были привезены въ Краковъ царскимъ секретаремъ Яномъ Бучинскимъ и дворяниномъ Михайломъ Толченовымъ и вручены по принадлежности 5 января 1602 г. («Днев. Мар.», 135).

[31]) Въ «Дневникѣ Марины: узорочье, съ изображеніемъ на одной сторонѣ имени Іисуса, а съ другой—Маріи въ брилліантахъ, которыхъ было на обѣихъ сторонахъ 96 (135); Карамзинъ же называетъ этотъ подарокъ алмазнымъ крестомъ «съ именемъ Марины, цѣною въ 12,000 злот.» (XI, примѣч. 482).

[32]) Такихъ брилліантовъ въ ней было отъ 130 (Костомаровъ, IV, 280) до 136 («Днев. Мар.», 135).

[33]) Ср. у Карамзина (XI, примѣч. 482): драгоцѣнное ожерелье.

[34]) Ср. у Марины: браслеты изъ алмазовъ, переплетенныхъ жемчугомъ (135).

[35]) Тамъ же.

Буфетная посуда,—золотая, большого вѣса, а именно:

бокалъ съ поддонникомъ, украшенный дорогими каменьями, превосходнѣйшей работы[36];

три большіе стакана—прекрасной работы—съ драгоцѣнными каменьями, алмазами, рубинами etc.;

двѣнадцать тарелокъ подъ мясо, кувшины и два большія блюда, кои употребляются для украшенія стѣнъ[37].

Три слитка золота da far (?)[38] и прочія блюда,—каждое вѣсомъ четыре тысячи ungari (?).

Наконецъ, денежныя суммы[39].

Сообщилъ Г. А. Воробьевъ.

---

[36]) Изъ «Дневника Марины» видно, что онъ былъ гіацинтовый (изъ желтаго яхонта), съ крышкою (135).

[37]) Ср. тамъ же.

[38]) Цѣною въ 15.000 злот. (?) тамъ же.

[39]) Сколько получила въ этотъ разъ денегъ Марина—она не пишетъ, но отецъ ея и братъ—староста саноцкій—получили значительныя суммы, первый—200,000 злот. (Собр. гос. гр. и догов., II, 227. До-Ту—у Устрялова,—I, 342) и второй—50,000 злот. («Днevн. Мар.», 135).

Кромѣ перечисленныхъ въ приводенныхъ спискахъ подарковъ, Марина Юрьевна и ея родные получили отъ московскаго царя еще нѣсколько.

Марина: серебряный, вызолоченный сосудъ, превосходной работы, золотое перо съ рубинами—присланы съ Власьевымъ, въ ноябрѣ 1605 г. («Днев. Марины», 134, Карамзинъ, XI, 140 и Костомаровъ. IV, 274); ожерелье съ драгоцѣнными каменьями, часы- вручены Власьевымъ 12 декабря 1605 г. («Днев. Мар», 135); четки изъ жемчужинъ, величиною въ большой горохъ, гіацинтовую солонку, оправленную золотомъ, золотой рукомойникъ и тазъ съ искусственными изображеніями, перстень съ 3 алмазами присланы съ Я. Бучинскимъ и М. Толченовымъ, въ январѣ 1606 г. («Днев. Мар.», 135); алмазную корону, брилліантовую повязку на шляпу, алмазную запонку, 4 снурка крупнаго восточнаго жемчуга, нѣсколько десятковъ нитокъ мелкаго жемчугу, двое золотыхъ часовъ—одни въ баранѣ, а другіе въ верблюдѣ—доставлены Власьевымъ 28 апрѣля 1606 г. (тамъ же, 140); 8 драгоцѣнныхъ ожерелій и столько же кусковъ самой лучшей парчи—привезены Бучинскимъ 6 мая 1606 г. (тамъ же, 145), 12 лошадей отличной породы (Js. Massae Chron., 89) и шкатулку съ дорогими вещами, цѣнностію въ 500,000 руб.—подарены Димитріемъ 15 мая 1602 г. (тамъ же, 156).

Ея отецъ—воевода Юрій: часы въ хрусталѣ съ золотою цѣпью—привезены Власьевымъ, зимою 1605 г. («Днев. Мар.», 133), деньгами 100,000 злот., на уплату долговъ, еще—на ту же цѣль—13,324 талера и 5204 руб. (Собр. госуд. гр. и дог., II 224), богатыя сани, обитыя бархатомъ и парчею и украшенныя соболями, жемчугомъ и серебромъ, вмѣстѣ съ дорогою лошадью въ великолѣпной упряжи—получены въ Москвѣ передъ коронаціею зятя («Днев. Мар.», 156, «Днев. польскихъ пословъ»—тамъ же, 219, Костомаровъ, IV, 335), не считая тѣхъ денегъ, что онъ забралъ у Власьева и товаровъ, которые онъ забиралъ у московскихъ купцовъ въ Люблинѣ, на царскій счетъ (Собр. госуд. и гр. и дог., II, 242). Ея братъ—Янъ, старбста саноцкій: саблю и большой мечъ, оправленные въ золото съ драгоцѣнными каменьями, золотой бокалъ, дорогой ножъ, пять сороковъ соболей, 3 черныя ли-

Неизданное стихотвореніе И. С. Никитина.

Въ бумагахъ, оставшихся послѣ покойной моей бабки, княгини Елисаветы Петровны Долгорукой, супруги бывшаго воронежскаго губернатора, князя Ю. А. Долгорукаго, нашлось посвященное ей стихотвореніе поэта И. С. Никитина, доселѣ еще не изданное. Княгиня Е. П. Долгорукая, какъ видно изъ біографіи поэта, составленной М. Де-Пуле, была одною изъ ревностнѣйшихъ почитательницъ таланта И. С. Никитина (особенно нравились ей стихотворенія религіознаго содержанія—«Моленіе о Чашѣ», «Сладость молитвы» и пр.), заставляла переписывать для себя его стихотворенія, читала ихъ всѣмъ и каждому и очень любила, когда ихъ читали ей вслухъ. Она неоднократно приглашала Никитина къ себѣ по вечерамъ и вообще оказывала ему много вниманія: такъ она подарила ему прекрасный эстампъ «Моленіе о чашѣ» (съ картины Бруни) и нѣсколько книгъ. Весьма сочувственно относился къ Никитину и супругъ ея, князь Юрій Алексѣевичъ, также любитель литературы [1]).

Издаваемое нынѣ стихотвореніе «Елка», вѣроятно, относится къ 1856 году и дышитъ тою любовью къ молодому поколѣнію и вѣрою въ силу добра, которыми вообще характеризуется поэзія И. С. Никитина.

Н. Арсеньевъ.

ЕЛКА.

Посвящено кн. Е. П. Долгорукой.

Одиноко выростала
Елка стройная въ лѣсу,
Холодъ смолоду узнала,
Часто видѣла грозу.

—

Но, покинувъ лѣсъ родимый,
Елка бѣдная нашла
Уголокъ гостепріимный,
Новой жизнью зацвѣла.

—

Вся огнями освѣтилась,
Въ серебро вся убралась,
Словно вновь она родилась,
Въ лучшій міръ перенеслась.

—

сицы и одного кречета съ золотымъ колокольчикомъ—вручены Власовымъ, 24 ноября 1605 г. («Днев. Мар.», 184).

Наконецъ, ея мачиха (урожденная кн. Головинская) и бабушка (по матери), пани Тарлóва, также получили, черезъ того же Власьева, много соболей и жемчугу («Днев. Мар.», 184).

Судьба этихъ подарковъ извѣстна: почти всѣ они были отняты во время переворота 17 мая 1606 года (см.: Лѣтопись Бера-Буссова, 67—68 у Устрялова въ «Сказ. совр. о Дим. Самоз., т. I, «Дневн. Мар.», 170, Собр. госуд. гр. и дог., II, стр. 329—332, Костомаровъ, «Истор. моногр.», V, 1868, 11—12. «Днев. польскихъ пословъ», 246), и только одному сторóстѣ саноцкому удалось кое-что спасти («Днев. польскихъ пословъ, 241). Г. В.

[1]) См. Сочин. И. С. Никитина, изд. 3-е, Москва, 1888 г., стр. 28.

Дѣти нужды и печали!
Точно олку, васъ, сиротъ,
Матерински приласкали
И укрыли отъ невзгодъ.

Обогрѣли, пріютили,
Святъ и свѣтелъ вашъ пріютъ,
Здѣсь васъ рано научили
Полюбить добро и трудъ.

И добра живое сѣмя
Не на камень упадетъ:
Дастъ Господь, оно во время
Плодъ сторичный принесетъ.

Начатъ сѣвъ во имя Бога.
Подрастайте, въ добрый часъ!
Жизни тѣсная дорога
Пораздвинется для васъ.

Но невзгода ль васъ застанетъ
На пути, или порокъ
Сѣти хитрыя разставитъ,—
Дѣтства помните урокъ.

Для борьбы дана вамъ сила,
Не родное по крови
Вамъ свѣтъ истины открыло
Сердце, полное любви.

И о немъ воспоминанье
Да хранитъ васъ въ дни тревогъ,
Въ пору счастья и страданьѣ,
Какъ добра святой залогъ.

И. Никитинъ.

СМѢСЬ.

ИСПУТЪ В. М. Грибовскаго. 30-го марта, въ актовомъ залѣ университета приватъ-доцентъ В. М. Грибовскій защищалъ диссертацію, подъ заглавіемъ: «Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ», представленную имъ для полученія степени магистра государственнаго права. Интересная тема диссертаціи привлекла многочисленныхъ посѣтителей. Диспутантъ, по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, затѣмъ былъ командированъ за границу, гдѣ занимался въ библіотекахъ Парижа, Женевы и Кракова. Его диссертація — «Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ» — является первой крупной ученой работой. Кромѣ того, онъ написалъ рядъ рецензій и замѣтокъ, а также беллетристическихъ произведеній и статей по текущимъ вопросамъ, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Послѣ вступительной рѣчи, офиціальными оппонентами В. Н. Латкинымъ и М. И. Горчаковымъ, а также и В. Г. Васильевскимъ, было высказано довольно много вѣскихъ возраженій по поводу диссертаціи. Профессоръ Латкинъ высказалъ порицаніе излишней смѣлости и необоснованности обобщеній, сдѣланныхъ авторомъ, особенно въ противопоставленіи романизма и эллинизма, неправильно имъ охарактеризованныхъ, что подтвердилъ, со своей стороны, и профессоръ Васильевскій, а также возражалъ противъ устойчивости даннаго г. Грибовскимъ опредѣленія государства. Профессоръ Горчаковъ, въ свою очередь, отмѣтилъ недостатки въ пользованіи источниками и пособіями и безусловную зависимость автора отъ авторитетовъ, что, по его словамъ, похвально лишь въ смыслѣ признательнаго отношенія къ учителямъ. Въ заключеніе предсѣдатель диспута В. И. Сергѣевичъ

объявилъ диспутанта заслуживающимъ степени магистра государственнаго права.

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. I. 4-го марта, состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія Императорскаго русскаго археологическаго общества, подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова. Докладчиками выступили Х. М. Лопаревъ («Алексѣй Комненъ на Руси и въ Сициліи») и А. А. Спицынъ («Коллективныя могилы Минусинскаго округа»). Х. М. Лопаревъ остановилъ свое вниманіе на краткой записи въ Новгородской лѣтописи подъ 1186 г. о пріѣздѣ въ Великій Новгородъ «царя греческаго Алексѣя Мануиловича». Какъ выясняетъ сопоставленіе этого извѣстія съ сообщеніями византійскаго историка Никиты Хоніата, жившаго въ началѣ XIII вѣка, событіе, которое въ данномъ случаѣ имѣлось въ виду нашимъ лѣтописцемъ, передано неточно и датировано невѣрно. Послѣ смерти императора Мануила, въ Новгородъ дѣйствительно пріѣзжалъ двоюродный внукъ этого императора, Алексѣй Комненъ, облыжно называвшій себя сыномъ императора Мануила. У «господина Великаго Новгорода» искатель византійскаго престола просилъ поддержки деньгами и войскомъ. Обманувшись здѣсь въ своихъ расчетахъ, Алексѣй Комненъ обратился въ Сицилію. Вильгельмъ II пошелъ съ нимъ на Византію, но въ томъ же 1185 г. Алексѣй Комненъ былъ схваченъ и ослѣпленъ. А. А. Спицынъ говорилъ о коллективныхъ погребеніяхъ, обнаруженныхъ при раскопкѣ кургановъ Минусинскаго края трудами гг. Клеменца, Проскурякова и Адріанова, а также Аспелина и Радлова. Разбирая описанія открытыхъ въ данной мѣстности могилъ съ многими костяками мужскими, женскими и дѣтскими, докладчикъ усматриваетъ въ такихъ могилахъ родовое или юртовое кладбище. Могилы эти представляютъ большія четырехугольныя ямы, укрѣпленныя срубомъ съ накатомъ изъ бревенъ сверху. Все это носитъ на себѣ слѣды здѣсь же производившагося трупосожженія. Докладчикъ сопоставляетъ такія общія могилы на верховьяхъ Енисея съ русскими божедомками, которыя еще въ прошломъ столѣтіи всегда бывали въ нашихъ деревняхъ, для помѣщенія въ нихъ труповъ утопленниковъ или найденныхъ убитыми, а во время эпидемій въ такихъ божедомкахъ складывались трупы до общаго погребенія. Сдѣлать, однако, какія либо рѣшительныя обобщенія докладчикъ считаетъ преждевременнымъ, въ виду недостаточности еще разработаннаго въ данномъ направленіи матеріала. Въ томъ же засѣданіи заслушанъ былъ рядъ мелкихъ сообщеній: о матеріалахъ для русской исторіи въ послѣднемъ выпускѣ изданія: Quartalnik historiczny (сообщеніе С. Л. Пташицкаго), о химическихъ анализахъ древностей, производимыхъ г. Сабанѣевымъ, о находкѣ складного ножа въ могильникѣ XVI вѣка (сообщеніе Н. И. Веселовскаго), о географическомъ распредѣленіи древностей, добываемыхъ раскопками по всей территоріи Россіи (сообщеніе А. А. Спицына, представившаго на этотъ разъ обозрѣніе Тверской губерніи). II. 18-го марта, состоялось годовое общее собраніе императорскаго русскаго археологическаго общества, подъ предсѣдательствомъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Константиновича. Передъ началомъ занятій собранія августѣйшій предсѣдатель Общества, отъ имени Общества, поднесъ помощнику предсѣдателя А. Ѳ. Бычкову экземпляръ сереб-

раной медали, выбитой въ память пятидесятилѣтія общества. Разсмотрѣнію общаго собранія подлежали: отчеты о дѣятельности общества за 1895 годъ, представленные секретаремъ, казначеемъ и ревизіонной комиссіей, избраніе помощника предсѣдателя, казначея, библіотекаря и хранителя музея и присужденіе медалей общества. Отчеты собраніемъ утверждены, избраны вновь единогласно и безъ баллотировки: помощникомъ предсѣдателя А. Ѳ. Бычковъ, казначеемъ — А. К. Марковъ, библіотекаремъ А. Н. Щукаревъ и хранителемъ музея В. Г. Бокъ. Присуждены медали общества: золотая — М. В. Никольскому, за его сочиненіе: «Клинообразныя надписи Закавказья», согласно отзыву Н. А. Тураева, и серебряныя В. Т. Георгіевскому за сочиненіе: «Флорищева Пустынь» (отзывъ Н. В. Покровскаго) и о. Іоанну за сочиненіе: «Обрядникъ византійскаго двора, какъ церковно-археологическій источникъ» (отзывъ Б. М. Меліоранскаго). Въ томъ же засѣданіи Е. Ф. Шмурло прочелъ рефератъ, посвященный памяти К. Н. Бестужева-Рюмина. Докладчикъ остановился на уясненіи той воспитательной обстановки, въ которой сложились и развились научные взгляды, литературные вкусы и убѣжденія скончавшагося нашего историка, и затѣмъ далъ характеристику его воззрѣній на русскую исторію, опредѣлилъ мѣсто, занимаемое имъ въ русской исторіографіи, а равно его отношенія къ западникамъ и славянофиламъ. Ученая дѣятельность Бестужева, по мнѣнію докладчика, дала цѣнный и прочный вкладъ въ науку, и если это не была звѣзда первой величины, то все же она горѣла ярко и полнымъ блескомъ, а въ нашемъ научномъ созвѣздіи такія звѣзды на-перечетъ.

Общество любителей древней письменности. I. 7-го марта, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, секретарь общества сообщилъ краткія свѣдѣнія о научной дѣятельности недавно скончавшагося въ Псковѣ члена-корреспондента общества, ученаго археолога А. С. Князева, память котораго была почтена собравшимися членами общества вставаніемъ. Затѣмъ профессоръ А. И. Соболевскій сдѣлалъ докладъ о переводахъ въ древне-русской литературѣ. А. И. разсмотрѣлъ два памятника древне-русской литературы: «Повѣсть о царицѣ иверской Динорѣ» и переводъ первыхъ девяти главъ «Книги Эсѳирь», и установилъ, что оба памятника переведены не позднѣе XIV вѣка на Руси, причемъ первый изъ нихъ переведенъ съ греческаго стихотворнаго подлинника, съ греческаго же языка переведенъ и второй памятникъ, хотя въ наукѣ уже сложилось твердое убѣжденіе, что переводъ этихъ главъ Эсѳири былъ сдѣланъ съ еврейскаго. Затѣмъ Х. М. Лопаревъ сдѣлалъ сообщеніе о такъ называемомъ русскомъ паломникѣ Леонтіи, упоминаемомъ Антоніемъ Новгородскимъ, ходившимъ въ Іерусалимъ въ концѣ XII вѣка. Референтъ, въ виду того, что объ этомъ Леонтіи не встрѣчается упоминанія нигдѣ, кромѣ Антонія, высказалъ предположеніе, что выраженіе «Леонтій попъ русинъ» вкралось въ «Путешествіе Антонія» по ошибкѣ вмѣсто «попъ бруссинъ», то-есть изъ Бруссы. И дѣйствительно, среди греческихъ святыхъ, ходившихъ при жизни въ Іерусалимъ, мы встрѣчаемъ инока Петра изъ Бруссы, въ мірѣ Леонтія. Факты житія послѣдняго Х. М. Лопаревъ постарался примирить съ тѣмъ, что сообщаетъ Антоній, говорящій, напримѣръ, что его Леонтій трижды ходилъ въ Іерусалимъ, между тѣмъ какъ Петръ-Леонтій туда ходилъ всего одинъ разъ.

Рефератъ Лопарева вызвалъ замѣчанія со стороны А. Θ. Бычкова, А. И. Соболевскаго и А. И. Кирпичникова, указавшихъ на то, что всѣ остроумные догадки и выводы референта построены на однихъ предположеніяхъ, а потому и не отличаются убѣдительностью. II. Засѣданіе 4-го апрѣля состоялось подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, и на немъ было сдѣлано два сообщенія: С. Л. Пташицкій — «Русская редакція исторій изъ римскихъ дѣяній и ея отношеніе къ западно-европейскимъ текстамъ» и Д. Θ. Кобеко — «Опытъ исправленія текста бесѣды о святыняхъ Царяграда». С. Л. Пташицкій указалъ на то, что собраніе повѣстей псевдо-историческаго характера съ моралью, извѣстное у насъ подъ именемъ римскія дѣянія, было чрезвычайно распространено въ средніе вѣка по всей Западной Европѣ подъ именемъ Gesta Romanorum. Но къ намъ эти повѣсти пришли не изъ Европы, а изъ Польши; во всѣхъ редакціяхъ западно-европейскихъ число повѣстей въ сборникѣ болѣе ста, и только въ редакціяхъ русской и польской мы находимъ 39 или 40 повѣстей. Кромѣ сходства между русскимъ и польскимъ сборниками по числу повѣстей, мы встрѣчаемъ во всѣхъ русскихъ спискахъ дѣяній множество полонизмовъ. Всѣхъ русскихъ списковъ до насъ дошло 14, и по расположенію въ нихъ повѣстей они могутъ быть раздѣлены на три группы, но всѣ эти группы представляютъ одну редакцію. Судя по нѣкоторымъ ошибкамъ, прошедшимъ по всѣмъ спискамъ и явившимся вслѣдствіе плохого знанія переводчикомъ польскаго языка, мы должны допустить, что у насъ былъ извѣстенъ одинъ только переводъ, съ котораго и сдѣланы всѣ 14 списковъ. Только этимъ предположеніемъ можно объяснить встрѣчающееся во всѣхъ спискахъ непонятное «кора лѣсу», осмысленное въ одномъ позднѣйшемъ спискѣ въ «королеву», что также не имѣетъ смысла; въ польскомъ спискѣ мы имѣемъ здѣсь cora lasu (= дочь лѣса), что, очевидно, было прочтено русскимъ переводчикомъ по законамъ латинскаго языка. Д. Θ. Кобеко изложилъ тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ послѣ тщательнаго изученія изданнаго въ 1890 году академикомъ Л. Н. Майковымъ анонимнаго памятника древнерусской литературы «Бесѣда о святыняхъ Царяграда». Въ предисловіи къ своему изданію Л. Н. Майковъ высказалъ предположеніе, что памятникъ этотъ былъ составленъ въ концѣ XIII или началѣ XIV вѣка. Изслѣдуя его со стороны содержанія, Д. Θ. Кобеко нашелъ возможнымъ точнѣе опредѣлить время его составленія; по мнѣнію референта, нашъ памятникъ относится къ первой четверти XIV вѣка: въ немъ, съ одной стороны, ни слова не говорится о туркахъ, поселившихся на Балканскомъ полуостровѣ въ 1356 году; съ другой стороны, нашъ паломникъ цѣловалъ въ храмѣ св. Софіи мощи патріарха Арсенія, а мощи эти могли попасть въ храмъ св. Софіи изъ монастыря св. Андрея позднѣе 1307 года. По мнѣнію референта, вся эта бесѣда сложилась въ Новгородѣ, на что, напримѣръ, указываетъ слово «куна» въ значеніи монеты, съ каковымъ значеніемъ это слово употреблялось только въ новгородской Руси. Если вѣрно предположеніе, что бесѣда составлена въ Новгородѣ въ началѣ XIV вѣка, то мы въ правѣ предполагать, что авторомъ ея былъ новгородскій епископъ Григорій Калѣка, ходившій до своего епископства, то-есть до 1329 года, въ Святую Землю. Кромѣ того, референтъ обратилъ вни-

маніе на непослѣдовательность памятника: авторъ его, начавъ описанія святынь Царьграда съ восточной стороны города, переходитъ къ юго-западной, а затѣмъ снова возвращается къ восточной. По мнѣнію Д. Ѳ. Кобеко, непослѣдовательность эта произошла при позднѣйшихъ перепискахъ памятника, и стоитъ только переставить его вторую часть на мѣсто третьей, чтобы получить стройное и послѣдовательное изложеніе описанія святынь Царьграда. Въ дополненіе къ этому Л. Н. Майковъ замѣтилъ, что наша бесѣда, гдѣ рядомъ съ историческими извѣстіями мы находимъ извѣстія легендарныя, гдѣ есть крупный анахронизмъ, представляетъ изъ себя памятникъ составной, чѣмъ можетъ быть объяснена и замѣченная Д. Ѳ. Кобко непослѣдовательность. Далѣе Л. Н. Майковъ сообщилъ, что оставшійся ему непонятнымъ и подозрительнымъ разсказъ автора бесѣды о какихъ-то жабахъ, ходившихъ ночью по городу и подметавшихъ его, находитъ себѣ подтвержденіе у Доровея Манелевасійскаго, также слышавшаго о существованіи въ Константинополѣ подобной чудесной жабы.

Географическое общество. I. Въ общемъ собраніи, 5-го марта, Н. Н. Щербина-Крамаренко сдѣлалъ сообщеніе о своихъ работахъ въ Средней Азіи въ 1895 и 1896 годахъ. Весною 1895 г. возникла мысль о необходимости обслѣдованія и обстоятельнаго изученія древнихъ памятниковъ зодчества, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ Средней Азіи. Эта идея была сочувственно встрѣчена Императорскою академіею художествъ, которая и возложила исполненіе ея на докладчика. Для выполненія данной задачи были посѣщены: Ташкентъ, Ферганская область и разныя мѣстности Закаспійской области; при этомъ особенное вниманіе было обращено на выдающіеся по своему значенію памятники Тамерлановой эпохи въ Самаркандѣ. Въ 1896 г., продолжая начатое изслѣдованіе, докладчикъ посѣтилъ Самаркандъ и совершилъ поѣздку по восточной части Бухарскаго ханства. Къ сожалѣнію, время и другія обстоятельства уничтожили здѣсь памятники самой древней культуры; остались только обломки ихъ, начиная съ XII вѣка, при чемъ лучшіе изъ нихъ принадлежатъ къ XIV столѣтію, эпохѣ Тамерлана, послѣ которой страна постепенно опустошалась, и культура ея падала до настоящаго времени. Со дня присоединенія края къ Россіи уже много сдѣлано для изученія его во всѣхъ отношеніяхъ. Результаты своихъ работъ докладчикъ иллюстрировалъ великолѣпными рисунками, чертежами и образцами туземнаго кустарнаго творчества, показывающаго присутствіе большого художественнаго вкуса среди народа. На экранѣ былъ показанъ цѣлый рядъ картинъ, изображавшихъ разныя интересныя мѣстности края и памятники зодчества средне-азіатской архитектуры. II. 1-го апрѣля, происходило соединенное засѣданіе отдѣленій математической и физической географіи. Въ засѣданіи А. Ѳ. Бухтѣевъ сдѣлалъ сообщеніе о своихъ изысканіяхъ на Новой Землѣ для устройства тамъ стоянки судовъ. Такая стоянка избрана на Бѣлужьей губѣ. По словамъ докладчика, существующія карты Новой Земли невѣрны, и ему пришлось во многомъ исправить ихъ. Затѣмъ Ѳ. К. Дриженко сообщилъ о гидрографической рекогносцировкѣ озера Байкала, произведенной имъ въ 1896 году. Рекогносцировка явилась результатомъ желанія комитета Сибирской желѣзной дороги развить пароходное сообщеніе на Байкалѣ. Въ

настоящее время тамъ перевозитъ грузы и пассажировъ компанія Нѣмчинова, имѣющая въ своемъ распоряженіи десять пароходовъ и нѣсколько парусныхъ судовъ. Плаваніе по Байкалу далеко не безопасно. Горные вѣтры, дующіе съ большою силою, туманы, стоящіе по цѣлымъ недѣлямъ, отсутствіе хорошихъ пристаней, опознавательныхъ знаковъ и маяковъ—ведутъ къ частымъ крушеніямъ судовъ. Г. Дриженко сообщилъ, между прочимъ, что морское министерство, по порученію сибирскаго комитета, рѣшило приступить къ правильнымъ работамъ по изслѣдованію Байкала, и ежегодно, начиная съ нынѣшняго года, въ смѣту министерства будетъ вноситься извѣстная сумма на этотъ предметъ. Засѣданіе окончилось сообщеніемъ В. И. Липскаго объ изслѣдованіяхъ Гиссарской экспедиціи географическаго общества въ 1896 г. Экспедиція обстоятельно изслѣдовала Гиссарскій хребетъ, находящійся близъ Памира, констатировала невѣрность существующихъ картъ и собрала интересныя зоологическія и другія коллекціи. Сообщеніе илюстрировалось туманными картинами. III. 2-го апрѣля, въ общемъ собраніи членовъ, П. П. Козловъ сдѣлалъ сообщеніе объ извѣстномъ путешествіи В. И. Роборовскаго по Средней Азіи. Экспедиція, совершавшая это путешествіе, была снаряжена географическимъ обществомъ и состояла изъ 13 человѣкъ. Она выѣхала изъ Пржевальска весною 1893 года, съ цѣлью изучить неизслѣдованныя части Средней Азіи, и направилась къ Тянь-Шаню, чтобы перерѣзать пустыню Гоби, пройти восточный Куэнь-Лунь и достигнуть рѣки Голубой. По сообщенію докладчика, бывшаго однимъ изъ видныхъ участниковъ экспедиціи, имъ пришлось перенести много опасностей и лишеній. Приходилось переходить черезъ перевалы въ 12,500 футовъ вышиною, пробираться по заброшеннымъ горнымъ проходамъ, и однажды экспедиція едва не была истреблена тангушами, напавшими во время болѣзни В. И. Роборскаго. Спасли экспедицію неустрашимость ея участниковъ и хорошее оружіе. Экспедиція двигалась по направленію къ оазису Су-Джоу, то разбиваясь на отдѣльныя части, то соединяясь. Изучивъ окрестности этого оазиса на большое разстояніе, путешественники остановились у озера Лобъ-Нора, описаннаго извѣстнымъ Свенъ-хединомъ. По изслѣдованію экспедиціи, оно оказалось бассейномъ, образовавшимся изъ нѣсколькихъ рѣкъ. Настоящее же озеро Лобъ-Норъ оказалось расположеннымъ далѣе. Экспедиція возвратилась въ предѣлы Россіи 12-го ноября 1895 года, пройдя 7.700 верстъ. Она обогатила науку новыми цѣнными свѣдѣніями въ областяхъ географіи, зоологіи, ботаники и этнографіи. Въ заключеніе своего доклада, г. Козловъ выразилъ благодарность географическому обществу и всѣмъ участникамъ экспедиціи, и заявилъ, что, благодаря содѣйствію перваго и трудамъ послѣднихъ, изученіе Средней Азіи значительно подвинулось впередъ, а это изученіе должно явиться одною изъ серьезнѣйшихъ задачъ русскихъ географовъ.

Московскій Публичный и Румянцовскій музеи, несмотря на ихъ значительныя средства, обогащались въ 1896 году главнымъ образомъ пожертвованіями частныхъ лицъ и учрежденій. Отдѣленіе рукописей и старопечатныхъ книгъ пополнилось 12 поступленіями, въ томъ числѣ извѣстная по слухамъ тетрадь бумагъ митрополита Платона (Московскаго), бумаги и статьи по дѣлу освобожденія крестьянъ изъ картоновъ С. Д. Полторацкаго и др. Въ отдѣленіи

занималось 67 посѣтителей и было выслано въ разныя заведенія для занятій 20 рукописей. Въ отдѣленіи разбирались библіотека и рукописи Н. С. Тихонравова (†). Библіотека, помимо поступленій по закону изъ цензуры, обогатилась 252 сочиненіями, въ томъ числѣ драгоцѣнными изданіями Ровинскаго, Кондакова Звенигородскаго и пр. Посѣтителей въ читальной залѣ насчитывалось 35,100, меньше противъ прошлаго года въ виду ремонта, задержавшаго открытіе до 20 сентября. Отдѣленіе искусствъ и древностей обогатилась главнымъ образомъ нѣсколькими гравюрами. Довольно много поступленій, хотя и незначительныхъ, пополнило Дашковскій этнографическій музей. Посѣтителей, обозрѣвавшихъ музеи, было 2.249 платныхъ и 20.624 безплатныхъ (по воскресеньямъ).

Нижегородская городская библіотека. Средства библіотеки составляли къ 1 января 1896 года 2,843 р. 57 к., въ отчетномъ году поступило 8,408 р. 13 к., израсходовано 7,620 р. 62 к., къ 1 января 1897 года оставалось 3,631 р. 8 к., годовой балансъ составлялъ 11,251 р. 70 к. Къ 1 января 1896 года библіотека заключала книгъ, журналовъ, газетъ и проч. 31,044 тома. Въ отчетномъ году было пріобрѣтено на средства библіотеки 353 названій въ 915 томахъ, по номинальной стоимости на 1,247 р. 85 к., пожертвовано 624 названій въ 1,128 томахъ по номинальной стоимости на 563 р. 45 к. Къ 1 января 1897 года состояло 33,074 тома, въ томъ числѣ книгъ, литографированныхъ лекцій, брошюръ 12,517 названій въ 17,984 томахъ, періодическихъ изданій 14,782 тома, картъ, атласовъ, рисунковъ и проч. 116 экземпляровъ. Стоимость библіотеки опредѣляется въ 56,572 р. 34 к., а вмѣстѣ съ движимымъ имуществомъ ея 58,735 р. 86 к. Застрахована библіотека въ 52,500 р. Посѣтителей зарегистровано за годъ 21,749 человѣкъ: 20,809 мужчинъ, 277 женщинъ и 663 дѣтей. Изъ этого числа 17,072 ограничились чтеніемъ газетъ, и только 4,676 требовали для чтенія книги и журналы. Книгъ было вытребовано въ читальню 2,439, удовлетворено 2,405 требованій, отклонено 34. Абонементовъ было 849, годовой отпускъ подписчикамъ выразился 42,263 тома.

Воронежская публичная библіотека. За 1896 годъ число абонементовъ возросло съ 1,161 человѣкъ на 1,212 человѣкъ, число посѣщеній въ абонементѣ съ 32,394 на 34,353, число требованій съ 54,929 на 59,443, число посѣтителей въ читальнѣ съ 11,130 на 12,469, за чтеніе собрано вмѣсто 2,430 р. прошлаго года 2,502 р. Къ началу отчетнаго въ кассѣ состояло 324 р. 71 к. и 1,567 р. залоговъ, въ году поступило залоговъ 2,301 р. и прочихъ доходовъ 3,565 р. 34 к., израсходовано 3,113 р. 42 к., возвращено залоговъ 2,129. Всего инвентарь составлялъ къ началу отчетнаго года 41,989 томовъ; вновь пріобрѣтено 459 названій въ 1,131 томѣ, пожертвовано 501 изданіе въ 756 томахъ, всего за годъ 960 названій въ 1887 томахъ, а всего состоитъ 43,876 томовъ.

† Н. А. Гюббенетъ. Въ первыхъ числахъ марта скончался завѣдывавшій государственнымъ главнымъ архивомъ Николай Александровичъ Гюббенетъ, извѣстный историческими трудами. Начавъ службу въ межевомъ департаментѣ сената, покойный былъ перемѣщенъ вскорѣ въ государственный архивъ

и почти въ продолженіе 50-ти лѣтъ не разставался съ этимъ учрежденіемъ, изучая дѣла и документы, находящіеся на храненіи въ архивѣ. Онъ обратилъ особенное вниманіе на документы, относящіеся до патріарха Никона, и въ 1882—1884 гг. издалъ солидный трудъ подъ заглавіемъ: «Дѣло патріарха Никона». Императорская академія наукъ присудила покойному за эту работу первую премію имени графа Уварова. Затѣмъ Н. А. составилъ для въ Бозѣ почившей императрицы Маріи Александровны описаніе писемъ покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны къ подругѣ ея дѣтства г-жѣ Оберъ-Кирхъ. Въ качествѣ завѣдывавшаго государственнымъ архивомъ, онъ содѣйствовалъ и оказывалъ помощь своими указаніями многимъ ученымъ и профессорамъ въ ихъ архивныхъ разысканіяхъ, за что академія наукъ присудила ему въ 1895-мъ году золотую Пушкинскую медаль. Послѣдніе два года Н. А. занимался приготовленіемъ къ печати біографіи патріарха Никона; онъ собралъ много новыхъ матеріаловъ и изслѣдовалъ нѣсколько новыхъ документовъ по этому вопросу. Неожиданная болѣзнь (онъ заразился оспой при разборѣ дѣлъ Преображенскаго полка) не позволила ему закончить новый трудъ. Умеръ онъ на 71-мъ году.

† **А. Н. Егуновъ.** 15-го марта, скончался небезызвѣстный общественный дѣятель, Александръ Николаевичъ Егуновъ—экономистъ и статистикъ. Покойный родился въ 1824 г., кончилъ курсъ со степенью кандидата правъ въ Московскомъ университетѣ и началъ службу въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Когда въ «Современникѣ» появилось изслѣдованіе А. Н. Егунова о «Древнѣйшей торговлѣ Россіи» (въ 1848 г.), бывшій тогда начальникомъ городскихъ отдѣленій хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ Н. А. Милютинъ пригласилъ покойнаго заняться составленіемъ разныхъ статистическихъ изслѣдованій и отчетовъ и поручилъ ему, между прочимъ, составленіе всеподданнѣйшаго отчета министра за первое 25-ти-лѣтіе царствованія императора Николая I. Съ 1862 по 1876 г. покойный управлялъ и руководилъ дѣлами Бессарабскаго статистическаго комитета. Съ 70-хъ годовъ А. Н. служилъ въ министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій. Имъ изслѣдованы, между прочимъ, кустарная промышленность Кавказскаго края, крестьянскія хозяйства Пермской и Вятской губерній, маслодѣльныя артели Тобольской, Владимирской и Вологодской губ. Онъ составилъ также записку о необходимости измѣненій въ положеніи 19-го февраля 1861 года въ интересахъ улучшеній крестьянскаго самоуправленія. А. Н. былъ однимъ изъ давнихъ, энергичныхъ и дѣятельныхъ членовъ Вольно-Экономическаго общества. Подъ его редакціей и при его дѣятельномъ участіи составлено ходатайство императорскаго Вольно-Экономическаго общества объ измѣненіяхъ въ русскомъ таможенномъ тарифѣ. Изъ его многочисленныхъ статей и отдѣльно изданныхъ трудовъ назовемъ «О цѣнахъ на хлѣбъ», «Тридцатые и сороковые годы», «Валуевская комиссія» («Русская Мысль» 1891 г.), «Шапками забросаемъ» («Экономическій журналъ» 1893 г.), «Крестьянскія хозяйства Пермской губерніи» («Журналъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства» 1896 г.) и «Пермскій кустарный банкъ» («Наблюдатель» 1896 года). Умеръ А. Н. на 73-мъ году отъ роду, послѣ непродолжительной болѣзни (инфлуэнца и воспаленіе легкихъ).

† **И. П. Новиковъ.** 3-го апрѣля скончался въ Оренбургѣ Иванъ Петровичъ Новиковъ, основатель и бывшій антрепренеръ самарскаго городского театра. Покойный, по происхожденію изъ дворянъ Московской губерніи, получилъ образованіе въ Новгородской гимназіи, по выходѣ изъ которой поступилъ на сцену и, играя въ Старой Руссѣ, Орлѣ, Одессѣ, Вильнѣ, Москвѣ, наконецъ, Самарѣ, добился довольно широкой извѣстности среди провинціальныхъ актеровъ. Самарѣ, какъ артистъ, антрепренеръ и редакторъ-издатель «Самарской Газеты», И. П. Новиковъ извѣстенъ былъ около двадцати лѣтъ. Издавая (съ 1884 г.) газету, онъ въ то же время держалъ театръ въ Оренбургѣ и Уфѣ. Убытки по антрепризѣ, особенно въ сезонъ 1893—1894 г. въ Самарѣ, вынудили И. П. Новикова передать «Самарскую Газету» въ другія руки и покинуть Самару. Послѣдніе годы его жизни вообще были полны неудачъ и затрудненій, тягостно отразившихся на его здоровьѣ.

† **С. И. Донауровъ.** 10-го марта, въ С.-Петербургѣ скончался Сергѣй Ивановичъ Донауровъ, бывшій цензоръ драматическихъ сочиненій. Покойный посвящалъ досуги своей службы музыкальному творчеству. Будучи сыномъ извѣстнаго композитора И. М. Донаурова, онъ съ малыхъ лѣтъ проявилъ недюжинныя музыкальныя способности. Его музыкальному творчеству принадлежитъ нѣсколько извѣстныхъ романсовъ: «Пара гнѣдыхъ», «Тихо на дорогѣ, дремлетъ все вокругъ», «Ожиданіе» и др. С. И. прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ, чтó доставило ему возможность, при природномъ поэтическомъ дарованіи, перевести на французскій языкъ многія стихотворенія нашихъ поэтовъ, Пушкина и др. Умеръ онъ отъ крупознаго воспаленія легкихъ.

† **С. Я. Уколовъ.** Въ ночь на 7-ое марта, скончался Сергѣй Яковлевичъ Уколовъ, одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Петербургскаго Листка», помѣщавшій въ «Листкѣ», между прочимъ, фельетоны подъ псевдонимомъ «Бѣдный Іонаѳанъ». Свою журнальную карьеру покойный началъ въ 1882 году. С. Я. Уколовъ извѣстенъ также, какъ авторъ нѣсколькихъ «Обозрѣній» (revues), шедшихъ на частныхъ сценахъ, и какъ переводчикъ цѣлаго ряда опереточныхъ либретто.

СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛѢ[1].

VIII.

АКЪ ВЫ... вы, выходитъ, нашъ настоятель? А? — спросилъ наконецъ Парменъ, приходя въ себя.

Маккавеевъ разсмѣялся: — Какой же я настоятель, когда у меня не только сана еще нѣтъ, но даже и жены...

— Охъ, ты, Господи, а я-то всякій вздоръ мололъ и даже вотъ выпивалъ при васъ... Да какъ же такъ? Да вы... вы на меня не сердитесь, а? Охъ, ты, Создатель...

А Дарья только смотрѣла удивленными глазами и какъ-то вся вдругъ притихла.

Маккавеевъ взялъ Пармена за руку и посадилъ его на прежнее мѣсто.

— Постойте, Парменъ Яковлевичъ, что вы говорите; да я не знаю, какъ мнѣ благодарить васъ... Только, право, я не хотѣлъ лгать вамъ... Это такъ вышло. Вы не спросили, кто я, оттого я и не сказалъ. Такъ я же вижу, какіе вы люди. Не зная вовсе, кто я такой, вы приняли меня, приняли невѣдомо кого... Пришелъ человѣкъ прямо со степи, и вотъ уже вашъ гость. Такъ это же очень важно, это гораздо пріятнѣе, чѣмъ еслибъ вы знали, кто я, и приняли меня.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 337.

и какъ же тутъ сердиться, за что тутъ сердиться? Я говорю вамъ просто, не знаю, какъ и благодарить васъ.

— Охъ, ты... Ну, скажите, пожалуйста,—восклицалъ Парменъ,— а я еще выпилъ... Что подѣлаете, привычка... Ужъ простите...

И онъ при этомъ налилъ себѣ вторую рюмку настойки.

— Парменъ, Парменъ,—остановила его Дарья.

— Э, ничего. Вѣдь это я отъ старости, знаете. Старость требуетъ подкрѣпленія силъ, вотъ я и подкрѣпляюсь.

Дарья дѣлала ему внушительные знаки, чтобъ больше не пилъ. Но онъ не обратилъ на это вниманія, выпилъ и сталъ замѣтно смѣлѣе.

— Такъ какъ же это вышло?—спрашивалъ онъ.—Такъ вы всетаки къ Евтихію шли.

— Да я и самъ не знаю, куда я шелъ... Я уже нѣсколько дней ѣзжу съ отцомъ Гуріемъ.

— Съ Маккавеевымъ?

— Ну да, съ отцомъ Гуріемъ Маккавеевымъ, соборнымъ дьякономъ.

— Такъ, такъ, онъ дѣйствительно по этой части ходокъ. Онъ постоянно богослововъ по уѣзду возитъ. Любитъ человѣкъ это дѣло. И никакой выгоды ему нѣтъ, а вотъ любитъ, да и только. Только онъ все больше къ попамъ возитъ. А къ дьячку никогда не заглянетъ. А, можетъ, у дьячка-то какъ разъ и находится кладъ. Такъ вы, значитъ, уже весь уѣздъ испробовали...

— Многихъ видѣлъ,—отвѣтилъ Маккавеевъ.—Гдѣ только мы не были! И все, какъ пріѣду да посмотрю, вижу — чужія, и никакъ не могу рѣшиться. И всякія бывали. Въ одномъ мѣстѣ пять тысячъ предлагали, а въ другомъ—такъ даже цѣлыхъ двадцать пять.

— Ого! гдѣ же это такъ?

— У купца Голопузова.

Дарья съ ужасомъ всплеснула руками:—Голопузова! Да не дай вамъ, Господи. Да избави Богъ, чтобы духовное лицо связывалось съ этимъ народомъ.

— А что,—спросилъ Маккавеевъ,—развѣ не хорошо?

— Да какъ же хорошо? что ужъ тутъ хорошаго... Купецъ онъ и кабаки держитъ и всякимъ, можетъ быть, нечистымъ дѣломъ занимается. Вонъ у него зять, сказываютъ, будто краденыхъ лошадей покупаетъ, а потомъ продаетъ... Оно, можетъ, и неправда, а только про хорошаго человѣка этакъ-то говорить не будутъ; про меня, или про васъ, или про моего дьяка, или про Евтихія, не скажутъ этого... И въ голову не придетъ.

— Да я и самъ такъ думаю!—сказалъ Маккавеевъ.—Мы нечаянно попали къ нему, и съ перваго же разу я мысленно рѣшилъ, что ничего тамъ не выйдетъ. А потомъ такъ и совсѣмъ нехорошо вышло; драка поднялась, и мы еле-еле удрали. А тутъ случилось новое чудо. Заблудились мы, да по нечаянности къ отцу Мемнону попали...

— Ну, ужъ эту нечаянность я знаю!—махнувъ рукой, промолвилъ Парменъ.—Это къ нему часто по нечаянности ѣздятъ... Онъ какъ-то умѣетъ такъ сдѣлать, этотъ отецъ Мемнонъ, что кто и не хочетъ, пріѣдетъ къ нему, — такой человѣкъ. Это, я вамъ скажу, въ прошломъ годѣ вотъ этакъ, какъ вы, попикъ одинъ тутъ съ Мокрыхъ хуторовъ своего племянника возилъ, тоже женить хотѣлъ. Такъ отецъ Мемнонъ пронюхалъ, за двадцать пять верстъ пронюхалъ, и сейчасъ это дѣло оборудовалъ, и такъ ловко, что попикъ нежданно и негаданно у него въ домѣ очутился... Только ничего изъ этого не выходитъ, Богъ его знаетъ отчего. И дѣвицы у него, кажись, какъ слѣдуетъ, и рослыя, и здоровыя, и веселаго нрава, а какъ-то все никому не подходятъ. Очень ужъ игристыя онѣ!—прибавилъ Парменъ и довольно хитро подмигнулъ Маккавееву.—Слыхалъ я, что по первому знакомству съ молодымъ человѣкомъ подъ ручку идутъ и прочее тамъ разное... словомъ сказать, грудью, напрямикъ идутъ.

— Ну, ужъ ты пошелъ... Ты бы попридержалъ языкъ, Парменъ,—остановила его жена.

— Да ужъ что! Коли онъ болтается, такъ зачѣмъ его держать? Я выпилъ, само собою. А только, кажется, я ничего обиднаго вамъ не сказалъ!—обратился онъ къ Маккавееву.

— Нѣтъ, ровно ничего. Я не вижу ничего обиднаго.

Дьякъ Парменъ подъ вліяніемъ настойки, пріемы которой онъ отъ времени до времени возобновлялъ, держалъ себя довольно самостоятельно, не стѣснялся болтать то, что приходило ему въ голову, и часто, когда ему казалось, что онъ произнесъ забористое словцо, подмигивалъ Маккавееву. А Дарья какъ-то присмирѣла и словно даже вся уменьшилась въ объемѣ. Она съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за рѣчью Пармена, очевидно все боясь, чтобъ онъ не сморозилъ что нибудь лишнее. Но этого не случилось.

Прежде, до открытія инкогнито Маккавеева, она просто угощала его, какъ пріѣзжаго человѣка, и обращалась съ нимъ свободно, а теперь старалась во что бы то ни стало угодить дорогому гостю, отъ котораго въ скоромъ времени будетъ находиться въ зависимости.

И она начала усиленно занимать Маккавеева, водила его по комнатамъ его будущей квартиры, объясняла, гдѣ что было у прежняго настоятеля, показывала погребъ, сараи, токъ. А Парменъ ходилъ за ними какой-то дряблой, не совсѣмъ исправной походкой и при этомъ разсказывалъ безумолку про мѣстные порядки, про нравы жителей.

Маккавеевъ узналъ изъ этихъ разсказовъ, что старый настоятель былъ очень добръ, и при немъ Парменъ чувствовалъ себя какъ бы безъ всякаго начальства. «Да, должно быть, и при мнѣ такъ будетъ!—думалъ Маккавеевъ,—потому, какое же я начальство?» Онъ рѣшительно не могъ представить себѣ, какъ это онъ явится въ

роли начальствующаго лица передъ этимъ почтеннымъ старцемъ. Что касается нравовъ мѣстныхъ жителей, то, хотя Парменъ и много говорилъ о нихъ, но они, повидимому, ничѣмъ не отличались отъ нравовъ, свойственныхъ всей губерніи.

— Да когда же вы женитесь?—спросилъ наконецъ Парменъ, когда осмотръ всего будущаго хозяйства Маккавеева кончился.—Вѣдь всего четыре дня вамъ осталось?

— А долго ли жениться?—сказалъ Маккавеевъ,—всего какихъ нибудь полчаса,—вотъ уже и женатъ. Только въ церковь сходить да отстоять, что по чину полагается.

— Да оно правда,—согласился дьякъ,—дѣло это несложное... А только все же надо невѣсту на примѣтѣ имѣть.

— Да ужъ я такъ рѣшилъ, что если въ Богоявленскомъ, невѣста за меня не пойдетъ, такъ я и отъ прихода откажусь...—рѣшительно сказалъ Маккавеевъ.

Дарья въ ужасѣ всплеснула руками.

— Какъ можно отъ прихода отказаться? Такъ вѣдь это значитъ—отъ всего отказаться? Какъ же можетъ человѣкъ жить безъ прихода, ежели онъ на то учился и готовился?

— Такъ позвольте,—возразилъ Маккавеевъ.—Не могу же я жениться безъ невѣсты. Вѣдь вотъ сколько времени искалъ, а не нашелъ. Я такъ смотрю, что Богоявленское—это мое послѣднее прибѣжище.

— И хорошо смотрите!—вмѣшался Парменъ,—потому лучшаго нигдѣ не найдете... Невѣста первый сортъ, не даромъ она моя крестница... Ну, однако же,—прибавилъ Парменъ,—соловья баснями не кормятъ. Что же въ самомъ дѣлѣ: намъ надо жениться, а мы тутъ болтаемъ! Хе, хе, хе!..

При этомъ Парменъ не пропускалъ случая, чтобы къ выпитымъ рюмкамъ настойки прибавить еще одну. Но въ самомъ дѣлѣ настойка дѣйствовала на него какъ-то осторожно, и онъ все время оставался въ одинаковомъ состояніи. Онъ чуть-чуть захмелѣлъ и больше уже не пьянѣлъ.

Видно было, что человѣкъ привыкъ къ этому занятію.

Маккавеевъ сильно безпокоился на счетъ отца Гурія. Его собственная судьба, повидимому, устроивалась. А между тѣмъ, отецъ Гурій былъ тамъ одинъ во враждебномъ лагерѣ, и Егоръ представлялъ себѣ, какъ должны были свирѣпо напасть на него самъ отецъ Мемнонъ и всѣ его домочадцы, послѣ того, какъ узнаютъ о его бѣгствѣ. И его все больше и больше начало угнетать угрызеніе совѣсти. Нельзя же было приписывать одному отцу Гурію всю неудачу ихъ путешествія. Вѣдь все-жъ таки отецъ Гурій старался добросовѣстно и, можетъ быть, онъ, Егоръ, гораздо больше виноватъ, что, благодаря своей необычайной разборчивости, не могъ выбрать себѣ невѣсту изъ такого большого комплекта дѣвицъ, какой ему предста-

влялся за эти дни. И Маккавеевъ рѣшился подѣлиться своими мыслями съ новыми друзьями.

— Я думаю объ отцѣ Гуріи,—сказалъ онъ.—Не хорошо я поступилъ, что оставилъ его тамъ одного. Вѣдь онъ можетъ обидѣться и, кромѣ того, отецъ Мемнонъ нанесетъ ему много непріятностей.

— Это правда, правда,—въ одинъ голосъ сказали Парменъ и Дарья.—Отецъ Мемнонъ злобный человѣкъ, онъ ничего не проститъ...

— Такъ какъ же быть? Мнѣ не хочется, чтобы отецъ Гурій претерпѣлъ изъ-за меня. Онъ такъ былъ ко мнѣ добръ...

— Да я полагаю, что дѣло это поправимое!—сказала Дарья.—Пока то, да се, пока вы сберетесь, да сговоритесь тамъ, въ Богоявленскомъ, можно послать верховаго съ запиской...

— Куда? къ отцу Мемнону?

— Да, что-жъ такое, что къ отцу Мемнону! Онъ отцу Мемнону записку не отдастъ; отецъ Мемнонъ можетъ и не узнать, отъ кого и съ какой стороны. А тутъ надо только, чтобы отецъ Гурій узналъ, гдѣ вы,—я такъ полагаю.

— Дарья правильно говоритъ!—замѣтилъ Парменъ.

Маккавеевъ подумалъ и согласился съ нимъ. Оставалось разыскать охотника, такъ какъ лошадь и работники Пармена были въ степи. Но Парменъ очень скоро нашелъ. Онъ выглянулъ за ворота и замѣтилъ какъ разъ въ это время какого-то деревенскаго парня, безъ шапки и безъ сапогъ и даже безъ повода ѣхавшаго верхомъ на лошади. Онъ ѣхалъ къ рѣкѣ, съ намѣреніемъ напоить и выкупать лошадь.

— Эй ты, Степанъ, ты куда это ѣдешь?—спросилъ онъ парня.

— Да къ рѣчкѣ; а то куда же?—отвѣтилъ парень.

— А ты постой къ рѣкѣ-то ѣхать! Рѣчка-то отъ тебя не уйдетъ. Постой, говорю, остановись.

Парень соскочилъ съ лошади, такъ какъ иначе безъ повода остановить ее не было никакой возможности.—А что?—спросилъ онъ.

— Да такое дѣло, что ты можешь три гривенника заработать.

— Что-жъ, отчего не заработать!—сказалъ парень.—А какое же дѣло?

— А долженъ ты сейчасъ опять на коня садиться, только поводъ на него надѣть надо и скакать къ отцу Мемнону, дьякону...

— Что-жъ, это можно!—отвѣтилъ парень.

— Ну, я это самое и говорю. Вотъ ты и поскачешь туда, и дадутъ тебѣ записку. Пріѣдешь ты въ церковный домъ, гдѣ живетъ дьяконъ отецъ Мемнонъ, знаешь?

— Отца Мемнона знаю. Такъ ему записку?

— Вотъ въ томъ-то и штука, что не ему. И ежели ты ему дашь, такъ все дѣло погубишь... А спросишь ты тамъ городского дьякона отца Гурія,—замѣть хорошенько имя-то: отца Гурія!

— Гурія! — повторилъ парень, — я знаю. У меня дядько есть Гурій.

— Ну, вотъ. Знаю я твоего дядька Гурія; онъ такой же пьяница, какъ и я... Такъ вотъ отца Гурія ты спросишь и ему въ собственныя его руки записку отдашь и болѣе ничего. Отдашь записку и сейчасъ же лупи назадъ... Тогда и три гривенника получишь. Понялъ?

— Что-жъ тутъ непонятнаго? Значитъ, секретная записка отцу Гурію!

— Ну, да, секретная. Такъ это и есть. Такъ вотъ же ступай ты къ рѣкѣ, напой свою лошадь и выкупай ее хорошенько, чтобы свѣжая была, а я тебѣ свою уздечку дамъ. Вотъ ты ее зануздаешь и жарь прямо къ отцу Мемнону. Да только какъ же ты безъ шапки поѣдешь?

— А на что мнѣ шапка? Я даже забылъ, когда въ шапкѣ ходилъ...

— Ну, коли забылъ, такъ и вспоминать не надо. Поѣзжай безъ шапки.

Парень отправился къ рѣкѣ, выкупалъ лошадь и вернулся. Парменъ досталъ изъ конюшни уздечку, они вмѣстѣ зануздали лошадь; парень взобрался на нее, Егоръ соорудилъ записку и вручилъ ему. Черезъ минуту парень уже мчался къ отцу Мемнону.

IX.

На востокѣ показался уже первый лучъ солнца, когда въ домѣ отца Мемнона стали просыпаться. Раньше всѣхъ поднялась Муша. Ей и вообще въ эту ночь не спалось. Вчерашнее объясненіе съ Маккавеевымъ волновало ее. Она уже предвкушала наслажденіе сдѣлаться въ скоромъ времени обладательницей мужа и притомъ богослова съ такимъ хорошимъ приходомъ, какъ Окуневка. Она почти не сомнѣвалась въ своемъ успѣхѣ. Вчера все шло такъ хорошо. Маленькія осложненія, въ родѣ того, какимъ кончилась ихъ прогулка, ничего не значили. Для перваго раза это такъ и должно было случиться. Но теперь у нея впереди еще цѣлый день, а къ вечеру все уже будетъ сговорено и слажено.

Она поднялась раньше всѣхъ и тотчасъ же съ особенной энергіей принялась хлопотать на счетъ чаю.

Вчерашнія событія нисколько не разочаровали ее. Напротивъ, по ея мнѣнію, такъ и должно было случиться; нельзя же требовать, чтобы молодой человѣкъ, только что увидавшій ее, такъ сразу и выложилъ передъ нею всѣ свои чувства. Но вѣдь это ясно, что чувства были на лицо, что онъ не остался равнодушенъ къ ней.

Муша понимала любовь по-своему. Рука дрожитъ, сердце усиленно бьется, кровь стучитъ въ вискахъ, дыханіе участилось, отъ

щекъ пышетъ огнемъ,—ну, значитъ, и любовь готова. И когда она разсказывала о вчерашнихъ событіяхъ другимъ дѣвицамъ, то имѣла видъ побѣдительницы.

Вторымъ проснулся отецъ Мемнонъ. Онъ рѣшительно ничего не помнилъ о ночномъ эпизодѣ. Онъ и приподымался тогда, и протиралъ глаза, и что-то говорилъ, но все это было въ полуснѣ. Какъ только Маккавеевъ погасилъ спичку и вышелъ изъ комнаты, отецъ Мемнонъ тотчасъ же заснулъ глубокимъ сномъ и все забылъ. Поэтому онъ проснулся въ прекрасномъ настроеніи духа, полагая, что все идетъ великолѣпно. Вѣдь и до него дошли слухи о вчерашнихъ событіяхъ на берегу рѣчки.

И когда дѣвицы вошли въ ту комнату, гдѣ онъ спалъ, и гдѣ вчера было скромное пиршество, то первое, что удивило ихъ, это исчезновеніе пирога.

— Куда дѣвался пирогъ?—спрашивали онѣ одна у другой.— Вѣдь вчера осталось четыре куска. И хлѣба много было. Вотъ удивительно! Должно быть, собака ночью забралась. Папаша, вы не помните, чтобъ ночью приходила въ комнату собака?

— Собака?—спросилъ отецъ Мемнонъ,—откуда же ей прійти? Вотъ чудеса! Кажись, и окна и двери были заперты.

— Такъ куда же все дѣвалось? Можетъ быть, кошка?

— Ну, это, милыя мои, надо дюжину кошекъ, чтобъ все съѣсть... Да, должно быть, вы сами же и убрали вчера, да и позабыли. Все думали о молодомъ человѣкѣ, вотъ оно у васъ и вышло изъ головы!— шутилъ отецъ Мемнонъ.

Вопросъ объ исчезновеніи пирога и хлѣба до времени остался невыясненнымъ. Впрочемъ, это обстоятельство казалось такимъ маловажнымъ, что его и выяснять не стоило.

Отецъ Гурій проснулся позже всѣхъ. Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ. Солнечный лучъ, проникавшій сквозь щели ставенъ, придавалъ всему таинственный колоритъ. Отцу Гурію долго надо было приводить свою голову въ порядокъ, чтобы вступить во владѣніе всѣми своими пятью чувствами. Но онъ очень хорошо помнилъ всѣ обстоятельства дѣла, — что онъ путешествуетъ съ Маккавеевымъ ради отысканія ему невѣсты, что они ненарокомъ попали къ отцу Мемнону, сдѣлавшись, повидимому, жертвою измѣны со стороны кучера, но что здѣсь дѣло начинаетъ налаживаться, и, наконецъ, что рядомъ съ нимъ на перинѣ спитъ Маккавеевъ.

— Эй, ты, богословъ, — любовно прохрипѣлъ отецъ Гурій по адресу своего родственника.—Ну-ка, вставай! полно тебѣ нѣжиться... Вишь ты, побѣдилъ сердце дѣвицы и теперь, должно быть, видитъ сладкіе сны...

Но богословъ ничего не отвѣтилъ на это привѣтствіе.

«А и спитъ же, Господи ты Боже мой,—вотъ что значитъ мо-

лодой человѣкъ. Беззаботность какая! Его вотъ-вотъ сейчасъ, можетъ, женятъ, а ему хоть трава не рости»...

Послѣ этого, отецъ Гурій началъ усиленно протирать глаза, чтобы лучше видѣть, такъ какъ до сихъ поръ онъ ровно ничего не видѣлъ въ комнатѣ. Затѣмъ, онъ повернулъ лицо въ ту сторону, гдѣ долженъ былъ спать Маккавеевъ, и, къ своему изумленію, увидѣлъ, что на его мѣстѣ пустота, одѣяло поднято и свернуто на сторону.

«Эге, да онъ уже всталъ: вотъ такъ штука!—размышлялъ отецъ Гурій:—не замѣчалъ я прежде, чтобъ онъ такъ рано вставалъ. Ну, такъ, должно быть, и въ самомъ дѣлѣ эта дѣвица его за живое задѣла»...

Онъ началъ одѣваться. При ближайшемъ изслѣдованіи оказалось, что въ углу стоялъ табуретъ съ желтой миской и рукомойникомъ, наполненнымъ водою,—удобство, котораго нигдѣ у поповъ ему не предоставлялось. Тамъ приходилось довольствоваться самымъ простымъ способомъ: выходить во дворъ, розыскивать горничную и просить, чтобы она полила на руки.

«Вотъ какой заботливый отецъ Мемнонъ!—съ удовольствіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ усмѣшкой, думалъ отецъ Гурій. — Видно, здорово хочется ему дѣвицу замужъ выдать».

Отецъ Гурій уже давно примирился съ этимъ обстоятельствомъ. Онъ полагалъ, что въ сущности всѣ женщины одинаковы, и одна имъ цѣна. А такъ какъ Маккавееву всего осталось какихъ нибудь четыре дня до посвященія, то приходилось только радоваться, что, наконецъ, что нибудь отыскалось ему по вкусу... Онъ въ душѣ рѣшилъ уже, въ случаѣ если дѣло пойдетъ на ладъ, не чинить тому никакихъ препятствій, а, напротивъ, всячески способствовать.

Онъ одѣлся, умылся, прочиталъ краткую молитву, затѣмъ вытащилъ изъ кармана огромную гребенку въ родѣ той, какая подается архіереямъ во время службы, тщательно расчесалъ волосы и бороду и свѣженькій, чистый вышелъ во дворъ.

Тутъ онъ встрѣтилъ отца Мемнона, который съ нетерпѣніемъ расхаживалъ по двору, ожидая, когда гости выйдутъ.

— Добраго утра, отецъ Мемнонъ!—весьма любезно сказалъ отецъ Гурій:—ну, что, богословъ-то мой уже съ дѣвицами любезничаетъ, а?

— Гм... а развѣ онъ не спитъ?..—спросилъ отецъ Мемнонъ.

— Какой тамъ! Чуть свѣтъ поднялся. И никогда этого съ нимъ не бывало, а вотъ поди же.

— А я полагалъ, знаете, что онъ еще спитъ!—промолвилъ отецъ Мемнонъ, и по лицу его проскользнула какая-то тѣнь сомнѣнія.

— Да развѣ вы съ нимъ не встрѣчались еще?

— Нѣтъ, я его не видалъ. Можетъ, онъ въ палисадникѣ, либо прогуливается гдѣ нибудь. Соня!—обратился онъ къ проходившей мимо одной изъ дѣвицъ.—А съ кѣмъ Егоръ Трофимовичъ?

— Я не знаю!—отвѣтила Соня:—я его не видала.

— А гдѣ Муша?—спросилъ отецъ Мемнонъ, сдѣлавъ естественное предположеніе, что богослову всего резоннѣе проводить время съ Мушей.

— Муша въ комнатѣ. Она сейчасъ была въ палисадникѣ, а теперь въ комнату пошла.

— Вотъ чудеса! Да всѣ ли дома?

Оказалось, что всѣ дѣвицы были дома, и каждая занималась какимъ нибудь хозяйственнымъ дѣломъ. Тогда стали считать мужчинъ. Не оказалось племянника, который въ хорѣ пѣлъ басомъ.

— Ну, вотъ, значитъ, Егоръ Трофимовичъ и пошелъ съ нимъ прогуляться. Дѣло ясное! гдѣ-жъ ему больше быть?

— Да я тутъ!—вдругъ откликнулся басомъ племянникъ изъ конюшни. Онъ страстно любилъ лошадей и постоянно пропадалъ въ конюшнѣ.

Такимъ образомъ весь составъ хора оказался на лицо. Уже въ эту минуту у отца Гурія мелькнула въ головѣ тревожная мысль. Онъ вспомнилъ, какъ тогда, когда они были у отца Пафнутія, послѣ роковой сцены съ Леонилой, богословъ удралъ на большую дорогу, и ему пришлось догонять его. Но онъ ничего не сказалъ отцу Мемнону объ этомъ эпизодѣ и о своихъ сомнѣніяхъ. Онъ только спросилъ, какъ бы для провѣрки своихъ мыслей:—и никто не видалъ его нынче, а?

Отецъ Мемнонъ вдругъ ударилъ себя ладонью по лбу.

— Постойте, отецъ Гурій, я что-то такое припоминаю. Было что-то ночью; вотъ только не могу хорошенько вспомнить, что! Или это, можетъ, мнѣ снилось. Ей-Богу! вотъ чудеса: не знаю, снилось или наяву... Вы не замѣтили, отецъ Гурій, вставалъ онъ ночью, богословъ-то вашъ?

— Ну, гдѣ жъ тамъ замѣтить? я спалъ, какъ убитый, я всегда такъ сплю. Меня изъ мортиры не разбудишь.

— Вѣдь вотъ какая штука,—говорилъ отецъ Мемнонъ,—мнѣ словно мерещилось, будто онъ входилъ ночью въ комнату и будто зажегъ спичку, а я приподнялся и говорю: вамъ, говорю, выйти? А онъ говоритъ: да, хочу, говоритъ, выйти; а я спросилъ, собакъ не боитесь? Нѣтъ, говоритъ, собакъ не боюсь... Я, говоритъ... Ахъ, ты, Господи! Такъ вѣдь вотъ же куда и пирогъ дѣвался. Я, говоритъ, захвачу хлѣба и прочаго! и набралъ въ карманы и хлѣба и пироговъ. Вотъ она въ чемъ, исторія-то...

— Ну, а потомъ, потомъ?—съ величайшимъ любопытствомъ спрашивалъ отецъ Гурій.

— А потомъ спичку-то онъ погасилъ, а я заснулъ и ужъ не знаю, что дальше было. Такъ, можетъ, онъ тогда-то и вышелъ и болѣе не возвращался...

— Какъ же это такъ не возвращался? куда-жъ онъ могъ дѣться?— спросилъ отецъ Гурій весьма неувѣреннымъ тономъ.

Эта неувѣренность передалась и отцу Мемнону. Начали вторично разыскивать богослова. Послали и къ рѣчкѣ и въ помѣщичій садъ, обѣгали весь его, обрыскали всѣ уголки, гдѣ только можно было предположить присутствіе Маккавеева, но нигдѣ не нашли его.

— Такъ что же это значитъ, отецъ Гурій, позвольте васъ спросить?—говорилъ отецъ Мемнонъ, уже нѣсколько повышая тонъ.— Что же это за штука такая?

— Да я, отецъ Мемнонъ, знаю не больше, чѣмъ вы. Могу только предполагать.

— А что же вы именно предполагаете?

— А предполагаю я, отецъ Мемнонъ, что богословъ мой простонапросто удралъ.

— Какъ удралъ?

— А такъ. У него, знаете, есть эта манера. Вотъ у отца Пафнутія такой случай былъ. Тоже вотъ ночевали мы тамъ, и утромъ у него съ дѣвицей Леонилой разговоръ былъ... А она возьми да и хвати ему: я, дескать, штатскихъ больше люблю, чѣмъ духовныхъ. Конечно, это она такъ, по глупости, а сама замужъ и съ руками и съ ногами готова, а мой богословъ это услышалъ, да и говоритъ: извините, говоритъ, я на минутку, отца Гурія повидать надо, да взялъ, знаете, шапку и далъ стрекача... Еле его на большой дорогѣ догналъ...

— Скажите, пожалуйста! на какія онъ штуки способенъ, вотъ не ожидалъ, не ожидалъ.

Событіе уже достаточно выяснилось и произвело въ домѣ страшную сенсацію; всѣ дѣвицы были подавлены, а Муша заперлась въ комнатѣ и плакала навзрыдъ. Она была оскорблена...

Отецъ Мемнонъ между тѣмъ уже совсѣмъ оставилъ свой мирный тонъ и началъ страшно пѣтушиться.—Да какъ же это? да позвольте!— какъ-то попѣтушиному подскакивалъ онъ къ отцу Гурію:—да развѣ такъ дѣлаютъ? Да вѣдь за это, я вамъ скажу, можно и въ судъ потянуть... Это значитъ опозорить домъ... Всякія штуки бывали, но такой еще не было, и, знаете, этого нельзя простить. Ежели такія штуки спускать, такъ что же это будетъ?..

Отецъ Гурій шагалъ по двору и обдумывалъ свое положеніе: какъ ему самому посмотрѣть на поступокъ Маккавеева: обидно это для него или нѣтъ? Вѣдь въ сущности и ему, отцу Гурію, всѣ они ужасно противны—и самъ отецъ Мемнонъ, и всѣ его чады, и домочадцы. У всѣхъ у нихъ одна манера, такая же самая, какъ и у отца Мемнона, всѣ они лѣзутъ нахрапомъ, стараются заграбастать сразу, не давши даже человѣку одуматься.

Это такъ, но все же нехорошо, что Егоръ и съ нимъ сыгралъ такую штуку. Зачѣмъ же бѣжать? Зачѣмъ же его въ дуракахъ

оставлять? Ну, могъ бы поговорить съ нимъ, посовѣтоваться; можно было бы и такъ уѣхать, вѣдь не канатами же привязали ихъ.

А пока онъ такимъ образомъ раздумывалъ, отецъ Мемнонъ окончательно расходился. Онъ ходилъ вслѣдъ за отцомъ Гуріемъ, и изъ устъ его такъ и сыпались угроза за угрозой. Онъ все твердилъ, что обиды такой не проститъ, и что будетъ даже жаловаться преосвященному.

Отецъ Гурій слушалъ, слушалъ, но наконецъ и съ своей стороны вспыхнулъ.

— Жаловаться?—спросилъ онъ, остановившись передъ нимъ:—а по какому же праву?

— А какъ же! Моя дочь не какая нибудь, не уличная дѣвченка, чтобы можно было ее позорить.

— А что же такое онъ сдѣлалъ съ вашей дочерью, отецъ Мемнонъ? Развѣ что нибудь было? Онъ обольстилъ ее или какъ? Или обѣщалъ что нибудь, а? Я ничего такого не слышалъ...

— Онъ съ нею объяснился...

— Э, мало ли съ кѣмъ онъ объяснился. Можетъ, предъ этимъ съ цѣлымъ десяткомъ дѣвицъ,—такъ ничего и не вышло.

— Какъ съ десяткомъ? Какимъ это образомъ съ десяткомъ? Что вы такое мнѣ говорите—съ десяткомъ?

И отецъ Мемнонъ выкрикивалъ уже совершенно безсмысленныя слова. Отецъ Гурій старался успокоить его: —Да вы не кричите, отецъ Мемнонъ, потому у меня глотка пошире вашей будетъ, и, ежели я кричать стану, то заглушу васъ... Крикъ ничего не означаетъ, отецъ Мемнонъ. А я вамъ вотъ что скажу: мы вѣдь не хотѣли къ вамъ ѣхать, даже и въ мысляхъ не было; а вы тамъ что-то такое поворожили около кучера, вотъ онъ и завезъ насъ... Хе! Заблудился, говоритъ, — это штука старая! Съ чего это ему было заблудиться и отчего это непремѣнно къ вамъ, скажите, пожалуйста... Вы хотѣли схитрить, отецъ Мемнонъ, ну, вотъ васъ Господь Богъ и наказалъ за это самое. Эй, ты,—обратился онъ къ своему кучеру:—продажная душа! Запрягай, да живо! Сейчасъ поѣдемъ!

Кучеръ, видя, что дѣло повернулось плохо, началъ торопиться. Отецъ Гурій уже не входилъ въ домъ. Онъ остался во дворѣ и раздумывалъ: куда теперь ѣхать? Куда дѣвался Маккавеевъ? Можетъ, онъ раскаялся и махнулъ прямо къ отцу Пафнутію? Но дѣло въ томъ, что это предположеніе ни на чемъ не было основано, и отецъ Гурій не зналъ, что съ собою дѣлать.

Лошади были уже запряжены. Отецъ Гурій оглядѣлся по сторонамъ; во дворѣ не было ни души, кромѣ него съ кучеромъ. Очевидно, всѣ умышленно спрятались, желая выразить этимъ полное презрѣніе. Даже дверь, которая съ крыльца вела въ сѣни, была плотно прикрыта.

«Гм... скажите, пожалуйста!—подумалъ отецъ Гурій, — даже не

желаютъ прощаться! Вотъ какъ значитъ задѣло ихъ за живое. Ну, что-жъ, мнѣ только и остается, что сѣсть и укатить. Оно, положимъ, невѣжливо, да какъ же мнѣ быть-то? Не ходить же мнѣ да по всѣмъ угламъ разыскивать хозяевъ?»

И отецъ Гурій уже хотѣлъ было сѣсть въ экипажъ. Но въ это время за воротами послышался лошадиный топотъ, который быстро приближался. Отецъ Гурій почему-то, по какимъ-то безсознательнымъ соображеніямъ, принялъ этотъ топотъ на свой счетъ и быстро направился къ калиткѣ.

Онъ увидѣлъ верхового, который скакалъ прямо по направленію къ церковному дому.

«Ужъ это не даромъ,—подумалъ онъ.—Это что нибудь на счетъ моего богослова».

Верховой былъ простой деревенскій парень и, что всего болѣе удивило отца Гурія, человѣка городского, на немъ не было шапки.

Парень подкатилъ къ воротамъ церковнаго дома и съ разгону остановился.

— Здравствуйте, батюшка,—промолвилъ онъ и по привычкѣ поднялъ руку къ головѣ, какъ бы желая снять шапку, но, убѣдившись, что шапки у него нѣтъ, просто такъ наклонилъ голову.

— Будь здоровъ!—отвѣтилъ ему отецъ Гурій.—Ты къ кому?

— Да тутъ же отецъ Мемнонъ живетъ...

— Ага, такъ ты къ отцу Мемнону значитъ?—съ легкимъ разочарованіемъ въ голосѣ промолвилъ отецъ Гурій.

— Нѣтъ, отца Мемнона мнѣ не надо, а тутъ есть другой батюшка.

— Можетъ, не отецъ ли Гурій?

— Вотъ это самое и есть. Отецъ Гурій, такъ, такъ...

— А зачѣмъ тебѣ онъ?

— Да я отъ Пармена?

— Отъ какого такого Пармена?

— Отъ дьяка Пармена. Развѣ вы не знаете?

— Да ты говори толкомъ, какой такой дьякъ Парменъ? Изъ какого села?

— Да изъ Окуневки, Господи ты Боже мой! Кто жъ таки не знаетъ дьяка Пармена?

— Окуневка?

«Окуневка, Окуневка... Кто же это такой?—старался припомнить отецъ Гурій и вдругъ ударилъ себя ладонью по лбу:—ге! Окуневка. Это-жъ и есть приходъ, на который назначенъ Егоръ. Фу, ты, Господи, вотъ такъ память у меня... Это, должно быть, отъ послѣднихъ обстоятельствъ моя голова такъ затуркалась».

И онъ спросилъ парня: — такъ что же твой Парменъ?.. Чего онъ хочетъ?

— Записка вамъ...

— Записка? Ну, давай-ка сюда эту записку.

«Ну, коли записка какого-то Пармена, да изъ Окуневки,—подумалъ отецъ Гурій,—такъ значитъ безъ Егора тутъ не обошлось».

— Давай-ка сюда записку!

Парень засунулъ руку за пазуху и отыскалъ тамъ записку. Отецъ Гурій прочиталъ: «Ради Господа, отецъ Гурій, не сердитесь, а пріѣзжайте скорѣй сюда; очень ужъ мнѣ страшно стало, что меня тамъ женятъ, и рѣшился я убѣжать. А случай привелъ меня сюда, на мой будущій приходъ, и, кажется, здѣсь-то я по близости найду свою судьбу. Пріѣзжайте же, прошу васъ, дорогой отецъ Гурій! Жду васъ съ нетерпѣніемъ. У дьяка Пармена въ Окуневкѣ вы меня найдете. Вашъ родственникъ Егоръ Маккавеевъ».

— Вотъ оно въ чемъ штука!—вслухъ воскликнулъ отецъ Гурій,—вотъ куда онъ забрался! Я же говорилъ, что тутъ безъ Егора дѣло не обошлось.

Верховой подождалъ съ минуту и потомъ спросилъ:—прикажете, батюшка, сказать что нибудь?

— Да такъ и скажи, что записку передалъ, и болѣе ничего.

— И болѣе ничего?—переспросилъ парень.

— Да что жъ тебѣ еще? Ну, буду, разумѣется, буду. Хотя и не стоитъ онъ этого, а все-таки ѣду.

Парень хватилъ лошадь обѣими ногами въ бока и помчался обратно.

Отецъ Гурій вошелъ во дворъ. Въ эту минуту тамъ попрежнему никого еще не было. Онъ крикнулъ кучеру.

— Эй, ты, христопродавецъ! Подавай-ка сюда...

Кучеръ уже сидѣлъ на козлахъ. Послѣ того какъ заговоръ его не удался, онъ чувствовалъ себя страшно виноватымъ и какъ-то униженно велъ себя передъ отцомъ Гуріемъ. Отецъ Гурій вѣдь представлялъ для него довольно опредѣленную доходную статью. Всякій разъ, когда онъ выѣзжалъ изъ города, какъ онъ самъ выражался—«по епархіи», прихвативъ съ собой какого нибудь молодого человѣка, съ цѣлью женить его, онъ бралъ этого самаго кучера. А это было очень выгодно.

И кучеръ, прикрикнувъ на лошадей, подвинулся вмѣстѣ съ экипажемъ ближе къ воротамъ.

Отецъ Мемнонъ между тѣмъ изъ комнаты въ окно видѣлъ, какъ подъѣхалъ ко двору верховой, и, не смотря на негодованіе и на то, что далъ слово не проститься съ отцемъ Гуріемъ, онъ не выдержалъ. Имъ овладѣло страшное любопытство и захотѣлось узнать, въ чемъ дѣло.

Въ то время, когда отецъ Гурій собирался уже сѣсть въ экипажъ, отецъ Мемнонъ вышелъ изъ сѣней во дворъ.

— Это откуда же къ вамъ посолъ пріѣзжалъ, отецъ Груій?—съ саркастической усмѣшкой спросилъ отецъ Мемнонъ.

Отецъ Гурій не ожидалъ этого выхода и не подготовился къ

отвѣту и потому прямо сказалъ: — да откуда же? отъ моего богослова...

— Ага! Значитъ, отыскался таки. Въ какихъ же это онъ мѣстахъ?

Но за это время отецъ Гурій успѣлъ уже быстро обсудить дѣло и началъ довольно увѣренно врать.

— А тутъ вышла такая исторія,—объяснялъ онъ:—рано утромъ сидѣлъ отъ вотъ тутъ на скамеечкѣ за воротами, а въ это время проѣзжалъ мимо его товарищъ, Порученка, отца Игнатія сынъ, знаете, въ Рафаиловкѣ настоятель? Вотъ они и встрѣтились. Куда ѣдешь? Въ городъ. А, говоритъ, въ городъ? Онъ и подсѣлъ къ нему и махнулъ въ городъ, а чтобы я не безпокоился, такъ онъ на пути встрѣтилъ верховаго да и послалъ его сюда: съѣзди, говоритъ, и скажи отцу Гурію, что я въ городъ поѣхалъ. Вотъ и вся штука.

— Гм... произнесъ отецъ Мемнонъ, крайне недовѣрчиво посмотрѣвъ на отца Гурія.—Такъ, товарищъ, говорите?

— Ну, да, говорю, товарищъ.

— Съ чего же это онъ вздумалъ въ городъ ѣхать?

— А ужъ этого я вамъ объяснить не могу, отецъ Мемнонъ; объ этомъ надо его спросить, а я у него въ душѣ не бывалъ...

— А знаете, что я вамъ скажу, отецъ Гурій? Тутъ одно: или вы меня морочите, или онъ, этотъ вашъ сродственникъ, прямо таки сумасшедшій.

— Да я и самъ такъ думаю, отецъ Мемнонъ; должно быть, что у него что нибудь въ головѣ не ладно. Гдѣ-жъ таки такую штуку устроить, сами посудите! Ну, прощайте, отецъ Мемнонъ. Вы на меня не сердитесь, потому я тутъ не виноватъ.

— Куда-жъ вы-то поѣдете? Въ городъ, должно быть?

— Разумѣется, въ городъ. Куда-жъ мнѣ больше! И уже знаете, въ другой разъ за такое дѣло не возьмусь, ну его къ Богу! Что хорошаго? Возиться съ человѣкомъ, стараеться для него, всякія непріятности терпишь, а онъ тебя же въ дуракахъ оставляетъ. Нѣтъ, ужъ тяжелъ я сталъ для этихъ дѣлъ, пусть кто нибудь помоложе возжается съ ними.

— Ну, положимъ, вы безъ этого, отецъ Гурій, и прожить не можете... Любите вы это, нечего скрывать..

Отецъ Мемнонъ, не смотря на то, что недавно еще такъ сильно гнѣвался на отца Гурія, теперь совершенно смягчился и заговорилъ совсѣмъ дружелюбнымъ тономъ. Въ глазахъ у него появилось выраженіе какъ бы какой-то новой мысли. Сейчасъ видно было, что у него явился какой-то новый расчетъ на отца Гурія.

Хотя во дворѣ не было никого, кромѣ кучера, но отецъ Мемнонъ взялъ отца Гурія за рукавъ и таинственно отвелъ его въ сторону.

— Слушайте, отецъ Гурій. Конечно, всякое бываетъ между людьми... Вотъ и мы съ вами повздорили, такъ это что-жъ, можно

и забыть... А только я васъ прошу, ежели будетъ случай, ну, тамъ какой нибудь молодой человѣкъ... Мнѣ не надо, чтобъ непремѣнно богословъ былъ, Господь съ ними, съ этими, съ этими богословами, они народъ капризный, переборчивый, а все равно, ежели и съ дьяконскимъ приходомъ, и это ничего. Такъ ужъ вы того, мимо моего дома не проѣзжайте... А я вамъ за это очень даже хорошо отблагодарю, въ накладѣ не останетесь...

И отецъ Мемнонъ говорилъ это такимъ жалобнымъ и искреннимъ тономъ, что отецъ Гурій былъ даже тронутъ.

— Вѣдь подумайте, отецъ Гурій, каково-то мнѣ нести на своихъ плечахъ этакій возъ... Вотъ про отца Мемнона говорятъ, что онъ и хитрецъ, что онъ и плутъ, и то, и се, и другое, и третье; такъ скажите, пожалуйста, ежели человѣку приходится тащить такую обузу, такъ тутъ, я думаю, не то что хитрецомъ будешь, а въ иныя минуты и разбой учинишь, только бы лишній кусокъ хлѣба добыть. Да, имъ хорошо разсуждать, а вотъ попробовали бы съ мое... Тутъ не то что хоръ заводишь, а медвѣдя ученаго на цѣпи водить станешь...

— Это вы правду говорите, отецъ Мемнонъ,—серьезно сказалъ отецъ Гурій,—я, положимъ, не испыталъ этого, потому я самъ человѣкъ бездѣтный, а только дѣйствительно вижу—ваше положеніе неважное.

— Да ужъ само собою, что неважное, отецъ Гурій, важности немного... Такъ вы того, не забудьте... А я ужъ отблагодарю, ей-Богу, отблагодарю...

— Нѣтъ, зачѣмъ же, отецъ Мемнонъ!—благодарности мнѣ никакой не надо; я вѣдь не изъ корысти это дѣлаю, а такъ, для развлеченія... Ежели случится, я что-жъ, я готовъ...

— Ну, вотъ спасибо вамъ за это, отецъ Гурій. А что ежели между нами какой разговоръ вышелъ тамъ, такъ это всегда можетъ случиться... А зла помнить не подобаетъ, особенно духовному лицу...

Отецъ Гурій пожалъ руку своему новому другу, сѣлъ въ экипажъ, причемъ отецъ Мемнонъ дѣятельно помогалъ ему получше взобраться и усѣсться, и уѣхалъ.

Нѣкоторое время отецъ Гурій ѣхалъ молча. У него была привычка разговаривать съ кучеромъ, но на этотъ разъ онъ не хотѣлъ снизойти, такъ какъ кучеръ очень провинился передъ нимъ. Однако, ему стало скучно, и онъ все-таки заговорилъ.

— Такъ какъ же это ты, сякой-такой, рѣшился продать меня, а? Вѣдь вотъ народъ! Ты меня сколько лѣтъ знаешь, а этого дьякона вѣдь въ первый разъ увидѣлъ. И что ты съ него взялъ? какой нибудь цѣлковый! Ты продалъ меня, отъ котораго десятки рублей зарабатываешь. Вотъ негодная душа!

— Да я, отецъ дьяконъ, не то, чтобы... Я что-жъ... Человѣкъ

даетъ рублевку, вези, говоритъ, ко мнѣ. Ну, отчего-жъ не повезти, думаю, не съѣдятъ...

— Гм... не съѣдятъ! Когда чуть-чуть было не съѣли...

— Да я такъ разсуждаю, отецъ Гурій, что всѣ дѣвицы одинаковы. Вижу, что вы маетесь и никакъ не сыщете то, зачѣмъ поѣхали... А у отца Мемнона ихъ пропасть. Ну, вотъ, я и думаю: свезу ихъ туда, можетъ, и посчастливится. А отъ рублевки, сами знаете, отецъ дьяконъ, ни одинъ умный человѣкъ не откажется...

— Ну, а ты лошадей все-таки стегни; дорогу-то знаешь въ Окуневку?

— Какъ же мнѣ не знать? я всѣ дороги знаю.

— Ты смотри, еще разъ не заблудись; а то, можетъ, тебѣ еще кто нибудь рублевку сунулъ, такъ ты меня въ другое мѣсто завезешь.

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Я, знаете, теперь самъ не радъ... Ужъ теперь никуда не завезу...

Уже солнце поднялось довольно высоко, когда они пріѣхали въ Окуневку. А въ Окуневкѣ между тѣмъ произошли нѣкоторыя событія.

Дьякъ Парменъ собрался было везти Егора въ Богоявленское. Но въ это время въ душѣ Маккавеева появилось какъ бы нѣчто въ родѣ раскаянія. Онъ вдругъ почувствовалъ, что если отцу Гурію уже нанесена обида его внезапнымъ исчезновеніемъ, то еще большей обидой было бы для него, еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ себѣ невѣсту помимо его участія.

— А знаете что,—высказалъ онъ вслухъ,—я полагаю, что надобно подождать отца Гурія.

— Да онъ нагонитъ насъ!—промолвилъ безпечный Парменъ.

— Да не въ томъ дѣло. А штука въ томъ, что отцу Гурію обидно будетъ, ежели мы безъ него дѣло это устроимъ...

— Да что же тутъ обиднаго?.. Ежели къ человѣку счастье подойдетъ, такъ что-жъ ему обижаться?

Но тутъ въ разговоръ вмѣшалась Дарья.

— А оно правда, Парменъ, что дѣйствительно это будетъ обидно!—промолвила она.—Какъ же не обидно? Человѣкъ сколько дней возжался, сколько времени потратилъ,—надо же ему въ чемъ нибудь удовлетвореніе отыскать. А то вѣдь выходитъ, что онъ старался, а другіе за него дѣло сдѣлали, и онъ совсѣмъ въ дуракахъ останется; нѣтъ, такія дѣла такъ не дѣлаются... По моему мнѣнію, подождать надо.

— Ну, что-жъ, коли подождать, такъ и подождемъ, — сказалъ Парменъ.—Время терпитъ. Еще вонъ и солнце только что поднялось...

И они рѣшили дождаться отца Гурія. Но Парменъ не могъ долго оставаться въ бездѣйствіи; ужъ онъ зарядился мыслью доставить своей крестницѣ необыкновеннаго, по его мнѣнію, жениха, и его брало страшное нетерпѣніе. Его взвинченное при посредствѣ настойки во-

ображеніе живо рисовало передъ нимъ картину будущаго счастья, когда настоятелемъ въ Окуневнѣ будетъ этотъ добродушный, простоватый малый, а настоятельшей не кто иной, какъ Вѣра, его любимая крестница. То-то милое будетъ житье!

И ему не сидѣлось на мѣстѣ. Ему представлялось страннымъ, что въ то время, какъ здѣсь уже все подготовлено, тамъ, въ Богоявленскомъ, ничего еще не знаютъ. Онъ вдругъ схватился и выразилъ намѣреніе куда-то идти.

— Куда это ты?—спросила его Дарья.

— Да я вспомнилъ... время-то еще есть, а тутъ надобно мнѣ къ Пахомію зайти на счетъ поросенка, помнишь? Поросенка онъ мнѣ обѣщалъ, свинья у него опоросилась. Ну, такъ вотъ...

— Поросенка?—какъ-то странно переспросила его Дарья.

Про поросенка дѣйствительно была рѣчь, но странно, что это пришло ему въ голову именно теперь. Совсѣмъ не тѣмъ была занята его голова, и Дарья не повѣрила Пармену.

Однако-жъ, она не рѣшилась при постороннемъ человѣкѣ уличить его во лжи и только сказала:—да ты смотри, не опоздай, а то потомъ тебя по всей деревнѣ искать придется.

— Ну, нѣтъ, зачѣмъ? Я черезъ полчасика буду.

И Парменъ вышелъ за ворота, затѣмъ степенной походкой прошелъ церковную площадь, а когда завернулъ за уголъ первой мужицкой хаты, то вдругъ пустился во весь духъ, со всей быстротой, какая только была доступна его чрезвычайно длиннымъ ногамъ. Ни про какого Пахома онъ, разумѣется, не думалъ, а прямо помчался въ Богоявленское.

Онъ почти всю дорогу бѣжалъ рысью, поэтому въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно быстро достигъ своей цѣли. Онъ направился къ дому, гдѣ жилъ дьякъ Евтихій.

Дьякъ Евтихій въ это время былъ на току. Онъ былъ не одинъ, младшая дочь его Надя возилась граблями въ соломѣ, а онъ починялъ что-то у воза.

— Эге, вотъ кого Богъ принесъ! — воскликнулъ Евтихій, увидѣвъ еще издали своего стараго пріятеля.

— А то кого-жъ? меня и принесъ...—отвѣтилъ Парменъ.

При этомъ онъ тяжело опустился на перевернутое вверхъ дномъ корыто и началъ отдыхать.

— Да что это, Парменъ, у тебя и видъ какой-то, какъ будто не твой?—промолвилъ Евтихій, внимательно разглядывая Пармена.

— Чего тамъ? Видъ, какъ видъ. Ничего особеннаго въ немъ нѣтъ. А что, Вѣруша дома?

— А гдѣ же ей быть? Дома! Она въ сѣняхъ тамъ, около кабыци возится, что нибудь варитъ, должно быть.

— А, такъ, такъ.

И Парменъ помолчалъ. Евтихій окончательно убѣдился, что у

него есть на душѣ что-то такое, что онъ можетъ сообщить только ему одному.

— А сходи-ка въ хату, скажи Вѣрѣ, что Пармонъ пришелъ, пусть-ка она насъ покормитъ.

Надя ушла. Тогда Евтихій безъ дальнихъ околичностей сказалъ.

— Ну, выкладывай, что у тебя тамъ на душѣ. Можетъ, бѣда какая?

— Нѣтъ, не бѣда. А штука совсѣмъ особенная.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Какая такая особенная?

— А вотъ какая. Ты даже и не воображаешь. Помнишь ты, дней десять назадъ на пароходѣ ѣхалъ съ дочками? Помнишь?

— Что же мнѣ, паморокн забило, что ли? Отчего же мнѣ не помнить? Разумѣется, помню. Ну, ѣхалъ на пароходѣ, что-жъ изъ этого?

— Да ты постой. Тутъ не въ пароходѣ дѣло. А кто съ тобой ѣхалъ?

— Дочки ѣхали.

— Гм... дочки... Тутъ не въ дочкахъ дѣло. А еще кто?

— Да еще мало ли тамъ народу было? полный пароходъ!..

— Такъ... А съ кѣмъ ты разговаривалъ?..

— Ну, тамъ одинъ богословъ былъ и даже на постояломъ дворѣ съ нами останавливался... И еще долженъ мнѣ остался; денегъ у него не хватило... Да развѣ я тебѣ не разсказывалъ? Который въ Окуневку настоятелемъ назначенъ...

— То-то и оно, что не разсказывалъ.

— Ну, значитъ, забылъ. Да тебѣ-то что?

— А то самое, что этотъ богословъ сію минуту сидитъ у меня...

— Да что ты?

— Ей-ей. Да это еще не все; а ты слушай дальше. Дальше-то почище будетъ. Его должны посвящать въ Вознесенскомъ монастырѣ. Всего четыре дня осталось, а невѣсты онъ не сыскалъ. Возилъ его отецъ Гурій Маккавеевъ, знаешь, соборный дьякъ?.. Да все, говоритъ, неподходящія были, все не по нраву... Самъ-то онъ простакъ и, видно, доброй души человѣкъ... И пришелъ это онъ ко мнѣ, Терешка привезъ его, который у меня въ работникахъ служилъ... Тамъ такая исторія произошла... Ну, да потомъ разскажу... У отца Мемнона тамъ... Смѣшная исторія! Да, такъ пришелъ и говоритъ, прямо такъ и говоритъ. Ну, то-есть не совсѣмъ такъ... Эхъ, да не въ этомъ дѣло... А однимъ словомъ, скажу я тебѣ, Евтихій Павловичъ, что ожидайте гостей...

— То-есть какъ гостей?...

— А такъ вотъ, что сію минуту къ тебѣ и отецъ Гурій и этотъ самый богословъ пріѣдутъ, и будетъ онъ свататься къ твоей Вѣрѣ...

— Ты спятилъ, что ли? Это, должно быть, отъ настойки твоей?

— Нѣтъ, не спятилъ, а истинную тебѣ правду говорю. И ты

готовься, Евтихій, потому я сбѣжалъ, можно сказать, на минутку; даже совралъ... Тамъ про поросенка что-то такое наболталъ, а самъ сюда. Онъ тамъ сидитъ да отца Гурія ждетъ, потому отецъ Гурій сватомъ его взялся быть... Ну, а черезъ полчасика, какъ вотъ я вернусь туда, мы всѣ и двинемся сюда. И это, я скажу, Евтихій, Господь тебѣ счастье посылаетъ, это вѣрно.

— Да, это было бы счастье!—промолвилъ Евтихій, чрезвычайно недовѣрчиво глядя на Пармена.—Да ты скажи мнѣ, старый, только по совѣсти скажи, ты ничего тутъ не навралъ?

— Ну, какъ же я могу, Евтихій Павловичъ, въ такомъ дѣлѣ наврать?.. Что я тебѣ, врагъ, что ли?

Онъ всталъ. — Я пойду. А ты готовься. Ничего я не навралъ; какъ все есть, такъ и сказалъ. Все прочее впослѣдствіи объяснится. Чудно это вышло, совсѣмъ, можно сказать, какъ бы по мановенію какому-то... Видно, судьба. И малый онъ хорошій, это сейчасъ видно, что хорошій. Такъ, простоватый собѣ, душою простъ, а это чего же лучше. Помнитъ Вѣру...

— Да ты знаешь что, — пониженнымъ голосомъ заговорилъ Евтихій,—моя Вѣра съ тѣхъ самыхъ поръ только объ немъ и говоритъ. Чего добраго, можетъ, это и есть ихняя судьба. А мнѣ даже и въ голову не пришло. Гдѣ-жъ таки, думаю я, простой дьякъ, куда же мнѣ... Ну, такъ ты вернешься туда?

— Побѣгу.

— Да ты бы лошадку запрягъ, моя лошадь дома.

— О, нѣтъ, я побѣгу. Я такъ скорѣй добѣгу, у меня ноги длинныя... А ты только вотъ что: ты мнѣ вынеси рюмочку настойки. Потому мнѣ подкрѣпленіе требуется.

— Да я бы тебѣ не рюмочку, а цѣлый стаканъ вынесъ, да только нельзя, вредно... Ну, погоди, сейчасъ вынесу. Вѣрѣ-то при тебѣ ничего не скажу, сконфузится. Я потомъ ей, потомъ. Фу ты, Господи, вотъ не ждалъ... Ну, погоди. Эй, Надя, вынеси-ка сюда графинчикъ. Пармену настойки... Впрочемъ, онѣ тамъ долго возиться будутъ, я самъ...

И Евтихій, чрезвычайно взволнованный извѣстіемъ, принесеннымъ Парменомъ, спѣшной походкой направился къ дому и черезъ минуту уже вынесъ Пармену рюмку красноватой настойки.

Парменъ наскоро опрокинулъ ее въ горло и пошелъ въ обратный путь.

По дорогѣ его нагналъ знакомый мужикъ (всѣ окрестные мужики были его знакомые) и подвезъ его до самой Окуневки. Только не доѣзжая сотни шаговъ отъ церковнаго дома, онъ всталъ, чтобы его не заподозрѣли въ томъ, что онъ ходилъ не по поводу поросенка.

— Ну, вотъ и я. Живо справился,—промолвилъ онъ, входя во дворъ, гдѣ были и Егоръ и Дарья. — Поросенка-то Пахомій при-

шлетъ!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Дарьѣ.—А что, отца Гурія еще не было?

— Нѣтъ, не было, скоро, должно быть, будетъ. А вотъ верховой.

Въ это время дѣйствительно къ воротамъ подкатилъ парень и сообщилъ отвѣтъ отца Гурія.

Всѣ вышли за ворота и сѣли на заваленкѣ и съ ожиданіемъ смотрѣли въ ту сторону, гдѣ пролегала сельская дорога. Вдали показалась черная точка, а скоро она превратилась въ нѣчто опредѣленное, въ чемъ можно было узнать городской экипажъ.

Парменъ и тутъ не выдержалъ, схватился и быстро пошелъ навстрѣчу.

Когда онъ приближался къ ѣхавшему ему на встрѣчу экипажу, оттуда раздался басистый голосъ отца Гурія.

— А гдѣ тутъ церковный домъ?

— А пожалуйте, пожалуйте, отецъ дьяконъ,—промолвилъ Парменъ, подбѣжавъ къ самому экипажу.

— Ага... А кто же это?

— Да это я, дьякъ Парменъ... Здѣшній дьякъ. Пожалуйте, у насъ и богословъ вашъ.

При этомъ Парменъ ловко на ходу вскочилъ на приступку экипажа, да такъ и остался; такъ они и продолжали ѣхать.

— Ага,—говорилъ отецъ Гурій,—какимъ же манеромъ онъ у васъ оказался?

— А такимъ манеромъ: мужикъ его одинъ привезъ. Онъ шелъ, знаете, а мужикъ встрѣтился съ нимъ, и имъ было по дорогѣ. Мужикъ-то знакомый, работникомъ служилъ у меня. Терешкой прозывается; такъ этотъ самый Терешка ко мнѣ его и привезъ.

— Чудеса!—воскликнулъ отецъ Гурій,—прямо чудеса. Ну, и богословъ же... Хотя онъ мнѣ и родственникъ, а прямо скажу, что, ей-Богу, такого еще никогда не видалъ.

— Онъ добрый, какъ видно!—вступился за Егора Парменъ.

— Добрый-то онъ добрый, да только хлопотъ сколько мнѣ надѣлалъ... Просто измаялся я съ нимъ. Два раза сбѣжалъ. А я васъ гдѣ-то встрѣчалъ уже.

— Да должно быть, что встрѣчали. Какъ же не встрѣчать? въ городѣ гдѣ нибудь, можетъ, на духовномъ съѣздѣ или такъ...

Когда экипажъ подъѣхалъ къ дому, Егоръ стоялъ за воротами съ крайне виноватымъ видомъ.

— Ужъ не взыщите, отецъ Гурій,—говорилъ онъ тономъ извиненія,—не могъ, ей-ей, не могъ... Очень ужъ круто мнѣ пришлось.

— Ну, братецъ ты мой, просто и не знаю, сердиться мнѣ на тебя или какъ...—говорилъ съ своей стороны отецъ Гурій, вылѣзая изъ экипажа,—просто и не знаю. Если бы ты былъ человѣкъ, какъ слѣдуетъ, такъ, пожалуй, и разсердился бы, а то ты какой-то не настоящій, и сердиться на тебя даже грѣхъ.

— Да для чего сердиться, отецъ дьяконъ? — воскликнулъ Парменъ.—Э, что нашему брату, духовному человѣку, другъ на друга сердиться! Вы вотъ что возьмите, — продолжалъ Парменъ, сильно поощренный недавно принятымъ подкрѣпленіемъ въ видѣ настойки.— Вы вотъ что возьмите: какой случай-то, можно сказать, чудодѣйственный. Прямо: оно чудеса! да и только. Вѣдь на собственный приходъ попалъ. Вотъ штука какая. Это не со всякимъ случается. Такъ послѣ этого не явно ли указаніе перста?

Отецъ Гурій почувствовалъ себя какъ-то разомъ вступившимъ въ область безконечнаго добродушія и подчинился.

— Вотъ братецъ, каковъ ты,—промолвилъ онъ, обращаясь къ Егору.—Оставилъ меня у отца Мемнона прямо, какъ бы сказать, на съѣденіе, либо на растерзаніе. Вѣдь отецъ Мемнонъ чуть не скушалъ меня, ей-Богу! Расходился, какъ пѣтухъ какой нибудь передъ боемъ: и то да се, и благочинному и преосвященному и чуть не въ судъ меня тащить собирался, а по какой причинѣ? Развѣ, говорю, что было между ними? соблазнилъ онъ ее или какъ? Такъ прямо и сказалъ. А ты, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ того... гм... Потому ты хоть и тихій, а вѣдь въ тихомъ болотѣ черти водятся, такъ ты ужъ признавайся!—прибавилъ отецъ Гурій, лукаво подмигивая Егору, хотя, разумѣется, самъ ни на минуту не допускалъ, чтобы Егоръ могъ кого нибудь соблазнить. Онъ продолжалъ:—Ну, а потомъ смирился. И такъ это мягконько отозвалъ меня въ сторону и сталъ просить. Въ случаѣ ежели, говоритъ, женихъ подвернется, такъ того... не проѣзжайте мимо. Ну, я, разумѣется, пообѣщалъ, мнѣ что! Обижать зря никого не желаю... У него вѣдь и въ самомъ дѣлѣ семья огромная,—жаль человѣка.

— Дѣйствительно большая тягость у отца Мемнона!—подтвердилъ Парменъ:—просто иной разъ дивишься, чѣмъ это онъ ихъ питаетъ.

Стали собираться ѣхать. Дарья отказалась, такъ какъ у нея въ погребѣ было какое-то спѣшное дѣло.

— А что,—промолвилъ отецъ Гурій,—ежели твой дьякъ за тебя выдать дочку откажется, или сама она не пойдетъ?

— Тогда, отецъ Гурій, я уже вовсе не женюсь!—отвѣтилъ Маккавеевъ.—Тогда, значитъ, я окончательно негоденъ для этого дѣла.

Парменъ выразительно поднялъ обѣ руки:—да я головой моей ручаюсь, что пойдетъ! Женимъ, еще какъ женимъ!

Они усѣлись въ экипажъ. Отецъ Гурій и Егоръ сѣли рядомъ, а Парменъ занялъ мѣсто напротивъ. Напрасно Маккавеевъ пытался усадить его рядомъ съ отцомъ Гуріемъ,—онъ наотрѣзъ отказался.

— Нѣтъ, ужъ я по своей дьячковской должности тутъ сяду,— отвѣтилъ онъ.—Вы, хотя еще и не въ рясѣ, а все равно настоятель.

Такъ онъ и остался сидѣть въ передку.

— Что же это за личность такая, этотъ дьякъ Евтихій?—спро-

силъ отецъ Гурій, желая приступить къ роли свата нѣсколько подготовленнымъ.

— Личность превосходная, отецъ дьяконъ,—съ увлеченіемъ произнесъ Парменъ,—это мой первѣйшій другъ! Только вы не думайте, что онъ такъ же, какъ и я, настойку посасываетъ; онъ больше одной рюмки въ день не принимаетъ, онъ трезвый. А только душевный человѣкъ Евтихій Павловичъ, отличный человѣкъ.

— Ну, хорошо, положимъ, что онъ прекрасный человѣкъ; а какія же у него средства? Я говорю насчетъ приданаго, найдется что нибудь?

— Ни малѣйшихъ!—прежнимъ тономъ увлеченія отвѣтилъ Парменъ.—Какое же у него можетъ быть приданое? какія же средства? Гдѣ они возьмутся у дьячка?

— Гм... Вотъ тебѣ... ѣздили, ѣздили, и что-жъ заработали? а?

— Отецъ Гурій, да на что мнѣ?—промолвилъ Егоръ,—вѣдь вотъ приходъ у меня есть, начну служить и заработаемъ. Оно даже и лучше, когда на свои труды. По крайности никому не обязанъ.

— Эхъ, отецъ Гурій!—воскликнулъ Парменъ,—а сердце-то, сердце какое! А въ немъ-то вся суть. Да позвольте васъ спросить, отецъ Гурій, хотя мы съ вами и мало знакомы, ну, вотъ, скажите, когда вы женились, много вы взяли приданаго, а?

— Э-хе-хе!—отецъ Гурій широко раскрылъ ротъ и добродушно разсмѣялся своимъ густымъ басомъ:—я-то? Я къ тестю пришелъ ободранный, какъ нищій, и мнѣ тесть далъ двадцать пять карбованцевъ. Ступай, говоритъ, на базаръ да тамъ въ еврейской лавочкѣ купи себѣ другіе сапоги, а то эти ужъ очень худы да кафтанишко закажи себѣ по мѣркѣ, а то у тебя онъ, говоритъ, такъ широкъ, словно съ покойнаго отца протодіакона снятъ,—а то какъ разъ у насъ протодіаконъ скончался, отецъ Власій, толстѣйшій былъ человѣкъ,—такъ вотъ будто съ него. Шутникъ былъ покойный мой тесть. А я-то тогда еще тоненькій былъ, не такой жирный, какъ теперь. Этотъ жиръ уже я въ дьяконскомъ чинѣ нагулялъ. Ну, вотъ и все мое приданое.

— И что-жъ, наработали, нажили, отецъ Гурій?

— Ну, не то, чтобы очень, а все же нажилъ кое-что. Не жалуюсь. Такъ вѣдь это же было другое время; тогда народъ былъ простой. Тогда, братецъ ты мой (отецъ Гурій уже и Пармена сталъ называть братцемъ), тогда, братецъ ты мой, духовныя лица въ фаэтонахъ не ѣздили, а пѣшкомъ ходили, либо въ повозкѣ... А и то еще надо принять во вниманіе, что я-то былъ всего дьячекъ и только въ дьяконы стремился, а онъ богословъ и съ приходомъ да еще съ какимъ. А это разница. Ну, да ужъ что тамъ. Скорѣй бы только. А то прямо можетъ выйти скандалъ. Вотъ преосвященный пріѣдетъ, рукополагать его надо, а у него еще и жены нѣтъ. Какъ же это такъ, чтобы среди духовнаго сословія, гдѣ столько дѣвицъ, готовыхъ выйти за кого угодно, и вдругъ жены себѣ не найти!

— А вотъ онъ и нашелъ, отецъ Гурій...

— Э, ну, дай ему Богъ. Только съ чего это тебя такъ туда потянуло? Вѣдь ты давно все заговаривалъ про Богоявленское, вѣдь я помню. Нѣтъ, нѣтъ, да и спросить, далеко ли отсюда Богоявленское, я все никакъ понять не могъ, а тутъ вонъ оно какая штука выходитъ.

— Да ужъ, видно, судьба... предназначеніе свыше... пояснилъ Парменъ.

— Я вамъ скажу, отецъ Гурій, съ чего это вышло,—серьезно промолвилъ Егоръ.—Вотъ ѣздили мы съ вами и многое множество дѣвицъ видали. А что онѣ мнѣ были? Увижу я ее и не знаю, что у нея тамъ въ душѣ, что она обо мнѣ думаетъ и какъ. Можетъ, она въ душѣ надо мной смѣется, что я такой нескладный, не умѣю красно говорить, что сюртукъ на мнѣ съ чужого плеча и плохо сидитъ. Да мало ли что еще... У меня съ нею никакого касательства не было. И, можетъ, она только о томъ и думаетъ, какъ бы поскорѣе повѣнчаться да съ кѣмъ нибудь другимъ, кто ей раньше милъ былъ, въ любовь вступить. Замужъ ей надо выйти, вотъ и вся штука. Я ей чужой, и она мнѣ совсѣмъ чужая. Ни я для нея, ни она для меня ничего не сдѣлали. Что тамъ она мнѣ разныя любезности оказываетъ, въ родѣ того, что чай нальетъ, или что другое, или лишній кусокъ за обѣдомъ положитъ, такъ это оттого собственно, что я богословъ и женихъ и что приходъ у меня есть, а ей мужъ нуженъ, вотъ и все. Сами говорите,—за кого угодно пойдетъ. Это и правда. Пріѣхалъ я—за меня пойдетъ, пріѣхалъ другой, и за него съ такой же охотой. Всѣ они были для меня одинаковы, никакъ не могъ я между ними различія сдѣлать, все равно, какъ деревья въ лѣсу—всѣ на одинъ фасонъ, одно только потолще, другое потоньше, одно повыше, другое пониже, вотъ и вся разница, а все сосна да сосна. А Вѣра Евтихіевна со мной на пароходѣ ѣхала и у нея и въ мысляхъ не было и не могло быть, что я когда нибудь къ ней свататься пріѣду, а межъ тѣмъ она обо мнѣ уже заботилась. Я къ другимъ ѣхалъ свое сердце отдавать, а ея сердце обо мнѣ сокрушалось, что я неловокъ и плохо одѣтъ и не стриженъ, и чтобы надо мной не посмѣялись. И сама она собственными руками мнѣ пуговицы на сюртукѣ переставила и сюртукъ сузила и утюгомъ выгладила. И къ цирюльнику послала меня, чтобы я приличнѣе показался. И все это она дѣлала не для себя, а для другихъ. Значитъ, у нея сердце доброе, и она добра мнѣ желала безъ всякой корысти. Опять же и Евтихій Павловичъ. Что я ему? Встрѣтилъ она на пароходѣ какого-то богослова. Другой бы и вниманія не обратилъ, а то еще посмѣялся бы надъ моей несуразностью и простотой, а онъ меня близко къ сердцу взялъ и напоилъ, накормилъ и на постояломъ дворѣ ночевать къ себѣ взялъ и къ вамъ направилъ. Онъ со мной поступилъ, словно отецъ родной, и даже, когда денегъ у меня не хватило,

такъ онъ своихъ прибавилъ, и я ему еще долженъ остался. Значитъ, онъ человѣкъ. Вотъ, напримѣръ, вы, отецъ Гурій, я къ вамъ пришелъ съ улицы и сказалъ, что я родственникъ; а какой же я вамъ родственникъ? Можетъ, какъ говорится, и седьмой воды на киселѣ нѣту; а вы взяли мое дѣло къ сердцу и начали устроивать мое счастье. А почему? а потому, что у васъ сердце есть. Какая вамъ корысть отъ этого? Никакой. Только время потеряли и болѣе ничего. Вотъ такъ и онъ, такъ и Вѣра Евтихіевна. И вотъ отчего меня такъ тянуло сюда, отецъ Гурій.

— Эге,—шутливо сказалъ отецъ Гурій,—да онъ и говорить можетъ, когда захочетъ. А я этого не зналъ.

— Да отчего же не говорить, коли есть о чемъ? Дара слова я не лишенъ, отецъ Гурій.

Странное ощущеніе было у Маккавеева. Онъ чувствовалъ такъ, какъ будто ѣхалъ не къ чужимъ людямъ, а къ давнимъ друзьямъ или къ себѣ домой. Въ воспоминаніяхъ круглаго сироты не было ничего болѣе теплаго, какъ эта встрѣча на пароходѣ съ дьякомъ Евтихіемъ и съ двумя его дочерьми. Онъ укорялъ себя только за то, что такъ долго валандался съ отцомъ Гуріемъ по уѣзду, когда надо было начать съ этого.

«Вся бѣда въ томъ, думалъ онъ про себя, что выпускаютъ насъ изъ семинаріи безъ всякаго понятія о жизни и людяхъ. Откудова-то съ вѣтру въ голову мою залѣзла мысль, что надо непремѣнно ѣздить по попамъ и отыскивать невѣсту, вотъ я и поѣхалъ. А ежели бы я былъ уменъ, такъ и времени даромъ бы не потратилъ, а тамъ же еще на пароходѣ объяснился бы съ Вѣрой Евтихіевной».

IX.

Дьякъ Евтихій былъ человѣкъ осторожный.

Новость, сообщенная Парменомъ, сильно волновала его. Правда, онъ еще никогда не задумывался надъ судьбой своихъ дочерей. Вѣрѣ пошелъ всего девятнадцатый годъ, Надя была еще подростокъ. Онъ не сомнѣвался, что въ свое время обѣ онѣ найдутъ себѣ подходящую партію въ своемъ маленькомъ кругу. Онъ хорошо зналъ ихъ достоинства и былъ увѣренъ, что ихъ оцѣнятъ.

Но онъ не разсчитывалъ на что нибудь выходящее изъ этого круга. Такой же дьякъ, какъ онъ, либо учитель, ну, самое большее, на что онъ могъ разсчитывать, это на дьякона. А тутъ вдругъ цѣлый богословъ. Всякій хочетъ побольше счастья для своихъ дѣтей. А тутъ еще такое удобство, что Вѣра будетъ въ двухъ шагахъ отъ него, и, значитъ, онъ не разстанется съ своей дочерью. Хорошо. Необыкновенно хорошо.

Только вотъ въ чемъ дѣло. Парменъ человѣкъ шальной; онъ, конечно, весьма сердечно расположенъ къ нему и къ Вѣрѣ и нельзя

думать, что онъ пришелъ и навралъ. Въ такомъ дѣлѣ Парменъ не могъ соврать умышленно.

— Ну, а что, какъ ему померещилось? Можетъ, вчера хватилъ настойки больше, чѣмъ слѣдуетъ, ему и приснилось. Можетъ, онъ, Евтихій, разсказалъ ему какъ нибудь про встрѣчу съ богословомъ на пароходѣ (самъ-то онъ не помнитъ, разсказалъ или нѣтъ), а ему все это представилось, вотъ онъ и вообразилъ, что правда. Чего только не взбредетъ въ пьяную голову, а въ особенности въ голову Пармена?

И потому Евтихій рѣшилъ ждать, пока выяснится дѣло, и ни слова не сказалъ Вѣрѣ. Вѣдь это ужъ будетъ настоящимъ несчастьемъ, если Вѣра начнетъ мечтать, а окажется, что все было сонъ.

Онъ принялъ нѣкоторыя мѣры, чтобъ приготовиться къ встрѣчѣ гостей, но старался замаскировать истинную причину. Онъ сказалъ Надѣ.

— Сбѣгай ты въ лавочку да купи сахару и бубликовъ, а то случится вдругъ, что чужой человѣкъ пріѣдетъ, и принять его нечѣмъ. Надо, чтобы въ домѣ всегда харчъ былъ. Да и бутылочку вина прихвати! А закуска у насъ кой-какая есть... кажись, балыкъ, который я привезъ съ ярмарки, еще остался.

Словомъ, онъ приготовился къ пріему гостей. Онъ и Вѣру слегка настроилъ.

— Слушай, Вѣра, помнишь нашего богослова?—спросилъ онъ.

— Какого богослова?

— А который на пароходѣ съ нами ѣхалъ.

— А разумѣется, помню, какъ же мнѣ его не помнить!

— Небойсь, тебѣ онъ понравился, а?

— А отчего жъ нѣтъ? Онъ хорошій... простой...

— Эге, то-то простой да хорошій... А знаешь ты, что онъ мнѣ сегодня снился, а? Да еще какъ. Будто это я стою на току и новозку чиню, а онъ съ этимъ своимъ толстымъ сродникомъ, отцомъ Гуріемъ, что въ соборѣ, и ѣдетъ. Н-да, ѣдетъ это онъ (при этомъ Евтихій замѣтилъ, что Вѣра съ большимъ вниманіемъ слушаетъ его), ѣдетъ прямо на меня, прямо къ току, значитъ. Я и говорю: а, говорю, добраго здоровья! Небойсь, говорю, не узнаете! Какъ, говоритъ, не узнаю? Очень даже узнаю... А какъ, говоритъ, ваша дочка поживаетъ, Вѣра Евтихіевна?—А такъ, говорю, и поживаетъ... Васъ вспоминаетъ.—А, говоритъ, ну, ежели вспоминаетъ, такъ это, говоритъ, хорошо; такъ я, говоритъ, къ ней свататься буду, ей, ей. Вотъ какой сонъ... А у тебя, какъ вижу, щечки зардѣлись... Вотъ что! А что, ежели бы вдругъ...

— Ну, тятенька, оставьте эти глупости!—промолвила Вѣра и поспѣшно ушла въ другую комнату.

— «Гм... а ее задѣло... значитъ, помнитъ... да... Эхъ, ежели бъ и

въ правду... Да неужто Парменъ навралъ? Ей-Богу, даже страшно становится»...

Хотѣлъ онъ сказать Вѣрѣ, чтобъ приодѣлась почище, а то она была слишкомъ даже подомашнему, такъ какъ въ это время на кабыцѣ уже поспѣли вареники, и нужно было готовить столъ къ завтраку.

Но онъ не успѣлъ. Въ это время послышался гулъ, и Евтихій насторожилъ уши. Онъ поспѣшно вышелъ на токъ и взглянулъ на дорогу, по направленію къ Окуневкѣ.

«Ѣдутъ!—воскликнулъ онъ тихонько:—а, ей-Богу, таки ѣдутъ»...

Трудно было ошибиться. Городской экипажъ нельзя было смѣшать ни съ чѣмъ.

Онъ хотѣлъ, было, побѣжать въ сѣни и предупредить Вѣру, но не успѣлъ. Экипажъ уже выдвинулся изъ-за угла послѣдней хаты, передъ церковной площадью, и Евтихій уже увидѣлъ и узналъ затылокъ Пармена.

«Фу-ты, Господи!—мысленно восклицалъ Евтихій,—а вѣдь, пожалуй, что не совралъ Парменъ»...

И сердце у стараго дьяка сильно забилось.

Экипажъ объѣхалъ токъ и остановился у воротъ. Евтихій побѣжалъ туда.

Первымъ выскочилъ Парменъ. Онъ сразу началъ чрезмѣрно суетиться, и затѣмъ, когда отецъ Гурій здоровался и знакомился съ Евтихіемъ, Парменъ вмѣшивался, вставлялъ слова и все какъ бы боялся, чтобы Евтихій не ударилъ лицомъ въ грязь.

Вслѣдъ за отцомъ Гуріемъ вышелъ изъ экипажа и Маккавеевъ.

— Ну, вотъ я къ вамъ и пріѣхалъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ Евтихію.—Помните, вы звали меня въ гости; ну, такъ вотъ... И вѣдь я еще вашъ должникъ! вотъ пріѣхалъ долгъ отдать вамъ.

— А я думаю, не взять ли?—сострилъ Парменъ и разсмѣялся.

— Ну, ужъ это какъ Богъ приведетъ!—сказалъ Евтихій.—Коли что сможемъ дать, такъ берите, намъ не жалко... Пожалуйте же въ комнату!

И онъ повелъ гостей въ домъ.

При видѣ городского экипажа, Вѣра сперва не поняла, въ чемъ дѣло, но затѣмъ выглянула въ окно и увидѣла Егора Маккавеева, котораго тотчасъ же узнала, и ею овладѣло странное чувство: она какъ-то растерялась. Она не знала, что ей дѣлать. Припомнился ей сонъ, разсказанный Евтихіемъ. Ей даже не пришло въ голову, что отецъ могъ выдумать этотъ сонъ, тѣмъ больше, что она не присутствовала при утреннемъ визитѣ Пармена. По лицу Пармена она, можетъ быть, еще и догадалась бы, что тутъ дѣло не чисто.

Она мысленно сопоставляла этотъ сонъ съ событіемъ, и ей казалось, что въ жизни ея совершается нѣчто таинственное, роковое.

Въ то время, какъ гости были въ большой комнатѣ, она нахо-

дилась въ своей спальнѣ и рѣшительно ничего не могла предпринять; она не знала, что съ собой дѣлать. Отъ времени до времени среди различныхъ голосовъ слышался ей знакомый голосъ Маккавеева, и сердце ея начинало сильно биться.

Прибѣжала Надя и быстро заговорила.

— Знаешь, Вѣра, вѣдь это тотъ самый... Тотъ самый, что на пароходѣ съ нами ѣхалъ.

— Охъ, Надя, не говори, не говори! я просто не знаю, что и подумать. Ты знаешь, какой сонъ снился отцу! Утромъ разсказывалъ онъ... будто онъ пріѣхалъ вотъ точно такъ, какъ сейчасъ, и будто сказалъ... Охъ, ты Господи! Да вѣдь это совсѣмъ, какъ во снѣ.

— Что же сказалъ? — спрашивала Надя.

— Сказалъ, что я, говоритъ, свататься пріѣхалъ...

— Вѣра!..

Надя всплеснула руками. Обѣ онѣ были въ достаточной степени наивны и вѣрили сну гораздо больше, чѣмъ дѣйствительности.

— Одѣвайся, Вѣра, что-жъ ты стоишь такъ?.. Вѣдь ты совсѣмъ, словно помѣшанная, и глядишь какъ-то странно.

— Охъ, я ужъ лучше и не выйду туда...

Тѣмъ не менѣе Вѣра все-таки начала одѣваться.

Въ большой комнатѣ между тѣмъ завязался общій разговоръ. Какъ водится, говорили о постороннихъ предметахъ.

— А что, церковь-то у васъ большая? — спрашивалъ отецъ Гурій,— помѣстительна?—Какъ будто и въ самомъ дѣлѣ его это могло интересовать.

А Евтихій отвѣчалъ, очень хорошо зная, что не въ томъ дѣло:— Церковь у насъ — слава Богу; она новая, лѣтъ шесть, какъ построили.

— А приходомъ довольны?..

— Не можемъ пожаловаться. Живемъ ничего...

— А кто же у васъ настоятель? кажись, отецъ Иванъ?

— Отецъ Иванъ и есть. Старикъ... Онъ человѣкъ вдовый и бездѣтный... Добрый человѣкъ, мы съ нимъ хорошо живемъ, никогда не ссоримся.

— Да я знаю, знаю отца Ивана, какъ же! Одно время онъ благочиннымъ былъ. Правда вѣдь? Это—когда еще благочинные избирались... Эхъ, право, тогда лучше было; по крайности духовенство выбирало такую личность, которую всѣ уважали, а теперь, какъ стали назначать, такъ иной разъ... Ну, да Богъ съ нимъ, не нашего ума это дѣло...

— Эй, гдѣ же мои хозяйки подѣвались? — вдругъ воскликнулъ Евтихій Павловичъ: — гостямъ надо закусить дать... Куда же это онѣ запропастились?

Парменъ схватился съ мѣста: — Да нынче я у тебя за хозяйку буду, Евтихій Павловичъ; ты не безпокойся, я все приготовлю.

Евтихій подошелъ къ нему и шепнулъ ему тихонько на ухо:— Парменъ, ради Господа, не пей сегодня.

— Ну, ну, словно я не знаю! Ладно ужъ...—и Парменъ въ самомъ дѣлѣ рѣшился воздерживаться отъ настойки. Во время хозяйственныхъ заботъ онъ забрался къ дѣвушкамъ. Вѣра уже переодѣлась. На ней было свѣтлое ситцевое платье съ мелкими голубенькими цвѣточками. Онъ осмотрѣлъ ее и сказалъ:

— Ладно. Красиво... Только вотъ цвѣточекъ бы тебѣ въ волосы вдѣть,— хорошо выйдетъ. Вотъ такъ.

И онъ оторвалъ отъ росшихъ въ горшкѣ гераней цвѣтокъ и всадилъ его въ волосы Вѣрѣ.

— Ну, вотъ теперь ты настоящая красавица. Теперь иди.

Вѣра вышла съ зардѣвшимся румянцемъ на щекахъ. Евтихій тотчасъ же представилъ ее гостямъ.

— Ну, вотъ и хозяйка моя,— это старшая.

Егоръ поднялся и протянулъ ей руку:—Да мы вѣдь старые знакомые... Я до сихъ поръ хожу въ томъ самомъ сюртукѣ, въ которомъ вы пуговицы переставили.

Вѣра усмѣхнулась, но ничего не сказала.

«Гм...— подумалъ отецъ Гурій,— и развязность у него явилась! А правда, у нея хорошее лицо. Прямо можно влюбиться».

Вѣра сейчасъ же освоилась съ гостями и принялась хозяйничать... Вышла и Надя и стала помогать ей.

Завели рѣчь о завтракѣ, и Евтихій предложилъ перейти въ палисадникъ, такъ какъ тамъ была тѣнь, и можно было сидѣть подъ открытымъ небомъ. Парменъ тотчасъ же началъ хлопотать по этому поводу, а Вѣра вспомнила о своихъ вареникахъ и отправилась въ сѣни, къ кабыцѣ. Отецъ Гурій съ Евтихіемъ въ это время вышли на площадь и завели какой-то серьезный разговоръ. Надя помогала Пармену.

Вѣра возилась у кабыци съ казанкомъ. Она была въ затрудненіи; ей надо было снести казанокъ въ кухню, а жаль было испортить платье.

Егоръ, неизвѣстно какимъ образомъ, выйдя изъ комнаты вмѣстѣ съ другими, попалъ не въ палисадникъ и не на площадь, а именно сюда. Онъ, должно быть, почувствовалъ, что Вѣра гдѣ-то должна быть одна, и искалъ ее, и вотъ онъ очутился у кабыци.

— Давайте, я вамъ помогу... Я снесу! — промолвилъ онъ.

Она вздрогнула, потому что не ожидала его появленія.

— О, что вы, Егоръ Трофимовичъ, я сама снесу! мнѣ не въ первый разъ.

— Ну, нѣтъ, ужъ этого я не допущу! позвольте.

Онъ взялъ у нея полотенце, охватилъ при помощи его казанокъ обѣими руками и понесъ.

— А вы показывайте мнѣ дорогу, Вѣра Евтихіевна! я вѣдь не знаю...

Она смущенная пошла впереди. Егоръ шелъ за нею, и вотъ они вдвоемъ въ кухнѣ.

— Вотъ какія бываютъ случайности, Вѣра Евтихіевна! — говорилъ Егоръ, когда казанокъ стоялъ уже на столѣ, и Вѣра перекладывала изъ него вареники въ миску.— Встрѣтились мы съ вами на пароходѣ такъ, случайно... А теперь вотъ въ кухнѣ вареники оборудоваемъ... Никогда и не думалось, что такъ выйдетъ.

— А что это вы такъ долго къ намъ не ѣхали?—спросила Вѣра.

— То-то—и оно, что не ѣхалъ, и не могу я простить себѣ этого, что такъ долго не ѣхалъ къ вамъ... А теперь...

Онъ оглянулся и убѣдился, что дверь полуотворена, но въ сѣняхъ, какъ ему показалось, никого нѣтъ, и продолжалъ, какъ только могъ, смѣло:—а теперь, Вѣра Евтихіевна, говорю вамъ прямо, что судьба моя зависитъ отъ васъ.

— Какъ это?—не громко спросила Вѣра.

— Да такъ. Что-жъ тутъ долго разговаривать: пойдете за меня, буду женатъ и священникомъ сдѣлаюсь... А нѣтъ,—кончено, никогда и не женюсь. Такъ рѣшилъ. Да вы не краснѣйте, Вѣра Евтихіевна; что тутъ краснѣть? Тутъ дѣло, можно сказать, всей жизни. Вы слушайте... я ужъ такъ скоро это началъ говорить, потому что могутъ прійти сюда, и тогда неловко будетъ. Возилъ меня отецъ Гурій по разнымъ весямъ... И мучусь я уже нѣсколько дней. Сколько дѣвицъ перевидалъ! и всѣ онѣ мнѣ были противны, потому что я ихъ не зналъ и знать не хотѣлъ, и все я объ васъ думалъ и все отца Гурія спрашивалъ, далеко ли до Богоявленскаго. Казалось мнѣ, что тутъ въ Богоявленскомъ есть что-то родное, да, вотъ именно такъ и чувствовалось. Ну, а если я ошибся, то прямо такъ и скажите. Я сейчасъ и уѣду...

Онъ слегка отвернулся къ окну и видѣлъ, какъ въ палисадникѣ Парменъ съ Надей устанавливали столъ, а отецъ Гурій съ Евтихіемъ стояли на площади и, указывая глазами на церковь, что-то горячо обсуждали.

— Нѣтъ, не уѣзжайте, Егоръ Трофимовичъ,—тихо прошепталъ около него дрожащій голосъ.

Тогда онъ повернулся къ ней, схватилъ ея руку и поцѣловалъ. Онъ смотрѣлъ въ ея сіяющіе глаза и чувствовалъ, что и у него глаза засіяли, и ему вдругъ захотѣлось смѣяться и прыгать, и онъ заговорилъ весело и просто, какъ съ старымъ товарищемъ.

— А теперь давайте, покончимъ, съ варениками. Теперь и вареники какъ-то вкуснѣй смотрятъ! право!..

И она дрожащими руками вынимала вареники и перекладывала ихъ въ миску, а онъ старался помочь ей и вмѣсто этого только мѣшалъ, и они смѣялись, какъ дѣти.

А въ палисадникѣ за столомъ уже сидѣли всѣ. Вѣра взяла миску обѣими руками и, направляясь къ двери, сказала ему:

— А вы пройдите черезъ дворъ, кругомъ, а то сейчасъ всѣ поймутъ, и неловко какъ-то будетъ.

Онъ такъ и сдѣлалъ: прошелъ черезъ сѣни во дворъ, затѣмъ вышелъ въ ворота и обогнулъ домъ. Потомъ онъ вошелъ черезъ узенькую калитку и подсѣлъ къ отцу Гурію.

— Отецъ Гурій,—тихонько сказалъ онъ, нагнувшись къ его уху.

— Ну?

— А я, знаете, уже объяснился.

— Что-о?

— Объяснился, говорю.

— Да, ну! Успѣлъ? Да гдѣ же? когда?...

— А въ кухнѣ. Я помогалъ ей вареники готовить,—прибавилъ Егоръ и усмѣхнулся.

— Вотъ такъ штука! Ну, что-жъ, слава тебѣ Господи!

И отецъ Гурій перекрестился. Парменъ смотрѣлъ на нихъ, но не слышалъ ихъ тихаго разговора и потому ничего не понималъ. Но ему захотѣлось узнать, въ чемъ дѣло.

— А что это вы, отецъ Гурій, перекрестились?—спросилъ онъ.

— Да какъ же! Возблагодарилъ Господа, потому, можно сказать, чудесныя дѣла произошли. Мой богословъ, у котораго все время языкъ, было, прильпе къ гортани, вдругъ развернулся и успѣлъ уже предложеніе сдѣлать.

— Да, ну?—радостно воскликнулъ Парменъ.

— Да вотъ онъ самъ говоритъ это. Вотъ только не знаю, какъ приняли, этого ты мнѣ не сказалъ, богословъ.

— Приняли хорошо!—отвѣтилъ Егоръ.

— Значитъ, согласіе?

— Согласіе!

— Ну, коли такъ,—сильно взволнованнымъ голосомъ промолвилъ Евтихій,—то, значитъ, Господь Богъ такъ назначилъ. А мнѣ счастье, мнѣ великое счастье... И не ждалъ и не чаялъ я...

И онъ заплакалъ. Потомъ вытеръ слезы рукавомъ и потянулся къ Егору, обнялъ и поцѣловалъ его. Въ это время пришла Вѣра; онъ и ей раскрылъ объятія и ее расцѣловалъ.

— Видно, судьба; видно, Богъ!—говорилъ онъ, весь дрожа отъ волненія.

— Да ужъ это дѣйствительно видно,—сказалъ отецъ Гурій,—я его не могъ заставить слово сказать. Ужъ я думалъ, что у него въ головѣ клепки одной не хватаетъ, а у него всѣ клепки оказались, когда онъ захотѣлъ... Мигомъ оборудовалъ дѣло. Ему даже вареники помогли, вотъ онъ каковъ.

Парменъ послѣ такого торжественнаго событія разрѣшилъ себѣ

выпить и хватилъ разомъ двѣ рюмки настойки; а послѣ этого сталъ плакать. Но затѣмъ вдругъ оживился.

— Ну, теперь надо подумать о свадьбѣ!—сказалъ онъ,—свадьбу надо сдѣлать на славу!

— Ну, ужъ это не мое дѣло—промолвилъ отецъ Гурій,—я свое дѣло сдѣлалъ. Теперь я больше и не нуженъ и, значитъ, могу уѣхать восвояси.

— Э, нѣтъ, отецъ Гурій, этому не бывать!—возразилъ Егоръ.— На свадьбѣ вы должны быть. Безъ васъ и свадьба—не свадьба. Да и какая свадьба можетъ быть,—прибавилъ онъ,—когда черезъ три дня преосвященный пріѣдетъ!

Парменъ вскочилъ съ мѣста.

— Какъ можно? Чтобы я крестницу замужъ выдавалъ да безъ свадьбы? да никогда! Да завтра же и свадьбу сдѣлаемъ, да еще какую! Да мы всю окрестность созовемъ. Да я всѣхъ собственными ногами обѣгаю и въ городъ съѣзжу и закупки сдѣлаю. Небойсь, у Евтихія сотни на полторы на черный день припасено, человѣкъ онъ аккуратный, не пьющій, не то, что Парменъ — пьяница.

— Положимъ, нѣтъ!—съ нѣкоторой долей печали отвѣтилъ Евтихій. — Дѣйствительно, была сотенная, да вотъ недавно лошаденку купилъ. Э, да ничего. Я у старосты нашего возьму, онъ для такого дѣла дастъ. А не то у батюшки нашего, отца Ивана, у настоятеля... Онъ всегда мнѣ помогаетъ, когда нужно. Да на такое дѣло всегда найдется.

Парменомъ уже всецѣло овладѣла мысль объ устройствѣ свадьбы. Онъ не захотѣлъ даже посидѣть четверть часа на мѣстѣ. Онъ помчался въ Окуневку, сдѣлалъ тамъ какія-то распоряженія, опять прибѣжалъ, поднялъ на ноги пономаря, сбѣгалъ къ настоятелю и вообще весь предался дѣлу устройства свадьбы.

Послѣ завтрака отецъ Гурій посѣтилъ настоятеля. Это былъ старый, сѣдобородый священникъ, уже много лѣтъ проживші въ въ одиночествѣ; съ отцомъ Гуріемъ они въ прежнее время встрѣчались и теперь провели часа два въ пріятной бесѣдѣ.

Егоръ съ Вѣрой при помощи Нади обсуждали предстоящія обстоятельства. Кромѣ свадьбы, были еще и другія важныя дѣла. Сроку-то всего было три дня, а надо было успѣть съѣздить въ городъ и заказать подрясникъ и рясу. Рѣшено было, что въ крайнемъ случаѣ купятъ готовое.

Вечеромъ отецъ Гурій убѣдилъ Егора познакомиться съ настоятелемъ. Это было совершенно необходимо, потому что у Евтихія негдѣ было всѣмъ ночевать, и Егоръ вмѣстѣ съ отцомъ Гуріемъ долженъ былъ проситься къ настоятелю.

Отецъ Иванъ жилъ въ особомъ домѣ, своемъ собственномъ. Онъ принялъ молодого человѣка ласково, выразилъ удовольствіе по по-

воду того, что будутъ сосѣдями, и самъ вызвался обвѣнчать его съ Вѣрой.

На другой день уже съ утра начали съѣзжаться гости. Парменъ дѣйствительно успѣлъ оповѣстить всю окрестность, и вся скучающая духовная публика рѣшила нагрянуть; никто не хотѣлъ пропустить случая поразвлечься.

Парменъ, при помощи двухъ десятковъ мужиковъ, возводилъ среди двора какую-то палатку, въ которой должно было происходить пиршество. Рѣшительно нельзя было понять, какъ онъ успѣвалъ все это дѣлать. Онъ не выпустилъ изъ виду ни одной мелочи. Евтихій уже ни о чемъ не заботился, въ полной увѣренности, что Парменъ все устроитъ, какъ нельзя лучше. Явилась и Дарья и приняла дѣятельное участіе въ кухнѣ. Пришли и другія деревенскія дамы—пономариха, писарша, старшиниха, и каждая старалась чѣмъ нибудь быть полезной.

А гости между тѣмъ прибывали. Егоръ былъ чрезвычайно удивленъ, когда вдругъ на горизонтѣ показалась очень хорошо знакомая ему колымага, а на ней отецъ Мемнонъ, со всѣмъ своимъ хоромъ,—только Муша не пріѣхала: отецъ Мемнонъ заявилъ, что она не совсѣмъ здорова.

Часовъ въ одиннадцать дня всѣ собрались въ церкви и произошло вѣнчаніе. Отецъ Иванъ сказалъ прочувствованное слово, при чемъ упомянулъ о предназначеніи свыше, которое онъ видѣлъ въ обстоятельствахъ сватовства, а затѣмъ началось пиршество.

Егоръ едва замѣчалъ все, что вокругъ него происходило. До ушей его долетали шумъ и говоръ; онъ видѣлъ передъ собой движеніе, такъ какъ къ вечеру начались даже танцы; но онъ хотѣлъ только одного, чтобы всѣ разъѣхались и оставили его въ кругу новой семьи. Онъ уже былъ влюбленъ по уши въ свою молодую жену.

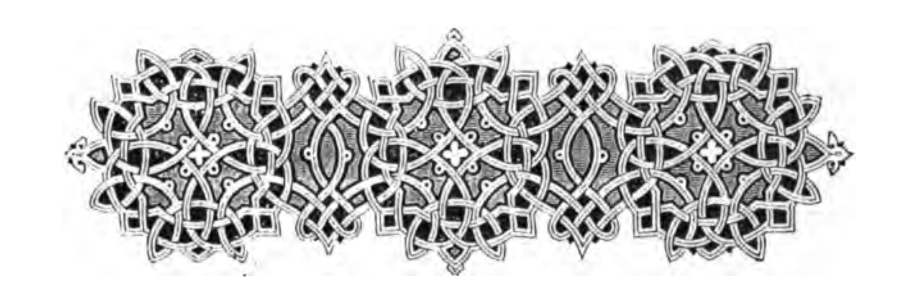
«Ну,—думалъ онъ,—слава Богу, что такъ вышло. Значитъ, я все-таки человѣкъ, какъ человѣкъ, а я уже думалъ, что я какой нибудь особенный»...

Только послѣ полуночи гости начали разъѣзжаться.

И. Потапенко.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСПОВѢДЬ ПОЛЬСКАГО ПОВСТАНЦА [1].

ДѢЛАВЪ наскоро необходимыя распоряженія по фольварку, я отправился верхомъ въ деревню Руду, вблизи которой въ лѣсу была расположена банда Землинскаго. Объ этомъ стало извѣстно въ нашемъ околоткѣ потому, что уже въ теченіе двухъ дней повстанцы изъ этой банды партіями въ нѣсколько человѣкъ шатались по окрестностямъ и собирали реквизицію. Погруженный въ невеселыя думы, я и не замѣтилъ, какъ проѣхалъ двадцативерстное пространство и приблизился къ Рудскому лѣсу, въ которомъ не разъ приходилось бывать на облавахъ. На опушкѣ меня остановилъ пикетъ, состоявшій изъ двухъ косинеровъ и одного кавалериста. Разспросивъ и обыскавъ по всѣмъ правиламъ сторожевой службы, они отправили меня въ сопровожденіи одного повстанца на бивуакъ, расположенный въ глубинѣ лѣса, частью на полянѣ, частью между рѣдкими сосновыми деревьями. Здѣсь я увидѣлъ большой таборъ, состоявшій изъ древесныхъ шалашей, маленькихъ палатокъ, телѣгъ и множества людей, которые расположились вокругъ котловъ и мисокъ и работали ложками: время было обѣденное. Меня сдали дежурному, одѣтому въ чемарку, при саблѣ и пистолетахъ. Въ немъ не трудно было узнать человѣка изъ интеллигенціи по манерамъ и выговору. Когда я объяснилъ, что прибылъ для поступленія въ отрядъ, то дежурный попросилъ меня слѣдовать за собою

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 870.

и привелъ къ большому шалашу въ чащѣ деревьевъ, подлѣ котораго стояли двое часовыхъ съ ружьями, въ обыкновенныхъ хлопскихъ сермягахъ. Изъ шалаша раздавался говоръ нѣсколькихъ голосовъ. Дежурный юркнулъ въ шалашъ и тотчасъ же возвратился съ приглашеніемъ представиться довудцѣ. Я вошелъ. Въ шалашѣ было трое людей, въ невиданныхъ мундирахъ. Не зная, кому рекомендоваться, я сдѣлалъ общій поклонъ и, назвавъ свою фамилію, заявилъ въ пространство о своемъ желаніи служить въ народномъ войскѣ. Тогда приблизился ко мнѣ господинъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, довольно круглый, съ типично-канцелярскою сутуловатостью, точь въ точь бургомистръ какого либо уѣзднаго города.

— Генералъ Землинскій, — сказалъ онъ, покручивая длинный усъ. — Очень радъ принять васъ. Вы сколько нибудь знакомы съ военнымъ дѣломъ?

— Я не служилъ въ войскѣ, а стрѣлять умѣю, какъ охотникъ.

— Съ вами есть какое нибудь оружіе?

— Ничего нѣтъ. Все, что у меня было, давно отобрано для повстанья.

— Жаль. Всякое ружьишко пригодилось бы. Я назначаю васъ начальникомъ плутона[1]) во второй ротѣ. Позаботьтесь воспитать своихъ людей въ правилахъ строгаго послушанія дисциплинѣ. Постарайтесь поставить ихъ такъ, что если послѣдовала команда «впередъ», то они слѣпо и сплоченно должны ринуться въ огонь, воду, на явную смерть. Только при такомъ духѣ войско наше будетъ побѣждать.

— Но, пане генерале, я докладывалъ, что военной муштры не знаю и потому затрудняюсь, какъ я буду учить солдатъ.

— Какъ человѣкъ развитой, вы скоро все усвоите. Господинъ адъютантъ,— обратился довудца къ молодому человѣку съ аксельбантомъ,—сведите пана Вшебора къ командиру роты.

Мы вышли. Надъ таборомъ стоялъ гулъ многочисленныхъ голосовъ насытившихся людей. Изъ шереговцевъ одни сидѣли кучками и вели бесѣду, другіе баловались, скидывая съ товарищей шапки и схватываясь въ борьбѣ, третьи располагались въ тѣни деревьевъ спать. По временамъ вырывались изъ хаоса звуковъ остроты и смѣхъ. Пока мы пробирались по загроможденной лѣсной полянѣ, съ разныхъ концовъ доносились самые разнообразные возгласы, повидимому, безпечнаго народу. — «А разскажи-ка, Яне, какъ ты на вашемъ корчмарѣ Юдкѣ верхомъ проѣхался?».—«Эхъ ты, горемычный вояка, небось, видѣли, какъ ты вечеромъ съ пикета отъ зайца улепетывалъ!».—«Ну, не говори, братишка, это — не то, что съ Марыськой подъ периной лежать». Всѣ подобныя шуточки сопровожда-

---

[1]) Плутонъ — отдѣленіе роты. Это названіе заимствовано изъ старопольской военной организаціи.

лись беззаботнымъ смѣхомъ. Иногда слышались благочестивыя восклицанія: — «Матка Боска (Божія) Ченстоховска, смилуйся надъ нами!» или «Да покроетъ насъ св. Станиславъ, патронъ нашъ!».

Адъютантъ привелъ меня въ маленькую землянку и сдалъ на руки ротному командиру Поцишевскому, который сталъ для меня отнынѣ ближайшимъ начальникомъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, средняго роста, сухой, жилистый, подвижный и рѣзкій какъ въ движеніяхъ, такъ и на словахъ. Прирожденная ему энергія обнаруживалась въ каждомъ мускулѣ его продолговатаго, смуглаго лица и особенно ярко выражалась въ темныхъ, глубокихъ и подвижныхъ глазахъ. Роту свою онъ держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, что не нравилось его подначальнымъ и служило поводомъ къ частымъ перепрашиваньямъ какъ офицеровъ, такъ и рядовыхъ въ первую роту, которою командовалъ одинъ богатый купчикъ, крайне добродушнаго характера, совершенно не свѣдущій по части военныхъ правилъ и пріемовъ, но щедрый въ тратѣ на команду собственныхъ денегъ. Послѣ обычныхъ разспросовъ онъ сдѣлалъ мнѣ надлежащее служебное внушеніе.

— Вы, можетъ быть, баричъ? — рѣзко спросилъ капитанъ.

Не понявъ вопроса, я послѣ нѣкотораго раздумья заявилъ о своемъ шляхетскомъ достоинствѣ.

— Не то, — сказалъ онъ. — Вы должны отрѣшиться отъ всякихъ привычекъ къ удобству и довольству, быть готовымъ на всякія лишенія, по нѣскольку дней не ѣсть, не спать, идти безъ устали, сидѣть въ болотѣ. Способны ли вы на это?

— Я хорошо понимаю, на что иду.

— То-то же; повиновеніе безусловное. Если бы вамъ приказано было разстрѣлять вашего кровнаго брата, рука у васъ не должна дрогнуть. Мои требованія неумолимы... Не далѣе, какъ вчера я повѣсилъ своего косинера за то, что онъ дезертировалъ, но былъ пойманъ. Ступайте въ свой плутонъ, познакомьтесь съ людьми; вечеромъ ученье.

На бивуакѣ я розыскалъ мѣсто расположенія своей роты и своего 1-го плутона, въ которомъ и объявилъ себя начальникомъ. Люди большею частью спали; тѣ же, которые бодрствовали, не оказали своему новому начальству особеннаго почтенія. Видно, эта рота еще не прониклась духомъ своего строгаго командира. Не теряя времени, я познакомился съ нѣкоторыми офицерами, и въ томъ числѣ съ начальникомъ 2-го плутона своей роты, студентомъ Варшавской главной школы Сѣрковскимъ, который изъ участія къ моей безпріютности пригласилъ меня на жительство въ свой шалашъ. Мой сожитель оказался хорошимъ товарищемъ, общительнаго и веселаго нрава. По наивности своей, онъ представлялъ себѣ наши будущія военныя дѣйствія въ розовомъ цвѣтѣ, какъ непрерывный рядъ интересныхъ прогулокъ и поэтическихъ приключеній;

въ томъ, что Польша будетъ нами отвоевана, онъ не сомнѣвался, тѣмъ болѣе, что, по слухамъ, со дня на день ожидалось объявленіе войны Россіи чуть не цѣлою Европой.

Вечеромъ было ученье. Капитанъ училъ насъ разсыпному строю и атакѣ; построенія не удавались, онъ перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто, объяснялъ, показывалъ, самъ наигрывалъ въ дудочку сигналы и такимъ образомъ проманежилъ насъ часа четыре. Вообще, пока мы стояли здѣсь бивуакомъ, ученья и стрѣльба въ цѣль производились аккуратно два раза въ день. Нашъ капитанъ, какъ видно было по всему, зналъ свое дѣло и несомнѣнно служилъ прежде въ войскѣ, но гдѣ и когда — объ этомъ никто не зналъ.

Нашъ отрядъ состоялъ изъ двухъ ротъ, численностью каждая до 150 человѣкъ, и кавалеріи въ 50 коней. Двѣ трети пѣхоты были вооружены заграничными винтовками или охотничьими ружьями, остальные — косами, насаженными на длинныя древка. Большинство шереговцевъ состояло изъ ремесленниковъ, мѣщанъ и дворовыхъ людей. Крестьянъ было мало. Одежда у каждаго была своя; роты обозначались только цвѣтомъ кокардъ на шапкахъ. Офицеры почти всѣ были одѣты во что-то въ родѣ форменной одежды причудливаго вида. Самую щегольскую часть войска представляли кавалеристы — всѣ изъ шляхты и дворовыхъ людей. Они одѣты были въ чемарки, съ зеленымъ прикладомъ, четыреугольныя шапки и длинные сапоги; всѣ вооружены саблями, револьверами и карабинами и носили названіе конныхъ стрѣлковъ. Кони подъ ними были прекрасные изъ помѣщичьихъ конюшенъ.

Въ этой небольшой бандѣ, такъ называемыхъ, офицеровъ находилось до 50. Вслѣдствіе избытка они занимали такія должности, на которыхъ въ регулярномъ войскѣ обыкновенно состоятъ унтеръ-офицеры; много также было штабныхъ. Я сначала считалъ себя, какъ начальникъ плутона или отдѣленія въ ротѣ, унтеръ-офицеромъ, а потомъ оказалось, что мнѣ присвоенъ первый офицерскій чинъ. Настоящихъ унтеръ-офицеровъ было мало, потому что не было подходящихъ людей изъ низшаго класса. Въ числѣ офицеровъ было три человѣка, знающихъ военное дѣло, но бѣжали ли они изъ войска или были отставные,—это тщательно скрывалось въ томъ расчетѣ, что, въ случаѣ поимки въ плѣнъ, дезертирамъ-офицерамъ нельзя ждать пощады отъ русскаго военнаго суда. Слышно было, что немало офицеровъ-поляковъ прибыло въ «рухавку» (ополченіе) изъ австрійской арміи, въ качествѣ волонтеровъ.

При нашей бандѣ находился ксендзъ-капуцинъ, одѣтый въ монашескую грубую сукману съ капюшономъ и подпоясанный, по уставу, вервіемъ; съ боку болтался у него револьверъ. Монахъ ежедневно по утрамъ совершалъ службу въ шатрѣ и по временамъ собиралъ «воиновъ Христовыхъ» для поученій, которыя были всегда однообразны: ксендзъ внушалъ самоотверженіе для «ойчизны»

и презрѣніе къ смерти, которая послужитъ де только переходомъ въ селенія райскія. При этомъ проповѣдникъ распинался въ клятвенныхъ увѣреніяхъ, какъ служитель Бога, что самъ Спаситель и Матерь Божія повелѣли возстать противъ схизматиковъ и притѣснителей Польши, и что въ настоящее время нѣтъ болѣе угоднаго Богу подвига, какъ участіе въ войнѣ противъ москалей. Эти проповѣди имѣли на нашихъ шереговцевъ большое вліяніе. Если въ бандѣ сохранялась нѣкоторая сплоченность, то это являлось результатомъ въ бóльшей мѣрѣ религіозно-фанатическаго воздѣйствія, чѣмъ дисциплины, привить которую разношерстному сброду людей, грубыхъ и неразвитыхъ, притомъ въ короткій срокъ, оказалось положительно невозможнымъ.

Пока банда стояла здѣсь бивуакомъ, продовольствіе было у насъ роскошное. Благодаря реквизиціи и «офярамъ», ежедневно привозили къ намъ цѣлыя фуры съ жизненными припасами, а также пригоняли быковъ, свиней, барановъ. Нерѣдко доставлялись бочки съ водкой и пивомъ. Очень часто наѣзжали въ лагерь окрестные помѣщики съ дамами и дѣвицами и вытаскивали изъ своихъ «нейтычанокъ» и колясокъ ветчину, сыръ, вина, сдобныя печенья и разныя лакомства. Вокругъ самоваровъ разсаживались группы, и велись самые оживленные разговоры, вертѣвшіеся около политики и военныхъ подвиговъ повстанцевъ. Къ слову сказать, при началѣ мятежа, стоустая молва возводила въ побѣду поляковъ надъ русскими всякую стычку, хотя бы сопровождавшуюся разгромомъ банды. Такія же фальшивыя побѣды поляковъ публиковались бюллетенями, печатавшимися въ Варшавѣ въ подпольныхъ типографіяхъ. Поэтому духъ «родаковъ» возносился высоко и выражался въ побѣдныхъ восторгахъ. Глядя со стороны на это смѣшанное общество въ лѣсу, съ участіемъ прекраснаго пола, можно бы подумать, что это самая обычная «маёвка» мирныхъ гражданъ, съѣхавшихся сюда позабавиться въ безпечномъ весельѣ. Къ довершенію иллюзіи, въ сторонкѣ игралъ оркестръ изъ трехъ скрипокъ, баса, кларнета и бубенъ. Это—любители-музыканты изъ вояковъ. Только ружья и косы, составленныя въ козлы, давали знать, что за комедіей въ настоящемъ предстоитъ трагедія въ будущемъ.

Жалованья офицерамъ, разумѣется, не полагалось по той причинѣ, что платить было не изъ чего; они сами себя содержали. Рядовымъ варили общую пищу; но на случай форсированнаго бѣгства, когда о варкѣ и думать нельзя, имъ выдали авансомъ по рублю на брата, чтобы въ критическую минуту они сами на ходу промышляли себѣ кусокъ хлѣба.

Въ такихъ условіяхъ довольства и спокойствія банда наша проживала въ лѣсу, что называется, припѣваючи. Мы, мелкія сошки, ничего не знали о томъ, какая роль предназначается отряду. Пойдемъ ли искать непріятеля, или будемъ сидѣть здѣсь до тѣхъ поръ,

пока самъ непріятель найдетъ насъ,—вотъ вопросы, которые повстанскіе офицеры часто задавали другъ другу. Думаю, впрочемъ, что самъ довудца не имѣлъ въ виду никакого опредѣленнаго плана, а больше полагался на волю Божію, хотя ежедневно разсматривалъ большую карту и совѣщался съ своимъ штабомъ и командирами ротъ. О дѣйствіяхъ русскихъ отрядовъ въ районѣ губерніи, повидимому, у насъ въ штабѣ были точныя свѣдѣнія; по крайней мѣрѣ, довудцѣ ежедневно доставлялись письма съ разными извѣщеніями какъ съ ближайшей почтовой станціи (всѣ почтовыя учрежденія служили цѣлямъ революціи), такъ и особыми курьерами и курьерками.

На десятый день моего пребыванія въ бандѣ, утромъ, во время ученья, прискакалъ на взмыленномъ конѣ какой-то посланецъ прямо къ ставкѣ Землинскаго, и тотчасъ же прозвучалъ рожокъ къ сбору. Поднялась суета: стали запрягать и сѣдлать лошадей, собирать лагерные пожитки, строиться въ команды. Офицерамъ было объявлено, что верстахъ въ десяти неожиданно появились казаки, за которыми нужно предполагать пѣхоту съ артиллеріей, а такъ какъ наши силы незначительны, чтобъ рисковать вступить въ бой съ сильнѣйшимъ непріятелемъ, то приказано отступать, при соблюденіи строгаго порядка, къ сѣверу, гдѣ оперируютъ другія банды.

Мы пошли, какъ слѣдуетъ, повоенному: съ авангардомъ, арьергардомъ и патрулями. При этомъ я не могъ не замѣтить, что многіе изъ моихъ подначальныхъ, лица которыхъ до сихъ поръ постоянно отражали ясное настроеніе, сразу нахмурились въ предвидѣніи военной опасности. Я невольно подумалъ, что если ужъ теперь духъ моихъ вояковъ понижается, то чего же можно ожидать отъ нихъ въ ту минуту, когда зажужжатъ пули, и раздастся громъ пушекъ. Нельзя было также не замѣтить той несообразности, что при такомъ относительно маломъ отрядѣ, какъ нашъ, слѣдуетъ слишкомъ длинная вереница телѣгъ съ котлами, запасами, палатками, а также офицерскія «нейтычанки» съ предметами житейскихъ удобствъ. При такой обузѣ бандѣ нельзя метаться съ тою легкостью, какая обязательна въ партизанской войнѣ. Такъ какъ никто по пятамъ не гнался, то банда слѣдовала не торопясь и въ порядкѣ, избирая глухія дороги черезъ поля и лѣса. Приваломъ располагались обыкновенно вблизи помѣщичьихъ усадебъ, солдатамъ варили пищу, а офицеры пользовались гостепріимствомъ въ панскихъ домахъ. Въ первый день мы прошли верстъ двадцать по сильной жарѣ, и потому люди порядкомъ устали. Заночевали на фольваркѣ, гдѣ оказалась молодая помѣщица съ тремя дѣтьми, недавно овдовѣвшая, благодаря повстанью. Въ одной стычкѣ мужъ ея, сражавшійся съ «москалями», былъ смертельно раненъ и черезъ сутки умеръ. Ея отчаяніе и слезы производили тяжелое впечатлѣніе.

На второй день похода съ утра полилъ частый дождь, продолжавшійся до ночи. Глина размякла, дороги испортились, подводы то и дѣло отставали. Если въ попутныхъ деревняхъ находилась порядочная лошадь, то безъ церемоніи забирали ее и припрягали къ той телѣгѣ, которая особенно задерживала движеніе. Тѣмъ не менѣе, при подъемахъ въ гору постоянно требовались люди на подмогу лошадямъ. Не обошлось безъ ложной тревоги. Изъ патруля дали знать, что впереди послышались одинъ за другимъ два выстрѣла. Банду тотчасъ повернули въ лѣсъ, а на развѣдки послали двухъ кавалеристовъ. Найденные въ полѣ крестьяне божились, что о «москаляхъ» нѣтъ никакихъ слуховъ. Развѣдчики проѣхали дальше и открыли у болота мальчугана, упражнявшагося въ стрѣльбѣ по куличкамъ. Трофеемъ досталась отряду охотничья двустволка. Пошли дальше. Довудца и его штабъ ѣхали верхами на хорошихъ лошадяхъ, подъ красиво вышитыми вальтрапами. Эта кавалькада то заѣзжала впередъ, то оставалась въ хвостѣ, при чемъ Землинскій подбодрялъ отстававшихъ людей и требовалъ равненія. Я рядомъ съ плутономъ тоже колыхался въ сѣдлѣ на своемъ невзрачномъ верховикѣ.

Начальство наше начинало безпокоиться, не получая точныхъ свѣдѣній, гдѣ находятся польскія войска. При разспросахъ, одни указывали на ближайшую мѣстность, куда, по слухамъ, недавно пришла большая банда, другіе—на болѣе далекія мѣста и притомъ совсѣмъ въ иную сторону. Только и было утѣшительнаго, что вспугнувшіе насъ казаки, очевидно, не преслѣдовали нашей банды. Ночлегъ нашъ пришелся на винокуренномъ заводѣ. Старикъ помѣщикъ, оказывая радушіе дорогимъ гостямъ, не пожалѣлъ «оковиты» (крѣпкая водка) для завоевателей «ойчизны». Вслѣдствіе этого большая половина людей напилась въ лоскъ, и вся банда частью отъ усталости, частью подъ вліяніемъ винныхъ паровъ спала въ эту ночь мертвымъ сномъ. Если бы случился неожиданный набѣгъ, то весь отрядъ можно бы забрать живьемъ, что называется, голыми руками.

На третій день похода (хорошо помню), 6-го іюля по новому стилю, едва мы выступили съ мѣста, какъ прискакалъ гонецъ отъ довудцы Яцковскаго, который просилъ нашего «генерала» поспѣшить, какъ только можно, на соединеніе съ нимъ у деревни Будыточно, гдѣ онъ занимаетъ въ лѣсу укрѣпленную позицію съ отрядомъ въ 400 человѣкъ. Яцковскій прибавилъ, что въ 15-ти верстахъ отъ него ночевала небольшая русская команда, подъ начальствомъ маіора, и, по всей вѣроятности, двинется на него. Если, молъ, наши отряды соединятся, то мы разобьемъ москалей на голову.

До Будыточно было верстъ 10. Землинскій сказалъ намъ нѣсколько ободряющихъ словъ, и мы поспѣшили пожинать лавры. Но многимъ лицамъ пробѣжала тревожная тѣнь; нѣкоторые пере-

говцы инстинктивно подтянулись, какъ дѣлаютъ, выступая на-кулачки или въ единоборство. Нашъ командиръ Поцишевскій пропустилъ мимо себя роту, замѣтивъ при этомъ одному косинеру, что у него слишкомъ тонкое древко, потомъ обогналъ роту, передвинулъ свою четыреугольную шапку справа налѣво и совершенно безцѣльно пустилъ въ воздухъ привычное ругательство «нся юха». Нѣкоторые, держа вооруженіе въ лѣвой рукѣ, правою незамѣтно крестились маленькимъ крестомъ. Я хотѣлъ было взглянуть на лицо ксендза, но онъ ѣхалъ въ вагенбургѣ.

— Какъ вы себя чувствуете, коллега? — спросилъ я Сѣрковскаго.

— Очень хорошо,— весело произнесъ онъ,— минута предстоитъ интересная. Какъ бы только не ушелъ москаль.

— А какого вы мнѣнія о бомбахъ и шрапнеляхъ?

— Вы думаете, я струшу? Конечно, трудно сказать, что я буду чувствовать въ моментъ боя, но, какъ теперь кажется, я смѣло пойду въ огонь. Одно скверно: если не убьютъ, а только подстрѣлятъ, и казакъ начнетъ крошить шашкой.

— Со многими казаками, которые покупали у меня фуражъ, я былъ большой пріятель, и мнѣ трудно представить ихъ въ звѣриномъ образѣ,—замѣтилъ я,—впрочемъ на войнѣ все идетъ вверхъ дномъ. Мнѣ самому любопытно, что за штука—война.

— Подтянись, подтянись,—крикнулъ Поцишевскій, въ десятый разъ пропуская мимо себя роту.

Изъ отряда Яцковскаго подъѣхалъ верхомъ гонецъ и, переговоривъ съ Землинскимъ, повелъ насъ прямо полями къ лѣсу, со стороны котораго уже доносились глухіе звуки ружейныхъ выстрѣловъ. Въ это время затрусилъ сторонкой верхомъ на конѣ нашъ капуцинъ, проѣзжая впередъ. Настегивая лошаденку и путаясь во ржи, онъ командирскимъ тономъ покрикивалъ: «Впередъ, братья, Богъ да благословитъ васъ на святое дѣло!». Но тутъ было не до него. Каждый былъ сосредоточенъ и машинально шагалъ къ роковой цѣли. Казалось, что мы подходимъ къ большущей сценѣ; занавѣсъ поднимается, и предъ глазами разыграется неподдѣльная драма борьбы на жизнь и смерть.

Обозу приказано выѣхать на дорогу и ждать приказаній, а мы втянулись въ лѣсъ и тоже были остановлены. Это было очень кстати, потому что люди послѣ пьяной ночи и возбужденнаго марша какъ-то осунулись и нуждались въ передышкѣ. Тѣмъ временемъ Землинскій проѣхалъ впередъ собрать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ. Мы очутились въ тылу польскаго отряда, и хотя сквозь сплошной сосновый лѣсъ ничего впереди не было видно, но, судя по звуку ружейной трескотни, удвоенной лѣснымъ эхомъ, можно было заключить, что мы находимся не дальше двухъ верстъ отъ линіи повстанскихъ стрѣлковъ. Прогремѣлъ пушечный выстрѣлъ, очевидно, произведшій

въ душахъ нашихъ вояковъ устрашающее впечатлѣніе: многіе машинально перекрестились. Пушки стрѣляли съ замѣтными промежутками, но каждая бомба, разрываясь среди деревьевъ, производила страшный гулъ и трескъ.

Минутъ черезъ десять прискакалъ нашъ довудца и объявилъ, что непріятель слабъ: не больше двухъ ротъ при двухъ орудіяхъ. Онъ отдалъ слѣдующее приказаніе: первой ротѣ двинуться на правый флангъ и поддержать наступленіе стрѣлковою цѣпью, косинерамъ быть готовыми къ атакѣ, кавалеріи зайти еще правѣе и стать скрытно въ опушкѣ; когда непріятель дрогнетъ, кавалерія должна броситься въ шашки и окончательно разстроить его; наша рота пошла прямо для подкрѣпленія центра. Саженей черезъ пятьдесятъ мы наткнулись на перевязочный пунктъ, гдѣ было уже человѣкъ двадцать раненыхъ, около которыхъ хлопотали двѣ «шаритки» въ своихъ форменныхъ бѣлыхъ капорахъ (госпитальныя монахини) и одинъ господинъ, должно быть, докторъ или фельдшеръ. Я взглянулъ на часы: было 12 ч. дня. Когда мы подошли къ мѣсту дѣйствія, то открылась слѣдующая картина: повстанцы, занявъ линію въ опушкѣ лѣса, шириною съ полъ-версты, стрѣляли изъ-за деревьевъ; русскіе солдаты разсыпались хотя въ пересѣченной, но безлѣсной мѣстности, покрытой пажитями, и посылали къ намъ пули изъ-за разныхъ закрытій; вправо на возвышеніи, кажется, внѣ ружейнаго выстрѣла, грохотала пушка. Пушечный громъ раздавался и слѣва, но самаго орудія не было видно изъ-за холма передъ глазами. Мы тотчасъ вступили въ линію огня и подкрѣпили пальбу, которая по временамъ то ожесточалась, то рѣдѣла. Такую канитель повстанцы тянули часа два, оставаясь неподвижно на своихъ мѣстахъ. Благодаря толстымъ деревьямъ, русскія пули рѣдко задѣвали живое тѣло, и потери наши были ничтожныя.

Случайно взоръ мой упалъ на правый флангъ, и я увидѣлъ, что тамъ творится нѣчто необычайное. Толпа повстанцевъ сразу выросла изъ-за холма нѣсколько правѣе пушки, дала залпъ и побѣжала къ ненавистному орудію, которое быстро сдѣлало полуоборотъ и чрезъ нѣсколько секундъ сыпнуло картечью; между повстанцами произошла заминка; часть ихъ, очевидно, подъ вліяніемъ паники, повернулась вспять, а нѣсколько человѣкъ безстрашно ринулись на пушку; по дальности разстоянія кажется, что эти храбрецы уже у цѣли, но раздался жидкій залпъ пѣхотнаго прикрытія, нѣкоторые повстанцы свалились, другіе бросились назадъ. Такъ не удалась эта дерзкая попытка, стоившая многихъ жертвъ. Какъ впослѣдствіи оказалось, на этотъ приступъ ходила наша первая рота.

У насъ тоже данъ сигналъ къ наступленію цѣпью. [Намѣтивъ какія либо прикрытія впереди, стрѣлки выбѣгали изъ лѣса и залегали. Мы сдѣлали двѣ перебѣжки и уже удалились отъ лѣса шаговъ на шестьдесятъ; но поле почти не имѣло растительности, и потому

мы представили собою для непріятельскихъ пуль видимыя цѣли. Въ нашей цѣпи все чаще стали слышаться отрывистые крики и стоны, много раненыхъ поползло назадъ. Сзади наигрывалъ рожокъ къ атакѣ, но никто не двигался. Положеніе было крайне критическое. Вдругъ изъ передней линіи поднялись нѣсколько человѣкъ и стремглавъ бросились назадъ. Это послужило роковымъ толчкомъ для остальныхъ. Увлекаемые стихійнымъ движеніемъ, всѣ до одного человѣка вскочили на ноги и пустились бѣжать во весь махъ назадъ подъ прикрытіе благодѣтельнаго лѣса. При этомъ очень многихъ бѣглецовъ скосило пулями, въ томъ числѣ и несчастнаго Сѣрковскаго, который съ перебитой ногой, истекая кровью, какимъ-то чудомъ доползъ въ лѣсъ. Тутъ я на опытѣ испыталъ, что такое трансъ. Меня подхватила съ земли какая-то непостижимая сила и увлекла вслѣдъ за другими.

Дѣло уже клонилось къ вечеру, чувствовалось крайнее изнеможеніе не столько физическое, какъ нравственное. Между тѣмъ, судя по ружейнымъ дымкамъ, русская цѣпь постепено приближалась и, видимо, стала сосредоточиваться влѣво отъ насъ за пригоркомъ. Нашъ Поцишевскій выходилъ изъ себя, проклиная трусость вояковъ. Желая предупредить гибельный для насъ маневръ со стороны атакующаго, онъ выстроилъ въ лѣсу роту къ атакѣ съ косинерами впереди, приказалъ броситься стремительно на пригорокъ и выбить москалей изъ ложбины. Сказавъ «съ Богомъ впередъ», Поцишевскій первый побѣжалъ на цѣль, за нимъ человѣкъ двадцать косинеровъ, остальные не пошли. Пробѣжавъ нѣсколько саженей, этотъ отважный предводитель палъ замертво, пронизанный пулею въ грудь; бѣжавшая за нимъ горсть смѣльчаковъ растерялась и повернула назадъ, а въ этотъ моментъ изъ-за пригорка съ дружнымъ крикомъ «ура» выскочили русскіе стрѣлки и, перебѣжавъ открытую полянку, заняли лѣсъ. Съ нашей стороны, вслѣдствіе замѣшательства при обратномъ бѣгствѣ косинеровъ, не успѣли даже дать порядочнаго залпа.

Съ этого момента дѣло соединенныхъ бандъ было проиграно. Захвативъ ключъ нашей позиціи, противникъ немедленно передвинулся всѣмъ своимъ небольшимъ отрядомъ на правый (нашъ лѣвый) флангъ и безпрепятственно вошелъ въ лѣсъ. Теперь, пользуясь равными выгодами положенія, русскіе энергически стали напирать на растерявшіяся банды, а пушки донимали насъ навѣснымъ огнемъ. О серьезномъ сопротивленіи никто уже не думалъ; повстанцы быстро отступали, изрѣдка отстрѣливаясь. У всѣхъ была одна лишь всепоглощающая мысль, какъ бы благополучнѣе унести ноги. Особенно большая предстояла опасность по выходѣ изъ лѣса, когда весь нашъ отрядъ неминуемо открывалъ себя ружейнымъ и пушечнымъ выстрѣламъ. Къ счастью, насъ прикрывали надвигавшіяся сумерки, а набѣжавшія дождевыя тучи сгустили преждевременно

темноту. Безъ сомнѣнія, сами русскіе были сильно утомлены, потому что насъ не преслѣдовали.

Единственное удовлетвореніе чувствовалось въ томъ, что мы имѣли возможность подбирать своихъ раненыхъ, которыхъ теперь и везли въ обозѣ, тянувшемся впереди. Нечего и говорить, что отступленіе наше было безпорядочное: люди перемѣшались не только командами, но и бандами. Моего плутона не существовало, какъ единицы, да я объ немъ и не думалъ, находясь въ какомъ-то душевномъ отупѣніи. Когда мы отошли верстъ пять отъ лѣса, то наше начальство, не видя погони, пріостановило отрядъ у ручья, чтобы люди утолили жажду за весь тяжелый день и передохнули. Въ это время прискакалъ на встрѣчу гонецъ и своимъ появленіемъ привелъ всѣхъ въ крайнее безпокойство. Разстроенному воображенію представилось, что это—вѣстникъ новой опасности со стороны идущаго на встрѣчу русскаго войска. Паника быстро распространилась по всему отряду. Должно быть, это стало извѣстно Землинскому и Яцковскому, потому что они постарались немедленно разгласить по своимъ бандамъ утѣшительную вѣсть, что къ намъ спѣшитъ подмога. Начальникъ «народоваго отряда» Красолинскій извѣщалъ, чтобы наши «генералы» держались крѣпко въ своей позиціи, отражая врага, пока онъ подоспѣетъ съ 500 солдатъ, и что онъ слѣдуетъ на деревни Брудно, Станиславово, Сендзевице и Ормишулинъ. Такъ какъ эта послѣдняя деревня была отъ насъ не далеко, то мы къ ней и направились. Здѣсь мы дѣйствительно сошлись съ свѣжею бандой, которая и приняла на себя караульныя обязанности по охранѣ соединеннаго бивуака. Люди наши, остававшіеся цѣлый день безъ ѣды и питья, испытавъ въ первый разъ нервное напряженіе боя и находясь подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ неудачи, были до такой степени изнеможены, что, придя на мѣсто, валились съ ногъ, какъ снопы. У всѣхъ одна была преобладающая потребность—пить и пить. Послѣ наскоро сваренной кашицы поработавшіе повстанцы заснули на сырой землѣ мертвымъ сномъ.

На другой день довудцы разбитыхъ бандъ съ утра занялись переформированіемъ и приведеніемъ въ порядокъ разстроенныхъ частей. Оказалось, что въ каждой ротѣ нашей банды не доставало около сотни людей. У Яцковскаго также не досчитались многихъ. Такой массы убитыхъ и раненыхъ у насъ не было. Значитъ, не малую часть убыли слѣдуетъ отнести на счетъ бѣжавшихъ. Такое предположеніе прямо подтверждалось заявленіемъ нѣкоторыхъ наличныхъ шереговцевъ. Это и понятно. Какъ я сказалъ раньше, крестьяне польскіе вообще не охотно шли въ мятежъ. Пока повстанье имѣло видъ прогулки и забавы, съ хорошею ѣдой и обильною оковитой, до тѣхъ поръ навербованные мужики были не прочь изображать статистовъ въ драмѣ завоеванія ойчизны; но какъ только надвинулась грозная дѣйствительность, и этимъ воякамъ пришлось

стать лицомъ къ лицу съ опасностью быть убитыми или изувѣченными, то, не будучи скованы дисциплиной, они пользовались случаемъ, чтобы подобру, поздорову дать тягу. Кстати, не стало грознаго Поцишевскаго, который одинъ только способенъ былъ прибѣгать къ кровавой расправѣ за дезертирство, для острастки другимъ. Тотъ фактъ, что повстанцы вообще улепетывали («уцѣкали») какъ въ одиночку изъ своихъ бандъ, такъ и толпами, въ виду русскихъ отрядовъ, далъ поводъ къ насмѣшкѣ, что у поляковъ много спеціальныхъ войскъ: стрѣлки, косинеры и «уцѣкинеры».

Вслѣдствіе убыли Поцишевскаго и Сѣрковскаго я былъ назначенъ командиромъ своей роты или, по повстанской терминологіи, 2-го легіона, какъ офицеръ, искусившійся въ бою, а начальниками плутоновъ въ эту роту были отчислены отъ штаба двое совсѣмъ молодыхъ людей. Одинъ—панъ Вержбило, служившій передъ мятежомъ приказчикомъ въ галантерейномъ магазинѣ, былъ видимо польщенъ своею «номинаціей» и пылалъ воинственнымъ задоромъ. Когда онъ явился представиться мнѣ, какъ своему начальнику, то въ разговорѣ со мной старался развернуть свои стратегическіе таланты и приписывалъ вчерашнее пораженіе единственно ошибкамъ полководцевъ.

— Растянуть такъ линію фронта, какъ сдѣлали наши генералы, противъ горсти непріятеля, это значитъ не имѣть капли простого соображенія,—горячился Вержбило.—Оттого на всякомъ пунктѣ мы были слабы. Такъ не выигрываютъ сраженій.

— А какъ же вы поступили бы?

— Очень просто. Я ринулся бы всею массой на москалей и сразу ихъ уничтожилъ бы.

— Но вы забыли про пушки. На нихъ вѣдь была поведена очень дружная атака, а ничего не вышло.

— Потому что и здѣсь была ошибка,—возразилъ мнѣ начальникъ плутона.—Я бы бросилъ на пушки кавалерію, изрубилъ прикрытіе, и, повѣрьте, мы имѣли бы теперь свою артиллерію.

— Сколько я знаю, атака батарей конницею не практикуется, пока непріятель еще не разстроенъ.

— Однако-жъ, въ военной исторіи есть такіе блестящіе примѣры,—настаивалъ Вержбило,—и я увѣренъ, что вчера упущенъ случай украсить польскую исторію подвигомъ геройской храбрости.

— Вы же были при Землинскомъ, отчего не подсказали?

— Ну, въ этой суматохѣ было не до того. Я леталъ по всему фронту съ приказаніями; да и какъ подсказывать? Вотъ еслибъ у нашихъ генераловъ сидѣло въ головѣ хоть по искоркѣ Гарибальди,—они сами знали бы, что дѣлать.

Мой воинственный субалтернъ очевидно мнилъ себя самимъ Габальди, котораго тогда поджидали въ Польшу и восторгались его партизанскою удалью. Пока что, я посовѣтовалъ Вержбилѣ, какъ

мнѣ покойный ротный, хорошенько познакомиться съ отдѣленіемъ, привить людямъ дисциплину и внушить мужество. Я былъ очень заинтересованъ увидѣть, каковъ онъ будетъ въ дѣлѣ.

Другой мой субалтернъ, или начальникъ плутона, помѣщичій сынокъ Зензивецкій, совсѣмъ былъ другого склада. Не смотря на свою крайнюю молодость, онъ былъ сосредоточенъ и безнадежно смотрѣлъ въ будущее. Быть можетъ, этотъ юноша еще не освободился отъ кровавыхъ впечатлѣній видѣннаго боя.

— Вы знаете свои обязанности по плутону?—спросилъ я въ качествѣ командира, когда Зензивецкій представился мнѣ.

— Главное знаю: вести людей на убой и самому подставлять голову,—неожиданно бухнулъ онъ, пытливо глядя на меня.

Признаюсь, у меня защемило сердце отъ такой неприкрашенной правды, и мнѣ стало невыразимо жаль этого юношу. Такъ и хотѣлось сказать ему: уйди ты, милый человѣкъ, пока есть время, и не губи себя безцѣльно на зарѣ жизни. Твоею смертью, какъ и смертью всѣхъ насъ, не достигнется задача, деспотически намъ навязанная чужимъ эгоизмомъ и фанатическимъ терроромъ. Но, по долгу начальства, я долженъ былъ скрыть свои мысли и ободрять и направлять его совсѣмъ въ другую сторону.

— Что это вы, молодой человѣкъ, такъ мрачно настроены, почему-жъ не думать о жизни и побѣдѣ?

— Нѣтъ, пане капитане, я не хочу обманывать себя, гдѣ ужъ о побѣдахъ думать! Можетъ ли побѣждать нестройная и плохо вооруженная толпа въ борьбѣ съ организованнымъ войскомъ, крѣпкимъ дисциплиной? Вчера мы были вдвое численнѣе непріятеля, однакожъ не устояли.

— Вы хорошо знаете, что на войнѣ бываютъ всякія случайности,—продолжалъ я утѣшать Зензивецкаго.—Въ слѣдующій разъ и мы можемъ взять верхъ, особенно если духъ войска будетъ держаться на высотѣ. Послушайте моего совѣта: пока мы въ рядахъ съ оружіемъ въ рукахъ, опасно высказывать безнадежныя мысли, потому что это вліяетъ деморализующимъ образомъ на другихъ. Это—лишній шансъ къ проигрышу, а слѣдовательно и лишній шансъ для каждаго поплатиться жизнью.

— О, не безпокойтесь, съ шереговцами я говорю другимъ языкомъ и въ случаѣ надобности сумѣю выполнить свой долгъ.

Этотъ юноша вселилъ во мнѣ самыя искреннія къ себѣ симпатіи. Въ моихъ глазахъ онъ обрисовался неизмѣримо выше хвастливаго Вержбилы съ его забавной притязательностью на военный геній. Я предложилъ Зензивецкому раздѣлять со мною тѣ скромныя удобства, какими я могъ пользоваться по занимаемому мною положенію.

Маленькая деревушка Ормишулинъ, при которой расположились три соединенныя партіи, находилась въ низменности при подошвѣ

ската, по которому мы пришли, и была окружена болотцами, теперь послѣ дождя покрытыми водою. Оставаться въ такомъ неудобномъ пунктѣ было опасно, потому что въ случаѣ напора противника съ командующей возвышенности нашему многочисленному отряду, доходившему до 1.000 человѣкъ, грозила гибель, тѣмъ болѣе, что пришлось бы отступать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ узкою и топкою дорогой, окаймленной неудобопроходимыми низинами. Поэтому наши генералы рѣшили отодвинуться верстъ на восемь къ сѣверу и занять большой Козиратскій лѣсъ, а затѣмъ дѣйствовать по указанію обстоятельствъ. Отдано приказаніе: выступать сначала Землинскому, непосредственно за нимъ Яцковскому и наконецъ Красолинскому; обозамъ слѣдовать въ интервалахъ.

Было часовъ 10 утра, когда повстанцы нашей партіи, достаточно отдохнувшіе и хорошо поѣвшіе, двинулись въ путь. Изъ двухъ первыхъ бандъ образовалась узкая и длинная лента. Вдругъ пронеслась тревожная вѣсть: «москали, москали»; сначала не было извѣстно, откуда грозитъ опасность: съ фронта или съ тыла. Засновали верховые впередъ и назадъ. Оказалось, что когда потянулась банда Красолинскаго, то сзади на пригоркѣ вынырнулъ небольшой русскій отрядъ, очевидно тотъ, который вчера потрепалъ насъ. Наши офицеры стали торопить шагъ, но это не совсѣмъ удавалось, потому что повозки, увязавшія въ мягкихъ рытвинахъ, задерживали ходъ, который возстановлялся, только благодаря помощи людей, вытаскивавшихъ телѣги и пособлявшихъ лошадямъ. Къ довершенію затрудненій, одна телѣга съ котлами и припасами свалилась съ мостка въ болото. Пришлось повозиться съ нею около получаса, и это было тѣмъ досаднѣе, что всякая минута была дорога. Русскіе однакожъ не успѣли захватить повстанцевъ Красолинскаго на мѣстѣ и, подошедши къ трясинамъ, въ которыя втянулись отступавшіе, послали имъ лишь нѣсколько безвредныхъ пушечныхъ снарядовъ.

Узкая дорога низменностями продолжалась верстъ шесть и только не вдалекѣ отъ Козиратскаго лѣса стала подниматься вверхъ, выходя на просторъ. Мы заняли лѣсъ и прилегающіе къ нему большіе холмы: въ центрѣ Красолинскій, справа Землинскій, слѣва Яцковскій. Нельзя было предполагать, чтобы противникъ нашъ избралъ для преслѣдованія тотъ путь, по которому мы прошли, такъ какъ это представлялось величайшею ошибкой, и потому воинство наше спокойно расположилось на указанныхъ мѣстахъ. Каково же было всеобщее удивленіе, когда разъѣздъ донесъ, что «москали» двигаются на насъ болотами. Довудцы не скрывали радости, надѣясь смять узкую колонну и сбросить непріятеля въ трясины. Красолинскій съ своею бандой пошелъ на встрѣчу и заперъ русскимъ выходъ на чистое мѣсто. Завязалась перестрѣлка. Повстанцы, выславъ своихъ лучшихъ стрѣлковъ съ заграничными винтовками,

сыпали противнику пули въ лобъ и отчасти съ фланговъ. Въ началѣ русскіе оставались неподвижно въ своей западнѣ, какъ бы въ нерѣшимости, но потомъ изъ колонны отдѣлилась часть людей влѣво (отъ нашего пункта), гдѣ топи изрѣдка перемежались твердыми мѣстами, и, прикрываясь кочками, кустами и камышомъ, русскіе застрѣльщики стали наступать. Пушки послали намъ нѣсколько недолетовъ и умолкли. Такъ какъ было очень важно не выпустить противника изъ болота, гдѣ ему нельзя развернуться, то партія Яцковскаго двинулась противъ наступавшихъ стрѣлковъ и заняла очень выгодную позицію за гребешкомъ волнистой мѣстности. Въ это время было часовъ шесть вечера.

— Теперь мы сквитаемся съ москалями,—сказалъ подошедшій ко мнѣ Вержбило.—Эхъ, угораздило ихъ залѣзть въ тиски. Я былъ объ ихъ маіорѣ лучшаго мнѣнія.

Я тоже не усматривалъ въ положеніи противника никакого смысла. Казалось, ему нельзя было сунуться ни впередъ, ни назадъ безъ риска погибнуть.

— Удивляюсь только,—продолжалъ мой субалтернъ,—чего медлитъ Красолинскій. Или онъ ждетъ, чтобъ москали улизнули подъ покрываломъ ночи!

«Москали съ боку, москали справа»,—тревожно пронеслось вдругъ по моей ротѣ. Я взглянулъ въ бинокль, и моимъ глазамъ представилась большая масса русскихъ, приблизительно верстахъ въ четырехъ, надвигавшихся на нашу правофланговую банду почти бѣгомъ. Это былъ, какъ впослѣдствіи оказалось, большой отрядъ полковника Шельтинга, съ дѣйствіями котораго очевидно было скомбинировано преслѣдованіе насъ по пятамъ знакомыми двумя ротами. Ясно, что маіоръ долженъ былъ только задержать насъ, чтобы дать возможность сильному отряду обрушиться на соединенныя банды съ фланга.

Какъ электрическая искра, паника пробѣжала по всему нашему отряду, и всѣ, не ожидая приказанія, бросились бѣжать въ противоположную сторону отъ показавшагося непріятеля. Довудцы и нѣкоторые офицеры пытались удержать это стихійное движеніе, чтобы отступать, по крайней мѣрѣ, въ порядкѣ, но это оказалось невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что въ виду наскакивавшихъ на насъ казаковъ съ страшными пиками сами ноги инстинктивно уносили повстанцевъ, куда глаза глядятъ. Прежде всего казакамъ досталась большая часть обоза съ припасами, не успѣвшая запрячься, а затѣмъ—не мало кавалерійскихъ лошадей, вырвавшихся среди общей суматохи и носившихся съ сѣдлами и безъ сѣделъ, словно угорѣлыя. Повстанцы бѣжали врассыпную и по дорогѣ, и по не сжатымъ полямъ. Такъ какъ москалей увидѣла прежде всего наша банда (Землинскаго), то она и побѣжала первая; съ нами перемѣшались повстанцы Яцковскаго; на долю Красолинскаго, очутившагося сзади,

выпало принимать на себя натискъ непріятеля. Что тамъ происходило, достовѣрно сказать не могу; оттуда изрѣдка доносились глухимъ эхомъ ружейные выстрѣлы. А въ переднихъ толпахъ—суматоха, вздохи, подъ часъ ругательства падающихъ другъ на друга людей. Никто ни о какомъ порядкѣ не думалъ, хотѣлось только поскорѣе и подальше уйти. Чувство общности исчезло, и каждый эгоистически былъ поглощенъ мыслью о самосохраненіи. Ночью затрудненія для бѣглецовъ усилились: падали въ ямы и канавы, натыкались на кустики и камни, разсѣянные по полямъ, и разбивали себѣ лбы и носы. Чтобы замедлить преслѣдованіе непріятеля, имѣвшаго при себѣ артиллерію, насъ повели самыми глухими дорожками, а всѣ мосты черезъ овраги, ручьи и болота, по переходѣ повстанцевъ, поджигались «конниками», которые, исполнивъ эту важную мѣру къ спасенію, догоняли своихъ. Только на разсвѣтѣ мы остановились въ какой-то глухой деревнѣ, окруженной лѣсомъ, чтобы дать людямъ нѣсколько часовъ отдохнуть и подкрѣпиться пищей. А такъ какъ запасовъ у насъ теперь почти не было, то у мужиковъ захватили нѣсколько коровъ и овецъ, набрали соли и картофеля и за неимѣніемъ котловъ состряпали варево въ крестьянскихъ горшкахъ и чугунахъ.

При внезапномъ нападеніи на насъ казаковъ Шельтинга, я лишился, вмѣстѣ съ ротною фурманкой, не только своего необходимѣйшаго скарба, но—что всего важнѣе—верхового коня, и потому въ первый же форсированный переходъ сильно подбился ногами, такъ что на другой день, когда отрядъ двинулся дальше, я едва могъ тащиться. Къ счастью, получено было извѣстіе, что преслѣдующій непріятель отсталъ отъ насъ ночлегомъ верстъ на пятнадцать, и потому мы совершали свое дальнѣйшее отступленіе съ меньшею торопливостью и съ необходимыми роздыхами. Не стану подробно разсказывать нашего злополучнаго бѣгства; скажу только, что мы колесили по разнымъ трущобамъ двое сутокъ, пользуясь по пути у помѣщиковъ и арендаторовъ гостепріимствомъ и всяческимъ вспомоществованіемъ. На одномъ фольваркѣ я купилъ верхового коня и тѣмъ много облегчилъ свое положеніе. Русскіе, хотя и далеко отстали, но шли неотступно по нашимъ слѣдамъ, о которыхъ узнавали, очевидно, пользуясь разспросами крестьянъ. Довудцы наши совмѣстно съ офицерами составили наскоро военный совѣтъ что предпринять, чтобъ избавиться отъ настойчиваго преслѣдованія москалей? Представлялось два выхода: одинъ, часто практиковавшійся въ теченіе партизанскихъ дѣйствій возстанія, заключался въ томъ, чтобы распустить временно войско въ разныя стороны, такъ чтобы и преслѣдовать было некого, а по удаленіи непріятеля вновь сформировать партіи въ заблаговременно назначенныхъ (при роспускѣ) сборныхъ пунктахъ. Но мѣра эта была невыгодна тѣмъ, что изъ разсѣявшихся повстанцевъ едва ли собралась бы половина,

судя по тому, что вояки изъ крестьянъ уже и теперь, въ послѣдніе дни, пользуясь суматохой, ускользали изъ бандъ: одни отставали при прохожденіи черезъ лѣса, другіе убѣгали съ ночлеговъ. А съ исчезновеніемъ бандъ теряется сила и престижъ возстанія какъ въ глазахъ населенія, внутри края, такъ и въ особенности во мнѣніи заграничныхъ благожелателей. Другой выходъ изъ затрудненія очень простой: разбить москалей. За «разбитіе» особенно ратовали мой Вержбило и ксендзъ-капуцинъ. Но какъ разбить?—вотъ вопросъ. Наши генералы порѣшили занять сильную позицію и окопаться шанцами, чтобъ чуткіе къ боевымъ страхамъ повстанцы могли выдержать первый натискъ, а затѣмъ перейти въ наступленіе и прогнать врага.

Насъ повели къ деревнѣ Янувкѣ, расположенной на склонахъ значительнаго возвышенія, пестрѣвшаго пнями послѣ вырубленнаго лѣса, и рѣдкимъ молоднякомъ. Весь отрядъ помѣстился въ складкахъ и углубленіяхъ этой возвышенности фронтомъ къ пройденной дорогѣ. Партія Красолинскаго, какъ самая большая, заняла позицію въ упоръ дороги, Яцковскій сталъ лѣвѣе, наша партія Землинскаго оставлена въ резервѣ у самой Янувки. Позади и отчасти съ боковъ деревни виднѣлись лѣса. Тотчасъ послѣ обѣда всѣ занялись копаніемъ рвовъ и насыпаніемъ валовъ, которые, вмѣстѣ съ кустарниками и толстыми пнями на всей позиціи, долженствовали послужить хорошимъ прикрытіемъ противъ ружейнаго огня. Мои люди тоже выводились перемѣнными партіями на переднюю линію помогать въ работѣ. Ночью всѣ оставлены на боевой позиціи, разставлены пикеты, усилены разъѣзды.

Лежа на землѣ подъ открытымъ небомъ, я долго не могъ заснуть. Замерцали тысячи звѣздъ, протянулся млечный путь, въ дымкѣ облаковъ слабо обрисовалась тусклая луна. Изъ деревни по временамъ наносился вѣтеркомъ запахъ торфяного дыма, слышались перекликанья пѣтуховъ и тявканье собакъ. Иллюзія мирной жизни до того завладѣвала воображеніемъ, что казалось—эти сотни спящихъ среди поля людей, полныхъ здоровья и силъ, предаются отдыху послѣ дневныхъ трудовъ для того, чтобы на утренней зарѣ разсыпаться по роднымъ полямъ съ косами, серпами и граблями и приступить съ молитвой на устахъ къ сбору хлѣба насущнаго въ обезпеченіе дорогихъ сердцу семействъ. А между тѣмъ, какъ перевернулась жизнь!.. Странно устроена судьба людей. Живетъ человѣкъ въ родной семьѣ среди близкихъ людей. Хата его богата домашнимъ скарбомъ, на дворѣ—всякаго рода животина, выращенная заботливымъ хозяйскимъ уходомъ, въ стодолѣ и на гумнѣ скирды не обмолоченныхъ сноповъ и горы свѣжаго пахучаго сѣна, въ амбарахъ полно муки и всякаго зерна, огородъ и садикъ при хатѣ обѣщаютъ изобиліе плодовъ земныхъ; между ульевъ, разставленныхъ въ саду, снуютъ трудолюбивыя пчелы и, оживляя своимъ жуж-

жаньемъ крестьянскую усадьбу, дополняютъ картину благоденствія и мирнаго бытія. Чего же еще нужно!.. Нѣтъ, этого мало. Нужно на большомъ пространствѣ земли завести другіе порядки, установить новыя границы, перемѣнить названія, поставить иные кумиры. И для этой призрачной и не осязаемой цѣли братья во Христѣ, покинувъ своихъ отцовъ и матерей, женъ и дѣтей, возстаютъ на ближнихъ своихъ, увѣчатъ и убиваютъ одинъ другого. Кому же нужны и кому пойдутъ на пользу жертвы? Тѣмъ единицамъ изъ милліоновъ польскихъ людей, которымъ желательно захватить власть, чтобъ править тѣмъ же сѣрымъ людомъ. А будетъ ли онъ отъ этого счастливѣе?.. Лежа на спинѣ, я смотрѣлъ на небо и мнѣ припомнилось, какъ пріятель мой есаулъ Широкостовъ умильно декламировалъ:

. . . .
А на небѣ все прекрасно.
Небо чисто, небо ясно,
Въ небѣ звѣздочка горить.

Живо глянуло на меня круглое добродушное лицо казака, съ которымъ мы подружились при фуражныхъ сдѣлкахъ. Его младенческая улыбка призываетъ къ миру и братской любви. А дальше, въ туманѣ одного всепоглощающаго впечатлѣнія, изрѣдка мелькали то простертыя ко мнѣ съ мольбой руки отца, то ласковые голубые глазки Зоси, то строгая мина восторженной патріотки, сестренки моей Френуси. Я забылся только подъ утро.

Едва проснулся нашъ муравейникъ, какъ тотчасъ же сталъ копошиться въ землѣ, продолжая работу самоокапыванія. Понукать людей не приходилось, потому что чувство самосохраненія служило внутри каждаго могучимъ побужденіемъ къ усердію. Всякій старался поскорѣе для себя же устроить закрытіе, пока не пришелъ «москаль». Только на позиціи нашей партіи, какъ резерва, земляныхъ работъ не производилось, потому что, по стратегическому плану, предполагалось бросить насъ въ критическую минуту на тотъ пунктъ боевой линіи, гдѣ потребуется подмога.

Послѣ обѣда стали приходить извѣстія, что русскій отрядъ хотя находится далеко, но двигается по нашей дорогѣ. Отъ насъ былъ отправленъ на встрѣчу непріятелю взводъ отборныхъ всадниковъ, а обѣ переднія партіи повстанцевъ скрылись въ канавахъ за окопами, такъ что не видно было ни одной живой души. Наша резервная партія была совершенно скрыта въ ложбинѣ позади пригорка. Задача высланной впередъ кавалеріи состояла въ томъ, чтобы, ретируясь издалека отъ непріятеля, всадники навели русскій отрядъ на нашу скрытую позицію. Подпустивъ противника на близкое разстояніе, повстанцы должны были нѣсколькими залпами разстроить его ряды и затѣмъ броситься въ штыки и косы; кавалерія, спря-

танная въ лѣсу лѣвѣе деревни, по плану, поддержитъ атаку и довершитъ пораженіе.

День склонялся къ вечеру, отъ лѣса потянуло живительной прохладой, на сосѣднихъ лугахъ стали покрикивать дергачи (коростели), съ полей имъ вторили перепела своимъ энергическимъ боемъ. Сколько разъ подъ эти звуки кипѣла на моихъ глазахъ горячая лѣтняя страда. Но все это осталось гдѣ-то далеко позади.

Продолжительное ожиданіе стало утомлять повстанцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣвало первоначальное напряженіе нервовъ въ предвидѣніи чего-то страшнаго. Въ отрядѣ начала пробуждаться бодрость, поддерживаемая довудцами обѣщаніемъ вѣрной побѣды. Наконецъ, въ неясной дали изъ-за пригорка вынеслись всадники и спѣшно уходятъ по направленію къ нашимъ укрѣпленіямъ. Немного погодя, въ верстѣ разстоянія отъ нашихъ кавалеристовъ, показалась погоня конной кучки—по всей видимости, казаковъ. Тѣ и другіе по временамъ обмѣнивались выстрѣлами. Наши уже близко. Казаки хотя отстаютъ на своихъ небольшихъ лошадкахъ, но преслѣдуютъ неотступно. Наши «конники» понеслись сторонкой мимо позиціи Яцковскаго къ спрятанной въ лѣсу кавалеріи, чтобъ не обнаружить предъ казаками засады, устроенной для непріятельскаго пѣхотнаго отряда. Еще бы какихъ нибудь полъ-часа, и повстанская кавалерія окружила бы увлекшихся казаковъ, а пѣхота продолжала бы скрытно ждать главныя силы противника, чтобы дружнымъ залпомъ свалить его передовые ряды. Но не дисциплинированные хлопы все испортили. Когда казаки поровнялись съ лѣвымъ флангомъ позиціи, вдругъ изъ рвовъ пущено въ нихъ нѣсколько выстрѣловъ; одинъ казакъ свалился, всѣ остальные повернули назадъ. Такимъ образомъ расположеніе повстанскаго отряда было обнаружено. Черезъ часъ послѣ этого показались значительныя силы русскихъ, но они уже не пошли въ лобъ нашей позиціи, а выставили артиллерію и стали громить насъ разрывными снарядами. Вскорѣ одна бомба разорвалась въ резервѣ среди моей роты и вывела изъ строя шесть человѣкъ стрѣлковъ. При этомъ Вержбилу сильно контузило въ голову, и онъ былъ подъ руки отведенъ въ деревню. Впереди послышались уже ружейные выстрѣлы, но что тамъ происходило, я не видѣлъ, потому что, оставаясь за пригоркомъ въ резервѣ, ежеминутно ожидалъ приказанія, по сигналу отъ Красолинскаго, двинуться въ дѣло.

Вдругъ справа обходнымъ маневромъ выѣхала на насъ сотня казаковъ. Моментально я построилъ свою роту въ карре и, когда казаки съ гикомъ понеслись на насъ, далъ по нимъ залпъ. Нѣсколько лошадей запнулись на бѣгу, но лава неудержимо неслась впередъ, выставивъ свои страшныя пики. Этотъ напоръ произвелъ на моихъ людей такой ужасъ, что они дрогнули и побѣжали. Я остался одинъ. Мысль найти спасеніе въ окопахъ быстро понесла

меня въ гору. На бѣгу слышу позади конскій топотъ, оглядываюсь — на меня летитъ казакъ съ поднятою шашкой. Я пускаю пулю изъ револьвера,—лошадь подъ казакомъ падаетъ. Пользуясь благопріятнымъ мгновеніемъ, я вновь пускаюсь въ бѣгъ. Позади раздался выстрѣлъ, и пуля скользнула мнѣ по лѣвому боку, не задѣвъ тѣла. Я инстинктивно оглянулся: противникъ мой бѣжитъ за мной въ догонку и, благодаря длиннымъ ногамъ, быстро настигаетъ. Сдѣлавъ полуоборотъ, вижу, что тяжелая шашка готова обрушиться на мою голову. Я парирую ударъ, но отбить не хватило силъ, шашка только отклонилась по линіи отвѣса и, глубоко рѣзнувъ меня по щекѣ и слегка по плечу, съ размаху отлетѣла въ сторону. Не успѣлъ я нажать пружинку револьвера, какъ казакъ хватилъ меня дуломъ ружья по головѣ; въ глазахъ мгновенно потемнѣло, и я свалился.

Когда я открылъ глаза, то увидѣлъ себя въ стодолѣ (ригѣ), въ которой мерцали нѣсколько фонарей, ходили люди, слышались откуда-то стоны, и по временамъ раздавался русскій говоръ. Въ головѣ я почувствовалъ пудовую тяжесть, а щека горѣла словно подъ раскаленнымъ углемъ. Подъ моимъ подбородкомъ проходила на голову повязка, я сообразилъ, наконецъ, что раненъ и взятъ въ плѣнъ. Попытка моя приподняться вырвала изъ груди невольный стонъ, на который тотчасъ появился молодой военный докторъ. Взявъ за пульсъ, онъ устремилъ на меня такой добрый и ласковый взглядъ, что мнѣ даже весело стало. Я мысленно возблагодарилъ Бога, что кончились мои мытарства, и что я попалъ, очевидно, въ благодѣтельныя руки.

— Пожалуйста, лежите смирно, — сказалъ докторъ порусски, — а то вотъ уже съ головы сползла примочка.

Тутъ я почувствовалъ, что на голову кладутъ мнѣ холодъ. Я хотѣлъ было сказать доктору слово благодарности, но оказалось, что повязка буквально сжимаетъ мнѣ уста, и я ограничился тѣмъ, что поймалъ благодѣтельную руку и крѣпко, сколько было силъ, пожалъ ее.

— Ладно, ладно,— отвѣтилъ съ улыбкой докторъ на мою нѣмую манифестацію. — Говорить вамъ трудно съ этимъ намордникомъ; такъ я вамъ самъ скажу: васъ кто-то нецеремонно полоснулъ по лицу, рана сшита. Еще голова повреждена малость, но все обойдется, только терпѣніе и спокойствіе. Я теперь отправляюсь догонять отрядъ, который преслѣдуетъ вашихъ повстанцевъ, но фельдшеръ безъ меня все сдѣлаетъ. Эй, Цыганковъ! Завтра вотъ этого пана бережно перевезти въ лазаретъ и снять тамъ повязку съ лица, но ваты не трогать до моего возвращенія. Отпускать ежедневно раненому по четыре унціи хересу. А вамъ, — продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—когда снимутъ повязку, разрѣшается говорить только самое необходимое, да и то сквозь губы, чтобъ не

шевелить мускулами щеки. Главное лѣкарство: вино. Попробуйте пропустить глотокъ вотъ этой жидкости.

При этомъ докторъ налилъ рому изъ своей фляги въ ложку и приблизилъ къ моимъ губамъ. Я съ наслажденіемъ процѣдилъ эту живительную влагу.

На другой день меня перевезли вмѣстѣ съ другими ранеными въ городъ К., въ полковой лазаретъ, гдѣ я пользовался совершенно одинаковыми удобствами съ русскими солдатами. Польскихъ раненыхъ, кромѣ меня, было восемь человѣкъ 'шереговцевъ, всѣ съ тяжкими поврежденіями; двумъ еще на перевязочномъ пунктѣ въ стодолѣ сдѣланы ампутаціи, одинъ съ раной въ головѣ умеръ черезъ двое сутокъ. Съ фельдшеромъ Цыганковымъ мы скоро подружились. Какъ только у него выдавалось свободное время, онъ садился на мою койку и развлекался разговорами. Отъ него, между прочимъ, я узналъ, что наши не сразу бѣжали отъ русскихъ, но нѣсколько часовъ отстаивали свою позицію, сидя въ окопахъ, пока русскіе не обошли ихъ съ той стороны, откуда зашли на насъ казаки. Онъ же объяснилъ мое недоумѣніе, почему въ лазаретѣ оказалось такъ мало раненыхъ поляковъ: часть ихъ захватили съ собою повстанцы; изъ оставшихся на мѣстѣ какъ легкіе, такъ и безнадежные послѣ перевязки сданы на попеченіе войту гмины, который обязывался всѣмъ имъ представить списокъ по начальству. Съ собой русскіе взяли только тѣхъ тяжело раненыхъ повстанцевъ, которые подавали нѣкоторую надежду на излѣченіе. Къ нашимъ шереговцамъ относились въ лазаретѣ, какъ къ провинившимся школьникамъ, хотя солдаты и не скрывали снисходительнаго пренебреженія къ ихъ военнымъ доблестямъ, подшучивая иногда надъ храбрыми «уцѣкинерами». Одинъ раненый русскій унтеръ-офицеръ, большой балагуръ, потчуя этихъ вояковъ табакомъ, говорилъ: «Вотъ что я тебѣ скажу, брате: когда мы выздоровѣемъ, то пойдемъ съ тобой до лясу, тамъ нарѣжемъ палокъ для косъ, наробимъ деревянныхъ арматовъ (пушекъ) и пойдемъ бить москалей; а если онъ станетъ бить насъ, то мы ругнемъ его псяюхой, покажемъ задъ и поскорѣй уцѣкнемъ опять до лясу». На эту шутку кто изъ поляковъ посмѣлѣе отзывался съ конфузливой улыбкой: «что и говорить, мосьце пане, мы не умѣемъ такъ сражаться, какъ вы; лѣсъ только и придавалъ намъ смѣлости».

Черезъ три дня возвратился изъ экспедиціи докторъ и осмотромъ моей раны остался доволенъ.

— Можно вполнѣ поздравить васъ,—сказалъ онъ, снявши вату со щеки,—заживленіе идетъ первымъ натяженіемъ. Вотъ такъ спасибо, порадовали.

— Извините, докторъ, что значитъ первое натяженіе?—спросилъ я, желая уяснить свое положеніе.

— А то, что дней черезъ десять у васъ останется вмѣсто раны

только узкій рубецъ, за который, если вы холостой, самая разборчивая невѣста васъ не забракуетъ.

И дѣйствительно я скоро выздоровѣлъ, только головная боль давала себя чувствовать. Совѣстно было напрасно занимать койку, и я объявилъ, что желаю выписаться, хотя и зналъ, что состою арестованнымъ и пойду въ кутузку. За какія нибудь двѣ недѣли я такъ сжился съ русскимъ лазаретомъ, что покидалъ его, какъ родное гнѣздо. Бо́льшаго вниманія и лучшаго ухода нельзя было ожидать и въ польской больницѣ. Особенно подкупало отсутствіе всякой разницы между своимъ и чужимъ. И какъ вспомнишь, какія несправедливыя, какія безсовѣстныя басни распускались во время возстанія на счетъ русскихъ, объ ихъ черствомъ сердцѣ, жестокости, варварствѣ, невѣжествѣ, чуть не людоѣдствѣ, — то еще и теперь чувствуется досада и стыдъ за своихъ «родаковъ».

Меня помѣстили одиночнымъ заключеніемъ въ арестный домъ для снятія показаній. Хотя камера моя была свѣтлая, но единственное окно выходило во дворъ, черезъ которое я только и могъ видѣть расхаживающаго часового и смѣну караула. Теперь я понимаю, что мнѣ не давали ничего ни читать, ни писать и не позволяли ни съ кѣмъ видѣться, даже съ моимъ другомъ Цыганковымъ,—въ силу установленныхъ правилъ, пока не произведено слѣдствіе. А тогда въ тоскѣ, одиночествѣ и полномъ бездѣльи я приходилъ въ отчаяніе и не могъ уяснить, зачѣмъ подвергають меня такой тяжкой пыткѣ. Прошла цѣлая томительная недѣля, пока позвали меня къ первому допросу. Въ этой процедурѣ всего непріятнѣе было проходить по улицѣ въ канцелярію и назадъ подъ ружьемъ конвойнаго. Сѣдой аудиторъ, строгій и хмурый, снималъ допросъ въ присутствіи строевого капитана. Онъ предупредилъ, чтобы я разсказалъ всю правду объ участіи моемъ въ мятежѣ, а если я что скрою или переиначу, то это выяснится изъ другихъ источниковъ, и тогда наказаніе мнѣ будетъ усилено. Давъ честное слово, что буду показывать истинную правду, я началъ свое повѣствованіе ab ovo и разсказалъ со всѣми подробностями всю свою эпопею. Рѣчь моя продолжалась не менѣе часа. Послѣ этого аудиторъ подалъ мнѣ готовые вопросные пункты и приказалъ тутъ же писать отвѣты. Ниже моей подписи росписались слѣдователи и отпустили въ камеру. Въ арестномъ домѣ были и другіе заключенные, но мнѣ ни разу не удалось никого изъ нихъ видѣть. Только теперь, проходя по двору въ канцелярію и обратно, я замѣтилъ въ окнахъ головы арестованныхъ повстанцевъ, повидимому, простого званія. Но всѣ видѣнныя лица были мнѣ незнакомы. Дня черезъ четыре меня снова привели въ канцелярію.

— Вы написали,—сурово обратился ко мнѣ аудиторъ,—что не сочувствовали мятежу и будто бы вовлечены были противъ воли разными тамъ обстоятельствами. Всѣ вы, господа, такъ говорите, когда васъ поймаютъ. А чѣмъ вы докажете ваше несочувствіе?

— Это мнѣ доказать трудно. Моихъ свидѣтелей здѣсь нѣтъ, да, и помимо того, свои истинныя намѣренія и мысли я долженъ былъ скрывать даже предъ своими, чтобъ по возможности устраняться отъ возстанія подъ разными предлогами.

— Кто былъ у васъ предводитель шайки?

Я назвалъ трехъ довудцевъ.

— Вы показали, что были въ шайкѣ сначала подручнымъ офицеромъ, а потомъ вамъ поручили командованіе ротой. А есть указаніе на то, что вы были однимъ изъ главныхъ предводителей. Подать сюда Пржосняка! — крикнулъ аудиторъ по направленію къ внутренней двери.

Изъ другой комнаты вышелъ молодой парень, совершенно мнѣ неизвѣстный, и сталъ конфузливо мять свою шапку.

— Этотъ панъ, котораго ты видишь, былъ съ тобой въ мятежнической шайкѣ?—спросилъ хлопа аудиторъ, указывая на меня.

— Такъ есть, пане.

— Ты показывалъ, что этотъ самый панъ Вшеборъ былъ довудцей. Вѣрно ли это?

— Южци (такъ точно), пане добродѣю, я видѣлъ его верхомъ на конѣ и слышалъ, что его называли начальникомъ, а былъ ли онъ главный или меньшій—этого не знаю.

— Кто у васъ были довудцами?.

— У насъ генералъ Яцковскій, а другихъ не знаю.

Меня удивило, что на основаніи такого шаткаго показанія готовы считать меня предводителемъ. Обстоятельство это, возникшее совершенно неожиданно, было очень важно. Я зналъ, что еслибъ мнѣ навязана была такая честь, то, быть можетъ, не сносить бы мнѣ своей головы.

— Господинъ аудиторъ, — воскликнулъ я съ нѣкоторымъ волненіемъ, — я показалъ совершенную правду о моемъ участіи въ возстаніи. Въ полковомъ лазаретѣ, вѣроятно, еще находится раненый Сигизмундъ Овчарекъ. Онъ былъ косинеромъ въ моей ротѣ и можетъ дать обо мнѣ самыя достовѣрныя показанія.

Записавъ названную мною фамилію, слѣдователи отпустили меня и больше уже не допрашивали. Съ тѣхъ поръ я еще съ мѣсяцъ оставался подъ арестомъ, но уже пользовался нѣкоторыми льготами: получалъ русскія книги для чтенія, гулялъ по воздуху, сколько хотѣлъ, ходилъ даже въ городъ въ товариществѣ безоружнаго солдата и дѣлалъ визиты въ лазаретъ, куда тянуло меня какое-то родственное чувство; избѣгалъ только сношеній съ горожанами, во-первыхъ, изъ предосторожности, чтобы не навлечь на себя какихъ либо подозрѣній со стороны военной власти, а, во-вторыхъ, чтобы не нарваться на непріятность отъ своихъ, которые вообще не жаловали въ полякѣ искренности по отношенію къ русскимъ. Въ лазаретѣ мои пріятели объяснили причину продолжительнаго пребыванія моего подъ арестомъ. Хотя слѣдствіе обо мнѣ, какъ пов-

станцѣ, давно было кончено, но меня придерживали на всякій случай, не обнаружится ли за мной, кромѣ участія въ мятежѣ, еще какихъ нибудь преступленій: политическихъ убійствъ, поджоговъ, ограбленія почтъ, казначействъ и т. п. Такъ какъ ничего подобнаго за мною не водилось, то я спокойно ожидалъ своей участи. Наконецъ, въ августѣ (1863 г.) судьба моя рѣшилась. Опредѣлено: не передавая военному суду, выслать меня на временное жительство внутрь имперіи.

Закончу мой разсказъ коротко. Я очутился въ С—кой губерніи и, конечно, на первыхъ порахъ тосковалъ страшно, хотя и былъ доволенъ, что судьба выбросила меня изъ бурнаго политическаго водоворота. Все для меня было чужое: люди, говоръ, обычаи, интересы, природа. Съ полгода я ходилъ, какъ очумѣлый, но потомъ сталъ овладѣвать собою и приспособляться къ мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Мнѣ посчастливилось, какъ агроному и практическому хозяину, поступить въ имѣніе князя Г. приказчикомъ на самое маленькое жалованіе, и я всею душой отдался знакомому дѣлу. Года черезъ три мнѣ вышло разрѣшеніе возвратиться на родину, но я не спѣшилъ воспользоваться имъ. Вынесенныя съ родины тяжелыя впечатлѣнія были еще свѣжи. Только недавно, лѣтъ пять назадъ, я побывалъ на короткое время въ родныхъ мѣстахъ. Какъ ни какъ, все-таки по временамъ щемило сердце. Хотѣлось окунуться въ ту жизнь, среди которой протекла молодость, наслушаться знакомыхъ съ дѣтства звуковъ, взглянуть на родную природу. Такъ какъ экономія князя хотѣла завести у себя пшеницу-сандомирку, то я отправился за этою покупкой въ Варшаву и побывалъ на своемъ фольваркѣ. Тамъ уже давно хозяйничала съ своимъ мужемъ сестра моя Франуся. Она вполнѣ заплатила дань молодости, фанатически отдавшись революціонному вихрю. Она металась въ немъ въ качествѣ сборщицы «офяры», въ роли курьерки и сестры милосердія, но отдѣлалась благополучно и впослѣдствіи вышла замужъ за шляхтича, порядочнаго господина. Теперь она мирно возится съ дѣтьми, копается на огородѣ и съ увлеченіемъ разводитъ породистыхъ куръ. Бывшіе наши сосѣди Свѣнтоховскіе взяли въ аренду другое имѣніе въ дальней губерніи, и что сдѣлалось съ первою властительницей моего сердца Зосей—неизвѣстно.

Побывавъ въ родныхъ мѣстахъ, я теперь совершенно успокоился, меня теперь ничто туда не тянетъ, ибо все мое духовное существо слилось съ новымъ отечествомъ. Я занимаю въ княжескомъ имѣніи должность главноуправляющаго, женился на русской и имѣю двухъ хорошенькихъ мальчиковъ, а, чтобъ не дѣлать диссонаса въ семьѣ, принялъ вѣру дорогихъ мнѣ лицъ. Теперь живу и Бога хвалю. Думалъ ли я когда либо возродиться въ новомъ отечествѣ!... Возстаніе послужило къ устройству моего счастья.

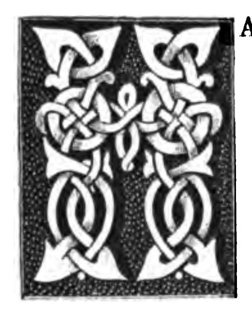
И. Любарскій.

РОКОВОЙ ВЫСТРѢЛЪ.

(Эпизодъ изъ минувшей кавказской войны).

1.

А КАВКАЗѢ у верховьевъ рѣкъ—Арагвы, Іоры, Алазани, Аргуна и Терека, живутъ три племени: пшавы, хевсуры и тушины, составляющіе по языку, обычаямъ и вѣрѣ одну народность, поселившуюся въ горахъ Кавказа съ незапамятныхъ временъ, но когда именно и откуда тушино-пшаво-хевсуры пришли—неизвѣстно, да едва ли и доищутся когда нибудь этнографическаго происхожденія этого народа. Исполинскія горы, глубокіе овраги, быстрыя рѣки, картинные водопады, ручьи, обращающіеся весною и осенью въ бушующіе потоки, и, наконецъ, вѣковой лѣсъ представляютъ дикій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и живописный видъ всей почти Тушино-Пшаво-Хевсуріи. Передъ величіемъ и красотою такой природы Кавказа человѣкъ смиряется, сознаетъ себя какою-то ничтожною былинкою въ мірѣ и, охватываемый всецѣло благоговѣйнымъ чувствомъ, преклоняется передъ Всемогущею и Святою силою Того, Кто создалъ этотъ дивный міръ. Много легендъ сложилось въ Грузіи о тушино-пшаво-хевсурахъ и о трущобахъ, гдѣ эти племена обитаютъ, много невѣроятнаго и чудеснаго разсказываютъ о подвигахъ, храбрости и отвагѣ ихъ, увѣряютъ даже, что идолопоклонничество и человѣческія жертвоприношенія не искоренились у нихъ до сихъ поръ, но такое обвине-

ніе едва ли возможно допустить. Все это племя стало принимать православіе при грузинскихъ царяхъ, а при владычествѣ русскихъ нельзя было встрѣтить ни одного человѣка изъ этого племени не православнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что они были не особенно давно идолопоклонниками, потому что хорошо сохранившіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменныя зданія въ родѣ капищъ служатъ тому нагляднымъ доказательствомъ; есть также основаніе думать, что до идолопоклонства они были христіанами, утратившими свою вѣру по неимѣнію общенія съ другими христіанскими народностями, о чемъ я говорилъ уже въ одномъ изъ своихъ разсказовъ, подъ заглавіемъ: «Шоте, предводитель тушинъ» («Историческій Вѣстникъ», іюнь, 1896 г.).

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, на небольшой покатой полянѣ, упирающейся въ два отрога высокихъ отвѣсно-скалистыхъ горъ, расположенъ былъ поселокъ изъ 30 — 40 каменныхъ, другъ отъ друга отдѣляемыхъ маленькимъ промежуткомъ, сакель съ бойницами и плоскими блиндированными крышами; лицевая сторона поселка касалась отвѣсной скалистой балки глубиною не менѣе 100 саженъ; такой же скалистый обрывъ былъ и на противоположной сторонѣ балки, суживавшейся у самаго поселка настолько, что перекинутый черезъ нее изъ двухъ бревенъ мостъ въ 5 саженъ служилъ для жителей легкимъ сообщеніемъ съ противоположнымъ берегомъ, покрытымъ вѣковымъ лѣсомъ и высокими горами. Поселокъ орошался пятью обильными ручьями, шумно бѣгущими въ балку на соединеніе съ бушующею рѣчкою. Балка носила названіе «Чортова ущелья», а поселокъ именовался «Неприступнымъ», обитатели котораго были хевсуры, что въ буквальномъ переводѣ означаетъ: «жители ущелья».

Поселокъ дѣйствительно являлся недоступнымъ при условіяхъ описанной мѣстности. Взять деревню эту не представлялось никакой возможности даже артиллерійскимъ огнемъ, потому что артиллерію нельзя было поднять на высоты, командующія поселкомъ, да и установить ее не нашлось бы удобнаго мѣста. Что же касается перекинутаго черезъ балку мостика, то, не говоря уже объ обстрѣливаніи изъ бойницъ, возможно былъ его уничтожить въ десять минутъ и тѣмъ преградить доступъ наступающему непріятелю. Основатели деревни хорошо, должно быть, понимали оборону и значеніе оборонительной позиціи. Дошли они до такого пониманія путемъ долголѣтняго опыта и въ виду того, что по сосѣдству окружены были лезгинами, кистами и другими разбойничьими племенами, къ которымъ хевсуры питали непримиримую вражду и вели съ ними ожесточенную войну.

Во всемъ поселкѣ было не болѣе 80 человѣкъ мужскаго пола, во главѣ которыхъ стоялъ старшина Давидъ Хромой, такъ прозванный отъ того, что, получивъ въ стычкѣ тяжелую рану въ ногу,

остался на всю жизнь хромымъ. Отличался онъ умомъ, сообразительностью и беззавѣтною отвагою. Въ саклѣ его въ углу ютилось небольшое знамя, на которомъ надпись гласила слѣдующее: «Не встрѣчайся съ нами, если дорожишь жизнью». Оно сопутствовало хевсуръ повсюду, когда они скопищами производили набѣги на враждебныя горныя племена. Семья Давида состояла изъ жены, двухъ взрослыхъ сыновей и 16-ти-лѣтней красавицы дочери, неустрашимой и отважной дѣвушки, участвовавшей не разъ въ кровопролитныхъ схваткахъ съ лезгинами. Жители занимались овцеводствомъ и имѣли небольшую запашку подъ пшеницу.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если я говорю, что дочь старшины Давида участвовала въ схваткахъ съ лезгинами; такихъ женщинъ у горцевъ встрѣчается немало, какъ явленіе обыкновенное — при условіяхъ жизни горныхъ племенъ, занимающихся преимущественно хищничествомъ и разбоями. Горецъ съ 2 — 3-хъ-лѣтняго возраста, едва начинающій лепетать, одаривается отцомъ лукомъ и стрѣлами, которыми ребенокъ и занимается вмѣсто всякихъ игрушекъ, наметывая свой глазъ на воробьевъ и другихъ попадающихся подъ руку птицъ; въ 10 — 12 лѣтъ у него является винтовка, а въ 15 лѣтъ онъ представляетъ ужъ изъ себя воина во всеоружіи — въ горахъ пѣшій, а на ровныхъ мѣстахъ конный. Женщинамъ не разъ въ жизни приходится защищать свои сакли отъ нападенія враждебнаго племени,—приходится потому, что мужья ихъ, братья, сыновья уходятъ въ набѣгъ, оставляя въ аулахъ однѣхъ женщинъ и немощныхъ старцевъ. Впрочемъ, Кора, такъ звали дочь Давида, являлась особеннымъ исключеніемъ между женщинами. Прирожденная воинственность и отвага усиливались тѣмъ еще, что она не могла забыть и простить лезгинамъ смерть жениха, убитаго въ одной изъ схватокъ, и поклялась мстить имъ во всю жизнь. Родители старались сдерживать пылъ и ненависть дочери, но ничто не могло вразумить ее; она часто покидала родительскій кровъ и пропадала на цѣлыя недѣли въ поискахъ враговъ; при неудачахъ горевала, а при успѣхѣ не находила мѣста отъ радости, словомъ, обратилась въ настоящаго хищника и своею отвагою прославила себя на всю Хевсурію и ея окрестности. Кто изъ хевсуръ не зналъ этой дѣвушки и кто не домогался сдѣлаться мужемъ храброй и неуязвимой красавицы?

Внѣ дома одѣтая и вооруженная, какъ хевсуръ, и владѣя на удивленіе всѣмъ, съ замѣчательнымъ искусствомъ оружіемъ, она не страшилась ничего и никого; были случаи, что она выдерживала нападеніе 3—4-хъ человѣкъ и всегда оставляла нападающимъ на память смерть или пораненіе.

— Пора бы тебѣ одуматься, выходи замужъ, жениховъ не перечесть,—говорилъ ей отецъ.

— Не хочу идти замужъ, не найти мнѣ такого, какъ былъ у меня жинихъ, — отвѣчала Кора.

Отвѣтъ этотъ удовлетворялъ отца, и онъ не считалъ возможнымъ насиловать воли дочери.

Отвергая всѣ исканія жениховъ, Кора избѣгала общенія съ людьми, старалась быть наединѣ и проводить время въ глубинѣ балки, на берегу бушующей рѣчки, около могилы своего жениха, погребеннаго у небольшаго каменнаго зданія, напоминающаго своею архитектурою и сводчатымъ потолкомъ капище, которое всѣ жители чтили, охраняли и старались держать въ надлежащемъ порядкѣ. Посрединѣ этого зданія высилась небольшая ступенчатая изъ плитняка площадка, въ центрѣ которой двѣ обломанныя, грубо выточенныя изъ камня, человѣческія ноги заставляли думать, что онѣ принадлежали идолу, а возвышеніе само по себѣ съ остатками двухъ урнъ представляло что-то въ родѣ жертвенника. Старожилы мѣстности ничего обстоятельнаго о зданіи сказать не могли. Одни говорили, что это былъ у какихъ-то народовъ храмъ для человѣческихъ жертвоприношеній, но когда и въ какія времена—не знаютъ, а другія — что здѣсь заключена была какая-то стоявшая во главѣ воинственнаго народа героиня, наносившая страшныя пораженія враждебнымъ племенамъ и, наконецъ, побѣжденная и замкнутая въ зданіе на голодную смерть.

Кора спускалась изъ своего поселка къ капищу по выбитымъ въ скалѣ ступенькамъ и находила большое наслажденіе смотрѣть на бушующую рѣчку и на всю прилегающую къ капищу дикую мѣстность. Выдающіяся въ скалахъ колоссальныя каменныя глыбы подавляюще дѣйствовали на Кору, что гармонировало съ ея душевнымъ настроеніемъ. Глыбы, казалось, вотъ-вотъ рухнутъ и, потянувъ другія такія же глыбы, погребутъ подъ собою все русло рѣки, неугомонно ревущей и бѣшено несущей пѣнящіяся волны по острымъ порогамъ своего ложа. Кора любовалась, какъ рѣка рвется изъ береговъ, кипитъ, словно въ раскаленномъ котлѣ, и шумнымъ налетомъ набѣгаетъ на уступы скалъ, какъ бы желая уничтожить ихъ и пробить себѣ новый путь. Зеленовато-золотистые гребни волнъ представлялись Корѣ живыми человѣческими призраками, то скрывающимися въ клокочущей водѣ, то со стономъ выскакивающими на поверхность. Въ призраки она глубоко вѣрила точно такъ же, какъ вѣрила въ загробную жизнь и въ переселеніе душъ и возводила свои вѣрованія въ религіозный культъ. Погребенный у капища ея женихъ, думала она, не разлучается съ нею, что душа его имѣетъ съ ея душою постоянное общеніе, и что выйти замужъ безъ разрѣшенія умершаго она не имѣетъ права.

Съ винтовкою и холоднымъ оружіемъ Кора не разставалась. Это были охранявшіе ее друзья, никогда ей не измѣнявшіе.

Такъ прошелъ годъ ея одиночества, наступилъ другой, но живое воспоминаніе о женихѣ не сглаживалось у Коры. Разъ какъ-то подъ вечеръ она сидѣла у капища и, не обращая вниманія на окру-

жающіе предметы, мыслями вся отдалась самой себѣ; шумъ волнъ и сосредоточенность привели ее въ то состояніе, когда человѣкъ перестаетъ сознавать собственное я, собственное бытіе, когда внѣшній міръ въ эти минуты для него не существуетъ. При этомъ состояніи она не замѣтила, какъ подошли къ ней два человѣка, изъ коихъ одинъ былъ ея умершій женихъ, а другой совершенно незнакомый. На груди жениха зіяла чернымъ пятномъ рана, и изъ нея сочилась темно-красная кровь, лицо жениха было болѣзненно-блѣдное, вся одежда истрепана и окровавлена.

Ужасъ охватилъ Кору, она не могла шевельнуться и, оцѣпенѣвъ, не отрывала глазъ отъ умершаго.

— Слушай, Кора,—обратился къ ней женихъ,—трудно выразить мою признательность къ тебѣ за память и любовь, ты являешься исключеніемъ между всѣми женщинами, но прошу тебя забыть твоего жениха, онъ мертвъ, а мертвые не встаютъ...

— А какъ же ты?..—воскликнула Кора, не отрывая глазъ отъ умершаго.

— Я отошелъ въ вѣчность, я мертвецъ, и явился къ тебѣ просить избрать себѣ въ мужья вотъ этого молодого тушина. Разрѣшаю быть его женою, благословляю васъ, будь счастлива и также честна, какъ была до сихъ поръ. Прощай!

Видѣнье исчезло. Съ сильно бьющимся сердцемъ и дрожа, какъ въ лихорадкѣ, Кора вскочила съ мѣста. Отъ ужаса она не могла опомниться, не вѣрилось ей, чтобы это былъ сонъ; видѣніе и разговоръ такъ были явственны, такъ отчетливы, что сомнѣваться въ дѣйствительности не было возможности. Кора протирала себѣ глаза, озиралась вокругъ, всматривалась въ даль, но все напрасно, она была одна, мертвая тишина царила повсюду, нарушаемая лишь однообразнымъ шумомъ бурливой рѣки.

— Господи, что это такое!—проговорила она наконецъ, осѣняя себя крестомъ.—Нѣтъ! Не можетъ быть, чтобы это мнѣ приснилось! Тутъ совершается что-то непонятное, странное! Не первый же разъ мнѣ приходится быть одной? Когда же я теряла чуткость даже во время сна, а тутъ, быть можетъ, я только задремала...

Такъ думала Кора, продолжая озираться вокругъ, и долго бы простояла въ недоумѣніи, если бы шумъ и шелестъ въ кустѣ шиповника не обратилъ ея вниманія. Быстро приподнявъ винтовку и ставъ за могильную плиту жениха, она насторожила уши и устремила глаза въ кустъ.

Въ такомъ оцѣпенѣло-наблюдательномъ положеніи Кора, затаивъ дыханіе, стояла нѣсколько минутъ. Повторившійся шумъ листьевъ убѣдилъ Кору въ присутствіи кого-то за кустомъ. «Звѣрь это или человѣкъ, не знаю, думала она,— но кто-то есть»...

Вниманіе и зоркость Коры усилились, она не сводила глазъ съ куста въ ожиданіи появленія живого существа.

— Съ какимъ бы наслажденіемъ я уложила это живое существо, если бы оно оказалось лезгиномъ,—проговорила шепотомъ Кора, — да, это было бы человѣческое жертвоприношеніе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ послужило бы искупленіемъ смерти моего жениха и оправдало бы легенду о капищѣ.

Чуткость и зоркость не обманывали Кору, она между листьями шиповника замѣтила небольшое цвѣтное пятно, и этого достаточно было, чтобы убѣдить ее, что за кустомъ спрятался человѣкъ.

Заряда терять не надобно, — промелькнуло въ головѣ Коры, — слѣдуетъ безошибочно попасть въ это пятно, а иначе завяжется рукопашная...

Кора приняла болѣе выгодное положеніе, приложила къ плечу винтовку и стала цѣлиться въ намѣченный ея зоркимъ глазомъ предметъ, но почему-то у нея являлась нерѣшительность, что-то останавливало ее сдѣлать выстрѣлъ.

«Когда же я затруднялась передъ лезгиномъ? Что это за малодушіе и ребячество»,—подумала Кора и, приложивъ вновь прикладъ къ плечу, рѣшилась не щадить врага.

17-ти-лѣтняя дѣвушка съ прелестными очертаніями лица, стройная, какъ пальма, добросердечная, всегда между своими кроткая, ласковая и предупредительная, теперь обратилась въ хищнаго звѣря, теперь въ ней заглохло все человѣческое, она жаждала крови, жаждала видѣть предсмертныя страданія врага...

— Ты не уйдешь отъ меня,--злобно прошептала она и спустила курокъ.

Грохнулъ выстрѣлъ и перекатнымъ эхомъ отозвался въ ущельи. Что-то рухнуло и зашатало кустъ, а вслѣдъ за тѣмъ жалобный вопль огласилъ воздухъ,—вопль, произведшій на Кору потрясающее впечатлѣніе. Въ первый моментъ ею овладѣло недоумѣніе, а затѣмъ ужасъ охватилъ ее, и она со стономъ бросилась къ кусту.

Увидѣвъ обливающагося кровью брата Георгія, Кора перестала быть звѣремъ, всѣ хищные инстинкты исчезли, и она явилась женщиной, въ которой заговорили чувства состраданія, кровнаго родства и отвращенія къ своему поступку. Стоны и страданія брата приводили Кору въ отчаяніе, она рыдала, рвала на себѣ волосы, припадала къ лицу раненаго, цѣловала его, прикладывала руку свою къ грудной ранѣ страдальца, чтобы остановить обильно льющуюся кровь и умоляла его простить ей этотъ ужаснѣйшій поступокъ.

— Зачѣмъ вы сидѣли за этимъ кустомъ? — съ отчаяніемъ закричала Кора, обращаясь къ молодому тушину, суетившемуся около раненаго.

— Мы подходили къ тебѣ, — отвѣчалъ тушинъ, — но не рѣшались нарушать твоего сна...

— И, какъ воры, засѣли за кустомъ...

— Развѣ могли мы ожидать...

— Должны были ожидать потому, что у насъ на каждомъ шагу засады... Но теперь не до объясненій, бѣги въ деревню за народомъ...

Черезъ нѣсколько минутъ Георгій въ безсознательномъ состояніи былъ перенесенъ въ родную саклю.

Время подходило къ глубокой осени, проливные дожди обратили всѣ ручьи въ бурные потоки и рѣки, черезъ которые перейти или переѣхать возможно было съ большою опасностью; густыя тучи застилали небо, а плотный туманъ погружалъ поселокъ въ неприглядную мглу до такой степени, что не было видно и слѣдовъ поселка, точно его никогда и не существовало. Такое климатическое условіе усиливало бдительность хевсуръ, въ виду опасности внезапнаго нападенія на поселокъ враждебныхъ племенъ подъ прикрытіемъ тумана. У перекиднаго мостика стояли день и ночь сторожевые, наблюдая если не глазами, то чуткостью, которая никогда не вводила хевсуръ въ заблужденіе. Спущены были съ цѣпей и овчарки, замѣчательныя по силѣ и злости собаки, попасть которымъ на зубокъ было бы все равно, что обрекать себя заранѣе на явную смерть.

Памятна была эта осень для старшины Давида, онъ потерялъ любимаго сына. Рана Георгія оказалась смертельною, онъ день ото дня чахъ и послѣ долгихъ мученій умеръ, не обвиняя сестру въ своей смерти. Но Кора не могла забыть рокового случая; отъ горя и угрызенія совѣсти она не знала, куда уйти, гдѣ укрыться отъ глазъ людей и какъ успокоить себя; всюду преслѣдовала ее тѣнь брата, въ гибели котораго она не находила для себя оправданія; онъ снился ей каждую ночь, упрекая въ неосторожности, и при болѣзненномъ душевномъ возбужденіи представлялся нерѣдко и наяву. Роковое событіе воспроизводилось въ Корѣ такъ живо и отчетливо, что оно часто являлось точно совершающимся актомъ; зрѣніе и слухъ настолько были настроены и возбуждены, что въ каждомъ предметѣ видѣлся ей братъ, а въ шелестѣ листьевъ или въ вѣтеркѣ слышался жалобный стонъ его.

Односельчане Давида совѣтовали ему предоставить народному суду обсудить поступокъ дочери; тогда,—говорили они,—быть можетъ, она успокоится, а что народъ не поставитъ ей въ вину убійство, въ томъ не можетъ быть и сомнѣнія. Такъ и сдѣлалъ Давидъ, оповѣстивъ сосѣднія деревни о своемъ желаніи.

Старшины деревень не заставили себя долго ждать, они собрались на небольшой площадкѣ среди поселка для обсужденія злополучнаго поступка Коры, извѣстной лично каждому изъ старшинъ за выдающуюся героиню. Толпа хевсуръ окружала площадку въ нетерпѣливомъ ожиданіи народнаго суда, передъ лицомъ котораго

предстала 17-ти-лѣтняя миловидная дѣвушка, не такъ давно полная жизни и кипучей отваги, а теперь удручаемая гнетомъ страшнаго преступленія.

— Разскажи все подробно, какъ случилось это убійство,—обратился къ Корѣ одинъ изъ старѣйшинъ.

— Не хочу оправдываться, я виновата кругомъ въ братоубійствѣ, страданія мои велики, и едва ли возможно искупить мое преступленіе.

— Да, да, все это такъ, но отвѣчай на вопросъ, разскажи про несчастную случайность, намъ нужно знать всѣ подробности лично отъ тебя.

Кора съ волненіемъ и перерывами разсказала о роковомъ выстрѣлѣ.

— А были ли случаи, чтобы лезгины въ одиночку подходили къ вашему поселку близко?—спросилъ другой старшина.

— Очень часто,—отвѣчала Кора,—ходятъ и въ одиночку и по два и по три; не далѣе какъ два дня тому назадъ видѣли въ ущельи около капища двухъ лезгинъ.

— А ты лично наталкивалась когда нибудь въ ущельи на нихъ?

— Въ прошломъ году отбила у трехъ лезгинъ 4-хъ-лѣтняго ребенка изъ нашего поселка, а послѣ того встрѣчалась съ ними въ другихъ мѣстахъ.

— Скажи, Кора, хорошо ли ты стрѣляешь. Можешь ли въ ста шагахъ попасть изъ винтовки пулею въ шапку?

— Я забыла, когда давала промахъ изъ винтовки въ меньшій, чѣмъ шапка, предметъ.

— Сколько шаговъ отъ могилы твоего жениха до куста, гдѣ сидѣлъ въ злополучный день Георгій?

— Не болѣе 60-ти шаговъ.

— Волновалась ли ты передъ тѣмъ, какъ спустить курокъ?

— Нѣтъ.

— Въ рукахъ не было дрожанія и вообще ты была покойна, наводя цѣль на цвѣтное пятно?

— Никогда у меня не дрожатъ руки, когда я навожу винтовку въ непріятеля, но при этомъ выстрѣлѣ мною овладѣла безотчетная нерѣшительнось, которую я постаралась подавить...

— А послѣ выстрѣла ты волновалась?

— Не помнила себя, событіе казалось мнѣ невѣроятнымъ, но когда дѣйствительность открыла мнѣ глаза, я не могла опомниться, какъ не могу прійти въ себя до сихъ поръ...

— Твоимъ словамъ, Кора, мы вѣримъ, убѣждены, что ты ничего не прибавила и не убавила, вѣримъ потому, что въ нашемъ племени не понимаютъ слова «ложь». Хорошо, все, что нужно было намъ, мы узнали.

Послѣ этого разспроса старшины стали совѣщаться; совѣщаніе

длилось недолго: на всѣ доводы старшаго судьи возраженій остальныхъ не послѣдовало, а потому народный судъ вынесъ слѣдующее опредѣленіе:

— Мы обсудили это случайное убійство,—сказалъ глава народнаго суда, обращаясь къ Корѣ,—отрицать совершившагося факта, разумѣется, нельзя, нельзя и обвинять тебя въ умыслѣ совершить кровное убійство, но тѣмъ не менѣе судъ принялъ въ соображеніе, что ты очень хорошо владѣешь оружіемъ, хладнокровія передъ опасностью не теряешь, можешь помѣряться съ любымъ лезгиномъ, если не силою, то ловкостью и искусствомъ, а слѣдовательно стрѣлять въ какое-то цвѣтное пятно ты не имѣла нравственнаго права. Если ты предполагала за кустомъ врага, то должна была вызвать его оттуда или выждать выхода и затѣмъ уже дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, то-есть убить, какъ врага, или обнять, какъ брата. Твоя необдуманность, или, лучше сказать, торопливость, повлекла за собою роковой случай. Эту торопливость мы назвали бы трусостью, если бы не знали отваги всей твоей семьи, включая туда и тебя. Покарать тебя можетъ не людской, а Судъ Божій! Иди домой и постарайся будущими дѣлами искупить свой грѣхъ! Мы кончили, пусть настоящій случай послужитъ урокомъ и для всѣхъ васъ,—обратился старѣйшина къ народу,—при какой бы опасности вы ни были, обязанность ваша обдумать каждое дѣйствіе, каждый свой шагъ, въ особенности же тамъ, гдѣ этотъ шагъ можетъ повлечь за собою смерть!

Толпа, при глубокомъ молчаніи, стала расходиться по домамъ, ушла, понуря голову, и Кора, но не въ родную семью, а въ ущелье къ могиламъ жениха и брата. Тамъ долго она молилась, долго, стоя на колѣняхъ, изливала свое горе и раскаяніе передъ мертвыми и затѣмъ ушла невѣдомо куда.

Въ поселкѣ ее ожидали недѣлю, двѣ, ожидали въ теченіе года, двухъ и наконецъ послѣ пяти лѣтъ стали поминать ее, какъ покойницу, глубоко убѣжденные, что сложила она свою буйную голову въ какой нибудь стычкѣ съ лезгинами. Убѣжденіе это образовалось въ народѣ въ силу того давнишняго обычая, что подобнаго рода нечаянныя преступленія искупались беззавѣтною отвагою и смертью въ стычкѣ съ враждебнымъ племенемъ; убѣжденіе подтверждалось еще и тѣмъ, что на берегу рѣки Аргуна найденъ былъ человѣческій скелетъ, около котораго усмотрѣли часть ожерелья, очень похожаго на ожерелье Коры. Скелетъ былъ перенесенъ хевсурами въ поселокъ и погребенъ при стеченіи народа въ ущельи, рядомъ съ могилами Георгія и жениха Коры.

II.

Первая половина сороковыхъ годовъ на Кавказѣ выходила изъ ряда обыкновенныхъ лѣтъ по тѣмъ неособенно удачнымъ военнымъ дѣламъ, которыя заняли бы въ лѣтописяхъ военной исторіи не важную страницу и являлись бы чѣмъ-то въ родѣ клякса на бѣломъ фонѣ, если бы ихъ не оправдывали препятствія, встрѣчавшіяся войскамъ на каждомъ шагу въ борьбѣ съ природою Кавказа, заселеннаго фанатическимъ народомъ. Солдатъ и офицеръ тогдашняго времени представляли что-то необычайное и сказочное по своей замѣчательной дисциплинѣ, покорности и рабскому подчиненію всѣмъ случайностямъ войны. Бывали не разъ случаи, что путь для доставки транспорта съ провіантомъ отрѣзывался отъ отряда непріятелемъ, послѣдствіемъ чего являлся голодъ, солдаты цѣлыми недѣлями не видѣли сухарей, опухали отъ голода, слабѣли до того, что падали на ходу и умирали, но обвинять кого либо, роптать на участь, жаловаться—все это было чуждо военнослужащему, а при такой безропотности и высокомъ духѣ баталіонъ представлялъ страшную боевую силу и, казалось бы, въ состояніи былъ пройти опустошительнымъ и кровавымъ ураганомъ весь Кавказъ изъ конца въ конецъ, но эта сторона была только кажущаяся и обманчивая потому, что дикая природа Кавказа трудно поддавалась храбрости и человѣческимъ силамъ. Горы Кавказа, отвѣсныя скалы, пропасти, потоки, обращавшіеся въ бурныя рѣки при весеннемъ таяніи снѣговъ, и главнѣе всего отсутствіе путей представляли сами по себѣ твердый оплотъ и выгодную защиту горнымъ племенамъ, являвшимся при такихъ условіяхъ упорными противниками намъ на каждомъ шагу, а въ особенности, когда мюридизмъ достигъ высокой степени своего развитія, и когда племена, увлекаемыя священою войною, довели свою отвагу до безусловнаго безумія. Бывали нерѣдко случаи, что одинъ горецъ съ обнаженнымъ кинжаломъ бросался на цѣлый баталіонъ и, поранивъ двухъ-трехъ человѣкъ, попадалъ на штыки. Такая смерть приносилась во имя вѣры и священной войны, обязывавшихъ не щадить своей жизни, чтобы заслужить имя праведника и попасть въ рай Магомета. Каждый бугоръ, камень, кустъ, непріятельская хата, прежде чѣмъ овладѣть ими, обильно упитывались русскою кровью. Шамиль умѣлъ разжечь религіозный фанатизмъ въ подвластномъ ему народѣ и тѣмъ оттянулъ покореніе Кавказа на двадцать лѣтъ. Отвага, впрочемъ, горцевъ не имѣла бы для нашихъ отрядовъ особенно выдающагося значенія, если бы у насъ были какія нибудь не дороги, а тропы, по которымъ возможно провести обовьюченную лошадь съ провіантомъ и горнымъ орудіемъ. Вотъ въ этомъ-то отсутствіи всякаго путеваго сообщенія и заключалось затрудненіе и медленность покоренія Кавказа. Под-

нимаясь до водораздѣльнаго хребта и затѣмъ спускаясь съ высотъ, отряду неизбѣжно приходилось прорубать во многихъ мѣстахъ тропу, разумѣется, на скорую руку и на ходу, чтобы не замедлять движенія отряда и безъ того черепашьимъ шагомъ двигающихся колоннъ. Такая тропа была не безопасна для обовьюченныхъ лошадей, неосторожный шагъ которыхъ по тропѣ влекъ за собою неминуемую гибель. Трудно представить себѣ поразительнѣе зрѣлище, когда лошадь съ орудіемъ и люди, сопровождающіе лошадь, сорвутся съ тропы и летятъ въ зіяющую пропасть въ двѣсти-триста саженъ глубиною. Надобно быть бездушнымъ, чтобы не содрогнуться передъ такою страшною картиною. Лошадь, обовьюченная горнымъ орудіемъ или лафетомъ, ведется по тропѣ въ поводу, а другой человѣкъ держитъ ее за хвостъ, чтобы лошадь не дѣлала малѣйшаго уклоненія въ сторону. Если орудіе или лафетъ какъ нибудь толкнутся о скалу, въ которой прорублена тропа, или задѣнутъ за уступъ скалы, то лошадь, а нерѣдко и люди летятъ въ пропасть. и, разумѣется, достигаютъ до подошвы горы въ неузнаваемомъ видѣ Быть зрителемъ этого страшнаго полета, знать, что помочь несчастнымъ нельзя, и что такой полетъ есть не что иное, какъ безусловная смерть,—перевертываетъ въ свидѣтелѣ всю душу, и онъ съ ужасомъ, съ замираніемъ сердца и съ затаеннымъ дыханіемъ, не можетъ почему-то оторвать глазъ отъ летящихъ жертвъ. Само собою разумѣется, никому и въ голову не придетъ вопросъ о томъ, живы ли люди, слетѣвшіе въ кручь.

— Веревокъ и кирокъ!—раздается голосъ въ рядахъ идущей части войскъ, и черезъ три-четыре минуты команда съ кирками и веревками, цѣпляясь за уступы скалы, спускается къ подошвѣ горы, чтобы въ ущельи зарыть растерзанныхъ солдатъ — пермяка, тамбовца или уроженца какой либо иной губерніи, а веревками потянуть орудіе на путь, гдѣ идутъ наши войска.

1843 годъ памятенъ по страшной рѣзнѣ въ Чечнѣ въ Ичкеринскомъ лѣсу, гдѣ нашъ отрядъ, замкнутый со всѣхъ сторонъ, выказалъ чудеса храбрости, но понесъ значительный уронъ и въ результатѣ никакой пользы не извлекъ [1]). Въ 1845 году, во время похода извѣстнаго подъ именемъ сухарной экспедиціи, отрядъ точно также былъ окруженъ въ томъ же лѣсу остервенѣлымъ непріятелемъ, не допускавшимъ въ отрядъ транспорта съ сухарями и лѣзшимъ въ рукопашный бой на отрядъ днемъ и ночью съ изумительною свирѣпостью [2]).

Въ 1845 году, чтобы вырваться изъ этого кроваваго круга, надобно было употребить много силъ, стойкости, энергіи и много пролить крови. Непріятельскія племена громадными скопищами стекались

[1]) Въ главѣ отряда стоялъ генералъ Гурко.

[2]) Въ главѣ отряда стоялъ свѣтлѣйшій князь Воронцовъ.

со всѣхъ сторонъ Кавказа и, сосредоточиваясь въ Ичкеринскомъ лѣсу, сжимали нашъ отрядъ все болѣе и болѣе въ тѣсный кругъ, давая такимъ образомъ намъ почувствовать свою силу и видимо желая поголовно уничтожить отрядъ. Всѣ русскіе отряды на другихъ пунктахъ Кавказа, по полученіи свѣдѣнія о критическомъ положеніи Чеченскаго отряда, форсированнымъ маршемъ ворвались во всѣ владѣнія враждебныхъ намъ племенъ, чтобы отвлечь непріятеля отъ Ичкеринскаго лѣса. Въ числѣ такихъ отрядовъ былъ и Лезгинскій, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Шварца, состоявшій изъ гренадерскихъ баталіоновъ—Эриванскаго, Мингрельскаго и Тифлисскаго полковъ, пѣшихъ нижегородскихъ драгунъ, пѣшей тушино-пшаво-хевсурской милиціи, конныхъ уральскихъ и донскихъ казаковъ, команды саперъ, ракетнаго взвода и батареи горной артилеріи.

«Спѣши медленно»,—говоритъ старая поговорка, но лезгинскій отрядъ не могъ придерживаться этой поговорки, и на первыхъ же шагахъ у него первый блинъ вышелъ комомъ.

Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца отрядъ поднялся въ горы съ обычными затрудненіями и на пути если и встрѣчалъ небольшія партіи горцевъ, то такая встрѣча не сопровождалась стычками; непріятель старался уклоняться отъ нашихъ выстрѣловъ и углублялся далѣе въ горныя трущобы, испуганный или завлекавшій насъ. Послѣднее предположеніе оказалось болѣе вѣрнымъ. На третій день мы шли по узкому Рогноорскому ущелью, по которому протекалъ быстрый и шумный потокъ Рогнооръ, а обѣ стороны ущелья замыкались высочайшими совершенно оголенными крутыми горами Кехъ и Рогнооръ. На Кехской высотѣ появившаяся партія горцевъ не давала намъ покоя своими мѣткими изъ винтовокъ выстрѣлами, для разсѣянія которой посланы были по одной ротѣ отъ эриванцевъ, мингрельцевъ и тифлисцевъ, эскадронъ нижегородскихъ драгунъ и сотня тушино-пшаво-хевсурской милиціи.

Очистить Кехскія высоты отъ непріятеля не такъ было легко, какъ казалось вначалѣ: на всемъ склонѣ ихъ, ближе къ хребту, обнаружилось одиннадцать каменныхъ барикадъ, за которыми засѣвшій непріятель хотя и храбро отстаивалъ каждую барикаду, но это отстаиваніе длилось не болѣе 15—20 минутъ. Мы, при ничтожной потерѣ людей, дружно взяли 10 заваловъ, но за то одиннадцатую барикаду на самомъ хребтѣ намъ не пришлось брать приступомъ. Она у насъ была всего рукой подать—въ 40 саженяхъ, казалось бы, дружное «ура» и въ штыки, и конецъ бою, но обстоятельства сложились иначе, и въ силу ихъ мы принуждены были обратиться изъ нападающихъ въ защищающихся, при крайне невыгодныхъ и не преодолимыхъ условіяхъ, приведшихъ насъ въ какое-то отупѣніе: мы всѣ точно одурѣли и потеряли сознаніе, да и было отчего потеряться, когда на ряды наши полетѣли спущенныя съ гребня горы трехъ-четырехъ-саженныя бревна и градъ полновѣсныхъ 5—6-ти пудовыхъ

камней, которые съ грохотомъ и страшною силою, стремительно скатываясь по рыхлому наклону горы и вырывая по пути стремленія глыбы земли съ камнями, уничтожали все встрѣчающееся имъ на пути и обращали людей въ какіе-то безформенные куски человѣческаго мяса. Эта всесокрушающая сила каменной лавы съ землею и бревнами, сгустившая воздухъ до того, что не было видно человѣка на разстояніи аршина, представляла что-то необычайное и стихійное, потрясающее все существо человѣка, приводящее его въ такой ужасъ, что онъ не могъ сознавать—гдѣ онъ, что онъ и что творится вокругъ него. Вслѣдъ за такимъ разрушительнымъ обваломъ раздался залпъ изъ семи тысячъ ружей, а за роковыми выстрѣлами непріятельское скопище, въ семь разъ большее насъ численностью, съ остервенѣніемъ бросилось въ рукопашный бой. Наступила безпощадная и ужасная рѣзня, наступило поголовное убійство ошеломленныхъ людей, которые по чувству самосохраненія выказывали что-то похожее на самозащиту. Волнами накидывался на насъ непріятель; въ насыщенномъ пылью и кровью воздухѣ мелькали прыгающіе, какъ хищные звѣри, изувѣры и наносили кинжалами удары направо и налѣво. Безропотно умирали русскіе воины на Кехскихъ высотахъ, обильно упитывая ихъ своею кровью, нежданно и негаданно попали они въ эту адскую вакханалію, памятную для оставшихся въ живыхъ, въ числѣ которыхъ нахожусь и я, пишущій эти печальныя строки. Если бы во время не подоспѣла къ намъ выручка изъ отряда и если бы милиція, по счастливой случайности, не уклонилась въ сторону отъ пути, гдѣ шла штурмующая колонна, никто изъ насъ не остался бы въ живыхъ. Благодаря такой случайности, отстранившей милицію отъ каменнаго обвала, она сохранила свои силы и послужила намъ большимъ подспорьемъ къ отраженію непріятеля. Прибывшее подкрѣпленіе и милиція сильнымъ напоромъ остановили бойню людей, и непріятель, будучи нажатъ, отступилъ, а затѣмъ обратился въ бѣгство. Въ особенности милиція, во главѣ которой стоялъ извѣстный по своей отвагѣ хевсуръ Давидъ Хромой, выказала чудеса храбрости, быстро налетая на отступающаго непріятеля и въ свою очередь немилосердно уничтожая враговъ. Давидъ, руководя своею сотнею, захватилъ въ плѣнъ предводителя скопища Моллу-Ахмета.

Первый актъ кровавой драмы этимъ и закончился, все какъ будто успокоилось: въ сумерки по склону горы забѣгали команды для подборки раненыхъ и для погребенія убитыхъ. Мертвыхъ находили чуть не у подошвы горы, увлеченныхъ туда каменною лавою. Стали хоронить обычнымъ въ походѣ порядкомъ убитыхъ, а раненыхъ переносить къ мѣсту стоянки отряда. Этотъ актъ нашихъ дѣйствій не былъ такъ ужасенъ, какъ первый, но не могъ не вліять удручающимъ образомъ на насъ, утомленныхъ и съ расшатанными уже нервами; при подняти раненыхъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ были

оторваны ноги, у другихъ руки, третьи изувѣченные сидѣли, истекая кровью, но у каждаго была жизнь, правда, не долгая, минуты ихъ были сочтены, часъ два, и они пойдутъ въ землю, но нельзя же было оставлять ихъ безъ помощи...

Закончился этотъ злосчастный день третьимъ случаемъ, о которомъ я скажу въ заключеніе, а теперь перейду къ краткому наброску дальнѣйшихъ дѣйствій отряда, краткому потому, что задача моя заключается въ передачѣ только эпизода минувшей кавказской войны, а не въ послѣдовательномъ изложеніи военныхъ дѣйствій.

Послѣ ночевки у Кехскихъ и Рогноорскихъ высотъ отрядъ двинулся дальше въ глубь горъ, останавливаясь лишь для часового отдыха и ночлеговъ. Вначалѣ на пути нашего шествія мы осаждались малочисленнымъ непріятелемъ, но чѣмъ далѣе подвигались, тѣмъ болѣе увеличивалась непріятельская сила, что доказывало отвлеченіе непріятеля отъ Чечни и Ичкеринскаго лѣса. Каждую пядь земли непріятель отстаивалъ съ изумительнымъ упорствомъ и отвагою, въ особенности же насѣдалъ на арьергардъ и доводилъ свой напоръ до дерзости, но отрядъ шелъ впередъ опустошительнымъ ураганомъ. Мы прошли общества: Дидо, Анцухъ, Анкракль, Богнада, и другія горныя племена, сжигали по пути аулы, уничтожали людей и истребляли все встрѣчающееся намъ на пути, имѣющее какое нибудь значеніе для жизни. Въ плѣнъ приказано было не брать и покорности не принимать на томъ основаніи, что всякая покорность горцевъ есть наглый обманъ. Громъ орудій и ружей, штурмъ ауловъ и повсемѣстное пламя горѣвшихъ деревень не прерывалось втеченіе четырехъ мѣсяцевъ; мы находились подъ постояннымъ ружейнымъ огнемъ, теряли, разумѣется, людей, но тѣмъ не менѣе на всемъ пути въ глубь горъ и обратно оставляли за собою широкую кровавую борозду, усѣянную непріятельскими трупами. За все это время наступленія и отступленія мы словно справляли тризну по павшимъ на Кехскихъ высотахъ нашимъ соратникамъ, и это грозное шествіе осталось надолго въ памяти горныхъ племенъ, необузданность и свирѣпость которыхъ поуменьшилась съ той поры настолько, что ближайшія къ нашимъ владѣніямъ поселенія перестали быть дерзкими и нагло обманывать насъ на каждомъ шагу.

Возвращаюсь къ Кехскому бою.

Послѣ боя, когда мы похоронили убитыхъ, отрядъ во избѣжаніе ночнаго нападенія поднялся по Рогноорскому ущелью на значительную высоту «Тамалда» и расположился лагеремъ на довольно обширной площади, изборожденной разсѣлинами, въ глубинѣ которыхъ лежалъ снѣгъ и струилась отъ таянья снѣга вода. Тяжело было на душѣ у каждаго изъ насъ отъ кровавыхъ сценъ истекшаго дня; гнетущее настроеніе духа убивало всякую энергію и отнимало даже охоту говорить; чувствовалось что-то мучительное, подавляющее, какая-то ненормальность всего существа, лѣнь и равно-

душіо ко всему; нервы до того были напряжены и расшатаны, что каждый стукъ, громко произнесенное слово и даже шорохъ приводили въ содроганіе и заставляли оглядываться во всѣ стороны. Сырая погода еще болѣе усиливала наше мрачное настроеніе духа, небо заволакивалось черными тучами, гдѣ-то недалеко раздавались раскаты грома, гулко отзывавшіеся въ сосѣднихъ ущельяхъ; ползущій изъ Рогноорскаго ущелья туманъ густою пеленою покрывалъ всю лагерную площадь, на которой зажженные костры то мигали иногда изъ-подъ пелены тумана, то совершенно скрывались; люди въ лагерѣ автоматически двигались взадъ и впередъ въ полномъ безмолвіи, точно весь лагерь состоялъ изъ нѣмыхъ.

Въ 8 часовъ вечера передъ палаткою генерала Шварца стоялъ связанный по рукамъ тридцатилѣтній лезгинъ Абдулъ-Магома, казавшійся на видъ гораздо моложе своихъ лѣтъ. Выразительныя черты лица его выказывали твердую волю, рѣшительность, отвагу, умъ и что-то дерзкое и вызывающее, но вмѣстѣ съ тѣмъ лицо Абдула, на которомъ сквозь загаръ пробивался густой во всю щеку румянецъ, было въ высшей степени симпатичное и съ перваго же взгляда подкупало каждаго. Втеченіе нѣсколькихъ предшествующихъ лѣтъ Абдулъ выказывалъ, помимо преданности къ русскимъ и горячаго рвенія къ своему дѣлу, изумительную смѣтливость, находчивость и до того былъ сообразителенъ, что отъ удивленія разведешь бывало только руками. Онъ отлично зналъ дороги и каждый аулъ въ горныхъ трущобахъ, имѣлъ обширное знакомство во всѣхъ горныхъ племенахъ, доходившее до куначесктва, и умѣлъ обманывать горцевъ тѣмъ, что служилъ и имъ лазутчикомъ, вывертываясь изъ обмана такъ ловко, что въ продолженіе многихъ лѣтъ не лишался ихъ безусловнаго довѣрія. Очень часто онъ наводилъ наши войска на непріятельскія скопища врасплохъ и, понятно, скопища разбивались наголову, а иногда и совсѣмъ уничтожались. Словомъ этотъ безбородый красивый юноша-либимецъ всего отряда являлся какимъ-то необыкновеннымъ человѣкомъ и по своей заклятой враждѣ къ лезгинамъ трудно объяснимою личностью. Въ лицѣ такого замѣчательнаго лазутчика генералъ Шварцъ имѣлъ вѣрнаго, неоцѣненнаго и необходимаго указателя при каждомъ движеніи отряда.

Связанный Абдулъ-Магома стоялъ у генеральской палатки, не понуря, а высоко поднявъ свою красивую голову. Онъ пренебрежительнымъ взглядомъ окидывалъ иногда конвойныхъ солдатъ, сзади его торчавшихъ вытянутыми свѣчками. Бронзоваго отлива лицо его было неподвижно, черные на выкатѣ глаза, полные огня, блестѣли, какъ раскаленные угольки, и смотрѣли въ упоръ генералу Шварцу, сидѣвшему у дверей палатки на складномъ походномъ табуретѣ.

Мрачное лицо генерала ничего не обѣщало хорошаго связанному арестанту, заподозрѣнному въ измѣнѣ. По обѣ стороны генерала

стояли штабные офицеры, а далѣе виднѣлся дежурный казакъ и мѣрно расхаживающій съ боку палатки часовой.

— Ну, Абдулъ, не ожидалъ я отъ тебя измѣны, — произнесъ твердымъ и внятнымъ голосомъ генералъ, — ты оказываешься такой же мерзавецъ, какъ и всѣ твои единовѣрцы!

Ни одна фибра на лицѣ Абдула не шевельнулась, онъ казался покоенъ, точно не его, а другого кого либо, обвиняли въ такомъ страшномъ преступленіи.

— Ты слышишь, что я говорю тебѣ?

— Слышу, начальникъ, но понять не могу твоихъ словъ и не въ состояніи сообразить такого обвиненія.

— Я обвиняю тебя въ измѣнѣ!

— Никогда я не былъ измѣнникомъ, никогда не рѣшился бы обмануть тебя, начальникъ, и никогда не нарушилъ бы свою клятву— уничтожать всѣми возможными путями моихъ личныхъ враговъ-лезгинъ.

— Сегодняшній день доказалъ противное.

— Сколько лѣтъ я служилъ вѣрно, а сегодня ни съ того ни съ сего измѣнилъ...

— За прошлыя заслуги тебя награждали, ты имѣешь крестъ, медаль, а за нынѣшній день заслужилъ веревку, которую и долженъ получить.

— Воля твоя, начальникъ, я не только не заслуживаю веревки, но и никакого наказанія. Убить меня не долго, но убійство ни въ чемъ неповиннаго человѣка падетъ на твою душу, и едва ли твоя совѣсть оправдаетъ тебя.

— Ты смѣешь говорить мнѣ грубости!

— Это моя предсмертная исповѣдь. Во всю жизнь я былъ честнымъ человѣкомъ, смерти не боюсь, ищу ее много лѣтъ, сожалѣю только, что умру отъ руки русскихъ, которымъ я былъ преданъ всею душою и для которыхъ рисковалъ своею жизнью чуть ли не ежедневно.

— А какъ же ты не сообщилъ мнѣ о завалѣ на хребтѣ, какъ смѣлъ умолчать о заготовленныхъ бревнахъ и камняхъ? Тебѣ выгодно было скрыть такое важное обстоятельство?

— О завалахъ я говорилъ, о приблизительной численности непріятеля тоже, а о камняхъ и бревнахъ не сказалъ потому, что ихъ не было вчера въ полдень.

— А откуда же они взялись?—зло усмѣхнувшись, спросилъ генералъ.

— По ту сторону хребта строевой лѣсъ подъ бокомъ, а камень подъ ногами. Пять-шесть часовъ достаточно, чтобы соорудить вдвое больше того, что было у нихъ заготовлено при той силѣ, какую имѣлъ непріятель.

— На заготовку такой массы бревенъ надобно нѣсколько дней

и даже недѣль, а не нѣсколько часовъ. Кромѣ того, для заготовки требуется топоръ или пила, а у горцевъ этихъ орудій подъ рукою быть не можетъ, слѣдовательно ложь твоя очевидна, и, наконецъ, зачѣмъ ты повелъ меня именно этою дорогою, развѣ не было другихъ?

— Были и другія, но ты, начальникъ, самъ сказалъ мнѣ, что тебѣ нуженъ сокращенный путь, по которому я и велъ отрядъ; другія дороги скверныя и обходныя потребовали бы лишнихъ четырехъ-пяти дней, о чемъ я сообщалъ тебѣ.

— Врешь, негодяй, ты изворачиваешься, каждое мое слово грубо опровергаешь, на все у тебя готовъ отвѣтъ. Гм! Если я не накажу тебя, то меня будутъ обманывать на каждомъ шагу.

— Что же дѣлать, коли не вѣришь, значитъ такова судьба моя!

— Ты заслуживаешь за нынѣшній день смерти.

— Со смертью моею ты лишишься честнаго человѣка и вѣрнаго проводника, власть твоя велика, и ничего удивительнаго не будетъ, если такой большой человѣкъ убьетъ такого маленькаго человѣка. Но Богъ и совѣсть стоятъ выше всякой власти...

— Гмъ! Онъ, онъ точно тѣшится моими словами,—нервно обратился генералъ къ штабнымъ офицерамъ,—онъ думаетъ, что я шучу съ нимъ, и не хочетъ вѣрить, что будетъ болтаться на сучкѣ, онъ бравируетъ своимъ положеніемъ, убѣжденный, что такую драгоцѣнность и замѣнить ничѣмъ нельзя. Отошлите его къ командиру милиціи съ приказаніемъ повѣсить немедленно, чтобы другимъ не повадно было.

Послѣ этихъ грозныхъ словъ смертнаго приговора, генералъ всталъ съ табурета, круто повернулся и быстро вошелъ въ палатку, полы которой запахнулъ дежурный казакъ. Но вслѣдъ за этимъ изъ палатки раздался голосъ: «начальника штаба».

Казакъ опрометью бросился къ палаткѣ начальника штаба передать приглашеніе генерала.

Точно также круто повернулъ отъ палатки генерала Абдулъ-Магома, сопровождаемый конвоемъ солдатъ, къ высотѣ, гдѣ, занимая передовые посты, стояла сотня тушино-пшаво-хевсурской милиціи.

У шалаша Давида, сооруженнаго на скорую руку изъ бурокъ, горѣлъ большой костеръ, вокругъ котораго сидѣли милиціонеры, передавая другъ другу впечатлѣнія дня. И они лишились въ Кехскомъ бою многихъ сотоварищей, но сколько жертвъ пало отъ рукъ храбрыхъ тушино-пшаво-хевсуръ, трудно опредѣлить,—можно только сказать, что хевсурское знамя съ надписью: «Не встрѣчайся съ нами, если дорожишь жизнью», оправдало свое наименованіе.

Между милиціонерами шелъ оживленный разговоръ о томъ, не измѣна ли послужила нашему отряду причиною подвергнуться такой напасти, какъ каменный обвалъ съ бревнами. Давидъ держался мнѣнія, что это непремѣнно измѣна, иначе какъ же вести войска на очевидную бойню.

— Да, — подтвердилъ одинъ изъ старѣйшихъ воиновъ,—разумѣется, измѣна лазутчиковъ, давшихъ фальшивыя свѣдѣнія съ цѣлью истребленія отряда! Лезгинамъ вѣрить нельзя, они люди коварные: говорятъ одно, а думаютъ и дѣлаютъ другое.

— Трудно на чемъ нибудь иномъ и остановиться,—высказался третій,—не разъ лазутчики вводили насъ въ обманъ; перевѣшать бы ихъ всѣхъ! Слава Богу, что тебѣ, Давидъ, пришла мысль обойти одиннадцатый завалъ; такой обходъ заставилъ нашу сотню уклониться въ сторону, иначе не миновать бы и намъ той участи, какой подверглись войска отъ страшнаго обвала.

— Я съ тобой одного взгляда,—согласился Давидъ,—генералъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы хоть одного лазутчика вздернулъ на дерево. Примѣръ былъ бы поучителенъ!

Разговоръ милиціонеровъ былъ прерванъ подошедшимъ къ костру унтеръ-офицеромъ.

— Гдѣ вашъ командиръ? — произнесъ онъ, обращаясь къ сидѣвшимъ у костра.

— Что тебѣ? Я—командиръ сотни,—поднимаясь съ земли, отвѣчалъ сѣдовласый Давидъ.

— Принимайте отъ меня арестанта, лазутчика, по милости котораго пострадалъ нашъ отрядъ. Генералъ приказалъ повѣсить его немедленно.

Давидъ взглянулъ на арестанта, обвелъ его глазами съ ногъ до головы и, обратясь къ милиціонерамъ, приказалъ принять арестанта.

— Доложи генералу, что казнь будетъ совершена, но дѣло въ томъ, какъ же его повѣсить, когда здѣсь нѣтъ не только дерева, но и куста. Не посылать же арестанта внизъ, откуда отрядъ принесъ дрова?

— Можетъ быть, приказано его застрѣлить?

— Нѣтъ! Я слово въ слово передаю вамъ приказаніе генерала: «повѣсить немедленно». Застрѣлить нельзя, это по нашему военному закону смерть почетная, а повѣсить—совсѣмъ другое дѣло.

— Ну, такъ изрубить, можетъ быть?

— Опять таки повторяю: «повѣсить»,—раздраженно пояснилъ унтеръ-офицеръ и, повернувъ конвой, скрылся въ туманѣ.

«Если бы казаки были вооружены пиками, я бы взялъ у нихъ три длинныя палки и на треножникѣ сумѣлъ бы вздернуть приговореннаго, а то какъ нарочно они безъ пикъ»,—думалъ Давидъ и никакъ не могъ рѣшить, какъ быть и что дѣлать.

— Идите,—сказалъ наконецъ Давидъ, обращаясь къ милиціонерамъ,—въ составѣ 15-ти человѣкъ по дорогѣ къ ущелью и посмотрите, не отыщется ли гдѣ дерево.

Арестантъ подъ надзоромъ милиціи остался у костра. Онъ ясно видѣлъ, что минуты его сочтены, и зналъ очень хорошо, что начальникъ отряда словъ попусту не бросаетъ. Покорно сталъ ожидать

онъ казни, сердце его усиленно билось, кровь приливала къ головѣ, глаза, устремленные на костеръ, подернулись слезою; еще минута—и крѣпкая натура Абдула не выдержала: слезы крупными каплями оросили лицо несчастнаго,—слезы тихія, безъ всхлипыванія, безъ рыданій, хватающія за душу и невольно внушающія сожалѣніе къ приговоренному.

— Въ чемъ провинился я,—шопотомъ сталъ говорить Абдулъ, ни къ кому не относясь,—за что такое позорное наказаніе, неужели десятилѣтняя моя дѣятельность и преданность ничего не заслуживаютъ, кромѣ издѣвательства надъ моимъ человѣческимъ достоинствомъ? Горькая судьба моя! Какая черная неблагодарность людей! Какое грубое насиліе!

— Чего рюмишь, точно баба, слезами не помочь дѣлу,—отнесся къ нему Давидъ.

— Да, Давидъ, я плачу, но мои слезы не выражаютъ трусости, смерти я не боюсь! Онѣ выражаютъ мое негодованіе къ людямъ, не умѣвшимъ оцѣнить меня! Я глубоко оскорбленъ несправедливостью...

— Ну, что толковать попусту, оправдывайся, какъ хочешь, а все же дѣла не исправишь, участь твоя рѣшена, ты долженъ проститься съ жизнью, это также вѣрно, какъ вѣрно то, что вся ваша проклятая нація—варвары, измѣнники и негодяи! Развѣ ты можешь служить исключеніемъ?

Суровость и упреки по отношенію къ преступнику были въ данномъ случаѣ не умѣстны. Давидъ чувствовалъ это и сознавалъ неправоту свою, но перенесенное недавно кровавое бѣдствіе, причиною котораго Давидъ считалъ измѣну лазутчика,—невольно вырывало у него грубые упреки.

— Давидъ,—гордо произнесъ Абдулъ,—ты обязанъ привести въ исполненіе смертный приговоръ, но оскорблять меня едва ли имѣешь право по совѣсти и по долгу человѣка. Отъ тебя я ожидалъ сожалѣнія, а не глумленія надо мною.

— Гмъ! Сожалѣніе къ лезгину! Ну, хорошо, а что же толку въ моемъ сожалѣніи?

— Очень много толку! Во-первыхъ, ты можешь облегчить мое мученіе.

— Какимъ это образомъ?

— Прикажи развязать мнѣ руки, онѣ сильно затекли у меня, веревки врѣзались въ тѣло.

— Потерпишь!

— Ради Бога развяжи! Каяться не будешь, я покажу тебѣ одну вещь и скажу два-три слова на ухо, послѣ чего ты, быть можетъ, будешь менѣе суровъ.

— Развязать руки измѣннику? Другими словами дать тебѣ свободу и возможность юркнуть въ туманъ? Ишь какой ловкій плутъ, хитро придумалъ, но меня, старика, не проведешь...

— Храбрый Давидъ, извѣстный всему хевсурскому народу, опасается безоружнаго человѣка, окруженнаго толпою милиціонеровъ; отважный и закаленный въ бою воинъ боится, чтобы несчастный бездомный преступникъ не бѣжалъ отъ него. Нѣтъ, ты не Давидъ! Я ошибся! Ты самозванецъ, трусъ и безсердечный палачъ, способный только вѣшать людей по приговору начальства! Я, приговоренный къ смерти, считаю себя выше тебя! Стыжусь, что обратился съ просьбою къ трусливому человѣку, и не прощу себѣ такой необдуманный шагъ!

Слова Абдула произвели сильное впечатлѣніе на Давида. Онъ былъ пораженъ отважными, доходившими до дерзости словами преступника.

Какой, однако же, кремень этотъ юноша,—думалъ Давидъ! Какое мужество и пренебреженіе къ жизни! Нельзя не удивляться такой замѣчательной личности.

За этими промелькнувшими мыслями, Давиду совѣстно стало, что онъ рѣзко и грубо поступаетъ съ арестантомъ. Добросердечіе и честность, доходившая у Давида до рыцарства, заставили его раскаяться въ своей суровости. «Каждый можетъ обидѣть этого несчастнаго,—думалъ Давидъ:—онъ безоруженъ, связанъ и сейчасъ умретъ. Глумиться надъ такимъ человѣкомъ и его положеніемъ, оскорблять его и показывать ему свою власть и силу есть смертный грѣхъ. Я виноватъ передъ нимъ, виноватъ передъ Богомъ и совѣстью, а потому, что возможно сдѣлать для него, я сдѣлаю. Онъ проситъ развязать ему руки, почему же не развязать?»

И съ этимъ добрымъ намѣреніемъ Давидъ подошелъ къ арестанту.

— Ты желаешь, чтобы я развязалъ тебѣ руки?

— Да, желаю!

— Ну, хорошо, развяжу, чтобы показать тебѣ, что я не такой безсердечный, какъ ты думаешь. Повернись! Да хорошенько повернись! Ишь затянули какъ! Узелъ такой, что, пожалуй, до утра провозишься. Зачѣмъ впрочемъ возиться съ узломъ, когда его можно перерѣзать!

Давидъ вынулъ маленькій ножъ изъ кинжальныхъ ноженъ и перерѣзалъ узелъ.

— Ну, вотъ и развязалъ, а что дальше?

— Постой, Давидъ, дай расправить отекшія руки.

— Хорошо, расправляй, садись, коли хочешь.

Окружающіе милиціонеры не сводили глазъ съ Абдула, опасаясь, чтобы онъ не убѣжалъ, а одинъ изъ нихъ сталъ сзади арестанта съ обнаженнымъ кинжаломъ.

— Благодарю, Давидъ, за доброе дѣло! Богъ вознаградитъ тебя за это! Теперь легко стало, и я могу разстегнуть воротъ.

— Зачѣмъ? Развѣ кровь бьетъ въ голову, хочешь воды?

— Нѣтъ! А вотъ зачѣмъ!

Абдулъ вынулъ что-то изъ-за пазухи и въ полуоткрытой рукѣ показалъ Давиду какую-то вещь.

Старикъ пристально взглянулъ на вещь, повернулъ ладонь Абдула къ свѣту отъ костра, еще разъ посмотрѣлъ на нее и ошеломленный, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ, отшатнулся назадъ. Затѣмъ быстрымъ скачкомъ очутился около арестанта, схватилъ его за руку и вновь сталъ вглядываться въ вещь, перенося взглядъ съ вещи на лицо Абдула.

— Что это? Богъ мой! Наяву или во снѣ! Крестъ! Благословеніе! Господи! Я, я сойду съ ума,— проговорилъ старикъ, припадая къ груди арестанта.

Абдулъ рыдалъ, какъ ребенокъ, и не стѣсняясь теперь показывалъ старику серебряный шейный крестъ, распятіе Христа.

— Да, да, вижу!—закричалъ Давидъ и, обнимая преступника, тоже зарыдалъ.

— Какъ же теперь быть? Что дѣлать? На что рѣшиться? Богъ мой, помоги мнѣ! Господи! Дожилъ я до такого счастья, счастья минутнаго: оно должно замѣниться сейчасъ страшнымъ горемъ, которое мнѣ, старику, не по силамъ вынести! Господи, помоги!

Такъ всхлипывалъ Давидъ, обнимая Абдула и прижимая его къ своей мощной груди, обуреваемой теперь двумя, повидимому, не совмѣстимыми чувствами — сильною радостью и глубокимъ горемъ.

При такомъ странномъ совпаденіи обстоятельствъ онъ сознавалъ свое полное безсиліе помочь преступнику, участь котораго была рѣшена; сознавалъ также, что передъ нимъ стоитъ не преступникъ, а совершенно неповинный человѣкъ — жертва недоразумѣнія или клеветы людей. Но какъ помочь рѣшенному уже дѣлу? Откуда почерпнуть доказательства невиновности жертвы, въ виду такого страшнаго событія, какъ сегодняшняя рѣзня на Кехскихъ высотахъ?

— Терять времени нельзя, каждая минута дорога,— прошепталъ Давидъ и, какъ утопающій хватается за соломинку, схватился за промелькнувшую въ головѣ его мысль...

— Не трогайте его до моего прихода, я сейчасъ приду,— проговорилъ старикъ и быстро скрылся въ темнотѣ по направленію къ штабу.

Милиціонеры окружили Абдула, стали осматривать его съ ногъ до головы и, не понимая происшедшей только что сцены, пришли къ заключенію, что глава ихъ рехнулся.

— Гдѣ начальникъ сотни?—закричалъ подскакавшій на конѣ штабный адъютантъ въ сопровожденіи казака.

— Куда-то ушелъ, онъ сейчасъ придетъ,— отвѣчалъ одинъ изъ милиціонеровъ.

— А преступникъ повѣшенъ?

— Нѣтъ! Вотъ онъ, висѣлицу надобно подготовить.

— Гм! Хорошо! Отыщите вашего сотеннаго, я подожду,— проговорилъ скороговоркой адъютантъ и, слѣзши съ коня, сѣлъ у костра вблизи стоявшаго и закрывавшаго лицо Абдула.

Давидъ между тѣмъ, добѣжавъ до палатки генерала Шварца, отъ усталости и сильнаго волненія упалъ у самыхъ дверей палатки; горло его сдавливали спазмы, онъ задыхался и безмолвно протягивалъ руки къ палаткѣ.

— Доложите,— вырвалось наконецъ у него изъ груди,— скорѣе Бога ради, доложите генералу принять меня! Умоляю...

Но докладывать не было надобности, генералъ стоялъ у распахнутыхъ дверей.

— Помилосердуйте, генералъ,— вопилъ Давидъ,— простите ему, онъ не виноватъ, видитъ Богъ, онъ преданъ всею душою вамъ и русскимъ! Сѣдою головою ручаюсь! Повѣсьте меня, если Абдулъ способенъ на измѣну, способенъ на такую низость! Пытайте меня, рѣжьте, рвите на клочки мое старое тѣло, жгите на медленномъ огнѣ, если Абдулъ окажется измѣнникомъ.

Такъ голосилъ, стоя на колѣняхъ и рыдая, Давидъ, и долго бы еще продолжалось оправданіе Абдула, если бы Шварцъ не остановилъ старика радостными словами:

— Встань, Давидъ, и успокойся, знаю, что Абдулъ не виноватъ, и сознаю теперь свою поспѣшность: Молла-Ахметъ вывелъ меня изъ заблужденія! Бревна были заготовлены изъ буреломника, въ 10-ти саженяхъ находившагося отъ непріятеля. Вѣрю Абдулу, за котораго ты такъ убиваешься, и радуюсь, что ты не успѣлъ привести приговоръ въ исполненіе. Скажи Абдулу, что я съ нынѣшняго дня съ еще большимъ довѣріемъ буду относиться къ нему, чѣмъ прежде. Встань, храбрѣйшій старикъ, успокойся и ступай отдыхать, а Абдулъ, чтобы завтра опять былъ около меня во все время похода. Я щедро его награжу!

Старикъ плакалъ отъ радости, благодарилъ, какъ умѣлъ, и видимо безпредѣльно счастливый бросился къ своей ставкѣ, гдѣ засталъ адъютанта, объявившаго ему приказаніе генерала не приводить въ исполненіе смертнаго приговора.

— Знаю, все знаю,—захлебываясь отъ радости, кричалъ Давидъ,— генералъ нашъ правосуденъ, немного погорячился, но все-таки лично разобралъ дѣло! Ты свободенъ, Абдулъ, переночуй здѣсь, а завтра утромъ явись къ генералу исполнять свою обязанность также честно, какъ исполнялъ прежде!

— Кому же я обязанъ спасеніемъ?—спросилъ Абдулъ.

— Своей честности и плѣнному наибу Молла-Ахмету, да что толковать теперь объ этомъ, я знаю, что ты свободенъ, радуюсь и за себя и за тебя, никто—какъ Богъ. Я и ты должны благодарить

Его! Я по заведенному обычаю осушу чару вина съ тобою и моими соратниками за здоровье нашего справедливаго и испытаннаго воина генерала Шварца. Подбросьте-ка дровъ къ костру и принесите бурдючекъ, надобно размять старыя кости и вспомнить молодость.

Во время такой жизнерадостной рѣчи команда милиціонеровъ, посланная отыскивать дерево, пришла съ извѣстіемъ, что въ ближайшихъ окрестностяхъ деревьовъ нѣтъ, и что церемониться съ преступникомъ едва ли......

— Ну васъ съ деревьями,—перебилъ рѣчь милиціонера Давидъ,— не нужно ихъ, не смѣйте болѣе и напоминать мнѣ объ этихъ вещахъ! Садись, Абдулъ, поближе ко мнѣ, намъ много есть о чемъ поговорить.

Ярко запылалъ костеръ, освѣщая бронзовыя лица весело и шумно разговаривающихъ милиціонеровъ; быстро переходилъ изъ рукъ въ руки азарпешъ (турій рогъ), наполненный виномъ, и осушаясь вновь наполнялся живительною влагою. Минувшій день канулъ въ вѣчность, впечатлѣнія кровавой стычки смягчились и стали отодвигаться назадъ; еще одинъ азарпешъ, и событіе дня покроется густою дымкою для глазъ отуманенныхъ головъ закаленныхъ воиновъ.

Взвилась огненною змѣйкою заревая ракета и, поколебавшись въ очищенной отъ тумана атмосферѣ, разсыпалась на тысячу мелкихъ брызговъ; грянуло съ грохотомъ заревое орудіе, и эхо отъ выстрѣла отозвалось волнообразными звуками въ ущельяхъ; не замедлили раздаться звуки рожковъ и барабановъ утренней зари, а за зарею загремѣлъ маршъ: «по возамъ».

Засуетился весь лагерь, освобожденный теперь отъ туманной пелены, все забѣгало, стали снимать палатки, вьючить лошадей, полоскать заспанныя лица, совершать утреннюю молитву, словомъ явилась дѣятельность, ожили люди—сонъ ободрилъ ихъ, стали въ ружье.

У костра милиціонеровъ, не спавшихъ всю ночь, не прекращался оживленный разговоръ и продолжался бы еще долго, если бы наступающее утро и барабанный бой не напомнили имъ о скоромъ выступленіи отряда.

— И такъ, Абдулъ,—произнесъ Давидъ,—ты даешь мнѣ слово, что въ нынѣшнюю осень вернешься?

— Даю клятву передъ Богомъ!

— Помни же свое слово, пора, пора одуматься, пора перестать быть тѣмъ, чѣмъ ты былъ до сихъ поръ, иди, явись генералу, ты у него глаза и уши.

— Да, надобно торопиться, явлюсь генералу и тотчасъ же постараюсь опередить отрядъ на 3—4 версты, чтобы побывать въ двухъ-трехъ непріятельскихъ аулахъ, гдѣ соберу свѣдѣнія о на-

мѣреніи непріятеля, о численности его и пунктахъ, на которыхъ онъ думаетъ встрѣтить нашъ отрядъ. Ночью постараюсь быть обратно и, разумѣется, приду къ тебѣ.

— Лошадь у тебя есть?

— Есть пара, ихъ водятъ въ поводу, потому что мнѣ мало приходится ѣздить, я хожу пѣшкомъ, въ горахъ удобнѣе, да и болѣе возможно скрыться въ случаѣ надобности.

— Не лучше ли тебѣ теперь же бросить свою обязанность?

— Нѣтъ! Еще четыре мѣсяца, и конецъ моей странствующей жизни. Прощай!

— Прощай, дорогой, береги себя!

Давидъ обнялъ Абдула и осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ.

Полчаса спустя, затарахтѣлъ фельдмаршъ, и отрядъ гуськомъ сталъ вытягиваться на ближайшую высоту.

Неясными силуетами вырисовывались ряды двигающихся солдатъ по горѣ; мѣрнымъ и твердымъ шагомъ шла извилистою змѣйкою масса людей туда дальше, въ глубину горъ, чтобы вновь натолкнуться на непріятеля, опачкаться человѣческою кровью и къ вечеру заняться погребеніемъ убитыхъ.

Не въ далекомъ разстояніи отъ горной вершины, на глазахъ всего отряда, едва замѣтно мелькала темная человѣческая фигура; она скорою поступью шла по тропѣ, легко перескакивала рытвины и наконецъ достигла вершины; красный кровянаго цвѣта солнечный лучъ восходящаго солнца освѣтилъ эту фигуру; въ разрѣженномъ горномъ воздухѣ она вырисовалась ясно и отчетливо и казалась чѣмъ-то сверхъестественнымъ. Это былъ Абдулъ-Магома. Еще минута, и красная фигура скрылась за вершиною.

У солдатъ установилось твердое убѣжденіе, что появившаяся на горѣ, въ видѣ человѣка, красная фигура есть не что иное, какъ призракъ, опачканный кровью, предсказывающій кровавыя событія въ той странѣ, куда направился онъ.

Послѣдующіе дни, недѣли и всѣ четыре лѣтнихъ мѣсяца оправдали слова солдатъ: огонь и безпощадное уничтоженіе людей не прерывались ни на минуту. Въ погромѣ однимъ изъ дѣйствующ лицъ, какъ вѣрный указатель, участвовалъ Абдулъ-Магома, самоотверженность и отвага котораго приводили въ изумленіе генерала Шварца.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ горахъ сталъ перепадать снѣгъ, окутывая бѣлою пеленою вершины, обильно посыпалась ледянистая крупа и пошли безпрерывные дожди, пронизывавшіе насъ до костей и обращавшіе маленькіе ручьи въ угрожающія рѣчки. Еще одна—другая недѣля, и дороги станутъ непроходимыми, медлить было нельзя, и мы направились восвояси. Весело и шумно отрядъ оставлялъ за собою горныя трущобы—сырыя, мрачныя и неприглядныя осенью. На десятый день мы уже вступили въ благодатную Кахе-

тію, гдѣ растительность въ полномъ цвѣту обдавала насъ одуряющимъ ароматомъ, и гдѣ умѣренная теплота воздуха живительно подкрѣпляла разстроенное здоровье отряда.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ отрядъ нашъ раздробили на части, изъ коихъ однѣ остались зимовать на Лезгинской кордонной линіи, другія направились въ штабъ квартиры полковъ, а третьи—въ разные отряды на зимнюю экспедицію.

Такъ закончился лѣтній походъ Лезгинскаго отряда въ 1845 году. Закончилась дѣятельность и Абдула-Магомы, явившагося подъ свой родной кровъ къ величайшей радости Давида, считавшаго себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, когда увидѣлъ онъ у своего очага неугомонную и буйную голову любимаго дѣтища. Жители поселка въ день возвращенія мнимаго Абдула въ родную семью ликовали до поздняго часа ночи и всѣмъ скопищемъ объявили Давиду, что дочь его Кора своими замѣчательными подвигами, трудами и страданіями сняла съ себя всякую нравственную отвѣтственность за убійство брата. Кора обратилась въ легендарную героиню; слава о жизни ея, богатой приключеніями и кипучею тревогой, разнеслась по всей странѣ, и каждый хевсуръ домогался посмотрѣть на эту выдающуюся красавицу-героиню, десять лѣтъ скрывавшую свой полъ подъ именемъ Абдула-Магомы.

В. Антоновъ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

ЕКЦІИ въ Московскомъ университетѣ, въ 1861 г., начались правильно и аккуратно 1-го сентября, такъ какъ были нѣкоторыя основанія полагать, что ихъ будетъ посѣщать наслѣдникъ цесаревичъ, только что окончившій свои частныя занятія съ профессорами: Буслаевымъ, Соловьевымъ, Бабстомъ и др. Я уже наканунѣ успѣлъ и внести плату (25 рублей за полугодіе), и получить видъ на жительство и входной билетъ, и даже пріобрѣсти росписаніе лекцій.

Я поступилъ въ университетъ изъ первой московской гимназіи, гдѣ окончилъ курсъ съ золотою медалью. Казалось бы, это были достаточно благопріятныя условія, чтобы чувствовать себя подготовленнымъ къ слушанію лекцій. Не тутъ-то было: я даже и въ росписаніи лекцій словеснаго факультета очень мало понялъ, такъ какъ нашелъ тамъ массу словъ, смыслъ которыхъ былъ для меня крайне теменъ: политическая экономія, статистика, славянское народописаніе, сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій, древности, конверсаторій и пр. Даже мнѣ на первомъ курсѣ и въ первый же день предстояло выслушать лекцію латинской стилистики; а въ чемъ могла состоять эта наука, я не имѣлъ ни малѣйшаго представленія. Дѣло въ томъ, что, не смотря на свою золотую медаль и на то, что я учился у хорошихъ учи-

телей, большей частію получившихъ образованіе въ томъ же Московскомъ университетѣ, въ отношеніи всякой университетской науки я былъ совершеннымъ невѣждою: мнѣ едва только минуло 16 лѣтъ; у меня не было ни одного знакомаго студента, да и самая программа тогдашней семиклассной гимназіи насъ къ филологіи совсѣмъ не подготовляла. Погречески мы вовсе не учились; полатыни мы имѣли съ IV по VII классъ включительно 4 урока въ недѣлю; даже древне-славянской грамматики мы не проходили и объ исторіи родного языка не имѣли ни малѣйшаго понятія. Откуда же у меня и у нѣсколькихъ моихъ товарищей могла явиться дерзкая мысль идти на филологическій факультетъ? Во-первыхъ, у насъ были очень хорошіе учителя исторіи и словесности. Нашъ историкъ (давно уже покойный Собчаковъ) былъ хорошъ во всѣхъ смыслахъ: живо разсказывалъ, умно спрашивалъ, выбиралъ лучшіе учебники и поощрялъ насъ къ чтенію историческихъ книгъ, такъ что Робертсонъ, Прескоттъ, Маколей, Тьери, Соловьевъ въ VII классѣ были для насъ уже свои люди. Словесникъ, нашъ любимѣйшій учитель, былъ хорошъ только для насъ: исполняя кое-какъ для проформы програму по плохимъ и отсталымъ министерскимъ учебникамъ, онъ читалъ съ нами и Шекспира, и Шиллера, и Бѣлинскаго; толковалъ съ нами и о былинахъ, и о гомеровскомъ вопросѣ; устроивалъ для насъ литературные вечера, для которыхъ мы исписывали кипы бумаги, разбирая Рудина и опредѣляя генезисъ фразерства на Руси. Какъ же было послѣ этого не стремиться къ изученію словесныхъ и историческихъ наукъ?

Кромѣ того, я лично былъ очень привязанъ къ добрѣйшему и ученѣйшему (хотя и на старинный ладъ) учителю латинскаго языка Якову Васильевичу Смирнову, который выучилъ меня довольно бѣгло читать Цицерона, прочелъ съ нами десятокъ одъ Горація и даже предложилъ желающимъ даромъ учиться у него послѣ классовъ погречески. Мы въ количествѣ 5—6 человѣкъ оставались очень охотно, много шалили и болтали, а погречески и выучились только читать и кое-какъ узнавать главнѣйшія формы. Въ университетскую жизнь я былъ посвященъ настолько мало, что наканунѣ начала лекцій напрасно ломалъ себѣ голову надъ росписаніемъ, стараясь опредѣлить значеніе сокращеній при именахъ профессоровъ: и. д. о. п., и. д. э. о. п. (исправляющій должность ординарнаго или экстраординарнаго профессора), и. д. а., пр. и т. д. Даже часы лекцій: X, XI и пр., я не такъ понялъ и пропустилъ первую лекцію Буслаева, думая, что она будетъ отъ 10 часовъ, тогда какъ она читалась въ 10-мъ часу, и это была моя первая непріятность въ университетѣ.

За то сколько мнѣ предстояло пріятностей въ этотъ же первый день моей новой жизни, 1 сентября 1861 года! Какъ сейчасъ, помню многія мелкія подробности. 2-й часъ читалъ тотъ же Буслаевъ

«Древнюю русскую словесность» въ большой словесной аудиторіи. Отыскавъ послѣднюю съ помощью кого-то изъ старыхъ студентовъ, я вошелъ въ ея «святыя стѣны», отражавшія когда-то звукъ голоса Грановскаго, видавшія въ себѣ Пушкина, нашелъ въ ней толпу до 300 человѣкъ (Буслаева были обязаны слушать и, дѣйствительно, охотно слушали—и юристы и математики) и почувствовалъ себя членомъ какого-то священнаго ордена, на который, какъ мнѣ казалось, вся Россія взираетъ съ ожиданіемъ всевозможныхъ благъ. Правда, мои почтенные собратья, повидимому, вовсе не были проникнуты чувствомъ собственнаго достоинства и представляли толпу весьма шумную и пеструю; въ этомъ именно году была отмѣнена форма, и ее было только дозволено донашивать еще одинъ годъ; но въ 16 лѣтъ шумная веселость кажется вездѣ умѣстною.

Великую радость доставляло мнѣ и неиспытанное до тѣхъ поръ чувство свободы въ средѣ товарищей. Гимназистомъ я бывалъ свободенъ дома; но тамъ было скучно, потому что я былъ одинъ; въ гимназіи, была жизнь, были товарищи, но не было свободы; всякій мой шагъ былъ регулированъ надзирателями и инспекторомъ. Теперь же я самъ пришелъ на лекцію, потому что захотѣлъ; если я уйду отъ нея, никто мнѣ не поставитъ abs'a, никто не потребуетъ отъ меня отчета. Я буду заниматься, чѣмъ хочу и сколько хочу. Даже за порядкомъ въ этой огромной толпѣ никто не смотритъ; она шумитъ, какъ море; но вотъ у дверей показался профессоръ, и она сама своею волею затихла, будто въ церкви.

Профессоръ пришелъ не спрашивать, не урокъ задавать; онъ, учитель нашего любимаго учителя, первый въ Россіи научный авторитетъ въ своей области, будетъ намъ излагать самое послѣднее слово науки! Какъ не закружится отъ гордости и самодовольства голова 16-ти-лѣтняго юноши?

И моя голова закружилась настолько, что первой половины лекціи я совсѣмъ не могъ понять, хотя она трактовала о предметѣ, мнѣ нѣсколько знакомомъ,—о былинахъ Владимирова цикла. Когда же я успѣлъ, наконецъ, сосредоточить свое вниманіе, форма изложенія Буслаева оказалась такъ изящна и въ то же время, такъ сказать, внушительна, что, слѣдя за нею и наслаждаясь ею, я опять таки упустилъ изъ виду часть содержанія.

Вотъ лекція кончилась; профессоръ сошелъ съ каѳедры, и толпа студентовъ окружила его. Я тоже примкнулъ къ ней, хотя и не могъ понять, откуда можно набраться такой смѣлости, чтобы заговорить съ знаменитымъ ученымъ. Да и о чемъ можно студенту заговорить съ нимъ?

Оказалось, что рѣчь идетъ о позволеніи литографировать его лекціи; Буслаевъ ничего не имѣлъ противъ этого и предложилъ будущимъ антрепренерамъ списывать его лекціи у него на дому (онъ читалъ по писанному) по пятницамъ, вечеромъ.

— Да и вообще, господа,—сказалъ онъ, возвышая голосъ,—если кто пожелаетъ получить какія либо разъясненія, указанія, совѣты относительно занятій, милости прошу ко мнѣ по пятницамъ, отъ 6-ти до 10-ти часовъ, съ слѣдующей же недѣли.

Господи! подумалъ я, какъ счастливы будутъ тѣ, у кого найдется достаточно смѣлости, чтобы воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Но я ни за что не пойду: куда мнѣ съ моей малограмотностью! Вдругъ Буслаевъ спроситъ что нибудь изъ своихъ лекцій, а я одну пропустилъ, а изъ другой почти ничего не понялъ.

Послѣ Буслаева, въ той же аудиторіи, почти при томъ же громадномъ количествѣ слушателей, читалъ профессоръ богословія Сергіевскій, красивый священникъ, съ необыкновенно мягкимъ, симпатичнымъ голосомъ. Но я уже успѣлъ откуда-то узнать, что богословіе навѣрно будетъ издаваться, и что это предметъ не факультетскій; постоялъ у дверей, выслушалъ первую фразу: «Богословіе есть наука о Богѣ; это слишкомъ обще, но пока довольно», и юркнулъ вмѣстѣ съ 2—3 другими студентами за дверь, съ намѣреніемъ промыслить себѣ гдѣ нибудь завтракъ.

Въ коридорѣ я встрѣтилъ товарища, который черезъ брата имѣлъ связи съ старыми студентами, и отъ него узналъ, что самый доступный способъ удовлетворенія голода—путешествіе за пирогами «подъ скрипку», куда онъ и свелъ меня.

Конечно, по существу между скрипкой и пирогами общаго ничего не было: надъ маленькой калиткой одного дома, кажется, въ Долгоруковскомъ переулкѣ, была на вывѣскѣ скрипка, а во дворѣ было заведеніе, гдѣ приготовлялись такъ называемые «городскіе» пироги съ мясомъ, рисомъ и проч., а также и съ вареньемъ, по 5 копеекъ пара. Помѣщенія для потребителей на мѣстѣ никакого не было, была просто кухня съ невыносимымъ чадомъ отъ вѣчно-кипящаго масла, въ которомъ въ $^1/_4$ минуты, если не меньше, приготовлялся пирогъ. Мы поглощали эту страшно горячую снѣдь безъ посредства какихъ либо орудій, кромѣ собственныхъ пальцевъ, и стоя въ полной аммуниціи, какъ евреи—пасхальнаго агнца. Неудобно, но за то дешево и сытно, а главное весело. Одно было не хорошо, далеко, въ 20 минутъ не успѣешь повернуть, въ особенности, если нѣтъ готовыхъ пироговъ, а насъ придетъ много. Въ слѣдующемъ году одинъ изъ университетскихъ служителей на «математическомъ подъѣздѣ» (на лѣвомъ боковомъ, если стоять лицемъ къ новому зданію университета) сталъ удачно соперничать со «скрипкой», пироги у него были гораздо хуже, но что за важность!

Первый часъ (отъ 12—1 часу) читалъ вышесказанную латинскую стилистику пр. (то-есть преподаватель) Клинъ въ «юридической внизу», исключительно для филологовъ 1-го курса. Юридической называлась (а, можетъ быть, и до сихъ поръ называется) эта кро-

хотная темноватая аудиторія со сводами, какъ lucus a non lucendo, оттого, что именно въ ней юристы никогда ничего не слушали[1]).

Вернувшись въ университетъ изъ «подъ скрипки» минутъ за 20 до начала лекціи, я рѣшилъ предварительно розыскать эту аудиторію (надписей надъ аудиторіями не полагалось) и обратился къ студенту, который одиноко прохаживался по корридору, вицъ-мундиръ на немъ былъ щегольской, но не новый; очевидно, это былъ не первокурсникъ.

— Позвольте узнать, гдѣ находится «юридическая внизу»? — спросилъ я его съ почтительнымъ поклономъ.

— Сейчасъ же въ концѣ корридора направо, пойдемъ-те, я васъ проведу къ ней. А вы — 1-го курса филологъ? Кого тамъ будете слушать?

— Латинскую стилистику у г. Кляна.

— А, знаю, я его также слушалъ, и мы съ нимъ большіе пріятели. Позвольте познакомиться, я филологъ 4-го курса А., сынъ такого-то (и онъ назвалъ одинъ изъ высшихъ чиновъ университетской іерархіи), а вы?

Я назвалъ себя и былъ глубоко проникнутъ тѣмъ, что филологъ 4-го курса, почти кандидатъ, такъ запросто бесѣдуетъ со мной (не то, что въ гимназіи, гдѣ ученикъ однимъ классомъ выше смотритъ на тебя, какъ Юпитеръ на лягушку), но былъ не мало удивленъ, что студентъ говоритъ, чей онъ сынъ, осуждать же его за это не осмѣлился.

— А Клинъ препотѣшный старикъ, — продолжалъ мой знакомый. — Онъ, надо вамъ сказать, нѣмецъ и водитъ дружбу съ нѣмцами. Вотъ разъ профессоръ Армфельдъ и пригласилъ его къ себѣ обѣдать...

И А. разсказалъ мнѣ длиннѣйшую исторію о какомъ-то обѣдѣ, который весь состоялъ изъ картофеля: супъ картофельный, пюре картофельное, жареный картофель, картофель съ сахаромъ и пр. Въ этой исторіи, на мой взглядъ, не было, что называется ни складу, ни ладу, ни малѣйшаго остроумія, а разсказчикъ между тѣмъ усердно смѣялся. Очевидно, моя неподготовленность и молодость всему виною: не можетъ же быть, чтобы филологъ четвертаго курса, да еще сынъ профессора, былъ такъ глупъ. Или онъ меня дурачитъ или въ его исторіи есть глубокій смыслъ и остроуміе, отъ меня скрытые.

Позднѣе дѣло разъяснилось. А., или «сахарная голова», какъ его прозвали товарищи (дѣйствительно, черепъ его кверху суживался), единственный сынъ умнаго или во всякомъ случаѣ очень ловкаго человѣка, былъ добрый малый, но глупъ феноменально. Отецъ его, нажившій медицинской практикой небольшое состояніе,

---

[1]) Названіе, безъ сомнѣнія, сохранилось отъ древнихъ временъ, когда юристовъ или политиковъ, какъ ихъ тогда называли, было очень мало.

далъ ему отличное образованіе; онъ свободно говорилъ пофранцузски, понѣмецки (говорилъ, конечно, глупости), зналъ основательно оба древнихъ языка, и хорошіе учителя какъ-то въ него вдолбили другіе предметы гимназическаго курса. Отецъ его остроумно разсчиталъ, что латынь и греческій, которые тогда были въ такомъ загонѣ, могутъ помочь его сыну именно на филологическомъ факультетѣ, гдѣ къ тому же студентовъ вообще берегли изъ-за рѣдкости ихъ. Кромѣ того, какъ разсказывали, отецъ прибѣгалъ иногда и къ такой военной хитрости: когда сыну предстоялъ рискованный экзаменъ, онъ подсаживался къ экзаменатору и начиналъ съ нимъ интересный разговоръ, напримѣръ, о предстоящихъ къ новому году наградахъ... Впрочемъ, можетъ быть, это и анекдотъ. А. кончилъ курсъ въ свое время, но только не кандидатомъ: онъ «срѣзался» на письменныхъ переводахъ, только недавно введенныхъ профессоромъ Леонтьевымъ; понимая значеніе каждаго отдѣльнаго слова, онъ кое-какъ переводилъ устно; а на бумагѣ полное отсутствіе смысла въ цѣломъ рѣзко бросалось въ глаза.

А. служилъ впослѣдствіи и «при архивахъ», и чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ, и вездѣ его добродушная, но непроходимая глупость дѣлала его мишенью всевозможныхъ дурачествъ со стороны товарищей и предметомъ озлобленія для его начальства.

Но возвращаюсь къ 1-му сентября 1861 года. За нѣсколько минутъ до начала лекціи А. благосклонно отпустилъ меня въ «юридическую внизу», гдѣ я со вниманіемъ сталъ осматривать своихъ будущихъ товарищей. Насъ было всего человѣкъ около 30, и въ томъ числѣ человѣкъ 10 въ вицмундирахъ; это были гимназисты по образованію, не привыкшіе къ штатскому и рѣшившіе воспользоваться льготнымъ годомъ, чтобы пощеголять синимъ воротникомъ, издавна внушавшимъ намъ зависть. Человѣкъ 5—6 были въ изящныхъ визиткахъ и сюртучкахъ; это были молодые люди домашняго образованія, выдержавшіе экзаменъ въ университетѣ. Было еще нѣсколько болгаръ и кавказцевъ, характерныя физіономіи которыхъ сами говорили за себя. Остальные человѣкъ 8 — 10 вначалѣ были для меня загадкой: въ штатскомъ, но бѣдно одѣтые, большею частію въ затасканныхъ черныхъ сюртукахъ, они по возросту годились намъ чуть не въ дяди; видъ у нихъ былъ скромный, какъ будто придавленный, но они ловко успѣли занять лучшія мѣста, и у всѣхъ ихъ оказались и тетрадки, и свои чернильницы, и все, что нужно. Скоро мы съ моимъ пріятелемъ по гимназіи догадались, что это—семинаристы, въ то время имѣвшіе право поступать только по провѣрочному экзамену и особенно охотно поступавшіе или на медицинскій, или на словесный факультетъ.

Вошелъ профессоръ, старикъ лѣтъ 65, съ характерной физіономіей добраго нѣмецкаго пастора, съ сѣдыми кудрями и въ широ-

комъ бѣломъ жабо, но въ вицъ-мундирномъ сюртукѣ, сѣлъ на каѳедру, вынулъ тетрадку и съ паѳосомъ зачиталъ что-то на неизвѣстномъ языкѣ, который, впрочемъ, черезъ нѣсколько минутъ я не могъ не признать за латинскій. Дѣло въ томъ, что Клинъ произносилъ рѣзко на нѣмецкій маперъ, смягчая губныя и s, произнося sch, какъ ш, и проч., такъ что у него вмѣсто vobis выходило фописъ, вмѣсто sunt—зунтъ, вмѣсто schola—шоля и т. д. Впослѣдствіи, когда мы, кое-какъ коверкая латынь (другого разговорнаго языка Клинъ не признавалъ въ аудиторіи), объяснили профессору, что изъ-за разницы въ произношеніи не поняли его 1-ой лекціи, онъ далъ намъ свою тетрадку, и мы узнали, что эта лекція начиналась такъ: In patria mea Saxonia, commilitones carissimi, mos est и проч., т.-е. «Въ отечествѣ моемъ Саксоніи, дорогіе соратники, есть обычай», что юный студентъ, отправляясь изъ родного города въ университетъ, проситъ своего любимаго учителя или почтеннаго друга дома или родного отца, наконецъ, написать ему въ памятную книжку какое нибудь motto. Припомните сцену въ 1-ой части Фауста между Мефистофелемъ въ профессорской тогѣ и ученикомъ и motto Мефистофеля: Eritis sicut deus и проч. Не помню, кто именно, кажется, отецъ, юному Клину почти 50 лѣтъ назадъ написалъ изреченіе: Ut militibus armis, sic studiosis libris opus est (какъ солдатамъ нужно оружіе, такъ учащимся книги), и его теперь развивалъ намъ почтенный профессоръ, а въ заключеніе сказалъ, что для усовершенствованія въ латинскомъ стилѣ мы будемъ переводить съ нимъ темы Дронке, которыя имѣются и въ нѣмецкомъ, и въ русскомъ изданіи.

Темы Дронке (русское изданіе, кажется, Кубарева) были не что иное, какъ подборъ фразъ историческаго или философскаго содержанія, представляющихъ примѣры на §§ синтаксиса Цумпта. Всякій порядочный гимназистъ 6-го класса даже и тогдашней гимназіи долженъ былъ умѣть переводить ихъ и безъ помощи лекцій по латинской стилистикѣ, а профессоръ Клинъ еще предпосылалъ переводу толкованіе соотвѣтствующихъ §§ синтаксиса. Тѣмъ не менѣе переводъ представлялъ для насъ и даже для профессора большія трудности вслѣдствіе совершенно случайнаго обстоятельства. Русскій переводъ, лежавшій передъ студентами, часто не сходился съ нѣмецкимъ оригиналомъ, бывшимъ въ рукахъ у Клина; а Клинъ, хотя и зналъ это, переводя ту же книжку изъ года въ годъ, въ каждомъ данномъ случаѣ относился къ словамъ студента съ полнымъ недовѣріемъ. Если фраза была передѣлана, онъ переводилъ по-своему и требовалъ, чтобы студентъ повторилъ его вѣрный переводъ; если же фраза была замѣнена другою, онъ сердился, говорилъ: «Omisisti aliquid, carissime!» (ты пропустилъ что-то, любезнѣйшій), а когда студентъ настаивалъ на своемъ правѣ переводить то, что передъ нимъ лежитъ, профессоръ въ мрачномъ молчаніи выслуши-

валъ его переводъ, почти не исправляя. Иногда, чтобы не огорчать его, и сдѣлаешь, бывало, видъ, что пропустилъ нѣчто, и повторишь за нимъ фразу.

Знающій и добрый человѣкъ былъ профессоръ Клинъ, но чудакъ, какихъ мало на свѣтѣ. Полатыни писалъ и говорилъ онъ не только безусловно свободно и правильно, но даже художественно, и эта художественность вовсе не обусловливалась медленностью и обдуманностью рѣчи: разъ, когда я былъ уже на 2-мъ курсѣ и большею частію составлялъ своей особой всю его аудиторію, мнѣ случилось опоздать на лекцію минутъ на 10. Служитель при платьѣ предупредилъ меня:

— Идите скорѣй, Клинъ уже давно васъ ждетъ, ходитъ по коридору и сердится.

Я пустился бѣгомъ въ аудиторію, но Клинъ поймалъ меня при входѣ и принялся отчитывать; онъ говорилъ быстро, почти захлебываясь, какъ раздраженный сангвиникъ (доказывалъ мнѣ, что я мальчишка, не имѣю права дѣлать посмѣшище для служителей изъ него, старика, который въ 66 лѣтъ, не смотря ни на какую погоду, идетъ въ университетъ ради моей пользы и всегда во время), а все же говорилъ изящно и ни въ одной косвенной рѣчи не нарушилъ правила о сослагательномъ наклоненіи.

Классиковъ латинскихъ и греческихъ Клинъ зналъ прекрасно, но по изданіямъ, которыя были въ ходу въ дни его молодости, и занимался ими усердно и въ 65 лѣтъ, но все же по старымъ изданіямъ; къ изданіямъ же новымъ и въ какомъ нибудь отношеніи новшествующимъ онъ относился съ тѣмъ же мрачнымъ недовѣріемъ, какъ и къ русскимъ вставкамъ въ темы Дронке. Въ заграничныхъ журналахъ, говорятъ, онъ писалъ довольно много, между прочимъ, объ амазонкахъ; изъ работъ же его, напечатанныхъ въ Россіи, я знаю только юбилейную рѣчь (1855 г.) о письменахъ у грековъ и римлянъ (конечно, полатыни), которая служила параллелью къ извѣстной палеографической статьѣ Буслаева. Доброта Клина, во-первыхъ, выражалась тѣмъ, что онъ раздавалъ намъ собственные экземпляры темъ Дронке, по желанію, даже въ ненавистной ему русской передѣлкѣ, и очень часто эти экземпляры пропадали безслѣдно. Если студентъ удостоивалъ представить ему письменный переводъ изъ этой книжки или приносилъ ему для поправки какую бы то ни было свою латинскую работу, хотя бы очень обширную, Клинъ не только внимательнѣйшимъ образомъ къ слѣдующей же лекціи исправлялъ всѣ ошибки, но и поправлялъ всѣ неясно написанныя буквы.

Недѣли черезъ три я имѣлъ случай испытать на себѣ и его спеціальную доброту. Какъ-то разъ говоритъ онъ мнѣ послѣ лекціи:

— Veni ad me, carissime, aliquid tibi dabo, quod tibi maxime juvabit (приди ко мнѣ, любезнѣйшій, я дамъ тебѣ нѣчто, что тебѣ весьма поможетъ).

— Куда, въ профессорскую или на домъ, долженъ я прійти къ тебѣ?—спросилъ я (полатыни, какъ извѣстно, «вы» не употребляется).

— На домъ; я живу на Кисловкѣ, домъ такого-то; дома бываю отъ 3-хъ.

Я, конечно, не замедлилъ воспользоваться его приглашеніемъ. Обстановка квартиры была очень скромная. Клинъ принялъ меня въ небольшомъ, но сплошь уставленномъ книгами кабинетѣ. Онъ заговорилъ со мной понѣмецки; я отвѣтилъ ему порусски, что, къ сожалѣнію, нѣмецкаго разговорнаго языка не понимаю; тогда онъ развелъ руками и снова обратился къ латыни. Онъ разсказалъ мнѣ, что недавно вошелъ въ аудиторію, когда мы, его слушатели, были задержаны на предыдущей лекціи; отъ нечего дѣлать сталъ просматривать наши книги и увидалъ, какими невозможно плохими изданіями Ксенофонта и Гомера я пользуюсь; по моимъ отмѣткамъ на книгахъ онъ усмотрѣлъ, что я погречески знаю очень мало, и рѣшилъ предложить мнѣ пособія, которыя имѣются въ его библіотекѣ, съ тѣмъ, чтобы я не пачкалъ ихъ и не потерялъ. Кромѣ того, онъ всегда готовъ перевести для меня трудное мѣсто, объяснить все непонятное. А библіотека и въ будущемъ къ моимъ услугамъ, если я буду аккуратенъ съ книгами. Я, конечно, съ благодарностію принялъ его предложеніе, и послѣ этого, отчасти по доброй волѣ, отчасти по неволѣ, сдѣлался самымъ аккуратнымъ и большею частію единственнымъ слушателемъ Клина. Въ его лекціяхъ и въ латинскихъ бесѣдахъ съ нимъ съ глазу на глазъ я искалъ не столько пользы (довольно скоро убѣдился я, что спеціалистомъ по классическимъ языкамъ я не буду, такъ какъ ни моя подготовка, ни умственныя симпатіи этому не соотвѣтствовали), сколько удовольствія; красивая латинская рѣчь профессора вмѣстѣ съ его довольно ветхой фигурой и образомъ мыслей, вмѣстѣ съ сводами и тусклымъ освѣщеніемъ «юридической внизу» переносили меня изъ второй половины XIX вѣка въ вѣкъ XVII, когда великіе ученые конгрегаціи св. Мавра и др. жили и работали совсѣмъ вдали отъ шумнаго міра. А я долженъ сознаться, что и на филологическій факультетъ рѣшился идти потому, что разъ увидалъ виньетку, кажется, на изданіи Авла Геллія, гдѣ былъ изображенъ такой ученый, обложенный фоліантами и работающій при свѣтѣ одинокой античной лампочки; въ лекціяхъ Клина я нашелъ какъ бы воплощеніе своей полудѣтской мечты.

Впрочемъ, эти лекціи принесли мнѣ и пользу, и даже пользу практическую: я выучился кое-какъ, конечно, не изящно и не всегда правильно, болтать полатыни, и когда черезъ 4 года по окончаніи курса попалъ я въ Берлинъ и оказался не въ состояніи понимать нѣмецкую живую рѣчь профессоровъ или сколько нибудь приличнымъ нѣмецкимъ языкомъ выразить имъ мои желанія, я не одинъ разъ прибѣгалъ съ успѣхомъ къ своей плохой латыни.

Чудачество Клина всего ярче выражалось въ экзаменахъ: онъ не указывалъ намъ никакихъ пособій, не давалъ программы, такъ что мы не готовились вовсе; а.на экзаменъ онъ приносилъ 'собственноручно писанные огромные билеты (на 2-мъ курсѣ изъ синтаксиса, на 4-мъ изъ исторіи римской литературы, которую онъ читалъ по методѣ чуть ли не XVII вѣка, а именно: сперва диктовалъ суть дѣла, а потомъ подробно развивалъ продиктованное устно), на которыхъ было изображено, напримѣръ, слѣдующее: глаголы такой-то, такой-то и т. д. какихъ двухъ падежей требуютъ? или: поэты такой-то, такой-то и т. д. не украшали ли собой вѣкъ Августа? Кромѣ того, эти билеты клались по порядку: 1-й, 2-ой, 3-й и т. д., и профессоръ былъ ужасно недоволенъ, если студентъ пытался извлечь билетъ изъ середины. Конечно, всѣ мы отвѣчали очень хорошо, но при этомъ были убѣждены (я и до сихъ поръ остаюсь при этомъ убѣжденіи), что Клинъ вовсе не старался показать наши успѣхи передъ лицемъ начальства; да и какое начальство на университетскихъ экзаменахъ? и не объ насъ заботился, а просто у него метода была такая.

Иногда чудачество Клина обращалось и ко вреду... его самого; такъ мнѣ разсказывали, что онъ прослужилъ что-то очень долго, чуть не полныя 25 лѣтъ, и былъ убѣжденъ, что уже выслужилъ пенсію, но оказалось, что онъ не принялъ русскаго подданства, и всѣ эти годы пропали даромъ!

Разсказывалъ кто-то изъ старыхъ студентовъ, что еще въ 40-хъ годахъ къ Клину на лекцію пришелъ новый попечитель или помощникъ его изъ военныхъ генераловъ, и Клинъ почтилъ его привѣтственной латинской, разумѣется, рѣчью, на которую генералъ разразился чуть не солдатской бранью за то, что профессоръ русскаго университета не умѣетъ говорить порусски. Клинъ будто бы почтительно выслушалъ начальственное внушеніе, не понялъ изъ него, конечно, ни слова и по уходѣ генерала сказалъ слушателямъ: Commilitones carissimi! Curator noster est homo severus! (Дорогіе товарищи! Попечитель нашъ—человѣкъ строгій).

Можетъ быть, этотъ анекдотъ—продуктъ чьей нибудь досужей фантазіи, но онъ удачно характеризуетъ философское спокойствіе ученаго нѣмца.

Второй часъ (отъ 1—2) въ той же маленькой аудиторіи читалъ лекторъ французскаго языка m-r Пако (Pasqault), бодрый и изящный старичекъ, порядочно говорившій порусски. Мы остались послушать его почти въ полномъ составѣ, каковое счастіе ему, какъ и другимъ лекторамъ, доставалось только одинъ разъ въ годъ; на вторую лекцію къ нему пришли 3—4 семинариста, вознамѣрившіеся поучиться у него пофранцузски; но, какъ было слышно, скоро и они покинули его, отчаявшись въ возможности успѣха.

Странное въ то время было учрежденіе—лектуры новыхъ языковъ

въ нашихъ университетахъ! Всѣ знали ихъ безусловную безполезность въ томъ видѣ, какъ дѣло было поставлено; а между тѣмъ оставлять ихъ незамѣщенными начальство сочло бы великимъ грѣхомъ. Занимали ихъ обязательно иностранцы, безъ сомнѣнія, хорошо знавшіе свой родной языкъ, то-есть умѣющіе правильно говорить, читать и писать на немъ,—и только. Конечно, ceteris paribus человѣкъ образованный, написавшій 2—3 статейки и умѣющій коекакъ объясняться порусски, предпочитался тому, кто порусски совсѣмъ не зналъ и статей не писалъ; но о серьезной научной подготовкѣ или о выдающемся талантѣ преподаванія, объ умѣньѣ изобрѣсти особые пріемы преподаванія въ виду особыхъ условій, въ которыхъ находятся учащіеся (хоть, напримѣръ, обосновать французскую грамматику на латинской), не могло быть и рѣчи. Въ лучшихъ случаяхъ, лектуры занимали хорошіе учителя гимназіи, строго державшіеся здѣсь непригодной рутины, и въ лучшіе ихъ годы у нихъ до середины великаго поста доживало полдюжины слушателей, съ грѣхомъ пополамъ выучивавшихся при немалой затратѣ труда читать легкія книги; «старшіе» же ихъ курсы, для студентовъ, уже нѣсколько подготовленныхъ, обыкновенно не могли состояться за неимѣніемъ желающихъ... А между тѣмъ на 2.000 студентовъ, по крайней мѣрѣ, 300 очень нуждались въ начальномъ обученіи одному изъ новыхъ языковъ, и вдвое столько же въ усовершенствованіи себя во французскомъ и нѣмецкомъ.

M-r Пако (или Пасквaультъ, какъ называлъ его одинъ семинаристъ, читавшій его фамилію полатыни) былъ, навѣрно, изъ лучшихъ лекторовъ того времени; онъ красиво говорилъ пофранцузски, зналъ своихъ «классиковъ», то-есть вѣкъ Людовика XIV и былъ довольно начитанъ во французской литературѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ. Чтобы стоять «на высотѣ призванія», онъ сочинилъ, безъ сомнѣнія, уже много лѣтъ назадъ вступительную лекцію, которую и изложилъ намъ. Въ ней былъ рядъ удачно подобранныхъ цитатъ и разнообразное содержаніе: говорилось о значеніи изученія языковъ вообще, и французскаго въ особенности, о его изяществѣ и силѣ, о томъ, что въ немъ 9.000 съ чѣмъ-то глаголовъ и изъ нихъ сколько-то тысячъ и сотенъ глаголовъ 1-го спряженія и т. д. и т. п. Все это могло быть, безъ сомнѣнія, интересно для насъ; но, хотя мы были крайне не далеки въ какой бы то ни было наукѣ, мы инстинктомъ чувствовали, что излагаемое почтеннымъ лекторомъ вовсе не наука, и что даже на будущихъ его лекціяхъ ничего научнаго мы не услышимъ.

То же отсутствіе научной подготовки рѣзко выдѣляло и остальныхъ лекторовъ изъ семьи нашихъ преподавателей.

Но они не приносили и той пользы, какую учителя приносили въ гимназіяхъ. Спрашивалъ я потомъ своихъ товарищей семинаристовъ, которые, желая выучиться понимать французскія книги,

съ огромнымъ трудомъ переводили дома какую нибудь легкую книжку, отчего они не посѣщаютъ лекцій Пако.

— Мы начали было ходить къ нему; но, во-первыхъ, онъ велѣлъ намъ купить какую-то хрестоматію съ глупыми статьями, которая стоитъ, однако же, полтора цѣлковыхъ, и грамматику, донельзя не интересную; а, во-вторыхъ, онъ столько болтаетъ о пустякахъ, что я въ это время успѣлъ бы выучить три десятка нужныхъ мнѣ словъ, да еще прочелъ бы хоть страницу полезной книги. А потомъ онъ сказалъ намъ, что скоро начнетъ переводить на французскій легкія фразы. На что это мнѣ? Вѣдь говорить или писать пофранцузски все равно я не выучусь, такъ не стоитъ и времени на это терять!

А вѣдь какъ легко было бы заинтересовать семинаристовъ и въ годъ выучить ихъ свободно читать, сумѣй Пако воспользоваться ихъ порядочнымъ знаніемъ латыни и показать имъ хотя бы самые азбучные фонетическіе законы, зная которые самъ учащійся можетъ возсоздавать изъ латыни французскія слова и формы!

По распредѣленію, обязательныя лекціи оканчивались у насъ въ 2 часа; но внизу этого распредѣленія мелкимъ шрифтомъ было напечатано, что для желающихъ отъ 2-хъ до 3-хъ ч. четыре раза въ недѣлю проф. П. Я. Петровъ читаетъ санскритскій языкъ; какъ разъ была лекція и въ этотъ первый день.

— Останемся, господа, послушать, что за санскритъ такой!—сказалъ кто-то изъ бойкихъ вицмундирныхъ студентовъ, уже признавшій въ насъ нѣчто корпоративное послѣ того, какъ мы 2 часа провели отдѣльно отъ другихъ факультетовъ и курсовъ.

— Останемся, пожалуй!—отвѣтило ему большинство, нѣкоторые же, преимущественно семинаристы или красиво одѣтые молодые люди домашняго воспитанія, молча ушли домой. Остались и мы съ товарищемъ, тѣмъ охотнѣе, что на урокахъ русской словесности слышали нѣчто, правда, не вполнѣ нами усвоенное, о громадной важности санскрита для сравнительной грамматики и еще заранѣе рѣшили слушать санскритъ, если окажется не очень трудно. Усѣлись мы въ «словесной внизу» (какъ потомъ оказалось, основной филологической аудиторіи), въ количествѣ 18—20 человѣкъ. Въ четверть третьяго къ намъ вошелъ маленькій, тщедушный пожилой человѣкъ, съ бѣльмомъ или чѣмъ-то подобнымъ на глазу, въ потертомъ вицъ-мундирѣ; сдѣлавъ намъ недовольный полупоклонъ, онъ направился къ каѳедрѣ, неловко взобрался на нее, покосился на насъ своимъ единственнымъ свѣтлымъ окомъ и началъ приблизительно такъ:

— Я знаю, господа, что всѣ вы, или почти всѣ, пришли ко мнѣ изъ празднаго любопытства узнать, что молъ за санскритъ такой. Такъ каждый годъ бываетъ; въ этомъ бѣда не велика, и я сегодня же удовлетворю васъ. Но я убѣдительно прошу: послушавъ меня нынче, не приходите во второй разъ, а то мнѣ придется для васъ тетрадки писать, книжки носить. Окончится же это непремѣнно тѣмъ, что всѣ вы отъ меня уйдете; много, много, что останется

2—3 человѣка, которые дѣйствительно заниматься будутъ. На что же остальнымъ, да и мнѣ съ ними, время терять?!

Мы засмѣялись. Профессоръ далъ намъ общее понятіе о языкѣ древнихъ индусовъ, о его нарѣчіяхъ (причемъ, видимо, старался представить дѣло изученія санскрита возможно труднѣе), о его обширной письменности и написалъ намъ на доскѣ санскритскія гласныя, долгія и короткія, и ихъ курьезныя сліянія съ одной или двумя изъ согласныхъ. А въ концѣ лекціи снова повторилъ свою просьбу не приходить въ слѣдующій разъ, иначе, какъ, паче чаянія, кто серьезно учиться захочетъ. Мы и разошлись со смѣхомъ.

Впослѣдствіи я довольно близко узналъ профессора Петрова, такъ какъ 3 года подъ рядъ слушалъ у него по 2 раза въ недѣлю санскритъ, переводилъ съ нимъ и Савитри и Сакунталу, но выучился немногому, такъ какъ не имѣлъ досуга готовиться ко всякой лекціи, что было крайне необходимо. П. Я. Петровъ былъ тоже, какъ и профессоръ Клинъ,—оригиналъ, какихъ мало, и тоже человѣкъ добрѣйшей души и огромныхъ знаній, да къ тому же имѣвшій важное значеніе въ исторіи Московскаго университета, такъ какъ онъ именно насадилъ въ Москвѣ санскритъ, и хотя самъ онъ не признавалъ сравнительной грамматики и даже острилъ надъ Боппомъ, все же онъ былъ, посредственно или непосредственно, учителемъ цѣлаго ряда поколѣній ученыхъ лингвистовъ. Всю жизнь прожилъ онъ аскетомъ съ дѣвицами-сестрами на Плющихѣ, не зная никакихъ радостей, кромѣ работы и пріобрѣтенія новыхъ книгъ, часто очень дорогихъ даже для университетской библіотеки. Даже печаталъ онъ чрезвычайно мало, въ силу своей крайней скромности и добросовѣстности. Когда мы упрекали его, что онъ не издаетъ хоть текстовъ съ словарями, онъ показывалъ намъ коротенькую санскритскую антологію, напечатанную имъ, если не ошибаюсь, еще въ Казани, и говорилъ:

— Вотъ я надъ корректурой этой книжечки одинъ глазъ потерялъ. Вы хотите, чтобы я надъ другой совсѣмъ ослѣпъ?

Онъ не выносилъ большой аудиторіи, то-есть больше 2—3 человѣкъ, и ныхъ въ началѣ каждой лекціи, пока не разгонялъ всѣхъ лишнихъ любопытствующихъ студентовъ. Когда же у него, наконецъ, оказывалось его священное число, онъ съ великимъ удовольствіемъ составлялъ кресло съ каѳедры къ скамейкамъ и становился живымъ и очень хорошимъ, хотя и требовательнымъ преподавателемъ. Кромѣ санскрита, онъ преподавалъ желающимъ и арабскій, и персидскій и готовъ былъ преподавать какой угодно изъ извѣстныхъ ему языковъ, только бы оказались у него серьезно работающіе ученики; съ ними онъ готовъ былъ дѣлиться чѣмъ угодно. Но и къ намъ, мало достойнымъ его вниманія полулѣнтяямъ, онъ былъ донельзя снисходителенъ и добръ и на всю жизнь сохранялъ къ намъ какую-то отеческую нѣжность. Никогда не забуду, какъ онъ пытался утѣшить меня въ тяжелую пору моего магистерскаго экза-

мена, увѣряя, что все будетъ хорошо, и уговаривая для успокоенія нервовъ прочесть его брошюрку «Объ одной персидской рукописи», которую тутъ же и вручилъ мнѣ.

Вышли мы въ 3 часа изъ университета, переполненные впечатлѣніями, въ которыхъ и сами не могли отдать себѣ отчета, но, въ общемъ, впечатлѣніями хорошими, возбуждающими энергію. Когда мы прощались другъ съ другомъ у университетскихъ воротъ, оказалось, что мнѣ предстоитъ идти по одной дорогѣ съ однимъ изъ моихъ новыхъ знакомыхъ, очевидно, семинаристомъ, съ очень умнымъ и серьезнымъ лицомъ. Путь былъ дальній, на Дѣвичье Поле, и много интереснаго узналъ я дорогою изъ этого неизвѣстнаго мнѣ міра.

Оказалось, что мой новый пріятель исключенъ изъ такъ называемаго философскаго класса за напечатаніе обличительной статьи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и готовился въ университетъ къ полному экзамену совсѣмъ одинъ, безъ всякихъ пособій и указаній. И чего же натерпѣлся онъ, бѣдный! Такъ, напримѣръ, физику Ленца ради дешевизны купилъ онъ на Смоленскомъ рынкѣ, причемъ его обманули: всучили экземпляръ безъ чертежей, и онъ, лишенный возможности понять эту совсѣмъ неизвѣстную ему науку, выдолбилъ толстѣйшую книгу почти наизусть! Полатыни — въ то время въ столичныхъ семинаріяхъ латынь шла очень плохо, такъ же, какъ и все остальное, кромѣ «сочиненій»—началъ онъ готовиться прямо съ Тацита, одолѣвая его по переводу Кронеберга!

Академическая свобода, оказалось, не была для него новостью, такъ какъ и въ семинаріи онъ ходилъ на уроки, когда и къ кому хотѣлъ; но разница между средней школой и университетомъ для него была еще болѣе ощутительна, нежели для меня и другихъ «гимназистовъ»: мы, правда, учились по принужденію и по мѣрѣ силъ враждовали съ начальствомъ; но все-таки же, въ общемъ, мы знали, что намъ хотятъ добра и учатъ насъ тому, что намъ, дѣйствительно, нужно, да и путь въ университетъ для насъ былъ ровный и гладкій; а семинаристъ, заподозрѣнный въ стремленіи къ свѣтской наукѣ, подвергался самому злостному гоненію и на все, преподаваемое ему, смотрѣлъ, какъ на ненужный балластъ, прямо противоположный настоящей наукѣ. Понятно, съ какими радужными надеждами и съ какимъ твердымъ намѣреніемъ работать вступалъ теперь мой пріятель въ этотъ завѣтный и запретный для него храмъ науки.

— Вы будете санскриту учиться?—спросилъ онъ меня.

— Не знаю, удастся ли на первый годъ; я вѣдь очень плохо подготовленъ погречески. Да и Петровъ-то мнѣ кажется большимъ чудакомъ.

— А я такъ увѣренъ,—отвѣчалъ мой пріятель,— что онъ предобрый и прекрасный человѣкъ и учитель, да и предметъ такой новый и интересный. Вотъ Клинъ такъ дѣйствительно, должно быть, чудакъ, и я не ожидаю большой пользы отъ его стилистики.

Мы начали дѣлиться впечатлѣніями относительно прослушанныхъ лекцій и, конечно, сошлись въ превознесеніи Буслаева надъ всѣми другими профессорами этого дня. Но въ откровенномъ разговорѣ оказалось, что оба мы поняли его плохо и притомъ такъ, что понятное одному было непонятно другому: бо́льшая степень развитія дала возможность семинаристу понять общія идеи лекціи, а лучшая подготовка помогла, мнѣ, гимназисту, усвоить факты. Это обстоятельство подало намъ мысль вмѣстѣ перечитывать и толковать другъ другу наши записки; обѣимъ сторонамъ это было пріятно: мнѣ, полумальчику, было лестно быть за панибрата съ несомнѣнно взрослымъ и развитымъ человѣкомъ и даже кое-что объяснять ему, а семинаристъ, черезчуръ скромный и отъ природы и отъ условій жизни, всякаго, хотя бы и столь юнаго представителя свѣтской науки, готовъ былъ считать за высшее существо.

Посмѣялись мы съ нимъ и по поводу лекціи m-r Пако, причемъ я разсказалъ нѣсколько анекдотовъ о своихъ гимназическихъ учителяхъ французскаго языка, тоже не особенно искусныхъ педагогахъ; а мой спутникъ замѣтилъ мнѣ:

— Все же это были французы, свой языкъ знавшіе, и вы у нихъ все же кое-чему выучились, а у насъ французскій языкъ «читалъ» свой же братъ семинаристъ, имѣвшій и о произношеніи, и о синтаксисѣ весьма смутныя понятія; да и у него-то намъ учиться было некогда,—сочиненія одолѣвали. Позднѣе одинъ пріятель разсказывалъ мнѣ такой случай. Семинаристъ изъ болѣе подготовленныхъ читаетъ французскую фразу съ русскимъ акцентомъ: Команъ ву порте ву.

— Чего ты французишь-то? — прерываетъ его учитель. — Вѣдь все равно французомъ не будешь. Читай просто, какъ всѣ читаютъ: Коментъ воусъ портесъ воусъ. Что вы ни говорите, а все же вы привилегированные студенты.

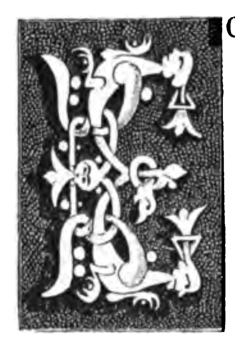
Я не безъ удовольствія согласился съ нимъ; только позднѣе узналъ я, какой перевѣсъ надъ нами давало всѣмъ семинаристамъ ихъ бо́льшее развитіе, хоть на дешевой, но все же философской подкладкѣ (въ гимназіяхъ въ то время логика не преподавалась вовсе), и ихъ привычка къ усидчивой работѣ, и какую пользу семинаристамъ-филологамъ принесло ихъ знаніе библіи.

Я вернулся домой, усталый, но радостно возбужденный; вечеромъ попытался читать своего Цицерона, но не могъ сосредоточить на немъ своего вниманія (все раздумывалъ о профессорахъ, которыхъ мнѣ предстояло услышать на другой день) и ушелъ къ пріятелю по гимназіи, который поступилъ на физико-математическій факультетъ, узнать, какъ ему понравились его профессора, и похвастаться своими.

А. Кирпичниковъ.

ЖЕНЩИНЫ-АСТРОНОМЫ И ИХЪ РАБОТЫ.

СЛИ МЫ подсчитаемъ число лицъ, работающихъ на астрономическомъ поприщѣ, то мы увидимъ, что оно невелико сравнительно съ массой; въ частности оно, вѣроятно, много меньше, чѣмъ число работниковъ въ каждой изъ другихъ областей естествознанія. Причина этому заключается въ томъ, что астрономія, не смотря на захватывающій интересъ своихъ результатовъ, является слишкомъ спеціальною по своимъ методамъ. Чтобы научно заниматься астрономіей, въ общемъ случаѣ необходимо обладать математическимъ образованіемъ и имѣть подъ руками хоть какую нибудь обсерваторію. Математиковъ на свѣтѣ немного, ихъ спеціальность слишкомъ отвлеченна, мало понятна, мало доступна публикѣ, а обсерваторіи—учрежденія дорогія, и наблюденія астрономическія въ большинствѣ случаевъ такъ сложны, что у многихъ лицъ, интересующихся результатами астрономическихъ изслѣдованій, не оказывается вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ возможности посвятить себя имъ всецѣло. Нерѣдко приходится наблюдать на морозѣ, градусовъ 15—20 по Реомюру, наблюденія часто продолжаются по нѣсколько часовъ въ ночь однообразнымъ способомъ и растягиваются на многіе годы. Обработка этихъ наблюденій тоже не легка—цѣлыя тысячи, сотни тысячъ цифръ испишетъ вычислитель, прежде чѣмъ дойдетъ до результата. Это все обратныя стороны дѣла, значительно понижающія число астрономовъ-спеціалистовъ и, повидимому, совершенно исключающія ихъ изъ числа женщинъ, насколько можно судить по болѣе распространенному, банальному взгляду на способности и назначеніе женщины. Но такъ кажется только на первый разъ.

На самомъ дѣлѣ астрономія не обижена вниманіемъ женщины, и теперь можно привести уже не мало примѣровъ весьма дѣятельнаго и вполнѣ успѣшнаго участія женщинъ въ различныхъ астрономическихъ изслѣдованіяхъ.

Еще въ далекія, древнія времена, на переломѣ четвертаго и пятаго столѣтій по Рожд. Хр., мы встрѣчаемъ въ Александріи удивительную женщину—математика и философа, безсмертную Гипатію, которая такъ блистала своей ученостью, что удостоена была даже профессорской каѳедры въ академіи. Благодаря своимъ талантамъ, красотѣ и высокимъ добродѣтелямъ, она сдѣлала домъ своего мужа—философа Исидора, сборнымъ пунктомъ самыхъ выдающихся мужей Александріи. Она пользовалась почти всеобщей любовью, и тѣмъ не менѣе погибла ужасною смертью, сдѣлавшись жертвой зависти безразсуднаго, безсердечнаго фанатизма и стаднаго чувства толпы, которая, по подстрекательству патріарха Кирилла, растерзала ее на улицѣ, какъ язычницу. Вниманіе несчастной къ астрономіи выразилось въ многочисленныхъ вычисленіяхъ и изданіи таблицъ: «Αστρονομικὸς κανών». Одинъ кратеръ на лунѣ, довольно большой по размѣрамъ, эллиптической формы, зовется Гипатіей. Это памятникъ, которымъ іезуитскій патеръ Риччіоли увѣковѣчилъ имя первой, извѣстной намъ женщины-астронома.

Двѣнадцать вѣковъ проходитъ послѣ ея смерти и только въ XVII-мъ столѣтіи другая женщина, нѣкая Марія Куницъ (Maria Cunitia, впослѣдствіи жена доктора von Löwen въ Силезіи), заявляетъ о себѣ изданіемъ астрономическихъ таблицъ: «Urania propitia sive tabulae astronomicae», представлявшихъ собой переработку и въ нѣкоторомъ смыслѣ упрощеніе знаменитыхъ въ свое время Рудольфовыхъ таблицъ Кеплера для вычисленія движеній планетъ.

Въ концѣ того же XVII-го столѣтія Марія Эймартъ (Maria Clara Eimmart), женщина, отличающаяся необыкновеннымъ знаніемъ языковъ и математики, искусная въ рисованіи и гравированіи, помогаетъ своему отцу и потомъ своему мужу—профессору физики и астрономіи въ Нюмбергѣ Мюллеру, въ ихъ наблюденіяхъ и вычисленіяхъ. Въ промежутокъ между 1693 и 1698 годами ею сдѣлано 350 рисунковъ лунныхъ фазъ, а во время затменія 12-го мая 1716 года она рисуетъ солнце съ его «огненнымъ ореоломъ», одно изъ первыхъ научныхъ наблюденій солнечной короны.

Въ исторіи астрономіи XVIII вѣка мы встрѣчаемъ нѣсколько женскихъ именъ, какъ, напримѣръ, маркизы дю Шателе, Маргариты Гевеліи, Маріи Кирхъ, Жанны Дюмe, Агнессы Манфреди Луизы, герцогини саксенъ-готской, и др., но, чтобы преждевременно

не утомить вниманія читателя, я не буду распространяться о работахъ ихъ и ограничусь лишь указаніемъ на труды знаменитой вычислительницы г-жи Лепотъ, жены извѣстнаго въ Парижѣ образованнаго часовщика. Лишь только въ надеждѣ на ея помощь великій математикъ Клеро отважился на предвычисленіе появленія кометы Галлея для 1758 года. Это—комета періодическая съ періодомъ обращенія около солнца въ 75 лѣтъ. Галлей прослѣдилъ ея появленіе въ 1682, 1607, 1531, 1456 годахъ. Онъ предсказалъ ея появленіе и въ 1758 г. Интересно было впередъ опредѣлить точно время наибольшаго приближенія кометы къ солнцу, подсчитавши всѣ уклоненія отъ возмущеній планетъ, чтобы потомъ по сравненію съ наблюденіями судить о реальности закона всемірнаго тяготѣнія, открытаго Ньютономъ. 18 мѣсяцевъ подрядъ, съ утра до вечера, каждый день продолжались вычисленія, при чемъ путь кометы былъ прослѣженъ за 150 лѣтъ отъ градуса къ градусу, и для каждой изъ этихъ точекъ было вычислено совокупное отклоненіе всѣхъ извѣстныхъ въ то время планетъ. Какъ Клеро, такъ и г-жа Лёпотъ были одушевлены однимъ желаніемъ—кончить вычисленія прежде, чѣмъ кто либо увидитъ комету. 14-го ноября 1758 года Клеро возвѣстилъ парижской академіи наукъ, что ихъ соединенная работа привела къ слѣдующему результату: «Возмущенія планетъ до Сатурна включительно вызвали для ожидаемаго появленія кометы запозданіе въ 611 дней, такъ что прохожденіе кометы въ наиболѣе близкомъ отъ солнца разстояніи надо ждать въ первой половинѣ апрѣля 1759 года». Какъ оказалось впослѣдствіи, комета находилась въ ближайшемъ отъ солнца разстояніи 13-го марта, такъ что результатъ Клеро мы должны считать вполнѣ удовлетворительнымъ, потому что ему не было извѣстно существованіе Урана и Нептуна.

Много другихъ интересныхъ и сложныхъ вычисленій сдѣлано было г-жей Лепотъ, какъ, напримѣръ, опредѣленіе орбиты кометы 1762 года, предвычисленіе солнечнаго затменія 1764 г., прохожденія Венеры 1761 г. и масса эфемеридъ для цѣлаго ряда лѣтъ въ извѣстный астрономическій календарь Connaissance des Temps.

Особенно интересенъ для насъ, какъ прототипъ женщины-астронома, поэтическій образъ Каролины Лукреціи Гершель, этой дѣятельной помощницы, вѣрнаго друга и товарища своего знаменитаго брата Вильгельма Гершеля при всѣхъ его наблюденіяхъ. Вмѣстѣ съ нимъ она наблюдаетъ огромные звѣздные міры, далекія туманности, съ нимъ она шлифуетъ зеркала и снаряжаетъ инструменты, она обрабатываетъ его наблюденія, вычисляетъ наблюденія другихъ извѣстныхъ наблюдателей, наблюдаетъ много и сама.

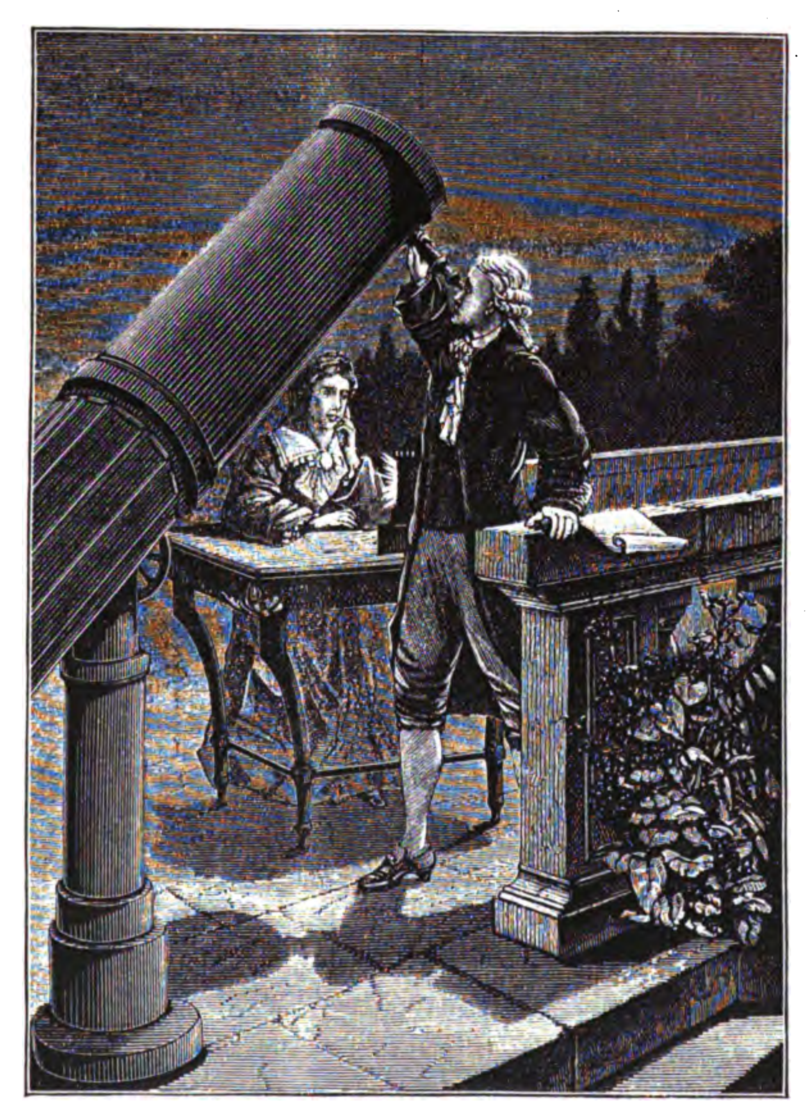
На прилагаемомъ рисункѣ мы видимъ сцену, которая сохранитъ свое значеніе въ исторіи астрономіи навсегда. Дѣйствіе про-

исходитъ 13-го марта 1781 года въ англійскомъ городѣ Батѣ. Между 10 и 11 часами вечера В. Гершель направилъ свой могучій телескопъ въ ту область неба, которая лежитъ между рогами созвѣздія Тельца и ногами Близнецовъ, желая опредѣлить положенія нѣкоторыхъ двойныхъ звѣздъ... Но вдругъ среди наблюденій его вниманіе привлекаетъ одна звѣздочка. Она казалась не такою, какъ другія звѣзды, а небольшимъ кружочкомъ съ замѣтнымъ діаметромъ. Искра Божія, которая была заложена въ душу великаго мужа, подсказала ему, что онъ имѣетъ дѣло съ исключительнымъ явленіемъ, и онъ вмѣстѣ съ сестрой, которой первой повѣдалъ о своей находкѣ, такъ какъ она была тутъ же и записывала его наблюденія, начинаетъ слѣдить за интересною звѣздочкой. Черезъ два дня было вполнѣ ясно констатировано ея смѣщеніе относительно окружающихъ звѣздъ. Несомнѣнно, это комета! — заключаетъ Гершель. Впослѣдствіи оказалось, что это не комета, а большая планета, новый, могучій членъ нашей солнечной системы, о существованіи котораго никто никогда и не подозрѣвалъ. Она названа была Ураномъ.

Каролина Гершель родилась въ 1750 году въ Ганноверѣ. Интересъ къ астрономическимъ явленіямъ она получила еще въ дѣтствѣ отъ своего отца музыканта, но въ то же время и большого любителя астрономіи, хотя никогда не занимавшагося ею спеціально. Всю жизнь она помнила, какъ однажды въ глухую, холодную ночь отецъ вывелъ ее на улицу смотрѣть комету и при этомъ знакомилъ ее также съ различными созвѣздіями.

Въ 1772 году она переѣхала въ Англію къ своему брату Вильгельму, который занималъ должность органиста при капеллѣ въ Батѣ и хотѣлъ попытаться сдѣлать изъ своей сестры пѣвицу для участія въ зимнихъ концертахъ. Но В. Гершель былъ самъ больше астрономъ, чѣмъ музыкантъ, поэтому уроки музыки невольно чередовались бесѣдами объ астрономическихъ предметахъ, хотя мотивомъ къ нимъ служило желаніе большей практики для Каролины въ англійскомъ языкѣ. Въ то же время Каролина начинаетъ учиться ариѳметикѣ, основѣ математическихъ наукъ, нужныхъ астроному для того, чтобы получать результаты изъ своихъ наблюденій.

В. Гершель, какъ извѣстно, самъ приготовлялъ себѣ трубы, потому что на покупку ихъ онъ не имѣлъ средствъ, да никто изъ оптиковъ и не умѣлъ приготовить такой трубы, которая бы удовлетворила этого пытливаго человѣка. У Гершеля было слишкомъ мало свободнаго времени, такъ какъ для увеличенія своего матеріальнаго благосостоянія ему приходилось набирать массу музыкальныхъ уроковъ, но въ дни отдыха, когда уроковъ не было, квартира Гершелей вся обращалась въ столярно-механическую мастерскую. Вильгельмъ съ братомъ Александромъ точилъ, строгалъ, шлифовалъ стекла, зеркала и пр. Каролина принимала во всѣхъ хлопотахъ самое дѣятельное участіе, такъ что могла даже изготовить вполнѣ самостоятельно

Открытіе Урана В. Гершелемъ.

отличное зеркало. Помогая брату, она не боялась никакихъ трудовъ, никакихъ опасностей, которыя являлись при этихъ работахъ, равно какъ и послѣ при наблюденіяхъ вслѣдствіе громоздкой, неудобной и мало прочной, домашняго издѣлія установки трубъ.

Когда послѣ открытія Урана Гершель получилъ званіе королевскаго придворнаго астронома, Каролина тоже покончила свою артисти-

ческую дѣятельность и всецѣло посвятила себя астрономіи, являясь съ 1787 года офиціальнымъ ассистентомъ брата съ жалованіемъ 50 фунтовъ стерлинговъ въ годъ.

Чтобы ободрить сестру при ея самостоятельныхъ занятіяхъ, Вильгельмъ Гершель отдалъ въ ея распоряженіе трубу-кометоискатель, съ которымъ она и начинаетъ 20-го августа 1782 года свои замѣчательныя обозрѣнія неба.

Каролинѣ Гершель мы обязаны открытіемъ очень многихъ и очень интересныхъ звѣздныхъ скопленій и туманностей этихъ далекихъ міровъ, изученіе которыхъ имѣетъ чрезвычайно большой интересъ для уясненія строенія вселенной и ея безконечнаго протяженія.

1-го августа 1786 г. Каролина Гершель открыла свою первую комету. Брата въ то время не было дома. Поэтому она сама извѣщала ученый міръ о сдѣланномъ открытіи. Если въ настоящее время при такомъ высокомъ развитіи астрономіи, когда существуетъ даже спеціальный союзъ астрономовъ для разысканія кометъ, которые подѣлили между собой все небо, такъ что всякій членъ союза осматриваетъ только одну свою зону, открытіе кометы составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ событіе, и имя открывшаго навсегда остается записаннымъ на скрижаляхъ исторіи, то въ концѣ прошлаго столѣтія оно, конечно, имѣло особенное значеніе.

21-го декабря 1788 года послѣдовало открытіе второй кометы, 7-го января 1790 года была открыта третья, 17-го апрѣля того же года — четвертая, 15-го декабря 1792 года — пятая, 7-го октября 1793 года — шестая, хотя, впрочемъ, послѣ оказалось, что ее еще 24-го сентября видѣлъ Перни. 7-го мая 1795 года Каролина открыла седьмую комету, оказавшуюся періодической, то-есть вращающейся около солнца по орбитѣ замкнутой. Это было второе появленіе кометы, получившей впослѣдствіи имя отъ астронома Эйке, теоретически изслѣдовавшаго ея движеніе.

14-го августа 1797 года была найдена восьмая комета, пріоритетъ открытія которой остался, впрочемъ, за Буваромъ, наблюдавшимъ ее въ Парижѣ.

Когда въ 1788 году В. Гершель женился, Каролина сложила съ себя права и обязанности хозяйки дома и стала жить отдѣльно, но каждый день аккуратно до самой смерти брата (25-го августа 1822 года) она приходила къ нему и исполняла обязанности его ассистента и секретаря, и если ученый міръ съ такою необыкновенною скоростью узнавалъ о результатахъ наблюденій Гершеля, то онъ обязанъ этимъ главнымъ образомъ необыкновенному усердію его сестры.

Въ то же время она обработала часть, оставшуюся не вычисленною, наблюденій астронома Флэмстида, результатомъ чего явился каталогъ 561 звѣзды.

Большую работу представляетъ собой каталогъ 2.500 туманностей, вошедшій впослѣдствіи въ общій каталогъ ея племянника, знаменитаго астронома Джона Гершеля. За этотъ трудъ, въ виду его огромнаго значенія для науки и массы энергіи, потребовавшейся на его исполненіе, въ февралѣ 1828 года Королевское Астрономическое общество присудило Каролинѣ Гершель золотую медаль. Наконецъ, назову еще указатель примѣчаній къ наблюденіямъ каждой звѣзды, вошедшей въ извѣстный Britisch Catalogue. Эта работа, какъ и вышеупомянутый каталогъ звѣздъ Флэмстида, была издана Королевскимъ обществомъ.

Въ 1835 году Каролина Гершель была избрана почетнымъ членомъ этого общества.

Въ 1838 году ее выбираютъ членомъ академіи въ Дублинѣ

Каролина Гершель.

Въ 1846 году въ день ея рожденія король прусскій прислалъ ей черезъ Александра фонъ-Гумбольдта золотую медаль отъ себя.

Благодаря своимъ трудамъ, Каролина Гершель имѣла большое имя въ ученомъ мірѣ. Она была лично знакома со многими знаменитыми астрономами своего времени, какъ, напримѣръ, Маскелейномъ. Ни одинъ астрономъ, которому случалось быть въ Ганноверѣ, куда вернулась Каролина послѣ смерти брата Вильгельма, не считалъ возможнымъ не посѣтить ее. Такъ она принимала у себя Медлера, знаменитаго Гаусса и др.

Скончалась Каролина Гершель почти 98 лѣтъ 9-го января 1848 года въ 11 часовъ вечера.

Миръ праху твоему, незабвенная, удивительная женщина!

Младшей современницей Каролины Гершель и ея соотечественницей по мѣсту рожденія въ Ганноверѣ является Вильгельмина Витте, урожденная Бётхеръ, которая, не смотря на то, что была матерью многочисленнаго семейства, умѣла массу времени удѣлять астрономическимъ наблюденіямъ. Она спеціализировалась особенно на изученіи поверхности луны. Ей принадлежитъ, между прочимъ,

идея воспроизведенія луннаго ландшафта въ видѣ рельефнаго глобуса. На основаніи большой карты Медлера и длиннаго ряда собственныхъ наблюденій, она сама построила такой глобусъ, на которомъ съ замѣчательною ясностью, при полномъ соблюденіи масштаба, было передано огромное число мелкихъ подробностей. При надлежащемъ положеніи этого глобуса и соотвѣтственномъ освѣщеніи, можно было наблюдать на немъ различныя явленія фазъ, либраціи и проч. По предложенію Гумбольдта, король Фридрихъ-Вильгельмъ IV купилъ его для своего музея.

Далѣе я назову Марію Митчэлъ (Maria Mitchell), которая замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ, что является первою женщиной на посту директора обсерваторіи и профессора астрономіи въ высшемъ учебномъ заведеніи.

Родилась Марія Митчэлъ 1-го августа 1818 года, на одномъ небольшомъ островкѣ (Nantucket) Атлантическаго океана, близъ Нью-Іорка.

Дѣвочкой, одиннадцати лѣтъ, она уже помогала отцу при его геодезическихъ съемкахъ, но, не смотря на это, ея первоначальное образованіе оказалось очень скуднымъ, такъ что послѣ, когда она почувствовала особенный интересъ къ астрономическимъ вопросамъ, она должна была очень много работать. Лѣтъ двадцати Марія Митчэлъ переходитъ къ самостоятельнымъ наблюденіямъ и особенно интересуется кометами. Въ 1847 году ей самой посчастливилось открыть комету, представившую много интереса для астрономовъ. За это открытіе она получила медаль, которая была не задолго передъ тѣмъ учреждена королемъ Даніи для поощренія такихъ открытій. Соотечественники съ своей стороны преподнесли ей въ подарокъ прекрасный рефракторъ, работы извѣстнаго оптика Альвана Кларка, въ 5 дюймовъ діаметромъ, съ отличною установкой. Въ то же время она была принята вычислительницей въ редакцію американскихъ эфемеридъ и морского календаря.

Сохраняя постоянно интересъ къ кометамъ, миссъ Митчэлъ наблюдаетъ теперь также двойныя звѣзды. Два раза она ѣздила въ Европу, посѣтила между прочимъ нашу Пулковскую обсерваторію и завела много личныхъ знакомствъ съ выдающимися астрономами. Знаменитый Джонъ Гершель и директоръ Гринвичской обсерваторіи Эри поддерживали переписку съ ней.

Въ 1865 году Марія Митчэлъ была назначена профессоромъ астрономіи въ Вассаръ-колледжъ (Vassar College) для молодыхъ женщинъ, только что открытый (Poughkeepsie, New-York, U. S.). Новыя обязанности преподавателя отвлекли ее нѣсколько отъ наблюденій, но интересъ къ послѣднимъ остался, такъ что всякую свободную минуту миссъ Митчэлъ отдавала трубѣ.

Первою большою астрономическою работой было точное опредѣ-

леніе широты и долготы новой обсерваторіи, при чемъ долгота опредѣлялась по телеграфу отъ Кембриджа.

На обсерваторіи колледжа былъ довольно большой рефракторъ (12½ дюймовъ), но съ плохою установкою. Миссъ Митчэлъ позаботилась объ улучшеніи послѣдней и занялась наблюденіями Юпитера, Сатурна и проч.

Между прочимъ, она по собственной идеѣ построила интересный приборъ для фотографированія поверхности солнца и привлекла нѣсколько студентокъ къ этимъ наблюденіямъ.

Въ 1869 и 1878 гг. она участвуетъ въ экспедиціяхъ для наблюденій полныхъ солнечныхъ затменій.

На посту директора обсерваторіи миссъ Митчэлъ оставалась до 70 лѣтъ, но когда силы стали измѣнять ей, она отказалась и поселилась въ Линнѣ (штатъ Массачузетъ), намѣреваясь впрочемъ возобновить наблюденія двойныхъ звѣздъ своимъ пятидюймовымъ рефракторомъ. Этому не суждено было сбыться, такъ какъ 28 іюня 1889 года ея не стало.

Марію Митчэлъ замѣнила на обсерваторіи Vassar College Мери Уитней (Mery W. Whitney), которая работаетъ на ней и до сихъ поръ.

Въ Америкѣ много и другихъ обсерваторій, тдѣ директорами являются женщины. Такъ въ штатѣ Массачузетъ есть обсерваторія въ Нортгэмптонѣ при колледжѣ Смисса, которою управляетъ миссъ Бирдъ (Byrd), обсерваторія Уильстонъ на горѣ Холіокѣ подъ управленіемъ миссъ Бардуэлъ (El. M. Bardwell) и пр.

Многія женщины служатъ ассистентами, наблюдателями, причемъ наблюденія, которыя онѣ ведутъ, самыя разнообразныя, въ общемъ случаѣ—трудныя и сложныя. Такъ, напримѣръ, г-жа Ăпдегроффъ (Updegroff), жена директора обсерваторіи штата Миссури, опредѣляетъ положенія звѣздъ меридіаннымъ кругомъ, на этомъ инструментѣ она работала также на обсерваторіи въ Кардобѣ и еще дѣвушкой (miss Lamb) на Уэшбöрнъ-обсерваторіи, гдѣ она была ассистентомъ.

На обсерваторіи Смисса въ Женевѣ—предмѣстьѣ Нью-Іорка, наблюдателемъ считается г-жа Бруксъ, жена директора. Они оба спеціализировались на разысканіи кометъ и ихъ наблюденіяхъ, удѣляютъ также свое вниманіе планетамъ.

Много женщинъ работаетъ на обсерваторіи при Гарвардскомъ колледжѣ въ Кембриджѣ, получающей наблюдательный матеріалъ для обработки также изъ своего отдѣленія въ Арекиппѣ, въ горахъ Перу. Штатъ этой обсерваторіи состоитъ изъ 40 человѣкъ, изъ нихъ—17 женщинъ. Многія изъ этихъ женщинъ уже успѣли сдѣ-

латься извѣстными въ астрономіи. Особенно знамениты имена г-жъ Мори (Maury) и Флеминъ (Fleming), которымъ наука обязана важными открытіями.

Одною изъ главныхъ задачъ на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа является фотографированіе спектровъ звѣздъ для изученія ихъ физическихъ свойствъ. Какъ извѣстно, спектръ звѣзды представляетъ собой небольшую узкую полоску, состоящую изъ цвѣтовъ радуги, пересѣченную поперечными темными линіями. Каждая изъ темныхъ линій соотвѣтствуетъ опредѣленному веществу, входящему въ составъ атмосферы свѣтила; ея внѣшній видъ, форма, толщина зависятъ отъ различныхъ физическихъ условій, въ которыхъ находится это вещество, и пр. Изучая спектры, мы можемъ составить себѣ нѣкоторое представленіе о химическихъ и физическихъ свойствахъ свѣтилъ и ихъ жизни. Эта работа, конечно, въ высшей степени интересная. Она привела уже ко многимъ важнымъ результатамъ. Такъ, напримѣръ, былъ установленъ фактъ, что звѣздные спектры не представляютъ безконечнаго разнообразія, а наоборотъ могутъ быть сгруппированы только въ нѣсколько классовъ, типичныхъ, характерныхъ и въ то же время имѣющихъ между собой связь такого рода, какъ будто бы спектръ свѣтила измѣняется съ возрастомъ послѣдняго. По классификаціи проф. Фогеля въ спектрахъ I-го класса линіи металловъ, за исключеніемъ водородныхъ, очень слабы или совсѣмъ отсутствуютъ, наоборотъ водородныя линіи чрезвычайно ясны и широки, иногда онѣ являются свѣтлыми, равно какъ и линія, отмѣчаемая буквой D_3, которая принадлежитъ гелію. Въ спектрахъ II-го класса металлическія линіи выступаютъ явственно. Фіолетовыя части этихъ спектровъ сравнительно съ спектрами I-го класса тусклы, въ другихъ частяхъ ближе къ красному концу появляются иногда слабыя полосы, водородныя линіи большею частью рѣзки и никогда не расширены такъ, какъ въ I-мъ классѣ. Къ III-му классу относятся спектры, въ которыхъ, кромѣ темныхъ линій, имѣется еще много темныхъ полосъ во всѣхъ частяхъ спектра, причемъ къ фіолетовому концу онѣ чрезвычайно слабы.

Марія Митчэлъ.

Эти типы спектровъ, равно какъ и ихъ переходы отъ одного къ другому, не трудно объяснить исторіей развитія, которую переживаетъ каждая звѣзда, если мы сдѣлаемъ одно предположеніе— именно, что каждая звѣзда теряетъ теплоту путемъ лучеиспусканія,

одновременно съ этимъ уплотняясь. Первая стадія звѣзды, когда вообще можно уже говорить о «звѣздѣ», выражается тѣмъ, что образовалось въ высшей степени раскаленное ядро, поверхность котораго устроена, подобно фотосферѣ нашего солнца, то-есть испускаетъ бѣлый свѣтъ, дающій сплошной спектръ. Это ядро окружено очень толстою атмосферою, состоящею главнымъ образомъ изъ водорода и гелія, температура атмосферы очень высока, но ниже температуры ядра, такъ что въ спектрѣ водородныя линіи являются темными. Онѣ расширены и расплывчаты, благодаря значительной толщинѣ атмосферы.

При постепенномъ охлажденіи звѣзды происходитъ уплотненіе, вслѣдствіе котораго ядро увеличивается, а атмосфера убываетъ, поверхность все болѣе и болѣе приближается къ тому состоянію, которое обусловливается болѣе быстрымъ переходомъ отъ ядра къ холодному міровому пространству, все болѣе и болѣе становится замѣтнымъ поглощающее дѣйствіе сравнительно холодныхъ металлическихъ паровъ. На ряду съ водородными линіями, все еще рѣзкими и широкими, должны появиться слѣдовательно нѣжныя и тонкія линіи металловъ, число которыхъ по мѣрѣ продолжающагося охлажденія все увеличивается при одновременномъ ослабленіи водородныхъ линій, пока, наконецъ, мы не получимъ типичнаго спектра III класса. Главнѣйшимъ представителемъ этого класса является спектръ нашего солнца, звѣзда α Возничаго имѣетъ спектръ, вполнѣ тождественный по составу съ солнечнымъ, нѣкоторыя другія звѣзды—болѣе или менѣе приближающіеся.

При дальнѣйшемъ охлажденіи звѣзды солнечнаго типа прежде всего возрастаетъ число темныхъ линій, при одновременномъ ихъ усиленіи. Наконецъ, когда температура понизится настолько, что начнутъ образовываться химическія соединенія, этими послѣдними и будетъ обусловливаться характеръ спектра. Въ спектрахъ III-го класса особенно замѣчательны широкія темныя полосы, какія какъ разъ наблюдаются почти только у сложныхъ химическихъ соединеній. Для одной группы этого класса спектровъ удалось уже объяснить поглощенія дѣйствіемъ углеводородовъ, для другихъ пока природа поглощающихъ химическихъ соединеній еще не разгадана.

Вотъ какое важное значеніе имѣетъ для насъ изученіе звѣздныхъ спектровъ! Оно подсказываетъ намъ великую идею объ общемъ, единомъ планѣ въ строеніи вселенной.

Но, кромѣ этого общаго заключенія, интересны также частности, интересно, напримѣръ, выяснить количественныя отношенія звѣздъ каждаго класса, разсмотрѣть составъ вселенной, какой онъ есть въ настоящее время. Поэтому предпріятіе, на которое отважилась обсерваторія Гарвардскаго колледжа, именно сфотографировать спектры всѣхъ звѣздъ на небѣ до 11-ой величины, является чрезвычайно почтеннымъ.

Интересны и мелкія подробности въ спектрѣ каждой звѣзды,

такъ какъ при тщательномъ, детальномъ изученіи всегда можетъ обнаружиться какой нибудь важный фактъ. Но, конечно, эта работа нелегкая. Спектры звѣздъ очень слабы. Въ трубу непосредственно глазомъ на немъ разглядѣть ничего особеннаго нельзя. Только, когда научились фотографировать спектры, на фотограммахъ подъ микроскопомъ сравнительно легко стали различать ихъ строеніе. Но посмотрѣть на пластинку мало. Надо отожествить линіи съ извѣстными линіями земныхъ источниковъ, надо ихъ всѣ изучить, измѣрить ихъ положенія. А линіи эти часто трудно различаемы, и число ихъ въ спектрѣ можетъ быть очень большое. На такую кропотливую работу женщины особенно способны, такъ какъ, конечно, имъ, вообще говоря, нельзя отказать ни въ терпѣніи, ни въ аккуратности. Работы миссъ Мори могутъ служить для насъ въ этомъ примѣромъ.

Просматривая спектры, снятые на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа, директоръ ея Пикерингъ замѣтилъ, что линія, отмѣчаемая обыкновенно буквой K, на нѣкоторыхъ спектрограммахъ звѣзды Мицара (ζ Ursae majoris) является двойною. Онъ поручилъ разслѣдовать это загадочное явленіе миссъ Мори, и вотъ, когда былъ сопоставленъ цѣлый рядъ спектрограммъ, оказалось, что это двоеніе линіи K, повидимому, повторяется правильно черезъ извѣстные періоды. Отсюда нужно было заключить, что Мицаръ—двойная звѣзда; это не просто звѣзда, а сложная система, состоящая изъ двухъ солнцъ, настолько близкихъ, что они не могутъ быть раздѣлены даже въ сильныя трубы.

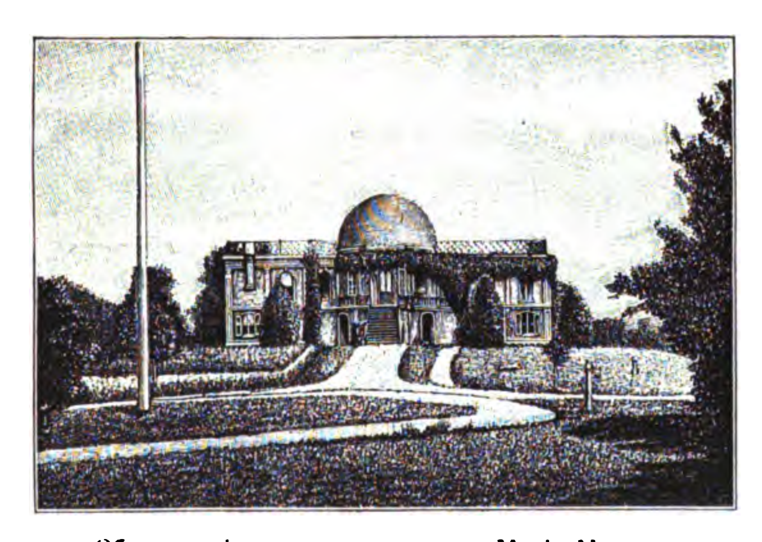
Двѣ звѣзды, входящія въ составъ одной системы, непремѣнно, по законамъ механики, должны двигаться около общаго ихъ центра тяжести, при чемъ если одна звѣзда движется къ намъ, то другая будетъ удаляться отъ насъ. Но если источникъ свѣта движется по лучу зрѣнія, то темныя линіи въ его спектрѣ должны измѣнять свое положеніе относительно цвѣтовъ. Спектры компонентовъ въ сложной парѣ вслѣдствіе близости послѣднихъ будутъ налегать другъ на друга, такъ что мы будемъ видѣть собственно только одинъ спектръ. Когда обѣ звѣзды движутся въ разныхъ направленіяхъ перпендикулярно лучу зрѣнія, всѣ одноименныя темныя линіи ихъ спектровъ совпадаютъ, но когда одна звѣзда идетъ по направленію къ намъ, то темныя линіи ея спектра отодвигаются къ фіолетовому краю, другая звѣзда въ это время удаляется отъ насъ, и темныя линіи ея спектра перемѣстятся къ красному концу. Мы увидимъ такимъ образомъ двоеніе темныхъ линій, прежде являвшихся простыми.

Вотъ единственное объясненіе, какое можно дать двоенію линій въ спектрѣ Мицара.

Совершенно аналогичное, но еще болѣе опредѣленно выраженное явленіе открыто самой миссъ Мори въ звѣздѣ β Возничаго. И

здѣсь по однимъ только двоеніямъ темныхъ линій на спектрограммахъ мы заключаемъ, что звѣзда представляетъ собой сложную систему двухъ солнцъ, настолько близкихъ между собою, что мы не имѣемъ даже надежды когда либо увидѣть ихъ отдѣльно въ самые сильные наши телескопы.

Этими наблюденіями открытъ такимъ образомъ намъ цѣлый классъ невидимыхъ интересныхъ системъ, существованія которыхъ мы не могли даже и подозрѣвать. А теперь мы не только знаемъ нѣсколько примѣровъ такихъ системъ, но мысленно даже созерцаемъ ихъ, такъ сказать, интимную жизнь, потому что по подробностямъ въ смѣщеніи темныхъ линій мы можемъ дѣлать

Обсерваторія, которою управляла Марія Митчэлъ.

заключенія о формѣ орбитъ, которыя описываются составляющими, времени полнаго оборота послѣднихъ по орбитамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже о массахъ ихъ.

Миссъ Мори мы обязаны, кромѣ того, идеей о сложныхъ спектрахъ, оказавшеюся полезною по нѣкоторымъ примѣненіямъ.

Есть одна звѣзда по имени Проціонъ. Въ собственномъ движеніи этой звѣзды давно уже были замѣчены неправильности, которыя, по догадкѣ Бесселя (1844 г.), могли происходить оттого, что эта звѣзда двойная, слѣдовательно вслѣдствіе возмущенія движенія главной звѣзды спутникомъ. Но только въ прошломъ 1896 г., 15-го ноября, астрономъ обсерваторіи Лика-Шеберле въ огромный 36-тидюймовый рефракторъ дѣйствительно усмотрѣлъ этого спутника, а до этихъ поръ, впродолженіе слѣдовательно 52 лѣтъ, гипотеза оставалась гипотезой. Только изслѣдованіе миссъ Мори

надъ спектромъ Проціона въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ дало намъ нѣкоторое подтвержденіе въ ея справедливости.

Миссъ Мори обратила вниманіе на то обстоятельство, что спектры нѣкоторыхъ раздѣляемыхъ трубой двойныхъ звѣздъ являются неопредѣленными, какъ бы переходными отъ одного класса къ другому. Это ясно происходило оттого, что спектръ спутника, обыкновенно принадлежащій къ I-му классу, налегалъ въ бо́льшей или меньшей степени на спектръ главной звѣзды, относящійся ко II-му классу.

У нея явилось подозрѣніе, что и въ другихъ случаяхъ неопредѣленность спектра можетъ происходить отъ смѣшенія спектровъ двухъ звѣздъ, очень близкихъ другъ къ другу. Между прочимъ и Проціонъ какъ разъ имѣетъ такой неопредѣленный спектръ, а такъ какъ на нѣкоторыхъ спектрограммахъ миссъ Мори было констатировано также смѣщеніе водородныхъ линій, указывающихъ какъ бы на движеніе спутника, то двойственность Проціона дѣйствительно являлась почти несомнѣнною. Миссъ Мори заподозрѣла, что и другія нѣкоторыя звѣзды, какъ, напримѣръ: τ Персея, β Возничаго, δ Стрѣльца и др., суть двойныя. Интересно, что Ригель— одна изъ яркихъ звѣздъ большаго красиваго созвѣздія Оріонъ, имѣетъ такой же спектръ, какъ и Проціонъ. Быть можетъ, недалеко время, когда мы увидимъ и слабаго спутника этой звѣзды, такъ какъ теперь, благодаря указаніемъ спектроскопіи, астрономамъ есть резонъ особенно тщательно прослѣдить за нею.

Не менѣе плодотворна дѣятельность г-жи Флемингъ.

Такъ, изучая фотографіи звѣздныхъ спектровъ, полученныя въ Арекиппѣ профессоромъ Бэлей, она открыла 26 октября 1893 года Новую звѣзду въ созвѣздіи Норма.

Въ исторіи астрономіи извѣстно нѣсколько примѣровъ неожиданнаго возгоранія свѣтилъ на небѣ, но только теперь, благодаря спектрографическимъ изслѣдованіямъ, мы получили возможность дѣлать болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы для объясненія этихъ интересныхъ явленій. Открытіе Новой въ Нормѣ имѣло поэтому огромную важность. Оно было сдѣлано въ то время, когда астрономы еще не успѣли покончить свои изслѣдованія надъ Новой въ созвѣздіи Возничаго, возгорѣвшейся за годъ передъ тѣмъ. Интересно было сопоставить наблюденія этихъ двухъ аналогичныхъ явленій. Оказалось, что спектры ихъ почти тождественны. Это обстоятельство, конечно, очень важно, помимо того интереса, который представляютъ особенности самыхъ спектровъ.

Весной 1895 года г-жа Флемингъ такимъ же способомъ открыла Новую звѣзду въ созвѣздіи Карина, спектръ которой оказался очень схожимъ съ спектрами Новой въ Возничемъ и Новой въ Нормѣ.

Наконецъ въ половинѣ декабря того же года директоръ обсерваторіи Гарвардскаго колледжа возвѣстилъ астрономическому міру, что г-жа Флемингъ открыла еще *новую* звѣзду въ созвѣздіи Центавра.

Есть интересный классъ звѣздъ, которыя измѣняютъ свой блескъ—это такъ называемыя перемѣнныя звѣзды. Онѣ раздѣляются на нѣсколько группъ. Для нѣкоторыхъ найдено уже объясненіе измѣненія ихъ блеска, но многія до сихъ поръ представляютъ явленія чрезвычайно загадочныя. Г-жа Флемингъ замѣтила между прочимъ, что перемѣнныя съ длиннымъ періодомъ въ измѣненіи блеска имѣютъ обыкновенно спектры, которые нужно отнести къ III-му классу, и что въ спектрахъ этихъ звѣздъ около maximum'a блеска ясно выступаютъ водородныя линіи. Эта особенность оказалась настолько характерною, что могла служить для указанія перемѣнныхъ звѣздъ. Разсматривая фотографическіе снимки звѣздныхъ спектровъ, полученныхъ на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа и ея отдѣленія въ Арекиппѣ, г-жа Флемингъ заподозрѣла нѣсколько звѣздъ въ томъ, что онѣ суть перемѣнныя, и дѣйствительно онѣ оказались таковыми. Въ настоящее время чуть не каждый номеръ спеціальныхъ органовъ: Astronomische Nachrichten или The Astronomical Journal, приноситъ намъ новыя и новыя открытія г-жи Флемингъ перемѣнныхъ звѣздъ, которыя представятъ потомъ массу интереса для спеціальныхъ изслѣдованій фотометристовъ.

С. В. Ковалевская.

Еще раньше г-жа Флемингъ открыла нѣсколько перемѣнныхъ по фотографическимъ пластинкамъ, на которыхъ были сняты не спектры, а самыя звѣзды—фотографированіе звѣздъ составляетъ также одну изъ главныхъ задачъ обсерваторіи Гарвардскаго колледжа и производится en grand для различныхъ цѣлей.

Г-жа Флемингъ извѣстна также нѣсколькими статьями, какъ спеціальнаго, такъ и болѣе общаго характера, по преимуществу въ американскомъ журналѣ «Astronomy and Astrophysic».

Изъ другихъ женщинъ-ассистентовъ обсерваторіи Гарвардскаго колледжа десять тоже по преимуществу работаютъ въ области звѣздной фотографіи, причемъ нѣкоторыя изучаютъ снимки, другія фо-

тографирують сами. Такъ миссъ Лилэндъ (Eva F. Leland) спеціально занимается опредѣленіемъ по фотографическимъ снимкамъ яркости звѣздъ и измѣрила уже (до 1894 года) болѣе 40.000 звѣздъ, не считая отдѣльныхъ звѣздныхъ кучъ. Миссъ Уэллсъ (Louisse D. Wells) и миссъ Стивенсъ (Mobes C. Stevens) съ большимъ успѣхомъ и необыкновенною точностью занимаются отожествленіемъ звѣздъ, полученныхъ на фотографическихъ пластинкахъ, съ тѣми, которыя уже занесены въ каталоги по наблюденіямъ глазомъ различными астрономами.

Въ 1888 году въ спеціальномъ французскомъ журналѣ «Bulletin Astronomique» появился переводъ статьи извѣстнаго спектроскописта Н. Локайера: Изслѣдованіе надъ спектрами метеоритовъ, сдѣланное m-lle Кломпке (Klumpke). Въ слѣдующемъ году мы находимъ имя послѣдней въ Comptes Rendus des Séances de l'Académie des Sciences, органѣ Парижской академіи наукъ, въ числѣ другихъ лицъ, наблюдавшихъ комету Барнарда, и съ тѣхъ поръ каждый годъ въ обоихъ названныхъ изданіяхъ появляются по нѣскольку разъ ея наблюденія интересныхъ объектовъ на небѣ, по преимуществу вновь открытыхъ кометъ и малыхъ планетъ. M-lle Klumpke офиціально принята въ штатъ Парижской обсерваторіи. Она наблюдаетъ рефракторомъ, который стоитъ въ восточной башнѣ, и завѣдуетъ особымъ бюро, задачей котораго является измѣреніе на фотографическихъ пластинкахъ положеній звѣздъ, имѣющихъ войти въ международный фотографическій каталогъ.

Но, кромѣ практическихъ работъ, m-lle Klumpke извѣстна также своими теоретическими трудами. Изъ послѣднихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ ея сочиненіе: «Contribution à l'étude des anneux de Sâturne», за которое она удостоена степени доктора математическихъ наукъ въ Сорбонѣ.

Въ Адріатическомъ морѣ, на одномъ небольшомъ островкѣ, по имени Люссинъ, два года тому назадъ нѣкая госпожа Манора (Manora) построила обсерваторію съ самою скромною обстановкой. Небольшой рефракторъ въ 7 дюймовъ діаметромъ, двѣ маленькія трубки, хронометръ, спектроскопъ да assortiment окуляровъ къ трубамъ—вотъ и все ея богатство. Но зато условія, въ которыхъ находится обсерваторія, не оставляютъ желать ничего лучшаго. По описанію директора ея Л. Бреннера, тамъ—рай земной. Въ то время, когда въ Римѣ лежалъ снѣгъ толщиной въ метръ, когда въ Неаполѣ термометръ стоялъ на—8°, на обсерваторіи г-жи Маноры отсчитали только—1°. И это былъ исключительный случай. Такая низкая температура продержалась только одинъ день. Обыкновенно же зимой температура колеблется здѣсь между +5° и +25° C.

Финиковая пальма, апельсины, лимоны и другія нѣжныя деревья зеленѣютъ и цвѣтутъ круглый годъ. Благодаря смягчающему вліянію моря, и лѣто здѣсь прекрасно, безъ изнурительной жары. Но что особенно важно для астрономовъ—здѣсь не замѣчается значительной разности въ температурѣ дня и ночи, нѣтъ измѣненій въ атмосферныхъ условіяхъ, вредныхъ для наблюденій, и всѣ небесныя свѣтила видны здѣсь съ такою ясностью, о которой и не слышно на материкѣ. По счастью, и рефракторъ оказался великолѣпнымъ—это чудное произведеніе великихъ художниковъ Рейнфельдера и Гертеля.

Понятно, что при такихъ условіяхъ обсерваторія могла отдать свое вниманіе труднымъ изслѣдованіямъ поверхности планетъ. И вотъ за два года ея существованія мы имѣемъ уже большой рядъ отчетовъ директора Бреннера, который сообщаетъ массу интересныхъ неожиданныхъ подробностей, совершено измѣняющихъ наши воззрѣнія на устройство поверхности многихъ планетъ. Конечно, Бреннеръ не могъ еще дать ничего рѣшающаго, тѣмъ не менѣе въ виду всего сказаннаго приходится считаться съ указанными имъ фактами, приходится обратить на нихъ вниманіе. Наблюденія на обсерваторіи г-жи Маноры производитъ по преимуществу самъ Бреннеръ, но ему помогаетъ и жена его, очень часто принимаетъ въ нихъ участіе и сама владѣлица—г-жа Манора, которая, замѣтимъ кстати, обладаетъ глазами особенно чувствительными къ наблюденіямъ нѣжныхъ деталей. Вотъ примѣръ дѣятельнаго, непосредственнаго сочувствія астрономіи отъ любителя, жертвующаго свои достатки на развитіе любимой науки.

Я не имѣю возможности перечислять всѣхъ женщинъ, заявившихъ о себѣ тою или другою работой въ астрономіи—ихъ въ настоящее время уже очень много, но я думаю, что если я назову еще англичанку миссъ Клерке (A. Klerke), извѣстную различными астрономическими изданіями, какъ, напримѣръ, «Исторія астрономіи въ XIX вѣкѣ», «Звѣздныя системы», и массой статей, въ которыхъ она излагаетъ и комментируетъ новѣйшія открытія, то этого будетъ болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы доказать, что женщина дѣйствительно можетъ съ успѣхомъ работать во всѣхъ областяхъ астрономіи. Поэтому я остановлюсь еще только на работахъ русскихъ женщинъ.

Русская женщина, какъ только открывалась для нея хоть малѣйшая возможность, никогда не отставала отъ другихъ въ стремленіи къ знанію, живой самодѣятельности въ области науки и на пользу общую. Астрономія тоже не забыта ею.

Академикъ Баклундъ, читая астрономію на С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, сумѣлъ привлечь нѣкоторыхъ изъ сво-

ихъ слушательницъ къ непосредственному участію въ астрономическихъ вычисленіяхъ. Сдѣлавшись директоромъ Пулковской обсерваторіи, онъ пригласилъ ихъ туда, поручая имъ для вычисленія длинные ряды различныхъ наблюденій. Въ 1895 г. на Пулковской обсерваторіи работали въ качествѣ вольнонаемныхъ вычислительницъ г-жи Жилова и Бронская, въ прошломъ 1896 г. за выбытіемъ по болѣзни г-жи Бронской поступили г-жи Максимова и Теплякова.

Официальные отчеты директора свидѣтельствуютъ о необычайномъ трудолюбіи всѣхъ ихъ, точности и аккуратности въ ихъ работахъ.

Въ настоящее время съ успѣхами фотографіи открылось широкое поле для изученія звѣздныхъ скопленій. Прежде при наблюденіяхъ глазомъ въ трубу было слишкомъ трудно опредѣлять положенія звѣздъ въ густомъ скопленіи, и въ этомъ направленіи было сдѣлано сравнительно очень немного попытокъ, при чемъ всегда ограничивались лишь небольшимъ числомъ наиболѣе яркихъ звѣздъ. Теперь предпочитаютъ звѣздныя кучи фотографировать, чтобы потомъ по фотографической пластинкѣ измѣрять положенія ихъ составляющихъ, равно какъ и яркость послѣднихъ.

И вотъ г-жа Жилова принимается за такую работу. Она измѣрила фотографическія величины звѣздъ въ кучѣ 20 созв. Лисицы по снимку профессора Доннера въ Гельсингфорсѣ, а потомъ положенія звѣздъ въ скопленіи созв. Вѣсовъ по фотограммѣ, снятой астрономомъ г. Бѣлопольскимъ въ Пулковѣ, укрѣпивъ такимъ образомъ основной пунктъ, съ которымъ будутъ сравнивать послѣ, лѣтъ черезъ 50, черезъ 100, свои наблюденія этой кучи наши потомки для выясненія сложныхъ движеній и законовъ, ими управляющихъ, въ далекихъ звѣздныхъ мірахъ. Г-жи Бронская и Стебницкая опредѣлили положенія 2000 звѣздъ въ интересныхъ кучахъ h и χ Персея — работа, по своей полнотѣ и аккуратности превосходящая всѣ, которыя были сдѣланы прежде при изслѣдованіи названныхъ скопленій. Эти труды напечатаны въ изданіяхъ нашей Академіи Наукъ.

Въ отчетахъ г. Баклунда мы читаемъ также, что г-жа Жилова послѣ цѣлаго ряда учебныхъ работъ перешла теперь къ самостоятельнымъ наблюденіямъ надъ двойными звѣздами съ большимъ разстояніемъ, а г-жа Максимова занимается измѣреніями яркости звѣздъ на фотометрѣ. Она помогала также директору своими алгебраическими и численными вычисленіями въ его теоретическихъ изслѣдованіяхъ.

Въ журналѣ Astron. Nachrichten и изданіяхъ нашей академіи наукъ мы находимъ работы еще одной русской женщины — графини Н. Бобринской, которая занималась опредѣленіемъ орбитъ кометъ. Она измѣряла также положенія звѣздъ въ скопленіи G. C. 4294 по фотограммѣ, снятой г. Бѣлопольскимъ въ Пулковѣ.

Семьѣ русскихъ астрономовъ хорошо извѣстно имя г-жи Делленъ, дочери недавно скончавшагося въ городѣ Юрьевѣ бывшаго пулковскаго астронома В. К. Деллена, которая сдѣлала массу вычисленій для изданій своего отца и принимала участіе въ обработкѣ наблюденій Юрьевской обсерваторіи.

Наконецъ, я долженъ назвать нашу знаменитую, талантливую соотечественницу Софью Васильевну Ковалевскую, которая между прочимъ удѣлила часть своего вниманія интересному вопросу Небесной механики о равновѣсіи кольца Сатурна въ предположеніи, что оно жидкое. Прилагаю портретъ удивительной женщины-математика, являющейся гордостью и красой русскаго имени. Взирая на это прекрасное лицо, вспоминая все, что сдѣлала Софья Васильевна, нельзя не пожалѣть о преждевременной ея утратѣ, о ея несчастной личной жизни, о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ ей пришлось учиться и работать, поэтому и я въ заключеніе своего очерка объ успѣхахъ женщинъ въ области астрономіи не могу не высказать пожеланія, чтобы въ возможно скоромъ времени во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ выработались такіе взгляды и условія жизни, при которыхъ женщина могла бы безъ всякаго тормаза позаботиться объ интеллектуальномъ своемъ развитіи.

Пусть каждой изъ женщинъ самой предоставятъ рѣшить, на что она болѣе способна: на то ли, чтобы погрузиться въ мелочныя заботы домашняго обихода, или на то, чтобы сдѣлаться эѳирнымъ созданіемъ въ качествѣ украшенія гостиной, чтобы взять на себя исключительно святыя обязанности разумной матери или хотя часть своего вниманія удѣлить развитію талантовъ, дарованныхъ ей природой.

Пока не пришло время свободнаго для женщины выбора профессіи, свободной ея дѣятельности, наука должна особенно цѣнить тѣхъ женщинъ, которыя сумѣли отдать ей свои силы; астрономія можетъ и должна быть благодарна всѣмъ женщинамъ, которыя работали въ ея области, какъ благодарны, вѣроятно, сами эти женщины судьбѣ за то, что она позволила имъ пріобщиться этой великой изъ наукъ.

К. Покровскій.

Юрьевъ. Астр. обсерваторія.
16-го марта 1897 г.

ФРАНКО-РУССКАЯ НЕДѢЛЯ.

ТО ЗА ДИВНОЕ путешествіе въ Nord-Express! Въ двое сутокъ онъ домчалъ насъ отъ Петербурга до Парижа. Пассажировъ было мало, всего, кажется, двѣнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ одна дама. Представительница прекраснаго пола или совсѣмъ не интересовалась исключительно мужскимъ обществомъ, или обидѣлась на нѣкоторую съ нашей стороны холодность. Она послѣ перваго же обѣда за уединеннымъ столомъ заперлась въ своемъ купе и не выходила вплоть до Парижа. Мы, кавалеры, оставались полными господами и столовой и салона.

Поѣздъ останавливается лишь на большихъ узловыхъ станціяхъ и то на самое короткое время. Самая длинная остановка въ Вержболовѣ и единственная пересадка въ Эйдкуненѣ. Проносясь молніей по чужимъ краямъ, съ своимъ служебнымъ персоналомъ, съ своей кухней и столовой, съ одними и тѣми же пассажирами, нашъ поѣздъ представлялъ собою дѣйствительно нѣчто «международное», совершенно обособленное отъ мѣстныхъ интересовъ. Быстро мелькаютъ передъ нами образцово, не порусски, воздѣланныя германскія поля, уходятъ вдаль прекрасныя шоссированныя, обсаженныя деревьями дороги. Вотъ слышится пронзительный свистокъ, и безъ того быстро идущій поѣздъ еще усиливаетъ ходъ, мы вихремъ проносимся мимо не то крохотнаго городка, не то деревни съ трехъэтажными домами, вплотную прижавшимися къ полотну дороги.

Иной встрѣчный путникъ съ интересомъ вглядывается въ приближающіеся къ нему вагоны, но невозможно различить, что дѣлается внутри этихъ коробокъ двигающихся съ неимовѣрною быстротой. Блеснули на солнцѣ зеркальныя окна, и поѣздъ уже прогромыхалъ, обращаясь въ скоро скрывающуюся на горизонтѣ полоску. А въ этой безжизненной извнѣ коробкѣ слышатся остроты и раскатывается веселый смѣхъ за роскошно накрытыми обѣденными столиками.

Машинистъ, точно русскій ямщикъ, припускающій тройку по деревнѣ, съ особенною лихостью летитъ мимо чистенькихъ желѣзнодорожныхъ станцій, увитыхъ виноградомъ. На платформахъ маленькія Анхенъ и Гретхенъ съ ужасомъ сторонятся отъ страшнаго чудовища, съ трескомъ и громомъ проносящагося мимо нихъ. Верхомъ «интернаціональнаго» пренебреженія къ Германіи была остановка поѣзда въ Берлинѣ въ теченіе лишь пяти минутъ. И опять раздались возгласы интернаціональныхъ кондукторовъ «en voiture!» Захлопнулись дверцы, и мы надъ головами берлинцевъ понеслись въ дальній путь, черезъ страну черепичныхъ крышъ, дымящихся повсюду фабричныхъ трубъ, каменноугольныхъ горъ и милліонной массы молчаливыхъ рабочихъ блузниковъ съ фарфоровыми трубками или невыносимыми грошовыми сигарами...

Вотъ наконецъ и великая западная рѣка, а вонъ и Wacht am Rhein—мостовыя укрѣпленія, казармы. Оттуда несется стройное пѣніе сотни солдатскихъ голосовъ, они восхваляютъ Вседержителя и просятъ отъ Всеблагого милости посильнѣе побить непріятеля... Передъ нами выступаетъ чудный обликъ Кельнскаго собора.

Фабрики, заводы, броненосцы, 12-ти-дюймовыя орудія, поѣзда-express'ы, эйфелевы башни тучей заволокли то время, когда незначительная по современному людосчисленію Западная Европа удивляла міръ своимъ грандіознымъ церковнымъ зодчествомъ, въ родѣ этого грандіознаго храма...

Люблю я веселую во все лицо улыбающуюся дорогу по Бельгіи. Холмистая мѣстность, прорѣзанная серебристой, капризно извивающейся рѣкой, осыпана безчисленными привѣтливыми домами. Горы, солнце, обиліе зелени и оживленіе на улицахъ скрадываютъ даже фабричную скуку.

Вотъ и милая Франція! Поѣздъ несется съ такою быстротой, что вагоны такъ и бросаетъ изъ стороны въ сторону, и нѣкоторые непривычные пассажиры съ тревожно вопросительнымъ взглядомъ обращаются въ сторону болѣе опытныхъ.

— Не безпокойтесь, ничего не случилось. Качаетъ? да, у нѣкоторыхъ до морской болѣзни доходитъ.

Ровно черезъ 48 часовъ послѣ отъѣзда изъ Петербурга мы уже на Парижской станціи Gare du Nord. Жаль оставлять вагонъ, въ которомъ такъ далеки были всѣ мірскія заботы и безпокойства. Надо въ сутолкѣ искать носильщиковъ, экипажъ. Нѣтъ, лучше бы еще оставаться въ экспрессѣ...

Хотя до пріѣзда государя оставалось только нѣсколько дней, но декоративныхъ приготовленій еще виднѣлось немного. Французы образцовые декораторы и стараются не расхолаживать публику длинными сборами и предварительными работами по устройству внѣшнихъ украшеній.

Близость пріѣзда русскаго царя выражалась значительнымъ наростаніемъ населенія всемірной столицы. Гостиницы и меблированныя комнаты переполнены, въ ресторанахъ не добиться свободнаго столика, по бульварамъ народъ валитъ валомъ. Весело становится при видѣ этой человѣческой разноцвѣтной волны. Можно ли сравнить съ парижскимъ наше троттуарное движеніе въ часы оживленія по Морской, гдѣ пѣшеходы двигаются такимъ шагомъ, точно направляются къ театральной кассѣ за билетами. Улицы запружены экипажами; но ловкіе кучера удачно протискиваются черезъ живую массу. Какъ бѣдно и не презентабельно громадное большинство нашихъ упряжекъ по сравненію съ парижскими!..

Хлопаніе бичей, на подобіе ружейныхъ выстрѣловъ, рожки кондукторовъ, громыханіе огромнѣйшихъ омнибусовъ,—все это сливается въ одинъ общій шумъ, къ которому, впрочемъ, скоро привыкаешь. На стѣнахъ расклеены окружныя воззванія радикальнаго муниципалитета, приглашающія жителей принять русскаго царя съ подобающимъ торжествомъ. Въ витринахъ магазиновъ виднѣются портреты и бюсты ихъ величествъ. Повсюду на бульварахъ громко предлагаютъ царскія фотографическія карточки, программы празднествъ и различныя articles franco-russes.

Погода не особенно благопріятная. Осень даетъ уже о себѣ знать брызгами съ неба; да и листья у каштановъ почти уже осыпались и отняли у бульваровъ значительную долю украшенія. Французская любовь къ изяществу не можетъ мириться съ лысѣющими деревьями. Въ знаменитомъ кругѣ Rond Point елисейскихъ полей, на нашихъ глазахъ, устраиваютъ весну, одѣвая вѣтви каштановъ искусственными цвѣтами. Остроумная выдумка занимаетъ гуляющихъ, и они съ любопытствомъ и большимъ участіемъ относятся къ этой работѣ, помогая своими совѣтами декораторамъ.

Парижскія общественныя зданія, за исключеніемъ Лувра, l'arc de triomphe и ратуши, не производятъ на меня впечатлѣнія грандіозности. Происходитъ это, вѣроятно, отъ обилія громадныхъ частныхъ зданій и отъ однообразнаго мундирнаго темно-сѣраго цвѣта каменной облицовки. Для спѣшнаго наблюдателя это отсутствіе хотя нѣкоторой яркости не даетъ возможности разобраться въ красотѣ архитектурныхъ линій, сливающихся на мутномъ сѣромъ фонѣ непрерывной цѣпи каменныхъ, одноцвѣтныхъ, похожихъ одна на другую громадъ. Что украшаетъ здѣшнія улицы,—это чудные бульвары и аллеи. Парижане должны съ благодарностью вспоминать о Гаусманѣ, не остановившемся ни передъ какими трудно-

стями и затратами для переустройства и украшенія города. Найдется ли когда нибудь въ Петербургѣ свой Haussmann, который бы сумѣлъ превратить широкія улицы и узкіе грязные Екатерининскій, Крюковъ, Лебяжій и Введенскій каналы въ бульвары? Найдется ли человѣкъ, который въ людныхъ частяхъ города современные дровяные дворы, эти склады гніющаго дерева и питомники всякихъ грибковъ, обратитъ въ скверы, гдѣ; хотя бы дѣти, могли набраться недостающаго имъ чистаго воздуха?

При видѣ Кельнскаго собора у меня зароились мысли объ упадкѣ современнаго церковнаго строительства, но онъ хотя достроенъ на нашихъ глазахъ, а парижскій каѳедральный храмъ, стоящій сотни лѣтъ въ теперешнемъ видѣ, конечно, никогда не дождется увѣнчанія башнями, задуманными архитекторомъ...

Еженедѣльно, въ воскресенье, въ 2 часа служится grande messe. Въ ожиданіи стеченія народа, я поторопился заранѣе занять себѣ мѣсто. Моросилъ дождь. Асфальтовая площадь передъ Notre Dame издали казалась гигантскимъ зеркаломъ, въ которое глядѣлся древній соборъ. По преданіямъ, въ далекіе старые годы въ соборъ надо было подниматься по ступенькамъ, но впослѣдствіи, при нивеллировкѣ улицъ и площадей, окружающая мѣстность выросла и сравнялась съ порогомъ Notre Dame. Горы мусора дали возможность улицѣ приподняться, но не облегчили дороги къ молитвенному дому... У церковныхъ дверей маячитъ молодцоватый городовой, и пять-шесть нищихъ сидятъ въ нишахъ стѣны, вытертой спинами богомольцевъ. За массивною дверью, у самаго входа въ храмъ, сидитъ слѣпой съ тарелочкой, на груди у него прикрѣплена дощечка, съ надписью «père de cinq enfants»; недалеко отъ него сидитъ съ кружкой въ пользу убѣжища симпатичная religieuse, во всемъ черномъ съ бѣлыми плерезами.

Къ моему удивленію, въ громадномъ храмѣ не было почти никого. Дневной свѣтъ, слабо пробиваясь черезъ цвѣтныя окна, освѣщаетъ громадный сводчатый храмъ. Длинный, сжатый колоннами, какъ во всѣхъ романскихъ и готическихъ постройкахъ, полутемный нефъ кажется какимъ-то искусственнымъ ущельемъ, черезъ которое вѣрующіе стремятся проникнуть къ виднѣющемуся вдали святому алтарю. Проникаясь уваженіемъ къ древнему христіанскому храму, невольно понижаешь голосъ и шепотомъ обращаешься къ старому сторожу; но онъ, звеня на ходу огромными ключами, громко, хотя неохотно, отвѣчаетъ на надоѣвшіе ему, вѣроятно, вопросы. Гулко раздаются его шаги по церкви, и слышится рѣзкій возгласъ: «à deux heures, messieurs, à deux heures».

Ждать пришлось недолго. Многочисленное духовенство уже было въ сборѣ, и слышалось непріятное чтеніе, удивительно напоминавшее манеру нашихъ старыхъ псаломщиковъ. Не успѣвалъ замолкнуть одинъ голосъ, какъ раздавался выкрикивающій носовой возгласъ

другого чтеца. Вскорѣ загудѣлъ малый органъ, и къ нестройному пѣнію духовныхъ особъ присоединился довольно большой дѣтскій хоръ. Въ то время, какъ у алтаря шла месса съ полнымъ благочиніемъ и пышностью, присущими каѳедральному храму французской столицы, въ громадномъ пространствѣ, отведенномъ для богомольцевъ, собралось всего лишь нѣсколько человѣкъ, уплатившихъ по 10 сантимовъ за право сидѣть на соломенныхъ стульяхъ, такъ не гармонирующихъ съ суровою величественностью внутренности собора. При видѣ этого малолюднаго собранія вѣрующихъ у меня сжалось болѣзненно сердце. Было время, когда при звукѣ bourdon de Notre Dame народъ неудержимою волной катился въ церковныя двери, сплошною массой заполнялъ всѣ уголки храма и благоговѣйно слушалъ святое богослуженіе. А теперь!.. Двѣ старушки мирно спали, да развалились въ непринужденныхъ позахъ англичанинъ съ англичанкой, въ небрежныхъ дорожныхъ костюмахъ и съ красными «бедекерами» въ рукахъ вмѣсто молитвенниковъ.

Вотъ отъ алтаря—въ предшествіи мальчиковъ, служекъ, двинулась къ намъ процессія прелатовъ, одѣтыхъ въ шелка и кружева. Человѣкъ десять молящихся, черными точками разбросанныхъ по храму, встали, одна изъ старушекъ продолжала мирно спать, англичане нисколько не безпокоили себя и лишь съ любопытствомъ разглядывали процессію. Что творилось въ душѣ старшаго прелата, взоръ котораго уходилъ куда-то въ даль, поверхъ суетной праздности любопытныхъ!?. Вдругъ, точно мощный голосъ разгнѣваннаго библейскаго пророка, неожиданно раздались сзади насъ громовые перекаты громаднаго соборнаго органа. Всѣ встрепенулись. Кто сидѣлъ за гигантскимъ инструментомъ, не знаю. Быть можетъ, то было слабое изможденное созданіе; но, несомнѣнно, его нервы, возбужденные безразличіемъ зрителей, а не молящихся, требовали выхода въ музыкальномъ ропотѣ на человѣческое невѣжество и одеревенѣлость...

Это отсутствіе молящихся, конечно, лишь временное, преходящее и, можетъ быть, даже случайное явленіе, такъ какъ, несомнѣнно, въ Парижѣ живетъ масса истинно вѣрующихъ христіанъ.

Болѣе семисотъ лѣтъ стоящія стѣны собора видѣли немало ужасовъ торжества той кровавой свободы, того равенства, той вѣротерпимости, которыя приносили человѣчеству проповѣдники-палачи, нагло попиравшіе сами всѣ тѣ основы, которыя они ставили своимъ девизомъ, своимъ знаменемъ. Сто лѣтъ тому назадъ храмъ, мозолившій глаза ненавистникамъ ученія любви и всепрощенія, отданъ былъ дикимъ санкюлотамъ на разграбленіе и разрушеніе; но не подъ силу было вандаламъ разбить христіанскую работу. Вскорѣ революціонеры, жаждавшіе какого нибудь культа и поклоненія высшему, устроили въ Notre Dame de Paris храмъ Разума. Тогда въ соборѣ запылалъ «огонь Истины», и появилась танцовщица въ роли «богини Правды». И это все прошло, прошли и черные дни послѣдней коммуны, о ко-

торой въ соборѣ напоминаютъ имена погибшихъ жертвъ, занесенныя на черную доску надъ южными дверями, да статуя умерщвленнаго парижскаго архіепископа Darboy.

Гигантскій органъ, послѣ грома и рыданій, зазвучалъ радостною мелодіей любви и всепрощенія.

Дождь пересталъ. На улицѣ чистота, безупречный порядокъ. Лица встрѣчаются улыбающіяся, добродушныя. Магазины переполнены народомъ. Неужели этотъ же милый и тихій людъ способенъ къ неистовству, къ грабежу, къ насилію и поруганію завѣтовъ истинной цивилизаціи!..

Какъ ни тѣсно на тротуарахъ, но въ извѣстныхъ магазинахъ «Bon-Marché» еще тѣснѣе, точно въ Петербургѣ на вербахъ, въ Гостиномъ дворѣ. Буквально цѣлый мобилизированный полкъ, въ 3 т. человѣкъ, продавцовъ и продавщицъ разрываются на части, чтобы удовлетворить желающихъ, прибывающихъ вереницами черезъ нѣсколько подъѣздовъ. При входѣ происходитъ регистрація, записываютъ адресъ и вручаютъ талонъ съ марками для отмѣтки купленныхъ вещей. Будьте увѣрены, съ пустыми руками изъ магазина не уйдете. Громадный базаръ разсчитанъ на то, что посѣтитель, зашедшій поглазѣть, если и не думаетъ о серьезной покупкѣ, то въ концѣ концовъ не удержится отъ пріобрѣтенія или какого нибудь новаго фасона галстуха, или блестящей мыльницы, или обрывка старинныхъ кожаныхъ обоевъ. Цѣны prix-fixe, торговаться не надо; вы указываете на вещь, ее упаковываютъ, наклеиваютъ одну изъ марокъ отъ вашего талона и передаютъ приказчику слѣдующаго отдѣла, и такъ незамѣтно накопляется гора совершенно ненужныхъ вещей; это васъ, однако, не смущаетъ, вы знаете, что ихъ вамъ не только доставятъ на домъ, но и любую возьмутъ назадъ, буде пожелаете. Перспектива возврата нисколько не пугаетъ и администраціи магазина. Купцы знаютъ психологію покупателя,—не вернетъ всего... И они правы. Оборотъ Bon-Marché, говорятъ, достигаетъ 150 милліоновъ франковъ.

Энциклопедичные магазины—враги среднихъ и мелкихъ лавочекъ, но имъ не удается никогда убить мастерскія истинныхъ, талантливыхъ спеціалистовъ. Въ этомъ отношеніи организація нашихъ гостиныхъ дворовъ, думается, болѣе цѣлесообразная. Собирая въ одно мѣсто разнообразные товары по отдѣльнымъ магазинамъ, она гарантируетъ большее усовершенствованіе въ каждой отросли мастерства.

На углу короткой, но широкой, обставленной громадными домами, Rue Royale и Place de Madeleine движеніе необычайное. Здѣсь станція многочисленныхъ, разноцвѣтныхъ омнибусовъ, которые съ бою набиваются публикой; здѣсь начало той цѣпи оживленнѣйшихъ въ мірѣ бульваровъ, которые, на протяженіи трехъ верстъ прорѣзывая центръ Парижа, связываютъ двѣ совершенно враждебныя по своимъ памятникамъ площади Маделейнъ и Республики. На первой, во время реставраціи законченъ постройкой храмъ въ память не-

счастной королевской четы, геройски покончившей жизнь на гильотинѣ. На второй, на высокомъ пьедесталѣ красуется бронзовая статуя, изображающая республику и воплощеніе въ бронзѣ Liberté, Egalité et Fraternité, а на барельефахъ изображены важнѣйшіе моменты первой революціи. Отъ Madeleine'а «Королевская» улица ведетъ на площадь Согласія, гдѣ казнили Людовика XVI и Марію-Антуанету; а отъ памятника Республики просторная аллея прямо направляется на знаменитое кладбище Père Lachaise, гдѣ нашли покой и террористы, и роялисты, и республиканцы, и коммунары. Кладбище съ полнымъ правомъ также можно назвать площадью Общаго Согласія, хотя и мертваго.

Снующему по троттуару народу мало дѣла до исторіи; онъ любуется на зеркальныя окна чудныхъ магазиновъ, на нарядныхъ дамъ, на катящіеся по торцамъ изящные экипажи, онъ живетъ настоящимъ, живетъ впечатлѣніями дня и газетными новостями.

— Voilà Le Soleil!

— Achetez l'Eclair!

Раздаются зычные выкрики газетчиковъ. Бульвары освѣтились яркими электрическими огнями. Передъ многочисленными кафе всѣ стулья заняты публикой, распивающею различныя consomations; рестораны полны народомъ. Въ болѣе шикарныхъ, напримѣръ, у Paliard, у Larue, даже записываются впередъ на столы. Здѣсь обѣдаютъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, дамы въ бальныхъ костюмахъ. Столики, изъ экономіи къ пространству, поставлены такъ близко, что прикасаешься къ локтю совершенно незнакомаго сосѣда.

Въ деньгахъ не стѣсняются. Богатая Западная Европа и Америка оставляютъ здѣсь много золота, а за ними и русскіе, размѣнявъ тощія кредитки, стараются не отставать отъ своихъ учителей.

Набѣгавшись за день и насмотрѣвшись вдоволь, пріятно въ доброй компаніи дорожныхъ спутниковъ провести часокъ-другой за хорошимъ обѣдомъ, въ веселой бесѣдѣ. Постепенно улица уступаетъ мѣсто желѣзнодорожнымъ воспоминаніямъ.

— А барыня-то обидѣлась. Не выходила до самаго Парижа,— вспоминаетъ пассажирку Express'а самый младшій изъ насъ.

— Ей-Богу, господа, это было къ лучшему, — вставляетъ свое замѣчаніе очень еще моложавый, симпатичный генералъ.—Развѣ мы бы всѣ такъ сошлись, если бы замѣшалась дама? Ни-и-когда! А теперь любо-дорого. Еще ни разу мнѣ не случалось встрѣчать за границей русскихъ, не избѣгающихъ другъ друга. Это, впрочемъ, и знаменіе времени, стали себя цѣнить больше.

— Генералъ! Вѣдь вы, кажется, во время первыхъ франко-русскихъ торжествъ были во Франціи?

— Да, вѣрно, и могу сказать, имѣлъ успѣхъ. Былъ я съ сослуживцами на французскихъ водахъ. Узнали они, видите ли, что русскій я генералъ. Ну-съ, приглашаютъ насъ на большой обѣдъ, меня

сажаютъ между префектомъ и дивизіоннымъ генераломъ. Ничего-съ, обѣдаемъ мы, все идетъ хорошо. Чувствую я, однако, что время, какъ будто къ спичамъ подвигается, а, сказать вамъ правду, по-французски я больше чѣмъ слабъ; и что касается разговора, такъ больше храбростью беру. Вижу я, дѣло мое плохо. Обращаюсь къ сослуживцу, молодому офицеру, и прошу его говорить отъ моего имени. Плелъ онъ тамъ что-то длинное, и, кажется, складно у него выходило, но, чувствую, публикѣ не понравилось, и всѣ ждутъ, что скажу я. Подлили шампанскаго. Лица у всѣхъ разрумянились. Нечего дѣлать, всталъ я и говорю. Mesdames et messiurs! Je suis russe, vous êtes français, mais ensemble nous sommes franco-russes! Вижу, дѣйствуетъ, начали улыбаться, и съ другого конца стола загремѣло браво. Я и пошелъ, и пошелъ... Правда, больше порусски, спрошу только сосѣда въ болѣе важномъ мѣстѣ, какъ это выходитъ по-французски, переведу и дальше. Какъ захватилъ alliance franco-russe, такъ отмѣтилъ его: залпомъ бокалъ выпилъ и разбилъ его вдребезги; крѣпче де будетъ! И-и пошли виваты, виваты во всю. Дивизіонный генералъ на столъ всталъ и заявилъ: русскій царь—нашъ король! Сгоряча-то я наговорилъ всего, а что такое говорилъ, въ точности и не знаю, потому пойди, разбери французскія слова, которыя я имъ выбросилъ. Струхнулъ я, цѣлую ночь не спалъ. Думаю, осмѣютъ меня французы за мою застольную рѣчь, прославятъ на весь свѣтъ. Утромъ съ дрожью разворачиваю газету и глазамъ не вѣрю. Оказывается, я сказалъ прекраснѣйшій спичъ... Молодцы репортеры! Сами за меня потрудились. Народъ на улицѣ оваціи мнѣ дѣлалъ, ну-съ, видите ли,—а я раскланивался...

Къ концу нашего обѣда у Larue обычный городской шумъ сталъ усиливаться, чувствовалось, что на улицѣ происходитъ что-то особенное, чрезвычайное. Долетаютъ звуки музыки, нестройное пѣніе и дружные возгласы: Vive l'armée!

Конечно, всѣ присутствующіе въ ресторанѣ купно съ гарсонами и самимъ «патрономъ» вышли на троттуаръ.

У Маделейнъ, на ступеняхъ храма, на троттуарахъ и въ экипажахъ тѣснилась жаждавшая зрѣлища публика, къ которой приближалась по Rue Royale цѣлая процессія. Впереди шла тысячная толпа, не щадя горла и легкихъ, подъ аккомпаниментъ оркестра распѣвала марсельезу, за пѣвцами двигался баталіонъ зуавовъ, только что прибывшихъ въ Парижъ къ русско-французскимъ праздникамъ. Баталіонъ затерялся въ массѣ присоединившихся къ шествію добровольцевъ, шагавшихъ подлѣ самой колонны. Издали о присутствіи въ процессіи войскъ можно было догадаться лишь по виднѣвшейся надъ головами металлической полоскѣ ружей. Несмотря на массу народа, процессія двигалась впередъ съ замѣчательною быстротой, совершенно несвойственною нашимъ, русскимъ нравамъ. Красные зуавы въ фескахъ, курткахъ и шальварахъ шли такъ

называемымъ гимнастическимъ шагомъ и, судя по торжественно настроеннымъ лицамъ, преисполнены были чувства гордости и самоупоенія. И нельзя было, дѣйствительно, оставаться равнодушнымъ къ тому сердечному порыву, съ которымъ парижская улица, любящая вообще армію, встрѣчала своихъ рѣдкихъ гостей, составившихъ себѣ всесвѣтную славу своей храбростью и выносливостью.

Vive l'armée! Bravo les zouaves! Vive la France! Vive l'Afrique! Эти клики вмѣстѣ съ громомъ аплодисментовъ вихремъ пронеслись по площади Маделейнъ. Процессія быстро миновала насъ; горячія привѣтствія смолкли, и лишь долетали только все далѣе и далѣе уходившіе звуки побѣдной марсельезы.

Этотъ пятиминутный спектакль, яркостью красокъ и быстротою постановки, произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, и стоитъ только заговорить о зуавахъ, какъ передо мною раскрывается чудная панорама парижскаго оживленія и горячаго пріема войскъ.

Однако время было озаботиться полученіемъ различныхъ билетовъ и пропусковъ на предстоящія празднества. Прежде всего, конечно, обратился въ наше посольство, гдѣ встрѣтили очень любезно, обѣщали записать въ списки, но посовѣтовали внести и личную энергію въ полученіе желаемаго. И вотъ, снабженный нужными указаніями, я побывалъ и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, на знаменитомъ Quai d'Orsay, у chef du protocole, у, такъ сказать, французскаго оберъ-церемоніймейстера. Прекрасный домъ, занимаемый министромъ иностранныхъ дѣлъ, какъ извѣстно, предназначался французскимъ правительствомъ для помѣщенія ихъ величествъ; но государь императоръ не пожелалъ безпокоить живущихъ въ домѣ и удовольствовался сравнительно небольшимъ помѣщеніемъ русскаго посольства.

Monsieur Crozier, видный мужчина среднихъ лѣтъ, съ большими холеными усами и нѣсколько утомленнымъ голосомъ, принялъ меня, какъ, вѣроятно, и всѣхъ другихъ, въ высшей степени предупредительно и любезно. Обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее, но обратилъ мое вниманіе на цѣлую гору аналогичныхъ съ моими пожеланіями просительныхъ заявленій и посовѣтовалъ побывать также и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Я исполнилъ и этотъ совѣтъ. Былъ съ визитомъ у министра внутреннихъ дѣлъ, былъ у préfet de police, былъ у chef de la sûreté générale.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Повсюду меня, какъ русскаго, принимали очень мило, были снисходительны къ моему плохому французскому языку и вездѣ обнадежили на счетъ билетовъ. Воображаю, какъ должны были надоѣсть французскимъ администраторамъ подобныя посягательства на ихъ спокойствіе. Однако, при отсутствіи какого нибудь учрежденія, объединяющаго билетное дѣло что же и оставалось намъ дѣлать. Не уѣзжать же, не повидавъ ничего, обратно въ Россію...

Вскорѣ, благодаря любезности администраціи и стараніями моихъ парижскихъ знакомыхъ, я сдѣлался обладателемъ цѣлой горы билетовъ: 1) пропускъ въ посольство, 2) пропускъ въ русскую церковь, 3) пропускъ для безпрепятственнаго движенія по городу (coupe file) за подписью префекта полиціи, 4) такой же пропускъ за подписью префекта и военнаго губернатора Socie, 5) на трибуны при въѣздѣ ихъ величествъ въ Парижъ, 6) въ Grand Opera на спектакль gala, 7) на закладку моста Александра III, 8) на спектакль gala въ Comédie Française, 9) на торжественный пріемъ въ ратушѣ, 10) на входъ въ зданіе министерства финансовъ, 11) на входъ на трибуны въ монетномъ дворѣ, 12) пропускъ (coupe file) по Шербургу, 13) билетъ для входа въ Шербургскій арсеналъ на трибуны, 14) на входъ въ Версальскій дворецъ, 15) на трибуны Шалонскаго военнаго смотра, 16) coupe file по желѣзнодорожнымъ путямъ. Были и еще какіе-то билеты, такъ что одна только ихъ коллекція давала уже довольно полное представленіе о наступавшихъ празднествахъ.

Но всѣ мои спутники одинаково были счастливы въ странствованіяхъ за билетами. Нѣкоторые бросались въ различныя учрежденія, ничего не доставали, раздражались и, скрежеща зубами, грозили кулакомъ не то по адресу посольства, не то къ «Protocole».

Воспользовавшись гостепріимнымъ приглашеніемъ chef de la sûreté générale, я рѣшилъ поѣхать въ Шербургъ полюбоваться встрѣчей царственной четы. Commissaire de police вокзала St.-Lazare встрѣтилъ меня и проводилъ въ салонъ-вагонъ, гдѣ собралось оживленное общество.

Французскіе вагоны, какъ извѣстно, не отличаются особыми удобствами, и потому было очень пріятно помѣститься въ роскошномъ салонѣ. Эти удобства смутили, оказывается, и одного англичанина, который воспользовался отворенною наружною дверцей, не спросясь хозяевъ, забрался съ своею зубастою подругой въ крайнее купе. Одинъ изъ агентовъ замѣтилъ маневръ и предложилъ британцу перейти въ другой вагонъ.

— Nous sommes des jeunes mariés,—послышалось великобританское объясненіе.

Кондукторъ хотѣлъ прибѣгнуть къ посредству comissaire de police, но мои спутники, по врожденному галантному отношенію къ дамамъ, не позволили сдѣлать это, а только, слѣдуя остроумному предложенію одного изъ нихъ, забаррикадировали вещами выходъ изъ купе въ корридоръ: pour ne pas déranger le jeune couple.

Эта выдумка показалась многимъ забавною.

Кондуктора покатывались со смѣху, изъ другихъ вагоновъ высовывались также веселыя головы. Oh, que c'est drôle! Est-elle jolie? Mais non, mais non! Elle est dégoûtante. Les voilà bien pincés!—раздавались восклицанія воспріимчивыхъ путешественниковъ.

Единственный комфортъ, который за плату, конечно, предлагаютъ

на французскихъ дорогахъ, это небольшія подушки. Ихъ охотно разбираютъ на станціяхъ отправленія. Вообще французы привыкли къ нѣкоторымъ, по нашему мнѣнію, неудобствамъ и не тяготятся этимъ. Напримѣръ, вполнѣ зажиточный французъ мерзнетъ въ своей, правда, красивой, но лишенной сколько нибудь сносныхъ печей квартирѣ, въ которую, кромѣ того, врывается холодный вѣтеръ черезъ щели ординарныхъ оконныхъ рамъ. Малочисленность прислуги и экономія въ «переднихъ» пріучила многихъ французовъ входить въ комнаты въ пальто и даже шляпѣ, что могло бы повергнуть русскую провинціальную барыню въ безконечный ужасъ.

Кстати о костюмѣ. Столѣтняя мода на шляпы-цилиндры до сихъ поръ еще стойко здѣсь держится, и истый парижанинъ другого головнаго убора не признаетъ, но иностранные элементы, въ особенности англичане, сильно пропагандируютъ свой «котелокъ». Французскій изящный вкусъ не можетъ помириться съ англійскою сухою опредѣленностью линій, и если отступаетъ отъ цилиндра, то замѣняетъ его мягкою болѣе художественнною, чѣмъ котелокъ, шляпою. Копируя «заграницу», мы отказываемся отъ установившагося у насъ хорошаго обычая носить калоши, гарантію отъ простуды и занесенія грязи въ комнаты. Французы знакомы лишь съ резиновыми калошами, и не мудрено, что они ихъ не особенно долюбливаютъ. Наши кожаныя калоши пришли съ востока отъ татаръ, а не съ запада, и если бы тамъ были хорошо извѣстны, то, вѣроятно, получили бы право гражданства. Теперь, увы! мы снимаемъ на улицѣ калоши и въ театры надѣваемъ перчатки...

Не смотря на высокое процвѣтаніе кулинарнаго дѣла во Франціи, желѣзнодорожные буфеты, въ виду короткости остановокъ поѣздовъ, мало содержательны, а потому опытные французскіе путешественники запасаются собственною провизіей, при чемъ въ отличіе отъ русскихъ берутъ меньше матеріала, но вполнѣ приспособленный для дорожнаго обихода, а для вина достаточное количество стакановъ.

Скоро бокалы запѣнились шампанскимъ, и пошли разговоры. Одинъ изъ спутниковъ провелъ въ юности нѣсколько лѣтъ въ Одессѣ, учился тамъ даже въ пансіонѣ. Для меня это былъ очень пріятный сюрпризъ, такъ какъ съ помощью его я могъ выходить изъ непріятнаго положенія человѣка, который иногда, не находя точнаго выраженія, встрѣчалъ неодолимое препятствіе, нѣчто въ родѣ московскаго тупика.

Ночь глядѣла черными глазами въ окна нашего маленькаго, уносящагося впередъ, сильно раскачивающагося салона. Гдѣ-то на возвышенности мелкнуло большое освѣщенное зданіе.

— Это—замокъ банкира X. Онъ пріѣзжаетъ сюда отдохнуть отъ биржевыхъ спекуляцій и насладиться ролью ландъ-лорда.

— У него премиленькая дочка,—замѣтилъ одинъ изъ молодыхъ спутниковъ.

— Вы бы, милый другъ, женились на ней и взяли бы себѣ и хорошенькую игрушку и папашины милліоны.

— Нѣтъ, этотъ кусъ теперь не для насъ. Отецъ еврей и желаетъ сдѣлать для дочери блестящую, но еврейскую жѐ партію.

— Да, теперь евреи гордо несутъ голову и не стѣсняются принадлежать къ отверженному племени.

— Хороши отверженные! Постепенно всѣ капиталы стекаются въ ихъ кассы, какъ дождевая вода въ парижскіе égouts, и правительства должны принимать тѣ условія, которыя они продиктуютъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, откуда берутся деньги? — неожиданно заговорилъ благообразный старикъ, отставной офицеръ съ орденомъ почетнаго легіона.

— Какъ откуда, monsieur? Ха! ха! Вотъ вопросъ.

— Да, смѣйтесь, смѣйтесь. Вы люди ученые, а я науку проходилъ въ военномъ строю, въ Алжирѣ, да въ Кохинхинѣ, вашихъ книжныхъ хитросплетеній я не понимаю, а часто раскидываю умомъ на эту тему. Я увѣренъ, придетъ время, и биржи не будетъ. Вѣдь деньги, какъ-бы вамъ это объяснить, вѣдь деньги есть условный показатель народнаго богатства, условный! А изъ чего это богатство составляется? Изъ милліоновъ мыслящихъ головъ и работающихъ рукъ, и изъ родной нашей, дорогой кормилицы земли. Да! Да! Постойте, постойте! Чувствую, что это такъ, а вотъ не нахожу ученыхъ выраженій для доказательствъ. Какъ же это такъ, чтобы вся эта громадная сила, все государство плясало подъ дудку сотни банкировъ и другихъ ростовщиковъ? Какъ вся Франція можетъ быть закабалена капиталистами? Сколько бы французскій банкъ ни печаталъ бумагъ, сколько бы à la Monnaie ни чеканили золотыхъ, нѣтъ такихъ денегъ, за которыя можно было бы купить страну... Понимаете? Нѣтъ, нѣтъ! И не можетъ быть. А если въ свѣтѣ что-то подобное происходитъ, то это ужасное недоразумѣніе, людское затменіе.... Я понимаю и признаю владѣльца какого нибудь громаднаго помѣстья, маркиза de ... Понимаю, потому что въ оны времена онъ для государства мечемъ завоевалъ территорію.

— О, да вы не сдѣлались ли орлеанистомъ?

— Не мѣшайте, я вотъ дома объ этомъ думалъ и хочу выплескаться. Я понимаю различное обогащеніе, основанное на честномъ, безукоризненномъ заработкѣ.

— Такъ вѣдь и банкиры честно работаютъ.

— Ну, ужъ извините, мнѣ противны эти банкирскія махинаціи, гдѣ въ основаніи лежитъ не работа, а хитрые денежные обороты. И я увѣренъ, что рано или поздно скажутъ этимъ вампирамъ: «довольно, господа!».

— Да онъ соціалистъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, я добрый христіанинъ. Скажутъ банкирамъ: «оставьте у себя эти золотые кружки и кредитную бумагу, а государ-

ство, Францiя постарается обойтись безъ вашихъ услугъ. Хитрите сами съ собой, а ужъ больше отъ кредитныхъ операцiй не поживетесь».

— Браво, mon commandant! я васъ назначаю министромъ финансовъ.

— А вы думаете, я бы отказался отъ портфеля? Нисколько. Прежде всего, я порядочный человѣкъ и ни на какiя бы сдѣлки съ совѣстью не пошелъ. А затѣмъ бы смотрѣлъ въ карманъ республики. Мало денегъ, говорилъ бы: «messieurs, il faut faire maigre», а не жилъ бы на счетъ будущихъ поколѣнiй...

Симпатичный военный, видимо, хотѣлъ вылить, въ одинъ присѣстъ, накопившiяся за долгое молчанiе мысли; но большинство слушателей мало расположены были къ назиданiю политическою экономiей. Молодежь скрылась за карточный столъ и повела азартную игру на небольшiя ставки, а болѣе солидные разбрелись по купе на ночлегъ.

На утро погода пасмурная. Показались сады и луга Нормандiи «счастливой». Здѣсь выращиваются сильныя лошади и прекрасный скотъ. Отсюда вывозятъ и внутрь Францiи и въ Англiю цѣлые поѣзда молочныхъ продуктовъ. Здѣсь же собираются обильные урожаи яблокъ, и приготовляется изъ нихъ знаменитый сидръ. Но недолго пришлось наблюдать деревенскiя картины. Вотъ и шербургскiй вокзалъ.

— Какая незадача! Этотъ противный дождь испортилъ намъ праздникъ.

— Да вѣдь развѣ мыслимо ждать хорошей погоды въ этомъ мокромъ Шербургѣ?!

На долю Шербурга выпало счастье первому привѣтствовать нашего монарха. Россiя и Францiя, географически отдѣленныя другъ отъ друга среднею Европою, могутъ прикоснуться лишь съ помощью военныхъ судовъ, носящихъ съ собой не только доблестный отечественный экипажъ, но, по международному праву, представляющихъ собою частицу самой территорiи. Вотъ почему такое выдающееся положенiе въ франко-русскомъ соглашенiи играетъ флотъ и приморскiе города.

Старинный городъ, съ своими грозными укрѣпленiями, выдвинулся передовымъ часовымъ далеко въ Ламаншъ и стоитъ на стражѣ отъ вражескаго вторженiя во Францiю. Шербургъ испыталъ много бѣдъ отъ англичанъ, которые, какъ бы въ отместку за свою вынужденную покорность норманамъ, хотѣли отнять отъ Францiи прибрежье, колыбель своихъ завоевателей. Французы отстояли Нормандiю, и въ рукахъ англичанъ остались лишь нормандскiе острова не желающiе и нынѣ забыть свою старую метрополiю.

Шербургъ празднично убранъ, и не мудрено: вниманiе всего свѣта обращено на этотъ военный портъ, въ которомъ должно

совершиться завѣтное желаніе двухъ дружески настроенныхъ націй, свиданіе ихъ представителей. Республиканская Франція устойчиво, вторую четверть столѣтія, охраняющая современный свой строй, признала, что Россія сильна и могущественна своимъ самодержцемъ, отцомъ стомилліоннаго народа. Убѣдившись въ этомъ, она всѣ свои дружескія чувства къ Россіи полностью перенесла и на ея державнаго вождя.

На торжественное свиданіе царя съ Франціею спѣшили со всѣхъ концовъ міра въ Парижъ, но многіе устремились и въ Шербургъ. Въ послѣднемъ насчитывали болѣе пятидесяти тысячъ пріѣзжихъ, что для города, не имѣющаго и сорока тысячъ жителей, порція громадная, не по желудку. Гостиницы и меблированныя комнаты буквально переполнены. Я видѣлъ одного корреспондента, заплатившаго за комнату 100 франковъ въ сутки. Нѣкоторые ухитрились помѣститься на судахъ, стоящихъ въ коммерческомъ портѣ, но и тутъ было не дешево, платили по 25 франковъ за койку въ каютѣ.

Благодаря участію m-eur Blanc и любезности его сослуживцевъ, уступившихъ мнѣ одну изъ ранѣе ими удержанныхъ для себя комнатъ, я устроился отлично. Въ нашей гостиницѣ царствовало сильное оживленіе. Надо было дивиться интендантскимъ талантамъ французскихъ hôteliers. Они умудрялись кормить въ небольшой гостиницѣ сотни лицъ. Конечно, à la carte нельзя было уже спрашивать, и всѣмъ предлагалось довольствоваться общимъ столомъ, по пяти франковъ. Обѣдали въ нѣсколько смѣнъ. Столъ недурной, только я не могъ примириться съ мѣстнымъ національнымъ воскреснымъ блюдомъ, похожимъ на польскіе фляки. Сидръ также не особенно мнѣ пришелся по душѣ.

Въ одной со мной гостиницѣ стояли и офицеры резервисты. Всѣ они были очень щеголевато одѣты и держали себя очень хорошо. Въ часы завтрака и обѣда весело было проходить черезъ маленькую залу, занятую одними офицерами. Истинное французское веселье и остроуміе одушевляло тогда эту молодую компанію, расправлявшую себѣ члены отъ нѣкоторой натянутости, которую они, вѣроятно, чувствовали въ офицерскомъ мундирѣ. На ученья за ними пріѣзжали громадные военные фуры-дилижансы, роскошь, о которой наши офицеры и не помышляютъ.

А дождь все лилъ. Вѣтеръ продолжалъ бушевать въ Ламаншѣ и не обѣщалъ хорошаго морского перехода для нашей царственной четы.

Не смотря на ненастье, народъ въ праздничномъ настроеніи наполнялъ узкія, но хорошо вымощенныя улицы и тѣснился по набережнымъ.

Въ Шербургѣ очень замѣтенъ военный элементъ. Въ виду празднествъ гарнизонъ пополненъ былъ новыми частями войскъ. То тамъ, то здѣсь, слышались рѣзкіе рожки морской пѣхоты, звучала

музыка сухопутныхъ баталіоновъ, и стройные ряды солдатъ быстрыми, мелкими шагами проходили мимо обступавшихъ ихъ зрителей.

На набережной среди двигавшейся массы народа высится конная статуя Наполеона I-го, повелительно указывающаго на военный портъ. «J'avais décidé de renouveler à Cherbourg les merVilles d' Egypte»,—говоритъ надпись на памятникѣ. И дѣйствительно, путемъ невѣроятныхъ усилій и цѣною десятковъ милліоновъ франковъ отвоевана отъ моря бухта, и выбиты въ гранитѣ глубокіе водоемы, гдѣ свободно могутъ помѣщаться десятки линейныхъ кораблей. Неблагодарное человѣчество! Оно не причисляетъ такія грандіозныя сооруженія къ египетскимъ чудесамъ. Для него и до сихъ поръ исполинскія усыпальницы фараоновъ, высоко вздымающіяся въ пустынѣ, неизмѣримо чудеснѣе современныхъ портовъ, желѣзнодорожныхъ тоннелей и верстовыхъ мостовъ...

Все это въ Шербургѣ сдѣлано главнымъ образомъ не для торговыхъ выгодъ, комерческій портъ—очень не большой. Здѣсь создавалась морская крѣпость для борьбы противъ страшныхъ въ былое время англичанъ. Весь городъ окруженъ фортами, которые вѣнчаютъ обступившіе Шербургъ холмы. Стоятъ они и на оконечностяхъ мола, защищающаго рейдъ отъ Ламаншской волны. Самые бассейны военнаго порта обнесены блиндированными казармами и крѣпостной стѣной, опоясывающей всю территорію Шербургской цитадели, носящей названіе просто арсенала.

Въ этомъ-то военномъ портѣ, въ Арсеналѣ, и будетъ происходить торжественный пріемъ царя.

Наканунѣ пріѣзда его величества въ Шербургъ ждали туда президента. Съ наступленіемъ сумерекъ начали зажигаться иллюминаціонные огоньки; войска выстроились отъ станціи до префектуры, а за ними сгустился народъ, въ ожиданіи пріѣзда главы государства. На узкихъ троттуарахъ было не совсѣмъ таки удобно стоять, такъ какъ дюжія норманки, шербургскія служанки и окрестныя крестьянки толкались безцеремонно, протискиваясь поближе къ милой ихъ сердцу линіи солдатъ. Въ семь часовъ вечера на темномъ фонѣ горизонта показался огонекъ, и бухнула вѣстовая пушка съ форта du Roule. Толпа грянула: «Vive la France!» «Vive le Tzar!» «Vive le président!» и на набережной показался кортежъ. Впереди галопировалъ взводъ видныхъ жандармовъ, за ними молодцовато продефилировали голубые гусары, предшествовавшіе экипажу президента. Сидя въ открытомъ ландо, чрезвычайно представительный и симпатичный Феликсъ Форъ любезно раскланивался съ милыми, вѣроятно, его морскому сердцу прибрежными жителями. За экипажемъ президента новая голубая полоса гусаръ, а затѣмъ цѣлая вереница экипажей со свитой и съ нашимъ посольствомъ. Каждую коляску конвоировали по два гусара.

Кажется, нигдѣ съ такой простотой, въ смыслѣ отсутствія эскорта,

не выѣзжаетъ глава государства, какъ у насъ въ Россіи. Лишь разъ въ жизни наши цари, по древнему обычаю, совершаютъ торжественный въѣздъ, при полномъ эскортѣ,—это передъ св. коронованіемъ, въ древній Кремль, и за то память объ этомъ величіи и неслыханной пышности остается навсегда...

Послѣ прiѣзда Феликса Фора я отправился на станцію послать телеграмму. Для прессы устроено было особое телеграфное отдѣленіе, съ особой комнатой и письменными принадлежностями, въ которой могли заниматься корреспонденты. Обстановка самая простая, но и за то слава Богу. Станція пока работала не особено бойко, рѣшительнаго сраженія ждали назавтра.

Вечеромъ зашелъ въ городской театръ. Очень хорошенькое зданіе, съ удобнымъ и красивымъ зрительнымъ зало, набитымъ вплотную зрителями. Давали Mascotte. Спектакль долго не могъ начаться, такъ какъ не было музыкантовъ. Сидѣлъ какой-то фаготистъ и скрипачъ, но, очевидно, они не могли замѣнить весь оркестръ.

Публика сначала добродушно подшучивала надъ малочисленностью инструментовъ, но, увидѣвъ, что часовая стрѣлка показала девять, начала въ тактъ топать ногами и требовать подъема завѣсы. Оказалось, что музыканты участвуютъ въ серенадѣ президенту. Наконецъ, отворилась маленькая дверца, и въ оркестръ юркнула, при общемъ привѣтствіи флейта, а за ней, при неумолкаемыхъ дружныхъ восклицаніяхъ, собрались и другіе музыканты.

Опереточный персоналъ былъ мало удовлетворительный, играли плохо, пѣли еще того хуже. Послѣ перваго дѣйствія я поторопился покинуть театръ и укрылся въ гостиницу. Въ номерѣ было холодно, вѣтеръ свободно гулялъ черезъ щели неплотно затворяющихся рамъ; но въ постели подъ роскошнымъ пуховикомъ было тепло.

На утро съ двухъ сторонъ Ламанша двинулись двѣ эскадры. Постороннему наблюдателю не удалось видѣть чудной картины встрѣчи передовыхъ гонцовъ Франціи съ императорской четой. Говорятъ, эскортируя «Полярную Звѣзду», англійскіе моряки вызывали восторгъ у русскихъ офицеровъ неподражаемымъ управленіемъ судовъ. Сильное волненіе ни на минуту не разстроивало образцоваго равненія, маленькія миноноски, «точно злые бульдоги», по выраженію одного изъ русскихъ, свирѣпо боролись съ громадными волнами и замѣчательно точно держались назначеннаго имъ мѣста.

Съ утра 23 сентября погода продолжала неистовствовать, но къ полудню тучи разсѣялись и дождь пересталъ. Добрый Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ заѣхалъ за мной, и мы отправились въ двѣнадцать часовъ въ Арсеналъ, куда входъ былъ разрѣшенъ лишь по билетамъ. Знаменитаго мариниста встрѣтилъ жандармъ и повелъ его вмѣстѣ съ другими двумя художниками на одинъ изъ фортовъ, откуда они могли сдѣлать набросокъ входа «Полярной Звѣзды» въ шербургскій портъ.

Я отправился въ арсенальный громадный залъ и помѣстился на трибунахъ для публики. Знакомый корреспондентъ, работающій для русскихъ изданій въ Парижѣ, познакомилъ меня съ французскимъ военнымъ инженеромъ, приготовлявшимъ Арсеналъ къ торжественному пріему. Онъ любезно повелъ меня по роскошно и изящно декорированнымъ заламъ и гостинымъ. Два артиллерійскихъ офицера соблазнились и направились за нами также осматривать; но инженеръ, замѣтивъ ихъ, очень безцеремонно приказалъ имъ вернуться назадъ. Меня подивила строгость субординаціи.

Съ противоположной стороны, передъ трибунами, вытянулись въ двѣ шеренги сотни офицеровъ и шесть взводовъ различныхъ родовъ войскъ съ знаменами, штандартами и хорами музыки. Небольшой сѣденькій адмиралъ равнялъ офицеровъ самымъ педантичнымъ образомъ, напоминая нашихъ генераловъ николаевскихъ временъ. Онъ не стѣснялся публикой и довольно рѣзко покрикивалъ на офицеровъ, а человѣкъ двадцать, почему-то ему не понравившихся или лишнихъ, онъ повелительнымъ жестомъ направилъ на трибуны.

Въ то время, какъ строгій адмиралъ наблюдалъ за сохраненіемъ образцоваго порядка среди офицеровъ, на трибунахъ, заполненныхъ фраками и свѣтлыми дамскими костюмами, царило оживленіе и слышались громкія замѣчанія по адресу проходившихъ въ аванзалъ офиціальныхъ лицъ. Толстый военный аташе, въ иностранномъ мундирѣ, привлекъ общее вниманіе. Вотъ молодецъ, которому слѣдовало бы упражняться на велосипедѣ!—послышалось чье-то замѣчаніе и вызвало веселое настроеніе трибунъ.

Появленіе чиновъ русской главной квартиры произвело сенсацію.

— Какъ красивъ этотъ старый казакъ!—слышалось одобреніе молодцовато выступавшему впереди свитскихъ офицеровъ генералъ-адъютанту Рихтеру.

Послышалась пушечная пальба. Эскадра приближалась и форты салютовали императорской яхтѣ, шедшей отъ береговъ старой Англіи къ прекрасной Франціи подъ дорогимъ человѣчеству флагомъ любви и общаго мира.

Церемоніальная часть (protocole) французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, видимо, принимала мѣры къ тому, чтобы пріемъ въ шербургскомъ Арсеналѣ напоминалъ прежніе королевскіе выходы, и потому публику просили воздерживаться отъ привѣтственныхъ кликовъ.

Изъ залы не было видно, какъ яхта подошла къ пристани, на которой ждали ихъ величествъ президентъ со свитой. Орудійные выстрѣлы смолкли, и мы ждали съ нетерпѣніемъ, что вотъ-вотъ покажется дорогой образъ царя; но прошло еще около получаса, пока желанное свершилось. Во время причала сломался траппъ, и приходилось на скорую руку поправлять его.

Наконецъ, полились звуки нашего народнаго гимна, и государь

въ морской формѣ и лентѣ почетнаго легіона и императрица въ свѣтломъ платьѣ подъ руку съ президентомъ показались въ аванзалѣ. Послѣ представленія министровъ и другихъ высшихъ властей, высокіе гости обошли залы Арсенала. Офицеры, даже не находившіеся въ строю почетныхъ карауловъ, всѣ салютовали оружіемъ. Остальная публика привѣтствовала почтительнымъ поклономъ.

Предстоялъ морской смотръ. Арсенальный залъ опустѣлъ. Всѣ стремились къ пристани и далѣе на бастіоны, откуда открывался видъ на шербургскій рейдъ, на которомъ морскіе исполины сѣверной эскадры ждали могущественнаго друга Франціи. Городской берегъ усѣянъ былъ народомъ, которому, къ сожалѣнію, не удалось увидѣть вблизи своего высокаго гостя. Высокіе путешественники вновь перешли на «Полярную Звѣзду», а оттуда на небольшой президентскій авизо «Elan». Не смотря на порывистый вѣтеръ, государь былъ въ мундирѣ безъ пальто, а президентъ во фракѣ. Быстро понесся «Порывъ» изъ бассейна на рейдъ. Длинныя вьющіяся полоски русскаго и французскаго флаговъ дружно обвивались одна около другой, и легкое судно, весело подпрыгивая по небольшимъ волнамъ, скоро приблизилось къ линіи разукрашенныхъ флагами броненосцевъ.

Ожидать окончанія смотра было рискованно, такъ какъ нужно было обезопасить себѣ пути отступленія къ Парижу, иначе можно было пріѣхать туда послѣ ихъ величествъ, то-есть пропустить самый интересный моментъ путешествія. Наскоро пообѣдавъ въ гостиницѣ и отправивъ телеграмму въ «Правительственный Вѣстникъ», я поспѣшилъ на вокзалъ къ поѣзду, въ которомъ мнѣ обѣщали устроить купе. Здѣсь, однако, происходила неимовѣрная давка. Всѣмъ хотѣлось скорѣе попасть въ Парижъ и бѣдный, растерявшійся начальникъ станціи скрылся, предоставивъ пассажирамъ разбираться самимъ, какъ они хотятъ. Большинство садилось безъ билетовъ. Не только отдѣльнаго купе, но и просто мѣста присѣсть въ двухъ готовыхъ къ отправленію поѣздахъ не было возможности найти. Сложивъ на платформѣ свои пожитки, я грустно поглядывалъ на снующую подлѣ меня толпу, жаждущую выбраться изъ Шербурга. Тутъ я увидѣлъ и А. П. Боголюбова, которому тоже было обѣщано купе, занятое произвольно какой-то многочисленной семьей толстяковъ.

Ушли первые два поѣзда, подали другую пару. Публика на запасныхъ путяхъ уже наполнила вагоны, и мнѣ съ трудомъ удалось найти мѣстечко. Когда я кое-какъ размѣстилъ свои вещи, послышался голосъ, выкрикивающій мою фамилію. Любезные мои спутники сдержали слово; распоряженіе объ отводѣ отдѣленія было сдѣлано, но меня въ толпѣ не нашли. Трое энергичныхъ молодыхъ юристовъ взялись меня отыскать и, наконецъ, съ торжествомъ извлекли съ вещами изъ вагона и помѣстили въ отдѣльное купе,

причемъ, однако, попросили разрѣшенія сопровождать меня до Парижа. Конечно, я ихъ пригласилъ и... потому, по недостатку мѣста, принужденъ былъ просидѣть всю ночь, какъ и въ общемъ вагонѣ.

Разбитый и усталый я пріѣхалъ въ Парижъ около пяти часовъ утра. Не смотря на раннее время, жизнь уже кипѣла на улицахъ столицы и въ нѣкоторыхъ кафе. Всѣ готовились къ встрѣчѣ.

Кому посчастливилось быть 24-го сентября въ Парижѣ, тотъ присутствовалъ при историческомъ событіи высокой важности, на праздникѣ мира, на торжествѣ сердечнаго соглашенія двухъ великихъ народовъ.

Какъ похорошѣлъ за эти три послѣдніе дня Парижъ! Съ какимъ неподражаемымъ истинно французскимъ изяществомъ украшены общественныя зданія, памятники и частные дома! Мнѣ вспомнился недавній московскій роскошный уборъ, который обиліемъ деревянныхъ сооруженій зачастую совсѣмъ измѣнялъ характеръ зданій, улицъ и площадей; здѣсь же архитектурныя линіи не закрывались и не измѣнялись, а еще рельефнѣе выдавались, благодаря обилію флаговъ, драпировокъ и гирляндъ зелени и цвѣтовъ.

Весь городъ былъ на ногахъ и торопился навстрѣчу царю. Въ девять часовъ утра я уже былъ у станціи Ranelagh и пробирался на трибуну conseil municipal. Всѣ скамейки, исключая первыхъ пяти, были уже заняты. Приходилось стоять. Сердитый квесторъ, контролировавшій билеты, весьма энергично отстаивалъ передовыя незанятыя мѣста, отведенныя для корреспондентовъ, которые, однако, не показывались, отыскавъ себѣ, вѣроятно, лучшую позицію. Заставивъ насъ простоять около получаса въ созерцаніи пустыхъ мѣстъ, онъ, наконецъ, позволилъ дамамъ занять одну скамейку, а потомъ постепенно переводилъ ихъ впередъ, предоставляя присѣсть и намъ. Пока мы съ трудомъ размѣщались на небольшой трибунѣ, поставленной рядомъ съ выходомъ со станціи, по ближайшимъ аллеямъ выстроился почетный эскортъ, представители арабскихъ алжирскихъ племенъ и строевые арабы-спаги. Характерныя, красивыя бронзовыя лица, обрамленныя бѣлою чалмой, театральные бѣлые плащи и горячія кровныя лошади привлекали общее вниманіе.

— Сегодняшнее торжество понятно арабамъ. Они знаютъ, что встрѣчаютъ царя, русскаго пади-шаха, императора. Это для нихъ вполнѣ опредѣленно, не то, что республика. Увѣряю васъ, они о ней имѣютъ смутное понятіе, а представляютъ ее въ видѣ женщины, портреты которой помѣщены на банковыхъ билетахъ.—Слышится подлѣ меня не республиканскій голосъ.

— Какъ же, какъ же! Арабы даже называютъ ее, эту невидимую правительницу, madame République,—отвѣчаетъ одинъ небезъизвѣстный путешественникъ.

За конвоемъ по аллеѣ виднѣются шпалеры войскъ и громадныя трибуны, наполненныя публикой, на многихъ деревьяхъ цѣпляются любопытные зрители.

Въ прекрасно сшитыхъ мундирахъ, съ блестящими аксельбантами и новенькихъ киверахъ-кепи, стройно прошелъ на вокзалъ почетный караулъ національной гвардіи съ громаднымъ оркестромъ. Рослые солдаты, закрутивъ побѣдоносно усы, мѣрно отбиваютъ ногами тактъ и постепенно скрываются подъ шатромъ станціонной палатки, украшенной гирляндами цвѣтовъ.

Часы показываютъ десять. Слышатся звуки музыки, а еще черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показывается царственная чета и президентъ республики. Мгновенно трибуны оживились. Все поднялось, головы обнажались, послышались привѣтственные возгласы, которые, однако, требуя произнесенія нѣсколькихъ словъ, не могутъ сравниться съ грандіозностью нашего несложнаго, но несмолкаемаго, перекатнаго «ура».

Громадные, темногнѣдые кони, запряженные à la daumont въ роскошное ландо, нетерпѣливо перебираютъ ногами, торопясь показаться передъ всѣмъ Парижемъ съ желанными гостями. Сдѣлавшійся теперь сразу знаменитостью, piqueur Monjarret, завѣдывающій конюшней президента, сидя верхомъ, гордо оглядываетъ присутствующихъ, приписывая, вѣроятно, успѣхъ торжества въ значительной мѣрѣ себѣ. Любопытство, страшное женское любопытство охватываетъ нашу трибуну. Головы вытягиваются впередъ, и взоры жадно устремлены въ ландо, куда усаживаются ихъ величества, а передъ ними на переднемъ сидѣньѣ президентъ. Слышится быстрый, отрывистый обмѣнъ впечатлѣній.

— Какое хорошее у него лицо!

— Она просто прелесть. Какая красавица!

— Какъ они, должно быть, утомлены послѣ длиннаго путешествія.

— А! президентъ на переднемъ сидѣньѣ!

— Конечно! Какъ же иначе могло это быть?

На запяткахъ заняли мѣста видный лейбъ-казакъ императрицы и брюнетъ красавецъ, громадный кубанецъ, конвоецъ, съ улыбающимся добродушнымъ лицомъ.

Казаки, видимо, понравились публикѣ.

Кортежъ, наконецъ, тронулся тихою рысью. Раздались пушечные выстрѣлы. Вновь послышались виваты, уже несмолкавшіе до самаго дома русскаго посольства.

Шествіе открывалъ взводъ республиканской гвардіи, за ними ѣхали сѣровато-голубые африканскіе конные егеря, спаги и драгуны, кромѣ того, длинная цѣпь всадниковъ галопировала по краямъ улицы, образуя движущуюся живую шпалеру. Передъ самымъ царскимъ ландо, передъ этою свѣтлою точкой, на которую устремлены были всѣ взгляды, картинно рисовались представители арабскихъ племенъ. Затѣмъ слѣдовали экипажи съ русскою свитой и съ французскими властями. Кортежъ замыкался кирасирами.

Стрѣляли пушки, громко раздавались звуки русскаго народнаго гимна и клики «Vive le Tzar!», «Vive la Russie!»...

Сѣмена, посѣянныя на благодарной почвѣ великимъ царемъ-миротворцемъ, пышно взошли и дали обильные плоды. Преемникъ и продолжатель политики незабвеннаго императора, при восторженныхъ кликахъ трехмилліонной толпы, съ неслыханнымъ торжествомъ въѣзжалъ во французскую столицу. Ни одному завоевателю, ни одному полководцу не выпадало еще на долю столько искреннихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ царственныхъ овацій.

Вся безконечная линія отъ вокзала по Булонскому парку, Булонской аллеѣ, площади Звѣзды, Елисейскимъ полямъ, площади Согласія, бульвару Сенъ-Жерменъ, улицѣ Сенъ-Симонъ и, наконецъ, улицѣ de Grenelle вплоть до русскаго посольства представляла непрерывную стѣну изъ народа и войскъ. Всѣ безчисленные окна и балконы унизаны парижанами и пріѣзжими, которые платили за нихъ баснословныя деньги.

Когда скрылся изъ глазъ послѣдній взводъ конвойныхъ драгунъ, я поспѣшилъ къ своему экипажу и отъ вокзала кратчайшимъ путемъ направился къ посольству. Мнѣ пришлось проѣзжать по совершенно пустому городу. Буквально по дорогѣ не встрѣчалось ни экипажей, ни пѣшеходовъ, весь Парижъ былъ на пути царскаго проѣзда. У палаты депутатовъ, близъ моста Согласія, мнѣ пришлось остановиться. Проѣзду здѣсь не было. Экипажи, народъ и войска загородили дорогу. Ступени дорическаго зданія палаты сплошь покрыты были ожидающими царя. На площади Согласія волновалось цѣлое море головъ, а надъ ними выдѣлялись уже всадники царскаго эскорта. На мостъ не пускали публику, и онъ среди общаго оживленія и тѣсноты сотенъ тысячъ народа, собравшихся въ этой части города по одну и другую сторону Сены, выглядывалъ какимъ-то забытымъ всѣми оставленнымъ сооруженіемъ, построеннымъ точно не для соединенія, а для разъединенія людей. Но вотъ и ему пришлось сослужить службу, по немъ застучали копыты кавалерійскихъ лошадей, а затѣмъ показалось ландо съ высокими гостями и президентомъ. Во время всего переѣзда по мосту экипажъ рельефно выдѣлялся, оставаясь у всѣхъ на виду.

Кортежъ проѣхалъ, и я поторопился въ посольство. Узенькія улицы, примыкающія къ этому дому, были въ плотную заполнены, въ экипажѣ немыслимо было ѣхать, приходилось пробираться пѣшкомъ.

Здѣсь среди толпы я увидѣлъ небольшую энергичную фигуру préfet de police, который въ штатскомъ костюмѣ, безъ всякихъ видимыхъ знаковъ своего высокаго полицейскаго положенія, поспѣвалъ всюду передъ царскимъ кортежемъ. Зоркій, колючій взоръ г. Лепина напрасно искалъ признаковъ нарушенія порядка. Парижане держали себя безукоризненно, всѣ, видимо, одушевлены были общимъ желаніемъ чествовать дорогихъ гостей.

Въ кругломъ посольскомъ дворѣ, обведенномъ красивымъ бордюромъ роскошныхъ цвѣтовъ, царствовало оживленіе. Стояли экипажи, суетилась прислуга, проходили чины посольства и свиты, виднѣлись французскіе офицеры — ординарцы, нѣсколько корреспондентовъ. Почетный караулъ стоялъ въ лѣвомъ флигелѣ. Большія ворота посольства закрылись и отдѣлили шумную улицу отъ отеля, сзади котораго раскинулся чудесный садъ, гдѣ вдали отъ людской сутолки, въ полной тиши, царствовала маленькая фея — великая княжна Ольга Николаевна. Вскорѣ опять пришлось ѣхать на ту сторону въ улицу Daru, въ русскій храмъ, куда направился помолиться Богу государь съ императрицей. Узкія улицы, придвинувшіяся близко къ церкви, обставлены громадными многоэтажными домами, превратившимися въ зрительное зало для многихъ тысячъ парижанъ и пріѣзжихъ. Цѣны на окна и балконы здѣсь достигали большой цифры. Указывали на небольшое кафе, которое уступило на этотъ день свое помѣщеніе за три тысячи франковъ.

И съ какимъ энтузіазмомъ встрѣтили и проводили царя! Виваты, ура, волнующіеся въ воздухѣ флаги, платки, шляпы, падающіе цвѣты—все это по мѣрѣ приближенія кортежа наростало и, наконецъ, разразилось громовыми аплодисментами десятковъ тысячъ рукъ. Трехмилліонный городъ высыпалъ на улицы и площади и нервно, возбужденно ждалъ обратнаго проѣзда ихъ величествъ, готовя новый тріумфъ; а въ это время они въ скромной небольшой русской церкви, преклонившись передъ Всевышнимъ Творцомъ, возносили ему молитвы... Мірская суета, бурно придвинувшаяся къ самому храму, не смѣла перешагнуть порогъ его, и каждый молящійся не могъ не проникнуться особою знаменательностью и тихимъ величіемъ этого истинно христіанскаго торжества...

Изъ церкви до rue de la Paix, гдѣ я остановился въ гостиницѣ, пришлось мнѣ и моему спутнику пробираться болѣе часа. Въ особенности тяжко пришлось на площади Согласія, буквально залитой народомъ. Если бы не русскіе мундиры, то насъ бы толпа совсѣмъ не пропустила или, еще того хуже, могла бы смять. Мы попали въ невыносимую давку, назадъ повернуть было невозможно, и только, благодаря особой симпатіи къ русскимъ, парижане тѣснились, жали съ прибаутками другъ друга и открывали небольшую щель для нашей одноконной каретки.

Когда Парижъ узналъ о непредвидѣнныхъ въ программѣ визитахъ государя къ президентамъ сената и палаты, когда вечерніе листки распространили съ быстротой молніи содержаніе царской рѣчи на президентскомъ обѣдѣ, то восторгъ населенія, казалось, при въѣздѣ уже дошедшій до апогея, удвоился. Вечеромъ море иллюминаціоннаго огня, бушевавшее по ту сторону Сены, прорѣзывалось ракетами и разноцвѣтными блестками гигантскаго фейерверка. Площадь Согласія, Оперная площадь, бульвары и главная улица горѣли огнями, снопы

электрическаго свѣта превратили ночь въ день, цѣлые своды розовыхъ и бѣлыхъ электрическихъ фонарей красиво свѣтились въ высотѣ. Фасады домовъ выставляли напоказъ свои ярко свѣтящіяся архитектурныя линіи. Грандіозный каркасъ Эйфелевой башни тонулъ въ темнотѣ и лишь на вершинѣ ея, точно новая планета, горѣло могучее электрическое солнце. Двигаться по улицамъ возможно было только при вкоренившейся въ плоть и кровь француза взаимной вѣжливости; каждый старался не стѣснить сосѣда; не наваливались, не толкались, а неизбѣжныя въ такой массѣ непріятности принимались съ шутками, остротами и общимъ хохотомъ. Благодаря coupe file, а главнымъ образомъ мундиру моего знакомаго, намъ дали дорогу къ Оперному театру.

— Tiens, c'est de l'armée!—толкаетъ блузникъ своихъ товарищей.

— Non, ce sont des russes!

И насъ пропускаютъ, вѣжливо приподнимая каскетки и шляпы.

Въ ожиданіи ихъ величествъ, милліонная толпа составляла живыя шпалеры отъ Елисейскаго дворца до Опернаго театра.

— Vive la Russie! Vive le Tzar! Vive la belle Tzarine! Ура!—клики эти раздавались съ разныхъ сторонъ, прокатывались по улицамъ и площадямъ, замолкали и вновь оживали...

Парижскій оперный театръ знаменитъ своимъ роскошнымъ вестибюлемъ, парадною лѣстницей и богатымъ фойе. Залъ, хотя и монументаленъ, но уже менѣе блестящъ и не такъ нaряденъ. Конечно, всѣ мѣста въ театрѣ были заняты. Повсюду виднѣлись мундиры, блестящіе дамскіе туалеты и черные фраки, но большинство со звѣздами, лентами и другими орденскими декораціями. Подлѣ меня сидѣлъ старикъ съ роскошными волосами, далѣе помѣстились представители арабскихъ племенъ, которымъ въ неудобныхъ теплыхъ костюмахъ, видимо, было очень жарко. Дѣтей пустыни очень занялъ способъ полученія бинокля. Нужно было въ спеціальный ящичекъ, придѣланный къ спинкѣ кресла, вложить монету въ пятьдесятъ сантимовъ и тогда футляръ открывался. Старый арабъ, презрительно измѣрявшій всѣхъ орлинымъ взоромъ, долго не поддавался обаянію бинокля, но, наконецъ, не вытерпѣлъ и осклабившись потянулся съ франкомъ къ ящичку. Сопровождавшій африканцевъ офицеръ объяснилъ ему, что франкъ не пройдетъ въ щель. Старикъ моментально отдернулъ руку, обидѣлся и окаменѣлъ.

Впереди меня въ мундирныхъ фракахъ, расшитыхъ зеленымъ шелкомъ, сидѣло нѣсколько академиковъ, среди нихъ я по портретамъ узналъ Коппе, Арсена Гуссе, а недалеко отъ нихъ въ томъ же ряду въ черномъ фракѣ сидѣлъ Зола. Многіе подходили къ моему сѣдому сосѣду, величали его cher maître и высказывали свои впечатлѣнія о пережитомъ днѣ. Мой знакомый по коронаціоннымъ торжествамъ въ Москвѣ Hugues Roux сообщилъ мнѣ, что мой сосѣдъ—знаменитый Рошфоръ...

Когда заговорили о рѣчи государя, то одинъ изъ академиковъ замѣтилъ:

— C'est une vraie littérature, que ce discours!

Всѣ, видимо, были отлично настроены, довольны и веселы.

Въ 10½ часовъ залъ внезапно ожилъ. Въ ложу вошли ихъ величества, моментально всѣ приглашенные поднялись съ своихъ мѣстъ и встрѣтили гостей залпами аплодисментовъ и кликами «Vive l'Empereur!», «Vive la Russie!». И академики, и мой знаменитый сосѣдъ, и арабы—всѣ единодушно и громко привѣтствовали своихъ друзей. На сценѣ показалась вся оперная трупа и грянула порусски «Боже царя храни». Вслѣдъ за гимномъ опять понеслись раскаты радушнаго привѣтствія.

Въ спектаклѣ gala внѣ всякаго сравненія была зрительная зала, и, конечно, она-то и представляла главный интересъ, а не сцена. Петербуржцу не въ диковинку большія хоровыя и оркестровыя массы и хорошая постановка... Кромѣ того, я не поклонникъ опернаго таланта Массене. Давали актъ изъ его оперы «Sigurd». Теноръ Альварецъ обладаетъ довольно хорошимъ матеріаломъ; но примадонна Каронъ уже потеряла прелесть свѣжести голоса...

Во время антракта ихъ величества вышли на внѣшній балконъ, театръ вмѣщалъ только маленькую частицу Парижа, жаждавшаго провести первый вечеръ вмѣстѣ съ русскимъ царемъ, и потому понятенъ громкій восторгъ сотенъ тысячъ французовъ, увидавшихъ своихъ гостей на балконѣ зданія оперы. Какая театральная сцена, какіе актеры могли въ эти минуты замѣнить и заслонить собою историческую сцену всенароднаго дружественнаго порыва!.. Хорошо становилось на душѣ, и подступали слезы.

Послѣ музыкальной картины Méditations de Thaïs давали первый актъ балета Korrigane. Обоими произведеніями дирижировали авторы,—въ этомъ былъ главнѣйшій интересъ пьесъ. Сравнительно съ нашимъ петербургскимъ парижскій балетъ и по постановкѣ, и по исполненію значительно ему уступаетъ.

Я думаю, мало кто интересовался спектаклемъ. У меня, по крайней мѣрѣ, было желаніе не пропустить отъѣздъ ихъ величествъ изъ театра, и какъ только занавѣсъ опустился, я вмѣстѣ съ массой другихъ поторопился на подъѣздъ полюбоваться фееричнымъ царскимъ кортежомъ. Домой я вернулся точно въ чаду. Столько волненій, столько незабвенныхъ впечатлѣній...

На другой день предстояло объѣхать весь городъ. А пульсъ города все учащался и учащался. Поѣзда подвезли еще новыя когорты паломниковъ; а журнальныя статьи съ отчетами о душу возвышавшихъ событіяхъ перваго дня были уже всѣми прочтены. Парижъ горѣлъ желаніемъ показать государю, что онъ цѣнитъ его дружескія слова, его рыцарское отношеніе къ народнымъ представителямъ.

Казалось, идти дальше сердечныхъ симпатій, какъ это было

вчера, нельзя; но второй день по тріумфу превзошелъ все, до сихъ поръ мною видѣнное. Мнѣ посчастливилось попасть въ одинъ изъ свитскихъ экипажей и такимъ образомъ быть свидѣтелемъ истинно безпримѣрныхъ овацій, оказанныхъ государю. По всему пути, по троттуарамъ, въ окнахъ, на балконахъ, на крышахъ и карнизахъ, на монументахъ и статуяхъ, на лѣстницахъ общественныхъ зданій и церквей, на деревьяхъ, на экипажахъ и конно-желѣзнодорожныхъ омнибусахъ, однимъ словомъ вездѣ, вездѣ, гдѣ можно было только примоститься, ждали кортежъ парижане, провинціалы и иностранцы. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣлись артистически размѣщенныя живыя гроздія цвѣтовъ изъ дѣтей и дѣвушекъ. Вся эта трехмилліонная масса съ приближеніемъ кортежа поднималась на ноги, обнажала головы и разражалась на этотъ разъ такимъ громовымъ русскимъ ура, какое мнѣ случалось слышать лишь въ Москвѣ. Отцы и матери поднимали надъ головами дѣтей, указывая на друга Франціи, на провозвѣстника незыблемаго мира. Наканунѣ еще можно было справиться съ собой, но тутъ, при видѣ этой несмѣтной толпы, одушевленной однимъ чувствомъ, нельзя уже было удержаться отъ слезъ. Плакали французы, плакали и мы, русскіе...

Давно ли, подумаешь, въ этомъ же самомъ городѣ, вотъ здѣсь, гдѣ высился когда-то пышный Тюльери, разыгрались ужасы коммуны, а теперь... Теперь русскій царь, неограниченный монархъ, съ небывалымъ торжествомъ ѣдетъ на закладку памятника своему отцу, идеалу самодержца, въ этомъ же городѣ, въ этомъ много испытавшемъ историческомъ Парижѣ. И подумаешь, достаточно было какому нибудь анархисту позволить себѣ просто неприличный возгласъ и тѣмъ нарушить общій благоговѣйный тонъ! Но такой выходки не было, да она и не могла быть. Масса наэлектризована была такимъ искреннимъ чувствомъ обожанія къ наслѣднику Царя-Миротворца, что этимъ нравственнымъ подъемомъ, этой моральной силой дезинфицировала атмосферу, убивала злотворные политическіе микробы... А, если бы у кого они во время не замерли и стали проявляться, то пришлось бы ему не долго присутствовать на жизненномъ пиру, такое было настроеніе массы...

Сегодня ихъ величество посѣтили Notre Dame, Sainte Chapelle, Инвалидный домъ, Пантеонъ, Монетный дворъ, Французскую академію и ратушу.

Его величество заказалъ золотой вѣнокъ на гробницу Карно; но онъ могъ быть оконченъ лишь къ годовщинѣ смерти Александра III, а потому государь хотѣлъ отмѣтить свое посѣщеніе Пантеона пока цвѣтами. Мнѣ случилось присутствовать при заказѣ ихъ въ одномъ изъ цвѣточныхъ магазиновъ недалеко отъ посольства. Хозяева вмѣстѣ съ подмастерьями бросили всѣ остальныя работы и принялись опустошать свою оранжерею, срѣзывая до корня большія пальмы и собирая отовсюду орхидеи. Въ четверть часа выросъ чудный саженный

снопъ. Вѣсть о заказѣ моментально разнеслась по кварталу, и у магазина собралась толпа народа, громко привѣтствовавшая цвѣточную дань уваженія покойному президенту. Громадный снопъ едва умѣстился въ нашемъ ландо и, гордо поднимая свои пальмовые колеблющіеся листья надъ головой кучера, торжественно подвигался по Латинскому кварталу къ Пантеону среди растроганной массы народа. На ступеняхъ этого храма славы, по удивительной случайности, первый, кто подошелъ къ цвѣтамъ, былъ сынъ покойнаго президента, поручикъ Карно.

Теплое отношеніе царя къ памяти достойнаго сотрудника своего отца по франко-русскому соглашенію, видимо, произвело глубокое впечатлѣніе на французовъ, и они съ большимъ энтузіазмомъ встрѣтили царя у Пантеона.

Высоко поднимаетъ свой куполъ этотъ храмъ, построенный на мѣстѣ погребенія покровительницы города св. Женевьевы, защитившей Парижъ отъ страшнаго погрома Атиллы. Постройка храма окончена съ небольшимъ сто лѣтъ назадъ, но за это время три раза духовенство должно было оставлять его, и онъ обращался въ Пантеонъ, въ національный памятникъ. Такимъ онъ является и въ настоящее время. Тутъ были погребены Вольтеръ и Жанъ-Жакъ Руссо, но гробницы ихъ пусты, здѣсь лежатъ останки Виктора Гюго, знаменитаго «организатора побѣдъ» Лазаря Карно и его памятнаго внука президента.

Въ этотъ же день происходила закладка моста императора Александра III. Парижане ищутъ «гвоздь» не только на выставкахъ, но и въ другихъ жизненныхъ событіяхъ. Такимъ «clou» франко-русскихъ торжествъ считали закладку моста. И дѣйствительно происходило рѣдкое въ исторіи явленіе—сооруженіе публичнаго памятника иноземному главѣ государства. Желаніе особенно знаменательно отмѣтить въ памяти потомства неизмѣннаго, сильнаго друга Франціи Александра III появилось въ Парижѣ со дня его оплакиваемой кончины. Наконецъ, предположенія приняли реальную форму, и наслѣдникъ миротворца положилъ первый камень на закладку моста, этого монумента, напоминающаго почившаго императора, перекинувшаго постоянный мостъ дружественныхъ и общихъ интересовъ между Франціею и Россіею.

Великолѣпную картину при закладкѣ представляли берега Сены, усѣянные сплошь многими тысячами людей. По рѣкѣ на судахъ развѣвались тысячи флаговъ. Въ громадной палаткѣ, украшенной цѣлыми деревьями съ натуральными и искусственными цвѣтами, устроены были особыя мѣста для ихъ величествъ, президента республики, президентовъ сената и палаты; по сторонамъ размѣстились министры и депутаты, а на трибунахъ приглашенныя лица и громадный хоръ. Я успѣлъ услышать только послѣднія строфы привѣтствія, написаннаго академикомъ Эредіа и прочитаннаго съ большимъ паоосомъ артистомъ Paul Mounet.

«Achève donc son œuvre. Héritier de sa gloire,
«De ta loyale main prends l'outil vierge encore...

гремѣлъ артистъ, потрясая своей рукой и призывая государя къ закладкѣ.

Viens!.. Puisse l'avenir t'imposer à jamais
Le surnom glorieux de ton ancêtre Pierre,
Noble Empereur qui vas sceller la grande pierre,
Granit inébranlable où siégera la Paix! —

торжественно, при взрывѣ аплодисментовъ, закончилъ артистъ.

Когда ихъ величества направились къ берегу положить первый камень, восторженные клики съ трибунъ понеслись по набережной и перелетѣли на другую сторону рѣки, откуда отчалила скрывавшаяся до этой минуты роскошная бѣлая яхточка, на которой группа прелестныхъ, одѣтыхъ во все бѣлое, дѣвицъ окружала серебряную художественно исполненную гигантскую вазу съ рѣдкими цвѣтами, подарокъ царицѣ отъ дамъ коммерческаго и промышленнаго Парижа. При звукахъ музыки и неумолкаемыхъ аплодисментахъ, какъ лебедь Лоэнгрина, тихо подплывало бѣлое судно съ бѣлыми гребцами и чуднымъ букетомъ молоденькихъ парижанокъ.

Вотъ яхточка у пристани. Плавно съ цвѣтами въ рукахъ попарно подвигаются къ бесѣдкѣ бѣленькія красавицы парижанки, болѣе сильныя и рослыя несутъ вазу и устанавливаютъ ее передъ привѣтливо ихъ встрѣчающей царицей.

Фееричная обстановка переносила куда-то въ сказочную страну, далеко отъ электричества и пара, пороха и динамита. Солнце такъ ярко свѣтило и ласково грѣло, красивые флаги плавно колебались мягкимъ вѣтеркомъ, громадный городъ такъ нарядно и весело смотрѣлъ, лица у всѣхъ были такія добрыя и привѣтливыя. Неужели, думалось, эти же люди, эти хорошіе, способные на лучшіе душевные порывы люди забудутъ этотъ яркій день торжества мира и вновь когда нибудь возьмутся за саблю и пушку...

По дорогѣ въ Hôtel de ville очарованіе не оставляло меня, да, вѣроятно, и другихъ. У зданія ратуши, этого, по разсказамъ, пріюта красныхъ элементовъ, на большихъ трибунахъ гремѣлъ русскій народный гимнъ, и у подъѣзда муниципалитетъ торжественно встрѣчалъ своего дорогого гостя.

Тамъ, гдѣ теперь такъ гордо возвышается монументальное зданіе въ стилѣ ренесансъ, съ вздымающимися къ небу башенными крышами, двадцать пять лѣтъ назадъ пылала подожженная комунарами старая ратуша, рушились отъ взрыва боченковъ пороха стѣны, и грохотали выстрѣлы междоусобной войны...

Сколько и прежде здѣсь на этомъ мѣстѣ происходило памятныхъ всему міру политическихъ потрясеній, сколько здѣсь разыгралось драмъ и болѣе того кровавыхъ трагедій!..

Какъ ни роскошно зданіе ратуши, но муниципалитетъ еще болѣе его украсилъ. Дворъ обратилъ въ чудную оранжерею, и прямо отъ входа выросла роскошная новая лѣстница, которая вела въ аванзалъ, гдѣ стоитъ громадная ваза — подарокъ Парижу отъ Александра III. На ступеняхъ лѣстницы стояли, какъ изваянія, рослые красавцы—республиканскіе гвардейцы. Ратуша освѣщена а giorno и наполнена блестящимъ обществомъ. Въ дивномъ парадномъ залѣ слышатся сначала гимнъ, а потомъ исполняютъ цѣлую музыкальную программу.

Въ городѣ зажглись огни, и вспыхнула вновь иллюминація. Какъ будто никто не трогался съ своихъ мѣстъ, занятыхъ съ ранняго утра. Опять повсюду виднѣлись человѣческія головы, и гремѣли виваты.

Наскоро пообѣдавъ, я устремился въ «Comedie Française».

Гордый своимъ блестящимъ прошлымъ и современнымъ положеніемъ перваго театра, «домъ Мольера» чествовалъ ихъ величества спектаклемъ, въ которомъ принимали участіе всѣ лучшія силы труппы. Этотъ театръ, по своему образцовому ансамблю, стоитъ внѣ всякаго сравненія съ другими труппами. Даже выходъ изъ состава такихъ двухъ колоссовъ, какъ Сара Бернаръ и Кокленъ старшій, нисколько не подорвалъ престижа «Comédie française». Провести здѣсь вечеръ всегда истинное наслажденіе, а тѣмъ болѣе во время спектакля gala.

Въ полномъ смыслѣ блестящее электрическое освѣщеніе, богатые бордюры живыхъ цвѣтовъ, красивая декорированная царская ложа, звѣзды и ленты говорили о парадѣ. Небольшіе сравнительно размѣры зала, отсутствіе мундировъ, а главное то особенное неуловимое, что присуще «Дому Мольера», дѣлали театръ болѣе уютнымъ, болѣе привѣтливымъ, чѣмъ его пышная подруга «Grand Opera».

Государь, какъ и всѣ присутствующіе мужчины, былъ во фракѣ.

Когда ихъ величества вошли въ ложу, и послышалось «Боже царя храни», театръ застоналъ отъ бурныхъ рукоплесканій и сердечныхъ привѣтствій. Взвился занавѣсъ и открылъ художественную картину. На сценѣ вокругъ бюста основателя театра, Мольера, картинно сгрупировались въ красныхъ традиціонныхъ плащахъ, опушенныхъ мѣхомъ, всѣ общники «Comédie française». Артисты низко поклонились царю, и въ ихъ движеніяхъ, въ выраженіи ихъ лицъ было столько почтенія, столько любви и преданности, что по залу пробѣжало невольное «браво»!

Выступилъ знаменитый Мунэ-Сюлли, и начался прологъ.

«Il est un beau pays aussi vaste qu'un monde où l'horizon lointain semble ne pas finir»...—декламировалъ, красиво жестикулируя, извѣстный артистъ, представитель классической школы. Свойственная Мунэ-Сюлли нѣкоторая приподнятость тона была совершенно умѣстною здѣсь, въ эту минуту, въ моменты общаго одушевленія.

Прелестная Бартэ съ несравненною граціею и искреннимъ воодушевленіемъ закончила прологъ словами:

«Qu'à la sainte et forte Russie,
«Sous le clair rayon du ciel bleu,
«La France à jamais s'associe
«Pour les grandes oeuvres de Dieu».

Залъ вновь потрясли аплодисменты, и слезы заблистали на глазахъ растроганныхъ зрителей. Послѣ пролога шли: «Капризъ» Мюссе, актъ изъ трагедіи «Сидъ» и въ заключеніе пьеса патрона «Comédie française»—«Femmes savantes». Постановка «Каприза» имѣла особое значеніе, такъ какъ эта граціозная пьеса впервые увидала свѣтъ на берегахъ Невы, въ Михайловскомъ театрѣ, а потомъ уже была поставлена въ Парижѣ.

Весь спектакль оставилъ самое пріятное впечатлѣніе несравненной школы французскаго театра.

На улицахъ, бульварахъ и площадяхъ приходилось видѣть милліоны рядовыхъ людей; шумныя, горячія привѣтствія ихъ—гласъ народа, гласъ Божій. Въ театрахъ, въ «Grand Opera» и «Comédie Française», собрались наиболѣе видные, талантливые и вліятельные представители власти, науки, литературы, искусства и политическихъ партій. Вотъ, почему зрительный залъ являлъ собою также громадный интересъ. Вотъ почему нельзя было русскому человѣку оставаться равнодушнымъ и смотрѣть безъ слезъ на тѣ оваціи, которыми лучшіе люди государства, аристократія въ истинномъ смыслѣ этого слова, привѣтствовали царя и устроивали ему овацію.

Въ Версаль я не поѣхалъ, боясь не выбраться во время въ Парижъ и опоздать въ Шалонъ на смотръ. Столица продолжала еще жить лихорадочною праздничною жизнью, хотя улицы послѣ полудня замѣтно опустѣли. Безчисленные флаги попрежнему весело мелькали въ воздухѣ, декораціи также роскошно обрисовывали зданія, но царя уже не было въ городѣ, и пульсъ Франціи перемѣстился въ Версаль...

На бульварахъ свободные пѣвцы и музыканты давали импровизированные концерты. Подъ аккомпаниментъ скрипки современный Беранже распѣвалъ пѣсенку, а его помощникъ, подпѣвая припѣвъ, предлагалъ слушателямъ за пять сантимовъ купить листокъ съ нотами. Быстро собирается вокругъ публика, и скоро по бульвару несется припѣвъ десятковъ голосовъ:

Sois le bienvenu dans Paris
 Grand tsar de la grande Russie—
Ton père aimait notre pays,
 La France est toujours ton amie.

Въ другомъ мѣстѣ собрался цѣлый оркестръ: скрипка, віолончель и кларнетъ. Здѣсь толпится еще болѣе народу, который распѣваетъ:

Fraternité! protége l'espérance
Du peuple russe et du peuple français
— Et que chaque jour désormais
 Consacre l'aillance
Du peuple russe et du peuple français.

Далѣе слышатся задорные звуки, и льется веселенькая пѣсенка съ припѣвомъ: mangeons le caviar et buvons l'samovar!...

Въ день смотра, 27 сентября, меня разбудили въ 5 часовъ утра, и эльзасецъ sommelier (лакей), принесшій café au lait, съ прискорбіемъ объявилъ, что погода испортилась и накрапываетъ дождь.

— Такая незадача! Парадъ испорченъ. И чтобъ ему, дождю, не потерпѣть еще денекъ. Вѣдь какія, господинъ, тамъ войска собраны! Любо посмотрѣть!

— А вы любите французскія войска?

— Помилуйте, конечно, люблю.

— А отчего-жъ вашъ сынокъ вчера у насъ въ коридорѣ распѣвалъ Wacht am Rhein?

— Вотъ негодяй! Это ихъ на родинѣ въ школѣ обучаютъ. И подите же, пріѣзжаетъ ко мнѣ на вакаціи мѣсяца на полтора въ годъ а лучше меня пофранцузски говоритъ. Только вотъ сталъ теперь патріотическія нѣмецкія пѣсни распѣвать... И то сказать—съ волками жить поволчьи выть. А что дѣлать?! Не бросать же родную землю?!..

Не смотря на шербургскій опытъ, я былъ вполнѣ увѣренъ, что найду мѣсто въ семичасовомъ шалонскомъ поѣздѣ. Мнѣ опять обѣщали задержать купе. Каково же было мое разочарованіе, когда на вокзалѣ я встрѣтилъ массу народа, которая чуть не всю ночь дожидалась отправленія. Мнѣ передавали, что тутъ на ура брали мѣста, и многіе ушли, потерявъ терпѣніе дожидаться. Произошла какая-то путаница въ росписаніяхъ, и пассажирскихъ поѣздовъ, вмѣсто десятковъ, отправлено было всего, кажется, семь. Станціонное начальство и даже низшіе желѣзнодорожные агенты исчезли, нигдѣ нельзя было ихъ найти. Неужели придется отказаться отъ посѣщенія Шалона? Въ минуту этого печальнаго раздумья я увидѣлъ одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ «chef de la sûreté générale» и повѣдалъ ему свое горе.

— Сейчасъ долженъ отправиться спеціальный поѣздъ для членовъ сената и парламента. Я васъ проведу черезъ цѣпь полицейскихъ, охраняющихъ отъ толпы доступъ къ нему, а тамъ видно будетъ. Богъ дастъ, устроимся.

Энергичный чиновникъ не остановился на полдорогѣ и представилъ меня добрѣйшему сенатору D—ré, обладавшему лишнимъ билетомъ, который онъ мнѣ и вручилъ.

Слава тебѣ, Господи! Наконецъ-то я въ вагонѣ! Съ какою завистью посматривала публика на нашъ отъѣзжающій поѣздъ, въ которомъ, повидимому, было не мало не членовъ парламента.

Большинство, вѣроятно, не успѣло позавтракать, такъ какъ на первой же остановкѣ, чуть не всѣ пассажиры поголовно бросились въ буфетъ, гдѣ можно было достать холодную дичь, кофе въ большихъ стеклянныхъ бокалахъ, а главное сандвичи. У столиковъ происходила давка, всѣ торопились, хватали, что кто можетъ, и со-

вершенно не заботились объ отсутствіи салфетокъ, тарелокъ, ножей, вилокъ и стакановъ. A la guerre comme à la guerre! Я уже отмѣчалъ добрый аппетитъ французовъ; въ шалонскомъ парламентскомъ поѣздѣ поддерживали эту славу, и многіе, не довольствуясь скушаннымъ въ буфетѣ, захватили съ собой провизію про запасъ. Французъ, если и не кричитъ, что голоденъ, то ужъ, съѣвши кусочекъ хлѣба, непремѣнно скажетъ: j'ai soif. Поэтому вмѣстѣ съ сандвичами въ вагонахъ появились и бутылки съ виномъ и пивомъ. Послѣдній напитокъ за послѣднее время завоевываетъ себѣ все большее и большее число потребителей, хотя ему еще очень далеко до вина. Въ Парижѣ, напримѣръ, выпивается до 4¾ милліона гектолитровъ вина и только около 300 тысячъ пива.

Когда показался Эперне съ своими знаменитыми складами шампанскаго, въ вагонахъ раздались аплодисменты. Въ этотъ день здѣшній буфетъ отлично торговалъ, продавъ не мало полубутылокъ пѣнистаго нектара жаждавшимъ сенаторамъ и членамъ парламента.

М. Д. очень любезно и добродушно угощалъ насъ изъ одного стаканчика шампанскимъ, и никто не отказывался. Недоспавшіе дома и дремавшіе въ креслахъ пассажиры начали оживляться. Сѣтовали сначала на погоду, но по мѣрѣ приближенія къ Шалону появлялась увѣренность, что тучи разсѣются. Слышались толки объ арміи.

— Я согласенъ совершенно съ Ernest Judet, необходимо на Востокѣ имѣть всегда въ полной готовности сильную, сплоченную, вполнѣ мобилизованную армію для рѣшительныхъ первыхъ дѣйствій при открытіи войны. Ждать, пока подойдутъ резервы, будетъ некогда.

— Какъ же вы хотите имѣть сплоченную армію, когда организація ея не идетъ далѣе корпусовъ, не имѣющихъ между собой связи, и войска не знаютъ, кто ими будетъ командовать! Штабъ арміи даже не организованъ.

— Господи! Да успѣютъ все это сдѣлать при объявленіи войны.

— Успѣютъ! Нѣтъ, mon ami, это будетъ архи-поздно. Время вѣдь теперь на войнѣ нужно считать не мѣсяцами, а чуть не секундами. Да главное — необходимо начальнику ознакомиться съ своими войсками и обратно. Важно, чтобы главнокомандующій заранѣе углубился во всѣ детали могущей быть кампаніи, изучилъ бы планы и предположенія.

— Да, ждите! а ну, какъ такой командиръ вмѣсто Рейна да повернетъ къ Парижу, да скажетъ намъ, палатѣ: «Смирно! Руки по швамъ!» Нѣтъ, это опасно.

— Кто же не знаетъ этихъ страховъ! Очень жаль, что такія разсужденія не позволяютъ намъ во весь ростъ стать передъ непріятелемъ и, вмѣсто того, чтобы грозить ему однимъ пальцемъ, сразу показать грозный, здоровенный кулакъ...

Нашъ поѣздъ по временной желѣзнодорожной вѣткѣ, спеціально

для пріѣзда государя выстроенной войсками, подошелъ близко къ трибунамъ. Шесть огромныхъ трибунъ, на нѣсколько тысячъ человѣкъ каждая, могли дать пріютъ только счастливцамъ.

Въ то время, какъ со стороны Шалона двигалась масса народа и экипажей, на самомъ военномъ полѣ была тишина и образцовый порядокъ. Правильно построенные четыреугольники съ блестящею чешуею латъ, штыковъ, касокъ и сабель, однако, указывали уже на собравшіяся тамъ войска. Здѣсь было семьдесятъ тысячъ солдатъ, но ни шума, ни бряцанія, ни музыки не слышно, все тихо. Армія ждала государя. На нашей трибунѣ было оживленно и весело; настроеніе только измѣнилось на нѣсколько минутъ, по волѣ одной упрямой дамы, помѣстившейся стоя на передовой скамьѣ. Глядя на нее, встало еще нѣсколько человѣкъ, а за ними поднялись почти всѣ.

— Assis! Assis! — послышались возгласы, и большинство покорно усѣлось и присоединилось къ крикамъ «assis!».

Но дама оказалась непреклонна, она стояла, загораживая поле своею широкою спиной и невѣроятною шляпой. Сосѣди ея опять встали. Тогда уже, кромѣ мирнаго «assis!», послышались болѣе рѣзкіе окрики.

— Вотъ глухая! Вотъ розиня! Экій ростбифъ!

— Да она нарочно! Слышите? Она говоритъ, что ей горя мало до другихъ.

— А такъ вотъ какъ! Хорошо же!

И, къ моему удивленію, по направленію стоявшей кучки полетѣли бомбочки свернутой бумаги... Бомбардировка продолжалась недолго, и когда виновница скандала, наконецъ, почувствовала себя побѣжденной и опустилась на скамью, по всей трибунѣ пронесся апплодисментъ и крики «ah! ah»!

Да, думалось мнѣ, наша публика, хотя и негалантна, но гораздо добродушнѣе французской. Это недоразумѣніе моментально изгладилось. Одинъ изъ африканцевъ доставилъ трибунамъ большое удовольствіе. Отставъ отъ товарищей, собравшихся уже у царскаго павильона, онъ пустилъ подлѣ трибунъ своего кровнаго араба въ полный карьеръ. Красиво разстилавшаяся по землѣ сѣрая лошадь, съ раздувшимися ноздрями и пушистымъ хвостомъ, приросшій къ скакуну смуглый всадникъ, съ картинно развѣвающимся бѣлымъ бурнусомъ и закинутой за плечи громадной шляпѣ, эта движущаяся художественная группа произвела большой эффектъ на воспріимчивыхъ зрителей. Браво! Браво! Vive les arabes! — послышалось громкое поощреніе счастливому сыну пустынь.

Раздались пушечные выстрѣлы, сигналъ прибытія императора. Всѣ встрепенулись.

Въ 12 часовъ показались сначала кирасиры, затѣмъ африканскіе егеря и арабы, а потомъ государь въ лейбъ-казачьей формѣ, верхомъ на золотистомъ конѣ. Его величество ѣхалъ рядомъ съ откры-

тымъ ландо, въ которомъ подлѣ президента сидѣла императрица. Въ экипажъ, по давно установившемуся обычаю, были запряжены артиллерійскія лошади въ батарейной сбруѣ съ форейторами, артиллерійскими солдатами.

Впереди свиты выдѣлялся французскій военный министръ генералъ Бильо и командовавшій всѣмъ парадомъ маститый военный губернаторъ Парижа генералъ Сосье. Склонились передъ русскимъ царемъ республиканскія знамена, барабанщики забили походъ, пронзительно затрубили горнисты, полковые оркестры заиграли «Боже, царя храни». Во французскихъ войскахъ не принято встрѣчать кликами, и колонны стояли тихо, безмолвно; но чувствовалось, какимъ огнемъ радости горѣли глаза офицеровъ и солдатъ, какъ сильно бились ихъ благородныя, воинственныя сердца. Стотысячная масса зрителей прониклась тѣмъ же чувствомъ и разразилась громкими, долго не смолкавшими: «Vive l'empereur!» «Vive la Russie»! «Vive le Tsar!»

Когда войска двинулись церемоніальнымъ маршемъ, народъ, любящій свою армію, встрѣтилъ ее привѣтствіемъ «Vive l'armée!». Во главѣ войскъ ѣхалъ военный министръ съ главнымъ штабомъ, а потомъ генералъ Сосье съ своей свитой. Вотъ подошли войска, спеціальнаго командированныя съ итальянской границы и изъ Алжира для чествованія царя и приданія большей нарядности смотру. Подъ крики «bravo les alpins!» проходятъ оригинальной походкой нашихъ гурійцевъ неутомимые альпійскіе стрѣлки въ особаго покроя костюмахъ, въ синихъ беретахъ съ длинными горными палками, прикрѣпленными къ ранцамъ.]

А вотъ и красные зуавы, въ фескахъ, восточныхъ курткахъ и шальварахъ. Большинство солдатъ, конечно, французы, но виднѣются и характерныя физіономіи уроженцевъ Алжира. Сѣверная Африка, Севастополь, Ломбардія и Мексика выдвинули зуавовъ, какъ закаленныхъ воиновъ, не знавшихъ ни усталости, ни страха и сдѣлали ихъ очень популярными во Франціи. Трибуны устроиваютъ оваціи зуавамъ, за ними двигается другой еще болѣе экзотическій полкъ: тюркосы съ дикимъ оригинальнымъ завываньемъ нумы, инструмента, похожаго на кавказскую зурну. Апплодируютъ тюркосамъ, апплодируютъ стрѣлкамъ. Вслѣдъ за отборными частями показалась наконецъ и главная сила каждой арміи—линейная пѣхота. Она шла не поротно или побаталіонно, какъ это дѣлается обыкновенно у насъ, а цѣлыми монументальными дивизіонными колоннами. Передъ трибунами проходили сразу по четыре полка, имѣя впереди новыя знамена. Линія по фронту для насъ непривычная, огромная и потому «держать равненіе» чрезвычайно трудно. Впереди каждой дивизіи шелъ взводъ инженеровъ и ѣхали конные ординарцы отъ кавалеріи. Потомъ маршировалъ цѣлый отдѣльный батальонъ музыкантовъ, горнистовъ и барабанщиковъ всей дивизіи. Тихо звучали оркестры, заглушаемые

громовыми сердитыми раскатами барабановъ и воинственными воплями голосистыхъ длинныхъ рожковъ. Одновременно играла только половина горнистовъ, а вторая ждала нѣсколько тактовъ своей очереди и, по знаку тамбуръ-мажора, размѣренными, красивыми движеніями рукъ поднимались инструменты, и съ отчаяннымъ усердіемъ выдувались невѣроятно высокія ноты.

Дойдя до царскаго павильона, старшій тамбуръ-мажоръ потрясалъ своей булавой надъ головами музыкантовъ, возбуждающихъ нервы арміи, и весь звонкій баталіонъ, какъ одинъ человѣкъ, поворачивалъ налѣво и отходилъ въ сторону, устанавливаясь противъ парадной бесѣдки. Могучимъ потокомъ надвигается трехцвѣтная лавина: красная линія—кепи, синяя полоса пальто съ отвернутыми полами, снова красная полоса брюкъ на бѣломъ фонѣ гамашей. Шли стройно, видно было, что это не автоматы, чувствовалась душа арміи, такъ отцы и дѣды ихъ ходили на штурмы, ходили къ побѣдамъ, ходили тысячами умирать. Величественный видъ несокрушимой силы сплоченной, разумной массы этихъ незамѣтныхъ въ одиночку рядовыхъ линейцевъ, поражаетъ зрителей, и на встрѣчу дивизіи несется радостный, гордый привѣтъ: «vive la ligne!». А барабаны гремятъ все громче и громче, горны заливаются все задорнѣе и задорнѣе. Вотъ первая дивизія миновала уже царскій павильонъ, ужс за ней двигается другая, а полки продолжаютъ стройно, не теряя равненія, маршировать мимо трибунъ. Солдаты идутъ не натянуто, хотя небольшимъ, но скорымъ, эластичнымъ шагомъ. Нашимъ старымъ строевикамъ, привыкшимъ «тянуть носокъ», это не понравилось бы; но ихъ время уже прошло...

За каждою дивизіею громыхала ея нераздѣльная часть, артиллерія. Важно выглядываютъ съ лафетовъ, съ подвижныхъ своихъ пьедесталовъ, стальныя пушки, метательные снаряды конца XIX вѣка, продуктъ тысячелѣтней напряженной мысли многихъ изобрѣтателей... Особенно сосредоточенное и гордое выраженіе лица одного молодого смуглаго артиллерійскаго офицера бросилось мнѣ въ глаза. Онъ не безъ ироніи взглянулъ на трибуну, и взоръ его какъ будто говорилъ: «Что!? скучно вамъ, господа, смотрѣть на нашъ темный уборъ. Эхъ, вы! вспомните, что и Наполеонъ I когда-то былъ простымъ артиллерійскимъ офицеромъ». За пѣхотой шла воздухоплавательная команда. Съ высоко парившаго надъ головами воздушнаго шара красиво развѣвались длиннѣйшіе франко-русскіе флаги.

Галопомъ, на размашистыхъ, рослыхъ лошадяхъ пронеслась аристократія арміи: голубые гусары, темно-синіе кирасиры и драгуны въ каскахъ, украшенныхъ конскимъ волосомъ. Въ заключеніе лихо пролетѣла конно-артиллерія.

Каждую колонну трибуны и остальная публика встрѣчали ап-

плодисментами, хотя подъ вліяніемъ длящагося впечатлѣнія они не были уже такъ энергичны, какъ первое время.

Ждали общей кавалерійской атаки. Ожиданіе сбылось на половину. Конница, скрывшаяся въ складкахъ мѣстности, вновь показалась на горизонтѣ и, по трубному сигналу, галопомъ подошла къ трибунамъ. Въ карьеръ кавалеріи не пустили... Парадъ конченъ. Царь уѣхалъ.

Всѣ бросились утолять голодъ и жажду. За трибунами появились продавцы съ провизіею и питьемъ. То и другое было на видъ очень не привлекательно; но публика набрасывалась на все съѣдобное и платила большія деньги за третьесортный товаръ. Пользуясь билетомъ члена парламента, я проникъ въ большую палатку, гдѣ для отцовъ народа приготовленъ былъ спеціальный буфетъ. Толкотня была жестокая. Добившіеся мѣста у буфетныхъ столовъ доброй волей не оставляли ихъ и, доставъ путемъ эквилибрическихъ усилій тарелку, приходилось пренебречь ножомъ и довѣриться собственнымъ зубамъ въ охотѣ за кускомъ холоднаго ростбифа безъ соли. Церемоніи здѣсь были отброшены, и всякъ молодецъ былъ на свой образецъ. Да, голодъ плохой спутникъ галантности и утонченной вѣжливости...

Боясь пропустить время отъѣзда, я рѣшился направиться къ полотну дороги, гдѣ на рельсахъ стояло нѣсколько длиннѣйшихъ спеціальныхъ поѣздовъ и попалъ въ поѣздъ парижскаго «conseil municipal». Строгій квесторъ, такъ ревниво охранявшій мѣста для прессы на трибунѣ у вокзала Ranelagh, потребовалъ билеты и энергично выпроводилъ двухъ молодыхъ людей съ парламентскими купонами. Меня онъ помиловалъ и не безпокоилъ даже разспросами. Общество въ нашемъ купе было очень разговорчивое и веселое. Сосѣдъ мой, одинъ изъ парижскихъ мэровъ, обносилъ всѣхъ серебрянымъ стаканчикомъ съ прекраснымъ виномъ, которое особенно понравилось художнику, замѣчательно быстро на ходу поѣзда набросавшему нѣсколько интересныхъ сценъ для иллюстраціи. Товарищъ художника, корреспондентъ, цѣлую ночь не спалъ, собиралъ всякія свѣдѣнія и теперь, внеся въ громадную корреспонденцію послѣднія свѣдѣнія, передалъ рукопись своему сотруднику для отправки телеграммъ съ первой же остановки, а самъ заснулъ сномъ солдата послѣ побѣды. Художникъ рисовалъ и упитывался бутербродомъ чудовищныхъ размѣровъ, да вообще и другіе пассажиры кушали исправно. Аппетитъ одного небольшого и худенькаго старичка, спеціалиста статистика, меня положительно поразилъ. Онъ медленно вынималъ изъ глубокой плетеной корзинки различную провизію, методично, не торопясь отрѣзывалъ кусочки перочиннымъ ножомъ и отправлялъ въ свою тощую утробу. Итакъ продолжалось съ добрый часъ. Оставаясь самъ невозмутимо серьез-

нымъ, онъ сыпалъ остротами, отъ которыхъ тучный животъ мера такъ и подпрыгивалъ, а усатый членъ conseil municipal чуть не визжалъ отъ восторга. C'est épatant! C'est épatant, хлопая себѣ по ногѣ повторялъ художникъ и заканчивалъ: Oh, mon Dieu que j'ai soif! Послѣ чего меръ предлагалъ ему еще стаканчикъ.

Не отвѣчалъ общему настроенію резервный офицеръ, родственникъ мэра. Желтый, больной, онъ чуть не съ злобой смотрѣлъ на ѣвшихъ и нисколько не трогался остротами статистика. Все окружающее видимо его раздражало.

— Какая славная армія! Какой блестящій видъ!—благодушно восхищался смотромъ мэръ.

Разговоръ принялъ военный отпечатокъ.

— Да, имъ хорошо здѣсь парадировать, а послалъ бы я ихъ въ Конго или въ Тонкинъ. Потрясла бы лихорадка хорошенько, тогда бы посмотрѣлъ на нихъ, на бѣлоручекъ,—злобился офицеръ.

— Во время осады Парижа я вѣдь тоже былъ подъ ружьемъ. Да, да! И эта рука,—показывалъ намъ свою узловатую кисть статистикъ,—сдѣлала свое дѣло. Сержантъ всегда говаривалъ: мой другъ, ты на парадѣ гроша ломанаго не стоилъ бы, за то на вылазкахъ молодчина... Эхъ, если бы тогда подъ Mont-Valerien нась поддержали во время! Когда мы отступали, сержантъ и говоритъ мнѣ...

— Ну, что сержантъ вашъ могъ понимать! Вѣдь онъ дальше своего носа, вѣроятно, не видѣлъ,—вдругъ озлился офицеръ.

— О, нѣтъ, мой другъ, онъ былъ въ очкахъ.

Обширный животъ мэра заколебался.

— Видите, мой другъ, положимъ, ни я, ни сержантъ, мы ровно ничего ни въ тактикѣ, ни въ стратегіи не понимали; но вѣдь за то я и былъ простой troupier. Это не бѣда, а вотъ скверно, что генералы ничего не понимали...

— А, вы думаете, теперь лучше? Старички почтенные, назовите мнѣ хотя одного чѣмъ нибудь выдѣлившагося?

— А X! а Y! а Z! а... началъ пересчитывать статистикъ.

— Знаю, что вы мнѣ весь списокъ по старшинству можете пересчитать.

— А нашъ славный парижанинъ S.? Чѣмъ плохъ?—вставилъ свое слово мэръ.

— О, да, да!—заговорилъ художникъ.— Сегодня онъ былъ положительно величественъ. Какую чудесную картину онъ представлялъ съ своимъ штабомъ! C'est épatant!.. Боже, Боже мой! Я совсѣмъ умираю отъ жажды.

Но мэръ старался не допустить преждевременной кончины художника и наливалъ ему до краевъ серебряный стаканчикъ.

— По-моему надо поставить на границѣ готовую вполнѣ сформированную армію и назначить надъ нею главнокомандующаго, который свыкся бы съ войсками, узналъ бы ихъ... Только въ Па-

рижѣ, конечно, не позволятъ этого. Понимаютъ они многое тамъ! Побоятся диктатуры,— забрюзжалъ вновь офицеръ.

— Les beaux ésprits se rencontrent. Вы, мой другъ, во взглядахъ на мобилизацію замѣчательно сходитесь съ Ernest Judet,— уязвилъ статистикъ офицера.

Легкій храпъ мэра обезпокоилъ художника, со вниманіемъ посматривавшаго на его волшебную корзину. Онъ вздохнулъ съ прискорбіемъ, откинулся самъ также на спинку и тотчасъ же заснулъ.

— Отличную штуку они придумали. Экіе весельчаки!—и насытившійся наконецъ статистикъ погрузился въ дремоту. А бѣдный офицеръ видимо дрожалъ въ пароксизмѣ южной лихорадки.

Послѣ отъѣзда государя пошелъ осенній, неутомимый, холодный дождь, и Парижъ сталъ неузнаваемъ. Надо было собираться домой. Въ бюро спальныхъ вагоновъ встрѣтился съ комерсантомъ нѣмцемъ, живущимъ много лѣтъ въ Россіи.

— Были спеціально на празднествахъ?—спросилъ онъ меня съ ехидною улыбкой.—И, конечно, въ восторгѣ!

— Да, былъ и, конечно, въ восторгѣ.

— Удивляюсь! Да неужели вы вѣрите въ искренность этихъ чувствъ? Вѣдь это все однѣ декораціи и минутныя увлеченія скоропреходящей дружбы.

— Эхъ, батюшка, если бы умиляться только передъ столѣтнею привязанностію, такъ нужно было бы умереть съ тоски. Въ искренности французовъ, чествовавшихъ нашего царя и царицу, я убѣжденъ, такъ какъ плакалъ самъ вмѣстѣ съ толпой однѣми слезами радости. Надолго ли эта дружба? Будемъ надѣяться, что да. А если бы судьба судила иное, то и тогда и я, и милліоны людей все-таки съ благодарностью будутъ вспоминать незабвенные франко-русскіе дни, пробудившіе въ людяхъ, хотя на время, чистые восторги передъ идеей мира и общаго блага.

Мы вышли на улицу. Моросилъ дождь. Прохожихъ было менѣе обыкновеннаго. На встрѣчу намъ неслись звуки военной музыки, смѣшанные съ дикимъ воплемъ «нумы», то возвращались изъ Шалона африканцы, тюркосы. Солдаты ежелись и морщились, торопясь скрыться отъ непогоды въ казармы, и шли безъ особаго равненія. Кромѣ пяти-шести мальчишекъ, баталіонъ почти никто не провожалъ по Rue de la Paix.

— Вотъ посмотрите! Давно ли ихъ встрѣчали съ энтузіазмомъ, съ оглушительными виватами и громомъ апплодисментовъ. А!!..— торжествовалъ мой собесѣдникъ и, выставивъ гордо свою высокую грудь, офицеръ германскаго ландвера зашагалъ по направленію къ обожаемымъ имъ однако парижскимъ бульварамъ.

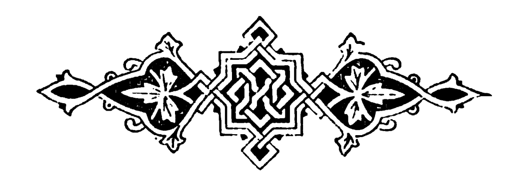
Я шелъ въ раздумьи по Rue de la Paix, но вотъ сверкнуло солнышко и освѣтило роскошную улицу, всю еще иллюминованную русскими флагами и обведенную изящнымъ зеленымъ трелья-

жемъ, увитымъ цвѣтами. Царь уже за предѣлами Франціи, а здѣсь не торопятся снимать, и цвѣты, цѣлые клумбы цвѣтовъ, оставленныхъ безъ особаго присмотра, остаются не тронутыми и неприкосновенными.

И вновь нахлынули на меня воспоминанія пяти свадебныхъ франко-русскихъ дней, и въ ушахъ загремѣли Vive le Tsar! Vive la Russie!

— Vive la France!—откликнулось и у меня на душѣ.

В. С. Кривенко.

ПАМЯТИ И. И. МАЛЫШЕВСКАГО.

Въ текущемъ году, 11-го января, скончался заслуженный профессоръ Кіевской духовной академіи И. И. Малышевскій. Въ лицѣ почившаго академія лишилась выдающагося профессора, составлявшаго лучшее украшеніе ея, Кіевъ—усерднаго и честнаго общественнаго дѣятеля, славянскій міръ и Россія—неутомимаго поборника единенія между русскими и прочими единовѣрными намъ славянами, наконецъ, русская историческая наука—замѣчательнаго ученаго, съ недюжинными дарованіями соединявшаго рѣдкое трудолюбіе. По долгу глубоко признательнаго ученика, удостоившагося чести быть преемникомъ столь выдающагося профессора, посвящаемъ памяти его нѣсколько строкъ, которыя, надѣемся, выразятъ чувства, какими одушевлены въ отношеніи къ покойному всѣ многочисленные ученики его, разсѣянные по разнымъ концамъ нашего обширнаго отечества.

И. И. Малышевскій родился 13-го іюля 1828 года въ мѣстечкѣ Негневичъ, Новогрудскаго уѣзда Минской губерніи, отъ уніатскаго священника. Годы дѣтства его совпали съ тѣми временами, когда подготовлялось великое событіе возсоединенія русскихъ уніатовъ съ православною церковію. Уже въ это время въ душѣ ребенка, будущаго историка русской церкви, зарождалась та горячая любовь къ православію и ко всему русскому-родному, которая такъ отличала покойнаго среди его современниковъ во всѣ дни его жизни.

Девятилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ опредѣленъ въ Жировицкое духовное училище, находившееся при семинаріи. Со временемъ пребыванія въ Жировицкомъ духовномъ училищѣ у И. И. Малышевскаго всегда соединялись самыя свѣтлыя и пріятныя воспоминанія. Это и неудивительно въ виду того, что Жировица была, такъ

сказать, колыбелью возсоединенія русскихъ уніатовъ съ православною русскою церковію въ 1839 году. Въ Жировицахъ, въ семьѣ наставниковъ семинаріи и училища постепенно обработывался и созрѣвалъ чисто русскій, православный взглядъ на православіе, католицизмъ и унію. Воспитывая своихъ учениковъ въ духѣ православной вѣры и расположенія къ Россіи, наставники Жировицкой семинаріи и училища черезъ дѣтей необходимо дѣйствовали и на родителей ихъ. Архіепископъ Антоній Зубко, одинъ изъ выдающихся участниковъ событія 1839 года, говоритъ, что уніатское духовенство всего окрестнаго края въ дѣлѣ возсоединенія съ православною церковью руководилось взглядомъ наставниковъ семинаріи и училища—Жировицкихъ. Важное значеніе Жировицкихъ духовно-учебныхъ заведеній въ дѣлѣ обновленія западно-русской церкви было засвидѣтельствовано и самимъ виновникомъ событія 1839 года, митрополитомъ Іосифомъ Сѣмашко. «Премудрый Зиждитель»,— говорилъ онъ въ 1845 году,— «избравшій смиренный вертепъ виолеемскій для рожденія отъ Пречистой Дѣвы единороднаго Сына Своего, избралъ и для обновленія церкви литовской не блестящій городъ, а смиренный уединенный уголокъ, находящійся подъ особеннымъ покровомъ Пресвятой Дѣвы, прославленной въ чудотворной иконѣ жировицкой... Здѣсь преобразились мы вѣрою, возвратясь къ чистымъ догматамъ древне-православной церкви,— преобразились духомъ, возвратясь къ постановленіямъ и сообществу съ родною нашею матерью—всероссійскою церковью,— преобразились сердцемъ, обновя чувство родственной любви къ великому общему нашему русскому племени и русскому отечеству. Здѣсь старцы съ радостнымъ умиленіемъ видѣли возвращеніе къ прежнему церковному порядку, которому они слѣдовали по большей части въ начаткахъ своей жизни. Здѣсь зрѣлые мужи взвѣшивали прошедшее съ настоящимъ, хитросплетенія лжи съ свѣтлыми указаніями здраваго смысла, и преклоняли умы и сердца свои предъ непреложною истиною. Здѣсь юноши, пріобрѣтая отличное умственное образованіе въ истинномъ духѣ христіанской православной церкви, учились любить вмѣстѣ съ сею духовною своею матерью и земное свое отечество — Русь православную»...

Въ такой обстановкѣ и подъ такими добрыми вліяніями воспитывался будущій историкъ православной русской церкви и ревностный изслѣдователь уніи. Вмѣстѣ съ своею родною семьею и со всѣми своими товарищами И. И. Малышевскій, будучи ученикомъ Жировицкаго духовнаго училища, былъ присоединенъ въ 1839 году изъ уніи въ православную церковь.

Дальнѣйшее образованіе онъ продолжалъ въ Минской духовной семинаріи и затѣмъ въ Кіевской духовной академіи (въ 1849—1853 годахъ). Академическій курсъ ученія онъ прошелъ съ выдающимся успѣхомъ и былъ выпущенъ первымъ магистромъ. Непосредственно

же послѣ окончанія курса, И. И. Малышевскій былъ оставленъ при академіи баккалавромъ по каѳедрѣ русской церковной и гражданской исторіи.

Каѳедра эта была тогда еще совсѣмъ юною въ Кіевской академіи. Она была открыта здѣсь въ 1841 году. Открытіе ея было прямымъ слѣдствіемъ того сильнаго историческаго движенія, какое замѣчается въ Кіевской академіи и вообще въ Кіевѣ въ тридцатыхъ годахъ истекающаго столѣтія. Во главѣ этого движенія стояли митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ) и ректоръ академіи преосвященный Иннокентій (Борисовъ), которымъ дѣятельно сочувствовали ихъ друзья—первому извѣстный любитель исторіи и меценатъ Румянцевъ, а второму ректоръ Кіевскаго университета М. А. Максимовичъ.

Новая каѳедра нашла себѣ сразу же достойнаго замѣстителя въ лицѣ даровитаго, трудолюбиваго и цвѣтущаго свѣжестію и крѣпостію силъ баккалавра іеромонаха Макарія (Булгакова). Недолго, всего нѣсколько мѣсяцевъ, занималъ онъ каѳедру русской исторіи въ Кіевской академіи, но успѣлъ за это время сдѣлать весьма многое и важное. Достаточно замѣтить, что программа, выработанная здѣсь Макаріемъ, легла, съ самыми незначительнымт перемѣнами, въ основаніе извѣстнаго 12-ти-томнаго труда митрополита Макарія по исторіи русской церкви. Такимъ образомъ, мы имѣемъ полное право сказать, что въ Кіевской академіи, на вновь открытой каѳедрѣ исторіи русской церкви и государства, былъ возженъ тотъ малый огонекъ, который впослѣдствіи превратился въ широкое и яркое пламя, озарившее своимъ чистымъ и тихимъ свѣтомъ всю Россію, и не только современную, но и древнюю.

Всѣмъ извѣстны характеристическія особенности историческаго труда митрополита Макарія, и потому мы не будемъ подробно останавливаться на этомъ предметѣ. Но не можемъ не сдѣлать здѣсь одного замѣчанія въ виду послѣдующей рѣчи. Макарій въ своемъ трудѣ не являетъ себя историкомъ-философомъ, глубокомысленнымъ изслѣдователемъ историческихъ судебъ русской церкви. Быть можетъ, это было выраженіемъ самой природы его, самаго направленія его ума. Но, безъ сомнѣнія, здѣсь имѣли важное значеніе и другія обстоятельства. Никогда не должно забывать, что Макарій первымъ работалъ на совершенно дѣвственной, непочатой почвѣ, долженъ былъ вести первую борозду на совершенно неразработаннымъ полѣ. Такимъ образомъ, самое существо дѣла требовало отъ него не критической провѣрки и философскаго освѣщенія хотя событій, а, прежде всего, собиранія и указанія историческихъ источниковъ и фактовъ, не такого или иного уразумѣнія внутренняго смысла исторіи, а главнымъ образомъ возстановленія истиннаго образа этой исторіи.

Но есть въ исторіи Макарія одно свойство, на которое мало обращается вниманія и которое было совсѣмъ опущено изъ виду многи-

численными критиками, судившими его трудъ по исторіи русской церкви. Разумѣемъ церковность исторіи Макарія, церковный, православно-христіанскій духъ, всецѣло проникающій ее; полнѣйшая гармонія между православно-христіанскимъ міровоззрѣніемъ и историческими положеніями и выводами Макарія. Свойство это явилось, впрочемъ, прямымъ результатомъ счастливаго направленія, какое

Иванъ Игнатьевичъ Малышевскій.

приняла жизнь Макарія на первыхъ порахъ его служебной дѣятельности. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ преподаванія исторіи русской церкви въ Кіевской академіи, Макарій былъ переведенъ въ Петербургскую академію и тамъ втеченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ преподавалъ богословскія науки. Только послѣ того, какъ основательно и спеціально изучены были имъ эти науки, и явились въ печати извѣстные богословскіе труды митрополита Макарія, онъ принялся за прерван-

ное продолженіе исторіи русской церкви, заниматься которою онъ затѣмъ продолжалъ до самаго конца своей жизни. Такимъ образомъ, Макарій писалъ свою исторію во всеоружіи высшаго богословскаго вѣдѣнія, что весьма замѣтно отразилось на первой, которая, повторяемъ, всецѣло проникнута вѣяніемъ строго православно-христіанскаго духа.

Послѣ перевода Макарія каѳедра русской исторіи нѣсколько времени оставалась незамѣщенною въ Кіевской академіи и затѣмъ занималась профессоромъ Минервинымъ, не оставившимъ никакого слѣда въ исторіи науки. Послѣ его смерти, въ 1863 году, на эту каѳедру былъ опредѣленъ покойный И. И. Малышевскій. Въ то время еще не было въ печати историческихъ трудовъ митрополита Макарія. Поэтому И. И. Малышевскому, какъ и этому послѣднему, пришлось изучать и разрабатывать науку по первоисточникамъ, за что онъ и принялся съ рѣдкимъ рвеніемъ и энергіею. Сначала онъ преподавалъ церковную и гражданскую русскую исторію вмѣстѣ, а съ 1863 года, когда въ академіи была открыта особая каѳедра по русской гражданской исторіи, оставилъ за собою каѳедру исторіи русской церкви, которую и занималъ потомъ до дня своей смерти.

И. И. Малышевскій не оставилъ послѣ себя такой системы, какую мы имѣемъ отъ митрополита Макарія. У него нѣтъ даже и такихъ крупныхъ изслѣдованій общаго характера, которыя можно было бы поставить въ параллель, напримѣръ, съ исторіей христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владимира, однимъ изъ первыхъ трудовъ Макарія. Но мы ни на іоту не отступимъ отъ истины, если, не смотря на это, поставимъ имя И. И. Малышевскаго, какъ историка, рядомъ съ именемъ митрополита Макарія, что и дѣлали уже многіе въ послѣдніе годы жизни И. И. Малышевскаго. Есть много свойствъ, роднящихъ между собою эти два дорогія для Кіевской академіи имени. Какъ и Макарій, И. И. Малышевскій былъ не столько историкомъ-философомъ, сколько именно историкомъ-статистикомъ; какъ и тотъ, онъ былъ не столько глубокомысленнымъ критикомъ и пытливымъ изслѣдователемъ прошедшей исторіи русской церкви, сколько именно объективнымъ возстановителемъ истиннаго образа этой послѣдней. Даже во внѣшней формѣ системы ихъ есть нѣкоторое сродство между этими двумя историками: программа, выработанная И. И. Малышевскимъ и отпечатанная наканунѣ его смерти, есть только развитіе и продолженіе церковно-исторической программы митрополита Макарія. Но если что особенно роднитъ и сближаетъ нашихъ историковъ, такъ это именно внутренній духъ, проникающій ихъ церковно-историческіе труды и чтенія,—духъ церковности, духъ православнаго христіанства, духъ нравственнаго преклоненія предъ добродѣтелію и отвращенія ко всякому злу и ко всякой неправдѣ. Ученикамъ И. И. Малышевскаго, конечно, еще живо памятны чтенія его. Поэтому они помнятъ, съ какою радо-

стію и съ какимъ восторгомъ чисто юношескимъ, съ какими при томъ мельчайшими подробностями, онъ излагалъ предъ юными слушателями какія либо, отрадныя для русскаго человѣка, великія и добрыя событія прошедшей исторіи русской церкви. Но за то, наоборотъ, какая скорбь и какое страданіе отражались даже на самомъ внѣшнемъ старчески-прекрасномъ образѣ профессора, когда ему предстояла необходимость, именно необходимость, передавать какое либо историческое преступленіе, злодѣяніе, измѣну противъ православія или отечества. Ужъ этотъ-то внутренній духъ, всецѣло проникавшій чтенія покойнаго профессора, особенно возвышалъ ихъ въ глазахъ слушателей, пробуждая въ нихъ нравственное чувство, располагая ихъ любить одно доброе и ненавидѣть все дурное.

Таковъ былъ И. И. Малышевскій, какъ профессоръ. Другую наиболѣе видную и замѣчательную сторону въ жизни его, послѣ профессорской его службы, составляетъ, безъ сомнѣнія, его ученолитературная дѣятеятельность. Учено-литературные труды его были только выраженіемъ его жизни, полной энергіи, и потому они такъ же разнообразны, какъ разнообразна была и самая его жизнедѣятельность. Было бы утомительно перечислять здѣсь всѣ литературныя произведенія его, которыя должно считать сотнями. Мы укажемъ только тѣ предметы, которые онъ спеціально изслѣдовалъ въ своихъ учено-литературныхъ трудахъ.

И. И. Малышевскій больше всего писалъ по исторіи русской церкви вообще, затѣмъ по исторіи уніи, русскаго раскола и сектантства, по исторіи славянскихъ церквей. Немало онъ оставилъ также произведеній по общей церковной исторіи, гдѣ обращалъ преимущественное вниманіе или на первые вѣка христіанства, или же на такіе моменты въ исторіи восточно-православной церкви, когда она входила въ ближайшее соприкосновеніе съ православно-русскою церковью. Какъ выдающійся стилистъ и ораторъ, онъ нерѣдко выступалъ съ публичнымъ словомъ, которое всегда составляло лучшее украшеніе торжественныхъ ученыхъ собраній по поводу знаменательныхъ историческихъ событій. Весьма много времени употреблялъ онъ на составленіе рецензій и критическихъ отзывовъ о сочиненіяхъ разныхъ авторовъ по предмету его спеціальности. Рецензіи эти чаще всего писались по порученіямъ высшихъ ученыхъ учрежденій, и къ нимъ покойный всегда относился весьма серьезно, добросовѣстно и внимательно, такъ что иногда все свободное время свое въ теченіе цѣлаго академическаго года онъ употреблялъ на чтеніе и разборъ извѣстнаго сочиненія и составленіе отзыва о немъ. Нѣкоторые изъ подобныхъ отзывовъ его разростались въ цѣлыя изслѣдованія, служившія прекрасными комментаріями или дополненіями къ самому разбиравшемуся сочиненію. Таковы, напримѣръ, критическіе отзывы о сочиненіяхъ профессора Е. Е. Голубинскаго («Исторія русской церкви»), профессора П. В. Знаменскаго

(«Руководство по исторіи русской церкви») и профессора Н. И. Петрова («Исторія Кіевской академіи во второй половинѣ XVII вѣка»). Покойный профессоръ обладалъ также весьма счастливымъ даромъ общедоступнаго изложенія, и потому онъ нерѣдко приглашался къ участію въ составленіи сборниковъ и отдѣльныхъ произведеній, назначавшихся для широкаго распространенія въ русскомъ народѣ. Нѣкоторыя популярныя произведенія его, какъ, напримѣръ, «Житіе равноапостольнаго князя Владимира» и «Правда объ уніи» были изданы въ десяткахъ и даже сотняхъ тысячъ экземпляровъ.

Наиболѣе крупными и выдающимися учено-литературными произведеніями И. И. Малышевскаго должны быть признаны: 1) Мелетій Пигасъ, патріархъ александрійскій, и его участіе въ дѣлахъ русской церкви; 2) Свв. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ; 3) Св. Іоаннъ Златоустъ въ званіи чтеца, въ санѣ діакона и пресвитера и 4) Историческая записка о состояніи Кіевской духовной академіи за время 50-ти-лѣтняго существованія ея (1819—1869 г.). За первое изъ названныхъ сейчасъ сочиненій покойный профессоръ получилъ степень доктора богословія, а за вторую капитальную работу—полную премію митрополита Макарія въ 1.500 рублей.

Но одними только профессорскими чтеніями и кабинетными учеными занятіями дѣятельность И. И. Малышевскаго далеко не ограничивалась. Онъ былъ весьма живымъ и энергичнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Будучи одно четырехлѣтіе гласнымъ кіевской городской думы, онъ съ величайшею энергіею заботился объ увеличеніи числа народныхъ училищъ въ Кіевѣ и о лучшемъ устройствѣ существующихъ. Будучи убѣжденнымъ славянофиломъ, онъ и въ сочиненіяхъ своихъ и въ практической дѣятельности постоянно проводилъ и отстаивалъ идею ближайшаго взаимообщенія между русскимъ народомъ и прочимъ православно-славянскимъ міромъ. Состоя членомъ кіевскаго отдѣленія нашего славянскаго благотворительнаго общества, онъ былъ здѣсь постояннымъ и неизмѣннымъ защитникомъ и ходатаемъ за юношей-славянъ, искавшихъ въ обществѣ матеріальной помощи. Какъ членъ строительнаго комитета, онъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе въ достроеніи и окончательной отдѣлкѣ недавно освященнаго Кіево-Владимирскаго собора. Онъ желалъ, между прочимъ, чтобы строившійся соборъ былъ достойнымъ памятникомъ русскаго народа своему великому просвѣтителю — св. Владимиру, и какъ самымъ внѣшнимъ видомъ своимъ, такъ и своими священными изображеніями постоянно напоминалъ русскимъ православнымъ людямъ о прошедшей исторіи русской церкви и русскаго государства. Именно ему, а не кому либо другому, принадлежитъ проектъ того росписанія Кіево-Владимирскаго собора священными изображеніями, какое мы видимъ въ немъ теперь. Онъ же нерѣдко давалъ важныя разъясненія и указанія художникамъ, росписывавшимъ священно-историческими изо-

браженіями Кіево-Владимірскій соборъ. Избранный прихожанами новаго собора въ должность церковнаго старосты, И. И. Малышевскій на закатѣ жизни своей началъ съ чисто юношескою энергіею заботиться о приготовленіи собора къ знаменательному дню его освященія и затѣмъ объ устройствѣ всего необходимаго церковнаго хозяйства. Цѣлые дни предъ и послѣ освященія собора онъ проводилъ въ храмѣ и самъ лично слѣдилъ за всѣмъ. Думаютъ, что и самая болѣзнь, сведшая его въ могилу, была получена имъ при исполненіи обязанностей старосты Кіево-Владимірскаго собора во время приготовленія къ освященію одного изъ боковыхъ придѣловъ его. Не можемъ, наконецъ, не замѣтить, что И. И. Малышевскій обладалъ добрѣйшей душой и прекраснымъ характеромъ. Онъ былъ весь—воплощеніе простоты и незлобія и оставилъ по себѣ самую добрую память во всѣхъ, кто только имѣлъ удовольствіе быть его ученикомъ, товарищемъ и даже просто знакомымъ.

Обширная и глубокая ученая эрудиція, плодотворная учено-литературная дѣятельность и въ высшей степени симпатичныя свойства характера доставили И. И. Малышевскому широкую популярность въ Кіевѣ, Россіи и даже за предѣлами ея—въ южно-славянскихъ странахъ, что особенно ясно обнаружилось, когда огласилась кончина его. Безъ преувеличенія можно сказать, что весь Кіевъ въ лицѣ своихъ представителей провожалъ гробъ покойнаго до могилы, въ то время, какъ многія учрежденія и лица, находящіяся внѣ Кіева, поспѣшили выразить свое искреннее сочувствіе Кіевской духовной академіи въ лицѣ ея преосвященнаго ректора по поводу смерти достойнѣйшаго профессора ея.

Священникъ **Ѳ. Титовъ.**

ЯБЛОКО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(Новогреческая легенда).

ОБЩЕИЗВѢСТЕНЪ разсказъ о яйцѣ Колумба, но врядъ ли кто слыхалъ о яблокѣ Петра Великаго. Вотъ гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ мнѣ удалось услышать эту любопытную легенду.

...Пароходикъ съ двойнымъ именемъ «Сифносъ-Еввіа» совершалъ свой обычный рейсъ изъ Пирея въ Навплію. Я былъ одинъ изъ его пассажировъ и сидѣлъ на шканцахъ вмѣстѣ съ капитаномъ и еще двумя-тремя пассажирами. Былъ чудный, августовскій полдень. Дулъ легкій «майстро» (западный вѣтеръ), и дивная гладь Средиземнаго моря казалась какъ бы голубымъ атласомъ въ длинныхъ, частыхъ складкахъ. Тамъ и сямъ разсѣянные острова и островки самыхъ разнообразныхъ формъ, но всѣ одинаково живописные, одинаково высокіе и скалистые, оживляли морскую ширь. Нашъ юркій пароходикъ быстро двигался вдоль береговъ Эллады. «Право на бортъ!» — скомандовалъ капитанъ погречески, и мы направились къ узкой голубой щели въ горахъ: минутъ черезъ сорокъ пароходъ шелъ уже узкимъ проливомъ между островомъ Паросомъ и берегомъ Пелопоннеса. Континентальный берегъ съ кущами деревьевъ и высокими кипарисами у самаго моря, съ домиками, весело выглядывающими изъ-за земли, напоминаетъ Скутари, какъ и весь проливъ приводитъ на память Босфоръ. Къ довершенію всего, мѣстность эта называется такъ же, какъ одинъ изъ извѣстныхъ константинопольскихъ кварталовъ—Галатой. Только безнадеждо-скалистый Паросъ портитъ все... Вдругъ, въ глубинѣ

маленькаго заливчика показалось большое желтоватое зданіе безъ крыши и съ выбитыми окнами.

— Что это?—спрашиваю капитана.

— Это—русское адмиралтейство,—былъ отвѣтъ.

— Какъ?!—удивляюсь я.

— Здѣсь была стоянка русскаго флота во время греческаго возстанія,—объясняютъ мнѣ.

Силюсь прочитать надпись на стѣнѣ адмиралтейства и разбираю только буквы: РУС... Но и этихъ трехъ буквъ на стѣнѣ развалившагося дома здѣсь, на островкѣ Эгейскаго моря, подъ классическимъ небомъ Эллады, было достаточно, чтобы произвести на меня потрясающее впечатлѣніе... Рѣшивъ, что такая рѣдкость будетъ, конечно, отмѣчена въ моемъ добросовѣстномъ французскомъ гидѣ, я поспѣшилъ заглянуть въ него. Но, увы, здѣсь стояло только: «Каподистрія, бывшій русскій министръ, ставъ правителемъ Греціи, такъ своеобразно началъ пользоваться своею республиканскою властью, что вызвалъ противъ себя общее неудовольствіе. Чтобы подавить возстаніе, Каподистрія обратился къ русскому адмиралу, и Міаулисъ, извѣстный морской герой греческаго возстанія, сочувствуя повстанцамъ, сжегъ ввѣренный ему греческій флотъ, чтобы только онъ не попался въ руки русскихъ...».

— Скажите, вы и теперь также боитесь русскихъ? — спросилъ я капитана, когда мы, оставивъ далеко позади себя Паросъ, сѣли съ нимъ вдвоемъ за накрытый тутъ же на палубѣ обѣденный столъ. Солнце близилось къ закату, и мы плыли уже въ Арголидскомъ заливѣ вдоль береговъ гористой Кинуріи, съ суровыми обитателями которой, какъ извѣстно, гордой Спартѣ такъ и не удалось никогда справиться... Капитанъ не сразу отвѣтилъ мнѣ на мой вопросъ, усердно занявшись ѣдой...

— Какъ вамъ сказать, — произнесъ онъ, наконецъ, подливая мнѣ «рицинато» (вино съ примѣсью смолистаго сока южной сосны, что хотя и придаетъ вину горьковатый вкусъ, но прекрасно за то сохраняетъ его),—такому лилипуту изъ государствъ, какъ Греція, слѣдуетъ бояться всякаго великана. А вѣдь Россія, какъ хотите, великанъ изъ великановъ. Клянусь Богомъ, мнѣ по крайней мѣрѣ также трудно представить себѣ пространство отъ Ледовитаго океана до Одессы, напримѣръ, какъ сообразить разстояніе отъ земли до луны!

Что капитанъ не преувеличивалъ, примѣняя къ Россіи астрономическое сравненіе, этому легко повѣрить, принявъ во вниманіе, что вся Греція со всѣми ея безчисленными островами равняется лишь двумъ нашимъ губерніямъ: Московской и Рязанской. Мнѣ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ своего пребыванія въ Греціи, неоднократно приходилось убѣждаться въ томъ обаяніи могущества и силы, которое производитъ здѣсь сѣверный колоссъ — Россія.

«Для всѣхъ народовъ Европы счастье, говаривалъ мнѣ одинъ грекъ-публицистъ, что Россія такъ отстала отъ другихъ въ дѣлѣ просвѣщенія», и затѣмъ началъ выкладывать цѣлую серію аргументовъ, развивая свою оригинальную мысль: «невѣжество русскаго народа—спасеніе Европы». Предо мною, какъ грекомъ по происхожденію, онъ не считалъ нужнымъ стѣсняться, и съ устъ его частенько срывался по адресу русскихъ тотъ же нелестный эпитетъ, какимъ надѣляли древніе греки современныхъ имъ обитателей Скиѳіи и странъ гиперборейскихъ...

— Ну, а какъ вы представляете себѣ будущность Россіи?—продолжалъ я разговоръ свой съ капитаномъ.

— Да что же тутъ представлять? Дѣло ясно!

— То-есть?

— Да вы, видно, не слыхали, какой у насъ про Петра Великаго разсказъ ходитъ?

— Нѣтъ. А что?

— Ну, такъ слушайте: я вамъ разскажу его вмѣсто отвѣта на вашъ вопросъ.

Обѣдъ былъ между тѣмъ оконченъ, и такъ какъ стало уже вечерѣть, то капитанъ счелъ своимъ долгомъ стать на свою безсмѣнную вахту (никакихъ помощниковъ ему не полагалось). Вперивъ взоръ свой въ темнѣющую даль и облокотившись о перила мостика, вотъ что разсказалъ онъ мнѣ:

— Однажды Петръ Великій пригласилъ къ себѣ всѣхъ посланниковъ и пословъ европейскихъ державъ, какіе только были тогда въ Петербургѣ. Когда всѣ собрались, императоръ попросилъ гостей въ большую залу, гдѣ на полу былъ разостланъ громадный коверъ, а на самой серединѣ его лежало яблоко. Послы не знали, что и подумать, когда вдругъ царь предложилъ имъ достать съ полу яблоко, не наступивъ на коверъ ногой. Англійскій посолъ попросилъ себѣ уду, французскій думалъ достать веревкой, германскій палкой и т. д. Но Петръ Великій рѣшительно объявилъ всѣмъ, что яблоко надо взять просто руками. Когда всѣ рѣшили, что это невозможно, русскій царь взялся за одинъ край ковра и сталъ его свертывать. Такъ добрался онъ до яблока и, взявъ его въ руки, сказалъ:

— Какъ я одинъ сумѣлъ взять яблоко съ ковра, такъ и Россія, ставъ великой, приберетъ всѣ народы земли въ свои руки...

Стемнѣло совсѣмъ. Прямо передъ нами выросла темная масса высокихъ обрывистыхъ скалъ. «Вотъ и Навпліонъ!» замѣтилъ капитанъ. А черезъ полъ-часа я долженъ былъ уже покинуть пароходикъ и его капитана...

В. Метакса.

МЕМУАРЫ ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ [1].

VIII.

Парижскіе салоны.—Прогулки по городу.

1810.

ДНАЖДЫ пустившись въ свѣтъ, я была совершенно поглощена водоворотомъ удовольствій и только по утрамъ находила иногда свободную минуту, чтобъ посѣтить музеи и студіи художниковъ. Познакомившись съ господиномъ Денономъ, который оказался человѣкомъ съ большимъ вкусомъ и чрезвычайно услужливымъ, я воспользовалась его любезностью и осмотрѣла подъ его руководствомъ весь Лувръ, гдѣ въ то время находились знаменитыя художественныя произведенія, захваченныя французами въ Италіи. Потомъ онъ пригласилъ меня къ себѣ на завтракъ и показалъ мнѣ свою собственную коллекцію драгоцѣнныхъ вещей, собранныхъ имъ въ разныхъ странахъ, въ особенности въ Египтѣ. Между прочимъ, онъ съ гордостью обратилъ мое вниманіе на маленькую ножку одной изъ мумій и сказалъ:

— Посмотрите, какое это чудо, и, по всей вѣроятности, ножка эта принадлежала женѣ фараона.

— Можетъ быть, это нога одной изъ женъ Сезостриса,—замѣтила я.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 853.

— Пусть она будетъ женой Сезостриса,—отвѣчалъ онъ,—но въ такомъ случаѣ, конечно, обладательница этой ножки была его любимѣйшей женой.

Тетка познакомила меня со всѣми своими друзьями, большинство которыхъ обитало въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, а слѣдовательно принадлежало къ оппозиціи. Это аристократическое общество было недовольно всѣмъ, сожалѣло о прошедшемъ и не умѣло веселиться. Признаюсь, я не находила никакого удовольствія въ ихъ гостиныхъ, и единственнымъ пріятнымъ домомъ мнѣ казался домъ виконтессы Лаваль, которая, какъ умная женщина, мирилась съ совершившимися фактами. Она гордилась своей бѣдностью, никогда не говорила о прежнемъ величіи и не осуждала разбогатѣвшихъ новичковъ, саркастически замѣчая: «надо же утѣшаться богатствомъ, когда не принадлежишь къ роду Монморанси».

Въ маленькомъ салонѣ виконтессы собиралось избранное общество, и молодежь всѣхъ партій считала за честь быть принятой въ скромномъ домѣ, гдѣ вся прислуга состояла изъ одного лакея и старой негритянки, разливавшей чай. Талейранъ находился въ числѣ завсегдатаевъ салона, хотя его жена никогда тамъ не бывала, считая это недостойнымъ для себя. Только у виконтессы Лаваль посѣтители разговаривали весело, остроумно, пріятно, такъ какъ политика и партійные интересы были строго исключены изъ предметовъ разговора. Обыкновенно, хозяйка очень ловко заводила разговоръ о какомъ нибудь интересномъ вопросѣ, и когда она видѣла, что общее вниманіе задѣто за живое, а вопросъ обсуждается съ жаромъ со всѣхъ сторонъ, то она умолкала и спокойно принималась за свое вязанье. Только въ особенныхъ случаяхъ она принимала личное участіе въ разговорѣ, и тогда, обратно, всѣ молчали и слушали ее, такъ какъ она говорила необыкновенно умно, живо и оригинально. Въ молодости она славилась своей красотой, но и теперь сохранила удивительно блестящіе, черные глаза. Ея старый деверь, герцогъ Лаваль, извѣстный своими наивными, глупыми выходками, говорилъ, что у нея глаза напоминали цвѣтъ бархатныхъ брюкъ. Что собственно означало это выраженіе,—никто не зналъ, но всѣ на вѣру смѣялись, такъ какъ было принято смѣяться надо всѣмъ, что говорилъ старый герцогъ.

Я даже одно время собиралась составить сборникъ его классически-глупыхъ замѣчаній, но глупости очень быстро забываются, а потому я не привела въ исполненіе своего плана и теперь разскажу только одинъ любопытный о немъ анекдотъ.

Однажды у Талейрана долго ждали къ обѣду герцога Лаваля и сѣли за столъ безъ него, а когда онъ явился, то объяснилъ, что опоздалъ, замѣшкавъ на аукціонѣ картинъ. Всѣмъ было извѣстно, что у него была манія покупать старинные портреты, а потому Талейранъ произнесъ съ улыбкой:

— Держу пари, что вы опять купили какую нибудь мазню.

— Ну, нѣтъ! —отвѣчалъ герцогъ, гордо поднимая голову,—вы бы съ удовольствіемъ украсили свой кабинетъ тѣми двумя знаменитыми портретами, которые я сегодня купилъ.

— А кого же они изображаютъ?—спросилъ Талейранъ съ презрительной гримасой.

— Погодите. Я припомню,—отвѣчалъ старикъ, принимаясь за супъ, чтобы дать себѣ время собраться съ мыслями,—женщину-то зовутъ, какъ госпожу Реньо-де-Сенъ-Жанъ-Д'Анжели, Лаурой, а вотъ имя-то господина—я забылъ... какъ-то Петракъ... Патракъ...

Всѣ ехидно молчали, а Талейранъ, съ убійственнымъ спокойствіемъ, произнесъ:

— Вы, вѣроятно, хотите сказать, что это портреты Лауры и Плутарха?

— Да, да! Я всегда забываю этого чорта Плутарха. На аукціонѣ кто-то называлъ его Петраркой, но, конечно, по незнанію. Да, да. Вы правы,—я теперь хорошо припоминаю, что поклонникъ Лауры былъ Плутархъ. Это всѣ знаютъ. Это историческій фактъ.

Всѣ громко разсмѣялись, и только одинъ Талейранъ сохранилъ свое обычное спокойное хладнокровіе.

Среди необходимыхъ визитовъ мнѣ обязательно было нужно посѣтить жену маршала Даву, которая, находясь съ мужемъ въ Варшавѣ, была очень любезна со мной. Но такъ какъ въ это время она съ маршаломъ жила въ своемъ помѣстьѣ въ Савиньи, то я послала узнать въ парижскомъ ихъ домѣ, когда я могу сдѣлать имъ визитъ на дачѣ, и получила въ отвѣтъ, что лучше всего поѣхать туда утромъ. Судя по городскому роскошному помѣщенію Даву, я воображала, что онъ и въ деревнѣ окружалъ себя блестящей обстановкой, а потому, одѣвшись очень нарядно и съ большимъ вкусомъ, пустилась въ путь. Къ величайшему моему удивленію, экипажъ остановился въ Савиньи предъ стариннымъ, совершенно заброшеннымъ и какъ бы необитаемымъ замкомъ. На звонокъ моего лакея отворила калитку очень плохо одѣтая молодая дѣвушка и, объявивъ намъ, что маршалъ и маршальша дома, побѣжала за лакеемъ, который явился, торопливо застегивая свою ливрею. Я просила его доложить о моемъ пріѣздѣ маршальшѣ и прождала въ каретѣ, по крайней мѣрѣ, четверть часа. Наконецъ, онъ вернулся и провелъ меня чрезъ длинный рядъ пустыхъ комнатъ въ гостиную, гдѣ стоялъ одинъ диванъ и нѣсколько стульевъ.

Вскорѣ явилась маршальша, которая, видимо, одѣлась впопыхахъ и начала очень неловко занимать меня разговоромъ. Нельзя сказать, чтобы она была лишена остроумія, но она слишкомъ была высокаго мнѣнія о своемъ маршальскомъ достоинствѣ, и никогда улыбка не освѣщала суровой красоты ея лица. Чрезъ нѣсколько времени пришелъ маршалъ, очевидно, гулявшій въ паркѣ,

такъ какъ онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе и обтиралъ платкомъ потъ со своего лица. Мало того, онъ безцеремонно намачивалъ платокъ слюной и стиралъ пыль со своихъ щекъ. Это солдатское обращеніе, повидимому, не нравилось его женѣ, и она надулась. Мнѣ было такъ неловко въ этой странной обстановкѣ, что я стала собираться въ путь, но меня оставили насильно завтракать, а пока накрывали столъ, мы пошли въ паркъ, гдѣ дорожки не были расчищены, и трава была такая густая и высокая, что я на каждомъ шагу рвала себѣ платье и пачкала розовые туфли. Маршалъ все шелъ впереди и обѣщалъ необыкновенный сюрпризъ въ концѣ парка; когда же это оказался миніатюрный птичникъ, и маршалъ съ торжествомъ подалъ мнѣ корзинку съ хлѣбомъ, чтобы кормить птицъ, говоря: «вы позабавитесь поцарски», то со мной едва не сдѣлалось дурно, и я поспѣшила вернуться въ замокъ, откуда уѣхала тотчасъ послѣ завтрака. По дорогѣ въ Парижъ я печально размышляла, что въ прекрасной Франціи было много странныхъ контрастовъ, и если вельможи стараго времени поражали своимъ невѣжествомъ, то герои дня, купивъ своей кровью громадныя богатства, не умѣли ими достойно пользоваться.

Всякій, кто писалъ свои мемуары, знаетъ, какъ неловко говорить о себѣ. Вотъ почему я до сихъ поръ не упоминала о моихъ отношеніяхъ къ графу Ф. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ проникнуть въ мою гостиную, онъ, наконецъ, вошелъ въ нее неожиданно, когда изъ дверей выходилъ герцогъ Дальбергъ, такъ что мнѣ было невозможно ему отказать. Признаюсь, его появленіе меня смутило, но я тотчасъ оправилась, и мы стали говорить о парижскихъ достопримѣчательностяхъ, которыя мнѣ слѣдовало осмотрѣть. Онъ предложилъ мнѣ свои услуги и попросилъ позволенія привести ко мнѣ на слѣдующій день свою мать, которая хотѣла со мною познакомиться и поблагодарить меня за любезности моихъ родственниковъ къ ея сыну, во время пребыванія французовъ въ Варшавѣ. Я согласилась съ удовольствіемъ, потому что мнѣ было очень интересно узнать автора столькихъ прелестныхъ романовъ.

Естественно, что я приняла ее самымъ радушнымъ образомъ, но вскорѣ увидѣла, что всѣ мои старанія понравиться ей не вели ни къ чему. Маркиза Суза исключительно занималась собою, отчеканивала каждую свою фразу и вставляла въ свою рѣчь заранѣе приготовленныя остроумныя словечки. Ея разговоръ не дышалъ ни искренностью, ни простотой, а потому было гораздо пріятнѣе читать ея книги, чѣмъ слушать ее. Кромѣ того, меня непріятно поразила ея попытка сразу установить какую-то интимность между нами троими. Еслибъ она гордилась своимъ сыномъ, то это было бы понятно, но кичиться его побѣдами, да еще предполагаемыми, переходило за границы приличія, и ему самому это, видимо, было непріятно. Меня же просто оскорблялъ ея странный тонъ, и я стала обра-

щаться съ ней холодно, хотя, конечно, учтиво. Такимъ образомъ, мы разстались, далеко недовольныя другъ другомъ.

Послѣ этихъ первыхъ свиданій мы встрѣчались съ графомъ Ф. ежедневно, и это время было самое счастливое въ моей жизни. Я дѣлила его между интеллектуальными удовольствіями и чарующимъ вліяніемъ идеальной дружбы. Но вдругъ онъ пересталъ ко мнѣ ѣздить, подъ предлогомъ болѣзни, хотя присылалъ мнѣ каждое утро букетъ фіалокъ съ программой моего дня, такъ какъ онъ постоянно указывалъ мнѣ, что слѣдовало посмотрѣть въ Парижѣ, и къ кому необходимо было сдѣлать визитъ. Такъ прошло двѣ недѣли, и хотя онъ часто писалъ мнѣ, говоря, что страдаетъ грудью и не выходитъ изъ дома, но я встрѣчала въ свѣтѣ не разъ его мать, и она, казалось, нисколько не безпокоилась о немъ. Наконецъ, онъ извѣстилъ меня, что ему лучше, и что онъ навѣститъ меня въ теченіе дня. Я тутъ впервые подумала, не играетъ ли онъ комедіи, и встрѣтила его словами:

— Такъ вы дѣйствительно были больны?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—не очень, а теперь я совсѣмъ здоровъ.

Эти слова, произнесенныя слабымъ голосомъ, и перемѣна, происшедшая въ его лицѣ, заставили меня воскликнуть:

— Простите! Простите! Забудьте мои нелѣпыя слова и вѣрьте только въ мое нѣжное сочувствіе. Что съ вами? Ради Бога, скажите, что съ вами?

— Ничего, я страдалъ много, но теперь прошло. При всякомъ сильномъ нравственномъ волненіи я харкаю кровью. Вотъ и все.

— Вы, конечно, не сомнѣвались въ моемъ сочувствіи, я думала о васъ болѣе, чѣмъ вы думаете.

Я покраснѣла и закрыла глаза руками.

— Не говорите этого, не говорите со мною такъ!—воскликнулъ онъ,—обращайтесь со мною попрежнему, какъ съ старымъ другомъ; вы вѣдь не хотѣли мнѣ дозволить другаго чувства, кромѣ дружбы.

Я была очень смущена и не знала, что отвѣтить. Ему также было, очевидно, неловко, и, посмотрѣвъ на часы, онъ сказалъ:

— Какъ идетъ время! Я обѣщалъ матери скоро вернуться; она не хотѣла меня выпустить изъ дома въ такой холодъ, но невозможно требовать отъ меня такого благоразумія. Я болѣе благоразуменъ, чѣмъ вы думаете,—прибавилъ онъ съ грустною улыбкой,—но не для себя.

Онъ взялъ мою руку, прижалъ ее къ сердцу и молча направился къ дверямъ. На порогѣ, однако, онъ остановился.

— Будьте такъ добры, пріѣзжайте завтра къ моей матери завтракать,—сказалъ онъ:—у насъ будетъ Лабедойеръ, который уѣзжаетъ въ Испанію; онъ очень желаетъ видѣть васъ.

Я кивнула головой, и онъ удалился, оставивъ меня въ груст-

номъ раздумьи. Какой-то невѣдомый голосъ подсказывалъ мнѣ, что прошли мои счастливые дни, и наступала роковая драма.

На слѣдующее утро я поѣхала завтракать къ маркизѣ Суза, гдѣ уже находился молодой Лабедойеръ, сіявшій красотой и счастьемъ. Графъ Ф. мнѣ показался не столь мрачнымъ, какъ наканунѣ; и даже я замѣтила, что онъ при матери и другѣ хотѣлъ надѣть на себя маску необычайной веселости. Онъ сильно кашлялъ, и мать упрекала его за вчерашнюю прогулку.

— Увы,—сказалъ онъ,—я за это уже наказанъ, и докторъ снова заперъ меня на недѣлю. Но, какъ только я поправлюсь, то поѣду съ нашими именитыми путешественницами въ Мальмезонъ.

Подъ названіемъ «именитыхъ путешественницъ» онъ разумѣлъ меня и герцогиню курляндскую, урожденную Медемъ. Богатая, знатная вдова, она очень полюбила меня въ память блестящаго пріема, сдѣланнаго ей въ Варшавѣ королемъ Станиславомъ-Августомъ. Я часто ѣздила съ ней ко двору и на офиціальные праздники, потому что ея экипажъ пропускали впередъ, а не заставляли ждать въ хвостѣ. Въ эпоху, о которой я говорю, она была уже въ зрѣломъ возрастѣ, но сохранила остатки своей красоты, которые обезпечивали ей послѣдніе успѣхи. Громадное богатство дозволяло ей жить широко и принимать лучшее общество. Талейранъ, подвергшійся ея чарамъ, поставилъ ее на первый планъ въ салонѣ графини Лаваль, гдѣ было принято восхищаться герцогиней, ея брильянтами и туалетами. Она часто заѣзжала туда въ первомъ часу ночи, чтобъ показать свое новое платье или только что купленный браслетъ. Талейранъ всегда дожидался ея и смотрѣлъ на нее съ такимъ восторгомъ, что ее невольно ревновали всѣ представительницы его сераля, въ томъ числѣ и моя тетка, графиня Тышкевичъ.

У меня была еще другая тетка въ Парижѣ, графиня Мнишекъ, урожденная Замойская, племянница короля Станислава-Августа. Она приходилась двоюродною сестрой моей матери и считала себя въ правѣ настаивать на прерогативахъ принцессы крови. Не смотря на печальный конецъ послѣдняго короля Польши и расчлененіе нашей несчастной страны, она никакъ не хотѣла отступиться отъ своихъ притязаній. Получивъ отъ русской императрицы орденъ св. Екатерины, она кстати и некстати носила звѣзду этого ордена, такъ что въ Вѣнѣ её прозвали графиней звѣзды. Въ Парижѣ она продолжала возбуждать общій смѣхъ своими нослѣпыми выходками и давала великолѣпные, но очень скучные вечера. Она провела уже два года во Франціи и собиралась покинуть эту страну, а потому вмѣстѣ со мною осматривала достопримѣчательности Парижа, которыя до тѣхъ поръ были ей неизвѣстны.

Однажды, среди этихъ прогулокъ по городу, мы посѣтили только что открывшійся тогда пассажъ Панорамъ. Кромѣ меня, тетка на этотъ разъ взяла еще съ собой младшую и остроумнѣйшую изъ до-

черей принца де-Линя, принцессу Флору, и, какъ всегда, ее сопровождала блестящая свита, состоящая изъ ея секретаря, какого-то прогорѣвшаго аристократа, де-Виля, негра, гайдука и двухъ ливрейныхъ лакеевъ. Толпа слѣдовала за нами, и тетка, полагая, что производила большой эффектъ своимъ появленіемъ, не знала мѣры эксцентричностямъ, заходила во всѣ магазины, откладывала груды предметовъ, не выбирая ихъ, громко приказывала своему секретарю не торговаться, такъ какъ подобная хамская привычка не достойна людей съ высокимъ положеніемъ, и настаивала, чтобы принцесса Флора и я выбирали все, что намъ нравилось. Вскорѣ насъ окружили со всѣхъ сторонъ зѣваки, и они такъ надоѣли намъ, что принцесса Флора вздумала надъ ними посмѣяться и сказала вполголоса одному изъ назойливо преслѣдовавшихъ насъ франтовъ:

— Знаете вы, кто эта дама? Это — королева польская.

Тогда произошла такая давка вокругъ насъ, что одинъ магазинщикъ, сжалившись надъ нами, провелъ насъ чрезъ свой магазинъ на уединенную улицу. Тетка была внѣ себя отъ восторга и повторяла съ гордымъ сознаніемъ собственнаго достоинства:

— Что же дѣлать! Извѣстныя лица не могутъ безнаказанно появляться въ публикѣ.

Однажды рѣшившись видѣть все въ Парижѣ, мы, естественно, стали посѣщать и студіи художниковъ. Мнѣ всего болѣе нравились тогда жанристы. Подробности ихъ картинъ поражали меня своей граціозностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріученная моимъ свекромъ къ культу итальянской живописи, я удивлялась, что въ произведеніяхъ современныхъ французскихъ живописцевъ не было ничего смѣлаго, благороднаго, возвышеннаго. Правда, молодые художники обнаруживали менѣе манерности, чѣмъ Буше и Ванлу, но они не отличались ни колоритомъ Лебрена, ни широкой кистью Пусена, ни правильностью рисунка Лесюера. Приходилось заключить, что художественный геній вышелъ изъ моды. Новая школа относилась съ презрѣніемъ къ великимъ мастерамъ. Одинъ Давидъ придерживался классической школы, но мертвенный колоритъ придавалъ его картинамъ характеръ какихъ-то барельефовъ. По моему мнѣнію, самое лучшее изъ произведеній Давида, обезпечивающее ему безсмертіе, его историческій портретъ Наполеона, во время перехода его чрезъ Сенъ-Бернаръ. Спокойно сидящій на ретивомъ конѣ герой—выше всякихъ похвалъ.

Жироде долженъ былъ бы умереть, окончивъ свою Дидону, такъ какъ ни одна изъ его картинъ не можетъ сравниться съ нею. Правда, Эней нѣсколько деревянный, но на него мало обращаешь вниманія, а съ группы двухъ женщинъ не хочется отвести глазъ. Жераръ написалъ нѣсколько прекрасныхъ портретовъ, и онъ мастеръ въ этой отрасли живописи, но онъ слишкомъ отдѣлываетъ мелочи, какъ будто вся суть въ портретѣ, точное воспроизведеніе кашемирскихъ шалей

и ажурныхъ шелковыхъ чулокъ. Поэтому онъ скоро выйдетъ изъ моды, а настоящій художникъ долженъ рисовать портреты такъ, чтобы они вмѣстѣ съ тѣмъ были картинами.

Я съ удивленіемъ замѣчала во всѣхъ мастерскихъ большое количество начатыхъ картинъ, изображавшихъ или представителей императорской семьи, или знатныхъ иностранцевъ, по заказу чужеземныхъ богачей, такъ какъ для французовъ были недоступны тогдашнія громадныя цѣны на портреты извѣстныхъ художниковъ.

Обыкновенно, молодыя женщины, описывающія свои путешествія, считаютъ себя обязанными посвятить двѣ или три главы общимъ разсужденіямъ о прогрессѣ, цивилизаціи, наукѣ и т. д. Почти всегда эти разглагольствованія заимствованы изъ какой нибудь забытой книги, или написаны какимъ нибудь пріятелемъ, или, наконецъ, заказаны какому нибудь невѣдомому писателю. Что касается меня, то давъ себѣ слово прежде всего быть искренней въ своихъ мемуарахъ, я должна признаться, что не гонялась за литераторами. Для правильной ихъ оцѣнки достаточно обсудить то, что ими напечатано, а посѣщенія, да еще единичныя, какого нибудь писателя мнѣ всегда казались безполезными и безцѣльными. Кромѣ того, не слѣдуетъ посѣщать замѣчательныхъ людей, какъ рѣдкость, на подобіе знаменитыхъ уродовъ. Въ сущности такая манера говорить объ извѣстныхъ людяхъ скрываетъ личное самолюбіе; обыкновенно пишутся фразы въ родѣ слѣдующихъ:

«Такой-то господинъ, извѣстный своими учеными трудами или литературными произведеніями, принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ; мы разговаривали цѣлый часъ, и онъ пораженъ, какъ я хорошо выражаюсь на его языкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ мнѣ написать мои воспоминанія».

Меня очень удивляло, что въ свѣтѣ рѣдко бывали знаменитости дня, и мнѣ всегда казалось, что при такомъ нивеллирующемъ государѣ, какъ Наполеонъ, который всегда считалъ, что настоящее достоинство имѣетъ право на почести, слѣдовало бы болѣе встрѣчать въ салонахъ артистовъ и литераторовъ.

У маркиза Суза я видѣла только одного аббата Морлэ, который спасся во время революціи отъ смерти, благодаря своему остроумію: его хотѣли повѣсить на уличномъ фонарѣ, а онъ спокойно сказалъ:

— А что, тогда фонарь будетъ свѣтлѣе горѣть?

Когда я его видѣла, то онъ уже былъ очень старъ, мало разговаривалъ и являлся въ общество только для того, чтобы хорошо поѣсть и послѣ обѣда подремать въ спокойномъ креслѣ. Нѣсколько разъ меня просили отвезти его въ моей каретѣ домой, и я дѣлала это съ большимъ удовольствіемъ, что онъ жилъ по сосѣдству со мною. Но онъ по дорогѣ всегда молчалъ и, только прощаясь, говорилъ всегда одну и ту же фразу:

— Благодарю васъ, любезная и прелестная дама.

На одномъ изъ обѣдовъ у маркизы Суза какъ-то зашелъ разговоръ о дѣвицѣ Ленорманъ, по поводу ея предсказанія императрицѣ Жозефинѣ, половина котораго уже осуществилась. Я выразила желаніе увидать знаменитую сивиллу, но меня отговаривали на томъ основаніи, что ея предсказанія стоили очень дорого: отъ 12 до 36 фр. Хозяйка, не скрывавшая своей склонности къ суевѣрію, разсказала, что она знаетъ ворожею, которая гораздо искуснѣе дѣвицы Ленорманъ, и ей самой предсказала самыя удивительныя вещи.

— Если бы я не боялась повторить ея предсказанія, то вы всѣ удивились бы: такъ они необыкновенны.

Кто-то изъ присутствующихъ спросилъ, не предсказывала ли ворожея паденія имперіи, но маркиза Суза молча покачала головой и, чтобы положить конецъ щекотливымъ вопросамъ, перемѣнила разговоръ.

Однако она предложила мнѣ, что свезетъ меня, если я желаю, къ своей ворожеѣ. Я съ удовольствіемъ согласилась, и, спустя два дня, мы отправились къ этой колдуньѣ. Мы пошли пѣшкомъ въ сумерки и переодѣтыя, такъ что насъ невозможно было узнать. Достигнувъ до извѣстнаго маркизѣ дома, мы поднялись въ четвертый этажъ, гдѣ насъ встрѣтила какая-то маленькая женщина, еще довольно молодая, и спросила, что намъ угодно.

— Я къ вамъ,—отвѣчала маркиза,—я привела свою родственницу, пріѣхавшую изъ провинціи. Она желаетъ знать, какая судьба ожидаетъ ее въ Парижѣ.

Маленькая женщина пристально посмотрѣла на маркизу и, подумавъ немного, отвѣтила:

— Извините, я васъ не узнаю, но это неудивительно, у меня бываетъ много народа, и никто не называетъ себя по имени, такъ что мнѣ легко перепутать лица.

Чтобы придать мнѣ храбрости, маркиза Суза присѣла первая къ столу и просила погадать ей на картахъ, а не на кофейной гущѣ. Я не знаю почему, но ворожея стала говорить о прошедшемъ маркизы, а не о будущей ея судьбѣ. По ея словамъ, у маркизы была очень бурная юность, что было вполнѣ справедливо, какъ я впослѣдствіи узнала, и стала приводить такія скабрезныя подробности, что маркиза поспѣшила ее остановить.

Переходя къ настоящему, ворожея объявила, что у маркизы одинъ нѣжно любимый сынъ, и что онъ только что подвергся большой опасности. Когда бѣдная мать вскрикнула отъ ужаса, то ворожея прибавила:

— Успокойтесь. Онъ внѣ опасности. Его звѣзда самая счастливая. Я не могу опредѣлить, что угрожало ему: вода или огонь? Но онъ и вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторыя другія лица подверглись большой стихійной опасности. Во всякомъ случаѣ вы узнаете всѣ подробности отъ одной пріятельницы вдовы.

Мы посмотрѣли молча другъ на друга, и маркиза, не желая продолжать сеанса для себя, уступила мнѣ свое мѣсто.

Признаюсь, я была очень смущена, но все-таки рѣшилась узнать свою судьбу и попросила ворожею погадать мнѣ и на картахъ, и на кофейной гущѣ, но поставила условіемъ, чтобы она не говорила мнѣ о срокѣ жизни дорогихъ мнѣ существъ. Ворожея долго возилась съ картами и съ гущей, долго соображала и, наконецъ, сказала:

— Не будемъ распространяться о вашихъ теперешнихъ дѣтяхъ. Ихъ судьба будетъ походить на вашу и не представитъ ничего необыкновеннаго, но, возвратясь въ вашу страну, вы родите сына, который заставитъ о себѣ говорить. Я не знаю, кто вы такая, и гдѣ ваша родина, но во всякомъ случаѣ эта страна безпокойная. Я вижу по картамъ, что въ ней будутъ воевать и проливать кровь. Вашъ сынъ родится подъ самымъ счастливымъ созвѣздіемъ и будетъ главою могущественной партіи, а, можетъ быть, и королемъ.

Я засмѣялась и бросила знаменательный взглядъ на маркизу Суза, подозрѣвая, что она подготовила эту мистификацію, но она поклялась, что болѣе года не была въ этомъ домѣ, а ворожея, повидимому, обидѣлась на мое недовѣріе и сказала, что дастъ мнѣ возможность провѣрить справедливость ея предсказаній.

— Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вашего возвращенія на родину, вы забеременѣете,— прибавила она,— и за нѣсколько времени передъ родами подвергнетесь несчастному случаю, но не безпокойтесь, вашъ ребенокъ родится во время и въ сорочкѣ; онъ будетъ здоровъ, прекрасенъ, и на лѣвомъ боку у него будетъ слабый знакъ. Онъ будетъ одаренъ способностью привлекать общую любовь, и его будутъ одинаково любить старые и молодые, богатые и бѣдные, мужчины и женщины. Главная причина его сильнаго вліянія на другихъ будетъ заключаться въ его добромъ характерѣ.

Всѣ эти предсказанія запечатлѣлись въ моей памяти, и я могу удостовѣрить, что они исполнились самымъ точнымъ образомъ. Во время моей беременности я подверглась случайной опасности, сынъ мой родился вполнѣ здоровый и въ сорочкѣ, а на лѣвомъ боку у него былъ значекъ въ родѣ малины. Если бы я много думала объ этихъ предсказаніяхъ, то еще можно было бы предположить, что воображеніе дѣйствовало на природу, но, уѣхавъ изъ Парижа, я совершенно забыла о ворожеѣ и только вспомнила о ней въ ту минуту, какъ родился у меня сынъ.

IX.

Обѣдъ въ Сенъ-Клу.

Спустя нѣсколько дней, мы поѣхали осматривать Мальмезонъ, гдѣ жила Жозефина. Она только что уѣхала въ Швейцарію, такъ какъ Наполеонъ часто посѣщалъ ее, и Марія-Луиза начала ревновать ее; почему и было рѣшено, что она на время удалится изъ Парижа. Я очень желала представиться ей, но она не принимала чужестранцевъ и видѣлась только съ своими преданными друзьями. Ея наболѣвшее сердце искало утѣшенія въ одиночествѣ, и нѣкогда столь любившая свѣтъ Жозефина теперь не выходила изъ Мальмезона, гдѣ она на свободѣ плакала, не скрывая своего горя.

Намъ показали Мальмезонъ съ подвала до чердака. Я не могу сказать, съ какимъ интересомъ мы осматривали это жилище, въ которомъ произошло столько великихъ событій въ теченіе десяти лѣтъ. Спальня Наполеона, гдѣ онъ первымъ консуломъ мечталъ о всесвѣтной монархіи, а потомъ императоромъ искалъ успокоенія, оставалась въ томъ видѣ, въ какомъ она была въ тотъ день, когда онъ ее покинулъ, чтобъ больше никогда не возвращаться. Жозефина не велѣла пускать туда никого, и намъ стоило много труда и денегъ, чтобъ отворить ея дверь. Кромѣ своихъ историческихъ воспоминаній, эта комната сама по себѣ отличалась замѣчательной красотой. Рѣзная кровать, античной формы, стояла на эстрадѣ, покрытой тигровой шкурой, а вмѣсто балдахина надъ ней разстилалась палатка съ военными трофеями.

Комната Жозефины ничѣмъ не отличалась, кромѣ недостатка вкуса и гармоніи. Меблировка поражала разнообразіемъ цвѣтовъ и стилей; ничего тутъ не было стариннаго, художественнаго, изящнаго, а все отличалось вчерашней модой. Я не могла не вспомнить съ гордостью, что моя спальня въ Наталинѣ была гораздо лучше.

За то картинная галлерея была выше всякихъ похвалъ; очевидно ее составлялъ человѣкъ, знающій и настоящій художникъ. Фламандская школа въ ней господствовала надъ итальянской; среди другихъ сокровищъ въ ней находились великолѣпныя произведенія Рюисдаля, Поля Потера, Клода Лорена и Вувермана. Что же касается до архитектуры дома, то она не представляла ничего замѣчательнаго и была вполнѣ вульгарная: главный корпусъ былъ низкій, придавленный крышей съ мансардами, окна узенькія, маленькія, двери невзрачныя, украшенія тяжелыя; однимъ словомъ, все поражало мелочностью и претензіями, безъ малѣйшаго величія или простоты. Напротивъ, сады и, въ особенности, оранжереи великолѣпны; въ нихъ столько разнообразныхъ растеній всего свѣта, что невольно воображаешь себя на тропикахъ. Неудивительно, что устройство всего этого стоило

громадныхъ денегъ, такъ какъ Жозефина ничего не жалѣла на украшеніе своего парка и садовъ.

Возвращаясь домой изъ Мальмезона, я нашла приглашеніе, которое меня очень удивило и еще болѣе польстило. Это было увѣдомленіе отъ дежурнаго камергера о томъ, что я была внесена въ число гостей, приглашенныхъ къ обѣду въ тотъ день въ Сенъ-Клу. Но было уже десять часовъ вечера, а обѣдъ былъ назначенъ въ шесть. Подобной чести удостоивались очень немногія дамы, въ особенности, иностранки, такъ какъ императоръ со времени своего второго брака слѣдовалъ этикету стараго французскаго двора и обѣдалъ всегда съ своимъ семействомъ. Мнѣ было очень жаль, что я пропустила такой интересный обѣдъ, и рѣшила довести до свѣдѣнія императора о своемъ сожалѣніи. По счастью, на слѣдующій день военный министръ давалъ балъ, на которомъ долженъ былъ присутствовать Наполеонъ, и я могла воспользоваться этимъ случаемъ для объясненія съ нимъ, такъ какъ, вѣроятно, онъ по обыкновенію скажетъ мнѣ нѣсколько словъ. Я нарочно поѣхала на балъ пораньше, чтобъ занять хорошее мѣсто, и одѣлась поэффектнѣе, чтобъ обратить на себя вниманіе императора. Какъ я предвидѣла, онъ, увидавъ меня, подошелъ и, принявъ надутый видъ, сказалъ:

— Вы, вѣроятно, графиня, вернулись домой очень поздно. Мы васъ ждали и оставили ваше мѣсто незанятымъ.

Поощряемая такою любезностью, я выразила свое сожалѣніе, что не могла воспользоваться лестнымъ приглашеніемъ, и онъ утѣшилъ меня словами:

— Вы знаете, что отложено, то не пропало, а въ будущій разъ будутъ приняты мѣры о доставленіи вамъ приглашенія во-время.

Мой разговоръ съ императоромъ подалъ поводъ къ самымъ неосновательнымъ толкамъ, и многія дамы съ завистью смотрѣли на меня. Въ слѣдующіе дни множество лицъ, никогда у меня не бывавшихъ, сочли своимъ долгомъ посѣтить меня. Всѣ эти визиты убѣдили меня, что низости дѣлались одинаково при новыхъ и старыхъ дворахъ. Никто и не подозрѣвалъ, что, покинувъ балъ, я забыла о лестномъ для меня разговорѣ и думала о совершенно иномъ.

Послѣ своего выздоровленія Шарль посѣщалъ меня гораздо рѣже, и то всегда при публикѣ. Однако онъ очень старательно слѣдилъ за каждымъ моимъ шагомъ, и вотъ что онъ мнѣ написалъ черезъ два дня послѣ блестящаго бала, даннаго старою гвардіей, и о которомъ много писалось въ газетахъ.

«Что вы дѣлали вчера вечеромъ? Я надѣялся васъ встрѣтить у герцогини Л. Вы должны были къ ней поѣхать; отчего же васъ тамъ не было? Боясь, что слишкомъ поздно, я не посмѣлъ къ вамъ заѣхать, или, говоря искренно, я не посмѣлъ къ вамъ заѣхать изъ боязни застать васъ одной. Позвольте мнѣ сопровождать васъ завтра къ живописцу Жерару; тамъ бываетъ много на-

рода, чтобъ любоваться портретомъ графини Валевской. Я не желаю васъ видѣть иначе, какъ при всѣхъ. Какъ я вамъ ни кажусь страннымъ, но умоляю, не лишайте меня довѣрія и дружбы. Терпите меня и жалѣйте. Еслибъ вы только могли отгадать, какъ я несчастливъ, то вы поняли бы, что я болѣе чѣмъ когда нуждаюсь въ вашей снисходительной дружбѣ и достоинъ вашего уваженія».

Эти строчки привели къ объясненію, котораго мы оба опасались и постоянно избѣгали. Я впервые поняла, что люблю его, и въ моемъ отвѣтѣ, вѣроятно, такъ ясно выразила свои чувства, что онъ немедленно отвѣчалъ мнѣ, прося принять его наединѣ въ этотъ день, вечеромъ, такъ какъ ему было необходимо меня видѣть. Конечно, я исполнила его желаніе и ждала этого свиданія съ лихорадочнымъ волненіемъ.

Когда онъ вошелъ въ комнату, то засталъ меня въ тяжеломъ раздумьѣ. Я машинально рѣзала перочиннымъ ножикомъ перчатку, и на одномъ изъ моихъ пальцевъ показалась капля крови, въ ту самую минуту, какъ Шарль подошелъ ко мнѣ.

— Что вы дѣлаете?—воскликнулъ онъ, вырывая у меня ножикъ.— Ради Бога, выслушайте меня. Сжальтесь надо мной; ваше письмо меня окончательно убило. Пришла минута, когда жестокій долгъ заставляетъ меня сказать вамъ всю правду. Увидавъ васъ въ Польшѣ, я полюбилъ васъ пламенно и преданно. До тѣхъ поръ я велъ себя очень легкомысленно, но вамъ суждено было произвести во мнѣ радикальную перемѣну. Я часто удивлялся, что питалъ къ вамъ такой религіозный культъ; съ другими женщинами я былъ очень смѣлъ, а вамъ не рѣшался высказать своей любви. Вы были окружены такимъ ореоломъ незапятнанной чистоты, вы такъ исключительно занимались своимъ ребенкомъ и такъ свято исполняли свои супружескія обязанности, что я считалъ преступною даже мысль о совращеніи васъ съ истиннаго пути; къ тому же вы обращались со мной такъ просто, такъ подружески, что я уѣхалъ изъ Польши, вполнѣ увѣренный въ сохраненіи моей тайны. Въ присутствіи вашего мужа я просилъ позволенія писать къ вамъ, и вы оба на это согласились: такъ интересно было получать извѣстія изъ главной квартиры. Одна фраза въ вашихъ письмахъ возродила надежду въ моемъ сердцѣ. Мнѣ показалось, что до васъ дошли толки о томъ, что какая-то женщина послѣдовала за мной въ Германію, и что вы были этимъ недовольны, а потому я рѣшилъ, во что бы то ни стало, объясниться съ вами. Я тотчасъ же обратился къ маршалу Даву съ просьбой разрѣшить мнѣ отправиться на нѣсколько дней въ Варшаву. Если бы я не получилъ этого дозволенія, то хотѣлъ съѣздить туда тайкомъ, но ждалъ вашего согласія на этотъ шагъ. Увы, я получилъ отъ васъ саркастическій отвѣтъ и немедленно сталъ просить о переводѣ меня во Францію; но Мюратъ не прощалъ мнѣ моего выхода изъ его штаба, и я провелъ болѣе года въ гарнизонѣ

маленькаго нѣмецкаго городка. Я часто получалъ письма отъ моей матери, которая постоянно меня утѣшала извѣстіями, что мнѣ нечего безпокоиться, такъ какъ одна высокопоставленная дама, любившая меня втайнѣ, принимаетъ всѣ мѣры для возвращенія меня на родину. Дѣйствительно, въ одинъ прекрасный день я получилъ подписанный императоромъ приказъ вернуться во Францію. Я рѣшилъ васъ забыть, но вашъ дорогой образъ преслѣдовалъ меня всюду, и я не могъ не сравнивать вашей чарующей простоты, искренней веселости и соблазнительной прелести съ искусственностью, манерностью и отсутствіемъ оригинальности француженокъ. Не смотря на это, одна изъ нихъ нашла дорогу къ моему сердцу, и хотя вы никогда не узнаете ея имени, но это была та женщина, о которой мать постоянно писала мнѣ въ письмахъ. Она не отличалась красотой, считала невозможнымъ, чтобы ее кто нибудь полюбилъ, и даже не смѣла возбуждать къ себѣ нѣжныя чувства. Относительно меня она долго скрывала свою любовь подъ дружбой сестры. Я былъ дѣйствительно въ дружескихъ отношеніяхъ съ ея братомъ и много времени присматривался къ ней, прежде чѣмъ сталъ платить ей взаимностью. Я не чувствовалъ къ ней ни того влеченія, какое прежде возбуждали во мнѣ женщины, ни той возвышенной любви, которую я питалъ къ вамъ; но, въ концѣ концевъ, я привязался къ ней, такъ какъ имѣлъ тысячу доказательствъ ея нѣжныхъ чувствъ ко мнѣ. Но чѣмъ болѣе я оцѣнивалъ ее, тѣмъ мнѣ казалось недостойнѣе обмануть ея надежды. «Если,—говаривала она мнѣ своимъ бархатнымъ голосомъ,—если вы еще разъ полюбите другую женщину, какъ любили въ Польшѣ, то я умру». Эти слова, наконецъ, побудили меня пожертвовать ей своей свободой. Два года я былъ вѣренъ ей и даже находилъ себя счастливымъ, видя, какъ она благодарна за то, что я позволялъ ей любить себя. Вашъ неожиданный пріѣздъ убилъ во мнѣ эту иллюзію, и я почувствовалъ, что попрежнему люблю васъ, только васъ. Временный отъѣздъ моего друга уже предалъ меня всецѣло вашимъ чарамъ. Но когда изъ вашего письма я увидалъ, что вы тронуты моей любовью, и что я могу надѣяться на вашу взаимность,—я серьезно обдумалъ свое положеніе и вижу, что долгъ повелѣваетъ мнѣ одно—бѣжать. Я много страдалъ и много боролся самъ съ собою, но я хочу навсегда сохранить ваше уваженіе. Я знаю васъ слишкомъ хорошо и слишкомъ васъ цѣню, чтобы предложить вамъ сердце, связанное долгомъ съ другою женщиной. Вы вполнѣ достойны быть единственнымъ предметомъ моего культа, и не вамъ дѣлить съ другою мое сердце. Если бы въ Польшѣ я посмѣлъ надѣяться, что когда нибудь вы полюбите меня, то я ради васъ бросилъ бы все—и мать, и друзей, и отечество. Я сдѣлался бы полякомъ и служилъ бы своей новой родинѣ также преданно, какъ старой. Но я видѣлъ, что васъ окружало много поклонниковъ, а вы были одинаково со всѣми любезны и ни однимъ словомъ не вы-

звали меня на объясненіе въ любви; ну, вотъ, я вамъ все сказалъ. Я исполнилъ свой долгъ и не воспользовался вашимъ трогательнымъ довѣріемъ. Не требуйте отъ меня ничего бо̀льшаго. Остерегайтесь меня и моей любви. Будьте благоразумны за двоихъ, намъ вѣдь не долго видѣться съ вами: вы вернетесь на свою родину, а я постараюсь, чтобы меня убили при первомъ удобномъ случаѣ. Вы знаете, что императоръ насъ не жалѣетъ. Но, умоляю, не лишайте меня счастія видѣть васъ до вашего отъѣзда; помните, что приговоренный къ смерти свободно распоряжается своимъ послѣднимъ временемъ.

Я выслушала его молча, и когда онъ удалился, то залилась слезами. Его благородству я была обязана тѣмъ, что не упала въ ту бездну, на краю которой стояла. Мои чувства къ Шарлю приняли съ этой минуты еще болѣе возвышенный характеръ и долго господствовали въ моемъ сердцѣ; хотя образъ моей таинственной соперницы былъ мнѣ ненавистенъ, но я утѣшала себя мыслью, что она могла меня ревновать, а не я ее, такъ какъ Шарль меня любилъ больше, чѣмъ ее.

Если бы я послѣдовала своему первому влеченію послѣ объясненія съ графомъ Ф., то немедленно уѣхала бы изъ Парижа, но меня удержало тамъ дѣло, порученное мнѣ родственниками моего мужа, и которое заключалось въ томъ, чтобы выхлопотать у императора вознагражденіе за понесенные графомъ и графинею Потоцкими убытки отъ пребыванія французской арміи въ 1807 году въ ихъ помѣстьяхъ. Подобныя хлопоты были мнѣ вовсе не по сердцу, но, предвидя свой скорый отъѣздъ, я рѣшила сдѣлать хоть нѣсколько шаговъ для исполненія взятаго порученія.

Совершенно кстати я получила второе приглашеніе къ обѣду въ Сенъ-Клу, и уже заблаговременно, то-есть за день. Въ это время при дворѣ былъ наложенъ по какому-то случаю трауръ, и я послала свою горничную къ самой модной портнихѣ, чтобы разузнать, какой слѣдовало сдѣлать туалетъ. Она велѣла мнѣ сказать, что императоръ не любитъ чернаго цвѣта, и что траурный костюмъ въ этомъ случаѣ заключался въ бѣломъ, кругломъ платьѣ и фантастической прическѣ, а потому я получу все необходимое на слѣдующее утро въ двѣнадцать часовъ.

Въ половинѣ шестого я была уже передъ рѣшеткой Сенъ-Клу. Часовой не хотѣлъ пропустить моего экипажа на парадный дворъ, и мнѣ пришлось вызвать дежурнаго камергера, который проводилъ меня въ гостиную, гдѣ гофмейстерина, герцогиня Монтебелло, приняла меня довольно холодно, что еще усилило неловкость моего положенія, такъ какъ я не видѣла вокругъ себя ни одного знакомаго лица. Ровно въ шесть часовъ вышла императрица съ одной статсъ-дамой, имя которой я забыла. Она принадлежала къ старинной аристократіи и знала всѣ порядки, существовавшіе при дворѣ Людовика XVI, а за это ее очень цѣнили при новомъ императорскомъ дворѣ.

Марія-Луиза была одѣта очень просто, въ бѣломъ платьѣ, убранномъ черными лентами. Спустя минуту, въ комнату вошли принцесса Боргезе, императоръ и герцогъ Вюрцбургскій, дядя императрицы. За ними слѣдовалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, Монталивэ. Вотъ и всѣ. Императоръ въ этотъ день обѣдалъ въ своемъ семейномъ кружкѣ. Обратясь ко мнѣ съ краткимъ привѣтствіемъ, Наполеонъ спросилъ, готовы ли экипажи, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, предложилъ покататься по парку передъ обѣдомъ. Онъ подалъ руку императрицѣ и сѣлъ съ нею въ изящную коляску, запряженную шестью гнѣдыми лошадьми. Мы слѣдовали за нимъ въ хорошенькой шестимѣстной корзинкѣ.

Мы ѣхали молча; три дамы, сидѣвшія рядомъ со мною, ворчали, что ихъ повезли въ открытомъ экипажѣ безъ шляпъ, а герцогъ Вюрцбургскій видимо чувствовалъ себя неловко въ присутствіи принцессы Боргезе, въ которую онъ, говорятъ, былъ влюбленъ. Впродолженіе получаса мы объѣхали весь паркъ, и я замѣчала, что при проѣздѣ коляски императора останавливалось нѣсколько лицъ въ аллеяхъ и, по знаку его руки, бросали въ коляску какія-то прошенія. Когда мы вернулись въ замокъ, то Наполеонъ приказалъ дежурному камергеру собрать всѣ прошенія и передать секретарю. Потомъ я узнала, что императору каждое утро дѣлали докладъ о поданныхъ такимъ образомъ прошеніяхъ наканунѣ, и онъ диктовалъ свои резолюціи.

По возвращеніи съ прогулки, императоръ сдѣлалъ знакъ Маріи-Луизѣ, и она, взявъ подъ руку дядю, пошла въ столовую; онъ самъ слѣдовалъ за ними, а потомъ двинулись и мы, за исключеніемъ герцогини Монтебелло и дежурной статсъ-дамы, которыя удалились въ сосѣднюю залу, гдѣ былъ накрытъ столъ на тридцать кувертовъ для чиновъ двора, подъ предсѣдательствомъ маршала Дюрока. Не могу скрыть, что я, слѣдуя за императоромъ по амфиладѣ комнатъ, увидѣла съ удовольствіемъ стоявшаго на дежурствѣ маршала Даву, въ качествѣ начальника императорскихъ тѣлохранителей. Я дружески кивнула ему головой и была очень довольна, что отомстила за его надменный тонъ во время пребыванія въ Польшѣ.

Императорскій столъ былъ большой, четыреугольный. Съ одной стороны сидѣла императрица и ея дядя, молчавшіе во все время обѣда. Наполеонъ помѣстился напротивъ, и по обѣ его стороны находились два пустыхъ куверта. Принцесса Боргезе и я занимали третью сторону стола, а Монталивэ—четвертую. Императоръ обыкновенно оставлялъ обѣдать того министра, съ которымъ работалъ утромъ, и продолжалъ съ нимъ бесѣду о дѣлахъ между кушаньями.

Былъ конецъ іюня, и хотя солнце весело свѣтило въ открытыя окна, но канделябры были зажжены. Двойной свѣтъ былъ очень непріятенъ, но мнѣ потомъ говорили, что императоръ иначе не обѣдалъ. За его стуломъ стоялъ пажъ, съ салфеткой въ рукахъ, и про-

тягивалъ руку къ каждой тарелкѣ, которую подносилъ къ императору оффиціантъ, но Наполеонъ быстро отталкивалъ его и бралъ самъ.

Намъ прислуживали съ такой быстротой и такъ неслышно, что лакеи казались какими-то сильфами. Наполеонъ ѣлъ мало и очень быстро. Его любимыя блюда были самыя простыя, и среди обѣда ему одному подали на тарелкѣ артишоки a la poivrade; онъ засмѣялся и спросилъ, не хочетъ ли кто раздѣлить его скромной пищи. Конечно, охотниковъ не нашлось, и онъ, поставивъ передъ собой тарелку, самъ съѣлъ всѣ артишоки. Напротивъ, императрица брала большія порціи каждаго блюда и была очень недовольна быстротой, съ какою смѣняли кушанья.

Въ концѣ обѣда императоръ прервалъ молчаніе и, обращаясь къ Монталивэ, спросилъ, какъ идутъ работы по реставраціи Версальскаго дворца.

— Я хочу,—прибавилъ онъ:—забавлять парижанъ, какъ въ былыя времена. Пусть они ходятъ каждое воскресенье любоваться фонтанами. Но правда ли, что при Людовикѣ XVI пустить фонтаны стоило каждый разъ сто тысячъ франковъ?

Министръ отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, это слишкомъ дорого!—воскликнулъ Наполеонъ,—но если я откажу парижанамъ въ удовольствіи, чѣмъ они дорожатъ болѣе всего на свѣтѣ, то они не поймутъ, что я это сдѣлаю въ виду назначенія столь громадной суммы на болѣе полезное дѣло.

Продолжая разговоръ о версальскихъ садахъ, Наполеонъ никакъ не могъ припомнить имени ихъ устроителя, Ленотра, и Монталивэ оказался столь же забывчивымъ. Я шепнула это имя на ухо принцессѣ Боргезе, и она громко его произнесла.

— Это хорошо,—сказалъ Наполеонъ,—но вѣдь не вы насъ выручили. Вы, конечно, и не подозрѣвали, что Ленотръ когда нибудь жилъ на свѣтѣ.

И онъ бросилъ на меня очень любезный взглядъ.

За десертомъ императору доложили, что вице-король итальянскій ждалъ его въ саду. И онъ быстро всталъ изъ-за стола, не давъ Маріи-Луизѣ окончить мороженое. Это ей такъ не понравилось, что она громко пожаловалась своему дядѣ.

Вернувшись въ гостиную, гдѣ уже находились дежурныя придворныя дамы, мы увидали чрезъ два открытыя окна, что Наполеонъ гулялъ по аллеямъ съ принцемъ Евгеніемъ. Они оба были сильно взволнованы: императоръ жестикулировалъ, какъ настоящій корсиканецъ, а принцъ старался его успокоить. Ихъ голоса долетали до насъ, но, благодаря вѣтру, мы не слыхали словъ. Все-таки Монталивэ считалъ своимъ долгомъ занимать насъ разговорами, чтобы не подать повода къ подозрѣнію, что онъ подслушиваетъ императорскій разговоръ.

Марія-Луиза молча сидѣла подлѣ своего дяди и смотрѣла въ окно, нимало не безпокоясь о томъ, что происходило въ саду.

Такъ какъ рано или поздно все узнается, то впослѣдствіи разсказывали, что принцъ Евгеній привезъ императору отказъ своего зятя отъ голландскаго престола и старался всячески оправдать его поступокъ, вызвавшій негодованіе Наполеона.

Наконецъ, императоръ вернулся въ гостиную со строгимъ, но спокойнымъ выраженіемъ лица; онъ прямо подошолъ къ Монталивэ и сказалъ, что на слѣдующее утро, въ пять часовъ отправится въ маленькій Тріанонъ, который перестроивали для императрицы. Марія-Луиза вмѣшалась въ разговоръ и просила позволенія участвовать въ этомъ осмотрѣ, обѣщая не заставить себя ждать. Наполеонъ не согласился, говоря, что въ ея положеніи нельзя уставать, и сослался на герцогиню Монтебелло, которая это подтвердила. Но Марія-Луиза не унималась, настаивала на своей просьбѣ, увѣряла, что докторъ приказалъ ей гулять, наконецъ, стала ласкаться къ мужу и оперлась рукой на плечо. Эта фамильярность при чужихъ ему очень не понравилась, и онъ оттолкнулъ ея руку, хотя предварительно нѣжно пожалъ ее.

Послѣ этой сцены Наполеонъ приблизился ко мнѣ и, удаляясь со мною въ амбразуру окна, спросилъ, какія вѣсти я получила изъ Польши, а, главное, правда ли, что императоръ Александръ угрожалъ конфисковать имущество своихъ подданныхъ, которые не вернутся въ Россію. Я въ этотъ самый день получила письмо отъ своего свекра и могла подтвердить тотъ фактъ, въ которомъ Наполеонъ, повидимому, сомнѣвался. Я прибавила, что мнѣ надо поторопиться съ отъѣздомъ.

— Не безпокойтесь,—отвѣчалъ онъ со своей чарующей улыбкой,—веселитесь и не думайте еще укладывать своихъ чемодановъ.

Такія случайныя фразы, дозволявшія предугадывать о войнѣ съ Россіей, тогда часто слышались въ парижскихъ гостиныхъ, такъ какъ всѣ считали эту войну неизбѣжною, хотя никто не смѣлъ открыто говорить о ней.

— Что прикажете привезти вамъ изъ Индіи?—спрашивалъ меня, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей имперіи.

— Не изъ Москвы ли, или изъ Петербурга?—отвѣчала я, желая вывести его на чистую воду.

— Можетъ быть, — возразилъ онъ,—мы и пройдемъ чрезъ эти города, но я думалъ, что вы пожелаете болѣе рѣдкаго подарка. Мы дѣлали визитъ пирамидамъ, и теперь, по всей справедливости, слѣдуетъ заглянуть въ отдаленныя владѣнія нашихъ соперниковъ-сосѣдей.

Подобныя слова могутъ теперь показаться невѣроятными, но я передаю ихъ буквально, и въ то время всѣ привыкли видѣть такія чудеса, что не было ничего на свѣтѣ несбыточнаго.

Но вернусь къ тому дню, который я провела въ Сенъ-Клу. Онъ занимаетъ въ моихъ воспоминаніяхъ видное мѣсто и окончился интереснымъ спектаклемъ. Тальма игралъ Манлія. Это было торжество удивительнаго актера, который соединялъ съ красотой голоса благородство жестовъ и правильность дикціи. Смотря на него, всякій забывалъ, что передъ нимъ актеръ, и думалъ только объ изображаемомъ героѣ. Еще было замѣчательно его сходство съ Наполеономъ, особенно въ профиль. Они походили на двухъ братьевъ, только взгляды ихъ были различны: у одного глубокій, а у другого искусственно серьезный.

Парижъ рвался на эти спектакли въ Сенъ-Клу, и такъ какъ зала была маленькая, то стоило большихъ интригъ, чтобы получить мѣсто. Самъ императоръ раздавалъ ложи, а мѣста въ партерѣ и галлереѣ можно было получить только отъ высшихъ придворныхъ чиновъ. Мой билетъ давалъ мнѣ право на кресло въ ложѣ посланниковъ. Эта ложа находилась рядомъ съ императорской, и поэтому я сразу наслаждалась двумя интересными зрѣлищами.

Наполеонъ, любившій хорошіе стихи, мѣстами выражалъ желаніе раздѣлить свое удовольствіе, если не энтузіазмъ, съ молодой императрицей; но она сидѣла неподвижно, равнодушно посматривая на залу и вовсе не обращая вниманія на сцену; однако онъ съ удивительнымъ терпѣніемъ переносилъ это апатическое равнодушіе Маріи-Луизы.

Послѣ спектакля, окончившагося въ одиннадцать часовъ, ихъ величества встали и удалились въ свои покои. Спустя нѣсколько минутъ, дорога въ Парижъ, блестяще освѣщенная, наполнилась быстро несшимися экипажами.

Такъ кончился этотъ интересный для меня день, но онъ имѣлъ самыя уморительныя послѣдствія. На слѣдующее же утро ко мнѣ явился Талейранъ, никогда до этого у меня не бывавшій и довольствовавшійся тѣмъ, что оставлялъ карточку у швейцара. Онъ очень ловко разспросилъ у меня обо всемъ, что я видѣла и слышала въ Сенъ-Клу, былъ любезенъ до невозможности, безгранично хвалилъ Польшу и, наконецъ, пригласилъ меня въ свою библіотеку, на завтракъ вдвоемъ. Я охотно согласилась и, признаюсь, никогда не проводила времени такъ пріятно, какъ на этомъ завтракѣ. Онъ радушно показалъ мнѣ всѣ свои сокровища, и совершенно естественно, что этотъ милліонщикъ библіофилъ владѣлъ чрезвычайно рѣдкими, драгоцѣнными изданіями. При этомъ надо отдать ему справедливость, что онъ говорилъ о книгахъ самымъ увлекательнымъ образомъ, находя всегда возможнымъ сказать что нибудь новое, невѣдомое. Вообще, когда онъ хотѣлъ быть любезнымъ, то трудно было найти человѣка, который могъ такъ увлечь васъ своей бесѣдой, какъ Талейранъ, который въ такихъ случаяхъ говорилъ очень мало о себѣ, очень много о близко знакомыхъ ему замѣча-

тельныхъ людяхъ и ловко заставлялъ забывать о своемъ личномъ прошедшемъ.

Вслѣдъ за нимъ меня стали осаждать безконечные посѣтители. Мнѣ предлагали въ наемъ самые лучшіе дома Парижа, полагая, что я останусь тамъ жить, и даже нашлись люди, которые осмѣлились совѣтовать мнѣ не отказываться отъ выпадавшаго мнѣ счастія. Тутъ только я поняла всю низость и развращенность царедворцевъ. Но что бы они сказали, если бы могли прочесть въ моемъ сердцѣ искреннее желаніе пожертвовать всѣмъ, даже такимъ блестящимъ положеніемъ, которое почему-то сочли возможнымъ мнѣ навязывать сплетники, скромному счастью съ любимымъ человѣкомъ.

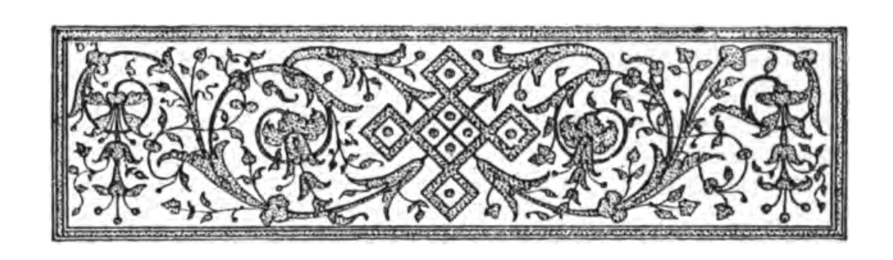
Шарль Ф. пріѣхалъ проститься со мною въ ту минуту, когда я всего менѣе этого ждала. Онъ вполнѣ оправдывалъ мое поведеніе относительно его, хотя и называлъ его избыткомъ благоразумія, но глубоко страдалъ, тѣмъ болѣе, что отгадывалъ мои чувства къ нему. Въ виду его серьезной привязанности, на которую я, очевидно, могу разсчитывать впродолженіе всей его жизни, я сочла возможнымъ передъ разлукой подарить ему свой портретъ, съ собственноручною надписью, заимствованною изъ поэмы Легувэ: «я менѣе, чѣмъ любовница, и болѣе, чѣмъ другъ».

Когда я услышала стукъ наружной двери, затворившейся за Шарлемъ, въ тотъ день, когда мы простились съ нимъ, то сердце у меня сжалось. Этотъ стукъ долго раздавался въ моихъ ушахъ. Я даже слышала его во снѣ и, открывъ глаза, вскакивала... Только время сгладило мою печаль, и, возвратясь къ моимъ дѣтямъ, я мало-по-малу стала спокойно вспоминать съ уваженіемъ и благодарностью о томъ другѣ, который удержалъ меня на краю гибели.

Я покинула Парижъ безъ сожалѣнія; этотъ городъ былъ свидѣтелемъ моей первой печали, хотя эта печаль была такого рода, которую я считала несчастіемъ только потому, что еще не испытала болѣе жестокихъ и ничѣмъ неизгладимымъ несчастій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РУССКІЙ РОМАНЪ И ГЛАВНЫЙ ЕГО ГЕРОЙ.

Я знаю, подвигъ вамъ суждень
Докучный, тѣсный, ежедневный,
Но сколько разъ прекраснѣй онъ
Печальной праздности душевной,
Безплоднымъ преданной мечтамъ.
(И. Аксаковъ).

РЕДЛАГАЕМЫЙ здѣсь этюдъ посвященъ только что появившемуся обширному изслѣдованію г. Головина: «Русскій романъ и русское общество».

Это—первая попытка если не создать исторію русскаго романа, то, по крайней мѣрѣ, изложить въ связномъ, систематическомъ видѣ и освѣтить съ опредѣленной точки зрѣнія всѣ значительныя произведенія нашей литературы, носящія названіе романа или повѣсти. Начало во всякомъ дѣлѣ трудно, а въ такомъ сложномъ вопросѣ подавно. Поэтому, оцѣнивая трудъ г. Головина, мы должны вооружиться снисходительностью, не настаивать на промахахъ, недочетахъ, прегрѣшеніяхъ автора и любовно отмѣтить то, что въ его трудѣ есть цѣннаго. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, мы только бѣгло коснемся самыхъ крупныхъ несовершенствъ книги г. Головина и притомъ только тѣхъ, которыя сильно вредятъ главной цѣли, имъ себѣ поставленной.

Прежде всего читателя поражаетъ неясность замысла автора. Книга его озаглавлена: «Русскій романъ»,—съ добавленіемъ: «и русское общество». Спрашивается, въ какомъ отношеніи находятся эти

два понятія, т. е. поставилъ ли себѣ авторъ задачею изучить вліяніе общества на романъ, вліяніе романа на общество или ихъ взаимодѣйствіе. Можетъ быть, ни то, ни другое, ни третье, а авторъ просто хотѣлъ выяснить, какъ русское общество изображено въ романѣ. Самъ авторъ вскользь въ одномъ мѣстѣ своей книги говоритъ, что онъ «задался цѣлью прослѣдить лишь развитіе идей, проявившихся въ области романа». Но какихъ же идей: философскихъ, политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ, педагогическихъ? Это остается неизвѣстнымъ. Что касается до вліянія общества на романъ, то мы имѣемъ тутъ цѣнное признаніе автора, что нашихъ современныхъ беллетристовъ «отрезвила среда, т. е. публика». Правда, г. Головинъ этому нисколько не радуется, потому что это отрезвленіе не принадлежитъ къ числу отрадныхъ. «Среднему читателю,—говоритъ онъ:—приходится болѣе по вкусу та группа беллетристовъ, несомнѣнно талантливыхъ, главною характеристическою чертою которыхъ служитъ нравственное и даже идейное безразличіе». И далѣе: «можно не обинуясь сказать, что самъ читатель развратилъ литературу». Что же касается до вліянія писателей на общество, то авторъ выражается слѣдующимъ образомъ: «Ни за либералами болѣе или менѣе яркихъ оттѣнковъ, ни за представителями дворянскаго консерватизма, ни даже за литературными охранителями не стоялъ въ сущности никто, и подъ тонкимъ покровомъ раскаленной лавы царило мертвенное равнодушіе». Эти слова относятся къ писателямъ 70-хъ годовъ. Тогда, значитъ, общество не вліяло на романъ; современное же общество сильно на него вліяетъ. Казалось бы, что вліянію общественнаго мнѣнія можно только порадоваться. Но авторъ не только не радуется, а даже говоритъ о «развращеніи» литературы читателемъ, выступая въ этомъ отношеніи горячимъ сторонникомъ «передовой» нашей критики, и во всякомъ случаѣ оставляетъ открытымъ вопросъ, почему прежде русское общество не вліяло на литературу, а теперь вліяетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ уяснить себѣ изъ книги, каковъ характеръ этого вліянія.

Насъ это, впрочемъ, не удивитъ, если мы вообще уяснимъ себѣ шаткость основной задачи автора. Его книга посвящена русскому роману, и авторъ до извѣстной степени излагаетъ намъ его исторію, причемъ онъ дѣлитъ свою книгу на четыре части: первая трактуетъ о романтизмѣ, вторая посвящена сороковымъ годамъ, третья—эпохѣ «бури и натиска», четвертая—«современному затишью». Съ какого же момента собственно начинаетъ авторъ исторію русскаго романа? До извѣстной степени можно ему простить, что онъ проходитъ полнымъ молчаніемъ беллетристическую нашу литературу XVII-го вѣка, какъ заимствованную, такъ и передѣланную на русскій ладъ или оригинальную, что онъ забылъ и о «Шемякиномъ судѣ», и о «Великомъ зерцалѣ», и о «Горѣ злосчастіи», и о «Саввѣ Грудцынѣ», и о

«Фролѣ Скобѣевѣ». Но уже гораздо менѣе простительно то, что въ книгѣ г. Головина упомянуто только вскользь и о «Бѣдной Лизѣ», и о «Дубровскомъ», и о «Капитанской дочкѣ», что великимъ родоначальникамъ русскаго романа: Пушкину, Лермонтову, Гоголю, отведено изъ 472 страницъ всего только 15, и что они авторомъ съ легкимъ сердцемъ включены въ число романтиковъ. И такъ не только «Евгеній Онѣгинъ», но даже «Мертвыя души»—романтическія произведенія, и это послѣ того, какъ самъ авторъ признаетъ, что Гоголь «первый у насъ ввелъ въ область художественнаго творчества изображеніе мелкихъ людей и притомъ безъ всякихъ условныхъ прикрасъ», и что «впослѣдствіи цѣлая школа писателей въ немъ признавала своего родоначальника», какъ отца реализма,—послѣ того, какъ онъ торжественно провозглашаетъ, что Пушкинъ «немилосердно развѣнчалъ байроновскій субъективный идеалъ гордаго самомнѣнія, показавъ всю его внутреннюю несостоятельность». И послѣ всего этого г. Головинъ все-таки счелъ возможнымъ посвятить Пушкину, Лермонтову и Гоголю лишь немного страницъ въ концѣ обширной главы о романтизмѣ, предоставивъ имъ въ своей книгѣ меньше мѣста, чѣмъ Шиллеру, Байрону, Шатобріану, Виктору Гюго, Гейне, Диккенсу и т. д.

Это указываетъ намъ на очевидную фальшь въ самомъ замыслѣ автора. Писать исторію русскаго романа, получившаго такое широкое и блестящее развитіе въ истекающемъ вѣкѣ, нельзя, не отыскивая его корней въ XVIII-мъ столѣтіи. Нечего доказывать, что герои безсмертнаго творца «Мертвыхъ душъ» имѣютъ гораздо больше сродства съ дѣйствующими лицами комедій Фонвизина и даже съ печальными героями сатиръ Кантемира, чѣмъ съ героями Шиллера, Виктора Гюго или Жоржъ-Занда. Вся обличительная наша литература, въ томъ числѣ и обличительный романъ, занимающій такое видно мѣсто въ нашей беллетристикѣ, уже, такъ сказать, предопредѣлены безсмертными твореніями нашихъ писателей XVII вѣка, точно такъ же, какъ національное направленіе въ нашей беллетристикѣ имѣетъ своими родоначальниками тѣхъ же писателей, въ лицѣ Ломоносова и Державина. Мы никогда не оцѣнимъ по достоинству русскаго романа, если не обратимъ нашъ взоръ на писателей XVIII вѣка; мы никогда не поймемъ русскаго общества, если забудемъ о нашихъ предкахъ, давшихъ нашей литературѣ Кантемира, Ломоносова, Фонвизина, Державина. Во всякомъ же случаѣ эти корифеи русской литературы гораздо сильнѣе повліяли на русскій романъ, чѣмъ представители западнаго романтизма. И потому первую часть труда г. Головина слѣдовало посвятить имъ, а не западнымъ романтикамъ, вліяніе которыхъ на русскій романъ было очень поверхностно и непродолжительно въ то время, какъ вліяніе нашихъ писателей XVIII вѣка до сихъ поръ бьетъ живымъ ключомъ въ родной беллетристикѣ.

Но и съ своей точки зрѣнія г. Головинъ очень непослѣдователенъ. Такъ, напримѣръ, чтобы выяснить намъ значеніе русскаго романа 40-хъ годовъ, онъ предпосылаетъ ему большой трактатъ о западномъ романтизмѣ. Равнымъ образомъ, разъясняя намъ смыслъ современнаго затишья въ беллетристикѣ, онъ подробно останавливается на Ибсенѣ, Зудерманѣ, Ницше, на французскомъ натурализмѣ и на индивидуализмѣ. Но львиная доля его книги, т. е. бóльшая половина, посвящена беллетристикѣ 60-хъ годовъ, т. е. нашей эпохѣ «бури и натиска». Казалось бы, что, если уже русскій романъ такъ мало самостоятеленъ, если онъ въ 40-е годы находился подъ сильнымъ вліяніемъ западнаго романтизма, а въ наши дни находится подъ вліяніемъ натурализма и индивидуализма, то и въ 60-е годы онъ не остался чуждъ западному вліянію. На самомъ дѣлѣ, однако, оказывается, что авторъ не предпосылаетъ главной части своего труда обзора тѣхъ западныхъ вліяній, которыя отразились на нашей эпохѣ бурнаго натиска. А между тѣмъ на самомъ дѣлѣ вліяніе это гораздо сильнѣе, чѣмъ вліяніе романтиковъ, натуралистовъ и индувидуалистовъ на нашъ романъ въ соотвѣтственныя эпохи. Можно смѣло сказать, что все ученіе людей 60-хъ годовъ, такъ сильно отразившееся на русской беллетристикѣ, имѣетъ глубокую аналогію съ западными ученіями, что французскіе философы публицистическаго оттѣнка проповѣдывали почти буквально то же, что и наши руководители въ эпоху «бури и натиска»: въ философской области—ярый матеріализмъ, въ политической—возвеличеніе демократическаго начала, въ искусствѣ—реализмъ, доступность его широкимъ народнымъ массамъ, въ этикѣ—эгоизмъ, въ общественномъ строѣ—полное равенство всѣхъ людей и (совершенно уже непослѣдовательно) въ практической жизни — подвигъ самопожертвованія. Но кто были эти французскіе философы-публицисты, которые по всей линіи предрѣшили теорію нашихъ шестидесятовцевъ? Это были энциклопедисты — эти представители французскихъ разночинцевъ въ литературѣ, искусствѣ, наукѣ, политикѣ, и между ними главнымъ образомъ Денисъ Дидро, положившій, какъ я выяснилъ въ біографіи, ему посвященной, основаніе всей политической, соціальной, эстетической и этической теоріи, нашедшей себѣ у насъ такихъ восторженныхъ и страстныхъ проповѣдниковъ, какъ руководители литературно-общественнаго движенія 60-хъ годовъ. Значитъ, движеніе это глубоко коренится въ XVIII-мъ столѣтіи; но г. Головинъ, очевидно, это столѣтіе признать не хочетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершаетъ очевидную непослѣдовательность, и это тѣмъ болѣе съ его стороны непонятно, что онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги мимоходомъ какъ бы отдаетъ себѣ отчетъ въ этой несомнѣнной связи между французскими энциклопедистами и нашими шестидесятовцами. Полемизируя съ Чернышевскимъ, нашъ авторъ говоритъ: «Коренная ошибка мыслителей

XVIII вѣка и нашихъ передовыхъ людей въ эпоху бури и натиска было смѣшеніе умственной области съ нравственной». Нѣсколькими строками раньше онъ даже додумывается до слѣдующей скрытой параллели: «Французскіе раціоналисты конца прошлаго вѣка были твердо убѣждены, что человѣку врождена наклонность къ добру, и стоитъ этой наклонноси дать развиваться на полной свободѣ, чтобы на земномъ шарѣ водворилось полное блаженство. Достаточно извѣстно, какою страшною кровавою развязкою закончилась эта идиллія».

Это замѣчаніе, къ сожалѣнію, брошено только мимоходомъ, и изъ него не сдѣланъ тотъ выводъ, который спасъ бы нашего автора отъ многихъ крупныхъ ошибокъ въ своей оцѣнкѣ русскаго романа. Впрочемъ, не будемъ строги къ г. Головину. Не онъ одинъ отказывается сдѣлать логическій выводъ изъ правильной посылки. Мысль, что романтизмъ, по крайней мѣрѣ, въ области политической и соціальной, охватилъ умы гораздо раньше, чѣмъ возникъ такъ называемый литературный романтизмъ, до сихъ поръ чужда критикамъ и мыслителямъ. Никто, насколько мнѣ извѣстно, не отдаетъ себѣ отчета въ томъ, что романтикамъ, въ родѣ Байрона, Мюссэ, Виктора Гюго, предшествовали въ политикѣ другіе романтики, выдающимся представителемъ которыхъ былъ Денисъ Дидро. Какъ въ самомъ дѣлѣ назвать, если не романтизмомъ, безусловную вѣру, которую питали энциклопедисты въ человѣческую природу, тотъ ихъ наивный взглядъ, будто бы человѣкъ, котораго они теоретически сами признавали не болѣе, какъ животнымъ, сразу создастъ себѣ рай на землѣ, если ему дана будетъ полная, безусловная свобода. Стоитъ только освободить его отъ всѣхъ путъ, думали энциклопедисты, и бѣдствія на землѣ прекратятся, настанетъ эра всеобщаго счастья. И вотъ люди стали мечтать объ этомъ внезапномъ перерожденіи человѣчества путемъ свободы. Человѣчество, однако, противилось ей: сонъ не былъ въ руку; пришлось пролить потоки крови, совершать возмутительнѣйшія насилія надъ человѣческою свободою во имя же свободы. Люди искренно вѣрили, что все это приведетъ къ водворенію рая на землѣ. Историческія событія, однако, не оправдали этой вѣры. Народился Наполеонъ I, этотъ геніальный романтикъ на престолѣ, блестящимъ метеоромъ пронесшійся по политическому горизонту. И когда онъ далеко, тамъ, на краю свѣта погрузился въ океанъ, романтическимъ бреднямъ людей былъ нанесенъ жестокій ударъ. Тогда романтизму въ первоначальной его формѣ насталъ въ сознаніи многихъ конецъ, и онъ принялъ новую форму: изъ дѣйствительнаго міра, гдѣ ему нанесенъ былъ такой тяжеловѣсный ударъ, онъ ударился въ міръ фантазіи, принялъ характеръ демонизма, попросту чертовщины съ привидѣніями, духами, вѣдьмами и т. д. Тогда только народился тотъ романтизмъ, о которомъ такъ подробно намъ повѣствуютъ исторіи литературы. Но политическій романтизмъ возро-

дился еще разъ, правда, въ значительно ослабленной формѣ въ концѣ 40-хъ годовъ на Западѣ и 50-хъ у насъ. Только мы въ эпоху бури и натиска примкнули не къ литературному романтизму, не къ Байрону, Виктору Гюго и т. д., а къ энциклопедистамъ XVIII столѣтія, усвоивъ себѣ помимо вѣдѣнія главнымъ образомъ ученіе Дениса Дидро, начиная съ яраго матеріализма, прославленія точнаго знанія и демократическихъ принциповъ, реализма въ искусствѣ, полнаго освобожденія человѣческой природы отъ нравственнаго закона въ связи съ непослѣдовательнымъ признаніемъ на практикѣ любви къ ближнему, страждущему и обездоленному, какъ руководящаго принципа, и кончая второстепенными пунктами программы великаго французскаго энциклопедиста. Не знаменателенъ ли, напримѣръ, фактъ, что онъ былъ первый критикъ-публицистъ въ духѣ Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, что онъ первый проповѣдывалъ свободную любовь, реабилитировалъ падшую женщину, послалъ свою дочь на медицинскіе курсы и т. д.?

Такимъ образомъ мы видимъ, что трудъ г. Головина въ этомъ направленіи не отличается продуманностью и послѣдовательностью. Онъ очевидно чего-то не досмотрѣлъ, чего-то не понялъ. Это обнаруживается и въ другихъ частяхъ его изслѣдованія. Его этюды о Тургеневѣ, Достоевскомъ, Толстомъ принадлежатъ къ лучшимъ страницамъ книги. Тутъ авторъ обнаруживаетъ по временамъ даже нѣкоторую глубину анализа. Видно, что онъ этими писателями много и усердно занимался. Но, начиная съ Лѣскова, у него происходитъ нѣчто неладное. Подводя итогъ своему анализу этого писателя, онъ говоритъ: «Сказать опредѣленно, какія были на самомъ дѣлѣ его убѣжденія и вѣрованія,—довольно трудно. Онъ самъ едва ли это зналъ хорошенько». Допустимъ, что такъ. Но вотъ Лѣскова смѣняетъ г. Боборыкинъ. Оказывается, что и «г. Боборыкинъ, повидимому, самъ хорошенько не знаетъ, какъ ему смотрѣть на измѣнившееся общество». И чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ хуже. У г. Чехова «внутренняя органическая идея отсутствуетъ». Онъ лѣпитъ свои повѣсти случайно изъ матеріаловъ, не подходящихъ одинъ къ другому. У г. Гнѣдича сюжеты такъ же отрывочны, такъ же случайны, какъ у г. Чехова. Объ идейномъ содержаніи другихъ современныхъ беллетристовъ г. Головинъ, должно быть, чтобы не повторяться, совершенно умалчиваетъ и пускается въ чисто художественную критику, правда, очень не хитраго свойства. Такъ, г. Луговой отличается «эстетичностью своей кисти», г. Ясинскій «эскизною небрежностью», г. Потапенко —«быстрымъ многописаніемъ» и по временамъ «яркостью письма». Женщины-писательницы пишутъ «если не въ веселомъ, то въ очень развязномъ тонѣ». Такъ г-жа Микуличъ съ большимъ юморомъ обработала свой типъ Мимочки, г-жа Смирнова пріобрѣла «замѣтную развязность и увѣренность тона при большой технической ловкости», г-жа Лухманова избрала буржуазный адюльтеръ, о г-жѣ

Крестовской «можно сказать то же, что о г. Луговомъ: жаль, что она пишетъ такъ мало».

Очевидно, такая критика принадлежитъ къ числу очень дешевыхъ, и во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что г. Головинъ, такъ сказать, остановился на Толстомъ, и что обо всѣхъ другихъ авторахъ онъ уже пишетъ, чтобы какъ нибудь завершить начатый трудъ, не находя для нихъ въ душѣ отголоска, въ умѣ— надлежащаго пониманія. Это особенно намъ бросится въ глаза, если мы примемъ во вниманіе, что о такихъ видныхъ представителяхъ русскаго романа, какъ покойный Терпигоревъ и г. Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, онъ не обмолвился въ своемъ толстомъ томѣ ни полсловомъ. Да и этого мало. У него встрѣчаются престранные промахи мысли. Такъ, напримѣръ, оказывается, что онъ причисляетъ Лѣскова къ беллетристамъ-этнографамъ. На какомъ же это основаніи? А на томъ основаніи, что Лѣсковъ является бытописателемъ нашего духовенства. Но почему же въ такомъ случаѣ не причислить Толстого и Тугенева къ беллетристамъ-этнографамъ? Вѣдь Толстой описывалъ, по крайней мѣрѣ, въ своихъ капитальныхъ произведеніяхъ, преимущественно великосвѣтскую среду, а Тургеневъ много занимался помѣщиками средней руки и представителями средняго интеллигентнаго класса. А о г. Лейкинѣ, о которомъ, кстати сказать, г. Головинъ также вовсе не упоминаетъ, и о г. Гл. Успенскомъ ужъ и говорить нечего: они—заправскіе беллетристы-этнографы. Въ самомъ дѣлѣ, если уже причислять беллетристовъ къ этнографамъ на томъ основаніи, что они преимущественно живописали бытъ того или другого общественнаго класса, то, пожалуй, всѣ наши беллетристы окажутся этнографами.

На этомъ мы и закончимъ нашъ перечень тѣхъ несовершенствъ труда г. Головина, которыя, какъ мы сейчасъ увидимъ, имѣютъ самое непосредственное отношеніе къ тому, что составляетъ центръ тяжести его изслѣдованія и чему мы собственно и посвящаемъ нашъ этюдъ. Авторъ «Русскаго романа» представилъ картину основного содержанія очень многихъ русскихъ романовъ. Это сопоставленіе, которое, по мнѣнію автора, связано единствомъ идеи, а, по нашему мнѣнію, не проникаетъ въ глубь затронутаго имъ чрезвычайно важнаго вопроса, позволяетъ, однако, сдѣлать очень существенное обобщеніе, которое до сихъ поръ въ нашей критикѣ еще не сдѣлано. Излагая основное содержаніе изученныхъ имъ романовъ, г. Головинъ, понятно, останавливается на главныхъ ихъ герояхъ, и такимъ образомъ мы получаемъ цѣлую галлерею русскихъ типовъ, выведенныхъ нашими беллетристами, первоклассными или второстепенными. Типы эти выхвачены иногда съ поразительнымъ мастерствомъ прямо изъ жизни, часто представляютъ собою великолѣпный синтезъ взглядовъ, чувствъ, чертъ характера, настроенія, господствующихъ или широко распространенныхъ въ

нашемъ обществѣ. Такимъ образомъ представляется возможность, вдумываясь въ эти типы нашихъ романистовъ, создать общій типъ, другими словами уяснить себѣ, каковъ главный герой русскаго романа. Выводъ получается поразительный и настолько интересный, что во избѣжаніе обвиненія насъ въ голословности или подтасовкѣ мы, руководствуясь книгою г. Головина, пройдемся вмѣстѣ съ читателемъ по этой крайне поучительной галлереѣ. Пусть г. Головинъ будетъ нашимъ вожатымъ и комментаторомъ; разстанемся мы съ нимъ еще во время въ тотъ моментъ, когда придется указать неправильность сдѣланнаго имъ общаго вывода.

Итакъ, предъ нами знакомое лицо Евгенія Онѣгина. «Онъ блестящъ и обаятеленъ, онъ стоитъ головою выше толпы, но его превосходство надъ нею безплодно, потому что у него недостаетъ любви и способности къ труду. А безплодная сила, какъ евангельская смоковница, носитъ на себѣ роковое проклятіе, и простая мало-образованная дѣвушка, сохранившая и въ обстановкѣ большого свѣта сознаніе нравственнаго долга и умѣнья жертвовать собою, стоитъ неизмѣримо выше такой силы, гораздо ближе подходитъ къ настоящему идеалу жизненной правды». Эта дѣвушка—безсмертная Татьяна, и мы отмѣчаемъ это глубоко вѣрное толкованіе пушкинской поэмы г. Головинымъ, потому что, какъ мы увидимъ, онъ впослѣдствіи совершенно забудетъ о немъ.

Слѣдующій портретъ, это — портретъ Печорина, человѣка, «исполненнаго аристократическаго самомнѣнія и даже въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ всегда подчеркивающаго свою избалованную брезгливость. Протестъ въ немъ, пожалуй, и сказывается, но это—протестъ аристократа, которому претитъ все мелкое и пошлое, но который пальцемъ не шевельнетъ, чтобы помочь общественному злу или хотя бы утѣшить чужое горе».

Надо ли приводить портреты Чичикова, Ноздрева, Собакевича, этихъ вѣчныхъ образовъ, раскрывшихъ намъ пошлость, широко распространенную по лицу Русской земли? Мы не станемъ на нихъ останавливаться: достаточно ихъ назвать, чтобы уяснить себѣ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло.

Хотя г. Головинъ касается только романа, но онъ считаетъ нужнымъ мимоходомъ и отмѣтить портретъ Чацкаго. «Не смотря на всѣ его филиппики противъ московскаго общества, на вырывающіяся у него мѣткія обличенія, Чацкій нигдѣ не противоставляетъ пошлой мысли и мелочнымъ занятіямъ Фамусовыхъ, Скалозубовъ и Молчалиныхъ своего опредѣленнаго идеала лучшей жизни. Пробѣгите мысленно всю комедію Грибоѣдова, и... вы не отыщите ничего, что сколько нибудь опредѣляло бы его міросозерцаніе».

Таковы герои русскихъ романтиковъ, какъ называетъ г. Головинъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и, очевидно, Грибоѣдова. Обратимся теперь къ героямъ представителей 40-хъ годовъ и поставимъ

на первомъ мѣстѣ героевъ Тургенева. «Тургеневъ не рисовалъ сильныхъ натуръ, потому что для такихъ натуръ въ окружавшей его средѣ онъ не находилъ пригоднаго матеріала... Лучшихъ людей своего времени онъ долженъ былъ изображать такими, какими они были въ дѣйствительности, т. е. преданными самообличенію, горячими на словахъ, но слабыми волею». Характеристическая черта этихъ героевъ — «неудачи, вѣчно стерегущія ихъ на жизненномъ пути. За что бы они ни принимались, за службу, за хозяйство, даже просто за любовь, эта роковая неудача превращаетъ въ миніуру и ихъ дѣятельность, и само счастье, котораго они добиваются отъ любимой женщины... Съ одной стороны передъ нами выступаютъ люди забитые и страждущіе, ... съ другой являются блестящіе эгоисты, Веретьевъ и Рудинъ, эти пустоцвѣты таланта, хотя таланта совершенно различнаго; избытокъ темперамента у перваго, избытокъ ума у второго и свойственное имъ обоимъ безсердечіе не спасаютъ ни того, ни другого отъ полной несостоятельности». Лаврецкій «просто не знаетъ, за что приняться, и, когда разбиты его надежды на счастье съ любимою дѣвушкой, онъ чувствуетъ, что жизнь его навсегда осуждена на безплодіе». Лаврецкій—«немножко байбакъ».

Ну, а герой знаменитаго романа Герцена: «Кто виноватъ?» — Бельтовъ? Онъ отличается рядомъ недостатковъ, парализующихъ его дѣятельность. Таковы: «неумѣлость обращаться съ людьми, скорое охлажденіе къ начатой работѣ и неспособность приложить на практикѣ свои недюжинныя познанія».

Если уже Лаврецкій «немножко байбакъ», то что же сказать о гончаровскомъ Обломовѣ? Рисуя портреты героевъ Гончарова и Писемскаго, г. Головинъ говоритъ, что эти писатели признаютъ несостоятельнымъ «не столько общественный бытъ самъ по себѣ, сколько тѣхъ мнимо-лучшихъ людей, которые претендуютъ на какое-то небывалое превосходство».

Переходя затѣмъ къ графу Л. Толстому, авторъ называетъ его самымъ полнымъ выразителемъ русскаго умственнаго склада. Поэтому и отличительная черта его героевъ, какъ и вообще истинно-русскихъ людей, состоитъ въ «неумѣньи подвести себѣ итогъ и ощущать необходимость въ согласованіи отдѣльныхъ своихъ вѣрованій и чувствъ». Ихъ «разомъ тянетъ въ противоположныя стороны», и поэтому они пробуютъ, не удастся ли имъ невыполнимая задача—«одновременно скакать по различнымъ дорогамъ».

Таковы герои представителей 40-хъ годовъ. Обратимся теперь къ героямъ эпохи «бури и натиска». Предпошлемъ ихъ портретамъ слѣдующее краснорѣчивое вступленіе автора: «Что сдѣлало поколѣніе 60-хъ годовъ? Гдѣ его дѣла? Гдѣ заслуги? Сперва оно иронически отзывалось о всѣхъ предпринятыхъ реформахъ, силясь разжигать среди общества презрительное убѣжденіе въ ихъ недо-

статочности. А когда настоящій день наступилъ, ... каковъ былъ результатъ ихъ усилій? Они остановили ходъ дальнѣйшихъ преобразованій, вызвавъ не только у правительства, но и въ значительной части общества мысль о несвоевременности реформъ, и въ концѣ концовъ подготовили современное намъ поколѣніе, разочарованное не только въ возможности добиться чего нибудь, но даже въ томъ, есть ли какая нибудь надобность трудиться не для своей личной пользы?» Послѣ этого вступленія авторъ обращается къ героямъ тогдашняго русскаго романа. Герой «Мѣщанскаго счастья», Молотовъ, этотъ сильный человѣкъ въ новомъ вкусѣ, кончаетъ тѣмъ, что устраивается съ молодою женой въ уютномъ, насиженномъ уголкѣ. Щетининъ, герой «Труднаго времени», «смѣшонъ своею пристыженною неискренностью и неискреннимъ либерализмомъ», а другой герой того же романа, Рязановъ — «суровый грубіянъ съ чуть-чуть намѣченными радикальными взглядами». Герои г. Шеллера «по внутренней дряблости — законные преемники героевъ Тургенева... Отвага ихъ только на словахъ, и мечи ихъ картонные». Г-жа Хвощинская «сулитъ симпатичнымъ людямъ, всегда играющимъ въ ея произведеніяхъ страдальческую роль, одно утѣшеніе—независимость одиночества». Во второмъ періодѣ ея дѣятельности герои г-жи Хвощинской «стоятъ очень близко къ героямъ тургеневской школы съ тѣмъ лишь различіемъ, что послѣдніе оказывались неспособными къ дѣятельной борьбѣ въ такое время, когда никакой борьбы еще не было, а первые свою несостоятельность проявляли въ эпоху самаго разгара преобразовательной работы».

Среди этихъ сравнительно мелкихъ героевъ, какъ колоссъ, выдвигается тургеневскій Базаровъ. Въ мысляхъ и на словахъ онъ неустрашимъ, но «бѣда въ томъ, что у читателя остается смутная догадка, не оказался ли бы герой «Отцовъ и дѣтей» такимъ же неспособнымъ къ настоящей жизненной борьбѣ, какъ его предшественники изъ дворянской среды, и не все тѣ же ли слова — его гордыя отрицанія?» Съ Базаровымъ можно сопоставить героя романа Чернышевскаго: «Что дѣлать?» — Рахметова. «Подвиги Рахметова по вычурной эксцентричности и въ особенности по совершенной безполезности своей очень напоминаютъ рыцаря печальнаго образа и его борьбу съ вѣтреными мельницами». А Базаровъ и Рахметовъ—самые видные герои романа эпохи бурнаго натиска.

Обратимся теперь къ героямъ Салтыкова. «Въ обновленной Россіи и въ ея носителяхъ онъ подмѣчалъ все тѣ же черты нравственной распущенности, неисцѣлимой лѣни и закоренѣлаго эгоизма, вызванные непробуднымъ застоемъ дореформеннаго времени. Къ этимъ чертамъ эпоха реформъ прибавила еще двѣ новыя—либеральное пустозвонство и повальное лицемѣріе людей, примкнувшихъ къ реформаціонному движенію лишь затѣмъ, чтобы подъ его знаменемъ пристроиться къ теплому мѣстечку... Преобразовывайте

внѣшній строй общества сколько вамъ угодно,—будто говоритъ постоянно Щедринъ:—пока люди останутся тѣми же, пользы отъ этого будетъ немного. Вѣсти о новыхъ мѣстахъ и неслыханные прежде оклады по судебному, финансовому и другимъ вѣдомствамъ давали надежду обезпечить сынковъ, которымъ уже не сидѣлось въ деревнѣ, и прежняя карьера армейскаго кавалериста да украшенія сельскихъ досуговъ прелестями разныхъ Палашекъ и Матрешекъ казались уже очень мизерными. Аппетитъ разыгрался и у дѣтей, и у отцовъ». Но петербургскія скитанія провинціаловъ оканчиваются плачевно. «Для нихъ остается одно лишь—возвратиться въ свои «убѣжища Монрепо» въ тщетной надеждѣ поправить свои дѣла съ помощью агрономіи и тамъ убѣдиться къ своему немалому ужасу, что ихъ безпощадно одолѣваетъ вновь народившаяся сила кулака».

Беллетристы 60-хъ годовъ, какъ извѣстно, пошли въ народъ и начали выводить героевъ изъ народа. Каковъ, по мнѣнію гг. Гл. Успенскаго и Златовратскаго, идеальный мужикъ? Оба они—враги индивидуализма, поклонники мірского быта; идеальный мужикъ, по ихъ понятіямъ, тотъ, который не старается высвободиться изъ-подъ «власти земли». Если онъ ослушается ея велѣній или порветъ связь съ міромъ, то «жизнь его потеряетъ всякій смыслъ, и порокъ овладѣетъ всѣмъ его существомъ»; мало того, «хозяйство его рухнетъ неминуемо... лучше вѣчная бѣдность, коснѣніе въ невѣжествѣ, опека міра... чѣмъ свобода, купленная цѣною личнаго почина и расторженія мірскихъ связей». Въ глазахъ гг. Успенскаго и Златовратскаго «крестьянская жизнь, какъ она создалась вѣками,—неизмѣнная рамка, изъ которой русскій народъ выходить не долженъ; всякая попытка подняться выше—измѣна народу». Богатый мужикъ вселяетъ обоимъ народникамъ чувство инстинктивнаго недружелюбія.

Тургеневъ въ своей «Нови» изобразилъ намъ самый процессъ хожденія нашей интеллигенціи въ народъ. Герой этого романа Неждановъ—очень знакомая намъ фигура. «Когда, поселившись на фабрикѣ вмѣстѣ съ Маріанной, онъ хочетъ себя передѣлать въ мужика, потомъ устраиваетъ неудачную попытку возстанія, окончившуюся тѣмъ, что мужики его подпоили въ трактирѣ,—онъ жалокъ и смѣшонъ до послѣдней степени». Не лучше его пресловутый Маркъ Волоховъ Гончарова. Это—«безшабашный сорви-голова, быть можетъ, нахватавшійся кое-какихъ радикальныхъ теорій, но прежде всего буянъ по темпераменту; это—только повѣса, взявшійся за роль Базарова».

Но вотъ предъ нами новый циклъ героевъ, героевъ смиренія. «Каторжники «Мертваго дома», Раскольниковъ, Мармеладовъ и его дочь Соня, Дмитрій Карамазовъ, Грушенька исчерпываютъ собою едва ли не всѣ виды порока и вины. А между тѣмъ любовь ихъ творца Достоевскаго, а съ нею и симпатіи читателя остаются за

ними». Фигуры трехъ братьевъ Карамазовыхъ «символизируютъ какъ бы все умственное состояніе Россіи. Двое старшихъ представляютъ собою двѣ главныхъ болѣзни нашего общества—недугъ воли въ лицѣ Дмитрія, въ которомъ олицетворяется нравственная распущенность, недугъ мысли въ лицѣ Ивана, зараженнаго умственнымъ шатаніемъ; третій, младшій братъ—представитель здоровой Россіи, которую Достоевскій видитъ въ народной вѣрѣ и въ кроткой всепрощающей любви». Къ этой характеристикѣ героевъ Достоевскаго г. Головинымъ мы прибавимъ отъ себя выдержку изъ малоизвѣстнаго письма Достоевскаго къ недавно скончавшемуся поэту Майкову: «Почемъ знать, можетъ быть, именно Тихонъ-то (Задонскій) и составляетъ нашъ русскій положительный типъ, котораго ищетъ наша литература». Пока же у самого Достоевскаго героями выведены по большей части либо преступники, либо душевнобольные, либо люди, руководствующіеся правиломъ непротивленія злу. И если обратиться отъ героевъ Достоевскаго къ героямъ Толстого, то намъ представится слѣдующая дилемма: «Натурамъ сильнымъ и самонадѣяннымъ—разочарованіе, горе, даже смерть; натурамъ мягкимъ, нѣсколько вялымъ, напротивъ, всякое благополучіе, точно волна успѣха ихъ носитъ на себѣ». Съ широкимъ образованіемъ и огромнымъ богатствомъ Пьеръ Безуховъ «рѣшительно не знаетъ, что съ собою дѣлать, и польза, какую онъ приносить родинѣ, очень сомнительнаго свойства. Въ какомъ-то полуснѣ онъ проходитъ черезъ весь романъ, какъ послушная жертва захватившаго его теченія... Толстой увѣряетъ насъ, что никогда Пьеръ не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какъ въ тѣ дни, когда всякая воля надъ собою у него окончательно отнята». Что касается до князя Андрея, то у него «порывы сильны, и планы широки, но выполненіе не соотвѣтствуетъ задачѣ; въ сущности у него много сходства съ тургеневскими лишними людьми». Левинъ немногимъ отъ нихъ отличается; въ немъ «отсутствіе иниціативы доведено до того, что онъ лишенъ всякой способности примѣниться къ условіямъ реальной жизни».

Если мы теперь наконецъ перейдемъ къ героямъ переживаемаго нами «затишья», то окажется, что они—герои уже совершенно безнадежные. Типы, созданные Гаршинымъ, представляютъ собою «все одинъ и тотъ же характеръ, съ самаго рожденія какъ бы обреченный на страданія, съ скорбною немощью смотрящій на жизнь, безъ вѣры въ нее и безъ способности къ счастью, съ горячею любовью къ людямъ и съ чисто женскимъ инстинктивнымъ отвращеніемъ къ борьбѣ... Пессимизмъ Гаршина не допускаетъ самой возможности оздоровленія». Что касается до г. Короленко, то онъ отличается «мягкою гуманностью, не разбирающей правыхъ и виноватыхъ». Героямъ г. Альбова «не только дѣваться некуда, но незачѣмъ было и на свѣтъ Божій являться». Наконецъ отъ другихъ

современныхъ беллетристовъ, какъ мы уже видѣли, нельзя ожидать изображенія героевъ, потому что они отличаются «нравственнымъ и даже идейнымъ безразличіемъ».

Попробуемъ теперь послѣ этой прогулки подъ руку съ Головинымъ по портретной галлереѣ героевъ русскаго романа сдѣлать обобщеніе и составить себѣ ясное понятіе о героѣ русскаго романа вообще. Выводъ бросается въ глаза. Послѣ романтическихъ бредней въ лицѣ Онѣгина, Печорина и послѣ подготовительнаго періода 40-хъ годовъ, когда герои романа не находили себѣ настоящаго дѣла, метались изъ стороны въ сторону и занимались безплоднымъ словоизверженіемъ, настаетъ наконецъ «настоящій день», и герои русскаго романа собираются приступить къ дѣлу. Но дѣло у нихъ не выходитъ. Постепенно ими овладѣваетъ прострація, душу ихъ омрачаетъ пессимизмъ, они начинаютъ «смиряться», проявляютъ склонность «учиться у народа», подчиниться вполнѣ жизни, отказываясь отъ всякой борьбы, наконецъ ими овладѣваетъ уже окончательно отчаяніе: они чувствуютъ полное свое безсиліе не только сдѣлать что нибудь для общества и народа, но и достигнуть сколько нибудь сноснаго личнаго счастья. Поэтому, если разсматривать вопросъ, такъ сказать, съ исторической точки зрѣнія, то мы придемъ къ выводу, что герой русскаго романа, помечтавъ и пооораторствовавъ, приступилъ наконецъ къ дѣлу, но оказался къ нему неспособнымъ и въ отчаяніи махнулъ на все рукой, при чемъ подавляющее большинство выдающихся нашихъ беллетристовъ рѣзко подчеркиваютъ, что это полное крушеніе, эта полная несостоятельность героя русскаго романа обусловливается его внутреннею несостоятельностью, отсутствіемъ въ немъ тѣхъ качествъ, которыя необходимы для того, чтобы бороться въ жизни и имѣть успѣхъ. Дѣйствительно, начиная съ Евгенія Онѣгина и кончая героями г. Гаршина, мы вездѣ въ русской беллетристикѣ видимъ, что такъ называемые лучшіе люди—въ то же время, какъ ихъ окрестилъ Тургеневъ, люди «лишніе» вслѣдствіе поразительнаго несоотвѣтствія ихъ возвышенныхъ чувствъ и широкихъ замысловъ съ ничтожностью ихъ дѣяности, вызываемою ихъ непрактичностью, неумѣніемъ соразмѣрять цѣли и средства, подчасъ слабостью воли. Это все какіе-то слабосильные герои, при чемъ ихъ слабосиліе слѣдуетъ понимать не только въ буквальномъ смыслѣ, но и въ томъ смыслѣ, что иногда у нихъ сила и слабость уживаются рядомъ. Они могутъ быть и сильными людьми, въ родѣ, напримѣръ, Рахметова или Базарова, въ родѣ Онѣгина или Чацкаго, въ родѣ князя Андрея или Левина,—сильными не только по своимъ выдающимся способностямъ, по своему широкому уму, но даже, хотя только въ видѣ исключенія, и по своему характеру. Однако въ практическомъ отношеніи ихъ сила равняется слабости, потому что они ни для другихъ, ни для себя въ жизни ничего не достигаютъ. Въ этомъ двоякомъ смыслѣ герой русскаго романа—поистинѣ слабосиленъ.

Какъ же относится г. Головинъ къ этому слабосильному герою русскаго романа? Онъ мѣткими чертами выясняетъ намъ его духовный обликъ, раскрываетъ полную его житейскую несостоятельность, но въ то же время онъ невольно ему симпатизируетъ. Для г. Головина исторія русскаго романа кончается на Толстомъ, много на Гаршинѣ или г. Короленко, о которомъ онъ говоритъ, что собственно его карьера, какъ беллетриста, уже завершена. Для современныхъ беллетристовъ у него находится, правда, еще иногда слово одобренія, но почерпнутое изъ арсенала чисто-художественной терминологіи. Сочувствовать же идеѣ ихъ произведеній или даже просто понять ее г. Головину такъ же трудно, какъ и понять тѣхъ русскихъ беллетристовъ, которые творили внѣ главнаго теченія русской беллетристики, какъ понять даже любимыхъ имъ авторовъ, когда они уклоняются въ сторону отъ этого теченія. Тогда г. Головинъ склоненъ сказать о нихъ то, что онъ сказалъ о современныхъ беллетристахъ: «мелкимъ людямъ и ничтожнымъ страстямъ по плечу и мелкая литература», тогда онъ начинаетъ иронизировать, говорить объ «идеалѣ умѣренности и аккуратности», объ отсутствіи широкихъ задачъ и цѣлей, о буржуазномъ направленіи...

Оказывается, что наше время создало мелкую литературу, потому что люди мелки, и страсти ихъ ничтожны. Но неужели во времена Гоголя, то-есть тогда, когда дѣйствовали Чичиковы, Ноздревы, Собакевичи, Плюшкины, люди не были мелки, и страсти ихъ не были ничтожны? А это, по словамъ г. Головина, было время расцвѣта русскаго романтизма, сильныхъ порывовъ, крупныхъ героевъ. То же можно сказать и о 40-хъ годахъ. Развѣ самъ г. Головинъ не указываетъ постоянно на «грубый складъ жизни людей», окружавшихъ героевъ писателей того времени, на мелкіе ихъ интересы, ничтожныя страсти? Да и въ самомъ дѣлѣ трудно допустить, чтобы Сабакевичи, Ноздревы, Плюшкины на протяженіи какихъ нибудь 10—20 лѣтъ переродились и вдругъ прониклись возвышенными стремленіями, высокими идеалами, благородными чувствами. А что сказать о 50-хъ и 60-хъ годахъ, о томъ времени, которое изобразилъ намъ столь рельефно и такою сильною кистью ученикъ Гоголя Салтыковъ? Что сказать о времени Головлевыхъ, Іудушекъ, ташкентцевъ, оскудѣвшихъ дворянъ и разжирѣвшихъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ? А между тѣмъ и въ эти двѣ эпохи народились крупные герои русскаго романа: Рудины, Лаврецкіе, Базаровы, Безуховы, Левины, Вронскіе. Такъ въ чемъ же дѣло? Почему тогда могли нарождаться крупныя беллетристическія произведенія съ ихъ громкими героями, а теперь и литература мелка, и герои мелки. Не въ читающей публикѣ, значитъ, дѣло, какъ думаетъ г. Головинъ, а въ чемъ-то другомъ. Инстинкты толпы, да и вкусы ея, можетъ быть, въ прошломъ были болѣе мелки и неразвиты. Но тогда существовала крупная литература, а теперь ея нѣтъ.

Чтобы понять, въ чемъ собственно дѣло, мы должны остановиться на одной любопытной фразѣ, постоянно повторяемой нашимъ авторомъ. Выяснивъ всю практическую несостоятельность или нравственную дряблость крупнаго героя русскаго романа, г. Головинъ спѣшитъ добавить: а все-таки онъ симпатиченъ, или: а все-таки онъ заслуживаетъ сочувствія, а все-таки душа къ нему лежитъ. О вкусахъ, говорятъ, не спорятъ. Если Рудинъ симпатиченъ г. Головину, если ему симпатиченъ и Базаровъ, и Вронскій, и Рахметовъ, и Лаврецкій, то, должно быть, есть какая нибудь причина, которая побуждаетъ его сочувствовать имъ. Мы не станемъ ловить г. Головина на словѣ. Ему, напримѣръ, симпатичны герои г. Шпильгагена, хотя бы знаменитый Лео изъ «Одинъ въ полѣ не воинъ». И вотъ онъ замѣчаетъ по этому поводу: «передовые вожди движенія окружены обаяніемъ и блескомъ не потому только, что они готовы стоять и умереть за народное дѣло», но почему же еще? Дѣло въ томъ, что герои Шпильгагена «отличаются прирожденнымъ изяществомъ, утонченною образованностью и совершенствомъ во всѣхъ искусствахъ». Вслѣдъ затѣмъ нашъ авторъ ехидно замѣчаетъ: «Наши передовые беллетристы 60-хъ годовъ любили хвастаться своимъ пренебреженіемъ къ внѣшности, быть можетъ, оттого, впрочемъ, что изящная внѣшность была для нихъ зеленымъ виноградомъ». Говоря объ интеллигенціи изъ купечества, описываемой г. Боборыкинымъ, нашъ авторъ замѣчаетъ, что г. Боборыкинъ «считаетъ нужнымъ облагородить обѣдъ одного изъ представителей этого вновь народившагося класса, посадивъ за него отребья того самаго большого свѣта, надъ которымъ издѣвается». Выходитъ, что г. Головинъ какъ будто обидѣлся за большой свѣтъ. Но это могутъ быть только обмолвки. Гораздо существеннѣе то обстоятельство, что, казня героя русскаго романа и мѣстами очень зло и мѣтко, онъ тѣмъ не менѣе чувствуетъ къ нему тайное влеченіе, а съ другой стороны относится съ большимъ недружелюбіемъ къ цѣлому ряду типичныхъ личностей, выведенныхъ тѣми же нашими крупными художниками. При этомъ оказывается, что нашъ авторъ употребляетъ эпитетъ «мелкій, ничтожный, буржуазный» не только по отношенію къ современной литературѣ, но и именно къ этимъ типамъ, выведеннымъ крупными нашими художниками и въ эпоху такъ называемаго русскаго романтизма, и въ 40-е, и въ 50-е годы. Мало того, какъ мы сейчасъ увидимъ, недостатки главнаго героя нашего романа возбуждаютъ въ авторѣ симпатіи, а отсутствіе этихъ недостатковъ или противоположныя имъ качества въ указанныхъ типичныхъ личностяхъ внушаютъ ему явное нерасположеніе. Не говоря уже о дряблости, практической несостоятельности, громкихъ словахъ, не сопровождаемыхъ соотвѣтственнымъ дѣломъ, даже прямая преступность, какъ у героевъ Достоевскаго, какъ бы возбуждаетъ тайную симпатію въ авторѣ:

онъ этихъ героевъ понимаетъ, онъ имъ симпатизируетъ; но сила воли, нравственная энергія, добродѣтель, когда она встрѣчается въ лицѣ противоположныхъ героевъ, возбуждаетъ въ авторѣ явную антипатію. Въ этомъ явленіи стоитъ разобраться, потому что такъ относится къ дѣлу не одинъ г. Головинъ, а почти вся наша критика и за нею значительная часть общества.

Чтобы уяснить себѣ это явленіе, пройдемся опять-таки подъ руку съ г. Головинымъ по другой галлереѣ портретовъ типичныхъ личностей, выведенныхъ большими нашими писателями. Тутъ героевъ окажется мало, но за то мы увидимъ нѣсколько героинь, и познакомиться съ этою галлереею тѣмъ болѣе необходимо, что иначе нѣтъ возможности уяснить себѣ идейнаго содержанія и общественнаго смысла большинства самыхъ крупныхъ произведеній нашей беллетристики. У Пушкина, какъ мы уже отмѣтили, рядомъ съ Евгеніемъ Онѣгинымъ выведена Татьяна. Они любятъ другъ друга, но вмѣстѣ съ тѣмъ между ними происходитъ борьба, кончающаяся полнымъ разрывомъ. Г. Головинъ отвѣчаетъ, что «превосходство Онѣгиныхъ безплодно», потому что ему недостаетъ главнаго — любви и способности къ труду. Что же касается до Татьяны, то эта простая, малообразованная дѣвушка, сохранившая сознаніе нравственнаго долга, стоитъ неизмѣримо выше Онѣгина, потому что она ближе къ идеалу настоящей жизненной правды. Признаюсь откровенно: когда я прочелъ это глубоко вѣрное замѣчаніе г. Головина, я надѣялся встрѣтить въ его трудѣ дальнѣйшее развитіе его мысли, ожидалъ, что онъ укажетъ на тотъ же конфликтъ между безплодною силою, мнимымъ превосходствомъ и настоящимъ идеаломъ жизненной правды, въ остальныхъ крупныхъ произведеніяхъ нашей беллетристики. Г. Головинъ меня горько разочаровалъ. Говоря о Печоринѣ, онъ забылъ упомянуть о Максимѣ Максимовичѣ; говоря о Лаврецкомъ, онъ забылъ указать на Лизу, какъ на представительницу людей, высоко держащихъ знамя нравственнаго долга въ отличіе отъ Лаврецкихъ, которые по дряблости своей натуры не въ состояніи его исполнить. Анна Каренина остается для г. Головина «загадкою», не смотря на ясный до очевидности эпиграфъ: «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ», не смотря на всѣ страданія этой героини Толстого и ея искупительную трагическую смерть. Вообще для всѣхъ подобныхъ героинь и героевъ у нашего автора не хватаетъ пониманія: онъ страдаетъ, какъ и большинство критиковъ, какимъ-то порокомъ зрѣнія, который вѣрнѣе всего можно назвать духовнымъ дальтонизмомъ, то-есть онъ видитъ только тѣхъ героевъ, которые окрашены въ извѣстный, любезный ему цвѣтъ. Такъ, напримѣръ, оказывается, что Чичиковы, Ноздревы, Собакевичи и т. д. для него очень понятны, а фигуры Костанжогло и Муразова ему мало примѣтны или представляются ему блѣдными. Генералъ-губернатора, призывающаго русское общество

возстать противъ неправды, подобно тому, какъ Россія ополчилась противъ двадцати иноплеменныхъ языковъ въ 1812 году, спасти Русскую землю, которая гибнетъ отъ насъ же самихъ, то-есть отъ тѣхъ же Чичиковыхъ, Ноздревыхъ, Собакевичей, г. Головинъ совершенно не примѣтилъ. Онъ очевидно упускаетъ изъ виду, что, если бы Россія состояла изъ такихъ прекрасныхъ сельскихъ хозяевъ, какъ Костанжогло, у котораго даже «крестьянская свинья смотритъ дворяниномъ», изъ такихъ стойкихъ борцовъ за общественную правду, какъ Муразовъ, изъ такихъ администраторовъ, какъ генералъ-губернаторъ, то не пришлось бы и писать на русское общество такую убійственную сатиру, какъ «Мертвыя души». А г. Головинъ нашелся только замѣтить, что Костанжогло и Муразовъ «не поставлены въ прямую связь съ главнымъ дѣйствіемъ романа». Какая же еще связь нужна критику? Послушаемъ, что дальше говоритъ г. Головинъ о цѣломъ рядѣ незамѣтныхъ героевъ въ произведеніяхъ Гончарова и Писемскаго—Адуевыхъ, Штольцахъ, Бѣлавиныхъ. Тутъ нашъ критикъ уже прямо пускается въ иронію: они—«обладатели змѣиной мудрости, ставятъ себѣ не мечтательную, а вполнѣ реальную цѣль, и главное умѣютъ ее достигать; они, конечно, и честные люди, но честность ихъ сухая и дѣловитая, не какія нибудь новыя идеи они приносятъ съ собою, а лишь новые пріемы, не свойственные натурѣ русскаго человѣка,— практическую смѣтку, аккуратность и энергію». Тутъ очевидно также нѣтъ прямой связи между главнымъ дѣйствіемъ романа и этими положительными типами. Въ самомъ дѣлѣ оттѣняетъ ли дѣятельный, практичный Штольцъ фигуру Обломова? Кажется, эта связь ясна, какъ день. Но г. Головинъ, какъ и многіе другіе критики, повторяю, страдаетъ дальтонизмомъ. Если онъ понялъ Татьяну, то Лиза и Анна Каренина представляются ему загадочными; а чудную русскую женщину въ «Взбаламученномъ морѣ», Евпраксію Бакланову, честную, стойкую до непоколебимости, чистую, какъ горный хрусталь, онъ уже окончательно какъ бы не понимаетъ, говоря по ея поводу о «сухомъ, мѣщанскомъ идеалѣ Писемскаго». Дружинину онъ еще прощаетъ мужа Полиньки, Сакса. Но Инсаровъ Тургенева въ немъ уже прямо называетъ какъ бы озлобленіе. Оказывается, что Тургеневъ взялъ болгарина въ качествѣ положительнаго типа, чтобы подсмѣяться надъ неспособностью шестидесятовцевъ къ дѣятельности въ жизни. Инсаровъ представляется ему даже каррикатурнымъ, умѣющимъ только бросать пьяныхъ нѣмцевъ въ воду. Онъ старается раскрыть тайный замыселъ Тургенева, уяснить себѣ, почему нашъ романистъ взялъ для своего положительнаго героя иностранца, хотя и родственной намъ крови, и говоритъ, что онъ это сдѣлалъ, какъ бы въ пику шестидесятовцамъ. Но вѣдь послѣднихъ еще не было, когда Гоголь задумалъ своего Костанжогло, фамилія котораго тоже указываетъ на его ино-

родческое происхожденіе. А Штольцъ, котораго Гончаровъ противопоставляетъ Обломову, а Саксъ? Очевидно, это до извѣстной степени общая черта: русской дряблости, непрактичности, неумѣнью ставить себѣ жизненныя цѣли и достигать ихъ наиболѣе вѣрными средствами противопоставляются качества болѣе культурныхъ людей. И какъ только у г. Головина поднимается рука иронизировать надъ Инсаровымъ, который былъ предтечею освобожденія Болгаріи и не только Болгаріи, но и Россіи, потому что въ немъ Тургеневъ воплотилъ свой идеалъ дѣятелей, въ какихъ наша родина такъ сильно нуждалась «наканунѣ» великихъ реформъ и какихъ она, слава Богу, нашла, потому что иначе обновленіе Россіи осталось бы въ значительной степени пустымъ звукомъ. Тѣ люди, которые вынесли на своихъ плечахъ реформы освободительной эпохи (ихъ, конечно, нельзя искать въ рядахъ шестидесятовцевъ) были русскими Инсаровыми съ тѣмъ различіемъ, что ихъ не подкосила вся трудность задачи, и что они довели ее до благополучнаго конца.

Настала другая эпоха, явились другіе люди. Между ними были Неждановы и Соломины, мечтавшіе о соціальномъ возрожденіи Россіи: одни при помощи «хожденія въ народъ», другіе при помощи самоотверженнаго, но дѣловитаго служенія ему на наиболѣе благодарной почвѣ. Неждановъ — сынъ Рудиныхъ и Лаврецкихъ; Соломинъ — сынъ Инсарова. И что же? По мнѣнію г. Головина, Соломинъ представляетъ собою смѣсь «русскаго кулака съ прибавкою нѣмца-соціалиста». Г. Головинъ даже ссылается на письма Тургенева для поясненія своей мысли. Онъ очевидно забываетъ, что Тургеневъ въ той же «Нови» пророчилъ, что «будущее принадлежитъ крѣпкимъ, сѣрымъ, одноцвѣтнымъ, народнымъ людямъ», то-есть тѣмъ же Соломинымъ. А нашъ критикъ съ озлобленіемъ восклицаетъ: «Если въ Соломинѣ надо видѣть настоящій плугъ русской нови, то оборони ее Господь отъ такихъ плуговъ». Тутъ г. Головина уже окончательно покидаетъ способность разобраться въ тѣхъ типахъ нашей беллетристики, которые онъ въ лицѣ Татьяны и Лизы еще понималъ, въ лицѣ Инсарова началъ осмѣивать, и въ лицѣ Соломина уже прямо осуждаетъ. Вѣрность нравственному и общественному долгу, сила воли, умѣнье дѣйствовать въ жизни — все это не соблазняетъ нашего критика, вызываетъ въ немъ тайное нерасположеніе и склонность къ ироніи. Не даромъ онъ такъ много занимается романтизмомъ: романтизмъ у него самого въ крови, онъ не можетъ отрѣшиться отъ вліянія Онѣгиныхъ, Рудиныхъ, Лаврецкихъ, которымъ онъ, не смотря на осужденіе ихъ, въ глубинѣ души сочувствуетъ и которыхъ онъ считаетъ истинными героями, въ то время, какъ Муразовы, Костанжогло, Инсаровы, Соломины представляются ему чѣмъ-то несимпатичнымъ, мѣщанскимъ. Онъ даже готовъ сочувствовать Шпильгагенскому Лео, потому что тотъ по манерамъ и внѣшнему лоску напоминаетъ ему салоннаго героя: онъ

забываетъ, что Лео списанъ съ общественнаго дѣятеля, который умѣлъ заставить себя выслушать такого вліятельнаго государственнаго человѣка, какъ Бисмарка, и повліять на его политику. Это была сила дѣйствительная, не чета Онѣгинымъ и Рудинымъ, но человѣкъ по своему настроенію, по своимъ качествамъ во многомъ напоминавшій Инсаровыхъ и Соломиныхъ.

Если уже по отношенію къ такимъ мастерски нарисованнымъ портретамъ, какъ Костанжогло, Инсаровъ, Соломинъ, г. Головинъ является очень сомнительнымъ комментаторомъ, то что сказать о болѣе блѣдно намѣченныхъ? Начиная съ Соломина, г. Головинъ совершенно утрачиваетъ способность слѣдить за идейнымъ содержаніемъ нашей беллетристики. Печальныхъ героевъ Достоевскаго онъ анализируетъ довольно тонко; прекрасно выясняетъ онъ и значеніе героевъ «Войны и мира» и «Анны Карениной», за отмѣченнымъ уже мною исключеніемъ. Но Лѣскова онъ, какъ мы уже видѣли, причисляетъ просто къ этнографамъ, бытописателямъ русскаго духовенства, совершенно упуская изъ виду его «праведниковъ», то-есть тѣхъ дѣятелей, которые приняли на себя наслѣдство и Татьяны, и Лизъ, и Инсаровыхъ, и Соломиныхъ, которые высоко ставятъ нравственный и общественный долгъ и умѣютъ дѣйствовать въ жизни для достиженія въ ней возвышеннѣйшихъ идеаловъ человѣка. Это—не герои фразы, размахивающіе картонными мечами, а герои непосредственнаго, жизненнаго дѣла. Г. Боборыкинъ представляется нашему критику защитникомъ капитализма и буржуазныхъ вожделѣній. Можно упрекать г. Боборыкина въ чемъ угодно, но только не въ измѣнѣ тѣмъ идеаламъ, которые воодушевляли лучшихъ русскихъ людей. Каждая страница его, можетъ быть, слишкомъ многочисленныхъ произведеній ясно объ этомъ свидѣтельствуетъ, и только дальтонизмъ могъ заставить г. Головина увидѣть въ авторѣ «Дѣльцовъ», «Китай-города» и «Василія Теркина» защитника образованныхъ или полу-образованныхъ кулаковъ, а не бытописателя нашей дряблости, проявляющейся и по отношенію къ народившейся грозной общественной силѣ. И чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ, тѣмъ меньше у г. Головина пониманія идеаловъ, господствующихъ въ беллетристикѣ. Тутъ онъ, какъ мы уже видѣли, пускается въ чисто-художественную и подчасъ легкомысленную критику, игнорируя идейное содержаніе разсматриваемыхъ имъ произведеній. Все ему кажется мелкимъ, ничтожнымъ: и жизнь, и литература. Романтическій герой русскаго романа представляется ему крупнымъ, заслуживающимъ вниманія; а нынѣ пошелъ какой-то мелкій людъ съ буржуазными стремленіями, съ идеалами «умѣренности и аккуратности». Но что же дѣлаютъ современные беллетристы въ лицѣ, понятно, лучшихъ своихъ представителей? Они осмѣиваютъ русскую дряблость, казнятъ потомковъ Онѣгиныхъ, Рудиныхъ, Обломовыхъ, Лаврецкихъ. Слѣдовательно, въ этомъ отноше-

нія они продолжають дѣло крупныхъ нашихъ беллетристовъ. Они возвеличиваютъ потомство Штольцевъ, Инсаровыхъ, Соломиныхъ. Это очевидно ихъ грѣхъ въ глазахъ г. Головина. Онъ не сочувствуетъ отцамъ; понятно, не можетъ сочувствовать и дѣтямъ. Но неужели намъ вѣчно носиться съ Онѣгиными, и Рудиными, и Лаврецкими? Неужели они сдѣлали для Россіи больше, чѣмъ Костанжогло, Штольцы, Соломины? Неужели культура и всѣ ея блага держатся людьми, которые не умѣютъ поставить себѣ достойной человѣка цѣли въ жизни и преслѣдовать ее вѣрно разсчитанными средствами? Неужели наконецъ идеалъ долженъ встрѣчаться только въ прекрасномъ образѣ, а въ жизни не слѣдуетъ стремиться къ его осуществленію? Рудинъ, погибающій на баррикадахъ Парижа, это—крупный герой; народный учитель, безвѣстно трудящійся въ деревенской глуши и вступающій въ смертельный иногда для него бой съ самымъ страшнымъ нашимъ врагомъ, народнымъ невѣжествомъ, это—герой мелкій, воплощающій только идеалъ аккуратности, умѣренности и добросовѣстности. Обломовъ, лежащій по цѣлымъ днямъ на диванѣ и успокаивающійся отъ всѣхъ своихъ волненій женитьбой на Агаѳьѣ Матвѣевнѣ,—крупный герой; а магистръ духовной академіи, поступающій «на дѣйствительную службу» къ народу,—герой мелкій. Г. Головинъ ставитъ вопросъ о симпатичности тѣхъ или другихъ героевъ на почву личныхъ своихъ вкусовъ; поэтому мы вправѣ сказать, что если ему больше нравятся тѣ герои, которыхъ онъ называетъ крупными, то намъ больше нравятся тѣ, которыхъ онъ называетъ мелкими. Прибавлю еще, что послѣдніе одерживаютъ теперь, славу Богу, верхъ и въ жизни, и въ литературѣ: можетъ быть, отъ этого пострадаетъ литература, но ни въ какомъ случаѣ не жизнь, а безъ нея и литература—дѣло мертворожденное.

Р. Сементковскій.

КОРОЛЕВА ВИКТОРІЯ И НИКОЛАЙ I.

(Изъ дневника сэра Чарльса Муррея).

Ъ ВИДУ празднуемаго въ іюнѣ мѣсяцѣ шестидесяти-лѣтняго юбилея королевы Викторіи, англійскіе журналы выкапываютъ всевозможныя воспоминанія объ этомъ длиннѣйшемъ и, можно сказать, счастливѣйшемъ царствованіи во всей англійской исторіи. Конечно, наибольшій интересъ представляютъ первые дни, проведенные на престолѣ королевой-дѣвочкой, какъ тогда называли англичане свою восемнадцати-лѣтнюю государыню, и къ этой эпохѣ относятся два отрывка изъ дневника сэра Чарльса Муррея, напечаные въ январьской и мартовской книжкахъ «Cornhill Magazine» [1]). Первый изъ нихъ, подъ заглавіемъ «Три недѣли при дворѣ», рисуетъ картину внутренней жизни въ Виндзорѣ молодой королевы въ сентябрѣ 1837 года, т.-е. два мѣсяца послѣ ея воцаренія, а послѣдній живо, графически очерчиваетъ восемь дней, проведенныхъ императоромъ Николаемъ I въ Лондонѣ и Виндзорѣ въ 1844 году. Такъ какъ для насъ всего любопытнѣе подробности о визитѣ русскаго императора, то мы приведемъ въ подстрочномъ переводѣ касающіяся до него страницы дневника Муррея, а остальное передадимъ въ извлеченіи. Авторъ такъ просто, безыскусственно, интересно и характерно разсказываетъ о всемъ, что видѣлъ и слышалъ, что нельзя

---

[1]) Three weeks at Court, a diary kept at Windsor, by sir Charles Murray, september, 1837. Cornhill Magazine, january, 1897.

Ten days at court: the emperor Nicholas's visit. A diary kept by sir Ch. Murray, june, 1844. Cornhill Magazine, march 1897.

не пожалѣть о потерѣ полнаго текста его мемуаровъ, изъ которыхъ уцѣлѣли лишь означенные отрывки, тѣмъ болѣе, что онъ могъ сообщить много любопытнаго не только о жизни англійскаго двора, но объ Оксфордѣ, гдѣ онъ былъ во времена Гладстона, о Гете, у котораго въ Веймарѣ онъ провелъ нѣсколько дней, о различныхъ европейскихъ столицахъ, гдѣ онъ былъ представителемъ своей родины, о Персіи, куда онъ ѣздилъ посланникомъ, объ индѣйскомъ племени поніевъ, среди которыхъ онъ прожилъ полгода, и т. д.

Въ одно и то же время придворный, дипломатъ, путешественникъ, писатель, спортсмэнъ и свѣтскій человѣкъ, сэръ Чарльзъ Муррей пользовался любовью и уваженіемъ всѣхъ, кто его зналъ, благодаря его уму, образованію и добродушной любезности. Второй сынъ лорда Дунмора, онъ родился 22 ноября 1806 года, воспитывался въ Итонѣ и Оксфордѣ, много путешествовалъ по Европѣ и Америкѣ, три раза выступалъ, но неудачно, на парламентскихъ выборахъ и въ 1837 году былъ назначенъ, тридцати одного года отъ роду, шталмейстеромъ при молодой королевѣ, а затѣмъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ гофмаршаломъ. Впослѣдствіи онъ перешелъ на дипломатическую службу и былъ генеральнымъ консуломъ въ Египтѣ, а затѣмъ посланникомъ въ Швейцаріи, Персіи, Саксоніи и Португаліи. Въ 1866 году онъ вступилъ членомъ въ тайный совѣтъ, а 3 іюня 1895 года умеръ въ Парижѣ. Еще можно прибавить, что онъ былъ два раза женатъ, зналъ пятнадцать языковъ и написалъ нѣсколько книгъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстна: «Птицы американскихъ прерій».

I.

Королева Викторія шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Рукопись дневника Муррея отъ 6 до 30 сентября 1837 года снабжена надписью автора, сдѣланною много лѣтъ спустя: «Для меня этотъ періодъ имѣлъ особый интересъ, потому что я могъ изучать развитіе характера у молодой восемнадцатилѣтней королевы, и результатъ полученныхъ впечатлѣній былъ самый благопріятный».

Самый дневникъ начинается съ представленія королевѣ, что произошло въ коридорѣ Виндзорскаго замка, гдѣ Викторія проходила, чтобъ сѣсть на лошадь для ежедневной прогулки. Его представили лордъ-камергеръ и оберъ-шталмейстеръ, королева протянула ему руку для инвеститурнаго поцѣлуя, и онъ присоединился къ кавалькадѣ, состоявшей изъ двадцати пяти, или тридцати лицъ, въ томъ числѣ короля и королевы Бельгіи, герцогини Кентской, герцога Велингтона, лорда Мельборна, тогдашняго перваго министра, и т. д. «Королева сидѣла на лошади просто и граціозно,—разсказываетъ Муррей, ея манеры, сквозь которыя просвѣчиваетъ ранняя привычка повелѣвать,

пріятно оттѣняются нѣжнымъ голосомъ и вполнѣ естественною веселостью, съ которою она обращается къ своимъ родственникамъ и придворнымъ дамамъ. Я никогда не видывалъ такихъ живыхъ и наблюдательныхъ глазъ, какъ у нея. Во время прогулки я разговаривалъ съ герцогомъ Велингтономъ о національныхъ характерахъ, преимущественно французскомъ и нѣмецкомъ, которому онъ отдавалъ преимущество. Я также говорилъ съ полчаса съ лордомъ Мельборномъ о недавнихъ выборахъ». Послѣ обѣда, въ этотъ первый день придворной службы автора, онъ присутствовалъ при игрѣ Викторіи въ шашки съ королевой Бельгійской, тогда какъ король Леопольдъ, герцогиня Кентская (мать Викторіи) и герцогъ Велингтонъ играли въ вистъ.

Послѣдующіе дни изъ описываемыхъ въ дневникѣ трехъ недѣль придворной жизни въ Виндзорѣ проходили точно также—днемъ ѣзда верхомъ съ королевой, потомъ обѣдъ, а вечеромъ игра въ карты, шашки и шахматы. Во время прогулокъ верхомъ, Викторія часто и очень любезно, просто, безыскусственно разговаривала съ Мурреемъ, разспрашивала его о прекрасной лошади, на которой онъ постоянно ѣздилъ, обсуждала съ большимъ тактомъ лучшія произведенія нѣмецкой литературы и т. д. Конечно, она всегда говорила поанглійски, но однажды удивила своего шталмейстера такими словами:

— Г. Муррей, баронесса Леценъ (бывшая гувернантка Викторіи, удержанная ею при себѣ послѣ восшествія на престолъ) говоритъ, что вы всегда говорите съ ней понѣмецки и очень любите этотъ языкъ. Она даже обѣщала вамъ, что я поговорю съ вами понѣмецки, не правда ли?

Шталмейстеръ отвѣчалъ утвердительно, и королева продолжала:

— Ну, такъ я должна исполнить ея обѣщанье, хоть я не люблю говорить понѣмецки; у меня такъ мало практики.

«Я отвѣчалъ понѣмецки,—разсказываетъ Муррей,—и старался увѣрить ее, что ей нечего меня бояться, такъ какъ я не былъ экспертомъ по этой части, и у насъ незамѣтно завязался нѣмецкій разговоръ. Она говорила очень плавно и съ правильнымъ выговоромъ. Вообще ея голосъ такъ нѣженъ и мелодиченъ, что еслибы она и сдѣлала какую нибудь грамматическую ошибку, то я этого бы не замѣтилъ. Но она, дѣйствительно, не любитъ говорить понѣмецки и никогда не бесѣдуетъ на этомъ языкѣ даже съ г-жей Леценъ. Пофранцузски она говоритъ прекрасно, а также хорошо знаетъ итальянскій языкъ. Вообще ея разговоръ очень пріятенъ; она выражается естественно и высказываетъ оригинальныя мысли, полныя смѣлой независимости и здравыхъ сужденій. Все это дѣлаетъ большую честь не только ей самой, но и ея гувернанткѣ, г-жѣ Леценъ, сумѣвшей такъ хорошо воспитать ее. Замѣчательно, что королева продолжаетъ оказывать ей полное довѣріе, ограниченное только государственнымъ благоразуміемъ; такъ, она показываетъ своей воспита-

тельницѣ всѣ свои частныя письма, однако не только никогда не передаетъ ей государственныхъ бумагъ, но даже не разговариваетъ съ нею о политическихъ дѣлахъ. Какъ женщина, она обращается съ ней съ прежней почти дѣтскою откровенностью, но какъ королева, она оказываетъ довѣріе лишь своимъ официальнымъ совѣтникамъ и, кажется, еще состоящему при ней, барону Стокмару, большому другу ея дяди, бельгійскаго короля».

Игра въ шашки и шахматы, такъ какъ Викторія никогда не садилась за карты, подавала поводъ къ многимъ забавнымъ столкновеніямъ съ молодымъ шталмейстеромъ, который былъ ярый игрокъ и не могъ удержаться отъ вмѣшательства, прямого или косвеннаго, въ игру королевы. Она преимущественно играла съ королевой и королемъ Бельгійскими, но иногда выбирала въ партнеры лорда Пальмерстона или кого нибудь другого изъ высокопоставленныхъ особъ. Во время этихъ побоищъ Муррей обыкновенно стоялъ за ея кресломъ и такъ интересовался игрой, что не только давалъ совѣты Викторіи, когда она спрашивала, но и говорилъ не разъ свое мнѣніе безъ предварительнаго разрѣшенія, или громко кашлялъ, когда королева дѣлала не тотъ шагъ, какой слѣдовало. Юная государыня нимало не сердилась, а только смѣялась, часто совѣтовалась съ нимъ и даже не выражала неудовольствіе, когда его совѣты оказывались неудачными.

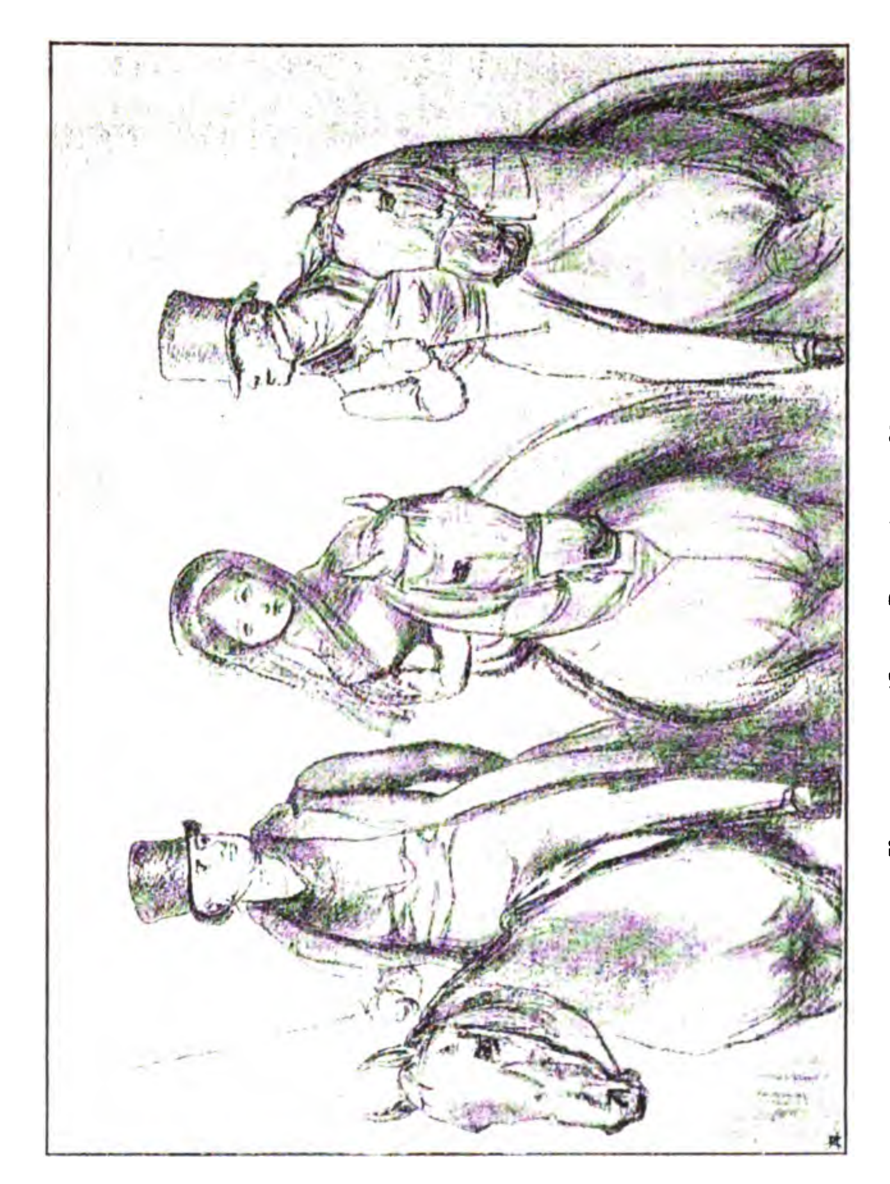
«Сегодня,— пишетъ Муррей въ своемъ дневникѣ отъ 14-го сентября,— ея величество снова играла съ Бельгійской королевой. Дѣло дошло до того, что съ обѣихъ сторонъ остались по три дамки, и я слѣдилъ съ живымъ любопытствомъ за игрой. Королева нѣсколько разъ спрашивала моихъ совѣтовъ, и ее очень забавляло мое лихорадочное вниманіе къ игрѣ. Наконецъ, она помѣнялась одной дамкой, и съ каждой стороны осталось по двѣ дамки. Ея партнерша сказала, что игра будетъ въ ничью, но я молча покачалъ головой. Королева это замѣтила и произнесла:

— «Мистеръ Муррей, вы неисправимы. Намъ пора идти спать, но я желаю, чтобъ вы продолжали игру съ лордомъ Конингамомъ, и покажите, что можете его побить.

«Я попалъ въ западню,— продолжаетъ авторъ дневника,— но дѣлать было нечего, пришлось играть. По счастью, мой противникъ сдѣлалъ ошибку, и я, потерявъ одну дамку, взялъ его двѣ. Если ея величество ехидно поставила меня въ неловкое положеніе, то я съ любопытствомъ жду, что она скажетъ завтра о моей побѣдѣ. Во всякомъ случаѣ я ложусь спать сегодня такимъ же торжествующимъ побѣдителемъ, какъ герцогъ Велингтонъ послѣ Ватерло».

Въ другой разъ королева играла въ шахматы съ королемъ Бельгійскимъ, котораго она очень любила, и на ея вопросъ на счетъ общей системы игры Муррей отвѣчалъ:

— Я полагаю, что въ игрѣ посредственныхъ игроковъ офицеры

Королева англійская Викторія въ 1837 году.

играютъ главную роль, но у профессоровъ эта роль принадлежитъ пѣшкамъ.

Бельгійскій король протестовалъ, Викторія не согласилась съ своимъ юнымъ шталмейстеромъ, но онъ глубокомысленно замѣчаетъ: «а я все-таки былъ правъ».

О политикѣ въ дневникѣ Муррея почти вовсе не упоминается, и можно только отмѣтить анекдотъ, разсказанный барономъ Стокмаромъ, о томъ, какъ лордъ Пальмерстонъ, будучи министромъ иностранныхъ дѣлъ, вскрывалъ и читалъ дипломатическія депеши, посылаемыя иностранными дипломатами черезъ англійское министерство. По его словмаъ, онъ, исполняя должность конфиденціальнаго секретаря бельгійскаго короля въ 1830 — 1831 годахъ, нѣсколько разъ посылалъ изъ Лондона депеши, казавшіяся ему не очень нужными этимъ путемъ, но потомъ, вернувшись въ Брюссель, онъ увидѣлъ, что эти депеши были вскрыты и снова запечатаны очень плохо поддѣланною печатью; чтобъ проучить могущественнаго министра, бывшаго грозой всей Европы, онъ на слѣдующій разъ послалъ свою депешу открытой и приложилъ къ ней записку на имя лорда Пальмерстона, котораго онъ увѣдомлялъ, что поступаетъ такъ изъ желанія избавить лорда отъ труда вскрывать и запечатывать конвертъ.

II.

Николай I въ гостяхъ у Викторіи.

1 іюня 1844 г. Замѣчательный день и замѣчательный мѣсяцъ въ исторіи королевы Викторіи. Въ пять часовъ по полудни пріѣхалъ саксонскій король съ Минквицемъ и другими двумя джентельменами. Принцъ Альбертъ отправился къ нему на встрѣчу на желѣзную дорогу и привезъ его во дворецъ, гдѣ его приняла королева со всей своей свитой. Я недолго участвовалъ въ этомъ пріемѣ, такъ какъ ея величество послала меня въ Вульвичъ къ барону Брунову (русскому послу), для соглашенія съ нимъ относительно принятія его повелителя, русскаго императора. Бѣдный букингамскій дворецъ! Ежедневно на него сыплются насмѣшки и брань за то, что онъ не представляетъ достойнаго жилища для его обитателей, а теперь ему предстоитъ вмѣстить подъ своимъ кровомъ императора и короля, съ ихъ неизбѣжными свитою, егерями, лакеями, казаками, переводчиками и т. д.

Я нашелъ Брунова съ русскимъ консуломъ Бекгаузеномъ въ гостиницѣ, подъ вывѣской «Корабль». Онъ былъ въ очень дурномъ настроеніи духа, такъ какъ поданныя ему бараньи котлеты оказались холодными, а масло теплымъ, да, кромѣ того, ему предстояло провести ночь въ скверной комнатѣ сквернѣйшей въ свѣтѣ гостиницы, да-

леко отъ своей жены. Покончивъ съ нимъ всѣ дѣла, я вернулся во дворецъ и легъ спать въ обыкновенное время. Не успѣлъ я однако разоспаться, какъ меня разбудили чьи-то шаги въ моей комнатѣ.

— Кто тутъ?—воскликнулъ я.

— Это я,—отвѣчалъ мнѣ какой-то голосъ въ темнотѣ.

— Кто вы?

— Бруновъ. Вставайте, Муррей, императоръ пріѣхалъ!

— А гдѣ онъ?

— У меня въ домѣ, и вотъ собственноручное его письмо къ принцу.

Я взялъ письмо, обѣщалъ отдать его по назначенію на слѣдующее утро, простился съ Бруновымъ и черезъ десять минутъ снова спалъ, видя во снѣ безконечное число императоровъ и королей.

2 іюня. Въ половинѣ девятаго я уже былъ въ туалетной комнатѣ принца Альберта и передалъ ему письмо. Оказывалось, что императоръ долженъ былъ слушать обѣдню въ своей церкви, въ десять часовъ, а служба, на которой присутствовала королева, начиналась въ двѣнадцать часовъ, такъ что весь вопросъ заключался въ томъ, какъ и когда устроить пріемъ Николаю.

— Такъ какъ императоръ нашелъ нужнымъ сдѣлать намъ сюрпризъ, то и мы отвѣтимъ ему тѣмъ же,—сказалъ принцъ послѣ долгаго размышленія,—прикажите подать экипажи.

Черезъ четверть часа мы съ принцемъ уже ѣхали по дорогѣ въ Ашбурнгамъ-гаузъ. Велико было тамъ удивленіе при неожиданномъ появленіи принца, но дипломатическій гордіевъ узелъ былъ разрубленъ, всѣ церемоніи этикета отставлены, и императоръ просто обнялъ принца на лѣстницѣ, а потомъ просто повелъ его къ себѣ въ комнату. Во время ихъ разговора я возобновилъ знакомство съ графомъ Орловымъ, который былъ въ Англіи съ наслѣдникомъ престола; его геркулесовская фигура обнаруживала теперь признаки излишней толщины. Не успѣлъ я узнать отъ него имена, титулы и чины всѣхъ лицъ императорской свиты, какъ Николай вышелъ изъ своей комнаты, держа за руку принца. Я не видѣлъ его величества съ того времени, какъ встрѣтилъ его въ Эмсѣ въ 1840 году: онъ тогда ѣхалъ въ фаетонѣ, которымъ самъ правилъ, а рядомъ съ нимъ сидѣла императрица. Мнѣ показалось, что онъ такъ же, какъ его любимецъ Орловъ, потолстѣлъ, и что у него нѣсколько порѣдѣли волосы на головѣ, но все-таки онъ оставался прежнимъ благороднымъ, величественнымъ человѣкомъ, царемъ съ головы до ногъ. Его лице отличалось открытымъ выраженіемъ, и хотя глаза у него были очень подвижны, но въ нихъ скорѣе выражалась безпокойная наблюдательность, чѣмъ подозрительность. Онъ проводилъ принца до экипажа, и принцъ повидимому, былъ очень доволенъ успѣхомъ своей хитрости и пріемомъ императора.

Послѣ обѣдни, въ половинѣ второго, императоръ со свитой пріѣхалъ во дворецъ, и королева приняла его въ мраморной залѣ, окруженная своимъ дворомъ. Онъ очень граціозно поклонился, поцѣловалъ руку королевы и, предложивъ ей свою руку, повелъ ее во внутренніе апартаменты. Мнѣ не было времени въ этотъ день слѣдить за всѣмъ, что произошло во дворцѣ, такъ какъ мнѣ пришлось размѣстить двадцать слугъ императора и свиты, которые не умѣли говорить ни поанглійски, ни пофранцузски, ни понѣмецки.

3 іюня. Мы переѣхали въ Виндзорскій замокъ, который превратился въ вавилонскую башню, такъ какъ императоръ и его свита привезли слугъ человѣкъ на десять больше, чѣмъ было выставлено въ запискѣ Орлова. Всѣ они требовали, чтобы ихъ помѣстили подлѣ своихъ господъ, а когда пришлось ихъ размѣстить въ разныхъ мѣстахъ замка и даже во флигеляхъ, то они подняли страшный шумъ на всевозможныхъ славянскихъ, лифляндскихъ и эстляндскихъ нарѣчіяхъ. Мы приготовили торжественную кровать для императора, но его камердинеръ отдалъ намъ большой мѣшокъ въ семь футовъ длины и четыре ширины, прося наполнить его соломой и говоря, что Николай никогда не спалъ на другомъ ложѣ. Въ сосѣдней комнатѣ съ его спальней расположились бивакомъ съ полдюжины слугъ, которые наполнили комнату сотней различныхъ тюковъ, служившихъ имъ и матрацами и подушками. Со всѣмъ этимъ я провозился до восьми часовъ безъ двадцати минутъ и едва успѣлъ переодѣться, когда за мной прислалъ принцъ для передачи мнѣ инструкціи, какъ разсадить гостей за обѣдомъ. Эта работа была не легкая, такъ какъ число гостей превосходило пятьдесятъ и многіе изъ нихъ были высокопоставленныя лица; все-таки мнѣ удалось всѣмъ угодить, и рѣдко въ Ватерлооской галлереѣ бывалъ такой блестящій банкетъ.

Я не присутствовалъ за утреннимъ завтракомъ, но мнѣ потомъ разсказывали о происшедшей тамъ любопытной сценѣ. Я приставилъ къ особѣ императора одного изъ старѣйшихъ пажей королевы, по фамиліи Кинерда, который уже прислуживалъ ему во время его посѣщенія Англіи въ 1817 году, т.-е. двадцать семь лѣтъ тому назадъ. Войдя въ залу съ королевой, принцемъ и королемъ саксонскимъ, Николай пристально взглянулъ на Кинерда, стоявшаго за его кресломъ, и сказалъ:

— Я помню васъ. Вы состояли при мнѣ во время моей предыдущей поѣздки въ Англію.

— Точно такъ, ваше величество.

Императоръ протянулъ ему руку, что смутило Кинерда, и потомъ всѣ товарищи смѣялись надъ нимъ, отказываясь пожимать его руку, удостоившуюся пожатія царя.

Вечеромъ императоръ удалился въ свои комнаты въ одиннадцать часовъ и, увидавъ тамъ Кинерда, снова вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Кинердъ, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я былъ здѣсь въ послѣдній разъ; я тогда былъ молодъ, и мы весело проводили тогда съ вами время. Я теперь дѣдушка. Вы, можетъ быть, думаете, что я счастливый человѣкъ, такъ какъ я то, что люди называютъ великой особой, но я вамъ сейчасъ покажу, въ чемъ заключается мое счастіе.

Говоря это, императоръ открылъ шкатулку и показалъ миніатюрные портреты императрицы и великихъ княженъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—источникъ моего счастія: жена и дѣти. Можетъ быть, этого мнѣ не слѣдовало говорить, но нѣтъ въ Петербургѣ красивѣе дѣвушки, какъ моя дочь Ольга.

Затѣмъ императоръ простился съ Кинердомъ, и тотъ вышелъ изъ комнаты со слезами на глазахъ: такъ его смутило оказанное ему императоромъ неожиданное довѣріе.

4 іюня. Послѣ завтрака я отправился на Аскотскій ипподромъ, чтобы приготовить все необходимое для пріема августѣйшихъ гостей. Хотя погода была прекрасная, и рѣдко на скачкахъ присутствуютъ вмѣстѣ императоръ и король, но публики было немного: не болѣе трехъ или четырехъ тысячъ человѣкъ. Поэтому и встрѣча императору была устроена не очень шумная. Послѣ третьей скачки, онъ, король саксонскій и принцъ Альбертъ, не предупредивъ никого, пошли посмотрѣть побѣдителя; не смотря на значительное число полицейскихъ агентовъ, произошла давка, и едва полиціи удалось удержать толпу отъ напора на императора и принца, но бѣднаго короля саксонскаго совершенно оттѣснили, и я едва выручилъ его, и то въ разорванной одеждѣ. Подозвавъ распорядителей скачки, императоръ выразилъ желаніе назначить ежегодный призъ своего имени въ 500 фунтовъ стерлинговъ, что, конечно, вызвало удовольствіе въ спортсменскихъ кружкахъ.

5 іюня. Утромъ былъ парадъ гвардейскихъ полковъ и двухъ артиллерійскихъ батарей. Солнце пекло, земля была тверда, и, какъ всегда, было много блеска, шума и пыли. Только произошла одна непріятная случайность. Королева взяла съ собою маленькихъ принца и принцессу, а потому просила главнокомандующаго герцога Велингтона, чтобы не стрѣляли изъ пушекъ. По ошибкѣ какого-то адъютанта былъ данъ противоположный приказъ, и подлѣ самаго королевскаго экипажа артиллерія дала залпъ. Герцогъ вышелъ изъ себя и напустился на адъютанта и артиллерійскихъ офицеровъ. Принцъ Альбертъ сталъ уговаривать его не сердиться, такъ какъ всегда можетъ произойти ошибка.

— Со стороны вашего высочества очень любезно извинять ошибки но въ военномъ дѣлѣ ошибокъ не можетъ быть, и всѣ приказанія должны быть точно исполняемы. Пока я командиръ, я не допущу никакихъ ошибокъ.

Императоръ былъ очень удивленъ этой вспышкой, но герцогъ не успокоился прежде, чѣмъ прогналъ артиллерію съ плаца.

Вечеромъ въ Ватерлооской галлереѣ былъ военный обѣдъ въ мундирахъ, и главные чины англійской арміи были представлены императору.

6 іюня. Сегодня былъ главный день скачекъ, и народа собралось много, а такъ какъ пожертвованіе императоромъ Аскотскаго приза стало всѣмъ извѣстно, то ему устроили торжественную овацію. Позднѣе произошло нѣсколько попытокъ сдѣлать враждебную демонстрацію, но онѣ не удались, и полиція арестовала одного оборванца, который раздавалъ польскія прокламаціи съ угрозой, что императоръ будетъ убитъ въ Англіи. Я видѣлъ одну изъ этихъ прокламацій и, признаюсь, не смотря на большое количество полицейскихъ, разставленныхъ по всѣмъ мѣстамъ поля, я очень безпокоился на счетъ счастливаго окончанія дня. Моя тревога была тѣмъ понятнѣе, что раньше была произведена попытка однимъ полякомъ пробраться въ комнату императора. Онъ принялъ на себя роль портного и увѣрялъ, что принесъ панталоны, заказанные императоромъ. Такъ какъ онъ предлагалъ значительную сумму денегъ одному изъ придворныхъ служителей, чтобы его допустили къ императору, то явилось подозрѣніе, и его передали полиціи, которая нашла на немъ стилетъ. Это обстоятельство такъ напугало всѣхъ, что, не смотря на пріятное обращеніе императора и веселыя празднества, которыя давались въ его честь, я, напримѣръ, искренно желалъ, чтобы онъ поскорѣе очутился здравъ и невредимъ по ту сторону Ламанша.

7 іюня. Снова мы перебрались изъ Виндзора въ Букингамскій дворецъ, и мнѣ снова пришлось возиться со свитой и прислугой императора, съ ихъ многочисленными вещами и т. д. Вечеромъ во дворцѣ былъ парадный обѣдъ, на который были приглашены министры, высшіе сановники, дипломатическій корпусъ и лица, имѣющія прямое или косвенное отношеніе до Россіи.

8 іюня. Весь день былъ посвященъ осмотру достопримѣчательностей города, а вечеромъ давали парадный спектакль въ Оперѣ. Театръ былъ переполненъ блестящей публикой, и послѣ англійскаго гимна, потребованнаго зрителями, исполнили русскій гимнъ, который былъ встрѣченъ очень сочувственно. Императоръ нѣсколько разъ кланялся публикѣ и при всѣхъ поцѣловалъ руку королевы.

9 іюня. Утромъ были сдѣланы всѣ приготовленія къ отъѣзду императора, и я нѣсколько разъ совѣщался съ графомъ Орловымъ и барономъ Бруновымъ насчетъ обычныхъ подарковъ, которые долженъ былъ сдѣлать его величество. Для меня это дѣло было непріятно, потому что я долженъ былъ выставить свое имя въ спискѣ, и вышелъ изъ затрудненія только тѣмъ, что написалъ, какіе подарки сдѣлалъ каждому лицу прусскій король, во время своего недавняго посѣщенія Англіи; при этомъ я, изъ деликатности, обозначилъ, что мнѣ была дана табакерка съ вензелемъ, тогда какъ я въ сущности получилъ табакерку съ портретомъ. Орловъ показалъ мой спи-

сокъ императору, и тотъ одобрилъ его, но, дойдя до моего имени, сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, ему надо дать съ портретомъ. Онъ для насъ сдѣлалъ больше всѣхъ.

Эти милостивыя слова мнѣ лично передалъ Орловъ вмѣстѣ съ табакеркой, которая была украшена прекрасной осыпанной брилліантами миніатюрой императора.

Я долго разговаривалъ съ графомъ Орловымъ, который занимаетъ въ Россіи очень высокое и необыкновенное положеніе. Отличаясь громаднымъ ростомъ и физической силой, прославившими его семью, онъ не имѣетъ опредѣленнаго мѣста въ министерствѣ, но служитъ правой рукой Николая, который соединяетъ въ себѣ всю законодательную и административную власть въ государствѣ. Онъ смѣлый, рѣшительный солдатъ и походитъ на своего повелителя прямою искренностью, съ которою онъ высказываетъ свои цѣли и стремится къ нимъ. Онъ очень пораженъ спокойною, не рѣжущей глаза, но ревностно исполняющей свою задачу, англійскою полиціей.

— Что-бы вы ни дѣлали,—сказалъ онъ, между прочимъ:—не ослабляйте этой силы, съ каждымъ годомъ въ вашихъ большихъ городахъ умножаются массы людей, среди которыхъ должны по временамъ возникать недовольство и безпорядки. Столкновеніе толпы съ солдатами очень опасны въ Англіи, даже если бы у васъ было достаточно солдатъ, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ; но эта полицейская сила, хорошо организованная, составляетъ вполнѣ обезпечивающую правительство поддержку.

Я разстался съ графомъ, вполнѣ убѣжденный, что этотъ прямой, искренній и разсудительный человѣкъ—очень полезный слуга самодержавнаго государя. Что же касается до Николая, то если любезность и щедрость возбуждаютъ популярность, то никто ея такъ не заслужилъ, какъ этотъ государь во время той недѣли, которую онъ провелъ въ Англіи. Кромѣ 500 ф. ст., данныхъ имъ на призъ аскотскихъ скачекъ (что равняется капиталу въ 15,000 рублей.), онъ пожертвовалъ 1,000 ф. ст. фонду нуждающихся иностранцевъ, 500 ф. ст. на сооруженіе памятниковъ Нельсону и Велингтону, да, кромѣ того, роздалъ такія же суммы на добрыя дѣла. Много ходитъ разнообразныхъ слуховъ насчетъ настоящей цѣли его визита; всего вѣроятнѣе и проще, это посѣщеніе объясняется желаніемъ поддержать хорошія отношенія съ Англіей и уравновѣсить возростающее вліяніе Франціи на Сентъ-Джемскій кабинетъ. Во всякомъ случаѣ, императоръ своею обходительностью и щедростью сильно затруднилъ игру французскому королю, котораго ждутъ сюда осенью. Французская пресса очень недовольна и даже угрожаетъ, что передовая партія не дозволитъ королю отдать визитъ нашей королевѣ. Мы увидимъ.

Какъ ни было кратковременно пребываніе императора, но его

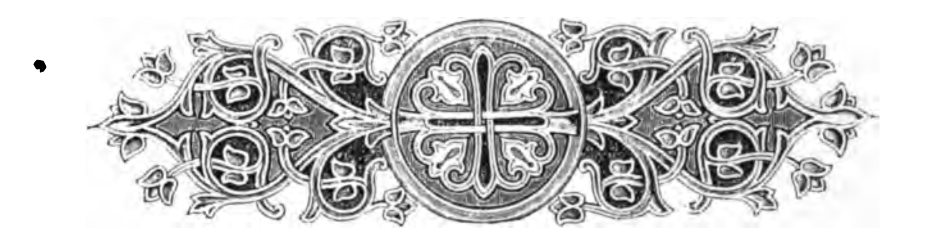
отъѣздъ набросилъ тѣнь на весь дворъ. Однако, повторяю, я очень радъ, что онъ въ полной безопасности на кораблѣ, и что уже не нужны всѣ полицейскія мѣры, которыя принимались здѣсь въ видѣ патрулей, переодѣтыхъ полицейскихъ агентовъ и т. д. Онъ очень любезно и привѣтливо простился со всѣми. Спустясь съ лѣстницы въ мраморныя сѣни, онъ поцѣловалъ руку у королевы и герцогини Буклю и пожалъ руку всѣмъ придворнымъ дамамъ, а также высшимъ государственнымъ чинамъ. Онъ уже почти достигъ двери, какъ, замѣтивъ меня въ хвостѣ именитыхъ лицъ, вернулся ко мнѣ и, протянувъ мнѣ руку, сказалъ поанглійски:

— Благодарю васъ отъ всей души.

Тутъ онъ впервые заговорилъ со мной поанглійски, а до тѣхъ поръ всегда разговаривалъ пофранцузски и одинъ разъ понѣмецки.

Когда коляска отъѣзжала отъ замка, то Николай всталъ и кланялся королевѣ, пока не исчезъ изъ вида. По лицамъ всѣхъ присутствовавшихъ я могъ замѣтить, что онъ оставилъ о себѣ память, какъ о человѣкѣ, хотя не молодомъ,—ему было уже 48 лѣтъ,—но во всемъ цвѣтѣ силъ и въ полномъ смыслѣ рыцарѣ. Что касается до него, какъ государя, то здѣсь въ дневникѣ мало мѣста для обсужденія его достоинствъ.

Примѣчаніе автора, сдѣланное сорокъ лѣтъ спустя. Я не записалъ въ своемъ дневникѣ нѣсколько разговоровъ съ Николаемъ въ его спальнѣ въ Виндзорѣ. На моей обязанности лежало проводить его въ отведенные ему апартаменты, послѣ того, какъ онъ разставался съ королевой. Три вечера къ ряду онъ приглашалъ меня остаться въ его спальнѣ, пока свита находилась въ сосѣдней комнатѣ. Въ этихъ бесѣдахъ tête-à-tête онъ касался разнообразныхъ предметовъ, говорилъ очень откровенно и часто упоминалъ о своемъ трудномъ положеніи, обязывавшемъ его часто дѣлать то, что ему вовсе не было по сердцу, и не разъ повторялъ, что онъ пользовался настоящимъ счастьемъ только въ лонѣ своего семейства. Я, право, не знаю, почему онъ оказывалъ мнѣ такое лестное довѣріе, но и впослѣдствіи онъ удостоивалъ меня не разъ своимъ милостивымъ вниманіемъ. Такъ, спустя два или три года послѣ его поѣздки въ Англію, я находился секретаремъ посольства въ Неаполѣ, и русскій императоръ, посѣтивъ на короткое время короля, отказался принять дипломатическій корпусъ, но, узнавъ, что я былъ въ составѣ англійскаго посольства, приказалъ Орлову пригласить меня въ свою комнату во дворцѣ, а когда я явился, то онъ самъ вышелъ ко мнѣ и разговаривалъ со мною съ обычною дружескою любезностью.

ПРОЛОГЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ[1].

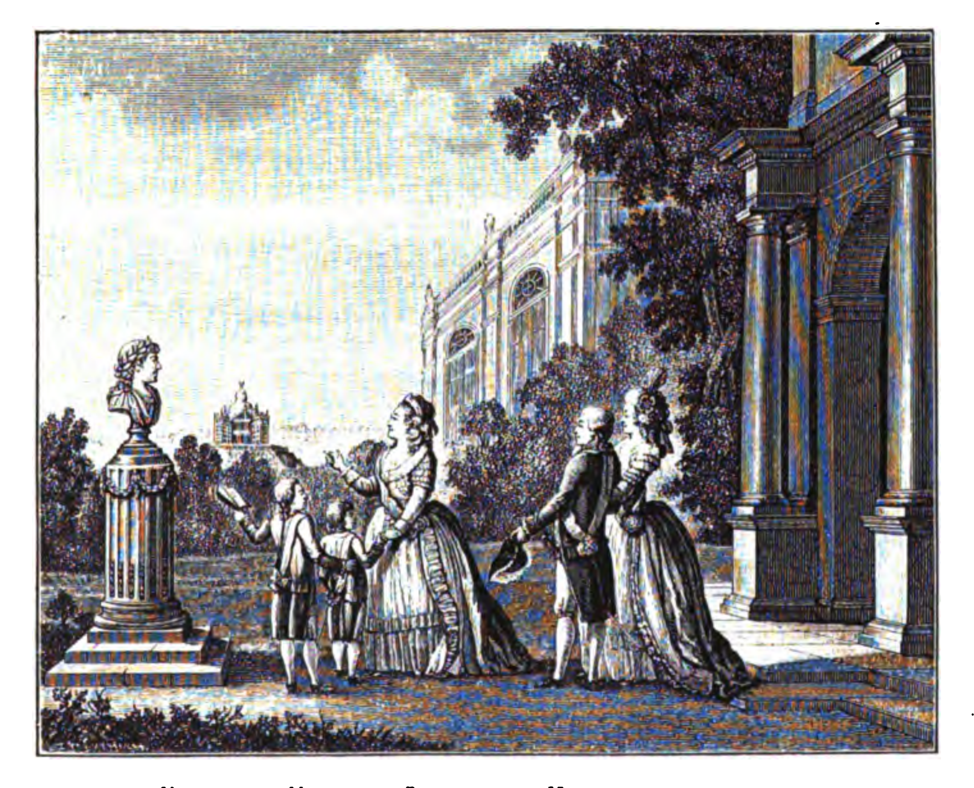
ЕРВАЯ четверть XIX столѣтія обыкновенно называется въ русской исторіи Александровской эпохой, и совершенно справедливо, потому что Александръ I своими преобразованіями и проектами еще болѣе коренныхъ перемѣнъ, дружбой и борьбой съ Наполеономъ, наконецъ, реакціей своихъ послѣднихъ лѣтъ наложилъ такую неизгладимую печать на это двадцатипятилѣтіе русской жизни, что оно неразрывно связано съ его именемъ, какъ Петровская эпоха—съ Петромъ, Екатерининская—съ Екатериной, Николаевская—съ Николаемъ и эпоха реформъ Александра II—съ царемъ-освободителемъ. Но ни одна изъ этихъ эпохъ послѣ Петра не имѣетъ такого романическаго, такого эпическаго интереса, какъ Александровская, и притомъ намъ особенно близко, особенно дорого то, что дѣлалось на зарѣ нашего вѣка, полной благородныхъ, возвышенныхъ идеаловъ, потому ли, что еще сохраняются въ памяти изустные разсказы стариковъ, для которыхъ Александръ былъ кумиромъ, или благодаря рѣзко оттѣняющимъ его время четырехлѣтію Павла и тридцатилѣтію Николая. Во всякомъ случаѣ, Александровская эпоха, со всѣми ея тонами свѣтотѣни, съ ея стремленіями къ свободѣ и аракчеевщиной, съ народною войной и священнымъ союзомъ, съ «человѣкомъ на тронѣ», по словамъ поэта, и мрачной мистической пропагандой идей г-жи Криденеръ, представляетъ поразительную, патетическую картину, которая тѣмъ любопытнѣе, что

[1]) Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе, Н. К. Шильдера. Съ 450 иллюстраціями. Томъ первый. Изд. А. Суворина. 1897 г. Цѣна за четыре тома по подпискѣ 30 р.

ея центральная фигура долго оставалась неразгаданнымъ, таинственнымъ сфинксомъ. Только въ послѣднее время начинаетъ выясняться настоящій характеръ Александра I, именно, его двойственность, чтобъ не сказать — двуличность, которая составляла основу всѣхъ его мыслей, всѣхъ его дѣйствій, благодаря условіямъ, при которыхъ развился его впечатлительный увлекающійся умъ, а потому очень кстати появляется подробная, обстоятельная его біографія, составленная Н. К. Шильдеромъ, съ помощью которой можно документально, графически возсоздать сложную, противорѣчащую себѣ на каждомъ шагу, но всегда остающуюся вѣрной своей двойственности, личность внука Екатерины и сына Павла, воспитанника Лагарпа и Гатчинской кордегардіи, друга Чарторыжскаго и Аракчеева, союзника и врага Наполеона, возстановителя польской конституціи и слѣпого орудія Метерниховской реакціи.

Хотя много писано объ Александрѣ и его времени на русскомъ и иностранномъ языкахъ, но до настоящаго времени не было удовлетворительной исторіи его эпохи, или даже его біографіи, такъ какъ не удовлетворяютъ самымъ скромнымъ требованіямъ сочиненія Богдановича, Соловьева, Греча, Глинки, Шнитцлера, Шторха, Егрона, Раббе и др. Болѣе значенія имѣютъ отдѣльныя изслѣдованія Пыпина, Татищева, Вандаля и т. д., собраніе матеріаловъ, напечатанныхъ въ различныхъ томахъ Сборника Импер. Русск. Истор. Общества, разбросанныя въ историческихъ журналахъ статьи и воспоминанія о томъ или другомъ эпизодѣ Александровскаго времени и, наконецъ, очень содержательный біографическій очеркъ Н. К. Шильдера, помѣщенный въ первомъ томѣ Русскаго Біографическаго Словаря, на основаніи не только всѣхъ печатныхъ матеріаловъ, но и документовъ изъ архивовъ государственнаго, министерства иностранныхъ дѣлъ и военно-ученаго. Этотъ очеркъ составляетъ первую попытку свести въ одно цѣлое старые, извѣстные факты и новыя, невѣдомыя данныя, разобраться въ массѣ накопившагося у насъ и за границей матеріала, провести въ этомъ лабиринтѣ разнообразныхъ, часто противорѣчивыхъ, свѣдѣній путеводную нить и пролить яркій свѣтъ на всѣ доселѣ темныя, неразгаданныя стороны какъ характера, такъ и государственной жизни того, кого современники называли и сфинксомъ и прельстителемъ. Нельзя не отдать справедливости почтенному автору, уже извѣстному ранѣе своими историческими изслѣдованіями, помѣщавшимися въ Русскомъ Вѣстникѣ, Вѣстникѣ Европы, Историческомъ Вѣстникѣ, Русской Старинѣ и т. д., что онъ очень добросовѣстно, основательно и съ полнымъ знаніемъ дѣла разрѣшилъ поставленную себѣ задачу, но условія работы въ біографическомъ словарѣ, издаваемомъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, А. А. Половцева, и опредѣленныя, узкія ея рамки по необходимости сжали, ограничили, урѣзали его трудъ. Ему недоста-

вало простора, чтобъ подѣлиться съ читателями всѣмъ богатымъ матеріаломъ, собраннымъ въ теченіе многихъ лѣтъ кропотливаго, усидчиваго, кабинетнаго и архивнаго труда, недоставало полной свободы, чтобъ развернуть свои сокровища, размѣстить ихъ, какъ слѣдуетъ, составить изъ нихъ общую картину и освѣтить ихъ должнымъ свѣтомъ. Теперь всѣ эти условія онъ нашелъ, и его новый трудъ, въ четырехъ большихъ томахъ in quarto, обѣщаетъ представить

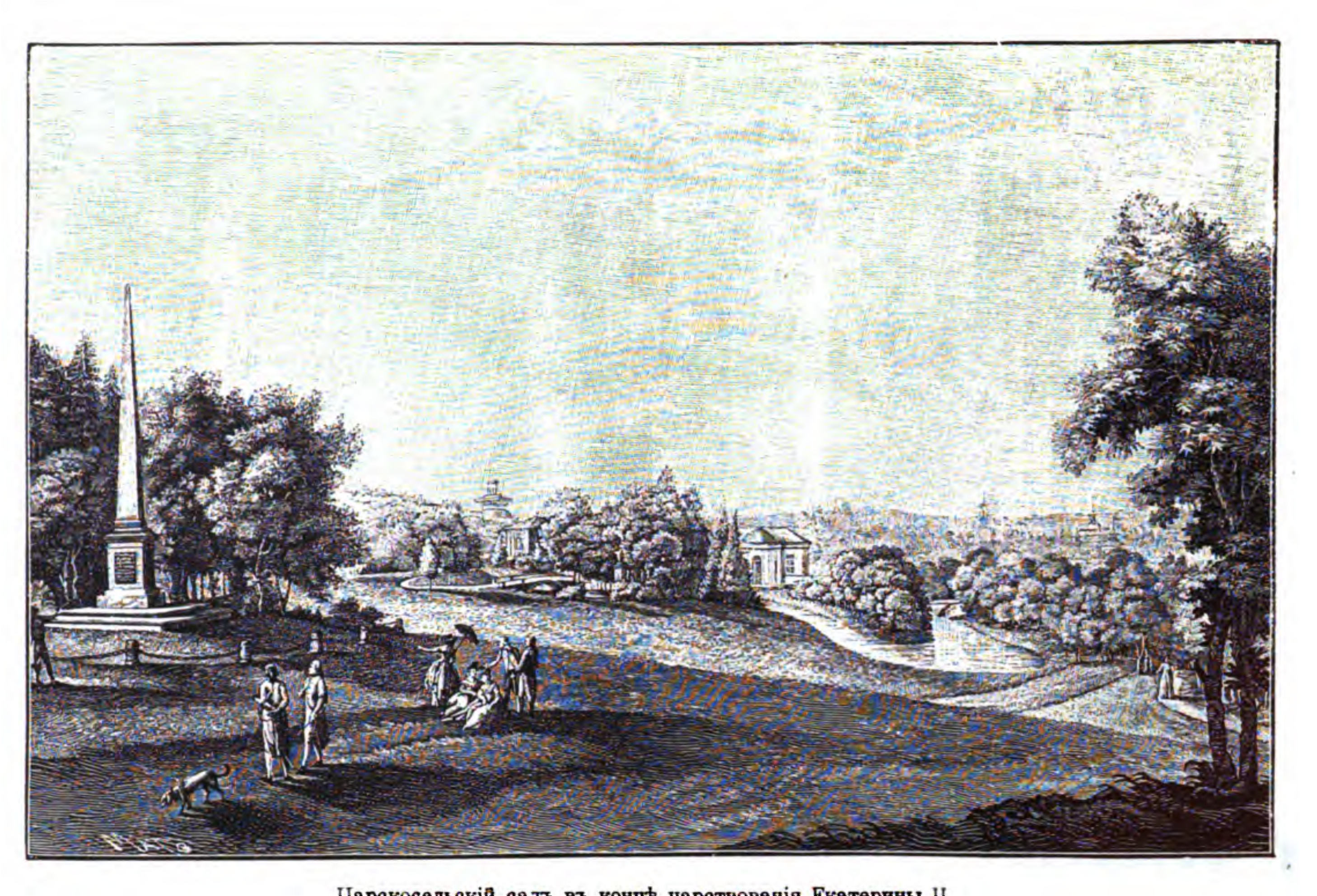
Екатерина II съ семействомъ въ Царскосельскомъ саду.
Съ гравюры Бергера, сдѣланной по рисунку съ натуры Антинга.

ту полную, обстоятельную біографію Александра I, въ которой ощущался такой недостатокъ.

Хотя вышелъ только первый томъ этой почтенной исторической работы, и еще нельзя судить объ ея общемъ значеніи, но по тому, что намъ даетъ первый томъ, уже можно опредѣлить, какія требованія имѣютъ право предъявить къ автору читатели, и насколько эти требованія будутъ удовлетворены. Если искать въ трудѣ Н. К. Шильдера безусловнаго, послѣдняго слова исторической науки, глубокихъ обобщеній Бокля, психологическаго анализа Тэна или кар-

тинности Маколея, то, конечно, насъ ожидаетъ разочарованіе, но если отъ этой біографіи Александра I, не имѣющей претензіи быть исторіей александровской эпохи, мы будемъ ждать 1) систематичнаго свода всѣхъ свѣдѣній объ Александрѣ, которыя имѣются въ печатныхъ матеріалахъ, и доступныхъ при настоящихъ условіяхъ архивныхъ данныхъ, 2) обстоятельнаго, подробнаго, легко читающагося, объективнаго разсказа о его жизни и царствованіи, и 3) добросовѣстной группировки всѣхъ чертъ характера Александра, какъ государя и человѣка,—то мы нимало не обманемся, и въ этихъ отношеніяхъ можно смѣло назвать книгу Н. К. Шильдера послѣднимъ словомъ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, первый томъ, посвященный дѣтству и молодости Александра до его воцаренія, и таковы, конечно, будутъ остальные три тома, обнимающіе времена преобразованій, борьбы съ Наполеономъ и реакціи.

Громадный интересъ подобному труду придаетъ роскошное, изящное изданіе «Александра I, его жизни и царствованія», къ чему мы не пріучены въ русскихъ историческихъ сочиненіяхъ. Не только эта книга не оставляетъ ничего желать лучшаго въ типографскомъ отношеніи, но по своимъ многочисленнымъ, великолѣпнымъ иллюстраціямъ, знакомящимъ насъ съ портретами историческихъ дѣятелей, видами историческихъ мѣстностей, замѣчательными историческими моментами, бытовыми картинами, и т. д., она является альбомомъ, дополняющимъ сознаніе мысли впечатлѣніемъ глаза. При этомъ надо отдать справедливость, что всѣ картины и рисунки мастерски подобраны, по ихъ историческому значенію и интересу; почти всѣ они составляютъ точное художественное воспроизведеніе хромолитографіей, ксилографіей, фототипіей и т. д. подлинныхъ произведеній художниковъ и гра веровъ александровскаго времени изъ рѣдкой коллекціи гравюръ П. Я. Дашкова, который любезно предоставилъ ихъ въ распоряженіе издателя. Такимъ образомъ къ первому тому приложено 6 портретовъ Александра, 6—Екатерины, 4—великаго князя Константина Павловича, 3—императора Павла, 2—императрицы Маріи Θеодоровны, Лагарпа, Радищева, Новикова, Салтыкова, Кочубея и т. д., виды Царскаго Села, Александровой дачи, Гатчины, Михайловскаго дворца и Павловска, типы гатчинскихъ войскъ, а всего 90 иллюстрацій и 8 автографовъ Александра, Екатерины II, Павла, Ростопчина, Кутайсова и Салтыкова. Нѣкоторые изъ этихъ любопытныхъ рисунковъ, подходящихъ своимъ форматомъ къ формату «Истор. Вѣстника», мы заимствуемъ для нашей статьи, и въ особенности между ними замѣчателенъ принадлежащій П. Я. Дашкову рѣдкій портретъ Александра I, недоконченный этюдъ съ натуры знаменитаго художника Доу, смотря на который можно лучше, по выраженію глазъ Александра, усвоить себѣ двойственность его натуры, чѣмъ читая сотню самыхъ краснорѣчивыхъ его характеристикъ.

Царскосельскій садъ въ концѣ царствованія Екатерины II.

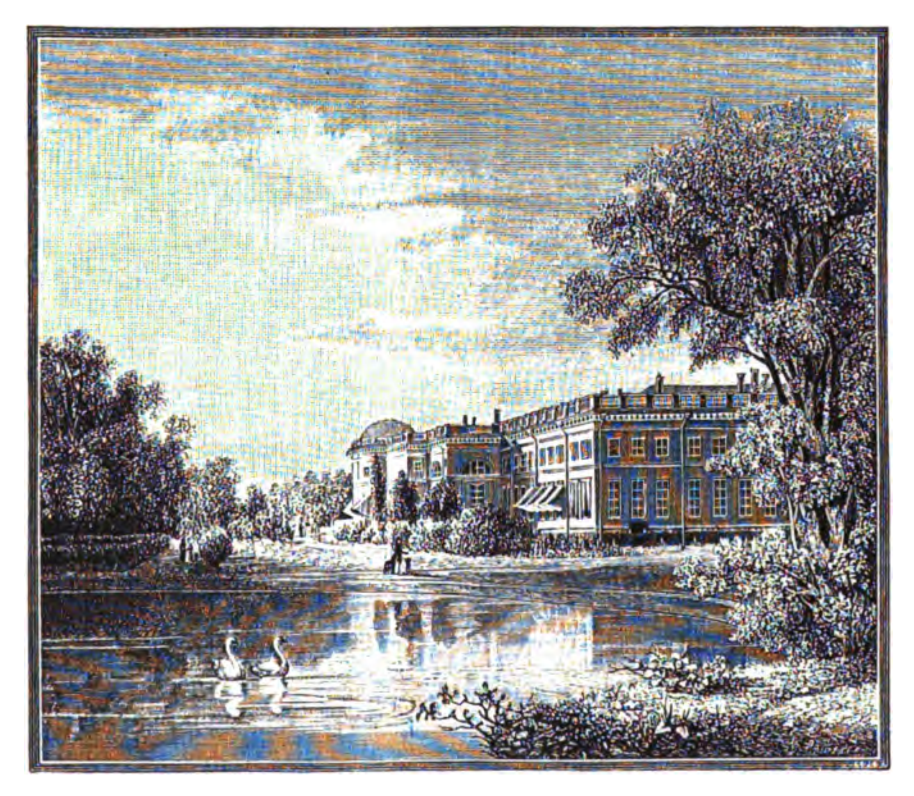
Съ рѣдкой акватинты Мейера. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Опредѣливъ общее значеніе новой біографіи Александра I, составляющей одно изъ выдающихся явленій современной русской исторіографіи, постараемся набросать хоть бѣглыми штрихами картинку пролога александровской эпохи, на основаніи богатаго матеріала, представляемаго первымъ томомъ труда Н. К. Шильдера. Прежде всего мы посмотримъ, какъ воспитывала внука бабушка, и какъ вліялъ на него отецъ, затѣмъ представимъ очеркъ юности Александра, при дворѣ Екатерины и въ царствованіе Павла, наконецъ, по мѣрѣ возможности, подмѣтимъ главныя черты Павловской тяжелой, роковой годины, о которой Н. К. Шильдеръ, въ особомъ обширномъ добавленіи къ первому тому, даетъ намъ новые, неизданные документы на русскомъ и французскомъ языкахъ, именно, письма и рескрипты Павла къ Палену, Салтыкову, Кушелеву, Бенкендорфу и др., донесенія генерала Спренгпортена во время его поѣздки въ Парижъ въ 1800 г., депеши прусскаго посланника графа Тауенциха, представителя саксонскаго курфирста, Фелькерзама, совѣтника прусскаго посольства, Вегенера, чрезвычайнаго прусскаго посла, графа Брюля, прусскихъ посланниковъ, генерала Гребена и графа Лузи, прусскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, Вегелина, австрійскаго дипломатическаго агента, Локателли, и австрійскаго консула, Віаецолли, а также камерфурьерскій журналъ о пребываніи императора Павла въ Михайловскомъ замкѣ съ 1 февраля по день его смерти, 12 марта 1801 г.

I.

«Я бьюсь объ закладъ, что вы не знаете того господина Александра, о которомъ я буду вамъ говорить. Это вовсе не Александръ Великій, а очень маленькій Александръ, который родился 12-го декабря, въ десять и три четверти часа утра». Вотъ, въ какихъ веселыхъ выраженіяхъ заявляла Екатерина своему постоянному собесѣднику на письмѣ, Гримму, о рожденіи ея старшаго внука, сто двадцать лѣтъ тому назадъ, и вообще ея переписка съ Гриммомъ служитъ богатымъ источникомъ свѣдѣній о дѣтствѣ Александра. Съ самаго начала бабка признала въ внукѣ продолжателя своего славнаго царствованія и рѣшила сама подготовить себѣ достойнаго наслѣдника, а потому, считая его родителей неспособными къ этому дѣлу, она сосредоточила въ своихъ рукахъ его воспитаніе физическое, нравственное и умственное, при чемъ, по мѣткому выраженію Гримма, обнаружила рѣдкія достоинства «Normal-Schulmeisterin». Какъ только родился ребенокъ, Екатерина взяла его на руки, вынесла въ другую комнату, положила на большую подушку и не дозволила крѣпко пеленать, какъ было принято въ то время; потомъ она строго наблюдала, чтобъ его не качали и не кутали, чтобъ въ его комнатѣ воздухъ былъ чистый, чтобъ его купали въ комнатной водѣ по нѣсколько разъ въ день, выносили, какъ можно чаще, на

воздухъ, и вообще установила самый раціональный порядокъ физическаго ухода за ребенкомъ, который, по ея словамъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, сдѣлался «большимъ, полнымъ, здоровымъ и очень веселымъ мальчуганомъ, не боящимся простуды и почти никогда не кричащимъ». А когда ему уже пошелъ второй годъ, то она писала все тому же Гримму: «что касается воспитанія будущаго вѣнценосца, то я намѣрена держаться неизмѣнно одного плана и вести дѣло, по возможности, проще; теперь ухаживаютъ за его тѣломъ,

Александровскій дворецъ въ Царскомъ Селѣ.

Съ гравюры Врандарда.

не стѣсняя его ни швами, ни тепломъ, ни холодомъ и устраняя всякое принужденіе. Онъ дѣлаетъ, что хочетъ; но у него отнимаютъ куклу, если онъ дурно съ нею обращается; за то, такъ какъ онъ всегда веселъ, то исполняетъ все, что отъ него требуютъ; онъ вполнѣ здоровъ, силенъ, крѣпокъ и голъ; онъ начинаетъ ходить и говорить». О кормилицѣ великаго князя извѣстно только, что ее звали Авдотьей Петровой, и что она была женой «молодца солдата», но о его нянѣ какъ сама Екатерина, такъ и Лагарпъ отзываются съ

большими похвалами: она была англичанка, Прасковья Иванова Гесслеръ, женщина рѣдкихъ качествъ, научившая своего питомца хорошимъ привычкамъ, порядку, простотѣ и опрятности. Въ 1779 году родился великій князь Константинъ и былъ подвергнутъ бабкой тому же методу воспитанія, какъ его братъ, съ которымъ они вмѣстѣ росли, развивались, играли. Много интересныхъ чертъ этого образцоваго воспитанія собрано у г. Шильдера изъ переписки Екатерины, которая заботливо слѣдила за каждымъ шагомъ развитія своего любимаго внука, постоянно разговаривала съ нимъ, всячески удовлетворяла его любознательности, а когда настало время для ученія, то написала для него азбуку и затѣмъ цѣлую библіотеку, названную ею Александро-Константиновскою, въ которую вошла впослѣдствіи составленная ею «Россійская исторія». За то маленькій Александръ обожалъ ее, и для него не было болѣе дорогаго слова, какъ «бабушка», и никому онъ такъ не вѣрилъ, какъ ей. Такъ мирно, счастливо развивался ребенокъ до 7 лѣтъ, когда умерла его первая воспитательница, Софья Ивановна Бенкендорфъ, жена ревельскаго коменданта, и Екатерина рѣшила, что «время отнять женскій присмотръ».

Теперь началась вторая эпоха воспитанія внуковъ, и главный надзоръ надъ ними былъ порученъ генералъ-аншефу Николаю Ивановичу Салтыкову, очень ловкому, но ограниченному царедворцу, который былъ избранъ Екатериной за его искусство лавировать между нею и Павломъ, а также за «добронравное поведеніе, здравый разсудокъ и честность»; но въ сущности онъ былъ лишь ширмой, за которой скрывалась сама державная воспитательница, и если иностранцы издѣваются надъ нимъ, какъ надъ самымъ плохимъ педагогомъ, заботившимся лишь о томъ, чтобъ предохранить великихъ князей отъ сквознаго вѣтра и засоренія желудка, то Екатерина была очень довольна этимъ слѣпымъ, безусловно вѣрнымъ орудіемъ своей воли. Въ чемъ же состояла эта воля относительно воспитанія внуковъ, она совершенно ясно выразила въ подробномъ наставленіи, собственноручно написанномъ ею въ 1784 году, и которымъ она очень гордилась, называя его въ письмахъ къ Гримму «прекраснымъ». Это наставленіе главнымъ образомъ имѣло въ виду нравственное и физическое развитіе, а умственному элементу отводилось менѣе видное мѣсто, хотя и въ этомъ отношеніи она высказываетъ здравыя мысли относительно необходимости, какъ можно лучше, знать великимъ князьямъ русское письмо и языкъ, а также имѣть понятіе объ исторіи, географіи и законахъ Россіи. Однако вскорѣ Екатерина убѣдилась, что съ однимъ Салтыковымъ и хорошими учителями, среди которыхъ былъ знаменитый Палласъ по «натуральной исторіи», дѣло воспитанія внуковъ не пойдетъ такъ, какъ она желала, и стала пріискивать способнаго примѣнителя ея гуманныхъ, педагогическихъ идей. Случай ей помогъ, и она остановилась на Лагарпѣ. Этотъ

образованный, высокочестный швейцарецъ, пропитанный либеральными идеями XVIII вѣка, былъ выбранъ Гриммомъ, по просьбѣ императрицы, для сопутствія въ заграничномъ путешествіи брату екатерининскаго фаворита, Ланскаго, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Екатерина сразу оцѣнила его рѣдкія достоинства и сначала приставила его къ Александру, чтобъ говорить съ

Великій князь Александръ Павловичъ въ юности.

Съ портрета Лампи.

нимъ пофранцузски, а когда Лагарпъ написалъ подробную записку о воспитаніи великихъ князей, то она одобрила высказанныя имъ педагогическія мысли, служившія какъ бы дополненіемъ ея «наставленія», и Лагарпъ былъ назначенъ наставникомъ того, въ которомъ она уже видѣла своего наслѣдника.

Но какой же планъ воспитанія предложилъ этотъ швейцарскій гражданинъ? Онъ прямо говоритъ: «будущій правитель не долженъ

быть ни физикомъ, ни натуралистомъ, ни математикомъ, ни географомъ, ни филологомъ, ни юристомъ, и такъ далѣе, но долженъ быть честнымъ человѣкомъ и просвѣщеннымъ гражданиномъ и знать преподаваемые ему предметы настолько, чтобъ понимать ихъ настоящую цѣну, и имѣть ясное сознаніе обязанностей, лежащихъ на монархѣ, въ рукахъ котораго счастіе и несчастіе милліоновъ. А какая наука можетъ развить гражданское чувство болѣе исторіи? Но надобно направить ея изученіе такимъ образомъ, чтобъ будущій правитель не могъ почерпнуть въ немъ вредныя начала. Не слѣдуетъ никогда забывать, что Александръ Македонскій, одаренный прекраснымъ геніемъ и блестящими качествами, опустошилъ Азію и совершилъ столько ужасовъ единственно изъ желанія подражать героямъ Гомера, подобно тому какъ Юлій Цезарь изъ подражанія этому самому Александру Македонскому совершилъ преступленіе, сокрушивъ свободу своего отечества... Еще необходимѣе будущему правителю своевременно ознакомиться съ началами, на которыхъ основаны правильно устроенныя человѣческія общества. Онъ увидитъ, что когда-то, по крайней мѣрѣ, существовало между людьми равенство, и если обстоятельства съ тѣхъ поръ измѣнились, то это отнюдь не случилось съ цѣлью предоставить человѣчество со связанными ногами и руками прихотямъ одного человѣка, и что существовали самодержавные государи настолько великодушные и правдивые, чтобы всенародно объявить своимъ подданнымъ: «мы за славу себѣ почитаемъ сказать, что мы сотворены для нашихъ народовъ». Если Екатерина выбрала этого человѣка въ воспитатели своего внука послѣ такой откровенной педагогической исповѣди, то Лагарпъ имѣлъ полное право сказать впослѣдствіи въ своихъ запискахъ: «лишь Екатерина II могла пожелать, чтобъ ея внуки были воспитаны, какъ люди». Естественно, что всѣ друзья старины, съ ея предразсудками, не были довольны подобнымъ выборомъ, и Вигель въ своихъ мемуарахъ прямо называетъ порученіе Лагарпу воспитывать Александра одною изъ величайшихъ ошибокъ Екатерины, но другой столь же консервативно настроенный противникъ Лагарпа, А. С. Стурдза, называетъ его все-таки Аристотелемъ новѣйшаго Александра и признаетъ, что онъ внѣдрилъ въ сердце своего воспитанника религіозное уваженіе къ человѣческому достоинству, незамѣнимое качество, по его словамъ, для самодержца. Екатерина, какъ извѣстно, никогда не раскаивалась въ своемъ выборѣ, не смотря на впослѣдствіи измѣнившіяся ея мнѣнія насчетъ политическихъ вопросовъ, а самъ Александръ, во всю жизнь, откровенно говорилъ, что онъ всѣмъ обязанъ Лагарпу. «Всѣмъ, что я знаю, и всѣмъ, что я, можетъ быть, стою, я обязанъ Лагарпу»,— говорилъ онъ прусскому королю въ 1814 году, а князь Чарторыйскій пишетъ въ своихъ мемуарахъ, что еще въ 1796 году Александръ признавался ему,

что онъ обязанъ Лагарпу всѣмъ, что въ немъ хорошаго, а главное «началами правды и справедливости, которыя онъ имѣетъ счастіе носить въ своемъ сердцѣ, куда внѣдрилъ ихъ его наставникъ». Въ виду такого свидѣтельства самого ученика приходится признать, что наставникъ не училъ «львенка вить гнѣзда», какъ увѣрялъ Крыловъ въ своей баснѣ «Воспитаніе льва».

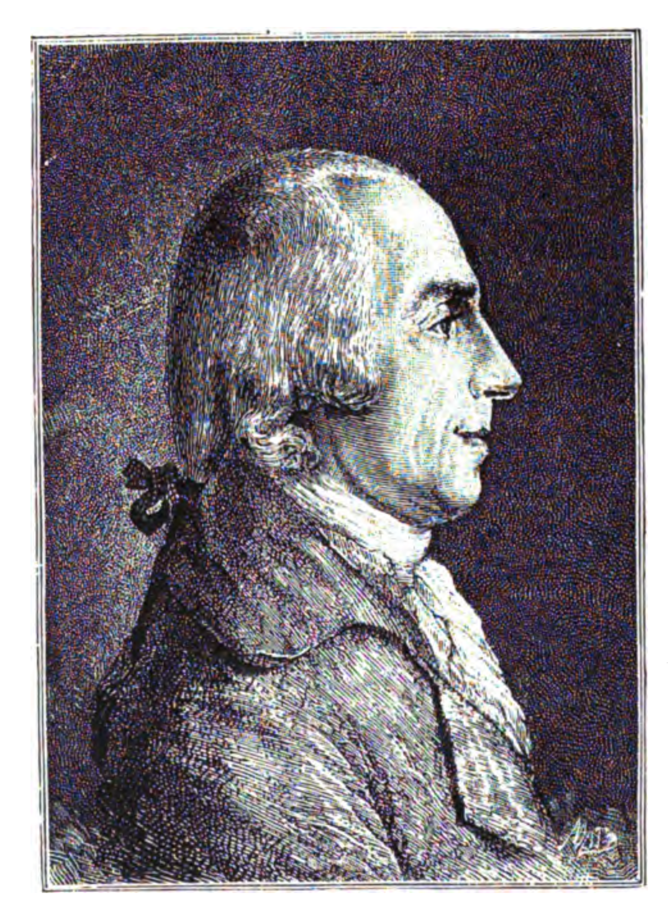
Кромѣ достойнаго свѣтскаго наставника, который заботился только о томъ, чтобъ, по словамъ поэта, его воспитанникъ «былъ на тронѣ человѣкомъ», Екатерина пріискала своему внуку такого духовнаго наставника, который училъ великаго князя «находить во всякомъ человѣческомъ состояніи своего ближняго, тогда никого не обидите, и тогда исполнится законъ Божій». Это былъ почтенный протоіерей, Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій, и хотя не только современники, но и послѣдующіе историки обвиняли Самборскаго въ томъ, что онъ не воспиталъ своего питомца въ болѣе строго православномъ духѣ, и даже самъ Александръ впослѣдствіи говорилъ: «я былъ, какъ всѣ мои современники, не набоженъ», но Н. К. Шильдеръ вполнѣ правъ, говоря, что нелицепріятный судъ исторіи долженъ признать, что высоко гуманный и пропитанный истинно христіанскимъ духомъ Самборскій стоялъ на высотѣ своего призванія быть духовнымъ наставникомъ будущаго самодержца, и что вопросъ остается еще открытымъ, была ли впослѣдствіи пріобрѣтенная Александромъ мистическая набожность полезнѣе государству душевнаго настроенія его юношескихъ лѣтъ.

Если въ чемъ ошиблась Екатерина при избраніи лицъ, приставленныхъ къ Александру, то это въ выборѣ помощникомъ Салтыкову генералъ-маіора Александра Яковлевича Протасова. Этотъ ограниченный человѣкъ, а, по свидѣтельству Масона, преподававшаго великимъ князьямъ математику, «вполнѣ глупый, нелѣпый ханжа», хотя честный и добронамѣренный, во всемъ противорѣчилъ Лагарпу и не только старался внушить Александру узкія дворянскія, крѣпостническія идеи, но всячески заботился о сближеніи его съ Павломъ и гатчинскими порядками. Хотя ему не удалось достигнуть первой цѣли, и Лагарпъ всецѣло царилъ въ сердцѣ своего воспитанника, но въ сѣменахъ, посѣянныхъ Протасовымъ, нельзя не видѣть первыхъ задатковъ двойственности Александра, а старанія Протасова сблизить его съ гатчинской кордегардіей впослѣдствіи увѣнчались успѣхомъ и еще болѣе содѣйствовали развитію рокового чувства двойственности. Непонятно въ этомъ случаѣ ослѣпленіе Екатерины, которая была очень расположена къ Протасову и считала его добросовѣстнымъ, усерднымъ исполнителемъ ея идей насчетъ воспитанія внука; тѣмъ болѣе кажется страннымъ этотъ фактъ, что она постоянно опасалась вліянія Гатчины, гдѣ жилъ Павелъ съ женой, на продолжателя своего царствованія и прямо писала Гримму, что боится для господина Александра лишь

одного, чтобъ родители не задержали его успѣховъ. Какъ бы то ни было, только Протасовъ, о которомъ даже его же единомышленникъ, Ф. П. Ростопчинъ, говоритъ: «онъ добрый и честный человѣкъ, но не способенъ воспитывать будущаго наслѣдника престола», былъ пятномъ среди свѣтлыхъ личностей, заботившихся о нравственномъ и умственномъ развитіи внука Екатерины, такъ какъ Салтыковъ былъ лишь декораціей и ни во что не вмѣшивался.

Дѣло воспитанія шло успѣшно, и когда Александру минуло 13 лѣтъ, то Екатерина писала Гримму: «господинъ Александръ тѣлесно, сердечно и умственно представляетъ образецъ красоты, доброты и смышлености. Онъ живъ и основателенъ, скоръ и разсудителенъ, мысль его глубока, и онъ съ необыкновенною ловкостью дѣлаетъ всякое дѣло, какъ будто всю жизнь имъ занимался... Онъ очень свѣдущъ для своихъ лѣтъ: говоритъ на четырехъ языкахъ, хорошо знакомъ съ исторіей всѣхъ странъ, любитъ чтеніе и никогда не бываетъ празденъ. Всѣ имъ довольны, и я—также, а воспитатель его Лагарпъ находитъ, что онъ личность замѣчательная». Однако въ этомъ же письмѣ она замѣчаетъ: «мальчикъ соединяетъ въ себѣ множество противоположностей, отчего чрезвычайно любимъ окружающими... Когда съ нимъ я заговорю о чемъ нибудь дѣльномъ, онъ — весь вниманіе, слушаетъ и отвѣчаетъ съ одинаковымъ удовольствіемъ, а заставлю я его играть въ жмурки, онъ и на это готовъ». Болѣе рѣзко выражается воспитатель великаго князя Константина Павловича, Остенъ-Сакенъ, по словамъ котораго Александръ «былъ нѣженъ, скроменъ, очень уменъ, съ большимъ тактомъ, но скрытенъ». Такимъ образомъ рядомъ съ хорошими качествами начали развиваться въ юномъ сердцѣ будущаго императора двуличность, скрытность и недовѣріе къ людямъ, которыя, по словамъ Шильдера, преслѣдовали его затѣмъ въ продолженіе всей его жизни. Находясь между бабкой и Лагарпомъ, съ одной стороны, а родителями и Протасовымъ, съ другой, онъ рано пріучился хитрить, скрытничать, притворяться, играть въ двойную игру, тѣмъ болѣе, что его съ годами все болѣе и болѣе манило въ Гатчину, гдѣ съ нимъ обращались, какъ съ княземъ, а при большомъ дворѣ его баловали, но считали за ребенка. Къ тому же, юношѣ просто нравилось играть въ солдатики, чѣмъ только занимались при маломъ дворѣ, но это пристрастіе къ парадоманіи, оставшись на всю жизнь отличительною чертой Александра, противорѣчило ученью Лагарпа и желаніямъ Екатерины, а потому приходилось скрывать и лицемѣрить. Но эти задатки двойственности ускользали отъ Екатерины, которая не терпѣла двоедушія, и она объяснила эти недостатки, вкоренявшіеся въ юномъ сердцѣ любимаго внука, милымъ, добрымъ желаніемъ всѣмъ угодить. Но ее, напротивъ, очень безпокоила быстро развивавшаяся красота мальчика, и, боясь, чтобъ онъ не подвергся всѣмъ соблазнамъ придворной жизни, она рѣшила

его женить до окончанія его воспитанія, именно, въ пятнадцать лѣтъ. Юноша подчинился желанію бабки, и когда послѣдняя выписала въ Петербургъ двухъ молоденькихъ принцессъ Баденскихъ, то онъ послушно влюбился въ старшую, имѣвшую только четырнадцать лѣтъ. Въ это время, по общему голосу всѣхъ современниковъ, это былъ прелестный красавецъ, настоящій Аполлонъ Бельве-

Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ.
Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія.

дерскій, съ чудными, голубыми глазами и обворожительною улыбкой. Будущая императрица Елисавета Алексѣевна была также очень хороша собой. «Я обручила сегодня моихъ двухъ ангелочковъ», писала Екатерина въ январѣ 1793 г., а въ декабрѣ уже совершилась свадьба психеи и амура, по выраженію царственной бабки. «Весьма боюсь,—замѣчалъ въ письмѣ къ Воронцову Ф. В. Ростоп-

чинъ,—чтобъ женитьба не повредила великому князю; онъ такъ молодъ».

Дѣйствительно, шестнадцатилѣтнему мужу красавицы было не до уроковъ и наставниковъ. Хотя все шло постарому, и занятія съ Лагарпомъ продолжались; но Александръ, естественно, съ одной стороны, началъ вести веселую жизнь среди безконечныхъ придворныхъ праздниковъ, а съ другой, сталъ все болѣе и болѣе увлекаться экзерциціями гатчинскихъ войскъ, у которыхъ уже «учился,—какъ онъ самъ говорилъ, — уму разуму понашему, погатчински». Естественно, что это «ученье уму-разуму» прямо противорѣчило тому, что Александръ привыкъ слышать отъ Екатерины и Лагарпа; не только онъ заражался духомъ прусскаго капральства, царившаго въ Гатчинѣ, но отецъ рѣзко осуждалъ все, что дѣлала бабка, съ неудовольствіемъ возставалъ на свободомысліе сына и старался всячески искоренить изъ ума юноши идеи Лагарпа, котораго онъ ненавидѣлъ и не называлъ иначе, какъ якобинцемъ, а въ то же время Александру было извѣстно, что Екатерина говорила Лагарпу: «будьте якобинцемъ, республиканцемъ, чѣмъ угодно; я вижу, что вы честный человѣкъ, и этого мнѣ довольно. Оставайтесь при моихъ внукахъ, пользуясь полнымъ моимъ довѣріемъ, и продолжайте заботиться о нихъ съ свойственнымъ вамъ усердіемъ». Естественно, что при такихъ обстоятельствахъ двойственность характера у впечатлительнаго юноши росла и множилась, тѣмъ болѣе, что сама бабка, хотя и писала: «великіе умы чужды двоедушія, они презираютъ связанныя съ этимъ низости», но безсознательно сама наталкивала его на путь двоедушія, такъ какъ она въ это самое время читала съ нимъ французскую конституцію, объясняла ему всѣ ея статьи, толковала причины революціи 1789 г. и вмѣстѣ съ тѣмъ просила не говорить объ этомъ никому. «Такое поведеніе,—замѣчаетъ французскій повѣренный въ дѣлахъ Женэ въ своей депешѣ,—доказываетъ, что въ глубинѣ своего сердца Екатерина, какъ литераторъ и философъ, одобряетъ наши новыя учрежденія, но, какъ государь и политическій дѣятель, считаетъ нужнымъ заявлять свою вражду противъ нихъ». Такъ, вѣроятно, понималъ политическіе уроки бабки и ея любимый внукъ, но это, конечно, не могло утверждать въ немъ чувства искренности и прямоты.

Уже давно Екатерина задумала планъ объ устраненіи отъ престола Павла и назначеніи своимъ наслѣдникомъ Александра, и уже въ 1791 г. она опредѣленно говоритъ объ этомъ въ письмахъ къ Гримму, но замѣчаетъ при этомъ: «торопиться нечего, прежде поженимъ его, а тамъ современемъ и коронуемъ его со всевозможными церемоніями». Но теперь, видя, что послѣ свадьбы вліяніе гатчинской кордегардіи усиливается, она рѣшила, что наступило удобное время дѣйствовать, и 18 октября позвала къ себѣ Лагарпа, чтобъ сообщить ему о своемъ намѣреніи измѣнить порядокъ престолона-

слѣдія. «Но, по словамъ г. Шильдера, честный, неподкупный республиканецъ не былъ расположенъ играть предназначенной ему роли, какъ онъ пишетъ, въ дѣлѣ избавленія Россіи отъ будущаго Тиверія; мало того, онъ былъ даже возмущенъ до глубины души предстоявшей насильственной мѣрой». Два часа говорила съ нимъ императрица о разныхъ предметахъ, касалась будущности Россіи и дала ему понять, не высказывая прямо, настоящую цѣль свиданія. Догадавшись, въ чемъ дѣло, онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать государынѣ открыть ему задуманный планъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонить отъ нея всякое подозрѣніе, что онъ проникъ въ ея тайну. Ему удалось и то, и другое. Но когда Екатерина поняла, что Лагарпъ не только не расположенъ помочь ей въ этомъ дѣлѣ, уговоривъ своего воспитанника пойти противъ отца, но, напротивъ, можетъ противодѣйствовать ея плану и нравственно повліять на Александра въ противоположномъ направленіи, то она прибѣгла къ крутой мѣрѣ и его неожиданно уволила въ отставку, въ октябрѣ 1794 г., подъ тѣмъ предлогомъ, что Александръ вступилъ въ бракъ, и пора кончить его воспитаніе. Юноша, узнавъ объ этомъ, бросился со слезами на шею къ своему наставнику, говоря: «насъ хотятъ разлучить, потому что знаютъ всю мою привязанность, все мое довѣріе къ вамъ». Но Протасовъ, еще остававшійся при Александрѣ, замѣчаетъ въ письмѣ къ гр. Воронцову: «великій князь сдѣлалъ кое-какія демонстраціи, чтобъ удержать Лагарпа, но въ виду того, какъ онъ говорилъ со мной объ этомъ, я заключаю что онъ въ глубинѣ своей души не сожалѣетъ о случившемся». Подобный фактъ былъ бы немыслимъ, еслибъ его не объясняла все болѣе и болѣе развивавшаяся двойственность его характера. Когда же Лагарпъ, дѣйствительно, уѣхалъ 9 мая 1795 года, предварительно помирившись съ Павломъ, который не говорилъ съ нимъ много лѣтъ, и котораго онъ просилъ оказывать полное довѣріе сыновьямъ, то Александръ горячо распространялся въ своей любви къ старому наставнику и написалъ ему: «вы одинъ понимаете, какое я чувствую огорченіе, оставаясь одинъ при этомъ дворѣ, который я ненавижу, и предназначенный къ положенію, одна мысль о коемъ заставляетъ меня содрогаться... Помните, что вы оставляете здѣсь человѣка, который вамъ преданъ, который не въ состояніи выразить вамъ свою привязанность, который обязанъ вамъ всѣмъ, кромѣ жизни». Но и этими изліяніями юноша не довольствовался, а въ самое утро отъѣзда явился къ Лагарпу, чтобъ проститься, и долго обнималъ его, обливаясь слезами. Трудно вѣрить, чтобъ молодой человѣкъ, въ 18 лѣтъ и съ такими прекрасными качествами души и благородными идеями, какъ Александръ, могъ отличаться такою двойственностью, и однако въ справедливости заявленія Протасова сомнѣваться нельзя, тѣмъ болѣе, что вскорѣ мы увидимъ еще болѣе непостижимые примѣры его двоедушія.

«На этомъ свѣтѣ препятствія созданы для того, чтобъ достойные люди ихъ уничтожали и тѣмъ умножали свою репутацію, вотъ назначеніе препятствій», писала однажды Екатерина, и, встрѣтивъ противодѣйствіе задуманному плану лишить престола своего «непослушнаго и неспособнаго сына» не только у Лагарпа, но и у великой княгини Маріи Θеодоровны, отказавшейся подписать актъ отреченія Павла, и въ средѣ своего совѣта, она прямо обратилась къ внуку и объяснила ему всю государственную необходимость перемѣны престолонаслѣдія. 16-го сентября 1796 года, она имѣла продолжительный съ нимъ разговоръ, а 24-го вотъ что писалъ ей Александръ. Это письмо, уцѣлѣвшее въ бумагахъ Зубова, посвященнаго во всѣ тайны этого дѣла, напечатано впервые г. Шильдеромъ въ русскомъ переводѣ, въ біографическомъ словарѣ, а теперь помѣщено въ его новой книгѣ, и въ французскомъ подлинникѣ, и въ переводѣ:

«Ваше императорское величество, я никогда не буду въ состояніи достаточно выразить свою благодарность за то довѣріе, которымъ ваше величество соблаговолили почтить меня, и за ту доброту, съ которою изволили дать собственноручное поясненіе къ остальнымъ бумагамъ. Я надѣюсь, что, ваше величество, судя по усердію моему заслужить неоцѣненное благоволеніе ваше, убѣдитесь, что вполнѣ чувствую все значеніе оказанной милости. Дѣйствительно, даже своей кровью я не въ состояніи отплатить за все, что вы соблаговолили уже и еще желаете сдѣлать для меня. Эти бумаги съ полною очевидностью подтверждаютъ всѣ соображенія, которыя вашему величеству благоугодно было сообщить мнѣ, и если мнѣ позволено будетъ высказать это, какъ нельзя болѣе справедливы. Еще разъ повергая къ стопамъ вашего императорскаго величества чувства моей живѣйшей благодарности, осмѣливаюсь быть съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и самою неизмѣнною преданностью

«Вашего императорскаго величества всенижайшій, всепокорнѣйшій подданный и внукъ

«Александръ».

Получивъ это письмо, категорически одобрявшее ея планъ, Екатерина успокоилась, сказала В. С. Попову: «Я оставляю Россіи даръ безцѣнный,—Россія будетъ счастлива подъ Александромъ», и въ Петербургѣ стали распространяться слухи, что готовится манифестъ о назначеніи Александра наслѣдникомъ престола, что даже бумаги по этому предмету подписаны Безбородкой, Суворовымъ, Румянцовымъ-Задунайскимъ, Зубовымъ, митрополитомъ Гавріиломъ и другими. Но что въ это время дѣлалъ Александръ? Онъ сблизился болѣе, чѣмъ когда либо, съ отцемъ, и это доказывается его собственными словами въ письмѣ къ Лагарпу отъ 13-го октября: «я въ особенности доволенъ отцемъ и матерью», а также свидѣтельствомъ Протасова, который, радуясь счастливому результату своихъ постоян-

Андрей Аѳанасьевичъ Самборскій.
Съ гравюры Аѳанасьева.

ныхъ хлопотъ о примиреніи сына съ отцемъ, замѣчаетъ: «родители меня оба благодарили за возвращеніе сына», и «отецъ все болѣе и болѣе вліяетъ на сына». Въ виду такихъ отношеній къ отцу Александра въ этотъ критическій моментъ является вѣроятнымъ предположеніе г. Шильдера, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, однако имъ не сообщаемыхъ, что онъ довелъ до свѣдѣнія Павла свой раз-

говоръ съ Екатериной и даже для его успокоенія присягнулъ ему въ тайнѣ, какъ императору. Два обстоятельства подтверждаютъ правдоподобіе этой гипотезы. Во-первыхъ, 23-го сентября, то-есть наканунѣ письма къ Екатеринѣ, Александръ писалъ А. А. Аракчееву, одному изъ «выдающихся героевъ гатчинской школы раболѣпства и самовластія», по служебнымъ дѣламъ гатчинскихъ войскъ и два раза называетъ отца императорскимъ величествомъ, а, вовторыхъ, извѣстно, что въ другую критическую минуту своей жизни, когда онъ также опасался за свой престолъ, именно, 11 марта 1801 года, Павелъ приказалъ генералъ-прокурору Обольянинову свести въ церковь Михайловскаго замка Александра и Константина, для присяги къ вѣрности. То, что совершилось пять лѣтъ позднѣе, могло произойти и въ 1796 году, но въ присутствіи, вѣроятно, тогдашняго довѣреннаго исполнителя велѣній Павла—А. А. Аракчеева. Этимъ путемъ легко выясняется, по справедливому замѣчанію г. Шильдера, исходная точка непонятной дружбы Александра съ гатчинскимъ капраломъ, который уже былъ близкимъ къ нему человѣкомъ до воцаренія Павла. Наконецъ, еще болѣе вѣскимъ доказательствомъ того, что, соглашаясь офиціально на планъ Екатерины, Александръ не сочувствовалъ ему, служатъ слова, сказанныя имъ графинѣ Едлингъ, рожденной Стурдзѣ, которая приводитъ ихъ въ своихъ мемуарахъ: «Если вѣрно, что хотятъ посягнуть на права отца моего, то я сумѣю отклониться отъ такой несправедливости; мы съ женой спасемся въ Америку, будемъ тамъ свободны и счастливы, и про насъ больше не услышатъ». Хотя авторъ мемуаровъ называетъ эти знаменательныя слова «трогательнымъ изліяніемъ молодой и чистой души», но г. Шильдеръ справедливо замѣчаетъ: «тѣмъ не менѣе, однако нельзя отрицать, что если бы Провидѣніе продлило жизнь Екатерины, то, можетъ быть, намѣренія императрицы относительно устраненія цесаревича отъ престола все-таки осуществились бы на дѣлѣ. Подобное предположеніе можно основывать на примѣрѣ, взятомъ изъ позднѣйшаго времени. Вѣроятно, въ такомъ случаѣ разыгралось бы нѣчто сходное съ положеніемъ, занятымъ Александромъ по отношенію къ затрудненіямъ, встрѣченнымъ имъ впослѣдствіи на жизненномъ поприщѣ, когда на сдѣланныя ему тогда по поводу особыхъ обстоятельствъ заявленія онъ отвѣчалъ молчаніемъ, вздохами, а кончилъ тѣмъ, что вынужденъ былъ условно на все согласиться. Поэтому, и въ 1796 г. обстоятельства могли поставить Александра, именно, въ трагическое положеніе быть вынужденнымъ дѣйствовать въ смыслѣ заявленія, сдѣланнаго императрицѣ въ письмѣ отъ 24 сентября». Но едвали правъ почтенный авторъ, прибавляя: «Александръ былъ загадкой для современниковъ и едвали будетъ разгаданъ потомствомъ»; онъ самъ своими многолѣтними трудами далъ столько матеріала для этой разгадки, при помощи имъ же поддерживаемой теоріи о двойственности ха-

рактера его героя, что Александръ, можно смѣло сказать, пересталъ быть сфинксомъ. Его личность, конечно, потеряла въ глазахъ людей, питавшихъ къ нему культъ, но стала не таинственнымъ обликомъ, а яснымъ, опредѣленнымъ образомъ «человѣка на тронѣ», но человѣка, который, по словамъ того же г. Шильдера, повторяющаго въ этомъ отношеніи мнѣніе одного изъ историковъ его времени, «могъ быть одновременно великодушнымъ, мечтательнымъ и двоедушнымъ».

Если Александръ былъ двоедушенъ относительно плана бабки лишить престола егоотца, то посмотрите, какъ въ то же самое время его душа витала высоко, и какими безкорыстными мечтами, какими благородными мыслями отвлекалъ онъ свое вниманіе отъ несомнѣнно ужасной дѣйствительности, принуждавшей его выбирать между отцомъ и бабкой, съ которыми онъ былъ одинаково связанъ узами долга этотъ впечатлительный, увлекающійся и самолюбивый девятнадцатилѣтній юноша. 21-го февраля 1796 г. онъ писалъ Лагарпу, что строго придерживается плана жизни, который былъ составленъ его воспитателемъ до отъѣзда изъ Россіи, и жаждетъ лишь мира и спокойствія и охотно уступилъ бы свое званіе за ферму въ окрестностяхъ Женевы. «Я вспоминаю обо всемъ, что вы мнѣ говорили, когда мы были вмѣстѣ, прибавляетъ онъ, но это не могло измѣнить принятаго мною намѣренія отказаться впослѣдствіи отъ носимаго мною званія; оно съ каждымъ днемъ становится для меня все болѣе невыносимымъ по всему, что дѣлается вокругъ меня. Непостижимо, что происходитъ: всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка, это ужасно». Еще подробнѣе и, повидимому, откровеннѣе выражаетъ Александръ тогдашнія свои мысли въ письмѣ къ Виктору Павловичу Кочубею, къ которому онъ питалъ, по его собственному выраженію, «безпредѣльную дружбу», и который находился въ то время посланникомъ въ Константинополѣ. «Да, милый другъ,— пишетъ онъ,— повторю слова: мое положеніе меня не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоящихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями, а между тѣмъ они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ, напримѣръ, кн. Зубовъ, Пасекъ, кн. Барятинскій, оба Салтыкова, Мятлевъ и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже и называть, и которые, будучи надменны съ низшими, пресмыкаются передъ тѣми, кого боятся. Однимъ словомъ, мой любезный другъ, я сознаю, что не рожденъ для сана, который ношу теперь, и еще меньше для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ ко-

тораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ способомъ. Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабежъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, отовсюду изгнанъ; а имперія стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправлять укоренившіяся въ немъ злоупотребленія; это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнить дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы по отреченіи отъ этого непригляднаго поприща (я не могу еще положительно назначить время сего отреченія) поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая свое счастье въ обществѣ друзей и въ изученіи природы». Что касается до тогдашнихъ политическихъ убѣжденій Александра, то онъ подробно излагалъ ихъ своему третьему другу, князю Адаму Чарторыйскому, во время прогулокъ съ нимъ въ Таврическомъ дворцѣ и Царскомъ Селѣ лѣтомъ того же года, а послѣдній обстоятельно излагаетъ эти памятные разговоры въ своихъ мемуарахъ. «Великій князь»—пишетъ Чарторыйскій,—«говорилъ мнѣ, что онъ далеко не раздѣляетъ воззрѣній и правилъ кабинета и двора, что онъ далеко не одобряетъ политики и образа дѣйствій своей бабки, что онъ порицаетъ ея основныя начала, что всѣ его желанія были на сторонѣ Польши и имѣли предметомъ успѣхъ ея славной борьбы, что онъ оплакивалъ ея паденіе, что Костюшко въ его глазахъ былъ великимъ человѣкомъ по своимъ добродѣтелямъ и потому, что онъ защищалъ дѣло человѣчества и справедливости. Онъ сознавался мнѣ, что ненавидитъ деспотизмъ всюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ право всѣ люди, что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французскою революціей, что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ республикѣ успѣховъ и радуется имъ». Далѣе Чарторыйскій разсказываетъ, что его царственный собесѣдникъ признавалъ республику единственной формой правленія, сообразной съ желаніями и правами человѣчества, желалъ бы всюду ее видѣть и утверждалъ, что наслѣдственность престола—установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть долженъ даровать не случай рожденія, а приговоръ всей націи, которая сумѣетъ избрать способнѣйшаго къ управленію государствомъ». Искренность Александра,—замѣчаетъ его польскій другъ,—его прямота, увлеченіе, съ которымъ онъ предавался прекраснымъ мечтамъ, имѣли неотразимую прелесть; при этомъ онъ былъ еще такъ молодъ, что могъ пріобрѣсти то, чего ему недоставало; обстоятельства, необходимость могли развить способности, не имѣвшія ни времени,

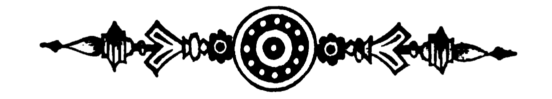
ни случая обнаружиться, но его воззрѣнія, его намѣренія оставались драгоцѣнными, подобно чистому золоту, и хотя онъ впослѣдствіи сильно измѣнился, однако до своей кончины сохранилъ нѣкоторыя наклонности и мнѣнія своей юности».

Дѣйствительно Александръ долго сохранялъ, напримѣръ, свое предубѣжденіе противъ принципа наслѣдственности монархической о власти, и Наполеонъ разсказывалъ на островѣ св. Елены, что во время тильзитскаго свиданія Александръ болѣе часа спорилъ съ нимъ о томъ, что наслѣдственность власти не что иное, какъ зло, и потому Наполеону пришлось изощрять все свое краснорѣчіе для доказательства, что эта наслѣдственность залогъ спокойствія и счастія народовъ. Что касается до его неодобренія политики бабки, имѣвшей тогда рѣшительно реакціонный характеръ, и совершенно правильнаго сознанія, что подъ блестящей славною внѣшностью ея царствованія скрывалось, по выраженію Шекспира, «много гнилого», то эти мысли Александръ сохранилъ во всю свою жизнь, хотя примѣшивалъ къ своему нерасположенію къ Екатеринѣ чисто личныя чувства, сохранившіяся въ его сердцѣ отъ той тяжелой эпохи, когда ему приходилось выбирать между отцемъ и бабкой. Такъ, по свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго, онъ никогда не любилъ, когда вспоминали о немъ, о царствованіи Екатерины, и однажды сказалъ ему: «Мнѣ говорятъ, зачѣмъ я не воздвигаю памятника императрицѣ Екатеринѣ, я отвѣчаю, что въ такомъ случаѣ я долженъ бы былъ соорудить монументъ и моему отцу; какъ внукъ и сынъ, я не могу быть судьей ихъ дѣяній».

Въ 1796 г. судьба взялась быть судьей и избавила юнаго Александра отъ выбора между Екатериной и Павломъ. Первая скоропостижно умерла 6-го ноября, и начался, по словамъ Шильдера, «краткій, но незабвенный по жестокости періодъ четырехлѣтняго царствованія императора Павла».

В. Тимирязевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРІЯ РОССІИ.

I.

ИЗЪ ЧИСЛА нашихъ молодыхъ русскихъ историковъ въ текущемъ десятилѣтіи съ особеннымъ блескомъ и успѣхомъ выдвинулся бывшій членъ профессорской корпораціи Московскаго университета, П. Н. Милюковъ[1]) заслужившій, въ самое короткое время крупное и популярное имя. Популярность эту г. Милюковъ пріобрѣлъ своими дарованіями и неустаннымъ трудомъ исключительно въ поискахъ истины на благо дорогой ему русской исторіи. Путь, который почтенный бывшій московскій ученый себѣ избралъ для распространенія въ массѣ плодовъ своихъ научныхъ изслѣдованій, есть путь по преимуществу популяризаціи знаній при помощи журнальныхъ статей. Отсюда проистекаютъ и выгоды и невыгоды занимаемаго имъ положенія. Журнализмъ занятій побуждаетъ его быть сжатымъ, популярнымъ, если угодно, элементарнымъ, оставляетъ въ его работахъ пробѣлы, которые приходится восполнять общими заключеніями, нѣсколько торопливыми выводами и умозаключеніями, основанными на чужихъ, часто не совершенныхъ работахъ. Дѣлать экскурсіи въ область спеціальныхъ трудовъ, останавливаться на разъясненіи деталей

---

[1]) Въ настоящее время г. Милюковъ по независящимъ обстоятельствамъ вынужденъ былъ покинуть каѳедру въ Московскомъ университетѣ и, послѣ нѣкотораго перерыва въ своей преподавательской дѣятельности, по предложенію болгарскаго правительства, читаетъ лекціи въ Софійскомъ университетѣ по русской и всеобщей исторіи.

ему не приходится—это можетъ повредить журнальному характеру его работъ. Такая постановка вопроса дѣлаетъ автора чрезвычайно близкимъ, понятнымъ и цѣннымъ для массы, но она же открываетъ его грудь для всякихъ придирчивыхъ и злыхъ ударовъ, вредитъ, если можно такъ выразиться, академичности его имени. Весьма возможно, г. Милюкову придется неоднократно выслушать со стороны педантовъ знанія и кропотливыхъ изслѣдователей упрекъ въ ненаучности, въ поверхностности, даже легкомысліи, но онъ, вѣроятно, не смутится этими страшными словами и пойдетъ тою дорогою, которую онъ такъ обдуманно, такъ сознательно себѣ избралъ. Она разъединитъ его, вѣроятно, съ современными «любомудрами», но за то она скорѣе приведетъ его къ служенію интересамъ той массы, исторію которой онъ такъ прекрасно возсоздалъ въ рядѣ статей подъ заглавіемъ «Очерки по исторіи русской культуры», печатавшихся въ 1895—1896 годахъ на страницахъ журнала «для самообразованія»—«Міръ Божій», и вышедшихъ нынѣ въ двухъ книжкахъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Что литературно-ученый путь г. Милюкова избранъ имъ вполнѣ сознательно, видно изъ слѣдующихъ его словъ въ введеніи къ «Очеркамъ». «Роль посредника между спеціальной наукой и обширнымъ кругомъ образованной публики являлась въ данномъ случаѣ особенно отвѣтственною и трудною,—говоритъ онъ. Большая часть спеціальныхъ изслѣдованій по русской исторіи была сдѣлана, когда о «культурной исторіи» еще не было и рѣчи, или же когда идея «Культурной исторіи» недостаточно овладѣла вниманіемъ историковъ. Естественно, что изъ обширнаго запаса спеціальной литературы только сравнительно небольшая часть могла пригодиться для цѣлей «Очерковъ». Съ другой стороны, многое, что было бы необходимо для «Очерковъ», пока еще не разработано въ спеціальной литературѣ. Отсюда—значительныя неровности и прямые пробѣлы въ разныхъ частяхъ «Очерковъ». Спеціальная критика, вѣроятно, укажетъ, какіе изъ этихъ пробѣловъ являются результатомъ недостаточной освѣдомленности автора. Нѣкоторые выводы автора, изложенные въ популярной формѣ, безъ ученой аргументаціи, можетъ быть, покажутся спеціалистамъ слишкомъ смѣлыми и необоснованными... Наконецъ, найдутся, вѣроятно, критики, которымъ самая попытка, предпринимаемая въ «Очеркахъ», покажется черезчуръ рискованною и преждевременною при современномъ состояніи науки. Въ свое оправданіе составитель можетъ только сослаться на несомнѣнную потребность въ подобной книгѣ не только среди читающей публики, но и среди самихъ спеціалистовъ, работающихъ обыкновенно въ одной маленькой области науки и рѣдко представляющихъ отчетливо связь этой области съ цѣлымъ. «Очерки по исторіи русской культуры», конечно, не могутъ дать того, чего нѣтъ въ самой наукѣ. Но самыми своими недостатками они лишній разъ подчеркнутъ пробѣлы науки и, мо-

жетъ быть, помогутъ установить тѣ точки зрѣнія, которыя даютъ смыслъ и интересъ самому сухому и самому узкому, повидимому, спеціальному изслѣдованію. Привлеченіе къ такой работѣ спеціалистовъ и разумная организація ученой работы, которая теперь съ такою расточительностью тратится часто не на то, на что слѣдовало бы,—эти задачи такъ же дороги и близки автору, въ качествѣ спеціалиста и преподавателя, какъ важна и привлекательна для него роль популяризатора научныхъ свѣдѣній въ русскомъ образованномъ обществѣ».

Итакъ, г. Милюковъ самъ подчеркиваетъ свое значеніе, какъ «популяризатора научныхъ свѣдѣній», и такимъ характеромъ своей работы надѣется, съ одной стороны, оказать пользу обществу, а съ другой—указать спеціалистамъ тѣ пробѣлы исторической науки, которые имъ за узкимъ щитомъ спеціальности совершенно не видны и которые отъ нихъ постоянно ускользаютъ.

Вотъ въ этихъ-то видахъ популяризаціи онъ, имѣя уже за собою одно крупное научное изслѣдованіе спеціальнаго характера: «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII вѣка и реформы Петра Великаго», и предпринялъ рядъ «Очерковъ по исторіи русской культуры», ознакомить съ которыми читателей я намѣренъ въ настоящей статьѣ. Но когда эта тема была поставлена редакціей «Историческаго Вѣстника» на очередь, вышла новая книга того же автора «Главныя теченія русской исторической мысли» (т. 1), составленная изъ ряда статей подъ тѣмъ же заглавіемъ, печатавшихся въ свое время въ «Русской Мысли». Характеръ этой новой работы, равно какъ и задачи ея, уже иные, нежели въ «Очеркахъ». Здѣсь авторъ призываетъ, такъ сказать, къ отвѣту предшествовавшихъ ему русскихъ историковъ, даетъ «общую картину развитія и взаимной смѣны тѣхъ теорій и общихъ взглядовъ, которые осмысливали для предшествовавшихъ поколѣній спеціальную работу надъ русскою исторіею». Это обстоятельство, т.-е. выходъ новаго изслѣдованія г. Милюкова, побуждаетъ и меня взять почтеннаго автора «Очерковъ» не изолированно, но въ связи съ предыдущими дѣятелями русской исторической науки, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ рамкахъ и границахъ, до коихъ доведена его новая работа. Въ «Главныхъ теченіяхъ» г. Милюковъ даетъ возможность сдѣлать окончательную его характеристику, подвести болѣе широкій итогъ его научной мысли. Но, раздвинувъ такимъ образомъ задачи своей статьи, мнѣ для полноты volens-nolens приходится присоединить сюда еще одинъ трудъ молодого ученаго, хотя и не имѣющійся въ печати и пользованіе которымъ чрезвычайно затруднительно, но на который, однако, имѣются указанія въ извѣстныхъ петербургскихъ «программахъ для содѣйствія самообразованію». Я разумѣю его литографированныя лекціи по «Введенію къ русской исторіи», читанныя въ 1894—1895 академическомъ году въ Москвѣ

и имѣющіяся въ одномъ экземплярѣ въ отдѣленіи Публичной Библіотеки. Курсъ этотъ посвященъ разсмотрѣнію проявленій «общественной» русской жизни и долженъ современемъ служить, какъ это можно съ достаточною вѣроятностью предполагать, третьей частью «Очерковъ по исторіи культуры». Двѣ первыя части этихъ «Очерковъ» вышли также изъ рамокъ тѣхъ же лекцій г. Милюкова и составлены именно по программѣ этихъ лекцій. Такимъ образомъ передъ нами вполнѣ достаточный и разнообразный матеріалъ для характеристики молодаго ученаго: мы имѣемъ данныя для сужденія о томъ, какъ онъ разсматриваетъ своихъ предшественниковъ, что наиболѣе цѣнное въ ихъ трудахъ рисуется ему и, наконецъ, видимъ, по какой архитектурѣ и изъ какого матеріала онъ самъ лично строитъ свою популярную культурную русскую исторію. Объемъ статьи не позволяетъ, конечно, вдаваться въ детали, правда, очень характерныя, которыя помогли бы мнѣ быть обстоятельнымъ; каждая изъ вышедшихъ трехъ книжекъ г. Милюкова сама по себѣ можетъ дать матеріалъ и содержаніе для самостоятельной работы, но и главнѣйшія рельефныя черты научно-литературной физіономіи нашего ученаго настолько характерны, что даже одни выводы и общія заключенія его трудовъ, которыя здѣсь будутъ изложены, достаточны для обстоятельнаго и безпристрастнаго съ нимъ ознакомленія.

II.

Русская исторіографія не можетъ пожаловаться на отсутствіе къ ней вниманія со стороны нашихъ ученыхъ. Въ этой области за послѣдній десятокъ лѣтъ появились два обширныхъ труда, заставившихъ о себѣ много говорить. Первый принадлежитъ покойному профессору здѣшней духовной академіи, М. О. Кояловичу, и носитъ наименованіе «Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ»; второй составленъ кіевскимъ профессоромъ В. С. Иконниковымъ и называется «Опытъ русской исторіографіи». Работа Кояловича, если читатели помнятъ, вызвала въ свое время шумную полемику въ нашей журналистикѣ и можетъ быть разсматриваема, какъ одна изъ послѣднихъ главъ долго длившейся борьбы между западниками и славянофилами, борьбы въ ея прежней романтической постановкѣ вопросовъ. Славянофильство, какъ его достаточно неумѣло снова поставилъ на историческое разсмотрѣніе покойный профессоръ академіи, потерпѣло пораженіе, но и чистое западничество, въ видѣ научно-политической дектрины, не одержало полной и блестящей побѣды. Полемика, возгорѣвшаяся по поводу книги г. Кояловича, ясно обнаружила, что время научнаго романтизма отошло уже въ даль, и что былая терминологія и пріемы сопоставленій изжили свой вѣкъ. Стало очевиднымъ, что новое время выдвинуло на первую очередь иныя задачи научнаго знанія, потребовало но-

выхъ методовъ и средствъ освѣщенія трактуемыхъ вопросовъ. «Русское самосознаніе можетъ теперь опираться не только на родное чувство, но и на основанія научныя»,—такъ утверждалъ г. Кояловичъ. Отвѣтомъ ему было ясно сказавшееся убѣжденіе современниковъ, что и вопросы самосознанія, какъ таковаго, и дѣло роднаго чувства не имѣютъ никакого отношенія къ научному знанію и скорѣе относятся къ области спорныхъ публицистическихъ упражненій.

Гораздо скромнѣе, проще и научнѣе поставилъ свою задачу профессоръ Иконниковъ. Онъ даже не назвалъ своего обширнаго труда полнымъ и заслуженнымъ именемъ «изслѣдованіе» или «исторія»—это только «Опытъ», задача котораго: «на основаніи сообщаемыхъ данныхъ прослѣдить, какіе умственные интересы господствовали въ русскомъ обществѣ въ ту или другую эпоху, и какіе умственные или литературные вкусы существовали въ средѣ его представителей и общественныхъ дѣятелей». Трудъ кіевскаго профессора носитъ на себѣ въ той части, которая пока вышла, характеръ библіографическій, описательный по части собраній и хранилищъ историческихъ нашихъ памятниковъ. Только 1-я глава трактуетъ вопросы общаго свойства и имѣетъ содержаніемъ: «Предметъ исторіи. Взгляды на нее въ разныя эпохи. Отношеніе къ историческому матеріалу. Общій ходъ исторической критики. Положеніе исторіи въ ряду другихъ наукъ. Оцѣнка свидѣтельствъ. Относительное значеніе источниковъ. Преданія и миоы. Значеніе скептицизма. Условія разработки русской исторіи».

Иначе ставитъ дѣло изученія русской исторіографіи г. Милюковъ въ своихъ «Главныхъ теченіяхъ русской исторической мысли». Его задача, какъ уже сказано выше, «дать общую картину развитія и взаимной смѣны тѣхъ теорій и общихъ взглядовъ, кокорые осмысливали для предшествовавшихъ поколѣній спеціальную работу надъ русскою исторіей», и задача эта, какъ она выполнена авторомъ, является, по моему мнѣнію, яркимъ отраженіемъ тѣхъ любопытныхъ теченій въ области соціологіи и историко-философскаго знанія, которыя такъ замѣтно наблюдаются въ настоящемъ десятилѣтіи. Въ этомъ легко будетъ убѣдиться, когда рѣчь дойдетъ до «Очерковъ по исторіи русской культуры», но и въ предѣлахъ «Главныхъ теченій» не трудно убѣдиться, что авторъ выступаетъ на научную арену съ строго выработаннымъ философскимъ міровоззрѣніемъ, которое онъ неизмѣнно кладетъ въ уголъ отправленія всѣхъ своихъ работъ и всѣхъ своихъ научныхъ выводовъ. «... Не столько ученая работа сама по себѣ, не столько ея положительные результаты, сколько направлявшія ее теоретическія побужденія составятъ предметъ нашихъ послѣдующихъ наблюденій»,—заявляетъ г. Милюковъ въ самомъ началѣ своего изслѣдованія, но изъ числа этихъ побужденій онъ останавливается только на тѣхъ, которыя

характеризують «главныя теченія» русской исторической мысли, то-есть, которыя толкали эту мысль впередъ, расширяя и углубляя ея главное русло. Поэтому авторъ, не гоняясь за библіографическою полнотой, часто вмѣстѣ съ тѣмъ выступаетъ за предѣлы историческою науки въ чуждыя ей области. Такого рода отступленія и экскурсіи въ сторону онъ считаетъ необходимыми потому, что, по его словамъ, «большею частію далеко отъ собственной сферы нашей науки зарождались идеи и настроенія, которымъ суждено было играть въ этой сферѣ руководящую роль». Анализируя «отслоенія былыхъ моментовъ теоретической мысли», онъ стремится для всѣхъ нихъ подыскать общій уголъ зрѣнія, свести всѣ частные взгляды и спеціальные выводы къ тому или другому цѣльному міросозерцанію.

Въ какихъ же границахъ оперируетъ г. Милюковъ для достиженія намѣченной цѣли? Онъ беретъ въ своемъ изслѣдованіи только два послѣднія столѣтія и лишь въ первой главѣ кратко говоритъ о результатахъ научной исторической мысли до XVIII столѣтія. Конечно, такая постановка вопроса, по собственному сознанію автора, произвольна, такъ какъ вліяніе теоретической мысли на историческую разработку начинается уже въ глубинѣ среднихъ вѣковъ, гдѣ наша средневѣковая философія конструировалась по образцу польской; но нашъ историкъ полагаетъ, что слѣдить за перенесеніемъ польской теоріи на Русь—задача слишкомъ сложная, почему онъ отъ нея и отказывается, предпочитая непосредственно перейти къ настоящимъ двигателямъ русскихъ историческихъ знаній, то-есть къ Татищеву, Ломоносову, Щербатову и Болтину. Начавъ такимъ образомъ свое изслѣдованіе съ XVIII столѣтія, онъ на пространствѣ двухъ обслѣдуемыхъ вѣковъ отмѣчаетъ два періода въ развитіи исторической науки, рѣзко отличающихся другъ отъ друга по своимъ основнымъ принципамъ. Первый періодъ онъ называетъ временемъ практическаго или этическаго пониманія задачъ историка; характеристическою чертой второго онъ считаетъ представленіе объ исторіи, какъ наукѣ. Границею этихъ двухъ періодовъ г. Милюковъ считаетъ 1826—1827 годы, когда золотая дворянская молодежь Александровскаго времени, сметенная извѣстною декабрьскою катастрофой, уступила мѣсто московской университетской молодежи изъ разночинцевъ Николаевскаго времени, или, иначе говоря, къ первому періоду относятся работы по исторіи до Карамзина включительно, ко второму—отъ Карамзина до нашихъ дней. Трудъ г. Милюкова, какъ уже сказано выше, еще не оконченъ; онъ доведенъ лишь до И. Кирѣевскаго и П. Чаадаева, дѣятельности которыхъ и посвящена послѣдняя, пятая, глава. Независящія обстоятельства не позволяютъ пока почтенному изслѣдователю продолжить свою работу, почему и въ настоящемъ очеркѣ, основанномъ исключительно на работахъ г. Милюкова, придется перейти сразу отъ разсмотрѣнныхъ въ «Главныхъ теченіяхъ» историческихъ дѣятелей къ

автору «Очерковъ по исторіи культуры», минуя такихъ крупныхъ ученыхъ, какъ Соловьевъ, Костомаровъ, Бестужевъ, Забѣлинъ, Ключевскій и другіе, которымъ молодой московскій ученый всецѣло обязанъ, какъ методомъ изслѣдованій, такъ и матеріаломъ, изъ коего онъ построилъ свою культурную исторію Россіи.

III.

Вся русская исторіографія до XVIII столѣтія исходитъ изъ Кіевскаго «Синопсиса», содержаніе котораго вскрываетъ двѣ тенденціи читавшей его публики: православную (крещеніе) и національную (Куликовская битва); сюда историки XVIII столѣтія присоединяютъ еще третью, государственную-монархическую. «Синопсисъ» носилъ на себѣ слабый отпечатокъ вліянія московскаго самодержавія, историки же XVIII столѣтія находились всецѣло подъ обаяніемъ московской государственной идеи. Всѣ четыре крупныхъ изслѣдователя этого вѣка, Татищевъ, Щербатовъ, Болтинъ, Ломоносовъ — люди съ офиціальнымъ положеніемъ, крупные чиновники, извѣстные правительству и по его порученію занимавшіеся изученіемъ русской исторіи. Это-то обстоятельство и наложило свой отчетливый и опредѣленный штемпель на ихъ работѣ и складѣ ихъ мысли: они явились типичными представителями офиціальныхъ вѣяній и отраженіемъ казеннаго духа времени. Съ именемъ Татищева связано представленіе о современныхъ ему Петровскихъ взглядахъ утилитаризма и естественнаго права, Ломоносовъ платитъ должную дань ложноклассическимъ теоріямъ Елисаветинскаго двора, Щербатовъ и Болтинъ отражаютъ на своихъ твореніяхъ противоположныя другъ другу міровоззрѣнія просвѣтительной литературы XVIII вѣка: раціоналистическое и научное. Послѣднее, то-есть научное, міровоззрѣніе является непосредственнымъ слѣдствіемъ тогдашнихъ нѣмецкихъ, академическихъ трудовъ, представленныхъ въ прошломъ столѣтіи работами Байера, Миллера и Шлецера. Оставляя въ сторонѣ обстановку, среди которой трудились, какъ русскіе, такъ и нѣмецкіе ученые, минуя вопросъ объ индивидуальностяхъ, внесенныхъ каждымъ изъ нихъ въ свое изслѣдованіе, ознакомимся съ общими итогами исторической работы XVIII столѣтія, каковыми ихъ рисуетъ г. Милюковъ. Разработка русской исторіи въ рукахъ перечисленныхъ ученыхъ вышла, по его мнѣнію, во-первыхъ, неполная и, во-вторыхъ, односторонняя. Единственнымъ разсказомъ, доведеннымъ до XVIII столѣтія, было «Ядро» Манкіева, въ дѣло были употреблены только матеріалы архива иностранной коллегіи, наиболѣе важные для составленія внѣшней исторіи Россіи, вопросъ же о разработкѣ внутренней исторіи Россіи даже не былъ поставленъ на разсмотрѣніе. При этомъ самое отношеніе къ задачамъ историческаго изученія со стороны нашихъ ученыхъ было различное. Русскіе исто-

рики искали въ занимавшемъ ихъ предметѣ главнымъ образомъ назидательность, стремились къ прикладнымъ задачамъ, нѣмецкіе же изслѣдователи (академики) представляли себѣ свою задачу, какъ цѣль самую по себѣ, независимо отъ ея практическаго значенія, цѣль, въ коей раскрывается истина. Резюмируя ходъ исторической работы XVIII вѣка, г. Милюковъ подводитъ ей слѣдующіе итоги: «Практическій, утилитарно-націоналистическій взглядъ на задачи исторіи, наивное смѣшеніе источника съ изслѣдованіемъ и наивное представленіе начала исторіи въ терминахъ современности отличаютъ начало вѣка. Со всѣмъ этимъ вполнѣ гармонируетъ произвольная этнографическая классификація, некритическая передача всѣхъ лѣтописныхъ варіантовъ въ одномъ сводномъ изложеніи, сливающемъ исторію и лѣтопись, и ограниченіе историческаго изученія лѣтописнымъ матеріаломъ. Но черезъ все это проходитъ одна черта, обѣщающая будущность: это—стремленіе къ реальному пониманію прошлаго, къ объясненію его изъ настоящаго и обратно. Эта черта связываетъ первую половину вѣка со второю половиной, гдѣ вся картина мѣняется. Не слава и не польза, а знаніе истины становится задачей историка. Мѣсто изложенія источника все болѣе занимаетъ основанное на источникѣ изслѣдованіе. Въ старый схематизмъ русской исторіи вводятся серьезныя измѣненія по отношенію къ началу исторической схемы. Начало это освобождается отъ патріотическихъ преувеличеній и модернизаціи. Состояніе спеціальнаго изученія соотвѣтствуетъ этому повышенію научныхъ требованій и развитію научнаго взгляда. Въ этнографіи выработывается научная лингвистическая классификація. Въ изученіе лѣтописей вводятся научно-критическіе пріемы и въ первый разъ основная лѣтопись, позднѣйшій сводъ и польская компиляція,—Несторъ, Никонъ и Стрыйковскій получаютъ сравнительную критическую оцѣнку. Наконецъ, ученый кругозоръ расширяется введеніемъ въ изученіе новаго актоваго матеріала: вмѣстѣ съ этимъ является возможность научной разработки болѣе позднихъ эпохъ, и вниманіе изслѣдователя впервые начинаетъ останавливаться на внутренней исторіи Россіи. Въ ряду всѣхъ этихъ явленій, характеризующихъ быстрый ростъ исторической мысли и знанія прошлаго вѣка, только одно явленіе представляетъ рѣзкій диссонансъ. Я разумѣю продолжателей ломоносовскаго реторическаго направленія, съ ихъ литературными взглядами на задачи историка. Однако же, это направленіе стояло совершенно одиноко; передовые дѣятели науки или игнорировали его, или относились къ нему съ осужденіемъ».

«Исторія государства Россійскаго» Карамзина послужила переходною стадіей изъ «допотопнаго міра русской исторіи прошлаго вѣка,—міра мало кому извѣстнаго и мало кому интереснаго, въ другую область, гдѣ все знакомо, гдѣ еще до нашихъ временъ сохранилась живая устная традиція». Г. Милюковъ черезвычайно обстоятельно,

придирчиво строго, отнесся къ знаменитому исторіографу и произвелъ надъ его столь прославленнымъ трудомъ такую критическую расправу, послѣ которой надолго, по крайней мѣрѣ, всякое серьезное хвалебное слово по адресу «Исторіи государства Россійскаго» должно смолкнуть. Работа нашего изслѣдователя идетъ слѣдующими путями: онъ точно опредѣляетъ, чтó новаго внесено въ общее движеніе русской исторіографіи трудомъ Карамзина, причемъ внимательно анализируетъ самый прицессъ его работы, затѣмъ выясняетъ отношеніе Карамзина къ предшественникамъ по тремъ рубрикамъ: по отношенію къ общему взгляду на задачи историка, на пріемы историческаго изслѣдованія и на общій ходъ русской исторіи; наконецъ, разсматриваетъ, что дѣлала русская историческая наука въ то время, когда Карамзинъ писалъ свою исторію, и въ какое отношеніе стали представители этой науки, когда исторія Карамзина появилась въ свѣтъ.

Результаты изслѣдованія г. Милюкова въ указанныхъ направленіяхъ привели къ полному разгрому «Исторіи государства Россійскаго», и слава перваго русскаго исторіографа стараніями молодого московскаго ученаго разсѣивается, какъ дымъ. «Не историческое изученіе, не разработка сырого матеріала исторіи, а художественный пересказъ данныхъ уже извѣстныхъ—вотъ та заманчивая задача, которая рисуется въ воображеніи историка,—говоритъ г. Милюковъ о мотивахъ историческаго творчества Карамзина. Изъ наличнаго историческаго матеріала иное сократить, иное раскрасить, выкинуть неблагодарную путаницу событій и остановиться на благодарныхъ эпизодахъ и характерахъ, все это одушевить чувствомъ; исторія русская можетъ быть незанимательною, но что художественное произведеніе на мотивы русской исторіи, составленное по этому рецепту, непремѣнно будетъ занимательно,—за это ручаются умъ, вкусъ и талантъ художника». Но г. Милюковъ не оставляетъ за Карамзинымъ даже доброй славы «историческаго живописца»—по его мнѣнію, «недостатокъ художественнаго чутья и особенности художественной манеры портили также и достиженіе художественныхъ задачъ автора». Единственную уступку «заслугамъ» Карамзина онъ дѣлаетъ въ томъ отношеніи, что послѣдній стремился къ подбору новыхъ историческихъ матеріаловъ, обновилъ фактическое обоснованіе повѣствованія и «надолго сдѣлалъ свою «Исторію» необходимою для всякаго изслѣдователя христоматіей источниковъ русской исторіи». За исключеніемъ этой стороны дѣла, да еще литературности изложенія, г. Милюковъ вычеркиваетъ изъ формуляра Карамзина всѣ прочія, созданныя легендою, достоинства. Не пощаженнымъ осталось также и философское міровоззрѣніе исторіографа: онъ въ своей работѣ, съ одной стороны, воспроизвелъ взглядъ Шлецера и съ другой возвратился къ схематизму Ломоносова. «Принимая Шлецеровскую мысль о феодальномъ устройствѣ древнѣйшей Руси, Карамзинъ принимаетъ также и Болтинскую идею о томъ, что первые государи не были само-

державны. Этимъ, однако, и ограничиваются уступки его воззрѣніямъ, поколебавшимъ Ломоносовско-Татищевскую схему русской исторіи. На общій выводъ эти уступки не оказываютъ никакого вліянія. Вслѣдъ за Татищевымъ и Ломоносовымъ Карамзинъ повторяетъ: «отечество наше обязано величіемъ своимъ счастливому введенію монархической власти». Такимъ образомъ, дальнѣйшую мысль Болтина и нѣмецкихъ изслѣдователей, что варяги явились, не какъ государи, а какъ защитники страны отъ сосѣдей, Карамзинъ рѣшительно отвергаетъ».

Философія исторіи Карамзина, какъ то непреложно свидѣтельствуетъ авторъ «Главныхъ теченій», спеціально сближаетъ его съ Ломоносовымъ. Подобно ему, и исторіографъ изображаетъ Русь на протяженіи всей исторіи единымъ государствомъ; поэтому московскіе князья сплошь и рядомъ подъ перомъ Карамзина отвѣтствуютъ за событія, происходящія въ совершенно независимой отъ Москвы области. Карамзинъ по складу своего міросозерцанія представитель провиденціализма во вкусѣ Боссюэта и Лорана, но безъ ихъ послѣдовательности и законченности.

Историческая схема Карамзина та же схема, что и у предшествовавшихъ историковъ XVIII вѣка, по коей ходъ исторіи объяснялся изъ личныхъ пріемовъ княжеской политики: воля князей повергла Россію въ пучину гибели, и та же воля вознесла ее на верхъ могущества и всемірно-историческаго величія, въ основѣ котораго лежала идея византійскаго преемства неограниченной монархіи. «Легенда о византійскомъ преемствѣ власти легла послѣднимъ слоемъ на извѣстную намъ историческую схему,— утверждаетъ г. Милюковъ. Начало и конецъ этой схемы уже раньше приведены были въ связь на основаніи предполагаемаго единства политической системы Москвы и Кіева. Теперь подъ вліяніемъ идеи о провиденціальномъ назначеніи Руси то же начало и конецъ окончательно слились въ одно высшее цѣлое. Царь московскій имѣлъ своего предшественника въ царѣ кіевскомъ». Такая политическая доктрина, ловко пущенная въ ходъ въ XVI вѣкѣ при Іоаннѣ IV и по своей послѣдовательности и яркости поразившая народное воображеніе и укрѣпившаяся здѣсь, перешла, такъ сказать, по наслѣдію и въ культурные слои русскаго общества XVIII в., а здѣсь нашла свое наиболѣе яркое воплощеніе въ «Исторіи государства Россійскаго». Вотъ почему, по мнѣнію г. Милюкова, Карамзинъ, какъ ученый изслѣдователь, несамостоятеленъ, и вотъ почему его «Исторія» не столько начинаетъ собой новую эпоху въ русской исторіографіи, сколько заканчиваетъ старую.

IV.

Но въ то время, какъ «Исторія государства Россійскаго» приковывала къ себѣ всеобщее вниманіе, и панегиристы-патріоты расточали по ея адресу всевозможныя славословія, въ это же время успѣло уже народиться цѣлое сословіе историковъ, за которыми были дѣйствительныя и серьезныя заслуги передъ наукой, и которые не имѣли никакого касательства къ прославленному труду офиціальнаго исторіографа. «Въ нашей исторической наукѣ,— утверждаетъ г. Милюковъ,— дѣйствительно совершился переворотъ въ эти немногіе годы. Любопытство диллетанта быстро уступило въ ней мѣсто научному интересу изслѣдователя; и задачи, и пріемы изслѣдованія совершенно видоизмѣнились. Но это быстрое развитіе науки шло не черезъ «Исторію государства Россійскаго», а мимо нея. Всматриваясь внимательно въ составъ новаго поколѣнія изслѣдователей, мы не найдемъ между ними ни одного ученика Карамзина...». Новое поколѣніе ничѣмъ не было обязано исторіографу, онъ же съ своей стороны, наружно отъ него сторонясь и съ нимъ не соприкасаясь, постоянно почерпалъ отсюда черезъ посредниковъ, расположенныхъ къ нему людей, все ему нужное, а подчасъ даже заставляя работать на себя. Историки-современники Карамзина (Бантышъ-Каменскій, Строевъ, Калайдовичъ, Востоковъ, митрополитъ Евгеній и другіе) полагали, что писать полную исторію Россіи еще преждевременно, пока не будутъ собраны, очищены и изданы нужные для того источники, почему и работа ихъ, болѣе по существу плодотворная и почтенная, нежели знаменитаго исторіографа, какъ будто потонула въ лучахъ славы послѣдняго. Авторъ «Главныхъ теченій» извлекаетъ изъ-подъ спуда забвенія обширную научную дѣятельность скромныхъ тружениковъ начала этого столѣтія, ставитъ ее на почетное и заслуженное мѣсто, при чемъ обстоятельно обрисовываетъ все ея значеніе и достоинство.

Историческая работа современниковъ Карамзина, о коей идетъ рѣчь, сосредоточивалась въ четырехъ центрахъ—въ Румянцевскомъ кружкѣ съ самимъ канцлеромъ Н. П. Румянцевымъ во главѣ, въ «Московскомъ историческомъ обществѣ», въ розысканіяхъ митрополита Евгенія и въ занятіяхъ ученыхъ нѣмцевъ (Лербергъ, Кругъ, Френъ), продолжавшихъ по традиціи XVIII столѣтія разработывать при академіи наукъ древнѣйшій періодъ русской исторіи. Но и этимъ представителямъ русской исторической мысли не дано было совершить поворота въ развитіи философіи отечественнаго историческаго изученія; философія эта въ ея обновленномъ видѣ явилась къ намъ всецѣло результатомъ умственнаго броженія, которое охватило Европу въ началѣ нашего столѣтія. Менѣе всего былъ причастенъ этому движенію авторъ «Исторіи государства Россій-

скаго»: онъ неподвижно остался въ сторонѣ, какъ отъ критическаго историческаго изученія отечественныхъ памятниковъ древности со стороны его младшихъ современниковъ (четыре кружка), послѣдовавшихъ завѣтамъ Шлецера, такъ и отъ бурнаго натиска западно-европейской мысли на идейное міросозерцаніе послѣдующаго болѣе юнаго поколѣнія. «Первые самостоятельные опыты критической разработки и философской конструкціи—тотчасъ послѣ Карамзина—положили начало новаго періода въ развитіи русской исторической науки,—говоритъ г. Милюковъ. Но этого новаго періода Карамзинъ не создалъ и не подготовилъ. Наканунѣ его наступленія онъ въ послѣдній разъ, съ особенною яркостью и рельефностью, подчеркнулъ тѣ типичныя черты старыхъ воззрѣній, которыя предыдущимъ поколѣніемъ были осуждены, какъ ошибочныя и отжившія. Такимъ образомъ, если дѣятельность Карамзина можетъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ русской исторіографіи, то только въ одномъ смыслѣ. Карамзинъ не началъ собою новаго періода, а закончилъ старый, и роль его въ исторіи науки была не активная, а пассивная. Вмѣсто сознательнаго творца новой эпохи мы должны представлять себѣ Карамзина невольною жертвой устарѣвшей рутины, и этого положенія исторіографа въ исторіи науки не могутъ измѣнить никакія заслуги его въ исторіи учености и въ исторіи просвѣщенія».

Новымъ періодомъ въ развитіи исторической мысли долженъ считаться тотъ, когда исходною точкой всѣхъ историческихъ разсужденій становится идея исторической закономѣрности, идея, охватившая умы ученыхъ изслѣдователей, главнымъ образомъ, благодаря реформѣ, осуществленной въ области философскихъ построеній геніальнымъ нѣмецкимъ мыслителемъ, Кантомъ. Съ этого момента не исторія законодательства или государственнаго управленія должна занимать историка, а исторія безсознательныхъ, стихійныхъ народныхъ процессовъ, въ коихъ, не смотря на отсутствіе въ нихъ цѣлесообразности, легче подмѣчается закономѣрность, нагляднѣе наблюдается ходъ послѣдовательнаго развитія. Но, прежде чѣмъ креститься новымъ философскимъ духомъ, русская историческая мысль прошла черезъ горнило скептической школы, традиціи которой непосредственно почерпнуты ею отъ Шлецера; эта скептическая школа не создала опредѣленнаго и яснаго момента въ развитіи нашей исторіографіи — она послужила лишь переходною стадіей отъ направленія критическаго къ чисто-философскому, не оставивъ по себѣ глубокаго и плодотворнаго слѣда. «Общія идеи скептической школы о закономѣрности историческаго процесса,—свидѣтельствуетъ г. Милюковъ,—о роли легендъ въ древнѣйшей исторіи, точно такъ же, какъ ея понятіе о реальной критикѣ, представляли несомнѣнный шагъ впередъ въ развитіи русской исторической мысли. Но приложеніе этихъ взглядовъ и пріемовъ къ разработкѣ русскихъ источ-

никовъ вышло черезчуръ неосторожнымъ. Какъ первая посылка скептиковъ, приписывавшая источникамъ взгляды Карамзина и Ломоносова, такъ и послѣдній выводъ, объявлявшій источники недостовѣрными на основаніи этихъ взглядовъ, одинаково свидѣтельствовали о плохомъ знакомствѣ съ источниками. При отсутствіи серьезнаго спеціальнаго изученія и вся система гипотезъ, которыми скептики стремились доказать позднее происхожденіе источниковъ, оказывалась построенною на пескѣ. Разрушить это скороспѣлое построеніе было весьма благодарною задачей, и скоро нашлись критики, не оставившіе въ немъ камня на камнѣ». Первымъ выступилъ противъ скептиковъ Погодинъ, который избираетъ для себя чуть ли не офиціальною обязанностью «защиту историческаго православія», то-есть лѣтописи и вообще древняго періода.

На дѣятельности Погодина уже лежитъ явный отпечатокъ новаго философскаго времени, и результаты его изслѣдованій исходятъ изъ одного общаго источника, котораго такъ или иначе прикоснулась вся московская тогдашняя университетская молодежь — изъ шеллингизма. Прослѣдивъ внимательно, какъ просачивались въ жизнь русской интеллигенціи начала нѣмецкой философіи, кого у насъ она имѣла своими наиболѣе видными представителями, г. Милюковъ переходитъ, наконецъ, къ разсмотрѣнію дѣятельности Полевого, Погодина, Кирѣевскаго и Чаадаева, сдѣлавшихъ первыя попытки приложить новыя философско-историческія идеи къ построенію и истолкованію русской исторіи. Первенствующее мѣсто въ сферѣ такого рода ученой дѣятельности принадлежитъ простолюдину, купеческому сыну, гулявшему по Москвѣ въ длиннополомъ сюртукѣ, съ волосами подъ гребенку — Н. А. Полевому. «Исторія русскаго народа» нашего самоучки-историка была принята современнымъ обществомъ враждебно, какъ образецъ «наглости, шарлатанства, невѣжества»; на самомъ же дѣлѣ она была первою серьезною попыткою приложить новый философски-историческій взглядъ къ объясненію явленій русской исторіи. Человѣкъ безъ серьезнаго энциклопедическаго образованія, нахватавшійся верхушекъ западноевропейскихъ научныхъ образцовъ, авторъ «Исторіи русскаго народа», однако, удачно усвоилъ себѣ основныя идеи шеллингизма и сумѣлъ ихъ приспособить къ своей учено-литературной задачѣ. Отмѣтивъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ своей работы Полевой явился непосредственнымъ предшественникомъ Соловьева и Кавелина, г. Милюковъ въ концѣ концовъ подводитъ слѣдующіе итоги разбору «Исторіи русскаго народа». Поправки Полевого дѣйствительно сдѣлали старую схему построенія русской исторіи несравненно болѣе соотвѣтствующей новымъ понятіямъ о задачахъ исторической науки, чѣмъ прежде; вмѣсто начала личнаго, вмѣсто ряда ошибокъ, поведшихъ къ ряду бѣдствій и исправленныхъ возстановленіемъ исконнаго на Руси единодержавія, онъ устанавливаетъ въ нашей исторіи рядъ

періодовъ, необходимо слѣдующихъ другъ за другомъ и неизбѣжно вытекающихъ изъ даннаго состоянія общества и изъ всемірно-историческихъ событій. Но такъ или иначе справившись съ задачею установленія исторической закономѣрности событій, онъ, однако, потерпѣлъ полную неудачу въ истолкованіи всемірно-историческаго значенія русской исторіи; въ этой части вся его работа свелась на синхронистическія сопоставленія, историческая же роль Россіи въ «человѣчествѣ» осталось попрежнему загадкою.

Эту задачу съ большимъ успѣхомъ выполнилъ Погодинъ, также послѣдователь Шеллинга. Но опередивъ въ извѣстномъ отношеніи Полевого, Погодинъ много отсталъ отъ него въ попыткахъ закономѣрнаго истолкованія русской исторіи. Идея закономѣрности подъ перомъ Погодина сошла къ идеѣ цѣлесообразности. Съ этой точки зрѣнія все происшедшее должно было быть такъ, какъ было, все существенное и всѣ частности были ни болѣе ни менѣе, какъ предопредѣленіемъ свыше. Въ силу этого вся русская исторія Погодина была не предметомъ простого спеціальнаго изученія или научной популяризаціи: она стала для него объектомъ благоговѣйнаго удивленія или восторженнаго сочувствія. По его мнѣнію, исторіей всякаго народа руководитъ провидѣніе, но русскою исторіей въ особенности! Это обстоятельство и даетъ основаніе г. Милюкову сдѣлать слѣдующее сопоставленіе. «Прошло сорокъ лѣтъ со времени выхода первыхъ томовъ «Исторіи» Полеваго,—говоритъ авторъ,—Погодинъ издалъ, наконецъ, и свою давно ожидаемую «Русскую исторію». И что же? На послѣднихъ страницахъ этого послѣдняго своего труда по древнѣйшему періоду онъ вернулся къ Карамзину, тогда какъ «Исторія русскаго народа» приготовляла путь Соловьеву. Оба историка остановились на распутьи отъ стараго къ новому; но въ то время, какъ Полевой почти доходилъ до органическаго взгляда историко-юридической школы, Погодинъ кончилъ свои размышленія неудачными попытками приспособиться если не ко взглядамъ, то по крайней мѣрѣ къ терминологіи славянофильства».

Безсиліе Погодина создать что нибудь оригинальное и положительное въ значительной степени объясняется полнымъ отсутствіемъ у него философской складки ума и невѣжествомъ по части философіи. «Теорія у него всегда плохо клеилась съ изученіемъ фактовъ, и изъ изученія фактовъ онъ не умѣлъ и не считалъ нужнымъ вывести никакой «системы», — аттестуетъ его г. Милюковъ. Единственная система, которую онъ считалъ нужнымъ защищать, вытекала не изъ историческаго изученія, а съ одной стороны—изъ философскихъ мечтаній юности, съ другой—изъ сознательнаго желанія «сдѣлать россійскую исторію охранительницею и блюстительницею общественнаго спокойствія». При этихъ условіяхъ, Погодину, очевидно, осталось уступить рѣшеніе вопроса о всемірно-историче-

ской роли Россіи — другимъ, болѣе способнымъ къ философскому мышленію и менѣе связаннымъ необходимостью подгонять объясненіе прошлаго къ реабилитаціи настоящаго».

Этими болѣе способными къ философскому мышленію явились въ русской литературѣ два дѣятеля, которыхъ мы привыкли считать антиподами русской мысли — западникъ Чаадаевъ и чистый славянофилъ И. Кирѣевскій. «Оба они,—говоритъ г. Милюковъ,— не ищутъ болѣе доказательствъ всемірно-историческаго предназначенія Россіи въ ея прошломъ. Напротивъ, они исходятъ изъ мысли, что русская исторія не представляетъ никакихъ задатковъ для всемірно-историческаго будущаго. Они спрашиваютъ, поэтому, уже не о томъ, какое всемірно-историческое начало развивалось въ нашей исторіи, а о томъ, почему никакого подобнаго начала въ ней не существовало. Ихъ главною заботой становится открыть, чего намъ недоставало для того, чтобъ играть роль въ всемірной исторіи, и какимъ способомъ можно пополнить недостающее». Сопоставляя ходъ мыслей обоихъ мыслителей, точки ихъ отправленій и выводы, къ коимъ они пришли, г. Милюковъ приходитъ къ чрезвычайно любопытному заключенію, впервые высказанному въ нашей литературѣ. Онъ утверждаетъ: «Изъ двухъ разныхъ точекъ ихъ мысли захватываютъ одно и то же содержаніе, и мы имѣемъ полное основаніе предположить, что эта взаимная близость есть плодъ взаимнаго соглашенія. И въ это соглашеніе Чаадаевъ внесъ во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ отъ него получилъ. Уже самая рѣзкость отношенія Чаадаева къ русскому прошлому должна была послужить толчкомъ для столь же рѣшительной реабилитаціи нашего прошлаго будущими славянофилами. Но этимъ отрицательнымъ вліяніемъ не ограничилось значеніе для нихъ Чаадаева. Мы видимъ, что сами по себѣ они уже были склонны приписывать религіозной идеѣ первенствующую роль въ развитіи культуры. Но Чаадаевъ едва ли не первый открылъ имъ глаза на общую связь идей христіанской исторической философіи, а только въ этой связи православная религіозная идея получила всемірно-историческое значеніе. Оставаясь вѣрнымъ своей старой системѣ, Чаадаевъ не могъ сдѣлать самъ этого послѣдняго вывода, такъ какъ онъ не могъ согласиться приписать всѣмъ историческимъ процессамъ одинаковую закономѣрность. То и другое сдѣлали уже представители слѣдующаго поколѣнія. Развить и привести во взаимную связь оба положенія—о всемірно-исторической роли православной идеи и о закономѣрномъ развитіи этой идеи въ исторіи русскаго народа—такова была основная задача, поставленная шеллингистской философіей исторіи на рѣшеніе славянофиловъ».

V.

Приведенныя слова—заключительныя въ первомъ томѣ «Главныхъ теченій русской исторической мысли». Дальнѣйшее изложеніе развитія нашей исторіографіи должно составить предметъ слѣдующей части, выполненіе которой отложено московскимъ историкомъ по независящимъ обстоятельствомъ на неопредѣленное время. Такимъ образомъ, передъ нами обрисовывается отношеніе автора къ своимъ предшественникамъ, спеціалистамъ русской исторіи, лишь первой половины текущаго, столѣтія, да и то не во всей полнотѣ. Какъ смотритъ онъ на быстрое развитіе въ дальнѣйшемъ у насъ историческаго знанія, неизвѣстно. Можно только съ увѣренностью, почерпаемою изъ нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній да изъ способа конструированія имъ культурной русской исторіи, сказать, что не ко всѣмъ школамъ и направленіямъ лежатъ его симпатіи одинаково. Я уже показалъ, что изъ двухъ русскихъ исторій—Карамзина и Полевого, симпатіями его пользуется лишь послѣдняя, которую по выводамъ и общей тенденціи онъ ставитъ даже выше Погодинской исторіи. Двѣ печатныя части «Очерковъ по исторіи русской культуры» и 3-я ч. литографированныхъ лекцій «Введенія въ русскую исторію» позволяютъ намъ составить себѣ болѣе отчетливое понятіе относительно историко-философскихъ взглядовъ молодого ученаго и его отношенія къ современнымъ научно-литературнымъ направленіямъ.

Уже въ 1887 г., разбирая извѣстное публикѣ капитальное сочиненіе проф. Н. И. Карѣева «Основные вопросы философіи исторіи», имѣвшее безспорное вліяніе на оживленіе въ нашей литературѣ интереса къ изученію философіи вообще и философіи исторіи въ частности, уже тогда г. Милюковъ въ статьѣ «Исторіософія г. Карѣева» (Русская Мысль, № 11) высказалъ достаточно рѣзко свое несогласіе съ такъ называемою «субъективною школой» русскихъ соціологовъ. Приступая ко 2-й части «Очерковъ по исторіи русской культуры», онъ въ главѣ «Вмѣсто предисловія» даетъ по настоящему предмету еще большее количество данныхъ и окончательно опредѣляетъ свое мѣсто среди главныхъ у насъ двухъ научно-литературныхъ группъ—этико-соціологовъ и экономическихъ матеріалистовъ.

Объяснивъ вкратцѣ значеніе первой части своихъ «Очерковъ» и повѣствуя, какую цѣль преслѣдуетъ вторая, а также въ какихъ соотношеніяхъ онѣ между собою находятся, г. Милюковъ говоритъ: «Мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію, высказанному недавно, что за этическими и соціологическими аргументами «субъективной» школы въ соціологіи скрывается старая метафизика, и что такимъ образомъ все это направленіе носитъ на себѣ несомнѣнную печать философскаго дуализма. Во имя требованій монизма мы готовы присоединиться и къ протесту противъ метафизической свободы «личности». Въ

этомъ протестѣ противъ скрытаго дуализма ученія «субъективной школы» заключается, какъ намъ кажется, важная заслуга направленія, получившаго въ послѣднее время названіе «экономическаго матеріализма». Но вмѣстѣ съ принципіальною защитой монизма, съ которою мы не можемъ не согласиться, экономическій матеріализмъ сдѣлалъ попытку собственнаго монистическаго истолкованія исторіи, противъ которой приходится возражать. Монизмъ требуетъ строгаго проведенія идеи закономѣрности въ соціологіи, но онъ нисколько не требуетъ, чтобы закономѣрное объясненіе соціологическихъ явленій сводилось къ одному «экономическому фактору». Можетъ показаться, на первый взглядъ, что представленіе о явленіяхъ «духовной» культуры, какъ о «надстройкѣ» надъ «матеріальной», удовлетворяетъ тому спеціальному виду монизма, который называется философскимъ матеріализмомъ. Но намъ кажется, что для самаго «экономическаго матеріализма» связывать свою судьбу съ философскимъ матеріализмомъ и неудобно, и безполезно. Неудобно потому, что философскій матеріализмъ есть одинъ изъ самыхъ плохихъ видовъ монизма; между тѣмъ, экономическій матеріализмъ вполнѣ совмѣстимъ и съ иными монистическими міровоззрѣніями. Безполезно же потому, что «матеріальный» характеръ экономическаго фактора есть только кажущійся: на самомъ дѣлѣ явленія человѣческой экономики происходятъ въ той же психической средѣ, какъ и всѣ другія явленія общественности».

Такимъ образомъ, и изъ приведенныхъ словъ московскаго ученаго и изъ дальнѣйшихъ его признаній вытекаетъ тотъ непреложный выводъ, что, при всемъ его разногласіи съ выводами «экономическаго матеріализма», онъ всеже стоитъ ближе къ его принципіальнымъ основамъ, чѣмъ къ антропоцентрическому міровоззрѣнію его противниковъ. Въ этическихъ и историко-философскихъ аргументахъ этихъ противниковъ онъ видитъ реставрацію былыхъ теологическихъ и метафизическихъ пріемовъ построеній, осужденныхъ безповоротно опытомъ науки. Экономическій же матеріализмъ главнымъ образомъ потому и пользуется его сочувствіемъ, что ему суждено устранить изъ соціологіи послѣдніе слѣды метафизическихъ объясненій.

Такое отношеніе автора къ двумъ главенствующимъ въ нашей наукѣ направленіямъ—этико-соціологическому и экономическаго матеріализма — объясняетъ намъ его пріемы построенія культурной русской исторіи. Въ первой части онъ рисуетъ то «историческое зданіе», въ которомъ провелъ жизнь русскій народъ; онъ произвелъ обстоятельную экспертизу этого зданія—смѣрилъ его размѣры, опредѣлилъ составъ и качество матеріала, употребленнаго на постройку, и въ общихъ чертахъ прослѣдилъ процессъ, какимъ созидалась эта постройка, и, наконецъ, опредѣлилъ особенности его архитектурнаго стиля. Во второй и въ третьей (литографированныя

лекціи) онъ ставитъ вопросъ о томъ, какъ жилось народу въ обрисованной уже исторической постройкѣ, то-есть касается явленій духовной жизни; но вотъ тутъ-то и сказывается его отличіе отъ правовѣрныхъ матеріалистовъ: онъ не выводитъ этихъ явленій духовной жизни изъ условій матеріальнаго быта, какъ равно вмѣстѣ съ тѣмъ и не противопоставляетъ духовнаго матеріальному. Онъ утверждаетъ: «Можно, въ извѣстномъ смыслѣ, согласиться, что весь процессъ человѣческой эволюціи совершается подъ вліяніемъ могущественнаго импульса—необходимости приспособиться къ окружающей средѣ. Но отношенія человѣка къ окружающей средѣ не ограничиваются одною только экономическою потребностью. Въ человѣческой психикѣ отношенія эти являются настолько уже дифференцированными, что историку приходится отказаться отъ всякой надежды—свести всѣ ихъ къ какому-то первобытному единству. Ему остается лишь слѣдить за параллельнымъ развитіемъ и дальнѣйшимъ дифференцированіемъ многоразличныхъ сторонъ человѣческой натуры въ доступномъ его наблюденіямъ періодѣ соціальнаго процесса. Составляя вмѣстѣ одно неразрывное цѣлое, всѣ эти стороны развиваются, конечно, въ тѣснѣйшей связи и взаимодѣйствіи (хотя, чѣмъ дальше идетъ процессъ эволюціи, чѣмъ онъ становится сложнѣе,—тѣмъ связь эта становится менѣе тѣсною и параллелизмъ развитія—менѣе правильнымъ). Но, во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ изучать взаимодѣйствіе разныхъ сторонъ человѣческой культуры, надо познакомиться съ ихъ внутренней эволюціей». Въ силу такой-то постановки вопроса онъ и слѣдитъ за развитіемъ теоретическаго и нравственнаго пониманія, «независимо отъ измѣненій въ удовлетвореніи экономической потребности».

Духовная жизнь русскаго народа, въ свою очередь, раздѣлена имъ на двѣ группы. Въ одной (2-я ч. «Очерковъ») онъ знакомитъ насъ съ главными факторами духовной культуры, соотвѣтствующими состоянію чувства и мысли общества—съ исторіей развитія у насъ церкви и школы; другая посвящена проявленію «волевой» дѣятельности общества и обрисовываетъ значеніе «общественной жизни», развитіе общественнаго мнѣнія на протяженіи двухъ послѣднихъ столѣтій. Вотъ въ главныхъ чертахъ объемъ и содержаніе того матеріала, съ которымъ намъ приходится ознакомиться, и который исчерпываетъ собою культурную исторію Россіи. Я уже говорилъ въ самомъ началѣ статьи, что задачи автора—популяризація историческаго знанія, поэтому и къ работѣ его слѣдуетъ подходить, непрестанно имѣя эту задачу въ виду. Строгій судъ спеціалистовъ безъ особаго труда, конечно, отмѣтитъ много академическихъ погрѣшностей новаго архитектора русскаго историческаго зданія, но работа г. Милюкова предназначается не для нихъ. Ихъ дѣло лишь призадуматься надъ погрѣшностями и пробѣлами въ его черновомъ архитектурномъ рисункѣ и рѣшить: не виновата ли сама

спеціальная наука, которая не можетъ пока дать въ руки автору недостающаго ему матеріала? Аудиторія же г. Милюкова будетъ иная и очень широкая, которая, ознакомившись съ пріемами, цѣлями и результатами его изслѣдованій, вынесетъ отсюда не мало новаго и поучительнаго. Она, несомнѣнно, отрѣшится отъ массы предразсудковъ, неизбѣжно и глубоко въ нее внѣдренныхъ школою и жизнью, перестанетъ молиться прежнимъ идоламъ и фетишамъ и, просвѣтленная въ своемъ разумѣніи истины, обратитъ умственные взоры къ инымъ свѣтлымъ перспективамъ будущаго прогресса, который пока только слабо брезжится въ проявленіяхъ лучшей передовой мысли нашего времени. Въ ряду этихъ проявленій «Очеркамъ по исторіи русской культуры» г. Милюкова принадлежитъ во всякомъ случаѣ не послѣднее мѣсто. Вотъ почему такъ и желательно, чтобы 3-я часть его работы, которою приходится пока пользоваться въ черновомъ ея видѣ, въ конспектѣ, появилась скорѣе въ печати.

VI.

Ставъ въ отрицательное отношеніе къ нашимъ «субъективистамъ» и «экономическимъ матеріалистамъ», г. Милюковъ въ «Введеніи» къ своимъ «Очеркамъ» раскрываетъ вполнѣ откровенно, куда направляются всецѣло его симпатіи, и къ какому направленію онъ себя причисляетъ. По его убѣжденію, истинный предметъ исторіи— не біографіи «вождей», хотя бы извѣстныя намъ въ малѣйшихъ подробностяхъ, а жизнь народной массы, повидимому, намъ неизвѣстная. Такая исторія «безъ собственныхъ именъ, безъ событій, безъ сраженій и войнъ, безъ дипломатическихъ хитростей и мирныхъ трактатовъ,—не только не будетъ недостовѣрна, но она, напротивъ, будетъ несравненно достовѣрнѣе той исторіи, къ которой насъ пріучали до сихъ поръ историки-повѣствователи». Исторія народной массы заключаетъ въ себѣ только одно существенное и несомнѣнное, ее можно изучать наиболѣе точнымъ методомъ,—методомъ наблюденія массовыхъ явленій, т.-е. статистикой, и, наконецъ, въ силу своего содержанія и метода она даетъ намъ впервые возможность понять причины и смыслъ историческихъ явленій. «Такимъ образомъ,—говоритъ г. Милюковъ,—исторія перестанетъ быть предметомъ простой любознательности, пестрымъ сборникомъ «дней прошедшихъ анекдотовъ» и сдѣлается предметомъ, способнымъ возбудить научный интересъ и принести практическую пользу». Отсюда тотъ непосредственный выводъ, что изученіе внѣшней (прагматической, политической) исторіи должно уступить мѣсто изученію внутренней (бытовой или культурной).

Что же называется культурною исторіей? Въ виду существующихъ по настоящему предмету разногласій среди нашихъ ученыхъ, разногласій, имѣющихъ своимъ источникомъ главнымъ образомъ ен-

правильную терминологію, г. Милюковъ полагаетъ въ пониманіи слова «культурная» вернуться къ первоначальному употребленію этого слова, т.-е. пользоваться имъ въ томъ болѣе широкомъ смыслѣ, въ которомъ оно обнимаетъ всѣ стороны внутренней исторіи: и экономическую, и соціальную, и государственную, и умственную, и нравственную, и религіозную, и эстетическую. «Этимъ устраняются, конечно, только одни терминологическія недоразумѣнія,—говоритъ онъ; вопросъ о томъ, какая или какія изъ перечисленныхъ сторонъ общественной жизни должны считаться главными и основными, и какія — вторичными или производными,—этотъ вопросъ остается открытымъ. Еще недавно въ основу историческаго процесса историки полагали развитіе духовнаго начала; въ наше время все болѣе распространяется противоположное мнѣніе, по которому все содержаніе исторіи сводится къ развитію матеріальныхъ потребностей. Оба эти взгляда представляются намъ, однако, одинаково односторонними, и споръ о первенствѣ того или другого элемента культурной исторіи кажется намъ тоже не особенно плодотворнымъ. Мы должны, конечно, отличать болѣе простыя явленія общественнаго развитія отъ болѣе сложныхъ, но попытки свести всѣ перечисленныя стороны исторической эволюціи къ какой нибудь одной мы считаемъ совершенно безнадежными. Если гдѣ нибудь можно различать простое и сложное, то это не въ разныхъ сторонахъ человѣческой природы, а въ различныхъ ступеняхъ ея развитія. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ развитіе каждой стороны исторической жизни начинается съ простого и кончается сложнымъ. Чѣмъ ближе къ началу процесса, тѣмъ элементарнѣе проявленія различныхъ сторонъ жизни—матеріальной и духовной,—тѣмъ тѣснѣе эти стороны связаны другъ съ другомъ. Чѣмъ далѣе развивается процессъ, тѣмъ болѣе различныя стороны процесса выдѣляются другъ отъ друга, и тѣмъ сложнѣе становятся продукты ихъ взаимодѣйствія».

Культурная исторія по своему значенію можетъ отвѣчать или научному интересу или практической пользѣ. Въ первомъ случаѣ уясняется закономѣрность историческаго процесса, во второмъ—цѣлесообразность, въ первомъ раскрывается передъ нами причинная связь явленій, во второмъ—ихъ смыслъ. Каковъ же личный взглядъ г. Милюкова на научное объясненіе исторіи? Въ основѣ научнаго объясненія, говоритъ онъ, должна лежать идея закономѣрности историческаго процесса. «Цѣлесообразная дѣятельность личности, съ точки зрѣнія науки, есть только одно изъ видоизмѣненій причинной связи явленій: это тотъ же закономѣрный процессъ, перенесенный изъ области внѣшняго міра въ область психической жизни. Цѣлесообразный же ходъ исторіи нисколько не вытекаетъ самъ по себѣ изъ цѣлесообразной дѣятельности личности, хотя и можетъ сдѣлаться цѣлью ея сознательныхъ стремленій. Какихъ бы сложныхъ и высокихъ формъ ни достигало развитіе сознательной

дѣятельности личности, эта дѣятельность нисколько не мѣшаетъ научному представленію о закономѣрномъ ходѣ исторіи, а является только лишнимъ факторомъ, подлежащимъ научному изученію и объясненію съ точки зрѣнія закономѣрности. Такимъ образомъ, свободное творчество личности никоимъ образомъ нельзя противопоставлять законамъ историческаго процесса, такъ какъ и самое это творчество входитъ въ рамки тѣхъ же самыхъ законовъ. Такое широкое примѣненіе идеи закономѣрности необходимо вытекаетъ изъ современнаго взгляда на міръ, точно такъ же же, какъ идея цѣлесообразности вытекала изъ стараго міросозерцанія. Мы принимаемъ закономѣрность историческихъ явленій совершенно независимо отъ того, можетъ ли исторія открыть намъ эти искомые законы. Если бы даже намъ никогда не суждено было открыть ни одного историческаго закона, мы, по необходимости, должны были бы все-таки предполагать закономѣрность соціальнаго процесса».

Такимъ образомъ, выкидывая знамя научно-реалистическаго направленія, г. Милюковъ подступаетъ къ анализу историческихъ явленій русской жизни съ точки зрѣнія ихъ закономѣрнаго процесса. Расчленивъ явленія соціальной среды на случайныя и основныя, онъ беретъ содержаніемъ своихъ «Очерковъ» только основные процессы и явленія, характеризующіе русскую общественную эволюцію, при чемъ оставляетъ хронологическія рамки въ сторонѣ и обрисовываетъ лишь разныя стороны историческаго процесса въ систематическомъ порядкѣ. Для приведенія же во взаимную связь различныхъ сторонъ соціальнаго развитія онъ пользуется перекрестными ссылками, чѣмъ отчасти и уничтожаетъ кажущуюся съ перваго раза въ его работѣ изолированность отдѣльныхъ историческихъ эволюцій. Исходя изъ этихъ главныхъ положеній, авторъ «Очерковъ» приступаетъ сначала (1 ч.) къ построенію стѣнъ историческаго зданія, которое во второй части онъ уже наполняетъ жизненнымъ матеріаломъ и содержаніемъ.

VII.

Разсмотрѣвъ въ первомъ очеркѣ вопросъ о населеніи Россіи (численность и составъ) въ связи съ экономическимъ развитіемъ страны, колонизаціей и территоріальнымъ разселеніемъ, г. Милюковъ приходитъ къ заключенію, что «историческій процессъ, проходящій черезъ всю русскую исторію, оказался и до сихъ поръ недоконченнымъ. Въ составѣ населенія далеко не завершился вѣковой процессъ сліянія различныхъ этнографическихъ элементовъ и образованія новыхъ разновидностей русскаго племени. Въ размѣщеніи населенія прекратилось дѣйствіе историческихъ причинъ, оттѣснившихъ русское населеніе на сѣверъ и державшихъ его въ этомъ положеніи въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ. Въ 200—300 лѣтъ ре-

зультатъ дѣйствія этихъ причинъ, конечно, не могъ вполнѣ изгладиться, и населеніе не успѣло еще разселиться по Россіи сообразно естественнымъ богатствамъ ея различныхъ мѣстностей. Но съ каждымъ годомъ процессъ разрушенія послѣдствій, созданныхъ исторіей, быстро идетъ впередъ. Настоящее все болѣе стремится оторваться отъ прошлаго, а вмѣстѣ съ этимъ и «завѣты исторіи» все болѣе теряютъ надъ нами свою фатальную силу». Второй очеркъ посвященъ «экономическому быту»; здѣсь авторъ разсматриваетъ натуральное хозяйство въ древней Руси, переходъ отъ хищнической эксплоатаціи зоологическихъ богатствъ къ земледѣльческой культурѣ и ея видоизмѣненіямъ. Далѣе слѣдуетъ изображеніе городской жизни, состояніе фабричной промышленности, а такъ же кустарной, и измѣненія во внутреннемъ ея строѣ. Послѣдняя глава этой части касается вопросовъ путей сообщенія, торговли внутренней и внѣшней, тарифовъ, исторіи денежнаго обращенія и развитія кредита. Заканчивая второй очеркъ, г. Милюковъ дѣлаетъ слѣдующій итогъ: «Грандіозный ростъ нашего промышленнаго развитія до сихъ поръ покоится на фундаментѣ, отчасти слишкомъ элементарномъ, отчасти слишкомъ искусственномъ,—говоритъ онъ. Русская промышленность сдѣлала колоссальные успѣхи, но государство все еще не рѣшается предоставить ее ея собственнымъ силамъ. Русская торговля чрезвычайно расширила свои обороты; но подавляющій процентъ нашего вывоза продолжаетъ состоять изъ сырья, и въ томъ числѣ хлѣбъ составляетъ болѣе половины всей суммы. Русская желѣзнодорожная сѣть быстро достигла значительныхъ размѣровъ, но, во-первыхъ, изъ каждаго рубля, затраченнаго на желѣзныя дороги, частные предприниматели внесли только 8 коп., а остальныя 92 коп. доплатило правительство; а, во-вторыхъ, главный доходъ доставляютъ желѣзнымъ дорогамъ хлѣбные грузы и сельскіе рабочіе. Обращеніе капиталовъ въ странѣ значительно усилилось, но большая часть этихъ капиталовъ употребляется для того, чтобы обернуться съ русскимъ урожаемъ: каждую осень деньги отливаютъ изъ банковъ въ провинцію, и потребность въ денежныхъ знакахъ усиливается настолько, что правительство къ этому времени дѣлаетъ усиленные выпуски новыхъ бумажныхъ денегъ. Сдѣлавъ свое дѣло, т.-е. купивъ и продавъ хлѣбъ, деньги снова возвращаются въ правительственныя и частныя кассы».

Третій очеркъ обнимаетъ собою государственный строй—войско, финансы и учрежденія. Отмѣтивъ первобытность русской экономической жизни, онъ считаетъ заранѣе нужнымъ предупредить читателей, что отъ русской общественной организаціи не слѣдуетъ ожидать какой либо сложности и законченности. Г. Милюковъ начинаетъ свое обслѣдованіе матеріала здѣсь прямо съ образованія Московскаго государства, полагая, что у Кіевской Руси были совсѣмъ иныя условія историческаго развитія. Русская государствен-

ная организація, по его мнѣнію, была вызвана къ жизни внѣшними потребностями, насущными и неотложными: потребностями самозащиты и самосохраненія. «Матеріальныя средства государства, его экономическое развитіе такъ и остались незначительными, но государственныя потребности росли внѣ всякой пропорціи съ этими матеріальными средствами. Надо было защищать собственное существованіе: слѣдовательно, надо было найти для этого средства. Для этого надо было даже ихъ вызвать, создать, если ихъ не оказывалось на лицо; для этого приходилось, хотя бы искусственно, развивать общественную самодѣятельность. Такимъ образомъ, благодаря настоятельнымъ государственнымъ потребностямъ, и создалось всемогущее государство на самой скудной матеріальной основѣ». Указавъ, каковы были насущныя потребности государственной власти, онъ излагаетъ далѣе и мѣры, употребленныя послѣднею для удовлетворенія своихъ потребностей. Мѣры эти главнѣйше касались развитія военныхъ силъ. «Потребность въ военной силѣ,— говоритъ онъ,— самая основная, но и самая элементарная потребность, была съ самаго начала и осталась до нашего времени главнѣйшею потребностью государства. Послѣ обороны государства сохраненіе внутренняго порядка является наиболѣе насущною задачей государственной власти... Но и теперь, при разсмотрѣніи главныхъ статей государственныхъ расходовъ Россіи, мы не можемъ не замѣтить, что эта государственная задача долго оставалась для русскаго правительства на второмъ планѣ». Иллюстрируя свои мысли наглядно составленными таблицами по рубрикамъ лѣтъ и статей расходовъ [1]), г. Милюковъ рисуетъ отчетливую картину, какъ развивались русскіе бюджеты, и какъ прогрессировали тѣ или иныя статьи нашихъ расходовъ. Изъ этой таблицы мы видимъ, что на первомъ мѣстѣ всегда стоялъ расходъ военный, затѣмъ слѣдуютъ траты на финансовое управленіе и хозяйство казны. Остальныя потребности русской жизни удовлетворялись самою незначительною частью нашего бюджета. Покончивъ съ бюджетами, г. Милюковъ обрисовываетъ состояніе прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и податей и переходитъ къ исторіи учрежденій. Эта исторія опять-таки поставлена имъ въ непосредственную связь и соотношеніе съ быстро возроставшими у насъ потребностями въ войскѣ и деньгахъ, почему и каждая военно-финансовая перемѣна непосредственно сопровождалась реорганизаціей государственныхъ учрежденій. Послѣ исторіи учрежденій авторъ даетъ послѣдній очеркъ, посвященный «сословному строю». Развитіе у насъ сословій, по мнѣнію г. Милюкова, какъ и развитіе учрежденій, находилось всегда въ ближайшей зависимости отъ наростанія финансовыхъ и военныхъ потреб-

[1]) Въ текстѣ 1-й ч. «Очерковъ» помѣщено 8 чрезвычайно оригинальныхъ и самостоятельно составленныхъ картъ, картограммъ и діограммъ.

ностей; при этомъ формированіе нашей общественной организаціи не предшествовало государственной, какъ то было на Западѣ, но слѣдовало за ней и постоянно стремилось удовлетворить задачамъ послѣдней. «Сильная государственная власть нужна была для военной обороны страны, и военныя потребности надолго остались первенствующими потребностями государства,— утверждаетъ онъ. Для ихъ удовлетворенія государство должно было создать общественную организацію, скрѣпить общественныя связи. Такимъ образомъ, возникла волостная связь крестьянскихъ (и городскихъ) міровъ для удовлетворенія потребности въ деньгахъ и уѣздная связь служилаго сословія для удовлетворенія потребности въ войскѣ. По мѣрѣ увеличенія государственныхъ нуждъ и по мѣрѣ отягощенія населенія налогами, связь эта становилась все болѣе и болѣе принудительною и привела, наконецъ, въ XVII вѣкѣ ко всеобщему закрѣпощенію сословій: крестьянскаго такъ же, какъ и городского и служилаго. Это закрѣпощеніе впервые въ Россіи положило рѣзкія границы между сословіями и существенно содѣйствовало развитію ихъ внутренней организаціи. Съ XVIII столѣтія начинается обратное движеніе къ раскрѣпощенію, и при прямомъ содѣйствіи правительства сословія начинаютъ проникаться духомъ внутренней самостоятельности. Однако же, это развитіе сословнаго духа въ концѣ концовъ оказалось временнымъ и наноснымъ продуктомъ переходной эпохи; дальнѣйшее развитіе общественной самодѣятельности совершалось въ противоположномъ смыслѣ безсословности, и въ результатѣ получилось къ нашему времени полное разрушеніе и перетасовка старыхъ сословныхъ элементовъ. Тѣ же причины, которыя помѣшали развитію сословной жизни въ Россіи, казалось, должны были содѣйствовать развитію государственности. Но государственность Россіи не становилась въ разрѣзъ съ сословною жизнью и употребляла или даже создавала сословныя группы, какъ орудія для своихъ правительственныхъ цѣлей. Причиной этого было то, что и правительству долго не хватало собственныхъ правительственныхъ органовъ: развитіе правильнаго управленія совершалось въ Россіи чрезвычайно медленно».

Формулируя выводы, вытекающіе изъ первой части «Очерковъ», г. Милюковъ самъ сводитъ ихъ къ двумъ основнымъ чертамъ русской исторической жизни: ея крайней элементарности и совершенному своеобразію отъ историческаго развитія Запада. Эти обѣ черты, подмѣченныя еще прежними изслѣдователями, легли въ основаніе двухъ нашихъ научно-политическихъ направленій — націоналистовъ и западниковъ, строившихъ на этихъ типическихъ сторонахъ нашей культуры будущія судьбы Россіи. Но г. Милюковъ считаетъ выводы тѣхъ и другихъ ошибочными и односторонними. Намъ нѣтъ надобности, думаетъ онъ, ни возвращаться къ традиціямъ старины, ни заново переживать весь путь исторической жизни, прой-

денный Европой, но равнымъ образомъ не слѣдуетъ ради архаической допетровской традиціи сторониться европейскаго просвѣщенія. «Стихійная, безсознательная въ теченіе многихъ вѣковъ и потомъ быстро, лихорадочно двинувшаяся впередъ два вѣка тому назадъ, наша историческая жизнь должна была привести къ разрыву со старою традиціей,—говоритъ г. Милюковъ, — а для созданія новой традиціи условія русской духовной культуры сложились слишкомъ неблагопріятно. Но неблагопріятныя условія рано или поздно измѣнятся, и новая традиція будетъ имѣть время сложиться... Та же жизнь, которая создала допетровскій чинъ жизни, привела неотвратимо къ его разрушенію раньше даже, чѣмъ воспитаніе могло успѣть сдѣлать это сознательно. Понятное дѣло, что и наша собственная сознательная дѣятельтельность должна быть направлена не на поддержаніе этого археологическаго остатка отдаленной старины, а на созданіе новой русской культурной традиціи, соотвѣтствующей современнымъ общественнымъ идеаламъ».

Эти слова г. Милюкова, гдѣ онъ уже заглядываетъ за предѣлы внѣшней современной структуры нашей исторической жизни, служатъ нѣкоторымъ переходомъ ко 2-й и 3-й частямъ «Очерковъ», посвященнымъ общественнымъ идеаламъ и духовной жизни русскаго народа. Къ разсмотрѣнію этихъ частей мы теперь и обратимся.

VIII.

Обрисовавъ въ первой части «Очерковъ» историческое зданіе, въ коемъ провелъ жизнь русскій народъ, г. Милюковъ во второй части ставитъ вопросъ: какъ жилось въ этомъ зданіи его обитателямъ? Къ чему они стремились? Отвѣтомъ на эти вопросы служитъ разсмотрѣніе дѣятельности и возникновенія отечественной «церкви и школы», главныхъ факторовъ всякой духовной культуры вообще. Очеркъ (5-й) «церковь и вѣра» разсматривается по слѣдующимъ главнымъ вѣхамъ— русская религіозность, національзація русской вѣры и церкви, происхожденіе и судьбы раскола, поповщина и безпоповщина, позднѣйшія проявленія сектантства, судьба и состояніе господствующей церкви. Очеркъ 6-й посвященъ «церкви и творчеству», гдѣ анализировано взаимоотношеніе церкви и литературы, а также церкви и искусства отъ первыхъ вліяній у насъ христіанства до новѣйшаго времени. Очеркъ 7-й обнимаетъ собою «школу и образованіе» и излагаетъ исторію школьнаго дѣла отъ допетровскихъ временъ, кончая нашими днями. Заключительная глава посвящена духовной розни интеллигенціи и народа, то-есть тому идейному положенію, которое г. Милюковъ проводитъ красною нитью черезъ всю вторую часть работы. Здѣсь, въ этой заключительной части, сосредоточена вся конспективная программа второй серіи «Очерковъ», почему, оставляя изложеніе выводовъ предшествовавшихъ главъ, за неимѣніемъ

мѣста, въ сторонѣ, ознакомимся лишь съ заключительнымъ резюме автора.

Отмѣтивъ, что въ Россіи, какъ и въ остальныхъ европейскихъ странахъ, разрывъ интеллигенціи и народа произошелъ въ области вѣры, г. Милюковъ всю тяжесть вопроса кладетъ въ разъясненіи того, какъ произошелъ этотъ разрывъ, и отсюда уже дѣлаетъ умозаключеніе относительно индивидуальной физіономіи русскаго культурнаго процесса. Авторъ сопоставляетъ въ началѣ результаты вліянія церкви на западѣ и у насъ и говоритъ: «Западно-европейская церковь съ первыхъ шаговъ своего существованія рѣшительно взяла въ свои руки духовно-нравственную реформу варварскаго общества, въ которомъ пришлось ей дѣйствовать. Реформу эту ей удалось провести такъ успѣшно, что къ исходу среднихъ вѣковъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ глухихъ угловъ, въ Европѣ не осталось и слѣдовъ стараго языческаго міровоззрѣнія. Правда, церковь и сама пострадала и загрязнилась во время этой черной работы; правда и то, что въ результатѣ ея дѣятельности получалось не чистое христіанство первыхъ вѣковъ, а какая-то амальгама старыхъ и новыхъ вѣрованій. Но церковь сама шла на это: она предпочитала пустить въ оборотъ ввѣренныя ей идеи, съ рискомъ подвергнуть ихъ искаженію, чѣмъ хранить ихъ неприкосновенными подъ крѣпкимъ запоромъ. Въ результатѣ она вызвала въ обществѣ активное отношеніе къ теоретическимъ и нравственнымъ истинамъ вѣры. Въ итогѣ этой совмѣстной работы и получился новый продуктъ, не похожій ни на одинъ изъ своихъ ингредіентовъ... Но не отдѣляя ученія отъ жизни, церковь рисковала, какъ вѣрно замѣтили славянофилы,—упустить изъ рукъ руководство жизнью. Вѣра становилась личнымъ дѣломъ и заботой каждаго; религія выигрывала отъ этого въ той же степени, въ какой проигрывала церковь. Дальше—развитіе вѣрованій пошло различно, смотря потому, какъ церковь относилась къ этой перемѣнѣ своего положенія. Въ романскихъ странахъ ей снова удалось овладѣть положеніемъ; въ германскихъ она была унесена общимъ потокомъ. Въ обоихъ случаяхъ разрывъ со старыми вѣрованіями совершился безповоротно; но въ зависимости отъ отношенія церкви тамъ и здѣсь этотъ разрывъ принялъ различный характеръ. Два главные типа европейской мысли и жизни—типъ англійскій и типъ французскій—нагляднѣе всего покажутъ намъ, какова могла быть дальнѣйшая роль церкви въ этомъ разрывѣ». Обрисовавъ краткими, но выразительными штрихами оба отмѣченные типа, г. Милюковъ переходитъ къ роли церкви для русской жизни. Онъ утверждаетъ, что въ первые вѣка своего существованія русская церковь по составу своихъ представителей была слишкомъ слаба для выполненія той культурной миссіи, которую выполнила западная церковь. Слѣдствіемъ этого было то, что русская языческая старина долго оставалась неприкосновенною и мирно уживалась рядомъ съ офиціаль-

ными формами новой вѣры. Реформированная въ XV вѣкѣ вѣра начала только тогда производить на русское общество вліяніе и приняла въ силу первичной необходимости характеръ обрядоваго формализма. Созданная такимъ путемъ интеллигентная работа русской мысли XVI вѣка дала результаты оригинальные и неправильные. Представители русской церкви, съ помощью своихъ греческихъ руководителей, скоро открыли, что эти результаты есть плодъ своей, мѣстной работы, и нашли, что они стоятъ въ противорѣчіи съ вселенскимъ преданіемъ. Итакъ, этого рода работа была осуждена и должна была немедленно прекратиться. Къ другого рода дѣятельности въ области религіи общество было тогда неспособно, да и вообще дѣятельному отношенію къ дѣламъ вѣры ставились очень узкіе предѣлы. Такимъ образомъ, выбирать было не изъ чего. Церковь лишала общественную мысль ея кровнаго достоянія, которое она только что привыкла цѣнить, и ничего не давала взамѣнъ. Но работу мысли остановить было нельзя; отвергнутая церковью, она продолжалась внѣ церковной ограды; лишенная свѣта, она велась во тьмѣ; преслѣдуемая, она производилась тайно. Мало-по-малу изъ культурныхъ слоевъ она перешла въ XVII вѣкѣ къ народу и вызвала въ немъ такое оживленіе религіознаго чувства, подобнаго которому до тѣхъ поръ на Руси не было. Но весь этотъ запасъ религіознаго одушевленія пропалъ даромъ для тогдашней интеллигенціи и для церкви. Наученная опытомъ, церковь крѣпко берегла свое добро, и это ей теперь было не трудно, такъ какъ никто на него больше не посягалъ. Большинство интересовавшихся живою работой религіозной мысли ушло теперь совсѣмъ изъ церковной ограды. Изъ оставшихся не всѣ, конечно, были равнодушны къ духовнымъ запросамъ, но религія въ числѣ этихъ запросовъ уже не занимала у нихъ перваго мѣста. Эти условія не могли не отозваться и на положеніи самой церкви. Разорвавъ съ своимъ прошлымъ, она лишила себя силы въ настоящемъ. Оставленная съ своими притязаніями лицомъ къ лицу съ могущественною государственною властью и находившая лишь слабую поддержку со стороны паствы, она должна была подчиниться и войти въ рамки другихъ государственныхъ учрежденій». Отдѣлившись такимъ образомъ отъ народной жизни, она предоставила послѣднюю собственному усмотрѣнію, и эта послѣдняя, продолжая развиваться самостоятельно, прошла въ послѣдніе два вѣка цѣлый рядъ любопытныхъ фазисовъ (расколъ, сектантство). Власть мало интересовалась этимъ процессомъ развитія народной вѣры и не много о немъ знала, церковь же дѣйствовала по отношенію его только, какъ административный органъ надзора.

Судьба русской вѣры опредѣлила и судьбу русскаго творчества. Западная церковь, пробудивши народное чувство, дала и народной фантазіи новое направленіе. Подъ ея непосредственнымъ воздѣйствіемъ тамъ, на Западѣ, создались христіанская архитектура, живо-

пись, скульптура и музыка. Ничего подобнаго не случилось у насъ. Въ Россіи, говоритъ г. Милюковъ, «первые значительные успѣхи вѣры въ XVI столѣтіи тоже сопровождались творческою работой фантазіи. Христіанская легенда впервые начала конкурировать съ продуктами стараго народнаго творчества; архитектура, оставивъ простое подражаніе, пробовала посвоему разработывать чисто-національныя темы; въ иконографіи появились первые признаки стремленія къ «живству». Скоро, однако, все это подверглось строгому осужденію церкви; самостоятельное развитіе національнаго творчества, какъ и національной вѣры, было остановлено въ самомъ зародышѣ. Христіанская поэзія превратилась въ раскольничій стихъ, и на этомъ остановилась; въ архитектурѣ и иконописи фантазія художника ограничена была самыми тѣсными предѣлами и въ лучшемъ случаѣ должна была довольствоваться компромиссомъ между его новыми влеченіями и преданіями старины—греческой, а не русской. Искусство потеряло свою публику, какъ церковь—паству; оно продолжало работать только для условныхъ потребностей комфорта, какъ та—для условныхъ потребностей школы. Особенности русской жизни и мысли ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не находили больше возможности обнаружиться. Естественно, что, когда, послѣ долгаго промежутка, самостоятельное русское искусство возникло вновь, оно (за исключеніемъ архитектуры) не могло опереться ни на какую историческую традицію; смѣло и рѣшительно оно пошло на встрѣчу новымъ требованіямъ русской интеллигенціи и, начавъ свое развитіе опять съ начала, удивило постороннихъ наблюдателей варварскою силой и свѣжестью своихъ впечатлѣній».

Неутѣшительными также рисуются результаты взаимодѣйствія церкви на школьное дѣло въ Россіи: въ противность Западу, школа у насъ создалась и развилась внѣ церковнаго вліянія и исключительно подъ принудительнымъ давленіемъ государственной власти. Приступивъ къ устройству школы, государство не встрѣтило не только конкурента въ лицѣ церкви, но даже побудило администрацію послѣдней завести собственныя школы. Школьное дѣло стало такимъ образомъ государственною повинностью и получало характеръ вдвойнѣ правительственный: по своему происхожденію и по своему назначенію. Въ концѣ концовъ, послѣ ряда понудительныхъ мѣръ и небольшой борьбы съ общественными начинаніями въ дѣлѣ просвѣщенія, государство цѣликомъ сосредоточило въ своихъ рукахъ школьное образованіе. Авторъ пропускаетъ вопросъ, что же сдѣлала государственная школа для интеллигенціи, но считаетъ долгомъ лишь замѣтить, что «уже частыя реформы школы въ XIX столѣтіи показываютъ намъ, что результаты школьнаго преподаванія не совсѣмъ соотвѣтствовали намѣреніямъ государственной власти. Во всякомъ случаѣ, государству приходилось бороться не съ клерикализмомъ. Оно, напротивъ, совершенно основательно находило, что воспита-

тельное вліяніе церкви входитъ слишкомъ слабымъ элементомъ въ составъ нашего общественнаго воспитанія. Къ большому удивленію иностранцевъ, у насъ высказались даже намѣренія создать государственными средствами клерикальную школу. Но, зная причины ея неуспѣха въ прошломъ, трудно было бы предсказывать этой школѣ удачу въ будущемъ. Слишкомъ много прожито русскимъ обществомъ и русскимъ народомъ, чтобы можно было уничтожить плоды прожитаго. Совершенно вѣрно, что, вопреки общепринятому мнѣнію, русская жизнь въ ея прошломъ была не слишкомъ много, а слишкомъ мало проникнута началомъ вѣры. Но прошлаго не воротишь, а пополнять этотъ пробѣлъ теперь, триста лѣтъ спустя послѣ того, какъ моментъ былъ (и не могъ не быть) пропущенъ, значило бы повторять ошибку Чаадаева, не имѣя при томъ даже и его основаній. Онъ совѣтовалъ попробовать на Россіи средство, оказавшееся плодотворнымъ въ Европѣ. Намъ совѣтуютъ, напротивъ, испытать средство, уже оказавшееся безсильнымъ въ Россіи. Историку остается только утѣшаться тѣмъ, что ни пересадить Европу въ Россію, ни сдѣлать русское прошлое настоящимъ одинаково невозможно».

Такимъ образомъ, бросая ретроспективный взглядъ на пройденный авторомъ изслѣдованія путь, мы видимъ, что онъ съ удивительною послѣдовательностью вездѣ проводитъ мысль о незначительномъ вліяніи на русскую жизнь церкви, о ея обособленности и пассивности, что все вмѣстѣ взятое и послужило краеугольнымъ основаніемъ разрыва интеллигенціи и народа и что наложило своеобразный отпечатокъ на этотъ самый разрывъ. Г. Милюковъ говоритъ: «Британская религія возрастила и воспитала британскую мысль, и сама вмѣстѣ съ ней выросла: вотъ секретъ господства религіозныхъ идей надъ умомъ даже современнаго британца. Французская религія, напротивъ, сдѣлала всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать развитію современнаго научнаго и философскаго духа: отсюда враждебное отношеніе къ ней француза. Что касается русской религіи, она не имѣла возможности сдѣлать ни того, ни другого. Она не возбуждала мысли къ дѣятельности и не преслѣдовала ее инквизиціонными трибунами. Вотъ почему отношеніе интеллигентнаго русскаго къ религіи осталось такимъ, какимъ создала это отношеніе исторія».

Этими словами заканчивается вторая печатная часть «Очерковъ», отдѣланныхъ и самимъ авторомъ подготовленныхъ къ печати. Теперь намъ приходится обратиться къ той части его работы, которая дѣлается предметомъ обсужденія, лишь благодаря рекомендаціи «Отдѣла для содѣйствія самообразованію» при комитетѣ Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній, и которая по своему содержанію какъ бы служитъ 3-й черновою частью разсмотрѣнныхъ выше «Очерковъ по исторіи русской культуры». Я намѣренно употребляю слово черновой, потому что, если сравнить 2-ю часть «Очерковъ»

съ такою же частью лекцій по «Введенію въ русскую исторію», то мы наглядно убѣдимся, что эти «Очерки» вытекли именно изъ лекцій. Поэтому я и полагаю, что и 3-я часть лекцій, имѣющаяся въ нашей Публичной Библіотекѣ, составляетъ канву или конспексъ ненаписанной еще 3-й части «Очерковъ»—и та и другая,—обѣщанная авторомъ работа,—имѣютъ одинаковое содержаніе и преслѣдуютъ одинаковую задачу. Но пользованіе этими лекціями возможно только съ нѣкоторою оговоркой. Хотя въ нихъ и сказано, что онѣ просмотрѣны и редактированы г. Милюковымъ, необходимо, однако, имѣть въ виду, что все же онѣ не имъ самимъ составлены, а лишь записаны его слушателями. Если мысль и логическій ходъ ея развитія и воспроизведены правильно, если содержаніе — фактическое изложеніе событій тоже не страдаютъ отступленіями, то стилистика, способъ изложенія, не является продуктомъ работы самого профессора, и за нихъ онъ не несетъ отвѣтственности.

IX.

Курсъ, о коемъ идетъ сейчасъ рѣчь, обнимаетъ собою волевую дѣятельность русскаго общества, или, иначе говоря, посвящена развитію общественной нашей жизни и тѣмъ результатамъ, которые она дала на протяженіи двухъ послѣднихъ столѣтій. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію намѣченной задачи, г. Милюковъ усиленно подчеркиваетъ всю трудность этой задачи. По его мнѣнію, изъ всѣхъ легальныхъ средствъ общественной дѣятельности, свойственныхъ Западной Европѣ, русское общественное мнѣніе могло пользоваться до сихъ поръ только однимъ, и то въ болѣе или менѣе ограниченной степени, а именно печатью. Естественно, что за неимѣніемъ прямыхъ путей для своего проявленія русское общественное мнѣніе постоянно прибѣгало къ косвеннымъ: театръ и изящная литература, школа и земство, наука и даже религія, не разъ служили для выраженія политическихъ тенденцій, не находившихъ болѣе прямого и естественнаго выхода. Изъ такого положенія дѣлъ и вытекла та безформенность, неопредѣленность рамокъ и границъ, въ проявленіяхъ этого общественнаго мнѣнія, которыя затрудняютъ изслѣдователя. Не смотря, однако, на отсутствіе возможности легальной партійной борьбы у насъ, общественное мнѣніе неоднократно имѣло возможность сдѣлаться мнѣніемъ власти, такъ что не разъ уже случалось въ нашей исторіи, что «сегодняшнее общественное мнѣніе становится завтрашнимъ правительствомъ, точно также какъ сегодняшняя правительственная программа обращалась завтра въ простое мнѣніе партіи».

Разсматривая наростаніе въ нашей исторіи «общественнаго мнѣнія», мы видимъ, что въ XVII вѣкѣ о немъ нечего было думать,

такъ какъ тогда не было въ наличности никакого сколько нибудь вліятельнаго сословнаго элемента, на который общественное мнѣніе могло бы опереться, и всѣ общественные классы въ одинаковой степени были придавлены тяжелою государственною машиной. Это былъ вѣкъ расцвѣта бюрократической аристократіи, которая въ своихъ личныхъ интересахъ постаралась отдѣлить всецѣло власть отъ народа. Такимъ образомъ, къ концу XVII и началу XVIII столѣтій то, что мы впослѣдствіи видимъ, какъ проявленія общественнаго мнѣнія, сосредоточивается исключительно въ высшемъ чиновничествѣ, въ рядахъ котораго родовитые люди смѣшиваются съ временщиками и даже иностранцами. Содержаніе этого общественнаго мнѣнія опредѣляется: а) вліяніемъ европейскаго просвѣщенія и б) самымъ ходомъ преобразованій Россіи. Просвѣщеніе, проникшее къ намъ въ то время, носило на себѣ, какъ извѣстно, утилитарный характеръ, но рядомъ съ этимъ утилитаризмомъ постепенно просачивается и особаго рода чувствительность, возбуждаемая чтеніемъ сентиментальныхъ романовъ, образцы которыхъ заимствуются отъ европейскихъ сосѣдей. Источникомъ просвѣщенія для нашего общества становится западная культура, средствомъ ея передачи—изящная словесность. Познакомившись съ новыми чувствами въ сферѣ фантазіи, русскій человѣкъ переноситъ ихъ въ жизненный обиходъ. «Черезъ посредство сентиментальной повѣсти и любовной лирики,—говоритъ г. Милюковъ,—въ душѣ русскаго человѣка впервые былъ отвоеванъ уголокъ для идеализма».

Вмѣстѣ съ этимъ идеализмомъ въ Россію проникаютъ съ Запада и политическія теоріи. Естественное право—вотъ та философія, которая почти-что офиціально пересаживается на нашу почву; литературнымъ памятникомъ этого направленія является политическій памфлетъ Ѳеофана Прокоповича о преимуществахъ избирательной и наслѣдственной монархіи. На этомъ памфлетѣ и было основано рѣшеніе перехода именно къ избирательной монархіи. Въ дальнѣйшемъ развитіи общественной жизни мы, наконецъ, подходимъ къ извѣстному любопытному столкновенію высшей бюрократіи съ «благороднымъ россійскимъ шляхетствомъ», которое впервые появляется на сцену съ своимъ мнѣніемъ, объявивъ его «всенароднымъ» и потребовавъ созыва учредительнаго и законодательнаго собранія именно изъ состава этого «шляхетства». Въ происшедшей краткой борьбѣ монархическаго и конституціоннаго шляхетства побѣда остается за приверженцами неограниченной монархической власти. «Въ попыткѣ 1730 г.,—говоритъ г. Милюковъ,—столкнулись и безсознательно искали взаимной поддержки три общественныхъ силы: высшая бюрократія, общественное мнѣніе, основанное на европейской политической теоріи, и сословные интересы русскаго дворянства. По исходу этой попытки стало видно, что всемогуществу русской бюрократіи наступилъ конецъ, и что она должна подѣлить свою

власть съ общественнымъ мнѣніемъ и господствующимъ сословіемъ XVIII вѣка», то-есть дворянствомъ.

Въ исторіи развитія общественнаго мнѣнія XVIII вѣка рѣзко намѣчаются слѣдующіе періоды: 1) отъ начала столѣтія до Елисаветы; онъ характеризуется тѣмъ, что стремленія распространить образованіе въ Россіи исходятъ исключительно отъ правительства; 2) съ конца 1740-хъ г.г. до 1760-хъ годовъ, когда къ просвѣтительной дѣятельности правительства присоединяется дѣятельность учебныхъ заведеній. Интеллигентная жизнь сосредоточивается за это время въ небольшихъ кружкахъ учащейся или кончившей курсъ молодежи и очень туго переходитъ за предѣлы кружковъ; 3) отъ 1760-хъ г.г. до 1780-хъ г.г.; тутъ изъ среды людей, получившихъ правильное школьное образованіе, просвѣтительныя идеи проникаютъ въ другіе общественные слои; интеллигентная жизнь начинаетъ осложняться и возникаютъ опредѣленные общественные идеалы; 4) отъ 1780-хъ г.г. доконца XVIII в. общественное мнѣніе становится общественною силой. Современное поколѣніе людей пытается провести свои идеалы въ жизнь и впервые наталкивается на рѣшительное сопротивленіе власти.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, интеллигентные кружки пытаются перейти къ общественной дѣятельности, къ непосредственной пропагандѣ своихъ общественныхъ идеаловъ и къ проведенію ихъ въ жизнь. Но тутъ же мы и видимъ, что первая группа серьезныхъ русскихъ общественныхъ дѣятелей дѣлается печальною жертвою своего исключительнаго положенія (Новиковъ, массоны); немудрено поэтому, что политическіе энтузіасты (Радищевъ) еще скорѣе и рѣшительнѣе подвергаются правительственному осужденію. «Уже въ 1790 г.,—говоритъ московскій профессоръ,—были сметены и принуждены молчать представители наиболѣе серьезной и положительной части русскаго общества, послѣ чего наступаетъ продолжительная пауза въ исторіи русскихъ общественныхъ движеній: послѣднія не идутъ впередъ, но расползаются въ ширь». На первый же планъ выступаютъ люди, литературно-общественные вкусы которыхъ лежали ниже тогдашнихъ общественныхъ движеній, не выходили за предѣлы міровоззрѣнія средняго читателя. «Едва успѣла литература принципіально установить свое право вліять на жизнь,—свидѣтельствуетъ г. Милюковъ, какъ сентиментализмъ вернулъ ее назадъ, ограничилъ въ сферѣ фантазіи, отдѣлилъ китайскою стѣной міръ воображаемый отъ міра дѣйствительнаго». Изъ этого неподвижнаго состоянія русское общество было вызвано къ самодѣятельности какъ внѣшними событіями, такъ равно и либеральнымъ движеніемъ въ правительственныхъ сферахъ.

Эпоха Александра I отражаетъ на себѣ три періода личнаго настроенія государя, которые соотвѣтствуютъ и тремъ періодамъ въ развитіи общественнаго мнѣнія. Въ первомъ періодѣ русское общество отстаетъ отъ либеральнаго правительственнаго движенія, во

второмъ оно его догоняетъ и съ нимъ сливается, въ третьемъ оно его обгоняетъ и становится къ нему во враждебное отношеніе. Между эпохами Екатерины II и Александра I въ этомъ отношеніи замѣчается полная аналогія. Александровскій вѣкъ, чрезвычайно характерно и послѣдовательно обрисованный г. Милюковымъ, какъ извѣстно, закончился возмущеніемъ 14 декабря, послѣ чего 1825 г. рѣзко дѣлитъ два поколѣнія молодежи глубокою идейною пропастью. Гвардейская молодежь Александровскаго времени была воспитана политическими идеями, и ея герои были политическіе дѣятели, заговорщики. Николаевская же молодежь бѣжитъ военной службы и спѣшитъ прямо изъ лона дворянской усадьбы въ университетъ. Ея героями становятся поэты, мыслители, философы нѣмецкаго романтизма (Гегель, Шиллеръ, Гофманъ, Шеллингъ), ея интересы сосредоточиваются въ сферѣ литературы, науки, искусства; они мало интересуются политикой, и тонъ всему дается философскимъ движеніемъ времени. Отсюда, изъ этого мирнаго движенія мысли, рождаются кружки, которые въ концѣ концовъ дифференцируются на три главнѣйшихъ группы—славянофиловъ, западниковъ и радикаловъ, достигающихъ въ существенныхъ чертахъ и до нашего времени. Обрисовавъ эпоху Александра II и отношенія къ его реформамъ со стороны разныхъ общественныхъ фракцій, г. Милюковъ останавливается на анализѣ видоизмѣненій упомянутыхъ выше трехъ направленій, выражающихъ собою разныя теченія общественной мысли. Почтенный ученый отмѣчаетъ, что оба первыхъ направленія не достигли до насъ въ своемъ чистомъ, первоначальномъ видѣ, а съ своей стороны каждое раскололось на двѣ половины, консервативную и либеральную, или, иначе говоря, правую и лѣвую. Демаркаціонною линіей въ этомъ отношеніи послужило польское возстаніе 1863 года, оставившее глубокій слѣдъ въ умахъ современниковъ и поставившее рѣзко вопросъ о политическихъ практическихъ задачахъ каждаго направленія.

Большою цѣлостностью и послѣдовательностью, утверждаетъ г. Милюковъ, отличается развитіе лишь третьей общественной группы—радикаловъ. Показавъ зачатіе этой группы въ политическомъ кружкѣ Герцена, онъ доводитъ ее до извѣстнаго политическаго процесса Петрашевскаго, а затѣмъ разсматриваетъ въ общихъ чертахъ и ея послѣдующую судьбу. Главный выводъ этого разсмотрѣнія приводитъ автора къ заключенію, что радикализмъ—единственная общественная группа, теорія которой не разрушала сама себя, подобно теоріи славянофильства, и не оставалась неизмѣненною, какъ теорія либерализма, а проходила и другія ступени развитія. «...Подъ разными теоретическими аргументами и терминами теорія русскаго радикализма вращалась между тѣми же двумя крайними мнѣніями, которыя дѣлили общественныя группы предыдущихъ поколѣній. Одно изъ мнѣній вѣрило въ духъ народный, другое—въ формы общественности; одно возлагало всю надежду на внутреннее саморазвитіе массы,

другое—на развитіе учрежденій. Одно требовало личной или общественной самостоятельности, другое ссылалось на непреложный историческій законъ, который уже самъ приведетъ къ желанной цѣли; одно имѣло въ виду экономическое благосостояніе массы, другое готово было поставить ближайшей задачей политическую реформу». Какое изъ этихъ направленій правильнѣе, авторъ не рѣшается опредѣлять, полагая между прочимъ, что при обстоятельномъ разборѣ въ обоихъ найдутся крайности, какъ равно и частицы истины.

Итоги нашихъ «общественныхъ движеній» приводятъ г. Милюкова къ заключенію, что эти движенія постоянно испытывали рядъ приливовъ, съ послѣдующими затѣмъ перерывами и паузами. Три царствованія Екатерины, Александра I и Александра II начинались приливами либерализма и кончались печальными жертвами разногласія между правительствомъ и обществомъ. Но, несмотря на эти паузы, всякое новое общественное движеніе начинало уже не съ начала, а съ новой высшей точки. Всматриваясь затѣмъ, чѣмъ заполнены паузы, мы находимъ, что временная пріостановка общественныхъ движеній въ эпоху сентиментализма и въ Николаевское царствованіе была только кажущейся: движеніе не подвигалось впередъ, но росло въ это время въ ширь и проникало въ глубь. Изъ правительственныхъ сферъ оно перешло въ кружки учащейся молодежи еще въ серединѣ прошлаго столѣтія; въ 3-й четверти XVIII вѣка оно перешло съ литературныхъ вопросовъ къ вопросамъ общественнымъ; а въ послѣдней четверти того же вѣка привело даже къ одиночнымъ попыткамъ общественной самодѣятельности. За одиночными попытками Екатерининскаго времени послѣдовали групповыя попытки Александровскаго времени; а при Николаѣ изъ круговъ гвардейскаго дворянства общественное движеніе чрезъ университетъ перешло въ круги разночинцевъ. Одновременно съ этимъ оно начало проникать изъ столицъ въ провинцію. Воспринявъ новое движеніе, наша провинція получила своеобразную роль въ исторіи нашихъ общественныхъ движеній. Въ провинціи это движеніе постоянно хранилось въ самыхъ центрахъ, вызвавшихъ движенія. Провинція же въ благопріятныя минуты посылала своихъ лучшихъ дѣтей для продолженія движенія въ столицѣ. Этотъ вѣчно полный резервуаръ общественныхъ чувствъ не давалъ со времени императора Николая вполнѣ изсякать общественной жизни въ культурныхъ центрахъ; онъ такимъ образомъ восполнялъ отчасти изъ своего запаса то, что не доставало русскому общественному мнѣнію—органичности его развитія. Послѣдніе годы свидѣтельствуютъ о новомъ фактѣ подобнаго же рода. Провинція растетъ, растетъ на нашихъ глазахъ; не трудно предвидѣть, что наступитъ то время, когда она заживетъ самостоятельною духовною жизнью. Тогда, можетъ быть, и развитіе русскаго общества перестанетъ зависѣть отъ случайныхъ причинъ, не будетъ болѣе скачковъ, не будетъ безплодной траты силъ, а спокойно, со-

значительно, увѣренно русское общество пойдетъ по кратчайшему пути къ осуществленію общественныхъ идеаловъ.

Таковы итоги 3-й части «Очерковъ по исторіи культуры», итоги, вѣроятно, далеко не полные, но вчернѣ знакомящіе насъ достаточно обстоятельно съ идейною стороной изслѣдованія.

Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія всѣхъ четырехъ работъ молодого ученаго («Главныя теченія русской исторической мысли» и трехъ частей «Очерковъ по исторіи культуры») мы непреложно можемъ убѣдиться, что въ лицѣ г. Милюкова русская наука пріобрѣла даровитаго работника, который смѣло и оригинально подходитъ къ историческимъ вопросамъ, поставленнымъ на очередь обслѣдованія. Почерпая изъ сокровищницы русской исторической мысли все лучшее, что эта мысль выработала трудами передовыхъ ученыхъ, онъ не боится приложить сюда требованія философскаго знанія нашихъ дней, не сторонится широкой постановки вопросовъ и обобщеній. Его роль въ современной научно-популярной исторической наукѣ— роль новатора, смѣло преслѣдующаго свою задачу и идущаго наперекоръ глубоко-укоренившимся понятіямъ и предразсудкамъ. Вѣроятно, эта реформаторская дѣятельность не встрѣтитъ всеобщаго и единодушнаго сочувствія, но такова уже судьба всѣхъ тѣхъ, кто прокладываетъ новые пути и въ жизни, и въ наукѣ. Лучшей наградой смѣлому ученому, конечно, послужитъ тотъ блестящій успѣхъ, который сопутствовалъ выходу отдѣльныхъ изданій двухъ частей его «Очерковъ», успѣхъ, засвидѣтельствованный представителями нашей книжной торговли. Съ своей стороны, смѣю надѣяться, что г. Милюковъ не посѣтуетъ на меня, что, предупреждая событія, я рѣшился въ настоящей своей очередной работѣ въ краткихъ чертахъ ознакомить читателей съ тѣмъ, что, еще, такъ сказать, набросано имъ начерно и чѣмъ онъ успѣлъ пока подѣлиться лишь съ небольшою группой слушателей Московскаго университета.

Б. Глинскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Трачевскій (профессоръ). Средняя исторія. Второе исправленное и дополненное изданіе, съ 119 рисунками и 10 картами, съ указателями годовъ, именъ и предметовъ. Спб. Изданіе Риккера. 1897.

СПѢХЪ перваго изданія книги г. Трачевскаго ясно доказываетъ, насколько русская публика нуждается въ историческихъ обзорахъ, могущихъ хоть нѣсколько расширить рамки гимназическаго учебника. Его «Средняя исторія» не отличалась ни особою ясностью изложенія, ни искуснымъ расположеніемъ частей или характернымъ подборомъ фактовъ, ни новизною идей. Это была только бойко написанная (мѣстами красиво, мѣстами напыщенно) книжка, составленная опытнымъ университетскимъ преподавателемъ и популяризировавшая общеизвѣстные факты, съ очень легкою критическою окраской. Трудно было понять, для кого и для чего она предназначалась: она не могла служить университетскимъ учебникомъ, такъ какъ не развивала способности относиться къ излагаемому съ полнымъ сознаніемъ и не показывала, какъ и откуда добыты авторомъ его немногочисленные тезисы; она не годилась для чтенія, такъ какъ была слишкомъ переполнена фактами, скорѣе затронутыми, нежели обстоятельно изложенными; учителю исторіи, сколько нибудь опытному въ своемъ дѣлѣ, она едва ли давала новаго на десятокъ страницъ; она заключала въ себѣ «всего понемножку и ничего въ особенности». И тѣмъ не менѣе, она многимъ понравилась и потребовала второго изданія. Это второе изданіе, мы увѣрены, разойдется еще скорѣе и принесетъ многимъ несомнѣнную пользу,

благодаря массѣ недурно исполненныхъ рисунковъ и хорошимъ и удобнымъ картамъ. Его быстро истреплютъ въ публичныхъ библіотекахъ; его пріобрѣтетъ всякій гимназистъ или гимназистка со средствами, и для нихъ даже простое перелистываніе книги будетъ въ высокой степени назидательно; учитель, даже въ городской школѣ, будетъ носить ее въ классъ всякій разъ, когда урокъ его будетъ имѣть касательство къ среднимъ вѣкамъ. Благодаря внимательно составленному указателю именъ и предметовъ, она можетъ служить и для справокъ, въ томъ случаѣ, когда читатель желаетъ получить хотя бы поверхностное понятіе о средневѣковомъ дѣятелѣ или явленіи.

Да! Къ сожалѣнію, не смотря на всѣ старанія г. Трачевскаго (см. предисловіе) «многое передѣлать, сообразно съ современнымъ состояніемъ науки», книга его все-таки даетъ только очень и очень поверхностное и часто слишкомъ субъективно-окрашенное представленіе о среднихъ вѣкахъ. Конечно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вина не на авторѣ, а на самомъ предметѣ, столь трудномъ и обширномъ, столь неудобномъ—при стремленіи сказать обо всемъ важномъ—для втискиванія въ рамки одной книги, въ 600 страницъ. Но, да извинитъ насъ почтенный профессоръ, часто погрѣшаетъ и онъ вслѣдствіе недостаточной обдуманности и излишней, если смѣемъ такъ выразиться, развязности въ пониманіи и изложеніи фактовъ. Мы увѣрены, что еслибъ ему пришлось экзаменовать молодыхъ людей, учившихся по его книгѣ, онъ самъ убѣдился бы, какія неполныя, а иногда и невѣрныя представленія даютъ малоопытному читателю его слишкомъ бойкія обобщенія и его «намеки на факты».

Наша рецензія растянулась бы на многіе десятки страницъ, еслибъ мы вздумали перечислять всѣ тѣ случаи, гдѣ г. Трачевскій съ излишней увѣренностью говоритъ о томъ, чего ни онъ самъ, ни кто другой навѣрно не знаетъ, и гдѣ онъ, недостаточно вникнувъ въ дѣло, даетъ представленіе не совсѣмъ вѣрное. Мы ограничимъ наше «товарищеское содѣйствіе» (см. предисловіе) общимъ совѣтомъ автору немедленно же, въ виду скорой возможности новаго изданія этой полезной книги, приняться за пересмотръ каждаго параграфа: упростить и понизить тонъ, исключить факты мелкіе или недоказанные, пообстоятельнѣе изложить болѣе крупные и несомнѣнные и съ строгою самокритикой отнестись къ каждому своему обобщенію и вообще къ каждой своей фразѣ, которая вѣдь не «съ языка срывается», какъ это бываетъ на университетской лекціи, а пишется, исправляется, корректируется и медленно разжевывается тысячами читателей. А чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ двухъ-трехъ §§, подъ рядъ или въ разбивку.

Наука не знаетъ съ точностью состава греческаго огня, а г. Трачевскій опредѣлилъ (на стр. 36), что онъ состоялъ изъ угля (sic), сѣры и селитры. Чѣмъ же онъ отличался отъ пороха?—спроситъ даже любой гимназистъ.

Г. Трачевскій говоритъ съ увѣренностью, что Ирина снискивала себѣ пропитаніе прялкой (стр. 37). Да вѣдь это сказаніе—явно фантастическое. Что дадутъ болѣе или менѣе серьезному читателю такія обобщенія, какъ «масса въ Византіи была грубая, невѣжественная» (ib.), или «въ Византіи развился восточный султанатъ» (стр. 63)?

Кто читалъ хоть двѣ-три главы изъ Anecdota, приписываемыхъ Прокопію,

можетъ ли позволить себѣ сказать, что авторъ въ нихъ осмѣялъ Юстиніана, Ѳеодору и ихъ дворъ? Можно ли сказать, что Курбскій осмѣялъ Грознаго въ своей исторіи? А вѣдь тонъ Anecdota гораздо злѣе и рѣзче.

Какой историкъ искусства допустить фразу, что до иконоборства ваяніе въ Византіи «ограничивалось работами на слоновой кости съ свѣтскими цѣлями»? (стр. 65—66). Фраза, что на западѣ власть императора «смѣнилъ разгулъ страстей» (стр. 67), очень напоминаетъ пресловутую фразу блаженныя памяти Кайданова: «Логика страстей восторжествовала, и походъ Карла VIII въ Италію открылся».

На стр. 73 г. Трачевскій такъ опредѣляетъ дѣятельность западныхъ монаховъ, въ началѣ среднихъ вѣковъ: «То были благодѣтели человѣчества и дровосѣки цивилизаціи... Они занимались списываніемъ классиковъ (преимущественно передъ св. писаніемъ), изданіемъ (!) учебниковъ... Лишь подконецъ (чего?) монастыри стали принимать даянія и богатѣть, что грозило подорвать ихъ нравственную силу».

Перевернемъ три сотни страницъ, чтобы перейти отъ начала ко второй половинѣ среднихъ вѣковъ, и здѣсь почти въ каждомъ параграфѣ найдемъ такія же неточности и излишне смѣлыя обобщенія. На стр. 346 г. Трачевскій утверждаетъ, что волшебникъ Мерлинъ кельтскихъ сказаній соотвѣтствуетъ измѣннику Ганелону національнаго французскаго эпоса. Что между ними общаго?!

На стр. 348 авторъ увѣряетъ, что чувственность есть одна изъ 4-хъ характерныхъ чертъ поэзіи миннезингеровъ. Тутъ же онъ говоритъ: «Во Франціи возникаетъ жалкій (?) Roman de la Rose, любимецъ дамъ; это вздорныя (?) похожденія неизвѣстныхъ поэтовъ» (почему г. Трачевскому неизвѣстны Гильомъ де Лоррисъ и Жонъ де Мёнъ—недоумѣваемъ).

Здѣсь же онъ, говоря о фабліо, считаетъ вѣнцомъ этихъ капризныхъ (?) разсказовъ и грязныхъ шутокъ «Романъ семи мудрецовъ мастеровъ». Во-первыхъ, зачѣмъ нѣмецкая редакція попала во французскую литературу? Во-вторыхъ, развѣ «Семь мудрецовъ»—фабліо? Въ-третьихъ, гдѣ въ немъ «грязныя шутки»?

Здѣсь же (стр. 349) г. Трачевскій говоритъ о латинскихъ застольныхъ пѣсняхъ (несуществующаго, но нѣчто напоминающаго «Епископа-Голіаѳа» авторъ почему-то помѣстилъ въ число поэмъ, стр. 348) и новеллахъ, собранныхъ Гейстербахомъ. Не догадаешься, что здѣсь рѣчь идетъ о «Dialogus Miraculorum» Цезарія Гейстербаха, гдѣ нѣтъ ни застольныхъ пѣсенъ, ни новеллъ.

И т. д. и т. д. до блестящихъ заключительныхъ страницъ, гдѣ талантливый авторъ вращается въ сферѣ, болѣе ему сродной. **А. К.**

Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Историко-литературный очеркъ Н. Бѣлозерской. Спб. 1896.

Книга Н. А. Бѣлозерской касается мало изслѣдованной области—развитія русской романической литературы начала XIX вѣка и выясняетъ намъ личность и значеніе забытаго нами основателя русскаго самобытнаго романа, В. Т. На-

рѣжнаго. Выступивъ на литературное поприще, когда наша романическая литература находилась всецѣло подъ вліяніемъ запада, Нарѣжный встрѣтился съ весьма неблагопріятными условіями: увлеченіе переводными сочиненіями, предпочтеніе, оказываемое стихамъ предъ прозой, порождали въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ равнодушіе къ начинающимъ русскимъ романистамъ. Критика ограничивалась только стилистическимъ разборомъ и не могла быть опорой литературы. Языкъ еще не избавился отъ устарѣлыхъ формъ Ломоносовской тяжеловѣсной рѣчи... Всѣ эти условія должны были отражаться на дѣятельности нашихъ романистовъ, и только талантъ, подобный Нарѣжному, могъ сохранить свою самобытность и заслужить ему названіе «перваго русскаго романиста», данное ему Бѣлинскимъ. Литературная дѣятельность Нарѣжнаго осталась почти незамѣченною его современниками, благодаря разнымъ личнымъ обстоятельствамъ жизни романиста: занимая мѣсто мелкаго чиновника сначала на Кавказѣ, а позднѣе въ Петербургѣ, Нарѣжный стоялъ внѣ общаго умственнаго и литературнаго движенія, такъ что и его не знали, да и самъ онъ скоро отсталъ отъ литературы, продолжая въ Пушкинскую эпоху держаться Ломоносовскихъ традицій.

Чтобы уяснить значеніе Нарѣжнаго, Н. А. Бѣлозерская знакомитъ насъ очень обстоятельно съ исторіей русской романической литературы, начиная съ древнѣйшаго (XV—XVII вв.) періода, къ которому относятся переводные рукописные романы, заключающіе въ себѣ на ряду съ иноземнымъ и народный элементъ, что выразилось въ оригинальной переработкѣ заимствованныхъ сюжетовъ. Съ эпохи Петра Великаго рукописная литература становится достояніемъ только низшаго класса, тогда какъ печатный романъ, развиваясь сначала медленно, въ вѣкъ Екатерины получаетъ болѣе широкое распространеніе, а съ облегченіемъ цензурнаго гнета при Александрѣ I достигаетъ полнаго процвѣтанія. Иностранные романы при переводѣ, какъ и раньше, подвергались передѣлкѣ, но уже народный элементъ становится слабѣе, чѣмъ въ рукописныхъ романахъ. На ряду съ переводными являются романы подражательные, которые можно, подобно западнымъ, распредѣлить по слѣдующимъ типамъ: 1) романы съ приключеніями, 2) романы нравоучительные, 3) такъ называемыя восточныя повѣсти, 4) сентиментальные романы, 5) историческіе и 6) реальные.

Всѣ эти виды романа въ большей или меньшей степени отразились въ произведеніяхъ Нарѣжнаго. Нашъ писатель часто подвергаетъ своихъ героевъ невѣроятнымъ и неожиданнымъ случайностямъ, и такіе романы цѣликомъ входятъ въ первую изъ указаныхъ категорій. Замѣчается у Нарѣжнаго и поучительный элементъ, проявляющійся, однако, на болѣе жизненной почвѣ, чѣмъ у современныхъ ему русскихъ и западныхъ романистовъ. Восточныя повѣсти, имѣющія ту же нравоучительную подкладку, изображая патріархальный бытъ далекихъ восточныхъ народовъ, встрѣчаются и отдѣльно («Турецкій судъ») и въ видѣ вставокъ въ большихъ романахъ Нарѣжнаго. Сентиментализмъ сильно сказался въ повѣсти «Марія». Мы не встрѣчаемъ, однако, у Нарѣжнаго очень распространеннаго вида сентиментальныхъ произведеній — пастушескихъ и сельскихъ повѣстей; этимъ онъ обязанъ своему знакомству съ жизнью простого народа, которое указало ему ложность этихъ наивныхъ идиллій. (Кстати замѣ-

тимъ, что г. Бѣлозерская, говоря о сентиментализмѣ въ нашей литературѣ и называя повѣсти Карамзина подражательными, къ сожалѣнію, не указываетъ ихъ источника). Что касается историческаго и реальнаго романа, то здѣсь Нарѣжный стоялъ внѣ вліянія и является истиннымъ основателемъ этихъ родовъ въ нашей словесности. До него въ историческихъ романахъ мы видимъ постоянное уклоненіе отъ нормальнаго типа или въ ту или въ другую сторону: или въ нихъ, какъ у Хераскова, Лазаревича и даже у Карамзина, романическій интересъ преобладаетъ надъ историческимъ и заставляетъ авторовъ удаляться отъ правды, или же мы находимъ рабское слѣдованіе даннымъ источниковъ (Гераковъ, Глинка). Въ «Запорожцѣ» и въ «Бурсакѣ» Нарѣжный сумѣлъ избѣжать этихъ крайностей и далъ намъ настоящій типъ историческаго романа. Попытки созданія реальнаго романа, встрѣчающіяся у насъ до Нарѣжнаго («Несчастный Никаноръ», «Евгеній» и др.), не были особенно удачны, и только его «Россійскій Жилблазъ» представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторую законченность.

Выяснивъ значеніе Нарѣжнаго въ исторіи нашей литературы, Н. А. Бѣлозерская даетъ намъ обширный біографическій о немъ матеріалъ, которымъ мы воспользуемся только въ самыхъ краткихъ чертахъ. Сынъ мелкаго шляхтича, Нарѣжный до 12-лѣтняго возраста жилъ въ Малороссіи, и изъ впечатлѣній дѣтства вынесъ тотъ реализмъ и то вѣрное пониманіе малороссійской старины, которое сказалось въ его романахъ. Можно предполагать, что первоначальное образованіе онъ получилъ въ бурсѣ, которая такъ живо описана въ его «Бурсакѣ». Въ 1792 году онъ поступилъ въ гимназію при Московскомъ университетѣ, а въ 1799 въ университетъ, въ которомъ пробылъ всего 2 года. Ко временамъ студенчества относятся первые его литературные опыты, носящіе на себѣ слѣды ложноклассицизма, хотя уже и въ нихъ иногда (разсказъ «Рогволодъ») виденъ талантливый писатель. Въ 1801 году Нарѣжный получилъ мѣсто на Кавказѣ, и годъ, проведенный имъ здѣсь, далъ ему богатый матеріалъ для романа «Черный годъ, или горскіе князья», въ которомъ онъ рисуетъ неурядицу, царившую въ Грузіи въ первое время утвержденія русскаго владычества. Переселившись въ Петербургъ, Нарѣжный поступаетъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, откуда переходитъ въ горную экспедицію кабинета. До 1814 года, до появленія «Россійскаго Жилблаза» (послѣднія части котораго такъ и остались въ рукописи, которою пользовалась г-жа Бѣлозерская), Нарѣжный напечаталъ трагедію «Димитрій Самозванецъ» и «Славенскіе вечера», а послѣ, въ промежуткѣ между 1814 и 1824 гг., даетъ цѣлый рядъ чисто подражательныхъ произведеній. Наиболѣе важными его сочиненіями, кромѣ «Чернаго года» и «Россійскаго Жилблаза», слѣдуетъ признать повѣсти: «Запорожецъ», «Два Ивана», «Бурсакъ», «Гаркуша» (послѣдняя не издана). Въ этихъ повѣстяхъ реализмъ Нарѣжнаго развернулся во всю ширь, такъ что они даютъ много матеріала для параллелей къ сочиненіямъ Гоголя. Умеръ Нарѣжный въ 1825 году, и смерть его прошла почти незамѣченною въ литературномъ мірѣ, съ которымъ связи его были слишкомъ слабы.

Z.

Ш. Сеньобосъ. Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ учрежденій. 1814—1896 гг. Переводъ съ франц. Ч. I. Спб. 1897.

Какъ извѣстно, до сихъ поръ еще не существуетъ систематической исторіи современной Европы. Знаменитый трудъ Гервинуса «Исторія XIX столѣтія» останавливается на 1830 году. «Исторія новѣйшаго времени» Карла Гагена доведена только до 50-хъ годовъ. «Исторія новѣйшаго времени» Булле посвящена почти исключительно внѣшней политикѣ, и событія въ ней изложены только до 1885 г. Кромѣ того, существуютъ разные сборники исторій различныхъ странъ, между которыми лучшій принадлежитъ Онкену; но и тутъ о систематической исторіи всей Европы, конечно, не можетъ быть и рѣчи въ виду цѣли, которую намѣтили себѣ составители этихъ сборниковъ. Такимъ образомъ лицамъ, желающимъ ознакомиться съ исторіею современной Европы, приходится пріобрѣтать цѣлый рядъ многотомныхъ сочиненій, и даже потративъ на это большую сумму денегъ, они не могутъ быть увѣрены, что составятъ себѣ ясную и полную картину судьбы европейскихъ народовъ въ истекающемъ столѣтіи, не говоря уже о томъ, что имъ придется затратить, кромѣ денегъ, еще и много труда, чтобы соединить всѣ разрозненныя части въ одно цѣлое.

Поэтому давно уже чувствуется потребность въ систематической исторіи Европы. Этой потребности старается удовлетворить лекторъ Парижскаго университета, г. Сеньобосъ, въ книгѣ, заглавіе которой мы выше выписали. Нечего и упоминать о томъ, что поставленная имъ себѣ задача принадлежитъ къ числу очень трудныхъ и отвѣтственныхъ, почти превышающихъ силы одного человѣка. Но авторъ облегчилъ себѣ ее тѣмъ, что призналъ возможнымъ положить въ основу своего труда не изученіе самыхъ источниковъ, а матеріалы, собранные другими изслѣдователями въ разныхъ монографіяхъ и сборникахъ. Такимъ образомъ, онъ старается удовлетворить всѣми ощущаемой потребности въ систематической исторіи Европы тѣмъ, что принимаетъ на себя трудъ, непосильный для большинства читателей: онъ объединяетъ въ одной общей картинѣ свѣдѣнія и данныя, разбросанныя во многихъ трудахъ, въ общемъ недоступныхъ обыкновенному читателю.

Но авторъ прибѣгъ и къ дальнѣйшему ограниченію своей задачи. Какъ видно изъ подзаголовка его труда, онъ въ немъ касается только исторіи партій и политическихъ учрежденій, и слѣдовательно читатель не найдетъ въ немъ тѣхъ событій, которыя онъ главнымъ образомъ привыкъ находить въ политическихъ исторіяхъ; войны, перемѣна царствованій, жизнеописанія историческихъ дѣятелей и т. д. — все это устранено изъ труда г. Сеньобоса, или, точнѣе говоря, авторъ касается всего этого лишь настолько, насколько это находится въ связи съ основною его темою, т. е. съ исторіею партій и политическихъ учрежденій. Впрочемъ, чтобы читатель могъ составить себѣ болѣе ясное представленіе о содержаніи книги, мы должны указать еще на систему, которой придерживается авторъ. Весь его трудъ распадается на три отдѣла. Въ первомъ онъ излагаетъ исторію внутренней политики европейскихъ государствъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ государствъ крайняго евро-

пейскаго запада—Англіи, Франціи, Португаліи и Испаніи, и кончая группою восточныхъ имперій—Турецкой и Русской. Во второмъ отдѣлѣ онъ группируетъ политическія явленія, общія различнымъ государствамъ, т. е. такія, которыя болѣе или менѣе встрѣчаются всюду; тутъ онъ касается разныхъ перемѣнъ въ матеріальныхъ условіяхъ политической жизни и дѣятельности международныхъ партій, каковы католическая и соціалистическая. Наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ авторъ останавливается на внѣшней политикѣ европейскихъ государствъ, преимущественно, конечно, на внѣшней политикѣ великихъ державъ, избѣгая и тутъ изложенія событій, а выясняя главнымъ образомъ основныя черты внѣшней политики державъ.

Пока въ переводѣ появилась лишь первая часть труда г. Сеньобоса. Въ ней мы находимъ, послѣ общей характеристики состоянія Европы въ 1814 г., изложеніе исторіи партій и политическихъ учрежденій Англіи (84 страницы), Франціи (122 страницы), Бельгіи и Голландіи (27 страницъ), Швейцаріи (30 страницъ), Испаніи и Португаліи (41 страница) и Италіи (46 страницъ). На Италіи и останавливается первая часть. Все остальное содержаніе книги составитъ вторую часть, которая появится въ самомъ непродолжительномъ времени, около 15-го іюня текущаго года, такъ что тогда читатель получитъ возможность за сравнительно недорогую цѣну пріобрѣсти книгу, обнимающую всю политическую исторію современной Европы, съ отмѣченными нами ограниченіями. Переводъ вполнѣ удовлетворителенъ, изложеніе очень ясно и точно, собранныя данныя богаты, кромѣ того, каждая глава снабжена подробными библіографическими указаніями. Благодаря всему этому, книга занимательна, какъ чтеніе, можетъ вполнѣ служить цѣлямъ самообразованія, является хорошею справочною книгою и дастъ читателю возможность, руководствуясь библіографическими указаніями, подробнѣе ознакомиться съ тѣми вопросами или данными, которыхъ самъ авторъ не касается. Въ общемъ, слѣдовательно, книга г. Сеньобоса можетъ быть признана весьма полезною и до нѣкоторой степени восполняющею пробѣлъ въ исторической литературѣ, на который мы выше указали. Р. О.

Москва. Ея прошлое и настоящее. Къ 750-лѣтію основанія. Составилъ С. А. Тороповъ. Москва. 1897.

Книга г. Торопова дѣлится на два отдѣла. Въ первомъ разсказана политическая исторія Москвы отъ ея возникновенія до перенесенія столицы въ Москву; во второмъ, озаглавленномъ «Прогулка по первопрестольной столицѣ», описаны ея дворцы, храмы, монастыри, зданія, памятники и древности. Все это изложено сжато, ясно и толково, такъ что человѣкъ, незнакомый съ Москвой, можетъ получить опредѣленное понятіе о томъ, что именно ему слѣдуетъ осмотрѣть и на что обратить особенное вниманіе. Изданіе напечатано красиво, на хорошей бумагѣ и снабжено прекрасно исполненными иллюстраціями. Недостатокъ труда г. Торопова заключается, по нашему мнѣнію, въ слишкомъ краткомъ и иногда поверхностномъ описаніи предметовъ. Встрѣчаются, къ сожалѣнію, и нѣкоторыя неточности. Такъ, напримѣръ, описывая домъ Пашкова, на

Знаменкѣ, гдѣ помѣщается Румянцевскій музей, г. Тороповъ говоритъ: «въ тридцатыхъ годахъ, домъ этотъ, четырехъэтажный, съ боковыми флигелями и бельведеромъ, пришелъ въ упадокъ; окна были забиты досками, садъ безпорядочно заросъ травой и т. д. Въ это время, по инниціативѣ графа Н. П. Румянцева, бывшаго нашего канцлера, страстнаго любителя и собирателя всякихъ древностей, рукописей, картинъ, домъ Пашкова исправленъ, приведенъ въ порядокъ и отведенъ для помѣщенія въ немъ Императорскаго публичнаго и Румянцевскаго музея». Все это невѣрно: съ тридцатыхъ по шестидесятые годы, въ этомъ домѣ помѣщался московскій дворянскій институтъ, а, по упраздненіи его, шестая гимназія. Канцлеръ Румянцевъ умеръ въ 1826 году и потому не могъ въ тридцатыхъ годахъ исправлять домъ Пашкова и устроивать въ немъ музей. Московская публичная библіотека учреждена въ царствованіе императора Александра II, и въ 1861 году въ нее переданы всѣ древности и рукописи собранныя Румянцевымъ и находившіяся до того въ Петербургѣ, вслѣдствіе чего и музей названъ Румянцевскимъ. Точно также невѣрно сообщаемое г. Тороповымъ свѣдѣніе о томъ, что Сухарева башня построена Петромъ Великимъ «въ честь полковника Сухарева, какъ благодарная дань преданному слугѣ и защитнику царя во время стрѣлецкаго бунта». Башня прослыла Сухаревой потому, что урочище, гдѣ она воздвигнута, называлось Сухаревымъ, по имени стрѣлецкаго полка, здѣсь расположеннаго. Первоначально она называлась «Стрѣтенскими воротами». Г. Торопову, какъ москвичу, легко удостовѣриться въ этомъ, прочитавъ слѣдующія надписи, высѣченныя на каменныхъ доскахъ, вставленныхъ надъ воротами, съ южной стороны: «Повелѣніемъ благочестивѣйшихъ, тишайшихъ, самодержавнѣйшихъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, по Стрѣлецкому приказу, при сидѣньи въ томъ приказѣ Ивана Борисовича Троекурова, построены во второмъ Стрѣлецкомъ полку, по Земленому городу, Стрѣтенскія ворота, а надъ тѣми вороты палаты и шатеръ съ часами, а подлѣ воротъ, по обѣ стороны, малыя палаты, а начато то строеніе строить въ лѣто 7200 (1692), а совершено 7203 (1695), а въ то время будущаго у того полку стольника и полковника Лаврентья Панкратьева сына Сухарева». Такимъ образомъ, изъ этой надписи ясно видно, что ворота построены не въ «честь» Сухарева, а только въ бытность его командиромъ полка, носившаго по тогдашнему обычаю его имя. Г. Торопову не трудно было бы избѣжать подобныхъ промаховъ, если бы онъ болѣе внимательно отнесся къ источникамъ для исторіи Москвы и пользовался бы изъ нихъ преимущественно тѣми, которые основаны на документальныхъ данныхъ.

О. Ш.

Русскіе въ Голландіи. Великое посольство 1697—1698 гг. М. А. Веневитинова. Москва. 1897.

Г. Веневитинову случилось пріобрѣсти въ 1890 году въ Амстердамѣ рѣдкую брошюру, имѣющую прямое отношеніе къ первому путешествію Петра Великаго въ Голландію, причемъ, по справкѣ, оказалось, что прежніе историки Петровскаго царствованія не обратили на нее достаточнаго вниманія.

Это—«Рѣчь о первомъ путешествіи Петра Великаго, преимущественно въ Голландію», графа І. Меермана, на французскомъ языкѣ, изданная въ Парижѣ въ 1812 году. Авторъ — уроженецъ Гааги, происходившій изъ образованной голландской семьи, самъ человѣкъ просвѣщенный и писатель (род. въ 1753 г.), много путешествовавшій по Европѣ и много видѣвшій. Свою «Рѣчь» Меерманъ произнесъ первоначально на голландскомъ языкѣ въ 1811 году въ двухъ литературныхъ обществахъ — въ Гаагѣ и Лейденѣ. Какъ поясняетъ въ своемъ предисловіи самъ Меерманъ, онъ, при составленіи «Рѣчи», пользовался не одними печатными, но и архивными источниками, находящимися въ государственныхъ архивахъ Нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ. Послѣднее обстоятельство и сообщаетъ брошюрѣ Меермана особую важность, такъ какъ указанные архивные документы изображаютъ путешествіе Петра «съ той точки зрѣнія, которая, какъ утверждаетъ г. Веневитиновъ, недостаточно затронута и вовсе не исчерпана историками Петра,— именно, со стороны впечатлѣнія», какое должно было произвести появленіе русскаго посольства на европейскія страны, рѣзко отличавшіяся своимъ складомъ отъ рутинныхъ пріемовъ московской дипломатіи и московскихъ нравовъ.

По мнѣнію г. Веневитинова, брошюра Меермана «ярко рисуетъ намъ это впечатлѣніе». Въ ней, между прочимъ, изложены приготовленія голландцевъ къ встрѣчѣ и пріему столь необычайныхъ, рѣдкихъ гостей — задача, казавшаяся тѣмъ болѣе трудной, что въ средѣ послѣднихъ находился самъ московскій царь, инкогнито, опредѣленіе срока пребыванія посольства въ Голландіи, ассигновка денегъ на оказаніе ему должнаго гостепріимства, церемоніи пріема и проводовъ пословъ и т. д.

Извѣстно, что посольство это порядочно зажилось въ Голландіи. Собственно офиціальная его миссія была исчерпана въ два мѣсяца, но царю показалось мало этого срока для выполненія его личныхъ надобностей — по изученію кораблестроенія, по найму мастеровъ, по закупкамъ и заказамъ для создаваемаго вновь русскаго флота. Вслѣдствіе этого русскіе пробыли въ Голландіи почти годъ, изъ котораго Петръ три мѣсяца употребилъ на поѣздку въ Англію, оставивъ посольство въ Амстердамѣ. «Голландцы, пораженные такой безцеремонностью, не знали, какъ отдѣлаться отъ русскихъ, и нетерпѣливо ждали все болѣе и болѣе отдаляемаго окончательнаго срока ихъ отъѣзда». Нецеремонность дорогихъ гостей была тѣмъ болѣе тягостною для аккуратныхъ голландцевъ, что въ посольствѣ было болѣе ста человѣкъ, всѣ они жили, ѣли и пили насчетъ казны генеральныхъ штатовъ и обошлись ей въ сумму болѣе 200.000 флориновъ, то-есть, на 100.000 флориновъ свыше первоначальнаго смѣтнаго назначенія.

Маленькая брошюра Меермана послужила г. Веневитинову поводомъ составить довольно объемистую монографію, въ видахъ критической провѣрки фактовъ и сказаній, вообще относящихся къ этому важному и интересному эпизоду русской исторіи петровскаго періода. Авторъ съ большимъ трудолюбіемъ и стараніемъ выполнилъ эту нелегкую задачу, преслѣдованіе которой неощутительно «вовлекло его, какъ онъ говоритъ, въ дальнѣйшія разысканія о предметѣ и побудило придать своему труду характеръ юбилейнаго напоми-

нанія о событіяхъ, случившихся ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ» («великое посольство», точно, выѣхало изъ Россіи въ 1697 г.).

Юбилейный характеръ имѣетъ и самая внѣшность изданія труда г. Веневитинова: оно тщательно и роскошно отпечатано, въ форматѣ in octavo, и снабжено изящно исполненными снимками со старинныхъ портретовъ и рисунковъ, современныхъ изображаемымъ лицамъ и событіямъ. Напрасно только извѣстный портретъ Петра въ русскомъ нарядѣ, гравированный въ Голландіи Оттенсомъ, обозначенъ на подписи: «Русскій вельможа». Петръ, дѣйствительно, сохраняя свое инкогнито, могъ не желать, чтобы оно было раскрыто и на его портретѣ, предназначенномъ для тогдашней публики, но теперь уже нѣтъ никакихъ основаній соблюдать эту тайну. Напротивъ, эта надпись: «Русскій вельможа», на портретѣ царя можетъ только вводить въ ненужное заблужденіе малосвѣдущихъ читателей. Кромѣ того, г. Веневитиновъ повторилъ ошибку, допущенную покойнымъ Д. А. Ровинскимъ въ его «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ», гдѣ перепутаны портреты Лефорта и Ягужинскаго, что своевременно уже было замѣчено въ печати. И въ книгѣ г. Веневитинова, для вящшаго заблужденія будущихъ изслѣдователей, портретъ Ягужинскаго фигурируетъ съ подписью «Францъ Яковлевичъ Лефортъ». **М.**

Гастонъ Додю. Исторія монархическихъ учрежденій въ Латино-Іерусалимскомъ королевствѣ (1099—1291 гг.). Переводъ съ французскаго. Спб. 1897.

Исторія Латино-Іерусалимскаго королевства, возникшаго на развалинахъ греко-восточной имперіи въ эпоху крестовыхъ походовъ и въ тѣсной связи съ ними, представляетъ большой интересъ какъ съ внѣшней своей стороны, такъ и съ внутренней. Во внѣшнемъ отношеніи эта исторія является картиною непрерывной борьбы представителей западнаго христіанства съ приверженцами мусульманства за обладаніе святыхъ мѣстъ Востока,—борьбы то успѣшной для христіанъ, то полной ужасовъ разрушенія и смерти отъ меча невѣрныхъ, тянувшейся около двухъ столѣтій и закончившейся торжествомъ мусульманскаго оружія. Внутренняя исторія того же королевства любопытна по тѣмъ разнообразнымъ сторонамъ жизни политической, административной, соціальной и юридически-бытовой, которыя возникли отъ столкновенія формъ западныхъ съ аналогичными явленіями быта восточнаго и отлились въ формы своеобразныя, отличныя отъ обычныхъ устоевъ Запада и Востока. Тогда какъ внѣшняя судьба Іерусалимскаго королевства до нѣкоторой степени въ наукѣ разработана (напримѣръ, у Мишо, Вилькена и Куглера), его внутренняя исторія почти не затронута научными изслѣдованіями. Отсюда понятенъ интересъ книги французскаго автора Гастона Додю, посвященной монархическимъ учрежденіямъ Іерусалимскаго королевства за все время его существованія (1099—1291 гг.).

Выясняя въ предисловіи (стр. I—VIII) цѣль своего сочиненія, Гастонъ Додю пишетъ, что онъ намѣренъ изслѣдовать въ своей книгѣ вопросъ о томъ, какимъ образомъ управлялись латиняне въ покоренной ими странѣ королями

своей расы; при этомъ онъ имѣетъ въ виду особенно опредѣлить точное положеніе, которое занимала въ глазахъ современниковъ монархія въ той политической и соціальной средѣ, въ которой ей приходилось существовать и отстаивать свое существованіе. Изученіе учрежденій изъ области частнаго права оставлено авторомъ въ сторонѣ, съ цѣлью лучшаго изслѣдованія исторіи монархическихъ учрежденій, а изученіе этихъ послѣднихъ распространено на весь періодъ существованія латинскаго королевства, отъ завоеванія Іерусалима въ 1099 году до паденія Сенъ-Жанъ-д'Акры въ 1291 году. Свою задачу французскій авторъ постарался выполнить при помощи обширнаго матеріала, отчетъ о которомъ онъ даетъ во введеніи (стр. 1—69) къ своей книгѣ. Здѣсь авторъ критически обозрѣваетъ разнообразную литературу своего предмета не только чисто историческую, въ видѣ хроникъ, разсказовъ и повѣствованій историковъ западныхъ, греческихъ, армянскихъ и арабскихъ, но и юридическую, въ видѣ законодательныхъ текстовъ и отдѣльныхъ грамотъ; привлечены авторомъ къ дѣлу и новѣйшія историческія работы, которыя такъ или иначе касаются его вопроса. Снабженный столь серьезнымъ ученымъ аппаратомъ Додю осуществилъ свою задачу слѣдующимъ образомъ. Въ первой главѣ сочиненія (стр. 70—100) прежде всего опредѣляется географическое положеніе Іерусалимскаго королевства, а затѣмъ его положеніе политическое. Въ географическомъ отношеніи латинское королевство, ко времени наибольшаго своего территоріальнаго приращенія, именно, въ 1144 году, при королѣ Балдуинѣ III, состояло изъ четырехъ большихъ баронствъ: эдесскаго, антіохійскаго, триполійскаго и іерусалимскаго, и простиралось отъ Тавра до воображаемой линіи, проведенной между Ларисомъ, портомъ Средиземнаго моря, находившимся на границѣ Египта, и Эла, гаванью Чермнаго моря. Территоріальная раздробленность королевства имѣла слѣдствіемъ то, что центральная его власть имѣла слабое вліяніе на отдѣльныя ленныя владѣнія и ограничивалась лишь юридическимъ, а не практическимъ значеніемъ. Истинная основа монархіи заключалась въ совокупности баронствъ и сеньорій только собственно іерусалимскаго княжества, и здѣсь только рельефно проявились ея особенности. Во второй главѣ (стр. 101—165) опредѣляется природа и указываются существенныя черты королевской власти. Говоря о передачѣ этой власти, авторъ показываетъ, что короли получали власть то чрезъ избраніе, то по праву наслѣдства, и въ концѣ латинскаго владычества принципъ наслѣдственности взялъ перевѣсъ надъ избирательнымъ принципомъ, хотя право бароновъ избирать короля никогда совершенно не исчезало, и феодализмъ никогда не отрекался отъ своихъ правъ. Отсюда король не имѣлъ абсолютной власти, а былъ только феодальнымъ сеньоромъ, сюзереномъ надъ всѣми другими сеньорами; на ряду съ нимъ и противъ него существовала громадная сила, ограничивавшая его могущество, именно—феодализмъ. Такимъ образомъ, въ Іерусалимскомъ королевствѣ существовалъ въ дѣйствительности не монархическій строй, но аристократическій, и дѣйствительная верховная власть принадлежала корпораціи дворянства, а король былъ лишь вождемъ аристократіи. Третья глава (стр. 166—223) сообщаетъ о военной службѣ въ латинскомъ королевствѣ. Оказывается, что несправедливо представлять, будто іерусалимскіе короли были окружены тѣсною массой вои-

новъ, предлагавшихъ королевской власти свою безусловную преданность. Безъ сомнѣнія, вассалъ былъ обязанъ слѣдовать за знаменемъ сеньора, но и король подчинялся всѣмъ обязательствамъ, связывавшимъ сюзерена съ вассаломъ, и упущеніе одного изъ этихъ обязательствъ освобождало вассала отъ клятвы вѣрности и, слѣдовательно, отъ всякой военной службы. Поэтому короли очень дорожили феодальными арміями и съ ихъ помощью воевали противъ неистощимыхъ мусульманскихъ армій. Недостаточность феодальной службы они пополняли вербовкой туземныхъ наемниковъ, а за составными элементами военнаго флота обращались къ торговымъ республикамъ Италіи; наконецъ, военныя силы королевства восполнялись рыцарскими орденами тампліеровъ и госпитальеровъ, во имя церкви вооружившихся на защиту страны. Въ главѣ **четвертой** (стр. 224—248) изслѣдуется финансовая организація въ латинскомъ королевствѣ. Государственная казна королевства пополнялась доходами изъ многочисленныхъ источниковъ, тѣмъ не менѣе нерѣдко оказывалась пустою, и короли часто находились въ безвыходномъ матеріальномъ затрудненіи, вслѣдствіе разнообразныхъ привилегій и льготъ, которыя неблагоразумно раздавались горожанамъ, баронамъ и церковнослужителямъ. Въ главѣ **пятой** (стр. 249—292) рѣчь идетъ о системѣ правосудія въ латинскомъ королевствѣ. Не смотря на сравнительно полную организацію суда, введенную латинянами на востокѣ, она была далеко не безупречною. Будучи предсѣдателемъ верховнаго суда, а чрезъ своего представителя предсѣдателемъ суда и горожанъ, король, однако, не могъ произнести ни одного приговора безъ согласія бароновъ или горожанъ: все правосудіе исходило не отъ короля, а отъ трибуналовъ, надъ которыми не тяготѣлъ никакой авторитетъ; король только предсѣдательствовалъ, а пользованіе судебною властью принадлежало не монархіи, а аристократіи и буржуазіи, которыя и судили членовъ своихъ классовъ независимо отъ королевской власти. **Шестая** глава (стр. 293—343) посвящена организаціи латинской церкви въ королевствѣ. Церковь имѣла здѣсь привилегированное положеніе и злоупотребляла этимъ. Ея іерархія, территоріальныя владѣнія, независимость въ судебныхъ дѣлахъ и первенство предъ греческимъ духовенствомъ создали изъ нея прочно организованную корпорацію, очень богатую и сильную своимъ честолюбіемъ и властолюбіемъ, упорно противодѣйствовавшую развитію монархическаго государственнаго строя. Наконецъ, въ **заключеніи** (стр. 344—350) резюмируются существенные результаты изысканій автора, и представлена общая картина правительственной организаціи въ Латино-Іерусалимскомъ королевствѣ.

Книга Гастона Додю написана научно и съ большимъ знаніемъ. Особой похвалы заслуживаетъ его критическій обзоръ литературы предмета, составленный старательно и полно. Въ текстѣ изслѣдованія имѣются нѣкоторые недочеты, понятные только спеціалистамъ. Для рядовыхъ же читателей, знакомыхъ съ западно-европейскимъ феодальнымъ строемъ, она не представитъ затрудненій и прочтется не безъ пользы.

Σ.

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. Съ Поволжья. Москва. 1897.

.... Кто часто ихъ видѣлъ,
Тотъ, вѣрю я, любитъ крестьянскихъ дѣтей...

Такъ утверждалъ Некрасовъ, и то же свидѣтельствуетъ авторъ «Поволжья», симпатичный писатель Несмѣловъ, постоянный нынѣ сотрудникъ популярнаго среди юныхъ читателей журнала «Дѣтское чтеніе». У г. Несмѣлова уже имѣются отдѣльныя изданія, но врядъ ли какое изъ нихъ можетъ претендовать на столь полезное значеніе, какъ выпущенныя нынѣ родныя картинки «Съ Поволжья». Эти картинки, помимо всего прочаго, имѣютъ одно общее любопытное литературно-біографическое значеніе: онѣ показываютъ, что въ писателѣ наиболѣе ярки, сильны, плодотворны тѣ впечатлѣнія, которыя почерпаются изъ первой части жизни — дѣтства, юности и вообще молодости. Позднѣйшія наслоенія жизни, какъ бы они ни были цѣнны, никогда не будутъ носить на себѣ столько непосредственности, нѣжности тоновъ и сердечной теплоты. Вотъ, напримѣръ нынѣшніе беллетристы, составившіе себѣ заслуженную репутацію среди читателей: Потапенко, Станюковичъ, Гаринъ. И что же мы наблюдаемъ? Какъ близки читателю, какъ ярки краски на тѣхъ выведенныхъ ими типахъ, которые ими вызваны изъ дали минувшихъ годовъ молодости. Вотъ молоденькій бурсакъ, въ коротенькихъ штанишкахъ и неуклюжей курткѣ, вотъ мичманъ дальняго плаванія въ новенькомъ мундирчикѣ съ иголочки, вотъ избалованный въ дворянской семьѣ мальчуганъ Тёма... Какъ всѣ они жизненны, какъ стоятъ они передъ вами во весь ростъ, съ ихъ плотью и кровью! И рядомъ съ этимъ какъ по большей части мертвенны, дѣланны, ходульны иные типы у тѣхъ же писателей, извлеченныхъ ими изъ мало имъ вѣдомыхъ сферъ, которыя они наблюдали въ зрѣломъ уже возростѣ, усталымъ и разсѣяннымъ взоромъ! Г. Несмѣловъ по всей справедливости принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей-беллетристовъ, которыхъ жизнь, повидимому, также наградила добрыми, яркими воспоминаніями молодыхъ лѣтъ. Насколько возможно судить по его очеркамъ «Съ Поволжья», ему очень хорошо знакома, сродни, та маленькая босоногая, «невѣдающая нѣги» команда, про которую поэтъ сказалъ, что ее нельзя не любить. И г. Несмѣловъ дѣйствительно любитъ своихъ крохотныхъ деревенскихъ героевъ, любитъ ихъ сознательно и убѣжденно, стараясь при томъ всѣми силами своихъ красокъ, всей силой задушевной рѣчи перелить это чувство и въ маленькихъ читателей. Поэтому онъ въ своихъ разсказахъ не простой фотографъ, гордящійся вѣрностью и точностью воспроизводимаго рисунка, а фотографъ художникъ, который постоянно примѣшиваетъ къ туши нѣкоторую долю цвѣтной краски. Отсюда субъективное и благодушное изображеніе имъ сельской дѣйствительности съ ея попреимуществу свѣтлыми сторонами, положительными типами. Но это обстоятельство врядъ ли можетъ быть поставлено въ вину автору: онъ учитъ любить, развиваетъ чувство, на которое въ дѣтскомъ возрастѣ должно быть обращено особенное вниманіе и которое въ наше сухое эгоистическое время такъ замѣтно убываетъ изъ окружающей жизни. Поэтому можно съ увѣренностью сказать, что работа писателя въ настоящемъ случаѣ принесетъ желанный результатъ,

и когда нибудь современемъ маленькій читатель г. Несмѣлова съ любовью вспомнитъ того автора, на произведеніяхъ котораго онъ воспитывалъ лучшія стороны своего характера. О самыхъ очеркахъ «Съ Поволожья» не приходится много распространяться: это галлерея хорошенькихъ деревенскихъ картинокъ, гдѣ дѣйствующими лицами является босоногая деревенская дѣтвора. Лучшимъ изъ этихъ очерковъ можетъ считаться «Свѣтлый праздникъ», куда авторъ вложилъ лучшія краски съ своей художественной палитры. Книжка издана фирмою «Дѣтскаго Чтенія» очень изящно, снабжена иллюстраціями и пущена въ продажу по очень доступной цѣнѣ. В. Г—скій.

Люди темные. Очерки и разсказы изъ народнаго быта. И. Н. Захарьина (Якунина). Изданіе 2-е. Спб. 1897.

Книга эта, вышедшая нынѣ вторымъ изданіемъ, заключаетъ въ себѣ преимущественно очерки и разсказы изъ народнаго быта, хорошо и близко, повидимому, знакомаго автору. Еще при появленіи перваго изданія этой книжки она была замѣчена Л. Н. Толстымъ, по желанію котораго нѣкоторые разсказы и были потомъ изданы московскою фирмою «Посредникъ» для народа.

Во второе изданіе вошло, какъ оказывается, восемь новыхъ разсказовъ, напечатанныхъ въ журналѣ «Живописное Обозрѣніе» за послѣдніе годы. Три разсказа взяты, какъ объясняетъ авторъ въ своемъ предисловіи къ книгѣ, «изъ народныхъ сказаній иныхъ странъ»: тутъ есть одна прекрасная датская легенда («Каменная баба»), есть германское сказаніе («Графиня-тюремщица») и одно древне-индійское сказаніе («Что мы имѣемъ»), небольшая, но очень интересная вещица.

Изъ числа разсказовъ, взятыхъ изъ русскаго народнаго быта, обращаютъ на себя вниманіе два глубоко драматическихъ разсказа: «Подневольная клятва» и «Василиса—сладкій медъ», очевидно, взятые авторомъ прямо изъ дѣйствительной жизни. Въ первомъ изъ этихъ разсказовъ называется даже мѣсто дѣйствія происшедшей драмы—Кисловодскъ. Въ другихъ разсказахъ невеселая жизнь русскаго крестьянина изображается во всей ея безыскусственной простотѣ и порою неприглядности: тутъ фигурируютъ не подгородніе крестьяне и не фабричные, а **темные люди** самыхъ глухихъ и бѣдныхъ нашихъ деревень, преимущественно костромичи, гдѣ, по словамъ автора, «дѣды ихъ и прадѣды жили и умирали около земли», не занося въ свою деревню съ чужой стороны никакихъ новшествъ, въ видѣ, напр., приличныхъ болѣзней, городского франтовства въ одеждѣ, модныхъ романсовъ и пѣсенъ и тому подобныхъ прелестей. Умиралъ обыкновенно отецъ и завѣщалъ сыну: «кормись, сынокъ, землей: богатъ не будешь, а сытъ будешь и на царскія подати хватитъ». Сынъ, умирая, передавалъ этотъ завѣтъ своимъ дѣтямъ, и такъ шло изъ поколѣнія въ поколѣніе».

Есть въ книгѣ г. Захарьина и два веселые очерка: «Огонекъ» и «Капканы», «веселые» въ томъ смыслѣ, что въ нихъ разсказываются дѣйствительно очень комическіе эпизоды, происшедшіе въ той же средѣ «темныхъ людей»; въ особенности выдѣляется полнотою картины, изображающей бытъ добродуш-

ныхъ мужиковъ, очеркъ «Капканы», въ которомъ сказывается большой юморъ, доступный автору.

Въ общемъ, книга г. Захарьина, обладающаго несомнѣннымъ талантомъ разсказчика, производитъ все-таки очень хорошее чувство и оставляетъ доброе впечатлѣніе: она знакомитъ читателя съ житьемъ-бытьемъ нашего «темнаго» крестьянина, этого поильца и кормильца городской интеллигенціи, съ его деревенскими печалями и радостями, съ его нравами, обычаями и міровоззрѣніемъ, прочитавъ эту книжку до конца, дѣлается вполнѣ понятно, почему разсказы, въ ней заключающіеся, очень понравились Л. Н. Толстому.

Н.

Вопросы науки, искусства, литературы и жизни. № 8. Проф. Н. И. Стороженко. Вольнодумецъ эпохи возрожденія. Москва. 1897.

Живая мысль христіанства замерла въ тискахъ католической схаластики и византійскаго догматизма и по прошествіи многихъ вѣковъ сна и летаргіи вновь воскресла въ трудахъ великихъ гуманистовъ эпохи возрожденія. Знакомство съ римскими и греческими классиками, возвращеніе къ великимъ мыслителямъ и художникамъ древняго міра вдохновило передовые умы новыхъ европейскихъ народовъ на дальнѣйшее творчество и открыло новую эру свободнаго критическаго изслѣдованія вопросовъ нравственной и общественной жизни. Духъ христіанства оплодотворился богатствами языческой учености Аристотеля и Платона. Апостолы возрожденія говорили во имя разума и любви, и на этихъ божественныхъ началахъ была построена дальнѣйшая работа мыслящихъ поколѣній, реформировавшая и общественную, и политическую, и религіозную жизнь обновленной Европы.

Подобно тому, какъ утренняя заря всегда свѣтозарнѣе и пышнѣе, чѣмъ прозаическій полдень, такъ же точно и первые проблески мысли на мрачномъ фонѣ схоластическаго одичанія среднихъ вѣковъ поражали яркимъ разсвѣтомъ энтузіазма и воодушевленія, мало понятнаго въ наши прозаическіе дни. Въ эпоху возрожденія не было «писателей», «ученыхъ», «литераторовъ» и «журналистовъ», не было ремесленниковъ знанія, мысли и слова, но были рыцари слова, герои мысли, апостолы и подвижники разума. Они смѣло шли противъ фонатизма толпы, противъ духовной деспотіи католическаго клира, противъ всей тьмы вѣковъ, этихъ ужасныхъ среднихъ вѣковъ, озаренныхъ кострами Бруно, Гусса и Галилея. Чѣмъ ярче было дарованіе писателя, тѣмъ опаснѣе его судьба. Наградой за геній было не богатство, не слава, не почести, но тюрьма, пытка и костеръ.

Типичнымъ представителемъ этой эпохи былъ типографщикъ Этьенъ Доле, сожженный въ Парижѣ 3 августа 1546 г. за изданіе своихъ сочиненій. Біографія его, написанная проф. Н. И. Стороженко, выпущена въ продажу московскимъ книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель, предпринявшимъ изданіе цѣлой серіи научно популярныхъ брошюрокъ. При всемъ сочувствіи благимъ задачамъ изданія, мы все-таки не можемъ не отмѣтить существенныхъ недо-

статковъ очерка профессора Стороженко: полное отсутствіе художественнаго элемента въ характеристикѣ личности Доле, преобладаніе біографическихъ фактовъ и подробностей надъ психологическимъ освѣщеніемъ и наконецъ казенный, лишенный красокъ и музыки, языкъ газетныхъ передовицъ... Въ сухомъ и протокольномъ изложеніи профессора самые трагическіе эпизоды жизни вольнодумца теряются безслѣдно, не производя впечатлѣнія на читателя. Гонимый властями, осужденный Сорбоной, Доле, убѣжавъ изъ тюрьмы, нѣсколько мѣсяцевъ скрывался въ горахъ Пьемонта, гдѣ писалъ свои послѣднія произведенія, и жажда повѣдать ихъ міру была такъ велика въ немъ, что онъ оставляетъ свое безопасное убѣжище и возвращается домой въ свою типографію, чтобы издать свой послѣдній трудъ подъ рискомъ тюрьмы и костра. Что онъ чувствовалъ въ этотъ критическій моментъ, какой высокій энтузіазмъ къ истинѣ горѣлъ въ его душѣ—все это не раскрыто передъ глазами читателя его русскимъ біографомъ. Не ясно ли, что популярныя біографіи такихъ героевъ должны быть не историческими только, но главнымъ образомъ лирическими и художественно-психологическими?

И. Гофштеттеръ.

И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край до 1758 года. Историческая монографія В. Н. Витевскаго. Выпускъ пятый. Казань. 1897.

Этимъ выпускомъ г. Витевскій закончилъ обширную біографію одного изъ замѣчательныхъ дѣятелей прошлаго столѣтія, И. И. Неплюева. Авторъ добросовѣстно изучилъ всѣ печатные источники, касающіеся Неплюева, и дополнилъ ихъ свѣдѣніями, почерпнутыми въ дѣлахъ архива правительствующаго сената и Тургайскаго областного правленія въ Оренбургѣ. Хотя авторъ сосредоточилъ главное вниманіе на управленіи Неплюева Оренбургскимъ краемъ, тѣмъ не менѣе онъ старательно прослѣдилъ всю его жизнь до самой кончины. Неплюевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ «птенцовъ» Петра Великаго, которые выдвинулись впередъ, единственно благодаря своимъ выдающимся дарованіямъ. Посланный въ 1716 году учиться за границу, Неплюевъ пробылъ тамъ пять лѣтъ и по возвращеніи подвергся строгому экзамену самого государя; довольный его отвѣтами Петръ рѣшилъ: «въ этомъ маломъ будетъ прокъ», и приблизилъ къ себѣ Неплюева. Сперва онъ былъ опредѣленъ смотрителемъ надъ строящимися судами, а затѣмъ, въ 1721 году, посланъ резидентомъ въ Царьградъ. Тринадцать лѣтъ Неплюевъ съ честью и достоинствомъ исполнялъ эту трудную обязанность и оставилъ её лишь въ царствованіе Анны Ивановны, передъ разрывомъ съ Турціей, послѣдовавшимъ въ 1735 г. Произведенный въ тайные совѣтники и назначенный членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ онъ принималъ участіе въ Немировскомъ конгрессѣ, а въ 1739 году, когда кончилась война съ Турціей, ему было поручено заняться разграниченіемъ земель между обѣими имперіями. Вскорѣ ему ввѣрено управленіе Малороссіей, но, въ 1741 году, при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, онъ подвергся опалѣ за свои дружескія отношенія къ вице-канцлеру графу Остерману, который былъ преданъ суду вмѣстѣ съ другими министрами предшество-

вавшаго царствованія. Оправданный слѣдственною коммиссіей, Неплюевъ былъ назначенъ начальникомъ Оренбургскаго края. Управляя имъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ, онъ проявилъ блестящія административныя способности. Пріѣхавъ въ эту отдаленную и совершенно дикую область, Неплюевъ съ необычайною энергіей принялся за ея устройство. Онъ основалъ нынѣшній Оренбургъ, построилъ до 70 крѣпостей по рѣкамъ Сакмарѣ, Уралу, Тоболу и др., далъ правильную военную организацію Оренбургскому казачьему войску, улучшилъ положеніе яицкаго казачества, а также башкиръ, калмыковъ и другихъ поселенцевъ, заботился объ устройствѣ школъ и церквей, о поднятіи торговли и промышленности, при немъ открыто 28 мѣдеплавиленныхъ заводовъ и 13 желѣзодѣлательныхъ и т. д. Однимъ словомъ, по справедливому выраженію г. Витевскаго, «можно сказать, безъ преувеличенія, что Неплюевъ пробудилъ Оренбургскій край отъ смерти къ жизни, выростилъ, взлелѣялъ и, совершенно устроивъ, подарилъ Россіи». Пошатнувшееся здоровье вынудило его въ 1760 году оставить Оренбургъ, и онъ былъ назначенъ сенаторомъ и кабинетъ-министромъ. Онъ пользовался расположеніемъ и довѣріемъ Екатерины II, и только потеря зрѣнія заставила его окончательно покинуть службу и удалиться на покой въ деревню, гдѣ онъ и умеръ въ 1773 году. Свѣтлая личность Неплюева и его многочисленныя заслуги ярко обрисованы г. Витевскимъ, обширная монографія котораго, не смотря на нѣсколько панегирическій тонъ, составляетъ хорошій вкладъ въ нашу историческую литературу и имѣетъ особенное значеніе для исторіи Оренбургскаго края. С. Ш.

Римскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ. Составилъ В. Алексѣевъ. Томъ первый. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1897.

В. А. Алексѣевъ не перестаетъ знакомить нашу публику съ древнеклассическою литературой. Новый трудъ почтеннаго автора—христоматія изъ римскихъ поэтовъ—построенъ совершенно по тому же плану, какъ и вышедшіе двумя годами ранѣе «Греческіе поэты», о которыхъ своевременно говорилось на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Послѣ сжатаго очерка исторіи римской поэзіи авторъ даетъ выборки изъ антологіи. Римская антологія далеко не такъ богата, какъ греческая, и переводилось изъ нея у насъ очень мало; этимъ объясняется помѣщеніе г. Алексѣевымъ въ настоящемъ отдѣлѣ такихъ произведеній, которыя мы ожидали бы встрѣтить въ другомъ мѣстѣ, напримѣръ, 12 стихотвореній Катулла и 1 Тибулла. Кстати, составитель ошибается, утверждая, что у римлянъ не издавались антологическіе сборники. Изъ предисловія къ изданію «Латинской антологіи» Ризе, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстному и самому г. Алексѣеву, ясно, что подобные сборники появлялись уже во время Катулла. За антологіей идутъ отрывки изъ комедій Плавта и Теренція. Въ интересахъ дѣла я позволилъ бы себѣ предложить составителю добавить, хотя бы въ краткихъ чертахъ и петитомъ, полное содержаніе каждой комедіи; иначе, взятыя отдѣльно сцены не могутъ представить особаго интереса для читателя изъ большой публики. Слѣдующій за комиками Катуллъ представленъ главнымъ образомъ въ далеко неизящномъ переводѣ Фета, но это,

конечно, не есть вина г. Алексѣева. Конецъ книги занимаютъ обширныя выборки изъ Вергилія, которыя можно было бы, пожалуй, и посократить, особенно для «Энеиды», хорошо извѣстной нашей публикѣ еще со школьной скамейки. Нѣкоторые отрывки изъ Вергилія появляются въ настоящемъ изданіи впервые, таковы: прекрасные переводы изъ «Георгикъ» Д. П. Шестакова и М. Н. Шелгунова, а также нѣкоторыя изъ мелкихъ стихотвореній въ передачѣ К. А. Котельникова. Онъ же перевелъ спеціально для христоматіи г. Алексѣева и 1-е стихотвореніе Катулла, размѣромъ подлинника, но не особенно удачно (напр., ст. 4: безъ сомнѣнія, тебѣ, конечно, Непотъ). Упрекъ въ отсутствіи въ книгѣ Лукреція (переводы гг. О. Головнина, О. Θ. Вазнера и Горбатова) предвосхищенъ у рецензента извиненіемъ самого г. составителя. Въ общемъ очеркѣ исторіи поэзіи и предпосланныхъ каждому поэту біографіяхъ было бы желательно устранить нѣкоторыя погрѣшности, напр., сильвы Стація названы «поэтическими экспромптами, обыкновенно двустишіями», тогда какъ самая малая изъ сильвъ имѣетъ 37 стиховъ, а есть сильвы, заключающія и по 200 слишкомъ стиховъ. Ошибочны также извѣстія, что Іеронимъ писалъ біографію Плавта, и что древнѣйшій изъ списковъ Вергилія относится къ I вѣку нашей эры.

А. Малеинъ.

А. П. Лопухинъ. Изъ поѣздки въ Червонную Русь и по ея окрестностямъ. Путевыя впечатлѣнія во время проѣзда чрезъ Галицію лѣтомъ 1895 года. Спб. 1897.

Жители Червонной Руси, истые ея сыны, съ восторгомъ посѣщаютъ нашу родину, «съ которой они разлучены злой судьбой, но къ которой неудержимо льнетъ ихъ русское сердце». Они все болѣе и болѣе узнаютъ Россію. Между тѣмъ «большинство русскихъ», — разумѣемъ сыновъ нашего необъятнаго отечества,—«имѣютъ самое смутное представленіе о Червонной Руси, а многіе и совсѣмъ не знаютъ того, что въ Австріи, у подножія Карпатъ, живетъ болѣе, чѣмъ трехмилліонная вѣтвь чистокровнаго русскаго народа, которая по роковой ошибкѣ русской, или, вѣрнѣе, по коварству нѣмецкой дипломатіи, отрѣзана была отъ своего родного обще-русскаго дерева и выброшена за предѣлы Россіи, чтобы изнывать и томиться подъ негостепріимнымъ небомъ австрійскимъ». У насъ въ послѣднее время, пожалуй, лучше знаютъ объ отдаленной Абиссиніи или Θессаліи, чѣмъ о Червонной Руси, гдѣ стонутъ наши братья, но откуда стоны ихъ до насъ не долетаютъ, а если и долетаютъ, то, къ стыду нашему, мало насъ интересуютъ. Поэтому, думаемъ, появленіе книжки въ родѣ разсматриваемой нами должно быть признано какъ нельзя болѣе своевременнымъ.

Кромѣ предисловія, въ книжкѣ—шесть главъ. Двѣ первыхъ главы посвящены Почаевской лаврѣ, этому «могучему стражу, стоящему на рубежѣ Русской земли». Третья передаетъ описаніе путешествія автора «отъ Почаева до Львова, столицы Червонной Руси, гдѣ нѣкогда жили доблестные русско-галицкіе князья, не только побѣждавшіе поляковъ, но и самому папѣ римскому смѣло указывавшіе на свой мечъ, какъ на самый надежный аргументъ въ от-

ношеніяхъ съ нимъ». Пребываніе автора въ Львовѣ и описывается затѣмъ въ остальныхъ главахъ его книжки. Какія печальныя для русскаго сердца картины рисуются здѣсь! «Знаменитый храмъ Успенія Богоматери, несмотря на свою доблестную стойкость въ борьбѣ за православіе противъ уніи, все-таки не устоялъ въ неравной борьбѣ и теперь сдѣлался одною изъ твердынь папскаго всевластія въ Червонной Руси... Ставропигійскій институтъ, какъ называется теперь знаменитое Львовское братство, которое когда-то было главнымъ разсадникомъ духовнаго просвѣщенія по всей Руси—вплоть до Москвы, и книги котораго расходились по всему православно-славянскому міру, теперь сдѣлался орудіемъ распространенія разныхъ старообрядческихъ и уніатскихъ изданій»... Сами русскіе-галичане на каждомъ шагу терпятъ невзгоды отъ «поляковъ, которые, точно мстя имъ за ихъ родство съ великою Россіей, стараются полонизировать ихъ, забираютъ дѣтей въ польскія школы, лишаютъ лучшихъ дѣятелей права голосованія, преслѣдуютъ насмѣшками и угрозами, грубо клевещутъ и всячески оскорбляютъ ихъ наилучшія чувства. Теперешній митрополитъ галицкій и «кіевскій» (какъ онъ именуетъ себя) «за чечевичную похлебку кардинальства и польскихъ подачекъ продастъ ввѣренный его пастырскому попеченію сиротствующій русскій народъ. Печатный органъ митрополита («Душпастырь») поетъ по камертону іезуитовъ и является выраженіемъ ихъ наилучшихъ чаяній» и пр. А въ какомъ положеніи находится православный храмъ «въ столицѣ Червонной Руси», объ этомъ невозможно читать безъ содроганія. Онъ находится въ глуши, за какимъ-то «заборомъ», на «пустырѣ», въ числѣ «низкихъ построекъ, похожихъ на сараи или службы, съ плохенькими деревянными дверями». «И на одной изъ этихъ дверей»,—говоритъ авторъ,—«я съ дрогнувшимъ отъ боли сердцемъ увидѣлъ небольшой деревянный крестъ... Вся церковь помѣщается въ двухъ небольшихъ комнатахъ, соединенныхъ между собой, и все говоритъ о ея бѣдности и заброшенности»... При безотрадномъ положеніи дѣлъ въ Червонной Руси приходится надѣяться только на будущее, вѣрить, что когда либо обстоятельства измѣнятся къ лучшему. Нѣкогда въ Царьградѣ «православіе, угнетаемое, стѣсненное, почти совсѣмъ истребленное, ютилось не въ лучшемъ и не въ большемъ храмѣ, чѣмъ какова православная церковь во Львовѣ». Но изъ него, названнаго св. Григоріемъ Богословомъ Анастасіею (Воскресеніемъ), православіе воскресло вновь. Не суждено ли и убогой православной церкви во Львовѣ быть такой же Анастасіей для всей Червонной Руси, изнывающей подъ двойнымъ игомъ: и тѣлеснымъ, и духовнымъ?...

Книжка написана прекраснымъ языкомъ, живо и увлекательно, отъ начала до конца читается съ возростающимъ интересомъ. Авторъ ея проявилъ большую наблюдательность, къ которой, при томъ, постоянно приходятъ на помощь его обширныя и глубокія богословскія и историческія знанія... Надѣемся, что эти «путевыя впечатлѣнія» проф. А. П. Лопухина всякимъ прочтутся съ удовольствіемъ. Александръ Вронзовъ.

Сибирское переселеніе. Спб. 1897.

Настоящая брошюра написана г. управляющимъ дѣлами комитета Сибирской желѣзной дороги и является результатомъ его поѣздки лѣтомъ 1896 г по Сибири. Объѣздивъ 135 поселковъ, онъ, по собственному удостовѣренію, былъ частымъ свидѣтелемъ бѣдственнаго положенія тѣхъ новоселовъ, которые необдуманно и неосторожно рѣшились на переселеніе въ далекія невѣдомыя имъ страны. Желая на будущее время удержать тѣхъ, кому попадется въ руки брошюра «Сибирское переселеніе», авторъ задался прекрасною мыслью сказать о Сибири и о переселеніи туда нѣсколько словъ истинной правды. Задача выполнена почтеннымъ составителемъ брошюры прекрасно. Въ сжатой, доступной для крестьянскаго люда формѣ и рѣчи онъ, можно сказать, исчерпалъ предметъ во всей нужной полнотѣ и ставитъ поэтому своего читателя лицомъ къ лицу съ настоящей жизнью, съ голой, неподкрашенной истиной. Онъ обстоятельно рисуетъ, чего отъ новосела требуетъ хозяйство, и во что ему обходится обзаведеніе домашнимъ даже самымъ скромнымъ, но необходимымъ, обиходомъ. Далѣе онъ сообщаетъ, чего можно ожидать отъ сибирскаго хлѣбопашества, и при какихъ условіяхъ оно можетъ дать мало-мальски сносные результаты, и, наконецъ, повѣствуетъ, каковы условія переселенческаго движенія, въ смыслѣ денежныхъ расходовъ и отношенія къ податямъ и повинностямъ. Конечный выводъ автора неутѣшителенъ для тѣхъ, кто покидаетъ родину и безъ денегъ и подготовки идетъ на новыя мѣста... «Устроиваются хорошо только люди денежные или у кого въ семьѣ работниковъ много, — говоритъ онъ, — а также тѣ, которые сами раньше побывали въ Сибири, да все заранѣе подготовили для своего семейства. Такіе переселенцы, придя одни безъ семьи, понемногу срубаютъ избы, складываютъ печи, поднимаютъ землю и обсѣваются, а тѣмъ временемъ бабы дома на родинѣ хлѣбъ убираютъ. Когда все устроено да направлено—съ полъдѣла выписать семью. Такъ многіе стали теперь дѣлать и тѣмъ не дурно, да и семейство остается цѣло». Конечное поученіе составителя то, что «необходимо, чтобы ѣдущіе окончательно съ женами и дѣтьми крестьяне знали, куда они ѣдутъ и что ихъ ждетъ. Если бы такихъ знающихъ и ранѣе сходившихъ въ Сибирь переселенцевъ было побольше, то поменьше было бы и обратныхъ переселенцевъ, возвращающихся измученными и усталыми на старое разоренное пепелище.

Желательно, чтобы брошюра «Сибирское переселеніе» получила какъ можно болѣе широкій доступъ въ крестьянство; она сослужитъ тамъ добрую службу, и какъ справочное пособіе, и какъ полезное предостереженіе отъ будущихъ золъ и бѣдствій. Гл.

Е. Валобанова. Рейнскія легенды. Спб. 1897.

Книжка небольшая, но въ высшей степени занимательная. Составительница не задавалась цѣлями научными. Она просто, заинтересовававшись распространенными въ средѣ прирейнскихъ жителей легендами и увлекшись безыскусственною красотой ихъ поэзіи, рѣшила въ переводѣ ознакомить съ ними любителей народнаго творчества. Это не первая уже попытка г-жи Валобановой

въ подобномъ родѣ: въ прошломъ году ею были изданы «Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани». Интересно прочесть обѣ книги одну за другою, чтобы уяснить себѣ разницу въ міровоззрѣніи бретонцевъ и рейнскихъ нѣмцевъ, разницу, обусловливаемую различіемъ въ природныхъ особенностяхъ тѣхъ странъ, которыя населяютъ тѣ и другіе.

Мрачна и дика природа Бретани: горы, покрытыя вѣковыми лѣсами, темныя ущелья и безплодныя низменности, на далекія пространства затапливаемыя вѣчно неспокойнымъ, вѣчно шумящимъ моремъ; бѣдное населеніе, тяжелымъ трудомъ и съ опасностью жизни добывающее себѣ пропитаніе, вѣчно находящееся подъ страхомъ ежеминутно грозящей смерти. Глубоко грустный характеръ носитъ поэтому и вся поэзія бретонцевъ; поистинѣ безотрадны тѣ выводы, къ которымъ она приходитъ: смерть есть истинная царица всего сущаго; земныя блага временны и скоропреходящи, да и никогда не даютъ полнаго счастья; поэтому со смертью не только надобно мириться, но слѣдуетъ даже желать ея и постоянно подготовляться къ ней, стараясь сохранить въ себѣ чистое сердце и вѣру въ Бога; только тогда и можно надѣяться на то, что, наконецъ, удостоишься получить истинное счастье.

Совершенно иной характеръ природы Рейна: синія волны красавицы рѣки, любимицы германскихъ поэтовъ, волны, въ которыя съ береговъ глядятся богатѣйшіе виноградники вперемежку съ прелестнѣйшими городами Германіи, не навѣваютъ тяжелыхъ мыслей, не заставляютъ желать смерти. Конечно, мысль о Богѣ и о томъ, что всѣ люди, наконецъ, перейдутъ изъ здѣшняго прекраснаго міра въ другой, быть можетъ, еще прекраснѣйшій, не чужда и легендамъ прирейнскаго населенія уже по одному тому, что всѣ эти легенды вращаются вокругъ событій среднихъ вѣковъ; но эта мысль не заставляетъ смотрѣть на земную жизнь, какъ на безконечное мученіе, а, напротивъ, только показываетъ человѣку, что все, созданные Богомъ, одинаково прекрасно, и что только сами люди своей злобой, своими безсмысленными, безконечными распрями обезображиваютъ красоту міра. Много легендъ въ книгѣ г-жи Балобановой посвящено именно этому противоположенію людской злобы красотѣ созданія Божія—природы. Такой характеръ носятъ въ особенности тѣ изъ легендъ, которыя относятся къ городу Кельну и его окрестностямъ. Любимѣйшимъ ихъ сюжетомъ служитъ борьба рыцарей-владѣтелей окружавшихъ Кельнъ замковъ съ кельнскими архіепископами и горожанами, борьба, какъ извѣстно, жестокая и упорная, длившаяся во все продолженіе среднихъ вѣковъ съ весьма перемѣннымъ счастьемъ.

Переведены «Рейнскія легенды» превосходно и прочтутся съ интересомъ даже лицами, не причисляющими себя вообще къ любителямъ народной поэзіи. Но кому мы особенно рекомендуемъ ихъ, такъ это дѣтямъ школьнаго возраста; гораздо больше наслажденія, а уже, конечно, и пользы, извлекутъ они изъ этихъ глубоко нравственныхъ именно своей безыскусственностью и простотою легендъ, чѣмъ изъ тѣхъ слащавыхъ нравоучительныхъ разсказовъ и романовъ, коими, къ несчастью, переполнена наша дѣтская литература.

К. Лосскій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЕРЕПИСКА ЦИЦЕРОНА. Въ настоящее время нѣмѣцкая филологія, можно сказать, подводитъ итоги своимъ успѣхамъ, и одно за другимъ появляются изданія древнихъ авторовъ, ставящія ихъ текстъ на положительную критическую почву и тѣмъ самымъ впервые открывающія возможность къ устойчивымъ и надежнымъ толкованіямъ. Такъ ко времени недавно отпразднованнаго филологами двухтысячелѣтія рожденія Цицерона и въ связи съ оппозиціей, которую справедливо встрѣтили въ наукѣ легкомысленныя и грубыя нападки Моммсена на славнѣйшаго представителя римской словесности, чрезвычайно оживился интересъ къ любопытнѣйшему отдѣлу его сочиненій— къ его перепискѣ, до послѣдняго времени остававшейся сравнительно мало обработанною критически. Эта переписка обнимаетъ 25 лѣтъ жизни Цицерона, относясь къ эпохѣ 68—43 гг. до Р. Х., и вводитъ читателя самымъ близкимъ и непосредственнымъ образомъ во внутренній міръ автора этихъ писемъ, въ его личныя отношенія, въ сложныя и интересныя политическія событія и самые сокровенные мотивы его общественной дѣятельности. Агонія великой республики отражается въ нихъ волненіями, сомнѣніями, колебаніями и мнѣніями одного изъ величайшихъ стилистовъ міра, широкаго и возвышеннаго республиканца-идеалиста, захваченнаго, какъ смерчемъ, роковымъ теченіемъ событій въ исторіи міра. Эти письма, частью офиціальныя донесенія, частью обдуманныя политическія посланія, частью дружескія откровенности, частью спѣшныя дѣловыя письма захваченнаго врасплохъ и растерявшагося человѣка, невольно дѣлаютъ насъ современниками зарожденія римской монархіи. Цезарь, Брутъ, Кассій, Катонъ, Помпей, Аттикъ и, главнымъ образомъ, самъ Цицеронъ являются намъ въ роли корреспондентовъ и

обмѣниваются любезностями, колкостями, угрозами, сплетнями, политическими и литературными новостями, рекомендаціями, обѣщаніями, извиненіями. Читатель вдругъ попадаетъ за кулисы исторіи античнаго міра. Немногіе романы могутъ выдержать сравненіе съ интересомъ этой пестрой обширной переписки. Но за то обильны и трудности, встрѣчавшіяся ея читателю. Въ ней множество ничѣмъ не вознаградимыхъ пробѣловъ, множество намековъ, едва понятныхъ черезъ 2.000 лѣтъ. Она была издана значительно спустя послѣ смерти Цицерона, безъ всякаго соблюденія хронологическаго порядка, иногда даже въ умышленномъ безпорядкѣ для скрытія, въ глазахъ непосвященныхъ, но вліятельныхъ читателей, ихъ слишкомъ жгучаго политическаго значенія. Издатель, вольноотпущенникъ и ученикъ Цицерона, Туллій Тиронъ, выпускалъ ихъ отдѣльными сборниками, группируя ихъ по именамъ адресатовъ, кое-гдѣ прибавляя сохранившіеся отвѣты. Позднѣе изъ этихъ отдѣльныхъ сборниковъ начали составлять болѣе крупные своды. Переписчики и корректора постепенно все болѣе искажали текстъ, сообразно съ усиленіемъ всеобщаго варварства; отдѣльныя книги утрачивались, исчезали цѣлыя страницы, пропускались отдѣльныя строчки или слова. Послѣ эпохи возрожденія, когда найдены были тѣ остатки— два большихъ свода и нѣсколько мелкихъ текстовъ—которые составляютъ наше теперешнее достояніе, началось, правда, очищеніе и исправленіе текста, но на ряду съ нимъ произошло и неизбѣжное накопленіе корректурныхъ недосмотровъ, произвольныхъ измѣненій, выпусковъ и вставокъ, такъ что въ концѣ концовъ пестрота переписчиковъ только смѣнилась пестротой издателей. Только въ началѣ текущаго столѣтія Орелли, а за нимъ Байтеръ, сдѣлали первые шаги къ очищенію изъ-подъ безграмотныхъ и ученыхъ описокъ и поправокъ достовѣрнаго текста. На нихъ основывались и позднѣйшія рецензіи Клотца и Везенберга, не лишенныя достоинствъ и значенія, но произведенныя на ненадежной почвѣ личныхъ догадокъ. Благодаря имъ же, однако, постепенно выяснилось и окрѣпло убѣжденіе, что критика и толкованіе писемъ, съ ихъ свободнымъ разговорнымъ стилемъ, не могутъ руководствоваться тѣми же законами, какъ критика и толкованіе нарядныхъ, строгихъ и обдуманныхъ рѣчей и философскихъ произведеній. И вотъ, наконецъ, на нашихъ глазахъ юрьевскій профессоръ Мендельсонъ послѣ слишкомъ 25-лѣтнихъ предварительныхъ работъ и занятій далъ свое капитальное изданіе одного изъ двухъ дошедшихъ до насъ сборниковъ—именно, 16 книгъ ad Familiares [1]). Послѣ тщательнаго изслѣдованія и сличенія множества рукописей, онъ установилъ наиболѣе достовѣрный текстъ, строя его, главнымъ образомъ, на 7 отборныхъ рукописяхъ, преимущественно на такъ называемомъ Медицейскомъ палимпсестѣ IX—X вѣка, и всѣ поправки, кромѣ самыхъ немногихъ, помѣщая въ примѣчанія вмѣстѣ съ варіантами рукописей. Это капитальное изданіе достойно встрѣчаетъ близкую годовщину второго тысячелѣтія своего текста и является существенно необходимымъ для каждаго, пользующагося письмами Цицерона съ научными цѣлями. Такъ какъ, однако, не одни ученые нуждаются въ достовѣрномъ тек-

---

[1]) M. Tulli Ciceronis epistularum libri sedecim, edidit L. Mendelssohn. Accedunt tabulae chronologicae. 8°, стр. XXXIV+60. Leipzig. MDCCCXCII.

стѣ, а, кромѣ того, и достовѣрный съ рукописной точки зрѣнія текстъ нуждается въ поправкахъ и толкованіи, да притомъ и цѣна Мендельсоновскаго изданія (около 6 рублей) не всякому доступна, то для учащихъ и учащихся и былъ изданъ К. Ф. В. Мюллеромъ его только что появившійся дешевый текстъ, построенный на изданіи Мендельсона и снабженный избранными варіантами рукописей [1]). Наконецъ, вскорѣ послѣ изданія Мендельсона вышла третья относящаяся къ перепискѣ Цицерона книга—изслѣдованіе Шмидта [2]). Его задача аналогична этому изданію, хотя не тождественна: если Мендельсонъ приложилъ свой трудъ къ установленію текста писемъ, то Шмидтъ обратилъ вниманіе на ихъ хронологическую взаимную связь и соотношеніе, давъ въ приложеніи новую рецензію текста 12-й и 13-й книгъ писемъ къ Аттику и біографическую хронику за 7 лѣтъ жизни Цицерона. На 400 слишкомъ страницахъ текста онъ шагъ за шагомъ выясняетъ хронологическій порядокъ и историческое значеніе писемъ Цицерона за 51—44 годы до Р. Х., обѣщая впослѣдствіи подвергнуть такому же толкованію и прочую его переписку. Ближайшимъ и главнѣйшимъ результатомъ этихъ изслѣдованій является полное опроверженіе характеристики Моммсена, написанной, по словамъ Л. Мюллера, «болѣе развязно, чѣмъ разсудительно». Въ короткомъ историческомъ введеніи, очень тепло и живо написанномъ, Шмидтъ весьма убѣдительно рисуетъ намъ Цицерона, какъ Гамлета въ бурѣ современныхъ ему событій, которыя требовали Лаэртовской рѣшительности, откладывающей нравственную оцѣнку совершаемыхъ дѣйствій до того момента, когда они будутъ увѣнчаны успѣхомъ,—и которыя Цицеронъ мечталъ распутать и уравновѣсить согласно съ высокими завѣтами римской древности и своими собственными благородными нравственными воззрѣніями. Колеблясь и сомнѣваясь среди оргіи насилій и преступленій, чтобы не запятнать своей совѣсти, Цицеронъ поплатился за такое «отсутствіе политическаго такта» сперва униженіемъ, потомъ политическимъ отчаяніемъ и, наконецъ, жизнью, даже неприкосновенностью его безжизненнаго тѣла. Трудно передать весь интересъ этой трагедіи, особенно когда ея героемъ является 60-лѣтній старецъ, геніальный писатель и выдающійся государственный дѣятель эпохи, которая на нѣсколько тысячелѣтій предрѣшила дальнѣйшія судьбы человѣчества.

— Географическія познанія въ средніе вѣка. Раймондъ Бизлей составилъ первую, на англійскомъ языкѣ, исторію географическихъ открытій и познаній въ средніе вѣка, отъ обращенія въ христіанство Римской имперіи до 900 года по Р. Х. [3]). Въ продолженіе этихъ шести столѣтій, которыя, по справедливости, можно назвать мрачной эпохой Европы, географія, такъ же, какъ и всѣ другія отросли знанія, если не совершенно исчезла, то находилась

[1]) M. Tulli Ciceronis scripta, quae manserunt omnia, rec. C. F. W. Mueller. Partis III, vol. I. Epistulae ad familiares, ad Q. fratrem, et Q. Ciceronis epistula de petitione. 18°, стр. LXXXVIII+578. Leipzig, 1896. На наши деньги эта книга стоитъ около 1 р. 75 коп.

[2]) O. E. Schmidt. Der Briefwechsel des M. Tullius Cicero von seinem Proconsulat in Cicilien bis zu Caesars Ermordung. 8°, стр. XI | 534. Leipzig.

[3]) The Dawn of Modern Geography. By Raymond Beazley. London. 1897.

въ положеніи временного столбняка. Вторженіе варваровъ и распространеніе произвели совершенный разрывъ христіанства съ прошедшимъ, такъ что отъ классической старины не осталось почти слѣдовъ, да и сохранившіеся слѣды были изуродованы узкимъ примѣненіемъ ихъ къ библейскому догматизму. Весь научный прогрессъ, совершенный древнимъ міромъ, былъ забытъ, и естественно, что исторія географическихъ знаній въ эту безплодную эпоху по необходимости представляетъ лѣтопись упадка и застоя, а потому тѣмъ бо̀льшую заслугу оказалъ авторъ означеннаго труда, взявшійся за такую тяжелую задачу и блестяще исполнивъ ее, такъ что его книгу прочтутъ съ интересомъ не только ученый, но и общій читатель. Конечно, не было недостатка въ матеріалахъ для подобнаго изслѣдованія, но онъ вынужденъ былъ посѣтить всѣ важнѣйшіе архивы и библіотеки Европы, для личнаго обозрѣнія, какъ рѣдкихъ печатныхъ изданій, такъ и средневѣковыхъ рукописей. Но это добросовѣстное, основательное изученіе источниковъ не наложило печать сухого, техническаго изложенія на книгу, оригинально названную: Разсвѣтъ современной географіи, и она, напротивъ, читается совершенно легко, напоминая мѣстами, по мнѣнію англійскихъ критиковъ, образцовый трудъ Гиббона. Въ общемъ предисловіи авторъ ясно и рельефно опредѣляетъ область своихъ изслѣдованій, а вся остальная его книга служитъ подробнымъ уясненіемъ поставленныхъ имъ тезисовъ. Въ первыхъ трехъ главахъ онъ рисуетъ путешествія первыхъ пилигримовъ въ Святую Землю и указываетъ на тѣ серьезныя услуги, которыя совершенно безсознательно оказали эти піонеры географическаго знанія. Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ странствій въ различныхъ частяхъ свѣта европейскихъ, арабскихъ и китайскихъ путешественниковъ съ торговою цѣлью. Наконецъ, спеціальная глава посвящена теоретическимъ взглядамъ того времени на землевѣдѣніе и средневѣковыя попытки картографіи. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ, между прочимъ, знаменитая Марре Monde, сохранившаяся въ библіотекѣ въ Альби, воспроизведены фотографически и приложены къ книгѣ Бизлея. Смотря на эти безобразныя карты, на которыхъ Каспійское море составляетъ заливъ, обнимающаго весь свѣтъ, океана, а Черное прямо вливается въ Средиземное у Крита, который больше Великобританіи, и т. д., получаешь полное понятіе о томъ, до какого упадка дошли географическія познанія послѣ Птоломея и даже Геродота. Поэтому нельзя поставить въ вину ученому автору, что онъ мѣстами принимаетъ полемическій тонъ и доказываетъ всю нелѣпость космологическихъ теорій тогдашнихъ богослововъ, замѣнявшихъ всѣ науки своей узкою догматикой. Напротивъ, его критическій взглядъ, напримѣръ, на безсмысленныя теоріи александрійскаго монаха Козьмы, считавшагося «первымъ научнымъ географомъ христіанскаго міра», представляетъ большой интересъ, такъ какъ изобличаетъ всѣ тенденціозныя стремленія этого, въ сущности замѣчательнаго, путешественника изуродовать собранныя имъ свѣдѣнія будто бы во славу Божію. Онъ самъ видалъ много странъ и хорошо зналъ, что говорилъ пустяки, но все-таки это не мѣшало ему увѣрять, что земля не кругла и не движется, не смотря на доказательства противнаго, представляемыя греческими географами и астрономами, что земля составляетъ плоскій параллелограмъ, длина котораго вдвое больше ширины, что

его окружаетъ со всѣхъ сторонъ океанъ, за которымъ находится другой свѣтъ, гдѣ люди жили до потопа; что на сѣверѣ отъ нашего міра находится большая гора, вокругъ которой обращаются солнце и луна, производя день и ночь, и т. д. Неудивительно, что при такомъ суевѣрномъ настроеніи тогдашней эпохи путешествія оставались безплодными, такъ какъ главнымъ образомъ ихъ предпринимали пилигримы, которымъ не было рѣшительно никакого дѣла до физической природы и которыхъ занимали лишь обозрѣнія мѣстностей, гдѣ китъ выбросилъ на берегъ Іону, гдѣ стоялъ тѣнистый дубъ, подъ которымъ Авраамъ угощалъ ангеловъ, гдѣ находилась навозная куча, на которой лежалъ Іовъ, и т. д.

— Отношенія между Россіей и Ватиканомъ въ XVI столѣтіи. Извѣстный іезуитскій патеръ П. О. Пирлингъ успѣшно продолжаетъ свой капитальный трудъ по русской исторіографіи подъ общимъ заглавіемъ Россія и Ватиканъ, дипломатическія изслѣдованія[1]) и только что выпустилъ второй томъ, посвященный заключенію Ямъ-Запольскаго перемирія, при посредствѣ папы Григорія XIII, между Іоанномъ IV и Стефаномъ Баторіемъ, проектамъ Баторія и Ватикана о завоеваніи и обращеніи въ католицизмъ Россіи, наконецъ, папскимъ миссіямъ въ Москву при Ѳеодорѣ и Годуновѣ. Хотя, по собственному признанію автора въ его предисловіи, этотъ новый томъ его образцоваго историческаго труда составляетъ только новое, исправленное изданіе, вышедшаго въ 1890 году сочиненія его Papes et Tsars, но въ немъ столько прибавлено новыхъ чертъ, основанныхъ на послѣднихъ научныхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ архивахъ Флоренціи, Милана, Неаполя, Рима, Рагузы, Венеціи, Мюнхена, Вѣны, Симанки, Парижа и Вильны, что извѣстный уже разсказъ Пирлинга пріобрѣтаетъ новый интересъ, тѣмъ болѣе, что эти новыя черты вполнѣ подтверждаютъ прежнія его работы, естественно увеличивая ихъ цѣнность. По справедливому замѣчанію почтеннаго автора, отношенія между Ватиканомъ и Россіей достигли въ концѣ XVI столѣтія своего апогея, по ихъ интересу и важности, такъ какъ была минута, когда папы почти держали въ своихъ рукахъ судьбы славянскаго міра. Послѣ трехъ походовъ на Москву польскаго короля Стефана Баторія, Іоаннъ IV, видя неуспѣхъ своихъ войскъ и взятіе многихъ городовъ непріятелемъ, прибѣгнулъ къ посредничеству папскаго престола, на что согласился и Баторій, которому къ концѣ концовъ измѣнило военное счастіе. Представители обѣихъ сторонъ собрались въ мѣстечкѣ Запольскомъ-Ямѣ, и 15 января 1582 года было заключено десятилѣтнее перемиріе, при содѣйствіи посланнаго, для этой цѣли, папой Григоріемъ XIII итальянскаго іезуита Антонія Поссевина. Благодаря этому пламенному стороннику единенія церквей и замѣчательному агенту культурнаго запада въ древней Россіи, сохранились драгоцѣнные документы объ означенномъ важномъ историческомъ фактѣ. Онъ не только сохранилъ всю свою переписку, но бралъ копіи со всѣхъ офиціальныхъ актовъ, а когда въ 1604 году удалился на покой въ Венецію, самъ составилъ каталогъ своей богатой коллекціи и передалъ его генералу іезуитскаго ордена Аквавивѣ. Въ числѣ

[1]) La Russie et le Saint-Siège, études diplomatiques, par P. Pierling. Paris. 1897, tome, II.

этихъ сокровищъ находились: отдѣльный томъ, подъ названіемъ Acta Moscovitica, буллы Григорія XIII и Сикста V, письма кардинала Комскаго, Стефана Баторія, Замойскаго и т. д., а также большой мѣшокъ съ русскими документами, которые переданы Поссевину собственноручно въ Кремлѣ Іоанномъ IV. По несчастью, изъ всей этой драгоцѣнной коллекціи сохранилось очень мало подлинныхъ документовъ, которые пріобрѣтены отцомъ Пирлингомъ и составляютъ украшеніе его библіотеки; кромѣ того, главные официальные акты напечатаны самимъ Поссевиномъ, въ его Moscovia; переписка же Поссевина съ кардиналомъ Комскимъ хранится въ Ватиканѣ, а въ венеціанскомъ архивѣ находится особый сборникъ, подъ заглавіемъ: Affare di Moscovia maneggiato dal P. Possevino, Gesuita 1581—1582. На основаніи всѣхъ этихъ матеріаловъ Пирлингъ рисуетъ подробную, обстоятельную картину, дипломатической дѣятельности Поссевина какъ въ Запольскомъ-Ямѣ, такъ и въ послѣдующіе года. Послѣ смерти Іоанна IV и воцаренія слабаго Өеодора, Баторій задумалъ присоединить къ польской коронѣ всю Россію, съ помощью папъ, и посредникомъ снова избралъ своего стараго друга, Антонія Поссевина. Благодаря открытію въ Ватиканскомъ архивѣ новыхъ, невѣдомыхъ документовъ, Пирлингъ возстановляетъ сложные, доселѣ неизвѣстные, переговоры между Польшей и Ватиканомъ по этому предмету. Главную роль въ нихъ игралъ Поссевинъ, и съ своей обычной дипломатическою хитростью онъ умѣлъ примирять военный пылъ Баторія, желавшаго только завоеванія Россіи, и духовныя стремленія папъ, сначала Григорія XIII, а потомъ Сикста V, къ единенію церквей и изгнанію турокъ изъ Святой Земли, благодаря соединенію всего славянскаго міра въ крестовомъ походѣ противъ невѣрныхъ. Дѣло зашло такъ далеко, что выработанъ былъ проектъ соединенія Россіи и Польши подъ скипетромъ Баторія, а для приведенія его въ исполненіе посланъ въ Москву Поссевино и архіепископъ неаполитанскій, въ качествѣ папскаго легата, но они не успѣли достичь цѣли своего путешествія, какъ умеръ Стефанъ Баторій. Съ тѣхъ поръ и отношенія между Ватиканомъ и Москвой снова приняли прежній традиціонный оттѣнокъ, т.-е. папы продолжали посылать, отъ времени до времени, своихъ легатовъ для переговоровъ объ единеніи церквей и крестовомъ походѣ на турокъ, но безъ всякаго успѣха. Такъ въ 1595 и 1597 годахъ по порученію Климента VIII посѣтилъ Москву итальянскій прелатъ по происхожденію славянинъ, Александръ Камуловичъ; но, къ сожалѣнію, его письма изъ Россіи не сохранились, и Пирлингъ въ своемъ разсказѣ объ этой миссіи руководствуется другими матеріалами, между прочимъ недавно найденными въ Рагузѣ письмами Бориса Годунова къ Клименту VIII, отъ имени царя Өеодора, и въ которыхъ находятся только выраженія общаго сочувствія. Совершенно новыя свѣдѣнія ученый авторъ сообщаетъ о посольствѣ въ Москву Льва Сапѣги, съ поздравленіями отъ Сигизмунда III къ Борису Годунову о вступленіи послѣдняго на престолъ, и, по его свидѣтельству, онъ почерпнулъ ихъ изъ частнаго архива князя Доріи-Панфили, доступъ въ который не былъ ему открытъ при составленіи прежнихъ его сочиненій. Хотя родители его были протестанты, князь Левъ Сапѣга, канцлеръ Литовскій, самъ перешелъ въ католичество и былъ ярый сторонникъ единенія церквей, притомъ онъ хорошо зналъ Москву,

куда ѣздилъ съ поздравленіемъ, при восшествіи на престолъ Ѳеодора, а потому неудивительно, что онъ взялъ съ собою двухъ іезуитовъ для распространенія идеи о соединеніи церквей. Одинъ изъ этихъ іезуитовъ былъ Мартынъ Рогалиненэій, популярный проповѣдникъ въ Польшѣ, а имя другого неизвѣстно. Не смотря на всѣ усилія Сапѣги, эти миссіонеры не солоно хлебали въ Москвѣ, и отецъ Мартынъ, въ письмѣ къ генералу своего ордена, Аквавивѣ, писалъ, что русскіе питаютъ непримиримую ненависть къ католикамъ и даже не хотятъ дозволить, чтобы ихъ убѣдили въ превосходствѣ католической вѣры. При посольствѣ Сапѣги еще состоялъ грекъ Петръ Аркудій, которому кардиналъ Санъ-Джорджіо поручилъ убѣдиться, правда ли, что въ Кремлѣ находились драгоцѣнныя греческія рукописи, которыя будто бы были переданы туда на храненіе византійскимъ императоромъ, передъ паденіемъ Константинополя. Этотъ Аркудій, по словамъ Пирлинга, разсказывающаго впервые о его посѣщеніи Москвы, былъ уроженецъ Корфу и служилъ орудіемъ Григорія XIV и Климента VIII въ Польшѣ, съ цѣлью единенія церквей. Прибывъ въ Москву, онъ прежде всего обратился къ русскимъ, которые разсказывали ему чудеса о византійскихъ рукописяхъ, хранящихся у патріарха, но, при болѣе тщательномъ допросѣ, оказалось, что эти сокровища были обыкновенными церковными книгами: псалтырями, четьи-минеями и т. д. Греки, находившіеся на службѣ у русскаго царя, съ своей стороны увѣряли Аркудія, что въ Кремлѣ вовсе не существовало византійскихъ рукописей, а потому онъ такъ и увѣдомилъ кардинала Санъ-Джорджіо, въ письмѣ изъ Можайска отъ 16 марта 1601 года. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, прибылъ въ Москву новый представитель Ватикана, португальскій патеръ Франческо-да-Коста, который былъ посланъ вмѣстѣ съ другимъ португальцемъ дономъ Діего-Мирандой, папой Климентомъ VIII, для проповѣди въ Россіи и Персіи крестоваго похода противъ турокъ. Этотъ патеръ писалъ изъ Москвы папскому нунцію Рангони, что Борисъ Годуновъ и его сынъ приняли ихъ какъ нельзя лучше, въ чемъ нельзя было не видѣть доказательства сочувственнаго отношенія русскаго царя къ папамъ. Но Пирлингъ, не смотря на свои клерикальныя тенденціи, признаетъ, что португальскій патеръ ошибся и что вообще, какъ Борисъ Годуновъ, такъ всѣ русскіе цари до него нимало не были расположены къ Риму, считали католиковъ еретиками и не только не склонялись въ пользу соединенія церквей, но даже хладнокровно относились къ крестовому походу противъ турокъ, такъ какъ въ то время они были заняты совершенно другою цѣлью, именно, собираніемъ всѣхъ русскихъ земель въ одну колоссальную имперію.

— Англія XVIII вѣка черезъ нѣмецкія очки. Труды германскихъ историковъ Паули, Лапенберга, Ранке и Гнейста по англійской исторіи пользуются одинаковой популярностью, какъ на ихъ родинѣ, такъ и въ странѣ, которой они посвящали свои ученныя силы; въ настоящее время къ числу этихъ почтенныхъ именъ присоединяется новое,—профессора Вольфганга Михаеля, который выпустилъ первый томъ Англійской исторіи XVIII столѣтія [1]). Онъ принялся за дѣло съ чисто нѣмецкимъ рвеніемъ и аккурат-

---

[1]) Englische Geschichte im achtzehnten Jahrhundert. Von Wolfgang Michael, Band I. Leipzig. 1897.

ностью: два года изучалъ всѣ, относящіеся къ его предмету, документы въ Британскомъ музеѣ и архивахъ лондонскомъ, вѣнскомъ, берлинскмъ и ганноверскомъ. Послѣ этой предварительной работы онъ удалился въ свой Фрейбургскій университетъ, гдѣ занимаетъ каѳедру, и занялся обработкой собранныхъ богатыхъ и новыхъ матеріаловъ. Въ своемъ предисловіи онъ выражаетъ ясно цѣль и характеръ предпринятаго труда: «въ англійской исторіи, говоритъ онъ, можно найти болѣе важныя эпохи, чѣмъ та, которою я занимался; читатель моей книги не долженъ искать въ ней портретовъ великихъ людей или описанія блестящихъ подвиговъ. Славный періодъ борьбы Англіи на континентѣ, во время войны за наслѣдство испанскаго престола, уже окончился, и лица, государственные люди, съ которыми я имѣю дѣло, покоясь на чужихъ лаврахъ, не возвышались надъ окружавшими ихъ лицами, чтобы быть героями эпохи. Настоящимъ героемъ XVIII столѣтія въ Англіи былъ весь англійскій народъ съ его неусыпными стремленіями къ силѣ, богатству и свободѣ». Такимъ образомъ, ясно опредѣливъ, что его герой есть англійскій народъ, нѣмецкій профессоръ естественно ставитъ себѣ задачей нарисовать картину развитія англійскаго народа въ XVIII вѣкѣ, со всѣхъ точекъ зрѣнія: политической, конституціонной, юридической, общественной, научной, литературной и художественной. Вышедшій доселѣ первый томъ посвященъ преимущественно мастерскому очерку происхожденія и развитія англійской конституціи съ древнѣйшихъ временъ до той поры, когда она сдѣлалась достойнымъ оплотомъ свободнаго народа и источникомъ зависти для всѣхъ странъ. Особенно рельефно очерчиваетъ профессоръ Михаель царствованіе королевы Елисаветы, которая играетъ на его страницахъ такую же первенствующую роль, какъ Цезарь въ книгѣ Моммсена и Вильгельмъ III въ исторіи Маколея. Широкой кистью рисуетъ онъ главнѣйшія событія ея эпохи, когда Англія впервые достигла полнаго развитія своей интеллигентной жизни, такъ какъ эпоха Елисаветы вмѣстѣ съ тѣмъ была и эпохой Шекспира. Такое же видное мѣсто авторъ отводитъ въ своемъ очеркѣ исторіи Англіи до XVIII вѣка и революціи 1688 года, все величіе которой онъ видитъ въ умѣренномъ, разумномъ и безкровномъ переворотѣ, уничтожившемъ деспотическую правительственную систему и замѣнившемъ ее, хотя и королевской властью, но основанною на народной волѣ. Съ воцареніемъ Георга I интересъ новаго труда профессора Михаеля еще болѣе возростаетъ, такъ какъ онъ сообщаетъ много новыхъ и невѣдомыхъ фактовъ. Что же касается до рисуемаго имъ портрета самого Георга I, то онъ кажется совершенно живымъ, словно списаннымъ съ натуры. «Георгъ I, разсказываетъ профессоръ, былъ средняго роста и не имѣлъ въ себѣ ничего царственнаго. На его портретахъ мы видимъ только два глаза, смотрящіе въ пространство изъ-подъ большого широкаго лба. У него не было ни одной черты, которая придавала бы жизнь и выраженіе его лицу: носъ былъ большой, толстый, ротъ уродливый и безъ малѣйшаго слѣда усовъ, бывшихъ тогда въ модѣ. Всѣ его черты, окруженныя громаднымъ темнымъ парикомъ, могли быть приняты за принадлежность женскаго лица, если бы ихъ рѣзкій отталкивающій характеръ не обнаруживалъ, что ихъ собственникъ безсердечный, эгоистичный мужчина. Нельзя сказать, чтобы его интеллектуаль-

ныя свойства были вполнѣ отрицательны, хотя онъ не наслѣдовалъ ни одного качества своей умной матери, но онъ все-таки имѣлъ настолько соображенія, что никогда не дѣйствовалъ легкомысленно, и совершенно благоразумно, во всѣхъ политическихъ дѣлахъ, стушевывался за личностью своихъ министровъ. Онъ сознавалъ ограниченность своего ума и дозволялъ другимъ дѣйствовать за себя на общую пользу. Онъ осторожно избѣгалъ говорить публично, хотя бы на французскомъ языкѣ, которымъ онъ научился порядочно владѣть, по той простой причинѣ, что никогда не могъ подыскать подобающихъ словъ. Только въ своемъ тѣсномъ кружкѣ онъ позволялъ себѣ быть веселымъ на распашку и иногда дѣлалъ довольно остроумныя замѣчанія. Иностраннымъ посланникамъ онъ никогда не отказывалъ въ аудіенціи, но всегда говорилъ съ ними въ общихъ выраженіяхъ и никогда не давалъ имъ опредѣленныхъ отвѣтовъ». Переходя отъ общей характеристики къ отдѣльнымъ эпизодамъ жизни и дѣятельности Георга I, почтенный авторъ рисуетъ много характеристичныхъ картинъ, изъ которыхъ наибольшій интересъ возбуждаютъ мастерское описаніе открытія парламента королемъ, который торжественно слушалъ, какъ читаютъ его рѣчь на англійскомъ языкѣ, хотя и не понималъ ни слова изъ того, что читали, и рельефный очеркъ усмиренія возстанія 1715 года, при чемъ король обнаружилъ самую отвратительную жестокость, выражая вмѣстѣ съ прусскимъ резидентомъ Бонетомъ сожалѣніе, что нельзя было въ Англіи подвергнуть четвертованію приверженцевъ Стюартовъ.

— Современная Европа съ политической и научно-философской точекъ зрѣнія. Чѣмъ ближе подходитъ конецъ XIX столѣтія, тѣмъ болѣе чувствуется необходимость подвести итоги этого вѣка, во всякомъ случаѣ, не мало послужившаго на пользу прогресса и человѣчества, хотя, быть можетъ, и не осуществившаго всѣ возбужденныя имъ надежды. Поэтому неудивительно, что въ различныхъ странахъ ученые пытаются составить общій сентетическій сводъ исторіи истекающаго столѣтія. Подобный трудъ предпринятъ профессоромъ Парижскаго университета, Шарлемъ Сеньебосомъ, подъ заглавіемъ Политическая исторія современной Европы: эволюція политическихъ партій и учрежденій съ 1814—1896 г.г.[1]), и выходитъ въ Парижѣ отдѣльными выпусками. Возбуждаемый имъ интересъ такъ великъ, что уже теперь, до его окончанія, стали появляться переводы на другіе языки, такъ, напримѣръ, вышла первая часть перваго тома въ русскомъ переводѣ, а переводъ другого тома готовится къ печати. Считая, что полной исторіи XIX столѣтія невозможно написать одному человѣку, и что не мыслимо даже прочесть всѣ матеріалы этой исторіи, Сеньобосъ поставилъ себѣ цѣлью не гоняться за недостижимымъ идеаломъ, не искать новыхъ невѣдомыхъ фактовъ современной исторіи, не проливать свѣта на ея загадочныя страницы, не полемизировать съ другимъ историкомъ а ограничиться сводкой основныхъ явленій политической жизни современной Европы, объясняя организацію государствъ, правительствъ и партій, а также обсуждая главные политическіе

---

[1]) Histoire politique de l'Europe Contemporaine. Evolution des partis et des formes politiques, 1814—1896, par Ch. Seignobos. Paris. 1897.

вопросы, стоявшіе на очереди въ теченіе настоящаго вѣка. Онъ называетъ подобную исторію не догматической и не синтетической, а объяснительной, и начинаетъ ее не съ начала XIX вѣка, а съ 1814 года, такъ какъ въ этомъ году возстановлены на западѣ прежніе государственные порядки, уничтоженные французской революціей, и начался доселѣ существующій во всей Европѣ, въ той или другой формѣ и съ временными перерывами, коституціонный образъ правленія. Посвятивъ первую главу бѣглому очерку Европы при низверженіи Наполеона, авторъ раздѣляетъ весь свой трудъ на три главныхъ отдѣла: въ первомъ онъ излагаетъ внутреннюю исторію европейскихъ государствъ въ хронологическомъ порядкѣ и по странамъ, во второмъ—главнѣйшія три, по его мнѣнію, явленія внутренней политики, общія всѣмъ странамъ, именно преобразованіе матеріальныхъ условій общественной жизни, развитіе международнаго католическаго движенія и распространеніе революціонной пропаганды, а въ третьемъ—внѣшнюю политику по основнымъ ея періодамъ. Этотъ послѣдній отдѣлъ раздѣленъ на четыре эпохи: 1) главенство Метерниха (1814—1830), 2) соперничество между Англіей и Россіей (1830—1854) 3) преобладаніе Франціи (1854—1870) и 4) гегемонія Германіи и вооруженный миръ (1870—1896). Послѣдняя глава посвящена въ видѣ заключенія всего обширнаго труда выясненію общей политической эволюціи современной Европы. Хотя нельзя судить по вышедшимъ выпускамъ обо всемъ обширномъ сочиненіи, но уже видны его главныя достоинства и недостатки: первыя заключаются въ систематическомъ, сжатомъ изложеніи массы свѣдѣній, въ объективномъ, хотя строго либеральномъ, прогрессивномъ взглядѣ автора, въ удобномъ распредѣленіи труда на части, главы и абзацы, въ хорошо составленной библіографіи въ концѣ каждой главы и т. д., а къ послѣднимъ надо отнести неизбѣжную скучную сухость при сжатомъ изложеніи подобной работы, отсутствіе рельефныхъ характеристикъ главнѣйшихъ политическихъ дѣятелей и недостатокъ живыхъ бытовыхъ картинокъ, которыя, такъ же какъ литературные портреты политическихъ дѣятелей, не слишкомъ загромоздили бы книгу, а придали бы ей бо̀льшую свѣжесть и бо̀льшій интересъ.

Болѣе высокую задачу поставилъ себѣ американскій историкъ Чарльсъ Андрюсъ въ своемъ трудѣ Историческое развитіе современной Европы [1]). Онъ недовольствуется простымъ сводомъ историческихъ фактовъ, а группируетъ ихъ такимъ образомъ, чтобы они выясняли постепенную эволюцію демократическаго прогресса въ XIX вѣкѣ; поэтому онъ начинаетъ свою исторію съ французской революціи и доводитъ ее въ вышедшемъ томѣ до 1850 года. Онъ также не гонится за новыми матеріалами и пишетъ по печатнымъ источникамъ, но его трудъ гораздо интереснѣе и содержательнѣе въ идейномъ отношеніи, чѣмъ книга Сеньобоса, благодаря тому, что онъ строго проводитъ свой радикальный республиканскій взглядъ на европейскую политику и блестяще рисуетъ картину постепеннаго измѣненія конституціонныхъ порядковъ Европы въ демократическомъ духѣ. Выяснивъ сначала вліяніе фран-

[1]) The Historical development of modern Europe. By Charles Andrews. New-York. 1897. I vol.

цузской революціи на всѣ европейскія государства, а затѣмъ опредѣляетъ значеніе реакціи 1815 года, онъ широкой кистью изображаетъ борьбу національной идеи съ метерниховской политикой до 1848 года. Самыя интересныя главы въ этой части труда американскаго профессора посвящены описанію іюльской монархіи во Франціи, борьбы Италіи за свободу и постепеннаго самоуничтоженія франкфуртскаго сейма. Какъ и слѣдуетъ ожидать отъ американца, авторъ, быть можетъ, слишкомъ мало отводитъ мѣста Англіи и хотя рельефно характеризуетъ ея постепенный переходъ отъ владычества аристократіи къ болѣе демократическимъ порядкамъ, но отдаетъ первенство другимъ европейскимъ государствамъ во вліяніи на теченіе общей политики. Во всякомъ случаѣ книга профессора Андрюса доказываетъ, что историческая наука имѣетъ полезныхъ адептовъ въ Новомъ Свѣтѣ, и чтеніе его книги принесетъ пользу каждому, кто интересуется современною политикой.

Совершенно инымъ характеромъ отъ указанныхъ двухъ историческихъ трудовъ отличается Исторія европейской мысли въ XIX столѣтіи, Джона Теодора Мерца [1]). До сихъ поръ еще только вышелъ первый томъ, но въ немъ ясно выражена программа всего обширнаго труда, предпринятаго Мерцемъ, доселѣ неизвѣстнымъ въ литературѣ. Въ Англіи отъ времени до времени появляются такіе невѣдомые писатели, которые вдругъ однимъ объемистымъ сочиненіемъ, плодомъ многихъ лѣтъ научныхъ изслѣдованій, занимаютъ видное мѣсто въ общей литературѣ, какъ, напримѣръ, Гиббонъ, Гротъ и Бокль. Къ ихъ числу, повидимому, придется отнести и Мерца, если ему удастся осуществить свою самолюбивую идею—написать исторію европейской мысли въ XIX столѣтіи. Нѣмецъ по происхожденію и воспитанію въ Геттингенскомъ университетѣ, но англичанинъ по рожденію, складу ума и литературной культурѣ, онъ до сихъ поръ скромно жилъ въ Ньюкастлѣ и много лѣтъ занимался подготовленіемъ матеріала для своей книги. По его личному объясненію одному изъ газетныхъ репортеровъ онъ считаетъ необходимымъ посвятить еще двадцать лѣтъ на ея окончаніе, такъ какъ она, по его плану, должна состоять изъ шести большихъ томовъ. Его цѣль подвести итогъ всѣмъ проявленіямъ человѣческой мысли въ XIX вѣкѣ и, такъ сказать, составить карту ея теченія, безъ которой послѣдующія поколѣнія не будутъ въ состояніи разобраться въ научномъ и философскомъ лабиринтѣ нашего времени. Первый и второй томъ онъ посвящаетъ разсмотрѣнію научныхъ движеній нашего вѣка, которыя имѣютъ наибольшее значеніе, а затѣмъ уже примется за философію. Настоящій томъ, кромѣ общаго предисловія, посвященъ развитію научныхъ знаній въ первой половинѣ XIX вѣка во Франціи, Германіи и Англіи, а затѣмъ, въ двухъ главахъ, разсмотрѣны астрономическій и атомическій взгляды на природу, а въ слѣдующемъ томѣ появятся очерки механическаго, физическаго, біологическаго, статистическаго и психофизическаго взглядовъ на природу, а также историческій обзоръ математической мысли. Судя по вышедшей части сочиненія Мерца, онъ успѣшно разрѣшаетъ свою задачу въ научномъ

---

[1]) A History of European Thought in the Nineteenth Century. By John Theodore Merz. London. 1897. I vol.

отношеніи; что же касается до его философскаго взгляда, то онъ еще не вполнѣ выяснился, и если англійскіе критики, сочувственно встрѣтившіе его книгу, относять его къ позитивистамъ, то онъ самъ отрицаетъ это въ разговорѣ съ газетнымъ репортеромъ и увѣряетъ, что онъ вовсе не стремится къ проведенію своей собственной философской теоріи, а довольствуется, какъ уже сказано, составленіемъ карты научныхъ и философскихъ теченій нашего времени. Къ сожалѣнію, новый историкъ европейской мысли пишетъ тяжелымъ, дубоватымъ слогомъ и потому, несмотря на всѣ достоинства его замѣчательнаго научнаго труда, онъ врядъ ли будетъ доступенъ для общаго читателя.

— Лазарь Карно въ Антверпенѣ. Бельгійскій публицистъ Ванъ-Кеймеленъ рисуетъ во второй майской книжкѣ «Nouvelle Revue» [1]) на основаніи архивныхъ матеріаловъ любопытную картинку дѣятельности знаменитаго Карно въ Антверпенѣ, который онъ защищалъ отъ союзныхъ армій въ 1814 году. Этотъ эпизодъ лебединой пѣсни наполеоновской эпопеи мало извѣстенъ, но дѣлаетъ большую честь организатору побѣдъ во времена революціи и заслуживаетъ, чтобы о немъ не забыла исторія. Какъ извѣстно, Карно во время имперіи держался вдали отъ политики и, несмотря на частыя предложенія Наполеона, облеченныя въ самую лестную форму, отказывался отъ всякаго содѣйствія его деспотической дѣятельности. «Господинъ Карно,— говорилъ Наполеонъ ему не разъ,—все, что вы хотите, когда вы хотите и какъ вы хотите», а доблестный гражданинъ отвѣчалъ: «я ничего не хочу». Онъ жилъ частнымъ человѣкомъ и продолжалъ заниматься военными науками, но когда звѣзда Наполеона померкла, и непріятель вступилъ въ предѣлы Франціи, то онъ написалъ ему, что его слабыя силы всегда къ услугамъ родины. Въ письмѣ было много рѣзкихъ фразъ, но Наполеонъ не обратилъ на это вниманія и поспѣшилъ воспользоваться услугами того, кого онъ считалъ честнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ просилъ его отправиться въ Антверпенъ и удержать для Франціи этотъ оплотъ ея сѣверной границы, который уже былъ осажденъ союзниками. Карно взялъ съ собою адъютанта, секретаря и кухарку, отправился въ Брюссель и, по дорогѣ узнавъ, что этотъ городъ уже сдался союзникамъ, повернулъ на Гентъ и съ трудомъ пробрался въ Антверпенъ, искусно избѣгая казацкихъ аванпостовъ. Порученный его защитѣ, городъ обстрѣливался со всѣхъ сторонъ англичанами, но вскорѣ они поняли, что, со своей недостаточною артиллеріей, имъ не подъ силу довести до удовлетворительнаго конца осаду, а потому удалились на нѣкоторое разстояніе и удовольствовались блокадой. Между тѣмъ, Карно принялся самымъ энергичнымъ образомъ за устройство ввѣреннаго ему города въ военномъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Такъ онъ реорганизовалъ артиллерію, срылъ покинутое англичанами укрѣпленіе, образовалъ, насколько возможно, удовлетворительный больничный персоналъ и принялъ всевозможныя мѣры для возведенія новыхъ ретраншементовъ. Но, дѣйствуя энергично на защиту города, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ гуманно относился къ интересамъ его жителей и спасъ отъ опредѣленнаго его предшественникомъ уничтоженія домовъ бѣдныхъ обитателей двухъ

[1]) Carnot à Anvers, par Van Keymeulen. La Nouvelle Revue, 15 mai 1897.

городскихъ предмѣстій. Однако, соединяя человѣчность съ военными потребностями, онъ настоялъ, чтобы эти жители составили особый баталіонъ для охраны новыхъ ретраншементовъ, что ими и было сдѣлано. Вскорѣ пришлось принимать экстренныя мѣры къ доставленію провіанта изъ окрестныхъ мѣстностей, и для этой цѣли онъ заключилъ насильственные займы у богатыхъ обывателей города, но онъ такъ заботился о томъ, чтобы не набросить тѣни на свое доброе имя, что когда впослѣдствіи ему пришлось сдать городъ союзникамъ, то выговорилъ въ пользу своихъ кредиторовъ часть матеріала, хранившагося въ арсеналѣ, по продажѣ котораго имъ былъ уплаченъ не только капиталъ, но и проценты. При каждомъ удобномъ случаѣ онъ дѣлалъ успѣшныя вылазки и отбивалъ у союзниковъ не только обозы, но даже возведенныя ими укрѣпленія. Такъ шло дѣло отъ 2-го февраля до 26-го марта, когда Наполеонъ приказалъ ему отпустить часть находившейся у него императорской гвардіи, что̀ сократило ввѣренныя ему войска до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, съ которыми онъ и продолжалъ держаться до начала апрѣля, хотя до него доходили слухи о паденіи Наполеона, и Бернадотъ тайно предлагалъ ему значительную сумму денегъ за сдачу Антверпена именно Бернадоту, а не кому другому изъ союзниковъ. Только получивъ офиціальное увѣдомленіе о вступленіи на престолъ Людовика XVIII и приказъ отъ новаго военнаго министра, вступить въ переговоры съ союзниками о сдачѣ города, Карно прекратилъ защиту Антверпена, уже не имѣвшую никакого смысла. Несмотря на свою геройскую дѣятельность во время осады этого города союзниками, онъ былъ принятъ очень холодно Бурбонами въ Парижѣ, но Наполеонъ умѣлъ лучше ихъ цѣнить заслуги людей, и во время Ста Дней Карно занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Послѣ Ватерло Бурбоны подвергли его преслѣдованію, и онъ искалъ убѣжища въ Магдебургѣ, гдѣ и умеръ въ бѣдственномъ положеніи, не желая принять предложенія императора Александра поступить на русскую службу съ чиномъ генералъ-лейтенанта. Но память о Карно живо сохранилась въ Антверпенѣ, и въ 1866 году жители этого города поставили ему статую. Этотъ фактъ постановки памятника во фламандскомъ городѣ человѣку, который управлялъ имъ отъ имени чужеземной націи, говоритъ всего краснорѣчивѣе въ пользу благотворной дѣятельности Карно въ Антверпенѣ.

— Римскій король. Хотя въ послѣднее время такъ много было писано о наполеоновской эпохѣ, но до сихъ поръ не было ни одной полной біографіи сына Наполеона—Римскаго короля, и потому совершенно понятно, что одинъ изъ знатоковъ этой эпохи, Генри Вельшингеръ, извѣстный своими историческими изслѣдованіями о герцогѣ Ангіенскомъ, о разводѣ Наполеона и т. д., взялся пополнить этотъ пробѣлъ [1]. Его новый трудъ представляетъ обширную монографію, и такъ какъ, въ сущности, кратковременная, лишенная всякихъ интересныхъ перипетій, жизнь бѣднаго молодого человѣка, превращеннаго судьбой и европейскими дипломатами изъ наслѣдника французскаго престола въ скромнаго австрійскаго офицера, хотя и съ титуломъ герцога Рейхштадтскаго,—представляетъ мало интереснаго, то авторъ обставляетъ сообщаемыя

[1] Le Roi de Rome (1811—1832). Par Henri Welschinger. Paris. 1897.

нимъ біографическія свѣдѣнія, по необходимости, довольно скудныя, общей картиной европейской политики того времени. Отъ этого его книга, быть можетъ, становится живѣе и занимательнѣе, но, съ другой стороны, самая личность Римскаго короля теряетъ свою опредѣленную, законченную рельефность и какъ бы стушевывается. Конечно, въ этомъ нельзя винить автора, такъ какъ о его героѣ существуетъ очень мало свѣдѣній: печатный матеріалъ заключается въ воспоминаніяхъ его друга, Прокеша-Остена, въ мемуарахъ Метерниха, Мармона, сочиненіяхъ Монбеля, почти продиктованныхъ Метернихомъ, и въ кое-какихъ, разбросанныхъ по книгамъ и журналамъ, отрывочныхъ данныхъ, а рукописные источники, которыми пользовался Вельшингеръ, ограничиваются дипломатическими депешами въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и семейными бумагами, сохранившимися у потомковъ воспитательницы короля Римскаго, госпожи Сюфло. Если прибавить еще къ этому переписку его матери Маріи-Луизы, то и всѣ источники къ его біографіи будутъ исчерпаны. Слѣдуетъ еще замѣтить, что авторъ лично посѣтилъ Вѣну, Шенбрунъ и Баденъ, гдѣ провелъ большую часть своей жизни герцогъ Рейхштадтскій; но это не повело къ большимъ открытіямъ новаго матеріала, а только помогло ему выяснить нѣкоторыя стороны частной жизни своего героя. Поэтому, несмотря на всѣ мелочныя подробности, къ которымъ онъ прибѣгаетъ для скрашиванія основной бѣдности своихъ свѣдѣній, Вельшингеръ сообщаетъ очень мало новаго и неизвѣстнаго, а всего характеристичнѣе въ его книгѣ общій взглядъ автора на короля Римскаго. Обыкновенно принято считать, что сынъ Наполеона до такой степени онѣмечился подъ руководствомъ своего дѣда австрійскаго императора и въ особенности Метерниха, что не питалъ никакого сочувствія къ Франціи, игнорировалъ своего отца и умеръ съ нѣмецкими словами на устахъ. Но его новый историкъ старается доказать, что эта легенда совершенно несправедлива, и что, напротивъ, молодой герцогъ Рейхштадтскій, несмотря на свое нѣмецкое воспитаніе и нѣмецкую среду, всегда помнилъ, что онъ сынъ Наполеона, обожалъ память отца, много читалъ и думалъ о европейской политикѣ, сознавалъ свои права и обязанности, а если и не рѣшался обречь себя на жизнь авантюриста, то все-таки въ своемъ сердцѣ считалъ себя наслѣдникомъ французскаго престола и ждалъ только удобнаго случая, чтобы достойно сыграть ту роль, которая была предназначена ему отъ рожденія. По словамъ Вельшингера, онъ, въ виду тяготѣвшаго надъ нимъ метерниховскаго ига, долженъ былъ держать языкъ за зубами, и эта вынужденная сдержанность, причинявшая ему тяжелыя нравственныя страданія, была главной причиной рокового развитія его болѣзненнаго состоянія. «Холодная рѣшимость Метерниха, говоритъ Вельшингеръ, мѣшать, во что бы то ни стало, всѣмъ его честолюбивымъ стремленіямъ была одною изъ главнѣйшихъ причинъ его преждевременной смерти, а эгоизмъ его матери еще болѣе ускорилъ ее». Дѣйствительно, Марія-Луиза, всѣ недостойныя черты которой прекрасно охарактеризованы въ трудѣ Вельшингера, питала странное равнодушіе къ своему сыну, вовсе не заботилась о немъ и даже годами его не видала, а всецѣло предавалась своимъ интимнымъ отношеніямъ прежде съ генераломъ Нейпергомъ, а потомъ съ графомъ Бомбелемъ. Это непостижимое и непрости-

тельное нарушеніе материнскихъ обязанностей не могло не отозваться горько на ея сынѣ, который, если вѣрить Вельшингеру, былъ очень добръ, впечатлителенъ и мягкосердеченъ. Что касается до фактической стороны кратковременной жизни Римскаго короля, то ее можно резюмировать въ двухъ словахъ: родился онъ съ необычайнымъ блескомъ, на ступеняхъ могущественнаго престола, въ 1811 году, до паденія Наполеона онъ росъ среди величайшей роскоши, окруженный любовью отца и благоговѣйнымъ поклоненіемъ если не всей французской націи, то во всякомъ случаѣ той значительной ея части, для которой Наполеонъ былъ кумиромъ; за отреченіемъ императора послѣ Ста Дней парламентъ, хотя и на нѣсколько часовъ, объявилъ его императоромъ, подъ именемъ Наполеона II, потомъ онъ потерялъ свой титулъ Римскаго короля и подъ названіемъ герцога Рейхштадтскаго воспитывался и жилъ у своего дѣда до своей преждевременной смерти отъ чахотки на двадцать второмъ году жизни, въ 1832 году. Кромѣ уничтоженія легенды о нѣмецкой душѣ Римскаго короля, Вельшингеръ еще фактически доказываетъ неосновательность другой легенды о развратной его жизни, причинившей будто бы его преждевременную смерть, такъ что извѣстную танцовщицу, Фанни Эльслеръ, называли даже гробницей герцога Рейхштадтскаго. Его новый біографъ ссылается на свидѣтельство всѣхъ современниковъ, а въ особенности его друга Прокеша-Остена, въ доказательство того, что, напротивъ, онъ велъ жизнь нравственную, и если имѣлъ романы, то платоническіе. При этомъ онъ приводитъ собственныя слова герцога насчетъ того, что онъ принадлежитъ исторіи, а слѣдовательно не могъ розыгрывать романа, разумѣя подъ этимъ серьезную любовь. «И въ этомъ отношеніи, какъ во многомъ другомъ, говоритъ Вельшингеръ, ошибались насчетъ Римскаго короля. Онъ думалъ только о славѣ, и объ императорскомъ престолѣ; а потому ему не время было даже мечтать о чемъ либо другомъ. Его культъ къ памяти отца, котораго онъ желалъ быть продолжателемъ въ исторіи, его любовь къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ, его рано развившееся благоразуміе и презрѣніе ко всему вульгарному предохраняли его отъ соблазновъ легкомысленной любви».

— Герои борьбы за независимость Греціи. Не многіе европейскіе публицисты, оставшіеся вѣрными идеѣ освобожденія угнетенныхъ народовъ, утѣшаютъ себя, въ виду теперешнихъ неудачъ грековъ, воспоминаніями о герояхъ борьбы за греческую независимость въ первой трети настоящаго столѣтія. Въ американскомъ журналѣ Scribners Magazine помѣщенъ сочувственный разсказъ о подвигахъ двухъ друзей-героевъ: грека Одиссея и англичанина Трелонэ[1]); о тройной защитѣ тѣмъ же Одиссеемъ Ѳермопильскаго прохода напечатана небольшая, но рельефная статья полковника Патри, въ Revue Bleue отъ 15 мая[2]), а Revue des deux Mondes, во второй майской книжкѣ, печатаетъ письма Евгенія Каваньяка, будущаго президента второй французской республики, а тогда молодого офицера экспедиціоннаго корпуса, посланнаго на помощь Греціи въ Морею въ 1828—1829 годахъ [3]). Дружба и общая геройская дѣятельность

---

[1]) Odysseus and Trelawny. By E. Sanborn. Scribners Magazine. April.

[2]) La défense des Thermopyles en 1827, par M. Patry. Revue Bleue. 15 mai.

[3]) Expedition de Morée (1828—1829). Lettres d'Eugène Cavaignac. Revue des deux Mondes. 1 mai.

греческаго и англійскаго бойцовъ за свободу классической страны эллиновъ отличается такимъ романическимъ и даже легендарнымъ характеромъ, что трудно вѣрится, особенно въ наше прозаическое время, что это—дѣйствительно историческія личности, жившія и дѣйствовавшія семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Хотя Одиссей имѣлъ фамилію Варузъ, но онъ былъ извѣстенъ подъ однимъ своимъ оригинальнымъ именемъ, и слава его до сихъ поръ наполняетъ всю Грецію. Родомъ изъ Локриды, онъ воспитывался у албанскаго тирана Али-паши, который находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ его отцомъ, и принималъ живое участіе въ возстаніи Али-паши противъ Турціи; въ благодарность за его подвиги, Али-паша женилъ молодого грека на дочери богатаго обитателя Янины, Карели, но когда началось греческое движеніе, то Одиссей покинулъ свою жену, вступилъ въ тайное общество Гетеріи, вооружилъ на свой счетъ небольшое судно и высадился со своимъ отрядомъ на берегу Коринѳскаго залива, въ 1821 году. Спустя три года, онъ уже командовалъ въ Аѳинахъ и занималъ первенствующее мѣсто среди предводителей греческой революціи, такъ какъ Марко Боцарисъ былъ убитъ. Въ это время съ нимъ познакомился молодой англичанинъ Джонъ Трелонэ, другъ Байрона, сопровождавшій великаго поэта въ Мисолонги, и сразу между ними завязалась самая тѣсная дружба. «Я встрѣтилъ,—пишетъ Трелонэ,—удивительнаго человѣка, храбраго воина и такого умнаго, съ такимъ пылкимъ воображеніемъ, что онъ напоминаетъ мнѣ Шелли. Я живу съ нимъ, какъ съ братомъ, и мы восемь мѣсяцевъ не разлучались, а сражаемся рядомъ. Онъ уже теперь также славенъ, какъ Боливаръ, а мы постараемся сдѣлать изъ него Вашингтона, такъ какъ у него есть всѣ элементы для подобной роли». Самыми славными подвигами двухъ друзей была троекратная защита Ѳермопилъ, которая составляетъ предметъ мастерской картинки, рисуемой полковникомъ Патри. Въ первый разъ Одиссей, имѣя всего три тысячи человѣкъ, разбилъ на голову турецкую армію въ двадцать тысячъ человѣкъ и обратилъ въ бѣгство. На слѣдующій годъ онъ уничтожилъ въ томъ же историческомъ проходѣ пятнадцать тысячъ турокъ, а въ третій, съ горстью людей, положилъ на мѣстѣ двѣ тысячи турокъ и прекратилъ дальнѣйшій путь врагамъ въ сердце Греціи. Какъ-то странно читать объ этихъ подвигахъ при свѣтѣ нынѣшнихъ событій, но не надо забывать, что тогда греки вели чисто народную войну, что вся Европа ей сочувствовала, а турецкая армія не была обучена нѣмецкими генералами и снаряжена нѣмецкимъ оружіемъ. Но если греки въ то время одерживали побѣды надъ турками и выказывали чудеса геройства, то за то они портили свое дѣло междоусобицей среди своихъ предводителей. Благодаря подобнымъ распрямъ, былъ убитъ Одиссей, а Трелонэ, тяжело раненный, едва спасся на англійскомъ кораблѣ, съ сестрой Одиссея, на которой онъ недавно женился. Перебравшись въ Америку, онъ тамъ бѣдствовалъ нѣсколько лѣтъ, а когда умерла его жена, то онъ вернулся въ Англію, завелъ скромную ферму и умеръ въ 1881 году, на семьдесятъ восьмомъ году жизни. Согласно его завѣщанію, тѣло Трелонэ было сожжено въ Германіи, а урна съ его пепломъ хранится на римскомъ кладбищѣ, рядомъ съ пепломъ его друга Шелли, тѣло котораго онъ самъ вмѣстѣ съ Байрономъ

сжегъ на берегу Средиземнаго моря, подлѣ Специи, гдѣ великій поэтъ погибъ въ морѣ. Далеко не восторженно отзывается о греческой борьбѣ за независимость Каваньякъ въ своихъ письмахъ. По его словамъ, греки не подходятъ къ общепринятому понятію о народѣ, сражающемся за свою свободу, а объясняетъ всѣ несочувственныя ихъ черты долговременнымъ рабствомъ. Но все-таки онъ отдаетъ имъ справедливость, что трудно найти другую націю, которая возстала бы и восемь лѣтъ отстаивала свою свободу съ голодными, полуголыми солдатами. Съ особымъ сочувствіемъ онъ отзывается, однако, о нѣкоторыхъ изъ греческихъ предводителяхъ, какъ, напримѣръ, о генералахъ Никетѣ и адмиралѣ Канарисѣ; но за то онъ очень рѣзко отзывается о вожакѣ клефтовъ въ Мореѣ, Колокотрони, который, по его словамъ, былъ ни что иное, какъ безсовѣстный богатый воръ.

— Леопарди и Раньери. Литература Леопардіевскаго юбилея растетъ съ каждымъ днемъ, и покуда наибольшій интересъ возбуждаетъ изслѣдованіе доктора Франко Риделла объ одномъ спорномъ и темномъ вопросѣ, касающемся печальный жизни поэта, подъ оригинальнымъ названіемъ Посмертное несчастіе Джіакомо Леопарди [1]). Дѣйствительно жизнь пѣвца пессимизма была самая горькая: физически онъ былъ болѣзненный, уродливый человѣкъ; судьба постоянно его угнетала и даже любовь не улыбалась ему, такъ какъ несмотря на то, что онъ обожалъ и воспѣвалъ не мало женщинъ, ни одна изъ нихъ не платила ему взаимностью, и онъ цѣломудренно умеръ тридцати девяти лѣтъ. Онъ самъ писалъ на двадцать второмъ году своей жизни: «я давно отказался отъ всѣхъ удовольствій молодости, и съ десяти лѣтъ вся моя жизнь проходитъ въ томъ, что я мечтаю, пишу и занимаюсь науками. Я не только никогда не зналъ ни одного часа рекреаціи, но никогда не пользовался ничьей помощью въ занятіяхъ, а всѣмъ обязанъ своему уму и своему терпѣнію, а плодомъ всѣхъ моихъ усилій было то, что меня всѣ бросили съ презрѣніемъ, въ концѣ же концовъ меня покинуло и здоровье. Начавъ думать и страдать съ дѣтства, я въ двадцать одинъ годъ провелъ долгую печальную жизнь и нравственно сталъ дряхлымъ старикомъ. Пора умереть и признать себя побѣжденнымъ проклятой судьбой». Но, повидимому, проклятая судьба хотѣла чѣмъ нибудь вознаградить бѣднаго поэта и послала ему въ послѣдніе его годы необыкновеннаго, идеальнаго друга, молодого неаполитанца, Антоніо Раньери. По крайней мѣрѣ, такъ думали онъ самъ и его первые біографы, по словамъ которыхъ дружба Раньери къ Леопарди затмевала всѣ классическіе примѣры. Каково же было удивленіе Италіи, когда, сорокъ три года спустя послѣ смерти Леопарди, этотъ образцовый другъ напечаталъ ядовитый пасквиль, въ которомъ увѣрялъ, что Леопарди семь лѣтъ жилъ на его счетъ, отъ всѣхъ скрывалъ оказанныя ему услуги и платилъ самой черной неблагодарностью за всѣ жертвы, которыя Раньери и его сестра Паулина приносили на алтарь дружбы. Многочисленные поклонники поэта были поставлены втупикъ. Они привыкли считать его образцомъ благородства, гордости, прямоты и откровенной искренности, а теперь имъ прихо-

[1]) D-r Franco Ridella: Una sventura postuma di Jiacomo Leopardi, studio di critica biografica. Gorino. 1897.

дилось мириться съ мыслью, что онъ былъ только поэтомъ, но не идеальнымъ человѣкомъ. Однако вскорѣ стали болѣе пристально присматриваться къ роковой книгѣ, начали отыскивать въ ней противорѣчія, и кончилось тѣмъ, что никто не хотѣлъ вѣрить въ добросовѣстность ехиднаго автора, который, самъ, увидавъ свою ошибку, скупилъ всѣ экземпляры своей печатной клеветы, для ихъ уничтоженія. Его братъ, Джіовепо Раньери, прямо говорилъ профессору Марончини: «я не могу понять, чѣмъ руководствовался Антоніо, составляя и печатая свою книгу. Какъ я ему совѣтовалъ не дѣлать этого, но онъ упорствовалъ и поступилъ дурно. Въ его извиненіе можно сказать только одно, что въ послѣдніе годы своей жизни онъ не вполнѣ пользовался своими умственными способностями, въ чемъ можно убѣдиться по прочтеніи его книги». Однако, въ виду подготовляющагося юбилея, докторъ Франко Риделла нашолъ нужнымъ разобрать, фразу за фразой, злополучную книгу Раньери и доказать, что онъ не только былъ сумасшедшій, хотя депутатъ и сенаторъ, но и злой клеветникъ, а всѣ его доводы противъ Леопарди опровергаются фактами. Пресловутая дружба между Леопарди и Раньери началась съ 1830 года и, какъ обыкновенно бываетъ, они сошлись потому, что между ними не было ничего общаго, кромѣ либеральныхъ идей и ненависти къ тиранамъ: великій поэтъ былъ мрачный, больной, полугорбатый меланхоликъ, извѣрившійся во все и смотрѣвшій на все съ унылымъ пессимизмомъ, а Раньери былъ веселый, жизнерадостный неаполитанецъ, красивый, симпатичный, общій баловень женщинъ и любимый товарищъ мужчинъ. Новый историкъ этой дружбы не отрицаетъ, что дѣйствительно Раньери пекся о Леопарди, который нѣжно его любилъ, но фрактически опровергаетъ, съ неоспоримыми документами въ рукахъ, чтобы великій поэтъ жилъ на его счетъ и отравлялъ ему жизнь своимъ безпокойнымъ, неблагодарнымъ характеромъ. Напротивъ, Леопарди имѣлъ въ то время, хотя небольшія, но вѣрныя средства къ жизни, именно пенсіонъ, который ему аккуратно платили его пламенные поклонники, составившіе между собою подписку, по иниціативѣ генерала Колетта, и къ тому же онъ жилъ очень скромно на пять луидоровъ въ мѣсяцъ; кромѣ того, онъ продалъ свои поэтическія рукописи одному издателю за сто восемь секиновъ, что для него составляло большое богатство, именно въ ту эпоху его жизни, къ которой относитъ Раньери трогательную, но вполнѣ вымышленную имъ сцену, впродолженіе которой будто бы Леопарди плакалъ отъ того, что у него не было ни копейки денегъ и приходилось искать помощи у ненавистной ему семьи въ Реканати, а благородный его другъ будто бы воскликнулъ: «все немногое, что я имѣю, принадлежитъ тебѣ; мы никогда съ тобой не разстанемся, и ты будешь моимъ благодѣтелемъ, а не я твоимъ». Точно также ложно увѣреніе Раньери, что онъ поѣхалъ съ своимъ другомъ въ Римъ, ради его болѣзни, несмотря на то, что ему самому необходимо было ѣхать въ Неаполь, а теперь оказывается, что Раньери перебрался въ Римъ изъ любви въ госпожѣ Пельце, и Леопарди послѣдовалъ за нимъ противъ своего желанія, такъ какъ онъ самъ писалъ, что только для друга Раньери рѣшился жить въ Римѣ, что совершенно разстроило его финансы. Точно также, ради этого невѣрнаго друга и его любовныхъ похожденій, поэтъ переселился въ Неаполь, гдѣ, надо отдать справед-

ливость Раньери и его сестрѣ Паулинѣ, они дѣйствительно дружески ухаживали за Леопарди. Уничтоживъ такимъ образомъ всѣ клеветы Раньери, защитникъ Леопарди вполнѣ возстановляетъ свѣтлый образъ своего героя, который снова является идеаломъ поэта и человѣка.

— Изнанка французской экспедиціи въ Мексику. Съ майской книжкѣ «Century Magazine» начался печатаніемъ рядъ очень любопытныхъ статей генерала Джона Скофильда, бывшаго военнаго министра и главнокомандующаго арміей въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, подъ общимъ заглавіемъ «Изнанка выдающихся событій современной американской исторіи» [1]. Первая изъ этихъ статей посвящена выясненію роли американскаго правительства въ очищеніи французами Мексики при Наполеонѣ III и основана на личныхъ воспоминаніяхъ Скофильда, состоявшаго тайнымъ агентомъ Соединенныхъ Штатовъ въ этомъ дѣлѣ, которое до сихъ поръ врядъ ли кому было извѣстно, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ. Хотя мексиканская экспедиція признается всѣми историками за одну изъ самыхъ позорныхъ страницъ въ лѣтописи Декабрской имперіи и за начало конца, т.-е. за прологъ ея упадка, приведшаго къ Седанскому погрому, но никто еще не указывалъ, какъ теперь дѣлаетъ Скофильдъ, на всю глубину униженія, до котораго довелъ тогда Францію Наполеонъ III; оказывается, что онъ приказалъ вывести французскія войска изъ Мексики только въ виду угрозы военной помощи мексиканцамъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ и прикрылъ эту неслыханную въ международномъ отношеніи уступку ложнымъ увѣреніемъ, что цѣль Франціи въ Мексикѣ достигнута, такъ какъ Максимиліанъ настолько укрѣпился въ своей новой имперіи, что не нуждается въ чужой помощи, тогда какъ очень хорошо зналъ, что съ удаленіемъ французовъ Максимиліанъ погибнетъ, какъ и случилось на самомъ дѣлѣ при самыхъ трагическихъ условіяхъ. Такимъ образомъ, изъ личныхъ интересовъ седанскій герой не только пожертвовалъ жизнью вовлеченнаго имъ въ обманъ довѣрчиваго Максимиліана и счастьемъ Шарлоты, сошедшей съ ума отъ горя, но честью и достоинствомъ Франціи для того, чтобъ выйти изъ имъ же созданнаго затрудненія и какъ нибудь покончить съ злополучною экспедиціей, которая могла повести къ войнѣ съ Соединенными Штатами, что вызвало бы неизбѣжную революцію во Франціи. Этотъ глубоко интересный и вполнѣ новый эпизодъ современной исторіи не только Соединенныхъ Штатовъ, но и Европы, разсказанъ его героемъ, Скофильдомъ, хотя кратко, но очень ясно и съ фактическими, документальными данными. Какъ только окончилась война сѣвера съ югомъ побѣдой перваго, стало ясно, что Соединенные Штаты не дозволятъ утвердиться въ сосѣдней Мексиканской республикѣ чужеземному императору, поддерживаемому французскими войсками. Въ этомъ отношенія были совершенно согласны и сѣверяне и южане, но вопросъ заключался только въ томъ, какъ помочь Мексикѣ— тайно или явно. Не желая вовлекать страну въ войну съ Франціей, послѣ только что окончившейся гигантской борьбы, американское правительство рѣшило только въ видѣ предостереженія подвинуть къ мексиканской границѣ сильный отрядъ подъ предводительствомъ Шеридана и поручить одному изъ

[1] The Withdrawal of the french from Mexico: a chapter of secret History, by J. Schofield. Century Magazine. May.

своихъ генераловъ собрать отъ имени Мексиканской республики корпусъ волонтеровъ изъ обѣихъ армій, сѣверной и южной. Этотъ корпусъ долженъ былъ перейти мексиканскую границу и, соединившись съ войсками Жуареса, вытѣснить французовъ съ американской территоріи. Въ начальники подобной экспедиціи былъ назначенъ, по выбору Гранта, генералъ Джонъ Скофильдъ, и принявъ на себя такое трудное, но популярное дѣло, онъ явился въ Вашингтонъ, гдѣ и начались переговоры съ тогдашнимъ президентомъ Джонсономъ, главнокомандующимъ американской арміей Грантомъ, военнымъ министромъ Стаунтономъ, министромъ иностранныхъ дѣлъ Сюардомъ и представителемъ Мексиканской республики Ромеро. Когда всѣ подготовительныя работы были окончены, и мексиканская республика обязалась содержать на свой счетъ корпусъ волонтеровъ, для чего должна была заключить заемъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Скофильдъ уже хотѣлъ приступить къ вербовкѣ своей арміи, для чего заручился секретной инструкціей Гранта къ Шеридану, которая приводится цѣликомъ въ его статьѣ, но тутъ на сцену выступила дипломатія. Сюардъ нашелъ нужнымъ попытать прежде мирныя средства и предложилъ тому же Скофильду до практическаго примѣненія составленнаго плана поѣхать во Францію тайнымъ агентомъ американскаго правительства и попытаться уговорить Наполеона III добровольно вывести изъ Мексики французскую армію, на что, по его мнѣнію, онъ непремѣнно согласится, если будетъ убѣжденъ, что Соединенные Штаты ни въ какомъ случаѣ не дозволятъ утвердиться въ Мексикѣ имперіи при посредствѣ чужеземной державы. Скофильдъ согласился съ этимъ гуманнымъ взглядомъ и взялся за дипломатическую роль, хотя она была ему вовсе не сродна. Получивъ инструкціи Сюарда и конфиденціальныя депеши къ американскому посланнику въ Парижѣ Биджело, онъ отправился въ путь въ ноябрѣ 1865 года. Хотя ему было поручено вести дѣло какъ можно осторожнѣе и безобиднѣе для французскаго правительства, такъ какъ Франція издавна была другомъ Соединенныхъ Штатовъ, но, прощаясь съ нимъ, Сюардъ характеристично сказалъ: «Я хочу, чтобъ вы сунули свои ноги подъ кресло Наполеона и сказали ему, чтобъ онъ убирался изъ Мексики». Конечно, это порученіе было не легкое, тѣмъ болѣе, что тогда Наполеонъ III находился въ апогеѣ своего могущества и считался первымъ политическимъ геніемъ, но, повидимому, американскій генералъ повелъ дѣло ловко и умѣло. Онъ офиціально не велъ никакихъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ и даже не имѣлъ особой аудіенціи у императора, которому былъ представленъ только на балѣ въ Тюльери, но сообщилъ взглядъ американскаго правительства и народа, насчетъ необходимости для Франціи удалить свои войска изъ Мексики, принцу Наполеону и другимъ лицамъ, уполномоченнымъ со стороны императора для частныхъ совѣщаній съ нимъ, въ томъ числѣ адмиралу Жюрьену-де-ла-Гравьеру. Всѣ его слова были переданы Наполеону III, и въ результатѣ послѣдній, открывая законодательный корпусъ 22 января 1866 года, объявилъ, что мексиканская экспедиція близится къ окончанію, а на вопросъ принца Неаполеона Скофильду, сочтутъ ли Соединенные Штаты себя удовлетворенными, онъ получилъ въ отвѣтъ—да. Дѣйствительно Соединеннымъ Штатамъ было все равно, какой ложью прикрывалъ декабрскій герой свое позорное отступленіе, и они только

радовались своей безкровной побѣдѣ. Хотя дѣло очищенія Мексики французами долго длилось, но оно было въ принципѣ рѣшено, и въ началѣ мая мѣсяца Скофильдъ получилъ депешу отъ Сюарда, въ которой говорилось: «такъ какъ дѣло, по которому вы посѣтили Европу, достаточно осуществилось, то нѣтъ причины васъ болѣе держать въ этой части свѣта въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ». Скофильдъ немедленно вернулся на родину, очень довольный, что ему удалось покончить столь трудное и щекотливое дѣло къ полному торжеству Соединенныхъ Штатовъ и теоріи Монрое: «Америка для американцевъ», не нарушая добрыхъ отношеній съ Франціей и не вовлекая своей родины въ новую войну.

— **Генералъ Грантъ и его гробница.** 27-го апрѣля въ Нью-Іоркѣ открыта великолѣпная гробница генералу Гранту съ необыкновенно блестящей церемоніей, состоявшей изъ двойного парада арміи и флота, такъ какъ храмъ, воздвигнутый въ честь побѣдителя юга, стоитъ въ громадномъ паркѣ, на берегу рѣки Гудзонъ. По внѣшности онъ похожъ на Исаакіевскій соборъ, а по внутренности—на гробницу Наполеона I въ Домѣ Инвалидовъ; строился онъ двѣнадцать лѣтъ и стоилъ 404,000 долларовъ, собранныхъ по подпискѣ, преимущественно среди нью-іоркцевъ. Конечно, это торжество, совпавшее съ днемъ семидесятипятилѣтней годовщины рожденія Гранта, породило въ Америкѣ цѣлую литературу, среди которой первое мѣсто занимаютъ апрѣльскій номеръ «Century Review» [1]), почти исключительно посвященный описанію гробницы Гранта и всевозможнымъ воспоминаніямъ о немъ, а также помѣщающаяся въ томъ же журналѣ обширная исторія [2]) военныхъ дѣйствій Гранта, составленная его бывшимъ адъютантомъ, а теперь посланникомъ въ Парижѣ, генераломъ Портеромъ, который былъ предсѣдателемъ комиссіи по сооруженію ему гробницы. Это исторія, такъ сказать, внутренней стороны войны, безъ всякихъ военныхъ техническихъ подробностей, и представляетъ любопытную, полную характеристику Гранта, какъ военачальника и человѣка во время великой борьбы сѣвера съ югомъ, о всѣхъ перипетіяхъ которой авторъ рисуетъ блестящія бытовыя картинки. Личность Гранта теперь занимаетъ въ американской политикѣ третье мѣсто послѣ Вашингтона и Линкольна; хотя онъ не былъ геніемъ, но одинъ изъ всѣхъ главнокомандующихъ сѣверной арміи, которыхъ чередовалось столько, Грантъ выказалъ недюжинныя, военныя способности и послѣ многихъ ошибокъ, многихъ пораженій побѣдоносно кончилъ долгую, изнурительную войну полнымъ подчиненіемъ юга, который теперь такъ примирился съ своимъ пораженіемъ, что представители бывшей южной арміи участвовали въ открытіи гробницы своего побѣдителя. Такъ же, какъ его великій современникъ Линкольнъ, Улисъ Грантъ былъ скромнаго происхожденія, именно сынъ сельскаго кожевника въ Илинойсѣ и собственноручно пахалъ землю на фермѣ отца до того времени, какъ, благодаря протекціи мѣстнаго сенатора, попалъ въ военное училище въ Вестъ-

---

[1]) Grant memorial nomber: Ceneral Sherman's opinion of Grant. The Tomb of Grant. Grant's most famous Despatch. Frendship of Grant with Buckner. Aveto by Grant. Century Magazine. April.

[2]) Compaigning with Grant, by H. Porter. Century Magazine. Nowember 1896—june 1897.

Пойнтѣ, гдѣ онъ былъ очень посредственнымъ ученикомъ. Дебютировалъ онъ на полѣ брани въ мексиканской кампаніи, но безъ малѣйшаго успѣха, а затѣмъ женился и повелъ неприглядную жизнь неудачника, постепенно хватаясь то за одну, то за другую карьеру и даже въ концѣ концовъ онъ, говорятъ, запилъ съ горя. На его счастье вспыхнула война сѣвера съ югомъ, и Гранту было поручено командованіе полкомъ, сформированнымъ въ его родномъ штатѣ. Онъ прямо повелъ свой полкъ въ огонь, хотя солдаты были все новички, и съ тѣхъ поръ до окончанія войны его лозунгомъ было—впередъ. Первые его успѣхи при Бельмонтѣ, гдѣ онъ взялъ непріятельскій лагерь, и при фортѣ Донельсонъ, который сдался послѣ отчаяннаго боя, обратили на него вниманіе Линкольна, долго искавшаго «человѣка, могущаго драться». Онъ сдѣлалъ Гранта главнокомандующимъ западной арміей, и пока на востокѣ судьба войны все колебалась, сѣверяне на западѣ медленно, но вѣрно подвигались впередъ. Весь планъ Гранта состоялъ въ томъ, чтобъ «драться, драться, драться и путемъ истощенія непріятеля довести его до сдачи». Нельзя не признать, что это былъ единственный способъ справиться съ такими сильными соперниками, какъ южные генералы Ли и Джонстонъ; къ тому же результатъ доказалъ, что Грантъ былъ правъ. Величайшая одержанная имъ побѣда было взятіе Виксбурга 4-го іюля 1864 г., а затѣмъ онъ перешелъ на востокъ и предпринялъ свою знаменитую виргинскую кампанію, которая ознаменовалась сначала его пораженіемъ подъ Кальде-Гальборомъ, гдѣ онъ потерялъ десять тысячъ людей, благодаря его ошибочной тактикѣ и желанію взять немыслимую твердыню, а потомъ сдачей южной арміи подъ начальствомъ генерала Ли при Апомотоксѣ 9-го апрѣля 1865 г. Война была окончена, и Грантъ, какъ спаситель отечества, былъ выбираемъ послѣ убійства Линкольна и неудачнаго правленія Джонсона два раза въ президенты. Но президентство только омрачило его славу, такъ какъ самъ, оставаясь честнымъ человѣкомъ, онъ дозволилъ недостойнымъ, корыстнымъ политиканамъ забрызгать себя грязью, а сынъ неудачными финансовыми предпріятіями довелъ его до банкротства; чтобъ спастись отъ него, Грантъ, больной ракомъ языка, долженъ былъ написать свои мемуары. Этотъ драматическій эпилогъ его жизни возстановилъ пошатнувшуюся популярность американскаго героя и когда онъ умеръ въ іюлѣ 1885 г., то вся страна, забывъ о неудачномъ президентѣ, горько оплакивала Гранта, какъ военачальника и человѣка. Съ тѣхъ поръ его слава все росла, а теперь достигла апогея.

— Возстановленіе комнатъ Борджіи въ Ватиканѣ. До послѣдняго времени въ Ватиканѣ существовала дверь, передъ которой никто не останавливался, а если какой нибудь иностранецъ случайно нарушалъ это правило, то ему говорили въ полголоса: «Здѣсь нельзя останавливаться послѣ того, какъ огонь небесный поразилъ комнаты Борджіи». Дѣйствительно, за этой дверью находились аппартаменты папы Александра VI изъ дома Борджіи, и 27-го іюля 1500 года во время сильной грозы въ верхнемъ этажѣ надъ этими комнатами грохнулась печь и, проломивъ полъ, наполнила обломками спальню папы, который былъ найденъ, однако, невредимымъ. Онъ отдѣлался небольшими царапинами на лицѣ и поврежденіемъ одного пальца правой руки, но легенда при-

дала этому событію характеръ суда Божія, и скоро будетъ четыреста лѣтъ, какъ комнаты Борджіи были заброшены и считались проклятымъ мѣстомъ, въ особенности послѣ того, какъ въ нихъ помѣщались постоемъ солдаты герцога Карла Бурбонскаго и разводили огни подъ ихъ сводами хотя въ этихъ комнатахъ пропадали чудеса искусства, драгоцѣнныя фрески Пинтуриккіо, предшественника Рафаэля. Только теперь папа Левъ XIII приказалъ возстановить эти комнаты въ ихъ прежнемъ великолѣпіи и надняхъ самъ торжественно ихъ открылъ, а префекту Ватиканской библіотеки, патеру Ерлю, онъ поручилъ составить роскошно иллюстрированное описаніе этихъ комнатъ подъ заглавіемъ: «Appartamento Borgia». Хотя означенная книга-альбомъ еще не вышла, но французская «Иллюстрація» напечатала нѣкоторые изъ ея рисунковъ, а біографъ папы Бойэ Д'Ажэнъ [1]) очень интересно описалъ эту любопытную историческую и художественную реставрацію. Всего комнатъ Борджія шесть, и много труда стоило цѣлому ряду замѣчательныхъ художниковъ, чтобъ ихъ реставрировать въ прежнемъ видѣ, такъ какъ онѣ были испорчены временемъ, сыростью, огнемъ отъ костровъ герцога Бурбонскаго и т. д. Главныя изъ этихъ комнатъ—залы таинствъ, святыхъ и либеральныхъ искусствъ; всѣ они украшены удивительными фресками Пинтуриккіо, и въ первой изображены: Благовѣщеніе, Рожденіе Христово, Поклоненіе волхвовъ, Воскресеніе, Вознесеніе и Успеніе, во второй—святые, въ лицѣ которыхъ художникъ изобразилъ, по тогдашнему обычаю, членовъ семьи Борджіи, между прочимъ, Лукрецію Борджіа, придавъ ей ликъ св. Екатерины, а въ третьей—эмблематическія фигуры: ариѳметики, геометріи, музыки, риторики и т. д. Бойэ Д'Ажэнъ, восторгаясь этими новыми сокровищами столь богатаго въ художественномъ отношеніи Ватикана, старается вскользь реабилитировать Борджіа и въ особенности папу Александра VI, увѣряя, что онъ былъ предвозвѣстникомъ эпохи Возрожденія, а всѣ взводимыя на него клеветы не имѣли никакого основанія. Но, конечно, легче было реставрировать комнаты Борджіа, чѣмъ возстановить доброе имя этого рокового для Италіи историческаго рода, а потому всѣ усилія французскаго клерикала являются безполезными.

— Смерть герцога Омальскаго. Парижская пресса переполнена статьями о недавно умершемъ герцогѣ Омальскомъ, и наиболѣе интересные очерки его жизни и дѣятельности появились въ «Иллюстраціи» за подписью Эдмона Франка [2]), въ «Journal des Débats» — Шарля Мале [3]), въ «Journal» Франсуа Коппе и генерала Галифе [4]), а въ «Gaulois»—генерала Бараля [5]). Всѣ эти авторы очень сочувственно рисуютъ портретъ покойнаго герцога и живо очерчиваютъ ту роль, которую онъ игралъ въ политическомъ, военномъ, литературномъ и академическомъ отношеніяхъ. Четвертый сынъ короля Луи-Филиппа, Генрихъ, герцогъ

---

[1]) L'appartement Bordgia au Vatican, pas Boyer d'Agen. Illustration. 17 april—1 mai.

[2]) Le duc D'Aumale, par E. Frank. Illustration. 15 mai.

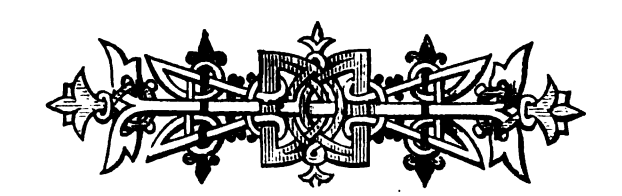
[3]) Henri D'Orleans: le soldat, par Ch. Malo. Journal des Débats. Revue Hebdomadaire. 15 mai.

[4]) Le duc d'Aumale, par Fr. Coppé et le général Gallifet. Journal. 8 mai.

[5]) Le duc d'Aumale, par le général Barail. Gaulois. 7 mai.

Омальскій, родился въ Парижѣ 16-го января 1822 года, воспитывался, какъ всѣ его братья, въ коллегіи Генриха IV и въ восемнадцать лѣтъ поступилъ офицеромъ въ алжирскую армію, гдѣ скоро отличился при взятіи Смалы Абдель-кадера и двадцати пяти лѣтъ былъ уже назначенъ генералъ-губернаторомъ Алжира. Но дальнѣйшая его карьера, начатая столь блестящимъ образомъ, была прервана революціей 1848 года, но надо отдать ему справедливость, что онъ, находясь во главѣ отдѣльной арміи и колоніи, не произвелъ никакой попытки въ пользу поддержанія власти отца, а, сохранивъ свой постъ до назначенія республикой новаго генералъ-губернатора, въ лицѣ Кавеньяка, сдалъ ему команду и удалился въ Англію. Какъ тамъ, такъ и въ Бельгіи, гдѣ его сестра была королевой, онъ мирно жилъ, занимаясь литературными трудами до паденія декабрьской имперіи. Тогда онъ предложилъ свои услуги третьей республикѣ и былъ назначенъ дивизіоннымъ генераломъ, а департаментъ Верхней Марны выбралъ его своимъ депутатомъ. Образцовымъ предсѣдательствомъ въ трудномъ, щекотливомъ военномъ судѣ надъ маршаломъ Базеномъ онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, и до сихъ поръ патріоты не забыли его знаменитый отвѣтъ на дерзкое замѣчаніе измѣнника Базена, что послѣ Седана ничего не оставалось во Франціи: «Вы ошибаетесь, господинъ маршалъ, оставалась Франція». Затѣмъ герцогъ Омальскій командовалъ седьмымъ военнымъ корпусомъ, расположеннымъ въ Безансонѣ, и когда, послѣ отставки Тьера, роялисты предложили ему кандидатуру въ президенты, то онъ отказался, прибавивъ: «Во всякомъ случаѣ для меня оскорбленіе, если вы полагаете, что я могъ бы принять этотъ постъ для того, чтобъ измѣнить республикѣ и сыграть роль подножки для установленія монархіи». Этотъ отвѣтъ, говорятъ, такъ не понравился роялистамъ, что одинъ изъ нихъ, герцогъ Деказъ, дерзко замѣтилъ: «Вы такъ говорите, ваше высочество, потому, что имѣете три милліона дохода, но вы заговорили бы иначе, еслибъ имѣли три милліона долга». Какъ бы то ни было, президентомъ сдѣлался Макъ-Магонъ, и при немъ герцогъ сохранилъ свое мѣсто во французской арміи, но при Греви его имя вычеркнули изъ списка генераловъ, какъ родственника одного изъ претендентовъ на французскій престолъ; тогда онъ вышелъ изъ себя и написалъ дерзкое письмо президенту, вслѣдствіе чего долженъ былъ вторично удалиться въ изгнаніе. Но въ своемъ сердцѣ онъ питалъ такую горячую любовь къ родинѣ, что не могъ долго оставаться внѣ ея предѣловъ и сталъ разыскивать благородный путь для возвращенія на родину, не унижая своего достоинства. Этимъ путемъ оказался даръ по завѣщанію французской академіи, членомъ которой онъ состоялъ съ 1871 года, его великолѣпнаго помѣстья, Шантильи. Это щедрое возвращеніе государству историческаго помѣстья, приносящаго до 300,000 франковъ ежегоднаго дохода, сдѣлало его имя столь популярнымъ во Франціи, что Карно нашелъ возможнымъ возвратить герцога изъ изгнанія, и первымъ его визитомъ по возвращеніи въ Парижъ было посѣщеніе президента, оказавшаго, по его словамъ, справедливость, одинаково дѣлавшую честь какъ тому, кто ее совершилъ, такъ и тому, кто ею воспользовался. Съ этихъ поръ, то-есть съ 1889 года, герцогъ Омальскій жилъ въ Шантильи, окруженный своей богатой библіотекой и драгоцѣнными художествен-

ными коллекціями, а лѣтніе мѣсяцы проводилъ въ своемъ сицилійскомъ помѣстьѣ, гдѣ и умеръ 7-го мая. Въ семейной жизни герцогъ Омальскій былъ несчастливъ и, лишившись въ 1869 году жены, которая была дочерью принца Леопольда Солернскаго, онъ затѣмъ потерялъ и своихъ двухъ взрослыхъ сыновей. Хотя французская академія является его главнымъ наслѣдникомъ, но врядъ ли она, по словамъ Франсуа Коппе, скоро утѣшится отъ потери такого образцоваго, аккуратнаго и достойнаго академика, какимъ былъ авторъ «Исторіи Принцевъ Кондэ», главнаго историческаго труда покойнаго герцога. Какъ всѣ Орлеаны, онъ похороненъ въ Дрё, гдѣ Луи-Филиппъ устроилъ великолѣпный мавзолей для всей своей семьи.

СМѢСЬ.

ИСПУТЪ С. В. Рождественскаго. Въ воскресенье, 20-го апрѣля, преподаватель исторіи на педагогическихъ женскихъ курсахъ С. В. Рождественскій защищалъ диссертацію подъ заглавіемъ «Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка», представленную имъ для полученія степени магистра русской исторіи. Диссертантъ—молодой ученый (ему 29 лѣтъ). По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ съ дипломомъ кандидата историко-филологическихъ наукъ, онъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ русской исторіи; въ 1893 году былъ командированъ въ Москву для занятій въ архивахъ; въ настоящее время преподаетъ исторію на женскихъ педагогическихъ курсахъ и въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. Ему принадлежитъ нѣсколько статей, посвященныхъ изслѣдованію русской старины. Изъ нихъ назовемъ «Изъ исторіи секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ на Руси въ XVI вѣкѣ», «Царь В. И. Шуйскій и боярство», «Слѣды уставныхъ грамотъ въ писцовыхъ книгахъ псковскихъ пригородовъ» и др. Диспутъ открылся рѣчью г. Рождественскаго. Исторія служилаго землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ связывается, по словамъ диссертанта, съ важнѣйшими процессами государственнаго и соціально-экономическаго быта древней Руси. Организація военной силы, построенная на системѣ земельныхъ отношеній, наложила рѣзкій отпечатокъ на весь вообще государственный механизмъ московской Руси и оказала глубокое вліяніе на экономическій бытъ страны, хотя, въ свою очередь, сама опредѣлялась въ значительной мѣрѣ извѣстными условіями экономической жизни. Такимъ образомъ, исторія служилаго землевладѣнія была однимъ изъ централь-

ныхъ процессовъ въ исторіи Московской Руси; этотъ историческій процессъ шелъ сверху внизъ, государство было выше общества. Въ области служилаго землевладѣнія отчетливо вырисовываются нѣкоторыя основныя цѣли московской политики, рельефно выступаетъ могущественное дѣйствіе экономическихъ фактовъ на развитіе государственнаго механизма и соціальнаго быта. Исторія служилаго землевладѣнія разсматривалась до сихъ поръ съ точки зрѣнія правовой; диспутантъ разсматриваетъ ее съ точки зрѣнія преимущественно бытовой. По его мнѣнію, помѣстье явилось на крупныхъ вотчинахъ княжескихъ, церковныхъ и частновладѣльческихъ, въ тѣсной связи съ другими формами условныхъ владѣній, сильное развитіе которыхъ, дробившее крупныя вотчины на мелкія самостоятельныя хозяйства, вызывалось неустойчивостью земледѣльческой культуры, необходимостью хозяйственно-административной децентрализаціи. Пожалованіемъ земли въ помѣстье преслѣдовались двѣ цѣли, служебная и хозяйственная: поддержаніе старой земледѣльческой культуры на земляхъ «живущихъ» и заведеніе новыхъ на пустыхъ. Вотчинное землевладѣніе было привязано къ службѣ до образованія помѣстной системы. Мобилизація вотчиннаго землевладѣнія разрушила систему служилаго землевладѣнія въ двухъ направленіяхъ: 1) разстроивала правительственный контроль надъ службою съ земли, 2) выводила большое количество земель изъ службы. Эта мобилизація обусловливалась: 1) извѣстнымъ порядкомъ наслѣдованія земельныхъ имуществъ, 2) тяжелымъ экономическимъ положеніемъ служилаго класса, 3) убѣжденіемъ въ необходимости матеріальнаго обезпеченія душевнаго спасенія. Монастырь XVI вѣка былъ самымъ чистымъ типомъ землевладѣльца и капиталиста. Законодательство XVI вѣка не могло остановить мобилизаціи служилыхъ вотчинъ, такъ какъ не въ силахъ было уничтожить въ корнѣ ея причины. Указы о княжескихъ вотчинахъ имѣли цѣлью сохраненіе ихъ для службы, а не разрушеніе. Родовое княжеское землевладѣніе разрушалось общей мобилизаціей вотчиннаго землевладѣнія. Обстоятельства высшей политики имѣли второстепенное значеніе. Внѣ родовыхъ вотчинъ землевладѣльческая судьба княжескихъ родовъ зависѣла отъ службы. Личный служебный успѣхъ опредѣлялъ землевладѣльческое положеніе и нетитулованныхъ служилыхъ родовъ. Правительство XVI вѣка быстро справилось съ теоретическою стороной помѣстной системы. Практическое же ея осуществленіе потерпѣло неудачу. Качественная сторона помѣстнаго земельнаго фонда или игнорировалась правительствомъ, или эксплоатировалась не въ пользу помѣщика. Критическое положеніе помѣщика XVI вѣка заключалось въ томъ, что ему одновременно приходилось быть и хозяиномъ-колонизаторомъ и воиномъ. Процессъ измѣненія первоначальнаго типа помѣстья, какъ комплекса селеній, связанныхъ въ одно хозяйственное цѣлое, приводилъ къ дробленію отдѣльныхъ селеній на извѣстное количество помѣстныхъ жеребьевъ и къ мозаическому сложенію помѣстій изъ ряда жеребьевъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ. Образованіе «вопчаго» помѣстнаго владѣнія можетъ послужить твердою точкою опоры при объясненіи происхожденія двухъ спеціальныхъ типовъ помѣстнаго владѣнія: однодворческаго и приборнаго. Уже во второй половинѣ XVI вѣка потребности экономическаго и соціальнаго быта заставляли правительство выводить землю изъ службы, т.-е. нару-

шить основной принципъ позомельной политики. Офиціальными оппонентами были профессора С. Ѳ. Платоновъ и А. С. Лаппо-Данилевскій. Первый, отмѣтивъ нѣкоторые недостатки диссертаціи и указавъ на то, что тема не отличается новизной, подчеркнулъ богатство новыхъ матеріаловъ въ ученомъ трудѣ и самостоятельность разработки темы. Второй отнесся строже къ диспутанту и отмѣтилъ недостаточное изученіе бытовыхъ факторовъ, невыдержанность ихъ оцѣнки и неточность метода изслѣдованія. Частнымъ оппонентомъ выступилъ профессоръ В. И. Сергѣевичъ, который, начавъ свою рѣчь заявленіемъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ взглядъ офиціальныхъ оппонентовъ на достоинства диссертаціи, указалъ на многіе ея недочеты, главнымъ образомъ, на необоснованное обобщеніе выводовъ покойнаго Неволина, котораго диспутантъ вознамѣрился поправлять, не имѣя на это достаточныхъ основаній, на неправильность заключеній по поводу объясненія нѣсколькихъ историческихъ документовъ и неопытность въ обращеніи съ юридическими терминами. Въ заключеніе историко-филологическій факультетъ призналъ С. В. Рождественскаго достойнымъ степени магистра русской исторіи.

Русская народная пѣсня. Всеподданнѣйшая записка предсѣдателя пѣсенной комиссіи императорскаго русскаго географическаго общества государственнаго контролера Т. И. Филиппова. Пора народнаго пѣсеннаго творчества на Руси прошла и никогда уже не возвратится. Отъ разлагающаго прикосновенія къ душѣ народа новыхъ понятій и вкусовъ въ ней мало-по-малу мутился, оскудѣвалъ и, наконецъ, совершенно изсякъ тотъ чистый и свѣтлый родникъ, изъ котораго въ теченіе вѣковъ почерпали свое высокое вдохновеніе творцы народныхъ пѣсенъ и ихъ дивныхъ напѣвовъ, оставившіе потомству богатое художественное наслѣдство, но скрывшіе отъ него свои имена. Теперь не только невозможно созданіе въ народѣ новой пѣсни въ духѣ и складѣ древняго творчества, но за большую рѣдкость почитается сохраненіе по мѣстамъ прежде созданныхъ и еще не совсѣмъ вытѣсненныхъ изъ употребленія чисто народныхъ пѣсенъ. Въ теченіе шестидесяти лѣтъ, которыя я провелъ въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи съ русскою народною пѣснею, въ ея судьбѣ произошла поразительная и по быстротѣ едва вѣроятная перемѣна. Когда память воскрешаетъ и ставитъ предо мною образы нѣкогда дѣйствительно бывшихъ и несомнѣнно слышанныхъ мною художниковъ и звуки пѣтыхъ ими пѣсенъ, рождается невольное сомнѣніе: въ правду ли все это было, или то былъ сонъ?

«Какимъ же злымъ волшебствомъ могло въ такой поразительно краткій срокъ погибнуть исконное народное творчество? И какъ могла столь поэтическая среда, создавшая такой чарующій міръ, допустить въ себя, взамѣнъ собственныхъ изящныхъ созданій, ту пришлую мерзость и пошлость, которою за послѣднія десятилѣтія успѣли надѣлить русскую деревню наши большіе и просвѣщенные города, преимущественно же

Чужой, дальній, незнакомый,
Славный городъ Петербургъ?

«Безъ сомнѣнія, тому могущественно содѣйствовали коренныя и столь же изумительно быстрыя измѣненія въ условіяхъ всей нашей жизни, которыя зна

чительно сократили прежнее разстояніе между преобразованными слоями народа и собственно народомъ и, усиливъ вліяніе городовъ на деревню, не только помутили область народнаго творчества, но простерли свое вліяніе и далѣе. Впрочемъ, въ другихъ отросляхъ духовной дѣятельности народа для него возможна еще оборона и помощь со стороны. Но пѣсня народа отошла навсегда, и нѣтъ въ природѣ такихъ силъ, которыя могли бы возродить возвышенное и строго художественное настроеніе народа, создавшее въ теченіе вѣковъ безконечный циклъ его вдохновенныхъ пѣсенъ.

«Но если нѣтъ человѣческихъ средствъ къ задержанію того, что исчезаетъ, повинуясь роковымъ и неумолимымъ законамъ, опредѣляющимъ ходъ человѣческихъ общежитій, то не только можно, но и должно каждому изъ насъ доступными ему средствами стремиться къ сохраненію тѣхъ памятниковъ народнаго творчества, которые еще не утрачены и остаются въ народномъ обращеніи. Эта мысль была высказана мною въ 1884 году въ императорскомъ русскомъ географическомъ обществѣ, которое признало неотложность и важность такой задачи для науки и родного искусства. Тогда же общество образовало подъ моимъ предсѣдательствомъ особую комиссію и возложило на нее разработку самаго вопроса и возможное выполненіе задуманнаго дѣла. Комиссія, прежде всего, нашла необходимымъ по возможности собрать уцѣлѣвшіе еще въ народѣ остатки пѣсеннаго творчества и съ этою цѣлью снарядить въ разныя мѣста Великой Россіи рядъ поѣздокъ, въ которыхъ приняли бы участіе опытный этнографъ, знакомый съ мѣстными говорами и поэтическими чертами народной пѣсенной рѣчи, и музыкантъ, способный уловить самостоятельныя особенности русской пѣсни и въ точности передать ихъ на нотахъ. Когда искомыя лица были найдены и предстоявшій расходъ былъ опредѣленъ, заключенія комиссіи, въ виду особой важности предпріятія, были представлены на высочайшее воззрѣніе почившаго государя императора вмѣстѣ съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о дарованіи двухъ тысячъ субсидіи на осуществленіе первой поѣздки. Любовь его величества къ родной старинѣ и ко всему, въ чемъ сказывается самобытный духъ русскаго народа, ручалась за успѣхъ этого ходатайства: сумма эта была дарована.

«Секретарь отдѣленія этнографіи географическаго общества Истоминъ и художникъ-музыкантъ Дютшъ, назначенные въ первую поѣздку, состоявшуюся въ 1886 году, посѣтили губерніи: Олонецкую, Архангельскую и часть Вологодской, и собрали въ нихъ до 180 пѣсенъ, изъ коихъ многія отличаются чистотою стариннаго напѣва. Рукописный сборникъ сихъ пѣсенъ, обработка коихъ замедлена была болѣзнью и смертью Дютша, я имѣлъ счастье представить почившему императору въ 1892 году. Государю благоугодно было даровать средства на изданіе собранныхъ пѣсенъ и на снаряженіе второй поѣздки, которая совершена была въ 1893 году. Истоминъ и композиторъ Ляпуновъ, участники этой поѣздки, посѣтили губерніи: Вологодскую, Вятскую и Костромскую, и собрали въ нихъ до 270 пѣсенъ. По всеподданнѣйшему докладу моему о такомъ успѣхѣ, почившій государь всемилостивѣйше соизволилъ на снаряженіе въ 1894 году третьей поѣздки, въ которой вмѣстѣ съ Истоминымъ принялъ участіе художникъ-музыкантъ Некрасовъ. Посѣтивъ губерніи: Ярославскую, Тверскую, Владимірскую и Рязанскую, эти лица записали 100 русскихъ пѣсенъ.

«По всеподданнѣйшему докладу моему о семъ вашему императорскому величеству въ 1895 году угодно было соизволить на продолженіе начатаго дѣла и даровать средства на снаряженіе въ томъ году четвертой поѣздки, которую совершили тѣ же Истоминъ и Некрасовъ. Посѣтивъ грберніи: Владимірскую, Рязанскую, Нижегородскую и Тамбовскую, они собрали 125 пѣсенъ. Въ текущемъ году, съ высочайшаго соизволенія вашего величества, была снаряжена и выполнена пятая поѣздка. Минувшимъ лѣтомъ Истоминъ и Некрасовъ, обслѣдовавъ великорусскіе уѣзды губерній Тамбовской и Пензенской, вновь записали около 100 образцовъ старинной русской пѣсни. Всего за пять поѣздокъ собрано 750 пѣсенъ.

«Такимъ образомъ, первая часть намѣченной комиссіею задачи—собираніе уцѣлѣвшихъ остатковъ пѣсеннаго народнаго творчества—исполняется, и нѣтъ основанія сомнѣваться, что, при сохраненіи благоволенія вашего императорскаго величества къ этому по-истинѣ великому народному дѣлу, будетъ исполняться и далѣе съ такимъ же успѣхомъ.

«Но однимъ собираніемъ пѣсенъ задача комиссіи не исчерпывается. Лучшія изъ записанныхъ пѣсенъ, по приведеніи ихъ въ должный порядокъ, подлежатъ изданію. Первый томъ ихъ уже изданъ въ 1894 году, въ него вошли пѣсни изъ числа собранныхъ Дютшемъ и Истоминымъ въ первую поѣздку. Нынѣ является возможность приступить къ печатанію второго тома, составленнаго изъ пѣсенъ, собранныхъ Ляпуновымъ и Истоминымъ во вторую поѣздку. Пѣсни, собранныя Некрасовымъ и Истоминымъ въ послѣдующія поѣздки, исподволь приводятся въ порядокъ и подготовляются къ изданію.

«Въ этомъ изданіи печатается только основной напѣвъ и слова каждой пѣсни съ возможнымъ сохраненіемъ въ нихъ особенностей языка тѣхъ мѣстностей, гдѣ пѣсни записаны.

«Затѣмъ наступитъ очередь для исполненія особенно трудной задачи—гармонизовать собранныя пѣсни. Конечно, не все то, что собрано и будетъ еще собрано, окажется достойнымъ гармонизаціи. При записываніи пѣсенъ нельзя было быть особенно строгимъ въ ихъ выборѣ. Рядомъ съ истинно-художественнымъ напѣвомъ и текстомъ приходилось помѣщать и такіе напѣвы и слова, въ которыхъ замѣтно отклоненіе отъ древняго ихъ пошиба, ибо и такія пѣсни имѣютъ свое несомнѣнное значеніе, хотя бы только этнографическое. Но на гармонизацію имѣютъ право только пѣсни древняго, художественнаго склада, и потому комиссіи предстоитъ произвести строгій выборъ. Эта задача очень трудная и требуетъ участія высшихъ музыкальныхъ силъ. Особенности нашихъ народныхъ напѣвовъ таковы, что они не каждому даются. И собранные мною напѣвы долго не давались разумѣнію весьма опытныхъ и искусныхъ въ ученой музыкѣ художниковъ, къ которымъ я обращался въ разное время. Теперь, однако, ознакомленіе съ русскою народною пѣснею далеко подвинулось впередъ, и въ работникахъ для выполненія такой задачи недостатка не будетъ. Пока я живъ, я готовъ принимать участіе въ трудѣ, отъ котораго, вѣроятно, не откажутся уже испытанные художники, какъ Балакиревъ, Римскій-Корсаковъ, Ляпуновъ и другіе.

«Такимъ образомъ, на-ряду съ ближайшею первою цѣлью всѣхъ предстоя-

щихъ работъ—закрѣпленіемъ для потомства исчезающихъ слѣдовъ народнаго творчества, спасеніемъ отъ забвенія и невѣжественнаго равнодушія наслѣдственнаго богатства пѣсеннаго, доживающаго свой вѣкъ въ устахъ народа,—достигается и другая, не менѣе важная и существенная, цѣль. Любители и ревнители русской пѣсни твердо убѣждены, что въ сохраненныхъ ими для искусства напѣвахъ родные художники найдутъ богатыя и разнообразныя темы для новыхъ созданій и тѣмъ утвердятъ и упрочатъ успѣхи того самобытнаго направленія въ области русской музыки, коего высшими представителями почитаются Глинка и Даргомыжскій и коего знамя такъ высоко держится опочившими и живыми еще среди насъ ихъ преемниками, каковы: Мусоргскій, Бородинъ, Балакиревъ, Римскій-Корсаковъ, Кюи и другіе. Еще отраднѣе мечта, что рано или поздно, когда, вопреки дружнымъ ополченіямъ всѣхъ многообразныхъ враговъ народа, онъ отстоитъ себя отъ ихъ насильственныхъ заботъ и дождется для дѣтей своихъ призываемой его чаяніями школы,—при помощи такой школы въ оборотъ народный можетъ проникнуть вновь хотя часть тѣхъ художественныхъ сокровищъ, которыя нынѣ уходятъ изъ его владѣнія.

«Попытки, довольно, впрочемъ, слабыя и не вполнѣ удачныя, ввести въ народную школу русскую пѣсню уже дѣлаются; но, оставивъ это дѣло въ рукахъ людей не призванныхъ и ищущихъ лишь своего прибытка, можно повредить и школѣ, и пѣснѣ. Посему изданіе положенныхъ на хоръ русскихъ пѣсенъ высшими знатоками ихъ напѣвовъ представляется задачею неотложною. И если вашему императорскому величеству угодно будетъ признать мою мысль справедливою, то я смѣлъ бы испрашивать ваше разрѣшеніе вступить въ переговоры съ Балакиревымъ и другими родными ему по духу художниками-музыкантами о томъ, какъ приступить къ этому дѣлу, и о размѣрахъ средствъ, которыя понадобятся для исполненія задачи.

«Но, кромѣ школы, есть другой не менѣе вѣрный и удобный проводникъ въ народъ его художественной пѣсни,—это войско. Отбывъ свой краткій служебный срокъ, наши воины расходятся по всему лицу русской земли и разносятъ по ней тѣ пѣсни, которымъ научаются на службѣ. До сихъ поръ они дарили наши села и деревни произведеніями большею частью искусственными и нескладными и тѣмъ способствовали засоренію народнаго вкуса. Но за послѣднее время уже замѣчается въ этой области нѣкоторый счастливый оборотъ.

«Въ нѣкоторыхъ частяхъ гвардіи проявляется стремленіе къ исполненію чисто народныхъ пѣсенъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ, на народномъ гуляньѣ въ Гатчинѣ, мнѣ пришлось слышать весьма удачное исполненіе хоромъ военныхъ пѣсенниковъ нѣкоторыхъ пѣсенъ изъ моего сборника, и я съ радостью могъ убѣдиться изъ этого примѣра, что тотъ древній художественный пошибъ русскихъ напѣвовъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя вліянія, еще цѣлъ въ народѣ и при разумныхъ усиліяхъ можетъ вполнѣ возстановиться.

«Извѣстный вашему императорскому величеству возстановитель балалайки В. В. Андреевъ сообщилъ мнѣ, что нѣкоторыя изъ моихъ пѣсенъ разучены и исполняются съ большою охотою и одушевленіемъ въ пѣвческихъ командахъ гвардейскаго своднаго вашего величества батальона и перваго эскадрона ка-

валергадскаго ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Өеодоровны полка.

«Эти опыты указываютъ ясный и вѣрный путь къ дальнѣйшему распространенію сперва въ войскахъ, а потомъ, черезъ войско, и въ народѣ его собственныхъ поэтическихъ созданій, временно имъ забытыхъ, но способныхъ вновь привлечь его вкусъ.

«Немалую помощь въ этомъ дѣлѣ можетъ оказать и балалайка Андреева, которая съ блистательнымъ успѣхомъ вводится въ войско и, находясь въ неразрывной связи съ русскою пѣснею, можетъ сильно способствовать ея усвоенію и распространенію — опять-таки черезъ войско въ народѣ.

«Во исполненіе высочайшей воли вашего императорскаго величества, изложивъ мои мысли о томъ, что предстоитъ сдѣлать для сохраненія живущихъ еще въ народѣ остатковъ его пѣсеннаго творчества и для возможнаго возвращенія хотя части ихъ въ народную среду, и что обѣщаетъ русская пѣсня для будущности музыкальнаго творчества вообще, имѣю счастіе повергнуть на воззрѣніе ваше, государь, слѣдующія мѣры:

«1) Продолжить отпускъ средствъ на будущія поѣздки, для дальнѣйшаго собиранія народныхъ пѣсенъ, въ прежнемъ размѣрѣ, по двѣ тысячи рублей на каждую.

«2) Отпускъ на изданіе собранныхъ уже моею комиссіею пѣсенъ по примѣру перваго выпуска ихъ (Дютша и Истомина), отъ полутора тысячъ до двухъ тысячъ рублей, въ зависимости отъ размѣра выпуска.

«3) Разрѣшить мнѣ войти въ переговоры съ Балакиревымъ, какъ главою предпріятія, и съ Ляпуновымъ и Некрасовымъ, какъ необходимыми его сотрудниками, о составленіи плана гармонизаціи собранныхъ пѣсенъ и о средствахъ, нужныхъ для исполненія сего плана.

«4) Поручить мнѣ же войти въ переговоры съ Андреевымъ о томъ, что можно и нужно сдѣлать для его изобрѣтенія, какъ орудія для распространенія въ народѣ его художественныхъ пѣсенъ.

«5) О послѣдствіяхъ сихъ переговоровъ разрѣшить мнѣ доложить въ свое время вашему императорскому величеству».

На подлинной запискѣ его величеству, 26-го ноября 1896 года, благоугодно было всемилостивѣйше начертать: «Согласенъ».

Археологическое общество въ Москвѣ. Въ засѣданіи 30-го апрѣля Д. В. Айналовъ сдѣлалъ докладъ о поѣздкѣ на Аөонъ. Референтъ имѣлъ возможность изучить хранящіяся въ русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ древнія византійскія рукописи съ миніатюрами XI вѣка, описаніе которыхъ, равно какъ и старинныхъ росписей въ храмѣ, предполагается издать въ видѣ отдѣльной монографіи. Графиня П. С. Уварова сдѣлала докладъ о Сванетіи и ея древностяхъ. Сдѣлавъ обзоръ исторіи Сванетіи, географическаго положенія, этнографическаго состава и общиннаго управленія страны, графиня перешла къ описанію своей поѣздки, сопровождая разсказъ многочисленными иллюстраціями на экранѣ. Затѣмъ, были описаны мѣстныя древности: монастыри, древнія иконы отъ X вѣка, кресты, церковная утварь, оружіе, рукописи, древ-

нія драгоцѣнныя ткани и проч. Нѣкоторыя иконы X — XI вѣка отличаются весьма тонкою работой византійскаго характера. Присутствующимъ были предложены для осмотра фотографическіе снимки съ вещей и образцы древнихъ тканей. Въ заключеніе графиня П. С. Уварова сообщила, что въ отвѣтъ на всеподданнѣйшее ея ходатайство, отъ лица Московскаго археологическаго общества, передъ его императорскимъ величествомъ государемъ императоромъ, августѣйшимъ покровителемъ общества, о субсидіи для подготовки, устройства и изданія трудовъ русскихъ археологическихъ съѣздовъ, полученъ отвѣтъ отъ г. министра финансовъ съ увѣдомленіемъ, что обществу предоставляется для озпаченной цѣли на сей 1897 годъ 5.000 руб. съ правомъ войти съ ходатайствомъ, чрезъ посредство министра народнаго просвѣщенія, о продолженіи таковой же субсидіи и въ слѣдующіе годы. По выслушаніи этого заявленія общество, по предложенію Д. И. Иловайскаго, просило графиню П. С. Уварову повергнуть къ стопамъ его императорскаго величества выраженіе всеподданнѣйшей благодарности за такое милостивое вниманіе къ нуждамъ археологическихъ съѣздовъ.

Общество любителей древней письменности. Общее годовое собраніе состоялось 25-го апрѣля, подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Секретарь общества прочелъ годовой и денежный отчетъ общества и отчетъ о второмъ присужденіи преміи имени А. М. Кожевникова; преміи былъ удостоенъ Н. К. Никольскій за изданный имъ съ его предисловіемъ и примѣчаніями памятникъ XV — XVI вѣка «Рѣчь тонкословія греческаго». Затѣмъ, секретарь сообщилъ, что на послѣднемъ засѣданіи комитета общества избраны въ члены-корреспонденты общества: Руммель, Симони и Шефферъ. Послѣ этого слѣдовалъ рефератъ профессора С. Ѳ. Платонова «Къ вопросу о прекращеніи земскихъ соборовъ въ XVII вѣкѣ». Вопросъ о томъ, когда и почему прекратились земскіе соборы, сталъ интересовать ученыхъ съ 50-хъ годовъ, но попытки разрѣшить его нельзя назвать удовлетворительными. Такъ, нельзя согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что земскіе соборы, не имѣя сами въ себѣ жизненности, погибли отъ собственнаго безсилія въ серединѣ XVII вѣка; этому противорѣчитъ то, что соборы эти съ 1645 года шли почти безпрерывно до 1653 года. Невѣрно также утвержденіе, что земскіе соборы были устранены правительствомъ, которое не находило въ нихъ поддержки въ своей реформаторской дѣятельности: соборы прекратились задолго до Петра, то-есть тогда еще, когда правительство не проявляло реформаторской дѣятельности. Нельзя принять и стараго мнѣнія славянофиловъ, что земскіе соборы, выразители идеи единенія власти съ народомъ, исчезли тогда, когда разрушилось это единеніе. По мнѣнію референта, неудовлетворительность объясненій о причинахъ прекращенія земскихъ соборовъ происходитъ отъ того, что при изученіи ихъ не обращали достаточно вниманія на ихъ составъ, что ихъ не изучали въ связи съ исторіей тѣхъ сословій, которыми они пополнялись. Смутные 1612 — 1613 гг. выдвинули на первый планъ средніе классы населенія въ ущербъ боярству и казачеству; избранный въ сущности средними классами царь Михаилъ долженъ былъ и опираться на нихъ, а ихъ представителями являются земскіе соборы XVII вѣка. Въ политикѣ царя Михаила мы тщетно стали бы искать тенденцій

въ пользу бояръ, казачества, крестьянства и холопства; онъ былъ царемъ среднихъ классовъ. Конечно, такое положеніе дѣлъ не могло быть пріятнымъ боярамъ и высшему духовенству, и вотъ при царѣ Алексѣѣ они начинаютъ вести агитацію противъ среднихъ классовъ и земскихъ соборовъ; достигнуть успѣха имъ было тѣмъ легче, что къ этому времени на Московской Руси создались элементы для составленія бюрократіи, элементы болѣе подвижные, а слѣдовательно, и болѣе удобные, чѣмъ земскіе соборы. Вотъ это-то и было, по мнѣнію референта, причиной, почему въ половинѣ XVII столѣтія земскіе соборы прекратились, замѣнившись односословными комиссіями экспертовъ; а, разъ упраздненные земскіе соборы не могли вновь возродиться, несмотря на то, что односословныя комиссіи неоднократно указывали правительству, что онѣ не считаютъ себя компетентными для разрѣшенія предложенныхъ вопросовъ, то и слѣдовало бы созвать представителей «со всей земли». Въ числѣ враговъ земскаго собора среди высшаго духовенства слѣдуетъ поставить на первомъ мѣстѣ патріарха Никона, и весьма возможно, что его вліянію на царя надо приписывать тотъ фактъ, что послѣдній земскій соборъ былъ въ 1653 г., то-есть черезъ годъ послѣ избранія Никона патріархомъ, а первая односословная комиссія была собрана только въ 1663 году, то-есть уже послѣ паденія Никона.

Преобразованіе археологическаго института. Археологическій институтъ доселѣ существовалъ на правахъ частнаго учебнаго заведенія. Правительство отпускало на содержаніе его профессоровъ, директора и канцеляріи всего лишь 6.000 рублей, въ качествѣ ежегодной субсидіи. При столь скудныхъ средствахъ, существованіе его было незавидно; лишь самоотверженная дѣятельность нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ, почти безвозмездно несшихъ въ институтѣ трудъ чтенія лекцій, не давала угаснуть этому единственному въ Россіи учрежденію, имѣющему цѣль изученіе археологіи, вообще, и русской старины, въ частности. Археологическій институтъ дѣлалъ неоднократныя представленія о зачисленіи его въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія. Надняхъ окончательно рѣшено преобразовать археологическій институтъ въ правительственное учебное заведеніе, подчинивъ его вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. На содержаніе института будетъ ассигновано 18.000 рублей въ годъ (директору института жалованья въ размѣрѣ 3.000 р., профессорамъ по 1.500 рублей, а преподавателямъ по 900 р.). Профессора, читающіе лекціи въ институтѣ, получаютъ званіе и права профессоровъ другихъ учебныхъ заведеній; изъ нихъ имѣющіе докторскую степень именуются ординарными, магистры — экстра-ординарными, а лица съ кандидатскимъ дипломомъ — преподавателями. Служащимъ при институтѣ за 25-лѣтнюю службу назначается пенсія. Въ число слушателей института съ правами студентовъ будутъ приниматься лишь лица, получившія образованіе въ высшемъ учебномъ заведеніи. Въ нынѣшнемъ году, какъ мы слышали, институтъ назначаетъ въ ученую командировку преподавателя архивовѣдѣнія А. Н. Горнаго въ École de Charles (въ Парижѣ) для изученія постановки науки объ архивахъ. Въ нынѣшнемъ году дѣятельность института достигла небывалаго доселѣ оживленія: число учащихся возросло до 100 человѣкъ.

Воронежскій губернскій музей. Въ Воронежскомъ губернскомъ музеѣ въ началѣ апрѣля была открыта выставка гравюръ религіознаго содержанія, древнихъ иконъ, складней, крестовъ и т. п. предметовъ. Кромѣ музея, въ выставкѣ этой приняли участіе мѣстные любители старины М. П. Паренаго, П. Г. Бѣляевъ, Н. А. Каленовъ и др. Г. Паренаго выставилъ коллекцію гравюръ XV—XVIII вѣковъ лучшихъ художниковъ (А. Дюрера, Л. Кранаха, II. Рембрандта и др.) школъ итальянской, фламандской, голландской, нѣмецкой, англійской, французской, испанской и русской (до 200 нумеровъ). Цѣнная и весьма разнообразная коллекція гравюръ М. П. Паренаго была въ свое время удостоена высочайшаго вниманія въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра III. Въ ряду выставленныхъ иконъ находились образцы иконнаго письма — новгородскаго, московскаго, строгановскаго, фряжскаго, а также иконы второй половины прошлаго и начала текущаго столѣтій. Суздальское иконное письмо было представлено въ иконахъ палехскихъ и холуйскихъ. Такимъ образомъ, Воронежская выставка, съ одной стороны, знакомила посѣтителей съ разработкой священныхъ сюжетовъ въ гравюрѣ на западѣ отъ древнѣйшихъ временъ и до текущаго столѣтія, а съ другой—представляла въ иконахъ цѣлую исторію русской иконописи за то же время. Если гравюры останавливаютъ на себѣ вниманіе художественнымъ исполненіемъ, красотою и пластичностью представленныхъ формъ, вѣрностью дѣйствительности, то иконы гораздо болѣе гравюръ удовлетворяютъ религіозному чувству, полнѣе ихъ отражая въ себѣ идею божественнаго и святого. Входъ на выставку, какъ и всегда въ музеѣ, былъ безплатный. Въ день открытія выставки музей посѣтило около 300 человѣкъ, между ними нѣсколько раскольниковъ, подолгу стоявшихъ предъ древними иконами. Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ дни священнаго коронованія ихъ императорскихъ величествъ, въ музеѣ устроена была выставка предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ коронаціи русскихъ государей, а 6-го ноября, въ виду исполнившагося тогда столѣтія со дня кончины императрицы Екатерины II, выставлены были памятники славной екатерининской эпохи — рескрипты, письма, бархатныя книги и другіе документы, монеты, медали, гравюры, изданія.

Присужденіе преміи Г. Ѳ. Карпова. 24-го апрѣля, состоялось чрезвычайное засѣданіе общества исторіи и древностей россійскихъ для объявленія о результатахъ V-го соисканія преміи Г. Ѳ. Карпова. Согласно рѣшенію комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Д. И. Иловайскаго, изъ числа представленныхъ на конкурсъ сочиненій удостоены преміи два: М. И. Линеева—«Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ въ XVII и XVIII в.» и А. Н. Филиппова—«Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета». Профессору Кіевской духовной академіи Голубеву присуждена за рецензію сочиненія г. Линеева золотая медаль.

Конкурсъ на премію Петра Великаго. Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія опубликовалъ слѣдующее сообщеніе о конкурсѣ на премію императора Петра Великаго за книгу для народнаго чтенія на тему «Исторія Россіи для народа». Соисканіе преміи императора Петра Великаго за книгу для народнаго чтенія на тему «Исторія Россіи для народа», назна-

ченное на текущій 1897 годъ, въ виду непредставленія въ ученый комитетъ къ установленному сроку (1-го ноября 1896 года) ни одного сочиненія по означенному предмету, продолжается, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія до 1899 года, съ тѣмъ, чтобы конкурсныя сочиненія были представлены въ ученый комитетъ не позже 1-го ноября 1898 года. Требованія, которымъ должны удовлетворять означенныя сочиненія, подробно изложены въ іюльской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1896 годъ.

Полное собраніе сочиненій К. Д. Кавелина. Имя К. Д. Кавелина пользуется громкою извѣстностью въ русской наукѣ и обществѣ не только по его литературнымъ заслугамъ, но и по его высокимъ нравственнымъ качествамъ. Обладая большимъ умомъ, обширными знаніями, талантливый и живой, Кавелинъ не могъ сосредоточиться на одной какой либо спеціальности. Его научно-литературная дѣятельность обнимаетъ рядъ различныхъ отраслей знанія; онъ былъ историкомъ, этнографомъ, юристомъ, политикомъ, философомъ. Имъ написано множество разнообразныхъ изслѣдованій и статей, разбросанныхъ по разнымъ журналамъ; только совокупность ихъ дастъ возможность вполнѣ ясно опредѣлить всю широту мысли Кавелина, его философскіе взгляды, тонкость анализа, способность обобщеній и замѣчательную жизненность и реальность выводовъ. Поэтому мы привѣтствуемъ предпринятое изданіе его сочиненій, которое будетъ состоять изъ четырехъ томовъ. Въ первый томъ войдутъ статьи по русской исторіи; во второй—публицистика; въ третій—наука и философія и въ четвертый—этнографія и правовѣдѣніе. Подписка на изданіе, стоимость котораго опредѣлена въ семь рублей, принимается въ книжномъ складѣ Стасюлевича.

Юбилей А. П. Пятковскаго. Въ текущемъ году исполнилось 25 лѣтъ со времени назначенія нынѣшняго редактора-издателя журнала «Наблюдатель», А. П. Пятковскаго, директоромъ С.-Петербургскаго тюремнаго комитета. Этотъ юбилей почтеннаго общественнаго дѣятеля совпадаетъ съ журнальнымъ, 15-ти-лѣтнимъ, юбилеемъ руководимаго имъ научно-литературно-политическаго изданія, почему мы тѣмъ охотнѣе считаемъ нужнымъ ознакомить читателей съ энергичной дѣятельностью г. Пятковскаго на двухъ общественныхъ поприщахъ. А. П. Пятковскій родился въ Тамбовѣ и воспитывался въ мѣстной гимназіи; по окончаніи здѣсь курса, онъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ и выдѣлился среди товарищей, какъ даровитый юноша съ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ. Въ тогдашнемъ студенческомъ сборникѣ имъ была напечатана статья «О жизни и сочиненіяхъ Д. В. Веневитинова»; вслѣдъ затѣмъ онъ помѣщаетъ рядъ статей въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», а также въ «Библіотекѣ для Чтенія», гдѣ очень удачно коснулся нѣкоторыхъ сторонъ тогдашней студенческой жизни. Эти журнальныя работы обратили на г. Пятковскаго вниманіе тогдашнихъ представителей нашей литературы, такъ что князь В. Ѳ. Одоевскій, взявшій его подъ свое особенное покровительство, рѣшился даже, когда Пятковскій окончилъ курсъ кандидатомъ юридическаго факультета, рекомендовать его великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, какъ педагога, не увлекающагося «судоговореніемъ» и

не желающаго вступать на службу по судебному вѣдомству. Педагогическое поприще не оторвало г. Пятковскаго отъ литературы, и во все теченіе шестидесятыхъ годовъ мы видимъ на страницахъ газетъ и журналовъ рядъ его статей, создающихъ ему на журнальномъ поприщѣ прочное реноме полезнаго труженика русскаго слова. Дѣятельность его, какъ писателя, сосредоточилась въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», «Современномъ Словѣ», «Сѣверной Пчелѣ», «Новомъ Времени» (ред. Устрялова), «Недѣлѣ» и въ сатирическихъ журналахъ: «Искрѣ», «Гудкѣ», «Будильникѣ». Наиболѣе капитальныя его работы (по исторіи журналистики) были напечатаны въ «Современникѣ», а также въ «Дѣлѣ», а съ 1868 года, по переходѣ «Отечественныхъ Записокъ» къ Некрасову, г. Пятковскій принялъ постоянное участіе здѣсь въ отдѣлѣ критики и библіографіи. Въ семидесятыхъ годахъ онъ помѣщаетъ рядъ цѣнныхъ статей въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Старинѣ» по исторіи воспитательнаго дома, какъ равно принимаетъ участіе въ фельетонахъ тогдашняго «Дѣла» подъ псевдонимомъ «Мизантроповъ». Въ 1876 г. имъ изданъ обширный сборникъ (2 т.), составленный изъ печатавшихся прежде работъ, изъ коихъ наибольшую цѣну имѣютъ «Очерки по исторіи журналистики», монографія о Фонвизинѣ, а также нѣкоторые очерки по педагогическимъ и общественнымъ вопросамъ. Съ 1878 года г. Пятковскій сдѣлался редакторомъ-издателемъ журнала «Народная школа» (вмѣстѣ съ В. А. Евтушевскимъ), а съ 1882 г. начинаетъ издавать журналъ «Наблюдатель«, который въ текущемъ году переходитъ уже 16-ти-лѣтнюю годовщину своего существованія. Здѣсь нѣтъ мѣста и времени останавливаться на обрисовкѣ развитія идей этого журнала: любопытствующихъ отсылаемъ къ статьѣ «Пятнадцатилѣтіе журнала «Наблюдатель», напечатанной въ апрѣльскомъ нумерѣ этого журнала, гдѣ редакція, обстоятельно обрисовавъ исторію и прошлое своего литературно-общественнаго знамени, даетъ достаточное пониманіе о тѣхъ путяхъ, коимъ она и впредь будетъ слѣдовать. Наибольшаго вниманія по оригинальности постановки вопроса заслуживаетъ здѣсь часть, которая относится къ такъ называемому еврейскому вопросу, составляющему, какъ извѣстно, предметъ непрестанныхъ и подчасъ очень строгихъ сужденій самого почтеннаго редактора «Наблюдателя» и являющемуся пунктомъ принципіальнаго несогласія редакціи этого журнала съ остальной прогрессивной нашей журналистикой. Для окончательнаго уясненія себѣ значенія понесенныхъ «Наблюдателемъ» трудовъ на пользу обработки отечественныхъ общественныхъ вопросовъ надлежитъ также ознакомиться съ «Указателемъ статей», напечатанныхъ въ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (1882—1894 гг.), изданнымъ г. Пятковскимъ въ 1895 г.

Рядомъ съ такой плодотворной издательско-публицистической дѣятельностью, совпадающею съ 15-ти-лѣтіемъ «Наблюдателя», высоко стоитъ по своему значенію и общественная дѣятельность г. Пятковскаго, какъ директора С.-Петербургскаго тюремнаго комитета. Посвятивъ себя, по окончаніи курса наукъ въ университетѣ, педагогической дѣятельности, онъ составилъ себѣ въ этой области почетную и вполнѣ заслуженную извѣстность. По оставленіи службы въ Маріинскомъ институтѣ, г. Пятковскій былъ переведенъ въ государственную канцелярію, гдѣ, по порученію бывшаго государственнаго секре-

таря Д. М. Сольскаго, занимался сначала разборомъ и описью дѣлъ въ архивѣ государственнаго совѣта, причемъ описалъ болѣе 5,000 листовъ и разобралъ всѣ бумаги Потемкина по управленію Новороссійскимъ краемъ; затѣмъ онъ служилъ по департаменту государственной экономіи, не получая въ теченіе семи лѣтъ никакого содержанія. Оставляя государственный совѣтъ въ 1881 г. вслѣдствіе разрѣшенія издавать «Наблюдатель», г. Пятковскій былъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Но если пятнадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ прекратилась государственная служба этого энергичнаго дѣятеля, то общественная его служба въ тюремномъ вѣдомствѣ плодотворно течетъ и понынѣ. Продолжительная дѣятельность г. Пятковскаго въ комитетѣ и въ высочайше учрежденномъ попечительствѣ надъ арестантами с.-петербургской исправительной тюрьмы началась съ 5-го апрѣля 1872 г. (съ преобразованіемъ попечительнаго о тюрьмахъ общества онъ переименованъ въ «дѣйствительные члены»); дѣятельность эта проникнута гуманнымъ отношеніемъ къ преступникамъ и еще болѣе—заботой о судьбѣ заброшенныхъ дѣтей арестантовъ. Озабочиваясь положеніемъ арестантовъ во время ихъ заключенія, высочайше учрежденное попечительство надъ исправительною тюрьмой стремилось образовать еще патронатство для облегченія участи выпущенныхъ изъ тюрьмы. Очень важной была дѣятельность А. П. Пятковскаго по устройству дѣтей арестантовъ. Благодаря его энергичному содѣйствію дышавшій на ладонъ пріютъ арестантскихъ дѣтей не былъ закрытъ, причемъ А. П. составилъ для него новый уставъ, исходатайствовалъ субсидію отъ города, словомъ, поставилъ дѣло такъ, что за 15 лѣтъ попечительства его надъ пріютомъ, всѣхъ денежныхъ пожертвованій на него поступило около 50,000 рублей. Таковъ вкратцѣ обзоръ плодотворной дѣятельности почтеннаго юбиляра на этомъ гуманномъ поприщѣ.

Такимъ образомъ, г. Пятковскій на всѣхъ жизненныхъ поприщахъ явилъ собою тотъ рѣдкій у насъ типъ энергичнаго и трудолюбиваго работника, который не жалѣетъ своихъ силъ на пользу общественную, служа своему отечеству и въ сферѣ разработки теоретическихъ вопросовъ, и въ направленіи практическаго осуществленія гуманныхъ принциповъ жизни. Можно, поэтому, отъ всей души пожелать ему силъ на много лѣтъ, въ полной увѣренности, что и дальнѣйшая его общественная дѣятельность дастъ тѣ же видимые результаты, какъ это было и донынѣ.

Касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 9-го мая, состоялось годовое общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Изъ отчета о дѣятельности кассы въ истекшемъ году, прочитаннаго предсѣдателемъ правленія Г. К. Градовскимъ, видно, что дѣла кассы находятся въ блестящемъ состояніи. Къ 1-му января 1897 г. капиталы кассы возросли уже до 18,300 р., противъ 5,555 р. въ прошломъ году (на 43½ проц.); особенно возросъ пенсіонный капиталъ, составляющій уже около 11,300 р. Приходу въ истекшемъ году было 7,504 р. (въ томъ числѣ обязательныхъ взносовъ 1,275 р., вступительныхъ — 939 р., сборы съ концертовъ, спектаклей и т. п. — 3,135 р., пожертвованій 543 р. и т. д.), израсходовано же 1,940 р. Въ минувшемъ году была произведена только одна выдача семьѣ умершаго В. О. Португалова, состоявшаго членомъ кассы по 10-рублевому разряду.

Новыя отдѣленія кассы возникаютъ въ Одессѣ, Харьковѣ и Казани.

Число членовъ кассы возросло съ 403 до 470; по разрядамъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ: по 50-рублевому—3 (на 1-е января 1896 г. было 2), по 25 р.—4 (4), по 20 р. 3 (3), по 15 р.—5 (4), по 10 р.—54 (52), по 5 р.—116 (94), по 3 р.—151 (122), по рублевому—134 (122). Въ настоящее время сумма выдачъ по каждому разряду также значительно возросла по сравненію съ прошлымъ годомъ: по 50 р. надлежитъ теперь выдать въ случаѣ смерти или инвалидности 2,042 р. (въ 1886 г. 1,748 р.), по 25 р.—1,992 р. (1,723 р.), по 20 р.—1,962 р. (1,698 р.), по 15 р.—1,917 р. (1,658 р.), по 10 р.—1,847 р. (1,598 р.), по 5 р.—1,507 р. (1,278 р.), по 3 р.—1,139 р. (962 р.), по рублевому—469 р. (402 р.).

Ревизіонная комиссія въ своемъ докладѣ, который былъ прочитанъ предсѣдателемъ комиссіи, М. Л. Песковскимъ, указала на полезную дѣятельность правленія и, въ особенности, на труды предсѣдателя правленія, Г. К. Градовскаго, которому собраніе устроило шумную овацію. Затѣмъ было приступлено къ выборамъ трехъ членовъ правленія, взамѣнъ выбывшихъ по очереди гг. Градовскаго, Шубинскаго и Скабичевскаго; изъ нихъ правленіе предлагало, согласно § 31 устава, переизбрать г. Градовскаго. Собраніе единодушными аплодисментами предлагало избрать Г. К. Градовскаго par acclamation; послѣдній въ немногихъ словахъ благодарилъ за довѣріе, которое ему тѣмъ болѣе дорого, что онъ вкладываетъ всю свою душу въ это дѣло, но отъ такого способа избранія отказался. Приступили къ баллотировкѣ записками, причемъ оказались избранными Г. К. Градовскій (единогласно), гг. Баранцевичъ и Сементковскій; кандидатами къ нимъ избраны гг. Пильцъ и Слонимскій.

Московскій Румянцевскій музей въ 1896 году. Въ истекшемъ году библіотеку музея постигла крупная утрата; пожаромъ, происшедшимъ съ 10 на 11 августа, истреблено и попорчено около 3,000 книгъ и брошюръ, помѣщавшихся въ такъ называемой Панинской залѣ. Особенно пострадалъ отдѣлъ Rossica, въ которомъ жертвою огня сдѣлались многія весьма рѣдкія изданія. Противовѣсомъ этой крупной потери являются два крупныхъ пожертвованія: директоромъ музея, М. А. Веневитиновымъ, принесена въ даръ обширная и превосходно подобранная библіотека покойнаго профессора Н. А. Попова, пріобрѣтенная имъ у вдовы послѣдняго. Библіотека эта, заключающая въ себѣ около 3,000 книгъ и брошюръ по исторіи, этнографіи и литературѣ славянскихъ народовъ, пополнитъ собою одинъ изъ пробѣловъ библіотеки музея—славянскій. А. Д. Гамбургеръ пожертвовалъ 2.160 томовъ, самаго разнообразнаго содержанія, на половину русскихъ и на половину иностранныхъ. Отдѣленіе рукописей пополнилось богатымъ собраніемъ рукописей Гоголя и Островскаго, такъ что теперь музей является хранителемъ большой части рукописей этихъ писателей. Коллекція автографовъ музея обогатилась поступленіемъ собранія 148 русскихъ и иностранныхъ автографовъ, писанныхъ 93 лицами. Отдѣленія изящныхъ искусствъ и древностей также пополнились разными приращеніями. Посѣтителей, обозрѣвавшихъ музей въ 1896 году, было 8,472 платныхъ и 32,600 безплатныхъ. На содержаніе музея израсходовано 41,295 рублей. Неприкосновенный капиталъ музея состоитъ изъ 109,100 рублей.

Союзъ взаимопомощи русскихъ писателей. Со времени своего открытія, 24 января настоящаго года, союзъ имѣлъ пять общихъ собраній. На первыхъ двухъ, учредительскихъ, произведены выборы въ члены комитета, суда чести и ревизіонной комиссіи, всего въ числѣ 32 человѣкъ. На послѣдующихъ трехъ собраніяхъ было разсмотрѣно семь докладовъ, представленныхъ комитетомъ, и произведены выборы 15 членовъ юридической комиссіи и 109 новыхъ членовъ союза, общее число которыхъ, вмѣстѣ съ учредителями, нынѣ составляетъ 250 человѣкъ; изъ нихъ иногородныхъ—48. Комитетъ союза имѣлъ 14 засѣданій, посвященныхъ, независимо отъ разрѣшенія текущихъ распорядительныхъ и хозяйственныхъ дѣлъ, разсмотрѣнію заявленій 130-ти кандидатовъ въ члены союза и предварительной ихъ баллотировкѣ, разработкѣ положеній о юридической комиссіи, бюро справокъ и врачебной помощи при союзѣ и составленію инструкцій ревизіонной комиссіи и филіальнымъ отдѣленіямъ, временной смѣты и правилъ для библіотеки. Судъ чести имѣлъ шесть засѣданій. По одному дѣлу состоявшееся постановленіе уже опубликовано. Другое дѣло находится въ производствѣ. Юридическая комиссія имѣла два засѣданія совмѣстно съ комитетомъ, въ которыхъ выработала программу своихъ занятій и избрала двѣ подкомиссіи по спеціальнымъ вопросамъ. Бюро справокъ открыло свои дѣйствія и приступаетъ къ еженедѣльному опубликованію поступающихъ къ нему запросовъ и предложеній литературнаго труда.

† **В. И. Миропольскій.** 17-го апрѣля, послѣ тяжкой продолжительной болѣзни, скончался въ Варшавѣ Всеволодъ Иринеевичъ Миропольскій, состоявшій фабричнымъ инспекторомъ. Получивъ академическое образованіе, покойный нѣкоторое время служилъ при Московской военной гимназіи, въ эпоху преобразованій гр. Милютина, воспитателемъ. Покинувъ службу, онъ былъ помощникомъ редактора журнала «Русская Мысль», когда этимъ журналомъ руководилъ С. А. Юрьевъ. Съ выходомъ изъ редакціи послѣдняго, покинулъ ее и В. И., который отправился за границу, гдѣ прожилъ лѣтъ 12: два года въ Западной Европѣ и 10 лѣтъ въ Америкѣ. Изъ Америки онъ писалъ корреспонденціи и очерки тамошней жизни, которые печатались въ «Вѣстникѣ Европы». По возвращеніи въ Россію покойный сотрудничалъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и составилъ «Учебникъ русской грамматики», выдержавшій восемь изданій. Занявъ должность фабричнаго инспектора, онъ особенно заботился объ улучшеніи школъ при фабрикахъ и заводахъ, о здоровьѣ и гигіеническихъ условіяхъ жизни рабочихъ. Въ то же время, вмѣстѣ съ докторомъ Сабининымъ, живя въ Воронежѣ, онъ издавалъ журналъ «Медицинская Бесѣда». Покойный имѣлъ дипломъ доктора-медицины отъ нью-іоркскаго университета; но медицина не была его професіей,—по воззрѣніямъ своимъ онъ былъ гигіенистъ. Участвуя въ разныхъ ученыхъ обществахъ и съѣздахъ, онъ составлялъ доклады по вопросамъ преимущественно быта рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Труды его разсѣяны въ разныхъ спеціальныхъ изданіяхъ. Умеръ онъ 57 лѣтъ отъ болѣзни сердца.

† **И. К. Макаровъ.** 9-го апрѣля, скончался извѣстный портретистъ, академикъ живописи, Иванъ Кузьмичъ Макаровъ. Покойный родился въ Арзамасѣ 23-го марта 1822 года. Отецъ его, учившійся въ арзамасской художе-

ственной школѣ Ступина, былъ учителемъ рисованія въ Саранскомъ уѣздномъ училищѣ (Пензенской губеніи) и потомъ самъ имѣлъ школу рисованія сперва въ Саранскѣ, потомъ въ Пензѣ. И. К. учился подъ руководствомъ отца. За его рисунки, эскизы и этюды, присланные въ академію художествъ, послѣдняя дала ему званіе свободнаго художника и въ 1843 году пріобрѣла его картину «Двѣ мордовки Рязанской губ.», находящуюся въ настоящее время въ академическомъ музеѣ. Въ 1845 году покойный поступилъ въ академію, учился у А. Т. Маркова, получилъ вскорѣ двѣ серебряныя медали за портретъ и картину «Дѣвушки на гуляньѣ въ русскомъ костюмѣ», затѣмъ былъ посланъ на средства общества поощренія художествъ и великой княгини Маріи Николаевны за границу. Около двухъ лѣтъ И. К. прожилъ въ Римѣ. Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ имя его пріобрѣтаетъ извѣстность, какъ одного изъ лучшихъ портретистовъ. Его портретныя работы отличались граціозностью, точностью и смѣлостью кисти. Въ этотъ періодъ имъ нарисованы портреты покойной императрицы Маріи Александровны и ея августѣйшихъ дѣтей: покойнаго императора Александра III, цесаревича Николая Александровича и нынѣ здравствующихъ великихъ князей Владиміра Александровича и Алексѣя Александровича. Въ 70-хъ годахъ онъ руководилъ занятіями по живописи ея величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, бывшей тогда цесаревной; позднѣе исполнилъ портреты государя императора Николая Александровича, наслѣдника цесаревича Георгія Александровича, великой княгини Ксеніи Александровны и великаго князя Михаила Александровича. Портреты эти находятся въ настоящее время въ Гатчинскомъ и петербургскихъ дворцахъ. Нѣсколько головокъ его работы были пріобрѣтены братьями Третьяковыми для ихъ галереи. Покойный написалъ не мало иконъ по частнымъ заказамъ. По приглашенію своего бывшаго учителя Маркова онъ работалъ въ московскомъ храмѣ Христа Спасителя надъ исполненіемъ плафона въ куполѣ по извѣстной композиціи Маркова «Тріѵпостасный Богъ». Имъ написаны, между прочимъ, нѣсколько образовъ для пензенскаго и иркутскаго соборовъ, для церкви училища Правовѣдѣнія и зала Пажескаго корпуса. Наиболѣе извѣстнымъ произведеніемъ покойнаго по религіозной живописи считается «Нерукотворенный образъ Спасителя», бывшій на выставкѣ въ Соляномъ Городкѣ и обратившій на себя вниманіе публики. Послѣдней его работой былъ образъ «Спасителя, благословляющаго дѣтей», пожертвованный имъ первому кадетскому корпусу въ память покойнаго императора Александра III.

† **М. М. Арнольдъ.** 29-го апрѣля въ Одессѣ покончилъ жизнь самоубійствомъ бывшій редакторъ «Одесскаго Вѣстника» Максимиліанъ Максиміліановичъ Арнольдъ. Покойный вслѣдствіе переутомленія и нравственныхъ потрясеній часто подвергался нервнымъ припадкамъ и страдалъ меланхоліею. Бросивъ газетную работу, М. М. Арнольдъ поступилъ на службу къ главному инженеру новороссійскихъ коммерческихъ портовъ. Въ послѣднее время болѣзнь его усилилась, такъ что его пришлось отправить въ лѣчебницу для душевнобольныхъ д-ра Штейнфинкеля. Пробывъ тамъ около 6 недѣль, М. М. Арнольдъ почувствовалъ себя настолько хорошо, что упросилъ своихъ родныхъ взять его домой, гдѣ, по недостатку надзора, и наложилъ на себя руки.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ біографіи Л. И. Мечникова.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за настоящій годъ въ предисловіи Г. Н. Викторова къ статьѣ: «М. А. Бакунинъ въ Италіи, въ 1864 году» (изъ воспоминаній Л. И. Мечникова), сказано: «Шестнадцати лѣтъ онъ (Мечниковъ) убѣжалъ изъ отцовскаго дома въ Крымъ, чтобы принять участіе въ защитѣ Севастополя». Это не вѣрно. Было это раньше крымской войны, именно въ 1853 г. Левъ Ильичъ Мечниковъ былъ тогда вмѣстѣ со мной въ 4-мъ классѣ 2-ой харьковской гимназіи. Онъ былъ пылкимъ, восторженнымъ юношей, лѣтъ 15-ти. Подъ вліяніемъ семейнаго преданія о происхожденіи отъ молдаванскаго господаря, онъ возымѣлъ фантазію пробраться въ Молдавію и предъявить свои права на господарство. Въ одно прекрасное утро онъ вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ П—скимъ (тоже гимназистомъ) исчезли изъ Харькова. И семейство и гимназическое начальство переполошились: посланы были погони по разнымъ направленіямъ, и на полтавской почтовой дорогѣ, не особенно далеко отъ Харькова, бѣглецовъ настигли и благополучно водворили въ семью и въ гимназію.

Помню я еще слѣдующій эпизодъ изъ нашего гимназическаго времени, характеризующій пылкаго юношу Льва Мечникова. У одного изъ нашихъ педагоговъ была хорошенькая дочь, лѣтъ 15-ти,— ея два брата были нашими товарищами по классу. Мечниковъ и нѣсколько другихъ гимназистовъ бывали въ домѣ этого педагога на вечеринкахъ; всѣ мы болѣе или менѣе были влюблены въ красивую барышню. Разъ во время большой перемѣны, товарищъ нашъ Янц—вичъ подтрунилъ надъ М., намекая на его ухаживаніе за барышней; это взорвало М., онъ отозвалъ Янц—вича въ сторону и горячо съ нимъ объяснился. На другой день (праздничный) явились ко мнѣ Мечниковъ, Янц—вичъ и еще третій нашъ товарищъ Б—овъ. Мы заперлись въ моей комнатѣ, точно заговорщики. Дѣло было въ слѣдующемъ. Мечниковъ просилъ меня быть его секундантомъ, объяснивъ, что онъ вызвалъ Янц—вича на дуэль, и что у послѣдняго секундантомъ будетъ Б—овъ. Всѣ они просили меня дать имъ мои пистолеты,—у меня, какъ у завзятаго охотника, была цѣлая коллекція оружія, нашлись и два пистолета, небольшіе и разной величины,—которые просили и зарядить немедленно, такъ какъ дуэль предполагалась не позже 3-хъ часовъ по полудни, въ университетскомъ саду, на окраинѣ города, въ часъ, когда тамъ почти не бываетъ публики. Я на все это согласился, такъ какъ находилъ неблаговиднымъ отказаться, и приступилъ къ зарядкѣнію пистолетовъ. Пуль не оказалось,—пришлось зарядить крупной заячьей дробью, дробинъ по 6—7 на зарядъ. Отправились мы на мѣсто поединка въ часть сада, называемую «Швейцаріей», гдѣ дѣйствительно рѣдко попадались тогда гуляющіе. Поединокъ окончился довольно счастливо: Мечниковъ далъ промахъ, а выстрѣлъ

Янц—вича одною дробиною задѣлъ правую руку, выше локтя, Мечникова: дробина причинила ссадину, при чемъ, однако, показалась кровь. Сдѣлали перевязку носовымъ платкомъ. Соперники помирились, и мы разъѣхались по домамъ. На другой день Л. М. пришелъ въ классъ съ подвязанною рукой и на вопросъ начальства объяснилъ, что ушибъ руку при паденіи. Это показалось вполнѣ правдоподобнымъ, такъ какъ Л. М. страдалъ большимъ физическимъ недостаткомъ: правая его нога была значительно короче лѣвой, и онъ сильно хромалъ, что, однако, не мѣшало ему ѣздить верхомъ. (См. Записки гарибальдійца, соч. Леона Бранди (псевдонимъ Мечникова) въ «Современникѣ» 60-хъ годовъ).

Н. Масловичъ.

This book is a preservation photocopy.
It was produced on Hammermill Laser Print natural white,
a 60 # book weight acid-free archival paper
which meets the requirements of
ANSI/NISO Z39.48-1992 (permanence of paper)

Preservation photocopying and binding
by
Acme Bookbinding
Charlestown, Massachusetts

1995

